РЕСПУБЛИКАНСКАЯ КОМИССИЯ ПО ВОПРОСАМ
ИСТОРИИ ЧЕЧЕНСКОГО НАРОДА

Комплексный научно-исследовательский
институт им. Х. И. Ибрагимова РАН

ЧЕЧНЯ И ЧЕЧЕНЦЫ В НАРРАТИВНЫХ ИСТОЧНИКАХ ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XIX ВЕКА

Выявление, составление, введение, комментарии
Я.З. Ахмадова

УДК 930.2; 93/94 (093)
ББК 63.3(29Рос.Чеч); 63.3(2)46
А95

Печатается по решению Ученого совета Комплексного научно-исследовательского института им. Х.И. Ибрагимова РАН

Рецензенты: Ш.А. Гапуров, д-р истор. наук, проф-р, академик АН ЧР;
В.Х. Акаев, д-р филос. наук, проф-р, академик АН ЧР.

Ответственный редактор А.Д. Осмаев, д-р истор. наук, доцент, член-корр. АН ЧР

А95 **Чечня и чеченцы в нарративных источниках первой половины XIX века. Сборник материалов** / Сост., введ. и комм. Я.З. Ахмадова/ Отв. редактор А.Д. Осмаев. – Грозный, 2023. – 696 с.

В публикуемом собрании нарративных (описательных) трудов о Чечне и чеченцах приведены работы (полностью и в извлечениях) русских и европейских авторов – ученых, офицеров и путешественников первой половины XIX в. в той или иной мере касавшихся вопросов географии, истории и этнографии чеченского народа. Публикации отдельных авторов дополнены архивными данными, не вошедшими в открытый доступ.

Книга рассчитана на всех, кто интересуется историей России, Кавказа и Чечни.

ISBN 978-5-6051248-1-8

©Комплексный научно-исследовательский институт им. Х.И. Ибрагимова РАН, 2023
©Ахмадов Я.З., 2023
© Типография СПЕКТР (ИП Иноркаев Ваха Абу-Рашидович)

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК

КОМПЛЕКСНЫЙ НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ИНСТИТУТ ИМ. Х.И. ИБРАГИМОВА

ЧЕЧНЯ И ЧЕЧЕНЦЫ В НАРРАТИВНЫХ ИСТОЧНИКАХ ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XIX ВЕКА

Сборник материалов

Составление, введение и комментарии Я.З. Ахмадова

Грозный– 2023

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ……. 5

МАТЕРИАЛЫ…… 9

Клапрот Ю.Г. Путешествия по Кавказу в 1807 и 1808 годах……... 10

Дельпоццо И.П. Записка о Большой и Малой Кабарде [1808] ……. 80

Буцковский А.М. Военно-топографическое и статистическое описание Кавказской губернии... [1812] ……..……..……. 89

Джонсон Д. Путешествие из Индии в Англию через Персию, Грузию, Россию, Польшу и Пруссию... [1817] ……..……..... 111

Кер-Портер Р. Путешествия по Грузии, Персии, Армении... [1817-1820] …. 123

Гендерсон Э. Библейские разыскания и странствия по России... Включая и переход через Кавказ... [1821] ……..……..……... 131

Сахно-Устимович П.М. Описание Чеченского похода 1826 г. …… 142

Розен Р.Ф. Описание Чечни и Дагестана. 1830 г. ……..... 185

Норденстам И.И. Краткое военно-статистическое описание Чечни [1834]... 197

Б/а. Родословный список князьям, узденям и старшинам...[1834] ……. 229

Пулло А.П. Докладная записка о положении дел на Левом фланге Кавказской линии и о мерах по покорению Чечни [1840] ……..... 289

Юров А. 1840, 1841 и 1842 –й год на Кавказе [1841] ……..... 308

Ольшевский М.Я. Кавказ с 1841 по 1866 год [1841-1846] ……..... 331

[Шидловский *Ю.*]. Записки о Кизляре [1843] ……..……. 376

Павлюк К.М. История 51-го Литовского Е.И.В. Наследника цесаревича полка... [1844] ……..……..……..…… 398

Зиссерман А.Л. Двадцать пять лет на Кавказе (1842-1867) [1845-1848] …… 403

Б/а. Из походных записок. Кавказ [1845-1853]. ……..... 443

К. Обзор событий на Кавказе в 1846 г.; Левый фланг Кавказской линии в 1848 г. ……..……..……..... 453

Клингер И.А. Два с половиною года в плену у чеченцев. 1847-1850. …… 499

Беляев С. Дневник русскаго солдата, бывшего десять месяцев в плену учеченцев. [1848] ……..……..…… 536

[Де-*Саже Ф.Х.*] Покорение Галашек. Из истории Кавказской войны [1849] ……. 543
Иванов И. Чечня [1851]. ……..……..……..... 550

Самойлов К. Заметки о Чечне [1855]. ……..……..... 569

Дидимов К. Экспедиция в Аргунское ущелье... [1858]. ……..... 613

Аноев А.А. Воспоминания о боевой службе на Кавказе [1858-1859] ……. 652

[*Амилахвари И.Г.*] Из записок князя Амилахвари [1858-1861]. …… 673

ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКИЙ СЛОВАРЬ……..……..... 689

КАРТА (Фрагмент иллюстративной карты Кавказского края 1870 г. с местоположением Чечни и горских народов в 1800-1859 гг.) …….. 692

ВВЕДЕНИЕ

Чеченская историческая наука в последние десятилетия наращивая свои усилия, осваивая новые сложные темы показательно выходит на передовые научные рубежи. Практически нет ни одной проблемы в изучении прошлого Чечни, которая в той или иной степени не была бы затронута как сугубо в исследовательском, так и в историографическом и источниковедческом плане. Тем не менее лакуны, особенно в последней части имеются, что ставит на повестку дня необходимость дальнейшего выявления источников (как документальных, так и нарративных) по истории Чечни с последующим их научным изданием.

В таком плане важным представляется, к примеру, большой свод материалов выпущенный под эгидой Республиканской комиссии по вопросам истории чеченского народа и Архивного управления Правительства Чеченской Республики в 2019 г.[1] Или же многочисленные описательные материалы о Чечне главным образом XIX в., как опубликованные так и неопубликованные, выявленные и изданные (с разной степенью научного подхода) исследователем М.М. Мурдаловым; назовем в сноске некоторые из них[2].

Отдельно следует обозначить два весьма важных, академических в подлинном смысле этого слова, сборника посвященных трудам русских исследователей (главным образом второй половины XIX в.) в области истории, этнографии, фольклора и языкознания Чечни изданных в 2020 г.[3].

Следует отметить, что в исторической науке нарративные материалы (свидетельства-описания о событиях, народах и странах оставленных, как правило, современниками), по степени своей важности идут сразу за документальными источниками. Потому работа в этом направлении должна форсироваться, учитывая тем более, известное отставание Чечни на этом участке исторического источниковедения, давно освоенного нашими кавказскими соседями.

Работа по выявлению документов и описательных источников современников ведется, в частности, и автором настоящего издания в рамках плановых работ выполняемых в Институте гуманитарных исследований

---

[1]История чеченцев в письменных источниках. Сборник документов и материалов с древнейших времён до начала XX в. / Сост. Л.Д. Инуркаева, А.И. Духаев, М.Х. Ченчиева, А.Р. Орсаханов. -Нальчик: ООО «Печатный двор», 2019.

[2] Чеченцы: быт, культура, нравы, обычаи, религия. Кавказская война. XIX в. / Сост. М.М. Мурдалов – Грозный: Издательские решения, 2018;Материалы к истории народов Северного Кавказа. / Ред.-сост. М.М. Мурдалов. – Грозный: Грозный: Издательские решения, 2022.

[3] История Чечни в российских научных изданиях XIX — начала XX вв. / Сост., предисл., прим. А. И. Алиевой / Отв. ред. Я. З. Ахмадов. М.: Изд. Литера, 2020; Фольклор и этнография чеченцев в российских научных изданиях XIX – начала XX вв. Сборник материалов / Сост. А.И. Алиева, И.Б. Мунаев / Отв. ред. Я.З. Ахмадов. – М.: Изд. Литера, 2020.

Академии наук Чеченской Республики и в Отделе историко-филологических и социально-политических исследований Комплексного НИИ им. Х.И. Ибрагимова Российской академии наук (г. Грозный). Издан один крупный сборник документов (до 300 единиц) XVIII столетия по чечено-русским взаимоотношениям[4]. Подготовлен к печати и второй том «Чечено-русских взаимоотношений в XVIII веке», содержащий помимо документов большой раздел специально посвященный нарративным материалам полностью или частично относящихся к нашему краю в XVIII столетии.

В ходе выполнения в рамках КНИИ РАН (г. Грозный) научно-исследовательской работы в 2020-2022 гг. по теме: «Нарративные материалы по вопросам истории Чечни в XIX в.», нами был подготовлен к печати и настоящий сборник. Он содержит данные из описательных источников о Чечне и чеченцах относящихся к первой половине XIX в. Нами была проделана работа прежде всего, по выявлению и отбору материалов тех авторов, которые преимущественно являлись конкретными наблюдателями. Также были составлены справки по авторам, писались примечания и комментарии. Естественно, тексты «переводились» на современную орфографию, а при необходимости делался заново перевод некоторых данных,приводимых иностранными путешественниками.

В данном сборнике содержится до 26 материалов, из которых некоторые являются архивными источниками, но по жанру близкими не к официальным документам, а к аналитическим запискам или своеобразным обзорам. Авторы которых принадлежали в т.ч. к Генеральному штабу российской императорской армии (А. Буцковский, И. Норденстам, А. Юров) или к высшему офицерству (И. Дельпоцо, Р. Розен, А. Пулло).

В сборнике есть описания Чечни и чеченцев, составленные боевыми офицерами, скрывшими свои имена под инициалами, а также воспоминания русских пленников, переживших чеченский плен - от солдат (С. Беляев) до офицеров (И. Клингер).

Важно отметить наличие интересных для нашей темы материалов академика Императорской академии наук Ю. Клапрота[5], английского офицера Д.

[4]Ахмадов Я.З. Чечено-русские отношения в XVIII веке. Исследование и материалы. Т. 1. - Грозный: АО «Изд.-полигр. комплекс «Грозненский рабочий», 2019.

[5]Klaproth, Julius von. Reise in den Kaukasus und nach Georgien, unternommen in den Jahren 1807 und 1808, auf Veranstaltung der Kaiserlichen Akademie von Wissenschaften zu St.-Petersburg, enthaltend eine vollständige Beschreibung der Kaukasischen Länder und Bewohner. Halle und Berlin, in den Buchhandlungen des Hallischen Waisenhauses. 1812–1814. 2 Vol.

Джонсона[6], английского дипломата и художника Р. Кер-Портера[7] и шотландского религиозного деятеля Э. Гендерсона[8].

Да, порой сведения,приводимые европейскими авторами о горских народах, могут выглядеть и незначительными, а сообщаемые факты неверно интерпретированными, но они остаются живыми и привлекательными. Главное, здесь, что данные о чеченцах идут к европейскому читателю напрямую.

В целом же подавляющее число авторов, оставивших свои записки о Чечне и чеченцах в первой половине XIX в. (в период ожесточенной Кавказской войны), это военные – русские офицеры, которые принимали непосредственное участие в боевых действиях против горцев и видели в них зачастую даже не военно-политических противников, а «злодеев» и «хищников», которых следовало «наказать» или убить. Естественно, это накладывало отпечаток на их отношение к горским народам и на содержание их публичных оценок, что следует учитывать. Никто не отменял того обстоятельства, что войны на Северном Кавказе вела предельно милитаризованная мировая военная держава, «Кавказский корпус» которой рано превратился в военную корпорацию в которой все – от генералов до рядовых солдат и казаков, имели свой интерес в деле «покорения» горцев и захвата их земель[9].

Но вместе с тем, эти же офицеры своими материалами, как уже правильно было отмечено в литературе, объективно способствовали формированию российского научного кавказоведения[10].

Встречаются и сугубо «гражданские» русские авторы, писавшие о Чечне и прилегающем терском крае, такие как И. Иванов и Шидловский, но и они разделяли официальную точку зрения на происходящее на Кавказе.

И тем не менее даже в такой системе координат находилось место и человеческому отношению, и объективной оценке горских народов. Вина,

---

[6]Johnson, John. A journey from India to England, through Persia, Georgia, Russia, Poland, and Prussia: in the year 1817: illustrated with engravings. London: Printed for Longman, Hurst, Rees, Orme, and Brown, 1818.

[7] Travels in Georgia, Persia, Armenia, ancient Babylonia, &c. &c. : during the years 1817, 1818, 1819, and 1820 / by Sir Robert Ker Porter ; with numerous engravings of portraits, costumes, antiquities, &c. London: Printed for Longman, Hurst, Rees, Orme, and Brown, Paternoster Row, 1821-1822. Intwuvolumes. Vol.1. 1821.

[8] Henderson, E. Biblical researches and travels in Russia, including a tour in the Crimea and the passage of the Caucasus with observations on the state of the rabbinical and karaite jews, and the mohammedan and pagan tribes, inhabiting the southern provinces of the Russian empire with maps and plates London: J. Nisbet, 1826.

[9]Лапин В.В. Армия России в Кавказской войне XVIII-XIX вв. СПБ.: Изд. Европейский дом, 2008.

[10] Колосовская Т.А. Чечня в описаниях российских офицеров-исследователей 1830-1850-х гг. // Вестник Академии наук Чеченской Республики. №5 (42), 2018. С.59-64.

которых, как горько заметил один из русских офицеров, заключалась в том, что они благородно сражались «за неприкосновенность своего очага...».

В ряде публикуемых нарративов специально рассмотрены вопросы географии и территориально-политического устроения Чечни, общественного и социального строя чеченского народа занимавшего большое место на этнополитической карте Северного Кавказа. При этом наблюдались попытки связать исторические, этнографические и языковые особенности чеченцев с формированием этнотипа отличающего их от своих соседей, при всей близости с окружающим горским миром.

В целом, благодаря публикациям нарративов о Чечне и горских народах в газетах, журналах и специальных сборниках («Военный сборник», «Кавказский сборник» и др.) России, независимо от их направленности и объективности, собственно информация как таковая становилась достоянием науки, как русской так и мировой.

В заключение хотелось бы отметить, что любой из наших читателей может указать, что за пределами данного сборника осталось немало работ относящихся к первой половине XIX в. но не попавших в данное собрание. Например таких, как сочинения И. Бларамберга или Г. Властова. Однако работа И. Бларамберга представляет собой крупное исследование, в качестве большой книги неоднократно и хорошими тиражами переизданной в наше время прекрасным исследователем его творчества И.М. Назаровой[11]. Менее крупная, но вполне объемная, исследовательского характера статья Г.К. Властова (до 60 страниц)[12] заслуживает опять-таки отдельного научного издания с соответствующим комментарием, задача, которая вполне под силу нашим научным учреждениям.

Мы же старались в настоящем собрании, хотя может и не все получилось, чтобы были представлены прежде всего не обобщенные, а личные представления о Чечне и чеченцах авторов, посетивших Кавказ.

В целом, при использовании таких данных как представленных в настоящем издании, речь должна идти о строгом соблюдении сравнительно-исторического и критического подхода к источникам. В таком случае снимаются противоречия, содержащиеся в субъективном подходе авторов первой половиныXIX в. к оценкам того же чеченского общества и необходимостью выработки объективного исторического знания.

С уважением к будущему читателю, Явус Ахмадов

[11] Иоганн Бларамберг Историческое, топографическое, статистическое, этнографическое и военное описание Кавказа / Перевод с французского, предисловие и комментарии И.М. Назаровой. - Москва: Изд. Надыршин, 2010.

[12]Властов [Г.К.]Война в Большой Чечне : (Ст. майора Властова). - [Санкт-Петербург] : Б/и. Воен. тип., ценз. 1856.

МАТЕРИАЛЫ

Ю. Г. КЛАПРОТ
ПУТЕШЕСТВИЯ ПО КАВКАЗУ И ГРУЗИИ В 1807 И 1808 ГОДАХ

Клапрот Юлиус Генрих фон, или Юлиус Клапрот (1783-1835), выдающийся немецкий ученый-востоковед. В 1804 г. был приглашен на службу Императорской академией наук (Санкт-Петербург), где к 1807 г. достиг звания экстраординарного академика. В том же году был командирован на Кавказ (где провел почти два года) для историко-филологических и этнографических исследований, программа которых была разработана в стенах Академии с участием, также известного путешественника по Кавказу, Яна Потоцкого. Кстати, материалы его путешествия по Северному Кавказу в 1798 г. Клапрот не раз использовал в своей работе.

В какой-то части Ю. Г. Клапрот повторил путешествие по Кавказу, совершенное по поручению той же Академии И.А. Гильденштедтом (Гюльденштедт) в 1768-1774 гг. Правда Чечне на этот раз было уделено более скромное внимание, хотя участие чеченцев в политических событиях региона Клапрот отмечает аккуратно. Компенсируется в какой-то мере этот недостаток довольно полным и содержательным рассказом об этнографически близких к чеченцам небольшой племенной группе ангуштинцев/ингушей, с которыми Ю. Клапрот смог ознакомился лично.

Научный отчет вылился в книгу: «Путешествие на Кавказ и в Грузию…», изданном в 1812-1814 гг. на немецком языке в 2-х томах (Reisein den Kaukasus und nach Georgien: Unter nommenin den Jahren 1807 und 1808, auf Veranstaltung der Kaiserlichen Akademie der Wissenschaftenzu St. Petersburg…, Julius fon Klaproth. Halle und Berlin,1812–1814). Втом же 1814 г. вышло первое английское издание (Travels in the Caucasus and Georgia, performed in the years 1807 and 1808, by command of the Russian government, by Julius von Klaproth. London: Henry Colburn, 1814), неоднократно переиздаваемое в течение XIX и XX вв. Таким образом труды Ю.Г. Клапрота оказали несомненное влияние на формирование европейского кавказоведения.

Первые выдержки из работы Клапрота на русском языке, посвященные черкесам, появились в 1812 г.[13], а сюжеты посвященные осетинам вышли в переводе И.С. Зевакиной в 1967 г.[14]; в 1974 г. профессор В.К. Гарданов

[13] Извлечение из Путешествия г-на Клапрота к горам Кавказским // Вестник Европы, Часть 64. № 13. 1812.

[14] Осетины глазами русских и иностранных путешественников (XIII - XIX вв.) / [Сост., вводная статья и примеч. Б. А. Калоева]. Орджоникидзе: Северо-Осетинское кн-е изд.-во. 1967.

опубликовал свой вариант перевода страниц из немецкого издания Клапрота, касающийся адыгов[15].

Наконец в 2008 г. появился полный перевод «Путешествия…» Ю. Клапрота с первого английского издания, выполненный К.А. Мальбаховым[16].

С данными о ингушах выдержки из Клапрота появились также в переводе В.А. Аталикова в 2010 г.[17]

Мы использовали здесь извлечения из перевода с английского издания К.А. Мальбахова, к которым добавили приложение - раздел «Мизджегские [нахские] языки» со сравнительным словарем, из немецкоязычного издания Ю. Клапрота (Mizdſhegiſche Sprachen //Kaukasische Sprachen. Anhangzur Reisein den Kaukasus und nach Georgian von Julius von Klaproth, Halle und Berlin, 1814) и перевод вступительной статьи Ю.Г. Клапрота к данному разделу выполненный Б.Д. Газиковым[18].

* * *

КЛАПРОТ Ю. Г. ПУТЕШЕСТВИЯ ПО КАВКАЗУ И ГРУЗИИ В 1807 И 1808 ГОДАХ

Предисловие

Если спросить, почему рассказ об этих поездках столь долго удерживался от общественности после моего возвращения, я ответил бы, что промедление вызвано было трудностью распространения произведения, напечатанного в России, в остальной части мира, так как большая часть книг, изданных там, абсолютно недоступна образованным людям в других странах. Я полагал по этой причине крайне необходимым опубликовать мой труд в Германии и принять надзор за издательством. Чтобы дать читателю предварительное представление о замысле этого «Описания поездок», я предпошлю здесь общий его набросок.

---

[15] Адыги, балкарцы и карачаевцы в известиях европейских авторов XIII-XIX вв. / Сост., ред. пер., введ. и вступ. статьи к текстам В. К. Гарданова; Нальчик: Эльбрус, 1974.

[16] Описание поездок по Кавказу и Грузии в 1807 и 1808 годах по приказанию русского правительства Юлиусом фон Клапротом, придворным советником Его Величества императора России, членом Академии Санкт-Петербурга и т. д. / пер. с англ. К. А. Мальбахов. Нальчик: Эль-Фа, 2008.

[17] Кавказ: европейские дневники XIII-XVIII веков / Сост. В. Аталиков. Нальчик: Изд.-во М. и В. Котляровых. 2010.

[18]URL: https://sunja-edu.livejournal.com/166416.html; ghalghay.com›tag/берснако-газиков/page/2/ (дата посещения 20.03. 2021).

В середине сентября 1807 г. я покинул С.-Петербург и направился по пути из Москвы и Харькова в Старый Черкасск, столицу донских казаков, где некоторое время путем наблюдений собирал сведения о соседних калмыках…[19]

В ноябре того же года (1807) я продолжил свой путь на юг через Донскую степь в Георгиевск, столицу Кавказской провинции, где добыл сведения, касающиеся черкесов и племен, проживающих на другой стороне Кубани. Я исследовал руины Маджара на Куме, минеральные источники первых Кавказских гор и Бештау; посетил английскую миссионерскую колонию на этой горе и собрал языковые образцы и древности этих краев.

Следуя первоначальному плану, я намерен был сперва пересечь северную часть Кавказа; но, так как губернатор провинции убеждал, что меня будут постоянно задерживать из-за строгих карантинных предписаний, кои, как то ожидалось, не будут отменены до следующего года, я решился той же зимой последовать в Тифлис и направился в Моздок, чтобы дождаться там отправления многочисленного конвоя, направляемого в этот город. В Моздоке я добыл наилучшие сведения касательно осетин и кистов, частью от самих местных жителей и частью с помощью любезного вмешательства иезуитов, имеющих здесь дом и отправляющих службу в католической церкви.

Из Моздока мой путь лежал через Малую Кабарду во Владикавказ, что на Тереке, а оттуда вдоль обоих берегов этой реки через узкую долину, по которой она течет и которая некогда была заперта знаменитыми Кавказскими Вратами. Я покинул Терек у осетинского села Коби и 26 декабря (1807) пересек покрытую снегом горную цепь под названием Гуд, или Крестовая гора....

…29 мая (1808) я покинул это место, отправившись в Тхианети, что на реке Иора в Кахетии, дабы собрать подробности, касающиеся лезгов, тушов и пшавов... Затем я возвратился через долину Арагви, преодолев снежные горы, во Владикавказ... Я увеличил свою коллекцию многими извлечениями из государственных документов...

14 июля (1808) я вновь прибыл в Моздок, что на Тереке. Здесь я оставил своих болезненных спутников, пересек реку Кура и направился к Джулату, разоренному городу в Малой Кабарде, и посетил руины Тартарупа, который, следуя сообщениям черкесов, некогда населен был европейцами. Здесь я пересек Терек, держа путь к Дурдуру, расположенному на реке с тем же названием, и оттуда продолжил путь выше, среди гор, к осетинскому племени дугор, населяющему берега Уруха до истоков этой реки…

От черкесского села Эльмурзина я поехал по балташской дороге во Владикавказ и оттуда - через Малую Кабарду в Моздок. Затем я отправился в

[19] ***Здесь и далее постраничные примечания и сокращения, выделенные отточием, принадлежат составителю.***

Георгиевск, вновь посетил Маджар и часть Кубани; а, так как всякие обстоятельства воспрепятствовали мне в изучении восточной части Кавказа и в продолжении путешествия в Дагестан, в январе 1809 г. я возвратился в С.-Петербург…[20]

[ВЫДЕРЖКИ ИЗ ОСНОВНОГОТЕКСТА][21]

…В 1742 г. грузинский архиепископ Иосиф и архимандрит Спасского монастыря в Москве Николай вручил Ее Величеству Елизавете Петровне записку следующего содержания: «Осетины народ, богатый золотом и серебром, населяющий Кавказские горы и со времени разорения грузинских государств персами и турками не подвластный никакому владельцу, прежде использовал христианство, но ныне снова впал в язычество. Путники, минующие их земли, доносят, что они желают вновь принять христианскую веру; неверно поэтому оставлять их в невежестве; и весьма вероятно, что, коль будут отправлены к ним православные учителя, они смогут очень скоро возвратиться на истинный путь».

После того как эта записка была представлена на рассмотрение Правящего сената и Священного синода, было решено, что архимандрит Пахомий, настоятели Христофор и Николай, а также монах Ефрем будут посланы к этому народу осетин, дабы проповедовать среди них христианскую веру.

Они посоветовали им также, дабы обезопасить себя от нападений кабардинцев и чеченцев, объявить себя русскими подданными. Этот совет были принят и исполнен в 1748 г. жителями Тесби, Амистали, Гучи, Гази, Мази, старейшинами Курата и Чима.

1752 г. Была учреждена Осетинская комиссия по распространению христианства в Осетии[22]…

1768 г. В этом году были приняты меры предосторожности против кубанцев, так как решено было объявить войну туркам…

1769 г. Генерал Де Медем *(Этот необычный человек внушал такой ужас всем кавказцам, что, дабы напугать плачущих детей, последние по сей день произносят: «Идет глухой генерал». - Медем был глуховат.* –Выделено в тексте. Сост.*)*назначенный главнокомандующим в Кабарде, в это же время получил приказ действовать решительно. Было обнаружено, что кабардинцы лелеяли

[20] Таким образом, данное предисловие, в котором наш путешественник расписал свой маршрут по Кавказу снимает необходимость пояснений в тексте, когда Клапрот несколько раз вьезжает и выезжает из Моздока.

[21] Здесь нами приводятся отдельные фрагменты из 3 и 4 глав труда Ю. Клапрота (в переводе К.А. Мальбахова) представляющих обзор взаимоотношений России с Кавказом и Грузией в XVI-XVIIIвв.

[22] Осетинская духовная комиссия была сформирована Синодом в Москве в январе 1744 г. из грузинских духовных лиц и к началу июня 1744 г. уже работала в Осетии, а с начала 50-х гг. XVIII в. крестила и нахов-ингушей из горного общества Ангушт.

желание быть независимыми, не примыкая ни к какой партии. Минерологи были отправлены в Кизляр, дабы исследовать залежи этих мест. Кисты высказали желание принять христианство[23], и несколько вождей малых племен оказали России свои услуги в поиске серебра и свинцовой руды; но бесконечные войны в этих краях делали их работу невыполнимой, и все, что можно было сделать, это действительно описать места, где залежи были обнаружены.

1770 г. Обе разделившиеся части кабардинского народа отправили представителей в Санкт-Петербург и повторили требование, выдвинутое в 1764 г. Кайтуком Касиновым, относительно удаления крепости Моздок. В это же время турки преуспели с помощью подкупов и увещеваний убедить кабардинцев еще раз поднять восстание против России; так что майору Таганову, находившемуся среди них, с трудом удалось добраться до Моздока, куда он стремился как к безопасному месту…

1771 г. …Была получена информация, что кабардинцы готовятся напасть на Кизляр и Моздок. Генерал Тотлебен проник в Грузию и Имеретию, изгнал турок из крепостей Кутаиси и Багдатчика и тем самым избавил Соломона, царя Имеретии, и Казия-Дадиана Мингрелии от турецкого ига.

1773 г. В следующем году ингуши отказались от совместных действий с кабардинцами и обратились к генералу Де Медему с просьбой защитить их от последних, замечая в то же время, что лишь по принуждению являлись подданными кабардинцев.

В 1772 г. кабардинцы, охотившиеся, были задержаны русским дозором. Это обстоятельство вкупе с предшествующими событиями в высшей степени озлобили их. Они поклялись, что покуда их сородичи не будут освобождены, употребить все средства, что Бог дарует невинному, дабы освободить свои земли от русского ига.

Кабардинский уздень Ислам-Герей из племени бабагийцев известил коменданта Моздока о намерении некрасовских казаков принять магометанскую веру.

Кабардинцы отправили представителей в Малую Кабарду к чеченцам, в Аксай, Эндери, Костек и Тарку, чтобы возбудить мятежи против русских. В отношении этого были изданы указы обращаться с ними кротко.

Несколько племен, объединившись с кабардинцами и количеством в 25000 человек, вынудили генерала Де Медема, численность войск которого была значительно меньшей, освободить двенадцать пленников. Им не удалось, однако, перетянуть на свою сторону ногайцев. Турки отправили в горы своих эмиссаров и созвали за Кубанью съезд кабардинцев. Известие о приближении турецкой армии, которую русские, как они утверждали, разбили на Дунае и в Крыму, возбудило волнение среди татар и кабардинцев. 24 000 турков перешли через

[23]Здесь подразумеваются собственно горные ингуши.

Кубань и продолжили путь на Тамань; а многие горные племена, за исключением кабардинцев, выбрали родственника крымского хана, как потомка рода Чингисхана, своим сераскером. Приблизительно в это же время хан аварцев поднял 30000 человек и двинулся в Ахалцих и Грузию на помощь туркам.

1774 г. Так как был повод сомневаться в верности гребенских казаков[24], генерал Де Медем решил использовать их исключительно в их собственном крае, чтобы они смогли себя здесь защитить в случае нападения на них. Кабардинцы тем временем продолжали свои набеги. Майор фон Креднер был послан с достаточными силами, дабы захватить турецких эмиссаров и их бумаги; он арестовал четырех из них, среди которых был и родственник крымского хана по имени Ширин-кай. Креднер похитил их среди многочисленных кабардинцев, непрерывно нападавших на него, но неизменно отраженных. Эти представители при их допросе донесли, что Девлет-Герей, крымский хан, находился в Тамани во главе 8000 турок, чтобы оказать помощь восставшим горцам и кабардинцам. Эти войска поэтому появились на Малке, сопровождаемые всеми кубанскими и иными племенами. Каждое из них составляло отдельное войско и самостоятельно искало своей удачи перед стенами Моздока; но столь благоразумно там были приняты меры, что все их попытки против крепости оказались безуспешными…

Артемий, отшельник, был человеком, с помощью влияния которого турки пытались вырвать гребенских казаков из-под власти России.

В ответ на смерть своего князя Али Султана[25] чеченцы начали военные действия против русских. Девлет-Герей, хан Крыма, оставил командование Калга-Султану, который 10 июня появился близ Моздока. Он не рискнул, однако, предпринять сколь-нибудь серьезный шаг, удовлетворившись захватом курьера, посланного Креднеру, и несколькими убитыми при этом. На следующий день он напал на казацкую станицу Наур, но потерял 800 человек; а среди убитых был Корчюк (Кургок) из рода Татархан. После этого несчастья он вновь отступил к берегам Куры. Это нападение на Наур продемонстрировало несправедливость подозрений, высказываемых по отношению к гребенским казакам, в высшей степени отличившимся в этом событии. 13 июня [1774] чеченцы рискнули совершить нападение, но потеряли 70 человек[26].

---

[24]Дело в том, что поселением волжских и донских казаков между Моздоком и Червленной в 70-х гг. XVIII в. царские власти нанесли серьезный экономический урон Гребенскому казачьему войску казаки которого бесконтрольно пользовались данным участком правобережного берега Терека на протяжении более 100 км в своих хозяйственных целях в полном согласии с чеченцами, брагунцами и кабардинцами.

[25]Алисултан Казбулатов, старший князь Чеченского владения в 1770-1774 гг.

[26]Речь идет о походе крымского царевича Шабаз-Гирея с 25-тысячным ополчением крымцев, кубанцев и кабардинцев на Терек, против русских укреплений. Спешившие на помощь Шагин-Гирею чеченцы и кумыки в числе 3 тыс. человек были разбиты русской артиллерией на

17 июня Де Медем поспешил на помощь к кабардинцам, оставшимся верными своей присяге.

По Кучук-Кайнарджикскому договору, заключенному в 1775 г.[27], обе Кабарды были объявлены зависимыми от России. Этот договор был прочитан перед общим собранием их князей; но один из них, Хамурза Арсланбек, встал и заявил, что он не будет признавать власти России, пока этот договор не будет скреплен подписью крымского хана.

В 1775 г. генерал Де Медем сообщил, что Девлет Герей, крымский хан, употребил все возможные средства, дабы склонить кабардинцев к мятежу, и отправил Касбулата, секретаря своего, к черкесам с целью убедить тех, что они являются подданными Крыма, а не русских… Два года спустя мятежные кабардинцы отправили гонца к кубанскому сераскеру, настойчиво прося того помощи, в коей он отказал и угрозами принудил большинство их князей следовать своему долгу.

Они вновь принесли присягу на верность России и были восстановлены в привилегиях, им дарованных в 1769 г. …

Приблизительно в это время Ираклий (Гераклий), царь Грузии, отправил представителей к кабардинцам, часто служившим наемниками против персов и турок, чтобы предложить им покинуть свой край и поселиться в Грузии, где он определит им провинции Сомхети и Триалети; но трое из этих представителей были обнаружены и заключены в тюрьму в Моздоке.

1779 г. В следующем году кабардинцы все еще продолжали демонстрировать свою непокорность и объявили, что они никогда не были подданными России. Однако они вынуждены были усилиями генерала фон Якоби признать ее власть, после того как обе Кабарды в нескольких схватках потеряли 3000 человек; после чего присягнули на нерушимую верность...

Весной 1781 г. русский офицер ранее несколько раз совершивший поездки в Кавказские горы, был отправлен с охраной казаков исследовать центральные районы Кавказа, особенно дороги в Грузию и Имеретию, чтобы составить военную и географическую карты края, склонить горцев к поселению на равнинах (степях) и осуществить изыскания относительно минеральных продуктов[28]. …

Тереке. Крымский царевич хотя и не потерпел поражения, но был вынужден отступить от Наура и Моздока.

[27] На деле договор был подписан 10 июля 1774 г.

[28]Имеется в виду дивизионный квартирмейстер Л.Л. Штедер, обследовавший район будущих военных действий в Чечне и возможность привлечения осетин и ингушей к охране Военно-Грузинской дороги. В 1797 гг. его содержательный «Дневник путешествия из пограничной крепости Моздок во внутренние местности Кавказа, предпринятого в 1781 году» одновременно вышел в России и Германии: Tagebuch einer Reise die im Iahr 1781 von der Granzfestung Mozdok

Порта не могла безразлично созерцать это расширение владений России и решила нарушить ее господство в Азии еще до того, как будет предпринят открытый с ней разрыв.

Титул халифа, дающий турецкому султану верховенство над всеми мусульманами, должен был предоставить способ побеспокоить соперницу в лице России; а для исполнения этого плана был избран дервиш по имени Шейх Мансур *(На Кавказской линии утверждалось, что Шейх Мансур являлся европейцем; но это крайне неправдоподобно.* –Выделенное курсивом в тексте принадлежит автору. – Сост.*)*, который под маской самой строгой добродетели стал знаменитым в горах среди чеченцев. Его настоящим именем было Мохаммед[29]: с детства своего он демонстрировал печальный, хмурый нрав, но в то же время обладал столь хорошей памятью, что знал наизусть весь Коран и двадцать тысяч иных религиозных стихотворных строк. С этой немалой умственной способностью он соединял строгую мораль, кою он проявлял исключительно на благо жителей Кавказа, предотвращая их междоусобицы, призывая их к согласию и надлежащему употреблению их великой силы, заключенной в единении, и не испытывал недостатка в решимости по отношению к их неверным соседям русским.

Воодушевленный обещаниями турок, он старался, постоянно передвигаясь и страстно обращаясь к людям, вновь разжечь и усилить давнишнюю глубокую антипатию кавказцев к России; и строгостью своих манер, и своим полным равнодушием к личной выгоде он повсеместно завоевывал величайшее к себе уважение. Молоко и хлеб были единственной его едой; и всякий раз, когда он возвращался из похода, делил свою часть награбленного среди больных и нуждающихся. Так он продолжал себя вести и после того, как со всех сторон на него посыпались дары. Его известность, как обычно бывает в таких случаях, увеличилась благодаря вымыслам и распространилась до самых отдаленных мест.

Турецкие эмиссары советовали ему объявить себя пророком; они объявили его таковым перед народом, уже начавшим самим так думать; и многие в благодарственных письмах, составленных в выражениях самой смиренной покорности, подтверждали небывалые чудеса, сотворенные силой его молитв в разных местах. Кумыкские князья Эндери послали ему в знак благодарности печать из рога со следующей высокопарной надписью: «Победоносный

---

nach dem Innern Caucasus unternommen worden. Pallas //NeuenordischeBeitrage.Band VII. st. Petersb.-Leipzig, 1797.

[29] Его настоящее имя было Ушурма, он был жителем селения Алды из рода элистанжи (фамилии арсеной?). Для нас данный текст о Мансуре далеко не аутентичный реальным фактам, важен в историографическом плане.

властитель шейхов Мохаммед Мансур, 1199 г.» (что соответствует 1784 г. н.э.[30]). На другой надписи, как утверждают, ниспосланной с небес, он именуется имамом Мансуром, ныне всеми магометанами ожидаемым великим пророком. Известные своей набожностью, но подкупленные, странники явились из самых отдаленных мест, чтобы увидеть и поприветствовать этого необычного человека. Они показали ему места в своих религиозных книгах, в коих он упоминался и в коих определенно сказано было, что Мохаммед Мансур явится с Кавказа, что ему будет тридцать лет и у него будет пшеничного цвета лицо. Они прочли ему неоднократные заверения в том, что иностранные державы первыми назовут его Мансуром и призовут его восстановить всеобщий мир на Кавказе и истребить неверных врагов, его окружающих. В заключение они заявили, что близится судный день и что он является давно ожидаемым имамом Мансуром, коему поручено донести всему миру истинную веру.

Мохаммеду вскружили голову пророчествами, что частью свершились, а частью были близки к тому; и он на самом деле счел себя избранником, приняв имя шейха Мансура и отправив пригласительные письма всем кавказским князьям, требуя их содействия и оговаривая численность воинов, что они обязаны были ему предоставить.

Полковник Пьерри направлен был с большим войском воспрепятствовать этим действиям и защитить проповедника; но горцы напали на него в узком ущелье [6 июля 1785 г.] и изрубили на кусочки его и большую часть его войск. Этот успех еще более воспалил головы кавказцев и увеличил власть и влияние шейха. В начале войны с турками против России восстали обе Кабарды; другие племена присоединились к ним, совершили набеги на нашу территорию; а шейх Мансур с 10 000 чеченцев попытался захватить Кизляр [15 июля 1785 г.], но был отброшен с большими потерями далматским графом Войновичем. После того он двинулся к Науру, чей маленький гарнизон, состоявший из волжских казаков, коим помогали старики и женщины, оказал удивительное сопротивление и расстроил его планы[31]. Императрица Екатерина была столь весьма довольна бесстрашием этих казачек, что назначила им пожизненное пособие.

В боях с русскими шейх Мансур с большой пользой использовал переносной бруствер, состоявший из фашин, помещенных на колеса татарских тележек, кои его солдаты толкали перед собой.

В 1789 г. Батал Паша высадился с турецкими войсками по соседству с Кубанью, но был разгромлен и взят в плен генералом Германом. Это событие

[30] Точнее 1784/1785 г.

[31] Возможно, имеются в виду более ранние события от 1774 г. когда крымский царевич Шабаз-Гирей совместно с кабардинцами и другими горцами попытался захватить укрепленную станицу Наурскую, но был отбит в т.ч. усилиями казачек, вставших в ряды защитников станицы.

остановило горцев. Дабы произвести еще более сильный эффект и сокрушить продолжающиеся волнения, генерал Герман задумал захватить турецкий город и крепость Анапу, расположенную на Черном море; но первая попытка в 1790 г. провалилась, и лишь в следующем году генерал-лейтенант фон Гудович взял приступом крепость и захватил в ней шейха Мансура, отосланного затем в качестве пленника в Шлюссельбург.

Вместе с ним угас бунтарский дух горцев, а пятый и шестой пункты договора, заключенного с Портой, подтвердили еще более значительно, чем когда-либо прежде, право владения России Кавказом. Правительство С.-Петербурга ныне прилагает усилия с помощью более рассудительных предписаний произвести порядок и восстановить преданность среди этих племен, как это иллюстрируется следующими распоряжениями, которые, хотя и выдают мнение великой императрицы, в то же время проливают свет на различные недавние происшествия… [32].

…Если бы нам пришлось подсчитать всех, кто за последние 25 лет были захвачены черкесами и чеченцами на Линии, количество их оказалось бы в сравнении значительно большим, чем число унесенных последней эпидемией чумы в Кавказском губернаторстве. Если столь строгие предосторожности предпринимаются против этой болезни, почему соответствующие меры не принимаются против этого, более губительного и позорного бедствия, истребляющего население на полосе пространства шириной в 150 верст вдоль русских границ? Кабардинцы часто продвигаются в своих набегах до территорий, что за Маджаром, и даже до границ других губерний. Действительно, не приходится удивляться, что этот народ столь враждебно расположен к русским, так как последние под видом покровительства и дружбы все больше и больше захватывают их земли и ныне уже заперли их внутри четвертой части их прежних пастбищ. Так как, однако, русское правительство однажды приняло злобную политику причинения вреда этому храброму и достойному уважения народу, оно ныне должно будет, по крайней мере, постараться энергично исправить негативные последствия такой системы…

Моздок, находящийся в 115 верстах от Георгиевска, стоит близко к Тереку на крутом склоне степи, что примыкает ко всему левому берегу этой реки и имеет здесь высоту приблизительно в 12 ярдов. Название этого города собственно черкесского происхождения, будучи состоящее из слов мез (лес) и док (глухой), что означает «густой лес», ибо таков был вид этой местности перед сооружением крепости. В этих лесах в определенные времена года кабардинцы держали свои стада. Моздок был построен в 1763 г.; владелец этой области Мурза Кургок

[32]Далее опущены тексты глав 5,6, 7, 8 и 9-й относящиеся к Северо-Западному Кавказу и Предкавказью и используются материалы из 10-15 глав.

Каншокин, крещенный в Петербурге, предварительно уступил ее навечно российской короне. Остатки каменных сооружений и укреплений, которые, как утверждают, в своем архитектурном стиле напоминали руины Маджара, обнаружены были не более чем тридцать лет назад в лесу, в 7 милях от этого города, и называются Старым Моздоком…

Жителями Моздока являются русские, армяне, армянские католики, грузины, татары и осетины; здесь много также крещеных черкесов. Являясь представителями столь многих народов, большинство жителей, вовлеченных в торговлю, говорят не только на русском, но и на татарском, армянском, грузинском, черкесском и осетинском языках и высоко развили свою способность к изучению языков.

…Производство шелка, что было налажено более сорока лет назад в казацких станицах между Моздоком и Кизляром, стало весьма выгодным главным образом благодаря стараниям маршала Баиберштейна[33]; так что эта область вместе с Грузией ныне поставляют огромное количество необработанного шелка для русских мануфактур в Москве и других городов. Выращивание виноградной лозы, хотя и весьма повсеместное, не достигло, однако, здесь законченности, так как у жителей нет ни необходимого для того знания, ни достаточного терпения. Отсюда кизлярское вино все еще остается ниже среднего качества, а данная отрасль сельского хозяйства склонна оказаться полностью утерянной. Существуют, однако, отдельные владельцы виноградников, больше о них заботящиеся и стремящиеся, скорее, к качеству, а не к количеству своей продукции. Так, к примеру, в доме губернатора Картвелинова, в Георгиевске, я выпил вина, выдержанного несколько лет в бутылках и мало уступавшего в крепости и аромате известному сорту французского напитка. Более прибыльной отраслью бизнеса в сравнении с торговлей вином для жителей Моздока является сбыт великолепного качества коньяка, что производится близ Кизляра и отправляется по всей России, даже в отдаленные части Сибири; повсюду он известен под названием кизлярского коньяка и имеет большой спрос.

Северокавказская степь может вполне считаться родиной огурца, тыквы, дыни и арбуза; два последних особенно необычно хороши в районе Моздока. Существует несколько сортов дыни (именуемой татарами каун), каждый из которых превосходит другого по вкусу; но самым лучшим из всех является сорт больших и длинных дынь со светло-зеленой мякотью. Из арбузов (на татарском

[33] Фридрих Август Маршал фон Биберштейн, немецкий ботаник, специалист по шелководству. С 1797 г. инспектор шелководства по Кавказской линии. В 1798-1799 гг. в интересах развития государственного хозяйства России объездил весь Северный Кавказ и составил подробное описание растительного мира.

карбус) самым лучшим сортом является тот, что имеет темно-красную мякоть и маленькие, напоминающие грушевые, семечки. В последние годы были предприняты попытки перегонять коньяк из арбузов, и тот оказался отнюдь не плохого вкуса…

21 декабря мы все еще были в Моздоке и видели, как в трех разных местах реку Терек пересекал транспорт с провиантом. Он направлялся в двуколесных татарских повозках (арбах) по пути в Грузию под охраной 100 егерей и 80 казаков с двумя пушками; ибо чеченцы превратили путь до Владикавказа в весьма рискованный и незадолго до того неожиданно напали на один конвой и захватили большую его часть…

Черкесы прежде расселены были значительно севернее, а их пастбища простирались до Кумы, именуемой ими Гум-Иж, что означает «Старая Кума». Еще каких-то сорок лет назад ногайцы, кумуки, черкесы и абассы ежегодно отправлялись добывать свою соль в соленом озере Джансейт, лежащем к северу от устья этой реки, и снабжали ею вместе с солью, что добывали в чуть меньшем озере близ истоков Маныча, обитателей всех гор. С расширением русской территории и особенно с установлением в 1777 г. Кавказской линии они оказались заперты внутри более тесных пределов и ограничены с разных сторон Тереком, Малкой и Кубанью…

Князь [кабардинский] является командиром на войне и со своими наездниками и вассалами предпринимает грабительские походы на русскую территорию или против осетин, ингушей, карабулаков, а часто против племен, живущих поблизости Кубани.

…Каких-то 40 лет назад черкесы жили почти без веры, хотя и называли себя мусульманами, или, следуя своему произношению, басурманами. Они не совершали обрезание и не имели ни мечетей, ни священников, за исключением немногих простых мулл, прибывших к ним из Аксая и Эндери. Их принадлежность к магометанам проявлялась разве что в воздержании от свинины и вина. Они хоронили своих умерших на магометанский манер и по-мусульмански исполняли заключение брачных союзов…

После заключения мира в Кучук-Кайнарджи в 1774 г. Порта старалась с помощью церковных эмиссаров распространить магометанскую веру на Кавказе и особенно среди черкесов; и в отношении, по крайней мере, последних достигла своей цели; исполнению чего особенно посодействовал находившийся на службе у турок знаменитый Исаак Эфенди. Их муллы, или священники, обычно являются вольноотпущенниками князей или узденей, которые отправляются к татарам Табассарана или Эндери, где учатся немного писать и читать, получают звание эфенди и возвращаются в свой родной край, дабы обращать в магометанскую веру людей и все более и более ослаблять связь их с Россией…

Утром 23 декабря[34] мы покинули наш холодный лагерь и были наделены более многочисленным сопровождением, состоявшим из казаков и егерей, ибо ингуши и чеченцы превратили дорогу от Кумбалея до Владикавказа в весьма опасную. Близ Григорипола и в 7 верстах к югу от этого места, у Терека, вы видите огромное число карликовых дубов, рассыпанных по степи. На полпути к Владикавказу прежде стоял небольшой Потемкинский редут, от которого ныне можно видеть часть земляных валов. Земля здесь смотрится чрезвычайно плодородной и, будучи возделанной, могла бы давать превосходные урожаи зерна. Воды Терека чисты, зеленовато-голубого цвета; …

Терек носит одно и то же название среди всех соседних племен, а грузины ныне тоже именуют его Терги, хотя прежде он назывался ими Ломк'ис-мдинар, что означает «река Ломк'и». Но весьма примечательно, что его верхнюю часть от истоков до места, где Терек оставляет Кавказские горы и вступает в равнину Кабарды, они именуют Арагви, как и реку, что начинается близ его истоков, но течет в прямо противоположном направлении на юг и пересекает Кавказ с юга на север, тогда как иные пересекают горный район на противоположном склоне с севера на юг и впадают в Куру близ Мцхеты…

Наш путь теперь лежал к правому берегу Терека, к ныне важной крепости Владикавказ, именуемой черкесами Терек-Кала и расположенной на возвышенности, что постепенно клонится к реке. В крепости едва ли есть иные жители, кроме солдат и казаков, если исключить немногих осетин в окрестностях и русских, туда приходящих, дабы доставлять гарнизону провиант. Дома отстроены из дерева; но они опрятны и побелены снаружи, так что у города с его довольно широкими улицами очень приятный вид. Его комендантом ко времени моего визита был черногорец граф Ивелич, сердечный друг и защитник всех соседних князей-разбойников, с коими он договорился делить награбленное у русских добро. Это постыдное поведение он не менял здесь несколько лет, покуда наконец, перейдя все границы, не был предан военному суду и не понес достойное его злодеяниям наказание.

Владикавказ находится в 23 верстах от Григорипола и может считаться ключом к Кавказу и дорогой в Грузию, будучи расположенным на краю долины Терек. Если Линия будет лучше упорядочена и расширена, эта крепость обретет еще большее. В целом есть лишь одна возможность обеспечения безопасности русских территорий на этой стороне против беспрестанных нападений горцев и удержания кабардинцев в страхе; и она заключается в том, чтобы попытаться,

[34] Клапрот как бы дает два описания путешествия из Моздока в Грузию в конце 1807 г. Одно в главе 12 с преимущественным описанием Малой Кабарды, второе в главе 14 с преимущественным описанием ингушей и осетин. Здесь, возможно, вкралась какая-то путаница.

сколь возможно, подорвать сношения между жителями Кавказа и турками. Для достижения этой цели может быть исполнен следующий план: необходимо установить кордон вдоль Кубани от редута Недреманный к каменному мосту через эту реку; необходимо на ней воздвигнуть форты, кои могли бы содержаться без каких-либо больших затрат, если бы в них были организованы склады соли, в коих племена, живущие близ Кубани, получали бы соль по цене 1 рубль 60 копеек за пуд…

С другой стороны, было бы целесообразным принять план, разработанный полковником Рузеви, под командованием князя Цицианова, который заключается в том, чтобы провести Линию вдоль Сунжи от ее впадения в Терек, близ Брагуна, до Владикавказа. Тем самым кабардинцы лишатся возможности продавать свою добычу чеченцам и кумукам. Чеченцы тоже не смогут более наводнять дорогу из Моздока во Владикавказ; они также не смогут угонять скот, людей, уносить имущество. Кабардинские флибустьеры, кроме того, коль русские будут настаивать на их покорности, не смогут найти убежища среди чеченцев, кои охотно укрывают всех врагов России и часто используют их в роли проводников в дальних походах против Линии. Кабардинцы тем самым будут полностью окружены русскими и окажутся в их власти. Войска, ныне расположенные на Тереке от Моздока до места впадения в него Сунжи, а также Наурский полк будут служить защитой этой второй Линии…

У Владикавказа заканчивается степь, известная под названием Малая Кабарда. Малая и Большая Кабарда являются разделениями народа и территории, с коими сами черкесы незнакомы и кои употребляются лишь среди русских. Что касается Верхней и Нижней Кабарды, как упомянуто Гарбером, то эти названия совершенно незнакомы им. Они знают лишь одну Кабарду, а та часть, что обычно именуется Большой, на их языке носит то же название. Малая Кабарда, являющаяся предметом нашего настоящего подробного рассмотрения, ограничена на севере Тереком, на востоке Сунжей[35] (на чеченском языке - Сольч), на юге речкой Кумбалей (именуемой ингушами Гагун), а на западе рекой

[35] Терско-Сунженское междуречье в литературе и в картографии действительно называлось Малой Кабардой, но в реальности это название всегда являлось сугубо географическим. Граница Малой Кабарды еще в XVIIIв. проходила по верхнему течению (истоки) Сунжи Владикавказской/Камбилеевской равнины (где они патронировали расположенные еще выше ингушские общества, а их аулы находились на ручьях, впадающих в Сунжу) текущей с юга на север. Затем восточная граница Малой Кабарды шла от впадения р. Яндери в Сунжу на север до течения р. Курп впадающей в Терек. В верхнем течении Сунжи (до поворота на восток) кабардинские аулы если и стояли - то кратковременно, а отношения их князей с прилегающими к правобережью Сунжи с юга чеченскими обществами карабулаков и гехинцев, были эпизодическими, например в форме найма князя с отрядом на определенное время. Видимо Ю. Клапрот пользовался данными почтенной давности, либо получал их от лиц заинтересованных в такой подаче материала.

Лескен, которая, соединившись с Аргуданом, впадает в левый приток Терека. Она имеет форму почти прямоугольного треугольника, северная сторона которого составляет 140 верст, на юге лишь 60, а с севера на юг 70 верст.

Восточная часть именуется Жиляхсаней (на татарском Жиляхстан) и принадлежит князю Жиляхсану, сыну Кайтуко, чьи главные села на речке Пседахе называются русскими Ахловы Кабаки. Западная часть называется Талтостаней (на татарском Тау-Султан, что означает «Властитель горы») и принадлежит князю Али Мажид Мудароко, сыну Алхаса. Он проживает в селе Пшиткау, на маленькой речке Псип-пша, или «Черная вода», которая называется также Талтостаней, а русскими Кабаки Тау-Султана. Название Анзорей дано селам богатого узденя между левым берегом Терека и рекой Лескен. Две гряды узкоконечных гор, коим русские дали подходящее название Гребень, но именуемые черкесами Арак или Арек, протянулись с запада на восток через широкую равнину Малой Кабарды, параллельную Тереку, бегущему в восточном направлении к отрогу главной цепи гор. От Терека, выше его слияния с Малкой, северные горы, тоже именуемые Ахловян Гребень, протянулись на расстояние от 10 до 15 верст, заканчиваясь на западе у Джулата, а на востоке близ Брагуна, у впадения Сунжи. Вторая гряда, именуемая Беланча, протянулась параллельно предшествующей приблизительно на 10 верст к югу и 30 к северу от цепи Кавказских гор. Она заканчивается к западу у реки Урух, а к востоку у Сунжи, напротив чеченского села Алда.

Первая, шириной приблизительно в 5 верст, а вторая 10, и обе в своих самых высоких частях достигают 360 футов над уровнем Терека. Подножье является крупным, пористым 239 песчаником, покрытым серовато-желтой глиной. В них не обнаруживаются следы минералов, за исключением нафты и горячих источников в их восточной оконечности, где встречается и природная сера. Их центральная часть полностью лишена ручьев и рек, но на западе вы сталкиваетесь с несколькими из них, особенно на втором Гребне. На его северном склоне, от Терека на расстоянии в 35 верст на запад, текут 9 следующих речушек: 1. Псугабш; 2. Сар-Су (с татарского Желтая вода); 3. Манд ох; 4. Асокай; 5. Яман-куль (с татарского Убогий крестьянин) между двумя последними расположены села Боташева; 6. Курп, самая широкая и единственная из этих рек, что не исчезает на равнине, а течет прямо на север через Ахлоян Гребень и впадает в Терек напротив села Александрия; 7. Кискен; 8. Жаруко и 9. Пседахе. Русло всех этих рек не превышает в ширину десятка шагов, но берега их крайне круты и достигают в высоту нескольких саженей…

Между Гребнем, Тереком и отрогом главного горного хребта вся территория ровная и представляет собой то, что именуется степью; однако же

возвышается приблизительно на 9 футов над горизонтальным уровнем Терека и мало-помалу, незаметно повышается в сторону гор…

Этому геологическому и географическому описанию Малой Кабарды я добавлю перечисление сел, следуя их местоположению до недавней чумы в 1806-м и 1807 г.; так как большая часть их была покинута или разрушена после этого происшествия, произведшего огромное опустошение среди жителей Малой Кабарды, так как черкесы, не обращая внимания на опасность заражения, тотчас же присваивали себе имущество тех, кто умер… Следуя этому приблизительному подсчету, население доходило в своей численности до приблизительно 2690 семей вплоть до недавней чумы, после которой, как утверждают, сократилось наполовину…

Ко второму [восточному] району Малой Кабарды, называемому Жиляхсан, принадлежит лишь одно большое село с несколькими подчиненными поселениями; первое расположено на северо-восточной стороне южного Гребня и тоже называется черкесами Жилясан. В этом месте проживают главные княжеские семьи Ахлау и Мудар со своими подданными, кои могут насчитывать 500 семей. Русские прежде называли это село Кургокино, от князя Кургок Ахлау; потом Койтуко, от князя Койтуко Ахлау; а ныне именуют его Ахловы или Ахлау Кабак. Эта семья черкесских князей привычно жила на Сунже близ речки Назрань, или Насиран, откуда переселилась сюда где-то 80 лет назад, ибо крайне докучалась соседними чеченцами и карабулаками. Насиран является маленькой рекой, текущей с северо-востока и окаймленной болотистой местностью с камышами и кустарниками; вода в ней прозрачна, но дно мутное, по причине чего ее можно пересечь вброд. Она впадает в Сунжу с левой стороны, у подножья восточного склона второго Гребня, и имеет близ устья горячие источники, именуемые источниками Павлова. Сложность преодоления, возвышенности и сама Сунжа, омывающая подножье лесистых гор, образуют здесь очень трудный и узкий проход, который мог бы стать после Тартарупа еще одним постом, с помощью которого могут контролироваться горцы: кабардинцы и чеченцы; благодаря окружающей природе и своему расположению это место обладает неприступностью и всем необходимым для того[36].

В нескольких верстах от северной стороны Насирана и близ западного берега Сунжи, на большой возвышенности, находится погребальный памятник, шестиугольное сооружение, имеющее куполовидную крышу, и каждая сторона которого 6 футов ширины и 9 высоты…

[36] И действительно, спустя пару лет после поездки Ю. Клапрота чеченские и кабардинские вожди поселили в 1809 г. в местечке Несар-кортош (Назрановские высоты) группу горных ингушей с условием принятия ими ислама и участия в общегорских делах.

Приблизительно в 9 часов утра воскресенья 22 декабря [1807] мы наконец покинули Моздок с эскортом из 50 донских казаков. Мы переправились через Терек на двух дуплистых деревьях, или «каюках», как они именуются, кои связаны плетнями из ивы…

…Наконец около 4 часов мы вновь отправились в путь и взошли по пологому подъему степи, который в этом месте возвышается приблизительно на 60 футов над рекой. Путь сперва пролегал через лес; но, когда мы его миновали, перед нами предстала красивая и плодородная равнина Малой Кабарды. Преодолев 20 верст, мы достигли холмов Арака, покрытых лесом; на холмах, слегка спускающихся к северу, встречаются песок, глина и мергель. Где-то через милю мы достигли села Ахлау-Кабак, или Жиляхстаней, которое раньше являлось столицей и резиденцией жиляхстанейских князей Малой Кабарды, но ныне обезлюдело по причине чумы. Оно расположено у северного подножья второй цепи холмов, в точности напоминающей предшествующую, на плодородном участке, омываемом тремя небольшими речками, именуемыми Пседахе. Через версту, слева от нас, лежит черкесское село Кургоко, собаки которого набросились на нас и навели немалый ужас на наших казаков, умолявших нас быть спокойными и по возможности ехать тихо. На северном склоне второй цепи Арака лежит ныне покинутый редут Григорипол, а слева от него находится безымянная речушка…

Крепость, кою я потом посетил, хорошо отстроена, будучи занимаемая гарнизоном из числа егерей и донских казаков и вооруженная 12 пушками; ее единственными жителями являются гарнизон и несколько маркитантов…

Было бы нетрудно при разливе реки сплавить строевое дерево с верховьев Кумбалея вниз по реке в Григорипол и использовать его в возведении нормальных домов, если бы не препятствие, что тому чинят ингуши. Кумбалей, как он именуется черкесами, кистинскими племенами называется Галуном и берет начало в сланцевых горах в 3 милях к востоку от Стефан Цминды, или Казбека, на Верхнем Тереке, и течет через долину, населенную большими ингушами, или, как называют их русские, старыми ингушами…

Где-то 40 лет назад колония ингушей, названная Шалха, обосновалась у подножья холмов на Кумбалее. Их увеличивавшееся население в долинах, не особо плодородных, вынудило их переселиться на равнину. Обширная равнина Кабарды давно бы была схожим образом заселена и возделана осетинами, если бы ненасытность и жестокость кабардинцев не удерживали бы горцев в их суровых долинах, дабы не оказаться проданными в качестве рабов и отданными в зависимость кабардинским крестьянам. Вероятно, они могли бы расселиться и в Кабарде, если бы недоступные скалы и любовь к независимости не заставляли бы их делиться на небольшие общины и соответственно не ослабляли их. Колония

Шалха, которая по причине своей храбрости и численности способна была оказывать более действенное сопротивление, неоднократно сбрасывала ярмо, что кабардинцы пытались наложить, и решительно защищалась от этих притеснителей.

На левом берегу Кумбалея, прямо у подножья холмов, проживают около двух сотен семей, кои достаточно защищены с противоположной стороны реки крутым обрывом. Другие села расположены на равнине, на правой стороне, близ маленьких ручейков, на которых почти каждая семья имеет свою водяную мельницу, конструкция которой чрезвычайно проста. Я не знаю, есть ли еще такой народ, который мог бы столь действенно сотворить из плохих материалов и немногих деталей предмет, дабы иметь возможность относить его с собой домой и, когда потребуется, вновь его устанавливать. Маленький жерновой камень быстро поворачивается валиком маленького горизонтального колеса, на которое из выдолбленного дерева или желоба, под тупым углом, выливается вода. Колоколообразная загрузочная воронка из березовой коры, когда требуется, сотрясается палочкой, прикрепленной к ней и соприкасающейся с камнем. Остроконечный камень, двигающийся в полости другого, служит вместо железного штыря для колесного вала, а жерновой камень поднимается или опускается с помощью вилкообразной подпорки и камня, помещенного ниже ее. Весь механизм сконструирован без железа; за мельницами ухаживают женщины, которые также должны исполнять все работы, как в поле, так и дома, и шить одежду как для себя, так и для членов семьи.

Этот народ может быть назван богатым в сравнении с другими горцами; так как у них много скота и хлебного зерна, хотя живет он очень умеренно. Для каждой трапезы ингуши пекут маленькие мучные лепешки, овсяную или ячменную еду. Тесто приобретает требуемую форму, кладется на круглый камень и, будучи наполовину запеченным, покрывается горячим пеплом до полной готовности. Это непропеченный и тяжелый, но легко усваиваемый умеренными желудками ингушей продукт. Они также, подобно осетинам, для исключительных случаев варят великолепный сорт пива, напоминающий портер. Они одеваются по той же моде, что и остальные кавказцы, но их одежда и оружие лучшего качества. Они одни среди всех своих соседей сохранили использование щита. Эти щиты деревянные, покрытые кожей и укрепленные овальными железными полосками. Их короткое сучковатое копье не только используется для защиты, но, когда острием своим оно воткнуто в землю, рогули служат опорой для ружья и таким образом позволяют им лучше прицеливаться. В противоположность обыкновению горцев они привычнее всего сражаются верхом и с восхитительной ловкостью пользуются щитом. Дерзкое слово рассматривается ими как самое большое оскорбление и часто искупается самой

жизнью. Вы могли бы предположить, что в стычках многие из них окажутся, по крайней мере, опасно раненными; но они с такой ловкостью отражают удары сабель, что лишь немногие из них получают самые незначительные повреждения.

По малейшему поводу они хватаются за саблю, но прибегают к ружьям лишь в самых настоятельных случаях, как-то ради кровной мести или отражения нападения противника. Социальная связь поддерживается среди людей старейшинами, известными своим богатством или влиятельностью своих родов; но они обладают большим влиянием на низшие классы на равнине, чем в горах, где всеобщая бедность более уравнивает людей разных классов. Жилища ингушей на равнине представляют собой жалкие деревянные хижины, которые они покидают, так как те не укреплены. Они поддерживают самые тесные семейные связи с живущими в горах племенами и весьма стремятся оставаться с теми в дружеских отношениях, ибо могут заполучить в случае необходимости у них убежище. Когда они переселяются на равнину, то оставляют земли и дома, кои покидают в горах, своим родственникам или же отдают их в дар самым бедным людям, тем самым становящимся их вассалами.

Дорога к долине Больших ингушей лежит через лесистые холмы, сперва на несколько верст по правому, а затем - по левому берегу Кумбалея. Путь может в ширину составлять 80 саженей, а в длину - 6 верст; повсюду он ровный, проходимый для экипажей, а кое-где встречаются деревья. По обеим сторонам расположены высокие, крутые, лесистые холмы, на вершинах которых растет красивое красное дерево taxus, или тис. В конце ущелья находится каменное изваяние, установленное на скале, коему они молятся и приносят жертвоприношения. Здесь открывается долина Больших ингушей, что простирается на юго-восток более чем на 6 верст, шириной в 4 версты[37]. Большинство сел расположено на северной стороне долины, частично на склоне холма и частично у реки. На западной стороне речки Герг тоже расположены несколько сел. У входа в долину стоит башня, окруженная стенами, могущая служить защитой ущелья. Сама долина ровная и предоставляет достаточное количество подножного корма для скота жителей; она омывается речками: на восточной и северной сторонах извивается Кумбалей, на южной и западной - Герг; и обе сливаются в ущелье, заполучив до того воды нескольких маленьких ручейков. Герг начинает свое течение на юге, среди очень высоких снежных гор, и стремительно устремляется вниз по неровной возвышенности на южной

[37] Имеется в виду т.н. Тарская долина, плоскогорье в истоках р. Кумбалеи/Камбилеевка с высотой до 900 м над уровнем моря освоенное выходцами из гор не позднее середины XVIII в. Здесь сложилось общество Ангушт. Особенностью текста Клапрота является то, что название «Большие ингуши» ряд наблюдателей скорее относили к высокогорному Галгайскому обществу.

стороне долины. Вдоль этой реки пролегает тропинка к Стефан Цминде, что на Тереке.

Пахотные земли Больших ингушей лежат в основном на южном склоне северной гряды холмов, а своих баранов они держат на южной и восточной лесистых сторонах хребта. У подножья западных холмов расположено село Вапи, на речке, именуемой осетинами Макалдон, впадающей в Терек с правой стороны на полпути между Балташом и Ларсом. Кумбалей начинает свое течение с восточных холмов двумя реками; на правой стороне реки пролегает дорога в долину реки Ассай и к Средним ингушам. Тропа между восточными и северными грядами ведет к Шадиго и карабулакам.

Продвигаясь еще выше от истоков Кумбалея и преодолев холмы, что отделяют эту реку от долины Ассай, или Шаджир, вы достигаете, недалеко от нее, места под названием Галга, которое считается исконным обиталищем ингушей и которое лежит в каких-то 7 милях южнее истоков Сунжи. От этого места утомительный путь ведет через жалкий мост на правый берег Ассая, здесь зажатого среди холмов, где его течение самое быстрое и наполнено осколками скал. Он часто омывает отвесное скалистое основание недоступного холма и вынуждает вас менять ваш путь с одной на другую сторону. Недалеко от священного утеса, на котором ингуши в силу набожности бросают рога животных и палки, находится второй мост, ведущий на левый берег. Места, где происходят схожие жертвоприношения, встречаются во многих опасных ущельях в горах. Из-за отсутствия мостов вы следуете по тропе на склоне западных холмов, которая в обрывистых местах пролегает по узким фашинам, покрытым землей, едва способным выдержать одного человека, но через которые переправляются и перегруженные ослы, и мулы. В 10 верстах южнее вы постепенно спускаетесь к реке, где обнаруживаете наполовину оказавшуюся в руинах стену, с башней, не более 40 ярдов в ширину, построенной как раз поперек узкого пути между неприступными возвышенностями. К юго-западу от этого прохода теперь открывается обширная долина ингушей, именующих себя также Шалха. На западной стороне - село Вапила, перед тем как вы вступаете в него, вы можете увидеть, что в середине отвесной скалы, находится пещера с железным крестом, куда в июне месяце осуществляется общее паломничество. На скале видны следы прежних жилищ. Долина широкая, неровная и населена вдоль склона возвышенностей. Виды, что здесь открываются, действительно приятны и романтичны: древние замки на скалах и над пропастями, подобно пирамидам конические башни, покатые поля на склонах самых высоких холмов, стремительные потоки, мчащиеся вниз между ними пенящими каскадами, и пышные луга, где в целях орошения вырыта тысяча каналов, - такова панорама, что повсюду открывается вашему взору. В скалах чьи самые высокие утесы с

вечными снегами нависают над этой долиной, летом кажется, что здесь слились все четыре времени года. Поля окружены камнями, и ингуши столь страстно желают обработать каждый клочок земли, что даже жалеют тропы, и ради одного фута земли целые семьи часто истребляют друг друга. Они постоянно заняты удалением со своих полей камней, что скатились на них с гор, рытьем новых каналов для орошения и улучшением малоплодородных почв. Несмотря на немалые усилия, что они прилагают в возделывании земли, она едва удовлетворяет нужды жителей; по причине чего многие из них переселились в долину Больших ингушей, а впоследствии - аж к подножью возвышенностей Шалхи. Стебель пшеницы никогда не вырастает более фута длины, но колосья большие и грузные.

Ингуши трудолюбивы, особенно женщины, которые не только исполняют домашние дела, но шьют одежду своим мужьям, приносят часто дрова для дома с расстояния в 8 верст и носят очень тяжелые ноши через холмы. Почти все высокогорные долины лишены леса, и потому он должен с большим трудом доставляться с высоких гор. Это, как я предполагаю, является главной причиной того, что их дома с плоскими крышами построены из камня. Они белят наружность своих строений и башен, хотя внутри них не очень беспокоятся о чистоте. Они строятся вместе, семьями и часто укрепляют свои села стенами и коническими башнями высотой от 60 до 90 футов. Их поля лежат близко к их жилищам; в числе животных, коих они держат, - свиньи, бараны, ослы, мулы, немногочисленные лошади и крупный рогатый скот; по причине нехватки пастбищ коней и рогатого скота у них мало. Что касается остального, их потребности невелики. Жалко одетые на татарский манер, закутанные зимой и летом в фетровые мантии, они часто кормятся лишь сырыми кореньями и тем не менее остаются очень умеренными, когда охота предоставляет возможность пиршества. Самые старые члены семьи приступают к трапезе первыми и оставляют тем, кто за ними следует, лишь объедки, часть которых достается детям. В соблюдении правил гостеприимства, в совместном владении собственностью, в справедливом разделе того, что удача или случай даруют им на их пути, они утрачивают видимость первобытного существования и выглядят побуждаемыми куда большими человеческими чувствами, чем мы, жадные европейцы, именующие себя изысканными и цивилизованными. Они очень худы, но весьма высоки, быстроноги, физически сильны и неутомимы. В их наружности отражаются независимость и степенность. У них неистовый нрав, но скоро вновь успокаивающийся; а все их взрывы чувств демонстрируются открыто и необузданно. Они считают презрение к жизни достоинством, а малейшее проявление страха - самым большим недостатком; по причине чего они скорее предпочтут покончить с собой, чем покориться воле другого.

Их женщины демонстрируют ту же геройскую решительность, с образчиком которой и познакомился во время своего пребывания на Линии граф Ян Потоцкий. Один ингуш отвез молодую девушку из родных краев в Эндери с намерением продать ее. Еврей из Ширвана предложил за нее 240 рублей персидскими деньгами, и сделка была заключена. Покупатель и продавец на короткое время удалились, дабы взглянуть на товары, после чего девушка обратилась к свидетелям происходящего со следующими словами: «Я лишь несчастная сирота, которую всякий может безнаказанно оскорбить. Человек, меня сопровождающий, обещал жениться на мне, а теперь продает меня, дабы заиметь для себя шелковую одежду. Но я позабочусь о том, чтобы он никогда не носил ее». С этими словами она вышла в сад и повесилась на дереве.

Охота, война и грабежи считаются ингушами самыми достойными уважения занятиями юности; и они грабят в равной степени как во имя славы, так и по причине бедности. Главы семей у них безвластны, а какое-нибудь влияние на них имеют лишь красноречие и способности. Они абсолютно незнакомы с законами и отказываются от всякой покорности; а во всех своих взаимоотношениях руководствуются исключительно древним обычаем. Отец вооружает своего сына сразу же, как тот обретает способность защищать себя, и после оставляет того на произвол судьбы и его наклонностей. Ингуши заимствуют свои имена от животных: так, один именуется Устом (бык); второй - Чаком (свинья); третий - По (собака) и так далее. У женщин еще более необыкновенные имена, к примеру, Ассирвачара (та, которая скачет на самке) и так далее.

Если какой-нибудь ингуш оказывается в долгу перед человеком, принадлежащим какому-нибудь соседнему племени, и не платит ему, кредитор отправляется к его кунаку или гостю, живущему среди ингушей, знакомит того с обстоятельствами случившегося и добивается уплаты долга со следующей угрозой: «Если ты не согласишься, я приведу с собой собаку, которую убью на могилах твоего рода». Каждый ингуш трепещет при этой угрозе; и, если должник отрицает долг, он обязан поклясться, что к нему не имеет отношения. По этому случаю собачьи кости смешиваются с экскрементами тех же животных и относятся к священной скале Жерда. Здесь человек, обвиняемый в долге, произносит громким голосом: «Если я говорю неправду, пусть покойники моего рода носят на своих плечах покойников рода моего обвинителя и при том находятся в пути под дождем и палящим солнцем!» Схожая церемония имеет место в случае обвинения в воровстве, так как ингуши чаще воруют, чем дают взаймы.

Если у человека умирает сын, другой, потерявший свою дочь, идет к отцу и говорит: «Твоему сыну в ином мире понадобится жена; я отдам ему свою дочь;

заплати мне за невесту». Подобная просьба никогда не отвергается, даже если стоимость невесты доходит до 30 коров. Они берут 5 и более жен, а после смерти отца самый старший сын женится на них всех, исключая свою собственную мать. Если этот скандальный обычай осуждается в присутствии ингуша, он отвечает: «Мой отец лежит с моей матерью, так почему же я не буду лежать с его женой?»[38].

Женщины кистов и ингушей маленькие, физически сильные и довольно красивы; девушки, украшенные румянцем здоровья, очень живые, любознательные и веселые создания. Их волосы спереди пострижены столь коротко, что прикрывают лишь половину лба, который они с особой тщательностью смазывают, в том числе и свинцовыми белилами. На задней стороне головы они заплетают несколько кос, спадающих на плечи и ниже поясницы; но замужние женщины имеют лишь две косы, каждая повязана шелковой, шерстяной или хлопчатобумажной лентой. Их головной убор состоит из черкесской шляпки, медных или стеклянных серег. Женская сорочка украшена на плечах и груди шелковыми или шерстяными нитками разных цветов, толщиной в пять дюймов. Поверх ее они носят жакет, достигающий талии и перевязанный поясом, а под сорочкой - длинные штаны. Эти штаны указывают на их положение; замужние женщины носят красные, вдовы и пожилые женщины - синие, а молодые незамужние женщины - белые штаны; но все они на лодыжках украшены множеством цветов, имеющих черную кайму. Зимой женщины всех классов носят ботинки, а летом ходят босиком. Когда завершаются их работы по дому, они занимаются производством ковров или войлочно-фетровых изделий. Они изготавливают также тонкую шерстяную материю (зока), которая используется в шитье одежды для них самих, а также мужей и детей.

У них свой собственный стиль танца, небывалый среди остальных жителей Кавказа. Один участник, сидя в большом круге, поет и в сопровождении габоев или волынки призывает самых молодых и самых способных танцоров продемонстрировать свою активность. После этого пожелавшие принять участие в танце принимают разнообразные угрожающие позы и исполняют друг за другом разного рода гримасы. Когда все танцоры поочередно сделают это, среди громких и общих аплодисментов они соединяют руки, поют и танцуют, выстроившись в длинные ряды. Они часто с большим проворством образуют один широкий круг, вновь и вновь то смыкая, то размыкая его, и завершают танец теми же угрожающими гримасами, коими и начинали его. Так как прекрасному

[38] Заметно, что многие сведения об ингушах приведены Клапротом из работ разных авторов (как изданных, так и не изданных), в т.ч. и Яна Потоцкого, рукопись которого он издал впоследствии собственноручно во Франции: Voyagedanslessteppesd'AstrakhanetduCaucase… ParleComteJeanPotocki…Tomepremier. Paris, 1829.

полу не запрещено участвовать в подобном развлечении, девушки находят слепого музыканта, с коим приятно проводить время в некотором удалении от мужчин, не нарушая обычая, запрещающего им демонстрировать свою внешность незнакомцам иного пола.

Искусство письма рассматривается ингушами как чудо, дарованное христианской и магометанской верой людям, их исповедующим, тем не менее они продолжают питать антипатию к этим религиям, хотя русские миссионеры, работающие в Осетинской Комиссии, прилагали огромные усилия, дабы обратить их в православную веру. Два брата из этого народа были проданы рабами туркам, приняли магометанское вероисповедание, посетили Мекку и, в конце концов, вновь обрели свободу. Возвратившись на родину, они нашли свою мать еще живой и, обратив ее в свою веру, стали с набожным рвением проповедовать против почитания их соплеменниками священных скал. «Вы проповедуете учение, - заявили им ингуши, - которое узнали, будучи рабами; нам до него нет дела; поэтому убирайтесь отсюда и никогда более не появляйтесь здесь». Двое братьев невредимыми ушли в другие края; что свидетельствует о том, что религия ингушей значительно более терпимая, чем христианская.

Религия ингушей предельно проста; так как они поклоняются одному Богу, чье имя - Дал, но у них нет ни святых, ни иных выдающихся образов. Они празднуют воскресенье не по религиозному отправлению обрядов, а в качестве отдыха от работы. Весной они соблюдают долгий пост, а летом еще один, менее продолжительный. У них нет особых обычаев кроме тех, что исполняются при рождении или смерти человека, но ежегодно они устраивают общие паломничества к святым местам, большинство которых являются руинами христианских церквей, воздвигнутых во времена знаменитой грузинской царицы Тамары, правившей с 1171-го по 1198 г. н.э., покорившей большинство кавказцев и обратившей их в православие. В этих случаях они приносят в жертву баранов, пиво и т.д. Старый человек, известный своей безгрешностью, коего они называют Занин стаг, или «чистый человек», являющийся их единственным священнослужителем, лишь один имеет право приносить в жертву и возносить молитвы в святых местах. Такого рода празднество справляется общим пиром из жертвенных животных. От христианства они сохранили лишь почитания древних церквей и презрение к магометанской религии. Те, кто жил ближе всего к равнине Кабарды, принуждены были креститься во времена русских миссионеров, но после приостановления деятельности Осетинской Комиссии все это полностью прекратилось.

На только что описанной, южной стороне долины ингушей, на возвышенности, у подножья которой соединяются два рукава Ассая, находится древнее сооружение - место больших ежегодных паломничеств всего народа. Цанин стаг, или «святой старец», живет близ него и забивает жертвенных

животных, съедаемых паломниками; сохраняя в постройке разве что голову, рога и кости. Эта постройка частично погружена в землю и имеет в длину 23 шага, ширину - 7 футов, а высоту - 18 футов. Здание сооружено из гладкого тесаного камня, но его кровля рухнула. На западной и восточной сторонах виден маленький внутренний двор. Вход через ворота находится на западной стороне, но теперь прегражден камнями. Ныне в здание можно войти через низкую дверь на южной стороне. Над главным входом расположена некая грубо сделанная фигура, высеченная в камне горельефом. Человек представлен сидящим на стуле, а над ним, слева, из облаков исходит рука, удерживающая свиток; рядом стоит другая фигура, держащая в левой руке крест, а в правой - саблю. На другой стороне еще одна фигура держит кисти винограда на своем плече; на этой же стороне расположены головы херувимов, вставленных по углам в качестве украшения. Над главной фигурой виден фасад греческой церкви; но древнегрузинские надписи, ошибочно принятые Палласом за готические, ныне совсем неразборчивы. На восточной стороне здания имеются два узких окна, а на южной стене вместо окон оставлены маленькие треугольные прорези. Внутренность здания темная, грязная и без пола; а в середине лежит куча золы, накопившаяся от жертвоприношений. Вдоль стен сложены головы с рогами, кости и сломанные стрелы. На восточной стороне имеются несколько арок, замурованных камнем, которые, как утверждают, сообщаются с хранилищами, с находящимися в них книгами и другими предметами, принадлежащими церкви. Эти места ингуши не позволят никому исследовать. Во время моего второго визита в Моздок, однако, я добыл два изорванных греческих манускрипта по литургии, на гладкой хлопчатой бумаге, привезенной одним капуцинским монахом, однажды проникшим в край ингушей; они, собственно говоря, принадлежали католической миссии, но были обменены у иезуитов на некоторые иные, более полезные им книги.

Большие ингуши значительно более гостеприимны и дружелюбны к чужестранцам, чем те, кто проживает на Ассае и позаимствовали свои нравы и обычаи у осетин и черкесов. Во время приема гостей хозяин всегда прислуживает им и ест только то, что последние оставляют ему. Он одновременно ставит перед ними голову и грудинку; которые те должны отведать, но уши отдаются мальчику, дабы напомнить тому о долге послушания. Поев мяса, они пьют мясной бульон. Во время трапезы они сидят кругом на корточках и пользуются во время еды лишь своими пальцами. Их места захоронения являют собой склепы из наземной каменной кладки, с маленьким проемом на западной стороне, через который кладется труп; после чего проем закрывается камнями, а женщины прикрепляют к нему косы своих волос. Для людей, убитых молнией, они сооружают столбы, к которым привязывают голову и растянутую шкуру козла.

Что касается времени их расселения в крае, в коем они ныне обитают, то они о том абсолютно не ведают; но разрушенная церковь на северных холмах, у которой совершают жертвоприношения те, кто не участвует в только что описанном паломничестве, свидетельствуют о достаточно далекой древности.

Их стада и табуны значительны, и у них есть очень хорошая порода коней. Более состоятельные дают в долг свой рогатый скот и находят такой способ более безопасным и более выгодным для себя. 10 баранов с 10 овечками приносят каждые три года прирост в 8 голов, так что владелец должен получить назад 28 голов. Если арендатор имеет несчастье потерять баранов, он отдает вместо них каждые три года по корове, покуда не возвратит нужную стоимость баранов. За корову с теленком ежегодно отдается по барану; а за потерянную кобылу - корову вместе с половиной телят, что она дает; или в течение десяти лет трех баранов, кобылицу и половину жеребят, за это время рождающихся. Этот обычай имеет силу неоспоримого закона среди этих людей. В качестве определенной платы они также берут под свою защиту бедного и беззащитного человека. Они придерживаются великого поста православной церкви, но этим исчерпывается их знание христианства. Они совершают паломничества к святым местам, а после жатвы - к пещере с железным крестом. Они рассказывают необычные истории, касающиеся этих святилищ; и среди прочего о склепе в долине Шалха, отстроенном из камня. Здесь проход ведет через 9 дверей в пещеру, где в целости и сохранности остались большие книги, золотой подсвечник, сундук, полный драгоценностей, и останки мужчины и женщины.

Галгаи, халхаи, или ингуши, именуют себя ламур, или горцами; а своих соседей:

черкесы - габарти

осетины - хири

лезгины - сюэль

русские - уруси

грузины - чурджи

армяне - эрмелей

чеченцы - нахчуи

Народ ингушей состоит из семи племен, носящих следующие имена: 1. Тергимха; 2. Аги; 3. Хам-хой-у; 4. Харотой; 5. Зимкай-бох; 6. Ге-ула-ву; 7. Вапи. Их легко завоевать добротой и снисхождением; и, пока вы не обманываете их, вы можете быть уверены в их доверии. Ныне они живут в достаточно дружеских отношениях с русскими, кои смотрят на них как на подданных. Эгоизм русских гражданских чиновников дает повод к немалому сопротивлению, а жульничество армянских торговцев - к многочисленным недовольствам.

…Рано утром 25 декабря мы покинули Балташ с маленьким эскортом из 20 егерей и отправились вдоль левого берега Терека. Наш путь в течение 4 верст лежал сквозь лес буков и черной ольхи, что покрывает равнину, омываемую Тереком, составляющим в ширину сотню шагов и окаймленным, с одной стороны, очень высокими, голыми и отвесными известковыми скалами.

…Вся местность от Балташа до Лаарса называется проживающими здесь осетинами Шимит; а села Балташ, Даллагкау, Улагцмикау и Лаарс принадлежат роду Слонатех, первоначально обосновавшемуся в валагирском селе Бад, на реке Фиаг. Илальд - основатель этой новой ветви рода Слонатех - бежал из этого места где-то около 70 лет назад и обосновался на Тереке, где основал село Улагцмикау, или Чим. Его сын, ныне покойный Ахмед, продолжал жить там со своими родителями; но его оба брата, Темир-Султан и Багир, отделились от них и основали каждый для себя отдельное село, первый - Балташ, а второй - Даллагкау, или «Нижнее Село». Эти места сохранились за их потомками. Чим, начало этих поселений, ныне принадлежит одному из сыновей Ахмеда по имени Дударук; в Даллагкау живет Максим Слонатех; а в Балташе - знаменитый Девлет Мурза, известный русским под именем Девлетка, имевший обыкновение делить награбленную добычу с прежним комендантом Владикавказа, графом Ивеличем; по причине чего этот чиновник позволял ему безнаказанно совершать всякие грабежи…

Эти осетины прежде платили дань ингушам, провозгласившим свое право на эту область; но постепенно они укрепились благодаря новым переселенцам и беглецам с гор, так что теперь они причисляют себя к тагаурским осетинам и более не платят никакой дани. До строительства военной дороги они получали ежегодно от русских сотню рубашек в качестве платы за мосты через Терек между Лаарсом и Дарьялом. Однако мосты эти, состоявшие часто лишь из двух длинных, сложенных рядом бревен, иногда уже на следующий день после их сооружения уносились рекой, которая течет здесь с невероятной стремительностью, унося в своем потоке огромные осколки скалы. Гул ее пенящихся волн столь звучен, что даже на расстоянии 20 шагов от берега невозможно понять, что говорит стоящий рядом с вами человек, какие бы для того усилия он ни прилагал. С окончанием строительства военной дороги путник, отправляющийся из Владикавказа, вынужден преодолевать лишь три моста через Терек, тогда как каких-то 10 лет назад число их достигало 17.

После того как осетины Балташа, Чима, Даллагкау и Лаарса освободились от дани ингушам, они еще приблизительно 30 лет назад платили ее черкесским князьям рода Мудар (Мульдарет) в Малой Кабарде…

Напротив, Истир Цми, или Улагцмикау, наМакал-доне (на ингушском - Мукила), впадающем справа в Терек, в селе Шарахкау, которое, собственно

говоря, состоит из сел Цуратех и Ленатех, живут два осетинских рода. Выше, близ Макал-дона, западнее поселились ингуши, соседствующие с гудамакарами и пшавами и, подобно им, являющиеся большими разбойниками…[39].

Дарьял, именуемый осетинами Дайран, лежит на границе с Грузией, на речке Цах-дон, впадающей слева в Терек. Напротив этого места в него справа впадает Ахкара, а вдоль последней идет дорога, через край мукилей и ингушей в Кахетию, к истокам Уласони, именуемой Ахкарой или Гирги. Горы здесь состоят из сиенита, перемешанного с небольшим числом частиц слюды; а рядом с Дарьялом, на левой стороне Терека, с зеленым камнем, разновидности порфира…

Недалеко от Дефдароки и в 2 верстах от нынешней русской крепости Дарьял, где мы пересекли Терек по мосту, а затем продолжили путь по правому берегу этой реки, на склоне горы расположено вышеупомянутое село Гелафи, или Гюлети; это жалкое место населено бедными осетинами, принадлежащими тагаурскому племени. Близ Гелафи находится маленький луг и пещера, где путники, застигнутые темнотой, привыкли проводить ночь…

В 2 верстах от Гелафи, на левой стороне Терека, находится село Сто, которое осетины называют Пседо. Наконец поздней ночью мы прибыли в грузинское село Стефан-Цминда, что в 11 верстах от Дарьяла. Стефан-Цминда, чье название означает Св. Стефан, называется осетинами Сена, а русскими - Казбек, так как является резиденцией грузинского аристократа из рода Цобиханишвили, называемого осетинами Джобиката, чьи предки уже давно получили от грузинских царей титул Казбек, или Казибег, он исполняет должность главного сборщика налогов в области Хеви[40]…

24 декабря мы продолжили наш путь вдоль правого берега Терека.[41] Мы покинули Владикавказ со значительно меньшим эскортом, чем тот, что нас туда доставил, на этот раз будучи сопровождены разве что 30 казаками и 12 егерями. Преодолев 4 версты, мы увидели слева от нас ингушское село Сауква, ныне

---

[39] В другой части работы Г. Клапрота на немецком языке, переведенной И.С. Зевакиной встречается уточняющее сведение: «На полпути в Терек с правой стороны впадает текущий с юго-востока горный поток Мукил, называемый осетинами Макалдон. Он начинается с высокой снежной горы на границе Пшави и Хевсурии, скалистые долины которой называются также Пхоели. В его верхней части расположен Мизджегский район, называемый грузинами Джурджукети, а несколько ниже лежит собственно Кистети». – См.: Осетины глазами русских и иностранных путешественников (XIII - XIX вв.) Орджоникидзе: Северо-Осетинское книжн. изд-во. 1967. С. 137.

[40] В переводе И.С. Зевакиной есть важное дополнение: «Весь район от Дарьяла до Коби называется грузинами Хеви или Мохеви, а осетинами — Сона или Сена. К нему относятся 23 селения...» - Осетины глазами русских и иностранных путешественников (XIII - XIX вв.)… С. 124.

[41] Возможно, из-за особенностей редакционной подготовки текста к изданию в переводе К.А. Мальбахова глава 16, вновь начинается с описания выдвижения отряда Клапрота из Владикавказа, но речь может идти об ином путешествии.

именуемое русскими Саурова. Оно расположено на крутом берегу Терека в каких-то 2 верстах от первой цепи Кавказских гор. Ни одна часть села не видна из долины, исключая довольно высокую конусообразную башню, построенную из очень белого известнякового камня. Я поскакал на возвышенность, дабы ближе рассмотреть ее. У нее не было внизу дверного проема, лишь широкое, продолговатое отверстие находилось на высоте приблизительно 12 футов, куда нельзя было подняться без лестницы. Мои казаки, ускакавшие вперед, встревожившись по поводу моего небольшого обходного маневра, поспешили назад, дабы защитить меня в случае необходимости; столь мало доверяют они даже тем горцам, с коими они находятся в дружбе и союзе. Саурова населено ингушскими и осетинскими беженцами, почти все из которых живут в деревянных домах; но последние превосходят числом первых, так что уместнее будет называть это селение больше осетинским, чем ингушским. Через какую-то версту к востоку, на горе, расположено село Бушуа, откуда еще 7 верст до Больших ингушей. Через 5 верст от Сауквы и, следовательно, 9 верст от Владикавказа мы достигли осетинского села Балташ, названного русскими Балта, расположенного на склоне мелового холма слева от Терека. Длинный деревянный мост, воздвигнутый лишь несколько лет назад, ведет через реку, кою мы здесь преодолели, и продолжили свой путь на левом берегу, покуда не достигли Дарьяла.

У входа в долину Терека, текущего на юго-восток, полностью пересекая Северный Кавказ, холмы, расположенные справа и слева, состоят из известняка, сопровождаемого глинистым сланцем, а чуть выше по реке - сиенитом. За Дарьялом, прежде именовавшимся Кавказскими Вратами, на границе с Грузией сиенитские горы заканчиваются и здесь начинаются базальтовые образования, кои в большей или меньшей мере прерываются глинисто-сланцевыми холмами и простираются не только до высоких гор Кавказа, но и через те части их самой высокой цепи, по которым путешественник должен пройти, следуя из долины Терека в долину Арагви, лежащую на противоположной ей стороне, на юге.

Ниже Балташа находится в долине маленькая равнина, где ингуши пасут летом своих овец, за что они платят небольшую пошлину представителю осетинского рода Темир Султана Илальди, коему это село и принадлежит…

Севернее Балташа маленькая речка Сенкагин впадает с левой стороны в Терек. Следуя из этого села, я поднялся на самые высокие холмы на северном берегу этой речушки. В сильный летний зной русло Сенкагин почти сухое, но после сильного дождя ее течение непомерно разрастается. Так как эта речушка течет с мелового холма, ее русло покрыто круглыми, белыми, обособленными известняковыми камнями. На восточном берегу Терека, напротив Сенкагин, до

Кумбая простирается обширная, но довольно высоко расположенная долина, в которой находятся жилища ингушей…

Эта небольшая экскурсия заняла у нас несколько часов; и, так как мы выехали из Владикавказа поздно, сочли благоразумным провести ночь в Балташе, дабы не подвергать себя опасности нападения ингушей или осетин...[42].

Текст воспроизведен с нашими сокращениями по изданию: Описание поездок по Кавказу и Грузии в 1807 и 1808 годах по приказанию русского правительства Юлиусом фон Клапротом, придворным советником Его Величества императора России, членом Академии Санкт-Петербурга и т. д. / Пер. с англ. К. А. Мальбахов. Нальчик: Эль-Фа, 2008. – С. 5-6, 49-70, 193-201, 235-295,307-310.

Первоисточник: Travels in the Caucasus and Georgia, performed in the years 1807 and 1808, by command of the Russian government, by Julius von Klaproth. London: Henry Colburn, 1814. – 421 c.

Приложение.

Mizdſhegiſche Sprachen // Kaukasische Sprachen. Anhang zur Reise in den Kaukasus und nach Georgian von Julius von Klaproth, Halle und Berlin, 1814.(Мизджегские языки // Кавказские языки. Приложение к книге Юлиуса фон Клапрота "Путешествие на Кавказ и в Грузию", Галле и Берлин, 1814).

[42] Выехав из Владикавказа 24 декабря 1807 г. Клапрот по Военно-Грузинской дороге отправился в Тифлис где оставался до июня 1808 г. К 14 июня он уже в Моздоке, откуда посетил Кабарду, затем обследовал до ноября Кавказскую линию, а зимой через Ставрополь отправился в Петербург, которого достиг в январе 1809 г.

Zweiter Abſchnitt.

Mizdſhegiſche Sprachen.

In Weſten und Nordweſten von den Lesghiern wohnen verſchiedene Völkerſchaften, die zu einem Stamm gehören und Dialecte derſelben Sprache ſprechen. Sie haben für ſich keinen gemeinſchaftlichen Namen, heißen aber bei ihren Nachbarn den Tataren, Tſcherkeßen und Andiſchen Lesghiern, Mizdſhegi. Güldenſtädt hat zwar ihr Land Kiſtien oder Kiſtetien benannt, allein mit wenigem Recht, denn der Georgiſche Name ხისტეთი Khißtethi, kommt nur einem kleinen Theile deſſelben zu. Bei den Georgianern heißen nämlich, ſeit ſehr alten Zeiten, die oberen Gegenden des Fluſſes Kumbalei, an dem die Inguſchen wohnen, ძურძუკეთი Dſurdſuk'ethi, und ſollen vom ძურძუკოს Dſurdſuk'oß ihren Namen erhalten haben. Darauf folgt an demſelben Fluſſe der Diſtrikt ხისტეთი Khißtethi, zu dem auch der Inguſchiſche

Stamm Wapi, am Makal-don des Terek's gehört, und die unteren Gegenden bis dahin, wo der Kumbabalei aus dem Gebirge tritt, werden von ihnen შუაში ჯარიეხი Schuaſchi Dſhariechi genannt. Man ſieht alſo, daß der Name des Landes Kißtethi, der von der Benennung eines Stammes Kisthi herſtammt, nicht den Wohnplätzen der ganzen ſprachverwandten Völkerſchaft beigelegt werden kann.

Nach der Sagengeſchichte der Georgianer, die ihre Stammtafel durch თარგამოს Thargamoß an den Erzvater Noach der Moſaiſchen Traditionen anflicken, ſollen die Bewohner von Dſurdſuk'ethi zu den älteſten Völkern des Kaukaſus gehören, und dann belegen ſie das ganze Land, vom oberen Tereck bis an die Gränze der Lesghier (ლეკეთი Lekhethi), mit dieſem Namen. In der öfters angeführten geographiſchen Beſchreibung von Georgien *) heißt es unter andern, wo vom Lande der Oßeten die Rede iſt. „Die „Gegenden, welche wir jetzt beſchreiben wollen, waren „das Erbtheil des ჯაჯაოს K'awk'aßoß, des „Sohnes des თარგამოს Thargamoß. Die „beiden Brüder ლეკან Lek'an und K'awk'aßoß, „begaben ſich in die Gebirge, und Lek'an beherrſchte,

*) S. den erſten Theil meiner Reiſen S. 504.

„ſo wie er, den ihm zugefallenen Theil. Nach dem „Einfall der ხაზარი Chaſari, gab der König der„ſelben ſeinem Neffen die Gefangenen aus რან Ran „(Schirwan) und მოვაკან Mowak'an (die „Landſchaft Eriwan), und machte ihn zum Herrn des „öſtlichen Theiles des Gebirges, bis zum Meere von „დარუბანდი Darubandi (Derbend), der dem „Lek'an gehört hatte, wo er ſich auch mit ihnen nie„derließ. Choßoniß ხოსონის aber, welcher der „berühmteſte aus dem Geſchlechte des Lek'an war, zog „ſich tiefer ins Gebirge und erbaute eine Stadt, die er „nach ſeinem Namen ხოსონეთი Choßonethi „nannte, und gab den Chaſaren Tribut. K'awk'aßoß „herrſchte von der Gränze des Lek'an bis zum Meere „პონტოს Pontoß (Pontus), und über die Eb„nen nördlich vom Gebirge. Deshalb erhielt dieſes „den Namen K'awk'aß, die Ebnen aber wurden „ოვსეთი Owßethi (Oſſetien) genannt. Allein ſeine „Herrſchaft endigte mit dem Einfall der Chaſa„ren. Denn der König derſelben gab das Land des „K'awk'aßoß und die Gefangenen aus Kharthl„ßomchithi ქართლ-სომხეთი (Georgiſch„Armenien) ſeinem Sohne ურბანოს Urbanoß.

„Dieſer vertilgte die Nachkommen des K'awk'aßoß „und ließ ſich, mit den ihm ertheilten Gefangenen, in „ihren Wohnplätzen nieder, und nannte ſie ო-ჯყეთი „Owßethi, welches im Chaſariſchen bedeutet, die er „vertilgt und die er wiedergeſäet hat. So wie „das Erbtheil des ბარდო-ს Bardoß (d. i. Schir„wan) რანი Rani genannt ward, weil viele ver„tilgt und verwundet worden *). Aber der Sohn „des ტინენი Tineni Namens მურმუკო-ს

*) Um dieſen Unſinn, der etwa nur für einen Chaſarendichter hiſtoriſchen Werth haben kann, verſtändlich zu machen, muß ich bemerken, daß der gute Georgianer, der dieſe geographiſche Beſchreibung verfaßte, keinen Begriff davon haben konnte, wie weit man in der Etymologie gehen darf. Er wußte, daß die Chaſaren in den Gegenden gewohnt haben, die jetzt den Ruſſen unterworfen ſind; deshalb glaubte er, ſie müßten Ruſſiſch geſprochen haben und darum leitete er Owßethi von сѣять, ſäen, und Rani von ранить, verwunden, ab. — An einer anderen Stelle erklärt er den Namen des Oßetiſchen Diſtrikts Dwalethi, eben ſo aus dem Chaſariſchen, und ſagt, ſeine Bewohner hätten ihren Tribut alle zwei Jahre (Ruſſiſch два лѣтъ) entrichtet, und wären darum ſo genannt worden. — Wer Jefremows Reiſen für ein brauchbares Originalwerk hält, und nicht weiß, daß ſie größtentheils aus Pallas nordiſchen Beiträgen abgeſchrieben ſind, kann auch wohl deraleichen brauchen.

„Dſurdſuk'oß, war der berühmteſte unter den Nach-
„kommen des Kawk'aßoß, und begab ſich tiefer ins
„Gebirge, wo er eine Stadt erbaute, die er nach ſei-
„nem Namen Dſurdſuk'ethi nannte; und dieſe Be-
„nennung erhielt nachher das ganze Land vom Aragwi
„(hier der Tereck) bis zur Gränze von Lek'ethi.“ —
Hieraus ſieht man alſo, daß, wenn man das Land der
Mizdſhegi mit einer allgemeinen Georgiſchen Benen-
nung belegen wollte, es eher Dſurdſukethi als Khi-
ſtethi heißen könnte.

Die Ruſſen nennen die Mizdſhegiſchen Völker ge-
wöhnlich Чеченци oder Tſchetſchenzen, allein dieſer
Name kommt auch nur einem Theil derſelben zu, und
iſt deshalb ebenfalls ſehr unpaſſend.

Mehrere Umſtände, und ſelbſt daß ſie ſo früh in
der Georgiſchen Geſchichte vorkommen, machen es wahr-
ſcheinlich, daß die Mizdſhegi zu den älteſten Einwoh-
nern des Kaukaſus gehören, und ich kann deshalb auch
nicht der Meinnng des Herrn Grafen Potocki und
des berühmten Pallas ſeyn, die beide ſie für Ueber-
reſte der Alanen halten; und dies aus keinem andern
Grunde, als wegen einer einzigen, ſehr ſchwankenden,
Etymologie. Nach dem von J. Voſſius herausgege-
benen anonymen Periplus, ward nämlich die Stadt
Theodoſia in der Ekrym, Ardauda genannt, wel-
ches in der Alaniſch-Tauriſchen Sprache die ſieben
Götter bedeuten ſoll. Pallas bemerkt hierbei: „Man
„findet noch in der Kiſtiſchen Sprache dieſelbe Bedeu-
„tung, denn in derſelben heißt uar ſieben und dada
Vater und Gott.“ Dieſer Behauptung iſt beſonders

das entgegen zu ſetzen, daß in der Sprache der Mizdſhegi uor zwar ſieben bedeutet, aber Dada weder Gott noch Vater. Denn bei allen Stämmen dieſes Volkes heißt Dåle Gott, und da Vater. Da aber iſt nicht dada und Vater nicht Gott, alſo ſteht die ganze Wortableitung nicht feſt genug, um auf hiſtoriſches Gewicht Anſpruch machen zu können.

Die Wohnplätze der Mizdſhegi werden, wie ſchon geſagt, in Weſten vom oberen Tereck und in Norden von der kleinen Kabardah und dem Fluſſe Sſundſha begränzt. In Süden haben ſie das Schneegebirge des Kaukaſus, welches ſie von den Chewßuren, Pſchawen, den Gudamaqari und K'achethi trennt; doch wohnen einige ihrer Stämme, und namentlich die თუშები Thuſchi, ſüdlich von demſelben am Urſprunge des ალაზანი Alaſani. In Oſten endlich reichen die Wohnungen der Mizdſhegi bis zum oberen Jachßai und Endery.

Mit Ausnahme der Thuſchi zerfallen die Mizdſhegi in drei große Stämme. Der erſte weſtliche ſind die Galgai, Halha oder Inguſchen, die ſich ſelbſt auch Lamur, d. i. Gebirgsbewohner, nennen. Sie bewohnen die Gegenden an den Flüſſen Kumbalei, Sſundſha und Schalgir oder Aßai, und ich habe von ihnen weitläuftig im acht und zwanzigſten Capitel geſprochen. Der zweite Stamm ſind die Ckarabulack (قرابولاق Tatariſch: ſchwarzer Quell), die ſich ſelbſt Arſchte nennen, ſo wie ſie auch bei den Inguſchen

ſchen heißen, dagegen ſie von den Tſchetſchenzen Ariſch tojai genannt werden. Sie bewohnen das große Thal, in dem der Martan, der bei ihnen Farthan heißt, fließt, und haben an den, unter demſelben in die Rechte der Sſundſha fallenden Bächen, Aſchgan, Walareck und Tſchalaſch, ihre Viehtriften. Den dritten Hauptſtamm endlich machen die Tſchetſchenzen aus, die von den Ekarabulack an bis zum Jachßai wohnen.

Was die Sprache der Mizdſhegi anbetrifft, ſo iſt ſie zwar von allen übrigen Kaukaſiſchen, dem größeren Theile der Worte nach, verſchieden, doch beut ſie viele Aehnlichkeiten mit den Lesgiſchen Sprachen, und beſonders mit der Ekadhi-Ekumuckiſchen und Awariſchen, dar. Ebenfalls finden ſich in derſelben viele Wörter, die mit Sſamojediſchen, Woguliſchen und anderen Sibiriſchen, ja ſogar mit Slaviſchen verwandt zu ſeyn ſcheinen, wie das hier folgende vergleichende Wörterverzeichniß lehrt.

Der Thuſchethiſche Dialekt iſt mit vielen Georgiſchen Wörtern vermiſcht, die ich anzumerken Sorge getragen habe.

	Tſchetſchenziſch.	Ingu-ſchiſch.	Thuſchiſch.
Menſch	ſteg, ſteig	ſtag	ſtag
Volk	naach duka-nach	naach	chalchea Vom Arab.
	Sſamojediſch: nänizja	nänetſch,	خلق chalck
Mann	maile, kõna-choi	mairilk	mairilk

	Tſche-tſchenziſch.	Ingu-ſchiſch.	Thu-ſchiſch.
Weib	ſtjuoi, ſuden	ſielk	ſtuino
	Awariſch: tſchuſhu. Anzug. tſhuſho		
Kopf	kerte, kjorta	korte	korte
Hals	wartade	ſaart	ſake
		Ekadk. Ekum. chartol	
Stirn	haſhe, chjaiſe	hadſhe, chiſh-ſhe	haka
Haare	tſcho, kaſher-jaſch	kudſh	bedſh
Geſicht	juche, joch	juchmerin	
Ohr	lerik, largiſch	lerk	lerk
	Akuſch. lai. Kubetſcha: lege		
Auge	berik, bergiſch	berg	berka
	Awariſch: ber, in Chunſag, Dſhar und Anzug: beer		
Augenbraunen	ßazgámeſch	tegilam	
Naſe	maré, mara	mirha	marhlo
	Awariſch: meer, Kubetſcha: Mir, Andiſch Mahar		
Mund	bagga	jiſt	bak
Lippe	barde	bardaſch	batra
Zunge	mot, mut	motte	mot
	Awariſch: maz, in Chunſag: maaſt, in Dſhar und Anzug: maaſt, bei den Dido: meſt, Andiſch: mits, Ekadh-Ekum: mas.		
Zahn	ẓergiſch, zargiſch	ẓergiſch	ẓerka
	Ekadh-Ekum. kertſchi		

	Tſche-tſchenziſch.	Ingu-ſchiſch.	Thu-ſchiſch.
Hand	kuik, kuigiſch Ekadh-Ekum. kůja	kulg Tatar. ﻗﻮﻝ kol	tota
Finger	palik Ruſſiſch: пальцы Permiſch: pelu	palk'	tarka Sſamojediſch: tarka. In den mehrſten Dialecten am Eismeere.
Fuß	kok, koegiſch Syrjäniſch und Permiſch: kok, Litth. koja, Lettiſch: kaja, Oſſetiſch: kach, Akuſchaiſch: kaſch, Awariſch: pog.	kog	kog
Knie	gua	gua, waru	gagu Dſhar. guga
Nagel	mare	mare	maru
Brüſte	tar	tar	tar
Rücken	bukg Chunſag: much, ſo auch in Dſhar und Anzug. — In den Sſamojediſchen Mundarten maga, macha und maku, Motoriſch: baggada, Kamaſch: bagyn.	buko	
Bauch	gee	guiki, byiki	
Horn	mah, magareſch	moa	
Herz	dugh Ekadh-Ekum. dáku, Andiſch: t'eko	dog	dog
Blut	tzi, jioh	tzi	tzegl
Schweiß	hazer	hazer	topg Georganiſch: ოფლი ophli

	Tſche-tſchenziſch.	Ingu-ſchiſch.	Thu-ſchiſch.
Knochen	diächk	techk	dſul
	Ekadh-Ekum. terk.		Georgiſch: ძვალი dſwali
Haut	kaka, tſchkura	kaka, znalka	kaka
	Anzug: cheg, Dſhar: keg, Awariſch in Chunſag: zoko — Ruſſiſch: шкура, Fell.		
Feder	tkameſch, pielek	tkameſch	itch
	Akuſch. pala, Ekadh-Ekum. bál.		
Flügel	tam		
Schwanz	zzogu		
Penis	ten	ten	ten
	Akuſcha: tuna, Kubetſcha: duna.		
Cunnus	bût	bût	but
	Bei den Dido: beti, in Kabutſch: byto.		
Fiſch	haëme, hachami, tſchaara	haam, tſchlaté	tſchare
	Ekadh-Ekum. hába, Sſamoj. bei Mangaſeja und Turuchansk: karre oder charre.		
Vogel	alchaſir, alchaſur	al'chodſer'	prinel
			Georgiſch: ფრინველი phrinweli
Wurm	léché		
Biene	maßur	moßarts	putkar
			Georgiſch: ფუტკარი Phutqari

	Tſche-tſchenziſch.	Ingu-ſchiſch.	Thu-ſchiſch.
Fliege	maſui	mos	
	Litthauiſch: mußia, Lettiſch: mußſcha.		
Bock	botſch	barrek	bohè
		Akuſcha: burberk.	
Ziege	gaſe	gaſe	gaſe
Schaaf	uſtge, uſtchi	uſtge	dſha
Widder	kaë	kaë	arl'he
	In Chunſag: kû, Schaafbock, in Dſhar: ky.		And. arl'e.
Lamm	tſchechi	tſchug	tſchug
Ochſe	ſtu	uſt	uſtu
	Awar. in Chunſag: Oz, Dſhar. ots, Wogouliſch: oſchka und uſh, Permiſch: iſch.		
Kuh	jet	jet	jete, jetto
	Bei den Dido ata. — Bei den Karagaßen yddu, bei den Taiginzen uddu, bei den Motoren ydde. (Alle drei Sſamojediſche Stämme im ſüdlichen Siberien.)		
Kalb	aſa	aſa	aſa
Hund	ſhari, dſhaali, borſchei	pô	pôhu
		Kubetſcha: woi, bei den Dido gwai. — Tſcherimiſch. pii, pié, Permiſch und Syrjän. pon. In den Sſamojediſchen Sprachen byn, wyn oder bun.	
Katze	zizik	zißke	koto
			Georgiſch: კატა k'ata.

	Tſche-tſchenziſch.	Ingu-ſchiſch.	Thu-ſchiſch.
Schwein	häke, khaka	hake, chaka	ka
	Tſcherkeßiſch: kho, Abajſiſch: choa, Perſiſch: chuk, Oſſetiſch: chui oder choi.		
Pferd	gaur, dïïn	gaur, gour	ulok
	Bei den Tawginsk. Samoj. dünka.		Oſtiakiſch am Oby loch, log.
Eſel	wir	wir	wir
	Georgiſch: ვირი wiri.		
Mauleſel	barße	bardſau	bardſau
Kameel	ankel	tewa	aklam
		Tatar. төя täwä.	Georgiſch: აქლემი akhlemi.
Hirſch	ſei	ſei	ſage
Maus	dachka	dachkbé	
	Georgiſch: თაგვი thagwi. — Sſamojediſch bei Tomsk tawa, tawu, am Narym, Ket und bei dem Timskiſchen Stamme taua.		
Hahn	nali, nani	birgul, barol	mammal
			Georgiſch: მამალი mamali.
Huhn	kotom	kötum, kuatam	kotam
	Georgiſch: ქათამი Khathami.		

	Tſche-tſchenziſch.	Ingu-ſchiſch.	Thu-ſchiſch.
Puter		t'hajed	indorin-kotam d. i. Indiſches Huhn. Georgiſch: ინდაურის ქათამი indauri khathami.
Taube	kiaku Andiſch: kocho.	kok	
Gans	kas Tatariſch: قاز kas.	gaſh	bata Georgiſch: ბატი bati. Arab. bât.
Ente	bat Woguliſch: batta, pot.	babus Tſcherkeſſiſch, Abaſiſch u. Oſſetiſch: Babyſch.	ichw' Georgiſch: იხვი ichwi.
Waitzen	ka	ka	oh
Gerſte	muk	muk	pſa
	Bei den Dido maka, in Akuſcha mu'ke.		
Hirſe	burts	burts	burts
	In allen Awariſchen Dialecten mutſch. Andiſch betſcha		
Fuchsſchwanz	kame	kame	
Hafer	ken, ßüß	ken	ken
	Ekadh-Ekum. ſus, Akuſcha: ſußul, Wotiakiſch: ßiſi. In den Wogul. Dialecten ßul.		
Spelz		ſoſche	

	Tſche-tſchenziſch.	Ingu-ſchiſch.	Thu-ſchiſch.
Mays	hadſhi-ka, d. i. Pilger-Waitzen In Akuſcha: hadſhlank	hadſhi ka	ſimindi Georgiſch: სიმინდი ſimindi.
Reis	dugu	plau (gekochter) Allgemein in Aſien ſo genannt.	brinſh. Iſt die allgemeine Aſiatiſche Benennung.
Mehl	har	har	har
Baum	che, chīe Georgiſch: ხე che.	che Motoriſch am Altai: hä.	che
Holz	datſchik	dos	dos
Blatt	ßīni, ggä	ggä	
Aſt	gjaneſch, geeneſch	tkou Woguliſch an der Tſchuſſowaja tou, bei Bereſow tuu. Oſtiakiſch beim Lumpokolskiſchen Stamme kug'.	
Stamm	juchlck	guder	
Wurzel	arumeſch	toroniſch	
Frucht	ſtuameſch	ßum	
Binde	kauſt	jaſta	
Kraut	buz Dido: bich.	buz, jol	
Heu	jol	jol	jol
Ey	chua, ue	f'u, foaſch	gaga

	Tſche-tſchenziſch.	Ingu-ſchiſch.	Thu-ſchiſch.
Fleiſch	giſhik, dilichi	dilch	ditch
		Ekadh-Ekum. dik, Akuſch. dih.	
Brod	mäk	mäk	mak
	Lettiſch: maiſe, Liefländiſch: maize.		
Wein	tſchagir	wün	wün
	(Tatariſch)	Georg. ღვინო-Ghwino.	
Branntwein	aräk	aräk	aräk
	Ein in ganz Aſien gewöhnliches Wort.		
Butter	däte	däte	date
Käſe	nechtſchi	netchche	netchche
	Akuſchaiſch: nußia, Ekadh-Ekum. nis.		
Milch	ſchirre, ſchure	ſchirre, ſchuro	ſchurra
	Perſiſch: ſchir, Oſſetiſch: Achßyr, achſchir, Tſcheremiſſiſch: ſchür, Woguliſch an der Tſchiuſſowaja: ßyrtai. — Andiſch: ſchiu.		
Saure Milch	juurt	ſchaar	ſchaar
	Tat. یوغورں joghurd.		
Honig	mos	mods	mods
	Bei den Dido: mutzi, Awariſch: hodzò, Andiſch: hunz. In Kabutſch: nutzo, Ekadh-Ekum. nitz. — Slaviſch: meth.		
Wachs	balaus	balaus	ſantel
	Vom Tatariſchen بال bal Honig, abgeleitet.		Georgiſch: ცვილი Santheli.
Meth	balbuſe	millar	tſcherbat
Bier	ſira	ih	jeg
	Vom Tatariſchen ſrah صرا Tſcherkeß: ſirre.		

	Tſche-tſchenziſch.	Ingu-ſchiſch.	Thu-ſchiſch.
Waſſer	chi	chii	chi
Feuer	ƫe	ƫe	ƫe
	Awariſch: za in allen Dialecten, ſo auch bei den Andi und in Akuſcha. Bei den Dido zi, Ckadh-Ckum. zu. — In den Sſamojediſchen Dialecten tu oder ty.		
Rauch	kür	jegog	
	Ruſſiſch: куритъ räuchern.		
Flamme	joocholu		
Kohle	karru		
Weintraube	kemßeſch	kamßyſch	
	Vom Tatariſchen Kyſchmyſch كيشمش Roſine		
Pflug	gotan	gotanger, ßerſch	gutan
	Vom Georgiſchen გუთანი guthani.		
Egge	pchacïelu	chanachol	
Sichel	mangal	maugal	zaeli Georgiſch: ცელი zeli.
Hemde	kotſch	kotſch	perangi Georgiſch: პერანგი pheranghi.
Kleid	bartſchag	bartſchag	kartſchi
Hoſen	chat'ſhi	chat'ſhi	chot'ſhang
Huth, Mütze	kü	kü	kud Georg. k'udi ქუდი

	Tſche-tſchenziſch.	Ingu-ſchiſch.	Thu-ſchiſch.
Schuhe	matſche Bei den Dido: maſchabi.	matſche	tſchekma Iſt Perſiſch u. Georgiſch.
Gürtel	dichku	tüchkar	
Panzer	barzcha	gag	
Axt	dik In den mehrſten Sſamoj. Dialecten tuka.	dik	
Schiff	gaalai	kema Iſt Tatariſchen Urſprungs.	
Meſſer	urs	urs	neka
Löffel	aik	agk	kato Auáriſch in Chunſ. gut.
Schwerdt	tur Akuſcha und Ekadh-Ekum.: tur.	tur	tur
Flinte	toop Bei den Lesghiſchen Nationen topang, Georgiſch: tupi, Tatariſch: tjuſeng.	toop	toop
Schießpulver	malchon	melcho	zomal Georgiſch: ზამალი zamali.
Feuerſtein	makatz	makatz	makatz
Salz	tuchi Tſcherkeß: ſhug oder tchug. Stammt wahrſcheinlich von dem Tatariſchen تۇز tus ab.	tuch'	tuch'
Schwefel	ſengel	ſagmal Ekadh-Ekum. tſchamatu. Auáriſch: tſchabat.	gogird Perſiſch: گوگرت gogirt.

	Tſche-tſchenziſch.	Ingu-ſchiſch.	Thu-ſchiſch.
Salpeter	ſhanſau And. ſhanſau, Auár. tſchamſa, Akuſcha: janſau.	malchoneſcha (malchon Schießpulver.)	pſcha
Feuerſchwamm	kadſhem	kadſhem	kakamo
Tabak	tamako	tamako	tambako
Baumwolle	bama	bombag	bombag
	Dies Wort ſtammt aus Indien u. iſt in ganz Aſien verbreitet. Daher das Ruſſiſche бумага.		
Leder	kakka	kakka	peſug
Wolle	tſcha	tſcha	tſcha
Seide	haſa	haſa	abreſchum Georgiſch: აბრეშუმი Abreſchumi. (Perſiſch)
Tuch	ɦoka Ekadh-Ekum.	ɦoka tſchuka, And. ſchuka, Oſſetiſch: ɦuka.	maudi Georgiſch: მაუდი maudi.
Aeltervater	deen deen da (Vaters Vaters Vater)	deen deen da	kani dada da-da (Altvatersvater)
Großvater	deen da (Vaters Vater)	deen da	kani dada (Alter Vater)

	Tſche-tſchenziſch.	Ingu-ſchiſch.	Thu-ſchiſch.
Vater	da	da	dada
	In Chunſag: dadi. In Anzug und Dſhar: dede. In Akuſcha: tutteſch, in Kubetſcha: dudeſch. Finniſch in Karelien und bei Olonez: tato. Mordwiniſch: Tátái.		
Mutter	nana, ſchen	nana	nana
	Bei den Dido: enniu, enna, Ckadh-Ckum. ninu, Tatariſch: ana.		
Bruder	waſcho, waſche	waſcha	waſcho
	Awariſch: uaz, in Chunſag: waaß. In Anzug und Dſhar: uaſt, Ckadh-Ckum. uſu, Permiſch: Wok, Syrjäniſch: won.		
Schweſter	iſcha	iſcha	jaſcho
	Awariſch in Chunſag: iaß. Andiſch: jods. — Wogul. an der Tſchuſſowaja: iß u. iſcha.		
Ehemann	waar	waar	waar
	Tſcheremißiſch: mara, Mordwiniſch: mirdá.		
Ehefrau	iſtiu	ſielk	ſtu
Sohn	ua	ua	woë
	Awar. uaß, And. oſcho, Akuſcha: aſcho.		
Tochter	johè, jio	jugik	johe
	Awariſch, Chunſag, Dſhar und Anzug: jas, Andiſch: joſchi, Woguliſch: aji, aja.		
Mädchen	johe	jugik	johe
	In den Awariſchen Dialecten: jaße, Oſtiakiſch in einigen Dialecten am Oby: jug.		
Knabe, Kind	kanat, bajar	baïri	bair
Greis	kan maile	kan mairik	kani ſtag
	Alle dieſe Wörter bedeuten alter Mann.		
Alte Frau	kan iſtiu	kan ſielk	kani
	(Alte Frau)		(Alte)

	Tſche-tſchenziſch.	Ingu-ſchiſch.	Thu-ſchiſch.
ich	- -	ſo	ſo
mein	- -	ſenda	ſen
mir	- -	ſuana	ſuana
mich	- -	ſuan	ſuan
mein Ochſe	- -	ſe uſt	ſen uſtu
meine Kuh	- -	ſe jet	ſe jet
du	- -	ho	ho
dein	- -	henda	hem
dir	- -	hone	hone
dich	- -	ho	ho
dein Ochſe	- -	he uſt	hem uſtu
deine Kuh.	- -	he jet	jem jet
er	- -	jer	woje
ſein	- -	zunde	kortihada
ſich (sibi)	- -	zunne	
ſich (se)	- -	ſembe	
ſein Ochſe	- -	zun uſt	
ſeine Kuh	- -	zun jet	
alt	kan, t'kanim	kan, t'kenė	kani
lang	jeachen (Länge, deechen)	deachė	
ſchwer	däßi	dedſende	dadſin
leicht	dai	daiende	dani
hart	tſchohondu	tſchaagwa	tſchaagwa
groß	dakko, dokon	wakkawe	dakko
klein	ſchama, dſhemma, ſcharein	zango, ßemoju	katsgo

	Tſche-tſchenziſch.	Ingu-ſchiſch.	Thu-ſchiſch.
rauh	tſchago	tſchago	tſchago
glatt		ſcharende	ſaia
ſüß	marßi	mirſende	mazeli And.: mitza.
bitter	kähi	kaënde	kahen
ſauer	mußte	mußte	muſte
rein	zani	zani	zani
kalt	ſchielin	tſchiäle	pſchele
	Aſſaniſch: tſchala, Kotowiſch: tſcholtu.		
warm	jauchen	dauchan, tau	jubche, jobche
	Sſamojediſch bei Obodorsk: jube, juwo, bei Turuchansk: juwa, bei Puſtoſersk: uba.		
hoch	läken	lakkende, beggé	tſchaho Lesgiſch in Anzug u. Dſhar: tſchahab.
niedrig		lachou	lachun
gut	dikinda	dikinda	daki
ſchlecht	uonda	uonda	moſin
Erde	lette, late	läte	jobſte
Staub	tſchen	doma	
Weg	nik	nik	nik
	Awariſch in Chunſag nuch, eben ſo in Anzug und Dſhar.		
Schmuz (Koth)	kilieſch	chotte	
Acker	urt	kaaſch	eà
Wieſe	zan, aarezan	zan, choch	ſatib Georgiſch: სათიბი Sſathibi.

	Tſche-tſchenziſch.	Ingu-ſchiſch.	Thu-ſchiſch.
Wald	chün	chün	
Feld	jaatſchuni	urt, kaat', arii	
Berg	lam	lamartſch, bird	kmati Georg. მთა Mtha.
Hügel	trachua	barzé Georgiſch: ბარძი Barzwi.	
Thal	biiru	chos'leru Georg. ბარი bari.	
Loch	urik	jurka Tatar. uru, tſchukur.	
Grube	tchag'	lerma	
Graben	achker	burug	
Gränze	muchk'	let' dußto	
Stein	kera, tulak	kera	kera Ckadh. Ckum. Tſcheru, Armen. kwar'.
Kalk	kir	kir	kir Georgiſch: kir, iſt im ganzen Kaukaſus verbreitet und ſtammt vielleicht von dem Tatariſchen Kiredſh ab.
Sand	chum (Tatariſch)	teſch	lams
Thon	tapur, chat'	tapur Awariſch, Anzug und Dido: tſchabar'. Sſamojediſch in mehreren Dialecten tab oder tob.	tika Georgiſch: თიხა Thicha.

Haus

	Tſche-tſchenziſch.	Ingu-ſchiſch.	Thu-ſchiſch.
Haus	z'á	zaa	
Thür	mjaaraſch	nné	
		In allen Samojediſchen Dialecten nû oder no.	
Hof		ku	
Heerd	otſchag	otſchag	
	Iſt Tatariſch.		
Meer	chort	furt	
	Oßetiſch: furd. —		
Fluß	malar, dochon-chi (groß Waſſer)	doka-chi (groß Waſſer)	chi (Waſſer)
Ufer	ißt	ſchuu	
Quell	kulau	chi-chaaſt (Waſſerquell)	ʒkaro
	Ekadh-Ekum. kula.		Georgiſch: წყარო Tzqaro.
Welle	tulguneſch	chißtedete	
	Tatariſch: tulghun دولغون		
Tag	deni, dini	den	tcha
	Slaviſch: den, faſt in allen Mundarten.		
früh, morgens	jorru, urû	ßure	
Nacht	bußu	bûſcha	bußu
Abend	ſarrach	ßeire	
Woche	barchde	kirra	kwire
		Georg.: კვირა k'wire.	

	Tſche-tſchenziſch.	Ingu-ſchiſch.	Thu-ſchiſch.
Monat	tkeitede	but (S. Mond)	but
Jahr	ſchna, ſchite-but (zwölf Monat)	zaſchù, tja-ſchò In Anzug und Dihar: Soſo.	ſcho Sſuaniſch: Sjai.
Faſten	Marchua	marcha	marchq
Frühling	gura	gura	gaßapul Georgiſch: გასაფხული Gaßapchuli.
Sommer	Achke	achke	chko
Herbſt	baßti	baßti	ſtaboſe
Winter	ai	ai	ah
Mittag	deke cha	moßti cha	jutkma dede
heute	ta chan (dieſer Tag)	ta chan	tgada Sſuaniſch: gadi.
geſtern	ſilchan, ſelchan	kanſam	pſara
morgen	kan	kan	kan
Himmel	ſtyglà	ßiglie	
Sonne	Malch	malch	match
	Ekaßi-Ekum. barch, Andiſch: mitli, mitſchßi, Suaniſch: miſh.		
Mond	but	bût, butto	bût
	Akuſcha: baz, Ekaßi-Ekum. barß, Andiſch: porz.		

	Tſche-tſchenziſch.	Ingu-ſchiſch.	Thu-ſchiſch.
Stern	ßeta, ßied	ſeta, ſüta	teru
Licht	ßirlalu	de	
Regenbogen	zelad		
dunkel	jarſhi		
hell	ßirli		
ſchnell	keſten	keſté	
langſam	meleſchen	tſchuarte	
Wind	moch	much	
	Andiſch: maz, Sſamojediſch bei Puſtoſerſk: märze, bei Mangaſeja: mäſe, bei Turuchansk: medſche.		
Wirbelwind	jantſchuni	fuo	
Regen	baugu, dogu	dog, doo	kare Ekaßi-Ekum. gwaral.
Hagel	k'aru	ſch'ſchie	
	Andiſch: Karkonßen, Armeniſch: karkut.		
Schnee	lua	loo, la	la
	Mokſchaniſch: lou, Mordwiniſch: low, Oſtiakiſch bei Narym: lontſch.		
Eis	chilen, ſcha	ſcha, ſchebelek	pſcha
	Abaßiſch in beiden Mundarten: zaſche.		
Blitz	ſtiglejek (S. Himmel)	taſego, dekuka	tap
Donner	delu	mog	kebche, mebge
Gold	deſchi	deſchau	oker
	Tſcherkeßiſch: diſche, diſcha.		Georgiſch: ოქრო okhro.
Silber	deti	detau	dateb

	Tſche-tſchenziſch.	Ingu-ſchiſch.	Thu-ſchiſch.
Kupfer	zaßte	zaßte	zaßte
Meſſing	ges Andiſch: ges, Akuſcha: es, Tſcherkeßiſch und Abaßiſch: dſhes.	ges	borßan Oßetiſch: bor, bur.
Eiſen	atſchik	aſchk	aik Altekeß. Abaſiſch: Aicha, Kußchaſib, Abaß: icha.
Stahl	bolat Tatar. پلاد pulad.	andun Ekaßi, Ekum. tſchandan.	polad Tatar. پلاد pulad.
Blei	deſch	deſch	tkua Georgiſch: ტყვია tk'wia, gewöhnlich tk'ue.
Zinn	kalai (in ganz Aſien)	ſuch Tſcherkeß: ſachu.	tkib
Geld	achſche Türkiſch, Tatariſch: اقچه akt'ſcheh.	achſche	tater Georgiſch: თეთრი Thetri.
Joch	duk	kalinde, chale	
Kleid	bartſchag	bartſchag	kartſchi

	Tſche-tſchenziſch.	Ingu-ſchiſch.	Thu-ſchiſch.
ſchwarz	ardſhi	ardſhi	ardſhi
weiß	kain	kain, kei	kuin
	Awariſch: kaha.		
grün	meloſche, ha	jaſchil, ßend	ape
		Tatariſch: ياشيل jaſchil.	
gelb	maſha, baſe-ren	aſhaga	make
	Anzug, Dſhar, Chunſag: madſhab.		
roth	zie	zie	zewe
blau	ſiene	ſiene	ſiene
	Ruſſiſch: синеи		
ſchön	chaſhin	chaſhin	lamaſur
	Ekaßi-Ekum. chuiſa, Perſiſch: خوش choſch.		Georgiſch: ლამაზი lamaſi.
häßlich	uon	uon	moſi
ſcharf	chadaer	are	
Krieg	k'uumbo	dom'chanipé	
Wächter	chjaſhar	jele	
Herr	Aela	aela	upali
			Georg. ჟეუალი uphali.
Diſtrict	katſchillick		
Gott	dăle	dăla	dăle
	Akuſchaiſch: zalla, Ekaßi-Ekum. ßaal.		
Seele	eße, ße	jă	
	Bei den Meſchtſcheräken: iß, Kigiſch: jeß.		

	Tſche-tſchenziſch.	Ingu-ſchiſch.	Thu-ſchiſch.
Tod	walar	wellin, légi	la, heor Tatariſch: اولوم ulúm.
Wachen (das)	ßamowo	ßamowo	tſchenia
krank	magaß, mo-gaß	mogaß	taßitſchuar Georgiſch: სატკივარი ßatkhiwari.
Geſundheit, geſund	moguſch, mo-goſchu	denwa	denwa
Ruhe	wacha	wacha	tiwena
Hunger	Mißke	mißke	maßole
Durſt	hagule	hagule	hekuoßo
Kälte	ſchile	ſchile	pſchele
	Inbaßkiſch am Jeniſei: tſchala, Tſcherkeſſiſch: ſchaë.		
Hitze	jauchen	jaueche, tau	jobche
	Sſamojediſch bei Turuchansk: jawa, bei Obdorsk: jube.		
Freund		dukawedſa	ganakopi
Feind		wedſeß	maſtgo
lieben	takawedſe	takawedſe	wedze
ſprechen		lie	leor
Stimme	iſch	zaga	
Wort	duſch	dueſch	
Name	din	ße	
Tiefe	k'argun'	kargo	
	Sſamojediſch bei Tomsk: kore, am Fluſſe Ket: koreja.		
Höhe	tk'ich	ljakké, challé	

	Tſche-tſchenziſch.	Ingu-ſchiſch.	Thu-ſchiſch.
hoch	ljaken	ljakkande, weggé	tſchagho
			Tſcherkeßiſch: thaga. Abaſiſch: haga.
niedrig	lochun	lachon, locho	lochun
	Sſamojediſch: lamoo, lomdu, Plattdeutſch: leg, Schwediſch: log.		
gieb	nua	da-etſe, lli	lipßen
		Sſamojediſch: tat, tate.	
gehe	guga, guá	kowai, guo	goai
	Deutſch: geht	ugo	
		Tſcheremiſchiſch: kai.	
eins	ha	ha	ha
	In allen Awariſchen Dialecten, in Dſhar und in Anzug: zo, Akuſcha: za, Ekaßi, Ekum. zawa, Tſcherkeßiſch: ſe.		
zwei	ſchi	ſchi	ſchi
	Sſamojediſch: ßide und ſchiddega, Kamaſchiſch: ſchidd'ja, Koibaliſch: djhidja, Awariſch und Anzugiſch: kigo.		
drei	koe	koe	ko
	Finniſch in den mehrſten Dialecten: kolme.		
vier	di	di	eu
	Sſamojediſch: tót, tetto, tettó.		
fünf	pchi	pchi	pchi
	Tſcherkeßiſch: t'chu.		
ſechs	jalch, jelch	jalch	itch
ſieben	uor	uor, uoſch	uorl
	Akuſchaiſch: weral.		

	Tſche-tſchenziſch.	Ingu-ſchiſch.	Thu-ſchiſch.
acht	bar	bar	barl
neun	iſch	iſch	is
	In allen Awariſchen Dialecten: itſchgo, Abaßiſch: iſchba.		
zehn	itt	itt	itt
eilf	za-itte	ha-itte	za-itte
zwölf	ſchitte	ſchitte	ſchitte
funfzehn	pchitte	pchitte	pchitte
ſiebenzehn	uora-itte	uora-itte	uorla-itte
achtzehn	hara-itte	hara-itte	horla-itte
zwanzig	tka	tka	tka
	Awariſch: chogo. Bei den Dido: ku. Ekaßi-Ekum. kua.		
ein und zwanzig	za-tka	ha-tka	za-tka
dreißig	tka-itte (20 + 10)	tka-itte (20 + 10)	tka-itte
vierzig	ſchaus-tka d. i. zweimal zwanzig.	ſchi-tka	ſchaus-tka
funfzig	ſchaus-tka-itte d. i. zweimal zwanzig und zehn.	ſchi-tka-itte	ſchaus-tka-itte
hundert	bacha, bjä	bacha	pcheus-tka d i. fünfmal 20.
tauſend	itt-bacha d. i. Zehn-hundert.	itt-bacha	iha pcheus-tka d. i. zehnmal fünfmal zwanzig.
ja	he	hee	ha
nein	baz	baz	zo

Noch laſſe ich hier Wörter aus dem Mizdſhegiſchen Dialect der Ekara-bulack und dem des Inguſchiſchen Stammes Schalcha, mit einigen Vergleichungen, folgen.

Schalcha.	Ekara-bulack.
Ich weine — wilga (Akuſchaiſch: wißßule, weinen)	welch
Ich ſchlafe — jewſha	wiſchen
Ich weine — willy	diloa
Ich trinke — mala	mallanwalla
Ich eſſe — ja	dammalla
Ich ſehe — barjegu	
Ich höre — chatz	chaßinne ſojne
Ich fühle — ſchenïé (Andiſch: ginno, Gefühl)	laduagin
Ich berühre — urs-étte	chetunwalla
Ich gehe — geor	wachanwalla
ich — ſoa	ßoh
du — ïé	ho (hoa)
er — ſmanom	da
wir — drigy	ßoah
ihr — drigyſcht'cho	ſchuh
ſie — uſch	daharinik
alle — dridi	maßva
einer — tza	zah
Mann — mar (Akuſcha: murgul)	koenachoi
Frau — ße	ſuden
Kopf — kord	korta

Fuß — koog (Akuſcha: kaſch)	koegiſch
Hand — kulke (Akuſcha: kak)	kuigiſch
Ohr — lerky (Akuſcha: lai)	largiſch
Auge — perky (Awariſch in Chunſag, Anzug, Dſhar: ber, beer.	bargiſch
Naſe — merſchi (Awar. meer, Kubeſcha: mirr, Ekaßi-Ekum. mai)	mareh
Mund — bordſch	bagga
Zunge — mot (In allen Awariſchen Dialecten maats)	mot
Haar — tſchewſchi	tſchuaſch
Baart — Matſch (Awar. mejeſch, Akuſcha: muzul)	madſh
Knochen — tachki	dagkiſch
Nagel — marſch (Awariſch: matl, masl, Dſhar. maach)	
Zahn — zergiſch	zargiſch
Horn — kumkſch	mäh
Herz — ßä	dugh
Blut — zi	tzi
Fett — deßta	tſcherakui

Weiter hatte mein Ekarabulack nicht Luſt mir Rede zu ſtehen, deshalb muß ich mit den Schalcha-Wörtern allein fortfahren.

Fett — kégat	Wurm — ſchyl
Leder — gas (Akuſcha: kopz)	Fliege — mas
Schuppe — ban	Schlange — legä
Fiſch — tſchari	Eidechs — zog
Vogel — lygr (Ekaßi Ekum. lelechi)	Froſch — pet

Bock — gas
Schaf — uſt'ch
Ochſe — uſt (Awariſch: os, oß)
Kuh — jet
Hund — pö (Send peo)
Katze — ziski
Schwein — gachka (Akuſch. bdſhaka)
Pferd — Gur (Ak. urtſchi, Kubetſcha: artſch)
Eſel — W'ir
Kameel — Énkel
Bär — tſcha
Wolf — Burz (Awar. baß)
Hirſch — Sſai
Haſe — Pägel
Maus — Muß
Hahn — barúl
Huhn — Kótam
Taube — kokch
Gans — gaſch
Ente — k'agi'
Wald — ggö
Holz — doß
Kraut — buz
Frucht — petirſch
Blatt — pop
Blume — icha
Wurzel — Méngi
Rinde — koſt'ſch
Ei — woſch
Milch — ſchir
Fleiſch — Dilch (Akuſch. u. Ekaßi/Ekum. dik)
Keule — Gatſch
Bogen — Choch
Pfeil — P'cho
Beil — di'ki
Meſſer — urs
Wagen — wordo
Pflug — ag
Sichel — mángel
Getraide — borz
Brod — meka
Waſſer — chu
Feuer — Zé (Awar. za)
Wein — Kairaga
Oel, Butter — det
Haus — z'gá
Balken — akch
Dach — t'ſcha
Thür — né
Schwelle — naárd
Holz — doß
Stroh — mágir
Stein — ker (Akuſcha: karka)

Tſchetſchenziſche Sprachproben,

nach einem etwas verſchiedenen Dialect.

1. Gott	Dele	Leben	adſhil
ſtirbt nicht	lervaz	kurz	jazwi
Menſchen	ſteigi		

Lervaz iſt zuſammengeſetzt aus ler ſterben (mit dem Inſchiſchen la verwandt) und vaz, baz oder az, nicht, welches immer angehängt wird. Adſhil Leben, vom Arabiſchen آجال adſhal, fatales termini, mortes.

2. Mutter	ſchen	Brüſten	tterech
Kinder	bereſchni	(in)	
küßt	bartlo	Milch	ſchurudo
ihren	ſjunut	viel	koi

Kind ber oder bier, bereſchni iſt der Accuſativ der Mehrheit. Tterech der Plural von tar Bruſt.

3. Mann	Mar	war,	chchele
Weib	ſtijudu	ſechs	jelch
liebt	kueſe	Tage	deni
4. Dieſe	Jere	zurück	tjacha
Frau	ſtjuoi	Knaben	kanat
ſchwanger	pchare	gebar	wi

Jere dieſe, jer dieſer, er. Deni Tage von den Tag. Ruſſiſch: день.

5. Frau	ſtijo	ſitzt	chana
krank	magaz	weint.	ilch.
ihre	azyn	Knabe	Beer
Tochter	jjo	Bruſt	tar
neben	gerhe	nicht ſaugt	baaz

In baaz bemerke man wieder die angehängte Verneinung az.

6. Dies	Jere	geboren	hhine
Mädchen	jio	vierzehn	di itte
geht nicht,	lielaz,	Monate.	buttu.
ſie	is		

Buttu iſt die Mehrheit von but, liel gehet, az nicht.

7. Vier	Di	ſpringt,	chous,
Söhne	ua	dritte	kaalochowe-rik
geſund,	moguſchu,		
erſte	uokkochu	ſingt,	illalaibahe,
läuft,	wod	vierte	dielohowerik
zweite	ſchellochowe-rik	lacht.	wiel.

Die Cardinalien, von denen die Ordinalien zweite, dritte und vierte abgeleitet, ſind ſchi, zwei, ko drei und di vier.

8. Dieſer	Jere	alter	kani
Menſch	ſteig	ſchläft nicht,	nabkietaz,
blind,	geriu,	er	azuja
ſeine	azuny	wenig	kaſt
Frau	ſtjuo	ißt,	chumado,
taub,	kkarjuju,	wenig	kaſt
wir	tchjol	trinkt.	gmaho.
reden,	lier,	10. Uns	ßuja
hört nicht.	chajaz.	zwei	ſchi
9. Dein	Hem	Füße	kok
Bruder	waſche	iſt,	bu,
nieſet,	harſchemb'jo,	Hand	kuik
Schweſter	iſche	jeder	hete
ſchläft,	nab'jo,	fünf	pchi
euer	hen	Finger	palik
Vater	da	iſt.	bu.

Man bemerke hier das Wort bu iſt, welches ganz mit dem Perſiſchen بود bud und dem Slaviſchen быть übereinſtimmt. — Palik Finger, hat ebenfalls viel Aehnlichkeit mit dem Ruſſiſchen Worte палецъ.

11. Kopfe	Kjorty	Haar	tſcho
auf	re	wächſt.	bachlo.

Kjorty, ein Casus obliquus von korte Kopf.

12. Zähne	zergeſch	ſtark,	tſchohondu,
Zunge	mot	linke	ärre
Munde	bagech	Hand	kùik
iſt.	bu.	ſtark	nikz
13. Rechte	atte	nicht.	baz.
Hand	kuik		

Baz nicht, wird in einigen Dialecten auch daz ausgeſprochen, ſo wie im Akuſchaiſchen beéku und deekku nicht, bedeutet.

14. Haare	kaſherjaſch	Knochen	djachk
lang	jeachjiu	hart	tſchohondu
dünn,	jutkunja,	Stein	kiere
Blut	jjoh	gleich.	ßana.
roth,	zieju,		

Jjoh Blut, in anderen Dialecten hi.

15. Fiſche	Hachami	Erde	lettech
Auge	berik	auf,	uachachaja,
iſt,	bu,	ſeine	azym
Ohr	lerik	Flügeln	tam
nicht.	baz.	Federn	pielk
16. Dieſer	Jere	ſchwarze,	arrſhija,
Vogel	alchaſyr	Naſe	mara
langſam	melleſche	ſcharf	irim
fliegt,	dat,	iſt,	bu,
er	jes	Schwanz	zzogo

kurz,	daozodu,	20. Mond	butt
ſein	ozyn	groß	bakkombu
Neſte	ben	Stern	ßied
auf	bienetſchoch	von,	al,
weiße	kai	Sonne	malch
Eyer.	chuodu.	von	al
17. Baume	Chiene	klein.	dſhemma.
grüne	hha	21. Geſtern	ßel chanu
Blätter,	ßiinidu,	Abend	ßarrach
Stamm	gjaneſch	Regen	dogu
dick.	ſtammudu.	ging,	dilcho,
18. Feuer	Zie	dieſen	ta } d. i.
brennt,	jag,	Tag	chanu } heute.
wir	berrige	morgens	jorru
ſehen	egu	Regenbogen	zeiad
Rauch,	kür,	ſah.	deißona.
Flamme,	joocholu,	22. Nacht	bußu
Kohle.	kkaru.	finſter,	jarſhi,
19. Waſſer	Chi	Tag	diiny
ſtrudelnd	tſchachkin	hell.	ßirli.
fließt.	duede.		

Текст воспроизведен по изданию:Mizdſhegiſcheſprachen//Kaukasische Sprachen. Anhang zur Reise in den Kaukasus und nach Georgian von Julius von Klaproth, Halle und Berlin, 1814. Pp. 139-175.

Приложение.

Перевод Б.Д. Газикова предисловия Ю.Г. Клапрота к разделу «Мизджегские языки»[43].

Мизджегские языки.

На западе и северо-западе от лезгин живут различные народности, которые относятся к одному племени и говорят на диалектах его языка.

Они не имеют для себя коллективного имени, но зовутся их соседями татарами, черкесами и андийскими лезгинами, мизджегами. Гюльденштедт однако назвал их страну Кистией или Кистетией, но с малым правом, так как грузинское имя Кистети, соответствует только маленькой части его.

У грузин, собственно, называются, с очень древних времен, верхние местности реки Кумбалей, где живут ингуши, Дзурдзукети и должно быть получили свое имя от Дзурдзукоса.

Затем следует на этой же реке округ Кистети, к которому относится и ингушское племя Вапи у Макалдона на Тереке и нижние местности до того места, где Кумбалей выступает из гор, ими называются Шуаши Джариехи. Итак видно, что имя страны Кистети, которое охватывает название племени Кисти, не может быть отнесено на места жительства всего родственного по языку народа.

По историческим легендам грузин, которые свое происхождение связывают через Таргамоса с праотцом Ноем и иудейских традиций, население Дзурдзукети должно принадлежать к старейшим народам Кавказа, и они занимают всю страну, от верхнего Терека до границы с лезгами (Лекети), с этим именем. В часто приводимом географическом описании Грузии, говорится между тем, где идет речь о стране осетин.

«Местности, которые мы хотим сейчас описать, были уделом Кавказоса, сына Таргамоса. Оба брата Лекан и Кавказос отправились в горы и Лекан владел, как и он, доставшейся ему частью. После вторжения хазар дал царь своему племяннику пленных из Ран (Ширван) и Мовакан (местность Эриван) и сделал его владетелем восточной части гор до моря Дарубанди (Дербенд), которая принадлежала Лекану, где он с ними и поселился. Но Хозонис, превосходнейший из рода Лекана ушел глубже в горы и построил город, который он назвал своим именем — Хозонети и дал хазарам дань.

Кавказос господствовал от границ Лекана до моря Понтос (Понтус) и над равниной севернее гор. Поэтому территория получила имя Кавказ, но равнины были названы Овсети (Осетия). Его господство закончилось нападением хазар.

[43] Отметим, что текст первоисточника насыщенный грузинской этнономенклатурой и посвященный вопросам этноистории Северо-Восточного и Центрального Кавказа (достаточной сложной и на сегодня), допускает самые различные варианты перевода. На взгляд составителя перевод Б.Д. Газикова близок к оригиналу насколько это возможно при таком уровне сложности.

Царь их отдал страну Кавказоса и пленных из Картл-Сомхити (по-грузински — Армения) своему сыну Урбаносу. Который истребил потомков Кавказоса и поселился с доставшимися ему пленными в свои места жительства и назвал их Овсети, которое на хазарском означает, «которые он истребил и которые снова засеял», также, как часть наследства Бардоса (т. е. Ширвана), которая была названа Рани, так как многие были уничтожены и ранены». (Чтобы понять эту глупость, которая может иметь историческую ценность только для хазарских писателей, должен я заметить, что хороший грузин, который составил это географическое описание, не мог иметь о том никакого понятия, насколько можно судить по этимологии. Он знал, что хазары жили в местностях, которые сейчас покорены русскими, поэтому он думал, что они должны были говорить по-русски и поэтому он производил Овсети от сеять и Рани от ранить. В другом месте он объясняет название осетинского округа Двалети также из хазарского и говорит, ею жители направляли свою дань все два года (по-русски два лет), и поэтому были так названы. Кто считает путешествие Ефремова за необходимый оригинальный труд и не знает, что оно по большей части переписано из «Северных статей» Палласа, то может также использовать его).

Но сын Тинена по имени Дзурдзукос был знаменитейшим из потомков Кавказоса и удалился глубже в горы, где он построил город, который он назвал по своему имени Дзурдзукети и это название после этого получила вся страна от Арагви (здесь Терек) до границ Лекети.

Итак, отсюда выходит, что, если бы страну Мизджегов хотели бы назвать общим грузинским названием, она могла бы называться скорее Дзурдзукети, чем Кистети. Русские обычно называют мизджегские народы чеченцами, но это имя соответствует только части его, и именно поэтому очень неподходяще.

Многие обстоятельства, и собственно то, что они так рано находятся в грузинской истории, делают правдивым то, что Мизджеги принадлежат к старейшим жителям Кавказа, и поэтому я не могу быть мнения господ графа Потоцкого и знаменитого Палласа, которые оба считают их остатками Аланов; и это ни по какой другой причине, кроме единственно одной, очень шаткой этимологии.

По изданному И. Фоссиусом анонимному периплу, именно город Феодосия в Крыму назывался Ардауда, которое на алано-таврическом языке должно означать семь богов. Паллас заметил, здесь встречается еще в кистинском языке такое же значение, так как, то же самое называется Уар — семь, дада — отец и бог.

Это утверждение особенно противоречит тому; что, хотя в языке Мизджегов уар означает семь, но Дада не означает ни Бога, ни отца. У всех племен этого народа Бог называется Дале и Да — отец. Но так как дада не

является отцом и Богом, то и все словопроизводство недостаточно прочно, чтобы могло претендовать на историческую важность.

Места жительства мизджегов ограничиваются, как уже сказано, на западе верховьями Терека и на севере Малой Кабардой и рекой Сунжа. На юге они имеют снеговые горы Кавказа, которые разделяют их с хевсурами, пшавами, гудамакарами и Кахетией, все же живут несколько их племен, собственно туши, южнее тех самых у истоков Алазани. Наконец, на востоке жилища Мизджегов достигают верховий Яксая и Эндери.

Если исключить тушин, то мизджеги разделяются на три больших племени. Первыми западным являются Галгай, Халха или Ингуши, которые сами себя также называют Ламур, т. е. горные жители. Они населяют местности у рек Кумбалей, Сунджа и Шалгир или Ассай, и я о них пространно говорил в 28-ой главе. Вторым племенем являются карабулаки (по-татарски — черный источник), которые сами себя называют Арште, также их называют ингуши, а чеченцы их называют Ариштойай. Они населяют большую долину, по которой течет Мартан, которая у них называется Фартан и имеют среди спадающих справа в Сунджу ручьев Ашган, Валарек и Чалаш, свои выгоны для скота. Третьим крупным племенем, наконец, выделяются чеченцы, которые живут от карабулаков до Яксая.

Что касается языка мизджегов, то хотя он и отличен от всех других кавказских, в большей части слов, но все же он имеет много похожего с лезгинскими языками, и особенно с кази-кумыкским и аварским. В этих языках встречается много слов, которые, кажется, родственны с самоедскими вогульскими и другими сибирскими, как учит приводимый здесь сравнительный перечень слов.

Тушинский диалект перемешан многими грузинскими словами, которые я позаботился отметить.

Перевод с немецкого Б.Д. Газикова.

Текст воспроизведен по изданию: URL: https://sunja-edu.livejournal.com/166416.html; ghalghay.com›tag/берснако-газиков/page/2/ (Дата посещения 20.03. 2021).

Первоисточник: Mizdſhegiſche Sprachen // Kaukasische Sprachen. Anhang zur Reise in den Kaukasus und nach Georgian von Julius von Klaproth, Halle und Berlin, 1814. P. 139-145.

И. П. ДЕЛЬПОЦЦО
ЗАПИСКА О БОЛЬШОЙ И МАЛОЙ КАБАРДЕ [1808]

Дельпоццо / Дельпоцо / Дель Поцо (1739-1821) Джованни (Иван Петрович) выходец из Италии (провинция Тоскана) сделал карьеру на русской военной службе от волонтера до генерал-майора. В 1795 году в чине полковника был назначен командиром Казанского пехотного полка, дислоцированного на Кавказской военной линии. Однако, вскоре был отстранен от службы по капризу взбалмошного императора ПавлаI, после чего поселился на Тереке у крепости Ивановская.

В 1802 г. полковник И.П. Дельпоццо был взят чеченцами в плен в собственном именье, увезен за Терек и содержался в сел. Герменчик, откуда был выкуплен через 2 года за 8400 рублей серебром. Несмотря на суровые условия плена выучил чеченский язык и хорошо изучил чеченские порядки.

Новый император Александр дал ему звание генерал-майора и назначил приставом (правителем) Кабарды. В 1810 г. он комендант Владикавказской крепости и начальник Владикавказского округа, где, в частности, занимался благоустройством Военно-Грузинской дороги. Затем недолго являлся командующим войсками Кавказской линии, а в 1818 г. вышел в отставку.

Публикуемая нами с сокращениями «Записка о Большой и Малой Кабарде», была написана Дельпоццо к 1808 г. для кавказского и петербургского руководства и, впервые опубликована только в 2001 г.Также размещена в интернете сайтом Востлит[44]. В ней содержатся фрагменты интересные с точки зрения исследователей истории Чечни и Ингушетии и отношений горцев с княжеской Кабардой, которые мы и приводим.

* * *

ДЕЛЬПОЦЦО И.П. ЗАПИСКА О БОЛЬШОЙ И МАЛОЙ КАБАРДЕ [1808]

Не входя в подробность самих дальнейших сведений, касающихся до времени обстоятельств, происходивших с начала занятия Кавказской линии, какие оказывали кабардинцы дерзкие поступки свои противу границ и войск его императорского величества, о чем главному начальству, здесь управляющему, и всей публике из многих примеров довольно известно, и не наводя теми излишних затруднений, затмевающих самое понятие, нужное изображаемой материи, я

[44]Дельпоццо И. П. Записка о Большой и Малой Кабарде // Русские авторы XIX века о народах Центрального и Северо-Западного Кавказа /Сост. Х.М. Думанов. Т. 1. Нальчик: Изд. Эль-Фа, 2001. С. 9-41; URL:vostlit.info›Texts/Dokumenty/Kavkaz/XIX…Delpozzo…

имею счастье изъявить только те, которые мною испытаны в течение времени управления моего сими народами...

С самого начала моего вступления в правление я положил все мои старания узнать самые вернейшие причины, от чего сей народ не терпит русских, и средство, чрез которое можно сие приостановить, отвратить и привести в надлежащий порядок. Я с ними советовался, спрашивал и нашел, что их причины, которыми нас обвиняют, есть самые слабые, и совершенно доказал им их несправедливость! Но только, чтобы они не могли нас ни в чем упрекать, я все делал сколько возможно было моей силе, чтобы сделать им во всем удовольствие…

В течение времени управления моего сими народами я многократно слышал, видел и испытал их вероломные и зловредные беспрестанные обманы — частые их набеги, грабежи в наших границах и преданность к Оттоманской Порте...

А многократно знаменитых владельцев, управляющих делами и народом, упрекал в их нечувствительности, недеятельности, и не исполнении по повелениям главного начальства и моих настояний о пресечении хищничества, взыскании онаго и доставлении удовлетворения. Они отзываются неимением сил и возможности, что их народ вольный их не слушает!..

Не довольно ли есть понятие их сих отзывов и извинения в чувствительности? Что они под личиною невозможности и неимения сил (владеть собственным своим народом, который считают вольным и коего, ежели захочет, по [о]дним только прихотям может убить без ответа правосудию) не хотят ничего исполнять.

ЗАПИСКА О БОЛЬШОЙ И МАЛОЙ КАБАРДЕ

Сей народ 30 лет тому назад был без всякого закона, потом приняли магометанский. И между ими сделалось столь много ефендиев и мулл, что теперь в каждом ауле[1]* (*Сноски, выделенные цифрами полужирным шрифтом, принадлежат автору) по крайней мере есть один.

Сии ефендии, которые одни только умеют читать, столько взяли верх над народом, что почти сделали себя самовластными их имения, их чувств и правителями их поведения. Они столько внушили гнева против каждого христианина, что даже кабардинец не имеет на него никакой надежды и доверия и показывает, что ни за что почитает все наши обычаи, хотя бы оные были для них и прибыльные.

Вот причина, при которой сей народ всегда останется в своем варварском состоянии, в которое мы стараемся их еще более поднять и давать способы более оному вкорениться...

Сии ефендии, научившись в Дагестане у кумыкских татар читать и писать по-татарски, или, правильнее сказать, магометову закону, возвращаются в Кабарду и стараются всемерно кабардинцев и горцев, то есть всякого рода осетинцев, усовершенствовать в магометанском законе. В доказательстве сего я представлю пример одного бывшего некоторого ефендия Исхака. Он более всего старался пронырствовать и набожностью, под видом отличной добродеятели, привлечь к себе народ, и так искусно достиг желаемой цели, что в короткое время успел всю кабардинскую нацию усовершенствовать в магометанском законе. Ныне многие уздени, которые почти лет 40 имеют от роду, учатся татарской грамоте, чтобы разуметь Алкоран; он до того доволен, что все переменили обычай (ведения) в одеянии: вместо прежних коротких черкесок начали носить длинные, на шапки надели чалмы, отпустили бороду, перестали пить горячее вино, курить и нюхать табак; и ничего не едят из скота, не убитого руками мусульманскими, и почитают в сем свое спасение. Он даже переменил обычай в древнем праве владельцев, которые прежде сего имели право из каждого бараньего коша, когда бараны весною идут для пастьбы в горы, брать по одному барану и [когда] возвратятся из гор осенью обратно — таким же образом. Сверх того имел всякий раз в проезде его на охоту, когда случилось ему ночевать возле коша, брать по одному барану для ужина; в проезде мимо конного табуна мог взять какую ему угодно лошадь и возвратить оную обратно, когда нет в ней надобности; при случае ночлега мог приказать для своего ужина убить молодого жеребенка или кобылицу...

Теперь есть некоторые из владельцев, коим Россия старалась давать все средства, чтобы могли пользоваться и сносить лучшую жизнь, и именно: владелец полковник Атажук Хамурзин служил в последней войне против турок, пожалован бриллиантового медалью и по некоторому сомнению был сослан жить в Екатеринослав, оставил все русское и принял свои кабардинские обычаи. Это отчего? Ежели ни есть от того, что наш образ жизни имеет перед их глазами противное…

Ежели мы желаем, чтобы сей народ любил наш обычай, узнал все наше и его собственное счастье, надобно его понудить праздное и развратное положение оставить; заставить работать ту землю, которая собственная его. Чтобы он и фамилия его видели принужденность жить в своей земле и иметь твердые связи с теми, кто их окружает…

До сих пор они имеют привычку, или обыкновение, переменять свое жилище по своему произволу, с одного в другое место, верст за 20, 30 и 100 далее

с прежнего. Сия перемена ему ничего не значит по созданию своей сакли из плетней, покрытой соломой. Из которой взявши он только одну дверь, укладывают свое имение и постель на арбы, запрягает быков и угоняет скотоводство на новое жилище.

Крестьяне у кабардинцев столь худо содержатся и угнетены, что всегда имеют ненависть против своих господ. Они более ничего не желают, как помощи от России и освобождения их. Сей черный народ весь всегда готов оставить Кабарду и поселиться в наших границах только с тем условием, чтобы никогда не отданы были обратно своим господам...

...5) кумыки, чеченцы, разных названий осетинцы и прочие горские народы, равно и кабардинцы, пленив наших русских людей, грузин, армян и прочих христиан, и сверх того кабардинцев, осетинцев, отвозят через Каменый мост в турецкий город Анапу для продажи туркам, которые и сами ежегодно приезжали в те места покупать иных немалое количество, и перепровождают туда же беспрепятственно; оттуда продают в Константинополь;

6) через все иные переправы кабардинцы, ногайцы и абазинцы имеют с закубанцами беспрестанную и беспрепятственную коммерцию захваченными в плен русскими людьми и похищенным скотом; и даже часто те народы проводят закубанцев в наши селения для хищничества; …

В заключение всего вышеизложенного постановления к ограничению Кубани нахожу нужным описать и местоположение Каменного моста.

Переправа через Кубань названа Каменный мост по причине устроенных природою от воды высоких и между собою узких увесистых берегов. Есть последняя вверху сей реки, через которую переезжают на арбах посредством сделанного из одинарных, достающих с одного на другой берег досок помощенного моста...

После того, чтобы отнять у них всякое сообщение с чеченцами и прочими магометанского закона в стороне Персии обитающими смежными им народами, нужно исполнить план, который сделан полковником Рудзевичем по повелению покойного господина генерала от инфантерии князя Цицианова, относительного занятия речки Сунжи до Щедринской станицы до Елизаветинского редута регулярною границею...

По взятии деятельных мер существующая в Кабардах уже шестой год беспрестанно губительная заразительная болезнь непременно должна прекратиться [5].

…По прошествии установленных лет данной льготы, сделать всем ревизскую переписку — присоединить [горские народы] в Кавказской губернии, открыть сообразные в оной правительственные судебные места с законами, для

таковых народов в России существующими, наложить казенные подати и прочие общественные тягости на основании узаконений.

Тогда, сии народы, закубанцы и чеченцы, никогда не будут в состоянии соединиться все вместе и сделать всеобщее возмущение, как-то случилось во время их лжепророка Шиха. Если нее паче чаяния после сего сделается какое злодейство от чеченцев и закубанцев и нужно будет их наказать, тогда войско всегда будет готово перед их глазами.

По совершенному установлению в Кабарде правления по начертанному плану следует приступить к введению благоустройства и в осетинских народах, во внутренности Кавказских гор в ущельях обитающих, которые имеют разные наименования, весьма многочисленны и одно с другим беспрестанно имеют ссору. Сей народ находится у кабардинцев под совершенным игом и угнетением, а некоторые из них оказывают им и противность. Почему и не имеют никогда показатся на плоских местах, будучи тотчас убиваемы, взяты в плен и проданы за Кубань. И потому живут весьма в бедственном положении, имея великую нужду во всяких жизненных потребностях. Дабы отвратить сии обстоятельства, влекущие бедный осетинский народ в совершенное истребление, нужно учредить одну комиссию с тем, чтобы оная о присвоении кабардинцами осетинцев и абазинцев исследовала споры и доказательства прав: первых — о присвоении, а последних — отступлении от зависимости их.

Все осетинцы также упражняются грабительством: частию с кабардинцами в наших границах и частию, нападая на проезжающих в ущельях по Грузинской дороге наши транспорты, сами собою.

Все осетинцы, карабулаки и ингушцы, хотя и идолопоклонники, однако и гораздо более привержены к христианам: исполняют некоторые обряды христианского закона, почитают некоторые праздники и употребляют в пищу свиней. Старшины их, часто по склонности и частию по понуждению кабардинцами, содержат закон магометанский, но, будучи в своих домах, не имея свидетеля кабардинца, обрядов иных не исполняют.

Следовательно, по всем сим причинам нужно взять меры к просвещению тех народов в христианском законе, дабы, по крайней мере, иметь перевес в здешнем крае над магометанами, которых тогда гораздо меньше останется, нежели христиан. Осетинцы и те народы, превышая числом весьма знатным, согласясь и соединясь общими силами, хотя бы и теперь могли истребить всех магометан. Но, будучи по рассеянности обитания в разных местах и ущельях, отдаленных друг от друга, и необразованности в благоразумии, не имеют духу приступить к сему важному делу.

За речкою Сунжею, под самою подошвою гор, среди лесу, в смежности с чеченцами, есть малое число народов, именуемых карабулаки. Около

Владикавказского, при подошве гор и в ущельях, в смежности с карабулаками есть народы числом более тех, именуемые ингушцы, сии обе нации идолопоклонники — самые несчастнейшие и беспрестанно обижены от прочих, смежных им магометанского закона народов. Они и сами также имеют промышленность всегда грабежами и разбоем. Часто случается, что как скоро сии народы выходят из своих гор и лесов на плоские места, для пахоты и посева проса, кабардинцы, чеченцы и кумыкские татары на них нападают — бьют, берут в плен и грабят весь их скот и имущество. Некоторые из них бывают от тех народов охраняемы малым числом заложников, за что и платят небольшую подать, и как сии народы никому из вышеописанных не принадлежат, то и не могут быть, покуда не примут магометанского закона, никогда спокойны.

От чеченцев, ингушцев и карабулаков российские границы и препровождаемые из Моздока в Грузию и оттоль обратно наши транспорты претерпевают грабежами, убийством и увлечением в плен людей не менее, как и от кабардинцев, в чем бывают всегда участниками и сии, из числа бежавших по каким ни есть преступлениям, сделанным в Кабарде, в абреки.

Чеченцев, по собственному моему испытанию, считается до 12 тысяч домов, однако ж они живут неподвижно деревнями и состроенными прочным образом саклями всегда на одном месте. Имеют к охранению себя весьма крепкими местами; хлебопашеством, сенокосными и пастбищными местами большею частию пользуются по левой стороне речки Сунжи. Карабулаков всего семь деревень, также единоместного пребывания. Ингушцев, определительно нельзя сказать сколько, только их гораздо больше и также водворены неподвижно.

Вот новые причины, возбуждающие запереть речку Сунжу, чтобы остановить вредный закон магометанский, ежедневно между сим народом и осетинцами распространяющийся, отвратить злодейства, столь много от них наносимые, и иметь пользу.

Великая и вечной памяти достойная государыня императрица Екатерина Вторая повелела учредить одну комиссию, именуемую осетинскою. Начальник оной был архиерей Моздокский. Обязанность сей комиссии была научить христианскому закону осетинцев, ингушцев и карабулаков; туда посланы были несколько попов грузинских и монахов, которые немалое число окрестили оных и уже зачали было строить церкви, как вдруг воспрепятствовали тому обстоятельства: один из проповедников умер, другой был убит. Покойная государыня скончалась, архиерей Моздокский по воле императора Павла, был отослан в другое место. Комиссия остановилась, и осетинцы остались идолопоклонники по-прежнему.

По всему видно, что сии проповедники слова Божия не имели никакого старания ко внушению о пользе и важности религии христианского закона. Но единственно только имели в виду тот предмет, дабы умножить число окрестившихся и раздавать им рубашки и кресты. Ныне есть много осетинцев и ингушей: чтобы получить рубашку, крестили себя два раза.

Дабы достигнуть до сего важного предмета и получить от сего народа ощутительную пользу, надобно столь важную должность поверить таким людям, которые имели жизнь и поведение, сходные с точными правилами их назначения...

Ежели сей дикий народ, когда ни есть, будет крещен и просвещен понятием о собственной своей пользе, он, верно, будет к России предан и усерден. И мы тогда можем иметь несколько тысяч егерей, которые нам установят совершенное спокойствие по всей здешней Линии...

Итак, по сим обстоятельствам, кажется, мне нужно во Владикавказе яко средоточии всем горам, в коих обитают сии народы, построить один монастырь. Признать туда 12 монахов, каковых способности выше мною описаны, и одного к ним наставника; дать им приличное содержание и отпускать несколько из экстраординарной суммы денег для малых подарков, подаяния нищим и покупки всех инструментов, которые потребны к разным художествам...

Для продажи соли всем осетинским народам во Владикавказской крепости построить соляной магазин, доставлять туда соль из тех же Можарских озер и продавать фунт по 4 коп.; получаемые доходы употребить на основании предположения в Кабардах, на внутренние их заведения.

Потом ввести между осетинцами род правления во всех пунктах, точно на таком основании, как н в Кабардах предназначено.

Осетинцев, смотря по востребованию надобности, некоторую часть вывести из ущельев на плоские места, против нынешнего их обитания есть оных весьма довольно, и дать им во упражнении хлебопашества и промышленности полную волю.

В народах, обитающих далее за кабардинцами в ущельях, то есть чегемцах и балкарцах, кои суть одинаковую, ныне существующую между осетинцами, имеют религию идолопоклонническую, проповедникам приступить к введению религии христианского закона на таком же основании, как у осетинцев и прочих около Владикавказа смежных народах.

Как скоро чегемцы от сообщения с кабардинцами и осетинцами, по совершению плана полковника Руздевича, отрезаны будут особою границею, то к приведению в исполнение всего вышеописанного есть весьма легчайший способ, сопряженный с их необходимостями:

1) по неимению за речкою Сунжею достаточного количества земли для хлебопашества, сенокосов, и пастбищных мест;

2) прекратится коммерция с прочими народами, облегчающая их необходимости во всяких потребностях;

3) неимение способов откуда достать соль, а для чего и следует принять следующие меры.

В центре их положения, в двух крепостях на Сунже, построить два соляных магазина, доставлять в оные соль из Мо[жа]рских озер или, как способность позволит, из астраханских судами по Каспийскому морю и продавать фунт по 4 коп. или по обстоятельствам и дороже.

Дабы не сделано было в доходах соляных никакого подрыву с особенной стороны и все сии народы имели бы совершенную необходимость покупать соль из наших магазинов, надлежит шамхалу Тарковскому сделать запрещение доставлять к ним соль из своих владений. И дабы сие было приведено в исполнительное действие, должно на речке Койсу, у деревни владельца майора Шипия; а по расмотрении, где необходимость востребуется, и в другом месте построить два или три редута, не более как по одной роте пехоты и посту казаков оные занимающими.

От соляной продажи сим и прочим смежным с ними мирным народам, кумыкам и татарам, под державою Российской империи находящимся, можно получать весьма ощутительную пользу доходов, которые и обратить на, собственно, между ними учреждаемые разные заведения, на основании предположения, кабардинцам и осетинам назначенного.

Чеченцы оставить ныне занимаемую землю и перейти далее во внутренность гор никак не могут, поскольку там живут другие народы весьма в крепких и тесных местах [и] их к себе никогда не допустят.

Ингушцы и карабулаки могут покупать соль из магазина, в крепости Владикавказской учрежденного.

По левой стороне речки Сунжи будет от Кизляра до Владикавказа прямая безопасная, удобнейшая и гораздо ближайшая дорога, нежели на Моздок и через Малую Кабарду, в рассуждение доставления провианта и прочей амуниции в сию крепость.

Для содержания всех вышеописанных народов в порядке, благоустройстве и совершенном повиновении войска довольно будет достаточно того, сколько оного ныне есть здесь на Линии (не включая в сие число назначенных к занятию границы по Кубани) империи находящемся; можно получить весьма ощутительную пользу доходов, которые и обратить на собственно между ними учреждаемые разные заведения на основании предположения, кабардинцам и осетинцам назначенного...

Таким образом, как скоро только первые кабардинцы будут покорены, прочие магометанского закона народы тотчас переменят свои поступки и обычаи и будут жить спокойно, ибо все оные более всего имеют влияние [от] кабардинцев, как бы наперевес их нацию поддерживающее.

Тогда все сие народы принуждены [будут] покориться силе и власти российского правительства и приступить в совершенное и вечное подданство скипетру российского престола.

[1808 год]

Комментарии

1. Аул значит несколько дворов: мало или много. (Примеч. авт.)

...5. Впрочем, по нынешним обстоятельствам неудобоискоренимая до того, покуда все кабардинцы, без изъятия, будут похищены свирепством оной и всегда будут наносить здешней Линии опасность. (Примеч. авт.)

Текст воспроизведен с нашими сокращениями по изданию: Дельпоццо И.П. Записка о Большой и Малой Кабарде // Русские авторы XIX века о народах Центрального и Северо-Западного Кавказа / Сост. Х.М. Думанов. Т. 1. Нальчик: Изд. Эль-Фа, 2001. С. 9-41.

А. М. БУЦКОВСКИЙ.
ВОЕННО-ТОПОГРАФИЧЕСКОЕ И СТАТИСТИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ КАВКАЗСКОЙ ГУБЕРНИИ… 1812 г.

Буцковский Андрей Мартынович (ок. 1768 – 1814/1815?), российский офицер – подполковник. В армии с 1789 г., а с 1803 г. началась его служба на Кавказе, где он участвовал в военных действиях против Персии и горских народов; начиная с 1810 г. руководил собиранием материалов для составления карты Грузии в Тифлисе, затем был откомандирован на Кавказскую военную линию (Северный Кавказ), где он занимался штабной и оперативной работой. Тогда же и были, по-видимому, собраны основные источники по большой книге «Военно-топографическое и статистическое описание Кавказской губернии…», где он попытался охарактеризовать «прилеглые», к границам губернии, горские народы за Тереком.

Сведения собранные А.М. Буцковским в отношении тех же горцев-чеченцев большой точностью не отличались, возможно и потому, что автор следовал данным, которые выдавали представители горской знати близкие к русскому «начальству», а во-вторых, большая часть северокавказского края, особенно горная, была столетиями закрыта для посторонних наблюдателей. Тем не менее именно А.М. Буцковский собрал самые содержательные на то время (первое десятилетие XIX в.) сведения о Чечне и чеченцах. Весьма возможно, что в последующем, многие его коллеги по Генеральному штабу использовали данный текст для составления своих справок по той же Чечне.

Здесь мы публикуем не вошедшую в его известную книгу архивную справку (РГВИА) о горских народах в той части, где Буцковский касался кумыков, ауховцев-аккинцев, ногайцев и Брагунского владения (относящемуся, собственно, к Чечне). Они быличастично опубликованы в Дагестане в 1958 г. под названием «Выдержки из описания Кавказской губернии...». Мы дополнили в «Приложении» данный текст большим разделом «Чеченцы» (со списком селений) извлеченным из того же архивного фонда РГВИА (там есть данныеи по ингушам).

* * *

ВЫДЕРЖКИ ИЗ ОПИСАНИЯ КАВКАЗСКОЙ ГУБЕРНИИ И СОСЕДНИХ ГОРСКИХ ОБЛАСТЕЙ. 1812 г. [1, 2*](*Данные сноски выделенные полужирным шрифтом, в данной публикации принадлежат издателям «описания» А.М. Броневского от 1958 г.).

Кумыки

Пределы. Прежнее владение под общим названием Аксаевских кумыков простиралось от Каспийского моря до реки Гуйдюрмеза, впадающей в правый берег Сунджи в 15 верстах выше устья сей; к северу имело границею реку Терек, начиная от устья Сунджи до Каспийского моря, к югу же Дагестан и Лезгистан. Но при выходе из гор на понизовье Сунджи и Терека чеченцов[45] часть сих последних была выведена аксаевскими владельцами и поселена на их землях у подножия Черных гор между Сунджею и Аксай-рекою, на известных условиях, под названием качкалыков, что значит: шесть деревень. Сии качкалыки, размножившись приходом многих новых чеченцов, хотя и ныне аксаевцами почитаемы за их подвластных, но, пользуясь послаблением сих владельцев, вышли из всякого послушания, овладев всем участком между реками Гуйдюрмезом и левым берегом Аксая, так что оной ныне уже к области Чеченской причислить должно[46]. Южной рукав Койсу, называемый Куру (Сухой Койсу), разграничивает кумыков от владения шамхала

[45] Буцковский А.М. не говорит при этом о исторически раннем продвижении нахов-чеченцев не только на север, но и на восток - в Терско-Сулакское междуречье (совершившимся задолго, еще в эпоху бронзы). Сообщения о нахождении чеченцев на берегу Каспийского моря находит свое подтверждение в данных русских наблюдателей на протяжении всего XVIII в. Определенно высказался на этот счет и «управлявший» Кавказом и Астраханским краем генерал К.Ф. Кнорринг в 1800 г. говоря о границах «чеченских жилищ» и противопоставленного им «кордона», как достигающих Каспийского моря. – См: Гербер И.-Г. Описание стран и народов вдоль западного берега Каспийского моря. 1728 г. // История, география и этнография Дагестана XVIII-XIX вв. Архивные материалы /Под ред. М. О. Косвена, отв. ред. и Х. М. Хашаева. – М.: Изд.-во вост. лит-ры, 1958. С.70; Гмелин, С.Г. Путешествие по России для исследования всех трех царств в природе: ч. 3-я, половина I-я. СПб.: Имп. Академия Наук, 1785. С.2,8;Чулков М.Д. Историческое описание российской коммерции при всех портах и границах от древних времен до ныне настоящего. М.: Университетская Типография, 1785. – Т. II. Кн. II.С.477-478; Равинский, И.В. Хозяйственное описание Астраханской и Кавказской Губерний. СПб.: Вольное экономическое общество, 1809. С.13-14; Акты, собранные Кавказской археографической комиссией. Т.I. Тифлис: Б/и. Тип. Гл. упр. Наместника Кавк. 1866. С.716. – Постраничные сноски, здесь и далее, принадлежат составителю.

[46] Район, описанный автором к востоку от равнинного течения р. Аксай (служившей на то время прозрачной границей между Чечней и кумыкскими княжествами) на запад к Сунже составляет т.н. Качкалыковскую плоскость (зачастую ее считали и частью т.н. Кумыкской плоскости). Находящиеся здесь с конца XVII в. по скату невысокого Качкалыковского хребта (тянется с запада на восток от впадения р. Гумса/Гуйдермез в Сунжу до р. Аксая), чеченские аулы, вступали порой во взаимоотношения с аксаевскими или эндиреевскими князьями нанимая их для выполнения общественных и представительских функций. Но при малейшем неудовольствии горцев эти отношения прекращались. Еще за полвека до Буцковского, в 1767 г., аксаевские князья откровенно признавались в отношении качкалыковцев: «Хотя они в нашей подвласти токмо они нитаки народы чтоб нам были послушными» - См.: ЦГА РД. Ф. 379. Оп. 1. Д. 654. Л. 69; История Чечни с древнейших времен до наших дней: В 4-х т.Т. II: История Чечни. XVI–XVIII вв. / Отв. редактор Я.З. Ахмадов. Грозный: АО «Изд.-полиграф. комплекс «Грозненский рабочий», 2016. С.177-179; и др.

тарковского. Полоса земли, или понизовие между Сунджею, местечком Аксай и левым берегом реки Аксая, принадлежала прежде гребенским казакам[47].

Собственно, кумыцкое владение лежит большею частию в долинах, понижающихся к морскому берегу, где превращаются в болотистые низины, камышами обросшие; оно разделяется на три волости: Аксаевскую, отделенную рекою Ямансу, Андреевскую и Костюковскую; сии две последние совокупно пользуются землями и в наследстве прав старшинства в княжеских родах.

Положения между князьями, узденями /дворянами/ и простым народом. Все земли без исключения составляют полную собственность княжеских родов. Князья имеют наследственных подданных в роде крестьян, коих однакож продавать не могут, а получают только с каждого двора в год: один воз дров, одного работника на один день к посеву и жатве хлеба и сено кошению; за сим никаких более даней не взымают. Узденья, имеющие только своих подданных в таком же смысле, почитают себя подданными тех князей, землями коих пользуются, не платя однакож никакой положенной дани, равно и простой им принадлежащий народ[48]. Имея право переходить из подданства одного к другому князю явствует, что сила сих последних зависит от достатка земель. За сим обязанности узденей и простых подданных относительно к князьям состоят в сопровождении сих как на воровские поиски, так и воинские походы.

Князья женятся на узденских и простого народа дочерях, но дети сего брака не имеют права к наследству; княжеские же дочери не отдаются иначе как за князей. Калым (или плата за невесту родным ее) у кумыков, также как у всех прочих кавказских народов, в употреблении. Знатные обыкновенно имеют две, три жены, а закон позволяет до 7-ми.

Кумыки все магометанского исповедания Омаровой секты. Духовенство у них, особенно в простом народе, много значит, однакож князьям повинуется и против оных спорить не в праве. Духовных чинов только два: кады /подобно архиереям, коих у них три/ и моллы, простые священники. Кады получают с каждого двора округа своего в год по два четверика просы, пшеницы и баранами

---

[47] Данный тезис вообще не обсуждается. Но любопытно, что даже Петр Первый в 1722 г. проговаривал мифологические сюжеты, к примеру, что «Андреева деревня» (чеч., Эндирей/Индари») «та земля изстари Гребенских казаков» - См.: Русско-дагестанские отношения XVII - первой четверти XVIII вв. (Документы и материалы) / Махачкала : Дагкнигоиздат, 1958. С. 172.

[48] Исторически кумыкские князья являлись на Кумыкской плоскости пришлыми (с первой четверти XVII в.) и не имели никаких прав на общинные и частные земли коренного населения. Управлялись эти общества-полисы народными собраниями, духовенством и своей патрицианской верхушкой. Приобретения князей относились либо к незанятым горным пастбищам, либо к степным районам Терско-Сулакского междуречья, которые местные общества (те же к примеру Аух и Эндирей) не смогли в свое время освоить. Только на частных участках земли князья могли сажать холопов для земледелия и сдавать степные и горные места под пастбища за плату, обеспечивая взамен безопасность арендаторов.

со сто одного; моллы содержутся кадыями. За сим пользуются особенным уважением, как у всех прочих кавказских народов магометанского исповедания, так и у кумыков, хаджии — богомольцы, посетившие гробницу Магометову.

Судопроизводство чинится в маловажных спорах и тяжбах третейским судом, на что обыкновенно старики избираются; в важных же случаях верховным духовенством, составляющим судебное собрание под названием мегкема, к коему иногда и князья прибегают. Денежные доходы князей состоят: в получаемой плате за наем земель в горах, подданными им лезгинами занимаемых, в сборе пошлин за впуск товаров, с каждой арбы по 2 1/2 рублей серебром; сими пользуется только старший князь, ныне андреевский Али султан, а прочие — налогом штрафных за учиняемые подданными их воровства и смертоубийства, чем и ограничивается наказание со стороны князя, почему и полагать можно, что таковые случаи князьям не противны.

Сношения кумыков с соседственными народами. С шамхалом тарковским, будучи в родстве, в дружественных связях, обоюдно в случаях нужды друг другу помогают, но междуусобии бывают. С чеченцами, хотя явной вражды не имеют, но постепенное усиление сих, как видно, им весьма противно, равно как и отклонение части чеченцов от зависимости кумыков; в ополчениях же, чинимых в пользу религии, обоюдно вспомоществуют, как то прошлого года случилось, при ополчении чеченцов против ингушев. С кабардинцами ныне дружны, но вспомогательных воинов не дают. С вольными лезгинскими обществами Андии и Ботлук на северной стороне Кавказа в снежных горах обитающими, в добром сношении и торг имеют.

Кумыки в душе хотя не менее прочих горских народов к разбою наклонны, но соседством и частым обращением с персиянами заимствовались некоторого образования, воздерживающего их производить сие ремесло явно; сим вместе, однакож, научились и персидской хитрости и коварству, находя всегда способы к прикрытию своих измен. Вообще гораздо просвещеннее прочих горских народов.

Они, подобно сим, сыновей своих отдают с малых лет в чужие руки на воспитание, которое состоит в научении наездничеству и удалости в воровстве. Молодой 8 и 10-летний княжеский сын сажается уже на лошадь и седло, подобно креслам кругом огражденное, охраняющее его от падения, и таким образом в сопровождении воспитателя обучается воровству, находясь иногда несколько дней в поле, пока поиск не наградится добычею. Удастся такому маленькому вору украсть у своих подданных лошадь или скотину, не будучи остановлен на месте, то добыча обращается в его собственность, и нет нужды уже скрывать оную даже пред тем, у кого похищена, ибо сей самый радуется способностям своего князя; буде же на месте постигнут, то отдает только добычу и

наказывается стыдом неумению своего. Сей общий по всему Кавказу обычай отдавать сыновей в чужие руки и иногда к отдаленнейшим народам основан на весьма важной для них политике; воспитатель, поступая сим почти в родство воспитанника, коим и именуется отцом, и таким образом распространяются взаимные связи; ибо как народы сии, так и частные люди, будучи в беспрестанных междоусобиях, часто имеют нужду в помощи и отдаленных соседей своих.

Число населения владения кумыцкого и подвластных оному народов значится в таблице № XIII. Протекающие чрез область сию реки, по выходе из гор, в коих они каменисты, обращаются в иловато-глинистые, местами весьма топкие и болотистые, не позволяя переезда без мостов. Весьма затруднительны также ведущие к главным селениям дороги по множеству канав (татаулами называемых), проведенных для напоения полей по всему понизовию. Еще более затрудняется проход к ним мелким колючим лесом, коим покрыты часть понизовия и первые предгория. Сей лес, или кустарник, столь част и колок, что, кроме прохода по узким дорогам в сторону, зайти никак не позволяет, раздирая не токмо платье, но и переколол бы вовсе человека, покусившегося бы пробраться чрез оной. Местечко Аксай со всех сторон покрыто таковым кустарником верст на десять, равно и большая часть дороги от оного к Андреевскому и от сего к Костюковскому местами. Таким же кустарником покрыта большая часть понизовья, чеченцами занимаемого, и окрестности качкалыков.

Главное кумыков селение Ендери (русскими Андреевскою называемое), на правом берегу Агташа, при выходе сей реки из гор, заключает в себе до 1500 домов и положением своим на полугоре отличной представляет вид. В нем несколько каменных мечетей, а все почти княжеские дома окружены каменными оградами с оборонительными башнями. Селение сие, будучи заключено между рекою Агташом и двумя утесистыми ручейками, Ачи и Чумлы, с четвертой же стороны высокими горами, упорную может сделать оборону. А еще более гордятся андреевцы иметь природную твердыню, в коей себя непобедимыми почитают, испытав сие несколько раз при неприязненных на них нападениях от соседственных горцев. Любопытствуя видеть сие место, нашел я их мнение действительно справедливым относительно подобного им неприятеля. Оно находится в трех верстах выше Андреевской, на Лесной высоте, заключенной между чрезвычайно утесистым ручейком Чумлы, впадающем в реку Агташ, и сею последнею, в сем месте равно утесистой берег имеющею, с протчих же сторон высокими горами. Обозрев сие место со вниманием, нашел я, однакож, что в двух верстах выше правой берег Агташа, будучи менее крут и высок, позволяет, хотя с трудом, на оной подняться и тем обойти в тыл урочище Чумлы.

Я описываю окрестности Андреевского селения с особенною подробностью потому, что оно знатнейшее на северном скате Кавказа, и, будучи по местному положению, так сказать, воротами между горами и долинами, соделалось сборным местом и главною ярмонкою для торга пленными, откуда оные уже перепродаются в турецкие пристани на Черном море. Сей торг с турками, однакож, ныне менее прежнего существует. Производимый же армянами в оном торг всем для горцев потребным привлекает в селение Андреевское всегдашнее стечение соседственных горцев. Наконец, положение сего места относительно толико усиляющихся и пределы Кавказской губернии толь беспокоющих чеченцов заслуживает не менее внимания правительства российского. О важности сего пункта доказывают и ныне видимые остатки большой древних обитателей сего края (может быть, россиян в начале 17-го столетия) земляной крепости, против Андреевского селения, на левом берегу Агташа, при выходе сей реки из гор.

Аксай, на правом берегу Аксая, при выходе сей реки из гор, менее крепкое, нежели Андреевское; содержит не более 800 домов. Производимый в оном торг привлекает туда многих соседственных чеченцов, относительно коих также весьма важно сие место. Княжеские дома, подобно как в Андреевской, окружены каменными оградами с оборонительными башнями и способны упорной обороны. Костек, или Костюковское, на левом берегу Койсу, лежит открыто и никакой обороны не способно, содержит около 650 дворов. Казиюрт, на левом же берегу Койсу, никаких укреплений не имеет, но важно по тому, что обыкновенная в нем переправа чрез Койсу к Таркам.

Кумыки, как все прочие горские народы, продолжительных воинственных походов не делают, не отлучаясь от домов своих более двух, трех недель. В марше разделения на какие-либо равные партии не имеют, а следуют отделенными кучами по селениям за знамем князя своего, коих у каждого одно; в станах никакого порядка не соблюдают, а располагается каждый по произволу, не удаляясь, однако, много от князя своего. Часовых в оных не имеют, а вокруг только делают разъезды, но и то если неприятеля ожидают или пред собою имеют. Для продовольствия князя, только собственно для себя и свиты их, ведут за собою баранов, а иногда рогатую скотину; прочие берут только просы и муки, сколько в тороках (к седлу привязанных мешечках) поместить могут, но все вообще довольствуются чрезмерно малым. Следственно, приуготовления к войне горцам нимало не наносят забот. Все три кумыцкие волости с подвластными им лезгинами, аухами, малой части вновь основавшихся чеченцов и кочующих ногайцов могут при общем ополчении выставить до 18 000 конно-вооруженных. Кумыки, хотя и хорошие наездники, но менее отважны, нежели чеченцы и кабардинцы. Порох сами делают, равно и оружие, чем последним преимущественно аухи занимаются; кинжалы лучшие по

Кавказу в Андреевском селении выделываются. Свинец получают большею частью из российских городов.

Кумыкам подвластные

Лезгины[49], с давних времен с южного на северный скат Кавказа перешедшие, расположены большею частью по левому берегу Койсу в горах до высокого гранитового кряжа оных; соседями по горам, ими занимаемым, называются салатау. Они до прибытия кумыков в настоящую Кумыцкую область уже на сих местах сидели, но питаясь большею частью овечьими стадами, кои зимою в горах не находят пастьбы, и будучи кумыками как заперты, сии причины уповательно принудили их по завоевании кумыками понизовьев покориться сим последним, так что ныне андреевские и костюковские князья; коим они подвластны, и земли их своими почитают.

Сим князьям платят они дань баранами и хлебом и обязаны по вызову сопровождать оных в воинственных походах и всегдашней быть готовности к посылкам, платя сверх того за земли малую часть деньгами. Они все почитают себя узденями, но разделяются на два рода, из коих простые прислуживают старшим. Крепостные же суть иноземные пленники, кои находятся в полной власти их. Главное их имущество состоит в овечьих стадах, кои на зиму отгоняют в понизовья кумыков, и в садах, производящих отменный род винограда и фруктов. По недостатку способных к тому земель сеют малою частью только ячмень и пшеницы, покупал в случае недостатка хлеб у кумыков. Конские табуны имеют также разных пород, косяками только. Рогатого скота в сравнении с прочими мало имеют, а тягости все возят на ишаках, коих у них великое множество. Места, ими занимаемые; весьма крепки. Некоторые селения в весьма достаточном состоянии живут, как-то: особенно чиркеи на Койсу, последнее к югу. Занимаются отчасти грубыми издельями, как-то: выделыванием бурок, ковров. Народ сей, не выходя из гор далее, как иногда до Андреевского базара, особенно дик, к хищничеству хотя много наклонен, но будучи, так сказать, в горах заперт, мало имеет случая производить сие ремесло.

Аухи, так называются поселившиеся на землях кумыцких около вершин рек Агташа и Ярухсу карабулакские и частию чеченские выходцы[50], кои кумыкам дань

[49]В данном случае аварцы.

[50] Интерпретации не соответствуют ни народной традиции, ни известиям письменных источников, а тем более археологическим данным. Согласно консолидированным данным древнейшее коренное население Терско-Сулакстког междуречья относилось к нахскому сегменту находагестанского этномассива Восточного Кавказа. А письменные источники об ауховцах и аккинцах очень возможно ведут свое начало по крайней мере с античного времени. - См.: Ахмадов Я.З. К вопросам исторической географии и этнической истории чеченского общества Аух // Актуальные проблемы истории Северного Кавказа. Сборник материалов Всероссийской научной конференции с международным участием, г. Грозный, 19 октября 2019 г. Махачкала, 2019. С.39-51; Кавказ и Дон в произведениях античных авторов / Сост.: В.Ф.

платят баранами и в обязанности давать вспомогательных воинов. Питаются большею частью овечьими стадами и скотоводством. Весьма хорошие делают ружья.

Означенные в таблице № XIII[51] кумыкам принадлежащие чеченцы суть выходцы, недавно на сих местах поселившиеся, и смешаны с природными кумыками, князьям коих особенной дани не платят, кроме поставки вспомогательных воинов и на один день с каждого двора рабочего к посеву, жатве и сенокошению; из числа оных, однакож, селения Хасамкент, Балчи и Герзелли и от сей повинности уже отклоняются.

Ногайцы, остатки Большого и Малого Ногая, кочевную жизнь ведущие, коих аксаевским князьям принадлежащих 500, а андреевским и костюковским около 600 кибиток; питаются овечьими стадами, частью рогатым скотом и конскими табунами, кои, однакож, малочисленны. Андреевские во всем достаточнее аксаевских. Даней князьям никаких не платят, кроме налагаемых на них штрафных за убийство, драку и воровство, кои старшие князья сбирают; засим дают вспомогательных воинов. Ногайцы сии кочуют на понизовьях около устья реки Аксая, Ямансу и Казьмы.

Почва земли владения Кумыцкого причитается к плодороднейшим на северном скате Кавказа, а климат теплее прочих областей сей полосы, что доказывается совершенным созрением винограда и других хороших фруктов. Из хлебов сеят более всего пшеницы и просу, которая последняя, помощью поливов многочисленная поля их пересекаемых татаулов (канавок рытых), особенно хорошо родится; засим малою частию ячменя. Волость Костюковская с великим успехом разводит также сарачинское пшено. Сады хотя у кумыков малою частию и имеются, но дохода никакого не дают. Всякого рода скотом кумыки богаты и богаче чеченцов. Конских табунов имеют шесть, в каждом до 600 лошадей, из коих лучшие Чепалова, отличной в Кавказе породы, аксаевскому князю Гаспулату принадлежат. Собственно, для себя кумыки достаточно имеют лошадей, но для подвластных им народов пригоняются из Кабарды. Прежде сего продавали они не малое число лошадей русским. Овечьи стада свои отгоняют на лето в горы.

Кумыки, любящие праздность и воинственные занятия, не занимаются торговлею, коя вся в руках армян, а женской пол некоторыми изделиями с успехом, как-то: коврами весьма хорошими, бурметами и одноцветными грубыми бумажными материами. Шелководство и бумага хлопчатая в малом количестве, но у лезгин

Патракова, В.В. Черноус. – Ростов н/Д: Изд. «Русская энциклопедия», 1990. С.24-25, 212, 220; Ахмадов Я.З., Гумба Г.Д., Курумов Д.С., Хасмагомадов Э.Х. История нахов Передней Азии, Кавказа и Чечни с древнейших времен до конца XV века /отв. ред. Я. З. Ахмадов. М.: Литера, 2019. С.393, 444-445.

[51] См., ниже.

гораздо более производится. Соль получают кумыки, так как и большая часть чеченцов, из шамхальского владения соленого озера Турали, меняя оную на просу и хлеб.

Кумыки явно не беспокоят пределы Кавказской губернии, но в малом числе иногда совокупляются с чеченцами в воровских поисках. Они даже обязались правительству российскому отвечать за сохранность границы, им противолежащей.

Владение Брагунское

Граничит к западу с землями мирных, к югу и востоку не мирных чеченцов, к северу же с Кизлярским уездом. Оно населено большею частью кумыками и черкесами, частью же выходцами разных колен, и принадлежит кумыцкого рода князьям: Устархану Гудайнатову Адилгирею Кучукову и Бейсултану Арсланбекову, из коих первый старший[52]. Они состоят в подданстве российском, обязались отвечать за спокойствие ими занимаемой части границы, но, невзирая на сие, всегда готовы к тайному хищным чеченцам вспоможению. Брагунцы все магометане и в такой же силе подданные князьям своим, как и мирные чеченцы. Будучи малочисленны и в землях стеснены, не столь изобилуют в скотоводстве, как соседи их, опасаясь разводить оное по соседству хищных чеченцев, равно и поблизости границы российской, ожидая за частые их измены справедливого наказания. Промышляют особенно торгом леса, который по Тереку в Кизляр гонят. В прочих положениях более всех кумыкам уподобляются.

Область кумыков		Гертмелли	100
Собственно, кумыцкие		Зирама	50
Название селения	Число дворов	Чириюрт	300
Казиюрт	270	Боухтогай	150
Костек	650	Гойны	80

[52] Брагунское владение – Бораган, изначально было вписано в политическую систему Чечни. Оно образовалось на нынешнем месте (при слиянии Сунжи с Тереком) в середине XVII в. и было населено тюркоязычным племенем неясного этногенеза. В конце XVIII в. брагунский князь Кучук заявлял, что его фамилия «происходит от крымских ханов». Воспитывались наследники брагунских князей в семьях чеченских узденей-«эмчеков» (молочные братья). – См., Ахмадов Я.З. Очерк исторической географии и этнополитического развития Чечни в XVI-XVIII веках. М.: Изд. Благотворит. Фонд…, 2009. С.195-197; Потоцкий Ян. Путешествие по Астраханским степям и по Кавказу //Кавказ: европейские дневники XIII–XVIII веков / Сост. В. Аталиков. - Нальчик: Изд.-во М. и В. Котляровых, 2010. С.288.

Темир аул	150	Дуллым	80
Чунту	130		
Янг Юрт	150	*Аухи*	
Ендери	1500	Агташ	200
Мусаль аул	150	Юрт	50
Байрам аул	250	Алмак	80
Ботай Юрт	80	Ярухсу, или Качилук	300
Мамак Юрт	40	Кешень	200
Казак Мурза	35	Гилян	100
Бабаюрт	20	Зандак	100
Муракай Юрт	90	Чючели	40
Боташ	100	Даттах	30
Муса Хаджи	20	*Чеченские*	
Аксай	800	Хасса Мекент	70
Кумыкам принадлежащие		Балчи	60
Лезгинские		Герзели	50
Чиркей		Дадаюрт	87
Зуббут		Умараджи	45
Иха	50	*Ногайцы*	
Миятлы	100	Андреевских и Костековских кибиток	600
Инчке	100		
Куввар		Аксаевских	500

ЦГВИА. Ф. 414. Д. 300. Л. 56 об. - 61 об. Копия.

Комментарии

1. Полное заглавие рукописи: "Военно-топографическое и статистическое описание Кавказской губернии и соседствующих ей горских областей, сочиненное квартирмейстерской части подполковником Буцковским". Рукопись на 108 листах, с 12 таблицами. Составление описания датируется по его содержанию приблизительно 1812 г. Копия части этой рукописи, начиная с л. 50 до конца, без указания автора, без заглавия и без даты в ЦГВИА (кол. 482, д. 193, лл. 1-116, без таблиц). Публикуются выдержки из рукописи, относящиеся к Дагестану (лл. 56 об. 61 об.), а также таблица XIII.

2. Андрей Мартынович *Буцковский* (род. в 1781 г.), на военной службе с 1789 г., с 1801 г. по квартирмейстерской части, с 1803 г. служил в Грузии, участвовал в военных действиях против Персии; с 1809 г. подполковник; в 1810 г. руководил собиранием материалов для составления карты Грузии, в том же году был командирован на Кавказскую линию для описания Кавказской губернии; вышел в отставку около 1815 г. (о нем: его формулярный список, составленный в 1812 г., ЦГВИА, ф. 489, оп. 1, д. 7046, лл. 70-71; Н. П. Глиноецкий, История Русского Генерального штаба, т. I, СПб., 1883, стр. 283 и 347).

Текст воспроизведен по изданию: Буцковский А.М. Выдержки из описания Кавказской губернии и соседних горских областей // История, география и этнография Дагестана XVIII-XIX вв. Архивные материалы / Под ред.: М. О. Косвена отв. ред. и Х. М. Хашаева.М.: Изд.-во восточной литературы. 1958. С. 239-245.

Источник: РГВИА. Ф. 414. Оп.1. Д. 300. Л. 56 об.- 61 об. Копия.

Приложение.

Чеченцы.

Пределы, нынешние насильственно приобретенное чеченцов, граничат с севера с рекою Тереком, начиная от высоты кабардинского Астемир-аула вниз по течению сей реки до кумыцкаго Дадаюрт-аула[53], между Щедринскою и крепостью Ильинскою, будучи пресекаемо в сем направлении владением Брагунским образующим между устьем Сунджи и Тереком трехугольник, коего пространнейший бок вдоль Терека от устья Сунджи в верх верст на 20. К западу: с Малою Кабардой, взяв от Астемир-аула до Казангечу и Карабулаками, от коих разграничивается рекою Мартаном Карабулакским; к востоку с Андийским и Аварским владением входящим в Лезгистан и с Кумыками, будучи отделено от сих рекою Аксаем.

[53] На деле безусловно чеченский аул Дады-юрт на Качкалыковской плоскости, на правом берегу Терека. Тот самый, что позже, в 1819 г., был дотла разрушен войсками генерала А.П. Ермолова с демонстративным истреблением общины.

Чеченцов можно разделить на три рода: так называемых мирных, расположенных по правому берегу Терека, неприязненных, занимающих понизовие Сунджи и подножие Черных гор, и наконец горских, расположенных в горах от подножия Черных гор до Снежных, кои суть коренные.

Весь участок между правым берегом Сунджи и подошвою Черных гор (нынешняя Большая Чечня) принадлежал прежде аварского происхождения князьям Турловым ныне в числе мирных чеченцов напротив Наура живущим; но лет около 80-ти, как жившие до того в горах чеченцы, размножившись , по недостатку земель и междоусобиям, вышли из гор на понизовие Аргуна и Сунджи вытеснив с сих мест упомянутых князей Турловых, с обещанием однакож некоторой за земли сии им платы; но вскоре численно усилились , что и сию повинность с себя сложились[54].

Сии то чеченцы есть первейшие в Кавказе разбойники и производят ремесло сие с полной откровенностию не отпираясь в учиняемых ими хищничествах. Большая часть чеченцов при выходе из гор были язычники: побуждениями Порты Оттоманской, равно как моллов обращены и по сие время обращаются в магометанское исповедание Омаровой секты. Природная наклонность чеченцов к разбою нашла при обращении в магометанство подкрепление в невеживых моллах искавших удачи в воровских поисках на линии Кавказской, поощряют их тем более к продолжению хищничества в пределах оной, ибо понесенныя ими убытки неоднократными против них учиненными экспедициями (вроде репрессалия) не превышают добычи беспрестанным воровством ими преобретаемой, а потому и нет сомнения , что народ сей может быть укрощен кои скоро таковые приобретения нанесут ему превосходной важности наказании.

Хищничества чеченцов кроме беспокойства дороги от Моздока к Владикавказу, падают особенно на поселенных по Тереку Моздокской казачей полк и Войско Гребенское во многих отношениях ими раззоренных. Они ремесло сие можно сказать производят по правилам, стараясь иметь вернейшие сведения о состоянии каждого козачьего семейства и захватив кого-либо в плен

[54] Ситуация с князьями Турловыми достаточно знакома по документальным данным XVII-XVIII вв. Данная фамилия - боковая ветвь хунзахских аристократов-нуцалов, была приглашена на княжение в вольные общества Гумбет и Аргвани откуда к середине XVII в. изгнана общинниками и объявилась в Чечне на р. Аргун, то ли по праву первой заимки, то ли по приглашению местного населения. В любом случае, они никогда на право собственности землей здесь не претендовали, довольствуясь выделенными им обществами участками и платой за выполнение общественных, представительских и посреднических (медиаторство) функций. – См.,История Чечни с древнейших времен до наших дней: В 4-х т. Т. II: История Чечни. XVI–XVIII вв. / Отв. редактор Я.З. Ахмадов. – Грозный: АО «Издательско-полиграфический комплекс «Грозненский рабочий», 2016.С. 359-367, 381; и др.

налагают выкупную сумму судя по известному им семейства пленника достатку… [55].

Как немирные, так и все в горах живущие чеченцы и лезгинские вольные общества Андия и Ботлук, не имеют ни князей, ни старшин полагая между собою общее равенство. Отличающиеся в удалости воровском искустве и многосемейные пользуются только превосходным уважением; в целом же народе имеют особенный вес многолюдныя селения как Гербенчик, Шали, Большая Атага, Большой Чечн, Сунджинское, Алда, Гихи и еще некоторыя. А духовных кады имеют в каждом большем селении по одному, в маленьких же простых священников (моллы). Все сии много действуют на разум народной.

Лета также много уважаемы, и как в судебных делах, так и общественных положениях - первое решение полагаит старикам; буде сим общество недовольно, то же отдают на суждение духовенства, приговор коего исполняется. В домашних и часто народных спорах прибегают они к суждению горских чеченцов, коих яко коренных или предков своих, особенно чтят.

Особенно имеют уважение чеченцы, как все прочие горские народы к женскому полу, так, что даже убийца, будучи принят в дом под защиту женщиною, находится сим покровом в безопасности от преследования кровомстителей пока не найдет случая тайно удалится.

Полагаемое чеченцами равенство ослабевает много силу их в больших ополчениях и тем спасает слабейших соседей ибо в сих случаях не действуют они соединено под строгим управлением одного, а каждое селение порознь под предводительством избранного общим голосом старца (тамадою ими называемого) и нередко случается, что таковые ополчении достигши уже назначеннаго ими театра действия по несогласию столь многих начальников и отделеных сословий возвращаются без какого либо выполнения предположеннаго намерения.

Чеченцы не более 15-ти лет тому назад начали обращаться в магометанство о коем самыя безразсудныя имеют понятие[56]. Держась отчасти еще прежнего язычества как то многими употребление свиного мяса и водки. Некоторых же в горах живущие общества как-то: Чанти и Чанти Атага по сие время язычники.

---

[55] Здесь и далее сокращения составителя.

[56] Совершенно неправомерные оценки. В XVI – XVIII вв. ислам утвердился практически на всей территории Чечни, за исключением верховьев Аргуна (Майста, Малхиста) и ряда галанчожских обществ западной оконечности Чечни где принятие ислама закончилось на рубеже XVIII-XIX вв. – См.: Ахмадов Я.З. История Чечни с древнейших времен до конца XVIII века. – М., 2001. С. 208-210; Ахмадов Ш.Б., Ахмадов Х.С. Основные этапы распространения и утверждения ислама в Чечне // Ислам в Чечне: история и современность. Грозный, 2008. С. 10–11; Айтберов Т. М., Хапизов Ш. М. Эпиграфические источники по истории распространения ислама в Чечне (XVI-XIX вв.) // Известия СОИГСИ. 2016. Вып. 20 (59). С.15-24; и др.

Все чеченские общества означенные в таблице № XIV, к коим по близким сношениям причислить можно и лезгинские Андии и Ботлук, при общем ополчении могут собрать до 35 000 конновооруженных.

В горах живущия суть по Аргуну и в сию впадающим рекам: Чубутти, Тумсой, Чижнах, Чанты, Атага Чанти, Дишни, Ерлой, Баулой, Шикарой, Чабуртилы, Макаджи, Алестандани, на вершинах реки Гихи Нашах, Пешгой. Первыя, живучи на землях полагаемых собственностью Аварского хана платят онаму дань баранами, со ста одного и обязаны давать ему же вспомогательных воинов[57], кроме чуббутов кои не токмо дани сей хану не платят но в свою очередь с помянутых выше их в горах расположенных такую же дань взымают будучи как повелители ущелья Аргунскаго от коего они первыя, следственно возбранить могут проход в понизовье.

И все большею частию овечьими стадами питаются, хлеба по неспособности к тому земель, весьма мало сеют, покупая оный при недостатке в Большой Чечне - кроме чебуртлинцов кои на имеющих около обиталищ их долинах достаточно онаго добывают. Хлеб же сеют только пшеницу и малую частию ячменя. Из чабуртлинскому селении Ведан в большом количестве произрастает нюхательный особенно крепкий табак, который чеченцы и курят. Соль получают от лезгинскаго общества Ботлок, на землях коего находятся соленые ключи богатого содержания соли. Засим занимаются изделиями овечей шерсти как-то: бурками, сукнами, простыми коврами, кои привозят к единоплеменникам своим в понизовьях живущим на обмен хлеба.

Рогатого скота мало имеют, лошадьми равно бедны. Разбоем промышлять мало имеют случая, ибо внизу живущие чеченцы содержат их как запертыми в горах, не позволяют им того. Живущие на вершинах Гихи, Нашахи и Пешгои никому дани не плотят и равно как вышеписанныя овечьими стадами только питаются.

---

[57] Мифологическая картина политического состояния Нагорного Дагестана и Горной Чечни, поддерживаемая в первой трети XIX в. семьей покойного Ума-хана Аварского, хунзахского аристократа – нуцала(ок. 1762-1801), возглавлявшего в качесте билада (предводитель) в конце XVIII в. набеги горской вольницы на Восточную Грузию и Северный Азербайджан. Авторитетный П.Г. Бутков, писавший в те же годы, что и А.М. Буцковский, отмечал, что в Горной Чечне овец «для пастьбы отгоняют большею частью в земли аварского хана и андийцев (с заплатою владельцам земли…)». В общем выясняется, вся «зависимость» некоторых горных аулов Чечни от хунзахских нуцалов заключалась в том, что в давние времена (когда горцы не имели видимо возможности выхода на равнину) они периодически использовали частные пастбища нуцалов в Нагорном Дагестане (где весна наступала раньше, чем в Горной Чечне) за отдельную плату. – См.: Бутков П.Г. Из «Известия о бывшем в Кавказских горах лжепророке Мансуре» // Россия и Кавказ: сквозь два столетия. Исторические чтения. СПб., 2001. С. 10; История Чечни в 4-х т. Т.2. История Чечни. XVI-XVIII вв. / Отв. ред. Я.З. Ахмадов. Грозный: АО «Изд.-полиграф. комплекс «Грозненский рабочий», 2016. С.51-52; и др.

Лезгинские общества Андии и Ботлук: первое расположено в пяти деревнях на обширной низине между двумя высокими полосами гранитовых гор на родниках изряднойводы. Имея множество отличной шерсти овец, занимаются преимущественно выделыванием бурок, кои по всему Кавказу за лучшие славятся.

Андийцы имеют большие сады в коих по местному положению, охраненному от ветров, произрастает отличный виноград. Места ими занимаемыя суть прежния обиталища гребенских казаков.

Андийцы в сравнении с соседями своими могут назваться миролюбивыми, упражняясь более хозяйством и домашними изделиями.

Ботлук у подошвы снежных гор от Андии отделен одною только полосою гор на реке, впадающей в левый берег Койсу. Главное пропитание имеют от овечьих стад и соленых ключей. Всех три селения. Оба общества сии подластны Аварскому Умар-хану[58].

Так называемые немирныя чеченцы большая часть коих расположена на лесистом понизовии между Сунжею и подошвою Черных гор и остальныя на левом берегу Сунджи есть те кои наиболее разбойничают и многочисленны. Лесистое сие понизовие ко хлебопашеству мало будучи способно прокармливаются они единственно почти хлебородною полосою между Сунджи и Тереком, большая часть коя мирным чеченцам принадлежит, почему в сих и необходимую имеют нужду.

Мирные чеченцы расположенныя все по правому берегу Терека на самой границе есть смесь разных колен наиболее чеченцов, частию кумыков, кабардинцов и татар и все имеют своих владельцов, кои однакоже слабою над простым народом властию пользуются - никаких положенных даней не взымают, кроме вспоможения в обработывании хлебнаго посева и жатвы.

Они подобно всем прочим горским народам в праве переходить с подданства одного к другому князю или куда им разсудится. Мирныя чеченцы пользуются отличнейшими и хлебороднейшими землями коими как выше сказано не токмо себя, но и большую часть единоплеменных своих прикармливают.

Сидя на самой границе, называют они себя из политики подданными Российской державы в залог чего дают и аманатов. И более для наружности, ибо из хороших людей не выбирают. И обязываются даже содействовать к спокойствию границы равно и уведомлять о действиях враждебных чеченцов, но

[58] Умар (Ума)-хан лет с 10 был покойником на время написания данного труда (умер в 1801 г.). Вся зависимость, собственно, тех же андийцев от хунзахского нуцала заключалась опять-таки в аренде ими пастбищной горы принадлежавшей нуцалам на праве частной собственности, близ их общества, с уплатой овцами. Кстати, субарендаторами данных пастбищ выступали жители нескольких аулов федерации обществ Нахч-Мохка (Ичкерия) Чечни. Ботлук (Ботлих) не имел к этой ситуации вообще никакого отношения.

по истине они-то скромнейшие, участвуя всегда тайно в грабежах немирных, коим всячески способствуют как доставлением многих потребностей, так и уведомлениями о всем в пределах наших происходимом…

В пределах их находятся весьма богатые нефтяные ключи в 17-ти верстах от Терека князьям Турловым принадлежащия, из коих ежегодно до 500 и более бочек нефти перевозится на линию с платою за каждую бочку по 16 рублей медными деньгами.

Как Большая Чечня, так и мирныя чеченцы достаточны в скоте обеего рода, конских же табунов не имеют, добываая лошадей более воровством и покупкою из Кабарды.

Хлеб сеят большею частию пшеницу и просу, которыя весьма богато родятся - последняя, однако же при дождливой только погоде; малой частию ячмень.

За сим занимаются шерстяными и лесными изделиями кои привозят к российским меновым дворам на обмен против соли, железа, холста и бумажных матерей.

Порох большею частию сами делают имея в горахсвоюсеру; соль как уже упомянуто берут частию из шамхальского владения[59] частию от карабулаков, имеющих соляныя ключи, коих разсол весьма богатаго содержания соли, но за всем тем чеченцы много пользуются российскою солью.

В походах чеченцы употребляют осторожности, как и кумыки и вообще горцы; но преимущественную имеют ловкость, отчаянно дерутся, особенно искусны в выборе засад и способныя к тому места укрепляют засеками и рвами, как-то при славящемся урочище Ханкалы между деревнями Сунджинскою и Большим Чечнем. Проход сей между двумя лесистыми горами на несколько верст простирающейся в воротах с северной стороны таким образом укреплен и неоднократно опасен (?) был для российских войск.

Оружия их суть: ружье, пистолет, шашка, кинжал; употребляют также щиты толстой кожи, железом окованныя, коими весьма искусно управляют.

Сами оружия мало делают.

Кистинские колена. Карабулаки.

Значит на татарском языке Черные ключи. Небольшое колено расположено по обеим берегам реки Фартама Карабулакского и нижней части Оссы гранича к северу и востоку с чеченцами, к югу с Старым Ингушем, к западу с Новыми Ингушами. Они разделяют себя на два рода, на Оссе живущие под имянем Галаи, или Галашки, а по Мартану и в низинах расположенныя Балса (Медовая вода). Будучи по столь близкому соседству чеченцами теснимы, начали они с недавнего

[59]Приморский Дагестан.

времени принужденно обращаться в магометанство; но не малая часть оных и поныне держится язычества соблюдая при том хотя весьма неисправно, некоторыя христианскою церьквою положенные посты.

Карабулаки подобно чеченцам полагают между собою ровенство, хотя и имеют старших, но сии как у них, так и у ингушев, никаких особенных прав власти не имеют кроме собственности некоторых земель - как то деревни Даттых старшина Гомэрга, на земле коего находятся вышеписанные соляные ключи, единственно выгодами сего произведения пользуется. Кои довольно значущи - ибо соседственные чеченцы, карабулаки и часть ингушей и кистов, берут здесь соль выпаривая оную сами на местах.

Карабулаки не менее ингушев чеченцам враги, но будучи столь малосильны и ближайшие оных соседи, опасаясь потому разорения держатся несколько чеченцов. Они неоднократно уже обнаруживали свое желание быть под покровом российской державы обещая действовать против чеченцов и перейти с нынешних мест на левой берег Сунджи с условием, однако ж, чтобы им дано было охранительное прикрытие подобно как ингушам в Назране – иначе, отпав от чеченцов без сомнения сими истреблены будут. Сами собою они никогда не выезжают большими партиями на воровские поиски и не беспокоили пределы российския, а в малом числе с чеченцами иногда соединяются.

Оборонительным оружием употребляют карабулаки и ингуши преимущественно пред прочими народами коженныя, железными обручами скрепленные щиты прикоротких с остроконечным железом дротиках. Сими щитами управляют они весьма искусно, будучи с малых лет к употреблению оных обучаемы деревянными шашками и кинжалами, что составляет забаву юношей. Оборонительное оружие сие вообще только у чеченцов, карабулаков , ингушей и кистинцов в употреблении.

Частыя междо усобныя вражды происходящие иногда от маловажнейшей причины заставляют сии народы ограждать себя нетокмо против отдаленных и сильнейших им соседей, но даже и против нападению единоплеменных, даже родственников.

На сей предмет имеют они оборонительные с бойницами башни иногда в 6 до 7-ми этажей из коих каждый поместить может до 10-ти человек. В нижних помещают имущество свое и семьи, ас верхних отстреливаются. Таковые домашние брани бывают иногда между двумя семьями в одном селении живущими кои друг друга в осаде содержат, но вражда распространяется только на мужской пол, женщиныже, между тем, свободно выходят из башен доставляя осажденным нужное пропитание и сие продолжается пока миром не восстановится безопасность.

Подобныя каменные башни находятся у карабулаков, ингушев, кистинцев и всех осетинских колен. У кистинцев и дугорцев только бревенчатые. Более всех оныя у ингушев в употреблении, ибо сей народ преимущественно к спорам наклонен и за малейшую корысть позволяет себе отчаяннейшее мщение.

Карабулаки могут до 1000 вооруженных поставить, но малое только число конных, имеянедостаток в лошадях и удаляясь редко на дальное разстояние от домов своих мало держат лошадей. Спорные дела решаются как у карабулаков, так и ингушев и кистинцев третейским судом - приговором стариков. В общественных же положениях всем миром, но и в сих случаях голос стариков великосемейных и богатых получает перевес.

В хлебе, сколько на собственное продовольствие нужно, карабулаки не нуждаются. В низинах около Сунджи ими занимаемых, родится весьма хорошо пшеница обоего рода, овес и ячмень.

Рогатого скота мало имеют, а более овец.

Ингуши.

Значущее колено, граничит на западе с кистинцами и грузинами в вершине Терека, к северу с Малою Кабардою, к востоку с карабулаками, к югу же с Снежным хребтом Кавказа. Они разделяют себя на два рода Старых расположенных 13-ю деревнями в вершинах Оссы под названием Галгай, кои суть коренныя, и Новых, перешедших недавно с Камбилейки к границе Назрань, под особое покровительство российскаго правительства. За сим и малая часть разбросана в разных местах по Сунджи и около Владикавказа.

Расположившимся при урочище Назрань в числе 1006 дворов будучи непримеримыя враги чеченцов и кабардинцев, преследующих их яко иноверцов, охранямы особым российским прикрытием. И сия мера весьма полезна ныне же, а еще более таковою соделается со временем, к обеспечению границы Кавказской губернии и коммуникацию в Грузиею от покушения сильных чеченцев и кабардинцев. И теперь многия малосильныя горские колена теснимыя упомянутыми дерзновенными двумя народами, завидуя участи ингушев, желают того же благотворнаго для них покровительства с обещанием содействовать к ослаблению чеченцов и кабардинцев.

Коль ни дики в нравственности своей назрановцы, но как заметно с признательностью чувствуют оказываемое им российским правительством добро и, при неоднократных чеченцов и кабардинцев на них покушений (уповательно более в возмездие за отклонение от непрязненных сих народов против нас видов), отчаянно оборонялись, к чему действительно и собственной интерес их влечет. Ибо плодородные берега Сунджи, были единственно во владении чеченцов и кабардинцев, тесняющих все малосильные колена, не допуская оных

выходить из гор для использования понизовиями, хотя сами в сих не имеют нужды. Теперь же назрановцы свободно владеют немалым участком берегов Сунджи, благославляя мудрое генерала Дельпоцо тем краем управление.

Ингуши неоднократно исповедывали христианской закон, но уповательно неведением только проповедников вновь от онаго отстали, обратясь к прежнему своему богопочитанию. За всем тем и ныне соблюдают некоторыя христианскою церковью положенныя посты, имея особенное уважение к церкви каковая находится в вершине Оссы у Галга близ деревни Колга; почему и легко, кажется, могут быть обращены в христианство при благоразумных мерах.

Галгай живут в крайней бедности, питаясь только овечьими стадами. Новые же ингуши ныне в состоянии своем весьма улутшились, будучи достататочны обоего рода скотом и разного рода хлеба, коим наделяют и единоплеменных своих.

Новыя ингуши в соединении с галгаями могут вооружить до 2500 воинов[60], но более пеших; на бою весьма храбры и ловки. От них имеются аманаты в Владикавказской крепости.

Кисты.

Малосильное колено расположено в ущельях рек Микельдоне и Гераке на бесплодных землях шиферных гор обнаженных большею частию в виде скал. Граничат на западе с тагаурцами, северу и востоку с владением ингушев, а на юге высокими гранитовыми горами никем не занимаемыми.

Недостаток в землях и безплодность оных соделывает кистинцов беднейшими почти по всему Кавказу. Они питаются единственно овечьими стадами, ибо окружающие их народы промышляя сами грабежем не позволяют им даже участвовать в выгодах сего ремесла по Тагаурскому ущелью. Почему они и все во вражде с тагаурцами, коими в тесных ущельях своих как заперты и редко из оных выходят. В Владикавказской крепости имеются от них в залог верности аманаты.

Кистинцы не имеют ни владельцов ни старшин, а все ровной голос. Они могут до 600 вооруженных, большею частию пеших воинов, поставить. Три сии кистинския общества – Карабулаки, Ингуши и собственно Кисты почитаются в

[60] Цифры сомнительны (так, даже в нижеследующей таблице в указанных автором обществах показано 1300 дворов, что низводит численность ополчения к цифре 1300 человек вооруженных, ибо редкая горская семья могла дать полное вооружение двум и более мужчинам). Но в данном случае, тенденция называть столь высокую численность объяснялось с одной стороны стремлением ингушей придать себе значимость, а с другой, желанием христианских проповедников, периодически работавших среди ингушей и осетин, получить больше денег и средств, как для себя, так и для вознаграждения неофитов.

числе беднейших по Кавказу отличаясь зверскою дикостию нравов своих пред прочими.

Таблица XIV

Область чеченцов

Название селений	Число дворов	Название селений	Число дворов	Название селений и рода	Число дворов	Название селений и рода	Число дворов
Большой Чечни							
Мескитъ	70	Мескир Юрт	35	Кахкен Юрт	200	Нашах	300
Алкиръ	50	Гербенчик	350	Три деревни Рушня	190	Пешгой	100
Шуани	20	Шали	330	Гехи	300	*Вольная Лезгинския общества*	
Гордалы	70	Озень тож Исмаил Юрт	45	Узунтали	20	Андий в 5-ти деревнях	1100
Завантар	80	Чахкерри	165	Бурсак Юрт	50	Бутлук в 4-х деревнях	325
Балсыт	100	Малая Атага	250	Алихан Юрт	110	*Мирных Чеченцов*	
Джели	60	Баян аул	30	Куллар	550	Девлет Гирея	500
Баян	100	Большая Атага	450	Гойюрт	80	Бамата Бекича	300
Хошелды	300	Станукуол	60	Галгай Юрт	60	Мусы Турлова	160
Курчилли	20	Бейбулат	20	Катыр Юрт	60	Магомета Турлова	140
Наурус	20	Малой Чечен тож Хаджиали аул	45	Неттухий	40	Мударова	25
Алир	300	Большой Чечен	550	Заккен юрт	140	Алхастова	25
Наимберды	280	Балуп юрт	20	Темирбей	100	Хаджиева	50

Ойсунгур	300	Гноюрт	30	Самоош тож Гикмюз	190	Иналова	100
Истису	600	Тепли	175	Казангечу	200	Ченкалиева	100
Гуйдюрмез	200	Гордали Юрт	70	В горах живущих коренных чеченцов		Чуликова	70
Алахой Мак	30	Тишил аул тож Ялахойла	30	Чубутты	250		
Айтанкале	30	Чортунтогай	230	Тумсои	100		
Ширдимок	40	Малая Сунджинская тож Хачаххи	400	Чижнах	500		
Курчилли	60	Большая сунджженская	520	Чанти Атага	50		
Тазукалли	60	Шкодаль	20	Чанти	600		
Алирли	15	Исан Юрт тож Алхас Юрт	60	Дишны	200		
Донги	20	Алда	450	Ерлой Уахлой	150		
Арини	50	Три деревни Гой	120	Чабуртлы	1100		
Гунной	55	Геллюрт	30	Шикарой	80		
Карнебек	30	Мартан	140	Макаджи	700		
Маюртуп	70	Когун юрт	45	Алистанджи	40		
Калбиук аул	40	Джирган юрт	6				
Гендилен	50	Амурланчу	250				

Таблица XIV

Кистинских колен

Название селений	**Число дворов**	**Название селений**	**Число дворов**

Карабулаков[61]		*Кистов*[62]**	
Гожак	40	Вобин	35
Аристе	15	Багыр	18
Газбек	30	Баин	20
Межечи	20	Румпа	10
Алкун	40	Мерихалли	10
Шикалук	60	Ижерта	22
Шилчихи	20	Фитхал	30
Давыд Юрт	20	Гарака	28
Боташ Юрт	20	Лаудзик	30
Фарги	40	Маларш	10
Даттых	30	Хамишка	13
Казангечу	100	Арзы	50
Ендыр	40	Кашкуа	15
Самоош тоже Гикмюз	13	Кориа	18
Ингушей		Шавани	21
На вершинах Оссы Старых Ингушей или Галгаев в 9-ти селениях	300	Тарши	29
Насран	1004	Большой улай	29
Яндыр	10	Малой улай	20
Казангечу	7	Цулгошка	16
Темрюкова	50	Гуи	12
		Лалеги	22
		Кадзи	15
		Шуангом	9

Источник: РГВИА. Ф. 414. Оп.1. Д. 300. Л. 61 об.- 106. Копия.

[61]Здесь показаны селения исключительно равнинно-предгорного общества Аршты/Арштхой – Карабулак, без обширного густо заселенного Галанчожского ущелья, без Галашек и т.д.

[62]Надо отметить, что джейраховские селения отмечены и в другой части таблицы посвященной осетинам в подразделе тагаурцев:

«*Под названием Джарахов*

Калмыккау - 12

Малая Вуазби – 6

Большая Вуазби – 21

Памет - 15

Валлакау - 20

* * *

Д. ДЖОНСОН.
ПУТЕШЕСТВИЕ ИЗ ИНДИИ В АНГЛИЮ ЧЕРЕЗ ПЕРСИЮ, ГРУЗИЮ, РОССИЮ, ПОЛЬШУ И ПРУССИЮ… 1817 г.

Джонсон Джон, английский офицер – полковник, имевший 35-ти летний опыт службы (судя по всему военно-административной и разведывательной) в Британской Индии, совершил в кампании еще двух английских офицеров длительное морское и сухопутное путешествие из Индии (Бомбей) в Англию в 1817 г. через Персию, Россию и континентальную Европу. При этом англичане посетили Кавказ и проехали всю Военно-Грузинскую дорогу из Тифлиса в Моздок в июле указанного года. На протяжении всего маршрута Д. Джонсон вел путевые записки, которые были опубликованы в 1818 г. в Лондоне[63] и, возможно уже в 1819 г. в Париже[64].

Хотя Д. Джонсон не располагал непосредственными наблюдениями о Чечне и чеченцах (в интересах военной политической активности которых, как и осетин, находилась Военно-Грузинская дорога) эти живые записки интересны тем, что дана некая независимая оценка особенностям кавказской политики Российской империи и роли русской армии в регионе, причем не в пользу аналогичной политике английской Ост-Индской компании в Индии. В целом Д. Джонсон обнаруживает немало позитива там, где речь идет об улучшении дорог, строительстве крепостей и городов, в налаживании почтовой службы, в целом благоустройстве целого региона[65]. Хотя и указывает на агрессивный характер политики царских властей в отношении горцев.

Все это важно для тематики нашего сборника, публикации в котором охватывают главным образом первую половину XIX в. в русско-чеченских отношениях.

Мы приводим ниже сокращенную версию перевода с английского языка некоторых страниц книги выполненный Е.Я. Ахмадовой.

---

[63]Johnson, John. A journey from India to England, through Persia, Georgia, Russia, Poland, and Prussia: in the year 1817: illustrated with engravings. London: Printed for Longman, Hurst, Rees, Orme, and Brown, 1818. - 376 p.

[64] Есть вполне профессиональный перевод отрывков из французского издания от 1819 г. Тамерлана Камболова : Путешествие из Индии в Англию, через Персию, Грузию, Россию, Польшу и Пруссию, в 1817 году / Перевод и публикация Т.Камболова .// Дарьял. Литературный журнал. №1. Владикавказ, 2007.

[65] См.: Ткаченко Д.С. Кавказ начала XIX в. в путевых заметках Джона Джонсона // Гуманитарные и юридические исследования (Научно-теоретический журнал СКФУ). – Ставрополь, 2018. - С. 110-117.

* * *

ДЖОНСОН Д. ПУТЕШЕСТВИЕ ИЗ ИНДИИ В АНГЛИЮ ЧЕРЕЗ ПЕРСИЮ, ГРУЗИЮ, РОССИЮ, ПОЛЬШУ И ПРУССИЮ… 1817 г.

...Глава XIV

…14 июля [1817]. - Следующим пунктом нашего маршрута (на пути из Тифлиса до Моздока. – Сост.)[66] был Кайшаури (Kashaoor), дальностью в пятьдесят одну версту, или около тридцати четырех миль. Покинув пост Душети (Duchett), мы начали подниматься на высокие холмы, частично голые или покрытые травой, а в некоторых местах затененные деревьями, в точности напоминающие местность на вершине Гаута, в Курге или Вьено (Ghauts, in Coorg or Wyenaud)[67]…

Здесь мы наблюдали некоторые виды земледелия коренных грузин. Они [поля, склоны] были вспаханы десятью парами быков и буйволов… Плуг имел два колеса, одно диаметром три фута, а другое - десять дюймов; ось имела такую протяженность, чтобы меньшее колесо в верхней части подъема могло идти в ход с большим колесом, которое двигалось по колее внизу. Опора была закреплена посередине оси, ближе к большему колесу, которое только вращало его[68]. Этим изобретением им удалось вспахать склоны холмов.

Мы пересекли несколько деревянных мостов; дорога везде была хорошей, но кривилась то вверх, то вниз по холмам. Примерно в миле от поста Ананури (Annanoor) на расстоянии примерно двенадцати верст от нашей последней станции, мы пересекли реку, текущую слева. Вся местность была обильно полита.

Деревня Ананури расположена на небольшой равнине, окруженной холмами и горами: на возвышенности, прямо над ней, находится крепость, в которой проживает офицер, это станция для вьючных лошадей…

У грузин очень много пчелиных ульев в деревнях и на цветочных полянах. Они плетеные, высокие и сужающиеся, по форме напоминающие усеченную пирамиду, с отверстием наверху для входа и выхода пчел. Их кладут на плоские камни или на пол из кирпичной кладки. По-видимому, здесь большое внимание

---

[66] По существу, мы имеем здесь описание Военно-Грузинской дороги, часть, относящаяся к движению от Тифлиса до Душети нами опущена, чтобы уделить больше внимания собственно горским землям до Владикавказа, в оттуда и до Моздока.

[67] Автор приводит здесь названия горных местностей в Индии, где он видимо провел часть своей жизни.

[68] Данное тяжелое пахотное лемешное орудие было известно и на Северном Кавказе под названием «грузинский плуг». Предназначался для пахоты на целинных равнинах, или, как в данном случае, на пологих склонах холмов.

уделяется размножению этих трудолюбивых и продуктивных насекомых. По всей стране мы наблюдали множество маленьких лачуг с кукурузными мельницами, которые, как и в Персии, приводились в движение потоком воды, действующим на горизонтальное колесо.

Выйдя из небольшой равнины Ананури, мы вошли в глубокую долину между двумя высокими горами, дорога проходила у подножия этой горы слева, и рекой справа. Это грандиозное зрелище сопровождало нас и до поста Пассанаури (Passanoor)…

Около столба мы пересекли два очень значительных ручья слева, текущих в сторону Кура (Koor), помимо множества небольших ручейков, пересекавших дорогу. Над всеми ними были деревянные мосты, очень прочно построенные и хорошо сложенные, и, скорее всего, это было дело рук русских солдат.

Дорога возле Пассанаура поворачивала на север. Горы смыкались справа и слева. Мы продолжили свой путь от этой станции по тому же маршруту, к реке Арагви (Arragua) справа, в пределах трех миль от поста Кашаур,… На вершинах и склонах горы было много укрепленных деревень. Рядом с Кайшаури находились остатки форта, построенного, как говорят, Ираклием[69].

Нынешняя почтовая служба России занимает высокое место, но пока не дает (поскольку они ее улучшают) больших удобств (на станциях). Мы спали в очень маленькой палатке, которая из-за сильного дождя, выпавшего за ночь, промокла; и нам было очень неуютно. Погода стояла холодная, в том числе из-за близости заснеженных гор.

Местность справа и слева от дороги, идущей от этого места занята племенем оссов, или осетинов (the tribe of Ooss, or the Oossetians) - очень смелым, энергичным и непобедимым родом людей. Их привычки сильно отличаются от привычек грузинских сельчан, которых мы встречали на предыдущих переходах…

Мы вышли с поста в пять утра [15 июля], в очень густом тумане или, скорее, под моросящим дождем, который не только намочил нас, но и сделал дороги грязными и скользкими, а значит, трудными… Пройдя по крутому склону горы, мы прошли между двумя вершинами, венчающими ее, и увидели слева от дороги железный крест на каменном фронтоне[70]. Слева от креста простирались высокие горы, знаменующие исток реки Байдар (Baidar).

[69] Грузинский (картло-кахетинский) царь Ираклий II (1721-1798).

[70] Крестовый перевал (2379 м) разделяющий южную и северную сторону Главного Кавказского хребта по Военно-Грузинской дороге. Железный крест на каменном основании здесь был воздвигнут согласно легендам едва ли не Давидом Строителем (1073-1125).

Теперь мы начали спуск к посту Коби (Koby), находящемуся на расстоянии шестнадцати верст или одиннадцати миль от нашей последней станции. На этом пути мы пересекли несколько массивов снега и льда, скопившихся в ущельях…

Вся эта дорога была хорошей и широкой; и ни в какой части она не была такой крутой, как в целом гхоты[71] (Ghauts) в Индии. За Крестом[72] горы полностью меняют облик; они скалистые, крутые и часто почти перпендикулярные, слабо покрытые деревьями или травой, за исключением глубоких впадин. Примерно в четверти мили за постом Коби, река Терек (Terek) подходит к дороге слева, из долины между двумя горами на север. Этот пост хорошо построен, и в нем могут разместиться многие солдаты и путешественники.

Особого внимания заслуживает тот факт, что русские солдаты, где бы они ни стояли, с пользой используются на общественных работах, таких как дороги, мосты, военные посты и т. д. Они принимают эти занятия без всякого сопротивления, и они не могут не сказаться самым благоприятным образом на их общем характере, поскольку противодействуют привычкам к расслаблению, к которым солдаты склонны в периоды активной войны. Это уменьшает отвращение, вызываемое присутствием солдат среди жителей района, которые, видя их занятыми, перестают рассматривать их как ленивых и злобных незваных гостей, трутней или саранчу государства. Этот союз гражданского и военного характера, бывший столь благоприятным в лучшие периоды Римской империи, в один прекрасный день принесет важные преимущества России.

Ниже приводится общий план, по которому построены станции в этой стране. Образуется квадрат, один прямой угол которого или две соединяющиеся стороны заняты домами для солдат и офицеров, конюшнями для казачьих лошадей и т. д.; соответствующий прямой угол или две стороны ограждены рядами высоких палисадов и большими воротами. Размеры квадрата определяются количеством войск, предназначенных для станции. В центре находится по одной медной полевой пушке, а иногда и больше. Дома или бараки построены из тесаного бруса, положены друг на друга и прорезаны по углам. Окна и двери вырезаны со стороны, обращенной внутрь; первые часто покрывают бумагой вместо стекла. Крыши обычно состоят из длинных полос коры, разложенных и скрепленных длинными рейками, уложенными поперек них, чтобы предотвратить их коробление от тепла или влаги.

В каждом из этих жилищ есть печи или, вернее, духовки, в устьях которых разводят огонь, который служит для приготовления пищи, а также для обогрева духовок для выпечки больших буханок хлеба. Этот предмет - основная пища

[71] Крутые спуски или подъемы к священным местам в горах Индии.
[72] Т.е. к северу от Крестового перевала.

русских солдат. Часть его замачивают в горячей воде до тех пор, пока он не станет кислым в результате ферментации, тогда он превратится в их любимый напиток под названием квас. Именно с такой простой пищей русские солдаты всегда довольны, веселы и готовы с живостью трудиться на любой общественной работе. Все они в той или иной степени ремесленники; и где бы ни был размещен батальон, они возводят для себя деревню из блочных домов и обладают средствами удовлетворения почти всех своих примитивных потребностей.

Мы направились к Казбеги (Kassy – Beg), около шестнадцати верст, или одиннадцати миль, через равнины у подножия холмов, имея пенящийся Терек слева от дороги, что было довольно неплохо. Село Казбеги расположено у подножия почти перпендикулярных гор из известняка, гранита и сланца, высотой в одну милю. Слева от него течет Терек, за которым стоит цепь зеленых гор. На изолированной вершине есть монастырь или церковь; а вдали видна покрытая снегом гора огромной высоты, называемая Казбек, которая, как говорят, равна высоте Монблана.

Положение этой деревни в высшей степени романтично. Дорога в сторону пролегает через очень узкую пропасть недалеко от Терека, с краев которой скалистые горы резко поднимаются на большую высоту. После двухчасового перехода мы прибыли к месту напротив (укрепления) Дарьял (Dariel), расположенного в очень живописном месте. Чтобы добраться до него, нам нужно было пересечь речушку по невысокому деревянному мостику. Дорога проходила между этой речушкой и Тереком, который здесь пересекает мост, прикрепленный к отвесной скале, часть скалы вырублена, чтобы образовать подход под прямым углом к мосту: он имеет двадцать ярдов протяженности и крепко сложен. Напротив, стоит пост Дарьял, хорошо построенный и обеспеченный, а напротив находится отдельная гора, вершина которой усыпана руинами крепости.

В одном месте недалеко от этого поста я наблюдал черную нафту или битум, просачивающийся из-за камней у подножия горы; он считается малоценным и применяется только к осям колес тележек и кареток как заменитель смазки.

Вдоль этой скальной границы реки Терек с чрезмерным трудом была проложена общественная дорога (или, как сказали бы французы, pratiqué). Некоторые части были взорваны порохом, а другие извлечены ручным трудом, чтобы образовать на поверхности скалы боковую канавку достаточной ширины и высоты, чтобы пропустить колесные экипажи. По этому коридору дороги, покрытой стеной и крышей из голого камня, и не имеющего на открытой стороне ни перил, ни защиты от края пропасти, мы двинулись дальше, почти ошеломленные грохочущим ревом реки внизу; …

Мы прибыли на пост Ларса (Lars), в пяти милях с четвертью от Дарьяла… Пост большой и хорошо укреплен частоколом, внутри расположены просторные и удобные постройки, обеспечивающие хорошее размещение…По дороге дальше в шести верстах, или четырех милях, мы миновали деревенский пост Карташ (Cartash).

В этом году Терек заполонил всю долину и даже осел в других протоках; из-за этого дальнейшая дорога была уже невозможна, и так как еще не прошло достаточно времени, чтобы исправить повреждения, нам пришлось пройти по краям горных склонов и пересечь ущелья, образованные речушками, что мы проделали с большим трудом, сопровождаемые сильной охраной пехоты и офицером, командовавшим последним постом.

Горы все еще оставались высокими, и вся эта дикая страна изобиловала твердынями, благоприятными для хищных племен; нам указывали различные места, из которых осетины совершали вылазки, чтобы захватить пленников или награбить добычу на дороге. Этот маршрут, как и предыдущий, был часто прерываем отдельными массами, сошедшими с горы, и изменениями русла реки, которые сделали обычные места более непроходимыми. Среди этих препятствий, иногда переходя протоки вброд, мы направились к Балте (Balta), к находившемуся в плохом состоянии посту, расположенному в четырех милях от первого. В нем было мало жилья, и он служил только для защиты жителей деревни.

Мы наблюдали огромное количество маленьких передвижных кукурузных мельниц, похожих на хижины, площадью около шести квадратных футов, построенных из досок и опирающихся на четыре бревна. Они располагались на ручьях в таких положениях, которые позволяли течению воздействовать на горизонтальное колесо, и использовали в основном для измельчения зерна...

От этого места дорога вела восемь миль по обширным и влажным равнинам или траве к мосту через Терек, напротив Владикавказа (Vladi Caucass). Нас проинформировали, что этот каменный мост больше нельзя использовать, поскольку он наполовину унесен последним наводнением, и мы обнаружили, что это так. Для удобства переброски пассажиров здесь была сделана траектория с помощью двух веревок, по которым тянулись тяги с прикрепленным к ним железным каркасом в форме стремени, служившим сиденьем для одного человека; его тянет вперед и назад небольшая веревка, прикрепленная к его центру, и таким образом мы и наши коробы перемещались над этим глубоким и быстрым потоком. Лошади под казаками перешли вброд реку на некотором расстоянии ниже, с очень большим трудом и риском для жизни.

По дороге на Владикавказ мы встретили много больших табунов лошадей, идущих от Кабарды, района Черкесии (Kabarda, a district of Circassia),

расположенного на реке Кубани, до Тифлиса, на продажу; большинство из них предназначались для русской кавалерии, а некоторые отборные для частных лиц. Черкесские лошади из этого района имеют приличный размер и высоко ценятся за их чистую кровь, красоту и скорость. У некоторых из них, что я видел, были большие тела и легкие тонкие шеи; в основном это были мерины, так как нехолощеные лошади продаются редко, но они были очень хороши в бою…

Неукротимые осетины, проживающие недалеко от окрестностей Владикавказа, подстерегают пассажиров, которых они уводят и держат в плену, пока не получат за них выкуп от русских. Эта практика вымогательства денег существует у них более сорока лет, и они преследуют ее так постоянно, что едва ли проходит три месяца, в течение которых какой-нибудь заметный пассажир не был ими задержан и схвачен. Наиболее опасными местами, на которые мне указали, были узкие ущелья, ведущие к высоким горам слева или на запад, а также несколько глубоких долин, нависших над горами и покрытых лесом справа от Терека. В обоих этих направлениях местность по своей природе настолько труднодоступна, что для того, чтобы преследовать и нагнать этих флибустьеров, потребовались бы большие отряды легких войск, специально обученные для этой службы.

Из того, что выяснилось, в ходе расследования я узнал, что русские часто бывают агрессорами, и что их поведение до сих пор было настолько угнетающим и непримиримым по отношению к осетинам, что последние были вынуждены продолжать свои хищнические привычки из-за духа возмездия. Некоторые примеры были приведены в доказательство этого утверждения. Несколькими месяцами ранее двое российских офицеров и две женщины были взяты в плен и содержались до уплаты выкупа, после чего они были освобождены. Некоторая сумма денег, хотя, возможно, не такая большая, как та, которую они требовали в качестве выкупа, причиталась им от некоторых торговцев, которые использовали их несколько дней назад для перевозки своего багажа в качестве проводников, а когда услуга была оказана, отказались платить им.

Примерно за год до этого русский майор был схвачен чеченцами (Tchetchenses), другим племенем кавказских горцев. Российский император, узнав об этом, послал генералу Дельпоццо, который тогда был комендантом Владикавказа, приказ выплатить сумму в двадцать пять тысяч рублей, требуемую за освобождение майора. Генерал, однако, как было заявлено, двинулся с пятью или шестью сотнями человек в деревню, населенную чеченами, которые были заняты своими земледельческими трудами и которым ранее были переданы боеприпасы и зерно, с условием, что они должны

удерживать своих более диких друзей и соседей от вторжения и разграбления российских территорий и прилегающих дорог. Генерал послал за старейшинами деревни и сказал им, что они должны либо заплатить ему двадцать пять тысяч рублей сами, либо пойти на компромисс и добиться освобождения пленника. Вскоре его отпустили, и генерал вернулся с ним.

Затем он написал императору, что, получив приказ Его Величества, он принял на себя усмотрение действовать описанным образом как наиболее эффективным средством предотвращения подобных атак в будущем. Можно предположить, что император, отдавая приказ о выкупе ценного офицера, считал, что никакие другие средства для его возвращения не были доступны; и действительно, политика генерала, была целесообразной, но сомнительной, так как имела тенденцию скорее отчуждать народ, чья привязанность, возможно, не выдержала бы такого испытания. Несколько других подобных случаев были сообщены мне людьми, в показаниях которых я не имел оснований сомневаться… [73].

Небольшой городок Владикавказ построен на плоской равнине, покрытой глубоким черным грунтом, которая при любом значительном выпадении дождя становится глубокой грязью. Дома построены из досок и бревен, покрытых соломой или корой деревьев, разрезанной и сплющенной для этой цели. Несмотря на небольшую конструкцию, они имеют очень аккуратный вид; стены побелены, а рамы дверей и окон выкрашены в другой цвет. Окна очень маленькие, но застекленные. Внутри есть каменная печь, которая служит для обогрева двух помещений, причем отверстие находится в одном, а корпус печи выступает в другом…

В этом месте, если удастся достать хороший экипаж, путешественник может с пользой использовать его в дальнейшем пути, так как здесь заканчивается трудная дорога через Кавказ. Страна к северу от этого горного

[73] В реальности дело обстояло несколько иначе. В феврале 1816 г. проезжавший по кумыкским владениям в Кизляр, майор Грузинского гренадерского полка, размещенного в Закавказье, Павел Швецов, известный всему Кавказскому корпусу боевой офицер, был взят в плен горцами в яростной схватке в 6 верстах от значительного русского города Кизляр на Тереке. Его отвезли в Чечню, в селение Старые Атаги и потребовали в насмешку выкуп в 10 ароб, груженных серебром. Договорились на 25 тыс. рублей (500 кг серебра), которые, собирала по подписке вся Россия. Вступивший в это время в должность «главноначальствующего» на Кавказе генерал А.П. Ермолов приказал ген.-м. И.П. Дельпоццо (на то время уже бывшему коменданту Владикавказа), командующему войсками на Кавказской линии вызвать к себе на переговоры 18 кумыкских князей, через земли которых проехала чеченская партия, арестовать их и повесить, если не будут изысканы средства к освобождению П. Швецова. Горских князей повесить не решились, а майор был наконец освобожден за выкуп в 10 тыс. рублей через посредничество авторитетного в Дагестане и Чечне аристократа – хана Султан-Ахмеда Аварского. – Потто В.А. Кавказская война… Т.2-й. Ермоловское время. Вып.1. Изд.2. - СПБ.: Издание книжного склада В.А. Березовского., 1887. С. 53-60.

хребта свободна от каких-либо больших высот, и между ним и Моздоком (Mosdok) нет бездорожья, где не было бы возможности проехать…

Письменная почта, или, как мы ее называем просто почта, отправляется из Моздока в Тифлис (Teflis), а из Тифлиса в Моздок по воскресеньям. Ее возят верхом на лошади, ее хорошо охраняют и сопровождают пехота и казаки, последняя часть пути проходит с полевым орудием. Почта из Моздока прибывает во Владикавказ за два-три дня; а из Тифлиса за три-четыре дня. Возможность такого сопровождения очень удобна для тех, кто может путешествовать с достаточной быстротой. Однако, помимо этого, есть много удобств для путешествий; все русские командиры чрезвычайно добры и внимательны к незнакомцам, особенно к британским офицерам на этом маршруте, и неизменно помогают им с охраной, паспортами и всем остальным. Плата от Владикавказа до Моздока за две кибитки с багажом и слугой и с двумя лошадьми в каждой, составляет всего пять серебряных рублей, или 24 рубля ассигнациями, хотя расстояние составляет пятьдесят шесть миль, и этот путь опасен. Почта конвоируется пушкой и пехотой только между Владикавказом и Моздоком: в Тифлис и обратно, ее конвой состоит из казачьей кавалерии…

Несмотря на ужасающие ожидания, которые нас привели к формированию мнения о Кавказе, нам было очень легко пройти через эти горы. Дороги в целом хороши и пригодны даже для колесных экипажей. Есть только один горный хребет, который нужно преодолеть, и переход отнюдь не такой трудный, как у почти всех гхаутов в Индии, а его склоны далеко не такие крутые…

В целом возможности, предоставляемые русским командованием, настолько велики, а расходы на поездку настолько скромны, что пересечение Кавказа не должно теперь рассматриваться как серьезное мероприятие. Напротив, грандиозное величие местности, красота и разнообразие пейзажей, новизна людей, костюмов и привычек, люди, наблюдаемые на этом маршруте, объединяются, чтобы привлечь внимание путешественника и заставить его почти потерять сознание от усталости.

Следует отметить обстоятельство, что в этой стране, да и по всей Грузии, все люди идут вооруженными, когда у них есть возможность покинуть свои жилища. Мальчики восьми или десяти лет носят с собой луки и стрелы, ножи и мечи, которыми их рано учат пользоваться. У тех, кто на несколько лет старше, есть пистолеты и мушкеты, и это оружие есть у каждого человека в стране, даже у тех, кто работает на плуге. На дороге нельзя встретить путешественника любого толка, который явно не нагружен оружием, а не чем-то другим. Их мушкеты, покрытые мехом, во время верховой езды или ходьбы, подвешены на спине и свешиваются напротив правого плеча к левому бедру. Их верхняя одежда

как бы отделана рядами патронов, прошитых или прошнурованных по всей передней части…

До сих пор не было принято никаких действенных мер для того, чтобы цивилизовать этих людей и сделать их полезными подданными государства, к которому они принадлежат. Установившаяся в последнее время практика брать некоторых из молодых сыновей главных людей для их воспитания, несомненно будет сильно способствовать достижению этой желанной цели. Можно с уверенностью предположить, что одной из главных причин, заставлявших умы этих людей не желать подчиняться законам своих правителей, была дурная политика России, посылавшей или, вернее, ссылавшей в самые отдаленные командования тех из своих офицеров, которые были наиболее недостойны этого. Однако теперь эта политика изменилась к лучшему и в Грузию были назначены офицеры, отобранные по причине их больших заслуг.

Другое большое препятствие к свободному сношению кавказских племен с Россией состоит в карантинных правилах, которые носят постоянный характер. Преобладает мнение, что эти племена постоянно болеют чумой среди тех или иных из них. Следовательно, им фактически не разрешается общаться с внутренними районами, по крайней мере, с помощью русских, у которых до сих пор, я полагаю, мало, если вообще есть, своих собственных достойных доверия людей, способных говорить на любом языке этих племен. Следовательно, основание этого мнения относительно чумы никогда не подвергается сомнению; и эти бедные люди, занимающиеся торговлей, так сильно страдают от задержаний, взысканий и других недовольств на карантинных станциях. Они не могут без значительных трудностей, при этих ограничениях, возить либо скот, мед, масло, шкуры, меха, епанчи, войлоки или любые их товары на российские рынки или даже получить без платы разрешения на ввоз в свои горные места любых предметов российского производства для собственного использования…

Глава XV.

Четверг, 17 июля. - Нашим первым этапом от Владикавказа была станция под названием Елизаветинский редут, на удалении двадцать две версты, до которой, мы могли (передвигаться) в сопровождении почтовой службы; было восемь часов утра прежде, чем мы отправились в путь.

Первая часть дороги проходила по уже упомянутому чернозему, который был грязным из-за позднего дождя; но в целом была на хорошем уровне. У нас было много повозок, ружье и пушка с зажженным фитилем; также была рота европейской (регулярной) пехоты и четырнадцать конных казаков… На станции

нас устроили довольно хорошо; привезли немного деревенского пива с курицей, яйцами, молоком и даже угостились грузинским вином.

Наш отъезд прошел под удар в барабан, который исполнялся трижды; в первый раз, чтобы предупредить о загрузке телег и скота; второй раз запрячь лошадей; а третий - маршировать. Поскольку курьер очень хотел прибыть в Моздок на следующий день, комендант почты сообщил нам, что почта отправится уже в два часа ночи, что он, соответственно, и сделал, как и прежде, под барабанный бой.

18 июля. - Наше путешествие к Моздоку, далекие пятьдесят шесть верст, заняло… Дорога шла по равнине, как и накануне, покрытой кормовыми травами. Мы не обнаружили ни малейшего затруднения в ночном марше и к девяти утра следующего дня прибыли на станцию под названием Константинов редут (Константиновский редут). Здесь конвой остановился до одиннадцати, и мы как обычно позавтракали. В пределах мили от этого места мы пересекли ряд холмов, или, скорее, возвышенность, покрытую деревьями с северной стороны; они назывались Черными горами, но едва ли были такой величины, чтобы заслужить название холмов. Наш путь от Константиновского редута продолжался, как прежде.

На расстоянии десяти миль от Моздока мы подошли к месту, которое, как говорили, занимала самая опасная часть из всей дороги; это была цепь холмов, лишенных какой-либо растительности, кроме травы. Здесь конвой остановился, как он однажды уже делал во время этого марша; спустившись на равнину с высокой травой, простирающуюся от этих холмов до Моздока, которая считается безопасной от черкесских флибустьеров и полна фазанов и другой дичи, мы поскакали дальше. Нам повезло, что с наступлением ночи мы подошли к грозной и значительно разлившейся реке Терек, которая вновь пересекла наш путь и отделяла нас от города Моздок.

Воды были высоки, и мы с трудом перешли вброд два рукава реки,а затем переправились через главный поток в джунгаре[74], состоявшем из двух лодок, связанных вместе, несущих платформу с большими перилами, Здесь нужно было взять с собой одну из наших лошадей и телеги для перевозки багажа в карантинный дом. Мы и все наши вещи, как и все люди и вещи, поступающие из Грузии, рассматривались как зараженные чумой, и до тех пор, пока мы не были должным образом очищены, никому не разрешалось вступать с нами в контакт. Переход через реку занял много времени, и было совсем темно, прежде чем мы нашли убежище.

На нашем пути от берега реки до карантинного дома нас охраняли военные с закрепленными штыками. С нами пошел врач или инспектор по карантину.

[74] Происхождение термина «джунгар» в данном значении остается неясным. Возможно, Д. Джонсон вынес его из Индии. Речь как мы видим идет о временном паромном сооружении.

Помещение было выделено для приема и дезинфекции нашего багажа, и нам захотелось сдать его туда целиком. Это была квартира около шестнадцати футов, квадратная, с тонким деревянным полом, возвышающимся на четыре с половиной фута над землей; на нем должны были быть открыты и сложены все наши коробки и одежда…

Необходимо заметить, что наш испытательный срок длился один день; то, чему подвергаются купцы, достигает семи… Около девяти утра разрешили снять чемоданы, а затем мы отказались от одежды и вещей, которые еще не подвергались фумигации. Для этого надо было переместиться и надеть очищенную и вонючую одежду.

Вскоре после полудня в воскресенье 20-го числа мы получили остальную часть нашего багажа и отправились в экипаже, называемом дрожки, принадлежащем коменданту, который очень любезно отправил его для нашего пользования в резиденцию иезуитов, обосновавшихся здесь, которые по прибытии весьма любезно пригласили нас поселиться вместе с ними. Во время нашего короткого пребывания в Моздоке мы испытали все возможное внимание и самую дружескую помощь со стороны начальства отца Анри и отца Жозефа. Их община только недавно поселилась здесь, и они строят очень красивую церковь с куполом над ней; все это должно быть построено из дерева; но, учитывая место, оно будет иметь, когда закончено, очень величественный и внушительный вид.

Как бы то ни было, создание религиозного ордена по одобрению Петербурга, безусловно, обещает много преимуществ для такого города, как Моздок, где их предельные усилия по удовлетворению духовных интересов всех могущественных вождей Чиркассии не могут быть производиться иначе, как будучи подчинены конечным взглядам русского правительства. В самом деле, разнообразные и неприятные обязанности, налагаемые правилами этого ордена на его членов, заключающиеся в оказании медицинской и духовной помощи всем больным, даже больным чумой, которых они все равно обязаны посещать, и обучение, которое они безвозмездно предлагают, учреждая в своем собственном монастыре бесплатную школу для детей иноземцев, короче говоря, все, что их учреждение предписывает им выполнять, должно быть в настоящее время в такой стране однозначно быть выгодным интересам государства ...

В этих самых отдаленных уголках Российской империи путешественник не находит ни караван-сараев, как в Персии, ни постоялых дворов. Там, где почтовая контора недостаточно хороша, у нее есть обычай прислуживать полицеймейстеру города, в котором путешественник останавливается. Этот человек (станционный смотритель?), обратившись к нему, выдает распоряжение о размещении, в своего рода жилье в каком-нибудь частном доме, семья которого будет, если ей разумно заплатят, обеспечивать лечение и предоставлять, если потребуется, любую

провизию, такую как птица, яйца, рыба или молоко, хлеб и масло. Иногда начальник полиции посылает человека с путешественником, чтобы тот указал ему подходящее жилье и помог обеспечить его такими средствами к существованию, которые могут ему немедленно понадобиться…

Хотя Моздок не давал нам никаких прекрасных фруктов, все же мы были приятно удивлены, обнаружив еще один предмет питания, который для нас был очень приемлемой новинкой. Это был какой-то очень хороший осетр и стерлядь, которыми это место в изобилии снабжается. Вечером, в пять часов, мы пошли к коменданту, с которым пили кофе, и купили у его адъютанта кибитку за 300 рублей, бумажной валютой. Ее должны были починить и прислать нам на следующее утро к восьми часам.

Понедельник, 21 июля. - В десять часов доставили кибитку. Наши паспорта были осмотрены полковником-комендантом, который дал нам охрану из шести казаков и письменный циркуляр на свои посты, чтобы гарантировать нам помощь. Мы выехали из Моздока в одиннадцать, в кибитке с пятью, запряженными веревками лошадьми, три из которых были какколесные, а две вожаками, с форейтором на одной из них…

Текст воспроизведен с нашими сокращениями по изданию: Johnson, John. A journey from India to England, through Persia, Georgia, Russia, Poland, and Prussia, in the year 1817: illustrated with engravings. London: Printed for Longman, Hurst, Rees, Orme, and Brown, 1818. P. 245-271.

* * *

Р. КЕР-ПОРТЕР
ПУТЕШЕСТВИЯ ПО ГРУЗИИ, ПЕРСИИ, АРМЕНИИ… 1817-1820 ГОДЫ.

Кер-Портер Р. - Роберт Кер Портер (1777-1842), английский дипломат, профессиональный художник, писатель и путешественник. Подолгу жил в России в начале XIX в. В 1817 г. прибыл на Кавказ из Санкт-Петербурга, откуда проследовал в Закавказье и Иран. В 1821-1822 гг. издал в Лондоне двухтомное описание своего путешествия, включая красочное описание кавказского маршрута: Travels in Georgia, Persia, Armenia, ancient Babylonia, &c. &c.: during the years 1817, 1818, 1819, and 1820 / by Sir Robert Ker Porter ; with numerous

engravings of portraits, costumes, antiquities, &c. London : Printed for Longman, Hurst, Rees, Orme, and Brown, Paternoster Row, 1821-1822. Intwuvolumes. Vol.1. 1821. - 720 p. [XXIV].

На русском языке еще в XIX в. были изданы отдельные фрагменты из восточной части «Путешествия…» в петербургских журналах, а в 1967 г. вышел отрывок с описанием осетин на протяжении Дарьяла в переводе И.С. Зевакиной[75].

Между тем, живое описание чеченцев данное на десятке страниц с элементами их этнографии, политического и общественного положения чеченцев, которых Кер-Портер считал самым мощным противником политики Российской империи (автор, кстати, дал высокую оценку ее действиям на Кавказе), оставалось практически неизвестным. Естественно, что с позиции утонченного англо-шотландского джентльмена чеченцы были дикарями, отрезанными от цивилизации. Ну совсем как, собственно, те же шотландцы в оценках англичан веком раньше.

Нельзя также не отметить, что поездки английских путешественников по Востоку, Кавказу и России в 1817 г. любопытно совпали – в июле 1817 г. полковник Д. Джонсон добравшийся до персидского порта судном из Бомбея, проехал Персию, Закавказье и проследовал Военно-Грузинской дорогой на Терек и далее в Европу, а в начале октября 1817 г. тем же маршрутом но в обратном направлении Санкт-Петербург – Моздок – Военно-Грузинская дорога - Закавказье - Персия, проследовал Р. Кер-Портер.

Мы приводим несколько сокращенный текст интересующих нас страниц[76] в переводе с английского языка на русский Е.Я. Ахмадовой.

* * *

КЕР-ПОРТЕР Р. ПУТЕШЕСТВИЯ ПО ГРУЗИИ, ПЕРСИИ, АРМЕНИИ… 1817-1820 ГОДЫ

… Я [по пути из Георгиевска] остановился на ночь в небольшой деревне и достиг Моздока, моего первого шага в Азию, около полудня следующего дня, в воскресенье, 30 сентября [1817] …

Моздок — это процветающий маленький город, расположенный на берегу Терека и имеющий мощный гарнизон под командованием полковника,

[75]Кер-Портер Р. Путешествия по Грузии, Персии, Армении и т.д. в 1817-1820 годы /Пер. И.С. Зевакина. // Осетины глазами русских и иностранных путешественников (XIII - XIX вв.). – Орджоникидзе: Северо-осетинское кн-ое изд-во. 1967. С.197-205

[76]Кер-Портер Р. Путешествия по Грузии, Персии, Армении … и т.д. и т.д. в 1817, 1818, 1819 и 1820… В 2-х томах. Т.1. Лондон, 1821. С.49-67.(на англ. яз.). Отметим здесь же, что разбивка на главы в книге отсутствует, сугубо тематическая разбивка приводится в отдельном приложении.

являющегося одновременно и губернатором этого места. А колонна (или караван) товаров вместе с почтой отправляется из города каждое воскресенье; но только в этот день; так что путешественники, которые прибывают в любой другой день недели, обязаны дождаться там назначенного времени, а затем пересечь реку со своими сопровождающими и экипировкой до трех часов, имея еще несколько верст на противоположной стороне, прежде чем они могут присоединиться к общему свиданию. Но, прежде чем они отправятся в путь, необходимо приобрести в Моздоке прочную сбрую для того количества лошадей, которое может потребоваться их экипажам; также полный запас провизии на дорогу…

Эта река [Терек], отделяющая русскую Европу от русской Азии, берет начало на Кавказе, недалеко от Коби; а горы, откуда она исходит, являются самыми высокими из ближайших окрестностей Моздока. Сначала она идет на север, преодолевая значительную часть этой огромной груды… Примерно в тридцати верстах от Моздока она поворачивает на восток и оттуда, постепенно утихая, течет все более спокойно по мере приближения к берегу Каспия. Там она разливается по нескольким каналам, которые даруют блага, а также красоту землям, которые они орошают, пока, выполнив свой долг, они снова не объединятся в лоне Каспийского моря. На одном из самых значительных ответвлений или каналов стоит город Кизляр…

…Россия сформировала свой казацкий корпус, известный под общим названием «казаки линии Кавказа»[77]. Их основная обязанность - сопровождение путешественников, караванов и т. д. Но их часто отправляют в глубь Кавказа, где Император установил военные посты: также в Грузию с той же целью; потому что они единственные солдаты, которые могут атаковать дикого горца на равных, с таким же оружием и подобными способами ведения войны. Служа таким образом, они столь же верны, как и храбры, и решительно защищают своих подопечных или свой пост…

…Мы стояли [в караване] подготовленными в течение значительного времени, ожидая более близкого приближения всадников, чтобы точно выяснить, что они собой представляют, прежде чем мы откроем против них наши средства защиты; когда примерно на расстоянии пятисот ярдов отряд остановился… когда в пределах выстрела из пистолета, один из этих поднял письмо и крикнул: «Мы пришли от генерала дель Поццо». Это было немедленно подтверждено человеком, который подъехал к нему один и доставил бумагу нашему офицеру…

Письмо, которое было доставлено, состояло в том, чтобы поторопить нашего командира конвоя и его военных товарищей в выполнении их нынешнего долга; чтобы они могли помочь в укреплении гарнизона недавно возведенного форта в другом горном проходе; который должен был предотвратить, если

[77]Кавказские линейные казаки. – Здесь и далее примечания составителя.

возможно, разрушительные вторжения племени чеченцев в нижнюю (равнинную) страну. Это племя очень свирепое и хищное, населяет ту часть гор, откуда вытекает река Соундша[78].

…после утомительного, но далеко неинтересного дневного перехода, около четырех часов вечера, мы добрались до своей квартиры, чтобы переночевать; а именно Ахловы Кабаки, иначе - форт Константина. Этот пост - одна из многих русских позиций, охраняющих горные перевалы, и расположен на возвышенности, у подножия высокого холма, через который пролегал бы наш маршрут на следующий день. Это всего лишь полевые форты, окруженные рвом. Внутренняя поверхность защитных валов форта, в котором мы тогда находились, была дополнительно усилена толстой плетеной подкладкой.

…на следующее утро 2 октября (по ст. ст.), мы должны были снова отправиться в путь. …Около пяти часов утра весь конвой тронулся; …холмы были чрезмерно крутыми, а тропинки влажными, скользкими и полными препятствий из-за густого леса, которым покрыты все эти высоты.

…Затем мы двинулись в путь, выстроив своих казаков, одних впереди, другие на флангах; и некоторых выслав заранее вперед, чтобы предотвратить неожиданности и, кроме этого, каждый член нашей партии был готов со своим оружием, защищаться в случае необходимости.

К счастью, наши меры предосторожности не подверглись испытанию; и, пройдя двадцать верст рысью по низкой, неровной местности, заканчивающейся более плоской равниной, мы наконец достигли форта или редута Грегорополиса. …Майор форта встретил нас со всем вниманием; и потребовал, чтобы я оставался хотя бы на несколько часов…, чтобы встретиться с генералом дель Поццо, которого на следующий день ожидали в Грегорополисе, по пути в Моздок. Имея в руках письмо графа Платова для передачи генералу и желая, в частности, познакомиться с человеком, обстоятельства жизни которого были не более экстраординарными, чем его поведение, достойное восхищения, я с готовностью согласился.

…Хотя по происхождению он итальянец, большую часть своей зрелой жизни он провел на российской императорской службе; и немалую часть этого времени он находился в этих отдаленных горных районах. Действительно, его наблю-дательности, оперативности и эффективным действиям, Россия в основном обязана той безопасностью, с которой она сейчас владеет ключом к этой части Азии.

…Он сам имел несчастье несколько лет назад попасть в руки отряда чеченцев (Tchetchinzi), которые, унося его в свои скалистые крепости,

[78] Сунжа (чеч. Соьлжа), правобережный приток Терека; протекает по территории Чечни от Владикавказской равнины, деля ее в то время на Притеречную Чечню к северу от реки и, Большую и Малую Чечню к югу.

обращались с ним настолько жестоко, насколько могла придумать их дикая натура. И все же они сохранили его живым, потому что знали кое-что о его важности для своего государя и надеялись получить богатую награду за его выкуп. Кроме того, удивляла странная противоречивость варваров - нагружая его суровостью, они часто обращались к его признанной мудрости, чтобы решать не только споры в их внутренних отношениях, но часто и в более важных вопросах, затрагивающих общие интересы племени.

Эти обстоятельства и продолжительность его заточения позволили ему значительно продвинуться в освоении языка чеченцев и ближе познакомиться с их традициями, манерами, обычаями и изучить их хищнический образ жизни. Он также установил между ними свои связи, которые, как он надеялся, могут в будущем (если он когда-либо вновь обретет свободу) позволить ему успешно служить России в ее наиболее важных точках на Кавказской линии.

После двенадцати долгих месяцев, проведенных в этом тревожном состоянии, между надеждой и страхом, и пороками рабства, ему сообщили, что десять тысяч рублей были предложены и приняты в качестве выкупа. И он вернулся к свободе и проявлению тех талантов, которые увеличили власть и территорию его правительства, покрыв себя честью[79].

Эти чеченцы, … считаются самым грозным из всех племен, населяющих бесчисленные скалистые долины восточной линии Кавказа. Их хищнические вылазки, как большими, так и малыми группами, наводят ужас и на их непосредственных соседей, на племена, подобные им самим. Хотя они менее могущественны и мощны (чем Россия. – Сост.) но их внезапные спуски, засады и продолжающиеся войны постоянно держат дисциплинированных русских в состоянии боевой готовности. Эти владыки гор, кажется, никогда не отдыхают ни днем, ни ночью. Неутомимые в своем наблюдении за добычей, скоры как молния в нападении, ибо как они поражают и так же быстро теряются из виду. Не щадят

[79] В 1802 г. полковник И.П. Дельпоцо был взят чеченцами в плен на левом фланге Кавказской линии и содержался в сел. Герменкчик, откуда был выкуплен через год за 8400 рублей серебром. Получил звание ген.-м. и назначение приставом (правителем) Кабарды. В 1810 г. стал комендантом Владикавказской крепости и начальником Владикавказского округа, где, в частности, занимался благоустройством Военно-Грузинской дороги. В октябре 1814 г. назначается начальником 19-й пехотной дивизии и командующим войсками Кавказской линии, в 1818 г. вышел в отставку.

Тяготы чеченского плена не были забыты Дельпоцо, Так 11 марта 1816 г. он доносил главнокомандующему на Кавказе Н.Ф. Ртищеву:«…употреблю всю жестокость, какая только будет в моей возможности, и пока не наведу ужаса [на чеченцев] от первого до последнего.., пока не истреблю зверской их свободы и независимости, до того времени не возвращу войск с Сунжи; но и тогда, по испрошению воли в. выс-ва, оставлю на оной укрепления, чтобы всегда содержать народ сей в крепкой обузданности». - Акты, собранные Кавказскою Археографическою Комиссиею / Под ред. А.П. Берже. Т. V. - Тифлис: Б/и. Типогр. ГлавногоУпр-яНаместникаКавкзского. 1873. С. 876.

в грабежах и убийствах, и те, которых они грабят никогда не избегнут их безжалостной стали, за исключением, может быть, христиан, которых они спасают, потому что надеются на дальнейшую добычу от выкупа.

В сущности, едва ли существует большая разница между человеком и зверем, чем между дикарями и людьми цивилизованными - людьми, обученными гуманитарным наукам с великими способностями их природы. Чеченцы выводят свою молодежь в раннем возрасте для участия в грабительских походах; и чем более смелыми и благородными они себя проявляют, тем выше они стоят в глазах племени. Действительно, тот, кто чаще всего превосходит остальных в исполнении отчаянных и жестоких начинаний, если они оказываются успешными, обычно становится лидером своих братьев и, следовательно, главой многих семей. Такой человек стремится к этому превосходству не из честолюбия управлять своими соотечественниками или обладать большей властью среди них, чем любой другой человек, а исключительно для того, чтобы стать объектом особой славы за свою храбрость, почитаемым своим народом и наводящим ужас на всех остальных, кто слышит его имя.

В настоящее время это стремление к превосходству особенно направляется на русских. Чеченцы считают их своим самым грозным врагом, они атакуют и ослабляют их власть всеми открытыми и скрытыми способами, большими группами и малыми, уничтожением конвоев, отсечением отрядов и внезапным захватом постов. Стремятся досаждать им всеми или любым из указанных способов, потому немного здесь солдат, у которых не было какой-либо стычки с их племенем.

Помимо многих вождей, которых их доблесть возвысила над их многочисленными собратьями, вся нация смотрит, как правило, на одного, превосходящего всех остальных. Это власть, своего рода даруемая наследственным правом; причем такого человека стараются выбирать из семьи, которая веками почиталась как самая древняя во всех племенах: из великого отцовского дома. Он их принц (князь), и он один командует или руководит, когда вся сила призвана отомстить обидчикам и захватчикам. Но у него нет никакой юрисдикции в гражданском смысле и его мандат ни в коем случае не позволяет налагать наказание на кого-либо из людей.

У различных семей есть своего рода общее право между собой; определенные обычаи, которые поддерживают собственность и мир друг с другом. Всякий раз, когда это взаимное доверие нарушается, определенное число старейшин принимает во внимание ситуацию и выносит свое решение. Так редко, но случается, что преступник, в соответствии с их идеей удовлетворительного правосудия, приговаривается и немедленно предается смерти. Его жилище стирается с земли и все, чем он мог обладать, передается пострадавшей стороне.

Поскольку магометанство стало последней религией, которую пытались внедрить среди этих людей, они полагают, что являются хорошими мусульманами. Но в отношении любого знания, которое они имеют о его доктринах, они так же невежественны, как и в отношении того христианства, которое когда-то исповедовали их предки. Все, что показывает, что они имели какое-либо отношение к арабскому пророку, состоит из нескольких внутренних правил. А остатки лучшей веры можно найти только в строгости соблюдения ими пасхального или весеннего поста; и своего рода слепое почитание, с которым они хранят, как священные, разрушенные остатки тех церквей, у алтарей которых когда-то были произнесены христианские заповеди.

У них нет никаких священников; следовательно их браки просто внутренние договоры, согласованные между родителями сторон. Невеста всегда приносит приданое, состоящее из крупного рогатого скота и т.д. пропорционально богатству ее семьи. Ее приводят домой, в дом ее обрученного мужа, и затем церемония завершается танцами, выпивкой и пьянкой. Согласно обычаю, сыновья никогда не переселялись с отцовской родины, семьи из одного семейства увеличиваются от одиночных сараев до значительных деревень.

Каждое жилище этих людей разделено на три части; один для женщин, другой для мужчин и третий для лошадей и прочего скота. Все эти маленькие жилища окружены плетеным забором или камнями. Женщины не только следят за каждым домашним хозяйством, но и следят за выращиванием кукурузы и выращиванием табака. Последнее растение выращивают небольшими порциями, просто как предмет личной роскоши для своих мужей; и эти джентльмены не упускают возможности наслаждаться этим в совершенной эгоистичной праздности. Когда они не участвуют в грабительских экспедициях или не участвуют в реализации военных задач эти люди, столь активные в полевых условиях, не позволяют ничему нарушить их спокойную праздность. Мы могли бы указать и на чрезмерность, с которой они предаются злоупотреблению спиртными напитками, что приводит к временному параличу их способностей.

Их национальная одежда и оружие в целом мало отличаются от костюмов казаков Кавказской линии; но мой военный друг из нашего первого конвоя сказал мне, что он видел нескольких чеченцев, несущих короткие копья и овальные щиты, с маленькими железными головными уборами и рукавицами из того же металла, защищающими их предплечья и руки…

Мужчины полны и крепки, с красивыми лицами и смуглой кожей. Женщин нельзя описать, их держат так, чтобы их не видели посторонние, даже из их собственного племени. Тем не менее не исключено, что несчастный случай позволил генералу дель Поццо, находившемуся в плену, мельком увидеть

некоторых из них; и я ожидал получить некоторую информацию такого рода, когда мне предстояло поговорить с ним…

…В полдень погода стала проясняться; и почти в то же мгновение от генерала появился посыльный, чтобы сообщить офицеру в форте, что прибытие его превосходительства туда неопределенно; его задержали в новом редуте где он вел переговоры с партией чеченцев об освобождении несчастной европейской леди, которая стала их пленницей. Обстоятельства ее плена были особенно удручающими. Ее муж, казачий офицер покинул Кизляр для поездки [по Линии] в сопровождении своей жены и единственного слуги, без какого-либо конвоя.

Последовали слишком вероятные последствия его опрометчивости; на него напала группа этих разбойников. Его кучер и его слуга были убиты; и, прежде чем офицер успел как-то защититься, грабители обстреляли карету и убили его рядом с женой. Затем они разграбили экипаж, оставив трупы на месте убийства, и унесли несчастную женщину в горы, где продали ее одному вождю, живущему в глубине гор. Из надежных источников, которыми располагает генерал дель Поццо среди этих людей, он вскоре узнал, кто был действующим лицом этой ужасной трагедии; и, не теряя времени, постарался захватить их. Теперь он держит их в качестве заложников и объявляет о своем намерении иметь их в плену до тех пор, пока дама не будет ими выкуплена и доставлена к нему невредимой. Этот счастливый результат своих гуманных усилий он ожидает ежедневно; но, тем временем, не считает нужным выходить из редута, пока она действительно не появится… Несчастье этой бедной леди - один из примеров варварства, с которым эти потомственные грабители жестоко обращаются со своими несчастными пленниками…

После этого я отказался от мысли о встрече с генералом в Грегориполисе и… снабженный конвоем из двенадцати казаков двинулся к Владикавказу. Дорога пролегала по обширной равнине, часть которой мы пересекли накануне: она вела прямо на восток. Справа от нас протекал Терек, прорываясь через свое каменистое русло и омывая скорее волной, чем текущим потоком, скалистые основания гор, которые постепенно поднимались от его смелых берегов. День начал проясняться около полудня; и темная завеса испарений, которая так долго закрывала эти огромные холмы от моего взора, разлетелась на тысячу масс ворсистых облаков; и по мере того, как они постепенно скользили вниз, выдыхались в эфир или разделялись по выступам гор, перед моим взором предстали огромные груды Кавказа…

Проехав двадцать две версты, мы достигли начала знаменитого перевала в Грузию, где я воссоединился со своими товарищами.

Владикавказ - один из самых важных и сильных военных постов, которыми русские располагают у подножия Кавказа. Обычно в его гарнизоне находится

целый полк, и он является главным складом для снабжения различных мелких фортов и соседних станций в горах. Он стоит на возвышенности на берегах Терека, достаточной чтобы контролировать подход к перевалу, и недостаточно близко к какой-либо другой высоте, чтобы подвергнуться обстрелу туземцев. Город быстро растет, как и население в его окрестностях. Здесь, как и в других местах вдоль этой границы, подтверждается замечание, что везде, где русские возводят крепость, сотни татар стягиваются к ней и селятся в маленьких деревушках. Это добровольное тяготение, приведшее их в неподозрительный и, следовательно, дружественный контакт с европейцами, в значительной степени способствовал цивилизации этой ветви татарской расы. Следует надеяться, что влияние гуманных нравов может постепенно распространиться и на более отдаленные племена…

Текст воспроизведен снашими сокращениями по изданию: Travels in Georgia, Persia, Armenia, ancient Babylonia, &c. &c. : during the years 1817, 1818, 1819, and 1820 / by Sir Robert Ker Porter ; with numerous engravings of portraits, costumes, antiquities, &c. London : Printed for Longman, Hurst, Rees, Orme, and Brown, Paternoster Row, 1821-1822. Intwuvolumes. Vol.1. 1821. P.49-67.

***

Э. ГЕНДЕРСОН.
БИБЛЕЙСКИЕ РАЗЫСКАНИЯ И СТРАНСТВИЯ ПО РОССИИ…ВКЛЮЧАЯ И ПЕРЕХОД ЧЕРЕЗ КАВКАЗ… [1821].

Гендерсон (Хендерсон) Эбенезер (1784-1858) - шотландский евангелический миссионер из Великобритании, преподаватель богословия, член Российского Библейского общества. Свое путешествие по Российской империи Э. Гендерсон предпринял, совместно с библеистом Дж. Патерсоном, в 1821–1822 гг. На Северном Кавказе побывал осенью 1821 г. в ходе путешествия из Санкт-Петербурга в Тифлис. Вернулся в Англию в 1825 г. где уже в следующем году опубликовал свои наблюдения о путешествиях по России, Крыму и Кавказу на английском языке[80].

[80] Henderson, E. Biblical researches and travels in Russia, including a tour in the Crimea and the passage of the Caucasus with observations on the state of the rabbinical and karaite jews, and the mohammedan and pagan tribes, inhabiting the southern provinces of the Russian empire with maps and plates London: J. Nisbet, 1826. – 538 p.

Русский перевод вышел в 2006 г.: Библейские разыскания и странствия по России, включая путешествие по Крыму и переход через Кавказ с обзором положения евреев, раввинистов и караимов, магометан и языческих народов, обитающих в южных губерниях Российской империи с картами и рисунками / соч. Э. Гендерсона ; [пер. с англ. В. Л. Вихновича, А. А. Алексеева]. Санкт-Петербург: Рос. библейск. о-во, 2006.

Нами приведена в сокращении часть текста с описанием участка пути от Моздока до Владикавказа, попыток исламизации чеченцами ингушей, религии и общественного быта последних.

* * *

ГЕНДЕРСОН Э. БИБЛЕЙСКИЕ РАЗЫСКАНИЯ И СТРАНСТВИЯ ПО РОССИИ…ВКЛЮЧАЯ И ПЕРЕХОД ЧЕРЕЗ КАВКАЗ…

Глава 21.

27-го сентября по старому стилю мы попрощались с нашим дорогим хозяином и добрыми друзьями в Карассе[81] и прибыли в вечерних сумерках в Георгиевск, где оставались до полудня следующего дня. Затем мы возвратились обратно в Моздок, сопровождаемые друзьями гг. Гленом и Россом, а по прибытии в этот город остановились в доме иезуитов, где встретили исключительное гостеприимство патера Генри, личности хорошо известной тем из наших соотечественников, кто пересек Кавказ и пользовался здесь временным отдыхом до или после перехода через горы. Моздок уже давно является ставкой миссии иезуитов. Католическая Церковь в этом месте была впервые сооружена в 1765 г. миссионерами капуцинами и после их смерти попала в руки иезуитов, которых Конгрегация пропаганды послала сюда для обращения горских племен, прежде всего осетин, однако поскольку считалось, что обращение этого народа предпринимается греческой Церковью, миссионеры не могли исполнить своих замыслов. Тогда их внимание было обращено на армян, в результате чего более двадцати семейств было введено в римско-католическую общину…

В Моздоке три армянские и четыре русские церкви, а также место богослужения осетин, у маленькой деревни немного западнее города, населенной этим народом, который крещен. Служба ведется на их языке грузинским священником, с этой целью проживающим среди них. Деревня построена в целом хорошо, дома низкие, но опрятные и чистые…

При посещении этой деревни нас удивила необыкновенная картина множества женщин, следовавших через нее. Они сидели по четыре на телегах, в

[81] Местность в Кабарде где находилась европейская колония евангелических христиан.

которых находился также их багаж. По расспросам мы узнали, что прибыли они из Воронежской губернии и следуют за своими мужьями, прошедшими пешком немного раньше. Они только что поженились и собираются образовать военную колонию на Кавказе, где уже создано некоторое число таких поселений. Таким вот путем происходит закрепление русской власти в этих краях…

Моздок - город большой протяженности с широкими и правильными улицами, базаром, одной русской, одной католической и двумя армянскими церквами, госпиталем и карантином. Число его жителей превышает 4.000 человек. Среди них русские, казаки, армяне, грузины, татары, осетины и черкесы, кроме того, офицеры, принадлежащие к различным европейским нациям и находящиеся на службе в русской армии. Это пограничный город на кавказской линии, находящийся на расстоянии 2711 верст от Санкт-Петербурга. Многочисленные сады, виноградники и необходимые для шелковичных червей плантации шелковичных деревьев, окружающие город, придают ему весьма интересный облик; а будучи тем местом, где встречаются все путешественники, пересекающие Кавказ, он кажется суетливым и шумным. Укрепления города в лучшем порядке, чем те, что мы встречали на линии, но от регулярной армии они оказались бы слабой защитой.

В субботу 1-го октября мы покинули Моздок в два часа по полудни и, направляясь на юго-запад в сторону Терека, миновали версты через три карантин, где всякий, кто прибывает с юга, обязан провести известное число дней, прежде чем ему будет разрешен въезд в империю. Версты за две до парома мы въехали на благоустроенную дорогу с глубокими канавами по сторонам; начиная с Астраханской губернии это была первая дорога такого рода. И в этой губернии, и на Кавказе дороги просто наезжены колесными колеями, но в общем они так же хороши, как проложенные правильным образом. Прибыв на Терек, мы должны были ждать некоторое время, чтобы наши паспорта были подписаны на устроенном для этой цели военном посту…

В то время, когда мы переправлялись через Терек, он бежал по узкому руслу у южного берега, и чтобы добраться до него, мы проехали более четверти версты по камням, лужам и речным наносам от последнего разлива, когда все русло от берега до берега заполнено водой. Наши лошади раньше не бывали на пароме и были довольно напуганы; потребовались некоторые усилия, чтобы погрузить их. Мы, впрочем, благополучно доставили их на другой берег. Вскочив на них, мы проскакали узкой равниной, въехали на холм и прибыли к Александровскому редуту, крепости, сооруженной для защиты переправы через Терек.

На наше обращение комендант предоставил нам жилье в своего рода подземной казарме, состоящей из помещения футов пятидесяти в длину и восемнадцати в ширину с плетеными кроватями; они располагались по всей длине помещения, возвышаясь от земли на два фута и отстоя от стен футов на шесть…

У нас был только час для подготовки к походу, и, поскольку никогда прежде мы не подчинялись военному порядку, неудивительно, что задержались перекладкой багажа и чаепитием; однако комендант любезно позаботился о нашей безопасности, задержав четырех казаков, которые сопровождали нас, и через четверть часа мы нагнали караван. Мы медленно двигались по равнине до рассвета, когда достигли подножия первой гряды гор, именуемых Кабардинскими горами. Теперь мы увидели всю нашу кавалькаду, являвшую сцену не только новую и неуместную, принимая во внимание наступивший священный день, но для нас первое зрелище такого рода. На расстоянии двух верст впереди скакали два казака, н четверо или пятеро таких же смелых воинов разведывали высоты по обеим сторонам дороги. Пехотный обоз с музыкальной командой составляли авангард, за которым следовала пушка, четыре артиллериста и канонир с горящим фитилем, готовым к использованию по первой тревоге. За пушкой следовала почта с особой охраной из солдат, артиллерийский полковник, изящная карета, в которой ехала супруга генерала, служащего в Грузии, ряд возов с багажом и свыше 350 упряжек быков с военными припасами для доставки в различные крепостцы на Кавказе. В караване было несколько армянских и грузинских купцов, несколько евреев, ехавших на ослах, и грузинский князь, возвращавшийся из десятилетнего изгнания в Сибири. Другая пушка, сопровождаемая двойной охраной, замыкала шествие, и, помимо упомянутых выше сил, конвой состоял из восьмидесяти солдат и пятнадцати казаков.

После двух или трех остановок мы начали углубляться в долины между возвышенностями, частично покрытые скошенной травой по обеим сторонам дороги; и, наконец, приблизились к очень крутому подъему, к которому сходилось множество узких запутанных лощин. Это место считается особенно опасным, ибо лощины представляют собой идеальное место для засад, устраиваемых кабардинскими бандитами, обитающими здесь…

Достигнув вершины перевала, мы вынуждены были остановиться, чтобы дождаться подхода возов и арб. Обнаружив, что скот сильно устал от крутого подъема, наш предводитель справедливо решил, что нам придется остаться здесь для отдыха часа на четыре. Отсюда открывался широчайший обзор… Впрочем, было искренне жаль обозревать этот обширный край и видеть его совершенно пустынным из-за дерзкого и воинственного нрава кабардинцев и чеченцев, населявших окружающие горы…

Подкрепившись провизией, захваченной с собою из Моздока, мы удалились в поле, поросшее травой, и провели некоторое время в молитве, а со звуком барабана снова присоединились ко всему обществу и двинулись в путь. С вершины горы, на которой стояли, мы спустились в долину и после нескольких остановок из-за неисправности возов около четырех часов пополудни достигли

низины. Здесь мы миновали место большой кабардинской деревни, которая в чуму 1806 г. обезлюдела до такой степени, что едва ли выжил хотя один из ее обитателей. В форте Константиновском, куда прибыли незадолго до темноты, мы провели ночь в проходной комнате, принадлежавшей офицеру, где на постели из наваленного на пол сена, мы наслаждались самым здоровым сном до трех часов утра, когда снова услышали звук барабана, призвавшего к продолжению путешествия.

Константиновский редут расположен на возвышенности вблизи глубокой лощины, отделяющий его от соседней горы, на северном отроге которой находится белый каменный памятник, сооруженный на могиле одного из местных князей.

Утро было тихое, почти безветренное, луна светила особенно ярко, освещая путь. Семь первых верст мы продолжали подниматься большей частью по узким гребням, по сторонам которых зияли чудовищные лощины, совершенно заросшие лесом, за исключением полосы в пределах нескольких ярдов по обе стороны дороги, где он недавно был вырублен русскими, чтобы не дать кабардинцам превращать его в удобные засады, откуда они могли бы безопасно обстреливать проезжего путника…

Горы, на которых мы стояли, были заметно выше тех, через которые мы перевалили днем раньше. Обширная равнина с юга была также выше той, что лежала к северу от этой гряды; она протянулась на пятьдесят верст в ширину и более сотни в длину и вместе с прекрасной степью, орошаемой Тереком, рекой Кумбалей и несколькими ручьями, представляет взору обширные поля обрабатываемой земли, принадлежащей осетинам и ингушам, подданным российского скипетра…

К одиннадцати часам мы достигли Елизаветинского редута и в восемь часов следующего утра продолжили путь по слегка восходящей равнине, и миновали осетинскую деревню, жители которой, как видно, собрали обильный урожай: дворы их полны были сена и хлебных скирд. Вскоре мы вышли к восточному берегу Терека, русло которого от края до края составляет около четверти версты, хотя в то время, когда мы его видели, его воды ограничивались весьма узким ложем, змеясь среди многочисленных больших камней, которые они шлифуют, а порою катят своим потоком, когда вздуваются от тающих снегов. Миновав маленький разрушенный форт, носящий имя Потемкина, мы покинули караван и, поскакав вперед с казачьим офицером, командиром нашего конвоя, прибыли во Владикавказ около двух часов дня.

Глава 22.

Едва мы расположились в помещении, предоставленном нам в доме губернского управления во Владикавказе, как удостоились посещения коменданта, полковника Скворцова, выразившего готовность оказать нам всяческое содействие, какое может понадобиться при нашем пребывании в этом краю и при переходе через Кавказские горы. Мы тотчас воспользовались этим любезным предложением и испросили конвой для сопровождения нас следующим днем в поездку в Назрань, где находилась Ингушская миссия. Наш высокочтимый друг преподобный г-н Блайд, назначенный в эту миссию и ожидавший нашего прибытия, был подлинно счастлив впервые ввести нас в ту часть языческого мира, в которой он и его сподвижник г-н Галловэй, теперь сопровождавший нас, уже несколькими месяцами раньше начали утверждение крестного знамени.

4-го октября мы выехали в Ингушетию под охраной сорока солдат, десяти казаков и четырех артиллеристов с трехфунтовым орудием. Недалеко от Владикавказа мы заметили нескольких осетин, занятых пахотой. Плуг у них был почти в два раза больше применяемых в Англии и тянули его четыре пары волов, передок поддерживался осью на двух больших колесах. Для управления этим громоздким орудием потребны четыре человека: один держит плуг, двое погоняют волов, а четвертый идет с пахарем и снимает траву, которая скапливается на сошнике. За исключением пахаря каждый имел за плечами мушкет, однако и пахарь поместил его на плуге так, чтобы легко было схватить. Все были также вооружены висящими на поясе кинжалами. Пастухи снаряжены таким же образом, и никто не выходит из дома безоружным.

Справа протянулась гряда красивых лесистых гор, вдоль подножия их виднелось множество чудесных мест со старыми замками, белый и величавый облик которых напомнил нам древние строения нашей родины. Переправившись через реку Кумбалей, текущую вниз по долине между двух гор, образующих более низкую гряду к востоку от Владикавказа, мы прибыли к хорошо укрепленному редуту, построенному при Потемкине; теперь он заброшен вследствие близости Владикавказа и Назрани, расстояние между которыми составляет только тридцать верст. Он мог бы предоставить выгодное место для засады кабардинцев, двести или триста которых вместе с лошадьми могли бы залечь незаметно в глубоком обширном рве, окружающем его. Проехав равнину, где виднелось несколько больших курганов, мы двинулись в сторону слияния рек Сунжы и Назранки, где выстроен форт Назрань, куда мы и прибыли после заката, миновав несколько ингушских деревень по обе стороны дороги.

Г-н Блайд отвел нас в свое миссионерское жилище, бывшее ранее магометанской мечетью, сооруженной тогда, когда тридцать или сорок лет тому

назад сделаны были попытки обратить ингушей в ислам[82]. Оно стояло или, скорее, опиралось на несколько деревянных столбов в очень опасном положении на краю обрыва, сложенного из глины и песка; была угроза, что все может свалиться вскоре в русло протекавшей внизу Сунжи. Все же вопреки опасности мы отказались от жилья, любезно предложенного нам начальствующим офицером, ибо нам хотелось полнее пользоваться обществом наших друзей в течение ограниченного времени пребывания тут. На самом деле, исключая его положение, дом миссии почти так же хорош, как любой другой в крепости, хотя и являл собою самый жалкий вид.

Ингуши, для пользы которых миссия была назначена, составляют часть многочисленного племени с этим названием, населяющего глубокие горные ущелья за Владикавказом, восточнее дороги, ведущей через Кавказ в Грузию. Вынужденные по какой-то неизвестной причине оставить свои горные гнезда, они поселились около пятидесяти лет тому назад у подножия гор на большой равнине вблизи Кумбалея. Но и те места они вновь оставили и поселились в этой части страны вследствие каких-то выгодных предложений, сделанных им чеченцами, соседним магометанским племенем, эфенди которых старались обратить их в веру арабского пророка. В этом их постигла полная неудача, а ингуши были столь раздражены произволом и высокомерным поведением этих эфенди, что между ними началась открытая вражда[83]. Уверенные в победе, чеченцы приехали с большим числом телег, чтобы увезти плененных женщин, но ингуши, призвав на помощь русских, полностью разгромили своих вероломных соседей[84] и с тех пор за исключением редких стычек с кабардинцами, досаждающими их стадам с севера

[82] Если Назрань в настоящем месте была заложена под покровительством чеченцев и кабардинцев в 1809-1810 гг. то к 1821 г. должно было исполниться не 30-40, а всего 10-11 лет. Однако уществует серьезное основание полагать, что первая попытка учреждения чечено-ингушского мусульманского поселения на ручье Назрань (левобережный приток Сунжи) в глубине ущелья относится к середине 80-х гг. XVIII в. Просуществовало оно недолго исчезнув в ходе народно-освободительного движения под руководством имама Мансура 1785-1791 гг.). – См.: РГАДА. Ф.23. Оп.1. Д.13. Ч.22. Л.362 об.; Картоев М.М. К вопросу о дате основания Назрани в свете гипотезы представленной к.и.н. З.Т. Гаджиевым на основе изучения данных карты «Северной части Османской империи» 1774 г. // Вестник Ингушского НИИ гум. Наук им. Ч.Э. Ахриева. №2. 2019. С. 180-191.

[83] В другом варианте перевода это звучит примерно так: «Но и там они долго не задержались, переселившись как раз сюда, где мы сейчас гостили. Сделать это им предложило мусульманское племя чеченцев, живших поблизости. Проповедники этого племени пытались внушить ингушам религию арабского пророка. Но в данном случае они потерпели полный провал» (архив составителя).

[84] Речь идет о событиях лета 1810 г. когда недовольство исламизируемых ингушей-язычников мусульманами из чеченцев и кабардинцев привели к восстанию первых, пригласивших на помощь русские войска из Владикавказа. – См.: Акты Кавказской археографической комиссии /Под ред. А.П. Берже. Т. IV. – Тифлис: Б/и. В типогр. Гл. управления наместника Кавказского, 1870. …С. 895-901; и др.

равнины, их не беспокоят внешние враги. Но устранение внешних напастей почти уравновешивается внутренними ссорами и кровавой местью за личные обиды. Ингуши обладают от природы очень независимым нравом и не способны сносить оскорбления; зачастую самых обыкновенных обстоятельств достаточно, чтобы вызвать между ними ссору, редко оканчивающуюся без убийства. Упорно придерживаясь восточного закона «кровь за кровь», они никогда не успокоятся, не отомстив за смерть своих родных, и долг этот наследуется в поколениях, пока не будет убит убийца или один из его потомков, на которого оказывается возложена ответственность за вину предка. Миссионеры были знакомы с молодым человеком дружелюбного нрава, истощенного почти до состояния скелета от постоянно испытываемого им ужаса в ожидании мести за убийство, совершенное его отцом до его рождения. Он мог насчитать более ста человек, считающих себя обязанными лишить его жизни, когда представится удобный случай. Едва ли найдется хоть один дом, где хоть кто-нибудь не замешан в дела подобного рода, и поэтому обитатели его не появляются без заряженного ружья и сабли. Они носят также изготовленный из дерева или толстой кожи и обделанный снаружи железом щит, в использовании которого весьма искусны.

Согласно исследованиям г-на Блайда, ингуши верят в бытие Бога как чистого духа, называя его Далле, во множество демонов, принимающих иногда видимую форму и являющихся в виде вооруженных людей с вывернутыми ногами, в бессмертие души, воскресение тела и временное наказание грешников в ином мире. У них имеются ежедневные молитвы и обычные благословения пищи. То, что их предки в давние времена исповедовали христианство по ритуалу грузинской или греческой Церкви, можно заключить из благоговения, какое они все еще сохраняют к остаткам церквей и монастырей на Кавказе и поклонения образам, которые все еще можно видеть у них на стенах. Они постятся в то же время, что и восточные христиане, и отдыхают в первый и третий день недели[85].

У них принято многоженство, но положение женщины не столь рабское, как у мусульманских соседей, в обычной жизни их не подвергают никаким ограничениям. Очень сурово наказывается супружеская измена, обе стороны предаются смерти. Они любят танцевать, но, по принятому у них обычаю, оба пола никогда не танцуют вместе.

[85] Однако, тот же евангелический миссионер Джордж Блайт отмечал среди ингушей-назрановцев некоторый успех ислама: «Многие ингуши в последние годы взяли на себя имя магометан, и исламизм был единственной религией, о которой они говорили с одобрением, когда этот предмет случайно был введен; но, безусловно, большая часть из них вообще не претендовала на религию», т.е. оставалась язычниками. – См.: [BrownWilliam]. The History of the Propagation of Christianity Among the Heathen Since the Reformation… InTwoVolumes. – Vol. II. Edinburgh, London, Dublin. 1823. P.528.

С высоты форта Назрани открывается любопытный вид на Ингушетию, на ее холмы и долы, среди которых разбросано с каждой стороны по семидесяти с лишним деревень[86]. Прямо напротив возвышается поросшая травой высокая гора, на которую мы готовы были забраться, но опасность была, пожалуй, слишком велика. Как говорят, что открывающееся с нее зрелища на далекие виды Кавказа в высшей степени живописно и возвышено. Большинство домов окружено плетнями, образующими своего рода двор, на котором находится жилой дом, конюшни, хранилища зерна и проч. Дома построены так близко друг к другу, как это позволяют дворовые ограждения, а неподалеку расположены замки, или «башни защиты», построенные частию из дерева и частию из камня, в которых можно укрыться от вражеского нападения.

Входы в башни располагаются наверху и туда забираются по лестнице, поднимаемой затем, чтобы перекрыть туда доступ. В крепостях запасены камни и другие снаряды, чтобы досаждать врагам внизу.

Дома построены из дерена, обмазанного глиной, и красиво побелены известью. Нам показалось, что очаг в одной из стен сделан исправно и очень напоминает то, что можно видеть в приятных сельских коттеджах Англии, Крыши домов плоские, как принято на Востоке.

Ингуши выращивают просо, пшеницу и кукурузу и разнообразно готовят их для домашнего употребления. В одном из домов нас угостили араком, но довольно слабого и неприятного вкуса.

Заметив примечательный памятник, возвышающийся в нескольких верстах к северо-востоку от форта, и узнав, что ингуши свято чтят его, мы испросили охрану у коменданта и на другой день по прибытии отправились осмотреть его. Приехав на место, мы с удивлением обнаружили, что он представляет собою правильное семиугольное строение двенадцати футов в высоту с куполом, возвышающимся еще на шесть футов, и порталом, обращенным на юг, в котором имеется дверь четырех футов в высоту и двух в ширину. Внутри мы увидели четыре лампы греческой работы, закрепленные в разных углах на потолке, а в полу разглядели большой проем, который сужался по мере спуска; исследовав его при свете факела, мы обнаружили, что он закрыт камнем, но прежде служил входом в какое-то подземное помещение. Расчистив с помощью двух солдат проход и убедившись, что пол темного подвала лишь на пять или шесть футов ниже проема, мы спустились друг за другом; отверстие было достаточно, чтобы пропустить не без труда человека обычного сложения. Тут мы зажгли еще два факела и внезапно увидели три мертвых тела, бок о бок в открытых гробах, ногами на восток. Они

[86]Другой вариант перевода: «С вершины крепости Назрань перед нами открылась интересная панорама Ингушетии, состоящая из гор и долин, приблизительно с 70 деревнями, разбросанными во всех направлениях» (архив составителя).

подверглись лишь частичному разложению и были тверды на ощупь, словно мумифицированные в атмосфере подземелья. Покрывавшие их некогда шелковые саваны превратились в лохмотья, но дерево гробов было совсем свежее. Два тела были женские и одно мужское. Обернувшись к другой стороне усыпальницы, мы были поражены, увидев зайца и борзую собаку, лежащих рядом в том же ссохшемся состоянии, как человеческие тела. Трудно угадать, как попали они сюда, если только не были положены здесь теми, кто хоронил своих умерших в этом мавзолее, как символ прекращения вражды в могиле, вражды, что так часто ведет к охоте на собратьев до полного их истребления.

На фронтоне строения есть три надписи арабским письмом, но столь небрежным и неразборчивым, что мы не смогли прочесть их[87]. Отсюда открывался чудесный обзор долины Сунжи, где, насколько видел глаз, лежали селения ингушей и карабулаков.

После полудня мы намеревались переправиться через реку и посетить большую и красивую ингушскую деревню на возвышенности против форта. Нам хотелось видеть местных жителей без какой-либо сопровождающей нас охраны, могущей устрашить их своим видом или вызвать некоторую стесненность в беседе, потому мы просили коменданта разрешить нам отправиться одним и чтобы провожатым нам был г-н Блайд, пользующийся у них полным доверием. Но просьбы были тщетны по причине слишком большого риска и той ответственности, какую он нес за нашу жизнь. Поэтому под охраной казаков мы перешли вброд реку и, поднявшись на холм, поскакали прямо на обширное кладбище за деревней. Могилы отмечены либо надгробным памятником в виде выбеленной каменной стены от четырех до шести футов высотой, либо высоким деревянным столбом, стоящим на могилах тех, кто пал в битве или в одной из тех ссор, какие в обыкновении у этого народа. Рядом со столбами в землю воткнуты древесные ветви, прутья которых служат символом, намекая прохожему, что, хотя покойный не в силах отмстить за свою смерть, это возложено на родовую отрасль. Вообразив, что у нас есть какие-то враждебные намерения или что мы, по крайней мере, готовы совершить что-нибудь унизительное для чести отеческих гробов, вся деревня устремилась на нас. И если бы наш переводчик, крещеный осетин, не успокоил толпу касательно наших намерений, последствия могли быть весьма серьезны, ибо казачья охрана не могла бы противостоять той силе, которую выставила деревня. Все были хорошо вооружены, и у каждого

[87] Имеется в виду сохранившийся до наших дней мусульманский каменный мавзолей (имеющий форму призмы 4,13х5,56 увенчанной куполом) – позднеордынский памятник Борга-каш датируемый 1405/06 г. – См.: Базоркин М.М. Борганы в Присунженской долине// Известия Чечено-Ингушского Республиканского музея краеведения. - Грозный, 1961. Вып. 10. С. 130-143; .Виноградов В.Б. Мавзолей Борга-Каш и ранняя история ногайцев // Проблемы этнической истории народов Карачаево-Черкесии. - Черкесск, 1980.С. 6–13.

была пара небольших палок, связанных вместе по середине: их втыкают в землю и для верного прицела кладут на них мушкеты.

Ингушская миссия начала свою деятельность летом 1821 г. и в короткое время обещала столь блестящую будущность, на какую только можно было надеяться за этот срок. Г-н Блайд преуспел в завоевании доверия этих людей и со своей стороны сам привязался к ним. Обладая некоторыми познаниями в медицине, он обращался среди них, посещая больных, и был весьма удачлив в облегчении их физических недугов — обстоятельство, оказавшее сильное действие на привлечении к нему ингушей и доказывающее огромную важность для миссионера быть искусным в деле исцеления. Однажды один пациент, кому он растирал ногу мазью, воскликнул: «Откуда он? И кто я такой, что он заботится обо мне?» Таково действие доброты в завоевании сердец дикарей и варваров![88]

В то время, когда мы посетили его, он значительно преуспел и изучении местного языка и, без сомнения, если бы ему было позволено остаться здесь, он бы через несколько лет обогатил его переводом Божественных пророчеств. Но в начале 1822 г. он совершенно неожиданно получил распоряжение от генерал-губернатора покинуть это место к великому сожалению как его самого, так и бедных невежественных ингушей, которые таким образом снова оказались предоставлены всем ужасам языческого состояния[89]. Если представить себе тот возвышенный идеал, какой являет собою человек, удостоенный чести быть первым провозвестником язычникам милости Божией, сколь тяжка окажется вина того, кто умышленно закроет двери, через которые вводилось Евангелие, чтобы избавить их от власти тьмы и вернуть из рабства сатаны на службу живому и истинному Богу!

На следующее утро, когда мы собирались вернуться во Владикавказ, прибыл посланец с известием, что в окрестных горах были замечены скопления в значительном числе кабардинцев в намерении, как полагают, перехватить нас на пути. Это сообщение заставило коменданта задержать нас до одиннадцати часов, но даже и тогда он совсем не был склонен отпустить нас. Однако капитан, командир нашего конвоя, настаивал на возвращении в этот день, так что мы, в конце концов, отправились в сопровождении нескольких понятливых ингушей; с

[88]Brown. History of Missions. Vol.II. P.529. – Текст сноски принадлежит автору книги.

[89]Иностранные миссионеры были высланы с Кавказа в 1822 г. командующим А.П. Ермоловым опасавшимся, что назрановские ингуши не согласные с официальной православной христианизацией могли, по его мнению, подпасть под влияние чужестранных проповедников. Причем масон и агностик Ермолов не считал необходимым христианизацию ингушей ни с какой стороны, опасаясь, что языческие противники христианизации в их среде доведут народ до «возмущения». Что противно русским интересам т.к. назрановские ингуши «служат наилучшим сторожевым постом … от неприязненных чеченцев и карабулаков» - писал генерал в Петербург. - Акты Кавказской Археографической комиссии / Под ред. А.П. Берже. Т.VI. Ч. I. Тифлис: В типогр. Гл. управления наместника Кавказского , 1874. С. 479.

ними у нас состоялась очень интересная беседа, которую мы вели то знаками, а то с помощью г-на Блайда как переводчика. Вопросы, которые они задали нам, и замечания, сделанные ими касательно общих связей рода человеческого, обнаруживали их проницательность и острый ум. Один из них, указав сначала на нас, а потом на себя и своих, сказал: «Вы инглиш[90], а мы ингуш». Затем, подняв руку к небу и снова указав на себя и нас, добавил: «Далле создал всех нас».

С покровительством и заботой нашего небесного Отца мы прибыли в полной сохранности во Владикавказ около четырех часов дня…

Текст воспроизведен с нашими сокращениями по изданию: Библейские разыскания и странствия по России, включая путешествие по Крыму и переход через Кавказ с обзором положения евреев, раввинистов и караимов, магометан и языческих народов, обитающих в южных губерниях Российской империи с картами и рисунками / соч. Э. Гендерсона ; [пер. с англ. В. Л. Вихновича, А. А. Алексеева]. Санкт-Петербург: Рос. библейск. о-во, 2006. С. 293-307.

Первоисточник: Henderson, E. Biblical researches and travels in Russia, including a tour in the Crimea and the passage of the Caucasus with observations on the state of the rabbinical and karaite jews, and the mohammedan and pagan tribes, inhabiting the southern provinces of the Russian empire with maps and plates London: J. Nisbet, 1826. – 538 p.

* * *

П.М. САХНО-УСТИМОВИЧ.
ОПИСАНИЕ ЧЕЧЕНСКОГО ПОХОДА 1826 г.

Устимович (Сахно-Устимович) Петр Максимович родился около 1786 г., умер не ранее 1865 г. Дворянин, на государственную службу поступил в 1801 г. секретарем канцелярии при главноуправляющем в Грузии и служил на Кавказе по крайней мере до 1829 г. достигнув чина статского советника. Данная работа была написана в 1844 г. когда молодое чечено-дагестанское государство - Имамат Шамиля, нанесло ряд существенных поражений царской армии на Кавказе. Потому стали важны сведения о прошлых походах и экспедициях русских войск, особенно эпохи А.П. Ермолова, для выработки новой военно-политической линии империи по отношению к горским народам, в особенности к чеченцам. При описании одного из таких походов в Чечню, в прошлом (1826 г.) П.М.

[90] То есть «англичане» (англ. English).

Сахно-Устимович (непосредственный участник боевых действий), использовал соответствующий журнал военных действий, который возможно вел сам.

Авторское название работы - "Чеченский поход, описанный Петром Максимовичем Сахно-Устимовичем". Рукопись хранится в его личном фонде в Российском государственном архиве древних актов в Москве (Ф. 1406. Оп. 1. Д. 294). Благодаря усилиям Я.А. Гордина, Б.П. Миловидова и редакции журнала «Звезда» полный текст «Описания…» увидел свет в Санкт-Петербурге спустя полтора века после своего написания[91]. До этого публиковался только отрывок из мемуаров Сахно-Устимовича, посвященный участию в экспедиции 1826 г. А. С. Грибоедова (газета "Неделя", 1960. № 17).

В 2022 г. была произведена новая публикация текста П.М. Сахно-Устимовича по архивному делу из фонда РГАДА чеченским исследователем М.М. Мурдаловым, включая выявленную им «Опись чеченским деревням, с показанием сколько в каждой находилось домов...»[92]. Оно приведено нами в «Приложении».

Для нас, современников, важны историко-этнографические данные (пусть не совсем верные и пристрастные) первой четверти XIX в. о Чечне и чеченцах, сообщаемые образованным человеком своего времени, взгляды которого не были, однако, сочувственными, либо непредвзятыми.

Текст публикуется по изданию 2006 г. с некоторыми сокращениями.

* * *

САХНО-УСТИМОВИЧ П.М. ОПИСАНИЕ ЧЕЧЕНСКОГО ПОХОДА 1826 г.("Чеченский поход, описанный Петром Максимовичем Сахно-Устимовичем")[93]

Приступив к описанию похода против чеченцев, предпринятого в 1826 году генералом Ермоловым, я считаю нужным представить в общем обзоре местность, где происходили действия, и народ, с которым мы имели дело.

Чеченцы, называемые от прочих горцев мечикитами [мичиговцы, мичкизы/мечкизы], принадлежат к значительному, собственно кавказскому племени, названному Гюльденштетом[1] мачагами, вместе с кистинцами, джарахами, ингушами, карабулаками и тушинцами. Племя это занимает обширную полосу на северной покатости Кавказских гор, от вершин Терека и

[91] Сахно-Устимович П. М. Описание чеченского похода 1826 г. / вступ. заметка и прим. Б. П. Миловидова // «Звезда», № 10. 2006. С.145-179.

[92] Мурдалов М.М. Чеченцы: быт, культура, нравы, обычаи, религия. Кавказская война. XIX век / Сост. М. М. Мурдалов — Грозный: «Издательские решения», 2022. С. 45-47.

[93] В данном тексте сноски, выделенные полужирным шрифтом, принадлежат издателям.

Комбулеи, до Аксая и владений кумыкских, кроме одних тушинцев, которые находятся на южной стороне Кавказа и ведут полукочевую жизнь между рекою Алазанью и снеговыми горами. Все мачаги говорят одним языком, с некоторыми незначительными изменениями в наречиях, и язык этот есть коренной, нисколько не сходный с языками других кавказских горцев.

Собственно чеченцы, к которым я присоединяю и качхалыков, одноплеменных и одно общество с ними составляющих, ограничиваются с севера рекою Сунжей и так называемою безымянною землею; к востоку Мечикский хребет, покрытый лесом, отделяет их от кумыков; к югу примыкают они к кавказским черным горам, врезываясь в некоторых местах по ущельям до шиферных; к западу граничат с карабулаками. Но селения обоих народов так перемешаны, что трудно назначить черту, отделяющую один от другого.

Трудно также определить протяжение всей земли, занимаемой чеченцами, но если принять линию по Сунже от Казак-Кичу до впадения ее в Терек за среднюю длину, что составит около 75 верст, ширину же положить от устья Сунжи в прямом направлении к югу до границы с ичкеринцами, около 40 верст, то измерение это будет близким к истине. И потому вся площадь земли, занимаемой чеченцами и качкалыками, составляет около 3000 квадратных верст[94].

Две значительные речки орошают земли чеченские: Сунжа и Аргун (Река Аксай захватывает только небольшой угол в земле качкалыков и потому не включена мною в число чеченских протоков)[95]. Первая выходит из шиферных гор близ истоков речки Комбулейки, проходит через земли ингушей и потом, круто поворачивая на восток, от Казак-Кичу до впадения в Терек против Щедринской станицы, составляет, как выше сказано, северную границу чеченцев. Вторая имеет свой исток из верхнего снегового хребта и, протекая почти в прямом направлении с юга на север, при чеченском селении Чехтыри выходит из ущелья на равнину; потом, перерезывая Чечню почти на две ровные части, впадает в Сунжу, верстах в 25 ниже Грозной, близ селения Курдали. В эти две главные речки впадают множество других, более или менее значительных речек и ручьев (Все притоки Сунжи и Аргуна впадают с левой стороны этих рек; правый же их берег не принимает в себя ни одного ручья. Почти все чеченские речки и ручьи означены в описи чеченских деревень - приложение № 1), в некоторых местах,

[94]Следовательно, речь идет о территории примерно трех чеченских крупных обществ - Гехи, Чечен и Качкалык, а не о всей плоскостной Чечне. Границы равнинной части страны на то время, как и ранее, простирались с запада на восток от левобережья истока Сунжи и Ассы до междуречья Аксая-Акташа и, с юга на север, от линии Черных гор до Сунженского хребта; не считая Притеречной Чечни и собственно Горной Чечни. – Здесь и далее примечания не выделенные полужирным шрифтом, принадлежат составителю.

[95] Здесь и далее, приведенные скобки принадлежат автору.

превращающихся в болота. Вообще мало найдется мест на всем Кавказе, которые бы изобиловали столько водой, как земли чеченские.

Две трети этих земель находятся на плоскости, простирающейся от Сунжи до речки Гудермеса. На этой плоскости, верстах в 5 от крепости Грозная, возвышаются, в виде огромных пирамид, две высокие, поросшие лесом и совершенно отдельные горы. Западная из них доходит до Сунжи, восточная упирается в Аргун. Между ними пролегает лощина, версты полторы шириною и версты три с половиной длины: это знаменитая Хан-Кале, называемая нашими линейными казаками Железные ворота. От Гудермеса далее к востоку плоскость перерезывается возвышением, выходящим из Мечикского хребта. Южная часть Чечни, примыкающая к Черным горам, более или менее гориста, но нигде нет таких неприступных ущелий, таких отвесных скал и едва проходимых тропинок, которые так часто встречаются в нагорной части Кабарды и даже к западу до Кубани.

Вся Чечня была прежде покрыта сплошным густым лесом; но с умножением поселений и с увеличением потребности в удобной для хлебопашества и скотоводства земле в лесу этом начали постепенно появляться пустоши и расширяться поляны. Две из этих полян по пространству, ими занимаемому, заслуживают быть упомянутыми: первая, называемая Теплинским полем, находится к северу от Ханкалинского ущелья и занимает почти всю равнину между Сунжею и Аргуном до соединения этих рек, имеет до 15 верст длины и от 10 до 7 верст ширины; вторая простирается от Ханкалинского же ущелья на юг до Аргуна и речки Гойты и пространством почти равна первой. Другие, менее обширные поляны находятся близ селений Урус-Мартана, Гихов, Гребенчука, Шали и других значительнейших чеченских деревень; но ни одна из этих полян не имеет протяжения более 5 верст, и каждое почти селение одною какою-либо стороною примыкает к лесу, надежному убежищу чеченцев от внезапных нападений.

Общего числа чеченцев нельзя показать совершенно верно. По подробной описи, составленной весной 1826 года во всех чеченских селениях и деревнях, нам тогда известных[96], показано 5450 дымов, кроме 1896 дымов в чеченских селениях и деревнях, находящихся на Тереке. Если прибавить к этому чеченцев, живущих по речке Мечику и Мечикскому хребту, также качкалыков, не вошедших в эту опись, и положить население этих непокорных нам обществ в 1560 дымов, то общий итог всего населения чеченского будет составлять около 7000 дымов, или, полагая на каждый дым по 4 души, около 21000 душ. [2]

По географическому положению Чечни между 43 и 44 градусами северной широты, климат тамошний можно было бы почитать не только умеренным, но

[96] Речь идет в данном случае о присунженской, центральной части плоскостной Чечни. Но и здесь цифры серьезно занижены по сравнению с источниками даже XVIII в. См., относительно численности плоскостных чеченцев и другие работы, приведенные и в данном сборнике.

даже жарким, но близость снеговых гор, сырость почвы и привлекаемая лесом влага охлаждает там воздух до того, что чеченская зима не уступает в жестокости нашей русской. Земля бывает покрыта глубоким снегом, и морозы иногда доходят до 20 градусов по Реомюру.[3] Весна начинается около половины марта. Лето бывает жаркое, с частыми проливными дождями, градом и грозою. Осень по большей части тоже дождливая. Но, невзирая на непостоянство погоды и внезапные переходы от тепла к холоду, Чечня считается здоровым местом. Между войсками, там расположенными, редко случаются повальные болезни. Во время только продолжительных и суровых зим открывается скорбут;[4] но на это зло благодетельная природа тут же доставила и верное изумительное средство: это трава черемша, род дикого чесноку, с широким, похожим на ландыш листом. Действие ее в цинготной болезни удивительно: в несколько дней излечивается ею самый ужасный скорбут. Ее употребляют в пищу сырой и приправляют щи и другие кушанья. Можно также ее солить и квасить впрок. Этим средством приготовляются для солдат ежегодно значительные ее запасы.

Сырой климат и влажность почвы в Чечне не благоприятствуют земледелию, и чеченцы, сколько по этой причине, столько и от свойственной им лени, мало занимаются хлебопашеством. Кукуруза, просо и несколько полбы составляют все их посевы. Скотоводство также у них менее значительно, нежели у соседственных кумыков и кабардинцев. Но необыкновенная растительная сила природы и тучность земли способствуют садоводству. Во многих чеченских селениях есть хорошие сады. Лучшие из них отдаются в откуп кизлярским жителям, которые сушат фрукты на месте и развозят их по всей Кавказской области [5] для продажи.

Чеченцы не имеют ни правления, ни начальников, и если есть где-либо чистый демократизм, без примеси всякой другой формы, то это в Чечне. Там нет различий состояний, нет никакой аристократии, даже аристократии богатства, и, что страннее всего, нет даже настоящей исполнительной власти. Там всякий взрослый человек равен другому и ни от кого не зависит. Природные способности и дарования иногда всплывают сверху этого общего равенства, но ненадолго… Первая неудача, первое сопротивление другого имеющего дар слова уничтожают всю власть и влияние бывшего любимца народа: он сходит опять в чреду других, часто оскорбленный бранью и даже побоями. У малого народа естественным образом первое и единственное средство к достижению некоторого уважения и власти есть красноречие, и оно высоко ценится чеченцами. Когда неграмотные наши толмачи говорят о ком-либо из чеченцев: "он говорок", то это значит, что в обществе своем он имеет наибольшее влияние и силу.

Чечню разделяют на несколько обществ, называемых по главным селениям. Общества делятся на фамилии (Фамилии эти бывают довольно многочисленные:

в многолюдных из них считаются более ста семейств. Это нечто вроде шотландских кланов, в меньшем только размере и без наследственных предводителей), управляемые старшинами; и эти старшины суть единственные представители ограниченной и бессильной власти, без общего приговора они ничего не могут сделать и взыскивать за непослушание не имеют права.

В случаях важных созывается общее народное собрание всех чеченцев, и оно-то есть верховный суд и распорядитель в делах общих. На тех, которые не являются на собрание, налагается штраф; тем, которые не повинуются его приговору, назначается строгое наказание. Были примеры, что целые деревни были сжигаемы и жители их проданы в неволю за то, что осмелились не покориться общей воле. В этих собраниях чеченское красноречие является во всем своем блеске, и тот, кто силою речи и убедительностию доводов взял верх над другими, остается уважаемым и пользуется некоторой властью до первого собрания или до неудачи в предприятии, им предложенном. В сих-то собраниях решается общее восстание против русских и других соседов, назначается предводитель вооруженной силы, которая должна вторгнуться в чужие границы или защищать свои. Там же иногда, впрочем, редко, назначается общий денежный сбор с каждого дыма на какие-либо общественные нужды; но приговоры по этому последнему предмету почти всегда остаются без исполнения…

Сакли (домы) чеченцев опрятны, и постройка их прочнее и красивее, нежели у карабулаков, осетин и даже кабардинцев. У некоторых потолки, столбы и перекладины украшены резьбою, правда, грубою, но все-таки доказывающей заботливость их об улучшении домашнего быта. Сакли эти - мазанки наподобие малороссийских, хорошо вымазанные и содержимые в чистоте. Вместо печей в них камины, тоже порядочно устроенные. Стекол в окнах нет. Во время непогоды и зимы они закрываются соломенными щитками. В деревнях, соседних с карабулаками, сакли деревянные, рубленые, но хуже и неопрятнее тех, которые находятся в середине чеченских земель.

Трубка для вольного чеченца столько же необходима, как и пища. В работе, в дороге, даже в жаркой схватке с неприятелем он не выпускает ее изо рта. Табак у них домашний, необыкновенно крепкий. Они приготовляют и нюхательный, тоже крепости чрезвычайной, и по этому свойству известный на всем Кавказе. Некоторые из русских так к нему привыкали, что выписывали его из Чечни в Петербург…

Нравы чеченцев дики, свирепы и коварны. Хищничества их противу всех соседей так известны, что описывать их было бы излишне (Употребляемые чеченцами хитрости и уловки при хищничестве на наших границах и увлечении

пленных описаны верно г. Броневским в Известиях о Кавказе (часть II, с. 179, 180, изд. 1823 г.). [6]); …

Чеченцы - магометане, Омаровой секты,[7] но понятия их о религии весьма ограничены и относятся до выполнения только внешних обрядов. Многие, однако же, из них, так как и другие горцы мусульманского закона, путешествуют в Мекку и оттуда приносят и рассеивают между своими соотечественниками усиленную злобу против христиан, множество суеверий и закоренелое изуверство. Эти-то пилигримы (хаджи) были всегда опаснейшими возмутителями; из них-то по большей части являлись пророки, которые приводили в волнение все горы. Генерал Ермолов [8] стеснил было эти набожные странствования, но неизвестно, продолжаются ли принятые им меры и нынешним начальством…

При всей дикости и свирепости нравов заметить можно, однако же, у чеченцев некоторый проблеск стремления их к гражданственности и мирным занятиям. Дома их, как я уже сказал выше, довольно опрятны, рукомесла [10], которыми они занимаются, и разведение во многих местах хороших садов доказывает, что они не чужды труда и проистекающих от него выгод. Если бы можно было более развить это чувство, умножить их потребности и направить их деятельность на полезное, то разбои их прекратились бы сами собою и они сделались бы мирными поселянами. Но долго еще предположение это останется филантропическою мечтою.

Чеченцы сражаются почти всегда пешие, столько потому, что имеют мало лошадей, столько и по той причине, что заросшие лесом и кустарником земли их представляют мало удобства для конного боя. В случае надобности, однако же, они могут собрать до 500 человек отличной конницы, по большей части из качкалыков. Быстрота нападения этой конницы невероятна, и наши конные пикеты и разъезды не раз испытывали стремительность ее натисков с большим для себя уроном.

Все чеченцы одарены особенным военным инстинктом. При вторжении их в наши границы, обыкновенно небольшими партиями, они выбирают себе начальника, или, как говорят наши переводчики, вожака. При общих восстаниях они также почти всегда имеют предводителя или из своих, или, что чаще случается, из дагестанских фанатиков.

Но когда наши войска предпринимают нечаянные поиски, для наказания и истребления враждебных селений, всякий чеченец действует по своему произволу. Едва раздается пушечный выстрел, каждый, кто только его услышал, хватается за оружие и спешит туда, куда зовет его опасность (Некоторые из местных начальников, зная этот обычай чеченцев, единственно для того, чтобы иметь случай написать реляцию и выпросить награды, ввод[или] отряд в Чечню

и, выбрав удобное место, делали несколько пушечных выстрелов на воздух. Через час или через два они были уже окружены чеченцами, завязывалась жаркая перестрелка, чеченцы провожали наших до Ханкалы или до Сунжи, несколько человек было убито и ранено с их стороны и с нашей, и тем оканчивалось все дело. На другой день летело донесение о победе, с исчислением всех подвигов и представлением отличившихся. Ермолов прекратил эти военные штуки… Особенно опасны чеченцы при обратном движении войск, после наступательных действий: все претерпенные нами поражения случались или во время отступления, или при грабеже селения. Тогда они нападают с невероятной быстротой и ожесточением с боков, с тыла, забегают вперед и из-за каждого куста, из каждого скрытого места наносят поражения. Надобно иметь много твердости духа, опытности и искусства начальнику и неустрашимой стойкости воину, чтобы отражать их с успехом…

Чеченцы народ не давний. В 1826 году были еще в Чечне старики, которых деды основали там первое поселение и которые слышали их о том рассказы. Вот что я мог узнать от них.

Лет за 30 до похода Петра I в Персию **11** (около 1695 года)[97], пять или шесть семейств карабулакского племени принуждены были бежать от своих однородцев, по ссоре ли с ними или по учиненному преступлению, неизвестно. Они поселились первоначально в непроходимых лесах по речке Мечику (От этого и теперь еще чеченцы называются от своих соседей и других горцев мечикишами), на землях, принадлежащих тогда кумыцким князьям, и оставались довольно долго от них зависимыми[98]. Будучи слабы и окружены сильнейшими соседями, они сначала жили мирно и в особенности сдружились с гребенскими казаками, **12** которые брали у них жен и за них выдавали своих девок. Некоторые гребенские казаки и теперь еще имеют родных между чеченцами. В последнее время, принимая к себе с гор новых пришельцев, по большей части принужденных бежать оттуда за преступления или убийства, также кабардинских

[97]Персидский поход в правление Петра Первого проходил в 1722-1723 гг.

[98] На уровне современных исторических знаний совершенно фантастическая картина, но возможно это есть отражение «народной» версии истории чеченцев того времени очень своеобразно преломляющей прошлое. Достаточно вспомнить рассказы «природного» чеченца У. Лаудаева (Чеченское племя //Сборник сведений о кавказских горцах. Вып. VI. Тифлис, 1872.) где также дана причудливая картина заселения плоскостной Чечни. В реальности Чечня в границах по крайней мере от течения Терека на севере до Бокового ответвления Главного Кавказского хребта на юге, довольно густо была обитаемой в последние 7-8 тыс. лет носителями нахской (нахчойской) языковой группы– См.: Ахмадов Я.З., Гумба Г.Д., Курумов Д.С., Хасмагомадов Э.Х. История нахов Передней Азии, Кавказа и Чечни с древнейших времен до конца XV века /отв. ред. Я. З. Ахмадов. М.: Литера, 2019; и др.

абреков (Кабардинский абрек - слово в слово то же, что иллирийский ускок[99]), чеченцы скоро усилились и стали продвигаться к Тереку и Сунже. Русским, под именем чеченцев, стали они известны в 1750-х годах. В 1770 году генерал де Медем [13] покорил несколько их деревень, на Тереке и Сунже, которые с того времени получили название мирных чеченцев.

В том же 1770 году переведены с Волги на Терек казаки моздокские; и эти новые поселенцы сначала мирно жили с заречными своими соседями, но ненадолго. Первый повод к неприязни, кажется, был дан с нашей стороны отгоном у чеченцев конского табуна, что, по словам стариков, случилось около 1772 года. Чеченцы тотчас отплатили тем же, и с того времени загорелась непримиримая вражда между чеченцами и русскими, которая едва ли может быть прекращена иначе, как совершенным истреблением первых…

Первый из них был предпринят в 1780-х годах [15] за Сунжу, полковником Пьери, [16] с 2 батальонами гренадер, 1 батальоном егерей, 4 орудиями и несколькими сотнями линейных казаков, по поводу всеобщего восстания чеченцев, возбужденного являвшимся в то время у них лжепророком Шейхом-Мансуровым. [17]

Пьери, перейдя Сунжу у Богун-юрта (верстах в 4 выше того места, где теперь находится крепость Грозная), вступил в Чечню узким проходом, покрытым лесом и пролегающим между крутыми обрывами. У Сунжи оставил он небольшой отряд для охранения переправы; другим, тоже небольшим отрядом занял средний пункт в означенном проходе для обеспечения себе обратногопути; и, дойдя до селения Альды, нашел его оставленным жителями, занял без большого сопротивления, разграбил и сжег до основания.

Довольный этим легким успехом, он пустился в обратный путь, но лишь только вступил в теснину, был окружен со всех сторон чеченцами, которые, быв прикрыты густым лесом, без всякого для себя вреда поражали меткими выстрелами наших. … Люди наши, обремененные награбленною в Альде добычей (по большей части медною посудой), утомленные трудным переходом и продолжавшимся несколько часов беспрерывным боем, пришли в изнеможение и были истреблены почти без сопротивления…

Успех этот прославил Шейх-Мансура и до того ободрил чеченцев, что они собрались в больших силах вторгнуться в наши пределы и осадили главную станицу Моздокского казачьего полка Наур, но там нашли они отчаянное сопротивление: несколько дней делали они беспрерывные приступы к этому весьма слабо укрепленному месту… Наконец на последнем приступе, самом

[99] Так в тексте. Ускок – из хорватского, своеобразные партизаны, повстанцы с организацией, напоминающей русских казаков в Запорожье и на Дону.

упорном, осаждающие потерпели такое поражение, что принуждены были бежать за Терек. [20]

С того времени упала и слава Шейх-Мансура. Долго еще скитался он между чеченцами, кабардинцами и закубанцами, возбуждая в них фанатизм и ненависть к русским; наконец в 1794 году, при взятии Анапы графом Гудовичем, [21] он попал в наши руки и умер в Соловецком монастыре. [22]

Второй, более значительный поиск против чеченцев был предпринят в 1809 году. [23] Для этого назначены были два отряда: первый, под предводительством генерала от инфантерии Булгакова, [24] должен был вступить в Чечню через Ханкалу; второму, под начальством генерал-майора Портнягина, [25] было приказано, перейдя Сунжу у Казак-Кичу, идти на соединение с главным отрядом, по направлению к северо-востоку. Булгаков при самом вступлении в Ханкалу нашел сильное сопротивление. Теснина эта была тогда покрыта густым лесом, через который пролегала узкая дорога, с обеих сторон занятая чеченцами. Чтобы вытеснить их из этой засады, Булгаков, спешив часть бывших у него драгун и линейных казаков, послал их в стрелки, а лошадей оставил, при небольшом прикрытии, при входе в Ханкалу. Но когда войска наши, сражаясь беспрестанно, углубились в лесную теснину, то чеченцы, пробравшись назад боковыми тропинками, вдруг напали на арьергард, отбили оставленных там лошадей и угнали их в лес, прежде нежели успели подать помощь слабому прикрытию, понесшему значительную потерю. Таким образом, при самом начале похода мы лишились до 500 лошадей, и столько же человек драгун и казаков должны были во все время действий отряда в Чечне оставаться пешими.

Пробившись сквозь Ханкалу, Булгаков не встретил уже большого сопротивления до деревни Большой Атаги, которая им занята и покорена тоже без большого урона. Оттуда, оставив гойтинский лес вправе, пошел он дальше, овладел без сопротивления деревнею Урус-Мартаном, и потом и Гихами, жители которых успели спрятаться в окрестных лесах.

Между тем генерал-майор Портнягин пробивался со своим отрядом от Казак-Кичу навстречу главному отряду, и в одно почти время оба отряда дошли до гихинского леса, Булгаков с северной, Портнягин с южной стороны, так что между обоими отрядами было не более двух верст; но лес этот считался непроходимым. Чеченцы повалили огромные деревья, сделали из них засеки и защищались отчаянно. Много усилий и мужества должно было употребить нашим войском, чтобы выбить чеченцев из этого их убежища. Наконец после сражения, продолжавшегося целый день, оба отряда сошлись на середине леса; чеченцы принуждены были бежать; но и наша потеря была немаловажна.

По соединении обоих отрядов гихинцы покорились и дали аманатов, и генерал Булгаков пошел обратно, к Большой Атаге, переправился через реку

Аргун и занял, по некотором сопротивлении, селение Гребенчук. Оставив там часть войска, чтобы довершить истребление селения, Булгаков с большею частью своего отряда пошел для истребления другого, в недальнем расстоянии находящегося чеченского же селения Шали; но едва он успел пройти половину дороги, как жители Гребенчука, заметив оплошность оставленных в их селении войск и увидев, что солдаты наши рассыпались для грабежа, не наблюдая никакого порядка, ударили на них со всех сторон и привели в совершенное расстройство. Все искали спасения в бегстве, никто не думал сопротивляться. Чеченцы преследовали и поражали бегущих около двух верст; и, если бы Булгаков, услышав частые выстрелы, не подоспел на помощь, весь отряд, оставленный им в Гребенчуке, был бы истреблен до одного человека. За всем тем в этот день потеря наша, по рассказу очевидца, простиралась до 200 человек. Более всех потерпели пешие драгуны, лишившись своих лошадей у Ханкалы, при самом начале похода. Булгаков после того не предпринимал уже ничего важного и скоро возвратился за Терек…

Если начальник, командовавший расположенными вблизи их войсками, был опытен, деятелен и отважен, они делались смирные; но коль скоро замечали оплошность и нерешительность, тотчас умели пользоваться ею, вторгались в наши пределы, грабили и увлекали в плен людей, часто делали свои набеги, даже на Военно-Грузинскую дорогу, пролегавшую тогда через Моздок и Малую Кабарду до Владикавказа, нападали на транспорты, по ней следовавшие, и нередко нападения их были успешны. Это продолжалось до 1817 года.

В 1816 году назначен командиром Отдельного кавказского корпуса [26] и главнокомандующим Грузии генерал Ермолов, на которого возложено было также посольство в Персию и переговоры с этою державою касательно исполнения некоторых статей Гулистанского трактата. [27] По возвращении из посольства первой и главной его заботой было обеспечение вверенного края от неприязненных вторжений и разбоев. В Грузии и других на полуденной стороне Кавказа находящихся областях все было спокойно, и потому он спокойно мог действовать на севере. Он начал с Чечни.

Прибыв сам лично в этот край с сильным отрядом, он приступил немедленно к постройке крепостей, которые могли бы обуздывать чеченцев. В верхних частях реки Сунжи выстроен Преградный Стан, прикрывающий сообщение с Владикавказом и отрезывающий чеченцев от Малой Кабарды. Далее, вниз по Сунже, почти противу середины чеченских земель, воздвигнута крепость Грозная, в которой помещен полковой штаб расположенного в этом крае 43-го егерского полка и назначено всегдашнее пребывание начальника всех войск, находящихся на левом фланге. Потом на Тереке, ниже Щедринской станицы, построен Амир-Аджи-Юрт, прикрывающий переправу через Терек и

дорогу в кумыцкие земли. Наконец крепости Герзель-Аул, при выходе реки Аксая из Герзелийского лесного хребта, и Внезапная, противу главной кумыцкой деревни Андреевой, обхватывали чеченцев с востока и в то же время держали в покорности кумыков.

Все это было окончено менее нежели в два года, но не без упорного сопротивления со стороны чеченцев…

Весною 1825 года вновь вспыхнуло в Чечне общее возмущение: опять явился пророк, уверявший, что русские пушки не будут стрелять, что солдаты не будут сопротивляться и что он послан от самого Бога, для истребления войск наших и возвращении чеченцам их свободы. [30] Первое их действие оправдало предсказания пророка. В темную, дождливую ночь подкрались они к небольшому редуту Амир-Аджи-Юрт, [31] находившемуся на Тереке, верстах в 7 ниже Щедринской станицы… Через два часа редут был уже во власти чеченцев), и непримеченные часовыми влезли в укрепление, ветхое и осыпавшееся, завладели им прежде, нежели гарнизон успел схватить ружья, убили беспечного начальника и перерезали большую часть его команды, так что только несколько человек успели спастись вплавь за Терек.

Взятие горцами русского укрепления на Кавказе было тогда происшествием необыкновенным. За все время командования Ермолова в тамошнем краю в первый раз еще удалась неприятелю такая попытка. Слухи об этой удаче, в десять раз увеличенные, разнеслись по всем горам. Вера в пророка сделалась непоколебимою, и скоро многие смежные с чеченцами народы, даже часть постоянно покорных нам кумыков, пристали к бунту, и в несколько дней собрались до 3000 горцев, исполненных отваги и суеверной надежды на будущие успехи.

Толпа эта окружила укрепление Герзель-Аул, находившееся при выходе реки Аксай из Герзелийского хребта (Герзелийский хребет, выступая из предгорий Главного кавказского хребта почти под прямым углом, доходит до Терека у Брагунской деревни; весь он покрыт густым лесом; перерезан крупными оврагами и ручьями и непроходим для артиллерии и обозов) и теперь уничтоженное; но там нашла она коменданта и гарнизон не столько беспечными.[32] Внезапное нападение было отражено. Частые вылазки гарнизона доказали, что русские не разучились еще владеть штыками. Пушки наши не слушались заклинаний пророка и удерживали горцев в почтительном расстоянии. За всем тем положение осажденных было опасно…

Известия о взятии Амир-Аджи-Юрта и осаде Герзель-Аула дошли до командовавшего всеми войсками на Кавказской линии генерал-лейтенанта Лисаневича, [33] находившегося тогда в Пятигорске, в одно время. Не теряя ни минуты, он собрал небольшой отряд (В то время на всей Кавказской линии, на

протяжении более 700 верст, были расположены только 4 пехотных полка, в которых было под ружьем не более 12000. Гарнизонные батальоны были только во Владикавказе, Моздоке и Кизляре. Все прочие крепости были охраняемы полками), соединился на Тереке с Грековым и двинулся на помощь к Герзель-Аулу.

Напасть на чеченцев, разбить их и рассеять было делом нескольких минут. Чеченцы и союзники их упали духом. Бунтовавшие кумыки первые явились с повинной головой, и казалось, спокойствие в этой части Кавказа было восстановлено на долгое время.

Из кумыков более других участвовали в бунте жители деревни Старый Аксай, прямо против Герзель-Аула, на противоположном берегу реки Аксай находившейся. С самого начала возмущения соединясь с чеченцами, они вместе с ними осаждали Герзель-Аул и много наносили вреда осажденным. Зная хорошо местоположение и слабейшие части укрепления, они направляли на них нападения. Особливую же услугу [они] оказали бунтовщикам тем, что отрезали воду у гарнизона и тем довели было его до опасного положения…

Но не все аксаевцы равно были виноваты. Лучшие князья их, в том числе главный начальник всех кумыков Мусса Касаев, [34] майор нашей службы, потом уже дослужившийся до генерал-майорского чина, при первой вспышке мятежа перебрались в Герзель-Аул и помогали русским. Другие, не успевшие этого сделать, удалились в другие кумыцкие селения, оставшиеся нам покорными. Некоторые поневоле присоединились к бунтовщикам… Простой народ, всегда легкомысленный и легковерный, вовлеченный в бунт заявленными врагами России, заслуживал снисхождения. Надо было разобрать, кто прав, кто виноват, кому должно было оказать снисхождение, кого наказать строго. Генерал Лисаневич взял на себя это дело и отдал приказ собрать всех аксаевцев в крепость. Повиновение их, внушаемое страхом, было так велико, что все, даже известные враги русских, явились на этот призыв в назначенное время.

Это было в конце июля. [35] День был жаркий, солнце палило полуденным зноем. Лисаневич и Греков были вместе в занимаемом ими доме, когда им сказали, что аксаевцы уже собрались. Лисаневич, всегда пылкий и неукротимый, накинув на себя сюртук, выскочил тотчас на крыльцо и, зная довольно хорошо татарский язык, зачал бранить собранную толпу и упрекать в измене; потом, взяв в руки список зачинщиков бунта, стал вызывать их поодиночке… Следующий по списку был Учурмулла. Лисаневич произнес это имя, но никто не являлся; он повторил вызов, и опять никого не было. Наконец нетерпеливый Лисаневич в третий раз начал вызывать им требуемого, с бранью и угрозами; тогда выдвинулась из толпы бледная фигура с мрачным лицом и стала медленно приближаться к генералу. Лисаневич тотчас заметил, что у Учура не был отобран

кинжал, и велел снять его. Учур сам стал отстегивать пряжку ремня, на котором висело это роковое оружие, но вдруг, выхватив его из ножен, бросился на Лисаневича и вонзил его в левый бок генерала по самую рукоятку. Лисаневич упал на руки стоявшего возле него адъютанта, а Учур, выхватив кинжал из раны, в то же мгновение кинулся на Грекова, который, видя неминуемую беду и не имея при себе оружия, бросился бежать по направлению к занятой им квартире. Одним скачком догнал его Учур и ударил в спину так, что конец кинжала вышел в грудь и Греков упал мертвым. Третий предмет мести, на который бросился изувер с убийственным своим оружием, был главный пристав кумыкского народа, майор Филатов. [36] Но этот человечек небольшого роста, с отвисшим брюхом и красным носом, показал более других присутствие духа…Борьба эта продолжалась несколько секунд. Вдруг раздался выстрел - и бездыханный Учур повалился к ногам Филатова. Выстрел этот был сделан урядником из чеченцев, находившимся при Филатове, и должен был положить конец всей этой кровавой сцене, но не так вышло…

Солдаты наши, видя главного начальника своего и генерала Грекова, плавающих в крови, майора Филатова, тоже израненного, и услышав приказ "Коли их!", бросились с штыками на безоружную толпу кумыков, и началась резня, какой нечасто бывают примеры. Тут не было никому пощады, никакого разбору: виновные в возмущении и преданные нам - равно были убиваемы, без всякой жалости…

Но непримиримые враги русских чеченцы, узнав, что Лисаневич и страшный для них Греков убиты, ободрились и начали приготовляться к новой отчаянной борьбе с нами. Назначено было собрание всего чеченского народа для совета, что им предпринять должно. Явился новый пророк, который опять предсказывал несомненную удачу. Посланы были нарочные ко всем соседственным горцам, чтобы и их склонить к участию в общем для всех мусульман деле; и можно было опасаться, что все народы, находящиеся на левом фланге линии, от Владикавказа и Сунжи до Каспийского моря, даже Северный Дагестан, поднимут против нас оружие…

Войска же наши, рассеянные по всей линии, на пространстве более 700 верст, лишась главного начальника и лучшего генерала, упали духом и начали приходить в уныние. Отдельные командиры не знали, что им делать, от кого получать приказания, кому повиноваться.

Эти смутные обстоятельства могли быть поправимы только личным присутствием генерала Ермолова на северной стороне Кавказа; но другие дела удерживали его в Тифлисе… а сам уже в конце августа, с одним батальоном 41-го егерского полка и одною ротою Тифлисского, отправился через горы и из Владикавказа через Преградный Стан и крепость Грозную прибыл в Червленую.

Другим батальонам велено тоже быть на Тереке в назначенное время; и в половине сентября отряд, в котором было до 5000 человек пехоты, казаков и артиллерии, под начальством самого Ермолова, был сосредоточен близ Амир-Аджи-Юрта.

Первою заботою Ермолова по прибытии его на Терек и по сборе всех войск было обеспечение самой восточной части нашего левого фланга. Необходимо было исправить укрепление амир-аджи-юртинское и привести его в такое положение, чтобы оно было на будущее время неприступным. Герзель-Аул предположено [было] уничтожить и вместо его, выстроить новую небольшую крепость на реке Аксае, в урочище Ташкичу на прямом сообщении между Амир-Аджи-Юртом и крепостью Внезапною. Селение кумыцкое Аксай признано нужным перенести тоже к Ташкичу, и выстроить под выстрелами новой крепости. Надобно было также осмотреть и исправить крепость Внезапную, успокоить все еще находившиеся в волнении умы кумыков и упрочить их покорность и преданность к нашему правительству. Все это начато и кончено менее нежели в два месяца…

Пребывание Ермолова в земле кумыков продолжалось до 16 ноября; и он, обеспечив себя с сей стороны, предполагал, невзирая на позднее время года, начать немедленно действия против чеченцев; но по прибытии на Терек получил официальное известие, что покойный государь император намерен с Дону проехать в Астрахань [40] и Ермолову должно встретить государя в этом городе, принадлежащем к областям, находящимся под непосредственным начальством главноуправляющего Грузией…

Этот неожиданный случай заставил отложить на некоторое время исполнение всех других предположений, и Ермолов решился отправиться в Екатериноград и там дожидаться дальнейших повелений насчет путешествия государя императора.

Там провели все праздники и встретили Новый год; но кончина обожаемого монарха поразила нас такою скорбью, что нам было не до веселостей и праздник был не в праздник.

В самый Новый год, [46] часу в третьем пополудни, приехал фельдъегерь с манифестом об отречении от престола Константина Павловича и о восшествии на престол государя императора Николая I, и генерал тотчас же приказал мне изготовить все нужные бумаги о приведении всех находящихся в его команде войск и жителей вверенного управлению его края к верноподданнической присяге; но к немедленному исполнению этого долга самим генералом Ермоловым, его свитою и войсками, в отряде находившимися, встретилось неожиданное затруднение: весь отряд состоял из отдельных батальонов, и ни при одном из них не было ни священника, ни походной церкви. В Червленой и

соседних станицах не было тоже ни одного попа, потому что казаки гребенские, Терское семейное войско [47] и большая часть моздокских казаков - закоренелые раскольники и невзирая ни на какие убеждения и даже строгие меры не соглашались иметь священника православной церкви. Итак, решено было послать нарочного в Кизляр, откуда священник прибыл в Червленую ввечеру 3 января; 4 же поутру совершена верноподданническая присяга. Экземпляры манифеста о восшествии на престол государя императора и о приведении войск и жителей к присяге разосланы куда следует еще сутками раньше.

Вот эти обстоятельства описаны здесь подробно для того, что в свое время много было толковано о том, что высочайший манифест о восшествии государя императора на престол был оставлен Ермоловым несколько дней без исполнения…

В Червленой пробыл Ермолов почти целый месяц. Наконец все приготовления к походу были кончены, провиант подвезен, и 19 января генерал выехал с небольшим отрядом и частью своей свиты и с Грибоедовым в Грозную, а 21-го и все остальные войска и чиновники, бывшие при Ермолове, в том числе и я, двинулись туда же.

При самой переправе через Терек (Переправа через Терек на пароме находится в 7 верстах выше Червленой и довольно удобна. Оба берега реки плоски и открыты. На левом берегу было тогда небольшое укрепление, прикрывавшее переправу) нагнал нас фельдъегерь, приехавший из Петербурга. Все пустились расспрашивать его о тамошних новостях и последних происшествиях, но он был молчалив как стена, и главному адъютанту Ермолова Талызину, [48] едва удалось от него выведать, что он привез с собою один только небольшой пакет от графа Дибича на имя генерала.

В 4 часа мы приехали в населенную мирными чеченцами и кумыками деревню Старый Юрт, назначенную для ночлега и в 6 верстах от переправы по направлению к юго-востоку находящуюся. Так как было еще довольно рано, то я и некоторые из товарищей моих успели до наступления ночи осмотреть находящиеся не далее полутора версты от этой деревни горячие ключи, известные по описанию Гюльденштета. Главный из них так изобилен водой, что на текущем из него ручье, саженях в ста ниже источника, выстроено несколько мельниц; вода, теплотою до 60 градусов по Реомюру, [49] годна для питья и варения пищи, и кроме нее ни в Старом Юрте, ни в укреплении нашем, близ этой деревни выстроенном, никакой другой не употребляют. Говорят, что она легка и здорова.

Я пил приготовленный из нее чай, и он мне показался довольно вкусным; серного запаха нисколько не было заметно. В версте от главного источника, к востоку, есть еще несколько горячих же ключей, менее обильных. Я не заметил ни в одном из них ни осадка, ни запаха серы. На дне видна красная охра, а по

сторонам была накипь известкового свойства. Вода во всех горяча так, что нельзя выдержать пальца даже и одной секунды.

Дорога от Терека до крепости Грозной переходит через значительное возвышение, тянущееся почти параллельно Тереку от северо-запада к юго-востоку. Вершина этого возвышения поднимается более ста сажень над уровнем Терека. На южной стороне его расширяется пространная равнина, ограничиваемая к востоку Мачикскими и Брагунскими горами, покрытыми густым и высоким лесом. На юге видны два огромных холма, между которыми пролегает Ханкалинское ущелье. Вдали, на юго-западе, белеют снежные хребты Кавказа; к западу возвышается предгорие, выходящее из Малой Кабарды и называемое Кабардинскою горою. Внизу, по равнине от Грозной, извивается Сунжа, и на ней видны деревни Сунжинская, Хачахи и Чертугай, населенные мирными чеченцами.

В половине шестого часа вечера мы были уже в Грозной.

Прибывший с нами фельдъегерь привез с собою высочайшее повеление, в котором предписано было немедленно арестовать Грибоедова, отобрать у него и опечатать все бумаги и отправить как его, так и бумаги с тем же фельдъегерем в Петербург. Все это было исполнено: Грибоедов арестован и бумаги его опечатаны через четверть часа по прибытии нашем, и на другой день, рано поутру, он уже мчался с фельдъегерем. Доброта сердца Ермолова и благодетельное расположение ко всем, кто служит при нем, не изменилось и при этом неприятном случае. Он написал к графу Дибичу [50] о Грибоедове самый одобрительный отзыв, который, как сам Грибоедов сознавался после, много помог ему при оправдании. [51]

Неожиданное это происшествие привело всех нас в уныние. Мы все жалели Грибоедова, как доброго человека и чрезвычайно приятного товарища…

По окончании еще некоторых необходимых приготовлений, 26 января, в 9 часов утра, войска, назначенные действовать против чеченцев, под предводительством генерала Ермолова выступили в поход. Весь отряд состоял: из 2 батальонов Ширванского, 1 батальона Апшеронского пехотных, 1 батальона 41-го, 300 человек 43-го егерских, и одной роты, в 200 человек Тифлисского пехотного полков, 600 линейных казаков, 11 орудий пешей артиллерии, 2 орудий конной линейной и 2 трехфунтовых горных единорогов. Всего под ружьем было до 4800 человек. Не доходя до Ханкалинской теснины обозы и все тяжести остановлены под прикрытием 1 батальона пехоты, а прочие войска быстро двинулись в этот проход.

При описании Чечни сказано уже, что такое Ханкала, вдобавок к тому должно сказать, что ущелье это прежде было покрыто густым лесом, через который пролегала лесная и извилистая дорога; но потом генерал-майор Греков

расчистил лес в обе стороны на пушечный выстрел, так, что на этом расстоянии нет ни прутика, и через Ханкалу можно уже было пройти без затруднения.

Чеченцы не рассудили здесь защищаться, невзирая на то, что у южного выхода начали было рыть и провели до половины ущелья довольно глубокий ров; изредка показывались несколько человек конных и пеших и стреляли по нашей колонне, но пули их не долетали, и ущелье пройдено без всякой потери. Пройдя Ханкалу, части отряда в ожидании обозов приказано сделать привал, а двум батальонам, со всеми казаками, велено идти быстро вперед и занять непокорную деревню Большую Атагу, находящуюся на реке Аргун верстах в 12 от Ханкалинского ущелья. В половине третьего часу пришел обоз, тоже без всякой потери; и с ним вместе все войска, оставленные у выхода из Ханкалы, двинулись к Большой Атаге, которая найдена уже занятою посланным вперед отрядом. Сопротивления со стороны жителей не было, и они успели скрыться в окрестных лесах.

Деревня Большая Атага лежит на левом береге Аргуна, на двух каналах, проведенных из этой реки и прорезывающих деревню во всю длину. Она раскинулась версты на две по низменному месту, кроме двух или трех сакель, находившихся на небольшом возвышении, которое, вероятно, прежде было настоящим берегом Аргуна. Там же на возвышении находится довольно обширное кладбище, усеянное камнями, по обыкновению мусульман, поставленными стоймя. Домы, числом около 300, выстроены довольно прочно и были содержаны опрятно. При каждом почти был сад с фруктовыми деревьями. Особенно много было огромных шелковиц; но занимались ли жители шелководством, узнать мне было не можно.

В деревне были найдены значительные запасы муки, пшена, меду, масла и сыру. Все это было отдано солдатам, и они завели стряпню, продолжавшуюся всю ночь. Каких кушаньев они не выдумывали: кто делал клецки, кто пек блины; малороссиянин варил вареники, русский поджаривал оладьи, каждый готовил для себя то, чем некогда лакомился на родине; все не думали о сне и, не чувствуя усталости, варили, пекли и ели до рассвета невзирая на то, что были в походе почти целый день и что завтра ожидали их опять труды и опасности.

Но чеченцы не спали и не давали нашим хозяйничать их добром спокойно. Подползая к селению, они стреляли туда, где видели разложенные огни; наши отвечали им тем же, и это продолжалось до самой утренней зари.

27 января отправлен был полковник Петров [53] с 400 казачками, 300 егерями и одним конным орудием для осмотра переправ через Аргун, ниже Атаги находящихся. Чеченцы встретили этот отряд и завели жаркую перестрелку с бывшими впереди казаками; но, когда казаки, приняв влево, зачали их отрезывать от кустарников, а пехота пошла на них прямо в штыки, они тотчас отступили на

правый берег Аргуна и более наших не тревожили. Осмотрены два брода и найдены удобными, один у самой деревни Малой Атаги, другой немного ниже. В перестрелке ранено легко 5 казаков и 1 егерь. В предшествующую ночь шел снег, и следы чеченцев ясно были видны. Не без удивления я заметил, что все пешие чеченцы сражались босиком: от бедности ли или для того, чтобы было легко на бегу, решить трудно. Удивлялись также их прыжкам, которые ясно означались на вновь выпавшем снеге: редкие из них были менее 3 аршин, и все были вперед, навстречу нашим. Отступали чеченцы гораздо тише.

28-го чеченцы, пользуясь густым туманом, около полудня, в большом числе, сделали нападение на Большую Атагу. Конница же их, предполагая ударить на наших во фланг от Малой Атаги, наткнулась на казаков и завязала с ними жаркую перестрелку. Но генерал Ермолов, предвидев это еще с раннего утра, вывел из деревни все войска в вагенбург, [54] составленный из обозов на высоком и открытом месте, близ кладбища. Чеченцы, найдя деревню уже оставленной, сами начали жечь ее и, пробираясь между горящих сакель на самое близкое расстояние от возвышения, на котором находились наши войска, открыли сильнейший огонь. Им отвечали наши стрелки, залегшие по возвышенности вдоль кладбища, и перестрелка продолжалась до самой ночи. У нас убит рядовой 1, ранен офицер 1, унтер-офицеров, рядовых и казаков 8 человек. Какую понесли потерю чеченцы - неизвестно.

Раненый офицер был двоюродный брат корпусного командира, поручик генерального штаба Ермолов, [55] молодой человек, пылкий и храбрый. Ему вздумалось пуститься в стрелки на самом опасном месте; но едва только он показался из-за стоявшей вблизи сакли, был осыпан пулями. Одна из них пробила ему навылет руку и, проникнув через черкеску, тулуп и архалук, [56] нанесла сильную контузию в бедро ноги. Он упал на колени, и я, находясь вблизи, едва успел оттащить его из-под выстрелов…

29-го, около полудня, чеченцы опять зачали приближаться и, забегая в кустарник, выше Атаги по Аргуну растущий, стрелять издали по нашим войскам; но несколько пушечных выстрелов скоро их остановили, и они, в виду нашем, потянулись к деревне Чахтыры[100], находящейся в 7 верстах выше Атаги при выходе Аргуна из ущелья на плоскость. В этот день не было у нас даже раненых.

Генералу наскучили ежедневные нападения чеченцев и перестрелки, не ведущие ни к какому результату. Движение их к деревне Чахтыры и показания лазутчиков удостоверили, что они выбрали эту деревню сборным местом и что

[100]Собственно селение Чахкар/Чахкери (называвшееся вероятно и Саттой-Чахкар) у входа в Аргунское ущелье, в 40-х гг.XIX в. было уничтожено царскими войсками, а на землях общества построена крепость Воздвиженская.

там был их обыкновенный ночлег, и потому генерал предположил истребить Чахтыры и рассеять собиравшиеся там толпы.

Для выполнения этого предположения 30 числа, за два часа до рассвета, послан отряд из 2 батальонов Ширванского пехотного и 300 человек 43-го егерского полков, 500 линейных казаков, 4 пеших и 2 конных орудий, под начальством командира Ширванского полка подполковника Ковалева. [57] Приблизившись к Чахтырам на рассвете, Ковалев отрядил подполковника Ефимовича [58] с казаками и одним конным орудием обойти деревню и отрезать ее от гор; а подполковнику Грекову с одним батальоном пехоты под огнем 4 орудий приказал ударить прямо на деревню. Неприятель, в числе не более 50 человек, охваченный с двух сторон, мгновенно вытеснен и рассеян. Деревня, зажженная в нескольких местах, сгорела до основания. Все это было кончено менее нежели в полчаса и стоило нам одного раненого. После чего Ковалев, не видя более неприятеля, поворотил назад к вагенбургу.

Главные силы чеченцев в эту ночь, против обыкновения, были собраны не в Чахтырах, а на правом берегу Аргуна, верстах в 4 выше деревни Большой Атаги, и из этого ночлега приготовились они сделать общее решительное нападение на наши войска, но, услышав выстрелы в стороне Чахтыры, все бросились туда на помощь.

День только что начинался. Густой туман скрывал все предметы так, что в 10 шагах не видно было ничего, и Ковалев медленно и, так сказать, ощупью подвигался к главному отряду. Вдруг между цепью стрелков, находившихся в арьергарде, и главною колонною пронеслась многочисленная конница с такой быстротой, что наши не могли отличить, были ли то казаки или чеченцы, и тогда только узнали, что это был неприятель, когда он, наткнувшись в тумане на казаков, на правом фланге находившихся; завел с ними перестрелку. Едва успели наши встать в боевой порядок и снять с передков пушки, как навалила и чеченская пехота. Туман был так велик, что заметили ее только тогда, когда чеченцы, оттеснив наших стрелков к самой колонне, сделали общий отчаянный натиск. Удачные картечные выстрелы и сильный огонь нашей пехоты остановили неприятеля и заставили его податься назад; но через несколько минут чеченцы, прикрываемые туманом, возобновили с новым ожесточением свою атаку и четыре раза повторяли ее, стараясь врезаться в колонну и вступить в рукопашный бой. Только отличному мужеству и стойкости нашей пехоты, неустрашимому хладнокровию офицеров и удачному действию артиллерии должно приписать, что наши выдержали это отчаянное нападение. Наконец чеченцы, поражаемые картечью и сильнейшим батальным огнем, принуждены были оставить место сражения и отступили к Чахтырам с такою поспешностью, что, против обыкновения своего, не успели даже подобрать тел убитых своих товарищей.

Преследовать их, по причине все еще продолжавшегося тумана, не было возможности, и потому Ковалев решился возвратиться в вагенбург, куда и прибыл около 10 часов утра.

Дорого стоил этот день чеченцам. 49 тел оставлены ими на местах, гораздо более унесено с собою, что видно было по кровавым следам, оставшимся на снеге. Раненых, по большей части картечами, смертельно, было также много. Весь урон их, по верным сведеньям, собранным после, доходил до 250 человек.

Не много осталось в Чечне семейств, которые не оплакивали бы понесенной потери. Союзники чеченцев потерпели также большое поражение. Оставленные на месте сражения тела принадлежали по большей части сим последним, и они, озлобясь на чеченцев за то, что они бросили эти тела на произвол русских, возвратились в горы и более уже не являлись в Чечне во все время похода. Должно прибавить, что чеченцы дрались под Чахтырами без предводителя. Избранный ими в начальники известный разбойник Бейбулат, человек предприимчивый и отважный, но горькая пьяница, сидел спокойно в сакле соседственной деревни до конца дела; и когда чеченцы потом, отыскав его, зачали упрекать за то, что не было его в деле, он хладнокровно отвечал: "А кто же вам велел нападать на русских при Чахтырах? Вы не послушали меня, так сами же виноваты". Но власть его окончилась, и о нем не было уже слышно до окончания военных действий против чеченцев. Последние оправдывали свое поражение тем, что русские умудрились заряжать пушки вместо картечи медными грошами и пятаками, которые разрывали нападающих на части. Действительно, между убитыми найдено несколько тел, растерзанных на части, но не медною нашей монетою, а картечными железными поддонками и не разлетевшейся еще картечью. Так близки были чеченцы от устьев наших орудий!

Наша потеря была также немаловажна: у нас убито рядовых 4, ранено офицеров 5, рядовых 47.

По недальнему расстоянию от Большой Атаги места, где происходило чахтыринское дело, с возвышения, находившегося близ вагенбурга, можно бы было видеть его простыми глазами, но за туманом нельзя было различить ничего, даже в нескольких шагах. Пушечные выстрелы были ясно слышны, и когда пушечный и ружейный батальный огонь сделались так часты, что превратились в общий гул, на лице Ермолова изобразилось беспокойство. В вагенбурге оставалось под ружьем около 1800 человек и 7 орудий артиллерии. Отделить из этого числа большой отряд в подкрепление сражающимся и ослабить вагенбург было опасно; послать малое число еще опаснее, потому что посланные могли бы в тумане разойтись с отрядом Ковалева и наткнуться на чеченцев; и потому ничего не оставалось делать, как ожидать известия от Ковалева.

Ермолов приказал, однако же, батальону пехоты с 2 орудиями готовиться к походу; но скоро пушечные выстрелы затихли, через полчаса зачал подыматься туман, и вдали на возвышении близ Чахтырей начала показываться большая черная масса. Зрительные трубы удостоверили нас, что это были чеченцы. Скоро начали они расходиться в разные стороны, и через час не видно стало ни одного человека. Между тем получено и от Ковалева известие об одержанной победе. Штыки возвращающегося отряда заблестели из-за пригорка, верстах в двух от лагеря находившегося, и мы с радостным чувством встречали победителей.

За два дня еще до чахтыринского дела начала убывать вода в каналах, проведенных в Атагу из Аргуна, и 30 числа каналы эти найдены сухими. Очевидно было, что чеченцы запрудили их и отвели воду, и потому для отыскания водопоя по Аргуну, далее версты от вагенбурга протекающему, отправлен был 31 января подполковник Петров с одним батальоном пехоты и 300 казаков. Водопой на Аргуне оказался под выстрелами с противоположного берега, заросшего кустарником, и потому небезопасным; но Петров, потянувшись вверх по реке, нашел верстах в двух выше вагенбурга начало запруженных каналов, прочистил их и пустил воду, в которой после того не было уже недостатку. Несколько человек чеченцев стреляли по нашим все время расчистки, но без всякого для нас урона.

1 февраля не слышно было ни одного выстрела и не видно ни одного чеченца! Так ускромило их дело под Чахтырами. В этот же день явились многие жители Большой Атаги, депутаты от деревни Большой Чечень, деревни Шевдон и от половины деревни Альды с повинной головою и с просьбами о пощаде. Генерал, побранив хорошенько, простил их и приказал привести аманатов. [59]

Запасы продовольствия, взятые с собой из Грозной, были истощены, фуража для лошадей также не стало, сверх того надобно было позаботиться и о раненых и больных, которые, за недостатком удобного помещения, терпели от холода; и потому генерал решился на некоторое время возвратиться в Грозную. Полагая, что чеченцы, по обыкновению своему, на обратном пути не оставят нас в покое, все тяжести, обоз и больные под сильным прикрытием отправлены вперед 3 февраля, в 4-м часу пополуночи, остальные же войска выступили в 6 часов утра. В начале 10-го часа весь отряд соединился у входа в Ханкалу, откуда обоз и больные отправились опять вперед с тем же прикрытием, прочие же войска остались у входа в ущелье для отражения чеченцев, если бы они вздумали сделать нападение. Но предосторожности эти оказались излишними: чеченцев не показывалось ни одного человека, и в половине 12-го часа весь отряд был уже за Ханкалой, откуда часть войск с обозами отправлена в Сунжинскую деревню, а остальные и сам Ермолов пошли в Грозную, куда и прибыли в два часа пополудни.

Но недолго отдыхали наши войска: 5 февраля опять весь отряд под личным начальством Ермолова отправился за Ханкалу и, прошедши это ущелье без выстрела, поворотил влево к деревне Большому Чечню. Не доходя до этой деревни, встретили генерала старшины с изъявлением покорности и привезли с собою аманата. Аманат принят, и отряд, минуя Большой Чечень, перешел вброд через Аргун и занял не покорившуюся еще деревню Бельготой, на правом берегу этой реки находящуюся. Оттуда 6 февраля послан был отряд казаков, под начальством подполковника Петрова, для истребления деревни Ставню-коль, [60] где жил и имел свой дом известный разбойник Бейбулат. Деревня найдена пустою и сожжена дочиста.

Из Бельготоя генерал предполагал идти к одной из значительнейших чеченских деревень Гребенчуку и в случае непокорности истребить ее. Но гребенчукские жители предупредили грозящую им беду: 7 февраля явились от них в Бельготой старшины с аманатами и просьбой о пощаде. Она им была дана, и 8 февраля войска наши, поворотив опять за Аргун, пошли в деревню Альды для наказания особенно враждебной к русским фамилии Дгишни, составляющей большую половину всего Альдинского общества (Другая половина Альды, состоящая из двух фамилий, покорилась еще во время бытности войск наших в Большой Атаге). Фамилия эта пользовалась в Чечне особою славою. Она более всех содействовала истреблению отряда полковника Пьери. Дгишни также одни, без помощи других чеченцев, в удачном нападении на арьергард Булгакова, при входе в Ханкалу, отбили казачьих и драгунских лошадей, о чем сказано уже выше. Предвидя угрожающее бедствие, фамилия эта присылала в Бельготой старшин с просьбой о пощаде, но генерал хотел проучить их и отослал назад с отказом.

Генерал Ермолов при выступлении из Грозной предполагал сделать только кратковременный поиск, для того чтобы держать чеченцев во всегдашней тревоге и заставить их укрываться с семействами в лесах, и потому не взял с собою никаких обозов, даже артельных повозок. Но, видя, что новое появление отряда в Чечне произвело сильное впечатление, и получив сведение, что многие значительные общества, следуя примеру Гребенчука и Большого Чечня, готовы покориться, он принял намерение пробыть в Чечне весь остаток зимы и потому, проходя мимо Ханкалы, отправил подполковника Волжинского [61] с батальоном пехоты и двумя пушками в Грозную для доставления оттуда артельных повозок и провианта; прочие же войска и генерал Ермолов пошли в Альду и заняли часть этой деревни, принадлежащую фамилии Дгишни, по нескольких выстрелах, без всякой с нашей стороны потери.

Деревня Альда, одна из значительнейших в Чечне, расположена на юго-западной покатости западного ханкалинского холма, на правом берегу реки

Гойты, кроме двух или трех сакель, находящихся на левом. С северо-востока примыкает она к глубокой, покрытой лесом лощине, по которой течет ручей Шавдон. В Альде считалось тогда около 200 домов, принадлежащих трем фамилиям, из которых Дгишни имела около 100 семейств.

Февраля 9-го, около полудни, возвратился из Грозной Волжинский с провиантом и артельными повозками. В два часа пополудни несколько человек чеченцев, подползая к деревне из лесу, стреляли по нашим солдатам, раскатывавшим на дрова сакли, и ранили двух человек. Трех пушечных выстрелов достаточно было, чтобы устрашить чеченцев, и они уже более нас не тревожили.

На другой день явились опять старшины фамилии Дгишни, прося помилования. Положение их было невыносимо. Морозы начались еще с 5 февраля и потом, увеличиваясь, постепенно дошли до 17 градусов. Дгишни во все это время должны были скрываться в лесах, не смея даже разложить огня, чтобы не обнаружить своих убежищ. Недостаток в пище и смертность, оказавшаяся между малолетними детьми их, доводили их до отчаяния. Генерал, наконец, умилосердился над ними, простил их и позволил возвратиться в уцелевшие еще домы. Вслед за тем приехали старшины и от других соседственных деревень Багун-Юрта, Зелень-Гонты и Лесной Гонты, прося также пощады. Она дарована им и от всех взяты аманаты.

Нелегко было и нашим войскам переносить усиливавшуюся стужу, особенно терпели от нее солдаты, находившиеся на часах и на ночных, секретных пикетах. Несколько человек, невзирая на теплую одежду и все предосторожности, поотмораживали себе руки и ноги. В самом отряде были разложены огромные костры огня, около которых солдаты могли согреваться…

Мороз между тем увеличивался и доходил до 20 градусов. Возвратиться в Грозную генерал не хотел, потому что тогда бы не покорившиеся еще чеченцы могли поселиться опять спокойно в своих домах и цель зимнего похода не была бы достигнута… и так положено было остаться в Альде и ждать благоприятнейшей погоды, а вместе с тем подвести новые запасы провианта и фуража из Грозной, отправив туда больных и обморозившихся. Это сделано было двумя транспортами, посланными 11 и 14 февраля.

12 февраля отправлены были также два небольшие отряда: первый с подполковником генерального штаба Жихаревым для осмотра прямой дороги от Альды в Грозную, между западным ханкалинским холмом и Сунжею. Второй с подполковником Петровым, чтобы узнать, в каком положении находятся просека и дорога, сделанные через гойтинский лес в 1820 году Грековым. Жихарев нашел осмотренную им дорогу, пролегающую по узкой лощине, с крупными обрывами и рытвинами, поросшими густым кустарником, неудобною и требующей много

труда и времени для расчистки (Это была та самая дорога, по которой возвращался из Альды полковник Пьери и погиб там с большею частью своего отряда). Просека через гойтинский лес оказалась совершенно заросшею, кроме дороги, сажени в три шириною, вторично зачищенной в 1824 году Грековым же. При обоих этих осмотрах не было сделано ни одного выстрела.

16 февраля мороз уменьшился и войска наши после семидневного бездействия в половине 4-го часа утра двинулись к гойтинскому лесу. Снег был так глубок, что конница должна была протаптывать дорогу для пехоты; и войска наши только с восходом солнца дошли до этого леса, не далее 10 верст от Альды находящегося. Остановясь у опушки, генерал отправил авангард из 8 рот занять лес. 4 роты, под командованием подполковника Скалона, [62] быстро двинулись вперед по дороге; 2 роты рассыпались фланкерами в лесу по обеим сторонам; остальные две роты заняли вход, и в полчаса лес был пройден авангардом. Чеченцы, не ожидая в такой холод и так рано нашего прихода, не успели собраться и защищались слабо. Из сделанного ими у выхода из леса завала удалось им, однако же, убить одного разжалованного и ранить одного рядового; но при первом натиске нашей колонны они оставили свое укрепление и разбежались во все стороны. Генерал, получив донесение о занятии леса авангардом, тотчас отправил вперед всю конницу, а вслед за тем двинулся и сам с остальными войсками и обозом. В 9 часов утра лес, при проходе через который всякий раз проливаемо было много крови, оставался уже назади нашего отряда. Много пособило нам то, что речка Гойта, через этот лес протекающая, и проведенные из нее канавы были покрыты твердым льдом.

За гойтинским лесом находится поляна, верст 6 в длину и версты 4 в ширину, на которой местами растет небольшими группами кустарник и несколько больших деревьев. На поляне расположены чеченские селения, влево от выхода Урус-Мартан, вправо несколько мелких деревень, прямо против выхода, на противоположном конце поляны, четыре деревни, называемые Рошни. Урус-Мартан и Рошни лежат при речках того же имени, впадающих в Сунжу.

По выходе из леса истреблена посланными для того казаками небольшая деревня, в правой стороне, в недальнем расстоянии от выхода находящаяся. После чего весь отряд, поворотив вправо, потянулся к значительной деревне Урус-Мартану, но чеченцы успели из нее уйти, сами зажгли несколько сакель и из опушки леса, к которому примыкает деревня, завели перестрелку. У нас ранено 2 казака; чеченцев убито 2 человека, сколько же у них ранено, не известно. Из Урус-Мартана отряд двинулся к 4 деревням, имеющим общее название Рошни и раскинутым верстах на 4-х по речке этого же имени. Две из них сожжены, третья оставлена для ночлега, а четвертая, в лесу, осталась незанятою для избежания напрасной в людях потери.

Недалеко от Рошни замечено несколько стогов сена. Находка эта была весьма кстати, потому что фураж во всем отряде был уже на исходе. Тотчас отправлены были казаки, чтобы забрать это сено, но чеченцы не уступили его даром, завели с казаками перестрелку, одного из них убили, другого тяжело ранили. Но когда приблизился батальон пехоты, тотчас исчезли, и сено все перевезено в отряд без дальнейшего препятствия.

17 февраля с рассветом опять пустились в поход и часа через два пришли в Гихи, одно из главнейших чеченских селений, в котором считалось до 200 домов. Генерал предположил истребить до основания это селение, всегда враждебное и не хотевшее и теперь покориться. Оно было занято без сопротивления и сожжено, оставлено только несколько сакель для ночлега. Строго, однако же, было запрещено истреблять сады, считавшиеся лучшими во всей Чечне. Особливо абрикосовые дерева были прекрасные.

В двух верстах за Гихами находился дремучий лес, примыкающий с одной стороны к Сунже, а с другой простирающийся до черных гор кавказских, шириною около двух верст. Через него, по распоряжению генерал-майора Грекова, была прочищена самими чеченцами широкая просека, почти на пушечный выстрел, но поваленные вековые дубы не были сожжены и даже не оттащены в сторону, и потому из-за них легко можно было вредить проходящим войскам…

Генерал знал это и, думая, что чеченцы, всегда умеющие пользоваться местностью, сильно будут сопротивляться проходу наших войск, приказал 18 февраля подполковнику Волжинскому с одним батальоном пехоты и 4 орудиями до рассвета встать в опушке леса и, лишь только начнет рассветать, быстро пройти просеку и занять узкий выход. С рассветом тронулись и прочие войска и, по близости перехода, поспели к Волжинскому прежде, нежели он успел двинуться в просеку. В это только время чеченцы заметили отряд и начали сзывать по лесу друг друга. Но Волжинский скорым шагом двинулся вперед и занял узкий выход без сопротивления, кроме нескольких безвредных для нас выстрелов, на которые наши, по обыкновению, отвечали оживленным батальным огнем, рассеивавшим мгновенно неприятеля. Вслед за Волжинским прошли просеку и остальные войска с обозами, без выстрела. Таким образом, гихинский лес, через который Булгаков и Портнягин, охватившие его с двух сторон, пробивались целые сутки, пройден отрядом Ермолова в полчаса без всякой потери.

За гихинским лесом открывается вновь довольно обширная поляна, обрезываемая с противоположной стороны рекою Валериком и растущим по ней редким лесом. За Валериком начинается опять чистое поле, простирающееся до речки Шалаш. Не доходя до этой речки, находилась мирная и покорная нам

деревня Пхан-Кичу, жители которой вышли навстречу отряду и вынесли хлеба, курей и меду. Это была первая дружеская нам встреча от чеченцев.

Между тем жители Гихов и других непокорных деревень собрались в значительном числе и, забегая вперед по перелескам, заводили перестрелку; но сильный огонь нашей пехоты удерживал их в таком отдалении, что выстрелы их не наносили большого вреда. В два часа пополудни войска дошли до речки Карабулатский Мартан. Лед на ней был так тонок, что не мог выдержать густых масс пехоты и артиллерии, и потому надобно было устраивать переправу. Она была кончена менее нежели в час. На льду намостили в два ряда плетни, взятые из деревни Дауд-Мартана, у переправы находившейся, на них настлали толстый слой соломы, и пехота наша перешла без затруднений по этому наскоро сделанному мосту. Пушки и зарядные ящики перевезли на людях; для конницы, обозов и артиллерийских лошадей прорубили лед, но они переправлены не без затруднения. Речка Карабулатский Мартан в этом месте была так глубока, что лошадям вода доставала выше брюха. Часть деревни Дауд-Мартан, на правом берегу находящаяся, сожжена, другая с левой стороны занята для ночлега. Во весь этот день, при беспрерывной почти перестрелке, ранены у нас 1 унтер-офицер и 1 рядовой.

19 февраля, зажегши остальную часть Дауд-Мартана, войска выступили до рассвета, и до всхода солнца казаки успели уже обхватить с трех сторон деревню Малые Шельчуки, на правом берегу реки Оссы находящуюся. 4 орудия открыли по ней огонь, 2 роты пехоты заняли деревню и истребили ее до основания. Жители едва успели спастись бегством, оставив все свое имущество и запасы в добычу нашим войскам. Чеченцы в деревне не сопротивлялись, а только изредка стреляли по нашим из находящегося шагах в 300 кустарника. В этой пустой перестрелке мы, однако же, потеряли офицера, который был ранен в ногу и скоро умер. Один солдат был тоже ранен в колонне, но неопасно.

Протекающую близ Малых Шельчуков речку Оссу войска перешли без затруднений вброд, и после небольшого отдыха отправились к Казак-Кичу, минуя деревню Большие Шельчуки, находящуюся на левом берегу Оссы, которая изъявила покорность. От этого места и до возвращения отряда в Грозную не было уже слышно ни одного выстрела.

Между Оссою и Карабулатским Мартаном находится одна из прелестнейших долин, какие только встречаются в кавказских предгорьях. Несколько небольших рощиц, по ней рассыпанных, так красивы и так подчищены самой природой, как будто бы они принадлежали к какому-нибудь английскому парку. Вдали видны горы, по сторонам два утесистых ущелья, из которых вытекают Осса и Мартан. Посередине долины вьется небольшая речка Ашлов. Всякий, кому удалось видеть этот уединенный уголок, конечно, долго будет его помнить.

Не доходя до, Казак-Кичу версты за две, авангард наш был встречен старшинами, которые просили помилования. Генерал простил их с тем, чтобы для ночлега войск очищены были сакли и дан был войскам хлеб и фураж. Деревня Казак-Кичу населена по большей части карабулаками и имеет до 150 домов. При ней удобный брод через Сунжу, и само название ее по-татарски значит "казачий брод".

20 февраля, переправясь вброд через Сунжу, весь отряд пошел в Грозную прямою и открытою дорогою по левому берегу Сунжи. Ночлег был в чеченской деревне Куллар, и 21-го в 11 часов утра все войска пришли в Грозную.

Погода изменилась: еще с 20 февраля сделалась оттепель и дорога начала портиться. По приходе войск в Грозную оттепель усилилась и начались дожди. Посему Ермолов отложил дальнейшие предприятия противу чеченцев до наступления весны. 22 февраля [он] отпустил в домы всех казаков, лошади которых от зимнего похода сильно изнурились; сам же, с пехотою и артиллерией, остался еще на несколько дней в Грозной. В продолжении этого времени беспрестанно являлись от разных чеченских селений старшины с покорностью и аманатами. Всем им объявлено прощение, и они отпущены в домы с кротким увещанием, а некоторые даже с небольшими подарками. По окончании этих дел Ермолов с оставшимися при нем войсками 28 февраля выступил за Терек и прибыл в тот же день в станицу Червленую. Пехота и артиллерия размещена по квартирам в этой станице и других, к ней ближайших.

Таким образом, зимний поход в Чечню был кончен. В продолжение его не было особенно важных случаев, не было кровопролитных сражений, не исключая даже дела под Чахтырами, которое должно считать случайным; но последствия этого похода были важны. Более двух третей всего населения чеченцев, против нас бунтовавших, покорились и дали аманатов, остальные оставались в страхе и невозможности вредить нам. Поражение под Чахтырами и потери, понесенные в других селениях, навели на них уныние и прекратили их единодушие. Ни одно нападение их на наши войска, ни одна попытка удержаться где-либо в укрепленных завалах и лесах, почитаемых ими неприступными, не была удачна. 20-дневное пребывание наших войск в самой середине Чечни и истребление их селений в ужасный зимний холод нанесли им еще больший удар. Во все это время принуждены они были, бросив домы, скрываться в лесах, жены и дети их гибнуть от холода и недостатка теплой одежды; скот пропадал от неимения корма, который был или взят, или истреблен нашими войсками. Словом, этот зимний поход до того укротил и ослабил чеченцев, что в самое смутное для нас время, во все продолжение персидской и турецкой войн,[63] они не только оставались покорными, но и не делали больших шалостей. И только в 1830 году, с появлением нового пророка, возбуждаемые, может быть, слабостью или

несправедливостями местных начальников, они начали новый бунт, опять стоивший нам много крови и нескольких бесславных поражений. [64]

Тягостен был этот поход и для наших войск, но они переносили его с удивительной бодростью духа и терпением…

Дождавшись желанного покоя, войска пробыли в Червленой и окрестностях около полутора месяца…

6 апреля генерал Ермолов с 6 ротами пехоты выступил в Грозную, 7-го пошли туда же и остальные войска, и 8-го все уже были на месте.

10 апреля весь отряд, состоящий из тех же войск, которые были в зимнем походе, кроме казаков, не возвратившихся еще из домов их, под начальством генерала Ермолова двинулся вверх по левому берегу Сунжи и, дойдя до Алхан-Юрта, покорной нам чеченской деревни, в 15 верстах от Грозной находящейся, там остановился.

Алхан-Юрт лежит на левом, высоком берегу реки Сунжи, которая имеет в этом месте около 30 саженей ширины, у нижней оконечности деревни делает крутой поворот вправо и образует небольшой полуостров. Противоположный берег низменный и был покрыт лесом, расчищенным было Грековым, но потом опять заросшим. Вправо от прежней просеки, шагах в ста, находится поросшее кустарником болото, протягивающееся вдоль речки Гихи, которая впадает в Сунжу несколько выше Алхан-Юрта; за просекой открывается в виде полукруга поляна, имеющая в поперечнике до 3 верст и примыкающая правой стороной к вышеозначенному болоту, а слева опушенная густым вековым лесом, соединяющимся с гойтинским. На крайнем конце этой поляны, к юго-востоку, находится деревня Курпали[101], которая занимает весь небольшой перешеек, между лесом и болотом находящийся.

Заняв лагерь немного выше Алхан-Юрта, войска наши приступили тотчас к переправе через Сунжу, на правом берегу которой из-за кустарников показывались изредка враждебные чеченцы. Две роты егерей на шести лодках (каюках) немедленно были перевезены на ту сторону и заняли берег без сопротивления. За ними посланы еще две роты егерей и батальон Ширванского полка. На каюках же перевезены и два горных единорога. Застывшие шагах в 300 от берега, за поваленными деревьями, чеченцы сделали несколько выстрелов, но тотчас же прогнаны нашими егерями без всякой потери.

Алхан-Юрт признается удобнейшим пунктом для поисков противу чеченских селений, находящихся между Сунжею и Аргуном, на юго-западной стороне гойтинского леса. Оттуда в продолжение одной ночи можно дойти безопасно до самых дальних деревень, на этой полосе расположенных, истребить их и с рассветом возвратиться назад. Опасный гойтинский лес остается влево. Несколько

[101] Вероятно Кулары.

узких перелесков, находящихся по дороге к Урус-Мартану и Гихам, нетрудно было расчистить, и генерал Ермолов приказал немедленно заняться этим делом.

11 апреля егеря, находившиеся на правом берегу Сунжи, подвинулись вперед, заняли поляну, за просекою влево от переправы находящуюся, и, выслав стрелков к деревне Курчали, засели в кладбище, близ деревни лежащем. Батальон же Ширванского полка принялся расчищать растущий на берегу Сунжи кустарник и лес. Чеченцы, забегая с разных сторон, целый день перестреливались с нашими егерями и ранили тяжело 1 рядового. К вечеру переправлен за Сунжу и другой батальон Ширванского полка.

12 апреля расчистка на ружейный выстрел леса у Сунжи кончена, в половине же первого часа пополудни и остальные войска у Алхан-Юрта, на левом берегу Сунжи находившиеся, кроме 2 рот пехоты, оставленных для охранения вагенбурга, также и артиллерия переправлены через реку на устроенном на каюках пароме и, соединясь с отрядом, находившемся близ Курчали, заняли, после нескольких пушечных выстрелов, эту деревню. Между тем число чеченцев возрастало приметным образом по опушке густого леса, обрезывающего с левой стороны курчалинскую долину, они растянулись почти на версту беспрерывной цепью; но артиллерия наша скоро заставила их спрятаться в лес. Осталось несколько человек храбрейших, которые продолжали безвредную перестрелку с нашими стрелками.

Влево от Курчали, саженях в 200, в дремучем лесу, находится другая деревня, называемая Лесной Курчали. Это был всегдашний приют злейших мошенников, и генерал приказал истребить его. Егеря наши бросились в лес и, пробежавши сажень 100, засели за поваленными деревьями на ружейный выстрел от крайних сакель, из-за которых чеченцы открыли самый сильный огонь. Взять эту деревню приступом стоило бы нам много людей, и потому пробовали зажечь ее гранатами из подвезенных в лес на людях двух единорогов; но густота леса и огромные деревья мешали орудиям действовать с успехом. Должно было прибегнуть к конгревовым ракетам, [65] и после нескольких попыток наконец удалось зажечь ими в двух или трех местах это разбойничье гнездо. Скоро пламя обхватило его со всех сторон, и через несколько часов осталась из него только куча золы и угля. После сего егеря наши вышли из леса и вывезли орудия, не будучи уже тревожимы неприятелем, и все войска расположились лагерем близ находящейся на чистой поляне деревни, огородясь в некоторых ближайших к лесу местах завалами из бревен. В этот день ранены 2 канонера, из которых один скоро умер, и один цирюльник.

13 апреля лагерь перенесли в самую деревню Курчали, откуда часть войск в этот день и два следующих посылана была для расчистки леса около этой деревни и перелеска далее за ней шириной сажень в 200, через который пролегает

дорога на большую гихинскую поляну. Все эти места были уже прорублены генералом Грековым, но потом опять заросли густым кустарником. В продолжение всех трех дней чеченцы по временам выказывались из леса и стреляли по цепи стрелков, ограждавшей солдат, находившихся в работе; но выстрелы их даже не ранили у нас ни одного человека, и стрелки наши не удостаивали их ответом. 13 же числа прибыл к отряду генерал майор Лаптев, [66] назначенный начальником левого фланга на место Грекова.

16-го, в 4 часа утра, весь отряд выступил к деревне Гихи и в 7 часов остановился при выходе из перелеска на гихинскую поляну, недалеко от деревни Гихин-Коши. Перелесок этот был также расчищен.

На гихинской поляне, вправо от деревни Гихин-Коши, есть болото, растягивающееся версты на полторы. За ним находится деревня Дауд-Юрт, которую предположено было истребить, но жители ее успели выслать старшин с изъявлением покорности и обещанием дать аманата. Генерал даровал им пощаду, и войска взяли направление на Гихи, куда пришли в 1-м часу пополудни. После небольшого отдыха часть отряда послана расчищать лес, примыкающий к левой стороне деревни. В продолжение всего дня слышно было несколько ружейных выстрелов, без всякого для нас вреда.

17 апреля. День этот был Страстная суббота, и генерал, желая, чтобы войска встретили предстоящий праздник радостно и безопасно, приказал отряду возвратиться в вагенбург при Алхан-Юрте. До деревни Курчали не было видно ни одного неприятеля. Деревня эта занята без сопротивления, и в ней оставлен в арьергарде один батальон Ширванского полка, прочие же войска, не останавливаясь, пошли к Алхан-Юрту и переправились через Сунжу, не будучи тревожимы чеченцами. Но когда арьергард наш тоже двинулся к переправе, чеченцы принялись за обыкновенную свою тактику и, собравшись довольно в значительные толпы, зачали забегать по перелескам вперед и завели сильную перестрелку. Когда же арьергард наш дошел до просеки, примыкающей к Сунже, и остановился для прикрытия переправы остававшихся еще на правом берегу нескольких повозок, около 300 человек неприятельской пехоты бросились стремительно вперед и, залегши за поваленными в этом месте огромными деревьями, не далее пистолетного выстрела от цепи наших стрелков, прикрытых таким же валежником, открыли сильный огонь. Потом через несколько минут с громким криком бросились с кинжалами и шашками в рукопашный бой. Стрелки наши, однако же, не смешались: резерв встретил чеченцев батальным огнем, и с противоположного берега Сунжи загремели пушки; ядра, ломая с треском деревья, прорезывали чеченцев сбоку, солдаты наши, закричав в один голос: "Ай да старик, - так они называли Ермолова, - не кинул нас без помощи!" - бросились в штыки - и неприятель опрокинут мгновенно. После чего перестрелка

час от часу ослабевала и к вечеру совсем прекратилась, и арьергард уже в сумерки переправился через Сунжу. В этот день ранено у нас смертельно 1 и легко 7 рядовых; контужено офицер 1, рядовых 2. У чеченцев, по дошедшим впоследствии времени сведениям, убито 5 и ранено, по большей части тяжело, 15 человек. Переправясь через Сунжу, войска наши заняли лагерь между Алхан-Юртом и находящимся выше этой деревни кладбищем.

Праздник Светлого Христова Воскресения проведен весело и без всякой тревоги. Чеченцы не показывались. Но на другой день, 19 апреля, часть отряда опять принялась за работу. Опыт показал, что чеченцы, при проходе войск через просеку за Сунжу, скрываясь за валежником, все еще могли вредить нам; и потому приказано было расширить просеку от болота влево на пушечный выстрел, порубленный кустарник стащить в кучи и сжечь, под старый валежник тоже подложить огня. К вечеру вся эта работа была уже кончена.

В этот же день явились в лагерь кизлярский предводитель дворянства и депутаты тамошнего городского общества с просьбою о позволении им угостить весь отряд в знак благодарности за охранение Кизляра от нападений горцев и за безопасность, которою они теперь пользуются. Действительно, жители Кизляра сохранением своим были обязаны только личному присутствию в Чечне генерала Ермолова с значительным числом войск. Известно было, что чеченцы давно уже затеяли напасть на этот богатый город, и, если бы они не были принуждены защищать самих себя и свои семейства, весьма вероятно, что кизлярцы не избежали бы той участи, а может быть, еще и худшей, какая постигла их через пять лет после. [67]

Генерал Ермолов с благосклонностью принял просьбу кизлярцев, и 20 апреля дан был ими для всего отряда пир, столько роскошный, сколько местность и обстоятельства позволили…

21 апреля генерал, поблагодарив и обласкав кизлярского предводителя и депутатов, отпустил их домой. В этот же день прибыли к отряду подполковники Петров и Ефимович с 450 линейными казаками и 280 конными мирными чеченцами; так что с прежде находившимися при отряде казаками составилось у нас конницы 830 человек.

Проливной дождь, начавшийся около полудня и продолжавшийся целые сутки, увеличил в Сунже массу воды до того, что она поднялась на несколько аршин выше обыкновенного ее уровня, и сообщение с правым берегом, на который с утра переправлена была часть войск, прекращено по приказу генерала Ермолова. Но 22 апреля один артиллерийский офицер, на том берегу находившийся, захотев повидаться со своими товарищами, несмотря на это запрещение, взял с собою десятка два солдат и покусился переправиться на левый берег на небольшом, устроенном на каюках пароме; на самой середине

реки набежал сильный шквал, волна залила паром, и ослушный офицер с 12 человеками солдат погибли…

Для спасения утопающих были приняты все возможные меры, но река так была быстра, что не могли даже отыскать там их (До этого только дня доведены ежедневные записки, найденные между старыми бумагами. Журнал же об остальной части чеченского похода не знаю, как и где мною затерян. Почему следующий рассказ составлен мною уже на память и по спискам с оставшихся у меня некоторых официальных бумаг).

Через сутки вода в Сунже упала и все войска, бывшие на левом берегу этой реки, стали переправляться на правый. 25 апреля весь отряд был уже в Чечне и с рассветом двинулся вперед к Урус-Мартану. Истребив эту деревню до основания, без потери с нашей стороны, Ермолов повел войска за Аргун и, перейдя его вброд у Большого Чеченя, в первых числах мая дошел до Гребенчука, который, как выше сказано, покорился и дал аманатов еще зимою.

Остановясь на бивуаках вблизи этой деревни, генерал вызвал к себе ее старшин, чтобы увериться в истинной их покорности, сказать им несколько ласковых слов и убедить в том, что собственная их польза заставляет их быть преданными России…

Отпустив довольно благосклонно гребенчукских старшин, Ермолов с отрядом оставался еще около суток на прежних бивуаках. В продолжении этого времени осмотрен лес по дороге к селению Чертою, через который предположено было сделать просеку.

4 мая рано утром войска двинулись к деревне Шали, до которой предположено довести просеку, и не в дальнем расстоянии от Гребенчука встретили чеченцев, засевших в завалах из толстых бревен в опушке небольшого перелеска. Авангард наш ударил в штыки и тотчас опрокинул чеченцев, которые перебежали в другой кустарник, саженях в ста далее по дороге в Шали находящийся. Между тем и сам генерал со всею свитою выехал из первого перелеска; но лишь только показался на чистое место, чеченцы вдруг сделали по нем залп более нежели из 20 ружей. Пули засвистали около нас - одна попала мне в седло (Пуля, попавшая в седло, после найдена и оказалась каменной. Так велик у чеченцев недостаток в свинце!), другая оцарапала легко плечо моему казаку, прочие пролетели мимо…

Не доходя до Шали, чеченцы высыпались опять, уже в большем числе, из находящегося впереди деревни кустарника и завели перестрелку с нашими казаками. Один из них, отдалясь от прочих шагов на сто вперед, с бранью и угрозами стрелял по нашим. Молодой 17-летний урядник кизлярского войска Алпатов захотел отличиться и бросился верхом во всю скачь на отважного неприятеля, но тот тоже не струсил и, подпустив к себе урядника шагов на 15,

сделал по нем выстрел. Лошадь урядника, сделав крутой поворот назад, упала мертвая, сам всадник был тяжело ранен и не мог приподняться с места. Чеченцы бросились к нему с шашками, казаки поспешили на помощь своему товарищу, и на несколько минут завязалось жаркое дело. Казаки успели, однако же, спасти урядника, и из них легко ранены два человека. Чеченцев тоже ранено несколько человек.

После этой стычки часть нашей пехоты была отправлена для истребления деревни Шали, а генерал с одним батальоном, всею почти конницею и 2 пушками пошел вверх по реке Джанке для осмотра местоположения. Между тем получено известие, что в близком расстоянии в лесу находятся чеченские кутаны (хутора) с значительным количеством съестных припасов. Генерал приказал истребить их и взять припасы. В кутанах найдено действительно много муки, пшена, масла, и в особенности меду, которым вдоволь пресытились наши казаки и солдаты. Но добыча эта обошлась нам не даром. В ничтожной перестрелке при выходе наших войск из леса ранен один солдат и убит наповал один из лучших офицеров нашего отряда и самый красивый мужчина, какого мне случалось видеть, поручик Борейша. [68]

Это была последняя с нашей стороны потеря. Войска, поворотив от Шали назад, не встречали уже нигде никакого сопротивления. С 12 по 17 мая весь отряд был занят рубкой огромной просеки от селения Чертой мимо Гребенчука до шалинского поля и по окончании этой трудной работы возвратились за Терек. В конце мая мы прибыли в Екатериноград и, выехав оттуда около 24 июня, 1 июля были уже в Тифлисе.

Весенний поход в Чечню, как из самого хода происшествий можно заметить, был предпринят с тою только целью, чтобы расчистить дороги в середину чеченских земель и обезопасить проход наших войск при будущих предприятиях… и чеченцам не оставалось бы ничего другого, как сделаться всегдашними верными подданными России, или, бросив занимаемые ими теперь земли, рассеяться между другими горцами, или же, наконец, быть совершенно истребленными, так, что существование чеченского народа на Кавказе осталось бы только преданием народным…

И так Ермолов, по необходимости, должен был принять сам команду над войсками для действия против чеченцев. Ни личная опасность, равная в делах противу горцев, для главного начальника и простого офицера, ни сильный ревматизм, которым страдал он в это время, ни лишения удобства и даже необходимых потребностей, которые он переносил наравне с другими, не удержали его от того, что он считал своим долгом… Но скажут, может быть, что цель всех предприятий Ермолова противу чеченцев не достигнута, через пять лет они опять возмутились, нанесли нам много вреда и теперь еще остаются

непокорными; а разве мало того, что чеченцы ускромлены были на целые пять лет? И не доказывает ли это, что если бы Ермолов имел время окончить начатое, то чеченский народ или остался навсегда нам покорным, или был бы уничтожен?

17 лет прошло с того времени, как Ермолов оставил Кавказ, но имя его все еще раздается в горах и как грозный призрак преследует враждебных горцев. И теперь еще чеченка, унимая расплакавшегося дитя, прижимает его к своей груди и шепчет: "Молчи, идет Ермолов".

Публикация и примечания Б. П. Миловидова

Комментарии

1 Гюльденштедт Иоганн-Антон (1741 - 1781) - немецкий врач и естествоиспытатель, академик, в 1768 - 1775 гг. по поручению Академии наук совершил обширное путешествие по юго-востоку Европейской России и Кавказу. Основнаяработа "Geographische, historische und statistische Nachrichten von der neuen Graenzlinie des Russischet Reichs..." опубликованав "St. Petersburgische Journal" (№ 7, 1779). На русском языке существует систематизированное извлечение из описания путешествия Гюльденштедта, сделанное академиком К. Ф. Германом: "Географическое и статистическое описание Грузии и Кавказа, из путешествия академика И. А. Гильденштедта... в 1770, 1772, 1773 и 1774 гг." (СПб., 1809).

2 По подсчетам современного исследователя В.М. Кабузана численность чеченцев на начало 30-х гг. XIX в. составляла 190 тыс. чел. (Кабузан В. М. Население Северного Кавказа в XIX-XX веках. СПб., 1996. С. 175).

3 16 градусов по Цельсию; 1 градус по Цельсию равен 1,25 градуса по Реомюру.

4 Скорбут - цинга.

5 В 1822 г. Кавказская губерния с центром в Георгиевске была преобразована в Кавказскую область с центром в Ставрополе.

6 Броневский Семен Михайлович (1763 - 1830) - офицер, участник Персидского похода 1796 г., с 1801 г. на гражданской службе, был правителем дел канцелярии главноначальствующего при П.Д. Цицианове и И.В. Гудовиче. Основная работа: "Новейшие известия о Кавказе, собранные и пополненные С. Броневским" (М., 1823).

7 То есть сунниты; Омар - второй халиф, избранный после смерти Магомета.

8 Ермолов Алексей Петрович (1777 - 1861) - участник Персидского похода 1796 г., участник войн с Францией 1805 - 1807 гг., в 1812 г. был назначен начальником Главного штаба 1-й Западной армии, в 1816 по 1827 г. главноуправляющий в Грузии и командующий Отдельным Грузинским (с 1820

Кавказским) корпусом, с 1818 г. генерал от инфантерии, в 1831 г. назначен членом Государственного совета, в 1833 г. переименован в генералы от артиллерии; во время Крымской войны избран начальником ополчений в семи губерниях.

10 Рукомесла - ремесла *(уст.).*

11 В 1722 г. в условиях острого политического кризиса в Иране Петр I предпринял поход в Дагестан. 23 августа русские войска овладели без боя Дербентом, однако далее не продвинулись. Прекращение похода объяснялось большими потерями в обозе, губительным действием климата, бурной реакцией Турции, а также несогласованностью действий союзных России грузинских и армянских войск…

12 Казачество на Тереке появляется в XVI в., в XVII в. складывается единое терско-гребенское казачество и лишь позднее разделяется на Терское и Гребенское войско (Козлов С. А. Кавказ в судьбах казачества (XVI-XVIII вв.) СПб., 2002, с. 21). При Петре, для того чтобы поставить кавказских казаков под контроль правительства, предпринимались попытки переселения в гребенские городки донских казаков - "верных донцов" (там же, с. 58), однако большого успеха они не имели. Поставить под контроль Гребенское казачье войско правительству удалось только в середине XVIII в., когда оно было объединено с Терским семейным войском (по указу 1745 г., там же, с. 69).

13 Медем де Иван - генерал-майор (с 1763), генерал-поручик (с 1774); в 1769 - 1780 гг. военный начальник Моздокской линии…

15 Экспедиция под командованием Пиери состоялась в [6 июля]1785 г.

16 Пиери(й) Николай Юрьевич (ум. 1785) - полковник (с 1779), командир Астраханского пехотного полка.

17 Речь идет о движении горцев, во главе которых под знаменем ислама выступал Ушурма (шейх Мансур), уроженец чеченского селения Алды. Первые сведения о выступлении Ушурмы были получены в марте 1785 г. После разгрома отряда Пиери, развивая успех, Ушурма осадил Кизляр, но взять его не удалось, после чего Ушурма развернул деятельность среди кумыков, ногайцев и кабардинцев…

20 Автор ошибается. Шейх Мансур осадил не Наур, а Кизляр. Геройская оборона Наура от войск крымских татар и горцев происходила в 1774 г.

21 Гудович Иван Васильевич (1741 - 1820) - граф (с 1797), … генерал-поручик (с 1777),… в 1790 произведен в генерал-аншефы и назначен командующим войсками на Кавказской линии (Кавказским корпусом) и Кубанским корпусом. Командовал войсками на Кавказской линии до 1798 г. (с перерывом в 1796 г.); в 1806 - 1809 гг. главнокомандующий войсками на Кавказской линии и в Грузии; …

22 Автор ошибается. Анапа была взята в 1791 г. Сведения о смерти Ушурмы в Соловецком монастыре являются легендарными… После пленения Ушурму отправили в Петербург, где над ним производилось следствие… был закован "в железо" и в таком виде отправлен в Шлиссельбургскую крепость "на безысходное в ней пребывание". 13 апреля 1794 г. комендант Шлиссельбургской крепости сообщил о болезни и смерти Ушурмы. (Смирнов Н. Шейх-Мансур и его турецкие вдохновители // Вопросы истории. 1950. № 10. С. 37).

23 Обычно в литературе относят поход Булгакова против чеченцев, занятие им Ханкале и покорение селений Атаги и Гихи к 1807 г. (См.: Потто В. Кавказская война в отдельных очерках, дневниках, легендах и биографиях. Т. 1. СПб., 1887. С. 701; Русский биографический словарь. Т. Бетанкур-Бякстер. СПб., 1908. С. 467; Зубов Пл. Подвиги русских воинов в странах кавказских. Т. 1. Ч. 2. СПб., 1835. С. 33 - 34).

24 Булгаков Сергей Алексеевич (ум. 1824) - генерал-майор (с 1789), в 1790 г. участвовал в экспедиции против Батал-паши, в 1791 г. участвовал в штурме Анапы (именно ему сдался Мансур), позднее генерал от инфантерии (с 1801), с августа 1806 по 1811 г. командующий войсками на Кавказской линии и начальник 19-й пехотной дивизии.

25 Портнягин Семен Андреевич (1764 - 1827) - с 1800 г. генерал-майор, с 1803 г. на Кавказе; в 1812 - 1814 гг. был командующим войсками Кавказской линии и начальником 19-й пехотной дивизии; …

26 До 1820 г. корпус назывался Отдельным Грузинским.

27 Гюлистанский мирный договор (1813) завершил русско-персидскую войну 1804 - 1813 гг. Согласно ему Персия признавала все приобретения России в Закавказье (Дагестана, Грузии, Мингрелии, Имеретии, Гурии, Абхазии, а также ханств Бакинского, Карабахского, Гянджинского, Ширванского, Шекинского, Дербентского, Кубинского и Талышинского), а также исключительное право России иметь флот в Каспийском море…

30 Лидером движения чеченцев в 1820-х гг. стал Бейбулат Таймазов, уроженец села Майортуп, один из авторитетных людей в Большой Чечне, который ранее сотрудничал с российскими властями. Однако генерал-майор Н. В. Греков, назначенный командовать войсками левого фланга Кавказской линии оскорбительно обошелся с ним, в результате чего Бейбулат стал противником русских. Греков даже готовил покушение на Бейбулата - подсылал убийц, которые должны были взорвать в его сакле мешок с порохом. Кроме того, важную роль в восстании сыграл поселившийся в Майортупе мулла Магомед, проповедовавший, что скоро придет пророк, который сбросит иго неверных. Вскоре появился и сам пророк - некий юродивый Авко из села Гременчуг (по другим данным Яух), которого приискал на эту роль Бейбулат.

31 Амир-Аджи-Юрт был взят в ночь на 8 июля 1825 г.

32 После взятия Амир-Аджи-Юрта горцы двинулись к Герзель-Аулу и 11 июля 1825 г. начали блокаду этого укрепления; подошедшие войска Лисаневича и Грекова сняли блокаду 15 июля.

33 Лисаневич Дмитрий Тихонович (1778 - 1825) - участник Персидского похода 1796 г., русско-персидской (1804 - 1813) и русско-турецкой (1806 - 1812) войн, генерал-майор (с 1810), с 1824 г. командующий войсками Кавказской линии; убит 16 июля 1825 г. вместе с Н. В. Грековым.

34 Мусса Хасаев - кумыкский князь, майор, затем полковник русской службы, был главным кумыкским приставом еще в 1839 г.

35 Убийство Лисаневича и Грекова произошло 16 июля 1825 г. …

40 Речь идет о поездке на юг императора Александра I, во время которой он и умер 19 ноября 1825 г. в Таганроге…

46 Автор ошибается в дате. Офицер Н. В. Шимановский указывает в мемуарах, что известие о присяге Николаю I было доставлено не под Новый год, а под Рождество, 25 декабря… Ермолов называет в записках тоже другую дату - 26 декабря (Записки А. П. Ермолова. 1798 - 1826. М., 1991. С. 418).

47 Терское Семейное войско было образовано в 1735 г. из остатков Аграханского войска. Семейными казаки назывались потому, что они получали пособие на вдов и сирот казаков, погибших во время службы.

48 Талызин Иван Дмитриевич (ум. 1844) - капитан, адъютант Ермолова;…

49 48 градусов по Цельсию.

50 Дибич-Забалканский Иван Иванович (1785 - 1831) - генерал-фельдмаршал (с 1829), с 1823 г. начальник Главного штаба и с 1824 г. управляющий квартирмейстерской частью.

51 Грибоедов был арестован в Грозной 23 января 1826 г. по подозрению в причастности к тайному обществу и, как известно, был оправдан. М. В. Нечкина объясняет это особым отношением Николая I к Ермолову, в окружение которого входил писатель… (Нечкина М. В. Следственное дело А. С. Грибоедова. М., 1982. С. 90).

53 Петров - подполковник, командир Моздокского казачьего полка, с 1826 г. атаман Астраханского казачьего войска.

54 Вагенбург - оборонительное сооружение из повозок или обозного транспорта в форме каре, полукруга или круга, используемое как опорный пункт.

55 Ермолов Сергей Николаевич - поручик Гвардейского генерального штаба.

56 Архалук - род короткого кафтана.

57 Ковалев - подполковник, командир Ширванского пехотного полка.

58 Ефимович (ум. 1831) - в 1819 г. майор, командир Гребенского казачьего полка (с 1819), в 1826 г. подполковник, позднее полковник.

59 Аманаты - заложники.

60 Правильно: Ставноколь.

61 Волжинский - подполковник Ширванского пехотного полка.

62 Скалой - майор 43-го егерского полка.

63 Речь идет о русско-персидской войне 1826 - 1828 гг. и русско-турецкой войне 1828 - 1829 гг.

64 Речь идет о начале нового этапа в движении горцев Чечни и Дагестана, который был связан с именем первого имама Кази-муллы [Гази-Магомед].

65 Конгревовы ракеты - зажигательные ракеты, изобретенные английским инженером В. Конгрейвом, впервые примененные в 1806 г.

66 Лаптев Николай Иванович - начал службу в 1797 г., генерал-майор (с 1826), командир 2-й бригады 22-й пехотной дивизии и с 1825 г. начальник левого фланга Кавказской линии.

67 Речь идет о нападении горцев под руководством Кази-муллы на Кизляр в 1831 г.

68 Борейша - поручик 41-го егерского полка.

Текст воспроизведен с нашими сокращениями по изданию: Сахно-Устимович П.М. Описание чеченского похода 1826 г. / вступ. заметка и прим. Б. П. Миловидова // «Звезда», № 10, 2006. С. 145-179.

Первоисточник: РГАДА. Ф. 1406. Оп. 1. Д. 294. Л.1-44об.

Приложение.

Опись чеченским деревням, с показанием сколько в каждой находилось домов. Составлена в начале 1826 года[1].

№Название деревень	Число домов
<u>По Сунже.</u>	
1.Казак-Кичу, с двумя аулами Албуру и Кош	100
2.Самаш-юрт	150
3.Галай-Юрт, или Малый Куллар	80
4.Закан-юрт	60
5.Куллар	250
6.Алхан-Юрт	30

7.Капо-юрт	10
8.Кахан-Юрт	12
9.Лулу-Юрт	17
10.Амархан-Кичу	70
11.Кули-Юрт	30
12.Сунжи-Юрт	120
13.Хачихи-Юрт	160
14.Чертухай-Юрт	60
	1149

По Оссе.

15.Галашки	100
16.Теле-Нага	16
17.Верге-Нага	50
18.Цовлета	10
19.Маши-Юрт	40
20.Джарга-Юрт	16
21.Тачу-Алай	30
22.Ики-Алай	60
23.Ерзи-Алай	20
24.Большой Чемухлой	60
25.Малый Чемухлой	10
26.Большие Чельчихи	60
27.Малые Чельчихи	30
28.Ах-Барзой	60

562

По речке Черной Ашлов.

29.Ашлов (Ашхой?)	70

По Арштуй-Мартан (Форганга)

30.Гази-Юрт	20
31.Баташ-Юрт	17
32.Даут-Мартан	40
33.Ала-Ерзов	50
	127

По речке Унтех*(*Возможно Нитхой? – Прим., сост.).

34.Музи-Юрт	18
35.Галга-Юрт	20

38

По Валерику.

36.Шалажи	70
37.Валерик	30
38.Катер-Юрт	40
39.Арсан-Гирей-Юрт	40
40.Дзулга-Юрт	18
	198

По Гихе.

41.Нурков	100
42.Гихи	200
43.Бижи-Юрт	18
44.Дихин-Кашу	20
45.Курчали	60

398

По Рошне.

46. 4 деревни Рошни	100

По Урус-Мартану.

47.Урус-Мартан	90
48.Джарга-Юрт	30
	120

По Гойте.

49.Чиж-Нахей-Гойта	100
50.Гойта-Алхозур	80
51.Гелен-Юрт	90
52.Альды, с двумя аулами Беной и Гуной	200
53.Гуцырь-Юрт	30
54.Бугун-Юрт	18

518

По р. Енгелик.

55.Енгелик	70

По Аргуну.

56.Глачу-Барзой*(* Скорее Дачу-Барзой). 40
57.Узинин-Юрт 50
58.Чахкари 80
59.Большая Атага 250
60.Малая Атага 100
61.Ставно Коль 30
62.Белгатой 50
63.Большой Чечен 100
64.Тепли 40
65.Курдали 60
800

По р. Джалке.

66.Люмик-Юрт 40
67.Шали 200
68.Гребенчук 300
69.Чермой 70
70.Мискар 80
71.Алготов-Юрт 30
720

По р. Холхалу* (*Хулхулау).

72.Аутур-Юрт 90
73.Гильдиген 100
74.Майюртуп 300
490

По р. Кмочек[2]** (**Вероятно, Моачиг/Мичиг) малой.

75. Сайтка (?)-Юрт 90

Итого –5450

По Тереку.

76.Иналова 245
77.Умгаева*** (***Предположительное прочтение) 60
78.Алхасова 94
79.Дада-Юрт, он же Мурдарово 166
80.Еман Суловское 65
81. Старо Наурское 24

82. Наурское 90
83.Киевоко**** (****Видимо Кей-Юрт) 40
84.Новый Юрт 105
85.Брагунское 469

При Горячем источнике.
86.Старый Юрт 468

Близ Нефтеным Колодезей.
87.Мамакаево 66
Итого–18 дв. *(*Так в тексте. В реальности 1892 двора).
Всего дв. – 7346.

Примечания:

1.Все деревни показаны в том порядке, как они расположены по течению речек, сверху вниз.

2. Деревни находящиеся на Мочике и по хребту горы к Аксаю, также Качкалыки, не показаны по неизвестности числа домов.

Текст воспроизведен по изданию: Мурдалов М.М. Чеченцы: быт, культура, нравы, обычаи, религия. Кавказская война. XIX век / Сост. М. М. Мурдалов — Грозный: «Издательские решения», 2022. С. 45-47.

Первоисточник: РГАДА. Ф. 1406. Оп. 1. Д. 294. Л. 45-45 об. (Документ был любезно предоставлен составителю М.М. Мурдаловым).

* * *

Р. Ф. РОЗЕН.
ОПИСАНИЕ ЧЕЧНИ И ДАГЕСТАНА 1830 г.

Розен Роман (Роберт) Федорович (1782–1848), барон, участник Отечественной войны 1812 г., участник русско-турецкой войны 1828–1829 гг., генерал-майор. С 1830 г. на Кавказе – начальник Левого фланга Кавказской линии и командир 21-й пехотной дивизии; с 1831 г. являлся начальником Джаро-Белоканского округа в Закавказье.

Служебная записка «Описание Чечни и Дагестана» вероятно была написана в 1830 г. Впервые опубликована в 1940 г.[102] Второй раз документ был опубликован в сборнике материалов «История, география и этнография Дагестана XVIII–XIX вв.», изданном в 1958 г. под редакцией М.О. Косвена и Х.-М.О. Хашаева[103]. Представляет собой заверенную копию из РГВИА (Ф. ВУА. Д. 18502. Л. 1–19), которая была названа при издании так: «Описание Чечни и Дагестана. 1830 г.»[104].

Издатели источника - М.О. Косвен и Х.-М.О. Хашаев отметили в своих комментариях: «Является ли Розен действительным автором настоящего описания – более чем сомнительно. Вероятно, автор – один из офицеров Генерального штаба, состоящий при штабе Левого фланга Кавказской линии или лично при Розене»[105].

В приводимом документе по публикации 1958 г. , как и во многих других официозах того времени, отчетливо проходит резкая граница в оценках горских народов по степени их «покорности» и «непокорности» - первые характеризуются положительно, вторые проходят как «закоренелые» в грабежах и разбоях. Фактические данные представляют научный интерес и в настоящее время. В текст внесены некоторые сокращения за счет материалов, не относящихся к Чечне.

* * *

[102]Материалы по истории Дагестана и Чечни (первая половина XIX века) Т. III. Ч. 1. 1801-1833. /Под ред. С Бушуева и Р. Магомедова. -Махачкала: Дагест. гос. изд-во, 1940. С. 233-247.

[103] История, география и этнография Дагестана XVIII-XIX вв. Архивные материалы / Под ред.: М. О. Косвена отв. ред. и Х. М. Хашаева. М.: Изд.-во восточной литературы. 1958. С.281-292.

[104]Алиев Б.Г. Генерал Р.Ф. Розен об Аварском ханстве // Вестник Института ИАЭ ДФИЦ РАН. №2. 2017. С. 45.

[105] История, география и этнография Дагестана XVIII-XIX вв. Архивные материалы. С.292.

РОЗЕН Р.Ф. ОПИСАНИЕ ЧЕЧНИ И ДАГЕСТАНА 1830 г.

Описание народов, принадлежащих правлению начальника войск Левого фланга Кавказской линии и соседственных, покорных и непокорных*[1, 2, 3]

(*Примечания, обозначенные цифрами полужирным шрифтомп принадлежат издателям текста)

Племена, обитающие на пространстве земли между Владикавказом до Каспийского моря, Черным хребтом гор до реки Терека под управлением командующего войсками на Левом фланге Кавказской линии, суть следующие: аварцы, гумбетовцы, салатовцы, кумыки и чеченцы; сии последние разделяются еще на общества под именем собственно чеченцов, или мечигизов, качкалыков, мечиковцов, ауховцов и карабулак, составляя части: покорных, непокорных, горных и живущих на плоскости.

Чеченцы, поселенные на Тереке, составляют образованнейшую часть всей Чечни. Управляются князьями, коим довольно послушны. Содержат кордоны по правому берегу Терека, исполняют беспрекословно повинности, на них возлагаемые, с единоплеменными вступают в бой, когда присоединены к русским войскам, и почти готовы к принятию образования линейных казаков. Другой род мирных чеченцов заселяет плоскости по обеим сторонам реки Сунжи и многих других вытекающих из гор рек, впадающих или в Сунжу или в Терек. Сии последние состоят из карабулак, чеченцов, качкалык и аухов, и хотя оне также разделены начальством под управление разных владельцев., живущих на Тереке, но, быв вблизи непокорных и жительствуя хотя и на плоскости, но в местах лесных, которые считают неприступными убежищами, весьма слабо повинуются, при малейшем случае не упущают помогать непокорным партиям в грабежах, Занимаясь таковыми весьма нередко и сами. Непокорные живут большей частью в местах гористых, покрытых дремучим лесом, между скал и глубокими оврагами.

Все сии четыре поименованные общества, имея один язык, не различествуя в характерах, господствующих наклонностям обычаях, нравах, законах и вере, безсомненно принадлежат одному племени под названием чеченцов известным. Число жителей мужеска пола, покорных и непокорных примерно, по собранным сведениям, полагать можно до 35 000 душ, в сем числе покорных правительству до 22 000 душ. Число вооруженных простирается: покорных до 9000 человек и более, непокорных до 7000; конных в том числе более половины[106].

[106] Численность чеченцев к 30-м гг. XIX в. известный этнограф Н.Г. Волкова в 1968 г. рассчитывала в пределах от 110-120 тыс. до 218 тыс. человек; современные исследователи

Сражаются вообще в закрытых местах упорно, умеют весьма пользоваться местными удобствами, искусно располагают засадами, неосторожности малейшие замечают и мгновенно ими пользуются. В особенности при возвращении войск дерзко преследуют; напротив того, в открытых местах не могут противиться, хотя бы и более числом были нападающих, и часто при появлении в таковых местах войск вовсе не показываются. При наступательных на них действиях обыкновенно стараются жен, детей и имущество из деревень удалять в глубину лесов; сами же вооруженные остаются для защиты весьма неупорно пустых домов своих. Обороны сего народа состоят из бревенных завалов, удобно пушечными выстрелами разбиваемых, из сырого кирпича башен или тоже бревенных, в коих помещаться может от 10 и до 30 человек, или же небольших канав с плетневою оградою. Башни не во всякой находятся деревне, а где есть они, то не более в каждой от 2-х до 8-ми, разбросанных по всей деревне.

Дома построены большей частью из сырого кирпича, довольно толстостенные, или же турлучные (плетневые, толсто обмазанные глиной) и покрытые землей, имея каждый по несколько бойниц; удобны довольно для защиты. При нечайных нападениях, когда семейства с имуществом не успеют удалиться, защищаются упорно, и всегда взятие деревни приступом составит потерю людей довольно значительную. Устроение домов горных чеченцов составляет только ту разницу, что оные строются вместо сырого кирпича из дикого камня, равно и обороны те же, но только каменные без извести и даже редко связаны глиною. Домашнее обзаведение чрезвычайно скудное, нуждаясь даже в самых необходимостях для жизни. Имеющий две пары быков, одну или две коровы причитается к числу зажиточных; недостаток в одежде крайне виден; обоего пола дети до взрослого почти возраста ходят без рубашек.

Промысел состоит в хлебопашестве, скотоводстве и пчеловодстве, но весьма в малом количестве не только у живущих в горах, но и у тех, кои заселяют весьма привольные места, имея всю удобность к значительным хозяйственным занятиям. Небольшая часть пшеницы, проса, ячмень составляют их посевы; также кукуруза, легко произрастающая и в лесистых местах, не требуя особенной обработки земли, без которой претерпевали бы голод ежегодно. Ежедневную пищу составляет хлеб, приготовляемый из просяной муки, смешанной с частью пшеничной, пресный, вкуса весьма неприятного, и пшена, вареного в воде, обжариваемого изредка в бараньем сале, огородных растений: лука, черемши,

---

склоняются к цифре 220-240 тыс. человек в горной и равнинной зонах страны накануне развертывания полномасштабной Кавказской войны. – См.: Волкова Н. Г. Динамика численности вайнахских народов до XX века // Археолого-этнографический сборник Т. 2. Грозный, 1968. С. 116-118; Ахмадов Я.З., Хасмагомадов Э.Х. История Чечни в XIX-XX веках. М.: Пульс, 2005. С. 25-27; и др. – Здесь и далее примечания не выделенные полужирным шрифтом принадлежат составителю.

чеснока, и фруктов: яблок, груш, дуль, которых часть сухими запасают впрок. Вообще в употреблении пищи чеченцы воздержны и могут довольствоваться весьма умеренными средствами. В сей общей промышленности всех чеченцов различествуют живущие на Тереке и на равнинах по реке Сунже и Аргуне, несколько более занимаясь хлебопашеством, скотоводством, рукоделием, и вообще живут изобильнее. Торговля лесом, сукнами, звериною ловлей доставляет средства к содержанию семейств и даже на некоторые вещи, к выгодам жизни и роскоши принадлежащие.

Господствующие наклонности — к воровству, грабительству и праздности; характер воинственный, непостоянный и недоверчивый, полудикое состояние и ненависть к христианским народам, внушаемая исламизмом, порабощают все их способы к благосостоянию, хотя природа ни в чем им не отказала, и суть единственными причинами нерасположения к промышленности, а оттого и бедности. Не зная другого управления, кроме собственной воли, и не будучи воздерживаемы в своих буйных порывах никакой властью в гражданском быту, легко возмущаются, нарушают даваемые присяги и условия; общественные связи и родственные даже не уважаются, участь ближнего не трогает, доказательством чему служат: скорая решимость возмущаться или следовать на воровство, не дорожа нимало своими аманатами и не заботясь, какая участь за нарушение покорности постигнет их. Не было примеру, чтобы нахождение аманатов в руках правительства удержало в каком-либо неприязненном предприятии народ сей.

Расположение к правительству российскому в народе сем вовсе не существует, некоторые лица, кои слывут под именем приверженцов, не что иное, как особенного рода промышленники, здешнему только народу принадлежащие, которые, сообщаясь свободно с русскими и непокорными народами, служат сим последним поставщиками нужных припасов и торговыми оборотами доставляют себе выгоду, имея таковую же чрез продажу нам полуправдоподобных известий о намерениях хищного народа, ибо даром и из одной преданности никто не дерзал еще из них служить правительству. Преданности другого рода не существует.

Из всего обитающего чеченского племени на пространстве, выше сего изложенном, мечиковцы, или мечигизы, более всех известны неукротимой ненавистью, зверством и до совершенства доведеным искусством в воровстве, грабеже и убийствах. Горсть с его народа, живущего в разбросанных небольших частых деревнях по речке Мичику на северо-западной покатости одной из отраслей Главного хребта, оканчивающейся у самой реки Терека, лишает жителей, поселенных на левом берегу оной, хозяйственных занятий, скотоводства, вынуждая ухищренными разбоями всякую минуту быть вооруженными и быть готовыми или на отражение сих хищников, или для поисков их. Лесистое по обеим сторонам реки местоположение способствует

укрываться мелкими шайками и из-под кустов нападать на проезжих, а близость жилищ в местах, в которые до сего времени войска еще не проникали, увеличивают дерзость и дают всю возможность увлекать добычи без наказания; и ежели до сего времени не могут быть прекращены злодейства и в соседственных сему народу жителях, то бессомненно поводом сему служит народ сей, представляя убийцам и ворам близкое и верное убежище в местах своих.

Пути, по которым можно проникнуть к непокорным деревням, живущим на плоскости, везде возможны, с расчищением лесов и устроением мостов по канавам, по которым пропускается вода для напоения полей (что весьма незатруднительно); одни густые леса составляют естественную преграду и дают удобность жителям укрываться в оных с семействами, и при нападении на них в сих убежищах составят довольно значительную потерю в людях. Сверх того, хищники, имея правилом никогда со многими семьями в одном месте не укрываться, а малыми весьма частями по различным местам в обширных своих лесах, чрезвычайно утомят войска поисками, может быть, и безуспешными; и потому опытами дознано, что ведение войны против сих хищных народов в зимнее время или в осеннее, когда начнутся морозы и опадет лист древесный, гораздо удобнее, доставляя еще и ту выгоду, что семейства, не в состоянии будучи с детьми во время холода проживать в лесах без продовольствия, которым запасаться не в состоянии, принуждены бывают без пролития крови искать спасения в великодушии начальства; а также и розыск их убежищ несравненно легче и не сопряжен с теми невыгодами, которые в летнее время представляют густота лесов, высокие травы и возможность проживать укрывающимся без затруднений.

Горные чеченцы, соседственные описанным выше, известные под именем ичкеринцов и чабуртлы, быв совершенно сходны в нравах, обычаях, законах, вере, характере и управлении, превосходят в зверстве, бедности и безначалии; у сих право сильного в полной мере существует, и собственность каждого ограждается или известной решительностью в боях, или же многочисленностью родства. Кровоотмщение, продолжающееся до позднейших поколений, удерживает также иногда от убийств между собой.

Ичкеринцы. Составляют особенное общество, имеющее около 5000 душ мужеска пола жителей, живущих разбросанными во множестве маленькими деревушками. Число вооруженных простирается до 2000 человек, в числе коих больше половины конных. Для обороны себя собираться могут не далее двух суток. Дома, обороны, обзаведение домашнее совершенно сходны с чеченцами, живущими на плоскостях. Овцеводство, скотоводство, а особенно пчеловодство ичкеринцов изобильнее. Торговля их состоит из продажи воска, меда и бурок андийцам и мирным чеченцам весьма не в значительном количестве.

Ичкеринцы дали начало всем чеченцам, поселенным ныне по Сунже и другим рекам на равнинах, и сии последние, буде бы лишались по какому случаю земель своих, имеют право неоспоримое на земли, предками их обитаемые, в чем ни в каком случае не отказывают им горные жители для поддержания между собой связей; равномерно, недовольные разбирательствами своих местных стариков в делах тяжбенных отдаются на суд ичкеринских и по решению сих стариков беспрекословно исполняют, ежели не прибегнут к оружию; сие последнее средство при распрях употребительнее всех других.

Ичкеринцы заселяют землю гористую, покрытую сплошными лесами и топкую от множества ключей и родников, почти на всяком шагу открывающихся.

Дороги к деревням ичкеринским идут: 1-я, от Старого Аксая по реке Аксае, 2-я, от крепости Внезапной, 3-я, от крепости Грозной чрез Гребенчик, чеченскую мирную деревню; до некоторого расстояния все дороги удобны для обозов, исключая только то, что они узки и лесисты; но с приближением к месту жилищ их дороги делаются даже мало удобными для верховой езды; беспрерывные горы, овраги, пропасти, топкие места чрезвычайно затрудняют ездока и, чем более сближается к главному их селению Баяну, становятся хуже; должно оставить во многих местах лошадь, с осторожностью пробираясь по узким тропинкам пешком. Грунт земли для разработки дорог удобен, составляя во многих местах сначала чернозем, а после мелкий камень с песком и глиной; от Баяна до окрестных деревень ичкеринских и далее до Хунзака в Аварию дорога делается хуже, горы возвышенные, скалистые и непроходимы для обозов; с трудом по тропинкам пеший один проходит, имея с вострыми шипами башмаки; несколько часов езды по дороге сей между деревнями Тлох и Саюк особенно путь труден и неудобен, кроме как пешему, привыкшему к гористым сим местам.

Чабуртлы. Общество племени чеченского, как выше сего сказано, соседственное с ичкеринцами и Андиею, сходствующие во всех отношениях с прочими чеченцами, лежит от ичкеринского поселения к юго-востоку по направлению к среднему рукаву реки Койсу, имея Андию и дорогу, ведущую из Баяна в Аварию, к западу; отстоит от Баяна, как средины поселения ичкеринского, на два дня ходу. Народонаселение состоит из 3000 душ жителей мужеска пола, в состоянии дать хорошо вооруженных до 800 человек, в коих число конных весьма незначительно. Изобилует пастбищами, местами как для летнего, равно и зимнего времени, для овцеводства способными, коих разводят довольно; хлебопашество, как вообще у всех горцев, незначительно. Питаются хлебом ячменной муки и особенным родом пшеницы, сходствующей с так называемой в России полбою.

Из шерсти овец их выделываются на домашний обиход довольно изрядные сукны, остальная шерсть обращена на приготовление бурок, которые продаются в

небольшом числе андийцам и соседним другим народам, кои ближе сношениями своими или к Грузии, или к Кумыкскому владению. Пчеловодство изрядное. Вблизи одной их деревни, Хаду, находится озеро сего же имени, имеющее в окружности до 10 верст, неизмеримой глубины, вода отменно хорошего вкуса. Жители Чабуртлы, как и все прочие чеченского племени, разнящиеся с другими племенами горскими, не имеют никаких с ними связей, ни политических, ни даже родственных. В случае нападений на них защищаются в своих местах; по приглашению соседей ходят и к ним на помощь, но не усердно и не иначе, как за награды, ибо корыстолюбие во всех горцах, в особенности чеченцах, есть одна из сильнейших страстей, ими обладающих. Между одноплеменными в мирное время хотя и мало есть сообщений, связующих все сии общества, и совершенно одно от другого независимо, но в военное соединяются и действуют для защиты своей обще.

Принимая в соображение, что из давних лет постоянное старание правительства о укрощении зверского нрава чеченцов ласковым с ними обращением, кротостью и наградами не имело, к несчастью, никакого успеха и что народ сей продолжает убийства и грабежи с прежнею силою, разоряя до крайности не только поселения наши на левом берегу Терека, но даже и своих единоверцов кумык и нагайцев, — полагаю, что для доставления совершенного спокойствия краю непокорных, обитающих под именами мечигизов и мечиковцов, качкалык, карабулак, заселяющих плоскости по рекам Сунже, Аргуне, Мечику и прочих, необходимость требует принудить силою оружия к покорности, заставив их поселиться на местах, более открытых довольно большими деревнями, не принимая до того ни под каким видом аманатов, которыми охотно жертвуют в крайностях для выиграния только времени.

Таким же образом поступить и с называющимися мирными деревнями, в лесах и скрытых местах поселенными, особенно с теми, в которых только две или три семьи мирных, а прочие занимается грабительством; ибо таковое дозволение умножало только число покорных деревень, не имея ни малейшего влияния над жителями оных, влечет за собой весьма дурные последствия: под предлогом мирной деревни жители вовсе немирные ходят свободно во все места и, снабжая себя всем, что у них недостает для жизни, знакомятся с местоположениями, высматривают добычи и, наверное, после следуют на таковые. Встречаясь с сильнейшей партией, называют себя мирными, представляя в удостоверение билет, слабейшую же грабят. При наказании таковых покорных, которое должно производиться нечаянно, дабы захватить жителей на месте, затрудняют мирные домы, между немирными построенные, а захваченные в плен всегда оказываются родственниками семейств покорных, свидетельствуясь теми, кои называют себя старшинами деревни, в чем нет способа удостовериться, ибо в таковые мирные деревни ни один наш чиновник не ездил и не смеет в них показаться.

Занимающихся разбоями, известных под именем вожаков, строго преследовать всеми способами, к истреблению их удобными. Напротив того, живущих рукоделием, ремесленничеством или другими позволительными промыслами, особенно земледельцов, исключительно занимающихся оным, поощрять наградами и всеми другими средствами.

Пути к непокорным и называющимся только покорными, живущим на плоскостях, как выше сказано, везде удобно проходимы; одни леса, затрудняющие свободное движение, должно будет очистить посредством войск наших с помощью терекских чеченцов и кумык; самих немирных чеченцов стараться склонить способствовать к очищению дорог, и требование сие предложить можно при переговорах мирных, которые непременно откроют с появлением войск для наступательных действий; обещания же одни, присяга и аманаты суть весьма слабые залоги верности чеченцов.

Построение крепостей в местах ближайших к жилищам или способных и необходимых для хлебопашества, сенокоса и пастбищ весьма много способствуют к покорению народа, и ежели для построения таковых будут назначены места за рекою Сунжею, то не мало поможет к приведению в исполнение предположения насчет переселения немирных чеченцов на места открытые.

Ко всем горным чеченцам под именами ичкеринцов и чебуртлы пути неудобопроходимы и оружием против них открыто действовать невыгодно; нечаянные нападения до усмирения их соседей, ближайших к ним, производимы быть не могут. Но, впрочем, сомнения никакого нет, что совершенное покорение, такое, как тут предполагается, немирных чеченцов, под различными именами известных, живущих на плоскостях, сделает на горских жителей сильное влияние, истребя в умах непреоборимое предупреждение, что русским войскам проникнуть в леса и убежища их невозможно.

Следует за сим племенем поколение кумык, лезгин и лезгино-аваров, коих часть состоят в управлении командующего войсками на Левом фланге Кавказской линии, другие составляют непокорных правительству и покорных, но независимых от управления начальника фланга.

Принадлежащие к Левому флангу Кавказской линии следующие.

Кумыкское владение[107]. Одно из преданнейших правительству российскому. Население по правому берегу реки Терека, управляющееся владельцами той

[107]Автор не выделяет здесь кореннное ауховское (аккинцы) население, уже добившееся самостоятельности как чеченское общество, и собственно многочисленное чеченское население аулов и княжеств Терско-Сулакского междуречья. – См.: Баширов М. С.-Э., Хасмагомадов Э.Х. Этническая история Терско-Сулакского междуречья (на примере семьи Башир-шейха Аксайского). - Грозный: АО «Издат.-полигр. комплеск «Грозненский рабочий», 2018.

земли, на которой поселены, не имеющими, впрочем, над подвластными своими большого влияния и власти без присутствия войск наших.

Кумыкское владение разделяется еще на три управления: Оксаевское, Костековское и Андреевское, коими заведывают старшие князья по назначению начальства. Заселяя плодородные равнины, орошаемые на всем пространстве небольшими ручьями, от берегов Каспийского моря между реками Койсу и Тереком до жилищ качкалыков, занимаются с успехом земледелием, садоводством, разведением скота и. овец, а также и различными рукоделиями, как-то: выделыванием сукон, тканьем ковров, наподобие дагестанских, и выделыванием шелку.

Народонаселение простирается до 6000 человек, вооруженных дать могут 1000 человек; между чеченцами и кумыками существует вражда, и охотно с ними сражаются. Ежели в некоторых случаях и способствовали намерениям чеченцов, то поводом сему служили всегда владельцы, которые, занимаясь еще не в давне воровством, сохраняли связи свои и поныне с чеченцами и, быв величайшими невеждами, утопая в праздности и невоздержанности, нуждаясь в способах удовлетворять страстям своим, нередко поощряют подвластных к ссорам и убийствам, дабы впоследствии пользоваться денежными штрафами, ими же на виновных налагаемыми по обычаям, издавна в кумыках существующим.

Для решения тяжебных дел учрежден в Андрее, кумыкском городе[108], городовый временный суд; состав оного: из владельцев и узденей по назначению начальства, в коем присутствуют также главный кумыкский пристав и воинский начальник, в крепости при городе сем находящийся; первоначально убеждение сего суда было полезно, но ныне с изменением многих обстоятельств во всем затерекском крае преобразование такового необходимо для благосостояния народа.

Преданность кумык во многих случаях обнаруживается к правительству более всех прочих покорных народов, живущих за Тереком; есть владельцы, совершенно преданные российскому начальству; есть также много и тех, которые оказывают преданность по необходимости или из видов. Последних гораздо более.

Кумыкское владение, впрочем, так известно правительству, что подробности насчет оного в сем описании будут излишними, и потому заключается тем, что народу сему недостает только положительных законов, сообразно обычаям их начертанных и могущих несколько обуздать действия владельцев, чтобы в самое

[108] В те же 30-40-е гг. XIX в. некоторые авторы утверждали, что крепость Внезапная (на Сулаке) и аул Эндери расположены «в земле Чеченской» - См.: Потто В. Кавказская война в отдельных очерках, эпизодах, легендах и биографиях. Т.1. Ермоловское время. Вып. 1. СПб., 1887. С.280.

короткое время составить образованное и обогащенное промышленностью и торговыми оборотами население.

Салатовцы[109]. Общество отдельное, племени кумыкского, заселяющее берега обеих сторон реки Койсу начиная от селения Баутугая, лежащего на левой стороне реки, и до владения Гумбетовского; будучи некогда подвластными кумыкским князьям, и ныне платят им слабый ясак, но более из доброй воли, нежели из повинности.

Правление общества салатовского — народное. При решении дел важных участвует весь народ, в других же случаях решают избираемые ежегодно от каждой деревни представители, именуемые старшинами, и именем народа имеют попечение об управлении; более одного года в сем звании не остаются. Послушание к сим лицам народа очевидное, решения принимаются с уважением и совершенно полагаются на их благомыслие. Тяжебные дела в руках духовных; кадии и муллы, руководствуясь шариатом, решают таковые; принимаются также в некоторых случаях обычаи и предания; непослушные оштрафовываются пожертвованием части скота на бедных или деньгами в пользу тех же; подобные штрафы приводят в исполнение тургаки /род наших сотских или выборных, во всякой деревне выбираемы обществом по несколько человек.

Народонаселение простирается до 5000 душ мужеска пола, хорошо вооруженных могут выставить до 1500 человек, в поголовном вооружении соберется более 2000, в числе сем конных около 600 человек. Оборонительные меры: при входах в ущелье — каменные завалы, внутри селений — каменные башни с бойницами; устроение жилищ к защите чрезвычайно удобно; домы построены каменные в два этажа с бойницами, крыши плоски, и на краях возвышенные стены, вроде грудной защиты, от огня совершенно безопасны.

Характер народа воинственный, но господствующая наклонность к праздности располагает их к мирной и дружелюбной жизни; любят детей своих, и родственные связи уважаются; воровство и грабежи между ними не существуют, и вообще гнушаются пороками сими. Кроткое обращение имеет на них хорошее влияние; верят слову и без крайности не изменяют обещаниям; управлению своему преданы и нелегко согласятся на перемену такового…

---

[109] Салатавия – верхняя, горная полоса (северные склоны Салатавского хребта) населяемая изначально, в мирном содружестве чеченскими и несколько позже аварскими выходцами. Здесь долгое время сохранялась чеченская топонимика и существуют по сей день аварские тукхумы чеченского происхождения. – См.: Идрисов, Р.И. Салатавия – моя гордость. Махачкала: ИД «Эпоха», 2005. С.38, 88-89 и др.; Сулейманов, А.С. Топонимия Чечни. Грозный: ГУП «Книжное издательство», 2006. С.345-397; Дадаев М.А. Краткий краеведческий справочник по Салатавии. Махачкала: Исламская типография «Ихлас», 2007; Баширов М. С.-Э., Хасмагомадов Э.Х. Этническая история Терско-Сулакского междуречья … С.25-27, 28-30, 42-43.

Вера, господствующая магометанская, как и у всех горцев в окрестности; к российскому правительству расположены слабо, или, лучше сказать, как и все магометанского закона народы, но ненависти не питают. Необходимость во время зимнее в пастбищных местах, кумыкам принадлежащих, для прокормления стад своих и особенно овец, которых тщательно разводят во множестве, удержат их в покорности к правительству; овцеводство составляет их все богатство и роскошь. Хлебопашеством занимаются некоторые деревни, поселенные на пологих берегах реки Койсу, с довольным успехом; грунт земли весьма плодороден, особенно с напоением водою, что весьма производят искусно. Пшеница, ячмень, полба произрастают хорошо, сорочинское пшено родится тоже, но не в большом количестве, живущие вверх по Койсу, начиная от главной деревни Чиркей, посевы имеют весьма скудные и то в ущельях или пологостях, где потоками воды или ветром нанесена земля; имеют также изрядные фруктовые сады и небольшую часть виноградов. Ежедневную пищу составляет пшеничный хлеб и сушеная баранина (или копченая); при угощениях употребляют сарачинское пшено и домашние птицы; огородных растений, лука и чеснока разводят мало…

Гумбетовцы[110]. Общество соседственное салатовцам, не имеющее совершенно никакого различия в политическом и нравственном отношении с сими последними; обитают гористые места по реке Койсу, составляя средину между Аварией, салатовцами и ичкеринцами. Народонаселение простирается до 6000 душ мужеска пола, вооруженных может дать до 1500 человек, конных в том числе до 500. Дорог, кроме для верхового, нет, в иных же местах едва только пеший пробирается чрез деревни их Данух и Аргуна пролегает дорога в Аварию из Андрея; дорога сия лучше идущей через Баян и Андию, но для обозов вовсе непроходима.

Общества, независимые от управления начальства Левого фланга Линии, Ансальда, Ботлых, Калалал и Андия…

Андийцы[111]. Общество, управляющееся старшинами на том же основании, как и предыдущие горские народы. Занимают северные покатости гор, весьма изобильные паствами. Овцеводство значительно, хлебопашество весьма достаточное, занимаются с большим успехом торговлею с Грузиею и кумыками, равно чрез них жители Чебуртлы, Ансальды и Ботлых сбывают свой мед, воск и

[110] Данное авароязычное общество связывали с Чечней давние торгово-хозяйственные и этнические связи. Именно отсюда ушли в Чечню на Аргун в середине XVII в. князья Турловы, впоследствии не раз пытавшиеся восстановить власть над Гумбетом. – См.: Айтберов Т.М. Аваро-чеченские правители из династии Турловых и их правовые памятники XVII в. (гумбетовцы в средневековой и новой истории Северо Восточного Кавказа). Махачкала, 2006; и др.

[111] Расположенные на Андийском хребте аулы Андийского общества, исторически давно и взаимовыгодно взаимодействовали с чеченскими обществами Нахч-мохк (Ичкерия) и Чеберлой (Буртиял) образуя некую хозяйственно-культурную зону.

шерсть; наклонности к торговле не отнимают у них воинственного духу. Хорошо вооружены, известны храбростью в соседстве, честны и гостеприимны, грабежами и воровством не занимаются, с ичкеринцами имеют связь по необходимости обоюдной в пастбищных местах; в зимнее время овцы их у ичкеринцев, а летом обоих народов не могут обходиться без пастбищ андийских. Народонаселение составляет, около 3000 душ мужеского пола, вооруженных могут иметь до 1000 человек, все конные.

Дороги в Андию известны следующие. Из Андрея /или крепости Внезапной/ чрез деревни ауховские и ичкеринские. Дорога сия для обозов и артиллерии неудобна, верховой проезжает без особенной трудности, топи одни в окрестностях Баяна от множества ручьев, реке Оксаю начало дающих, затрудняют путь. Другая дорога идет от крепости Грозной чрез чеченские деревни Гребенчук, Автур, Беден и Черми в Андию. Путь сей весьма удобен как для артиллерии, равно и легкого обоза; расстояние от Грозной до Андии сим путем полагается около 75 верст.

Ханство Аварское. Беднейшее и в бесплоднейших местах поселенное горское племя; имеет хана, которому вовсе не повинуется, в особенности, когда не предвидят для себя собственной своей выгоды. Без народных собраний и совещаний на оных ничего хан сам собою не может предпринять, все зависит от народа — мир, война, союз! Из сего следует, что правление Аварии народное, хану же как бы из милости и по обычаям дают малую долю своих посевов и стад для прокормления.

Народонаселение ханства собственно Аварского едва простирается до 5000 семейств, разбросанных по ущельям каменных гор и скалам; худо вооруженных войск могут выставить до 4500 человек, в том числе небольшая часть конных на весьма дурных лошадях. Есть еще вольные общества в окружности ханства, коих называет хан своими данниками, управляющиеся, как выше изъяснено, старшинами, совершенно независимы от хана аварского и хотя дают слабый ясак за землю, которая почитается принадлежащей Аварскому ханству, но дань сия более сходствует на добровольное пожертвование части своей собственности, нежели на подать, которую обязаны бы были платить из послушания и зависимости…

Известные пути в Аварию: 1) от Андрея чрез ауховскую деревню Акташ-Аух, ичкеринские: Асанбекет, Зандак и Старый Зандак; до места сего дорога удобна для артиллерии и легкого обоза; от Старого Зандака до Гердегель и от сей деревни до Баяна для обозов непроходимо, топи, глубокие овраги и горы, по которым проложена небольшая для верховой езды только тропинка; далее от Баяна чрез андийские деревни Реконе-Зелио, Муна, Ортополь, Тлох; между сими последними мост чрез реку Койсу; путь по скалам удобен в иных местах и для артиллерии, но более совершенно непроходим, кроме пешему…

[Помечено] Подлинное подписал генерал-лейтенант барон Розен;
Июля 31-го 1830 г., крепость Грозная.

ЦГВИА, ф. ВУА, д. 18502, лл. 1-19; заверенная копия.

Комментарии

1. Настоящий документ был напечатан в книге "Материалы по истории Дагестана и Чечни /первая половина XIX века/" т. III, ч.1, 1801-1833, Махачкала, 1940, стр. 233-247. Публикуется по оригиналу ЦГВИА.

2. Роман /Роберт/ Федорович Розен /1782-1848/, барон, участник Отечественной войны 1812 г. и Бородинского сражения; участник войны с Турцией 1828-1829 гг.; в 1830 г. начальник 21-й пехотной дивизии и левого фланга Кавказской линии; с 1831 г. начальник Джаро-Белоканского округа; с 1840 г. член высшего военно-судебного учреждения — генерал-аудиториата; с 1845 г. генерал от инфантерии /о нем; "Русский биографический словарь", 1913/.

3. Является ли Розен действительным автором настоящего описания — более чем сомнительно. Вероятно, автор — один из офицеров Генерального штаба, состоявший при штабе Левого фланга Кавказской линии или лично при Розене.

Текст воспроизведен с нашими сокращениями по изданию: История, география и этнография Дагестана XVIII-XIX вв. Архивные материалы / Под ред.: М. О. Косвена отв. ред. и Х. М. Хашаева.М.: Изд.-во восточной литературы. 1958. С.281-292.

Источник: РГВИА. Ф. ВУА. Д. 18502. Л. 1-19. Заверенная копия.

***

И.И. НОРДЕНСТАМ.
КРАТКОЕ ВОЕННО-СТАТИСТИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ ЧЕЧНИ...1834 г. ...

Норденстам/Норденстамм Иван Иванович/Иоган Мориц (1802 – 1882) известный военный деятель, генерал от инфантерии. Происходил из шведских дворян российской Финляндии, с 1829 г. находился в войсках на Кавказе, с 1832 г. старший адъютант, затем помощник начальника штаба Отдельного Кавказского корпуса, с 1839 г. оберквартирмейстр Кавказской линии и начальник штаба линии (следовательно вел и оперативно-разведывательную работу). Непосредственный участник карательной экспедиции в ту же Чечню в 1832 г., когда в течение

нескольких месяцев царские войска в 15-20 тыс. штыков, разбившись на соединения во главе с генералами А.А. Вельяминовым, В.Д. Вольховским и Г.В. Розеном, разорили чеченский край от Галашек на западе до Ичкерии (Нахч-Мохк) на востоке.

И.И. Норденстам стал автором "Краткого военно-статистического описания Чечни…" составленного на основе сведений, собранных им в 1832-1834 гг. Более 100 лет данная работа хранилась в собрании т.н. Военно-ученого архива Генерального штаба российской армии. Впервые, данный труд, написанный в духе своего времени (когда горцы оценивались как «мошенники» и злодеи»), но содержащий интересный фактический материал, увидел свет в 1940 г. ("Материалы по истории Дагестана и Чечни /первая половина XIX века»». Т.III. Ч.1. 1801-1839. Махачкала, 1940. С. 298-329).

В данной публикации мы не только произвели сокращения, но и добавили к тексту несколько сведений, ранее не публиковавшихся из соответствующего дела фонда РГВИА, опущенных в свое время публикаторами.

* * *

НОРДЕНСТАМ И.И. КРАТКОЕ ВОЕННО-СТАТИСТИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ ЧЕЧНИ... 1834 г. ...

Краткое военно-статистическое описание Чечни, составленное Ген. штаба кап. Норденштаммом в 1834 г. из собранных им сведений во время экспедиции 1832 г.

Все сведения доселе собранные о Кавказских горах как в военном, так и в других отношениях, большею частию основаны на одних рассказах жителей, посему нельзя удивляться, что они так неверны и неполны, тем более, что горцы неохотно обнаруживают нам настоящего своего положения, в особенности в отношении местности, их жилищ и качества дорог и потому всячески стараются скрывать от нас истину во всем, что только относится до их самих и земель ими обитаемых. Занимающиеся же собиранием сведений о Кавказе, желая сколько возможно дать яснее понятие о крае ими описываемом, обыкновенно дополняют свои рассказы догадками и украшают их своим воображением; оттого описания, которые мы имеем, столь разногласны и столь неудовлетворительны, что не могут служить фактом для какого либо основательного соображения правительства; но нельзя обвинять и авторов, ибо они не описывают то, что видели, а из рассказов грубых невежд, старающихся обманывать их на каждом шагу, извлекают то, что по их мнению кажется правдоподобным и заслуживающим внимания, следовательно, от искусства автора и точки зрения, с

которой он рассматривает страну, зависит передать более или менее удовлетворительное понятие об оной.

Точно так и это краткое и весьма неполное описание есть ни что иное, как понятие, которое я себе составил о Чечне из рассказов жителей, ибо, имев случай видеть только небольшую часть оной и то мимоходом во время экспедиции произведенной в 1832 году, я не мог собрать подробных и основательных сведений о сей стране.

Взгляд на местоположение.

Военно-Грузинская дорога разделяет Кавказский хребет почти на две равные части. Как та, так и другая нам весьма мало известны, более однакоже имеем мы положительных сведений о восточной части Кавказа, ибо окружая оную со всех сторон войска наши с разных мест проникали в горы, что доставило нам более случаев познакомиться с сею частию Кавказских гор, тогда как в западной части военный действия доселе производились только со стороны Кавказской линии и весьма редко простирались далеко в горы; часть западного Кавказа, прилегающая к Черному морю и даже берега оного от Анапы до Абхазии нам почти вовсе неизвестны.

Дабы дать лучшее понятие о положении Чечни считаю не излишним вкратце описать топографическое положение всей восточной части Кавказа.

К востоку от Военно-Грузинской дороги Кавказский хребет образует одну из главных вершин своих, гору Борбало; вершина сия замечательна не по высоте своей, но в топографическом отношении она весьма любопытна потому, что отоной почти все главные реки восточного Кавказа берут свое начало (**1*** *Из горы Борбало и окрестностей оной вытекают следующие значительные реки: на север Аргун, на запад Пшавская Арагва, на юг Иора, Ильто и Кахетинская Алазань, и наконец на восток Дагестанская Алазань. – Здесь и далее примечания выделенные цифрами полужирным шрифтом и звездочкой принадлежат автору.*), а также и потому, что Кавказские горы от Борбало перестают быть одним общим хребтом а разделяются на две значительные отрасли гор, из коих южная, нами обыкновенно называемая главным Кавказским хребтом, имея направление к юго-востоку от Борбало до Шах Дага и Тфан Дага, на протяжении 250-ти верст, покрыта снегом, эта отрасль к югу сначала составляет левый скат плодородной долины Кахетинской Алазани, в которую она упирается крутыми и лесом покрытыми отрогами, к северу она дает начало многочисленным речкам и горным потокам, впадающим в разные рукава Дагестанской Алазани и Койсу; далее против креп. Новых Закатал отрасль сия образует узел или группу высоких гор, из коих вытекает Самур и два незначительные рукава Койсу: Чаир-Ор или Карачай и Кудаб-Ор; потом она тянется по первоначальному своему

направлению к Шах-Дагу, отделяя воды, впадающие в Самур от орошающих богатую долину Алазани и Куры; наконец от Шах-Дага отрасль сия понижается и, раздробляясь на многие отроги Апшеронским мысом, уходит в Каспийское море.

Южная покатость сей отрасли состоит из земляных гор, которые, исключая снежной полосы, от Борбало до Тфан-Дага покрыты сплошными лесами, далее в Ширванской провинции леса делаются реже, и наконец в Бакинской совершенно исчезают, горы сии почти необитаемы, летом на оных кочуют с своими стадами тушинцы и разные лезгинския общества на северной покатости живущие, противуположная покатость ее почти совершенно безлесна, она образует множество скалистых, бесплодных отрогов, которые постепенно понижаются к рекам, составляющим систему Дагестанской Алазани, Койсу и Самура, по бесплодным ущельям коих разбросаны жилища тушинцев, капучинцов, антракльских и других лезгин.

Другая отрасль, идущая от горы Борбало, имеет направление к северо-востоку, она к югу составляет правый скат Дагестанской Алазани или Андийской Койсу, который состоит из безлесных, каменистых и бесплодных гор, весьма мало населенных, жители оных кистинского и лезгинского племен; а к северу она образует значительные хребты гор, которые многочисленными отрогами своими, обыкновенно Черными горами именуемыми, понижаясь, сливаются с плодородною долиною Сунжи, которая, составляя продолжение Кабардинской плоскости, тянется между Тереком и Сулаком до Каспийского моря. Эта отрасль сначала в высоте нисколько не уступает первой и имеет много снежных вершин, образовав одну из главнейших вершин своих Га Квались Дан-Мэер, она постепенно понижается к хребту Салатау, от коего раздробляется на множествопереходят еще за Сулак во владениеотрогов, и наконец оканчивается крутыми и скалистыми горами, чрез которые Сулак прорезал себе течение. Горы сии переходят еще за Сулак во владение шамхала тарковского и там, постепенно склоняясь к Каспийскому морю, доходят до самых берегов оного.

Северный склон сего хребта сначала также безлесен и бесплоден, но образовав, как выше сказано, Черные горы, он покрыт сплошными лесами и делается населенным, он обитаем большою частию народами Каспийского племени, из коих чеченцы нам более прочих известны и по многочисленности заслуживают более внимания.

Карта части северной покатости восточного Кавказа, составленная из сведений собранных во время экспедиции 1832 года, в топографическом отношении дает довольно удовлетворительное понятие о землях обитаемых чеченцами и племенами их окружающими; на оной вершине гор, из коих вытекают главные реки, //омывающие северную покатость восточного Кавказа,

определены довольно верно, что дало возможность обозначить, если не совсем верно, то, по крайней мере, приблизительно, положение племен между собою…[112].

Границы и величина.

Чечня определенных природою границ не имеет; земли ныне занимаемыя чеченцами простираются от севера к югу, т.е: от Терека до вершины Аргуна примерно 80 или 90 верст, что составляет самая большая ширина их , а от запада к востоку они простираются от реки Мартана до Акташа, на разстояние около 110-ти верст, что составляет самая большая длина их; сколько примерно положить, что чеченцы занимают от 5 т. до 6 т. [квадратных] верст из коих2/3 части находятся в горах и 1/3 на равнине[113].

Реки.

Земля чеченцов орошаема множеством небольших речек и горных потоков, по которым расположены жилища чеченцов.

Главные реки в Чечне суть следующие.

Терек – одна из главных рек Восточнаго Кавказа, она очень мало занимает чеченских владений, а потому и не стану описывать ея подробно. От Наура, до Амир-Аджи-юрта Терек составляет границу между землями моздокских и гребенских козаков и так называемыми мирными чеченцами; на означенном пространстве он широк и довольно глубок, особенно ниже впадения в него Сунжи, но уже не имеет той быстроты как выше Екатеринограда.

От Наура до Амир-Аджи-юрта бродов нет, разве зимою и в самую мелкую воду; посему на сем пространстве в двух местах устроены переправы на паромах: у Червленой и несколько верст ниже Щедрина, против Амир-Аджи-юрта. Для обезпечения сей последней переправы выстроено на правом берегу Терека Амир-Аджи-юртовское укрепление. Все движения войск с Терека в Чечню и кумыкския владения делаются чрез сии переправы - из Дагестана войска также обыкновенно следуют чрез сии места, редко очень чрез Кази-Юрт и Кизляр, ибо

---

[112] Далее мы приводим опущенные издателями в 1940 г. главки: «Границы и величина» и «Реки». (Л. 5-13 об.). Составитель приводит их из фондов РГВИА, но с некоторыми сокращениями, указанными отточием. – Здесь и далее обычные сноски принадлежат составителю.

[113] На деле же, по перемножению цифр самого Норденстама общая площадь получается от 8800 до 9900 кв. верст, хотя и эти цифры в реальности неточны. Почему-то западная граница Чечни проведена им по «Мартану» (в данном случае Фортанга), а не по истоку Сунжи и левобережью Ассы (хотя карабулаки и галашевцы были уверенно исламизированы в последней трети XVIII – самом начале XIX в. что решило вопрос о их «чеченской» идентификации как и принадлежности к западным обществам чеченского народа – Малая Чечня). Но возможно автор вел речь о чеченцах как жителей обществ Чеченской равнины носителей плоскостного диалекта.

это кружнее. В небольшую воду войска, следующие из Дагестана в Грозную, идут чрез Брагуны, где переправляются Сунжу в брод, там прежнее был мост, который теперь, кажется, не существует. Этот тракт для следования войск гораздо выгоднее: оным несколько ближе и избегаются переправы чрез Терек.

Сунжа берет свое начало несколько восточнее Владикавказа в передовых горах; она от истока своего до Назрановского укрепления течет сперва на север незначительною речкою, немного ниже означенного укрепления Сунжа делает поворот на восток и сим направлением течет до соединения своего с Тереком в который она впадает 3 или 4 версты ниже деревни Брагуны. Сунжа делается значительною после соединения своего с Ассою, которая быстрее и больше ее.

Сунжа к переправе не затруднительна, выше Грозной много бродов, ниже оной кажется ни одного нет - разве в самую малую воду. Против крепости Грозной чрез Сунжу построен деревянный мост, который защищен люнетом…

Мирные чеченцы по берегам Сунжи рубят лесс и весною в полноводие сплавляют оный плотами в Кизляр на продажу. Кизлярские жители получают из Чечни все потребное количество леса как строевого, так и дровяного.

Сунжа почти каждый год замерзает, есть, однако, места, которыя по причине быстроты никогда не покрываются льдом….

…с правой стороны в нее впадают множество рек и горных потоков из коих по порядку от запада к востоку примечательнейшие суть следующия:

1. *Асса* берет свое начало в самых высоких снеговых горах в землях хевсурцев и галгаевцов жилища сих последних расположены в вершинах ея. Асса в землях галгаевцов не широка, но довольно глубока и чрезвычайно быстра. В дождливое время она…[114]там трудна к переправе.

Далее Асса имея направление к северу, течет в землях галгаевцов между ужасными скалами, покрытыми лесом.

Галашевское ущелье почти непроходимо; артиллерия там пройти не может оно по неприступности своей всегда служило убежищем разбойников и поныне преступники, преследуемые правительством, укрываются у галашевцов.

В карабулакских владениях Асса выходит на долину и делает поворот на северо-восток и в сем направлении течет до соединения своего с Сунжиею близ деревни Закан-Юрта… для следования войск удобнейшая переправа против деревни Албарлой; в прочем Асса, как и все горныя реки часто переменяет свое течение…

Вышедши на равнину Асса, течет в отлогих берегах большею частию лесом покрытых…

[114]Одно слово неразборчиво.

2. *Мартан* – небольшая речка, принимающая начало свое во второстепенных горах; она имеет течение постоянно на север и близ Закан-Юрта впадает в Сунжу[115] и несколько выше впадения своего в оную она принимает небольшую речку *Нитахой,* которая берет свое начало в Черных горах. Обе сии речки не представляют никаких затруднений при следовании войск, на них удобно стоять лагерем.

3. *Шалаш* и 4. *Валерик* небольшия речки вытекающия из Черных гор и которыя в военном отношении не заслуживают никакого внимания.

5. *Гехи* берет свое начало в снеговых горах в вершинах оной живут акинцы - небольшое кистинское племя. Гехи, как все речки в Чечне имеет течение с юга на север, она несколько значительнее предыдущих трех и в дождливое время довольно быстра. Впрочем, для следования войск особенных препятствий не представляет. Гехи впадает в Сунжу несколько верст выше деревни Алихан-Юрта.

6. *Урус Мартан* - небольшая речка образующиеся в Черных горах, и которая не заслуживает особого внимания. Урус Мартан принимает с правой стороны небольшую речку Рошни и потом несколько верст ниже Алхан Юрта впадает в Сунжу.

7. *Гойты* - незначительная речка, также вытекающая из Черных гор. Она имеет низкие лесистые и в некоторых местах топкие берега, лучшая переправа чрез нее у деревни Чунгорой. Из Гойты выведены, несколько канав чрез кои нужно переправляться по дурным местам.

Против деревни Чунгурой левый берег Гойти почти открыт, а правый покрыт лесом, который простирается версты на две в ширину. Сей лес называется Гойтинским. Чеченцы обыкновенно делают в оном засады, снимают мосты и даже наводняют дорогу дабы сколько возможно задержать следование войск в лесу…и урон с нашей стороны присем случае был значительным. При проходе чрез Гойтинский лес надобно быть весьма осторожным и осмотрительным, иначе потеря всегда будет значительна.

Генерал Ермолов в 1825-м стоял несколько времени на Гойте и отряд занимался вырубкою леса по обоим сторонам дороги в Гойтанехском лесу, но просек сей почти зарос крупным кустарником, так что в 1832-м году едва заметно было где в 1825 -м году был вырублен лес.

8. *Аргун* – самая большая река в Чечне, в военном отношении она весьма важна, ибо во всякое время представляет большия затрудненния для следования

[115]Здесь ошибка, указанная речка «Мартан», на деле Фартанга, впадает не в Сунжу а в Ассу, которая через короткое расстояние вливается в правобережную часть Сунжи в среднем течении.

войск, а иногда нет никакой возможности переправиться в дождливое время. Это может продолжаться несколько дней, даже и больше.

Аргун сначала течет двумя рукавами из коих один - *Чанти Аргун,* вытекает из снеговых гор в Хевсуретии, и другой - *Шарой Аргун,* имеет свои истоки в землях кистинцев, также в самых высоких снеговых горах; главные истоки обеих рукавов весьма близки один от другаго – близ горы Борбало[116].

Обе рукава Аргуна соединяются у деревни Дачубарзой, откуда река сия течет ущельем верст 10-ть до дер. Чахкери, в крутых и скалистых берегах; потом выходя на долину она имеет довольно отлогие и удобные берега. По соединении обеих рукавов Аргун имеет направление к северу и не принимает ни одной речки выше соединения оных в нее впадают множество речек и горных потоков. Аргун соединяется с Сунжею верст 7 или 8 вышедеревни Брагуны.

Аргун весьма часто перемещает свое течение, от чего русло его очень широко и на оном образуется множество островков… ширина всего русла Аргуна по длине примерно… от 125-ти до 250-ти сажень, а главного рукава от 20-ти до 30-ти сажень…

Лучшие броды считаются против Большой Атаги, Большаго Чечня, Бардыкеля и Тепли-Юрта, но как течение редко два года сряду бывает одинаково, то и броды переменяются… При переходе войск через Аргун необходимо сперва посылать опытных людей для осмотра бродов и не иначе начинать переправу как по точном удостоверении…

В 1832-м году отряд, состоявший из более 10 т. человек в сентябре месяце переправился чрез Аргун против деревни Большая Чечня, тогда Аргун имел 9 рукавов, время было весьма удобное к переправе, ибо давно не было дождей и вообще до конца сентября вода небольшая. Но и тогда в главном рукаве вода была гораздо выше брюха лошади при чрезвычайной быстроте, пехота переправлялась между конницею для того, чтобы в случае естли вода уносила бы людей, конные могли подхватывать и спасать их. Отряд переправился весьма счастливо не было ни одного утопленого, потеряли только несколько ружей.

На Аргуне ниже Дачубарзоя мостов нет и невозможно устроить таковыя по причине частой перемены течения. Выше Дачуборзоя на Чанти Аргуна во многих местах есть мосты, на Шорой Аргуне, кажется, нет…

9. *Джалка*- небольшая река, которая берет свое начало в Черных горах, выходя из оных она течет в отлогих большою частию лесом покрытых берегам и,

[116]Истоки Шаро-Аргуна начинаются с ледников г. Комито и Диклосмта (Дзана-Корт) Тушетского хребта. Истоки Чанты-Аргуна находятся западнее и ведут к склонам Хевсуретского хребта и г. Барбало (Пшав-Хевсуретский хребет) Грузии.

недалеко от соединения Аргуна с Сунжею, впадает в сию последнию; она для следования войск никаких затруднений не представляет.

10. *Гудермес или Гумс* – довольно значительная река, более потому, что она принимает много других речек, которыя все, как и она вытекает из Черных гор; с правой стороны впадает в Гудермес один только *Мичик*, а с левой стороны следующия реки: *Искерик,Хамыхи и Хомхолу.*

Все сии речки вытекши из гор на плоскость текут в отлогих лесом покрытых берегах и во всякое время года проходимы.

11. *Аксай* – также довольно значительная река, она образуется в высоком скалистом хребте, отделяющем лезгинские племена от чеченцев и кумыков. Аксай имеет много истоков которыя соединяются у деревни Белгатоя и оттуда он течет уже довольно большою рекою… не представляет никаких затруднений к переправе, но весьма трудно опускаться к ней по причине крутизны берегов ея. От Старого Аксая она течет в отлогих большею частию лесистых берегах и наконец теряется в камышах и низовьях Терека…

12. *Яман-су* небольшая речка, получающая свое начало близ истока Аксая; она постоянно течет от юга на север и как Аксай теряется в низовьях Терека[117].

Климат и произведения земли.

Климат в Чечне, как и во всех гористых странах, не может быть одинаков; в высоких горах оный весьма суровый и может равняться с климатами самых северных стран; постепенно спускаясь к долине Сунжи делается умереннее, а на Тереке уже довольно теплый. Сколько известно климат в Чечне вообще здоровый, исключая на Тереке около Амир-Аджи-Юрта и ниже, где летом весьма жарко и где воздух заражается от испарений, подымающихся из
болотистых низин Терека и камышей, составляющих, левой берег оный от Амир-Аджи-Юрта до Каспийского моря.

Рассматривая карту Чечни нельзя не убедиться в том, что Сунжинская долина, которая составляет главную часть Чечни, имеет самое счастливое положение в физическом и топографическом отношениях. С северной стороны она защищена хребтом отделяющим Сунжу от Терека и потому не подвержена сильным ветрам и ужасным вьюгам и мятелям, которые в продолжении всей зимы господствуют Кавказской области, южные и юго-восточные ветры, которые во многих частях Кавказского края постоянно дуют летом и столь вредны как для здоровья человека, так и для всяких произрастаний, в Чечне нечувствительны, ибо она закрыта с юга высокими почти все лето снегом покрытыми горами, так что те же самые ветры, которые в других местах вредны и неприятны, в Чечне

[117]Здесь, пропущенная первыми публикаторами архивная часть текста, заканчивается.

напротив полезны: проходя по снеговым горам они освежают воздух и приносят с собою приятную прохладу.

Множество рек и горных потоков, образующихся в ближайших горах от таяния снегов, летом весьма много способствуют к прохлаждению воздуха и беспрестанно орошая землю, делают ее чрезвычайно плодородною; растительная сила в Чечне заметна на каждом шагу; при малейшем старании везде на Сунжинской долине можно бы иметь самые лучшие пахотные поля, луга и сады, стоит только вырубить и расчистить лес, которого везде в большом изобилии. К сожалению, благословенный край этот в руках таких людей, которые не умеют и не хотят пользоваться дарами природы, столь щедро ею на них изливаемыми.

Зима в Чечне, не говоря о самых высоких горах, где она продолжается более шести месяцев, довольно холодная, снег каждый год выпадает и остается иногда от 2-х до 3-х м-цов; в низменных местах особенно по Тереку хотя и выпадает снегу, но оный сходит там гораздо скорее и зима не холодна.

Чечня в физическом отношении и климате имеет некоторое сходство с Кабардинскою плоскостию, по которой проходит Военно-Грузинская дорога от Владикавказа до Екатеринограда; та же самая плодородная почва земли, как Чечня так и она перерезана множеством рек и горных протоков; Чечня однако же имеет пред нею то преимущество, что, будучи несколько закрыта со стороны севера, она не подвержена тем холодным: ветрам и ужасным вьюгам и метелям, которые зимою почти постоянно господствуют в Кавказской области и которые не допускают там с успехом разводить произведения теплого климата, сии ветры иногда совершенно уносят с собою семена, отчего часто бывает неурожай хлеба. Сверх того, Кабардинская плоскость несколько возвышеннее Сунжинской долины: виноград появляется в Моздоке, в Кабарде его нигде нет, тогда как во многих местах Чечни он находится в диком состоянии.

По всей Чечне, исключая разве небольшой части оной, лежащей под снеговыми горами, могло быть отличное хлебопашество; но чеченцы по наклонности своей к праздности нерадиво занимаются оным; несмотря на сие Чечня производит более хлеба, чем нужно для прокормления жителей ее, которые почти всегда променивают избытки оного соседям своим кистинцам и лезгинам, в бесплодных высоких горах живущим, на шерсть, бурки, грубое сукно и другие произведения. Посевы в Чечне состоят из небольшого количества пшеницы и ячменя, а более кукурузы и проса, которые родятся очень хорошо и не требуют большой разработки земли. Чеченцы, живущие по Тереку и Сунже прилежнее прочих, занимаются хозяйством, особенно хлебопашеством и вообще богаче прочих; они занимаются также шелководством, но мало.

Для лучшего урожая чеченцы весною и летом по мере надобности наводняют свои поля, для чего из речек повсюду выведены канавы, это им не

стоит больших трудов, потому что рек там много и весьма близки одна от другой, впрочем земля и без напоения должна быть плодородная, ибо почва земли чрезвычайно жирна и большею частию состоит из чернозема. Как пример растительной силы в Чечне упомяну здесь, что в 1832 г. мне случилось видеть в дер. Гехи кукурузное поле, на котором кукуруза была такой величины, что при проходе отряда нашего части конницы въехали в оную и всадников не видать было. В Имеретии, Мингрелии и Абхазии, где кукуруза составляет главный предмет сельского хозяйства и где она также родится очень хорошо, едва-ли она бывает такой величины; впрочем, я слышал, что в Абхазии иногда родится кукуруза такой же величины, как та, которую я видел в Гехи.

Лук, огурцы и другие огородные овощи, которых чеченцы разводят в большом количестве, также необыкновенной величины и приятного вкуса, принимая в соображение, что земля и в огородах не удабривается, это служит доказательством плодородства почвы и необыкновенно большой растительной силы.

В гористой части Чечни, или так называемых Черных горах, менее сеют кукурузы и проса, а более пшеницы и ячменя, а в самых высоких горах и пшеница родится дурно, там сеют одного ячменя и того мало. В Черных горах климат не должен быть очень суровый потому, что везде в лесах растут фруктовые деревья; в некоторых местах даже и грецкий орех, который есть произведение умеренного климата; деревня Гордали, находящаяся в Ичкерийских горах недалеко от истоков Аксая, стоит довольно высоко, и она славится своими грецкими орехами и торг оными в Чечне и в Кумыкском владениях составляет главный промысл жителей сей деревни.

Деревня Беной, которая лежит за Аксаем под высоким хребтом, отделяющим чеченцев от андийцев и лезгин, имеет прекраснейшие поля и везде кругом заметны произведения, не принадлежащие к холодному климату, между тем как деревня сия находятся в весьма высоких горах. Я упоминаю здесь о сих подробностях потому, собственно, что весьма многие ошибочно полагают, что гористая часть Чечни совершенно бесплодна и мало обитаема, тогда как это напротив прекрасная страна, которая для жизни представляет много удобств, и она не так мало населена как думают; мы видели в Ичкерийских горах большие хорошие деревни, по устройству своему нисколько не уступающие деревням на плоскости, и кажется нет сомнения, что там по пространству земли и изобилию во всех потребностях для жизни, народонаселение могло бы быть несравненно более, чем оно теперь; впрочем заметно, что оно увеличивается, ибо из больших деревень делают выселки и в лесах везде видно недавно очищенные для хлебопашества места.

Я говорю здесь об Ичкерийских горах потому, что я был там и видел их, но нет никакой причины, чтобы прочие, так называемые Черные, горы были менее

плодородны и менее населены, и потому полагаю суждение многих, которые считают их малообитаемыми и для жизни неудобными, весьма ошибочно.

Чеченцы очень мало занимаются садоводством, хотя климат к тому весьма много способствует, особенно в низменных местах, где разведение садов не стоило бы больших трудов. Огородов везде имеют, в оных они разводят арбузы, дыни, тыквы, лук, огурцы, чеснок, черемшу; в некоторых местах встречаются земляные груши, но они растут дико в лесах; прочие же огородные овощи как-то: капуста, свекла, морковь, картофель и т. п., им неизвестны. В некоторых деревнях сеют табак, но только для собственного употребления. Пчеловодство у них большое, особенно в горах; меду продают в большом количестве чрез мирных чеченцев кизлярским промышленникам.

Скотоводство у чеченцев, особенно живущих на долине, небольшое потому, что мало пастбищных мест и там для скота летом слишком жарко, лошадей у них также в небольшом количестве и порода чеченских лошадей на Кавказе не славится; чеченские наездники покупают лошадей в Кабарде и других местах, а более приобретают их на Кавказской линии и у кумыков в набегах и хищничествах своих. Рогатый скот вообще мал ростом и средней доброты, овец в горной части Чечни много и хорошей породы, там держат также много коз, ишаков (ослов), в некоторых местах имеют катера (мулы); на долине имеют буйволов, в горах их нет. Жители низменных мест на лето выгоняют свои стада в горы и зато снабжают жителей оных хлебом и другими произведениями, которых у них нет.

Домашних птиц: курей и индеек везде и много; гусей и уток не водят. В чеченских лесах встречаются всякого рода деревьев, принадлежащих к умеренному климату, как то: чинар, ясень, дуб, липа, и в горах клен, осина, рябина, а иногда береза, сосна и ель, но только в самых высоких горах, а из фруктовых деревьев растут по лесам дико: яблоня, грушовник, кизил, вишни, сливы разных родов, тут (шелковица) и виноградная лоза, но не в многих местах.

Относительно же произведений царства ископаемого ничего нельзя сказать потому, что еще никто не имел случая свободно рассмотреть Кавказские горы в сем отношении; по рассказам // некоторых местах земель кистинских и в горной Чечне жители добывают свинцу, но в весьма малом количестве; говорят что прежде добывали и серебра, но также не в значительном количестве; впрочем из сих рассказов жителей никакого нельзя сделать заключения по сему предмету, ибо горцы, не умея отыскивать и обращаться с рудниками, без всякого сомнения, никогда не могли добывать металлов в значительном количестве.

На границе Чечни близ кистинской деревни Муцо[118] весьма богатые серебрянные, медные и свинцовые руды; по распоряжению г-на корпусного командира они были осмотрены в 1833 г. нарочито туда посланным чиновником коллежским секретарем Гордеевым.

Вообще медь, железо, а в особенности свинец, у горцев в большой цене, у чеченцев так мало свинцу, что в экспедициях против них случалось, что по неимению свинца стреляют каменьями и деревянными пулями, облитыми свинцом.

Близ деревни Датыха, что на реке Мартане в Черных горах, находятся соляные ключи, из коих добывают соли, но весьма не в значительном количестве. Чеченцы, как и все вообще горцы восточного Кавказа, получают соль из Дагестана, большею частию из Шамхальского владения, где оной добывают в соляных озерах в весьма значительном количестве и безденежно.

Между Тереком и Сунжею недалеко от дороги, ведущей с Червленной станицы в Грозную, в 2-х или 3-х вер. от деревни Старого Юрта, находятся горячие минеральные ключи; по сей же дороге в 10-ти вер. от деревни Мамакая есть нефтяные ключи, которые отдаются на откуп; откупщики платят в казну 22.000 руб. асс.; близ качкалыковской деревни Истису также есть горячие минеральные ключи.

Происхождение чеченцев.

Многие полагают, что из народов, обитающих восточную часть Кавказа кистинцы и лезгины суть коренные племена, от коих все остальные производят; чеченцев причисляют к Кистинскому племени. Не зная на чем доводы сии основаны, не могу их оспаривать, думаю однакож, что на то совершенно положиться нельзя и кажетея, что это одни догадки, ибо первоначальное происхождение как чеченцев так и вообще всех кавказских горцев не прежде может сделаться известным, покуда горы не будут совершенно для нас доступны, покуда мы не познакомимся основательно со всеми // многочисленными наречиями, которые в употреблении в горах, а наконец покуда горцы не будут к нам совершенно откровенны;…

Занимаясь по поручению начальства весьма часто собиранием распросных сведений о восточной части Кавказа я старался узнавать хоть что нибудь приблизительное о происхождении полудиких жителей ее, но из рассказов как людей, находящихся с ними в беспрестанных сношениях, так и от самих горцев, я не мог себе составить никакого правдоподобного понятия о происхождении горцев, а тем еще менее о времени прибытия и поселения их на Кавказе; кажется, что время это столь давно прошедшее,…

[118]На деле Муцо (башенное селение в ущелье р. Ардоти на границе с Чечней) к началу XIXв. являлось не «кистинским» т.е. чеченским, а уже хевсурским селением.

Посему я ничего не буду говорить о происхождении и истории чеченцев и соседей их, а изложу здесь только вкратце то понятие, которое я себе составил о племенах обитающих северную покатость восточного Кавказа, нисколько не считаю оное основательным, и предоставляю людям лучше меня знающим Кавказ, разобрать до какой степени оно заслуживает внимания.

Чеченцы сами себя и соседними народами *Нахчи* называемые в теперешнем их состоянии составляют одно из сильнейших и многолюднейших племен Кавказа. Настоящее название дано им русскими, как полагать должно по большой деревне Чечне на Аргуне лежащей, которая по близкому положению своему к нашим границам вероятно при первых сношениях наших с чеченцами // сделялась прежде известною, чем другие большие селения их, лежащие более во внутрь земли.

По рассказам чеченцы в прежние времена составляли весьма небольшое племя, обитавшее в вершинах рек Аксая, Гудермеса, Холхану и Аргуна; сию часть Чечни чеченцы и теперь считают настоящею своею родиною и называют ее Нахчи-Мохк (**2*** Мохк по-чеченски значит земля, а Нахчи Мохк, земля, принадлежащая племени Нахчи.) Все чеченцы считают свое происхождение от небольшого числа фамилий первоначально поселившихся в верховьях означенных рек; откуда же родоначальники их пришли туда неизвестно, по крайней мере сами чеченцы так говорят, что весьма вероятно, ибо это может быть так давно, что предания о поселении их на тех местах искажены и даже может быть по смешении разных племен между собою и следов о том уже более нет. Чеченцы все без исключения ведут родство и поддерживают связи с теми из единоплеменников своих, которые живут в Нахчи-Мохк (их можно для различия называть горными чеченцами)и по принятым обычаям имеют право переселиться туда, откуда предки их вышли; почему весьма часто случается, что чеченцы подвергнувшиеся за преступления каре правительства или по кровомщению между собою, оставляющие местажительства своего, селятся в тех деревнях, откуда предки их первоначально вышли на плоскость и таковым переселенцам всегда дают пристанище и даже земли, если совсем туда переселяются.

Кумыки называют горных чеченцев ичкеринцами, от чего многие ошибочно считают их особенным племенем.

Если при исследовании происхождения чеченцев взять за основание, что предки сего племени жили на северной покатости восточного Кавказа, в верховьях вышеозначенных рек, не входя в дальнейшие рассуждения, откуда они туда пришли, то весьма натурально, что постепенно возраставшее между ними население заставило их искать земли для выселок со стороны севера, ибо к югу они встретили бы или бесплодные горы или же места уже занятые лезгинами, которые, судя по обширному пространству ими теперь занимаемому, вероятно и тогда были сильнее их. Распространять же свои владения к западу и востоку

также для них выгоды не было, ибо там не находили бы они столько удобства для жизни, как со стороны севера, и так, постепенно подвигаясь вниз по ущельям рек, они вышли на долину Сунжи; найдя там прекраснейшие и весьма выгодные для жизни места, они водворялись и потом, когда вся Сунжинская долина была заселена, прошли далее к Тереку, начали там селиться и вероятно распространились бы далее за оною, если бы не встретили к тому препятствия; в таком положении мы нашли чеченцев в конце 17 и в начале 18 столетия.

Точно таким же образом я полагаю, что кистинцы, жившие сначала в вершинах Аргуна, Гехи и Ассы, имея мало и неудобной земли или теснимых может быть хевсурцами и грузинами, с своей стороны также постепенно спускаясь по ущельям сказанных рек, равномерно вышли на долину Сунжи, смешались с чеченцами и наконец слились в один народ, который по местностям или другим каким-либо случаям), приняли разные названия, как то: *акинцов, галгаевцов, галашевцов, карабулаков, качкалыковцов, ичкеринцов* и т. п.; думаю,что весьма трудно н даже невозможно определить, которое из сих племен первоначальное: чеченцы или кистинцы; полагают, что кистинцы есть коренное племя, ибо, как говорят, они прежде вышли из гор и чеченский язык имеет сходство с кистинским, но это все еще не служит доказательством, что чеченцы происходят от кистинцев.

Сии два племени могут иметь разное происхождение, сходство же в языке может произойти от того, что, вышедши из гор, они почти смешались и друг от друга переняли много слов. С одной стороны племя, которое вышло из ущельев Аргуна, Гехи и Ассы (кистинцы) по соседству с оссетинами и кабардинцами вошли с ними в сношение и, приняв от них некоторые обычаи, одежду и даже может быть несколько слов их наречия, почти слились с ними, так что теперь по наружности весьма трудно и почти невозможно отличить кабардинца или назрановца от карабулака или осетина, живущего в окрестностях Владикавказа; с другой стороны племя вышедшее из ущельев Аксая, Халхалу и Гудермуса (чеченцы) смешались с кумыками: часть оного с Мичика перешла через Качкалыковский хребет на земли аксаевских князей и поселилась там, сии теперь называются нами *качкалыковцами* (**3*** *Весьма часто случается, что качкалыковцы, которые более покорны чем другие чеченцы, при общих волнениях или возмущениях, приняв участие в оных и опасаясь наказания правительства, удаляются к вершинам Мичика, где они имеют безопасное убежище в дремучих лесах, окружающих сию реку. Потом, спустя несколько времени, раскаиваются, представляют аманатов и с дозволения начальства опять переходят на прежние места; главные же преступники , не имея надежды на прощение, остаются на Мичике; оттого ущелье сей реки с давних времен считается вертепом мошенников и разбойников, которые по беспрестанным своим грабежам и воровствам на линии*

и у кумыков для различия от других чеченцев получили название мичиковцов или мичигазовцов; отчего многие в том числе и г. Броневский дают сие наименование всему чеченскому племени и полагают, что чеченцы сами себя называют мичигизами.)**,** другая часть поселившись на землях андреевских князей, в ущельях Акташа и Ямансу, получили название *ауховцев*, к коим от времени до времени присоединились разные таулинцы (**4*** *Кумыки и казаки на левом фланге линии называют таулинцами вообще всех горцев, живущих на южной стороне хребта Сала-Тау и далее во внутрь Кавказских гор; название сие происходит от кумыкского слова тау – гора, так жители Кахетии и вообще всей Алазанской долины, называют лезгин, за главным Кавказским хребтом живущих, дагестанцами, от татарского слова даг, что значит тоже гора; грузины называют сих лезгин тоже глуходарами и болходарами*).

Качкалыковцы и ауховцы по соседству и беспрестанным сношениям с кумыками приняли их обычаи и много слов их наречия (**5*** *Кумыки говорят испорченным татарским языком*.), отчего многие полагают, что они говорят особенным языком и потому считают их особенным племенем.

Итак, рассматривая народы обитающие северную покатость той главной отрасли Кавказских гор, которая от горы Борбало тянется к хребту Салатау, как они теперь нам представляются, можно сказать, что пространство от Терека до Аксая, обитаемо одним племенем (исключая галгаевцов, которые принадлежат к осетинскому племени), неимеющим никакого между собою политического разделения, везде то же самое равенство и безначалие, совершенно одни нравы, обычаи и наклонности; небольшое различие в языке, оттенки коего заметны лишь с оконечностей сего пространства; как например ауховцу и качкалыковцу трудно будет понять галашевца и ингушевца; соседи же везде друг друга понимают; разность в наречиях происходит вероятно и от того, что ни у одного из сих племен нет своих письмен; для письма в восточной части Кавказа везде употребляется арабский язык, который знают одни муллы и то весьма дурно.

Впрочем все сказанное мною о происхождении чеченцев и смешении племен против левого фланга Кавказской линии живущих, не основано на каких-либо фактах, а только понятие, которое я себе составил о сих полудиких и нам почти вовсе неизвестных племенах; понятие сие может быть весьма фальшиво и неосновательно, но полагаю что раскрыть истину о происхождении кавказских горцев если возможно, то вероятно не прежде как горы повсеместно будут для нас доступны и горцы откровенно будут передавать существующие между ними предания, и тогда едва ли это возможно по причинам выше сего изложенным.

Народонаселение.

Если со вниманием рассмотреть карту Чечни составленную во время экспедиции, произведенной в 1832 г. и сравнить ее с прежде составленными картами сего края, то ясно видно, что народонаселение на Сунжинской долине в продолжение даже нескольких лет значительно увеличивалось. Эго доказываетсятем, что долина сия прежде, как и теперь многие помнят, была покрыта сплощными лесами; ныне же во многих местах встречаются большие поляны, которые год от году делаются пространнее, главная причина тому конечно та, что по мере умножения числа жителей нужно увеличить и поля; также заметно, что год от года увеличивается число выселок из больших деревень и там где 10 лет тому назад были густые леса, теперь поля и много деревень.

Впрочем, после всякой экспедиции жители разоренных деревень редко все остаются на прежнем месте, а обыкновенно водворяются где ни будь в глуши, для большей безопасности и там по необходимости вырубливают лес как для строений своих, так и для того, чтобы на новом месте иметь поля кругом своих жилищ.

Сунжинская долина весьма густо населена; в Черных горах, по крайней мере там, где наши бывали, селения реже, но многолюдны и как выше сказано судя по климату и растительной силе природы, народонаселение могло быть там гораздо более чем оно теперь, впрочем и там заметно, что оно увеличивается, ибо повсюду в лесах далеко от жилищ встречаются недавно занятые поля, сие ясно доказывает, что потребность в хлебе увеличивается, а с тем вместе и народонаселение. В самых высоких горах, где произведения природы весьма скудны, население должно быть несравненно менее, там большие селения весьма редки, а живут маленькими деревушками, разбросанными по бесплодным ущельям рек.

Невозможно с точностью определить народонаселение в Чечне, даже приблизительные сведения посему трудно собрать, ибо жители, чтобы держать нас в заблуждении нарочно передают нам таковые в чрезмерно увеличенном виде, или же в слишком уменьшенном, так что из рассказов их весьма трудно сделать какое ни будь основательное исчисление народонаселения. По среднему // исчислению из разновременно собранных сведений считают в Чечне ото 110 т. до 120 т. жителей, впрочем, сие исчисление весьма умеренно, полагать должно, что народонаселения в Чечне больше.

Если положить, что чеченцы занимают до 6 т. вер., то на каждой таковой версте по упомянутому исчислению придется от 18 до 20 душ. Судя по плодородию земли и благоприятному для здоровья климату в Чечне, нет, кажется, сомнения, что народонаселение там могло быть удвоено, разумеется, при другом образе жизни.

Язык.

Как выше сказано многие описывавшие Кавказский край причисляют чеченцев к кистинскому племени и полагают, что чеченский язык есть наречие кистинского. Может быть это и справедливо, не молу оспаривать, чего не знаю, но знаю только то, что чеченцы сами считают свой язык коренным, совершенно различным от кистинского и говорят, что друг друга не понимают, исключая в тех горах, где кистинцы с чеченцами живут смежно и даже в некоторых местах перемешаны. Карабулахи же, ауховцы и качкалыковцы говорят наречиями чеченского языка. Карабулахский язык сходен с галашевским наречием, а последнее с галгаевским и кистинским, следственно по наречиям весьма трудно определить, кто из них коренное племя кистинцы или чеченцы.

Как я выше сказал, полагаю это два разные племени, которые в разных местах перешли через горы и уже на северной покатости смешались и слились в один народ. Впрочем, повторяю еще раз, что сие заключение может быть весьма неосновательно, ибо на справедливость показаний горцев о том, что касается до их житья и бытия, никак положиться нельзя; они стараются передать нам сведения какие бы то ни было в искаженном и превратном виде, желая как можно долее держать нас в неизвестности о настоящем их положении, и надобно отдать им справедливость, что они в том весьма хорошо успевают: более 30-ти лет как русские перешли чрез Кавказские горы и основались за оными, а еще весьма мало собрано положительных сведений о сей во всех отношениях любопытной стране.

Чеченцы, как и все кавказские горцы своих письмен не имеют, между ними грамотны одни муллы, познания коих ограничиваются чтением и письмом арабского языка, и весьма редко кто из них знает сей язык хорошо и основательно. Кроме алкорана других книг не имеют, а тот, кто понимает алкоран и в разговорах и письме умеет употреблять тексты и фразы из оного, считается ученым; впрочем, эти г.г. ученые между горцами пользуются весьма малым уважением и ни что иное, как особого рода ремесленники, которые служат у того, кто им больше платит. Горцы вообще считают ниже своего достоинства заниматься чем-либо другим, как воинственными упражнениями, и между ними человек ценится по одной лишь храбрости, отважности своей и опытности в разбоях и набегах.

Вероисповедание.

Турецкое правительство с давних времен имело политические виды на Кавказские горы; дабы склонить их на свою сторону, оно всячески старалось обратить их в мусульманскую веру, в чем и успело, конечно на то употребляемы были значительные денежные пожертвования и много времени. Сначала турецкие агенты действовали между прибрежными горцами более посредством торговых с ними сношений, приобретав их доверенность и не щадя денег,

нечувствительным образом ввели между ними свою веру, которая потом сама собою пространилась довольно быстро между закубанскими племенами и кабардинцами (**6*** *Кабардинцы и все закубанские народы, причисляющие себя к племени черкесов, полагают, что предки их выходцы из Аравии, которые неизвестно когда перешли в Крым и там поселились между греческими колониями. При выходе из Аравии они были магометане, но в Крыму приняли христианскую веру; потом из Крыма переселились в Черноморию и распространились по Кубани, наконец теснимы со стороны Севера перешли за Кубань; христианская вера постепенно между ними ослабела и они, наконец, сделались идолопоклонниками, сохранив, однако же некоторые христианские обряды. Около 1770 г. они опять приняли магометанскую веру уже посредством действий турецкого правительства.*).

Виды корыстолюбия и собственные выгоды вероятно побудили прибрежных горцев принять магометанскую веру, — из Анатолии они получали все свои потребности и туда сбывали все свои избытки, потом постепенно вошли в дружеские сношения с анатольскими турками и наконец и в родственные с ними связи **(7*** *Турецкие вельможи издревле старались наполнять свои гаремы черкешенками, почитаемыми между ними красивейшими женщинами, и нередко вступали с ними в законный брак; жены их часто отыскивали своих родственников и переводили их на жительство в Турцию, такие выходцы обыкновенно вступали в турецкую службу и по свойственной горцам храбрости нередко достигали до самых первых мест в государстве. Турецкое правительство видело это с удовольствием, ибо таким образом влияние их между горцами возрастало и делалось надежнее; оно до такой степени умело утвердить свое влияние, что прибрежные горды и закубанцы уже признавали султана своим законным государем н исполняли приказания турецкого начальства в Анапе. По Адрианопольскому мирному договору Оттоманская порта отдав Анапу, Поти и весь восточный берег Черного моря, отказалась от всякого влияния над горскими народами, но несмотря на сие, сношение анатольских турок с прибрежными горцами все еще продолжается. Учреждением постоянного крейсерства по восточному берегу Черного моря весьма сношения сии несколько ограничены и со временем должны прекратиться; особенно если на берегу Черного моря еще будут заняты несколько пунктов и тогда нет сомнения, что магометанская вера ослабнет между горцами.*).

Сие еще не могло распространиться до восточной части Кавказа; тамошние горцы живут слишком далеко, чтобы пользоваться какими-либо выгодами от преданности к турецкому правительству; а как у горцев все основано на корыстолюбии и личныя выгоды, то влияние турок там было гораздо слабее и почти ничтожное; по сей самой причине, хотя турецкое правительствопосредством денежных жертвований и усиливалось ввести между

горцами, обитающими в восточной части Кавказа магометанскую веру, но не успело еще упрочить оную, в особенности между чеченцами и лезгинами.

Фанатизм к вере столь свойственный мусульманам вообще, там нисколько не заметен, выдаются конечно между ними иногда ревностные поборники исламизма как в 1788 г. Ших-Мансур, в 1830 г. Кази-мулла и другие подобные им, но никак нельзя полагать, чтобы действия сих людей клонились единственно к восстановлению упадающего исламизма, а мне кажется - гораздо более к исполнению честолюбивых или корыстолюбивых видов своих, которые они покрывали фанатизмом собственно для отсторонения всякого подозрения в настоящей цели действий своих, и если имели иногда успех, то нельзя мне кажется приписать оный религии, а другим каким либо причинам, сильнее на горцев действовавшим… Если следовать за действиями Казн-муллы, то ясно видно, что одни виды корыстолюбия и привычка к хищничествам побудило горцев пристать к его скопищам.

Он начал проповедывать свой шариат еще в 1829 г., однако же имел весьма мало последователей; в 1830 г. действия его клонились к уничтожению аварского ханского дома, в сем он не успел и тогда партия его была незначительная; в 1831 г смелые его набеги в Дагестане и Кумыкских владениях, и в особенности разорение Кизляра, привлекло на его сторону большую часть непокорных нам горцев в восточном Кавказе. Это всех поощрило к принятию его шариата, так что и чеченцы присоединились к нему. Для утверждения своего влияния между нимион в начале 1832 г. имел намерение напасть на Владикавказ и Грозную, к сему, однако же не стало у него смелости, и он опять удалился в Дагестан; летотого же года, когда наши войска были в Чечне, Кази-мулла прибыл туда с скопищами на помощь чеченцам, как они ожидали и как он им обещал, а с тем, чтобы воспользоваться отсутствием войск с левого фланга линии и сделать нападение на казачьи станицы, дабы доставить своим сообщникам случай грабить и тем поддержать приобретенное влияние и славу в горах; для чего недостаточны были одни проповеди; но как сие предположение его не удалось и он не имел надежды на успех против наших войск; то он удалился с своим скопищем, не оказав чеченцам никакой помощи, почему они потеряли к нему доверенность и, несмотря на все его воззвания к ним держаться против нас, они думали только о защите своих семейств, и начали приходить с покорностью.

Салатовцы не желая подвергнуться тому же жестокому наказанию, которое над собою испытали чеченцы при появлении наших войск в их землях, изъявив добровольную покорность, готовы были исполнить все требования наши, и Кази-мулла никакими убеждениями не мог заставить их противиться. Когда же Кази-мулла приглашал их принять участие в набегах своих, они всегда были готовы пристать к нему, имея надежду получить добычу; а за веру они и не думали

подвергать себя и свои семейства опасности. Потом войска наши перешли в Дагестан, и наконец взяли Гимры. Если чеченцы, салатовцы и другие племена, принявшие шариат Кази-муллы, в приверженности своей к нему руководимы были фанатизмом к вере, они вероятно пришли бы к нему на помощь в Гимры…

Вообще мне кажется, что многие весьма ошибочно делают заключение, что в возмущениях противу нашего правительства, или при каких либо волнениях, горцы, принимающие участие в оных, побуждаются к тому фанатизмом к исламизму; могу ошибаться, но вполне уверен, что корыстолюбие, грубое невежество и привычка к праздности и хищничествам к тому служат главными побудительными причинами, и что религия на них в таких случаях решительно не имеет ни малейшего влияния, особенно в восточной части Кавказа…

Некоторые полагают, что как чеченцы, так и все горцы восточного Кавказа, в древние времена были христиане, но что они несколько веков тому назад приняли магометанскую веру, которая совершенно почти исчезла в конце 18 столетия, и потом несколько опять восстановлена в последнее время посредством действий турецкого правительства.

Нравы, обычаи и промышленность.

Чеченцы хотя и ведут оседлую жизнь и вышли, можно сказать, из первобытного состояния человека, но со всем тем, по нравам, обычаям и наклонностям их можно причислить, если не к совершенно диким, то по крайней мере к полудиким народам.

Они вообще воинственны, с малолетства приучают себя переносить труды, в пище весьма умерены, недоверчивы, коварны, чрезвычайно корыстолюбивы, склонны к праздности, вероломны, мстительны, страстей своих обуздывать не привыкли, к удовлетворению коих на все готовы, одним словом для них ничего нет святого, и во всем действуют по своему произволу.

По сродной им наклонности к праздности они весьма мало занимаются сельскими работами несмотря на то, что природа им на в чем не отказала и что при малейшем усердии они могли жить в полном довольствии. При таковом образе жизни семейства их оставались бы без необходимости потребностей своих, если они хищничествами не заменяли свою праздность и посредством оных не приобретали свои потребности; от того хищничество есть и будет для них необходимостью, до тех пор пока они не сделаются прилежнее и не будут более заниматься сельскими работами.

Посему первое старание чеченца есть приобретение исправного оружия и хорошего коня, ибо на них основывается вся его надежда жить в довольствии и удовлетворять своим страстям, потом он в хищничествах своих старается приобретать пленных, дабы иметь в доме рабов для отправления полевых работ,

и тем обеспечив существование свое и семейства своего, предается праздности; по сим причинам как между чеченцами, так и между горцами вообще, пленные считаются лучшею добычею.

Как мужчины ленивы, так женщины трудолюбивы, они обязаны отправлять все работы в доме и если нет рабов, то даже и некоторые полевые. Сверх того, женщины прилежно занимаются рукоделием разного рода; ткут сукны для домашнего обихода, иногда и даже для продажи, делают разного разряда ковры, войлоки, бурки (только у горных чеченцев); мужчинам шьют платье и обувь.

Мужчины в молодости занимаются только воинственными упражнениями, стреляют в цель из ружья и лука, борятся, объезжают лошадей, ездят на охоту и т. п., в зрелом же возрасте, если дома, то толкуют и делают планы как и куда пуститься на воровство, или сделать удачный набег, старики дают им свои наставления и советы, сами же остаются дома для присмотра за хозяйством. В случае каких-либо споров прибегают к их советам, и они вроде медиаторов разбирают дела и судят по шариату (духовный закон основанной на правилах алкорана) и принятым обычаям.

Наружность чеченцев вообще довольно приятна: они стройны, ловки, проворны, одежда их совершенно та же как у всех горцев Черкесского племени: чекмень обыкновенно желтого или // серого сукна своего изделия, редко кто покупает сукно для собственного употребления; бешмет или ахалух бывает разных цветов, но летом они его делают из белой материи, суконные ноковицы и обувь чирики (род башмаков без подошв); нарядное платье обшивают узкими серебрянными галунами, которые горцы вообще делают очень прочно и красиво.

Женщины одеваются почти как татарки, голову они так же обвязывают длинными белыми платками, но покрывал не носят и не прячутся от мужчин. Но, впрочем, весьма невежливо пристально смотреть на женщину; а также спрашивать мужа о здоровье его жены и детей. Чеченцы и горцы вообще очень ревнивы, за малейшее подозрение в неверности жены, ее судят по шариату и принятым обычаям, которые в таких случаях очень строги.

За явную неверность муж обыкновенно сам убивает свою жену; если же он обличить ее не может, а подозрение сильное, то судят по шариату; обыкновенное присуждение за неверность суть: убить каменьями, бросить с кручи или подобные какие-либо жестокости.

Чеченцы, обитающие на долине, живут большими деревнями; у них турлучные дома (стены сплетены из хвороста, внутри и наружи толсто обмазаны глиною): довольно аккуратно построены и внутри чисты; стекол нигде нет, окны затворяются ставнями для защиты от холодных северных ветров, почему они как и двери обыкновенно обращены к югу или востоку, эта сторона дома обнесена навесом, дабы дождь не проникал в окны и для прохлады летом, печи в домах у

них не в употреблении, комнаты согревают каминами, а хлеб пекут в особо устроенных на дворе круглых печах. В каждом доме есть особое отделение для гостей, которое называется кунацким, оно состоит из одной или нескольких комнат смотря по состоянию хозяина, которые всегда содержатся в большой чистоте; хозяин обыкновенно утром выходит от своего семейства в кунацкое и там проводит целый день; к семейству опять возвращается вечером. Каждой дом имеет свой особенный двор, огороженный плетнем.

Дома у горных чеченцев, живущих в верховьях Аргуна, где нет или очень мало леса, каменные иногда сложенные без извести или глины. Эти чеченцы живут гораздо неопрятнее и вообще несравненно беднее. Они весьма мало занимаются хлебопашеством и не имеют достаточно хлеба для собственного употребления; они получают хлеб, соль и другие потребности свои от жителей нижних деревень, и за оные отдают им свои избытки как то: мед, воск, шерсть, грубые сукна, ковры низшего разряда, звериные шкуры, бурки, сафьяны, выделанные из козлиных шкур, и т. п. Чеченцы живущие на плоскости в свою очередь передают сии товары чрез мирных кизлярским промышленникам, которые для меновой торговли приезжают в мирные деревни; они привозят с собою холст, бурмети (грубая бумажная материя привозимая из Персии, которая между горцами и вообще во всем Кавказском крае в большом употреблении), нанки, ситцы, бумажные платки низшего разряда, шелковые материи, железо, соль, медную посуду и т. п.

Сия меновая торговля большею частию производится в Брагунах и Гедермесе, также в новом Аксае и Андрееве, в сих последних местах промышляют евреи, которые имеют лавки и торгуют на месте, а также разъезжают в дальние горы и снабжают жителей оных разными товарами, променивая оные на бурки, шерсть, масло и другие их избытки, которые они собирают, привозят в Кизляр и променивают на товары или продают за чистые деньги кизлярским купцам уже гуртом. Но главная промышленность мирных чеченцев и кумыков — это продажа леса; особенно занимаются сим промыслом чеченцы на Сунже и Тереке живущие; они зимою приготовляют плоты, строевого и дровяного леса, которые они в полноводие сплавляют по Сунже и далее по Тереку до самого Кизляра.

В Кизляр сплавляется ежедневно от 500 до 800 плотов строевого леса, за каждый таковой плотится от 30-ти до 50-ти руб. сер., что составляет круглым числом около 25 т. руб. сер. Не менее важная отрасль промышленности кумыков и мирных чеченцев составляет доставка в Кизляр для садов таркалов (колья, коими поддерживаются виноградные лозы), ежегодно привозится от 5 тыс. до 6 тыс. арб таркалов; за каждую арбу платится с доставкою в Кизляр от 3-х до 5 руб. сер., они также получают хороший доход от продажи обручей и бочарных досок; за каждую

тысячу таковых досок платится около 30 руб., а их доставляют в Кизляр в весьма значительном количестве. Сверх того горцы со всего восточного Кавказа осенью отправляются в Кизляр и нанимаются для работ в садах, туда больше приходят кумыки подвластные шамхалу тарковскому, мехтулинцы, каракайдахцы, койсубойлинцы, гумбетовцы и мирные чеченцы, сих последних очень мало, люди сии обыкновенно начинают прибывать с половины сентября до уборки винограда, и остаются до конца марта или апреля, позже редко кто остается из опасения от жаров. Таких горцев ежегодно зимуют в Кизляре от 6 тыс. до 7 тыс., каждому рабочему плотится в м-ц от 10 до 15 руб. сер. на хозяйских харчах.

Сумма, ежегодно получаемая горцами в Кизляре за работу, можно примерно положить от 80 тыс. до 100 тыс. руб. сер. Конечно весьма редко (кто) из них вывозит все заработанные им деньги ибо уходя домой они обыкновенно закупают все, что нужно в хозяйстве, а другие покупают лошадей, которых в горах мало и дорого ценятся, в Кизляре же весьма дешевы, особенно весною с появлением подножного корма, посему можно положить, что чистыми деньгами вывозится не более половины означенной суммы, т.е. от 40 тыс. до 50 тыс. руб. сер.

Из вышеуказанного видно, что хотя чеченцы народ не промышленный и занимаются только меновой торговлею, которая незначительна, но однако же весьма достаточна для снабжения их всеми необходимыми их потребностями, и даже многими предметами, которые по их ограниченным понятиям принадлежат к роскоши; все сказанное о промышленности и меновой торговле относится только к чеченцам обитающим на Сунже и Тереке, остальные живут слишком далеко и не имеют тех средств сбывать свои произведения, а следовательно с большим затруднением получают свои потребности, которые доходят к ним через армян и других промышленников, иногда через третии или четвертые руки, отчего они гораздо беднее, но со временем, когда они будут более доверчивы к нам и постигнут свою выгоду от промышленности и мирной жизни, то вероятно сами будут приезжать в Кизляр и другие места для меновой торговли; теперь они имеют один только способ приобретать: это хищничеством, которое составляет, так сказать, их ремесло.

Так как удача в набегах и хищничествах более всего зависит от доброты лошадей и исправности оружия, которым всякий чеченец владеет весьма искусно, то старание каждого есть приобретение доброго коня, и хорошее оружие. Посему оружие и лошади составляют главное их богатство; оружие обыкновенно передается от отца к сыну; такое по наследству доставшееся оружие ни за какие деньги не продают, также весьма трудно купить хороших лошадей; они берегут их для себя; если наездник убит в сражении, то родственники иногда продают его лошадь, дабы она не служила горестным напоминанием о покойнике. Так как чеченцы посредством храбрости, смелости в набегах и хищничествах своих

приобретают все, что имеют, то неудивительно, что храбрость между ними считается первым достоинством: кто не приобрел славы на войне, тот в презрении; девушки даже не выходят замуж за того, кто не оказал какого либо воинского подвига; но их храбрость совсем другого рода как то возвышенное понятие которое мы об оной имеем; чеченцы в разбоях и хищничествах своих чрезвычайно смелы и отважны; в боях против неприятеля они весьма осторожны, более стараются брать хитростью, чем храбростью и чрезвычайно дорожат потерею людей, нападают только тогда, когда они в силах превосходнее своего неприятели и совершенно уверены в успехе, если окружены то дерутся отчаянно, это впрочем случается чрезвычайно редко, ибо они очень берегут тыл свой, и коль скоро заметят, что их обходят, сейчас отступают; против наших войск они не стойки, особенно против пехоты; они чрезвычайно хорошо умеют пользоваться местоположением, и иногда весьма хорошо располагают свои засады или так называемые завалы.

Чеченцы, занимая большею частию места лесистые, почти всегда дерутся пешие, конных обыкновенно мало; последние только наблюдают за действием неприятеля или стараются заманить его в трудные места и навести на засаду. В деревнях они весьма редко держатся, обыкновенно заранее увозят все свое имущество и оставляют деревню неприятелю, домами они своими мало дорожат, иногда однакоже случается если время позволяет, что окружают свои деревни шанцами, обыкновенно состоящими из плетневого бруствера и неглубокого рва, но и в шанцах нестойко держатся.

Артиллерия и еще более штык скоро заставляет их бросить свои засады, в особенности если заметят, что их обходят; весьма редко доходят до рукопашного боя. Вообще у них правило стараться заманить неприятеля как можно далее и заставить его пройти дефилей или какое нибудь трудное место, и его не беспокоивают, но при отступлении смело и дерзко нападают на арриергад, нередко бросаются на орудие в таких случаях нужно хладнокровие и большой порядок при отступлении; малейший беспорядок или оплошность сейчас замечают и весьма хорошо умеют ими пользоваться; все большие потери наши в делах против горцев большею частию происходили от неосторожности и приближения к неприятелю.

Чеченцы в открытом поле никогда не дерутся, сейчас уходят в лес; в поле также никогда сами не нападают, разве тогда, если видят, что перевес решительно на их стороне; впрочем, если они и в превосходных силах, то в открытом местоположении не страшны, особенно для нашей пехоты, нужно только соблюдать строгий порядок и чтобы нач-к был хладнокровный.

Чеченцы, как кавказские горцы вообще, весьма много дорожат своими убитыми и ранеными, они считают священною обязанностию доставить тела убитых родственникам, и чтобы спасти их из рук неверных весьма часто

бросаются в рукопашный бой; а если не в состоянии отбить, тела, то родственники чрез мирных стараются выкупать их, и нередко за одно тело дают по 2 и по 3 русских пленных. Убитых в сражениях отличают на кладбищах: на могилы их ставят флигеря, обыкновенно белые на высоких шестах. Если какая-нибудь партия возвращается с добычею или с удачного набега, то проезжают чрез деревни днем с песнями и музыкою; если же предприятие не удалось, то возвращаются ночью, избегают проезжать чрез деревни и без всякого шума разъезжаются по домам.

Кровомщения существуют на том основании между чеченцами как и между прочими кавказскими горцами, что весьма много удерживает их от смертоубийств и других преступлений, но несмотря на то убийства, особенно в ссорах, очень часты; иногда родственники стараются примирить враждующих посредством наложения пени на виновного, но подобного рода примирения не всегда удаются, сильную обиду нельзя омыть иначе как кровью. Кровомщения часто бывают наследственны и переходят даже из рода в род, это, впрочем, редко, ибо трудно, чтобы человек в продолжении всей жизни своей не имел случая отомстить своему неприятелю; но если случится, что кто нибудь умрет не отомстивши, то сын или ближайший родственник обязан принять на себя мщение за отца или родственника.

Если кто ни будь потеряет в сражении отца, брата, близкого родственника или другого, то иногда дает обещание до тех пор искать опасностей покуда не убьет кого либо из неприятелей своих (сие более относится к русским) и тем отомстит за родственника или друга своего; такие люди иногда с самоотвержением бросаются на явную смерть, люди исполнившие подобной обет в большом уважении. Бывают между горцами люди, которым жизнь наскучила и по беспокойному характеру своему нарочито скитаются для того, чтобы искать ссоры или кровомщения, эти люди обыкновенно надевают красный башлык, дабы тем отличить себя от других и дабы всякой мог остерегаться от встречи с ними, всякой их боится, но несмотря на то, по обычаям существующего между горцами гостеприимства, которые строго соблюдаются, нельзя отказать им в приюте, впрочем нарушение гостеприимства неслыханно; в двух шагах от дома не предосудительно гостю убить хозяина или обратно, тогда как трогать его в доме было бы величайшим преступлением, посему гость в знак доверенности своей к хозяину слезая с лошади, всегда отдает свое оружие, которое получает обратно при отъезде своем.

Вообще между чеченцами и всеми кавказскими горцами странная смесь добродетелей и пороков: воровство у неприятеля своего особенно у неверного, считается удальством, между своими покражи почти не слыханы и считаются постыдными, если вор обличен, за воровство обыкновенно налагают большую

пень, если вор не в состоянии заплатить оной, то выгоняют из деревни. Между собою редко нарушают данное слово, а если кто это делает, тот в презрении, обещание же и даже самую присягу, данную неверному, исполняют только тогда, когда исполнение оной сходно с их выгодами, ловко и хитро обмануть русского считается достоинством и даже умом.

Весьма странно и то, что лазутчики и проводники при наших отрядах, обыкновенно выбираемые из мирных деревень, терпимы между своими единопленниками, к которым они иногда, во время самых военных действий — свободно к ним ездят, передают нам за весьма умеренную плату все, что происходит между непокорными, а им рассказывают, что у нас делается; никогда не случалось еще, чтобы кто ни будь за это подвергался кровомщению или был убит; иногда бывает, что у лазутчика или посланного с бумагами, отбирают лошадь или задерживают, но никогда не убивают.

Лазутчик в Чечне особого рода промышленник, который только промышляет доставлением сведений, в выборе их надобно однако же быть весьма осторожным, мало таких, на которых можно положиться, большею частию выдумывают в пользу единоплеменников своих, или доставляют такие известия, которые им не могут быть вредны.

Также весьма достойно замечания то, что когда во гремя экспедиции наши отряды подходят к какой ни будь деревне, то часто случается, что из оных выезжают на встречу один или несколько человек без оружия и просят позволения мириться, плотят штраф, дают аманатов, с тем, чтобы дома и поля их оставлены были в целости; между тем как производится перестрелка с другими жителями той же деревни. Наконец берут деревню и истребляют ее; примирившиеся с хладнокровием смотрят как жгут и истребляют дома и поля их соседей, заботясь только о сохранении своих, и это у них нисколько не считается постыдным или предосудительным ибо по их понятиям каждый волен делать, что ему угодно и действовать сообразно с своими выгодами и по собственному произволу своему, впрочем эта философия довольно здоровая.

Иногда случается, что целая деревня покоряется, а один какой-нибудь храбрец не хочет мириться, жертвует своим домом и потом хвастает, говоря, что русские не могли его заставить покориться. Я говорю здесь о сих подробностях, собственно, потому, чтобы выказать до какой степени простирается грубое невежество чеченцев и что между ними не существует никакого единства.

После всего вышеизложенного я думаю никому не покажется удивительным, что в Чечне нет никакого политического разделения, или устройства; у чеченцев нет и никогда не было своих князей, беков или каких ни будь других владетелей; все ровны: личные достоинства и богатство одни могут дать преимущество; власти кроме права сильного, никакой над собой не

признают. Сие несколько доказывает сказанное мною выше о происхождении и смешении чеченцев с другими племенами, и что чеченцы в теперешнем их состоянии не есть что иное как смешение разных племен или сброд людей, которые случайным образом соединились, к теперь по обычаям, нравам и языку составляют один народ, который не связан никакими узами общежития, и где всякой, не признавая над собою никакой власти, может делать все что ему угодно, отвечая только за себя.

В спорах и делах своих они, конечно, иногда обращаются к старикам и выбирают между ними медиаторов, но это делается не иначе как с общего согласия обеих сторон и к тому никто принужден быть не может; следовательно принятые обычаи не могут заменить законов. При разбирательстве дел медиаторы, конечно, руководствуются некоторыми обычаями и правилами шариата, но они имеют свою силу лишь тогда только, когда обе стороны соглашаются подвергнуться оным; одно лишь кровомщение удерживает чеченцев от убийств и других преступлений.

Брагунское общество,которое некоторым образом принадлежит к Чечне, имеет своих князей, коими они управляются. Брагунцы ведут мирную жизнь и нам довольны покорны, они большею частию занимаются промышленностию произведений чеченцев (**8*** *Общество сие состоит из одной только деревни Брагуны, заключающей около 200 дворов, брагуны одного племени с кабардинцами, т. е. черкесского, смешавшись с кумыками и чеченцами они потеряли свой язык и теперь говорят особенным наречием, я причислил обществе сие к Чечне потому, что оно со всех сторон окружено чеченцами. В прежние времени, когда кабардинцы были господствующий пародом на северной покатости гор, то земли их вероятно простирались до впадения Сунжи в Терек; где теперь Брагуны; а потом когда чеченцы сделались сильнее, они с некоторых мест по Тереку вытеснили кабардинцев и поселились на их земле; деревня же Брагуны по каким добудь случаям осталась по прежнему занята кабардинцами; земли черкесского племени простираются от Анапы до Брагун, первый народ сего племени шегаки живущие около Анапы, а последние брагунцы, но, на пространстве сем обитают и народы не принадлежащие к черкесскому племени, которые после черкесов заняли обитаемые ими ныне места, который некоторым образом принадлежит к Чечне, имеет своих князей, коими они управляются. Брагунцы ведут мирную жизнь и нам довольны покорны, они большею частию занимаются промышленностию произведений чеченцев.*).

Вооруженная сила.

В Чечне каждый, который может носить оружие, вооружен, если в Чечне 120 тыс. жителей и из того числа положить половину женщин, то остается

мужчин до 60 тыс.; если опять положить что из числа жителей мужеского пола 2/3 стариков и детей, или вообще неспособных носить оружие, или остающихся дома для охранения семейств, то затем остается 20 тыс. чеченцев вооруженных и могущих собраться для действий против нас. Если между ними существовало бы единодушие, то конечно столь значительное число хорошо вооруженных и отличных можно сказать воинов было для нас опасно, особенно если они избрали бы себе умного и предприимчивого предводителя; но как всякой в Чечне действует сообразно с своими выгодами и по собственному произволу, то для самых, важных предприятий своих, чеченцы не могут собрать более 3-х или 4-х тыс. чел. и то весьма редко.

Чеченцы вооружены совершенно как все народы черкесского племени: ружье, шашка, пистолет, у весьма немногих есть лук, стрелы и панцыри; ружья у них вообще хорошие и стреляют метко. У чеченцев очень мало пороху, а еще менее свинцу; оттого они дорожат своими выстрелами, тот кто имеет 10 или 12 патронов богат снарядами; во время продолжительных действий против них замечено, что в первые дни они храбрятся и стреляют весьма часто, а потом стрельба ихделается реже; иногда вместо пуль употребляют камни или деревянные пули облитые свинцом.

Порох делают некоторые сами и весьма хороший, но не в большом количестве; говорят, что они добывают свинцу сами в горах, но очень мало; большею частию получают его чрез мирных горцев из наших городов. Армянские промышленники также возят иногда секретно свинец и продают его за весьма дорогую цену.

В Чечне хорошего огнестрельного оружия не делают, покупают таковое большею частию из Дагестана у кубечинцев, но кубечинские ружья и пистолеты не ценятся; лучшие ружьи крымские и стамбульские так называемые Гаджи-Мустафы, которые редки и весьма дороги; также ценятся старинные европейские ружьи, особенно пистолеты; в горах иногда встречаются пистолеты LazaroLazarini. Щашки чеченцы делают сами и довольно хорошие, в большой Атаге мастер, который в том славится; однако же старинные европейские клинки имеют преимущество, их весьма мало в горах. Кинжалы делают сами, но нехорошей доброты; лучшие кинжалы получают от лезгин; казанищские считаются теперь из лучших в восточном Кавказе, там один мастер, который в большой славе.

Главная оборона чеченцев состоит в засадах или завалах, которые они располагают иногда с хорошим военным соображением. Они обыкновенно делают свои завалы следующим образом: в дефилее или каком-либо трудном месте заваливают дорогу большими деревьями, дабы тем задержать следование войск; потом от заваленного места в стороне от дороги, в расстоянии не более как на ближайший ружейный выстрел, выбирают возвышенное неприступное место,

которое трудно обойти и там делают себе бруствер, обыкновенно из деревьев; от сей возвышенности вырубают лес до самой дороги, вроде просеки по которой им весьма удобно вредить неприятелю, будучи сами закрыты от его выстрелов. Чаще всего делают завалы на самой дороге, заваливая оную бревнами и за оными выжидают неприятеля, сей последней род завалов можно устроить очень скоро и легко, от того в один день придется брать иногда несколько таковых, в сих завалах они долго не держатся; после первых двух выстрелов они сейчас уходят; эти завалы они обыкновенно делают для того, чтобы задержать отряды наши и дать время жителям деревень выбраться с семействами и имуществом в ближайшие леса.

Об образе войны чеченцев я уже упомянул выше, они дерутся всегда в рассыпном строе; в массе же никогда и в открытом поле неохотно вступают в бой, одна необходимость, или явное превосходство в силах могут их к тому заставить. По образе войны чеченцев они в делах с нашими войсками всегда имеют над ними преимущество: их ружья бьют гораздо дальше наших солдатских ружей, и они стреляют лучше наших солдат; к тому еще они несравненно легче одеты и знакомы с местоположением, что много значит в лесистой и перерезанной стране как Чечня, где мы весьма редко можем вполне пользоваться преимуществом, которое дает в делах артиллерия, ибо, как сказано, чеченцы дерутся в рассыпном строе и всегда в лесу, в открытом же поле мы всегда имеем) над ними перевес; это горцы вообще очень хорошо понимают и оттого из своих лесов выходят только по необходимости.

Линейные казаки, будучи одинаково вооружены и одеты горцами и зная все их уловки и употребляемые ими военные хитрости, в делах ни в чем им не уступают и нередко весьма стойко держатся против превосходного в силах неприятеля, горцы с ними неохотно вступают в бой, когда силы одинаковы.

Сообщения.

Сунженская долина перерезана множеством дорог, которые все весьма удобны для колесных тяжестей и для следования войск с обозами почти не представляют никаких затруднений; переправы чрез некоторые реки могут иногда остановить следование отрядов, о чем упомянуто выше в статье о реках.

Главные дороги в военном отношении суть следующие:

1) Дорога от Владикавказа чрез Назран, Грозной, Брагуны, Ташкечу и Чир-Юрт в Темир-Хан-Шуру. Это самое прямое военное сообщение из центра линии и Грузии с Дагестаном, которое теперь существует, дорога эта везде хороша и не представляет никаких затруднений для следования войск. Если в Брагунах нет переправы, то надобно два раза переправляться чрез Терек: против Червленной и Амир-Аджи-Юртовского укрепления. Зимою эта дорога имеет то неудобство, что

между Назраном и Грозной бывают почти постоянные вьюги и мятели и на левой стороне Сунжн мало лесу.

2. Дорога из Владикавказа чрез Назран, всю Чечню, Кумыкские земли и Чир-Юрт в Темир-Хан-Шуру.

Дорога сия от Владикавказа до Назрана идет открытыми и совершенно почти ровными местами, от Назрана до Аку-Юрта она пролегает у подошвы Черных гор, и есть последнее продольное сообщение на плоскости; от Назрана до Ассы местоположение несколько волнисто, но совершенно открыто, и не представляет никаких затруднений для следования войск. Далее от Ассы до Аргуна встречаются леса, но можно выбрать дорогу, которая весьма мало проходит лесистыми местами, а именно та, по которой отряд шел в 1832 г., т. е. через Ахбарзой, Даут-Мартан, Пхан-Гечу, Гехи и Чунгорой-Гойты; от сей последней деревни надобно направить путь на большую Атагу или большой Чечень, смотря по тому, где из сих двух мест удобнейшая переправа чрез Аргун. За Аргуном лучшая дорога пролегает чрез Шали, Автур, Майор-Туп и Аку-Юрт, она проходит по лесистым местам, но удобная для обозов. От Аку-Юрта надобно перевалиться в Ойсунгур чрез Качкалыковский хребет, который также покрыт лесом, но дорога чрез оный весьма хороша. От Ойсунгура до старого Аксая места открытые и дорога совершенно ровная. От Аксая до Внезапной и далее до Темир-Хан-Шуры дорога проходит по ровному и открытому местоположению.

По сей дороге от Владикавказа до Темир- Хан-Шуры 270 вер., а из Тифлиса до Темир-Хан-Шуры до 450. Эта дорога со временем, когда Сунжинская долина будет занята нами, может быть прямейшим и удобнейшим военным сообщением между центром линии и Дагестаном, а также между сими последними и Грузнею до тех пор покуда не откроется сообщение с Дагестаном прямо чрез Кавказские горы. Вышеизложенная дорога имеет весьма много выгод: 1) от Владикавказа и центра линии в Темир-Хан-Шуру и вообще в Северный Дагестан она самая кратчайшая, 2) она проходит по здоровым местам, 3) войска, которые будут следовать по ней по всему протяжению везде найдут подножный корм, дрова в большом изобилии и здоровой воды, далее для больших отрядов везде по сей дороге имеются удобные и здоровые лагерные места, что немалая выгода для военного сообщения. Сверх того, зимою по сей дороге нет таких ужасных вьюгов и мятелей как по дороге из Назрана в Грозную, леса закрывают от ветров, а в случае больших холодов зимою, то везде лесу в изобилии, следственно эта дорога зимою для следования войск удобнее. Она имеет одно только неудобство, что нужно переправиться чрез три значительные реки, которые в полноводие и дожливое время трудны к переправе: Ассу, Аргун и Сулак.

Других продольных сообщений по Чечне нет; поперечных же много и во все направления так как жители на плоскости везде имеют арбы, то и дороги должны

везде быть проходимы для колесных тяжестей. Из поперечных сообщений главное и по которой наши войска обыкновенно идут в Чечню, это дорога из Грозной чрез проход Хан-Калу в Большую Атагу. В прежние времена чеченцы старались останавливать отряды наших войск в сем проходе; им весьма удобно было это делать потому, что там прежде был большой лес, но при ген. Ермолове лес вырублен на пущечный выстрел по обеим сторонам дороги, так что теперь Хан-Кала не представляет уже никаких затруднений, остальная часть дороги открытая, ровная и весьма хорошая.

Из Чечни на южную сторону Кавказских гор ведут многие дороги, по рассказам жителей лучшие из них из Большой Атаги вверх по Чанти-Аргуну и, следует по сей реке до самых истоков, ее, потом в земле хевсурцев переходит чрез снеговой хребет и спускается в ущелье Пшавской Арагвы; далее она идет вниз по Арагве до впадения ее в Куру, и наконец по левому берегу сей последней реки до Тифлиса.

Дорога из Гехи идет вверх по реке того же названия почти до истоков ее, и потом из земель акинцов переходит чрез значительный хребет гор, спускается в ущелье Чанти-Аргуна и в кистинской деревне Теретего соединяется с прежде описанною дорогою идущею из большой Атаги. По первой дороге ездят зимою, потому что в ущелье Чанти-Аргуна меньше снегу; летом же ездят по другой, ибо та считается удобнее; зимою последняя непроходима. По первой дороге из Большой Атаги в Тифлис около 200 вер.; а по другой из Гехи несколько больше.

По сим двум дорогам обозы проходить не могут, во многих местах они трудны для вьюков, большие отряды по оным также следовать не могут, потому что во многих местах недостаток в подножном корме и в лесе.

С плоскости по каждой реке идут дороги в горы, и некоторые из них довольно хороши. Дорога из Маертупа в Ичкерийские горы и к верховьям Аксая весьма удобна, спуск и подъем на Гудермесе только затруднительны; с некоторою разработкою легкие орудия в 1832 г. прошли по сей дороге, если дожливое время, то переправа чрез Гудермес весьма затруднительна, по причине глинистого грунта спуска и подъема к сей реке; в таком случае почти невозможно с легкими орудиями подняться с Гудермеса к Эйнакале.

От Хошельды идет весьма хорошая дорога вверх по Качкалыковскому хребту к верховьям Аксая, дорога сия имеет то неудобство, что на расстоянии от Хошельды до центра, что составляет слишком 30 вер., подножного корма и воды нет. Такая же дорога по рассказам жителей идет от Старого Аксая в деревню Беной по хребту, составляющему правую сторону ущелья Аксая. С верховья Аксая идут несколько дорог к андийцам и гумбетовцам, но они трудны и проходимы только для вьюков. Лучшею // дорогою из Чечни в Андию считается та, которая из Автура идет вверх по реке Холхалу до истоков оной.

От большой Атаги идет дорога по Шарой-Аргуну чрез земли кистинцов в Тушетию и оттуда в верхнюю Кахетию, но эта дорога считается труднее той, которая описана выше, зимою она редко бывает проходима для конных, ибо по оной надобно переправляться чрез три снеговые хребта.

Поверил и.д. обер-квартирмейстера Отдельного кавказского корпуса полк. бар. фон-дер Ховен.

Текст воспроизведен с нашими сокращениями и дополнениями по изданию: Описание Чечни с сведениями этнографического и экономического характера, составленное кап[итаном] Ген[ерального] штаба И.И. Норденстаммом // Материалы по истории Дагестана и Чечни Т.III (первая половина XIX века). Ч.1. 1801-1839 /Подготовлен к печати Г.Е. Грюмберг и С.К. Бушуевым; [Под ред. Р.М. Магомедова]. Махачкала, 1940. С. 298-329.

Первоисточник: РГВИА. Ф. ВУА. Д.18507 («Краткое военно-статистическое описание Чечни. составленное Генерального штаба кап. Норденштаммом в 1834 г. из собранных им сведений во время экспедиции 1832 г.»). Л. 1-59 об. Копия.

* * *

Б /А.
РОДОСЛОВНЫЙ СПИСОК КНЯЗЕЙ, УЗДЕНЕЙ И СТАРШИН (1834 г.)

В Российском государственном военно-историческом архиве в фонде 13454 – «Военное управление Кавказской линией и Черноморией в г. Георгиевске», - хранится архивное дело №450 (датированное 1834 г.): «Родословный список князей, узденей и старшин…в Кумыкском и Чеченском владениях…». В то время под данными названиями подразумевалось пространство, ограниченное Главным Кавказским хребтом на юге, рр. Андийским Койсу, собственно равнинным течением Сулака и берегомКаспийского моря на востоке, и рр. Тереком (в верхнем течении), истоком Сунжи и Ассою на западе, равнинным течением Терека на севере. Деление между кумыкскими и чеченскими владениями (но не народами) шло по течению р. Аксай впадающем в Терек.

Реально же список коснулся княжеских владений[119] и вольных обществ Засулакской Кумыкии с чечено-кумыкским населением, аулов Ауха,

[119]Причем указывается происхождение всех первостепенных узденских фамилий владетельных кумыкских князей (позиционировавших себя корейшитами из Шама) среди которых присутствуют выходцы из собственно кумыкских аулов и обществ (Тарки, Эрпели), аварских

Надтеречной Чечни, Брагунского владения и нескольких аулов т.н. Большой Чечни по Сунже и Аргуну.

К 1834 г. должность командующего войсками на Кавказской линии и Черномории исполнял генерал-лейтенант А. А. Вельяминов, командующим Отдельным Кавказским корпусом был назначен ген.-адъютант Г. В. Розен. Сунженской военной линией (штаб-квартира находилась в крепости Грозная), чеченцами и кумыками на левом фланге военных действий занимался полковник Н.П. Пулло. Все их внимание сосредотачивалось теперь на Чечне, где после поражения антиколониальных выступлений событий в Дагестане под руководством имама Гази-Магомеда, образовался новый очаг сопротивления.

В военных штабах кавказской армии всегда находились опытные офицеры по разведке и прикомандированные сотрудники Генерального штаба, которые занимались сбором и систематизацией разносторонних данных о горских народах. В одном из таких подразделений видимо и был составлен приводимый документ уникальный в своем роде, о влиятельных лицах горского общества. Подписан он неким генерал-майором, чья подпись пока не расшифрована.

К сожалению, данный текст со дня своего составления остался для исследователей Чечни и Кавказа практически безвестным - «утонув» в архивных делах почти на 200 лет.

В наше время исследователи только приступили к его изучению. Так, в 2021 г. «Родословный список…» был опубликован как вариант в электронном сборнике материалов чеченского исследователя М.М. Мурдалова[120]. В нашем издании мы воспользовались оцифрованным архивным первоисточником любезно предоставленным Архивным управлением Чеченской Республики[121] и подготовили к публикации текст в соответствии с существующими требованиями.

Также мы привели в качестве приложения к данному документу выдержки из двух текстов изданных А.Р. Орсахановым: «Краткое описание Кумыкского и Чеченского управлений» и «Список гг. офицерам из азиат, выбывшим из Лейб-гвардии Кавказского полуэскадрона и из Санкт-Петербургских кадетских корпусов…»[122].

(Ирганай, Гумбет и др.), лакских (Кази-Кумух), чеченских (Гуни, Бильтой, Харачой, Карабулак, и др.), брагунских, а также кабардинских и крымских народов.

[120] Чечня и Кавказ: этюды, заметки из прошлого / Сост. М.М. Мурдалов. Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero // URL: https://ridero.ru/books/chechnya_i_kavkaz_etyudy_zametki_iz_proshlogo/ (дата посещения 04.08.2023)

[121] РГВИА. Ф. 13454. Оп. 5. Д. 450. Л.1-20 об.

[122] Исторические личности Чечни (XI–XXI вв.). Т. I. Кн. II. Политические и общественные деятели. Деятели науки и культуры. (Авт. – коллектив авт. Сост.: Гапуров Ш.А., Магамадов

* * *

Б/А. РОДОСЛОВНЫЙ СПИСОК КНЯЗЕЙ, УЗДЕНЕЙ И СТАРШИН (1834 г.)

Родословный список

Князьям, узденям и старшинам, имеющим чины и неимеющим, пользующимся особенным уважением и отличающимся добрым поведением и нравственностию в Кумыкском и Чеченском владениях с помещением одну только мужескую линию с обозначением узденьских степеней и фамилий, а князьям и старшинам без означения степеней[123].

Которой степени	№	Чины имена и прозвания	От роду лет	Из какого происхождения
		Кумыкского владения деревни Андреевской.		
	1			Князь Чопан родился от
		Князья	40	Мурзы которой произошел
		Капитан Чопан		от Муртазали-Аджи, а сей
		Муртазали Аджиев	30	от Чопалова, а сей от
		Его брат		Чопана, сей от Чопалова,
		Прапорщик Герей		сей от Айдемир-Шамхала,
			5	а сей от Султанмута из
		Сыновья	6	фамилии курайш Андия
		Мурза Чопанов		Шамхала прибывшего из
		Муртазали Чопанов		турецкого города Шама,
		Племянники	20	что Дамаск…
		Биарслан	18	
		Магамат		
		Ханмаматовы…		

С.С.) / Под ред. Ш.А. Гапурова, С.С. Магамадова. – Грозный: АО «Издательско-полиграфический комплекс «Грозненский рабочий», 2020. С.491- 493;499-500.

[123] Мы привели ниже начало «Родословного списка» как он выглядит в первоисточнике, чтобы читатель имел представление о его построении, а далее изложили текст в доступном порядке.

2. Капитан Разихан Алисултанов — 39[124].

Сын князя Али-Султана которой произошел от Камбулата, а сей от Казак-Алипа, сей от Чопан-шамхала, сей от Хана, сей от Казак-Алипа, сей от Салтанмута из фамилии Курайш - Андия Шамхала, прибывшего из турецкого города Шам.

Его брат:

Прапорщик Салимхан — 26.

Сыновья:

Алисултан — 13;

Чопан-шамхал — 2.

Племянник:

Абдул-Хасай Салимханов — 1.

3. Айдемир Бийсултанов — 30.

Сын князя Бийарслана, которой произошел от Айдемира, сей от Бамата, сей от Айдемира, сей от Амзы, сей от Чопалова, а сей от Айдемир Шамхала.

Его братья:

Хасанхан — 27;

корнет Таймасханов — 23;

прапорщик Адиль-Хан - 20.

4. Уцми Темиров — 60.

Сын князя Темира, которой произошел от Амзы, а сей от Чопалова, а сей от Айдемир Шамхала[125], а сей от Султанмута, ис фамилии Курейш Андия Шамхала, коих предок вышел из Шама.

Его сын:

Шавхал — 15.

Племянники:

Гебек – 29; } Исламовы

Гусен -Хан -25.

Сыновья Гебека:

Ислам - 5;

Карамурза — 4;

Казий — 2.

Сыновья племянника Уцмия прапорщика Султанмута Темирова:

Довлетгирей — 6; }Султанмутовы.

[124]Здесь и далее цифры означают возраст. – Примечания принадлежат составителю.

[125]Часто упоминаемый в документе Айдемир-шамхал, сын Салтан_Магмута Эндиреевского, правил Тарковским шамхальством Дагестана в 1635-1641 гг.

Шефи – 3.

5. Бамат Арслангиреев — 55.

Сын князя Арслангирея, которой произошел от Бамата, сей от Айдемира, сей от Амзы, сей от Чопалова, а сей от Айдемир Шамхала.

Сын его:

Арслангирей Баматов — 18.

6. Девлетука Гиреев — 32.

Сын князя Гирея, которой произошел от Сокур-Аджи, сей от Урусхана, сей от Айдемир Шамхала.

Чанка.

Майор.

7. Ибрагим Албору-Аджиев — 69.

Сын чанка Албор Аджия, которой произошел от узденьки, от князя Казак-Алипа, которой рожден от Чопан-шамхала, сей от Хана, сей от Казак-Алипа, а сей от Султанмута из фамилии Курайш Андия Шамхала.

Первой степени.

Узденья.

8. Подпоручик Юсуф-Аджи Беинат-Аджиев - 59.

Юсуф-Аджи сын узденя Умар-Аджи, которой произошел от Элевхи, а сей от Умар-солтана, сей от Беге из фамилии Сала.

Его сыновья:

Александр — 22;

Ильяс — 19;

Абдурахман — 10.

Племянники:

Магамат–Аджи Албирюаджиев – 35;

Мустафа Алихаджиев – 40;

Закарья Элевхаев – 22;

Батырхан Ибраимов – 32;

Абдулла Ибраимов - 23;

Тавлу Абуев – 15;

Муса Умаханов – 25;

Бийахай Оруженосец[126] -26;

Харун Генож-Аджиев – 24.

[126] Так в тексте.

Сыновья племянников:
Абдуразак Магаматаджиев – 7.
Муса – 10; }Мустапаевы.
Ольмес – 5;
Ахметхан Батырханов – 6.
Темруху – 9; } Аджиевы.
Исмаил – 8.
Хиду Элевхаев – 9.

9. Подпоручик Телов Тотушев — 47.

Телов Тотушев есть сын Кайтука-Аджи, которой произошел от Аджи, а сей от Муртазали, сей от Башата, сей от Тотуша, сей от Бамата, сей от Тотуша, а сей от Карнана вышедшия из Крыму.

Его сын:
Кайтука — 4.
Брат:
карнет Канамат Тотушев — 26.
Племянники:
карнет Абдулла Тотушев — 24 ;
прапорщик Алхас Тотушев — 30;
Арсланбек Бекмурзаев — 40;
Юсуф Бекмурзаев — 34;
Минтоу Мисоусов — 30;
Ягья Мисоусов — 19;
Сулейман Мисоусов — 14 лет;
Сатибал Мисоусов — 13.
Сыновья племянников:
Закярия Ягьяев — 10;
Адильхан Ягьяев — 6 ;
Алисултан Абдулов — 8;
Тавсултан Аджиев — 5;
Хамза Алхасов (сын прапорщика) — 9;
Бекмурза Бекмурзаев — 12;
Абдурахман Бекмурзаев - 3;
Емирбулат Юнусов — 10;
Мусаус Джанхуватов (сын подпоручика) — 5.

10. Хасан Казиев — 60.
Его брат: близнецы.

Гусен — 60.

Дяди Толева Тотушева и тогож происхождения в каком показан Толев.

11. Сатав Исаев — 40.

Сотав Исаев есть сын узденя Исы, которой произошел от Бамата, а сей от Кандаура, сей от Янсуха сей от Солтака сей от Темир Бика, сей от Беге, сей от Султана, сей от Азнаура, из фамилии Сала, коих предок вышел из Андийской.

Двоюродные его братья:

Гебек Сулейманов — 38;

Хисух — 19;

Башмат — 13; }Арсланбек-Шавлуховы

Шавлух — 12;

Хамзат— 10;

Хандер Ибахов — 15 лет.

Сыновья двоюродных:

Донамав Султанмуратов — 13;

Алиахмат Бийсултанов — 8.

12. Даиб Реджеп-Аджиев — 42.

Его братья:

Магамат — 38 ;

Муса — 35;

Солтан — 30.

Сыновья:

Абдулат Азис —16;

Азнаур — 13;

Абдул Гамид — 12;

Надир — 10;

Алхан —8.

Племянники:

Лобан — 9; } Гебюковы.

Абдул-Муслим— 3.

Муртазали — 12;} Исмаиловы.

Махти — 10

Халип Бигатырев — 17.

13. Мутий Али-Аджиев — 76.

Мутий, сын узденя Али-Аджия, которой произошел от Мутыя, а сей от Ахая, сей от Эльмурзы, сей от Ахая из фамилии Бораган, вышедшия из Крыма.

Его брат: Абахер — 61.
Сыновья:
Батырмурза— 45;
Акмурза— 26; } Мутиевы.
Эльмурза— 24;
Джанмурза— 15.
Племянники:
Каплан Кубаков — 47;
Ягья — 34; } Ибрагимовы
Али — 30.
Двоюродный брат:
Джамбулат Аджимусаев — 68.
Его сыновья:
Исмаил — 47;
Иса — 36;
Муса прапорщик — 32;
Ахай — 28.

14. Болатука Паштакаев — 40.

Болатука, сын узденя Паштакоя которой произошел от Давута, сей от Хукея, сей от Пашта, сей от Солтана, сей от Канбулата, сей от Теих Бека, сей от Беге, сей от Азнаура, из фамилии Сала вышедшия из андийской деревни Иркука.

Его сын: Атох — 13.
Двоюродные братья:
Батырмирза — 38;
Тавлу-Аджи — 32; } Аблашовы.
Шабазгирей — 25 лет;
Бекмурза — 18;
Девлетука — 40; }сыновья капитана Паштаджи.
Арслан Али — 32;
Баттал — 24;
Отев — 23; } Аккобек-Аджиевы.
Ильяс — 15;
Махмут — 17;
Пашт — 13; } Гебековы.
Аскер — 1;
Хази Довлеткиреев — 14;
Адилгирей Арсланбеков — 13.
Внуки:

Аблаш — 8;
Баматмурза — 4; } Батырмурзаевы.
Хамзат — 1;
Аджи Арслан-Алиев — 4.

15. Хасанбек Казбеков — 50.

Сын узденя Казбека которой произошел от Умаша, сей от Казибека, сей от Солтана, а сей от Гасан-бека из фамилии Казбек-улу вышедшия из Аварии.

Его брат:
Халимек - 45.
Сыновья:
Хазири — 12; } Хасанбековы.
Ильяс — 10.
Племянники:
Александир — 42;
Наджай — 39. } Ахматхановы.
Ачахан — 25;
Казибек — 17; } сыновья капитана Баматхана.
Татархан — 15.
Умаш Халинбеков — 15.
Сыновья племянников:
Ахматхан — 18; } Александровы.
Иса — 10.
Баттал Надмаев — 9.

16. Эльжерук Эльмурзаев — 60.

Сын узденя Эльжеруко, которой произошел от Амира, а сей от Эльжерука сей от Гебека из фамили Эльжерух вышедшие из Гебек-кале[127].

Его брат:
Хамза Эльмурзаев — 40.
Сын:
Хиду Эльжеруков — 1.

17. Курман-Али Казикмурзаев — 60;

Сын Казакмурзы которой произошел от Курман-Али, а сей от Чингира, а сей от Канберда фамилии Чингирей, вышедшия из карабулакской деревни Меда.

Его братья:

[127] Гебек-кале/Гебек-Кала – гора и одноименное ауховско-чеченское селение в прошлом на северной оконечности хребта Салатау (Дагестан).

Султанмурат — 55;
Атахай — 40;
Чингира — 37;
Батырхан — 33;

18. Магамат Ахавов — 36.

Сын Ахавы, которой произошел от Арсланбека, сей от Муртазали, сей от Темир Султана, сей от Сеита из фамилии Сеит-Улу, коих предок вышел из Шам.

Его племянники:
Келемет — 12; } Салиевы.
Сали — 1.
Двоюродный брат:
Асев Алиев — 20.

19. Аджибатыр Ачаханов — 25.

Сын узденя Ачахана которой произошел от Худайната, а сей от Алчака, сей от Абдуллы, сей от Болата, сей от Беге, сей от Солтана, а сей от Азнаура коих предок вышел из Андреевской деревни Иркуна.

20. Ибав Ачаев — 50.

Ибав сын узденя Ачава, которой произошел от Улубия, а сей от Бамадалия, сей от Улубия, сей от Умара, а сей от Султана, а сей от Багатыря, сей от Бамата из фамилии Ачаевых, вышедших из Крыму.

Его сыновья:
Султан — 14;
Нурадил — 12.
Племянник:
Абдурахман Асевов — 16.
Двоюродные братья:
Бахав — 24; } Улубиевы.
Умар — 22.

21. Сатав Магамахазиев — 24.

Сын узденя Магама-Хазы которой произошел от Шихали, а сей от Алибека, а сей Дады, сей от Магама-Газы, коих предок вышел из деревни Бийлер-Гент.

Его брат:
Шихали — 23.

Второй степени [уздени].

22. Магамат Аджимуратов — 39.

Сын узденя Аджимурата, которой произошел от Канбулата, а сей от Реджепа, а сей от Бузара из фамилии Бузар Улу.

Его сын:

Сулейман Магаматов — 12.

23. Темрука Алборюев — 25.

Сын узденя Алборю, которой произошел от Ангув-Аджи, сей от Али, сей от Хан Киши; сей от Султанмута, сей от Гебека, сей от Алисултана из фамилии Албору, коих предок вышел из Крыма.

Его брат:

Ахкобек — 20.

Племянник:

Ханмурза Болатуков — 13.

Двоюродные братья:

Шемев — 37;

Ханав — 28; } Юсуповы.

Магамат — 20.

Их дети:

Дешп — 5; } Шемовы

Юсуп — 1.

24. Таймасхан Солтанаев — 35.

Сын узденя Солтаная, которой произошел от Чохая, а сей от Эже, сей от Таймасхана, сей от Ахая, сей от Таймазя, из фамилии Таймаз, коих предок вышел из Большой Кабарды.

Его сыновья:

Алхас — 11;

Солтанай — 8.

Племянники:

Сулев Джанмурзаев — 30;

Батрай Ханмурзаев — 31;

Ибрав Каирбеков — 27.

25. Юсуп Мамашев — 53.

Юсуф сын узденя Мамаша которой произошел от Идриса, сей от Акайчика, сей от Мамаша, сей от Алия, а сей от Карлана, коих предок вышел шамхальского владения деревни Эрпелинской фамилии Карлон Улу.

Его двоюродные братья:

Юнус — 16; } Темуркаевы.
Мусаус — 10.
Аджи — 12; } Тулпаровы.
Ирбаин — 6.
Троюродные братья:
Танай — 36; } Алиевы.
Келемет — 22.
Болатука Али-Акаев — 36;
Бийарслан Магоматов — 30;
Харман Казиев — 35.
Сыновья троюродных:
Али Танаев — 6;
Алихан Болатукаев — 17 ;
Абдул-Кадир Карманов — 2.

26. Хасай Хасбулатов — 37.

Хасай сын Хасбулата, которой произошел от Джанболат-Аджи, сей от Кокуша, из фамилии Джанбулат-Аджи, коих предок вышел из Тарковской деревни.

Его брат:
Солтан — 36;
Аджи — 30; } Хасбулатовы.
Салав — 20.
Сын: Казихан Хасаев — 17.
Двоюродный брат:
Тешев Алипхачов — 40.
Племянник:
Мамахан Тешевов — 12.

27. Мамахан Нурамматов — 50.

Мамахан сын узденя Нуромата, которой произошел от Абекир Аджи, сей от Шихали, сей от Шихмурзы, сей от Ногая, коих предок вышел из чеченской деревни Гоне из фамилии Гуенуев.

Его сыновья:
Алмаксут — 27;
Нурамат — 1.
Его брат:
Шавхал — 40.
Двоюродные братья:

Магомат — 40; } Османовы.
Бийбулат — 30.
Двоюродные племянники:
Токай Ильясов — 10;
Ильяс Хидраев — 8.
Племянники:
Закярия — 15; } Шавхаловы.
Баттал — 10.

28. Ахмат-аджи Умаров — 40.

Ахмат-аджи сын Умара, который произошел от Исмаила, а сей от Шитакая, а сей от Исы, сей от Мусы, а сей от Бамат мурзы из фамилии Гуенцов, коих предок вышел из чеченской деревни Гоне.

Его сын:
Атай — 30.
Внуки:
Биймурза — 13; } Атаевы.
Акмурза — 15.
Казий-15; } Алимоллаевы.
Магамат-15.
Салават Улубиев — 4.
Племянники:
Рази — 25; } Иштахаевы.
Хасанхан — 16.

29. Ибрай Дакаев — 33.

Ибрай сын узденя Дакоя, которой произошел от Ахая, сей от Исмаила, сей от Арслана, сей от Бийтува, сей от Арслана, сей от Кабанчара, сей последний вышел из чеченской деревни Гоне.

Его племянники:
Лабазан — 33; } Исалах Аджиевы
Шихай — 28.
Двоюродные племянники:
Абакер — 33;
Ханмирза — 32.

30. Темирчи Мурзаев — 45.

Темерчи сын узденя Мурзы, которой произошел от Темирчия, сей от Султана, сей от Амира из фамилии Темирчи коих предок вышел из Сальяна.

Его сыновья:
Али — 16;
Мурза — 15;
Темрука — 14.
Племянники:
Акай Минатулаев — 25;
Умолат Кабертиев — 30;
Абакар — 30; }Качалаевы.
Солтан — 28.
Троюродные братья:
Максут-Гирей — 28;
Тота — 25;
Джамав — 16; } Исмаиловы.
Шабаз — 14;
Адилгирей — 9;
Албора Шамандаров — 26.

31. Абдул Кадир Булатов — 22. –

Сын узденя Болата, которой произошел от Темирчи, сей от Аджюки, а сей от Куруки из фамилии Курука, коих предок вышел из Большой Кабарды.

Его племянник:
Аблаш Дохшукаев — 30.

32. Беге Гебеков — 70.

Беге сын Гебека, которой произошел от Бамата, а сей от Солтана из фамилии Беге.

Его сыновья:
Мустапа — 15; }Гебековы.
Султанбек — 12.

33. Андреевской кади Аликиши Набиев — 61.

Сын персиянина Наби, которой произошел от Аджи Шефи, сей от Нур-Магомата, сей от Пир-Магомата, сей от Перили из фамилии Хурчу, коих предок вышел из Шама и поселился в Дербенте.

Его сыновья: Кантемир — 31;
Ибай — 25.

Деревни Костековской.

Князья.

1.Актола Хамзин — 63.

Сын капитана Гамзы которой произошел от бригадира и воеводы князя Алиша, а сей от Султанмута из фамилии Курайш Андия Шамхала, коих предок вышел из Шама.

Его братья:

Умахан — 50;

Хасов — 40.

Сыновья:

Хасбулат — 18;

Кази — 14;

Джанарслан — 12; } Актуловы

Алхас — 7;

Магамат — 6.

Племянники:

Будайхан — 33; }дети князя майора Устархана.

Эльдар — 30.

Хамза Муртазалиев — 34. } сын майора.

Хасанхан — 23; }Баматмурзины.

Шабаз — 17.

Чопан — 26; }Адилеевы.

Арсланхан — 23.

Двоюродные братья:

Шавхал — 17;

Ахметхан — 9; }Умахановы.

Аскерхан — 4;

Адильгирей — 22;

Тархан — 18; } Хасавовы.

Айдемир — 9;

Адил — 8; } дети поручика князя Копалова.

Муцал — 7;

Ираншах — 3. }сын подпоручика Хана Хамзата.

Шаавали-Хамзин — 7.

Первой степени.Узденья.

2. Шемшедин Арсланбеков — 49.

Шемшедин сын узденя Арсланбека, которой произошел от Алибека, сей от Мамакая из фамилии Сала, коих предок вышел из Крыма.

Его брат:

Атак Арсланбеков — 40.

Сыновья:
Арсланбек — 18;
Мамаш-Ахай — 16.
Двоюродные братья:
Токай Ханакаев — 40;
Ханакай — 30;
Зурхай — 22; } Алибековы.
Абдулазис — 16.
Дети двоюродного:
Айтех — 18; } Тахаевы.
Аронч — 12.
Дети родного брата т.е. племянники:[128]
Амин — 15; } Атаковы.
Нох Хаджи — 16.
3. Довлетука Батырмурзаев — 50.
Довлетука сын Батырмурзы, которой произошел от Курманалия, а сей от Чингиря из фамилии Чингира, коих предок вышел из Карабулак.
Его брат: Арсланука — 48.
Сын: Батырмурза — 10.

4. Костековский кади Магомат Аджиев — 57.
Магамат сын Умар-Аджи, которой произошел от Мамая из фамилии Малов коих предок вышел из Мархалия.
Его брат:
Ибрагим — 53.
Сыновья:
Умар-Аджи — 20;
Исай — 13;
Ягия — 6.
Племянники:
Налбий Ибрагимов — 27;
Амат Абакеров — 15;
Абдул Мадаков — 16.

Второй степени [уздени].
5. Хидыр Амиров — 70.

[128] Так в тексте.

Сын узденя Атава, которой произошел от Юнуса, а сей от Хидира, сей от Бамата из фамилий Бамат Улу, коих предок вышел Хайдикского владения из деревни Башлы.

Его братья:

Алямат — 60; } Амировы.

Минатулла — 50.

Сыновья:

Амар — 25;

Аджи — 20;

Бамат — 17.

Племянники:

Магамат — 18; } Аляматовы.

Абакер — 7.

Али — 8; }Минатуллаевы

Гебек — 6.

Деревни Байрам-аула.

6. Прапорщик Ханакай Атавов — 30.

Сын узденя Атава, которой произошел от Юнуса из фамилии Бараган коих предок вышел из Крыма.

Деревни Аксаевской.

Князья.

1.Полковник Муса Хасаев — 57.

Муса сын Хасая, которой произошел от Уцмия, сей от Султанмута, сей от Алибека, сей от Айдемира, сей от Султанмута, а сей от Андия Шамхала, а сей от Шах Валия, которой переселился из турецкого города Шама, что Дамаск. Из фамилии Курайш шамхальской.

Его брат:

Девлетука Хасаев — 33.

Сыновья:

Хасай — 16;

Султанмурат — 13;

Асанхан — 4; }Мусыны.

Усенхан — 1 ½;

Аскерхан — 1.

Племянники:

Алибех — 20; }Девлетуковы.
Устархан — 18;
Темир — 28; }Уцмиевы.
Уцми — 1.
Двоюродные братья:
Арсланука Муцалов — 46;
Подпоручик Султанмут Батырмурзаев — 39.
Сыновья двоюродных:
Сулейман Арсланукаев — 13;
Арсланхан Ханмаматов — 13.

2. Прапорщик Каплан Муртазалиев — 33.

Каплан, сын князя Муртазали, которой произошел от Ахматхана, а сей от Каплана, сей от Ахматхана, сей от Алибека, сей от Айдамира, сей от Султанмута, сей от Андия из фамилии Курайш шамхальской, предок выселился из Шама.

Его сын:
Абдул-Муслим — 11.
Племянники:
Прапорщик Алхас — 27; }Темрикины.
Темир — 25.

3. Подпоручик Баматгирей Махтиев — 40.

Баматгирей сын князя Махтия, которой произошел от Эльдара, а сей от Султанмута, сей от Айдемира, сей от Султанмута, сей от Андия Шамхала, а сей от Шавхалия которой переселился из турецкого города Шам, из фамилии Курайш.

Его братья:
Салангирей — 27;
Темергерей — 17; }Махтиевы.
Батыргирей — 14.
Сыновья:
Махти — 10;
Умалат — 4; }Баматгиреевы.
Темирбулат — 2.
Племянник:
Шахгирей Салатгиреев — 2.
Двоюродные братья:
Эльдар — 17;
Асанхан — 14; }Алиюхаевы.
Хамутай — 10.

Прапорщик Ислангирей — 27;
Бори — 22;
Сотав — 18; } Бийарслановы
Александр — 15;
Солтанхан — 13.

4. Алибек Адилев — 50. - Алибек сын князя Адиля, которой произошел от Султанмута, сей от Алибека, сей от Айдемира, сей от Султанмута, сей от Андия шамхала, сей от Шавхалия из фамилии Курайш.

Его сыновья:
Адиль — 22;
Герей — 20;
Амза — 16; } Алибековы.
Кайтука — 12.
Племянники:
Эльмурза — 13;

Асев — 12; } Джанбулатовы.
Шахмут — 9.

5. Мурза Хасбулатов — 50.

Мурза сын князя Хасбулата, которой произошел от Алибека, сей от Айдемира, а сей от Султанмута из фамилии Курайш Андия Шам.

Его сыновья:
Хасбулат — 4;
Бамат — 2.

6. Чанка Ишан-мурза Гиреев — 49.

Сын чанка Гирея, которой произошел от Канамата, сей от Чини-Чубука, которой родился от узденьки и от князя Сокур-Аджия, вышедшего из г. Тарки из фамилии Курайш Шамхальской.

Его сыновья:
Биякай — 20;
Таймасхан — 9.

Узденья. Первой степени.

7. Ислам Исмаилов — 32.

Ислам сын узденя Исмаила, которой произошел от Болатуки, сей от Блешуко, сей от Кургика, которой выселился из Малой Кабарды, из аула Тавсултан-кабак из фамилии Боташ.

Его сын Тохтабий — 1.

Племянники:

Болотука — 13; }Магаматовы.

Исак — 8.

8. Прапорщик Минатулла Тавлуев — 35.

Сын узденя Тавлу, которой произошел от Ирбаила, сей от Беге, сей от Янсуха, которой выселился из горской деревни Иркуна из фамилии Сала.

Его братья:

Янсух — 30;

Ахмат — 27;

Амза — 26; }Тавлуевы.

Иманмурза — 25;

Пейдулла — 24.

9. Юнус Атаев — 60.

Юнус сын узденя Атая, которой произошел от Абдула, вышедшаго из деревни Иркуна из фамилии Сала.

Его сын:

Абдул — 25.

Внук:

Ачахан Абдулов — 5.

10. Бекмурза Аджиев — 80.

Бекмурза сын узденя Аджия, которой произошел от Карабудака, сей от Култ, сей от Асана, сей от Каракиш-Аджия, которой выселся из города Шама, из фамилии Сала.

Его сыновья:

Эсанали — 47;

Кочерука — 40;

Сосурука — 30;

прапорщик Заур — 46.

Внуки:

Батырбий — 25; }Эсаналиевы

Орусбий — 15.

Кармиш Зауров — 10.

11. Пазирука Джакаев — 60.

Паразука[129] сын узденя Джаная, которой произошел от Изнаура, сей от Алия, сей от Заха, сей от Чаглуша, сей от Изнаура вышедшаго из Кабарды с своими аулами из фамилии Азнаур Улы.

Его брат:

Казибек — 35.

Сын:

прапорщик Умар — 25.

Племянники:

Солтан — 14; }Казибековы.

Бийсултан — 10;

Худу Довеев — 17;

Иманак Атуев — 40.

Двоюродный брат:

Хамов Сосранов — 31.

Его сыновья:

Казакбий — 17;

Сосуран — 6;

Зах — 3;

Алипкачь Устарханов — 15.

12. Магамат Дибиров — 60.

Сын узденя Дибира, которой произошел от Султан-Алия, сей от Магомата, сей от Шихалия, сей от Сурхая, сей от Эмея, сей от Хасана, а сей от Султан-Алия вышедшего из китайских границ фамилии Тумен Торе.

Его брат:

корнет Султан-Али — 36.

Сын:

Дибир Магаматов — 6.

Племянник:

Юсуп Иманалиев — 12;

13. Прапорщик Ахмат Муса-Аджиев — 44.

Ахмат - сын узденя майора Муса-Аджи, которой произошел от Крым-Султана, сей от Клыча, сей от Камава, сей от Алхана, сей от Иса, сей от Муса, вышедшего из аварской деревни Хунзах из фамилии Клычь.

[129] Так в тексте.

Его брат:

Прапорщик Юсуф — 35.

Сыновья:

Султанмурза — 14;

Ислам — 13; } Ахматовы.

Аджимуса — 2;

Крымсултан — 6; } Юсуповы.

Муса — 1;

Тагир - 6; } Магаматовы.

Аип – 4;

Муртазали Мустапаев – 20.

14. Юнкер Ибраин Албориев — 29.

Сын узденя Албори которой произошел от Сатибала, сей от Албори, сей от Ибраина, сей от Беге, сей от Янсуха, сей от Султана, сей от Теирбека, сей от Беге, сей от Султана, сей от Азнаура из фамилии Сала.

Сын его:

Арсланбек — 1.

Племянник:

Бори Сатыбалов — 17.

15. Кади Ибрагим Султанбеков — 63.

Ибрагим сын узденя Султанбека кадия, которой произошел от Умара, сей от Султана, которой переселился из Тарки.

Сыновья его:

Аджи Муса — 36;

Даут Аджи, прапорщик – 35;

Саит-Аджи — 22.

Внук:

Султанбек Даутаджиев — 1.

16. Подпоручик Довлетмурза Магаматов, сын Османов — 22.

Довлет-Мурза сын узденя Магомата, которой произошел от Усмана, сей от Абекир-Аджи, сей от Шихали, сей от Ших-Мурзы, сей от Умара, сей от Бек-Мурзы, сей от Ногая, сей от Кабинчара, сей от Наси из фамилии Гуенуов, коих предок вышел из ичкеринской деревни Гуни основанной по преданию Гуни-Алия.

Двоюродный:

Ягья Бийбулатов — 12.

17. Карнет Инал Гебеков — 29.

Сын узденя Гебека, которой произошел от Султана, сей от Карная, сей от Алибека, сей от Гебека, сей от Чечебея, которой выселился из горской деревни Баян, из фамилии Баян.

Брат его:

Бештаев — 51.

Сын сего последнего:

Тохтар — 5.

Второй степени [уздени].

18. Магамат Реджепов — 35.

Магамат сын узденя Реджепа, которой произошел от Ягупа, сей от Ачапда сей от Исака, сей от Ибеш, сей от Паразуки, сей от Иса, сей от Магамата, сей от Ирбаила вышедшего из Гавур-Аух из фамилии Мотлу.

Его братья:

Ханмамат Реджепов — 20.

Сыновья:

Акай — 6;

Умалат — 3; } Магоматовы.

Бейбулат — 1.

Племянники:

Исак — 19; } Аджиевы.

Ибеш — 5.

19. Бахтигирей Атаев – 50.

Бахтигирей сын узденя Атава, которой произошел от Акая, сей от Шахмана, сей от Шааман-Акая, сей от Шахмат-Алия, вышедшаго из турецкаго города Шам из фамилии Тумен Торе.

Его брат:

Батыр Атаев – 45.

Сыновья:

Устархан – 10;

Умахан – 8; } Бахтыгиреевы.

Умар – 7.

Племянники:

Карамурза – 40; } Качакаевы.

Шахман – 35;

Арсланука – 35;
Кайтука – 25; } Кашаваевы.
Паразука – 14.

20. Прапорщик Ибрагим Султанов – 47.

Ибрагим сын узденя Солтанбек кадия, которой произошел от Умара, сей от Солтана, вышедшаго из Тарков фамилии Солтан.

Его сыновья:
Мустафа – 19; } Ибрагимовы.
Муцалхан – 16.
Двоюродные братьи:
Фусхан Атабаев – 17;
Иса – 22; } Баматовы
Вали – 17.

21. Кайтука Батырмурзаев — 37.

Сын узденя Батырмурза, которой произошел от Гирея, сей от Чоная, сей от Батыра, сей от Атоя, сей от Чегея вышедшего из Чечни из фамилии Хурин.

Его брат:
Аджакай — 14.
Сын:
Гирей — 9.

22. Юсуп Канбулатов — 80.

Юсуп сын узденя Канбулата которой произошел от Бабака, сей от Гебека, сей от Хасана, сей от Умара, сей от Кабартия, сей от Суюн-Алия, сей от Кабартия вышедшаго из Брагунской деревни из фамилии Баодх-Улу.

Его сыновья:
Гебек — 40;
Атав — 35.
Племянники:
Доветей — 33; }Абдурахмановы.
Аджимурза — 25
Бейбулат — 10;
Темирбулат — 2; }Аджиалиевы);
Ильяс — 4
Саракай — 12;
Эльмурза — 10; }Атавовы.
Хамза — 2.
Двоюродные братья:

Даут — 57;
Мустапа — 53; } Бийбулатовы.
Джанхиши — 50
Иса — 30;
Джанболат — 20; }Генжеевы.
Батырбек — 18
Яксат — 20;
Ханакай — 18; }Мустапаевы.
Ахмат — 12.
Темух — 29;
Хасбулат — 17; }Хасбулатовы.
Илат — 12.

23. Ахмат Махмутов – 60.

Ахмат сын узденя Махмута, который произошел от Кабатая, сей от Темира, сей от Шефия, сей от Умара, сей от Хидира, сей от Шефия вышедшаго из Шама, из фамилии Шарипа (?)

Его брат:
Хидырлез – 40.
Сын:
Махмут – 25.

Племянники:
Мустапа – 9;
Умар – 2.

24. Ягья Эшеев — 40.

Ягья сын узденя Эшея, которой произошел от Махтия, сей от Мусакая, сей Накая, сей от Шайх-Мамата вышедшаго из деревни Эрпели из фамилии Тапай.

Его братья:
Сармурза — 37;
Джанхиши — 23;
Эльмурза — 30;
Алхан — 25.
Двоюродные братья:
Татай Татаев — 25;
Чомар — 30; }Бабиевы.
Ибраин — 25.
Троюродный:

Джанмурза Ирбаилов — 60.

Его сын:

Агим — 30.

25. Акбулат Умаханов — 23.

Акбулат сын Умахана, которой произошел от Мусакая, сей от Абдулла, сей от Ибраша, сей от Балакая, сей от Умара, сей от Султанбека вышедшего из деревни Иркуна из фамилии Сала.

Его двоюродный дядя:

Ака Акаев — 58.

Сего последнего сын:

Герей Акаев — 18.

26. Аккобек Валиев – 37.

Акобек сын узденя Валия, которй произошел от Алия, а сей от Гирея, а сей от Умара, сей от Магомата, а сей от Умаша, вышедшаго из турецкого города Шам, из фамилии Умаш.

Его братья:

Джанбек – 20;

Али – 15;

Вали – 15.

Двоюродные братья:

Алибек – 25;

Казибек – 25; } Юсуповы

Даурбек – 20;

Шемев – 30;

Фусхан – 28; }Муцаловы

Бабатай – 20;

Абдул Ахматханов – 27;

Сатий Махсутов – 30;

Вали – 11;

Аскерхан – 4.

27. Бекмурза Абдурахманов — 45.

Бекмурза - сын узденя Абдурахмана, сей от Даута, сей от Накая, сей от Иса, вышедшего из Салатавского владения.

Сыновья:

Умар — 11;

Герей — 3.
Брат:
Черув — 50;
Племянник:
Даип Атаев — 14;

28. Даут Ибраинов — 40.

Даут сын узденя Ибраина, которой произошел от Даута, а сей от Бамата, сей от Дервиша, сей от Ибраина, сей от Даут Кадия, сей от Юнуса, сей от Бамата, сей от Казамата, а сей от Даута из фамилии Салатов. Предок вышел из Гумбетовского владения.

Двоюродные братья:
Таитав Исмаилов — 35;
Джанболат — 30;
Асев — 28; }Нуракаевы.
Салават — 23;
Ягья Мусаев — 25;
Кади Крымаев — 20;
Бамат Асевов — 1;
Мамав — 20; }Минатуллаев
Канбулат – 14;
Алибек Пейзумаев — 14;
Тавлу — 10; } Атаевы
Амин — 3.

29. Арслан Ахматов — 44.

Арслан сын узденя Ахмата, которой произошел от Айдемира, а сей от Махи, а сей от Айдемира, а сей от Бексултана, а сей от Бекмурзы, вышедшего из ичкеринской деревни Билитли из фамилии Билитли.

Его брат:
Айдемир — 27.
Племянники:
Бийарслан — 20; }Исмаиловы
Магамат — 18;
Шавлух — 15;
Учту — 25; } Сатиевы
Солтангирей — 15.

30. Чопан Матиков - 60.

Чопан сын узденя Матика которой произошел от Донакалия, сей от Акая, а сей от Чопана вышедшаго из деревни Эрпели из фамилии Сала.

Его сын:

Хизри Чопанов – 24;

Племянники:

Муса – 28; } Девлетгиреевы

Иса – 23.

31. Шавлух Сулеев – 33.

Шавлух сын узденя Сулея, которой произошел от Биймурзы, сей от Сулеймана вышедшаго из Салатавского владения из фамилии Баймурза.

Братья:

Таип – 32; } Сулеевы

Тагир – 20.

Племянники:

Абдул – 40;

Аблав – 32; } Бабатовы

Пейзулла - 25;

Чопанов – 25;

Хамза – 20;

Доканмурза – 17; } Исаевы

Довлетмурза – 15.

32. Шамшедин Ханмурзаев – 54.

Шамшедин сын узденя Ханмурзы, которой произошел от Баимата, сей от Исмаила, а сей от Анаса из фамилии Бата Улу коих предок вышел из деревни Эрпели.

Его сыновья:

Хамурза – 20;

Казакмурза – 18.

Двоюродные братья:

Темирболат – 3; } Аховы

Бей-Болат – 40.

Троюродные братья:

Бий-Болат – 39;

Исмаил - 22; } Аджиевы

Аджи – 20;

Юсуп Ибаев – 45.

33. Танбай Даутов — 45.

Танбий сын узденя Даута, которой произошел от Миная, сей от Орусхана, сей от Тотура, сей от Чачала, сей от Хунхия, вышедшего из карабулак из фамилии Вариков (?).

Братья:

Герейхан — 20;

Устархан — 15; } Даутовы.

Чичан — 25.

34. Мутай-Али Аджиев — 71.

Мутай сын узденя Али-Аджия, которой произошел от Кумакая, сей от Кудайната, сей от Исмаила, вышедшего из гор из фамилии Завантор[130].

Брат его:

Ахай Али Аджиев — 54.

Сын: Ибраин Мутаев — 11.

Двоюродные братья:

Исмаил — 30;

Исах — 28; } Шахмановы

Бийарслан — 25.

35. Имак Аличеев — 59.

Имак сын узденя Аличея, которой произошел от Мурза, сей от Алия, сей от Токтара, сей от Озугея, вышедшего из Кафыр Кумык из фамилии Озекей.

Двоюродный брат:

Мадак Джанбеков — 45.

Троюродный:

прапорщик Аджумар — 60.

Третей степени [уздени].

36. Сатибал Алематов — 60.

Сатыбал сын узденя Алемета, которой произошел от Феория, сей от Зурхая, коих предок вышел из чкеринской[131] деревни Гоне из фамилии Гуенцов.

Его сыновья:

Очав — 33; } Сатыбаловы.

Хамав — 15.

Племянник:

[130] Вероятно, Цонтарой – крупный аул и общество в Восточной Чечне (Нахч-Мохк, Ичкерия, Мичиг).

[131] Так в тексте. Должно быть «ичкеринской» (кумыкское название восточной части Чечни – Нахч-мохк).

Ханмурза Сатиев — 25.

Двоюродные братья:

Джанмурза — 35; }Аджиевы

Ибасов — 27.

37. Эльмурза Канбулатов – 60.

Эльмурза сын узденя Канбулата, которой произошел от Эльмурзы , сей от от Бекхана, сей от Акая, сей от Алагя вышедшаго из деревн Кафир Кумык из фамилии Нарт Улу.

Его брат:

Таймаз – 50.

Сыновья:

Канбулат – 15;

Джанбулат – 16.

Племянник:

Джанай Таймазов – 7.

Двоюродные братья:

Аджихан – 40; } Джанаевы.

Шефи – 22;

Атай – 15;

Арслан-Гирей – 10;}Мустапаевы.

Манти – 7.

Троюродные братья:

Темирхан Темирчиев – 58;

Темиирчи – 35;

Ильяс – 9; } Темирхановы.

Салескерч -10;

Асев Магамаев – 58;

Докамав Чораев – 20;

Абдурахман – 7; } Мамаевы

Хамав – 15.

38.Кочакай Исмаилов – 70.

Кочакай сын узденя Исмаила, которой произошел от Кобека, сей от Акия, сей от Атая, сей от Алибека, сей от Биймурзы, сей от Джаная вышедшаго из горской деревни Иркуна из фамилии Ибаев.

Его братья:

Сулеймен – 57;

Бекев – 55.

Сыновья:
Беймурза – 40;
Закария – 30;
Довлетмурза – 25.
Внуки:
Исмаил – 25;
Будай – 15; } Бекбулатовы.
Иса -12.
Двоюродные братья:
Гебек Абиев – 68;
Мамаш – 40.
Сын перваго:
Саримурза Гебеков – 30.
Племянники:
Прапорщик Муса – 40;
Мустафа – 35; } Ибаевы.
Хзири (?) – 25;
Абу – 18.
Дети прапорщика Мусы:
Азамат – 13;
Канамат – 11;
Канболат – 8; } Мусаевы
Джанболат – 6;
Амзат – 1.

39. Аджимурат Юсупов — 38.

Сын узденя Юсупа, которой произошел от Алиша, сей от Илия, сей от Алима, а сей от Юсупа вышедшаго из горской деревни Чижнах, из фамилии Чийнах.

Его братья:
Бийбулат — 40;
Чопалов — 35.
Сыновья:
Минбулат — 10;
Юсуп — 5.
Племянники:
Бийарслан — 29; } Таштемировы.
Шавлух — 28.
Двоюродные:

Магомат — 30;
Хамамат — 25; }Баматгиреевы.
Ака — 20;
Саит — 6.
Иманмурза — 25;
Ибраим — 10; }Хамзаевы.
Минтай — 8.
Идрис Довлеев — 25;
Мурза – 25; }Баматовы.
Ханай — 18.
Имангул — 25;
Тулпор — 20; }Джануевы.
Миматгирей — 18.

40. Джанау Казалиев – 41.

Джану - сын узденя Казалия, которой произошел от Шахмана, сей от Нартишива, вышедшаго из Тарки владения шамхала.

Сыновья:
Халит – 7;
Халид – 5;
Бекей – 2.
Двоюродный брат:
Акай Атовов – 47.

41. Кятав Джанаев – 56.

Кятав - сын узденя Джаная, которой произошел от Алхаса, сей от Кочакора, сей от Айдемира, сей от Бамата, вышедшаго из деревни Брагун из фамилии Качкор.

Сыновья:
Алипкач – 40;
Аджи – 28;
Сотав – 9;
Солтангирей – 8;
Даут – 3.

42. Балкиши Аджанаев – 36.

Балкиши сын узденя Аджикая, которой произошел от Асолтана, сей от Магамата, а сей от Казия вышедшаго из деревни Чиркей фамилии Убай.

Сын его:

Селим – 13;

Абдул – 2.

43. Джанбору Хасбулатов – 47.

Джанбору сын узденя Хасбулата, которой произошел от Казавки, сей от Атая, вышедшаго из Кафир Кумык из фамилии Казавкиных.

Сыновья его:

Батука – 8;

Саралип – 3.

44. Ахав Муртазалиев – 50.

Ахав - сын узденя Муртазали, которой произошел от Таймаза, сей от Макая, сей от Аххана, сей от Каймаса, вышедшаго из Крыма с Бораханом из фамилии Бораган.

Сыновья:

Пейзулла – 25;

Джанбулат – 13.

Внуки:

Бейбулат – 15;

Таймаз - 13; } Алхановы

Муртазали - 8.

Двоюродный брат:

Мустапа Шаихов – 14.

45. Ягья Исмаилов — 37.

Ягья - сын узденя Исмаила, которой произошел от Девшуки, а сей от Гелесхана, сей от Гапа, сей от Корика, а сей от Вындина из фамилии Шегомоко, вышедший из Кабарды.

Брат:

Ильяс — 27.

Сын:

Джавбатыр — 1.

46. Кувунчи-молла Исаев – 52.

Кувунчи-мулла сын узденя Мсая, которой произошел от Алия, сей от Казия, сей от Чопана, сей от Чомака, сей от Фазаруки, а сей от Нака вышедшаго из Чечни из фамилии Ширдий.

Его сын:

Иса – 25;

Дваоюродныя:

Таштемир Атаев – 60;

Кантамир – 39;

Ибрагим – 15; } Атаевы

Мадак – 9;

Казакмурза – 20;

Язири – 28;

Ильяс – 25;

Хидирлея – 25; } Таштувовы

Ихлаз – 18;

Атай – 9.

47. Хасав Мамакаев – 45.

Хасав - сын узденя Мамакая, которой произошел от Аджакая, сей от Бамата, сей от Темирбулата, сей от Джанбулата, вышедшаго из Салатова.

Братья:

Темев – 30;

Бамат – 28.

Племянники:

Салатгирей Темевов - 14;

Тапай Баматов – 7.

48. Юсупай Мамакаев – 60.

Сын узденя Мамакая, которой произошел от Салавея, сей от Батая, сей от Шихмурзы, вышедшаго из горской деревни Билитлы.

Двоюродные:

Ахмат – 50; } Болатхановы.

Апа – 30.

Сыновья:

Совал – 25; } Юсупаевы

Мамакай – 17.

Второй степени [уздени].

Деревни Асолтан Нового-Юрта.

1. Мутай Темирбулатов — 35.

Мутай - сын Темирбулата, которой произошел от Абдуллы, сей от Бамата, сей от Шамхан Акая, сей от Шахман-Акая, сей от Шахманая из фамилии Кумук коих предок вышел из Кафир Кумык вместе с Шамхалом в Тарки, потом в Андрееве.

Его сын:
Акай — 4.

Деревни Батаюрта.

1. Ильяс Алиев — 27.

Ильяс - сын узденя Али, которой произошел от Юнуса, сей от Бамата, сей от Орака, сей от Монтуха, сей от Гебека, сей от Амира из фамилии Монтух коих предок вышел из крепости Кизильяр в 2-х верстах ниже кр. Внезапной когда-либо существовавшей.

Салатовского владения
Старшины.
Деревни Чиркей

1.Джамал Мирзаев – 66.

Джамал - сын старшины Мирзы, которой произошел от Пирав-Ахмата, сей от Пирава, сей от Курмана, сей от Цетиора из фамилии Пиравов коих предок вышел из Казы-Кумыкского владения деревни Инщатлу (?).

Его брат:
Пирав-Ахмат Мирзаев – 53.
Сыновья:
Исмаил – 33;
Хасбулат – 24;
Айтемир – 21; } Джамаловы
Дидув – 16.
Внуки:
Бийарслан – 7;
Эльдар – 4; } Исмаиловы.
Мурза – 3;
Нуцал Хасбулатов – 4 мсц.
Племянники:
Абекир-Аджи – 3; }Пиравъахматовы.
Далгат - 1 мсц;
Ягья – 40; } Умаровы.
Умар -18.
Двоюродные братья:
Шамиль Хасанов – 55;
Ахматхан Аджидадаев – 21;
Абдурахман Давутаджиев – 53;
Магама-Мурза – 51; }Салатгиреевы.

Салат-Гирей - 42.
Даут-Бек – 45;
Умар – 50;
Дада-Аджи – 48; } Магомамурзаевы.
Дада – 37;
Арслан-Гирей – 31.
Троюродные Джамала братья:
Нестур – 44; } Дербишмагамаевы.
Абдул-Алим – 38;
Нурруча Аджиявов - 47;
Зурхай Чаландаров – 53;
Аджияв Казиявов – 85;
Хасболат Саитов – 23.
Мурза-Али – 30. } Фиревы (?)
Али – 28;
Давут-Аджияв Амилаев (?) – 45;
Умалат Зуркаев – 48;
Дудуч Таймазов – 9;
Ногай Усенов – 48;
Дадул Исааджиев – 28;
Зауройк – 70; } Аджиевы.
Юнус -81;
Абакер Шахманов – 80;
Косе – 40; } Тагирасановы.
Чаландар – 48.

2.Амо Магамаев – 67.

Амо - сын Магаммы, которой произошел от Магома-Султана, сей от Магома, сей от Абдура-Амана, сей от Шалимы, из фамилии Тлох коих предок вышел из Койсобойлинскаго владения деревни Тлох.

Его сыновья:
Танбий – 30;
Исмаил-Аджи – 20; } Алиевы.
Абдулалим
Племянники:
Абакер – 55;
Юсуп – 27; } Асандибировы.
Адиль – 27;
Джамал Шалимов – 30;

Дада – 30; }Аджиевы.
Таймасхан – 24.
Двоюродный брат:
Кайтмас Дудуев – 55.

3.Аджи-дада Сунгур-Аджиев – 60.

Аджи-Дада - сын Сунгур-Аджи, которой произошел от Дишимова, а сей от Бамата из фамилии Сунгуровой.

Его сыновья:
Магамат – 18; } Аджидадаевы.
Хамзат - 16;
Племянники:
Бамат – 50; }Казымагомаевы
Хасбулат – 45;
Абдурахман Саимапов – 30;
Шабаз – 25;
Салман – 23; } Шамаевы.
Ислам – 20.
Двоюродные братья:
Магомагазы Аджиявов – 35;
Темерболат Магомарзаев – 55.

4.Юсуп Молламагоматов – 60.

Сын Молламагаммы, которой произошел от Молламагоммы, сей от Раджепа, сей от Аджия Магаммы, сей от Хидира из фамилии Парахан коих предок вышел Койсубулинскаго владения из деревни Тлох.

Его брат :
Алимурза – 40.
Сын:
Аджияв Юсупов – 10.
Племянник:
Падо Алимурзаев – 7.
Двоюродные братья:
Партихан – 47;
Режипилау – 40; }Дадаевы.
Минатулла – 35.

5. Черкеевский кади Юсупилов Мирзаев – 33.

Юсупилов - сын Мирзы, которой произошел от Мирзы, сей от Юсипиловой фамилии Ашисти, коих предок вышел Койсубулинскаго владения из деревни Ашилта.

Его сын:

Мирза – 1.

Племянник:

Осман Магамаев – 35.

Двоюродный брат:

Мирзабек Магашаев – 25.

Деревни Зубут.

6. Капитан Дещи Таймасханов — 40.

Сын Таймасхана, которой произошел от Магаммы, сей от Мусы, сей от Исы, сей от Амир-Акая, сей от Зурхая, а сей от Казива из фамилии Оракча, коих предки есть коренные жители Зубута.

Его сыновья: Али-Ага — 15;

Салимага — 10;

Шангирей — 8;

Абу — 6.

Племянники:

Юсуп Магамалиев — 20;

Пирмагама — 19; } Магамалиевы.

Умахан — 18.

Двоюродный брат:

Ата Имматов — 30.

7.Аджимагомма Гелегеев — 50.

Сын Гелегея, которой произошел от Лабозана, а сей от Рахи Магамма, а сей от Моллачи, сей от Мусы, сей от Османа из фамилии Авлаевых, коренной житель Зубута.

Его сыновья:

Магама Аджимагамаев — 20.

Племянники:

Асенбек — 23; }Магаммаалиевы.

Хассимехъ – 21.

Деревни Инчхе.

8.Дещи Кичакаев – 30.

Сын Качикая, которой произошел от Руракины, сей от Султана, сей от Магомы, сей от Лабазана из фамилии Чохлар коих предок вышел из Койсуболинскаго владения из деревни Тлох.

Его сыновья:

Аджияв – 10;

Ахай – 8;

Лабазан – 5.

Племянники:

Казкама – 20; } Темирбулатовы.

Ногай – 17.

Ауховского владения.

Старшины.

Деревни Ярыксу-аух.

1.Бамат Черуев — 58.

Бамат сын Черува, которой произошел от Хуцури, а сей от Бамата из фамилии Курчули, коих предок вышел из чкеринской деревни Курчули.

Его брат:

Мурза — 30.

Сыновья:

Баматхан — 29;

Яйси — 27;

Яса — 24;

Дикка — 15;

2.Хасар Сатлыхов — 60.

Хосор - сын Сатлыха, которой произошел от Исы, а сей от Кяхурсана из фамилии Зандак, коих предок вышел из ичкеринской деревни Зандак.

Его брат:

Темир — 58;

Сыновья:

Иса — 38;

Муса — 34;

Хансав — 32;

Хасав — 31;

Асав — 29;

Казабей — 27;

Племянники:

Джангойлу — 15; }Темировы
Хангойлу — 12;
двоюродный брат:
Аташ Лаварсланов — 55.
Его сыновья:
Джавбатыр — 30; }Аташовы.
Явбатыр — 18.

Деревни Акташ-аух.

3.Какя Тавмурзаев — 46.

Сын Тавмурзы, которой произошел от Джанакая, сей от Орусхана, сей от Шахмана, сей от Амирхана, сей от Орусхана из фамилии Джавай, коих предок вышел из Чечни.

Его брат:
Крым Тавмурзаев — 40.
Сыновья: Явмурза — 15;
Занка — 13;
Солтанбий — 11;
Алибий — 4;
Солжебей — 7;
Племянник:
Ханбатыр Крымов — 14.
Двоюродные братья:
Акмурза Джанакаев — 53;
Алмасхан — 35; } Акмурзаевы
Аскерхан — 14.

Качкалыковского владения.

Старшиныдеревни Ханмурза-юрт.

1.Ханмурза Шанмурзаев — 56.

Ханмурза - сын узденя Шамурзы, которой произошел от Султана, сей от Ия, сей от Алхана, сей от Киха, сей от Амака, сей от Балташа, сей от Шабатуки, сей от Устара, сей от Хан-Солтана, коих предок вышел из турецкаго города Шама из фамилии Алер.

Племянники:
Чанка — 32;
Чанбу — 30; }Емиевы.
Кайтук — 28;
Ислам — 30; }Амзакаевы.

Алиюха — 28.

Внуки:

Адиль Чанкаев — 1;

Макуш — 2; }Чандуевы.

Дуту — 7.

Деревни Азамат-юрта.

2.Орусбий Арсакаев — 60.

Орусбий - сын старшины Арсакая, которой произошел от Исака, сей от Османа, коих предок вышел из горской деревни Нашаха из фамилии Шаван.

Его брат:

Мисо — 40;

Сыновья:

Казакмурза -30;

Арсакая — 15;

Арсланбек — 12; }Урусбиевы.

Солтанбек — 10;

Арзав — 7.

Племянник:

Мирзах Мисоев – 20.

Деревни Дадан-юрт.

3.Казакбий Казакмурзаев — 45.

Казакбий - сын узденя Довлетуки, которой произошел от Арсакая из фамилии Харачу, коих предок вышел из горской деревни Харачу.

Его брат:

Орусбий — 40.

Сыновья:

Довлетука — 14; }Казакбиевы

Манта — 6

Деревни Джахвар-юрт.

4. Алхан Бекмурзаев — 40.

Алхан - сын Бекмурзы, которой произошел от Ильяса сей от Кеха; сей от Аха, сей от Эта из фамилии Харачу, коих предок вышел из горской деревни Харачу.

Его брат:

Алхас — 37.

Сыновья:
Будайхан — 16;
Герейхан — 14; } Алхановы.
Борахан — 10.
Племянники:
Василий — 9;
Бекмурза — 8;
Ильяс — 7; } Алхасовы.
Ботрай — 6;
Батыргирей — 5.
Двоюродный брат:
Теркебий Панцуев — 25;
Его сын:
Шабазгирей — 1.

Чеченского владения
деревни Кажаковской
Прапорщик.
1. Джанбек Аматов — 37.

Из фамилии Зандыкойской, сын чеченца Амата, которой произошел от таковаго же Сарамурзы фамилии той же.

Детей не имеет.

Деревни Нагай Мурзиной.
Прапорщик.
2.Карчага Гайжуев — 45 (состоящий на службе в Горском казачьем полку);

Из фамилии Буртынской, сын умершего прапорщика Ганжуя, которой произошел от чеченца Сагата фамилии той же.

Сыновья:
Алхазур — 6;
Кури — 3.
Братья:
Гада Ганжуев — 55;
Его сын:
Ельмурза — 8;
Митыр Ганжуев — 36.
Его сын:
Хадашуха — 5.

Деревни Алхасовой

владелец, подпоручик, князь

3.Кагерман Алиев — 35.

Сын умершаго капитана Алия - произошел от чанки Алхаса, рожденного от узденьки и от андреевского князя Казак-Алипа из фамилии Шамхальской.

Его сыновья:

Адиль Султан — 4;

Карасай — 1.

Его брат:

Дан Алиев — 25.

Корнет

4. Ачемаз Байсугуров — 30.

Из фамилии Пешхой, сын чеченца Байсугура, которой произошел от такового же Гечихай-Хажи фамилии той же.

Юнкер

5. Тепсурка Байсултанов — 28.

Из фамилии Билтовской сын чеченца Байсултана, которой произошел от Бийбулата фамилии той же.

Его сын:

Эдык — 8.

Уважаемые народом оной же деревни.

6.Узу Урусов — 48.

Из фамилии Ангенойской, сын чеченца Уруса, которой произошел от такового же Джамурзы фамилии той же.

Его сыновья:

Гуцуру — 12;

Уздемир — 7;

Батал — 4.

7.Тембула Самбиев — 45.

Из фамилии Зандыкской, сын чеченца Самбия, которой произошел от такового же Цацурика фамилии той же.

Его сыновья:

Эсамбулат — 10;

Кагерман — 8;

Умалат — 7;

Ульмес — 6;

Ельжурка — 2.

Деревни Бенойской
старшина.

8.Старшина Енарса Дадаев — 32.

Из фамилии Бинойской, сын чеченца Дадая, которой произошел от таковаго же Махе, фамилии той же.

Его сыновья:

Яхи — 4;

Салатгирей — 2.

9. Тембулат Байсуев — 37.

Из фамилии Бинойской, сын чеченца Байсуя, которой произошел от таковаго же Кадия, фамилии той же.

Его сыновья:

Бийбулат — 10;

Шугаип — 5;

Цуку — 3;

Саид — 2.

Деревни Ельдаровой
князь, капитан

10. Мундар Эльдаров — 60.

Из фамилии Шамхальской, сын князя Алымкажа, которой произошел от таковаго же Эльдара фамилии той же.

Его сын:

Албасхан — 10.

Юнкер

11.Ежа Муртазалиев — 30.

Из фамилии Шутайской, сын чеченца Муртазалия, которой произошел от таковаго же Юсупа, фамилии той же.

Уважаемые народом оной же деревни.

12. Байтерек Байсултанов — 60.

Из фамилии Аргунойской, сын чеченца Байсултана, которой произошел от таковаго же Таусултана фамилии той же.

Его сыновья:

Акай — 30;

Цацу — 17.

13. Сулейман Чуликов — 23.

Из фамилии Гердек Гунойской, сын умершего подпоручика Чулика, которой произошел от чеченца Сайкака фамилии той же.

Его сыновья:

Улубий — 6;

Шахбий — 3;

Махмут — 1.

14. Урус Чанчурин — 35.

Из фамилии Ангунайской, сын умершего поручика Чанчури, которой произошел от чеченца Бейсултана фамилии той же.

Его сыновья:

Дудар — 15;

Урусбий — 7;

Джами — 5.

Деревни Старонаурской

князь, прапорщик

15. Кузук-Магоматов Турлов — 25.

Из фамилии Турловой, сын поручика, князя Магомата, которой произошел от такового же Арсемака, фамилии той же.

Детей не имеет.

Деревни Мусиной.

Неимеющий чина, князь

16. Айдемир Мусин Турлов — 18.

Из фамилии Турловой, сын князя Мусы, которой произошел от такового же Арсемика фамилии той же.

Детей не имеет.

Уважаемые народом оной же деревни.

17. Магомат Анзоров — 59.

Из фамилии Нижилойской сын чеченца Анзора, которой произошел от такового же Салгурбека фамилии той же.

Его сыновья:

Инал — 26.

Его сын:

Альгуха — 5;

Анзор — 17; }Магомаевы.

Осман — 12;

Актаха — 5.

Деревни Киовской[132].

18. Старшина Ельча Темиров — 25.

Из фамилии Пешхойской, сын чеченца Темира, которой произошел от таковаго же Таштемира фамилии той же.

Его сын:

Инал — 1.

Брат его:

Альгука Темиров — 20.

Деревни Старого-юрта

Князь, подпоручик

19. Батыргирей Баматов — 35.

Из фамилии Бекичевой, сын майора князя Бамата, которой произошел от князя Давлетгирея фамилии той же.

Его сыновья:

Давлеткирей — 10;

Керейхан — 6;

Салам-Герей — 3;

Темирбулат — 2.

Брат его:

не имеющий чина Муртазали Баматов — 25.

Сын его:

Бамбат — 1.

Уважаемые народом оной же деревни.

20. Амир Ураков — 55.

Из фамилии Зандыкойской, сын чеченца Урака, которой произошел от таковаго же Акая, фамилии той же.

Его сыновья:

Эльча Амиров — 35;

Его сыновья:

Ельбуздука — 10;

Альгука — 8;

[132] Кей-Юрт или Гални – село в Надтеоечье. Ныне в Знаменском районе Чечни.

Дудурка — 6;
Боруха — 3;
Хаким Амиров — 30.
Его сыновья:
Умар — 2;
Умахан — 1.

21. Ельмурза Арсимирзаев — 50.

Из фамилии Чертойской сын чеченца Арсимирзы, которой произошел от таковаго ж Загуштука, фамилии той же.

Его сыновья:
Мирза — 30.
Сын Мирза:
Альмирза — 3;
Бехо — 23;
Цехо — 16;
Шидо — 12;} Эльмурзаевы.
Шипи — 8;
Миско — 5.

22. Цупа Тулуев — 60.

Из фамилии Чижнохойской сын чеченца Туму, которой произошел от таковаго же Паполаша, фамилии той же.

Его сыновья:
Цыцы — 35.
Сыновья Цыцы:
Тыты — 9;
Яшурха — 7;
Кайсум — 4;
Шах-Гирей — 3.
Дзуру Цупаев — 25.
Его сыновья:
Алчагор — 5;
Бекбий — 1.

23. Хадух Шахтемиров — 35.

Из фамилии Алгийской, сын прапорщика Шах-Темира, которой произошел от чеченца Таштемира фамилии той же.

Его сыновья:

Хату — 8;

Сатов — 6.

Братья его:

Гайтемир — 25;

Абакер — 20.

24. Джигер Исмаилов — 46.

Джигер - сын Исмаила, которой произошел от Гулай-Бамата вышедшего из Ауховского владения из фамилии той же.

Его сыновья:

Сотов — 14;

Ибав — 10;

Дударука — 8;

Хадохмута — 2;

Племянники:

Гайтука — 5; } Адигевы.

Бийтука — 3.

Двоюродный:

Батука Ханбиев — 26;

Его сын:

Эльбуздука — 1.

25. Абиси Мустапаев — 35.

Абиси, сын Мустафы, которой произошел от Курман-Али, сей от Минкиши, сей от Эльбузду, сей от Балыка, а сей от Тав-Казак из фамилии Кевай, предок вышел из крепости С-го[133] Креста на Сулаке.

Его сыновья:

Исахан — 3;

Хамзат — 1.

26. Магамат Бачаев — 42.

Магамат - сын Бачая, произошедшего от Эрбулата из фамилии Акки. Предок вышел из Ауховского владения.

Его братья:

Тата — 40;

[133] Крепость Святого Креста на р. Аграхань (проток Сулака) была построена при Петре Первом в 1722-1723 гг. и срыта в 1735 г. в результате русско-иранского Гянджинского мира в 1733 г.

Уста — 35.

Деревни Нового-юрта
князь, прапорщик

27. Шахгирей Баматов — 40.

Из фамилии Бековичей, сын майора князя Бамата, которой произошел от князя Давлеткирея фамилии той же.

Детей не имеет.

Мулла

28. Урум Нур-Магоматов — 60.

Из фамилии Курумовой, произошел от таковаго же Курума фамилии той же.

Его сыновья:

Подпоручик

Касым Урумиев — 25;

Абдулла — 12.

Деревни Брагунской
старший князь неимеющий чина.

29. Улубий Актолов — 40.

Из фамилии Таймазовой, сыновья князя майора Актага, которой произошел от князя Гудалата фамилии той же.

Детей не имеет.

Братья его:

Джамбулат Актолов — 35.

Его сын:

Султахан -1.

Разыхан Актолин – 27.

Его сын:

Чопалов — 1.

Троюродные братья:

30. Султанбек — 13; }Бийсултановы.

Шайтанбек — 11.

Узденья.

31. Сатабий Темирбулатов — 45.

Из фамилии Актугановой, сын кумыка Темир-Булата, которой произошел от таковаго же Актугана, фамилии той же.

Его сыновья:

Актуган — 26; }Сатабиевы.

Темирбулат — 23.

32. Дамбай Алиев — 17.

Из фамилии …(одно слово неразб. – Сост.), сын брагунца Алия, которой произошел от таковаго же Алкардая, фамилии той же.

33. Булатука Ибраилов — 50.

Из фамилии Карсаковой, сын брагунца Ирбая, которой произошел от такового же Карсака фамилии той же.

Его сын:

Шабаз — 12.

34. Исак Уршуков — 80.

Из фамилии Тангатепвинской, сын брагунца Уршука, которой произошел от такового же Шехели, фамилии той же.

Его сыновья:

Бектемир Исаков — 45.

Сыновья Бектемира:

Атай — 25;

Чантемир — 22;

Темирхан — 18;

Шах-Темир — 10;

Гантемир Исаков — 35.

35. Укай Казаков — 50.

Из фамилии Батаевой сын брагунца Казака, которой произошел от таковаго же Ботая, фамилии той же.

Его сыновья:

Салимурза — 20;

Саралип — 14; }Укаевы.

Саракай — 12.

36. Ислам Темирсултанов — 40.

Из фамилии Чиритовой, сын брагунца Темир-Султана, которой произошел от такового же Али-Султана фамилии той же.

Его сыновья:

Султанкирей — 14;

Шабаз — 7.

37. Сурхай Адылев – 45.

Из фамилии Улмимицановой сын брагунца Адыля, которой произошел от таковаго же Ульмецана, фамилии той же.

Его сын:

Хасай – 25.

Его брат:

Инамас – 40.

Его сын:

Хайдарбек – 5.

Абрек – 30.

Его сыновья:

Асторхан – 5;

Амирхан – 3;

Ханахай Адылев – 27

38. Бекмурза Баймурзин - [134]

Из фамилии Джемируковой, сын брагунца Беймурзе, которой произошел от таковаго же Атая, фамилии той же.

Его сыновья:

Мурзабек – 12;

Магомат – 9;

Хажимурат – 7.

Карнет.

39. Багатыр Беймурзин – 30.

Из фамилии Джемеруковой сын брагунца Баймурзы, которой произошел от таковаго же Атая, фамилии той же.

Его сын:

Исак – 5.

Его брат:

Айтел – 26.

40. Джумай Тутаров — 40.

Из фамилии Пшитовой, сын брагунца Тутара которой произошел от таковаго же Каллали, фамилии той же.

Его сын:

[134] Возраст не указан.

Кагерман — 10.

Его брат:

Уразай – 38.

Его сыновья:

Татархан — 20;

Качу - 17;

Асау — 10.

41. Ханбулат Курмаалиев – 45.

Из фамилии Бекевой - сын брагунца Курмаалия, которой произошел от таковаго же Байрам фамилии той же.

Его сыновья:

Сулейман – 18;

Абдулла – 15.

42. Абакер Давлеткиреев – 35.

Из фамилии Базаевой - сын брагунца Давлеткирея, которой произошел от таковаго же Мишея, фамилии той же.

Его брат:

Хазыри – 30.

Его сын:

Ибрагим – 6.

43. Ток Янтыков — 50.

Из фамилии Гижи, сын брагунца Янтыка, которой произошел от такового же Тоха, фамилии той же.

Его сыновья:

Хамбулат — 20;

Бейбулат — 15;

Дзулум — 13;

Иманмурза — 9.

44. Калимат Янтыков — 30.

Из фамилии Гижи, сын брагунца Янтыха, которой произошел от такового же Тоха фамилии той же.

Его сыновья:

Качалай — 8;

Агамирза — 6;

Салов — 3.

Деревни Мамакаевой.

45. Темирсултан Ганлебаев — 50.

Из фамилии Чертойской, сын чеченца Гайлебая, которой произошел от таковаго же Сентури, фамилии той же.

Его сын:

Байта — 30.

Сын умершего подпоручика Мамакая

46.Ханакай Мамакаев — 7.

Из фамилии Чертойской, сын умершего подпоручика Мамакая, которой произошел от чеченца Сонтура фамилии той же.

Деревни Гуниш

старшина.

47. Айсу Гайребеков — 43.

Из фамилии Аллерской, сын чеченца Гайрбека, которой произошел от таковаго же Мазыгама, фамилии той же.

Его сыновья:

Хахи — 17; Соит — 6;

Хаким — 3;

Садулла — 1.

Чеченского владения за Сунжею.

Старшины деревни Большаго Чечьня. .

1. Ильяс Иналов — 25.

Старшина Ильяс родился от Инала, а сей от Бези, а сей Суная, а сей от Ильяса, переселившегося в Чечень из деревни Нашаг.

Сын его:

Алхас — 1.

Дядя его:

Темерука Соитов — 40;

Племянник его:

Юнус — 6.

Деревни Шалей.

2.Урка Амар-Аджиев — 36.

Старшина Урка родился от Амар-Аджи, а сей от Актулу, переселившегося из деревни Нашаг.

Сын его:

Байсук — 9.

Деревни Тушки-юрт.

3.Аду Беатаев — 40.

Старшина Аду родился от Беатая, а сей от Тушика переселившегося из деревни Ношаг.

Деревни Хамбулат-юрт.

4.Кади Хамбулатов — 35.

Старшина Кади родился от Хамбулата, а сей от Казигая, а сей от Хажихана, живущих сначала в сей деревни.

Сыновья его:

Ази — 5;

Узаби — 4;

Улубий — 3;

Элибий — 2.

Деревни Чертугаевской.

5.Саит Калиматов — 26.

Старшина Саит родился от Калимата, а сей от Гельмата, а сей от Габу, а сей от Мусы, переселившегося из деревни Нашег.

Деревни Алды.

6.Тагир Гаргиреев — 40.

Старшина Тагир родился от Гаргирея, а сей от Джабая, а сей от Магомута, а сей от Чирика переселившегося из деревни Нашаг.

Сыновья его:

Гайтука — 17;

Махмут — 15;

Таусултан — 13;

Гаплан — 9;

Исламгерей — 4;

Эльмурза — 2.

Мамука-юрт.

7.Мамука Читаев — 50.

Старшина Мамука родился от Читая, а сей от Тунжехана, а сей от Таабура, а сей от Магаза, переселившегося из деревни Виден.

Сын его:

Базарка — 30.

Внук:

Сар-Али — 3.

Деревни Кулеевой.

Мулла.

8.Мутук Даутов — 40.

Мулла Мутук родился от Даута, а сей от Чопана, а сей от Чопалова, а сей от Ады, а сей от Али, переселившегося из деревни Большого Чечьня.

Его сын:

Ислам — 17.

Братья его:

Мусост — 50;

Исмаил — 45.

Племянники его:

Шабаз — 17;

Гаплан — 8;

Суулу — 6;

Умар — 5.

Старшины.

9. Дзага Кулиев — 35.

Старшина Дзага родился от Кулия, а сей от Амая, а сей от Даута переселившегося из деревни Гуной.

Брат его:

Сай Кулиев — 25.

Деревни Шатай-юрта.

10. Чож Шатаев — 35.

Старшина Чож родился от Шатая, а сей от Шарипа, а сей от Салтанмика, а сей от Айды, а сей от Абекера, переселившегося из деревни Чермной.

Братья его:

Кужи — 30; } Шатаевы.

Шабаз — 25.

Деревни Амерхан-Кичу.

11. Косур Алиев — 40.

Старшина Косур родился от Алия, а сей от Темербулата, а сей от Туры переселившегося от деревни Беной.

Сыновья его:

Тепсурка — 10;

Тепса — 6;

Шуаип — 4.

Генерал-майор…[135]

Источник: РГВИА. Ф. 13454. Оп. 5. Д. 450. Л.1-20 об. Подлинник.

Приложение 1.

КРАТКОЕ ОПИСАНИЕ КУМЫКСКОГО И ЧЕЧЕНСКОГО УПРАВЛЕНИЙ[136]

Чеченское управление

К чеченскому управлению относятся все покорные чеченцы, исключая причисленных к главному кумыкскому приставу и Брагунское общество. Они поселены в 88 деревнях и 57 хуторах, в коих до 5440 домов, 24275 жителей и 143 мечетей.

[135] Подпись неразборчива.

[136] Данный документ был составлен не ранее 1832 г. и не позже 1838 г. Согласно А.Р. Орсаханову документ, который представлял по «начальству» полковник А.П. Пулло (командующий Сунженской линией) датирован 1837 г. - Исторические личности Чечни (XI–XXI вв.). Т. I. Кн. II. Политические и общественные деятели. Деятели науки и культуры. (Авт. – коллектив авт. Сост.: Гапуров Ш.А., Магамадов С.С.) / Под ред. Ш.А. Гапурова, С.С. Магамадова. – Грозный: АО «Изд.-полиграф. комплекс «Грозненский рабочий», 2020. С.491.

За неимением главного пристава покорные чеченцы разделены на два управления.

72 деревни и 57 хуторов, лежащих по Сунже и за оной, заведуются грозненским воинским начальником. А 16 больших деревень, поселенных по Тереку от деревни Кожак до устья Сунжи, и две других деревни, расположенные около Марьинских теплиц, имеют своего пристава есаула Золотарева.

В 72 деревнях и 57 хуторах, относящихся к воинскому начальнику крепости Грозной, находится: 3778 домов, до 18890 жителей и 109 мечетей.

В этой части Чечни родов княжеских не имеется. Старшин же считается 96. Из них сильнейшие в народе и усерднейшие к правительству суть: Джаца Колмотов, Ислам Хамбулатов, Саит Келеметов, Тагир Карагиреев *(старшина селения Алды, из тейпа Гуной, отец известного муллы Бийсултана Тагирова. – Прим. сост.)*[137], Дилми Чужтуров, Джами Хан-Мирзаев, Кади Сапаев, Ильяс Иналов, Джука Алдиев, Курака Четыков, Мака Биймурзаев, Довлет-Кирей Имаев, Ада Бурзаков, Тапи Даутов, Тагир Дашуев, Джурга Мецехасимов, Арслангирей Адиев, Догужей Курчалиев, Урка Умар-Хажиев, Имада Лачинов, Кота Шимирзаев, Гойлубай Амирашев, Шухайп Ханбиев, юнкер Сусу Арсакаев, Хосар Алиев, Шабаз Шатаев, Назыр Баширов, Зага Кулиев, Аду Бетаев, Корта Эсангиреев, Яка Арсланов, Дуда Измаилов *(старшина хутора близ крепости Урус-Мартан, поручик царской армии, известный персонаж чеченских героических песен-илли Исмайлин Дуда из тейпа Гендаргеной. – Прим. сост.),* Алхан Лачиев и Шахмурза Явмурзаев.

Старшины, кои имеют вес в народе, но не заслуживают доверенности русского правительства:

Абакер Манаев, Чирхин Дантиев, Хутцы Хурдуев, Джапар Мусаев *(потомок шейха Берсы Курчалоевского, прадед известного чеченского языковеда Зайнди Джамалханова из с. Надтеречное. – Прим. сост.),* Маца Тамиев, Таумирза Аргистеков, Басхан Измаилов, Айдемир Чагуров, Магомат Эсенбаев, Дасха Агиев, Муса Алиев, Таип Джимаев, Мадарим Арслан-Гиреев, Черкес Касаев, Хаду Абакеров, Кажик Мизаев, Юсуп Исаев, Айгек Байтемиров, Энди Туркаев, Маасур Эльдаров, Эсенбай Гапаев, Аху Алхазов, Башав Мирзаханов, Ама Исаев, Койсум Койсумов, Хаза Бекмурзаев, Иса Давлеткиреев, Муса Ботик-Хажиев, Алчагар Чадигаев, Алтемир Анзоров, Хасай Тавлуев, Нартбий Бамматов, Ахтола Магома-Газиев, Муртазали Аспиев, Алибий Канисов, Гозубай Ганжибаев, Биймурза Сариев, Умар Моллаев, Анзор Гайдаров, Алхан Алготов, Ахта Бекаев, Магомат Махмудов, Биймурза Мирзабеков, Кулиш Чираков, Хаки Газиев, Уздемир Табаев и Джанжи Юнусов.

[137] Здесь и далее выделенные в тексте скобками и курсивом примечания принадлежат А.Р. Орсаханову.

О духовенстве

Каждая мечеть имеет своего муллу (имама). В муллы избираются здесь из числа людей, знающих несколько арабскую грамоту и уважаемых в народе.

Из мулл имеют особенное влияние на умы народа: Шалинской деревни Ибиш, Кременчуковской Ибрагим Абдул-Кадыров, Большой Атаги Назыр Хасаев, Автурской Сулейман сын Мустафы Кадия *(будущий наиб Шамиля Сулейман-Эфенди Мустафинов из тейпа Серхой. Фамилия Сулеймановых из его потомков проживает в с. Старая-Сунжа. – Прим. сост.),* Алдинской Джанби Умаханов, Белготойской Гайсум Дауров *(Шейх Гойсум-Мулла, отец известного шейха Сугаип-Муллы Гайсумова. – Прим. сост.).*

В этой части Чечни имеется только один кадий – Мустафа Магома-Газиев. Который, будучи одарен от природы живым умом, совершенно постиг пользу своих соотечественников и благую цель русского правительства. Почему все его содействие столь благонамеренны, что заслуживают особенное к нему внимание.

О границах между мирными и немирными чеченцами

Мирные чеченцы с немирными граничат к югу: с аккинцами, пшехойцами, шубузами, чабирлинцами; и к юго-востоку с немирными ичкеринцами – до деревень: Зондак, Билитль и Алер. Но и среди мирных чеченцев, в густых лесах, скрываются непокорные – незначительными кутанами.

О надтеречных чеченцах и Брагунском обществе

Они состоят из 16 деревень, заключающих в себе 1662 дома, до 5385 душ жителей и 34 мечети.

Находятся под управлением чеченского пристава есаула Золотарева. Эти народы, будучи покорными с давнего времени, никогда не посягали на измену и в точности исполняют все законные требования.

Старшины у надтеречных чеченцев, по личным их достоинствам и согласно с выбором народа, признаются таковыми начальством.

Известнейшие по усердию и преданности к правительству суть: деревни Брагунской Бектемир Исаков, Юлдаш Алиев, Ислам Темир-Султанов; Нового Юрта подпоручик Касым Курумов *(будущий генерал из чеченцев Касим Курумов. – Прим. сост.)*; Старого-Юрта Эльмурза Али-Мурзаев *(будущий кадий Чеченского округа Эльмурза Хасамурзаев из тейпа Ширдий. – Прим. сост.)*, Амир Ораков, Осман Цацуликов; Киовской деревни Эльжу Темиров; Ново-Наурской Магомат Нижилоев; Старо-Наурской Борсук Вокур-Хажиев *(старшина Верхнего-Наура Бурсак из тейпа Шикъарой, Чорин-некъе. – Прим. сост.)*; Ямансуловской Дурса Хуциев; Мундаровой деревни Хака Байбатыров, Абу

Кучиков; Баян-Юрта Янарса Дадаев *(старшина Янарса из тейпа Беной, сын Дада Махаева, основателя Бено-Юрт нынешнего Надтеречного района Чеченской Республики. – Прим. сост.)*, Тембулат Байсуев; Кагермановой Узу Урусов, Иса Басиров; Нагаймурзиной хорунжий Корчага Ганжуев, Цогал Бациев; Мижи-Юрта Келемет Галаматов, Хизири Бачиев; Кожаковской Астемир Баматов, Магомат Дадаев; вновь поселенной Джанбековой деревни прапорщик Джанбек Аматов *(старшина Джанбек Аматов из тейпа Зандак, лидер восстания надтеречных чеченцев 1840 года, погиб в 1842 году. – Прим. сост.);* вновь поселенной деревни Кулауз Абакер Дондиков; деревни Гунишки корнет Чопалов Баматов и Мамакай-Юрта Цуцу Балан-Ханов.

О духовенстве

Духовные лица, как кадии, так и муллы, избираются здесь таким же образом, как в кумыкском владении. Имеют те же отношения к народу.

Пользующиеся особенным уважением народа и заслуженною доверенностию русского начальства суть: кадий Брагунской деревни Дудар Темирханов, кадий Старого-Юрта Алди Ажиев. Почетные муллы: Нового-Юрта Уруж Курумов, Ново-Наурской деревни Муртаза Арсамиков, Нагай-Мурзиной Юсуп Шаихов и Кагермановой деревни Хажи-Хан Акуев.

Опубликовано:Исторические личности Чечни (XI–XXI вв.). Т. I. Кн. II. Политические и общественные деятели. Деятели науки и культуры. (Авт. – коллектив авт. Сост.: Гапуров Ш.А., Магамадов С.С.) / Под ред. Ш.А. Гапурова, С.С. Магамадова. – Грозный: АО «Изд.-полиграф. комплекс «Грозненский рабочий», 2020. С.491- 493.

Первоисточник: ОПИ ГИМ Ф.6, Оп.1, Д.63, Л.64-75 с оборотами

Приложение 2.

СПИСОК

г.г. офицерам из азиат, выбывшим из лейб-гвардии Кавказского горского полуэскадрона и из Санкт-Петербургских кадетских корпусов, находящимся в распоряжении Сунженской линии, с прибавлением всех тех, которые заслужили чины в своем отечестве.

Чеченского владения. Надтеречных деревень [1837 г.].

Выбывшие из Кавказско-горского поуэскадрона.

Корнеты:

Чопалов Баматов

Ачамаз Байсунгуров

Багатыр Эшироков (в действующей армии)
Абубакир Эшироков
Сулейман Чуликов
Хазу Башаев (прикомандирован к Моздокскому казачьему полку)

Из засунженских чеченцев:
Кады Чагов

Выбывшие из кадетских корпусов и прикомандированные к казачьим линейным полкам.
Корнеты:
Эльбуздук Байсунгуров
Вагап Аду
Гайсум Арсланбеков
Абдулла Курумов[138]
Гача Джамаев

Сверх того, заслужившие чины в своем отечестве.
Кумыкского владения:
Полковник князь Муса Хасаев
Майор Ибрагим Албор Аджиев
Поручики:
Телов Тотриев
Юсуф Клычев (в настоящий чин, произведенный в бытность Еффендием в Кавказско-горском полуэскадроне)
Отставной поручик князь Гирей Муртазали Аджиев
Подпоручики:
Князь Султанмуд Уцмиев
Князь Баматгирей Махтиев
Довлет Мурза Шихалей (без жалования)
Прапорщики:
Ибрагим Солтанов
Заур Карабудаков
Минатулла Тавлуев
Умар Азнауров
Муса Ибаев

[138] Возможно второе имя Пайзуллы Курумова, впоследствии первого полного кавалера Георгиевского креста на Кавказе (младший брат Касим/Касым Курумова – генерал-майора и кавалера важнейших российских наград).

Аджумар Исаев
Ахмет Клычев
Князь Адельхан Биерсланов
Князь Солимхан Али-Султанов
Алхас Тотушев
Муса Тотушев
14 класса (без жалованья)
Алчак Ачаканов
Князь Алхас Капланов
Князь Каплан Капланов
Даут Ибрагимов
Аскендер Юзуф Аджиев
Ханакай Атавов
Кадыр Байрамов
Князь Ислам-Гирей Эльдаров

Полковник Пулло

Текст воспроизведен по изданию: Исторические личности Чечни (XI–XXI вв.). Т. I. Кн. II. Политические и общественные деятели. Деятели науки и культуры. (Авт. – коллектив авт. Сост.: Гапуров Ш.А., Магамадов С.С.) / Под ред. Ш.А. Гапурова, С.С. Магамадова. – Грозный: АО «Изд.-полиграф. комплекс «Грозненский рабочий», 2020. С. 499-500.

Первоисточник: ОПИ ГИМ Ф.6, ОП.1, Д.63, Л.76-81 с оборотами.

* * *

А.П. ПУЛЛО
ДОКЛАДНАЯ ЗАПИСКА О ПОЛОЖЕНИИ ДЕЛ НА ЛЕВОМ ФЛАНГЕ КАВКАЗСКОЙ ЛИНИИ И О МЕРАХ ПО ПОКОРЕНИЮ ЧЕЧНИ (1840 г.).

Пулло Александр Павлович (1789 - после 1869), из греческой одесской семьи, начал службу юнкером в 1805 г., а с 20-х гг. XIX в. служил уже на Северном Кавказе. В 1834 г. полковник, возглавлял известный Куринский егерский полк и тогда же назначается командующим Сунженской линии. В 1839 г. получил звание генерал-майора, а в следующем году утверждается начальником Левого фланга Кавказской Линии (Северо-Восточный Кавказ). Опытный и знающий офицер, по крайней мере таким он выглядит в тексте приводимой «Записки…» предназначенной для военного министра Российской

империи, однако по свидетельствам его современников человек крайне неразборчивый в средствах, корыстный, грубый и жестокий в отношении горцев.

Его грабительские набеги на чеченские и кумыкские аулы в течение 1834-1840 гг., связанные с уничтожением хозяйств, взиманием дани и взятием заложников (причем зачастую в пользу его личной низкой корысти), по общему мнению привели к общенародному восстанию в Чечне весной 1840 г. и приглашению имамом («предводителем») страны Шамиля.

Записка А.П. Пулло о его заслугах в войне с чеченцами (не обязательно считать его автором, ибо такие документы обычно составлялись в штабах), снятого с должности и выдворенного правительством с Кавказа, представляет безусловный интерес. Опубликованная с архивного списка РГВИА впервые в 1959 г.[139] она неоднократно использовалась в научных исследованиях по Кавказской войне и Чечне.

Мы публикуем ее с приложением опущенного при публикации от 1959 г. раздела текста документа: «Список деревням в расположении Сунжинской линии состоящим, с показанием времени их покорения»[140] извлеченном в том же деле РГВИА.

ПУЛЛО А.П. ДОКЛАДНАЯ ЗАПИСКА О ПОЛОЖЕНИИ ДЕЛ НА ЛЕВОМ ФЛАНГЕ КАВКАЗСКОЙ ЛИНИИ И О МЕРАХ ПО ПОКОРЕНИЮ ЧЕЧНИ (1840 г.).

К управлению начальника левого фланга Кавказской линии отнесено пространство, ограниченное главным хребтом гор, р. р. Андийским Койсу, Сулаком, Каспийским морем и р. р. Тереком, Ассою и Даут-Мартаном. Главное народонаселение этого пространства составляет чеченское племя, самое сильное, буйное и воинственное из всех кавказских народов, их считается до 100 тыс. душ. На левом берегу Сулака обитают лезгины под местными наименованиями: салатавцев, гумбетовцев и андийцев, всего до 40 тыс. душ; народ промышленный, трудолюбивый, хотя враждебный нам, хотя подстрекаемый муллами своими к вечной ненависти к христианам; но за исключением салатавцев, редко участвующий в хищнических набегах по линии. Кумыки

[139]Движение горцев Северо-Восточного Кавказа в 20-50 гг. XIX века. Сборник документов / Сост.: В. Г. Гаджиев, Х. Х. Рамазанов. Махачкала: Дагкнигоиздат, 1959. С. 280-291.

[140] Данный документ оказался также опубликованным в 2020 г. А.Р. Орсахановым по списку, находящемуся в другом архиве : ОПИ ГИМ . Ф.6. Оп.1. Д. 63. Л. 76-81. – См.: Исторические личности Чечни (XI–XXI вв.). Т. I. Кн. II. Политические и общественные деятели. Деятели науки и культуры. (Авт. – коллектив авт. Сост.: Гапуров Ш.А., Магамадов С.С.) / Под ред. Ш.А. Гапурова, С.С. Магамадова. – Грозный: АО «Изд.-полиграф. комплекс «Грозненский рабочий», 2020. С.494-498. Данные списки имеют некоторые разночтения.

(около 10 тыс. душ), поселенные между р. р. Тереком и Сулаком, а равно и кочующие на том же пространстве ногайцы (до 900 кибиток) покорились издавна России и за исключением участия, принятого ими в возмущении Кази-Муллы, исполняли довольно исправно все требования русского начальства.

В 1834 году при вступлении моем в командование левым флангом линии покорными можно было назвать только кумыков и несколько аулов между Сунжей и Тереком, поселенных 5 тыс. чеченцев. Хотя несколько других горских обществ по спискам считались мирными и вследствие претерпенных ими наказаний признали себя подданными российского императора, но такая покорность приносила нам более вреда нежели пользы. По их понятиям она была ничто иное, как временный договор, заключенный с сильнейшим неприятелем, но отнюдь не препятствовали мирным производить набеги в наши пределы и в особенности давать пристанище и проводников всем партиям, собиравшимся для враждебных против нас действий. Таким образом, название покорных было только порукою им в безнаказанности за их преступные предприятия.

Теречная линия была в самом жалком положении; казачьи станицы и хутора подвергались почти ежедневно прорывам, которые лишали их имущества и препятствовали развитию их хозяйства. Не только наши слабые команды или чиновники, но даже кумыкские князья, настоящие их владельцы, не осмеливались приближаться к этим, так называемым, мирным аулам.

Внутри самой линии от кр. Грозной до укр. Горячеводского по дороге в станицу Червленную для охранения проезжающих офицеров и транспортов необходимо было наряжать из одной или двух рот пехоты при одном орудии. А в Грозной пасшийся скот гарнизона не мог удалиться более 50 саж. от крепости без прикрытия пехоты и артиллерии. Вверх и вниз по Сунже и по Аргуну на расстоянии 20 верст от Грозной нельзя было ходить иначе, как с сильным отрядом, который неоднократно должен был вступать в перестрелку с теми самыми жителями, которые принесли присягу на покорность. Внутри края в чеченские леса проникал только отряд силою в 8 и 10 бат., а с 1825 года только один раз, в 1832 году при преследовании Кази-Муллы[141] войска наши походили к горам. Но для этой экспедиции были сосредоточены главные силы Кавказского корпуса. Такая безнаказанность и наша чисто оборонительная система возвысили дух чеченцев и убедили их, что их своеволие найдет всегда верное и неприступное для нас убежище в своих лесистых ущельях. Фанатики муллы поддерживали их в этой мысли и через каждые два или три года возмутители

[141]Кази-Мулла – Гази-Магомед/Гази Мухаммед (1795-1832), имам Дагестана и Чечни, поднявший в 1828 г. вооруженное выступление горских масс против наступательной политики Российской империи и ее местных приспешников – горских феодалов. Пользовался серьезной поддержкой и в Чечне. Погиб в бою 17 октября 1832 г. во время штурма царскими войсками аула Гимры. – Примечания в тексте принадлежат составителю.

производили общие восстания: за Бей-Булатом Кази-мулла, за Кази-муллою Гамзат-Бек, за Гамзат-Беком Шамиль, Ташев-Хаджи и др.

При этих возмущениях не только наши станицы и поселения, но даже укрепления подверглись попыткам мятежников.

При таком положении края необходимо было принять самые деятельные и решительные меры к обузданию этих диких и хищнических племен и к упрочению спокойствия наших пределов. Меры эти имели троякую цель: лучшее устройство и обеспечение самой кордонной линии, приведение так называемых мирных племен на степень надежной покорности и покорение тех, которые еще не признали власти российского императора. В этом трояком отношении и в период моего управления левым флангом с 1834 по 1940 год смею сказать было сделано много и много приготовлено к достижению окончательного результата: совершенного усмирения и обезоружения горских обществ.

Относительно устройства кордонной линии, то оно во многом усовершенствовалось в этот промежуток времени. Назначение нескольких новых постов на местах, наиболее подвергавшихся хищническим прорывам, лучше соображенная система казачьих резервов для открытия и преследования разбойничьих партий, строгое и неусыпное наблюдение за бдительным отправлением кордонной службы, были первыми принятыми мною мерами. В то же время учреждения двух новых кордонных линий: одной от Грозной вверх по Сунже до Военно-Грузинской дороги, а другой вниз по реке через Старый Аксай и укр. Внезапной до границ северного Дагестана, коих посты содержались самими туземцами, обеспечили ими пределы так, что с 1836 года не было ни одного значительного прорыва, а мелкие партии были или своевременно открыты, или строго наказаны при преследовании. К охранению линии немало способствовали совершенная мною постройка кр. Умахан-Юрта и перестройка, и перенесение на более удобный пункт по моему предположению укр. Внезапного. Проект мой об устройстве другого форта у Горзель-аула удостоился утверждения начальства и все нужные материалы были мною заготовлены хозяйственным образом с самыми малыми издержками от казны.

В отношении мирных племен первым моим дело было возложить на них строжайшую ответственность за пропуск через свои земли хищнических партий в наши пределы. Виновные были немедленно наказываемы пенями, арестом неблагонамеренных людей, а в крайних случаях даже истреблением аулов, как все селение принимало явное участие в неприятельских против нас действиях. В каждом селении назначил особого старшину, который отвечал за поведение жителей и обязан был уведомлять меня о всяком злонамеренном покушении. Аманатов брал я не без разбору, как то делалось прежде, но от наиболее уважаемых или наименее надежных семейств и этим средством неоднократно

многие аулы, замышлявшие возмущение, были удержаны в повиновении. Но при этих необходимых мерах строгости не упускал я ни одного случая привлекать к правительству благомыслящих горцев всеми зависевшими от меня средствами: наградами лица, оказавшего какие-нибудь услуги, деятельным охранением земель мирных жителей и собственности их от покушения враждебных соседей, освобождением виновных от ареста и других наказаний во внимание к хорошему поведению их родственников, возможным покровительством всех промыслов и занятий жителей для улучшения их домашнего быта. Через некоторое время успел уже я приобрести такое влияние над умами чеченцев, что многие абреки из числа виднейших лиц добровольно покорились и с тех пор верно и с пользою служат правительству.

Между многими другими могу я упомянуть о кадии Ауховского общества Дукае — известном и смелом предводителе всех хищнических шаек, который служил постоянно в наших отрядах и имел случай оказать нам важные услуги, и о престарелом кадии Мустафе, человеке с большим умом, который много содействовал моим предположениям, объясняя чеченцам благодетельную цель правительства, необходимость и пользу покорности. Многие почтеннейшие жители служили мне постоянно лазутчиками, так что я всегда имел верные и скорые сведения о всем происходившем в горах и мог делать своевременно нужные распоряжения.

Упрочив, таким образом, положение мирных обществ, я приступил к обузданию непокорных. Их буйные и дикие нравы, своеволие, непримиримая ненависть к русским, уверенность в неприступности гор и лесов, ими обитаемых, убедили меня, что миролюбивыми средствами нельзя достигнуть этой цели и что употребление силы оружия должно быть необходимым и главным способом их усмирения. По этим соображениям и с разрешения начальства начал я с 1834 года производить частые экспедиции как на равнине, так и в нагорной Чечне, обращая действия против тех аулов, которые отличались своим буйством, заключали в своем населении наиболее абреков и хищников и славились неприступностью своего местоположения. Набеги производил я преимущественно осенью и зимой, когда леса с опадшими листьями представляют менее препятствий для войск. Собирая более или менее значительные отряды скрытно на том или другом пункте быстрым ночным переходом, делая по 50 и более верст в сутки, являлся я неожиданно перед изумленным населением самых отдаленных аулов и по степени вины селения или истреблял оное или довольствовался наложением пени, взиманием аманатов и арестованием наиболее виновных лиц. Весною и летом отряды занимались работами на линии по возведению и перестройке укреплений и постов, а по временам производили кратковременные экспедиции против тех аулов, где начинали собираться партии. Проходя беспрестанно Чечню

по всем направлениям, являясь в самых неприступных убежищах хищников, угрожая всем непокорным обществам и истреблением их имущества, я навел на них такой: страх привел их в такое положение, что одни за другими начали покоряться. С 1834 года по 1840 год отложившиеся аулы мичиковцев, ауховцев и салатавцев, Большой и Малой Чечни и никогда непокоренные селения: ичкеринцев и гумбетовцев признали власть русского правительства. Ведомость этим селениям при сем представляется. Весь край очистился от абреков, благомыслящие ободрились, злонамеренные ужаснулись и не только спокойствие наших пределов было совершенно обеспечено, но оно начало водворяться и в горах. К усмирению чеченцев немало способствовало очищение их вековых лесов и проложение удобных дорог. В продолжение этого шестилетия частью войска, частью сами туземцы расчистили все леса на расстоянии ружейного выстрела по обеим сторонам дороги, по направлению от кр. Грозной через Мартан, Ачхой и Курчали к Военно-Грузинской дороге, а в другую сторону через Герменчук, Гельдыген и по Мичику в нагорную Чечню, всего на протяжении 165 верст. Таким образом, открыт был путь для беспрепятственного движения отрядов наших в Чечне.

По мере покорения горских обществ каждое выдавало аманатов, платило подать по рублю сер. с сакли, выдавало всех находящихся у него русских пленных и подчинялось тем же условиям, как и мирные племена. По усмирении Чечни я сделал перепись числу домов и жителей в каждом селении и краткое статистическое описание всех народов на левом фланге линии. Спокойное состояние края побудило жителей обратиться к разного рода промышленности и с 1837 года благосостояние их начало видимо улучшаться. Оставляя хищничества, сделавшиеся для них невыгодным и опасным промыслом, они принялись за земледелие и садоводство. В Кизляре и на некоторых других пунктах открылись торжища, куда горцы стекались со всех сторон для продажи своих продуктов. Большая экспедиция, предпринятая ген.-адъют. Граббе в 1839 году, взятие последнего убежища Шамиля и огромный урон, претерпенный горцами упрочили еще более спокойствие края, еще более доказали возмутителям, что для русского оружия нет неприступных мест. В то же время оно служит доказательством до какой степени воинственный дух упал у всех племен, потому что, когда главные наши силы углубились в горы и действовали в нагорном Дагестане против Шамиля, чеченцы не только не осмелились произвести ни одного прорыва на линию, оставшуюся почти без резервов, но сами охраняли оную постами против непокорных племен. Конец 1839 года был эпохою самого цветущего положения Чечни. На равнине и в горах водворилось небывалое дотоле спокойствие и тишина. Народонаселение и в последнее десятилетие увеличилось почти 1/4 частью. Повсюду возникали новые селения, а

прежние аулы увеличивались в объеме; повсюду расчищались леса и на огромном протяжении были лишь засеянные поля, орошаемые искусными канавами. Ежегодно до 40 тыс. горцев приходили на линию для сбыта своих продуктов, и звонкая монета до такой степени усилилась у них в обращении, что они могли платить возложенную на них подать довольно исправно. Сообщения были столь безопасны, что там, где в 1834 году должно было посылать большие команды с артиллерией, ныне, т. е. до марта 1840 года, ездили казаки поодиночке, и проезжающие из Дагестана брали в конвой жителей из самых буйных селений.

В этих фактах свидетельствую я всеми видевшими Чечню в 1834 и 1839 годах. Такое положение дел ясно указывало, что наступило время к прочному и необходимому преобразованию управления горскими обществами и к точнейшему определению отношения их к правительству. С разрешения ген.-адъют. Граббе изданы были особые правила для управления покорными аулами. Весь край, подчиненный левому флангу линии, разделен был на главные и частные приставства. Приставы, избранные из числа служащих, офицеров или туземцев, поселились в средоточии управляемых ими обществ, и круг действия каждого определен был особою инструкцией. Они строго наблюдали за поведением подчиненных им аулов, прекратили сношения покорных с непокорными и запрещали первым продавать хлеб немирным и пасти их скот на своих полях. Новые учреждения были поддержаны двукратным движением отряда под моею командой в декабре 1839 года и январе 1840 года; власть приставов была упрочена и тогда же положено начало системе обезоруживания горцев, взиманием со всех аулов по одному ружью с 10 сакель. Всего было собрано с лишком 1900 ружей, обстоятельство важное, как по количеству собранного оружия, так и в особенности потому, что горцам внушена была в первый раз мысль, что правительство имеет право лишать оружия тех, которые его во зло употребили. Конечно, эти меры не могли еще совершенно упрочить покорности чеченцев; для этого нужно было и больше времени, и более средств, нежели сколько было в моем распоряжении; но по крайней мере важный шаг к этому был уже сделан.

Вот результат шестилетнего моего управления краем. Для достижения оных не было у меня других средств, кроме 4-х бат. Куринского полка и 500-600 линейных казаков. На все весьма значительные издержки по управлению горцами, на жалованье приставам, на содержание вооруженной стражи для них и на содержание аманатов не было у меня никаких других сумм, кроме податей, собираемых от аулов, сумма весьма недостаточная, если сообразить, что на содержание аманатов употреблялось ежегодно до 20 тыс. руб. ассиг., а что на содержание пристанской стражи потребно до 10 тыс. руб. сер. в год.

Весною 1840 года положение края внезапно изменилось: Шамиль явился в Чечне, одно племя за другим пристало под его знамена и в половине марта часть аулов Большой и Малой Чечни и ичкеринцы явно восстали против правительства.

Остальные племена, т. е. более 2/3 народонаселения, остались покорными, исключая некоторых лиц, которые вошли в тайные сношения с возмутителем. Для того, кто знает характер чеченцев, их буйное своеволие, их легковерие и непостоянство, их вражду к русским, воспитанную вековою борьбою, такое сильное восстание после такой глубокой тишины будет понятно. В шесть лет чувство повиновения не могло еще пустить глубоких корней. Конечно, утверждение власти русских приставов в мирных аулах не могло быть им приятно и крепко стеснило их в сохраняемых ими мечтах о сохранении своей независимости, еще более они были ненавистны для некоторых горцев, которые видели в руках наших главные их способы пропитания. Конечно и то, что в крае еще неустроенном и посреди беспрерывных военных действий не могли обойтись без некоторых частных злоупотреблений.

Может быть это волнение умов кончилось бы само собою, если бы не подошли обстоятельства для поддержания мятежа. Во-первых, влияние Шамиля, который укрылся в Аргунском ущелье после своего поражения, и, войдя в тайные сношения с недовольными, разослал везде прокламации, обещая скорую помощь Египетского паши и убеждая всех мусульман произвести последнее усилие, чтобы отстоять свою независимость. Другое и еще более важное современное обстоятельство было взятие закубанцами некоторых из наших фортов на береговой линии. Весьма естественно, что оно скоро и сильно отразилось и на левом фланге и придало бодрость возмутителям, возбудив в них самые безумные надежды.

Как бы то ни было, но это восстание было важно тем, что оно вспыхнуло неожиданно, когда на левом фланге линии не было никаких других войск, кроме 4-х бат. Куринского полка, и что оно разлилось на значительном пространстве так, что нужно было раздробить и без того уже незначительные силы. По первом известии о вторжении Шамиля в Чечню немедленно двинулся я с горстью войск навстречу ему через Ханкалинское ущелье. Чеченцы, уже собравшиеся в весьма значительном числе, не осмелились вступить в бой с моим небольшим отрядом и направились к верхней Сунже, чтобы возмутить лежащие на этой реке аулы Кулари, Алхан-Юрт. Быстрым ночным переходом настиг я их у последнего аула, устроил засаду, навел их на батарею, расположенную мною за лесом, и разбил их на голову. Мятежники бежали в свои леса и множество погибло при переправе через Сунжу. Это поражение поколебало уже чеченцев. Шамиль, не надеясь более на успех в этой части Чечни, пошел к качкалыковцам, имея в виду взволновать Ауховское общество, за которым открывается путь к салатавцам,

гумбетовцам и другим нагорным племенам. Ко и тут замыслы его были расстроены быстрым движением моего отряда, который занял выгодную позицию близ Старого Аксая и удержал качкалыковцев и ауховцев в повиновении. После того Шамиль бросился по всем направлениям, но везде встречал отпор и не мог нигде распространить мятежа.

Таким образом, в продолжение целого месяца без всякого пособия с самыми ограниченными средствами, с войсками малочисленными, с кавалерией, коей лошади не могли даже довольствоваться подножным кормом, не только обеспечил я наши пределы, но и остановил развитие восстания. Это восстание, хотя имело свою важность, как сказано выше, но не было обстоятельством новым и чрезвычайным. Подобные мятежи и еще в большем объеме происходили в Чечне в 1825, 1828, 1831, 1832 и 1834 годах, и в 1836 году подобные замыслы были расстроены только деятельно принятыми мною мерами. Решительнейшие действия, основанные на хорошем знании местности и характера горцев и в этом случае, без сомнения, привели бы в короткое время к усмирению Чечни, тем более что предназначенный к военным действиям отряд в первых числах апреля начинал уже собираться в кр. Грозной и что отряд этот превосходил силою все дотоле действовавшие на левом фланге линии, исключая экспедиции 1832 года.

В таком положении были дела, когда 1 апреля прибыл в Грозную ген.-л. Галафеев, назначенный начальником действующего отряда и временно командующим всеми войсками, расположенными в северном Дагестане на левом фланге линии и на Военно-Грузинской дороге; с тех пор я отстранен был от участия в военных действиях и от управления краем.

Хотя я следовал за отрядом, однако не имел уже никакой власти, ни назначения. Ген.-л. Галафеев поступал по собственным своим предположениям. Незнание края, образа войны с горцами и незнание их характера было может быть причиною, что действия его были нерешительны, отчего вероятно развилось общее беспокойство в Чечне.

Может быть, что при движении сильного отряда в Чечню жители немедленно согласятся покориться на прежних условиях с тем, чтобы опять возмутиться при первом удобном случае. Но этою номинальною покорностью нельзя уже более довольствоваться, она принесла б нам более вреда, нежели пользы.

Ныне силы Кавказского корпуса значительно усилены, подобные усиления не могут скоро возобновиться; с другой стороны, чеченцы приведены в крайность. Должно воспользоваться этим положением дел для прочного водворения в этом крае русского владычества. А для этого необходимы многие условия.

1. Во-первых, решительные наступательные действия в Чечне несколькими отрядами, истребление полей и селений жителей до тех пор, пока они не согласятся на безусловную покорность. При принятии от них покорности аманатов нужно брать не только от каждого покоряющегося аула, но от каждых 10 семейств по одному. Этих аманатов после каждого преступления людей, состоящих за поручительством, должно непременно сообразно с их возрастом переводить в кантонисты или арестантские роты, заменяя места убывших другими аманатами. Покоряющихся чеченцев необходимо для лучшего надзора за ними заставлять селиться большими аулами на назначенных пунктах. Главнейшие аулы полезно располагать поблизости вновь предполагаемых укреплений.

2. Во-вторых, занятие Чеченской равнины линиею передовых укреплений у главных выходов из гор.

Эта линия поставит покорных в полную нашу зависимость и не дозволит непокорным собирать хлеб и пасти стада свои на полях мирных аулов. С другой стороны, укрепления будут служить складочными пунктами продовольственных и боевых запасов для действующих отрядов, которые приобретут возможность по всем направлениям и во всякое время года проходит Чечню и угрожать истреблением всем селениям, которые бы задумали об измене. Они же будут хорошими основаниями для дальнейших действий в горы. Число их я полагал бы ограничить семью и каждое занять одною ротою пехоты; из них одно против Аргунского ущелья, как центральное, устроить общирнее для помещения впоследствии штаба Куринского полка.

3. Введение между покорными горцами управления на тех основаниях, которые изложил в предположении ген.-адъют. Граббе.

4. Устройство казачьего поселения по Сунже и Ассе, избрав и отмежевав предварительно нужное количество земли для станиц, дабы впоследствии не произвести ропота и убедить чеченцев, что мы соблюдаем знак о ненарушаемости прав собственности.

Предприятия эти я полагал бы исполнить в следующем порядке: приступить сначала к усмирению чеченцев, а для этого нанести им по крайней мере одно сильное поражение в начале настоящей осени, а потом в течение всей зимы тревожить их беспрерывными набегами. Осенняя экспедиция должна необходимо быть произведена тремя отрядами: главный отряд направится от кр. Грозной в Большую Чечню; два остальные должны одновременно двинуться один от Герзеля-аула к мичиковцам, а другой от р. Ассы в Малую Чечню. Успех будет зависеть от совершенного знания местности и заповедных мест сборищ и убежищ чеченцев. Такое одновременное движение с трех разных сторон, безошибочно рассчитанное главным начальником и хорошо выполненное отрядными

начальниками, непременно достигнет своей цели. Чеченцы не найдут места, чтобы укрепиться от верного удара; ручаюсь долговременною моею опытностью, что сборища их разойдутся и должны будут рассеяться, после чего остается только наблюдать за их предприятиями, предупреждать сборища быстрыми движениями. Если успешные действия наших войск во время осени принудят чеченцев просить пощады, то нужно требовать от них безусловной покорности и постепенно приготовить к принятию нового образа управления.

От всех покорных аулов должно непременно брать по одному ружью с десятой сакли; если в продолжение двух лет по примеру 1839 года взято будет от горцев до 2500 ружей, то ручаюсь, что на 3-й год уже можно будет открыто приступить к системе обезоружения.

С открытием зимы начинается самое удобное время довершить поражение чеченцев и принудить их к повиновению. Для этого, усилив кордонную линию и расположив нужные резервы в кр. Грозной и в ближайших станицах, должно сосредотачивать скрытно отряд на разных пунктах и внезапно нападать на непокорные аулы. Таким образом, чеченцы, рассеянные по лесам, лишенные всякого убежища, чтобы укрываться от стужи, угрожаемые беспрестанно истреблением своего имущества и своих семейств, будут вынуждены согласиться на все условия или по крайней мере приведены в такое положение, что не предпримут ничего важного против наших пределов и не окажут упорного сопротивления при весеннем движении наших войск в их земли.

Весною 1842 года действующий отряд должен пройти всю Чечню для того, чтобы довершить покорение чеченцев, избрать места для предполагаемых укреплений и истребить мелкие деревни и хутора.

Чтобы не прерывать хода военных действий по недостатку запасов и не терять времени, полезно устраивать постепенно на разных пунктах временные укрепления без всяких издержек для склада вагенбурга и военных и продовольственных запасов. Из этих центральных пунктов отряды могут уже на легках производить быстрые набеги по всем направлениям. Осенью должно будет предпринять движение в горы для окончательного устройства салатавского общества и для наказания непокорных ичкеринцев и чаберлойцев. Таким образом, присутствие наших войск в нагорной Чечне удалит абреков и мюридов из этого последнего убежища, что будет иметь выгодное влияние и на спокойствие чеченской равнины. Зиму в 1842—1843 гг. должно употребить на необходимый отдых для войск, на заготовление материалов для предполагаемых укреплений, а также для кратковременных набегов в Чечню, если обстоятельства того потребуют.

Весною 1843 года должно приступить к устройству передовой укрепленной чеченской линии, коей укрепления, по моему расчету, и разделив войска на два

отряда, могут быть все приведены в оборонительное состояние и заняты гарнизоном осенью того же года.

В 1844 году можно произвести окончательные работы по устройству укрепленной линии, избрать места и начать изготовление материалов для устройства казачьего поселения на Сунже. Для этого поселения я полагал бы полезным выслать предварительно на Кавказ 4 Донских казачьих полка. Употребляя их постепенно в действиях против горцев во время зимних и летних экспедиций, можно будет приготовить их подвод исподволь к новому роду войны и новому образу жизни и сделать из них хороших линейных казаков, к тому времени, когда должно начаться устройство станиц. В начале осени того же года можно, смотря по обстоятельствам, действовать для покорения ичкеринцев или жителей Аргунского ущелья. Будучи в большой зависимости относительно способов пропитания первые — от кумыков и салатавцев, а последние— от чеченской равнины и видя ближайших соседей и родственников своих в совершенной покорности русскому правительству, те и другие, по всей вероятности, не окажут упорного сопротивления и убедятся в необходимости повиновения.

Между тем, в продолжение этого года начальник первого фланга должен заняться введением нового управления у кумыков, салатавцев и чеченцев, соблюдая нужную осторожность и постепенность, а также приступить к наделению землями переселившихся аулов.

С 1845 года, по водворении прочного спокойствия в крае, можно будет приступить к переселению станиц на Сунжу, полагая всего три года для полного устройства Сунженской кордонной линии.

Таким образом, по моему предположению, усмирение всего левого фланга может совершиться в три года на следующих основаниях, которые повторяю вкратце: 1-е — покорение враждебных народов начать с жителей равнины, т. е. с чеченцев, как сильнейшего и ближайшего к нам племени, коего усмирение повлечет за собою усмирение остальных племен; 2-е — до устройства передовой укрепленной линии в продолжении двух лет производить беспрестанные экспедиции несколькими отрядами и силою оружия и строгими наказаниями ослабить чеченцев, уронить в них воинственный дух и приготовить их к прочной покорности. Опыт прошедших времен достаточно убеждает, что без этих предварительных мер устроение линии было бы сопряжено. С большими затруднениями и пожертвованиями и что она не принесла бы нам никакой пользы. 3-е — возведение укреплений, произведены одновременно во всех местах. 4-е — одновременное с экспедициями на равнине начатие военных действий и против нагорных чеченцев: первые будут иметь целью совершенное покорение Чеченской равнины, а вторые — ослабление некоторых племен и

поддержание в них страха русского оружия, дабы угрожаемые в собственных домах, они не могли подавать ни помощи, ни убежища жителям равнин.

Текст воспроизведен по изданию: Движение горцев Северо-Восточного Кавказа в 20-50 гг. XIX века. Сборник документов / Сост.: В. Г. Гаджиев, Х. Х. Рамазанов. Махачкала: Изд. Дагкнигоиздат, 1959. С. 280-291; См. также: Народно-освободительная борьба Дагестана и Чечни под руководством имама Шамиля: сб. док. / Сост.: В. Г. Гаджиев, Ю. У. Дадаев, Х. Х. Рамазанов. - М. : Эхо Кавказа, 2005. Док. №157. С.217-226.

Источник: РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 6438. Л. 4-26. Подлинник.

Приложение:

СПИСОК деревням в расположении Сунжинской линии состоящим, с показанием времени их покорения.	
КУМЫКИ *Андреевский округ* Деревня Андреева. Приписанныя к ней: Муцал-аул. Темир-аул. Али-Султан Янги Юрт. Чонт-аул. Кази-Юрт. *Аксаевский округ* Селение Аксай. Приписаны к нему: Боташ. Аджи-Юрт. Хан-Мамат-Юрт. *Костековский округ* Селение Костек. Приписные к нему: Байрам- аул. Генже-аул.	Все кумыки и ногайцы, покорившиеся с давнего времени, присягнули на подданство России в 1826 году; но, с появлением Казы-Муллы, Андреевский и Костековский округи, с частию нагайцев изменили. В начале же 1832 года покорены снова. _____

Ааклак-Юрт. ЧЕЧЕНЦЫ, расположенные по Тереку, Нижней Сунже, внутри Кумыкскаго владения, по обеим сторонам Качалыковского хребта под названием качкалыковцев и мичиковцев, также вновь покорившиеся ичкеринцы. а) *Расположенные по Тереку*: Умахан-Юрт нижний. Акбулат-Юрт. Азамат-Юрт. Дадан-Юрт.	Были в возмущении с Казы Муллою и в 1832 году покорены снова.
в) *Расположенные по Нижней Сунже:* Джапар-Юрт. Аласхак-Юрт. Умахан-Юрт верхний. с) *Расположенные с давняго времени внутри Кумыкскаго владения в Андреевском и Аксаевском округах:* Осман-Юрт. Карлан-Юрт. Мамах-Юрт. Бамат-Юрт. Хан-Мирза-Юрт. Ангиль-Юрт. Буга-Юрт. Танай-Юрт.	_____
Баматбек-Юрт. Бал-Юрт. д) *Качалыковцы.* Гуйдурмес. Шавдон. Истису (Горячеводское) Ойсунгур.	Покорены в 1832 году _____

Ноинберд. Алер-аул. Кошгельды. Старый Аксай. е)*Мичиковцы* Карасу. Осман-тала. Казбек-Юрт. Бота-Юрт. Аку-Юрт. Мазлагач. Донгу-Юрт.	Деревни Бота-Юрт, Аку-Юрт и Кертме были покорены в 1832 году, но в 1833 г. изменили. Почему с 1835 года и по 1837-й производилось постепенное покорение этой страны и в настоящее время она совершенно очищена от неприятеля.
Ирасхан-Юрт. Кертме. Майртуп. Обаш-Шавдон. у) *Ичкеринцы* Мескит.	Покорены в 1837 году.
Алер. Билитль.	Покорены в 1836 году.
Рагун-Каж. Айтие-Мокх. Цезин Ирзов. Зандак. Гилен. д) *Ауховцы.* Кишень-Аух. Ярыксу-Аух. Акташ-Аух. Юрт-Аух. Кочкар-Юрт. Аджигирей-Юрт. Алтын-Мурза-Юрт. Джантемир-Юрт *Салатовцы*[142] Чиркей.	Покорены в 1832 году.

[142] Салатавское общество на то время состояло из чеченских и авароязычных аулов, либо населенных пунктов со смешанным населением, расположенных на склонах Салатавского хребта, замыкавшего Кумыкскую плоскость с юга.

Зубут. Иха. Мятлы. Зарама. Чир-Юрт. Бейтугай. Инчке.	Не включая деревни Алмака, покоренной в 1836 году, все прочия покорены в 1832 году.
Хубар. Козтала. Дилым. Кертме. Буртука. Алмак.	
Надтеречные чеченцы с Брагунским обществом. Брагуны. Старой- Юрт. Новой-Юрт. Кивская. Старый Наур. Новый Наур. Эсмансуловская. Мундарова.	Покорены с давнего времени; но упрочено сих подданство к России В 1819 году, т. е. после заложения крепости Грозной.
Баян-Юрт. Кагерман-Юрт. Ногай-Мурза-Юрт. Мияш-Юрт. Кожак.	Покорены с давнего времени; но упрочено сих подданство к России В 1819 году, т. е. после заложения крепости Грозной.
Вновь поселенная Джанбекова деревня. ---- ---- ---- ---- ---- Кулаусова. Мамакай-Юрт. Гунишки.	
ЧЕЧЕНЦЫ, живущие на Сунже и за оною Куллар. Алда.	Малая часть жителей этих деревень

Большой Чечен. Большая Атага. Малая Атага. Дошн-Юрт. Гихин-Каж. Ахшпатой Гойта. Курдали. Топли. Ашхой.	были покорены в 1832 году. Ахшойская деревня покорена в 1833 году; но в 1835 и 1836 приведены в покорность все жители означенных деревень.
Алхан-Юрт. Шавдон. Ягин-Юрт. Мамука-Юрт. Зарма-Юрт. Тепли-Юрт (Даут). Гихи. Кусур-Гойта. Белгатой. Топли Кечу. Сунасинская. Амирхан-Кечу.	Покорены в 1832 году
Шата-Юрт. Бугун-Юрт. Сорачан-Юрт. Кахкун-Юрт. Кули-Юрт. Тушкин-Юрт. Галай. Закан-Юрт. Хайрники. Самащки. Умахан-Юрт. Пешхой Рошни. Урус Мартан. Цизири Гойта. Чахкири. Чунгурой-Юрт. Устархан-Юрт. Чижнахой Гойта.	Покорены в 1834-м году Покорены в 1835 и 1836 годах. Покорены в 1835 и 1836 годах.

Курчали. Шали. Кременчук. Чертонкаж. Шерди Отар (Шухаип-юрт). Атабар-Юрт. Катер-Юрт. Пхан кечу. Озек-Юрт. Шахмурза-юрт. Ставноколь или Межин. Чурчи Ирзов. Ханби Ирзов. Лачи-Юрт Узун-тала Хаку-Юрт Лачи-юрт (близ Майртупа). Гельдиген. Нуриковская. Гайтар-Юрт. Малага-Юрт.	——————————————— Покорены в 1837 году
Автур. Магмут-Юрт. Цаца-Юрт. Курчали-Отар. Оздемир-Юрт. *Хутора:* Абикер-хутор. Бедикель. Тет-Юрт. Гала-Юрт. Лулу-Юрт. Хутор-хадой. Дуда-хутор. Али-ирзов. Хады-Юрт. Джапар-Юрт. Байсунгур-Юрт. Энгелик-Юрт.	Покорены в 1832 году ——————————————— Покорены в 1835 и 1836 годах.

Касум-Юрт. Мазлага-Юрт. Беди-Юрт. Атанаж-Юрт. Каусур-Юрт. Устолгордой. Александр-Юрт. Дахчи-Ирзов. Бачи-Юрт. Мирза-Хан-Юрт. Алар-Ирзов. Хутор Месенди. Джури-Юрт. Ахтомир-Юрт. Нартбий-хутор. Томбулатовой. Сунгур-Ирзов. Хутор Алибей Шаман-Юрт. Алто-Отар. Хутор Шамай. Хутор Джабай. Цей-хутор. Арслан-Гирей -хутор. Цунцай-хутор. Гемес-Юрт. Энди-Юрт. Анта-Юрт. Эльдар-хутор. Хутор Петки. Аху-хутор. Ама -хутор. Дишний-Юрт. Эса-Юрт. Алчагар -Юрт. Муртазали-Отар. Хосай - Ирзов. Эмен-Отар. Бей-Мурза-Отар.	Покорены в 1837 году Покорены в 1837 году

Камиш-Юрт. Хаки-хутор. Джанжи-хутор. Кала-Юрт. Устархан Варандой. Галла-Юрт.	

Генерал-майор А. Пулло
Источник: РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 6438. Л. 26 об.- 31. *Подлинник.*

***

А. ЮРОВ.
1840, 1841 и 1842-й ГОД НА КАВКАЗЕ … (1841 г.)

К сожалению, у нас почти нет сведений об авторе данного нарратива «1840, 1841 и 1842-й год на Кавказе» основанного на строго документальных данных и публиковавшегося с продолжением в нескольких томах «Кавказского сборника»[143]. В литературе упоминается только один военный исследователь - А. Юров,который на момент написания работы являлся капитаном.Судя потому, что в исследовании наблюдается цитирование документов различных управлений Генерального штаба (то ли главного в Санкт-Петербурге, то ли Закавказского военного округа в Тифлисе),там он по всей видимости и служил.

Для современников данный нарратив интересен тем, что он посвящен (в том числе) ранним столкновениям молодого горского государства Имамата Шамиля и русской императорской армии в районах Малой Чечни, слабо изученной по сей день в современной чеченской историографии. Здесь же в какой-то мере обрисована фигура аварца «Ахверды-Магома» - Ахбердил Мухаммед (1803-1843), выдающегося военачальника, богослова и администратора Имамата.С весны 1840 г. он являлся мудиром (верховный наиб) Малой Чечни с границами от Аргуна на востоке, до Камбилеевской (Кабардинской) равнины на западе.

Здесь приводится та часть большой работы А. Юрова, что была помещена в 11 томе «Кавказского сборника» - конкретно разделы V и VI (стр. 187-301),

[143] Юров А. 1840, 1841 и 1842-й год на Кавказе // Кавказский сборник. Т. X. – Тифлис: Б/и. Печ. в тип. Окружнаго Штаба, 1886.; Т.XI. - Тифлис: Б/и. Печ. в тип. Окружнаго Штаба, 1887.; Т.XII. - Тифлис: Б/и. Печ. в тип. Окружнаго Штаба, 1888.; Т.XIII - Тифлис: Б/и. Печ. в тип. Окружнаго Штаба, 1889.

охватывающие историю возвышения Шамиля в Чечне и Дагестане, первой экспедиции войск Шамиля в Малую Чечню, на Назрань и Владикавказ в марте-апреле 1841 г. и поход командующего войсками Кавказской линии генерал-адъютанта П.Х. Граббе по р. Сунже и районам Малой Чечни в июле-сентябре того же года. Мы воспользовались, помимо первоисточника[144], публикацией редакции сайта «Востлит» (Восточная литература) в сетевой версии[145]. Страницы текста приведены нами с изрядными сокращениями и с сохранением своеобразной орфографии А.Юрова.

В приложении к тексту приведены два обращения имама Шамиля к старшинам и народу карабулакскихселений Малой Чечни.

* * *

А.ЮРОВ. 1840, 1841 и 1842-Й ГОД НА КАВКАЗЕ

V.

1841-й год.

Положение дел в крае к началу 1841-го года. Высочайше утвержденный план военных действий; состав отрядов; работы. Деятельность Шамиля; набеги его партий. Благоприятное для нас настроение чеченцев. Агитация Хаджи-Мурата в Аварии. Штурм с. Цельмес и его результаты.

К началу 1841-го года наше положение на Кавказе вообще было мало утешительно; особенно озабочивал Государя Императора и местное начальство*левый фланг кавказской линии*, так как порядок вещей в Чечне и северном Дагестане, день ото дня обостряясь, принял крайне невыгодный для нас оборот. Продолжительное бездействие чеченского отряда в 1840-м году дало возможность Шамилю сделаться полновластным хозяином и гор, и плоскости. На всем пространстве левого фланга нам остались покорными — кроме деревень, лежавших под дулами орудий наших укреплений, — лишь кумыки и две надтеречные чеченские деревни. Шамхальцы и мехтулинцы уцелели под властью своих владетелей только благодаря гимринскому делу. Не предупрежденный и не остановленный побег жителей с Терека обнажил нашу линию от самого Моздока до ст. Червленной. Покорность кумыков хотя и обеспечивала несколько участки гребенского и кизлярского казачьих полков, но, тем не менее, для защиты плоскости отвлекались значительные силы, так как измена Черкея

[144]Юров А. 1840, 1841 и 1842-й год на Кавказе // Кавказский сборник. Т.XI. -Тифлис: Б/и. Печ. в тип. Окружнаго Штаба, 1887. С. 187-301.

[145]https://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Kavkaz/XIX/1840-1860/1840_1841_1842_gody/text5.htm;https://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Kavkaz/XIX/1840-1860/1840_1841_1842_gody/text6.htm (Дата обращения 20. 01. 2023 г.)

открыла Шамилю свободный доступ в северный Дагестан. С другой стороны, ненадежное настроение Койсубу, волнуемого происками изменника Хаджи-Мурата, подвергало опасности самую Аварию и угрожало сообщениям хунзахского гарнизона с Темир-Хан-Шурою. Влияние имама не ограничивалось, впрочем, Чечнею и северным Дагестаном: на него возлагали все свои упования и надежды не только ближайшие к арене его деятельности, но и самые отдаленные племена. Так напр., разбойничьи шайки в Осетии, уничтоженные полковником князем Андронниковым в декабре 1840-го года, подстрекали население к неповиновению помещикам и властям его именем. Дальские (вероятно, двальские, т.е закавказские осетины. – Сост.) князья, намереваясь отложиться от нас, посылали нарочных убедиться воочию в успехах Шамиля. Даже на береговой линии одним из рычагов той небывалой энергии, развитой черкесами при нападении в 1840-м году на наши форты, являются преувеличенные слухи о победах и могуществе нового горского владыки. До какой степени пользовалось обаянием в глазах даже покорных нам горцев имя сына бедного гимринского пастуха — служит тот факт, что эти последние, тайком от русского начальства, преисправно уплачивали определенную дань шамильским наибам, чтобы только они не грабили их и не отбивали стад. Подобные вещи происходили и во владикавказском округе, где жители Ачулук-Юрта задаривали Ахверды-Магому, с его приближенными, и в кумыкском владении, где старшина малолюдной деревни Азамат-Юрта — Урусбий — чистосердечно сознался нашему начальству, что жители дают подарки Шуаиб-мулле, лишь бы он оставлял их в покое. Это были далеко не единичные случаи: костекские ногайцы пренаивно просили разрешения главного кумыкского пристава платить дань Шуаиб-мулле[1] (*Сноски,выделенные полужирным шрифтом, принадлежат автору). *Большая Кабарда*оставалась спокойною, но и там успехи Шамиля не могли не отозваться; если бы имам появился с своими скопищами на военно-грузинской дороге, то без большого труда успел присоединить к себе кабардинцев. Подобный исход повлек бы за собою крайне печальные для нас последствия: единственное сообщение Закавказья с внутренними губерниями России было бы прервано и наши военные поселения по военно-грузинской дороге, на которые кабардинцы досматривали косо, неминуемо бы пострадали…

День ото дня возраставшее могущество Шамиля и крайне ненадежное настроение даже покорных нам обществ заставляли нас торопиться принятием энергических мер, чтобы не потерять безвозвратно плодов предшествовавших многолетних усилий. Естественно, что центр тяжести наших действий должен был иметь место на левом фланге,

Только что очерченное положение края легло в основание Высочайше утвержденных предположений корпусного командира на 1841-й год[2]. Действие

наши в*Дагестане*должны были распасться на*два периода*: в*первом*- предстояло усмирить возмутившиеся племена северного Дагестана вообще, овладеть Черкеем и примерно наказать его жителей за ряд измен; во*втором*— с целью более прочного утверждения нашей власти, возвести солидное укрепление у Черкея, каменную цитадель в Низовом укреплении, улучшить оборону Темир-Хан-Шуры и перестроить хунзахскую цитадель, приходившую в разрушение, а также снабдить первый и последний пункты годовым продовольствием и другими запасами. В Чечне, в виду поголовного восстания ее и удобств, с которыми Шамиль мог одновременно собирать сильные партии на различных точках кавказской линии, необходимо было иметь значительный отряд как для военных действий, так и для прикрытия самой линии и военно-грузинской дороги. Отряду этому предстояло с огнем и мечем искрестить Чечню по всем направлениям и продолжать эти движения до тех пор, пока чеченцы не изъявят покорности, а выселившиеся не возвратятся в свои аулы [3]…

Пока передавались в части все распоряжения корпусного командира, и во всех углах Кавказа кипели приготовления к походу, от которого Государь Император ожидал *результатов, соразмерных чрезвычайным способам, кавказскому корпусу дарованным* [12], Шамиль не стал ждать и, ободренный нашими вялыми действиями в 1840-м году, задумал не оставлять нас ни на минуту в покое, держать войска в постоянном напряжении и, таким образом, мешать подготовке экспедиции, размеры и средства которой имам не мог не предвидеть. Едва успели разойтись по зимним квартирам войска отряда ген. ад. Граббе, после бесплодной и утомительной экспедиции 1840-го года, как Шамиль, дав небольшой отдых своему воинству, в половине декабря начал собирать значительное скопище у Урус-Мартана. Уже имам готовился обрушиться на владикавказский округ, чтобы возмутить и увести в горы покорные еще нам племена; уже из Владикавказа, от коменданта, полковника Широкова, полетели во все стороны эстафеты — но все принятые нами меры оказались на этот раз ненужными: дойдя до р. Валерик, партия повернула назад и направилась к Аух, вследствие полученного Шамилем известия об убийстве поставленного им правителем Ичкерии и Ауха Булат-Мирзы, застреленного тремя горцами, которых наиб арестовал по подозрению в краже его лошадей…

Имея в своем распоряжении не менее 4 т. отборной конницы, три наиба, по зрелом обсуждении, решили ударить на слабейший пункт левого фланга — малолюдную станицу Парбочеву, к которой можно было подойти совершенно скрытно, пользуясь лесистою местностью до самого Терека. План набега задуман был прекрасно, в успехе не могло быть сомнения, но, к нашему счастью, начальник левого фланга г. м. Ольшевский успел 26-го числа узнать через преданного лазутчика об участи, готовящейся станице…

Испытав две неудачи на линии, шамильские наибы хотели вознаградить себя налетом на мирную сунженскую деревню (в нескольких верстах от Грозной, вниз по Сунже), но и тут, не смотри на внезапность появления и огромные силы, встретили сильный отпор; все лавры их ограничились 2-мя мужчинами, 2-мя женщинами пленными и 2-мя парами захваченных волов…

Ровно через месяц после январского разгрома Шуаиб-муллы и Джеват-хана у Парбочевой станицы, Ахверды-Магома, собрав 5 т. партию из б. и м.(*Большой и Малой. – Сост.) Чечни, появился у пределов Карабулака. 9-го февраля лазутчик галашевец Мулла-Бикей сообщил об этом владикавказскому коменданту. Полковник Широков тотчас послал открытое известие до Моздока, приказал войскам быть наготове, а ингушевскому и карабулакскому приставу есаулу Гайтову принять все меры предосторожности. На другой день, в 7-мь часов утра, неприятель напал на ингушевские деревни б. и м. Яндырки(*Большие и МалыеЯндери на правобережном притоке Сунжи р. Яндари/Эндари, были основаны и населены чеченцами- карабулаками, но сюда же подселялись и ингуши-мусульмане. – Сост.) Али-Гакиева и Арслан-Мирза-Юрт. По первым выстрелам Гайтов поспешил из Назрана на место происшествия с 200 чел. пехоты и конными назрановцами, при 2-х орудиях, но подоспел уже поздно: горцы быстро уходили по направлению к Ассе, гоня перед собой до 200 голов рогатого скота. После непродолжительной перестрелки отряд вернулся обратно, потеряв 3-х убитых и 1 лошадь. Ингуши отделались не так дешево — у них было убито 24, ранено 10-ть и взято в плен 18-ть человек и 9-ть семейств. Остановившись у с. Ачхой, скопище не расходилось, вероятно рассчитывая воспользоваться волнениями, которые могли возникнуть в владикавказском округе — и не без основания, так как налет Ахверды-Магомы навел панический страх на карабулаков и ингушей; жители пострадавших деревень стали выселяться в Назран, а оставшиеся но домам убедительно просили полковника Широкова обеспечить их гарнизоном из пехоты. Вследствие этого селение б. Яндырка было занято отрядом маиора Триха [17], из 200 егерей тифлисского полка и 200 человек линейных №№ 5-го и 6-го баталионов, при 2-х орудиях роты № 2-го 12-й гарнизонной артиллерийской бригады.

Оставив партию Ахверды-Магомы висящею над владикавказским округом, Шамиль в тоже время начал усердно распускать слухи, что намерен напасть на сохранившие еще преданность нам сс. Старый, Новый Юрт и Брагуны, переселить жителей их в горы, а также побывать на кумыкской плоскости. И во Владикавказе, н на левом фланге власти захлопотали, полетели рапорты об усилении войсками и т. п., а между тем целый месяц прошел относительно спокойно. Сведения о неприятеле не давали ничего определенного; Ахверды-Магома, распустивший было на короткое время свою партию, вновь собирал

ичкеринцев в Беное, а шатоевцев и чаберлоевцев в Гехи; наконец, Шамиль отправился также для сбора скопищ в Андию и Гумбет. Пользуясь изумительною подвижностью горских масс, имам мог бросить все свои силы на любую точку наших пределов, охватывавших Чечню, но местное начальство склонно было думать, что ряд неудач отбил у неприятеля охоту ведаться с войсками левого фланга — вышло иначе. В начале марта пронеслись весьма определенные слухи о намерении Ахверды-Магомы и даже самого Шамиля напасть на Назран. Полковник Широков тотчас озаботился о прикрытии вверенного ему района; две роты кабардинцев (вызванные из Екатериноградa) и сводный баталион из №№ 4-го и 6-го кавказских линейных баталионов, при 2-х орудиях № 2-го роты 12-й гарнизонной артиллерийской бригады, под командою подполковника Нестерова, расположились у сел. б. Яндырки, 200 егерей тифлисского полка, с одним гарнизонным орудием, заняли Назран, а 400 чел. линейного № 5-го баталиона и 50 казаков малороссийского № 1-го полка, при гарнизонном орудии, под командою подполковника Рихтера, стали у сел. Анчи-Юрт. Мы приготовились во всеоружии встретить здесь врага, а между тем Шамиль большими переходами спешил к Сулаку…

В беседах с приближенными (в конце марта 1841 г. – Сост.) Шамиль не скрывал, что намерен напасть на Назран, но наши власти, зная, что владикавказский округ хорошо прикрыт войсками[18], полагали что опасность скорее угрожает левому флангу. На этот раз имам не лукавил.

К 1-му апреля у с. Урус-Мартан, в м. Чечне, собрались андийцы, гумбетовцы, шатоевцы и чаберлоевцы; ожидали прибытия ауховцев, ичкеринцев, мичиковцев и жителей б. Чечни; такого громадного сбора не помнили даже старики-чеченцы. 5-го апреля, лишь только направление неприятеля определилось и лазутчики дали знать в Назран об угрожавшей ему опасности, подполковник Нестеров притянул к себе 3-й баталион кабардинцев из б. Яндырки и занял крепкую позицию на гоши-кошемышских высотах, в версте к югу от укрепления; мирные назрановцы, очистив аулы, собрали весь свой скот и имущество также южнее Назрана, в угле между обрывистыми берегами Сунжи и Назрановки, прикрывшись с третьей стороны канавою, и решились драться.

С рассветом 6-го числа перед нашими войсками развернулись все силы Шамиля, около 15 т. человек, наступавшие тремя густыми массами: одна партия, под начальством Кахара, потянулась от аула Кончи на перерез сообщений Нестерова с Владикавказом; другая, с Ахверды-Магомой, от селения б. Яндырки пошла на хребет кабардинских гор н расположилась на высотах окружающих Назран, и, наконец, третья — самая многочисленная — под личным предводительством имама, стала на правом берегу Сунжи, на возвышенностях Имбарц. Нестеров послал донесение во Владикавказ с корнетом Есеновым, лихо

проскакавшим под градом пуль сквозь неприятельские толпы, уже занимавшие дорогу.

Когда все три партии стали на указанных пм местах, Шамиль выслал несколько человек к назрановцам, с письменным приглашением перейти на его сторону, причем не скупился на самые радужные обещания; вполне уверенный в успехе, имам в заключение требовал выдачи аманатов. Начальник отряда, желая дать возможность подоспеть маиору Сулимовскому с Камбилеевки, приказал назрановским старшинам завязать переговоры и обещать Шамилю все, лишь бы выиграть время до утра 7-го апреля. Имам, однако, не попался в эту ловушку и, дав на размышление назрановцам время только до 2-х часов пополудни, грозил в случае неисполнения его требований сжечь оставленные жителями аулы. Назначенный срок уже давно прошел, а назрановцы конечно и не думали трогаться с места; тогда разгневанный горский владыка перешел от слов к делу и вскоре вокруг запылали аулы. Нестеров, имея всего 1 1/2 сотни казаков, не мог и думать о противодействии многочисленной неприятельской коннице, но когда чеченцы начали добираться и до селений, лежавших близь самого укрепления, то назрановцы, под покровительством огня с верков, дали им энергический отпор. Изумленные такою дерзостью чеченцы отошли и до 6-ти часов вечера занимались перестрелкою.

Между тем Ахверды-Магома вышел из своего наблюдательного положения и спустился с гор, зажигая по пути аулы, лежавшие вне сферы нашего огня, и намереваясь атаковать позицию отряда. Подполковник Нестеров решил не ждать натиска и, оставив для поддержки назрановцев лишь одну роту кабардинцев, при орудии, двинул остальные войска против Ахверды-Магомы. Меткий артиллерийский огонь и угрожающее движение нашей пехоты заставили наиба уклониться от встречи и потянуться на соединение с партией Кахара. Подобный оборот дела позволил подкрепить назрановцев еще ротою линейного № 4-го баталиона, при орудии, под командою маиора Триха. Ободренные назрановцы бросились вперед и опрокинули перестреливавшихся с ними чеченцев. В виду наступления темноты, отраженный на всех пунктах Шамиль отошел, но огонь с обеих сторон прекратилсялишь позднею ночью. Наш отряд бивакировал на боевой позиции.

На другой день, 7-го, Нестеров ожидал решительного наступление неприятеля, но Шамиль ничего не предпринимал; узнав же о приближении отряда маиора Сулимовского, усиленного из Владикавказа баталионом тифлисских егерей, послал к нему навстречу Ахверды-Магому. Пользуясь густым туманом, наиб внезапно атаковал Сулимовского на марше, но был отбит и принужден очистить дорогу. Получив известие о неудаче Ахверды-Магомы, имам приказал ему присоединиться к себе, но по-прежнему оставался в

бездействии, которое трудно объяснить. Наконец назрановцам и осетинам надоело это созерцание горцев и они, подкрепленные пехотою, сами завязали дело. Предоставив им ведаться с неприятелем с фронта, Нестеров послал в обход подполковника Рихтера с 3-м баталионом кабардинцев, 150-ю малороссийскими казаками и 2-мя орудиями. Увидя нашу пехоту с фланга, Шамиль отошел за высоты Имбарц, а ночью удалился со всеми силами в кончинский лес. Потеря скопища в эти два дня простиралась до 60-ти убитыми и 200 ранеными. У нас было убито 15-ть и ранено 60 человек. Назрановцы, под предводительством своего пристава есаула Гайтова, делали чудеса храбрости. По доведении их подвигов до сведения Государя Императора, Его Величество, помимо других наград наиболее отличившимся, пожаловал назрановскому народу особое знамя. Этот знак Монаршей милости был торжественно вручен генерал-адъютантом Граббе почетнейшим старшинам и возбудил всеобщий восторг в населении.

Шамиль возвратился в м. Чечню и, расквартировав по аулам горцев, прибывших из отдаленнейших **мест**, распустил чеченцев и мичиковцев. Через неделю он потребовал их снова к себе, но они, под впечатлением безрезультатного набега к Назрану, начали роптать, говоря, что наступает время полевых работ, что домашнее хозяйство их в полном расстройстве, а не смотря на это им приходится еще кормить массу пришлого ополчения. Имам не мог в душе не сознаться, что все это сущая правда, а потому под благовидным предлогом отказался от сбора и, призываемый черкеевцами, со страхом ожидавшими сосредоточения наших войск и возмездия за свое вероломство, отправился через Шали в Андию, с ичкеринцами, андийцами и гумбетовцами. По прибытии туда, он послал небольшую конную партию через Аух в наши пределы; она отбила было табуны гарнизона кр. Внезапной, но была прогнана с уроном.

В отсутствие Шамиля, в селение Гехи, где проживал Ахверды-Магома, приехал малокабардинский уздень Муса Кахашев; увидевшись с наибом и разговаривая с ним о недавнем событии под Назраном, уздень заметил, между прочим, что в Кабарде правоверные не встретили бы ни сопротивления, ни преследования. При этой фразе глаза Ахверды-Магомы засверкали; ему пришла в голову мысль — на собственный страх и риск повторить прошлогоднюю молодецкую выходку (налет к Моздоку) и у него быстро созрел план набега. Собрав из м. Чечни и отложившихся карабулакских деревень 2 т. доброконных, Ахверды-Магома двинулся к Казах-Кичу, не обмолвившись никому ни одним словом о цели предприятия. Пройдя по кабардинским горам к Тереку и переправившись через реку в лесистой и пересеченной местности между аулами Тау-Султана и Барокова, скопище 28-го апреля бросилось к Александровскому поселению. Отделив на ходу несколько сот человек для нападения на жителей Александровского и смежного с ним Котляревского поселений, работавших в

поле, и на табуны лошадей и рогатого скота, Ахверды-Магома обрушился на с. Александровское. Находившийся здесь смотритель военных поселений в Кабарде поручик Бабичев, услышав выстрелы в поле, собрал около 100 поселян и людей рабочей команды кабардинского полка, забаррикадировал ворота бревнами и встретил горцев метким огнем. За первым натиском последовал другой — но оба без успеха; озлобленный наиб, выведя свои толпы из сферы огня и подождав пока присоединились партии действовавшие в поле, в третий раз спешил все свои силы, за исключением коноводов, и бросил их на штурм. С грозным гиком двинулись атакующие, но несмотря на отчаянную храбрость, принуждены были повернуть назад с гласиса, подбирая тела своих убитых. Несколько отчаянных мюридов, бросившихся в ров и успевших взобраться на вал, были подняты на штыки.

Видя невозможность овладеть поселением, геройски защищаемым горстью храбрых, и зная, что по тревоге войска со всех сторон спешат на выручку, Ахверды-Магома удовольствовался богатою добычею, быстро отступил и перейдя Терек направился по большой малокабардинской дороге, в виду аулов Ахлова и Инарокова. По приведении в известность наших потерь, оказалось, что Александровское поселение не досчитывалось 61-го человека убитыми, 10-ти ранеными и 20 мужчин и 6 женщин без вести пропавшими; из Котляревского поселения убито в поле 6 мужчин, 1 женщина и без вести пропало 4 женщины; нижних чинов убито 3, ранено 4, разночинцев убито 4, всего 117 душ обоего пола. Кроме того, неприятель успел захватить 1120 голов рогатого скота, 125 лошадей, 769 овец, 77 ружей со штыками,68 топоров и сжечь несколько десятков копен пшеницы и проса. Ожесточенные храбрым сопротивлением, горцы выказали самую варварскую жестокость, возмутительно надругавшись над телами наших убитых всех полов и возрастов. Таким образом, лучшее из наших военных поселений, только что начавшее процветать, было почти разорено, лишившись многих хозяев и всего рабочего скота [19].

Получив известие о вторжении в малую Кабарду в тот же день около часа пополудни, начальник центра г. м. Пирятинский направил из Назрана наперерез Ахверды-Магоме подполковника Нестерова с 6-ю ротами волынского полка, 2 сотнями малороссийских казаков, 150-ю милиционерами, охотниками-назрановцами, при 3-х орудиях. Двигаясь форсированно и присоединив на пути 2 сотни казаков горского полка, роту кабардинского полка, при 2-х конных орудиях и 90 кабардинцев с князем Бековичем-Черкасским, Нестеров под вечер 29-го настиг партию близь с. Самашек, когда она, утомленная быстрым отступлением, переправилась через Сунжу и расположилась на ночлег. Противников разделяли каких-нибудь 2-3 версты — но Нестеров не атаковал Ахверды-Магому и, по словам донесения г. м. Пирятинского начальнику

корпусного штаба г. м. Коцебу [20], “видя утомление войск, прекратил преследование". Между тем, скопище, встревоженное появлением нашего отряда, отдохнув часа два, отказалось от ночлега и тронулось далее *пешком, ведя измученных коней в поводу*. Не спеша, вполне благополучно, шамильский предводитель добрался до Гехи и здесь разделил добычу: 1/3 часть наиб взял себе, остальное же получили его подчиненные; при этом, на 36 человек пришелся один пленный и на двух — одна штука рогатого скота. Баранина была употреблена в пищу на обратном пути. И так, по непонятным причинам, отряд наш выпустил хищников из рук.

Событие это, поднявшее несколько упавший было дух горцев и отразившееся удручающим образом на русском и покорном нам туземном населении, обратило на себя особенное внимание Государя. По Высочайшему повелению было произведено строжайшее исследование всех обстоятельств дела, причем оказалось, что малокабардинцы не только беспрепятственно пропустили скопище в набег и обратно, но даже не дали знать о его появлении и вовсе не содержали обязательных для них караулов. Мало того, возвращаясь в малую Чечню, Ахверды-Магома отдал им их скот, “захваченный по ошибке", и останавливался на отдых в ауле Ахлова, где уздень Магомет-Мирза подарил наибу богатую шашку, в серебряной оправе. В виду такого двусмысленного поведения малокабардинцев, признано было справедливым вознаградить на их счет убытки александровских и котляревских поселян, для чего, по раскладке на аулы, с малой Кабарды было взыскано 650 голов рогатого скота и 650 овец. Нападение на Александровское поселение заключило собою серию горских набегов в первой трети 1841-го года на левый фланг и центр кавказской линии; неприятелю было уже время подумать о встрече наших отрядов, сбором которых, в виду назойливости врага, не медлили.

Обратив особенное внимание на указанные районы нашей линии и принимая все меры, чтобы натворить нам здесь возможных бед, имам не упустил из вида и Аварии: он поручил ее заботливости изменника Хаджи-Мурата. Движимый чувствами мести к Ахмет-хану и русским, и желая сразу выставить себя перед имамом в выгодном свете, чтобы затем играть выдающуюся роль, честолюбивый Хаджи-Мурат, поселившись в с. Цельмесе, с января 1841-года начинает агитировать в Аварии и настолько успешно, что к концу этого месяца, кроме девяти деревень [21], изменивших нам еще в 1840-м году, отложились сс. Цельмес — резиденция наиба,— Цолода, Ингурдах, Местерух и Катлух, а преданность нам жителей Сиуха, Щототы, Хамакоро и Гандыха сделалась весьма сомнительной…

[Комментарии к гл. V по версии Востлит]

1. Рапорты начальника левого фланга ген. ад. Граббе от 23-го декабря 1840-го и 19-го ноября 1841-го годов, за №№ 98-м и 172-м. Дело корп. шт. по 2 отд. ген. шт. 1841-го года, № 12-й.

2. Дело 2-го отд. ген. шт. 1840-го года, № 70-й.

3.Достижение последней цели было особенно важно по отношению к надтеречным чеченцам: не имея других средств к существованию, кроме грабежа, они составляли добровольный постоянный кадр шамильских ополчений. Покойный Государь Николай Павлович находил, впрочем, более рациональным поселить беглецов внутри линии, предварительно обезоружив, а земельные участки их отдать оставшимся нам верными кабардинцам, или же сохранить для водворения на них впоследствии русского поселения…

12.Эриванского карабинерного полка прапорщик Лисаневич, состоявший при штабе начальника отряда, и горского казачьего полка хорунжий Евсеев...

17.В укр. Герзель-ауле, откуда предполагалось двинуться в горы, заготовлены запасы провианта и фуража; палатки и все лишние тяжести заблаговременно отправлены в кр. Грозную; 8-ми дневный провиант, запасные артиллерийские заряды и патроны подняты на вьюках.

18. 2-й баталион навагинского полка был расположен при укреплениях Горячеводском и Улахан-юртовском и прибыл к отряду 10-го октября.

19. Кабардинского полка подполковник Власьев.

20. Л. гв. конной артиллерии поручик Сухотин.

21. Кабардинского полка поручик Миклашевский.

VI.

…После трехдневного отдыха [в крепости Грозная], ген. ад. Граббе выступил [30 июня? 1841 г.] в Казах-Кичу, для возведения предположенного им укрепления, взяв с собой 1-й и 4-й баталионы навагинского, все 4 баталиона кабардинского, 2-й баталион куринского полков, 250 линейных, 50 донских казаков и 36-ть орудий. Отряд шел двумя колоннами: обоз, под прикрытием кабардинского полка, по верхней дороге, а все остальные войска — вдоль берега Сунжи, беспрерывно перестреливаясь с чеченцами.

Казах-Кичу находится в 40 верстах от Грозной; затруднения, которые испытывали бы колонны, проходя это расстояние в один переход без воды (ее можно было иметь из Сунжи лишь с боя), делали необходимым устройство промежуточного этапа между вышеназванными пунктами; поэтому Граббе остановился на полдороге, у Закан-Юрта, и тотчас приступил к вырубке леса, для очистки противуположного берега на ружейный выстрел; 3-го июля, по наведенному мосту, на правый берег Сунжи были переведены 2 баталиона

пехоты, при 2-х орудиях. Крепко не понравились неприятелю все эти приготовления; он хорошо понимал, что с каждым новым укреплением на сунженской линии для него уменьшается возможность и безнаказанность налетов за Сунжу, и вот, Ахверды-Магома задумал напасть на наш лагерь, рассчитывая захватить отряд врасплох. 3-го июля была назначена фуражировка. В 4 часа пополудни, когда фуражиры начали уже собираться, со стороны Галай-Юрта, между сунженскими горами и рекой, вдруг показалась 3 т. горская конница, а за нею толпы пехоты, направлявшиеся прямо на лагерь. Ударили тревогу — и не прошло 5-ти минут, как войска уже стояли под ружьем. Отозвав баталионы с правого берега, Граббе двинул навстречу Ахверды-Магоме 4 баталиона пехоты и казаков, при 6-ти орудиях. Заметив наше наступление, горская конница ускорила аллюр и значительно опередила свою пехоту; этим воспользовались казаки и разрезали неприятеля надвое: пешая партия бежала врассыпную к Галай-Юрту, а конница, поражаемая гранатами, к Алхан-Юрту, где и переправилась через Сунжу. Остановленные фуражиры тотчас были высланы по назначению и в лагере все пошло своим порядком.

5-го июля было заложено *Закан-юртовское* укрепление. С этого дня по 11-е августа включительно чеченский отряд был занят крепостными работами, заготовлением материалов для устройства помещений гарнизону и порохового погреба, а также конвоированием из Грозной транспортов с продовольственными и боевыми запасами. Лес для построек частью найден был готовый в ауле Мити-Ирзау, частью вырублен на правом берегу Сунжи. Для порохового погреба и печей в жилых зданиях был заготовлен кирпич. Между тем неприятель употреблял все усилия, чтобы воспрепятствовать работам. Ахверды-Магома, расположившись с огромной партией в лесу на правом берегу, в особенности затруднял перевозку готовых бревен из Мити-Ирзау. Приходилось в прикрытие повозок наряжать половину всей пехоты отряда, с кавалерией и орудиями, вести ежедневно перестрелки, но, тем не менее, наша потеря за все время работ не превышала 1-го убитого и 10-ти раненых нижних чинов. Зато у неприятеля 3-го августа был смертельно ранен Джанбек, важнейшее лицо у надтеречных чеченцев. К 11-му августа земляные работы в укреплении были закончены, стены порохового погреба и жилых строений выведены, заготовлено достаточное количество леса, кирпича, дров, хвороста и сена; укрепление вооружено 2 медными 1/4 пуд. единорогами, одною 12 ф. и двумя 6 ф. чугунными пушками, снабжено тройным комплектом зарядов, 35 т. боевых патронов и 8-ми месячным продовольствием для гарнизона из 4-х рот пехоты. Успешному сверх всякого ожидания окончанию исчисленных работ много способствовала стоявшая прекрасная погода, малое число больных и, особенно, запасы готового строевого

леса, найденные в Мити-Ирзау. Все работы и заготовление произведены в течение 5-ти недель, без всяких денежных издержек.

Не теряя времени, начальник отряда решил приступить к возведению другого укрепление у Казах-Кичу, но, чтобы не делать бесполезного передвижения по Сунже, направился через м. [Малую] Чечню, для уничтожения по пути жатв кукурузы и проса. Притянув к себе из назрановского отряда подполковника Нестерова [29], с 7-ю ротами волынского полка, сотнею горского, 1/2 эскадроном малороссийского казачьих полков, назрановскою и осетинскою милициею, при 4-х орудиях, и оставив в укр. Закан-юртовском все тяжести и палатки, под прикрытием 2-го баталиона куринского и баталиона волынского полков, Граббе 12-го августа выступил с отрядом [30] на легках, лишь с 6-ти дневным провиантом, к аулу Тепи-Юрт. Истребляя по дороге все хутора, кукурузные поля и скошенное сено, отряд проследовал 13-го через с. Ачхой на р. Ассу, а 14-го августа прибыл к Казах-Кичу и расположился лагерем, потеряв в перестрелках на марше ранеными 2-х офицеров [31] и 12-ть нижних чинов.

Отправив подполковника Нестерова обратно в б. [Большую] Яндырку и перевезя тяжести из Закан-Юрта, ген. ад. Граббе 19-го августа заложил *Казах-кичинское* укрепление и приказал немедленно приступить к земляным работам. В заготовке строевого леса войска встретили большие затруднения; небольшое количество удалось найти в разоренных и брошенных жителями аулах Казах-Кичу, Чильчихи и в. и н. Самашки, остальное же было впоследствии подвезено из Моздока на арбах, добровольно выставленных городскими жителями. Известь доставлялась из Владикавказа, а для крыш был скошен найденный в окрестностях камыш; камень в избытке добывался в кабардинских горах [Терский хребет].

Приступ к устройству сунженской линии произвел сильное впечатление на чеченцев. Некоторые из бывших надтеречных и присунженских жителей намеревались принести нам покорность, другие же, напротив, всеми силами решились препятствовать водворению русских между Сунжею и Тереком. Последняя партия, имея за себя властный голос имама, конечно, восторжествовала, но тем не менее Шамиль, хорошо понимая, что с проведением нового кордона отрядам открыта дорога по всем направлениям, а следовательно собственность и даже существование чеченцев будут вечно под грозой, - решил удалить правоверных от искушений и приказал всем переселяться в Черные горы. Сравнивая свой прежний быт с настоящим и мысленно представляя себе будущий, вспоминая с сожалением о привольных полях и пастбищах по Тереку и Сунже, которые по капризу имама пришлось променять на угрюмые и бесплодные горы — многие чеченцы начали роптать, а некоторые даже открыто воспротивились этому новому распоряжению своего владыки. Только прибытие многочисленной партии Ахверды-Магомы, казнь ослушников и захват аманатов

из всех ненадежных семейств помогли утушить начавшиеся волнения в самом их зародыше. Вот почему, когда ген. ад. Граббе, узнавший о брожении в Чечне, притянул из назрановского отряда три роты волынского полка, при 2-х орудиях, и послал 25-го августа подполковника Нестерова, с 4-мя баталионами, сотнею казаков и 8-ю орудиями, к Тепи-Юрту, надеясь переселить хотя часть недовольных в наши пределы, то наша колонна ничего не добилась, а была окружена со всех сторон превосходными силами Ахверды-Магомы и Шуаиб-муллы. Доверенные лица, посланные Нестеровым в лесные трущобы, где гнездились недовольные семейства, не возвратились: рты роптавших были зажаты железною рукою Шамиля — и нам ничего не оставалось тут делать. Распустив слух, что идет к Закан-Юрту, подполковник Нестеров успел спокойно сняться с позиции 28-го августа и беспрепятственно прошел около 3-х верст; спустя уже час после выступление показались значительные массы горской конницы, а за нею и пехота. Отряд тотчас был атакован сперва с правого фланга, а затем и со всех сторон. Неприятель отчаянно бросался в шашки и дерзко лез на самые орудия, в упор, отстреливавшийся картечью, но был отражен с большим уроном. Подойдя к Фортанге, Нестеров обстрелял занятый горцами лесистый берег, а затем двинул вперед авангард, который, отбросив партию штыками, перешел через реку. Когда переправились орудия, то для облегчения дальнейшей переправы развернулись у самого берега, по обе стороны брода; но не смотря на картечь, арьергарду, особенно находившейся в хвосте роте кабардинского полка поручика Ставицкого, не оставившего строя после тяжелой раны, пришлось выдержать несколько атак. Преследование продолжалось еще версты две за Фортангою, но не с такою уже решительностью и, наконец, совершенно прекратилось. Потеря наша состояла из 2-х офицеров, и 26-ти нижних чинов раненых и 12-ти контуженных рядовых. В тот же день отряд Нестерова вернулся в Казах-Кичу. Переговоры с надтеречными и сунженскими беглыми чеченцами более не возобновлялись. Прекрасной иллюстрацией непостоянства их характера и разбойничьих наклонностей служит следующее происшествие: бывший закан-юртовский старшина Мака, передавшийся нам еще в 1840-м году и с тех пор не раз служивший проводником отрядам, 12-го сентября, без всякой видимой причины, бежал из лагеря к Шамилю, изменнически умертвив навагинского полка штабс-капитана Краевского 2-го и одного казака.

В конце сентября представился еще случай дать почувствовать неприятелю все неудобства для него вновь занятого нами положения. Выведенный из терпения постоянными набегами и хищничествами галашевцев в соседних назрановских аулах и даже около Владикавказа, ген. ад. Граббе решил примерно наказать их. С 1832-го года, когда генерал Вельяминов прошел из Чильчихи в Галашки, в верховьях Ассы еще не бывала русская нога; надеясь на

неприступность ущелий Черных гор, на чащу лесов и отдаление наших крепостей, галашевцы преспокойно выезжали на разбои и, никем не тревожимые, возвращались в свои трущобы. Для экспедиции в Галашки Граббе назначил два отряда: *главный* из Казах-Кичу, под личным своим начальством, из 2-х баталионов навагинского, 2-х - кабардинского полков, сотни линейных казаков и 300 осетинских милиционеров, при 12-ти орудиях, и *вспомогательный*, подполковника Нестерова, сосредоточенный 27-го сентября близь аула Екожева, из одного баталиона кабардинского, 3-х рот волынского, 2-х рот тифлисского полков, сводно-лилейного баталиона, 2-х эскадронов малороссийского казачьего полка, 2-х сотен осетин, 3-х сотен конной и 8-ми сотен пешей назрановской милиции, при 6-ти орудиях. Ген. ад. Граббе принял все меры для быстрого и внезапного нападения; артиллерия была назначена с усиленной упряжкой, а войска и милиция до самого выступления не знали своего назначения.

28-го сентября, в 3 часа пополуночи, отряды выступили с сборных пунктов. Главный отряд, переправившись через Сунжу, ни рассвете достиг с. Ах-Барзоя и после привала двинулся далее к с. Чумулго. При входе в лес авангард был встречен выстрелами; под огнем галашевцев пришлось расчищать дорогу, поднимавшуюся на протяжении 3-х верст в гору и во многих местах заваленную огромными деревьями, а кой-где вновь прорубать просеки. Во время работы, горцы, заметив, что цепь разорвалась, бросились в образовавшуюся прореху на рабочих, но резервы навагинского полка с места приняли их штыками и обратили в бегство. Выйдя из леса, ген. ад. Граббе послал вперед всю милицию, поддержанную казаками, а вслед за ними двинулся и сам с пехотою. Храбрые осетины направились на селение нижнее Чурти-Аршты, после короткой свалки овладели им и отбили скот жителей; между тем казаки и пехота атаковали верхнее и среднее Чурти-Аршты; первый аул был расположен на гребне, за глубоким оврагом, а второй — усилен двумя каменными башнями. После непродолжительной канонады пехота пошла на штурм с фронта, а казаки заскакали в тыл и селения были заняты; неприятель скрылся в оврагах и в лесу, бросив на месте боя 9-ть тел. В наши руки досталось 15-ть пленных, около 100 штук рогатого скота, баранта и все имущество чурти-арштынцев. Часть запаса кукурузы и сена была взята отрядом, все же остальное и сакли уничтожено. Утомленные 24-х верстным трудным, форсированным переходом, войска остановились на ночлег у верхнего Чурти-Аршты. Вечером было получено известие о действиях отряда подполковника Нестерова. Выступив в 2 часа пополуночи, он двинулся через кончинское дефиле и алгуз-алинский лес, где, на пространстве около 3-х верст, пришлось беспрестанно расчищать или вновь прорубать дорогу и разрабатывать подъемы и спуски при переправах через горные потоки, под беспрерывным огнем неприятеля. После этого

затруднительного перехода Нестеров только около 4-х часов пополудни достиг Ассы и атаковал аулы Гапургой-Юрт, Адильгери-Юрт и Ша-Юрт. Выдержав ожесточенную перестрелку, наши войска выбили неприятеля и обратили его в бегство; он едва успел скрыть в лесу свои семейства, имущество же, скот и запасы кукурузы были захвачены, а затем взятые селение разорены.

29-го сентября ген. ад. Граббе двинулся к Адильгери-Юрту; чрезвычайно узкая дорога - скорее тропа - пролегала по скату гор и представляла одно непрерывное дефиле: слева крутой обрыв, омываемый горным потоком Пфутон (чеч. Фаттан или Хьуттанчу. – Сост.), а справа — отвесные скалы, покрытые вверху лесом, занятым неприятелем. На 10-ти верстном пути от Чурти-Аршты до Адильгери-Юрта, войска должны были перейти восемь оврагов, вывозя артиллерию на людях. Горцы, пользуясь адскою местностью, старались задерживать нас на каждом шагу, наседая в то же время на арьергард и правую цепь, лепившуюся по скалам, но были повсюду отброшены. Около полудня отряд подошел к аулу Берешни, защищенному каменною башнею, мимоходом взял его и к вечеру достиг Адильгери-Юрта, отбив последний натиск галашевцев. Подполковник Нестеров в тот же день побывал в верховьях Ассы, взял с боя и разрушил 8 аулов, взорвал каменную башню, обстреливавшую дорогу по берегу реки, и к вечеру вернулся в Адильгери-Юрт, где присоединился к ген. ад. Граббе. Скот и имущество захваченные отрядом были разделены между милиционерами, а запасы кукурузы и сена сожжены.

На другой день, в 8-мь часов утра, соединенные отряды выступили вниз по правому берегу Ассы, густым лесом. Нужны были необыкновенные усилия, чтобы очистить дорогу от завалов, прорубить ее на пространстве почти 5 1/2 верст и устроить спуски и мосты на горных ручьях. Дождь, ливший как из ведра всю ночь и большую часть дня, сделал грунт земли до того вязким и скользким, что походная колонна ползла, как черепаха, по узкой лесной дороге; густая чаща не позволяла и думать об употреблении в дело артиллерии, а между тем пули сыпались со всех сторон, особенно же на правую цепь и арьергард; скрытно подползая к цепям и пользуясь тем, что войска сильно растянулись, неприятель не раз массами бросался в шашки, успевал опрокинуть или изрубить несколько звеньев, - но этим и ограничивались все его успехи: далее он натыкался на штыки храбрых кабардинцев и навагинцев, составлявших правую цепь и арьергард Поздно вечером, прорубившись сквозь лес и переправившись через Ассу, усталый отряд расположился на ночлег. Неприятель оставил в наших руках несколько тел, в том числе бывшего возмутителя карабулаков — Бат-Малыагова. 1-го октября ген. ад. Граббе выступил к Казах-Кичу, а подполковник Нестеров к Назрану. За все время экспедиции мы потеряли убитыми 4-х нижних

чинов, ранеными 3-х офицеров [32], 22 нижних чина и контуженными 9-ть рядовых. Лошадей убыло 5-ть.

В продолжение этого времени работы у Казах-Кичу производились вполне успешно несмотря на то, что и здесь, как в Закан-Юрте, неприятель всячески старался помешать им; он беспрерывно нападал на казачьи пикеты и на рабочих, высылаемых за строевым лесом и даже, зажег в окрестностях траву на огромном пространстве. К большой досаде горцев, 14-го октября новое укрепление было окончено и вооружено одного медною, 6-ю чугунными 12 ф. пушками и 2-мя медными, 1/4 пуд. единорогами, с тройным комплектом зарядов. Для гарнизона заготовлено 35 т. ружейных патронов, провиант на 8-мь месяцев и достаточное количество дров и сена. В ограде укрепления заключались: гауптвахта, пороховой погреб, лазарет, две казармы, офицерский флигель, баня и погреб для хранения провизии. Оба вновь возведенные укрепления были подчинены начальнику **левого** фланга и заняты: Закан-юртовское кавказским линейным № 8-го баталионом, а Казах-кичинское — 2-м баталионом минского полка, который, после окончания военных действий в Чечне, предположено было сменить двумя ротами куринцев. Постройка укреплений производилась большею частью хозяйственным способом; только то, что не могло быть добыто на месте, как, например, инструменты, железо, известь, дубья и сосновые доски, было приобретено на счет суммы, отпущенной ген. ад. Граббе на военные расходы, но все издержки по этим предметам — включая сюда плату осетинам и малокабардинцам за доставку материалов и отпуск денег на улучшение пищи рабочим — не превышали 1045 руб. сер. Кроме того, на левом фланге были выполнены следующие работы: 1) перестроено *Назрановское* укрепление; в нем возведены новый люнет, пороховой погреб и перенесена одна казарма из Елисаветинского укрепления; …

В начале октября лазутчики донесли, что Ахверды-Магома и Шуаиб-мулла собирают многочисленные партии со всей малой Чечни на рр. Валерик и Шалажи и что значительная часть жителей лесов по Сунже и Ассе переселилась, с имуществом и запасами хлеба и сена, к подножию Черных гор, преимущественно в аулы Шалажи, Нурикой-Юрт и Магома-Ирзау. Покончив работы в Закан-Юрте и, Казах-Кичу и пользуясь хорошей погодой, начальник чеченского отряда решил начать осенние действия в м. Чечне нанесением неприятелю внезапного удара в самом центре его сборов, а затем пройти через б. [Большую] Чечню в Ичкери и истребить Беной и другие аулы. Для того, чтобы развлечь внимание противника и не обнаружить сразу нашей цели, вторжение в м. Чечню предположено было произвести концентрически, по трем разным направлениям: главный чеченский отряд [33], под личным начальством ген. ад. Граббе, из Казах-Кичу, и назрановский отряд [34], из б. Яндырки — должны были двинуться на Ассу и, переправясь через

нее при Чильчихах, наступать к Гази-Юрту, на р. Мартан; грозненский отряд [35] полковника Фрейтага, направившись из крепости Грозной вверх по р. Гойте, должен был через гойтинский лес выйти к с. Урус-Мартану.

Сделав все необходимые распоряжения для экспедиции [36], ген. ад. Граббе в 7-мь часов утра 15-го октября переправился через Сунжу и двинулся на Чильчихи и Гази-Юрт. В авангарде шла вся кавалерия, с 2-мя конными орудиями, под командою полковника князя Голицына. На р. Фортанге присоединился отряд подполковника Нестерова; усилив его 2-мя баталионами навагинцев, при 6-ти орудиях, Граббе направил Нестерова с летучим парком и всем вьючным обозом к разоренному аулу Гехи, а сам, с остальными 2-мя баталионами навагинцев [37], 4-мя баталионами кабардинцев, 2-мя эскадронами малороссийских казаков, 3-мя сотнями линейцев, 150-ю милиционерами, при 14-ти орудиях, пошел на с. Пхан-Кичу. Конница Ахверды-Магомы издали следила за нашим движением, но когда кавалерия отряда, со взводом конных орудий, перешла р. Нетхой и на рысях приближалась к Пхан-Кичу, то часть партии, занимавшая это селение, завязала сильную перестрелку на ручье Шалажи, а Ахверды-Магома, обскакав небольшой лес, бросился на наш авангард с тыла. Встреченные картечью укрытых в бурьяне орудий и контратакою малороссийских казаков, горцы дрогнули и в большом беспорядке бросились назад. Пхан-Кичу был подожжен со всех сторон. Взяв с боя еще аул Шалажи и предав его огню, отряд следовал к Нурикой-Юрту, многолюднейшему и богатейшему чеченскому аулу, жители которого занимались хлебопашеством, скотоводством, разными промыслами и славились искусством в лечении ран и разного рода болезней. Селение было расположено на р. Гехи, у подошвы гор, в весьма крепком месте; поэтому многие надтеречные и сунженские чеченцы свезли сюда свое имущество и запасы хлеба.

По дороге из Шалажи в Нурикой надо было проходить сквозь густой лес и переправиться через р. Валерик. Чеченцы заняли было известную валерикскую позицию, но, завидя клубы черного дыма над Пхан-Кичу и Шалажи, бросили завалы и поспешили спасать свои семьи и имущество; лишь бездомные пхан-кичинцы и шалажинцы все время перестреливались с арьергардом. Для выигрыша времени, ген. ад. Граббе, по выходе из леса, послал вперед всю кавалерию с 2-мя конными орудиями, а за нею в резерве 2 баталиона при 4-х орудиях. Нападение было произведено так внезапно, что нурикойцы едва успели переправить на другой берег Гехи свои семейства и часть скота; все остальное попало в наши руки. Отряд расположился на ночлег в самой деревне, сделав в этот день 32 версты и переправившись через пять рек, с потерею 2-х убитых, 1 раненого и одного контуженного. Нами захвачено 5-ть пленных и три тела. Отряд Нестерова бивакировал на Валерике, не имев за весь день даже перестрелки.

16-го октября, уничтожив Нурикой-Юрт, главный отряд в 11-ть часов утра выступил к с. Гехи. Узкая, едва достаточная для проезда орудия дорога пролегала через бакаевский лес, вначале редкий, но потом переходивший в непролазную чащу. Как только арьергард втянулся в лес, нурикойцы и шалажинцы, пользуясь знанием каждого куста, каждой складки местности, начали наседать и несколько раз бросались в шашки, но были опрокидываемы картечью 4-х арьергардных орудий (легкой №6-го батареи 20-й артиллерийской бригады) гв. поручика Сухотина и штыками храбрых кабардинцев. Перед входом в чащу открывалась довольно значительная поляна, заваленная огромными деревьями, между которыми змеей вилась дорога; когда наша задняя цепь вышла на поляну, то чеченцы со всех сторон, с страшным гиком, бросились в шашки и едва не захватили орудие. Завязался ожесточенный рукопашный бой; сориентировавшись в царившем хаосе, кабардинцы опрокинули неприятеля, заставив его дорого заплатить за дерзость, но зато сами потеряли около 70 чел. выбывшими из строя, и том числе командира баталиона подполковника Власьева. Войска с перестрелкою дошли до Гехи, где соединились с назрановским отрядом, на пути от Валерика имевшим лишь пустую перестрелку. Потеря главного отряда состояла из 1 штаб-офицера [38], 11-ти нижних чинов убитых, 1 офицера [39], 54-х нижних чинов раненых, 1 офицера [40], 17-ти нижних чинов контуженных и 7-ми убылых лошадей. По сведениям лазутчиков потеря горцев была значительна; одни нурикойцы лишились 17-ти чел. убитыми и 29-ти ранеными, в том числе шести почетнейших людей. Мы имели дело с 3 т. партией Ахверды-Магомы и Шуаиб-муллы, собиравшихся сделать набег на линию, а потому каждый всадник имел с собою тулух, для переправы через Терек. Налетом нашим на Нурикой-Юрт план наибов был расстроен.

17-го октября отряд подполковника Нестерова был отправлен в Казах-Кичу, для обеспечения Назрана и м. [Малой] Кабарды на время удаления главного отряда [41], и совершенно неожиданно настиг на р. Валерик расходившуюся по домам небольшую партию чеченцев. После незначительной перестрелки милиционеры взяли одного человека в плен, 2-х убили и отхватили до 30-ти штук рогатого скота. В тот же день летучими колоннами г.л. Галафеева и подполковника Траскина были уничтожены сс. Магома-Ирзау, Магома-Юрт, Терга-Юрт и Шуаиб-хутор с большими запасами хлеба и сена, при потере с нашей стороны всего 4-х нижних чинов.

18-го ген. ад. Граббе перешел к с. Урус-Мартан, где соединился с отрядом полковника Фрейтага, имевшим в гойтинском лесу, на переходе от с. Алды к Урус-Мартану, горячее арьергардное дело и потерявшим 1 офицера [42] и 30-ть нижних чинов ранеными. На другой день отряды, под общим начальством Граббе, передвинулись на р. Гойту и, опрокинув чеченцев, намеревавшихся

преградить им путь в гойтинском лесу, раскинули лагерь у брошенного жителями аула Мамука-Юрт в 4-х верстах выше с. Алды, потеряв 1 офицера [43], 2-х нижних чинов убитыми, 25-ть нижних чинов ранеными и 2-х офицеров [44] и 12-ть рядовых контуженными.

У Мамука-Юрта соединенный отряд простоял по 23-и октября включительно. За это время ген. ад. Граббе успел послать в Грозную за 10-ти дневным провиантом, зарядами, патронами и палатками для войск, ежедневно наряжая колонны с целью истребление окрестных селений и хуторов. Чеченцы всеми способами старались вредить нам и даже думали лишить отряд воды: вечером 20-го числа вдруг было замечено, что вода в Гойте начала убывать, но Граббе, знавший, что ее легко отвести к Урус-Мартану, распорядился сделать плотины; образовалось два пруда, вполне достаточных и для варки пищи, и для водопоя. Конечно, мы в долгу не остались; как раз кстати, лазутчики донесли, что жители бывших аулов по Гойте н Сунже, на пространстве от Закан-Юрта до кр. Грозной, поселились 4-мя аулами в глубине гойтинского леса, не далее, как в 5-ти верстах от нашего лагеря. Непроницаемая чаща представляла, по-видимому, такое удобное и безопасное убежище новым поселенцам, что число их быстро увеличивалось и дошло, наконец, до 500 дворов. Кроме запасов для собственного продовольствия, а также хлеба и имущества, свезенного на сохранение из ближайших хуторов, здесь было заготовлено большое количество сена в предвидении зимних набегов шамильских ополчений.

С целью наказать этих чеченцев, до того бывших с нами в тесных сношениях, и уничтожить все запасы, ген. ад. Граббе, 23-го октября, отправил 8 баталионов пехоты, 1/2 сотни казаков, при 12-ти орудиях, под начальством г. д. Галафеева. Сперва дорога пролегала по длинной поляне, окаймленной с двух сторон довольно частым кустарником, далее же, не доходя 3-х верст до первого аула, извивалась по лесу, представляя чрезвычайно трудное и узкое дефиле, едва достаточное для хода одной повозки; самые аулы были разбросаны на большом пространстве. Г. л. Галафеев двинул войска тремя колоннами [45], но при входе в густой лес правая колонна принуждена была присоединиться к средней. Вероятно, наши *преданные* и *испытанные* лазутчики не менее добросовестно служили и противнику, так как Ахверды-Магома, правда, все время державшийся неподалеку от отряда, уже был перед Галафеевым с 4 т. партией и встретил колонны целым градом пуль. После ожесточенной схватки, аулы, один за другим, были взяты с боя; сакли и все то, чего не могли поднять фуражиры было сожжено дотла.

Когда обоз, с хлебом и фуражом, вытянулся из леса, а войска начали постепенно оставлять горевшие развалины и сосредоточиваться, неприятель сделал отчаянное усилие, бросившись на левую цепь; две роты навагинцев

совершенно потонули в массе окруживших их горцев; еще минута — и оне были бы раздавлены, но в это время две роты кабардинцев и две — куринцев бросились на выручку и под штыками егерей поляна быстро покрылась чеченскими телами. Неприятель был разметан, окровавленные навагинцы избавлены от истребления, но огромный урон не только не охладил пыла чеченцев, но еще усилил их ожесточение. Далее, в 3-х верстном лесном дефиле, в течение 1 1/2 часа кипел кровавый бой, причем сам г. л. Галафеев был ранен. Местность была такова, что пришлось идти походною колонною без всяких цепей; два арьергардных баталиона, сомкнувшись по обе стороны последнего орудия, двигавшегося по узкой дороге на отвозе, отступали шаг за шагом. Чеченцы, как дикие звери, кидались на орудие не смотря ни на картечь, ни на беглый огонь задних рядов арьергарда. Едва орудие делало выстрел, как они, провожая нас в 30-ти шагах, с диким гиком бросались в шашки; тогда задние взводы, приняв горцев дружными залпами, с громким “ура"! шли в штыки и тем давали время отвезти единорог на новую позицию и на походе зарядить его. Когда орудие останавливалось, пехота быстро отходила на него и картечь снова обдавала дорогу. Натиски были так часты, что на протяжении 3-х верст, *одному* орудию пришлось сделать 78-мь картечных выстрелов. Только по выходе из леса неугомонный неприятель прекратил преследование. Левая колонна полковника Фрейтага все время боя служила заслоном от сильной партии, спешившей на помощь к сражавшимся, и, между прочим, успела сжечь более 50-ти стогов сена. Бой в глубине гойтинского леса стоил нам убитыми 15-ть нижних чинов, ранеными 1 генерала, 5-ть офицеров [46], 82 нижних чина, контуженными 3-х штаб и обер-офицеров [47] и 24 нижних чина. Неприятель потерял 2-х пленными, 30-ть убитыми и до 100 человек ранеными. Поиски же 20, 21 и 22-го октября обошлись нам всего в 2 офицера [48] и 10-ть нижних чинов раненых.

Этим, собственно, и закончились действия ген. ад. Граббе в малой Чечне…

А. Юров.

[Комментарии к гл. VI (по версии Востлит]

29. На место его в сел. б. Яндырку был передвинут моздокский летучий отряд маиора Круковского.

30. 100 сапер, три роты 3-го баталиона волынского, 4 баталиона кабардинского, 1, 3 и 4-й баталионы навагинского полков, 300 линейных, 50 малороссийских, 50 донских казаков и 150 назрановских и осетинских милиционеров, при 28 орудиях, всего 6720 штыков, пик и шашек.

31. Эриванского карабинерного полка прапорщик Лисаневич, состоявший при штабе начальника отряда, и горского казачьего полка хорунжий Евсеев.

32. Навагинского полка капитан Егоров, прапорщик Седлинский и кабардинского полка штабс-капитан Шалаев.

33. 8 баталионов, 3 сотни линейных казаков и 150 милиционеров, при 20-ти орудиях.

34. 2 1/2 баталиона, 2 эскадрона малороссийских казаков, до 500 милиционеров, при 4-х орудиях.

35. 4 баталиона, 1 сотни линейных казаков, при 8-ми орудиях.

36. В укр. Герзель-ауле, откуда предполагалось двинуться в горы, заготовлены запасы провианта и фуража; палатки и все лишние тяжести заблаговременно отправлены в кр. Грозную; 8-ми дневный провиант, запасные артиллерийские заряды и патроны подняты на вьюках.

37. 2-й баталион навагинского полка был расположен при укреплениях Горячеводском и Улахан-юртовском и прибыл к отряду 10-го октября.

38. Кабардинского полка подполковник Власьев.

39. Л. гв. конной артиллерии поручик Сухотин.

40. Кабардинского полка поручик Миклашевский.

41. Моздокский отряд был распущен 5-го октября и для обороны владикавказского округа оставался один назрановский отряд.

42. Прикомандированный к куринскому полку тобольского полка поручик фон-Вригт.

43. Прикомандированный к навагинскому полку вологодского полка поручик князь Баратов.

44. Навагинского полка прапорщик Колодько и куринского — прапорщик Горженевский.

45. Средняя колонна, под личным его начальством, состояла из 4-х баталионов, 1/2 сотни казаков, 4-х орудий и имела при себе фуражиров; правая и левая, под командою г. м. Лабынцева и полковника Фрейтага, каждая из 2-х баталионов, с 4-мя орудиями.

46. Начальник 20-й пехотной дивизии г. л. Галафеев, навагинского полка штабс-капитан Кгаевский 1-й, подпоручик Желтухин, куринского — поручик Анастасиенко, прапорщик князь Аргутинский и прикомандированный елисаветградского гусарского полка штабс-ротмистр Кованько.

47. Навагинского полка подполковник Перекрестов, капитан Павловский и куринского — прапорщик Левицкий…

48.Куринскаго полка штабс-капитан Щтефенц и навагинскаго – поручик Садовский.

Текст воспроизведен с нашими сокращениями по изданию: Юров А. 1840, 1841 и 1842-й годы на Кавказе // Кавказский сборник. Т.XI. -Тифлис: Б/и. Печ. в тип. Окружнаго Штаба, 1887. С. 187-301.

Приложение.

Б.

Послание Шамиля к яндырскому обществу.

«Всем бусурманам от сделавшегося имамом Шамиля, и от второго имама Магомета.

Объявляем, что мы имеем многочисленное войско, и потому посылаем яндырскому обществу сие письмо с тем, чтобы Мисост-кадий объявил вам поклон и о том, что мы имеем намерение прийти к вам. Вперед же отправляется Магомет.— Если бы будете такими же братьями, как Эльмурза, то изготовитесь прийти ко мне с аманатами, с преданностью и покорностью, наравне как другие дали аманатов и принесли покорность; тогда я приду к вам с войсками. После этого вы будете безопасны, свободны и бояться вам нечего, как посланному с сей бумагой. Когда же с аманатами ко мне не явитесь, то по прибытии моем к вам, как христиан, так и вас буду наказывать, и вы тогда раскаетесь.

Братья мусульмане! Не скрывайте мусульманскую веру, а распространяйте ее. Ежели вы сего не исполните, то первый кадий и вся деревня будет от меня наказана».

На подлинном письме приложены именные печати: 1) Магомета салатавского, закопавшего в землю шашку, изъяснявшую славу его, что он из своих рук убил 60-т человек, и 2) другого Магомета Гереева, уроженца из чеченцев.

В.

Послание Шамиля к карабулакам.

«Всем карабулакским старшинам от сделавшегося имамом Шамиля.

Кариму, Дадан, Херчирк, Возай, Фулла, Гата, Камирк, Ваберчь, Точа, Карим-Варгиеву и чеченскому мулле Бини-Исмаилу кланяюсь и благословение вам от Бога. Аминь. Когда вы чистые мусульмане, то держите свое слово по долгу присяги, принятой вами не передаваться неверным христианам; когда будет время, выходите без остановки и малейшей опасности — куда вас потребую; ей Богу, перед Богом, ежели вы мое слово и присяги не исполните, то тогда будете на том свете подобные неверные, как русские; прошу вас приглашать из своих людей и каких бы то ни было, *хотя бы и из солдат* (курсив в тексте. – Сост.).

Когда же получите от меня бумаги или словесно через верных моих мюридов, в какое бы время ни было, идите без всякой опасности. Говорю вам, что как один Бог свят, так и мое слово свято; я дал присягу на алкоране, до тех пор воевать с неверными русскими, покуда не будет снята с плеч моих голова. Повторяю вам, правоверные мусульмане, опять под присягою пред алкораном и великим пророком Магометом, что ежели вы наставлению моему и присяге, не поверите, то будете трижды прокляты! Для удостоверения прилагаю собственную печать[146].

Текст воспроизведен поизданию: Юров А. 1840, 1841 и 1842-й годы на Кавказе (Приложение) // Кавказский сборник. Т. X. – Тифлис: Б/и. Печ. в тип. Окружнаго Штаба, 1886. С. 401-402.

* * *

М.Я. ОЛЬШЕВСКИЙ.
КАВКАЗ С 1841 ПО 1866 ГОД.

Ольшевский Мелентий Яковлевич (1816-1895)[147], из русской офицерской семьи - на военной службе с 1833г.; по окончанию курса в Императорской военной академии в 1840 г. был причислен к Гвардейскому генеральному штабу и в 1841 г. оказался на Кавказе где сделал блестящую карьеру. Только в 1865 г. он был переведен в центральную часть России. Службу закончил в чине генерала инфантерии, т.е. полного генерала.

Свои кавказские «записки» он печатал годами в различных изданиях[148], в полном виде, они впервые были собраны и изданы в 2003 г. редакцией журнала «Звезда» в Санкт-Петербурге (данным изданием мы и пользовались)[149]. Известная частьпечатныхтрудов М.Я. Ольшевского также представлены широкому читателю усилиями редакцийvostlit.info и drevlit.ru в интернете.

---

[146]Есть также публикация данного документа (со ссылкой на ЦГИА Гр. ССР. Ф. 1083. Оп. 6. Д 293. Л. 260, датированного «не позднее 15 апреля 1840 г.) в сборнике документов: Движение горцев Северо-Восточного Кавказа в 20-50 гг. XIX века. Сб. док. Махачкала: Даг. Кн. изд-во, 1959. С.254-255.

[147]Не путать с Ольшевским Марцелин Матвеевичем 1796-1866), генерал-лейтенант, участник войны на Кавказе, в 1843 исполнявшим недолго и обязанности губернатора Кавказской области. С 1848 г. и до смерти был комендантом крепости Бендеры.

[148]К примеру:Записки М. Я. Ольшевского. Кавказ с 1841 по 1866 г. // Русская старина. Т. 78. Вып. 6. 1893. С. 573-610.

[149]Ольшевский М. Кавказ с 1841 по 1866 г. - СПб. : Изд-во журн. "Звезда", 2003. – 606 с.

Автор был безусловным представителем т.н. военно-дворянской историографии Кавказской войны, однако оставил массу наблюдений весьма интересных для современных исследователей истории горских народов (включая чеченцев и гребенских казаков).

Мы приводим отдельные главы (с сокращениями)из труда М.Я. Ольшевского относящиеся к подробностям истории масштабных военных действий между империей и имаматом в 40-х гг. XIX в., где автор высказывает критику в адрес генералов. Очень выразительны и ценны его наблюдения связанные с гребенским казачеством Терека, самостоятельный интерес представляет описание состояния чеченского общества.

В качестве приложения нами дается небольшое извлечение из нарратива о поездке М.Я. Ольшевского в 1853 г. из крепости Грозной в Тифлис с описанием пути до Дарьяльского ущелья.

* * *

ОЛЬШЕВСКИЙ М.Я. КАВКАЗ С 1841 ПО 1866 ГОД.

Часть I.

I.

Ставрополь и мое пребывание в этом городе по 1844 год. — Очерки событий, случившихся на Кавказе в это трехлетие.

Начинаю мой рассказ с Ставрополя, в котором я провел безвыездно три года, после прибытия моего на Кавказ [1841] …

Моя служба на Кавказе, как офицера генерального штаба, хотя началась в штабе и, хотя я вертелся в сфере главного начальства и в кругу высшей военной молодежи; но первому я никем не был зарекомендован; с последнею же я не желал сближаться… Мне очень хорошо известны были события, совершавшиеся в Чечне, Дагестане, на правом фланге кавказской линии и в Черномории, потому что реляции и распоряжения, относящиеся до этих частей Кавказа, сосредоточивались в том управлении, в котором я служил. Что же касается Черноморской береговой линии, то и об ней имелись достаточные сведения.

Восстание чеченского населения и неудачная экспедиция генерала *Галафеева*, а равно возмущения не только отдельных аулов, но целых обществ в Дагестане, показывали, что наши дела на Восточном Кавказе, где прочно властвовал Шамиль, в конце 1840 года были крайне незавидные. При

таком положении прежнее число войск оказывалось недостаточным, а потому средства Чечни и Дагестана были усилены 14-ю пехотной дивизией.

Принимая во внимание это усиление Чечни и Дагестана, на *1841 год* (здесь и далее выделенное курсивом принадлежит автору. – Сост.) было составлено предположение для производства решительных наступательных действий. Две массы войск, сосредоточенные у Темир-Хан-Шуры и Внезапной, одновременно открыли военные действия.

Корпусный командир, генерал от инфантерии *Головин*, двинулся от Темир-Хан-Шуры к Черкею, многолюдному и богатому аулу, игравшему во всех событиях Дагестана важную роль, и приступил к постройке Евгениевского укрепления, названного так по его имени. Генерал-адъютант Граббе, с другой массой войск, открыл действия в Аухе и Салатавии.

Пока наши войска действовали таким образом в продолжение лета, в горах было спокойно. С окончанием же Ауховской экспедиции и с отъездом корпусного командира в Тифлис, начались волнения в Дагестане. *Кибит-Магома* успел подговорить к восстанию жителей Андалаля. После долгих колебаний и жестоких настояний Шамиля, окончившихся избиением многих влиятельных лиц, восстали Андия и Гумбет. Если бы не энергические действия генерала *Клюки-фон-Клугенау*, то может быть, и Авария к концу года не осталась бы за нами.

Чечня находилась в полном восстании. Только староюртовцы и брагунцы остались нам верны; все же прочие чеченские аулы, жившие между Тереком и Сунжею, ушли за эту последнюю реку. Огромные партии чеченцев тревожили не только кумыков и гарнизоны наших передовых укреплений, но и наши казачьи поселения на Тереке.

Не в лучшем положении находились дела на правом фланге Кавказской линии и в Черномории. Общества черкесского и абазинского происхождения, хотя не могли действовать столь единодушно, как чеченцы и дагестанцы, потому что у них не было властителя, подобного Шамилю, несмотря на это, они сильно и часто беспокоили наши казачьи поселения.

На правом фланге более всех доставалось нашим станицам, на Кубани расположенным, от махошев, егерукаев, темиргоев, башильбаев, беглых кабардинцев, и в особенности от бесленеев, предводительствуемых их лихим князем *Айтек-Каноковым*.

Черномория часто тревожилась от набегов бжедухов и шапсугов.

Но более нежели в печальном положении находилась Черноморская береговая линия, управляемая генералом *Раевским,* мечтателем, либералом, фразером как на словах, так и на бумаге, и не терпевшим подчинения.

Гарнизоны укреплений, расположенных по берегу моря у впадения рек: Пшады, Вулана, Джубы, Туабсе, Псесуапе, Шахе и Соче, умирали от цинги и лихорадок, и гибли от пуль и шашек. Укрепления Лазаревское, Вельяминовское, Михайловское и Николаевское подверглись штурму горцев и были ими взяты; причем гарнизон Михайловского укрепления, во избежание позорного плена, взорвал себя на воздух вместе с ворвавшимся в него неприятелем. Экспедиция между Сочей и Адлером была неудачна и стоила нам больших потерь…

1842 год, собственно, в Дагестане начался весьма благоприятно для нас. Удачные и энергические действия снова назначенного туда командующим войсками генерала Фези были столь успешны, что к апрелю весь Дагестан был усмирен и влияние Шамиля подавлено. Но, с отозванием генерала Фези, по интригам, в Тифлис, спокойствие в горах нарушилось.

В мае вспыхнуло, несколько месяцев тлевшее, восстание в Казикумухском ханстве, до того нам преданном и покорном. Геройское сопротивление под Ричой трехсот наших храбрецов дало возможность разбросанным нашим войскам сосредоточиться, а разбитие полковником князем Аргутинским-*Долгоруким*[150] сначала скопищ Хаджи-Яг и под Шуарклю в пяти верстах от Кумуха, а потом и самого Шамиля под Кюлюли, восстановили спокойствие в Казикумухе и вообще в южном Дагестане.

Одновременно с таким успешным ходом дела в южном Дагестане совершилась кровавая катастрофа в Ичкеринском лесу с нашим отрядом, долженствовавшим, согласно общим предположениям, действовать наступательно на Дарго и далее в Андию и Гумбет, на соединение с войсками Дагестана.

Начальствование над этим отрядом возложено было на генерал-адъютанта Граббе, человека с большой энергией, рыцарской храбрости, решительного и предприимчивого, но, как оказалось на самом деле, мало знакомого с местностию, на которой ему пришлось действовать, и пренебрегшего тем неприятелем, с которым ему пришлось иметь дело.

Эту непродолжительную, но кровавую и возвеличившую славу нашего противника экспедицию очертим с некоторою подробностию.

Сосредоточенные под укреплением Герзель-аулом двенадцать баталионов, двадцать четыре орудия и три с половиною сотни казаков 30-го мая двинулись вверх по левому берегу Аксая, с огромным обозом, нагруженным продовольствием и боевыми запасами, донельзя замедлявшим и стеснявшим

[150]Это тот самый князь Моисей Захарович, который, будучи грозою непокорных племен Дагестана, столь честно управлял Прикаспийским краем в продолжение почти десяти лет и окончил свою боевую жизнь в 1855 году генералом от кавалерии и генерал-адъютантом. – (Здесь и далее примечания с нашей сквозной нумерацией принадлежат М.Я. Ольшевскому. – Сост.).

движение отряда, в особенности с того времени, когда пошел дождь, и бывшим одной из главных причин нашего поражения.

Весть о вторжении русских быстро распространилась в горах, и на помощь ичкеринцам, храбро сопротивлявшимся, под начальством своего наиба *Шуаиба-Муллы* в продолжение первых двух дней, прибыли жители большой Чечни, ауховцы, андийцы и гумбетовцы, — и 1-го июня, когда пройдено было не более двадцати верст от Герзель-аула, отряд был окружен густыми толпами неприятеля.

Со всех сторон кипел бой; в особенности он был упорен и кровопролитен в авангарде и в правом прикрытии, где кабардинцам пришлось брать многие завалы; один же из них, устроенный на урочище Кажалыке, был завален нашими и неприятельскими трупами. Потеря с нашей стороны была огромна: она простиралась до шестисот человек убитых и раненых. Сверх того, сильно пострадала артиллерия в материальном отношении; а под орудиями много было перебито лошадей. Между тем до Дарго едва была пройдена половина пути, а местность становилась все гористее и пересеченнее. Чего стоил бы один переход через крутой и глубокий овраг перед Шуани?

Гордость и самолюбие Граббе были сильно задеты и потрясены. Долго колебался и много перестрадал он в ночь с 1-го на 2-е июня, чтобы решиться на отступление. Наконец, необходимость и благоразумие взяли верх.

2-го июня отряд предпринял обратное движение посреди страшного боя, кипевшего со всех сторон, особенно же кровопролитного и упорного в арриергарде, где и в этот день, как и в предыдущий, был героем *Лабынцев* (В настоящее время генерал-от-инфантерии и числится по запасным войскам. В 1842 году был генерал-майор и командир бригады), с кабардинским полком, которым он командовал до 1840 года. Неприятель, пользуясь общим замешательством, успел было захватить шесть орудий: но подполковник Траскин (командир баталиона) с своими кабардинцами отбил их обратно и пал, пораженный несколькими пулями.

Этот день был самый ужасный: дорога загромождалась трупами людей, лошадей и изломанными повозками: неприятель наседал с неистовством; все части расстроились от потери своих начальников. Решено было стянуть войска в боевой порядок и ждать приближения ночи, когда неприятель по обыкновению расходился на ночлег по ближайшим аулам и хуторам.

Как только смерклось, отряд, побросав все тяжести, в глубокой тишине начал продолжать отступление. С наступлением дня, хотя бой возобновился, но он уже не был так упорен и кровопролитен, как накануне.

4-го июня отряд, совершенно расстроенный и деморализованный, начиная с своего гордого главного начальника, с потерею 490 убитых и 1.300 раненых,

расположился уныло под стенами Герзель-аула, из которого он выступил торжественно и победоносно пять дней тому назад.

Все горы торжествовали столь огромное и небывалое до того в летописях Кавказа поражение. Шамиль, забыв неудачи свои в Казикумухе, из которого он только что прибыл в Дарго, снова очнулся и стал набирать скопища, с намерением напасть на Аварию.

Но и Граббе, желая озарить свою славу, помраченную Ичкеринским лесом, а также побуждаемый военным министром князем *Чернышевым*, объезжавшим в то время Кавказ, предпринял наступательное движение из Темир-Хан-Шуры на Андийское Койсу к Игали и Тлоху.

Отряд состоял из одиннадцати баталионов, двадцати трех орудий и трех сотен казаков и милиции, исключительно принадлежащих Дагестану. Однако и эта экспедиция была мало успешна и ограничилась взятием и истреблением мятежного аула Игали, стойко защищавшегося мюридами, присланными Шамилем на помощь жителям, и разработкой дороги в Аварию.

Таким образом, несмотря на огромные средства, главная цель экспедиции 1842 года не только не была достигнута и не содействовала к поколебанию могущества Шамиля, а напротив усилила его влияние, поселив в горцах глубокую доверенность к его уму и счастию. Потери неприятеля далеко уступали нашим в числительности, даже не исключая Казикумуха, где главная масса убитых состояла из жителей этого ханства, которых Шамиль не имел причины беречь.

С 1842 года неприятель имел полную возможность оценить затруднения, встречаемые нами при действиях в Чечне и Дагестане, между тем как ему представлялось беспрепятственно тревожить нас со всех сторон. До тех пор в горах еще сохранилась уверенность в непобедимости русских. Неудача же 1842 года, к несчастию, поколебала и это убеждение. Дерзость неприятеля возросла до того, что он снова стал мечтать об изгнании нас с Кавказа, подобно тому, как это было в лучшие времена *Кази-Муллы*.

Наши дела не улучшились против прошлогоднего и на западном Кавказе. Закубанцы сделались как будто бы еще предприимчивее. Они начали нападать смелее и безнаказаннее на станицы и укрепления… Впрочем, в этом году сделан был положительный шаг вперед; началось устройство и заселение Лабинской линии. Первыми станицами были Засовская, Владимирская и Лабинская.

На черноморской береговой линии, хотя наши укрепления не подвергались нападению неприятеля, но гарнизоны по-прежнему были заперты в своих укреплениях и по-прежнему страдали и умирали от болезней, преимущественно же от цинги и лихорадок.

1843 год начинаю с рассмотрения перемен, происшедших с главными лицами в управлении.

Место корпусного командира Головина заступил генерал-адъютант *Нейдгард*, бывший генерал-квартирмейстер. Бесспорно, он был человек очень образованный, умный, честный и благородный, но не годился для управления Кавказом по мелочному педантизму и незнанию того края, куда он назначался главою…

Е.А. Головин по монашеским наклонностям скорей был способен управлять митрополией, нежели быть правителем такого обширного и разнообразного края, как Кавказ.

А.И. Нейдгард привык более управлять войсками в лагерях, на парадах и маневрах; притом был стар и физически немощен…

Командующего войсками на Кавказской линии и в Черномории, вместо генерал-адъютанта Граббе, занял генерал-лейтенант Гурко, начавший службу колонновожатым и поступивший на Кавказ из начальников дивизии гвардейского корпуса. …

Рассказ о военных событиях 1843 года начинаю не с Чечни или Дагестана, как я до сего времени делал, а с правого фланга кавказской линии.

Действия на этом фланге открыл генерал Гурко наступлением отряда, собранного на левой стороне Кубани против станицы Невинномыской и состоявшего из шести баталионов, двенадцати орудий и восьми сотен, вверх по большому Зеленчуку.

При слиянии двух небольших речек Бежгона и Кефара, из которых составляется большой Зеленчук, заложено было укрепление Надежинское, с тою целью, чтобы заставить, гнездившихся в окрестных аулах башильбаев и беглых кабардинцев принести покорность, или удалиться далее за Уруп и Лабу. Одновременно с построением укрепления Надежинского, другими небольшими отрядами возводились посты Шелоховский и Подольский на Лабе и устраивались станицы Вознесенская и Урупская.

Все это совершалось с частыми перестрелками, и было несколько жарких дел, стоивших нам значительной потери. Особенно замечательны были дела на Теченях, как по огромности скопища закубанцев, так и по упорству, с которым они дрались…

Восточный Кавказ, где Шамиль до августа хотя не предпринимал ничего решительного, нельзя сказать, чтобы был покоен от частых тревог, производимых в особенности чеченцами. Разъезжая значительными партиями вокруг наших передовых укреплений: Грозной, Назрана, Закан-Юрта, Умахан-Юрта, Герзель-аула и Внезапной, чеченцы нападали на скот, выгоняемый на пастьбу, на косцов и на фуражиров, на колонны, посылаемые в лес за дровами и конвоирующие

проезжающих и транспорты, или так называемые оказии. Зачастую тревожили своих единоверцев кумыков, брагунцев, староюртовцев не столько ради добычи, сколько в наказание за преданность их к нам и из желания восстановить их против нас и заставить удалиться за Сунжу. Переплывали даже за Терек, где не только хищнически нападали на проезжающих и захватывали в плен казачек, но и делали нападения на станицы, хотя, правда, не всегда успешные. Так их нападению подверглись Парабочева, Николаевская слободка и станица Калиновская.

В конце августа, после обычных молитв за успех предприятия, Шамиль выехал из Дарго в салатовское селение Дылым, куда стягивались конные и пешие чеченцы и жители других сопредельных с ними обществ. Такие же сборы производились и в Дагестане. Общая числительность всех скопищ должна была простираться свыше 10 т. конных и пеших.

Пока продолжались сборы, Шамиль распускал слухи о назначении дылымовских скопищ для действия против Кумыкской плоскости и Кизляра; сборы же Дагестана предназначал против Шамхальства и Казикумуха. Но такие слухи были фальшивы. Настоящий же план Шамиля заключался в нечаянном нападении на Унцукуль[151], который он собирался наказать за выдачу в прошлом году его мюридов и вообще за преданность нам.

28 августа Шамиль со всеми скопищами Чечни и Дагестана был уже под Унцукулем, а на четвертые сутки этот преданный нам аул, включавший свыше восьмисот дворов, после отчаянной и храброй защиты, был во власти Шамиля и обращен в груду пепла и развалин…

За взятием Унцукуля в продолжение двенадцати дней следуют для нас ряд неудач, а для Шамиля — ряд побед. Он быстро занимает селение Харачи, малодушно оставленное майором *Косовичем*, тут же разбивает наголову Апшеронский баталион под начальством майора *Зайцева*, высланный из Цатаныха генералом Клугенау и безостановочно овладевает Моксокской башней и Балаканским укреплением. Вслед затем берет Цатаных, Ахальчи и Гацатль, гарнизоны которых, состоящие из трех рот, или пали в бою, храбро защищая вверенные им пункты, или попались в плен.

С овладением Балаканами и Гоцатлем командующий войсками Клюки-фон-Клугенау, действовавший до сего времени крайне разъединенно, неблагоразумно и нерешительно, оказывается отрезанным от Темир-Хан-Шуры и вообще от шамхальских владений…

Разбив *Кибит-Магому* у селения Руджа и *Хаджи-Мурада* на Гоцатлинских высотах, князь Аргутинский 14-го сентября вступает в Аварию, соединяется с

[151]Главный аул в Койсубулинском обществе, сопредельном Аварии и находящемся на Аварском Койсу.

Клугенау и встречается с Шамилем у Тануса, но не успевает поразить его, потому что имам уклоняется от боя и оставляет опустошенную им Аварию.

30-го сентября, после неудачного покушения овладеть Андреевой, храбро защищаемой горстью кабардинцев, под начальством полковника *Козловского* [152], Шамиль распускает свои скопища, но, как увидим, не надолго.

Несмотря на такие быстрые успехи неприятеля, со стороны главного тифлисского начальства не было предпринято никаких энергических мер, а напротив, исходящие оттуда распоряжения были крайне нерешительны….

Такие распоряжения повели к тому, что через два месяца мы должны были не только бросить Аварию, но едва не потеряли всего Прикаспийского края…

30-го октября Шамиль с огромным скопищем окружает слабо укрепленный Гергебиль и, после двенадцатидневной, мужественной и храброй защиты его тремя ротами Тифлисского полка, берет этот аул, в виду наших войск, пришедших но Аймякинскому ущелью из Темир-Хан-Шуры.

С овладением Гергебилем, Шамиль приобретает возможность действовать одновременно в Аварии, Даргинском округе и далее в южном Дагестане, Мехтулинском ханстве и Шамхальских владениях. Опустошенная Авария не могла его интересовать, а иметь дело с сильными Хунзахским гарнизоном не входило в настоящий его план. Южный Дагестан был далек, тогда как Мехтула и Шамхальство находились перед глазами, на них-то Шамиль и низвергается со всеми своими полчищами.

В первых числах ноября все прибрежье Каспийского моря было в полном восстании и наводнилось скопищами всего Дагестана и мюридами, главные массы которых находились в больших Казанищах, Муселим-ауле, Кафыр-Кумыке и других ближайших к Темир-Хан-Шуре шамхальских аулах.

Таким образом Темир-Хан-Шура — средоточие управления Дагестаном и в которой находился главный резерв, будучи окружена неприятельскими скопищами, очутилась в блокадном состоянии.

В таком же положении находились и все другие пункты, и укрепления, занятые нашими войсками. Хунзахский отряд с 17 ноября, когда подполковник Пассек, после долгого упорства, наконец принужден был покинуть Аварию, не имея продовольствия, был окружен неприятелем и находился в безвыходном положении в Зирянах. Евгениевскому укреплению грозила опасность не только из-за Сулака от черкеевцев, но и от скопищ Шамиля. Слабо укрепленное и вооруженное низовое укрепление, дважды атакованное неприятелем, если и

[152]В 1843 году Викентий Михайлович Козловский был командиром Кабардинского егерского полка, оставил же Кавказ в 1857 году генерал-лейтенантом. В 1871 году окончил свое земное поприще генералом от инфантерии, будучи членом одного из высших учреждений военного ведомства. Впрочем, о Викентии Михайловиче не раз будет говориться в этих записках.

устояло, то обязано непоколебимому мужеству и храбрости гарнизона, сообщение с Казиюртом и вообще с Сулакской линией тоже было прервано.

В таком печальном положении находился Прикаспийский край до половины декабря, когда начальник левого фланга кавказской линии, генерал-майор *Фрейтаг* [153], явился спасителем.

Сначала освобождает от неминуемой гибели низовое укрепление, а после боя под Казанищами с Шамилем рассеиваются и полчища имама и тем освобождается Темир-Хан-Шура от тесной блокады. С этого же времени явилась возможность спасения отряда подполковника Пассека, запертого в Зирянах и погибавшего не только от вражеских пуль или ядер, но от болезней и голода, для чего была двинута часть войск из Темир-Хан-Шуры. И 17-го декабря остатки Хунзахского отряда были спасены; Авария же, стоившая нам стольких усилий и жертв, была оставлена и уже не занималась до окончательного покорения восточного Кавказа…

В заключение этой главы скажу, что на восточном Кавказе к концу 1843 года мы владели только: Дербентским и Самурским округами, Мехтулинским ханством, Шамхальством, Кумыкскою плоскостью и пространством между Сунжею и Тереком. Но и эти владения наши были весьма ненадежны…

В таком положении находился восточный Кавказ, когда, с открытием на нем военных действий в 1844 году, мне пришлось в них лично участвовать и к описанию которых я и приступаю.

II.

Приготовление к военным действиям в 1844 году под начальством генерала Нейдгарда. — Гребенские казаки.

Наконец, после долгих, нетерпеливых ожиданий, выпало и на мою долю воевать. А в то время эта честь доставалась в моих чинах не так легко, потому что претендентов и в штаб-офицерских чинах было много, и не мало было интриг.

Сборы мои были непродолжительны, а снаряжение несложно; не то, что петербургских аристократов…

Эта старая станица Гребенского казачьего полка [Червленная] была назначена сборным пунктом Чеченского отряда, вверенного начальству генерала Гурко, у которого начальником штаба был Иван Иванович *Норденстам*. В эту же станицу должен был прибыть из Тифлиса корпусный командир, генерал-адъютант Нейдгард, со своим походным штабом, начальником которого был

[153]О Роберте Карловиче Фрейтаге не один раз прочтет читатель в моих записках.

генерал-майор *Бутурлин*, а обер-квартирмейстером генерал-майор *Герасимов*. В начале апреля и я отправился из Ставрополя в Червленную.

Путь от Ставрополя до Екатериноградa пролегал по почтовому тракту на Георгиевск; от Екатериноградa же до Червленной шел по левому берегу Терека.

В то время этот путь несмотря на то, что был охраняем частыми постами и пикетами, занимаемыми местными казаками, не мог считаться безопасным... Что действительно этот путь был весьма опасен, приведу в доказательство факты. За несколько недель до моего приезда, на Базовой балке, что в сорока верстах от Ставрополя, был захвачен в плен адъютант корпусного командира — *Глебов*; а возле Сухопадинской станции, что почти в таком же расстоянии от Георгиевска, был изрублен майор, ехавший на почтовых. Жители Моздока еще не опомнились от погрома, нанесенного Ахверды-Магомой. Следы разрушения и пожара были видны над каждым домом станицы Стодеревской и слободки Николаевской. Сверх того, хищнические происшествия, заключающиеся в угоне скота, плене казачек, на Тереке, между Екатериноградской и Червленной, были почти ежедневные.

Такое тревожное состояние того пути, по которому мне пришлось проезжать, не было исключительное только в 1844 году; оно продолжалось и после того еще несколько лет.

Этот путь интересовал меня не только по мерам предосторожности, принятым для его охранения от хищнических нападений, но и по самому быту живших на нем казаков.

Станицы Кавказского линейного казачьего войска того времени не были похожи на станицы более известного нам Донского войска. На Дону каждая станица уподоблялась русскому селу: также широко раскинута; нет вала или плетневой ограды вокруг станицы; скот и лошади пасутся свободно; нет стеснений в обработании полей, кошении сена и в других сельских занятиях.

Кавказские же казаки, в особенности жившие на Тереке и Кубани, во всем были стеснены. Станицы их, по преимуществу четырехугольные, окружены или высоким земляным валом, или плетнем с колючкой, за который и днем не всегда и не везде безопасно отходить, ночью же не смей и носа показать за ворота; да и караульные не пустят. Усадьбы небольшие, а потому дворы тесные и всегда наполненные разной скотиной, а следовательно, всегда нечистые. Улицы узкие и до того грязные, что местами не высыхают даже среди самого жаркого лета. Нет садов и огородов, их не позволяют иметь тоже тесные усадьбы.

Только станичная площадь, на которой возвышается храм Божий, дает некоторый простор. Здесь на площади вы найдете несколько большей величины и более красивые дома, в которых сосредоточивается станичное, а иногда полковое и даже бригадное правление. Тут же находятся дома самих правителей, пастырей

и более или менее зажиточных казаков. На этой же площади найдете несколько лавок с ситцем, кумачем, бязью, азиатскими седлами, уздечками, папахами, черкесками; тут же лавки с бакалейными и москотильными товарами, а возле другая лавка с нефтью, дегтем, салом, канатами и веревками. Неизбежною принадлежностью такой площади и винный погребок с кислым кизлярским, бурдючным кахетинским, жгучей мадерой или хересом, а также с разными сортами горьких и подслащенных водок.

Выезжаете за станицу и, куда ни обернетесь, везде вы видите или сторожевые посты с возвышающимися вышками, или пикеты, занятые вооруженными казаками, пасется ли скотина или табун лошадей, и вооруженные казаки их сторожат. Едет ли кавказский казак пахать, собирать хлеб, косить сено, и он должен быть всегда вооружен, потому что не только должен оберегать себя от хищников во время сельских работ, но и скакать на место тревоги, которые в то время бывали зачастую.

В таком же положении была и станица Червленная, куда я прибыл в апреле и должен был с другими чинами Главного и Чеченского походных штабов прожить около месяца, пока начались военные действия. Это происходило не столько от бушевания Терека, вода в котором была действительно велика, сколько от неимения сухарного продовольствия. Правда, к этому примешивалась и нерешительность корпусного командира, а потому, прежде чем приступать к описанию военных действий, опишу червленских и вообще гребенских казаков, замечательных во многих отношениях.

Гребенские казаки ведут свой род от той вольницы (а может быть и других вольниц, ранее того появившихся на Волге), которая под начальством *Заруцкого*, во времена самозванцев, скиталась по разным местам и, будучи окончательно разбита под Астраханью, нашла спасение за Тереком в горах, и куда впоследствии уходили все недовольные и преследуемые нашим правительством старообрядцы.

По преданиям, сохранившимся между гребенскими казаками, они жили по горам в окрестностях нынешней деревни Андреевой, а равно по Качалыковскому хребту; гребенскими же казаками называются потому, что жили «по гребням гор».

Во время похода *Петра Великого* за Тереком гребенцы, вместе с другими войсками, участвовали в военных действиях в нынешнем Прикаспийском крае и вместе с астраханскими казаками охраняли укрепления, построенные нами за Тереком и на Сулаке. Известно также, что значительное число гребенских казаков отправилось с князем *Бековичем-Черкасским* в Хиву, откуда и не вернулись, как погибшие там.

До 1740 года сведения о гребенских казаках весьма неточны и основаны более на изустных преданиях, только с этого времени они делаются постоянными жителями тех мест, где и в настоящее время находятся их богатые станицы.

По заключении в том же году мира с персидским шахом *Надиром*, по которому все наши укрепления, бывшие за Тереком, были брошены, и с заложением Кизляра, когда астраханские казаки были поселены, кроме этой крепости в станицах Каргалинской, Дубовской и Бороздинской, гребенские казаки заняли выше по Тереку пять укрепленных городков: Червленский, Щедринский, Курдюковский, Старо-Гладковский и Ново-Гладковский.

Несмотря на давность своего поселения на Тереке, несмотря на то, что между их станицами находились помещичьи поселения (*Хастатова и Калустова*) и станицы, составленные из грузин, отставных солдат и переселенцев из внутренних губерний, как Шелкозаводская и Николаевская, гребенцы резко сохранили свои нравы, обычаи и образ жизни, и резко отличаются от прочих казаков, заселяющих кавказскую линию.

Причиною этому было с одной стороны близкое соседство их с кумыками и Чеченцами в то время, когда они жили за Тереком, а с другой стороны — их строго соблюдаемая старообрядческая вера.

Живя между кумыками и чеченцами, они большею частью находились во враждебных отношениях с ними. Друг на друга делали набеги, отбивали скот и лошадей, захватывали пленниц, которых и делали своими женами или наложницами.

Поэтому неудивительно, что гребенцы многое переняли от своих враждебных соседей не только в одежде, образе жизни и обычаях, но и в поступи, походке, посадке на коне; даже в облике лица есть не мало азиатского. До сих пор[154] между гребенцами сравнительно более говорящих по-кумыкски и чеченски, нежели в других казачьих полках.

Одна вера осталась ненарушимою и неизменною, как в то время, когда гребенцы жили за Тереком, так и по переходе их на левый берег этой реки. Как тогда, так и теперь, они остаются в самом строгом и закоснелом старообрядчестве несмотря на то, что не раз претерпевали жестокие преследования, в особенности до сороковых годов настоящего столетия.

Гребенцы не могли иметь своих раскольничьих попов, строить молельни и открыто в них молиться, так что станицы Червленная, Щедринская, Курдюковская и Старо-Гладковская резко отличались от прочих казачьих станиц тем, что на площадях не возвышалось Божиих храмов, а только где-нибудь в углу

[154]Во избежание всякого недоразумения я считаю не лишним оговорить, что делаемые мною сравнения не относятся позднее 1853 года, когда я в последний раз посетил станицы Гребенского полка.

станицы, над домом такой же наружности, как и все прочие дома, возвышался крест. Это-то и была молельня гребенцев, где старый уставщик или расстрига-поп исполнял их требы, независимо этого, было несколько скитов между садами, в которых укрывались старики и старухи, куда тоже собирались для моления и которые тщательно охранялись казаками.

Теперь нет стеснения в отправлении обрядов веры, и даже храмы воздвигаются на площадях, а это тем более необходимо, что и в старых гребенских станицах сделаны приселения из внутренних губерний, не принадлежащих к расколу. Однако, гребенец-старообрядец по-прежнему таких храмов не посещает, а держится тайного богослужения.

Гребенские казаки хотя не соблюдают внешней чистоты, потому что улицы и площади их также грязны, как и в прочих станицах, дворы содержатся неопрятно, а дома по наружному виду некрасивы; но зато в избах чисто и опрятно. Полы, столы и скамьи «банятся», то есть моются, если не ежедневно, то непременно по субботам и перед каждым праздником. Если не все стены, то тот угол, где стоят образа и лежат старообрядческие книги, обклеены разноцветными бумажками. На нарах, в другой комнате, лежит в порядке несколько перин, подушек, одеял, полстей и даже ковров; тут же лежит седло и сбруя и развешано оружие, если казак не на службе, что весьма редко случалось.

В избе воздух чистый и никогда не бывает накурено, потому что гребенец, как старообрядец, не терпит табаку. не раз приходилось слышать брань и ругательство казачек с своими постояльцами за курение табаку в их избах.

Но зато гребенец, — несмотря, что старообрядец, — любит свое родимое кисленькое, но крепкое винцо, «чихирем» называемое. В урожайный год винограда «чупурка», особый деревянный сосуд с узким горлышком, в котором обыкновенно подается чихирь, не сходит со стола в свободное от службы время…

Весною же и летом во время тяжелых работ в садах, не существовало других удовольствий, как праздничных вечерних хороводов, которые существовали у гребенцев и в то время, когда жили за Тереком; а это доказывает, что кроме веры у них сохранились и некоторые русские обычаи.

Для хороводов обыкновенно избирались ближайшие к станице лужайки, на которые собиралось молодое и старое обоего пола население, разряженное в лучшие и красивые наряды. Особенно привлекательно было смотреть на девушек и молодых замужних казачек. Сколько было разноцветных из разных материй, в том числе и атласных, обшитых галунами, бешметов. Сколько было грудей, обвешенных в несколько рядов разноцветными бусами и ожерельями из золотых и серебряных монет.

Не было недостатка и в красавицах, как, например, дочь *Арнаутова*, станичного начальника Червленной; *Фролова*, сестра полкового адъютанта; *Федюшкина*, жена урядника.

Не было недостатка и в красивых малолетках, наряженных в тонкие разноцветные черкески, ноговицы и чевяки и затянутых ремнями, на которых висели в богатой оправе кинжалы.

Были тут же и стоящие поодаль от хоровода с длинными седыми бородами старики и покрытые платками старухи, по обыкновению составлявшие отдельную группу от своих мужей-стариков.

Не видно было только казаков между двадцати— и сорокалетним возрастом, потому что такие казаки находились на действительной службе, они или занимали посты на Тереке, или находились в станичных резервах на случаи тревоги, или были откомандированы в разные отряды…

Но если гребенские казачки увлекались любовными интрижками, а казаки до некоторой степени терпели этот грех, то нельзя сказать, чтобы они были порочны в других отношениях. Так, например, кража и воровство не существовали между гребенцами. Хотя они молодецки чихиряли в своих избах, во никогда не случалось видеть валяющихся от опьянения казаков по улицам, а тем более буйствующих и дерущихся между собою.

О лихом наездничестве, молодечестве и храбрости гребенских казаков нечего и говорить; это они доказали бесчисленными примерами. Сколько было случаев, где десятки защищались против сотен неприятеля.

Гребенцы статны, ловки, красивы лицом. Их окладистые бороды и наряд придают им много красоты и стройности. То же самое можно сказать и о червленских казачках, молва о красоте которых хотя преувеличена, но все-таки они грациозны, ловки и кокетливы …

Земля, на которой поселены гребенцы, за исключением леса и камыша, растущих широкой полосой по берегу Терека, преимущественно песчана, а в некоторых местах до того сыпуча, что образует подвижные бугры, пересыпающиеся с одного места на другое во время часто и сильно дующих ветров. Само собой разумеется, что на такой почве земледелие не могло процветать, а тем более при лени и отвращении самих казаков от сельских занятий.

К тому же, в период моего первого знакомства с гребенскими казаками, присоединялась к этому опасность от неприятеля и неимение рабочих рук. Неприятель не дозволял свободно заниматься сельскими работами; он же отнимал рабочие средства у казаков, потому что молодое и сильное население находилось на службе.

Тот же неприятель не дозволял развиваться птицеводству и скотоводству, несмотря на обширность и приволье пастбищных мест. В то время зажиточные казаки не могли содержать более пары волов и лошади, потому что выгонять на пастьбу нельзя было, а заготовлять сено не имелось возможности. По этой причине в то время потеря лошади или вола считалась разорением для казака.

С умиротворением восточного Кавказа скотоводство начало быстро развиваться в Гребенском полку, и не только на станичных выгонах, но и в степи начали разгуливать огромные стада овец, рогатого скота и косяки лошадей. Правда, кочующие по Куме ногайцы и трукмены не мало препятствовали свободному скотоводству и что против них необходимо было принимать меры предосторожности. Эти кочующие инородцы в отношении конокрадства и воровства нисколько не уступают хищническим наклонностям горцев.

Что же касается земледелия, то поля, засеваемые пшеницей, просом и кукурузой, окружают только станицы Николаевскую и Шелкозаводскую: видно также хлебопашество, где живут новые поселенцы. Гребенцы же старообрядцы остаются по-прежнему равнодушны к хлебопашеству, по бесплодию той земли, на которой они поселены. Но мне кажется, что гребенцы не занимались бы охотно земледелием и в том случае, если бы их земля была и более производительною. Впрочем, встречающиеся зачастую бахчи или баштаны, на которых растет, кроме арбузов, дынь, тыкв, подсолнечников, капуста, бураки, картофель, бобы и другие огородные овощи, свидетельствуют, что и гребенцы-старообрядцы умеют обращаться с сохой.

Да и к чему гребенцам проливать пот, мозолить руки и мучить скотину над сохой, когда они получили в наследство от своих отцов и дедов более приятный и менее тяжелый труд — это их сады, раскинутые по берегу Терека и состоящие кроме разных фруктовых деревьев из виноградников.

На этих садах сосредоточивается вся забота и любовь казаков; для них забываются все другие сельские занятия. Да и как не любить казакам эти сады, которые их не только поят, родным «чихирем», но и обогащают, тогда как обработывание садов не стоит им труда, потому что этим занимаются с любовью их жены и дочери, чтобы покушать сладенького винограда, а подчас пожалуй и чихирнуть.

Обработка садов — не легкое дело. С раннею весною наполняются сады казачками и малолетками и не покидаются ими до глубокой осени. На казачках и малолетках лежит расчистка виноградных лоз от земли, постановка «таркал»[155], расчистка оросительных каналов, поливка и очистка лоз от сорных трав, собирание винограда, относ его в дома, давление и приготовление из него вина и

[155]Так называются у казаков тычинки или колья, около которых вьется виноград во время своего роста.

наконец обрезывание и закапывание винограда в землю. Сами же хозяева-казаки обязаны нарубить в кордонном лесу и привезти оттуда таркал для садов и хворосту для огорожи, а также вырыть новую оросительную канаву.

Такие работы вообще не легки, а до покорения восточного Кавказа они тем более должны были считаться тяжелыми, потому что не производились свободно п произвольно по причине опасности от хищников, укрывавшихся как в растущем по Тереку лесу, так и в самых садах…

Виноградные лозы взращивались в Гребенском полку без всякой системы. Ни казаку, ни казачке не приходило на мысль сортировать виноград по тонкости его кожи, сладости и вкусу сока, а тем более рассаживать его по лозам происхождения, как то делалось например в кизлярских садах, где умели различать рейнские от бордоских или бургонских лоз. Гребенцы же не имели никакого понятия о таком подразделении, а вели свое садоводство на том же основании, как управлялись с ним их отцы и деды.

Гребенские казаки добивались одного, чтобы их виноградные сады давали поболее любимого ими чихиря, хотя подчас весьма кислого и не всегда приятного на вкус. Только гребенские казачки ухаживали с особенным тщанием за сладким и тонкокожим виноградом, которым они сами лакомились и угощали своих побочинов и соседок. Гребенские казаки и казачки не менее своих садов, поящих их чихирем, любят Терек, кормящий их «лопушинкой». Так называют они сомину, ловимую ими в огромном количестве, и которой они с наслаждением питаются в разных видах, в продолжение нескольких месяцев, употребляя ее свежею, соленою, вяленою и копченою.

Тихо и медленно катит Терек свои воды с октября по апрель, но зато быстр и бешен бывает он весною и летом. С верхних его частей несутся огромные камни и деревья, в низовьях производит он прорвы и наводнения. В этом отношении Терек в особенности опасен ниже впадения в него Сунжи. С левой стороны разрушая дамбы и плотины, стоющие большого труда и денег, и прокладывая новые пути, он затопляет сады и жилища кизлярцев, с правой же стороны, разливаясь на несколько верст по кумыкской плоскости, прекращает сообщение по ней.

В такой период своего разлития и разрушения, Терек, как и все другие реки, впадающие в моря, начинает наполняться разной рыбой. Одна ищет свободнее подышать в теплой и пресной воде: другая же не только подышать, но и бросить икру.

С этого времени начинается лов красной рыбы и даже осетров, который и продолжается во все лето. В этот же период ловится в огромном количестве «шамая», в особенности столь вкусная и прославленная кизлярская шамая.

Но гребенцев не интересует этот летний лов рыбы. Осетров и другой красной рыбы доходит до пределов их полка немного, а потому если красная рыба и ловится ими, то для начальства или на продажу, а не для собственного их употребления. Вкусная же и жирная шамая ограничивается пределами Кизлярского полка.

Для гребенских же казаков важен лов сомов, как главный продукт их кормления, которым и заключу мой рассказ о них…

По окончании лова, продолжающегося по обыкновению не более суток, тут же на берегу, где складываются в кучи мертвые сомы, часто замечательной величины, производится дележ. И, к чести казаков, нужно сказать, что на долю бедных и сирот отделяется сравнительно большая часть лопушины…

На другой день наловленная и разделенная рыба развозится по домам, где для казачек наступает живая деятельность в стряпне, солении и копчении любимой ими лопушины…

III.

Одиннадцатидневная майская экспедиция в Малой Чечне под начальством генерала Фрейтага [1844 г.].

Апрель был на исходе, следовательно, мое пребывание и штаба Чеченского отряда в Червленной продолжалось более двух недель, а о военных действиях не было и помину. Даже прибытие в Червленную корпусного командира генерал-адъютанта Нейдгарда со своим походным штабом не изменило и не ускорило распоряжений.

По-прежнему продолжались приготовляться сухари тем отрядом, который был собран на правом берегу Терека у Амир-Аджи-Юрта. еще в начале апреля. По-прежнему бесновался Терек, пугая кизлярских жителей своими «прорвами» и до крайности затрудняя сообщение с Грозной и с Кумыкской плоскостию, и в обыкновенную воду медленное, как производившееся на паромах.

Теперь же, в полую воду, эти переправы совершались с нескончаемыми остановками: то происходили беспрестанные повреждения паромов от налетавших на них «карчей» заносило далеко в сторону от пристани; то самую пристань сносило или портило.

Целые сотни рабочих, расположенные по обоим берегам Терека, только и занимались перетаскиванием паромов, посредством канатов, к пристаням…

Наступило первое мая. День был прекрасный — истинно майский…

Этот же день и для меня был приятен, потому что я узнал о моем назначении состоять при четырех баталионах Люблинского и Замосцского полков, двух сотнях Моздокских и Гребенских казаков и восьми орудиях, долженствующих 4-

го мая выступить в Грозную, для участвования в военных действиях в Малой Чечне под начальством генерала Фрейтага.

На меня была возложена переправа отряда через Терек, с тем чтобы таковая была окончена непременно к вечеру 3-го мая. Когда я прибыл утром на переправу к Николаевской слободке, то было переправлено на правую сторону Терека более двух баталионов, следовательно, о успешности переправы нечего было беспокоиться; только не случилось бы какого-либо несчастия. Но все кончилось благополучно, и к четырем часам переправа была окончена. Много помогли молодцы казаки, которые не только переправили своих лошадей вплавь, но и работали с полным усердием и знанием дела на паромах.

Путь от Николаевской переправы до Грозной, существующий со времени построения этой крепости, с 1840 года — восстания Чечни, считался весьма опасным. На этом тридцативерстном пространстве беспрестанно рыскали партии чеченцев, а по временам появлялись они и в значительном числе, нападая на пассажиров и транспорты, или так называемые оказии.

Для таких нечаянных нападений чеченцы преимущественно избирали или Сунженский хребет, изрезанный глубокими балками, подъем на который начинался на девятой версте от Терека и где находились Староюртовский аул и Горячеводское укрепление, или залегали за обрывистыми берегами Сунжи и Нефтянки, топкой реченки, отстоящей от Грозной на седьмой версте.

Если такие осады были опасны для оказий, в прикрытие которых, как бы велики они ни были, не могло быть назначаемо более двух рот и орудия, то немыслимо было думать об них отряду, состоящему более, чем из 3 тыс. штыков и сабель. Несмотря на это, отряд совершил переход через Сунженский хребет и переправу через Нефтянку в боевом порядке, что было сделано для приучения солдат, как ходить в виду чеченцев, с которыми они в первый раз встречались.

Впечатление, произведенное на меня Грозною — этим передовым оплотом против чеченцев, — было весьма «негрозное». Мое воображение представляло эту крепость окруженною высоким валом, глубоким рвом и вооруженною десятками орудий большого калибра. На самом же деле я не встретил ни того, ни другого.

Крепость, построенная в 1818 году Алексеем Петровичем *Ермоловым*, в выдающемся к Ханкале изгибе Сунжи, состояла из цитадели и форштадта.

Первая занимала квадратную плоскость, сторона которой не превышала 150 шагов, обнесенную осыпавшимся и обвалившимся валом и заросшим травою рвом, не исправлявшимися со времени своего создания, через которые пролегало несколько пешеходных тропок. Два чугунных орудия без платформ и на ветхих крепостных лафетах, обращенные дулом к Ханкале, возвещали сигнальными выстрелами о появлении неприятеля. Внутри цитадели, кроме двух пороховых

погребов — хранилища боевых зарядов и патронов и караульного дома, тянулись три длинных деревянных строения, занятых разными должностными лицами и их канцеляриями. Все эти постройки были так же ветхи, как и самый вал.

Форштадт, обращенный на север к Тереку, состоит: из дома начальника левого фланга, возвышающегося возле землянки, в которой генерал Ермолов жил во время постройки крепости, вновь строющегося госпиталя, нескольких ветхих казарм, множества небольших мазанок, принадлежащих разночинцам, отдельного поселения из женатых солдат и грязной еврейской слободки. Этот форштадт охранялся ничтожной профили валом со рвом и оборонялся тремя чугунными орудиями. Если к этому прибавить деревянный мост на Сунже на сваях, против цитадели, охраняемый небольшим люнетом, да сад с огородами и ротными дворами Куринского полка, то вот полный абрис тогдашней Грозной.

Несмотря на такое жалкое состояние обороны и вооружения Грозной, она в глазах чеченцев вполне соответствовала своему названию и никому, начиная от начальника и до последнего солдата, не приходило на мысль, чтобы неприятель осмелился покуситься на овладение этою крепостию: а потому не было заботы, да и не было свободных рук, на исправление ее верков. По той же причине не было надобности и усиливать ее вооружение.

Несмотря на ветхий и невзрачный наружный вид Грозной, в ней жилось весело и даже подчас очень весело, потому что все принадлежало к одной военной семье, управляемой всеми любимым и уважаемым своим начальником, которым в то время был генерал-майор Роберт Карлович *Фрейтаг*…

Роберт Карлович успел в короткое время изучить своего неприятеля и ту местность, на которой ему пришлось с ним сражаться. Он дал некоторые тактические правила, как строить и водить войска через чеченские леса, и не было способнее куринцев проходить лесные трущобы и дебри, и этому они научились от Роберта Карловича, когда он был их полковым командиром. Никто как Фрейтаг указал на пользу и важность «зимних экспедиций» в Чечне, заключающихся преимущественно в вырубке просек и проложении сообщений…

Поводом к экспедиции, к описанию которой я приступаю, были жители Малой Чечни, недовольные строгими нововведениями и постановлениями Шамиля и заявившие готовность принести нам покорность при первом появлении наших войск, против которых не будет сделано ни одного выстрела. Так по крайней мере уверяли те из малочеченцев, которые несколько вечеров сряду приходили в Червленную для переговоров. И такие заявления в покорности малочеченцев до того убедили неопытного корпусного командира и его приближенных, что не могли разуверить его все положительные и ясные доказательства генерала Фрейтага в невозможности существования этой

покорности в целой массе населения, такого легковерного и не терпящего подчиненности народа, как чеченцы.

Не ограничиваясь этим, генерал Фрейтаг старался доказать, что и время года было неудобно для экспедиции. На Кавказе начало лета всегда обильно дождями, от которых самые незначительные ручьи превращаются в трудно преодолимые препятствия. Чечня же, изрытая речками и ручьями, в особенности была опасна в этом отношении.

Чеченские леса были уже покрыты листом, что делало их непомерно густыми и скрывало от нас неприятеля, умевшего с особенным искусством действовать в своих лесах и наносить из скрытых засад огромный вред меткими выстрелами. Тогда как мы, пробираясь, так сказать, ощупью чрез густой орешник, не могли отвечать неприятелю тем же. Случалось зачастую, что цепи в упор натыкались на винтовки чеченцев. При том значительный перевес был на стороне последних в целкости и дальности выстрелов.

Чеченцы, как и другие горцы, охотнее дрались летом, нежели зимою, что естественно происходило от легкой их одежды, а в особенности обуви, состоящей из одних только «чевяк».

По этим причинам принято было избегать в Чечне не только продолжительных экспедиций, но и кратковременных набегов летом, а производить их в то время, когда на деревьях не было листа. В Дагестане же, где нет таких огромных и сплошных лесов, как в Чечне, кроме других не менее важных причин принято было производить наступательные действия в горы не иначе, как летом.

Для описываемой экспедиции в Малой Чечне назначались два отряда. Начальник Владикавказского военного округа, полковник *Нестеров* с пятью баталионами, десятью орудиями и шестью сотнями казаков и милиции должен был действовать со стороны Назрана.

Генерал Фрейтаг с другим, почти такой же величины, отрядом должен был наступать от Грозной. Пунктом соединения этих двух отрядов назначалась река Гехи, как центральная черта и на которой находились самые богатые и многочисленные аулы.

6-го мая с рассветом началось движение из Грозной по мосту на правую сторону Сунжи трех баталионов куринцев, четырех баталионов замосцев и люблинцев, двенадцати орудий, в том числе четырех конных, и двух сотен моздокцев и гребенцев, которые, по мере перехода через мост, становились на места, определенные им по диспозиции, накануне отданной.

С восходом солнца, все упомянутые войска двигались в боевом порядке по открытой и ровной местности и даже по торной дороге, но только не от чеченских арб, а от наших повозок, ездивших в Ханкале по нескольку раз в

месяц, — разумеется, под сильным прикрытием, — за строевым лесом и дровами, почти всегда добываемыми с боя.

Под Ханкале разумелось ущелье, находящееся между двумя довольно высокими, продолговатыми и поросшими строевым лесом горами. Левая из этих гор (по направлению из Грозной) составляла отвесный берег над Аргуном между аулом Бердыкель и Большой Чечень; правая же своими западными отлогостями доходила до реки Гойты, впадающей в Сунжу между Грозной и Алдами.

Через это ущелье пролегала дорога в глубь Чечни, известная нам еще с 1806 [1807] года, когда командующий войсками на кавказской линии, генерал *Булгаков*, встретился с главною массою чеченского населения и после значительной потери принужден был возвратиться обратно. Тут же в 1818 году генерал Ермолов имел кровавый бой с огромным сборищем чеченцев, которые перекопали дно ущелья рвом и засели за высоким валом. Но Алексей Петрович, овладев этим окопом и расположившись с своей ставкой на кургане, называемом и по настоящее время Ермоловским, не двинулся до тех пор вперед, пока не вырубил дремучий лес и тем не сделал свободный проход в Чечню на будущее время.

Еще в 1844 году видны были остатки рва и вала, видно было направление канавы, проведенной из Аргуна, с остатками от сакель находившихся здесь двух аулов. Заметны были пни вырубленных Ермоловым огромных деревьев, заросших частым и мелким орешником, перемешанным с кизилем, боярышником и кислицей, столь любимой фазанами. И много было в то время этой красивой птицы. с быстротою молнии, перелетавшей с одного куста на другой и озарявшей вас своими яркими перьями.

Выйдя из Ханкале и пройдя несколько верст целиком по обширной поляне, поросшей густой травой, перемешанной с кустами терна, отряд вступил в Гойтинский лес, называвшийся так по имени бывшего здесь аула и ничтожной речки, но теперь сильно разлившейся от беспрестанно шедших дождей.

Переход через этот хотя нешироκий (с небольшим верста), но густой лес, известный нам тоже со времени Ермолова, был совершен сверх ожидания с незначительной перестрелкой. Несколько десятков выстрелов, произведенных невидимым неприятелем, оказавшихся безвредными, были знаменательны для меня, собственно, потому что это были первые просвистевшие над головой и по сторонам пули.

Во время дальнейшего движения отряда к Мартану и ночлега на этой реке, у того места, где спустя три года построено было Урус-Мартанское укрепление, тоже не случилось ничего особенного. Только отдельные всадники, разъезжавшие вне выстрела между перелесками, как при движении от Гойты к Мартану, так и при расположении на ночлег, криками и выстрелами возвещали о

нашем неожиданном для них появлении. И действительно, как увидим, чеченцы не ждали наших войск с этой стороны.

7-го мая отряд выступил далее. Переход предстоял небольшой; между Мартаном и Гехи считалось не больше пятнадцати верст. Дорога была ровная, и только переправы через Рошну и два Шавдана[156] несколько замедлили движение. За исключением небольших рощиц и кустарника лес был от дороги вне выстрела, а потому беспрепятственно могли следовать и боковые прикрытия.

К полудню мы расположились, в ожидании прибытия полковника Нестерова с отрядом, на левой стороне Гехи. Видимый неприятель исключительно конный и разъезжавший вне выстрела, по-прежнему был незначителен. Как будто бы пожар и мор прошел по Чечне, тем более что по пройденной нами дороге часто встречались остатки прежних аулов.

И действительно до 1840 года здесь по обе стороны дороги находились многолюдные аулы Гойта, Мартан, Рошна; даже на том месте, где был расположен наш бивуак, существовал огромный аул Гехи. Остатки сакель и фруктовых садов служили тому доказательством. С восстанием же Чечни, из страха наказания, жители этих мест или удалились в Черные горы, или расселились хуторами по лесным трущобам.

9-го мая с раннего утра началась слышаться отдаленная канонада, которая к полудню все учащалась и делалась слышнее. Понятно становилось, что отряд полковника Нестерова имел дело с главной массой населения, которое, как оказалось, начало собираться на Ассу.

7-го числа, когда войска, стянутые из Владикавказского округа к Назрану, выступили из этого укрепления. Этим объяснились также, почему против нашего отряда почти не было неприятеля.

Чтобы подать помощь шедшим к нам на соединение войскам. а в случае надобности и выручить из беды, сделано было распоряжение: двум с половиною баталионам с четырьмя орудиями и двумя сотнями казаков, остаться на позиции, для прикрытия вагенбурга, а четырем баталионам с восьмью орудиями двинуться на Валерик. Войска, назначенные для этого движения, должны были выступить в два часа, если к этому времени не будет получено особого известия от полковника Нестерова, с нетерпением ожидаемого генералом Фрейтагом.

Недалек был Валерик или Вейрик, воспетый нашим поэтом Лермонтовым, после кровопролитной битвы на нем в 1841 году отряда генерала Галафеева с чеченцами; от него до Гехи считалось не более пяти верст, но труден был доступ к нему. Оба берега этой, хотя не широкой, но глубокой и текущей в крутых берегах речки поросли густым дремучим лесом. При том же лес, находящийся по

[156]В Чечне под этим названием известны многие тонкие, не широкие, в роде канав, безъименные ручьи.

правую сторону Валерика, или между этой речкой и Гехи, был чрезвычайно густ и простирался почти на две версты, а до его вековых чинар и дуба ни разу не прикасался наш топор.

В два часа войска, назначенные для движения на Валерик, выступили с занимаемой ими позиции и не успели пройти и половину расстояния, как, по приказанию генерала Фрейтага, были приостановлены. Но не прошло и нескольких минут, как получено было новое приказание спешить бегом к Гехинскому лесу, отстоящему не далее полуверсты.

Такие распоряжения изумили куринцев, не привыкших получать от своего бывшего хладнокровного и спокойного командира столь разноречивых приказаний.

— Таким манером, что-нибудь случилось нехорошее в отряде у Нестерова, — проговорил настоящий командир Куринского полка, полковник Витторт, отдав приказание двигаться.

— Видно, не ладно у навагинцев, — пронеслось по рядам куринцев, спешивших бегом к Гехинскому лесу.

И действительно было не ладно в рядах навагинцев, тем более, что кровавая катастрофа, которую вслед за сим расскажу, случилась совершенно неожиданно и для Нестерова, въехавшего почти одновременно с Фрейтагом на высокий курган, находившийся у входа в Гехинский лес, и на вопрос Роберта Карловича: «все ли хорошо?» — отвечавшего:

— Слава богу, все благополучно. От самой Ассы не давали покоя, и несмотря на то, что я имел дело со всей Малой Чечней, потеря небольшая.

— Значит, нет надобности в моих куринцах? — спросил Фрейтаг. — остановить колонну! — добавил он.

Но не прошло и минуты, как от прискакавшего урядника Владикавказского полка получено было печальное известие, поразившее всех нас: «что неприятель, прорвав правую цепь, ворвался в обоз и тем разделил одну часть отряда от другой».

С быстротою, свойственной куринцам, подбежали они к Гехинскому лесу, построились в боевой порядок и двинулись вперед.

Не успели мы проехать по чаще несколько десятков шагов, как начали появляться голые, изуродованные, обезображенные трупы. Поразительна была эта картина при том безмолвии, которое сохранялось неприятелем. Его как будто не было в лесу, и как бы невидимая сила глумилась над убитыми.

Но затишье обратилось в страшную бурю перед загородившими дорогу двумя ограбленными и изломанными повозками, убитыми лошадьми и обезображенными трупами людей. Раздался оглушительный залп из ружей и вслед за тем пронзительный гик.

Хотя от такой неожиданной встречи с неприятелем более тридцати человек убитых и раненых выбыло из строя, но это ни мало не остановило куринцев. Заработал в их руках острый штык, и дальнейший путь проложен был уже по трупам чеченцев.

Куринцам нужно было спешить на Валерикскую поляну. Каждый из них сознавал, что малейшее промедление могло дать новое торжество неприятелю. Им предстояло выручить малочисленный ариергард отряда полковника Нестерова, состоящий из семи рот виленцев и литовцев, при четырех конных орудиях, и находящийся под начальством генерального штаба подполковника барона *Вревского*.

Не имея ни патронов, ни артиллерийских зарядов, а между тем обязанный защищать огромный обоз, этот ариергард был окружен неприятелем, в несколько раз его превосходящим и грозящим ему своими обнаженными шашками.

Появление куринцев на поляне огласилось радостными криками виленцев и литовцев и смешалось с ругательствами и проклятиями чеченцев.

Не легко было обратное движение через Гехинский лес в виду такого многочисленного неприятеля, ободренного притом нашим поражением.

За боковые прикрытия, расположенные неподвижно во всю широту леса по обеим сторонам дороги, нечего было опасаться; они были настолько сильны, что нельзя было предполагать, чтобы неприятель мог прорвать их; при том войска имели время ознакомиться с лесом и занять в нем удобные места. Но зато все неприятельские силы могли обрушиться на ариергард: а потому два баталиона куринцев, при четырех конных орудиях, были оставлены прикрывать отступление.

В пять часов двинулся через лес обоз с виленцами и литовцами, а через час началось общее движение ариергарда и боковых прикрытий.

Отступление куринцев от опушки было сигналом для неприятельского наступления. Сотни пеших чеченцев с неистовым гиком и с шашками наголо бросились по дорогам, а также на углы ариергарда и боковых прикрытий; но штыки и картечь из четырех орудий удержали этот первый напор.

Не успели куринцы отойти перекатом еще несколько десятков шагов, как раздался новый оглушительный гик. Но и этот повторенный неприятельский натиск был столь же неудачен, как и первый. Много пало чеченцев от картечи и штыков.

Этим окончился рукопашный бой, но продолжалась перестрелка до самого выхода из леса, столь дорого нам стоившего. Более трехсот убитых и раненых выбыло из строя.

Следующий день был преимущественно употреблен на погребение убитых и успокоение раненых, которых оказалось у куринцев более шестидесяти человек.

Между последними были подполковник *Костырко* и майор *Ляшенко*. Кроме того, нужно было сделать фуражировку для накошения травы под сильным прикрытием и иметь постоянно готовые части для охранения нашего расположения, потому что с раннего утра конные чеченцы разъезжали толпами вокруг нашего бивуака, а пеший неприятель, пользуясь частыми перелесками, подкрадывался и тревожил нас своими выстрелами.

Для наказания малочеченцев 13, 14 и 15 мая посылались отдельные колонны вверх и вниз по Гехи, а также на Рошну, для истребления аулов и хуторов. Такие действия предполагалось производить до 20 мая, по которое число и имелось для отряда продовольствие.

Но это предположение внезапно изменилось по причине сведений, полученных через лазутчиков, о поспешном следовании Шамиля на помощь малочеченцам. При том и погода не благоприятствовала нам. От шедшего в продолжение двух дней проливного дождя речки выступили из берегов и значительно затрудняли движения войск, в особенности по лесным трущобам. Поэтому, согласно сделанному в ночь с 15 на 16 мая распоряжению, отряд выступил с рассветом в Грозную.

До Гойтинского леса мы следовали беспрепятственно и безостановочно, за исключением переправ чрез Шавдан, Рошшу и Мартан; да и неприятеля почти вовсе не было видно. Это предвещало, что он готовится к решительной встрече с нами в Гойтинском лесу, и подтверждало сведения, доставленные через лазутчиков, — об устройстве им огромных завалов с правой стороны дороги. По этой причине в правое прикрытие, устроенное кроме цепи в две линии под начальством полковника Виттorта, были назначены половина пехоты и шесть горных орудий.

На куринцев, составлявших с цепью первую боевую линию, возлагалось, проникнув по возможности далее в глубь леса, обойти завалы и, овладев ими, оставаться неподвижно в лесу до тех пор, пока обоз с кавалерией не переправится через Гойту и не пройдет лес. Замосцы и люблинцы, составляя вторую линию, должны были подкреплять куринцев. Виленцы и литовцы составили левое прикрытие, а навагинцы с четырьмя орудиями образовали ариергард.

Так распределены были войска генералом Фрейтагом, и такое их распределение увенчалось бы совершенным поражением неприятеля без особенной потери для нас, если бы во время исполнения не было сделано уклонение, по-видимому, самое ничтожное. Впрочем, сама природа была в этом случае некоторой помехой.

Ошибка состояла в том, что передовые куринцы правого прикрытия, при переправе через разлившуюся Гойту безнамеренно приняв влево, дали неправильное направление первой линии, так что она вместо того, чтобы обойти

неприятельские завалы, очутилась перед ними. Для исправления этой ошибки нужно было в виду завалов повернуть под прямым углом направо и пробиться вперед штыками через толпы чеченцев.

Хотя это быстро и молодецки было исполнено, но не легко было овладеть обойденными с фланга и тыла завалами, с отчаянием защищаемыми неприятелем. Три раза переходили они от куринцев к чеченцам. Был момент, когда за колеса двух горных единорогов хватались чеченцы. Но подоспела помощь со второй линии. Люблинцы, направленные самим Фрейтагом с фронта на завалы, порешили это кровавое дело.

Много пало храбрых в этой рукопашной схватке. Два офицера было убито и пять ранено; в числе последних находился и полковник Витторт, раненный пулею в грудь. Тут же и мне оцарапала пуля кисть правой руки; царапина, не обратившая тогда никакого внимания, как зажившая после нескольких примочек, но заставляющая теперь себя вспоминать. В настоящее время я часто чувствую до такой степени сильную жгучую боль и сведение пальцев правой руки, в особенности, когда пишу, что карандаш или перо выпадают или выводят не буквы, а каракули.

После этого, хотя переправа обоза через Гойту и проход через лес войск продолжались более часу, но неприятель не сделал ничего решительного, а ограничился одной неумолкаемой перестрелкой.

В четыре часа того же 16-го мая оба отряда, утомленные сорокаверстным переходом и трехчасовым упорным боем, прибыли в Грозную, привезя с собою 65 убитых, кроме погребенных на Гехи и более 500 раненых. Но, благодаря благоразумным распоряжениям достойного Роберта Карловича, мы избегли еще несравненно больших потерь, а может быть и совершенного поражения.

В то время, когда мы оставили Гойтинский лес, Шамиль с трехтысячным ополчением и четырьмя орудиями, задержанный у Дачу-Борзоя разлившимся Аргуном, находился от нас в двадцати верстах. Следовательно, замедлись наше отступление из Малой Чечни не только сутками, а несколькими часами, то нам пришлось бы сражаться в Гойтинском лесу и с Шамилем, или и того хуже — пробиваться через занятое им Ханкальское ущелье.

Передневав в Грозной, каковой отдых был необходим, войска, прибывшие из Владикавказского округа, направились туда по Сунже, я же с войсками, прибывшими с Терека, отправился в Червленную, куда и прибыл в тот же день.

Много поучительного приобрел я в этой кратковременной и бесцельной экспедиции; в особенности два правила, относящиеся до боковых прикрытий и ариергарда, во время прохождения с боем через лес, запечатлелись в моей памяти.

Не будет лишним, если я в следующей главе несколько распространюсь как о самих чеченцах, так равно и о способе ведения нами войны в их лесах. Это тем более я считаю необходимым и полезным сделать, что записки мои до 1853 года по преимуществу будут касаться Чечни, да и после того я несколько раз буду обращаться к Чечне же.

IV.

О происхождении, образе жизни, нравах и обычаях чеченцев. Наш способ ведения с ними войны.

О происхождении и названии чеченцев вот какая существует легенда[157]:

В горах, не в дальнем расстоянии от настоящего Веденя, жил богатырь Нохчэ, у которого было двенадцать сыновей, таких же крепких и сильных, как он сам.

Когда Нохчэ дожил до глубокой старости, то его потомство, состоящее из внуков и правнуков, оказалось столь великим, что, во избежание распрей и неудовольствий, он дал совет своим сыновьям расселиться по горам, и не ближе, как на день пути один от другого. При этом заповедал им не спускаться с гор и беречь свои леса, потому что в тех и других заключалось их согласие и спокойствие.

Разделившись на двенадцать отдельных семей, сыновья Нохчэ, места своего водворения назвали по своим именам, и с того времени образовались общества, известные нам и поныне: Ичкери, Аух, Чабирли, Шубути, Шато, Дзумсо, Кисти, Цори, Галаш, Галгай, Джерах и Ингуш.

Таким образом, расселившиеся по горам на юго-запад и восток, потомки Нохчэ долго жили в горах спокойно и в довольствии. Но, встречая недостаток в земле, в прошлом столетии, начали занимать изобильное пажитями, полями и водою плоское пространство между так называемыми Черными горами, Качалыковским хребтом и Сунжею.

Когда же, по мере приближения потомков Нохчэ к Тереку, они сделались известны своими хищничествами и разбоями, то кизлярские и моздокские армяне дали им прозвище «чачен», что на их языке значит головорез, разбойник. Мы же

[157]Все, что читатель прочтет в этой главе о чеченцах в легендарном и историческом отношениях, а равно о их нравах, обычаях, наклонностях, образе жизни и ведении ими войны с нами, то все сведения, относящиеся до этого, собраны мною в 1844 и 1845 годах, в первое время моего знакомства с Чечнею. В четырехлетнее же пребывание мое на левом фланге Кавказской линии, а именно с 1849 по 1850 год, я убедился еще более в прежнем своем мнении на счет чеченцев. Изменился только мой взгляд на образ ведения войны в Чечне с того времени, когда начались полезные зимние экспедиции, состоящие в прорубке просек и проложении дорог через чеченские леса, — экспедиции, начатые Р.К. Фрейтагом в зимы 1845 и 1846 годов, систематически продолжавшиеся генералами Нестеровым и кн. Барятинским до 1857 года, доведшие Чечню в 1857 и 1858 годах до ее падения. — *М. О.*

перекрестили потомков Нохчэ в чеченцев, назвав все затерекское пространство Чечнею; узнав же о существовании аула Большого Чеченя, находившегося на Аргуне, по ту сторону Ханкальского ущелья, и принимая аул Алды за Малый Чечень, разделили Чечню рекою Аргуном на Большую и Малую.

Такое предположение, хотя основанное на предании и рассказах стариков, заслуживает, однако, вероятия, тем более что и настоящие жители не называют себя чеченцами и как бы стыдятся этого имени. Они называют себя или по имени своего родоначальника Нохчэ, или по имени его сыновей.

— Мы Нохчэ, мы народ Божий, отвечали мне всегда с некоторым озлоблением старики, когда в разговоре с ними приходилось их называть чеченцами.

Да и молодое поколение недолюбливает, когда их называют чеченцами. Они назовут себя или по имени того общества, к которому принадлежат, или по имени того аула, в котором живут. Именовать же себя Нохчэ они перестали.

Нет сомнения, что чеченцы составляли самобытный народ. Лучшим этому доказательством служит их язык, содержащий много шипящих и гортанных слов, который резко отличается от языков прочих обитателей Кавказа. Не только письмен, но и азбуки чеченского языка не существует[158].

Все образование чеченца заключается в изустном затвержении текстов Корана, однако и таких людей между чеченцами немного, даже муллы не твердо знают Коран и толкуют его тексты вкривь и вкось; чаще же всего по своему усмотрению, или в свою пользу. Таких же ученых, которые знали бы письмена татарского, а тем более арабского языка, между чеченцами не было во время моего знакомства с ними.

Да и могли ли быть такие люди в таком народе, который по недавности не мог укрепиться в мусульманстве, начавшем распространяться между чеченцами только в конце прошлого столетия, с появлением между ними Шейх-Мансура . До того же времени они пребывали в безверии, хотя и считали себя народом Божиим.

Чеченцы не любят нововведений, а придерживаются старины. Так Шамиль, несмотря на свое старание, не мог укоренить в них строгих понятий о шариате, как учении, основанном на Коране, потому что они и до сего времени придерживаются «адата, закона, основанного на нравах и обычаях».

В образе внутреннего управления между чеченцами существует тот же порядок, как они управлялись при своих праотцах.

[158]В шестидесятых годах генерального штаба генерал-майор Услар, — в настоящее время умерший, — пытался составить азбуку для кавказских горцев, в том числе и чеченскую, но только мне неизвестно на чем остановилось это дело. — *М. О.*

Как тогда, так и теперь, у них не существовало никаких сословных подразделений. Не было ни князей, ни старшин или почетных людей, пользующихся особыми правами и преимуществами, или облеченных властию. Между чеченцами все были равными. Даже между родителями и детьми не сохранялось должной покорности и почтения. Не было должного уважения даже и к умной и опытной старости.

Но при таком равноправии были между чеченцами такие несчастные существа, с которыми обращались они хуже скотов, — это были «лаи» или пленники, собственность и жизнь которых была в полном безграничном распоряжении того чеченца, в руки которого попадался пленник при захвате, или поступал во владение после продажи.

Лая держали в смрадной яме на цепи и подвергали страшнейшим истязаниям и тяжелейшим работам, не обращая внимания, был ли то христианин или мусульманин. Одно только спасало, лая от предстоящих страшных мучений, если он мог дать за себя требуемый выкуп, или жениться на чеченке. Последнее случалось крайне редко, а из-за, первого, то есть выкупа, претерпевались пленником еще большие страдания, если его владелец узнавал, что он имеет возможность дать за себя хороший выкуп. Тогда негоциациям не было конца, и зачастую случалось, что пленник, не выдерживая мучений и страданий, умирал.

С пленницами, даже христианками, чеченцы обходились человеколюбивее и сострадательнее. Они по преимуществу делались наложницами своих хозяев, а иногда их женами, в том, однако случае, если соглашались быть магометанками. Разительным примером служит сам Шамиль, у которого любимой женой, между другими, была Улуханова, дочь моздокского армянина, взятая в плен Ахверды-Магомою в 1842 году.

Вообще нужно сказать, что у чеченцев женский пол пользуется несравненно большей свободой, нежели у их соседей. Не только девушки, но и замужние женщины не прятались, не закрывались покрывалами и не стыдились присутствия мужчин. Несмотря на свою леность и праздность, мужчины старались по возможности делить с ними свой труд и ни в каком случае не считали их своими рабынями, как это делалось у их соседей.

У чеченцев по закону допускалось многоженство, но оно не было общепринятым. Если же были случаи многоженства, то это было скорее исключением. То предположение, что многоженству препятствовала бедность или неимение средств содержать по нескольку жен, отчасти справедливо.

Чеченцев, как своих врагов, мы старались всеми мерами унижать и даже их достоинства обращать в недостатки. Мы их считали народом до крайности непостоянным, легковерным, коварным и вероломным потому, что они не хотели исполнять наших требований, не сообразных с их понятиями, нравами, обычаями

и образом жизни. Мы их так порочили потому только, что они не хотели плясать по нашей дудке, звуки которой были для них слишком жестки и оглушительны.

Чеченцы обвинялись нами в легковерии и непостоянстве за то, что они отрекались от своих обещаний и даже изменяли нам. Да были ли ясно истолкованы наши требования и были ли поняты ими как следовало? В свою очередь, не имели ли права чеченцы обвинять нас за то, что мы, русские, сами были нарушителями заключаемых с ними условий.

Чеченцы укорялись нами в коварстве и вероломстве, доходивших до измены. Но имели ли мы право укорять целый народ за такие действия, о которых мы трактовали не со всем чеченским населением, а с десятком чеченцев, не бывших ни представителями, ни депутатами. Обратимся, например к описанной мною майской экспедиции. В Червленную приезжают несколько чеченцев, положим даже самых влиятельных, и уверяют, что если наши войска явятся в Малой Чечне, то все население, недовольное Шамилем, покорится нам. Мы идем туда, но вместо покорности мало-чеченское население встречает нас вооруженной рукой. Имеем ли право укорять весь чеченский народ за это? Ведь мы вели переговоры не со всем народом, а только с избранными. Почему знать, может быть, эти избранные действовали так из своих личных выгод и поступили вероломно против своих же.

По дикости своего характера и из страсти к удальству и наездничеству чеченцы склонны к хищничеству и воровству. Да и с каким искусством и терпеливостью совершали они эти свои хищничества, каким лишениям и опасностям подвергались они в них!

Чтобы пробраться на хищничество небольшой пешей партии, нужно было первоначально проследовать с правого берега Терека за отправлением кордонной службы; а чтобы высмотреть, где кладутся секреты и когда производятся разъезды, требовались не одни сутки. Чтобы приготовиться к переправе через Терек по месту, заблаговременно избранному и где нет сильного течения, нужно засветло раздеться и, уложив одежду, чуреки, пистолет, кинжал и патроны в бурдюки[159], а также приладив к ним шашку и ружье, дожидаться нагишом под пронзительным ветром или дождем наступления мрака, потому что, для того,

[159]Под бурдюками вообще разумеется обращенная шерстью наружу и сшитая козлиная, баранья, бычачья, буйволиная кожа с отверстием, оставляемым у ноги или шеи, через которое он надувается или вливается в него жидкость. В бурдюках перевозится вино, вода, нефть и другие жидкости. Перевозка совершается по плоскости на арбах в буйволиных и бычачьих, через горы вьюками на верблюдах, мулах, лошадях — преимущественно в бараньих, козьих и других небольших бурдюках. Последние же небольшие бурдюки употреблялись чеченцами и другими горцами и при переправах через реки, из коих один пустой, но надутый привязывался к животу, а другой с вещами и оружием к спине. —*М. О.*

чтобы не быть замеченным и не слышно было бы плеска воды, избирались темные и притом ветреные или дождливые ночи.

Опасная переправа кончается. Хищники достигают левого берега Терека, но бдительный секрет открыл их. Раздались выстрелы и, по тревоге, казаки спешат с соседних постов к месту переправы хищников. Нужно искать спасения в обратном плавании под пулями казаков. Счастье, если ни одна из них не заденет, а то смерть неминучая, так и пойдешь ко дну.

Но положим, хищники совершили переправу благополучно и незамеченные никем скрылись в чащу леса, которым покрыт левый берег Терека. В нем они безопасны, но в лесу нет добычи, за которой они пришли. Вот они в продолжение дня высматривают из леса, как сычи из своих нор, нет ли отделившейся от стада скотины или пасущейся отдельно лошади, или нельзя ли заарканить одиночного путника.

К вечеру они становятся смелее, так что, имея впереди ночь, они подползают к почтовой дороге, с целью захватить проезжающего.

Но на беду нет никакой добычи. Не возвращаться же назад с пустыми руками, после перенесенных опасностей.

Таким образом укрываясь днем в лесу и питаясь чуреками, а иногда ягодами и кореньями, выходят снова к вечеру на ловлю проезжающих, что и повторяется до тех пор, пока это несчастие не постигнет кого-либо из них. После этого хищники как можно скорей спешат переправиться через Терек.

Таким образом занимались хищничеством в наших пределах бойгуши-чеченцы, то есть — бедняки, у которых не было не только верховой лошади, но и вола, чтобы вспахать землю для проса и кукурузы. Конные же чеченцы отличались еще большею смелостию, предприимчивостию и удальством.

Пешие партии по обыкновению ограничивались хищничествами не в дальнем расстоянии от Терека, тогда как конные удалялись от этой реки на сто и более верст, — если им удавалось только прокрасться незамеченными через кордон.

Так в октябре 1850 года конная партия в пятнадцать человек, переправившись через Терек между Червленною и Щедрином и на Куме разграбив ставку калмыцкого султана, с огромной добычей возвратилась в свои пределы через Кизлярский полк, сделав в несколько суток более четырехсот верст. Около того же времени другая партия ограбила почту и сожгла станцию на астраханском тракте.

Но случалось, что и конные партии претерпевали поражение и даже совершенно истреблялись. Так в 1851 году в нескольких верстах от Щедрина была окружена казаками партия в восемь человек, и вся истреблена; причем и с

нашей стороны была немалая потеря, потому что чеченцы в таких случаях не умирали даром.

Несмотря на такую страсть чеченцев к хищничеству в наших пределах, к чести, их нужно сказать, что воровства не существует между ними. Кража не только у своего одноаульца, но и соплеменника, почиталась позорною. Если же чеченец совершал такое воровство, то он или делался «абреком» и, скитаясь по лесам, не давал пощады ни своим, ни чужим, или переходил к нам. По этой причине все первоначальные чеченские поселения у наших крепостей состояли по преимуществу из воров, или таких людей, которые спасались от преследования за проступки, противные адату и обычаям. Были между ними и такие чеченцы, которые спасались от «канлы» или кровомщения, за убийство вообще за пролитие крови, иногда доходившее до того, что не только родственники убитого и раненого, но целые аулы дрались между собою и мстили за пролитую кровь. Даже строгие меры и постановления Шамиля не могли искоренить канлы.

Несмотря на такой, по-видимому, вредный состав чеченских поселений в наших пределах, из них извлекалась та польза, что мы имели в среде их хороших лазутчиков и проводников.

Впрочем, лазутчиков и проводников можно было всегда находить не только между «мирными чеченцами», то есть жившими возле наших укреплений, но и среди неприятеля, охотно посещавшего наши укрепления.

Сначала некоторые из чеченских смельчаков решались на это посещение из любопытства, чтобы посмотреть на наши укрепления, и, разведав, что у нас делается, передать своим собратам в преувеличенном и искаженном виде о виденном и слышанном ими. А что чеченцы крайне любопытны и большие охотники до новостей и небывалых выдумок, — как вообще всякий неразвитый и дикий народ, — в том не может быть сомнения. После того начали являться чеченцы к нам в большом числе, из недоверия, чтобы поверить рассказы своих собратий, явившихся к нам первыми.

Наконец, посещения чеченцев увеличились и участились, когда узнали, что русские не только их ласково принимают и угощают, но и дают им деньги.

Увлекаясь такими корыстными видами, они дошли или, правильнее сказать, мы, соблазняя их деньгами, довели этих детей природы до того, что под опасением смерти они доставляли самые положительные сведения о намерениях своих собратий и были самыми надежными проводниками для наших отрядов, при нападении не только на соседние аулы, но и на те из них, в которых жили их друзья и даже близкие родственники.

Может быть, они и не сознавали того, что в таких их действиях скрывалось столь страшное преступление, как измена. Да и кто мог карать их в то время,

когда не было никакой власти, когда каждый чеченец действовал самостоятельно. Когда же явился карателем Шамиль, тогда было поздно исправлять их несмотря на то, что они подвергались за измену самым страшным казням и истязаниям, ради алчности к нашим деньгам.

Вот, по моему мнению, главные характеристические черты того народа, с которым мы, войдя в столкновение, кроме других и по географическим причинам, принуждены были вести почти столетнюю кровопролитную борьбу.

Много было употреблено усилий, много было пролито крови с обеих сторон, пока вместе с Дагестаном совершилось падение Чечни, в 1859 году. Причины столь продолжительной борьбы заключались не только в свойствах чеченцев, с которыми я по возможности ознакомил читателя, но в характере той местности, на которой они обитали, а равно в средствах и способе ведения нами войны.

Хотя наше знакомство с чеченцами начинается с того времени, когда начала устраиваться и заселяться Кавказская линия кизлярскими, гребенскими и моздокскими казаками, но земля, на которой они обитали до назначения на Кавказ генерала Ермолова, была terra incognita.

До 1806 года, по крайней мере сколько мне известно из письменных документов, если и происходили встречи и столкновения с чеченцами, то они ограничивались отражением их от наших пределов, и преследование далее Сунжи не простиралось. В этом году генерал Булгаков (точнее в 1807 г. – Сост.) в первый раз переправился за Сунжу, но после упорного сопротивления, оказанного чеченцами в Ханкале, должен был вернуться назад.

Но с 1818 года Чечня перестает быть terra incognita. Заняв с боя Ханкале и пройдя с одной стороны до Гехи, а с другой до Басса и прорубив просеки через Гойтинский и Шалинский леса, генерал Ермолов навел на чеченцев такой страх, что они, выдав ему аманатов, принесли полную покорность и дали зарок не беспокоить нас своими хищничествами. А чтобы держать в большем страхе и повиновении чеченцев, были заложены: на Сунже — Грозная, Страшный окоп и впоследствии Ума-хан-юрт; на Аксае — Герзель-аул; на Акташе — Внезапная. Сверх того, были построены укрепления: на сообщении Грозной с Тереком — Горячеводское, а на сообщении Внезапной и Герзель-аула с Тереком же — Таш-Кичу и Амир-аджи-юрт.

Чеченцы, устрашенные действиями Алексея Петровича по страсти своей к хищничеству и по безначалию, после трех лет спокойствия, с большим увлечением начали нападать и беспокоить наши поселения на Тереке. В 1825 году, подстрекаемые известным своим джигитом Бий-Булатом, оказали неповиновение, окончившееся убийством в Герзель-ауле генералов Лисаневича и Грекова. Увлекаемые же фанатизмом и успехами Кази-Муллы в Дагестане, они вышли из всякого повиновения, и их неистовства дошли до крайних пределов.

Нужны были самые энергические, решительные и настойчивые меры и действия. Таким деятелем и карателем неугомонных чеченцев является генерал Вельяминов, действия которого заключаются в беспощадном истреблении аулов, преимущественно Большой Чечни, а также в проложении дорог и просек по разным направлениям. Такие действия снова привели чеченцев к повиновению, которое с некоторыми вспышками и колебаниями сохранилось до 1840 года.

Возбужденные к восстанию Шамилем, чеченцы оставили свои прежние большие аулы, сгруппированные на проложенных Ермоловым и Вельяминовым дорогах и просеках, и расселились хуторами по горам и лесным трущобам.

С этого времени и начинается с ними самая тяжелая для нас борьба, стоившая больших усилий и огромных потерь, и вот по каким причинам.

До 1840 года у чеченцев не было единства в действиях, потому что не было власти и главы. До этого времени у них не было понятия о единстве действия против нас. Если один из аулов подвергался нападению наших войск, то другие ближайшие мало думали о подании помощи; да и не знали, что делается у их соседей, пока не постигала и их та же участь. Шамиль обязал наибов охранять свои наибства от нечаянного нападения постоянными караулами, подавать друг другу помощь и непременно выставлять то число пеших или конных чеченцев, которое от них требовалось. В крайних же случаях они должны были поголовно ополчаться против врага.

До 1840 года за чеченцами, жившими большими аулами, на указанных открытых и известных нам местах, легко было нам наблюдать, а в случае надобности и подвергать их наказаниям. Теперь же, с расселением их по горам и лесам небольшими аулами и хуторами, доступ к ним сделался для нас несравненно труднее, потому что мы не только должны были преодолевать большие естественные препятствия, но и действовать в местности, нам вовсе незнакомой. Если же при этом взять во внимание то искусство, с которым чеченцы умели обороняться и нападать на нас в лесах, да к этому добавить дальность и меткость их выстрелов, то не будет поразительно, что борьба наша с ними была столь продолжительна и стоила нам таких огромных потерь.

Наши действия против чеченцев заключались или в кратковременных набегах небольшим числом войск, или в продолжительных экспедициях самостоятельными отрядами. Первые имели целию нападение и разорение отдельных аулов, угон скота, уничтожение посевов и сожжение сена. Скрытность и быстрота в исполнении были главными условиями в таких действиях, потому что преждевременное открытие нас неприятелем, а также малейшее промедление увеличивало нашу потерю. Выступление войск из укреплений для таких набегов производилось всегда ночью и с таким расчетом, чтобы предмета действия достигать на рассвете. По совершении же предприятия, следовало думать о

скорейшем отступлении через густой лес и топкие речки, на которых неприятель, задерживая нас, мог более наносить вреда.

Экспедиции самостоятельными отрядами производились с целью или прорубки просек и проложения дорог, или для истребления хуторов и аулов на значительном пространстве. Такие экспедиции производились по преимуществу зимою, и вот по каким причинам.

В лесу, когда на деревьях нет листьев, как бы он ни был густ, каждое движение виднее и заметнее, чего в особенности нужно было стараться достигнуть при действии с чеченцами, в лесной войне, столь искусно умеющими укрываться за завалами и действовать из-за них. По легкости одежды и в особенности обуви, состоящей из чевяк, сшитых без подошвы из козлиной кожи и надеваемых на босую ногу, чеченцы не могли переносить долго холода, а тем более — стоять продолжительное время в снегу. Впрочем, если бы были устранены недостатки, происходящие от неимения теплой одежды и обуви, то и в таком случае чеченцы не могли быть продолжительное время в сборе по неимению продовольствия; тогда как для нашего солдата недостатка в продовольствии не могло быть, потому что начальство рационально заботилось об обеспечении отряда провиантом и фуражом, а на время экспедиций назначалось улучшенное довольствие, заключающееся в прибавочном отпуске мясной порции и лишней чарке вина. Что же касается мороза, иногда доходившего до 25 градусов, и большого снега, то русскому человеку не привыкать-стать. При том по изобилию в лесе такие огромные костры пылали, что любо-дорого было смотреть на такую прекрасную даровую иллюминацию, а тем более — греться на ней.

Все наши движения в виду неприятеля совершались по общепринятому правилу продолговатым четырехугольником, длина которого зависела от величины обоза и других обстоятельств. По бокам этого четырехугольника располагались войска, которые и двигались в одну определенную сторону, смотря по тому, производилось ли наступление или отступление.

Если отряд наступал, то войска, идущие впереди, составляли авангард, двигающиеся же позади — арриергард; при отступлении же получали обратное наименование. Войска же, двигающиеся на известном расстоянии вправо и влево от авангарда и арриергарда, назывались «боковыми прикрытиями». Разница первых от последних заключалась в строе их; авангард и арриергард двигались фронтом, боковые же прикрытия следовали всегда рядами и только тогда поворачивались направо и налево, когда останавливались для боя с неприятелем или по другим причинам.

Стройность движения такого четырехугольника состояла в том, чтобы боковые прикрытия, не отделяясь от авангарда и арриергарда, не разрывались

между собою, дабы не могло образоваться пустое пространство, через которое неприятель мог бы войти беспрепятственно в четырехугольник, внутри которого следовали: кавалерия, обоз, больные, раненые и все то, что не составляло, в известный момент движения, прямую боевую силу колонны. Сверх того, боковые прикрытия должны были находиться на таком расстоянии от дороги, по которой следовал обоз, и вообще главная колонна, чтобы таковая не могла быть обеспокоиваема неприятельскими выстрелами…

Не меньшим трудностям и опасностям подвергался и арриергард, при продолжительном отступлении лесом, от наседающего на него неприятеля. В таком случае требовалось от него не меньшей стройности, осторожности и неразрывности в действии, как и от боковых прикрытий, — и самым лучшим строем было отступление пехоты «перекатными цепями» с непрерывным огнем артиллерии…

Что касается авангарда, то действия его становились серьезными только в таком случае, если на пути следования встречались завалы, а и того хуже — топкие речки и канавы с испорченными на них переправами.

Для овладения завалами употреблялись обыкновенно обходы. Устранение же препятствий на топких ручьях и канавах заключалось в поспешном устройстве мостов, для чего полезно было возить с собою готовые складные мосты.

Для лучшего изъяснения и уразумения наших действий, остается очертить действия чеченцев против нас в трех главных случаях: 1, при защите их во время нападения наших небольших отрядов на их жилища и скот, при уничтожении засеянных полей и сожжении сена; 2, при истреблении их аулов самостоятельными отрядами, и 3, во время прорубки просек и проложения путей внутри их лесов и главного их населения.

Самое ожесточенное сопротивление оказывали чеченцы при защите своих жилищ, в том случае, если семейство и имущество находились в опасности. Это доказывалось большими потерями в наших войсках при нападении на их аулы. Происходило же это оттого, что мы должны были действовать на местности трудно доступной и мало известной.

Чеченцы, захваченные врасплох, если не успевали спасти свое семейство и имущество, запершись в своих саклях и поражая нас метким огнем через окна, погибали под развалинами своих жилищ. Если же они успевали спасти свои семейства и имущества, то, оставляя свои жилища на наш произвол, начинали ожесточенное преследование при нашем отступлении, и тут-то они показывали полное искусство в лесной войне.

Нужно было удивляться той изумительной быстроте, с которой они окружали отступающий отряд. То преградят путь отступления на топкой речке или канаве; то ударят на арриергард на такой же затруднительной переправе; то

бросятся с гиком в шашки на боковое прикрытие. А между тем меткие их выстрелы поражают то здесь, то там. Боже упаси, если при этом произойдет малейшее замешательство или оплошность от нераспорядительности начальника, тогда мгновенно увеличится число раненых и убитых. С изумительной быстротой собирались чеченцы по крикам и выстрелам пастухов и караульщиков при угоне их скота, уничтожении полей и стогов сена, а во время преследования дрались с неменьшим ожесточением и искусством.

Здесь кстати заметить, что чеченцы с большою сметливостью и искусством вредили нам, если они действовали врассыпную и по собственному побуждению и увлечению. Действуя в массах и под предводительством своих наибов, а тем более Шамиля, как это бывало при проложении просек и дорог, а также при истреблении аулов самостоятельными отрядами, в чеченцах не только не видно было искусства, ловкости и энтузиазма, но они становились трусами. Иначе и не могло быть; ведь они не привыкли стесняться чем-нибудь и повиноваться приказаниям других; а тут их ставили в строй при орудиях и угрожали смертью в случае потери таковых, или в том же строе вели их в лес и, поставив в засаду, приказывали стоять тихо до тех пор, пока не будет дан сигнал.

— Зачем наибы строят нас, как русских, и запрещают нам драться, когда мы желаем. Мы лучше их знает, где и как с ними драться, — шептались между собою с явным неудовольствием чеченцы, находясь в засаде. Зачем имам заставляет беречь эти проклятые русские орудия и зачем за потерю их будет «секим башка»? Мы — джигиты и привыкли сражаться с русскими лицом к лицу, а не быть от них за версту и более, — говорили между собою, горячась, конные чеченцы, охраняя артиллерию.

— У нас не будет более джигитов, — прибавляли со вздохом старые чеченцы.

И они были совершенно правы, потому что боязнь из-за потери орудий сделала их до того робкими, что, завидя издали нашу кавалерию, немедленно снимались с позиции, даже защищенной естественными препятствиями.

Для полноты очерка действий чеченцев остается сказать о тех решительных моментах, когда они бросались на наши войска в шашки. Это они делали всегда неожиданно для нас, преимущественно производя такой удар в лесу из-за завалов или во время разрыва и замешательства в боковых прикрытиях и арриергарде.

Этот удар совершался с неимоверной быстротой и с неистовым гиком, в котором звучала самая смерть. Но, несмотря на ловкость и искусство, с которым вообще чеченцы умели владеть холодным оружием, несмотря на остроту лезвия шашки, соединенной с другими ее достоинствами, редко когда они торжествовали в рукопашном бою.

Это происходило как оттого, что штык, насаженный на ружье, был более длинным оружием, нежели шашка, так и по той причине, что каждый из наших приземистых егерей, не говоря уже о рослых мушкатерах и могучих гренадерах, был физически сильнее каждого чеченца; а потому случалось, что приклад и даже кулак повергал чеченца наземь замертво.

— О, урус крепкий человек, большой рука у него, — говорили чеченцы, поднимая вверх сжатый свой кулак.

— О, урус умеет баран и лошадь корабчить (захватывать) и шалтай-балтай делать (говорить), — прибавляли они, покачивая головой и причмокивая.

V.

Переезд за Терек. — Методическое движение отряда по Кумыкской плоскости. — Ермоловская Внезапная во время блокады Кази-Муллою. — Настоящая Внезапная. — О кумыках.

По возвращении из Грозной, мне пришлось опять скучать от безделья около десяти дней в Червленной и, притом, слушать брань моей новой, морщинистой хозяйки…

В последних числах мая генерал-адъютант Нейдгард с генералом Гурко переехали в Щедрин, а за ними перебрались туда же штабы главный и чеченского отряда, а с ними переехал и я двадцативерстное расстояние на почтовых казачьих лошадях…

Пребывание мое в Щедрине разнообразилось служебными поездками, между прочим и в отряд, расположенный на правом берегу Терека у Амир-аджи-юрта и состоящий из десяти батальонов навагинцев, тенгинцев, замосцев и любинцев, двадцати пеших, конных и горных орудий и шести сотен казаков.

Все эти войска состояли под временным начальством генерала Полтинина, который во время командования своего Навагинским полком обратил на себя внимание как своими оригинальными выходками, так храбростью и ранами…

Сам же Николай Петрович не слыл за распорядительного генерала, и ему в первый раз пришлось заведывать отдельным отрядом. Но и это временное командование обошлось для него не вполне удачно, как можно убедиться из следующего происшествия, доказывающего молодечество и удальство чеченцев.

Как уже известно, на правом берегу Терека у Амир-аджи-юрта, с начала апреля, для приготовления сухарей, сосредоточены были пять баталионов навагинцев и тенгинцев. Эти войска при восьми орудиях, будучи расположены лагерем в одну линию тылом к Тереку, имели на правом фланге прилегающий к

Умахан-юрту лес, связывающийся с лесом, растущим по Качалыковскому хребту и Сунже.

Чеченцы, беспрепятственно следившие из этого леса (оставленного с нашей стороны без наблюдения) за нашими действиями, нападают на артиллерийских и подъемных лошадей, пасшихся впереди лагеря в то время, когда отряд, приготовляясь к инспекторскому смотру, чистил ружья и аммуницию. Это нападение, исполненное несколькими сотнями джигитов, было столь неожиданно, что когда генерал Полтинин со своими навагинцами собрался в погоню за неприятелем, то на месте пастьбы, кроме нескольких изрубленных и израненных ездовых не осталось ни одной лошади. Только отдаленный, движущийся по направлению к Качалыковскому хребту, столб пыли указывал на чеченцев, быстро скакавших за лошадьми, запуганными выстрелами и гиканьем.

Но как в нашем мире всему есть конец, то наступил конец и нашему пребыванию на Тереке. 10 июня, переправившись рано утром у Амир-аджи-юрта на пароме через эту, по-прежнему бушевавшую, реку, мы двинулись с отрядом на Таш-Кичу.

Переход был не велик — в восемнадцать только верст, но войска расположились на ночлег у Таш-Кичу, — этого небольшого укрепления, построенного Ермоловым, с сумерками. Такая медленность в движении произошла от слишком большого и неуместного методизма. Требовалось, чтобы при переходе через мосты и гати отряд стягивался, а так как на Кумыкской плоскости бездна канав, проведенных для орошения полей, то и приходилось авангарду беспрестанно останавливаться. Притом много было возни при расположении отряда на ночлег. Приказано было расположить его правильным четырехугольником, тогда как не было для этого места. Такие педантические распоряжения были совершенно бесполезны и до крайности утомительны для войск, тем более что был очень жаркий день.

Переход от Таш-Кичу до Внезапной в двадцать пять верст совершен был еще с большими предосторожностями, как будто бы мы двигались в виду неприятеля, тогда как о нем не было и слуху; притом на Кумыкской плоскости жили преданные нам кумыки.

Сколько было хлопот для меня и других офицеров генерального штаба, чтобы обеспечить переправы на Яман-су и Ярык-су, а также следование отряда через лесистое пространство между Аман-су и Акташем и по крутому спуску к этой реке. Платье мое было изорвано в нескольких местах, лошадь моя искалечена колючкой или дерезой. Сильно пострадали от этого, в изобилии растущего, кустарника обувь и платье нижних чинов, следовавших в боковых прикрытиях.

Не мало хлопот было и при расстановке лагеря на правом берегу Акташа, возле деревни Андреевой…

Пользуясь двухдневным отдыхом, я с некоторыми из моих штабных товарищей, в сопровождении достаточного эскорта, осмотрел окрестности Внезапной. Ездил на Чумлы, где был расположен Кази-Мулла в 1831 году, во время восемнадцатидневной блокады старой Внезапной. Осматривал место прежней Ермоловской крепости, прославленной мужественной защитой ее во время этой блокады. Был на Воровской балке, где происходил кровавый бой скопищ Кази-Муллы с батальоном 40 егерского полка, ведомым полковником Шумским на спасение Внезапной …

Между тем настоящая Внезапная, будучи построена над обрывистым правым берегом Акташа, но имея воду от себя только в нескольких саженях, не могла встречать в ней недостатка. Сверх того, она могла с удобством обстреливать как верхнюю часть ущелья, обращенного к Ауху, так, в случае надобности, действовать против Андреевой, от которой она отстояла сажен на полтораста.

Что же касается фигуры, величины и вооружения, то новая Внезапная не отличалась от прежней. Только небольшой красивенький форштадт, а также более деятельная и веселая жизнь в новой крепости доказывали, что в составе ее гарнизона произошла перемена. И такая перемена совершилась с нею с того времени, когда она сделалась штаб-квартирой Кабардинского полка. А этот боевой полк был переведен из Кабарды на Кумыкскую плоскость в конце 1842 года.

Однако как бы весело ни жил Внезапненский гарнизон, а такого веселья и многолюдства он не слыхал и не видел, как со времени прибытия в крепость чеченского отряда во главе с корпусным командиром генерал-адъютантом Нейдгардом, окруженным многочисленным штабом и конвоем. Число одних генералов, князей, графов, адъютантов и других штабных чинов равнялось комплектной роте…

Глава оказывается довольно длинною, а только мимоходом упомянуто о деревне Андреево, вокруг которой не я один, а целый отряд, вертится третьи сутки; о кумыках же, землю которых мы попираем седьмые сутки, и того менее сказано.

Между прочим, как видно из заглавия этой главы, я имел в виду сказать что-нибудь об этом народе, не касаясь отдельно ни Андреевой, ни других аулов, к чему теперь и приступаю.

Сколько известно, кумыки с шамхальцами одного начала и судя по языку — татарского происхождения.

По историческим фактам мне не известно, была ли заселена первоначально Кумыкская плоскость или шамхальские владения. По преданиям же оказывается, что Кумыкская плоскость, т. е. почти квадратное пространство, ограниченное Каспийским морем, Сулаком, Качалыковским хребтом и Тереком, поступила в удел «чанки» или побочного сына одного из шамхальских владетелей…

Кумыки, сколько известно, отличались миролюбивыми наклонностями и, если бы не соседство столь воинственно хищнического народа, как чеченцы, то тишина и спокойствие не нарушались бы между ними.

Их любимым занятием было земледелие, чему в особенности способствовала и та местность, на которой они поселились, как богатая и изобильная водою. Сулак, Акташ, Ярык-су, Яман-су и Аксай до такой степени обильны водою, что канавы, проводимые из них, вполне достаточны для орошения их полей, обработываемых под «чалтык» или сорочинское пшено, просо, кукурузу, пшеницу и марену. Достаточно было и покосных мест для прокормления лошадей, рогатого скота и овец. Не было недостатка и в лесе, окружающем Кумыкскую плоскость с юго-запада и севера.

Кумыки по миролюбивому своему характеру не выражали своего явного неудовольствия и тогда, когда начали их стеснять в поземельной собственности: с одной стороны чеченцы, селившиеся по Качалыковскому хребту, с другой стороны мы, русские — строившие наши крепости и поселения. Кумыки продолжали миролюбиво заниматься обработкой своих полей, не обращая особенного внимания на треволнения, происходившие в горах при Кази-Мулле и Шамиле, и только по необходимости покорялись сильнейшему, как это случилось с ними в 1831 году, при появлении на Кумыкской плоскости Кази-Муллы. Кумыки управлялись тремя княжескими фамилиями: Хасаевыми из кабардинского рода (по женскому колену) Бековичей, Казаналиповыми и Хамзиными. Из них первые жили в Аксае, вторые — в Андреевой. а последние — в Костеке. Эти три аула, но местожительству в них князей считались первостепенными и многолюдными.

За князьями следовали «узденя», жившие в одних с ними аулах, или отдельно, как например Темировы, по имени которых и то место, в котором они жили, называлось Темир-аулом.

За узденями следовал самый многочисленный класс «свободного кумыкского народа», обязанный за право владения землею, исключительно принадлежащею князьям, отбывать разного рода повинности, или платить десятинную подать. На этих основаниях существовали Баташ и Энгель-юрты, заселенные одними чеченцами.

Если не ошибаюсь, то и узденя обязаны были некоторою повинностию: так, например сопутствовать князьям в их поездках, в известных случаях посылать баранов.

У кумыкских князей и узденей имелся класс рабов обоего пола, называвшихся «кулами». Они составились, как и у чеченцев «лаи», из пленных, захваченных в былое время и переходящих из рода в род.

На кулах хотя лежала самая тяжелая домашняя работа и, хотя они составляли неотъемлемую принадлежность владельца, но все-таки жизнь их была не в пример легче прозябания чеченского лая. Это происходило от более доброго и человеколюбивого направления характера кумыков.

Кумыки — строгие мусульмане, чтут Коран и исполняют с точностию в нем предписанное. Не только эфенди и муллы, но князья и узденя знают изустно Коран и читают если не по-арабски, то по-татарски. Между ними много «хаджей», то есть ходивших на поклонение гробу Магомета…

Текст воспроизведен с нашими сокращениями по изданию: Ольшевский М. Кавказ с 1841 по 1866 г. - СПб. : Изд-во журн. "Звезда", 2003. С. 22-90.

Приложение.

Записки М. Я. Ольшевского. Кавказ с 1841 по 1866 год. Ч.3.

I.

Прощание с Грозной. Дорога от этой крепости до Тифлиса.

…15-го сентября 1853 года, тогдашний начальник левого фланга Кавказской линии генерал Александр Евстафьевич Врангель, во время обыкновенной утренней прогулки, подъехав к раскрытому окну, возле которого я занимался, поспешно сошел с лошади. В руках у него была бумага.

—Вас требуют в Тифлис, и очень экстренно... Вот письмо, только что мною полученное, проговорил он, видимо недовольный, подавая мне письмо. Оно было от начальника главного штаба и содержало предписание главнокомандующего о немедленном отправлении меня в Тифлис…

Так как о моем проезде по Сунженской линии было послано открытое известие, а потому я не встретил нигде задержки.

Тройка лошадей и небольшой конвой, от 4 до 6 казаков, были везде готовы…

Несмотря на то, что, пробыв около часа в ст. Слепцовской, у начальника Сунженский линии, полковника Мезенцова, того самого, который,

командуя Алексапольским полком, был убит под Севастополем, я приехал во Владикавказ не позже полуночи и остановился в единственной, можно сказать, в то время порядочной гостинице Лебедева. Здесь же был клуб, где проводило время за картами и в танцах небольшое владикавказское военное общество…

Владикавказская крепость с форштадтом по обороне и вооружению находилась в плохом состоянии…Со стороны Кавказского хребта или с юго-востока примыкал осетинский аул, — пристанище разных плутов и мошенников из осетин и назрановцев.

Нельзя сказать, чтобы в описываемое время владикавказские жители пользовались тишиною и спокойствием. То в лесу, когда пойдут за дровами, подстрелят кого-нибудь, то нападут на запоздавшего проезжающего, то угонят с пастьбы несколько лошадей или быков. Иной раз в темную или ненастную ночь, раздавались выстрелы и самой крепости, а иной раз совершались в ней хищничества и даже убийства.

Хотя все это совершалось мирными назрановцами, осетинами и кабардинцами, которых иногда и уличали в преступлении, но большею частью сваливалось на чеченцев, неповинных в этом ни душой, ни телом.

Виною этому была наша беспечность и дурной полицейский присмотр несмотря на то, что караулов было много, а часовые встречались на каждом шагу. Главное — не было надлежащего присмотра за осетинским аулом, притоном, в то время, воров и мошенников.

Из Владикавказа я выехал очень рано, исполнив все, как желал. В то время не было шоссе до поста Редантского. На этом восьмиверстном расстоянии дорога пролегала по черноземе и вязкой глине, которая от дождей, часто перепадающих, была трудно проезжею.

От Реданта, занятого небольшим числом пехоты и казаков, начиналось природное волнообразное шоссе. Песчано-известковые горы. поросшие в низменных частях преимущественно чинаром, дубом, ясенью, кизылом, боярышником, а на вершинах небольшими соснами и елями, — были первыми предгориями. Балта, отстоящая от Владикавказа в четырнадцати верстах, была первая станция, населенная преимущественно женатыми нижними чинами путей сообщения. Здесь же было пребывание и дистанционного начальника.

Проехав от Балты восемь верст по дороге, проходящей над самым Тереком, укрепленным беспрестанными дамбами, горы расходятся. На песчаной и каменистой равнине находилось Джераховское укрепление, то самое, куда намеревался проникнуть Шамиль из Галашек в 1852 году. Оно было выстроено из камня четырехугольником, с казематированными стенами, фланкируемыми башнями. В нем находилось несколько рот пехоты, и оно было хорошо

вооружено. Название свое получило от ущелья и общества, против которого находилось.

Джерахи — небольшое общество чеченского происхождения, состояло из нескольких аулов, в десяток сакель каждый. По Джераховскому ущелью против укрепления разрабатывалась вьючная дорога, по которой можно было обойти назрановцев, галашевцев и кистов. Но эта дорога, стоившая большого труда, была мало полезна, потому что от частых земляных обвалов и разрушений после дождей была трудно проходима.

От Джераховского укрепления до станции Казбек на расстоянии двадцати шести верст дорога проходит глубоким ущельем…

Чтобы добраться от Джераховского укрепления до Дарьяльского ущелья, нужно было проехать казачий пикет на камне, станцию Ларс и переправиться по мосту через Терек на правую его сторону…

На шестой версте от Ларса. был переброшен каменный красивый, но непрочный, как оказалось на деле, мост…

За этим мостом начинается Дарьяльское ущелье, получившее это свое название, по легенде грузин, от злого духа, здесь обитавшего. На четвертой версте от моста находилось Дарьяльское укрепление. Оно было выстроено продолговатым четвероугольником на две роты с бойницами, фланкируемое небольшими башнями и вооруженное двумя орудиями…

Проехав две, три версты от Дарьяльского укрепления, вы видите вправо Казбек во всем его величии и то ущелье, но которому скатывались с него огромные завалы. Тут же немного впереди на небольшой площадке пестреются десятка два каменных сакель. Это осетинское селение Гулеты, получившее свое название от ущелья, или наоборот ущелье от селения, — наверное не знаю…

Впрочем, Гулеты подвергались затоплению и от небольших завалов; но только этому разрушению подвергались одни пустые дома потому, что жители, привычные по признакам узнавать обрушение завала, за несколько дней до его падения, уходили и увозили с собой все свое небольшое имущество По падении же завала, приходили опять на залитое и разрушенное водою место, и снова поселялись, зная, что они покойно проживут семилетие, если не более, несмотря на то, что их местожительство, столь опасное, мало представляло удобств к жизни. Столь дорога человеку привязанность к родным полям, а тем более горцу, где так мало земли удобной для хлебопашества или для пастьбы скота…

Текст воспроизведен с нашими сокращениями по изданию:Ольшевский М. Кавказ с 1841 по 1866 г. - СПб. : Изд-во журн. "Звезда", 2003. С. 273-275.

Первоисточник: Записки М. Я. Ольшевского. Кавказ с 1841 по 1866 г. // Русская старина. Т.81. Вып. 2. 1894 С. 63-73.

* * *

Ю. ШИДЛОВСКИЙ.
ЗАПИСКИ О КИЗЛЯРЕ (1843 г.)

Кизляр – крепость и город, на протяжении длительного исторического периода являлся военно-административным и торговым центром Российской империи на Северном Кавказе. Будучи учрежден в 1735 г. как крепость - Кизляр продолжил традиции предшествующих российских укреплений в регионе - Терского города (1588-1726) и крепости Святого Креста (1722-1735).

Вместе с тем в продолжении XVIII - первой половины XIX в. одна из слобод Кизляра – Окочанская (Акоцкая), «Окочирская», основанная с конца XVI в. под стенами еще Терской крепости, оставалась населенной выходцами из чеченских обществ, главным образом Ауха/Аькки (Терско-Сулакское междуречье) и Мичигиша (Нахч-Мохк, Восточная Чечня).

В 1843 г. в Кизляре побывал петербургсий чиновникЮ. Шидловский, с большой вероятностью сотрудник Министерства внутренних дел, обладавший редкой наблюдательностью и хорошим литературным стилем. Он, помимо анализа экономического состояния города, дал много живых зарисовок и рассказал много интересного о событиях в Кизляре во время штурма крепости и посадов летом 1785 г. шейхом Мансуром (видимо по воспоминаниям городских обывателей).

К сожалению, о самом авторе сведений практически нет. Известно только, что Шидловские являлись дворянами Харьковской губернии, а один из них, возможный автор данного текста, Юрий Ефимович Шидловский (1807 г.р.), был причастен к «словесности» и с 1848 по 1856 г. работал цензором в Санкт-Петербургском комитете.

Записки Ю. Шидловского в части, касающейся Кизляра были опубликованы в 1843 г. в журнале Министерства внутренних дел Российской империи[160]; согласно положению данное министерство занималось не только делами внутреннего управления, полиции, цензуры и почты но и имело «попечение о производительных силах» страны.

Мы приводим текст без сокращений, с авторскими комментариями (сноски на которые выделены цифрами полужирным шрифтом) вынесенными нами в конец, сохранив оригинальную даже для середины XIX в. орфографию Ю. Шидловского.

---

[160][ШидловскийЮ.]. Записки о Кизляре // Журнал Министерства внутренних дел. Ч.4. СПб.: Б/и. Тип. М-ва внутр. дел, 1843. С. 161-208.

[ШИДЛОВСКИЙ Ю]. ЗАПИСКИ О КИЗЛЯРЕ (1843)

I.

Степи. Природа за Тереком. Состав и разделение Кизляра. Церкви. Мечети. Шииты. Суеверие Шиитов. Домы. Улицы. Татаулы. Лавки. Базары. Ясырь-Базар. Топольская-Роща, и в ней богомолья и народные гулянья. Терек. Предположение об устройстве удобного судоходства по Тереку.

За Моздоком, по пути к Кизляру, Кавказские Степи приметно склоняются к Каспийскому Морю, и принимают вид более дикий и пустынный. Налево от дороги мелькают вышки кордонных казаков, с часовыми при «маяках»[1]; а направо, в синей дали, идут грядами Кавказские Горы, которых снежные, вершины белеют на горизонте как облака, озаренные солнцем.

В Науре почтовая дорога расходится две стороны: на юго-восток вьется она по прибрежным станицам до Амир-Аджиюртовской Переправы[2], а на северо-восток идет к Кизляру, в край песчаных степей. Так-называемые «солончаки», глубокие, облепленные солью, ямы, разбросаны по степи, будто пустые чаши. Желтинник, дикая конопля, бурьян и седой ковыль, пестреют по сторонам дороги, а вдали чернеют дымящиеся кибитки Каранагайцев.

Летний зной в безводных пустынях, комары и другие насекомые, делают дорогу по пескам чрезвычайно утомительною. С приведением в настоящее время в большее устройство почтовых станций, проезжающие, не встречают
уже тех остановок, какие случались здесь прежде. Бывало, захватив арканом в степи диких бегунов, Нагаец впрягает их кое-как под проезжающего. В это время, толпа Нагайцев становится перед лошадьми, и держит их за гривы. Потом, когда почтарь и путник сядут по местам, толпа расступается, и лошади пускаются во весь дух, целиком по бугристой степи. Нагаец нисколько их не удерживает; напротив гонит громкими криками и пронзительным свистом, стараясь направить к стороне, где находится следующая станция. Так промчавшись несколько верст по песку, в жаркий полдень, лошади нередко падали на дороге, или, измучившись, едва доходили медленным шагом до места. Были случаи, что от подобной езды ломались, опрокидывались экипажи, и проезжающих поднимали замертво, засыпанных песком, покрытых насекомыми, которыми кипит раскаленная степь.

У Карагаглинки, Грузинской деревни, в 9 верстах от Кизляра, устроена паромная переправа через Прорву[3]. Обилие и разнообразие произведений южной природы очень заметно за этим широким и быстрым рукавом Терека. Тучные

стада рогатого скота и овец покрывают сочные долины; повсюду зеленеют «чалтуки» (рисовые посевы) и виноградники. Огнистые фазаны и тяжелые стрепеты летят к вам на встречу; куропатки выбегают на дорогу; дикими голубями и куликами разных видов покрыты прибережья; журавли и цапли бродят стаями по болотам, лебеди плавают по заливам; простые дикие утки и красные утки или гагары, красные чапуры, дикие гуси, каравайки, колпицы, чайки, жаворонки с черным ошейником, и другие птицы и птички, криком наполняя воздух, летают перед вами, над вами. Люди различных племен и поколений, черные, белые, оливковые, в бурках, пестрых халатах, чухах, ергаках, черкесках, тулупах, с таким-же разнообразием шапок, встречаются вам ежеминутно, то верхом, то пешие, то в арбах.

За 7 верст от Кизляра начинаются сады. Это не дорога: это прелестная, ароматная аллея, отененная по обеим сторонам высокими, стройными раинами, и орошаемая глубокими, проведенными из Терека канавами, из которых вода с шумом разливается по садам и виноградникам. Персики, абрикосы, винные ягоды, белые сливы, грецкие орехи, между тутовыми и черешневыми деревьями, выглядывают из-за колючей ограды.

Выехав из этой очаровательной аллеи и миновав Грузинское-Кладбище, вы усматриваете вдали Кизляр, раскинувшийся на широкой равнине, по-левую сторону Терека. Винная душная атмосфера начинает обдавать вас, когда вы подъезжаете к городу. Скворцы поднимаются с дороги в таком множестве, что затмевают над вами свет солнца.

Кизляр составляют: Город, Крепость, Солдатская-Слобода, и полевое строение, называемое Татарами «Кирды-аул».

К Городу принадлежат: 1) Армянское отделение, или слобода «Арментир»; 2) Грузинская слобода «Курце-аул»; 3) Станица Терских Казаков; 4) Отделение Новокрещенцев, или «Кристи-аул»; 5) Татарское отделение, населенное Персиянами (Тезик-аул), Нагайцами и Кумыками (Окочир-аул)[161] и Казанскими Татарами (Казанте-аул).

Земляные валы Крепости возвышаются уединенно на широкой равнине, между Солдатскою Слободою и Городом. В ней помещаются, кроме казарм и других военных принадлежностей, Окружное Казначейство, Острог, Провиантской и Соляной Магазины. Внутренний и наружный вид Крепости наводит уныние: пустота и неизменяемая однообразность. Каменная соборная церковь, во имя Казанской Божией Матери, белеет посредине площади; подле глубокий колодезь, осененный двумя шелковицами, по-времени почти

[161]Тюркизация чеченцев-окочан Терека на протяжении XVIII–XIX вв. становилась все более заметной, но и в описываемое время кизлярские чеченцы населявшие Окочинскую слободу еще не потеряли национальную идентичность . – Прим. составителя.

ровестницами крепостным валам. Северные и южные ворота Крепости забиты наглухо; а прочие, подъемными мостами на чугунных цепях, напоминают времена, когда пароль и лозунг были здесь не простым повторением военного артикула. Чугунные пушки, не стрелявшие со времени нашествия на Кизляр Ших-Мансура до набега Казы-Муллы, мирно покоятся на стенах. Вода, во рве кругом, подернулась зеленью, заросла камышем, в котором раздается по ночам пронзительный крик кулика и дикой утки, когда часовые заведут свое протяжное: «слушай!».

Солдатская Слобода, или просто «Слободка», лежит недалеко от Крепости, на запад. Отставные и служащие военные и гражданские чиновники, приказные присутственных мест, инвалиды, солдатские жены, и многие мещане, живут в этой отдаленной части города. Русские и проезжающие имеют приют по-большей части в Слободке, потому-что Армяне и Грузины, да и прочие жители Кизляра, выключая Русских, неохотно пускают к себе в дом пришлецов, кто бы они ни были. В Слободке помещается наймом Почтовая Контора со Станцией.

«Кирды-аул» широким пустырем отделен от всего города. Там множество виноградников, садов и огородов, принадлежащих разным жителям Кизляра.

Церквей Православных в Кизляре 5: Собор в Крепости, Кресто-Воздвиженский мужеский монастырь, Грузинская церковь во имя Живоносного Источника, Станичная и Кладбищенская «Николы»[4]. Две первые из них каменные. В Грузинской церкви служба совершается на Славянском языке, а Евангелие читается на Грузинском.

Кроме Православных, находятся еще в Кизляре 3 церкви Армянские: одна во имя Апостолов Петра и Павла, каменная, замечательная по своей величине и богатству; другая во имя Успения Божией Матери, самая древняя в Кизляре; остальная, на Кладбище.

В храмах Армянских, во время священнослужения, молящиеся стоят большей частью в шапках, особенно старики; некоторые сидят на полу, поджав под себя ноги и перебирая в руках чотки. Женщины, закутанные в «чадры»[5], из-под которых виден только нос и светятся черные глаза, сидят взади церкви. Старые Армянки богомольны, и усердно ходят в церковь. Но из молодых есть многие, которыеникогда не бывали в церкви, и имеют об ней понятие только по наслышке от других. Причиною тому азиятская ревность, стерегущая женщин от стороннего глаза, как заветное сокровище. Духовенство оказывает снисхождение к этому остатку восточных обычаев, который может быть истреблен только успехами общественного просвещения.

Мечетей в Кизляре 5, все деревянные. Крик мулл протяжным напевом раздается каждое утро и вечер с минаретов. Положа голову на левую ладонь, они

кричат: «Проснитесь, вставайте, Правоверные! Молитва лучше сна. Нет Бога, кроме Бога, Мугаммед пророк Его. Проснитесь, вставайте»!...

Совершив дома омовение, скинув туфли или «чевяки» у дверей мечети, Мусульманин робко вступает в дом молитвы. С трубкой в зубах, в косматой шапке, сидит он на полу мечети, тяжело вздыхая из глубины сердца и, порой, звучно ударяя себя в грудь ладонью. Часто случается видеть, что дикой Кумык, простершись на голом полу, более получаса лежит безмолвный, и слезы ручьем текут из его глаз в щели растрескавшегося помоста. Но о чем он так горько крушится, о чем молится так пламенно?. . . Емухочется коня, который уносил-бы его от тоски сидеть дома и от пули Русского солдата; у него не умирает долго слепой отец, томящийся старостью; он боится, чтобы лицо любимой жены его не испортила злая оспа... А то, что он вчера еще украл у соседа лошадь, что утащил Армянина за Терек и там его продал или зарезал: о! это не приходит ему и в голову в часы молитвы, или если приходит, то как доброе, святое дело, как заслуга пред Богом…

При мечетях заведены школы, где дети Магометан с утра до вечера читают на распев Коран, и выписывают от правой руки к левой, тростниковым пером, обмакиваемым в туш, арабские буквы. Муллы, занимающие места учителей, получают за труды от родителей учащихся довольно значительную плату. Говорят, что в одной из мечетей Кизлярских учил детей известный в-последствии своими разбоями Казы-Мулла.

Большая часть Кизлярских Мусульман, Шииты, то-есть чтители памяти несчастного Алия, двоюродного брата и зятя Мугаммеда, который пал жертвой междоусобий, возникших между Правоверными тотчас по смерти Пророка. Сходные в основаниях веры с Суннитами, как называют себя прочие Мусульмане, проклинающие Алия, они разнятся от них в подробностях догматов и во многих религиозных обычаях. Кизлярские Шииты отличаются особенною верою в талисманы, которым приписывают разные целебные свойства. Это стихи Корана, зашитые в шелковые мешечки, или земля с могил Дервишей, прославившихся на Востоке. Земля с могилы Сайгара лечит, будто-бы, от тоски; с могилы Дадагната — от сумасшествия; с могилы Сафгямида — от укушения змей. Есть талисманы для рогатого скота и для лошадей. Мешечек со стихами Корана зашивают в одежду на спину или на грудь, а землю пьют с водою, окуриваются ею, и также зашивают в одежду.

В Кизляре, выключая казенных каменных зданий в Крепости, нет ни одного каменного дома; деревянных-же на каменном фундаменте очень много, и есть большие и красивые. Дом Арешевых со львами на воротах, Калустова, Калантарова, Серебрякова, Баяндурова, Ходжаева, Буржалова, Авакова, и другие, не устыдились-бы стать наряду с хорошими домами городов губернских.

Домы богатых Армян построены, по-большой части, с двумя на двор крыльцами, соединенными галлереею с большим навесом. Одну половину дома занимает женское отделение, которое по-наружности отличается от мужского окнами с железными решетками красного цвета. Ворота во всякое время на-замке. Для прислуги, поставлены сакли по обе стороны широкого двора, где также помещается домашний скот, птица, и всякая всячина. Четвертую сторону квадрата в некоторых домах занимает огромное деревянное строение: водочный завод, из-за которого выглядывает суковатый «цебер» (журавль) колодезя. Затем следует виноградный сад, разрезываемый во многих местах ручьями из канавы, проведенной в город из Терека для напоения виноградников. Аллеи сада приводят к двухэтажной беседке, осененной абрикосовыми и тутовыми деревьями. В отдаленных углах двора стоят пустые бочки, иногда «казгири» и другие садовые орудия, после работы еще не прибранные в сакли.

Домы бедных жителей, которых первостатейные граждане называют презрительно «парцац», что по буквальному переводу значит «чистый», строятся из плетня, обмазанного глиною, смешанною с рубленой соломой и шелухой, или кладутся из несженого крупного кирпича, или-же для стен ставят два плетня и набивают пространство между ними землею и песком. Крыши плоские, земляные, поросшие травой. Они служат летом убежищем от духоты, а иногда на них пасутся козы и овцы. Жилища из несженого кирпича известны под названием «турлучных строений», а делаемые из плетня под названием «саклей». Как те, так и другие, непрочны, и, по сырой почве земли, вредны для здоровья.

Большая улица в Кизляре одна. Начинаясь от площади, окружающей Крепость, она идет прямою линией до площади каменной Армянской церкви, откуда поворачивает под прямым углом направо, и далеко тянется в направлении к Тереку до Татарского Базара. Чистота на улицах, особенно глухих, совершенно азиатская. Летом от сору, выносимого из домов, нет свободного прохода, а весною и осенью ни прохода, ни проезда, от грязи, которая в декабре и январе замерзает волнами. Горе неопытному, если он, не предузнав оттепели, пойдет через улицу! Часто случается, что арбы, встретившись в переулках Арментира, не могут по тесноте и глубокой грязи разъехаться, загрязают, и остаются так до весны или до самого лета. «Татаулы», как называют в Кизляре узкие канавы, проведенные из Терека в сады, проходя в нескольких местах по городу, не принимают уличных стоков: что необходимо было-бы устроить для пользы города. Если-б провести из Терека еще один татаул и соединить его поперечно с существующими канавами, тогда можно было-бы ожидать большей опрятности в многолюдном городе и большей свежести воздуха среди нестерпимых летних жаров. Кроме неопрятности и грязи, «чапра», то-есть дрожжи с водочных заводов, которою наполнены глубокие рвы, заражает гнилостью воздух. Вот

причины упорных болезней и большой смертности в Кизляре, прибавляя к тому обжорство незрелыми плодами, особенно персиками, абрикосами, виноградом, дынями и проч. Окрестные болота, образуемые разливами Терека, также имеют влияние на климат Кизляра.

Лавки, при значительной торговле Кизляра, находятся в жалком положении. Их два отделения: красные лавки с суконами и разными материями, и лавки овощные. Галантерейные вещи, стекло, фарфор, железо и проч., находятся в овощных лавках. «Дуканов», как называют здесь все лавочки, множество. Они рассеяны по всем частям города, более в кварталах Татарском и Армянском. В одном из таких дуканов продается и «чихирь»; в другом, кроме чихиря, серные спички, персидский табак и русская махорка со всеми принадлежностями курения, и тут-же рядом, на отворенном окне, хлеб и кислое молоко. Вся торговля такого дукана простирается не более как рублей на 30 сереб. Лень и праздность, по туземной дешевизне жизненных потребностей, довольствуется немногим; а «чуха», или кафтан из горского сукна, испещренный кожаными заплатами, не имеет моды. Парцац не знает приличия, по которому у нас стыдно «выйти в люди» мужичку без пояса, или купцу в кучерской шапке.

Кроме означенных лавок и дуканов, находятся в Кизляре еще, за Городом, лавки и балаганы для ярманок, которые собираются в Троицын День и 12 октября.

Базаров два: Татарский и Армянский. Первый помещается у Большой Мечети, в соседстве Татарских дуканов; другой от овощных лавок и Терека идет вдоль по татаулу, занимая площадь против Крепости.

Армянский Базар, разнохарактерностию своею и смешением языков, напоминает священное предание о Столпотворении Вавилонском.

Осенью при резке винограда, весною при «торкалах», а летом при «зеленой подвязке»[6], вся площадь между Городом и Крепостью усевается Горцами, которые приходят толпами в Кизляр на работу. Каждое племя располагается на площади отдельным кружком, сидит на ногах, с коротенькими в зубах трубками, большая часть без рубах, закрывая черную грудь лоскутом косматой бурки. По овчинным шапкам разных покроев можно назвать имена и места аулов, откуда пришли дикари. В ожидании нанимателя они говорят, или, выражаясь по тамошнему, «лапочут» без умолку, скаля свои белые, как слоновые клыки, зубы. Воровство и разбой, пшеничный хлеб и порох — хлеб как высочайшее лакомство, а порох как вся надежда будущности — составляют обыкновенный предмет их разговоров. Впрочем, и на самых лицах их, ярко выразительных, весьма понятно читаются единственные мысли, которые их занимают: «У меня нет ни куска хлеба... Я последний лист табаку положил в трубку… Босая жена

моя изрезала все ноги о каменья… Смотри ты, гяур, не попадайся мне завтра за Тереком!»...

Эти дикие полу-люди известны в Кизляре под общим именем Горцев или Тавлинцев, то-есть «Горных Жителей», принимая, что слово «тау», по переводу с Татарского, значит «гора». Кумыки разных колен, Кисты, Чеченцы, Осетинцы, Лезгины и другие племена, идут в названии под однукатегорию, но в сущности столько же похожи один на другого, сколько арбуз на огурец: у каждого свой облик, свои обычаи, свои предания, свои поверья.

Между толпами, сидящими, стоящими, колеблющимися, бродящими по площади, вы видите Осетина продающего сыр и бурки, Черкеса с зелеными сотами диких пчел, Лезгина с медной посудой, Киста и Чеченца с ружьями и шашками, Каранагайца с овцами и козами, калмыцкими тулупами, ергаками и мерлушками, Терского Казака с оружием и рыбой. Костюковский Кумык привез дрова и торкалы, Аксаевец разложил кожи и овечью шерсть, Армяне и Грузины предлагают вам ягоды, овощи, фрукты. А там, ближе к Тереку, румяные казачки Дубовской, Червленой, Наурской и других станиц Терских, сидят на арбах, навъюченных арбузами, дынями, огурцами, свеклой, капустой и т. п. Солдат вынес своей работы сапоги, настреляных им дроф, стрепетов и фазанов; слободская солдатка кричит о бубликах; возле, Армянин хвалит свои «чуреки», «падржаны» и каперсы[7], а Русской торговец отвешивает пшеничный хлеб от пудовой ковриги: ржаной хлеб здесь за диковинку. Верблюды, качая Трухменца на двугорбых навъюченных хребтах своих, возвышаются между толпами: послушные продетой сквозь ноздрю волосяной веревке, они покорно ложатся на землю, подгибая под себя ноги, чтобы спустить человека с хребта, или снова поднять его на себя. Вершники извиваются в народе, крича беспрестанно во все горло: «качь» (беги)! или — «тай» (посторонись)! По сторонам базара, за татаулом, дуканы, из которых в одних продают чихирь, в других деготь, в третьих куют оружие, жарят шешлык, шьют шапки и чевяки, работают пояса, седлы, уздечки и проч. Кабаки и харчевни по малочисленности своей едва заметны на площади. У первых толпятся в особенности Татары, большие охотники до «русской араки», как они называют хлебное вино, и бондари; а последние, то-есть харчевни, бывают посещаемы только любителями «двенадцати пар чаю» и солянки со ржавой осетриной. Говор, крик, стук, делают этот базар шумнее берега Каспийского Моря.

Говоря о базарах Кизлярских, невольно вспоминаешь рассказы о «Ясырь-Базаре», который за несколько десятков лет помещался на этой же площади. Сюда Горцы выводили своих «ясырей», то-есть пленников, всякого пола и возраста: из «барантовых» Горцев[8], из Грузин, а более из Армян.

Бледные, желтые, тощие, покрытые грязными лохмотьями, босиком, бывало, стоят эти несчастные, жалобно смотря на проходящих и сами напрашиваясь на купцов. Часто сын находил здесь отца, под лоскутьями бурки, в женских шалварах; муж встречал свою жену, наряженную в солдатские рейтузы, закрывающую волосами остальные части тела; мать узнавала ребенка, который выглядывал из старого сапога, отнятого у Русского извощика.

Когда, по покорении Джар, затруднилось сообщение Горцев с Анапою, куда Турки приезжали для покупки людей, то торг пленниками преимущественно оставался в Андреевской, Кумыкской деревне, находящейся за Тереком в 90 верстах от Кизляра, и в самом Кизляре. Торг этот допустило Правительство единственно для того, чтобы облегчить освобождение Христиан из плена. Андреевцы получали от него большие выгоды. Выменяв пленных у Чеченцев, Лезгин и других Горцев, по-большой части на порох, хлеб, соль, редко на деньги, они, за продажею их в своей деревне, где Ясырь-Базар славился на все угорья и удолья Кавказские, остальных приводили в Кизляр. Кизлярец, осмотрев, покупал пленников на деньги. Не уводя пленника с базара домой, он должен был прежде записать в Полиции свое и его имя и объявить число заплаченных за него денег. Обыкновенно за простого пленника платили до 60 целковых. Но случалось, в прежние времена, что, заплатив 30 целковых, объявляли 50 и более, для-того-чтобы отдалить день свободил (так в тексте. – Сост.) пленника, которую получал он по заработке заплаченного за него выкупа. Постановлено было зачитать ясырю в год 24 руб. асс., с пищей и одеждой от хозяина.

Много страшных былей рассказывают про этих страдальцев. Не один из них, доживая последний год до своей свободы, умер с «казгирем» в руках, на грядах виноградников. Некоторые сварились на водочных заводах, другие изныли с тоски. У одного ясыря вырезали сердце для лекарства какой-то больной старухи.

Это предание подтверждено было в-последствии подобною операцией над мертвым пленником. В настоящее время, благотворными постановлениями Правительства истребляется этот печальный отсед азиатских обычаев: самое имя «ясыря», означающее «раба» или «невольника», как несвойственное, по законам, Российскому подданному, уничтожено.[9]

Окрестности Кизляра очаровательны. С двух сторон сады, с третей Топольская-Роща, с четвертой Терек, и за ним девственные степи.

Топольская Роща осеняет левый берег Терека на пространстве около двух верст. От Астрахани до Кизляра, и далее вверх по Тереку, нет другого леса. Многие Нагайцы, кочуя всю свою жизнь в песчаных степях, не видывали вовсе леса. Эти номады, приезжая в первый раз в Кизляр, с невольною робостию подходят к Топольской Роще, дивясь на нее как на чудо.

Действительно, роща прекрасная. С незапамятных Кизлярцами времен она дремлет в первобытной простоте своей. Название получила она, вероятно, от тополей, которые когда-то росли в ней. Теперь-же растут там из деревьев преимущественно ивы, вязы, ясени, белая и черная шелковица, а из кустарников кизиль, боярышник, крушина и т. п. От чащи деревьев и
кустарников, перевитых цветами и травами, в глубине рощи иногда бывает так тихо, что слышно, как гусеница ест шелковицу, между-тем-как горлицы воркуют, жалобно ноет иволга и шумно плещется волнами Терек.

На одном конце рощи, к берегу, находится небольшая, но красивая Армянская церковь во имя Георгия Победоносца, с виноградным при ней садом. По воскресным дням, с раннего утра и до ночи, народ толпится у дверей церкви. Не только Христиане, но даже Кизлярские Тезики приходят в нее с приношениями. Армяне служат частые молебны, и недалеко от церкви приносят жертву, зарезывая коров и баранов. Эту «жертву», разделив на части, они раздают, «по обещанию», нищим, оставляя лучшую часть себе на шешлык, который, посыпав перцом и сжарив на деревянном вертеле, съедают в роще, запивая чихирем, с обычными тостами. «По обещанию», Армянки ходят долгое время вокруг церкви, другие-же ползают на коленах, делая по десяти, двадцати и более кругов; многие приходят из домов в рощу босиком, что иные делают даже и в зимнее время. На Святых Буграх, как называют находящиеся близь церкви могильные холмы Армянских Праведников, ставят в землю восковые свечи. В темные вечера эти могилы кажутся облитыми пламенем.

На другом конце Топольской-Рощи стоит ветхая Русская часовня с образом Пророка Илии. В Ильин-День, 20 июля, в часовне служат молебны. Стечение народа бывает более от Солдатской Слободки и от Станицы.

Кизлярские жители, с детьми, женами и слугами, в Топольской-Роще встречают весну, провожают лето. Тогда в роще шумная оргия кипит до поздней ночи. Песни и пляски Грузинские, Татарские, Армянские, Русские, хлопанье в ладоши, крики и выстрелы оглашают лес. Под одним деревом гудит скрипка, под другим играет «саз»[10], далее стучит бубен, между-тем, как на полянах происходит борьба, джигитованье и беганье в запуски на конях и пешком. Один Армянин кувыркается, другой удивляет зрителей, перекатываясь через дорогу в виде бревна. Эти штуки им нравятся не без причины. Были случаи, что многие Армяне таким способом ускользали от Чеченского плена, когда, на походном ночлеге, в глухой степи, хищники, отправляясь за другой добычей, оставляли их одних, связав арканом руки и ноги. Предание часто повторяет подвиг одного Моздокского Армянина Хачатура Тавакалова, который в летнюю ночь прокатился от Собачьего Болота до Лащуринского Карантина, что составит, глазомерно, около двух верст. Часовой на карантинном валу, приняв Армянина за

крадущегося хищника, выстрелил по нем. Счастье, что в утреннем тумане ружье дало промах и тревога скоро подняла с постели Коммиссара, знавшего по-Армянски: а то-бы Русский штык навеки лишил Хачатура удовольствия рассказывать про необыкновенное свое путешествие.

Прекрасны и дики виды берегов Терека, этого благодетеля Кавказской Области. Он досыта поит сады города, быстро движет крылья мельниц и приносит с Черных-Гор дубовые плоты. Осетры, севрюги, лососи, шемая, сазаны, карпы, щуки, судаки, усачи и другие большие и малые рыбы, живут и множатся в его глубоких омутах. Зимою Терек, извилистым ручьем, скитается от берега к берегу, по широкому руслу. Сайгак тогда перепрыгивает его, и Чеченец с арканом беспрепятственно идет с того берега в Кизляр за добычей. Зато весною, когда солнце растопит снега родимых его гор, он вздувается, тучнеет, выливает из берегов. «Каюки», длинные лодки рыболовов, снуют тогда по его седой, вьющейся кольцами поверхности, которая иногда бывает выше площади города. В последнем случае, только фашинники и земляные валы левого берега, идущие на большое пространство, спасают Кизляр от потопления. Вода в Тереке мутна; но, отстоянная, чиста и легка.

Говоря о Тереке в смысле торговом, нельзя не пожалеть, что он не судоходен. Судоходство по этой большой реке принесло-бы значительную пользу для Кавказского Края.

При судоходстве Терека, Кизлярцы, сообщая России свои произведения сплавом к устью Терека, а оттуда морем до Астрахани, избавились-бы неудобства доставлять их до моря на арбах. Тогда и товары, получаемые Армянами на Нижегородской Ярманке для себя и для торга с Кавказскими народами и частию с Персией, шли-бы в Кизляр водяным путем, а не по пустынным и песчаным степям Каспийским. Притом получение от моря строевого леса, перевозка которого на арбах от Шендруковской Пристани ныне обходится очень дорого, произвела-бы реформу в построении домов в Кизляре, и тем уничтожила-бы безобразие в городе и уменьшила-бы болезни, развиваемые сырыми турлучными строениями и саклями. Наконец, судоходство это вполне уничтожило-бы: во-первых, большую половину издержек казны по доставке провианта для продовольствия левого фланга войск Кавказских, который в прежнее время отправлялся морем из Астрахани до Пристани Шендруковской, лежащей от Кизляра в 60 верстах, а ныне, по признании этой пристани неудобною, отправляется к Пристани Серебряковской, отстоящей от Кизляра около 150 верст и тоже признаваемой неудобною; во-вторых, самую Серебряковскую Пристань, содержание которой требует от казны значительных сумм.

Для сделания Терека судоходным, стоило-бы только углубить немного какое-нибудь русло широких рукавов его, которые обмелели от ила, нанесенного

в продолжение многих лет. В настоящее время, при действии водоотводного крыла Гауэрта [11], искусственное углубление рукава Терека, при котором находится Кизляр, представляет более удобства для инженеров и пользы для жителей города. Что-же касается до издержек на этот предмет, то, во-первых, денежный единовременный сбор с Нагайцев, на повинности которых лежит тяжесть перевозки низового хлеба от Пристани по многим магазинам Кавказской Линии, во-вторых, срочная раскладка по торговым производствам и ремеслам Кизлярских жителей, простирающимся ежегодно на сумму около 590,000 руб. сереб., могли-б быть употреблены на приведение в исполнение этого предположения.

II.

Предания о названии Кизляра. Поселения Греков, Татар и Русских, по низовью Терека. Крепость Св. Креста. Кизлярская Крепость и основание города Кизляра. Причины быстрого распространения и развития города Кизляра. Набеги Горцев. Чеченский пророк Ших-Мансур, и сказание о его нашествии на Кизляр. Казы-Мулла. Хищничество Заречных.

О происхождении названия Кизляра нет точных исторических сведений, а живут у туземцев два предания.

Какой-то Персидский Шах, услышав, что некоторые недовольные им Ханы слишком выхваляют его брата, созвал их на пир. По окончании пира, он приказал ослепить гостей, на которых падали его подозрения, вместе с предметом их предпочтения. Увидев поднесенные к нему на золотом блюде глаза брата, он облил их слезами и засыпал червонцами, говоря: «Несчастный брат, теперь я буду любить тебя! ты Шаху больше не соперник!» Но слепец не остался на родине, а пошел молить Кумыков о мщении. Кумыкский Хан, его «кунак», созвал Горцев на жестокого Шаха. Берега Терека стонали от съехавшихся к набегу панцырников. Уздени Чечни, Кабарды и Башилбая, Кумыки, Казы-Кумыки, делили заранее Персию, оставляя слепцу, по желанию его, глаза брата. Вдруг мстителя не стало. За чашкою шафранного плову с фазаном, страдалец скончался в мучениях. Не сомневались, что Шах подослал отравить брата, что подтверждалось бегством одного из «нукеров (оруженосцев)», служивших при столе слепцу в час его смерти. Верные нукеры, похоронив своего Падишаха на берегу Терека, подле Кумыкского аула, сами не возвратились в Персию, страшась преследования Шаха. Они разделили сокровища покойника поровну, и занялися торговлей, поселившись подле той самой Кумыкской деревни, где схоронили слепца. С тех пор, будто-бы, место это назвалось от Кумыков «Кызыллар» и «Кюзлар». Первое название, означая, по переводу с Кумыкского, «красные», указывает будто на красные бороды Персиян, а второе, означая «глаза», по

переводу с тогоже языка, увековечивает страшную память о слепом брате Персидского Шаха. Предание не помнит имен этих братьев-врагов. Но если в нем действительно есть что-нибудь истинное, то оно весьма легко может относиться к Кизлярским Тезикам, которые считаются давними жителями города и некогда были очень богатыми купцами.

Другое предание о названии Кизляра говорит, что в рукав Терека, при котором стоит город, бросились две Русские девушки, пленницы какого-то Кумыкского Хана, предпочитая смерть неволе быть женами Татарина. С того времени, будто-бы, место гибели красавиц названо Кумыками «Кызлар»: что, по переводу с Татарского на Русский, значит «девушки». Предание, описывая красоту одной из этих пленниц, украденных Кумыком из «Сары-тау» (= Саратова), говорит, что она имела волосы на голове длиннее своего роста.

По низовью Терека живет издавна народ Татарского поколения, называемый Кумыками, Казы-Кумыками, Кумыхами. Ни история, ни народные предания, не означают определительно времени, когда он здесь поселился. Еще Птоломей, в свое время, писал, что по приморским рукавам Терека живет народ «Ками» или «Каман». Впрочем, сами Кумыки называют себя «детьми Золотой Орды» (Кипчак-аул): что и вероятно, судя по употребляемому ими Татарскому наречию, отличному от Нагайского.

Как-бы то ни было, есть предание, что за Тереком, ближе к морю, у так-называемого Мыса Аграханского, не слишком давно существовал Греческий город Ставрополь («Крестный Город», или «Город Креста»), жители которого, Христиане, по вторжении в страны Каспийские, Исламизма, были истреблены или выгнаны с своего пепелища. Действительность существования этого города доказывается тем, что одно урочище у Аграханского Мыса и теперь называется тамошними жителями «Хут» и «Учь», что значит «Крест», и тем также, что Епископы Астраханские, в начале XVIII столетия, назывались, конечно по нем, «Ставропольскими». Нынешний Ставрополь, областной город Кавказской Области, не мог в то время входить в состав Астраханской Епархии, потому-что основание его относится к 1777 году, времени учреждения Кавказской Линии.

Поселения Русских по низовью Терека начались после завоевания Астрахани, в царствование Иоанна Васильевича Грозного. Когда Волжские разбойники, страшась наказания Царя, разбежались «по всем концам», великая дума повела Ермака в Сибирь, а Атаман Андрей, с многочисленною шайкою, удалился по Каспийскому Морю к Кавказским Горам, где «засел» на Сундже в одном укрепленном городке, вырезав в кровопролитном рукопашном бою всех его жителей. Здесь долго управлялся он огнем и мечем с Горцами и Татарскими Мурзами, не хотевшими по отдаче Астрахани покориться России и блуждавшими в Заволжье и степях Терских. В награду за такие подвиги Царь простил Казакам

прежние разбои по Волге, и, стараясь усилить народонаселением и защитою Каспийский Край, перевел их с Сунджи на устье Терека, где был уже Кумыкский городок Терки с деревянными стенами и башнями. Оставленное Казаками укрепление на Сундже и поныне называется Андреевою Деревней, по имени их удалого Атамана. В смутные времена России, при Самозванцах, Терские Казаки, в соединении с Волжскими и Донскими, помогали Самозванцам. Принимая охотно к себе всякого, приходившего к ним на удалое житье, Терские Казаки вскоре так размножились, что городок Терки, заселенный прежде Кумыками, Армянскими купцами, небольшим числом Московских стрельцов и других Русских, сделался большим городом, широко расстилавшимся над самым морем.

В царствование Годунова, Русские строили Крепость Ендери, на реке Койсу, около Тарков; но отбиваемые Горцами, более Тарковскими Дагестанцами, не имели успеха. В 1722 году, Петр Великий, возвращаясь из Персии, на землях Шамхала Тарковского, давшего присягу на верноподданничество России, построил около реки Сулака, в 35 верстах от моря, правильную Крепость Св. Креста. Он назвал ее так в память древнего Ставрополя, находившегося около тойже реки. Для защиты этой Крепости, называемой в просторечии Сулаками, он перевел в нее казаков и гарнизон из Терков, в которых вскоре после того мстительными Дагестанцами срыты были до основания все башни и укрепления, а море потопило и самое место, где в ежедневной брани с Дагестаном, Кумыками и Нагайцами, кипела жизнь буйной вольницы.

В 1725 году, Шамхал Тарковский Адиль-Гирей, по внушению Турков, с 30,000 Горцев напал на новую Крепость Св. Креста; но, разбитый Генерал-Маиором Кропотовым, был взят в плен, и за измену отправлен в Колу в заточение, а Тарки, его резиденция, разорены до основания. Чеченцы и Кисты, возвращаясь домой из-под Крепости без славы и без обещанной Адиль-Гиреем добычи, разграбили и сожгли Кизляр, торговое поселение Персиян и Армян, слившееся в одно с Кумыкскою деревнею, подле которой, по преданию, похоронен Персидский слепец и утонули Русские девицы. Торговля этой колонии с Горцами, с Персиею, с Тифлисом, и сношения с Астраханью, не могли укрыться от дальновидных взоров Петра. Жалея о разорении Кизляра, он, в защиту его на будущее время, повелел подле него строить Крепость. Это было исполнено в 1730 году, с которого и должно посему считать время настоящего основания Кизляра. Смертность от нездорового климата в Крепости Св. Креста, а главное мирный и союзный трактат, заключенный в 1735 году при Гандже с Персией, были поводом, что гарнизон из ней переведен в Кизлярскую Крепость, а Терские Казаки поселены подле Кизляра. С того времени город начал распространяться.

Выгодный торг с Кумыками, Нагайцами и другими народами, рыбные ловли по Тереку и Каспийскому Морю и близкое соседство Крепости, в которой при набегах хищников можно было скрываться с своим наиболее драгоценным имуществом; все это в скором времени умножило город новыми поселенцами и сделало его складочным местом товаров для торговли с Кавказскими народами и с Персией. Армяне и Грузины селились в нем преимущественно, убегая непостоянства и деспотизма властителей Ирана. Казанские Татары пришли после чумы, постигшей их город. Окочирцы, Черкесы и другие Горцы, привлекаемые базарами Кизлярскими, селились один-за-другим в соседстве с Армянами. Притом, еще с давних времен Персияне и Индийцы, не говоря уже об Армянах, прокладывали себе по степям Терским дорогу в торговую Астрахань, где богатела тогда известная Востоку и Западу Джульфинская Компания [12]. Увлекаемые большими выгодами, они охотно оставались в России. Русское Правительство дозволяло им селиться в Кизляре и Астрахани, оставляя на волю их принятие верноподданничества. Садоводство, виноделие, шелководство, оружейничество, скорнячество и другие рукоделия, и ремесла, кроме торговли и рыболовства, сделались привычными занятиями поселенцов. Кроме торговых оборотов Джульфинской Компании, многие Кизлярцы участвовали в Персидской Торговой Компании[13], которая учреждением своим оживила мысль преобразователя России о нашей Восточной Торговле. По таможенным выводам видно, что в 1760 году, при существовании этой Компании, привоз и отпуск в Астрахани и Кизляре простирался на сумму до 390,000 р. асс. Льготы, дарованные Правительством всем вообще Армянам, селившимся в России, заключавшиеся, между прочим, в малых пошлинах по торговле и даже беспошлинности во многих случаях, и наконец долговременная совершенная бесподатность Кизляра [14], довершают объяснение быстрого распространения этого разноплеменного и разнохарактерного города.

Крепость Кизлярская не всегда могла защищать горожан от нападений Горцев, тем-более что набеги были по-большой части нечаянные. В 1770 году Кисты напали на Кизляр во время самой рабочей поры в садах, и увели в плен много Армян и женщин. Наказанные нашим отрядом, они возвратили часть пленных, «замирились», и дали в Кизлярскую Крепость аманатов. Но спустя год, аманаты бежали из Крепости, и новое нападение Кистов на Кизляр было ужаснее, потому-что они, забирая достояние жителей, не брали их в плен, а убивали, не щадя ни пола, ни возраста. В 1773 году Джунгутевский Кумыкский Князь Али-Султан, переправясь осенью через Терек ниже Кизляра, на рассвете ударил на город. Пока распространилась тревога и помощь Терского Войска и Крепости пришла на защиту, крайняя часть Арментира уже пылала, и половина хищников, обремененных пленными и добычею, успела переправиться за Терек. В 1777 году

Чеченцы от Сунджи, переправясь через Терек также ниже Кизляра, сделали подобное опустошение в квартале Кизлярских Тезиков. В 1785 году был набег Чеченцев, памятный не столько по разорению, сколько по ужасу, наведенному на Кизляр и его окрестности. Много подробностей рассказывают в Кизляре об этом набеге.

Около 1785 года явился между Чеченцами некто Ших-Мансур. Неизвестно достоверно, был ли он Турок, подосланный враждебною тогда нам Портою, для поднятия Кавказских Горцев на Русских, возбуждением в них мусульманского фанатизма, или, по преданию, пастух Чеченский. Как бы то ни было, а Горцы признали его пророком, вооружились по его призыву, и таскались за ним, как кровавый хвост за кометой. Он до того успел овладеть этими дикими сынами гор, что одно слово его, одно мановение, заставляло их без сопротивления, без ропота, бросаться на железные стены Русских штыков и под картечным градом устилать трупами поля жестоких битв. Для примера силы верования в этого необыкновенного человека довольно привести следующий случай. По разгромлении одной станицы на Тереке, несколько Башилбайцев[162] утаили часть добычи, которую они должны были после набега принесть к Ших-Мансуру, в ожидании общего дележа. Ших-Мансур сказал им будто-бы следующую фразу: «Смерть за ложь Пророку, или идите в свои горы стругать кинжалами палочку (то-есть — лежать на боку)!» Башилбайцы, разбойники, славящиеся на Кавказе воровством и варварством, молча сложили к ногам Мансура солдатские патроны и награбленную медную посуду, и, вышед из толпы, застрелились один-за-другим.

Окруженный грозными тысячами таких послушных воинов, Ших-Мансур приближался к Кизляру, в измерении сделать его жителей Магометанами, или истребив их, в случае сопротивления, сравнять Город и Крепость с степями. Недалеко от Кизляра за Тереком остановился лжепророк шумным станом.

Есть рукопись очевидца «О нашествии Чеченского Пастуха-Волка Шиха», сложенная каким-то Грузином. Брань и проклятия на «Пастуха-Волка Шиха» встречаются в ней на каждой странице. Вот как описывается там развязка хищнического набега.

Кизлярцы трепетали, как лист на шелковице. Всяк, кто только мог вооружиться и сесть на коня, сбирался на защиту. Стариков, жен и детей, приняли в Крепость, куда поместили присутственные места и казенные вещи. Чиновники гражданские вооружились. Армяне, Грузины, Персияне и другие

[162] Вероятно одно из подразделений абхазоязычных абазин/абаза проживавших на Северном Кавказе (в верховьях рр. Кума и Кубань) и называвшихся «башилбеи». - См.: Кармов Р.К., Остахов А.А. Этноним «абазины» в кавказском историческом пространстве // Человеческий капитал. 2021. №2 (146). С.32-40.

жители, зарывали все ценное в землю. Не зная пункта нападения, Терские Казаки, Русские, Грузины, Армяне, Окочирцы, Кристиаульцы и прочие жители Кизляра, собирались вооруженными толпами к Тереку, в разных местах. В Крепости подняли мосты. Фитили дымились у пушек. С большою осторожностью впускали в Крепость, еще с большею выпускали. По часто вкатываемым в Крепость арбам, нагруженным вином, печеным хлебом и баранами, можно было догадываться, что Комендант,предвидя невозможность отразить силу силою, замышлял долгую оборону…

В этом месте сказания, Грузин, упоминая о чихире, взятом в Крепость из его бочек, так озлобился на «Пастуха-Волка», что называет его «сыном собаки и мыши».

По ночам виднелись пожары окрестных деревень и станиц, слышались выстрелы и песни «бузаира»[15], приносимые по ветру быстрым током ветвистого Терека. Внимая этим звукам, Крепость принимала оборонительное положение, боясь нечаянного нападения. При пробе крепостных орудий Армянки от страха падали на землю десятками, и в этой суматохе открылось, что под женской чадрой пришел в Крепость мужчина. Опасаясь измены, Комендант сделал осмотр. Женщины, молодые и старые, проходили мимо его без чадр, вопреки обычаям Востока. В-следствие этого осмотра, более десяти молодых Армян, скрывшихся под женскими чадрами, принуждены были оставить убежище, огражденное стенами и обставленное пушками…

Утром, рано, на другой день ожиданья, тучи пыли взвились за Тереком. Крепость ощетинилась. Козаки переправлялись за реку на встречу врагу, заклиная друг-друга не выдать аркану и шашке жен и детей, не дать огню родных саклей и падать «спиною в Терек», если не одолеют «Пастуха-Волка». Татары, Кристиаульцы и Окочирцы, стали стеной на нашем берегу. Все прочие залегли в Топольской-Роще, Комендант, бегая с Плац-Маиором по валам Крепости, смотрел в подзорную трубку. Женщины плакали, дети кричали, старики молились. Священники Русские и Армянские, ходя с образами по стенам, пели молитвы и кропили Христиан святою водою. Все суетилось, шумело и бегало. Одни Русские солдаты, молча стояли рядами, посматривая на ружья и привинчивая покрепче штыки…

Без пищи и чихиря весь день дожидали «Пастуха-Волка», всю ночь без сна, и потом разошлись по домам, не дождавшись Шиха, который, ограбивши две станицы на Тереке и сжегши несколько деревень, внезапно от Кизляра бежал в Горы…

Сочинитель, в заключении, очень досадует, что «Пастух-Волк» отделался так дешево, и что Кизлярцы не напутствовали его в обратный путь, как следует, по-Русски.

Но этот очевидец нашествия на Кизляр Ших-Мансура забыл еще сказать, что авангард Шиха или отдельная толпа его скопищь переправилась чрез Терек далеко ниже Кизляра, разграбила и зажгла сакли на виноградниках, где ныне находится сад Тавакелова, и что при этом случае один Армянин, уходя от Горцев из садов в город, упал с лошади, и умер, как говорит Армянское предание, на дороге со страху.

В народе рассказывают, что Горцы, подходившие с Ших-Мансуром к Кизляру, потонули внезапно в болотах за-Терских, которых высокие камыши показались им ночью за город, и что притом каждая камышина издавала голос человеческий и, наклоняясь во все стороны, забивала в трясину храбрых панцырников. Их оружием, шлемами и башлыками, говорят, наутро покрыты были все болота за Тереком.

Объясняя эту чудесную сказку естественным ходом вещей, можно думать, что «белат»[16], подводя толпы к городу скрытным путем, чтобы ударить с неожиданной стороны, был обманут своею памятью и темною ночью. Легко могло случиться, что он зашел в болота, часто непроходимые при разлитии Терека, который, при таянии льдов и снегов Кавказских, не однажды в год выходит из берегов, образуя в степях озера и топи. В 1768 году, Генерал Потапов, для защищения Кизляра от нападения Черкесов, нарочно пустил воду из Терека, разрушив плотину, удерживавшую стремление реки в канал Борозду, сделанный для напоения чалтуков и виноградников. Но вероятнее внезапное и быстрое отступление Ших-Мансура объясняется полученным известием о прибытии на Сунджу Полковника Перси [Пиери]с трех-тысячным отрядом. Горцы должны были бежать от Кизляра на защиту своих аулов. Несколько Горцев могло и утонуть в болотах; а оружие этих разбойников, находимое после за Тереком, могло быть точно потеряно или даже и брошено в поспешном их отступлении.

Полковник Перси, завлеченный в лесистые дефилеи, погиб со всем своим отрядом в жестокой сече с Горцами. Турция увлекла потом Шиха на защиту Анапы, где он был взят Русскими в плен, и отправлен, по повелению Императрицы Екатерины II, в Соловки. Между Чеченцами ходит предание, что Ших-Мансур возвратился назад в горы. Может-быть, это был какой-нибудь самозванец.

В 1831 году Кизляр пострадал от другого Фанатика Казы-Муллы. В сентябре месяце, под предводительством его, толпы Горцев переправились в одно время в трех местах через Терек. Одна толпа устремилась на Татарский-Квартал, другая на Станицу, а третья на Топольскую Рощv, где тогда ходило много гуляющих; сам-же Казы-Мулла с главными силами оставался за Тереком.

Это было в воскресенье. Спокойно возвращались домой Армяне из церквей от обедни, а Терские Казаки и Кристиаульцы, в приходе которых литургия

оканчивается ранее прочих церквей, сидели за обедом. Ружейная пальба и гиканье Горцев вдруг раздались в Кизляре и смешались с отчаянным воплем испуганных жителей. Все встревожилось, бросилось к оружию, закипело врукопашном бою. На улицах и в домах забирали в плен безоружных, детей и женщин. В ближних к Тереку саклях многие не успевали встать от обеда и падали с нар под шашками хищников. Один несовершеннолетний казак, отстреливаясь в сакле, убил шесть Горцев, пока его успели «достать». Подобный отпор был общий в Станице. Жители, бросая домы и имущество, бежали в Крепость. Священник и Дьякон Успенской Армянской церкви, выходившие последними из храма, были встречены кинжалами. Священник, седой старичок, после тревоги был найден стоящим у стены на паперти.

Не более двух часов продолжался этот набег. Хищники ограбили Русский монастырь, две Армянские церкви, Успенскую в Городе и Георгиевскую в Топольской Роще, многие лавки и дома, и обремененные добычею, пленниками и убитыми своими товарищами, которых Горцы, по обычаю, уносят с собой, шумно переправились за Терек. Многие из Кизлярцев и до-сих-пор находятся в плену.

Пожара не было. Грузинская-Слобода и вообще части Города, отдаленные от Терека, не потерпели вреда. Набег был так неожидан, решителен и скор, что Кизлярцы до-вечера не могли опомниться от испуга, и только трупы в домах и по улицам и следы ужасной суматохи разуверяли их, что то было не страшный сон, не виденье. Число хищников одни полагают до 800, а другие до 2,000. В мае месяце тогоже года, при нападении на Тарки и Крепость Бурную, отстоящих от Кизляра не более как на 120 верст, с Казы-Муллою было 8,000 Горцев.

Хищничества в малом виде, состоящие в уводе двух-трех человек и в угоне скота, происходили в Кизляре прежде очень-часто, особенно в те времена, когда Линия была менее устроена в военном отношении.

Вот для примера один из множества подобных случаев, живущих в памяти Кизлярцев и расказываемых вместо анекдотов.

В одном из садов, которые простираются по Тереку на несколько верст, Армянин, по прозванью Сокур, поздним вечером дожидал своего приятеля к ужину. Перед ним на нарах, покрытых худым ковриком, в длинношеей тыкве стоял чихирь, между деревянными чашками с чуреком и «бишляком» [17]. Послышав стук у дверей, которые для предосторожности были заперты извнутри деревянным засовом, Сокур посмотрел в железное окно и спросил: «Ты, Аствацатур?» Услышав голос приятеля, он поспешил отодвинуть засов. Дверь со стуком отворилась. В саклю вошли два Чеченца, и за ними на аркане, с распоркою в зубах, со связанными назад руками, действительно Аствацатур, которого они, рыская по садам, взяли не далеко от Сокурова жилища. Один

Чеченец бросился снимать оружие, висевшее на стене, а другой накинул аркан на шею хозяина, связал ему руки и, чтоб перервать отчаянный крик его, заложил также распоркою рот. Безмолвные мольбы Армян и слезы их не тронули Горцев. Хищники ограбили саклю, потушили в ней огонь, и повели пленников в соседний сад. Под деревьями стояли уединенно две сакли, и в одной светился огонек. Хищники тихо подошли к мерцавшему во тьме окошку и, устремив обнаженные кинжалы на пленников, шопотом предложили им на выбор: или умереть в туже минуту, или вызвать соседа из сакли. Затем освободили их зубы от распорки, и снова произнесли свои угрозы. Животолюбивые приятели предпочли предательство смерти. Сосед, как и они, попал на аркан; жилище его было разграблено. Окольной тропой потащили Чеченцы всех троих к Тереку, повесив на плечи их свою тяжелую добычу. У берега смирно стояли сбатованные кони хищников. Посадя с собой позади седла по одному Армянину, а остального привязав к хвосту лошади, Чеченцы переплыли быстрый Терек. Сокур, потерявши баланс под тяжестью медных кувшинов, нацепленных на него вместе с боченком кизлярки, свалился с коня и канул в Терек. Остальные пленники проданы были на Андреевском Базаре за соль и порох. Долго переходя из рук в руки, они наконец выкуплены были знакомыми Моздокскими Армянами.

В настоящее время, подобные происшествия остаются только в воспоминаниях жителей Кизляра…

Ю. Шидловский.

Комментарии

1. Так называют высокий шест, на котором навязан смоляной боченок, или солома, упитанная дегтем, или-же пук сухого хвороста. Сторожевой казак, завидя хищников зажигает «маяк»: этот сигнал передается быстро от пикета к пикету, и казаки спешат на защиту к пункту тревоги.

2. По этой дороге, учрежденной в 1838 году, происходит сообщение с отрядными войсками нашими, находящимися на левом фланге Кавказской-Линии. Станции содержатся на счет казны. Министерством В. Д. вменено в обязанность Областному Начальству закрыть их, когда, по военным обстоятельствам, не будет в них надобности.

3. Из Терека, в 7 верстах выше Кизляра, прорыта канава для напоения северных городских садов и полей. Канава эта, сильным в нее стремлением вод Терека, образовала реку Борозду, из которой, в 1813 году, вырвался, в направлении к северу, быстрый и большой поток, который впал в Каспийское-Море. Поток этот назван Прорвою.

4. У бывшего Станичного Атамана Мещерякова хранилась копия с челобитной Терских Казаков о построении у них храма. По своему изложению и

древности она достойна замечания. Вот список с этой копии: «Государю, Преосвященному Илариону, Астраханскому и Терскому, Пензенскому, Саратовскому, Тамбовскому, Козловскому и Корсунскому. Бьют челом холопи и сироты Великого Государя, Терские Казаки: Спирька Топор, Ивашка Сапун, Егорка Нечаев, Гришка Нос, Сидорка Иванов, и все казаки, холопи и сироты Великого Государя. В прошлом государь, в 1740 году, напали на нас, холопей и сирот Великого Государя, бусурмане Татары, сожгли святую церковь, увели у нас, холопей и сирот Великого Государя, попа Лавра, и великое разорение причинили. Великий Господин, Преосвященный Иларион, Астраханский и Терский, Пензенский, Саратовский, Тамбовский, Козловский и Корсунский! Пожалуй нас, холопей и сирот Великого Государя: вели церковь новую во имя Николая Чудотворца построить, и пришли нам, холопям и сиротам Великого Государя, другого попа за Лавра. Вели, государь! смилуйся, и пожалуй».

5. Белое покрывало, окутывающее Армянок и Грузинок с головы до ног.

6. Весною вынимают виноградные лозы из гряд, куда они бывают зарываемы на-зиму для сбережения от морозов, и ставят при каждой лозе тонкие колья, которые называются «торкалами». Потом, когда лозы поднимутся и разовьются, подвязывают их на техъ же торкалах, что делается несколько раз в лето и называется «зеленою подвязкою».

7. «Чуреками» называются пшеничные тонкие небольшие лепешки, приготовляемые в Азии вместо наших хлебов, которых там не умеют делать. Армяне пекут и такие чуреки, которые бывают более двух аршин в поперечнике. Они не скоро портятся и довольно вкусны. «Падржаны» (solatum melongena) имеют цвет фиолетовый, переходящий в зеленой, а формою похожи на огурцы. Эти плоды составляют любимое кушанье Армян. Их маренуют, варят в сахаре и в мясных похлебках. В последнем случае употребляют несозревшими.

8. «Барантою» называется между Горцами похищение людей и скота за подобное-же похищение. Бараита переходит иногда из рода в род. Убийства и пожары сопровождают нередко это удальство.

9. Положение 1835 мая 17. *С. З.* (изд. 1842) т. IX ст. 915, прим. 4.

10. Музыкальный инструмент наподобие торбана. На «сазе» играют не пальцами, а тоненькою тростинкой, сделанною наподобие пищика в кларнете.

11. В 1824 году, под надзором Чиновника Корпуса Путей Сообщения Гауэрта, устроено водоотводное крыло для удержания вод Терека, которые сильно стремясь из него в рукав Борозду и вытекающую из оной Прорву, наводняли прибережные поля и виноградники. Действием этого крыла вода заметно устремляется в Терек и быстриною очищает его русло, засоренное илом в-продолжение нескольких десятков лет.

12. Торговое Армянское Общество, основавшееся в Астрахани около 1672 года.

13. Общество, учрежденное, около 1755 года в Астрахани, для поддержания Русской Промышленности.

14. В 28 день октября 1799 года, дарованы Высочайшие грамоты Армянам многих городов Империи, в том числе одна жителям городов Астрахани, Кизляра и Моздока. В грамотах прочим городам изображено было определительно, что живущие в них Армяне, какого-бы они звания ни были, увольняются от государственных податей и служб на десять лет. Но в грамоте, дарованной Армянам Кизлярским, Моздокским и Астраханским, срока этой льготы не определялось: почему они и не были обложены никаким окладом, ни по мещанскому, ни по поселянскому званиям, тогда-как прочие Армяне, по окончании срока их льготам, стали вносить в казну подати на основании законов. Главноуправлявшие Грузиею, Генерал Ермолов и Князь Варшавский Граф Паскевич-Эриванский, представляли Министерству Финансов о необходимости прекратить преимущества, предоставленные Армянам Кавказской области и Астраханской губернии, на том основании, что Армяне Грузинские и областей, присоединенных от Персии к России, не пользуются никакими исключительными привиллегиями. Министр Финансов представлял о том Комитету Министров, на журнал которого, в 29 день марта 1827 года, последовало собственноручное Высочайшее повеление: «дело об Армянах передать в Государственный Совет, с тем чтоб решен был вопрос: справедливо-ли дать пришельцам вечные преимущества пред коренными Русскими». Государственный Совет, мнением, Высочайше конфирмованным 17 Февраля 1828 года, признал, что никакие привилегии бессрочными быть не могут. В следствие того, Комитетом Министров, с Высочайшего утверждения от 2 июня 1831 года, постановлено: льготу, на основании грамоты 1799 года, оставить за теми из Кизлярских, Моздокских и Астраханских Арамян, которые во время состояния грамоты находились в городах Кизляре, Моздоке и Астрахани, не распространяя однако на их потомство; всем-же прочим Армянам, считающимся как в Кизлярском, так и в Моздокском и Астраханском Обществах, пользующимся льготою, предоставлено на волю: или в-течение шести месяцев вступить в вечное подданство России на общем основании, или быть в качестве неторгующих иностранцев. Таким-образом, Армяне Кавказские и Астраханские, исключенные из привиллегии 1799 года, вступивши в подданство России, согласно с Высочайшим Указом от 21 мая 1836 года, уравниваются постепенно в платеже государственных податей с прочими подданными Империи.

15. «Бузаир» — «бражная песня». «Буза» значит собственно «просо», из которого Горцы приготовляют хмельную брагу, а «ир» — «песню». Сваренная с

башилбайским медом диких пчел, имеющим сильное одуряющее свойство, «буза» считается лучшею. Отправляясь в набег и на безопасных привалах, Горцы пьют с излишеством «бузу», стреляя из ружей и распевая перекликающимися хорами «бузаир», которого напев дик и протяжен, а содержание по-большой части составляют подвиги какого-нибудь удальца и разбойника.

16. То-есть, вожатый. От опытности его и расторопности зависит успех набега. Он всегда впереди, то на коне, то пеший. Удача набега дает ему две доли добычи.

17. «Бишляком» называют Кизлярцы «горской сыр». Осетинский почитается лучшим.

Текст воспроизведен по изданию: [Шидловский Ю.]. Записки о Кизляре // Журнал Министерства внутренних дел. Ч.4. СПб.: Б/и.Тип. М-ва внутр. дел, 1843. С.161-208.

* * *

К.М. ПАВЛЮК
ИСТОРИЯ 51-го ЛИТОВСКОГО Е.И.В. НАСЛЕДНИКА ЦЕСАРЕВИЧА ПОЛКА… (1844).

Павлюк Константин Косьмич (1864 - умер позже 1913 г.). Кадровый офицер, закончил Николаевскую академию Генерального штаба в 1898 г., занимал штабные должности, полковник (вышел в отставку в звании генерал-майора).

Начинал службу офицером 51-го Литовского полка, отсюда видимо проистекал интерес к истории данной воинской части, к столетию которой в 1909 г. К.К. Павлюк издал добротную документальную историю в 2-х томах[163].

Участие полка в Кавказской войне было связано с западным регионом Чечни (Малая Чечня), потому мы привели несколько страниц из первого тома (с некоторыми сокращениями) о военных действиях частей полка в 1844 г. в Малой Чечне, на территории Карабулакского общества и далее переданных автором аутентично документам того времени.

* * *

[163]Павлюк К. К. История 51-го пехотного Литовского Е.И.В. наследника Цесаревича полка : 1809-1909 гг. / Сост. Ген. штаба полк. Павлюк, бывший офицер Полка. - Одесса: Б/и. Типо-литография штаба Одесского военного округа, 1909. Т. 1. - 490, X с.; Т. 2. - 400, 118, IX с.

ИСТОРИЯ 51-го ЛИТОВСКОГО Е.И.В. НАСЛЕДНИКА ЦЕСАРЕВИЧА ПОЛКА… Т.1. (1844)

В том [1844] году предположено было нами на Кавказе, как уже говорилось... , повторить опыт не раз кончавшийся неудачею, а именно: имелось в виду, воспользовавшись прибытием свежих сил, предпринять движение к Дарго, столице Шамиля, т. е. в самыя недра гор, чтобы наказать имама и одним ударом сокрушить его могущество для облегчения-же этого движеняя предполагалось сделать с разных сторон диверсии в Чечню и Дагестан. С этою целью еще в конце марта новоприбывшия войска 5-го корпуса были распределены по отрядам, причем 1-й баталион [Литовского] полка назначен был в составе Назрановскаго отряда, задача коего заключалась в обезпечении Военно-Грузинской дороги и в охранении от горцев Владикавказа, укрепления Назрани и всего пространства между этими пунктами и Моздоком.

...Таким образом в составе Назрановскаго отряда остались лишь три роты 1-го баталиона [Литовскаго полка] - 1-я карабинерная, 1 я и 2-я егерския, который, в ожидании открытия военных действий, и расположились лагерем около укр. Назрани, построеннаго в свое время на р. Сунже, в 10 в. от Военно-Грузинской дороги, для охраны, совместно с прочими укрепленными пунктами Верхней Сунженской линии, Центра и Владикавказскаго округа отнабегов горцев со стороны Малой Чечни [164]…

Таким именем [Чечня] называлась на Кавказе часть края между р. Сунжей, текущей с юго-запада на северо-восток и впадающей справа в Терек, этим последним и северными отраслями Главнаго и Андийскаго хребтов. В район Чечни входили таким образом так называемые Черныя горы, составляющия передний уступ Кавказской горной массы и параллельныя направлению главной ея цепи; горы эти покрыты были густыми лиственными лесами, состоявшими преимущественно из вековых чинар (бука), размеры коих сплошь и рядом доходили до нескольких обхватов. Далее, за Черными горами, раскидывалась в Чечне, на протяжении 150 в., обширная долина (Чеченская плоскость), шириною в 20 в., тоже покрытая густым дремучим лесом, трудно проходимым орешником и «верестом», особым колючим, не поддающимся ни топору, ни огню, кустарником, который солдаты на Кавказе называли «держи-деревом». Долина эта, населенная воинственными племенами чеченцев (назрановцами, галашевцами, карабурлаками, качкалыковцами, мичиковцами, ичкеринцами,

[164]Верхняя Сунженская линия находилась в пределах, собственно, Владикавказскаго Округа в этих-же пределах пролегал и участок Военно-Грузинской дороги от станицы Николаевской до Дарьяльскаго ущелья. Укрепление Назрань построено было также с целью наблюдения за племенами назрановцев и галашевцев. – (Примеч. показанные в первоисточнике звездочкой, а здесь и далее цифрами, принадлежат автору. – Сост.)

салатавцами,ауховцами и др.), омывается р. Сунжей и прорезывается ея притоками Ассой, Фортангой, Нетхоем, Валериком, Гехами, Гойтой, Аргуном и др., причем Аргун, берущий свое начало из Главнаго снегового хребта, течет с юга на север, прорезывая Черныя горы и Чеченскую плоскость; таким образом река эта разделяла Чечню на две части, из коих часть, лежавшая к востоку от Аргуна, называлась Большой Чечней, а часть простиравшаяся к западу от него,- Малой Чечней. Последняя занимала значительную часть бассейновъ Сунжи и Аргуна и северозападный склон Андийскаго хребта до его подножья. В обшем весь край, называвшийся Чечней, отличался плодородной почвой, особенно на плоскости, изумительной силой растительности и довольно ровным и приятным климатом, так что солдаты наши в период Кавказской войны нередко говорили: «Вот за Чечню стоит драться: и лес славный, и травы много и воды вдоволь» [165]...

Назрановскому отряду весною 1844 г. предстоял поход, собственно, в пределы Малой Чечни, жители коей считались на Кавказе особенно воинственными и отчаянно храбрыми; будучи, как и все вообще горцы, отличными и ловкими стрелками и искусно действуя при обороне в лесах, обитатели Малой Чечни особенную лихость проявляли при преследовании неприятеля; в этом случае с ними положительно никто не мог сравниться, и они тут сплошь и рядом отваживались драться, имея против одного пять или далее десять человек врагов, чему, конечно, благоприятствовали условия местности, самой природой, как уже было сказано, приспособленной к характеру воинственнаго населения. Местность эта почти никогда не позволяла нашим превосходным силам развернуться так, чтобы все таковыя силы имели возможность принять участие в столкновении, чем и пользовались горцы, небольшая сравнительно кучка коих (200—300 чел.) зачастую завязывала дело с несколькими нашими ротами, далее баталионами, наседая с особой назойливостью преимущественно на наш арьергард и боковыя цепи, где и кипел всегда самый отчаянный бой, особенно при отступлении. Горцы при этом, отвечая обыкновенно одним выстрелом на сотни наших, наносили нам огнем своим несоразмерно большия потери, чем несли сами. Причиною этого было вооружение горцев нарезными винтовками, бившими несравненно дальше и вернее наших кремневых ружей; к тому-же обитатели гор Кавказа приучались к стрельбе с детства, нашим-же солдатам там некогда было учиться стрелять: они большую часть своей боевой службы, большую часть своих сил и трудов затрачивали на преодоление и разрушение того, что, наоборот, для горца служило

[165]Чечня в этом отношении являлась полною противоположностью Дагестану, на поверхности коего нагромождены почти всюду безжизненныя, обнажениыя скалы, прорезанныя ущельями, где воздух бывает обыкновенно спертым и жгучим, тогда как с вершиин окрестных гор веет пронзительным холодом, что и порождает там лихорадки.

защитою и прикрытием; словом, мы проводили на Кавказ дороги, рубили лес, пролагали просеки, строили укрепления…

Таковы были условия, при которых литовцам предстояло действовать на боевом поприще в пределах Кавказа, причем первоначально в 1844 г. войска Назрановскаго отряда направились в Малую Чечню для наказания непокорных карабулаков. Выступление из лагеря при Назрани этих войск, а в составе их и литовцев, последовало 3-го мая. Отряд двинулся к Фортангскому ущелью и в тот-же день, имея на пути перестрелку с неприятелем, прибыл к укреплению Нестеровскому на р. Ассе[166], где и ночевал, а на другой день, переправившись через лесу, направился к р. Фортанге, по достижении коей пехота отряда остановилась, кавалерия-же, под начальством подполковника *барона Вревскаго*(здесь и далее курсив автора. – Сост.), выдвинута была к аулу Бумут, находившемуся на Фортанге-же, и, по достижении этого аула, напала на него, причем, под силным огнем чеченцев, отбила принадлежавший им скот (баранту), после чего последовало обратное движение отряда к укр. Нестеровскому, на следующийже день - 5-го мая, войска возвратились к Назрани, где и расположились попрежнему лагерем. Словом, совершен был обычный набег на неприятельский аул, что, как сказано было выше, широко практиковалось на Кавказе и давало обыкновенно проблематические результаты, так как горцы имущество свое почти всегда успевали до нашего прихода унести из аулов в леса и трущобы; там-же укрывались и семейства горцев во время нашего набега, когда-же мы уходили обратно, то все обыкновенно возвращалось на старое место, причем сакли в разоренном или сожженном нами ауле весьма скоро были возобновляемы, для чего материал (камень, дерево, глина) был у горцев под рукою в изобилии; снова после того начинались хищничества обитателей только-что наказаннаго аула, и снова приходилось предпринимать набег. Получалось таким образом какое-то perpetuum mobile, происходили военныя действия, имевшия характер каких-то реляционныхъ прогулок в виде грохота пушек, свиста пуль, щелканья их по деревьям в лесу, гиканья горцев, криков ура, смешанных со стонами раненых, словом, всего того, что в глазах тогдашней военной молодежи окружало службу на Кавказе своеобразным поэтическим ореолом...

На другой день (16-го мая) войска отрядов Фрейтага и Нестерова оставались в лагере на берегу Гехи, ожидая прибытия депутатов от окрестных жителей с изъявлением обещанной покорности, но вместо этого горцы, при наступлении ночи, стали обстреливать наше расположение, так, что 17-го мая решено было, дабы наказать их, двинуться вниз по течению Гехи и уничтожить запасы, какие только могли оказаться в окрестных аулах, а равно и самые аулы. При приведении этого в тот день в исполнение были заняты и истреблены

[166]Против Галашевскаго ущелья.

покинутые жителями аулы Гехин-Кож и Дерби-Юрт, причем горцы, засев в ближайших балках, упорно и долго поддерживали весьма сильный огонь, но в конце концов были выбиты оттуда картечью двух легких орудий. 18-го мая полковник Нестеров с частью войск, продолжая начатое, занял, при перестрелке с горцами, аул Пешкой-Розьни и тоже подверг его сожжению.

Чеченцы и после этих репрессий не являлись с изъявлением покорности...

Спустя неделю после того (16-го июля) роты литовцев с другими частями Назрановскаго отряда выступили опять в Малую Чечню для обычнаго наказания горцев за набеги и достигли в тот день укрепления Волынскаго, откуда ночью двинулись далее к р. Ассе, переправились через нее и направились к Фортангскому ущелью. Кавалерия, под начальством подполковника барона Вревскаго, была выдвинута при этом вперед и с наступлением дня 17-го июля внезапно напала на ближайший к упомянутому ущелью аул Бумут, уже бывший в начале мая объектом действий Назрановскаго отряда, о чем было сказано выше. Нападение сопровождалосьполным успехом - аул был взят, причем кавалерия отбила у горцев скот (баранту); словом, дело окончилось раньше, чем остальныя части отряда прибыли к Бумуту. Так как цель нашего набега была достигнута, то в тот-же день отряд двинулся оттуда обратно к р. Ассе, причем чеченцы, по обыкновению, напали на наш арьергард, завязавший с ними перестрелку, кавалерии-же пришлось даже атаковать толпы неприятеля. 18-го июля отряд прибыль к укрепл. Волынскому и, продолжая движение, в тот же день возвратился к Назрани….

Осенью [1844 г.] еще раз ротам 1-го баталиона полка пришлось принять участие в набеге войск Назрановскаго отряда в пределы Малой Чечни, для чего отряд этот выступил 17-го ноября к р. Ассе, где и ночевал, а на другой день 18-го двинулся оттуда к аулу Пхан-Кичу, взял его и истребил все собранные там горцами запасы, после чего направился обратно к р. Ассе. Чеченцы, собравшись в большия толпы, не замедлили, конечно, напасть при этом на боковыя цепи и арьергард отряда, бывший под начальством полковника *Ильинскаго,* которому и пришлось отбивать неприятеля, пуская, между прочим, в атаку на него конницу. Последняя, отразив чеченцев, преследовала их; словом, происходило обычное на Кавказе арьергардное дело, продолжавшееся до прибытия отряда на ночлег, который назначен был на р. Ассе. Оттуда отряд 19-го ноября возвратился к Назрани, чем и закончил свою боевую деятельность в 1844 г., так как через день, т. е. 21-го ноября, был уже распущен на зимния квартиры...

Текст воспроизведен с нашими сокращениями по изданию:Павлюк К.К. История 51-го пехотного Литовского Е.И.В. наследника Цесаревича полка:

1809-1909 гг. / Сост. Ген. штаба полк. Павлюк, бывший офицер Полка. - Одесса: Б/и. Типо-литография штаба Одесского военного округа, 1909. Т. 1. С. 348-364.

****

А.Л. ЗИССЕРМАН.
ДВАДЦАТЬ ПЯТЬ ЛЕТ НА КАВКАЗЕ (1845-1848).

Зиссерман, Арнольд Львович (1824-1897), происходил из обрусевшей немецкой семьи, жившей в г. Каменец-Подольский. В 1842 г. В 18-летнемвозрасте Арнольд Зиссерман добился поступления на гражданскую службу письмоводителем в палату государственных имуществ в далеком Тифлисе. В 1844 г. по собственному желанию,вследствие живого интереса к горцам Кавказа, перешел в канцелярию начальника Тушино-Пшаво-Хевсурского округа с центром в горномселении Тианети/Тионети.С 1846 г. начал печататься в тифлисской газете «Кавказ»

А.Л. Зиссерман быстро изучил грузинский язык и объездил большую часть округа подружившись с многими лицами из тушинцев, хевсур и пшавов, а также чеченцев-кистинцев. В 1847-1848 гг. он пожалуй первый европеец (если не считать русских гонцов в Кахетию пересекавших Аргунское ущелье в XVII в.) проехавший и описавший верхнюю часть Аргунского ущелья (прорезавшего Боковой хребет Главного Кавказского хребта), с обществами Шатили (Хевсуретия), Малхиста и Майсты (Чечня) и их жителей.

Более того, в своем большом мемуарном произведении: «ДвадцатьпятьлетнаКавказе,1842—1867гг.», он дал развернутое этнографическое описание высокогорных закавказских племен – тех же тушинцев, хевсур и пшавов. Потому мы и поместили его сведения в контексте наших «чеченских» нарративных материалов XIX в., памятуя, что указанные народности, во-первых, очень близки к чеченцам (в историческом, языковом и этнографическом плане), во-вторых сохранили к первой половине XIX в. нетронутыми - общие для горцев, по обе стороны хребта, старые языческие традиции. Единственно, они утратили по большей части свой исконный нахский язык восточной части Закавказья (сохранившиеся осколки которого назывались теперь бацбийским и кистинским «наречиями» чеченского языка), в пользу грузинского[167].

Гражданский чиновник А.Л. Зиссерман в 1849 г. был по собственному желанию переведен младшим офицером на военную службу, где участвовал во всех крупных событиях Кавказской войны. В 1867 г. вышел в отставку в чине

[167] Ахмадов Я.З., Гумба Г.Д., Курумов Д.С., Хасмагомадов Э.Х. История нахов Передней Азии, Кавказа и Чечни с древнейших времен до конца XV века. – М.: Изд. Литера, 2019. С.539-543.

полковника и, уже в качестве военного историка, написал целый ряд «кавказских» работ.

Произведение мемуарного плана, из первой части которого мы взяли данные извлечения относящиеся к положению высокогорных обществ Грузии и Чечни в 1845 и 1848 гг., вышло в печать в 1879 г.: Зиссерман А.Л. Двадцать пять лет на Кавказе (1842-1867) / [Соч.] А.Л. Зиссермана. Ч. 1-2. – СПБ.: Б/и. Тип. А.С. Суворина, 1879.

* * *

ЗИССЕРМАН А.Л. ДВАДЦАТЬ ПЯТЬ ЛЕТ НА КАВКАЗЕ. гг. Ч.1. (1842-1851)

IV.

…Прежде чем продолжать рассказ, считаю нужным сказать несколько слов об официальном значении Тушино-Пшаво-Хевсурского округа, его отношениях к высшим властям и прочем. Округ заключал в себе значительное пространство Главного Кавказского хребта по обоим его склонам, населенное в диких, труднодоступных ущельях тремя племенами, по которыми и назван округ; кроме того, Тионетскую долину в верхнем течении Иоры с грузинским населением и три деревни в Кахетии, ближе к округу лежащие, причисленные к нему…

Округ, входя в состав Тифлисской губернии, подчинялся губернатору и всем губернским учреждениям, … в отношении обороны и других этого рода дел округ был подчинен и военному начальству Лезгинской кордонной линии…

...VI.

…Тушины, живущие зимой на левом берегу Алазани, в Кахетии, при наступлении жаркого времени, обыкновенно в половине июня, перекочевывают в свои горные аулы, в ущельях Главного хребта. В это время соседние лезгины, особенно дидойцы, вечно враждующие с тушинами, собираются партиями по дороге и нападают на перекочевывающих, не имеющих возможности хорошо защищаться на сильно пересеченной местности, обремененные притом семействами, вьюками и стадами. Чтоб обезопасить их путь и вместе с тем доставить для расположенного в передовых горах караула на лето провиант, Челокаев[168] собрал человек 200 отборной милиции, и 5 июня мы отправились по ущелью реки Шторы на гору Накерали, лежащую посредине перехода в горную Тушетию…

[168]На то время Челокаев Михаил Иванович, грузинский князь, российский майор – начальник Тушино-Пшаво-Хевсурского округа. – Здесь и далее в сквозных сносках нами даны примечания составителя. Примечания обозначенные звездочкой сделаны автором.

Вот в таком положении провели и мы ночь на горе Накерали 7 июня 1845 года, да еще вынуждены были оставаться тут до четырех часов пополудни, чтобы выждать приближения отставших и растянувшихся кочевников, которые могли подвергнуться нападению и быть лишены всякой с нашей стороны поддержки…

Мы тронулись, таща за поводья едва переставлявших ноги лошадей, спустились версты четыре ниже на поляну, поросшую густой травой, и расположились ночевать. С левой стороны у нас к обрыву тощая растительность в виде нескольких корявых берез и дубнячка, куда мы тотчаси отправили людей нарубить веток, … Не прошло нескольких минут, посланные прибежали сказать, что внизу, под обрывом виден значительный дым, что это, без сомнения, неприятельская партия, расположившаяся на ночлег, и что они не рубили дров, чтобы стуком не обратить на себя внимания… Выбрав человек до пятидесяти лучших людей, мы пустились вниз без дороги, поддерживая друг друга, цепляясь за березки и бурьяны, в направлении виденного дыма…

Не более пятидесяти саженей от нас сидели два караульных лезгина, занятые разговором; шагах в ста за ними виднелись несколько наскоро сложенных из ветвей балаганов, в которых человек около ста горцев расположились, как видно было, ночевать: кто спал, кто чистил оружие, кто сушил у разведенных костров одежду. Осмотрев все подробно, мы решились воспользоваться беспечностью партии и нечаянностью нападения скрыть нашу малочисленность. Пройдя незаметно еще саженей двадцать, тушины первыми выстрелами отправили двух караульных к праотцам, затем с криком «ги!», как-то особенно пронзительно прозвучавшим в ущелье, бросились вперед, дали залп в смешавшихся и оторопевших лезгин и выхватили сабли… Несчастные горцы, не успев захватить даже всего своего оружия, бросились бежать в разных направлениях, а крики «ги!», одиночные выстрелы преследующих тушин за ними…

Смерклось. Изредка раздавались еще вдали выстрелы и гик. Люди начали собираться к лезгинским балаганам, где мы за наступившей темнотой остались ночевать. Четырнадцать трупов валялись кругом; много оружия, бурок, *гуды* (кожаные мешки) с сыром, курдюком (бараний жир), оленьей колбасой да несколько ременных арканов, на которых лезгины уводят пленных, были нашей добычей…

Поутру мы возвратились к своим на гору, встреченные выстрелами и поздравлениями. 14 кистей правых рук убитых неприятелей были отрезаны и воткнуты на палки… Таков исконный горский обычай…

Когда подошли все тушинские караваны, мы проводили их до более открытых, безопасных мест и отправились тем же путем обратно. Проезжая через кахетинские деревни с наткнутыми на палки кровавыми трофеями, тушины

делали выстрелы, пели хором свои дикие песни и гордо кивали головами на искренние приветствия грузин, очень радовавшихся пораженииюисконных своих врагов…

От тоски одиночества и вообще страсти к переменам я пользовался малейшим предлогом и почти беспрерывно разъезжал, особенно в ближайшую к Тионетам Пшавию, по ущельям истоковИоры и Арагвы. Повсюду голые скалы да горы, изредка поросшие мелким кустарником; деревни висят, как гнезда, над крутыми обрывами; сакли, сложенные из плитняка, без извести и глины, построены ярусами, одна на другой, у большинства – башни с бойницами…

...XIV[169].

Часу в пятом мы достигли вершины: нам открылась поразительная картина громадного снежного пространства, подобного океану, застывшему в минуту сильного волнения; …

Первую половину спуска мы совершили очень удобно и весело, съезжая на бурках, как на салазках; на северном склоне, понятно, снег был еще крепче; вторую половину, где из-под снега уже торчали камни, мы прошли довольно скоро и без особых приключений достигли ущелья Аргуна. Стало смеркаться, оставалось пройти еще несколько самых трудных верст, с переправой по тем чертовым мостикам, о которых я уже рассказывал. В.[170], закрывавшего глаза, почти переносили на руках; он опять побледнел, безжизненные глаза не двигались, и брани его не было слышно только благодаря реву бешеного Аргуна; он как-то машинально подвигался, отдавшись на волю приставленных к нему двух здоровенных хевсур… Наконец, уже совсем поздно достигли мы Шатиля и остановились на ночлег в той самой башне, в которой провел целую зиму 1812 года грузинский царевич Александр Ираклиевич, бежавший сюда после усмирения нами кахетинского восстания, имевшего целью возвратить ему престол Грузии.

XV.

На другое утро полковник В. первый заговорил о деле, … Вопрос заключался главное в том, что теперь делать дальше? …Я напомнил прежде всего главную суть моей записки, вследствие которой он и командирован, то есть, что с проложением удобного пути через Хевсурию мы получаем возможность удобнее управлять ею и открыть с этой стороны действия вниз по реке Аргуну навстречу

[169] Здесь и далее дается описание путешествия А.Зиссермена в марте 1848 г. в Хевсуретию (общество Шатили), аулы Горной Чечни, Ингушетии и, до Владикавказа.

[170] Полковник Генерального штаба, долженствующий оценить возможность продвижения русских сил по верховьям р. Аргун из Кахетии через Хевсуретию в Чечню. Автор не раскрывает его фамилию обозначая своего спутника инициалом «В».

войскам, двигающимся из Чечни вверх и занявшим, очевидно, с этой целью еще в 1844 году аул Чах-Кари, где и выстроена крепость Воздвиженская (штаб-квартира Куринского егерского полка). Ближайшим результатом движения от Шатиля, прибавлял я, было бы покорение соседних кистинских обществ и избавление Тушинского округа и Верхней Кахетии от их хищничеств; отсюда (посредством кордона) можно войти в связь с Владикавказским военным округом, отрезав все лежащее на этом пространстве население от подчиненности Шамилю и значительно обеспечив таким образом спокойствие на Военно-Грузинской дороге, этой важнейшей артерии, связывающей нас с Россией…

Но чтобы В. мог лично и вполне уяснить себе пользу и доступность связи отсюда с Военно-Грузинской дорогой и определить, какие для этого потребовались бы средства, я считал необходимым совершить и другую половину пути, от Шатиля до Владикавказа, невзирая на то, что тут придется вступить в борьбу не только с природой, но и с опасностью другого рода, именно: с возможностью попасть в руки непокорных горцев, через некоторые аулы коих придется проходить…. Я утверждал, что предприятие имеет все шансы благополучного исхода благодаря именно глубоким снегам[171] и отвратительному времени, в которое горцы сидят по своим саклям, как сурки, да тем мерам предосторожности, которые будут приняты, и наконец, эффект, какой произведет в целом крае и даже в Петербурге известие о таком рискованном путешествии полковника Генерального штаба, приближенного к главнокомандующему лица. Последний аргумент, казалось, возымел хорошее действие, и В. стал уже добиваться подробностей, как я думаю устроить этот переход, без явной опасности быть взятыми горцами первого же непокорного аула и отправленными на веревке к Шамилю.

Мой план путешествия был очень прост: во-первых, до выступления следовало не только никому не говорить об этом, а напротив, показывать вид, что мы собираемся обратно тем же путем, каким пришли в Шатиль; во-вторых, выбрать из шатильцев двух молодцов, бывалых в тех местах, по коим предстоит проходить, … Я рассчитывал, что в это время (март) там едва ли придется и встречать кого-нибудь, а если бы и встретились одинокие горцы, то нам, пятерым, бояться их нечего; аулы же мы постараемся обходить или ночью, или как можно дальше. Шатильцы все говорят по-кистински (почти то же, что по-чеченски), следовательно, могут на вопросы встречных отвечать весьма правдоподобно, что мы разыскиваем для выкупа пленных и т. п., а в этих случаях все горцы весьма снисходительны. Понятно, что В. и его урядник должны были нарядиться по возможности так, чтобы не быть похожими на русских. Первую ночь придется, вероятно, провести где-нибудь в скрытом лесистом месте, а к

[171] Речь идет о марте 1848 г. в условиях высокогорья.

вечеру другого дня я рассчитывал быть уже в Цори – общество, считавшееся тогда якобы покорным, то есть не явно с нами враждовавшим. Там, пожалуй, можно будет, уже не скрываясь, попросить у старшины ночлега и нанять оттуда даже верховых лошадей с проводниками до самого Владикавказа, конечно, все за щедрую плату. Я был почти совершенно убежден, что мы непременно благополучно проберемся, если только шатильцы согласятся нам сопутствовать, на что они, знакомые вполне со всеми местными обстоятельствами, если бы была явная опасность, конечно, не решились бы – при всей своей известной храбрости они больше нас дорожат жизнью и играть ею не станут…

Шатиль, хевсурский аул, тогда крайний предел покорной нам страны, имеет около пятидесяти домов и может выставить не более двух сотен человек, способных носить оружие. Но эта горсть людей, жившая постоянно в тревоге и опасности, привязанная к своему родному гнезду, отличалась замечательной отвагой. Шатильцы не только защищались от всех неприятельских покушений, но сторожили вход в остальную Хевсурию, составляли нечто вроде Хевсурского Гибралтара и пользовались за то общим уважением, играя роль национальной аристократии. В 1843 году известный наездник помощник Шамиля Ахверды-Магома[172] с несколькими тысячами горцев окружил Шатиль, требуя покорности. Шатильцы, запершись в своих труднодоступных башнях, три дня держались против этой в пять – десять раз превосходившей их толпы, убили ружейным выстрелом самого Ахверды-Магому и до сотни его людей; неприятель, опасаясь быть отрезанным могущими подоспеть подкреплениями, должен был уйти ни с чем. Из двух попавшихся при этом в плен шатильцев один был зарезан на могиле Ахверды-Магомы, а другой успел бежать. За этот подвиг шатильцы по высочайшему повелению получили, кроме нескольких Георгиевских крестов и медалей, триста четвертей хлеба, пять пудов пороху, десять пудов свинцу, и приказано было обнести аул каменной стеной, вделав в нее приличную надпись.

Я часто бывал в Шатиле, производившем на меня особого рода поэтически-воинственное впечатление. Это дикое ущелье, сдавленное громадными навесными скалами, этот неистовый рев Аргуна с какими-то по временам отголосками будто дальних пушечных выстрелов (вероятно, от катящихся больших камней); эти почти дикие обитатели, в своих странных костюмах и оружии, со щитами и шлемами напоминающие средневековых рыцарей-крестоносцев, как-то особенно гордо на все взирающие; закоптелые стенки башен, унизанные кровавыми трофеями (кистями правых рук) да множеством огромных турьих рогов, за коими шатильцы взбирались на вершины

[172]Ахверды-Магома (Ахбердилав) - мудир (губернатор) Малой Чечни, занимал важное место в иерархии Имамата. Погиб под Шатили и похоронен 18 июня 1843 г. в селении Гуш-корт Шатоевского нагорья Чечни.

недоступных скал и снежных вершин, – все это, повторяю, производило впечатление трудно передаваемое. С шатильцами я был в наилучших отношениях и оказывал им при всяком случае предпочтение перед другими жителями; у них, впрочем, было менее всех споров, тяжб и вообще наклонностей к сутяжничеству, чем отличались другие хевсуры и особенно пшавы. Некоторые из шатильцев, чаще пускавшиеся в Грузию для закупок, посещали меня всегда в Тионетах,… Особенно один, звали его, кажется, Важика (уменьшительное от *важи* – храбрый), чаще у меня бывал, выказывая искреннюю преданность. Я решился обратиться к нему насчет предстоявшего перехода во Владикавказ…

Важика недолго думал и согласился; он не только разделял мои надежды, но почти ручался за благополучный исход, тем более что имел в соседнем кистинском обществе Митхо[173] много знакомых и *дзмобили* (курсив здесь и далее принадлежит автору. – Сост.). У хевсур и соседних горцев существует обычай *удзмобилоба* – братание. Два человека, оказавшие взаимную услугу или близко знакомые и желающие теснее сдружиться, совершают обряд, заключающийся в том, что наполняют ковшик водкой или пивом, старший или более зажиточный опускает туда серебряную монету, и оба по три раза пьют, целуясь за каждым разом, затем желают друг другу победы над врагом, клянутся быть братьями и не жалеть взаимно крови своей. Освященный временем, обычай этот, как и вообще всякие другие обычаи, соблюдается так строго, что примеры, где названные братья друг за друга делались кровоместниками или и совсем погибали, вовсе не редкость.

Затем Важика назвал мне товарища, которого он намерен был пригласить, и кроме того, указал мне на одного из числа наших провожатых хахматского хевсура как на человека, известного своей храбростью, ловкостью и тоже знающего кистинский язык, советуя взять его с собой, ибо на всякий случай лишний де человек не помешает. Условившись еще насчет различных подробностей, мы разошлись…

Наконец, попрощавшись со всеми и отклонив предположенные проводы Челокаева, мы тронулись в путь по левому берегу Аргуна, едва заметной, полузанесенной снегом тропинкой. Порядок марша установили мы следующий: впереди шатилец (авангард), затем Важика и я (главная колонна), далее урядник Астахов, ведущий *катера* (обоз)[174], и г-н В. с хахматским хевсуром (арьергард). У последнего за спиной была *гуда* (кожаный мешок) с драгоценными остатками

[173] Митхо – Малхиста (букв. солнечный край, солнечное место), одно из древнейших обществ Горной Чечни исторически связанное с Хевсуретией и Кахетией единственной тропой на юг ущелье Аргуна. Известно своими средневековыми башенными и склеповыми постройками.

[174] Катер – мул, животное незаменимое на Кавказе для перевозки грузов в условиях высокогорья.

тифлисских запасов: бутылки три рому и две портеру, немного сардинок, сыру и прочего.

XVI.

Поднявшись на возвышенную плоскость, о которой я уже упоминал прежде, мы на полускате достигли небольшой непокорной кистинской деревушки Джарего[175], которую никак нельзя было миновать. К счастью, мы застали дома одного из друзей наших шатильцев, вызвавшегося за приличное вознаграждение провожать нас до Владикавказа. Он недолго собирался, и мы пустились далее в ущелье, занятое шестью аулами общества Митхо, и прошли его боковыми дорожками.

Не более десяти верст прошли мы от Шатиля, а какая разница в характере местности, в постройке домов, в физиономии, костюме и вооружении жителей! В Хевсурии горы – масса громадных скал, из трещин которых изредка торчат сосны; здесь они не скалисты, гораздо ниже, покатости покрыты травой, дома не так стеснены, лучше построены, смотрятся опрятнее, по углам каждой деревни симметрично расположены башни. Кистины говорят чеченским наречием, одеваются по-черкесски, в ногавицы и чувяки, винтовки в войлочных чехлах, за туго стянутым поясом, с большим кинжалом, оправленный в серебро пистолет, шашек почти не употребляют, лошади редкость. Походка и все движения кистин очень грациозны, физиономии привлекательны, бритые головы, подстриженные бородки напоминают уже мусульманство, хоть они весьма плохие магометане, невзирая на все старания шамилевских мюридов. Здесь видны остатки некогда бывшего христианства, но все это смешалось с язычеством, исламизмом и составило какую-то особую религию. Они называют христиан неверными, а поклоняются святому Георгию; они не едят свинины, имеют по несколько жен, вступают в брак со вдовами своих братьев, но не делают никогда намаза, нет у них ни мечети, ни мулл. В каждом ауле есть кто-нибудь из более уважаемых жителей, считающийся старшиной, но власть его номинальна, в более важных спорах избирают посредников из стариков, знающих все старые обычаи.

Выбравшись из Митхойского ущелья[176] на довольно крутой подъем, мы увидели почти все окрестные кистинские общества; за ними постепенно расширявшееся ущелье Аргуна, поросшее темными лесами, множество горных хребтов, пересекавшихся в разных направлениях, полупокрытых снегом, и затем на горизонте синевато-темная полоса Черных гор, ясно обозначавших рубежи Чечни.

---

[175] Джарего – Джарие, одно из основных селений общества Малхиста.

[176] Малхистинское ущелье, которое хевсуры называли Митхойским (что в принципе на бацбийском языке тушинцев также означало «солнечное»).

Спустившись с высоты в какое-то глухое, дикое ущельице, мы опять поднимались то по снегу, то по камням, опять спускались, и вообще дорога была очень утомительная, а ноги мои, обутые в хевсурские кожаные лапти с ремешковыми подошвами, исцарапались кое-где до крови… Между тем нужно было спешить, чтобы не пришлось ночевать в поле.

Одним из опаснейших пунктов на нашем пути была деревня Гул[177] с весьма хищническим населением; нужно было обойти ее по весьма узенькой тропинке, на которой за довольно густым кустарником мы отчасти могли быть скрыты от аула. Почти смерклось, когда мы достигли того места и с большим трудом, двигаясь осторожно, чтобы не оборваться с кручи, кое-как миновали это пространство и пустились дальше берегом незначительной речки.

Было уже совсем темно, когда лай собак известил нас о близости большого аула Цори, в котором старшина Бехо был нам известен как приверженец русских властей во Владикавказе, куда он свободно ездил, занимаясь торговыми делишками, пользуясь особым расположением генерала Нестерова, тогдашнего начальника этого округа. Мы надеялись найти у него приют и вообще всякую поддержку. Однако пускаться прямо в аул, не заручившись обещаниями Бехо и даже не зная, дома ли он, я не решился, и потому счел за лучшее послать вперед присоединившегося к нам в Джарего кистина переговорить с Бехо о принятии неожиданных гостей. Пока посланный возвратился, мы часа полтора просидели на снегу, дрожа от холода. Наконец, послышались шаги, и мы были обрадованы донельзя. Бехо был дома, приглашал к себе, ручался за нашу безопасность и выслал своего человека проводить нас до его дома. Необычное позднее вступление такой кучи людей в аул вызвало повсеместный бешеный лай собак, а затем стали выходить и люди с вопросами; кучка любопытных все возрастала, и мы достигли дома Бехо в сопровождении порядочной толпы, гуторившей без умолку и все старавшейся заглядывать нам в лица. Бехо принял нас очень радушно и все упоминал: «О, Нестеров кунак, Нестеров джигит».

В кунацкой (отдельная комната для гостей; *кунак* во всей Азии – гость, приятель) пылал огонь; земляной пол был покрыт белыми войлоками. Нас окружили женщины и дети, смотревшие с любопытством и страхом на грозных *урусс*, про которых не забыли еще с 1832 года, когда наши войска под начальством барона Розена громили их.

Хозяин приказал зарезать теленка, который и был поставлен перед нами сваренный в чугунном котле; вместо хлеба подали в другом котелке вареные

[177] В верхней части общества Цорой (Ингушетия) расположенного по речке Гулой-хи имелся аул Голух . – См.: Сулейманов А.С. Топонимия Чечено-Ингушетии. Ч.2. Горная Ингушетия (юго-западная часть), Горная Чечня (центральная и юго-восточная части). Грозный: Чеч.-Инг. кн. изд-во. 1978 . С. 64.

лепешки, вроде малороссийских галушек. Строго соблюдая чеченский обычай, Бехо ни за что не согласился сесть с нами вместе ужинать и все время стоял, прислуживая нам; подавая кому-нибудь воду, он снимал папаху и не надевал, пока не возвращали ему кувшина. Когда мы покончили с едой, он присел в угол, наскоро тоже поел и передал остатки толпившимся у дверей семье и чужим.

Наш митхойский проводник оказался виртуозом: ему принесли балалайку, формы треугольника, с тремя струнами, и он целый час распевал какие-то унылые, грусть наводившие песни; концерт закончился грациозной и живой пляской нескольких мальчиков, ловко становившихся на носки и выразивших неописанный восторг, когда я каждому дал по новенькому двугривенному.

Было уже около полуночи, когда мы, наконец, улеглись и после такого утомительного трудового дня растянулись на войлоках, сняв мокрую обувь. Хозяин погладил каждого из нас своей папахой, приговаривая «дыкин буис», то есть «доброй ночи», и ушел. В одной комнате с нами остались урядник Астахов и хахматский хевсур, а оба шатильца с митхойцем отправились спать в соседний дом. На всякий случай я осмотрел двери и ставни, задвинул их накрепко; оружие повытерли, насыпали свежего пороху на полки и прочее. Я хорошо знал, что в Азии вообще, а в Кавказских горах в особенности, поговорку «береженого Бог бережет» забывать не следует.

На расспросы о дороге до Владикавказа Бехо нам объявил, что обыкновенно они доезжают туда на другой день к раннему обеду, но если рано выехать, не жалеть себя и лошадей, то можно и к позднему вечеру в один день добраться. Мы порешили не жалеть себя и лошадей, лишь бы не пришлось провести еще ночь на открытом воздухе, или искать ночлега в каком-нибудь ауле, подвергаясь искушению туземцев приобрести лакомую добычу.

Было еще темно, когда мы согрели наскоро в медном чайнике воды, напились чаю и стали торопить отъездом. За шесть лошадей и двух конных проводников до Владикавказа Бехо взял с нас, помнится, 25 рублей, да обещание замолвить за него доброе слово генералу Нестерову. Митхойца мы отпустили назад, конечно, с приличным вознаграждением, и чуть стало брезжить, тронулись в путь. Бехо поехал тоже с нами.

Невдалеке от Цори, на холме, я заметил большой каменный крест, полупокрытый мхом. Бехо объяснил, что предки их были христиане, и по преданию крест этот поставлен их предводителем в память победы над мусульманами.

С полным восходом солнца мы достигли реки Ассы и разбросанных по ее берегам деревень общества Галгай. Все пространство до поворота реки к северу представляет ряд небольших холмов, поросших мелким лесом. Местность вообще очень живописная и резко отличается от угрюмых ущелий Главного

хребта. Галгаевцы ничем не разнятся от других кистин: они, должно быть, только богаче своих соседей, в одежде и в отделке оружия видна некоторая роскошь, часто попадаются верховые; женщины миловиднее и одеты опрятнее, в длинные, часто шелковые сорочки и ахалухи, обшитые позументами собственного изделия.

К полудню мы приблизились к трудному перевалу через хребет, составляющий левый берег Ассы. Сделав у подножия двухчасовой привал, во время которого Бехо сообщил нам кое-какие топографические сведения об окружающей местности, мы пустились далее. Дорога была адская, то по обрывистым тропинкам, усеянным огромными камнями или гладким, скользким плитняком, то по вязкой глинистой грязи, под проливным дождем. Мы подвигались весьма медленно, … Наконец, одолели мы и этот, покрытый дремучими лесами перевал и спустились в Тарскую долину[178], населенную ингушами. Здесь нам нужно было более всего опасаться встречи с хищническими шайками, которым отсюда самые удобные пути к берегам Терека, нашим главным дорогам и казачьим станицам.

Обширная Тарская долина представляет совершенно ровную степную местность; разбросанные по ней аулы совсем не то, что в горах: домики – просто плетневые мазанки с камышевыми крышами, по углам деревни деревянные вышки, на которых стояли часовые. На кладбищах поразило меня множество разноцветных значков, воткнутых в могилы, – они ставятся по убитым в делах с неприятелем, в то время, значит, с русскими. Все эти галгаевцы, ингушевцы и прочие мелкие племена по рекам Ассе, Сунже и их притокам считались тогда полупокорными, то есть не явно подчиненными Шамилю; по местности они были нам легче доступны, и сами, конечно, нашим отрядам противостоять не могли, да к тому же нуждались во владикавказском рынке. Однако это их ничуть не удерживало от участия в полчищах Шамиля против нас и, что еще хуже, от набегов мелкими шайками на наши проезжие дороги и поселения. Начальство считало нужным жить с ними на какой-то дипломатической ноге, принимать и награждать старшин, показывать вид, что верят в их преданность и прочее, чего я, признаться, никогда хорошенько понять не мог. Такие отношения слабого соседа к сильному были бы понятны, но обратно, русского начальства к каким-нибудь ингушевцам – просто забавны. Партизаны дипломатии ссылались на то, что-де и этих горцев нельзя строго обвинять за двусмысленность, так как они живут между двух огней, а мы были якобы не настолько сильны, чтобы защитить их от нападений шамилевских партии, и что все же лучше иметь их полупокорными соседями, чем совсем враждебными…

[178] По существу, Тарское плоскогорье на высоте до 900 м над уровнем моря, после короткого спуска с которого начинается Владикавказская (именуемая также Кабардинской и Камбилеевской) долина.

Было уже около девяти часов вечера, дождь не переставал лить как из ведра; все мы, особенно В., невзирая на подкрепление остатками рома, еле-еле держались на седле; лошади видимо стали уменьшать шаг, и приходилось все чаще и чаще подергивать поводом и подталкивать их шенкелями. По словам проводников, до Владикавказа оставалось еще часа три, … Проехали мы еще часа два, и силы и терпение окончательно истощились, В. пришлось поддерживать, а то он уже раза два, задремав, чуть не свалился.

Вдруг раздался пушечный выстрел… Мы просто обмерли от такой неожиданности! Понятно, нам тотчас пришла мысль, что где-нибудь вблизи появился неприятель, сделал нападение, и пушечный выстрел по обыкновению значит «тревога». Мы остановились; вдруг другой, третий выстрел, и даже огоньки показались со стороны Владикавказа.

Между тем пушечные выстрелы давно умолкли, темь стояла непроглядная, а ливень не переставал. Проехали мы, ничего не видя и не слыша, еще с три четверти часа, и вдруг с небольшого холмика увидали множество огоньков, расслышали звон церковных колоколов, лай собак – Владикавказ расстилался перед нами широкой площадью! Радость нашу при этом превзошло только разве неожиданное восклицание часового: «Кто идет?» и на ответ наш: «Свои, русские, казаки»; опять его же громкое слово: «Христос воскрес, коли вы русские». Тут только разъяснилась загадка пушечных выстрелов! Это была ночь под Светлое воскресенье 1848 года[179], о чем мы и думать забыли, а на Кавказе это торжество издавна принято было встречать пальбой из орудий, ракетами и прочим.

Через полчаса мы сидели в гостинице Лебедева за чаем, а вся трактирная прислуга толпилась у дверей, оглядывая нас, как редких зверей; очевидно, Астахов успел уже в буфете разразиться после долгого молчания самым фантастическим рассказом о нашем путешествии…

Генерал Нестеров, старый знакомый В., встретил его в передней объятиями, поцелуями и закидал вопросами: как, что, откуда? Изумлению его не было конца, и на лице ясно даже выразилось сомнение в истине рассказа…

XVII…

…До выезда из Тифлиса[180] мы были приглашены еще на большой бал, обыкновенно дававшийся князем[181] в конце Святой недели. По ходатайству В. пригласили и хахматца, получившего за оказанные услуги серебряную медаль на шею. На балу он обратил на себя всеобщее внимание своим оригинальным

[179] 11 апреля по старому стилю, или 23 апреля по-новому.

[180]Нами опущено описание пути из Владикавказа по Военно-Грузинской дороге и разных встреч. Участники экспедициинаходились уже в Тифлисе.

[181] Имеется в виду князь М.С. Воронцов, генерал от инфантерии, имперский наместник Кавказа в 1844-1854 гг.

костюмом и вооружением, вовсе не похожими на употребляемые другими кавказскими горцами. Хевсуры носят железные суточные панцири[182], круглые железные щиты и прямые палаши, как средневековые воины, а на платье нашивают из цветной тесьмы, преимущественно желтой, кресты; женский костюм у них совершенно своеобразный: на голове тюрбаны, вроде турецкой чалмы, платья с короткими юбками, обшитыми в два-три ряда воланами, и с фижмами, длинные чулки при отсутствии неизбежных у всех азиатских женщин шальвар, на руках браслеты, большей частью серебряные, такие же серьги. По этим костюмам, вооружению, множеству палашей с надписями: *Solingen, vivat Husar, vivat Stephan Batory, Gloria Dei* и т. п. и еще по многим обычаям и привычкам хевсур я приходил к заключению, конечно, гадательному, не потомки ли они крестовых рыцарей, партия коих могла быть заброшена в трущобы Кавказского хребта и вынуждена остаться там навсегда? Затем, обзаведясь женами из ближайших горногрузинских ущелий, они усвоили себе и язык их…

...XVIII.

…Как только стаяли снега и наступило удобное время для разъездов по горам, я оставил Тионеты, чтобы в последний раз побывать в ущельях Пшавии и Хевсурии и распрощаться с местами, к которым я в течение четырех лет не только привык, но чувствовал какой-то особенный род привязанности… Я провел в этих разъездах все лето, посвящая большую часть времени разбирательству бесконечных тяжб горцев между собой и целыми обществами да наблюдениям и собиранию материалов для подробного описания Пшавии и Хевсурии.

В половине июля [1848] я переехал из Шатиля в один из самых диких аулов Ардотского ущелья Муцо[183], прилепившийся в виде большого орлиного гнезда на вершине полуотвесной скалы. Как Шатиль составлял крайний пункт наших владений на Аргуне и граничил с непокорным обществом Митхо, так Муцо был крайний пункт правее Аргуна, в Ардотском ущелье, и прилегал к враждебному обществу Майсти[184], из которого хищнические шайки чаще всего проникали в округ. Успешный исход рискованного путешествия с В. разохотил меня к подобным предприятиям, и непреодолимое любопытство влекло меня посетить Майсти, осмотреть окрестности правее Аргуна и с большой высоты Майсти-Тави (через которую нужно было проходить) увидеть панораму Чечни и прорезывающего ее надвое Аргунского ущелья, в конце которого, на месте аула

[182] Единственное предположение, что имелись в виду «сеточные панцыри», т.е. кольчуги из стальных колец соединяемых в виде сетки.

[183] Муцо – хевсурский башенный аул пограничный Чечне.

[184] Майста - как и Малхиста одно из древнейших горных обществ Чечни (располагалось по речке Майстойн-эрк в одном из боковых ущелий бассейна Аргуна в соседстве с Малхистой), оставалось малодоступным вплоть до последнего десятилетия XX в.

Чах-Кири, в 1844 году была воздвигнута крепость Воздвиженская – штаб Куринского егерского полка.

В Муцо жили несколько семейств кистин, переселившихся сюда, скрываясь от преследования кровомстителей. Один из переселенцев – Лабуро, тот самый, который был со мной в Тифлисе, вызвался по моему желанию сходить в Майсти, узнать, что там делается, и, если окажется удобным, переговорить с одним из тамошних вожаков о моем намерении посетить их. На третий день он возвратился с весьма благоприятными известиями: самый удалой и почетный из майститцев – Джокола заверял, что я могу смело прийти к ним и положиться на его слово и священный закон гостеприимства.

Недолго думая, я решился привести свою затею в исполнение, и 18 июля 1848 года в сопровождении Лабуро, одного хевсура из Муцо, моего Давыда и рассыльного Ниния Далакия Швили… пустился пешком в путь, взяв с собой всяких запасов на несколько дней. Не помню, наверное, но, кажется, был со мной и некий князь Эристов, бедный молодой человек, служивший в округе в качестве начальника горных караулов.

Перебравшись с немалыми трудами через хребет, во многих местах еще покрытый снегом, мы достигли лесного урочища Гаришка, и, хотя было еще рано, но решились остаться здесь ночевать, не надеясь засветло достигнуть.

Майсти. Здесь, в глубине ущелья, я в первый раз видел большого совершенно черного медведя – чрезвычайную редкость на Кавказе. Над урочищем тянулся гребень острых шиферных плит, и только в некоторых промежутках выдвигались холмики, поросшие влажным мхом. Лабуро, опытный охотник, нашел, что такие места – самое любимое пребывание тура и что можно бы до потемок еще поохотиться. Оставив Давыда с хевсуром разводить огонь, греть воду и вообще готовить ночлег, мы тотчас отправились за Лабуро на гребень; карабкаясь по острым ребрам плитняка, я окончательно убедился, что едва ли в какой-либо другой обуви, кроме хевсурской с плетеными ремешковыми подошвами, можно двигаться по таким местам, но и при этом нужно иметь много привычки и крепость нервов необычайную. Через полчаса карабканий мы вдруг услышали шум посыпавшихся с кручи камней, и вслед за тем из лощинки показалось несколько туров: впереди предводитель с огромными рогами, за ним штуки три-четыре поменьше и без рогов; оглянувшись в нашу сторону и как бы нюхнув воздуху, они вдруг, как по команде, сделали прыжок в сторону с кручи, головами вниз; в эту минуту раздались наши выстрелы, один из безрогих взмахнул набок задними ногами, и все исчезло…

Но как только показались первые лучи солнца, мы поторопились тронуться дальше…, затем пустились дальше, все по гребню, по узкой каменистой тропинке, пока не достигли покатости, с которой начинался уже спуск на

северную сторону хребта. Ближе к нам, с правой стороны, в боковом ущелье виднелись аулы Майсти; дальше, по едва заметному направлению Аргуна, открылся вид на Чечню, но все представлялось сплошной массой пересеченных лесистых хребтов, и никакого определенного понятия о местности составить нельзя было.

Не доходя несколько верст до Майсти, мы были встречены Джоколой с двумя товарищами, поздравлявшими нас с благополучным приходом. Джокола – стройный горец лет тридцати, с блестящими карими глазами и темно-русой бородой, ловкий, полный отваги, протянул мне руку, которую я принял, выразив благодарность за доброе расположение и готовность познакомить меня с его родиной. Часов около двенадцати мы, наконец, вошли в аул Погой[185], в дом Джоколы.

Я достаточно исходил кавказские горы во всех возможных направлениях, но ничего угрюмее, мрачнее ущелья, в котором расположены три аула общества Майсти, я не встречал. Один носит название: Цахиль-Гой[186], то есть Деревня Креста, без сомнения здесь была когда-нибудь христианская часовня. Бедность жителей самая крайняя, за совершенным отсутствием не только пахотной земли, но даже удобных пастбищ; все ущельице – почти ряд голых, неприступных скал; лучи солнца проникают в него на несколько часов, а зимой, вероятно, весьма редко и не более как часа на два; все достояние жителей – оружие да несколько коров и коз; соседи они весьма беспокойные, и хищничество составляло их специальность. Таково это общество, подобное которому едва ли можно встретить еще где-нибудь. Интересно бы узнать, что они делают и как живут теперь, когда с покорением всего Кавказа и утверждением нашей власти их ремеслу должен был быть положен предел. Оставаясь на своих местах, едва ли они могли найти достаточные средства для существования – может быть, переселились на более удобные места?

Несмотря, однако, на бедность, для угощения меня зарезали барана, которого тут же стали варить; дым, не находя выхода, клубами поднимался к потолку, давно уже поэтому принявшему лоснящийся черный цвет. Вся деревушка состоит из двухэтажных башен, в верхней части коих помещаются люди, а в нижней – корова, несколько овец и запас кизяку. Хозяин долго рассказывал мне о притязаниях мюридов укрепить между ними мусульманство, о том, как Майсти еще недавно отстояли свою независимость, прогнав толпу чеченцев, окруживших их деревню по приказанию Шамиля; затем о своих набегах с мелкими партиями в верховья Алазани, откуда он не раз приводил пленных кахетинцев и т. д. После ужина он развлекал меня игрой на балайке, пел,

[185] Погой — Пуогой.

[186] Цахиль-Гой – вероятно ЦIа-кале (ЦIекхаьллой).

плясал – одним словом, старался выказать полнейшее радушие. Я предложил ему «побрататься», на что он с радостью согласился. Я подарил ему три серебряных рубля и пистолет, а он мне – отличный кинжал.

Утром человек пятнадцать собрались поздравить меня с приходом. Поблагодарив их, я обещал им дружбу, готовность быть при случае полезным и просил их жить, как добрым соседям подобает. По моему предложению затеяли стрельбу в цель. На расстоянии 200 шагов была поставлена расколотая палка и в ней пожертвованный мной серебряный рубль, служивший и целью, и призом. Много было отличных выстрелов, опрокидывавших даже палку, но рубль все еще оставался на своем месте; наконец, один старик, стрелявший уже два раза, с некоторой досадой передал ружье своему сыну лет десяти или одиннадцати; тот весьма проворно сам зарядил длинную винтовку, уселся на землю, уперся в коленки, стал целиться и выбил монету из палки. Нужно было видеть торжество мальчика и радость отца! Впрочем, у горцев это не редкость: я в Шатиле не раз видел, как мальчишки девяти-десяти лет по нескольку человек упражнялись в стрельбе в цель, с большим искусством попадая в едва заметные точки. При появлении неприятеля многие из мальчиков выбегали с винтовками на тревогу.

Часу в одиннадцатом в сопровождении *брата* Джоколы и еще нескольких кистин мы отправились из этой в следующую деревню Тут-Гой[187], куда нас пригласил на ночлег родственник Джоколы – Тешка. Вечером собралось в маленькую его башню много гостей, с большим любопытством смотревших на меня, на мой щегольской черкесский наряд и красиво отделанное оружие. Несколько прехорошеньких девушек, одетых в длинные красные или желтые сорочки, ахалуки, подпоясанные ременными кушаками по горскому обычаю, импровизировали в честь мою песнь, превознося мою храбрость, отвагу, меткость в стрельбе, ловкость в верховой езде и тому подобное – в глазах горцев наивысшие достоинства человека. После под звуки балалайки и другого инструмента, по волосным струнам которого играют смычками, как на виолончели, три девушки показали мне образец своей живой грациозной пляски, выделывая с необыкновенной быстротой мелкие, частые па и становясь на кончики больших пальцев, как наши балетные танцорки. Когда я предложил им в подарок несколько мелких монет, они отвечали, что не возьмут от меня подарка, пока и я не покажу им своего искусства в пляске.

Никакие отговорки не помогли, я должен был выйти на средину, снять папаху, поклониться всей компании (таков уж общий обычай) и, выговорив себе условие получить в награду от каждой танцорки по поцелую, пустился выкидывать ногами, раскинув врозь руки, припрыгивать, потопывать – одним словом, как пляшут лезгинку в Грузии. Сделав таким образом несколько кругов

[187] Тут-Гой – ТIуга/Туга.

под общее хлопанье в ладоши, я почти насильно расцеловал девушек (ощутив при этом крайне неприятный аромат кизяку и козлиного запаха), подарил им денег и возвратился на свое место при всеобщих кликах *марджи конаг, марджи конаг!* (удалец, удалец!), а мои люди просто в умиление пришли, что я так достойно поддержал славу их начальника…

Было уже около полуночи, когда гости один за другим со словами *дыкин буис* (доброй ночи) удалились; нам на полу постлали по войлоку, и мы, наконец, улеглись. Лучина потухла, в амбразурку стены мерцала звездочка, тишина нарушалась однообразным шумом горного потока. Мне не спалось, я лежал в каком-то полузабытьи, мысли толпились каким-то хаосом. Я переносился от России к Тифлису, от родного дома и от княжеского дворца наместника к башне в Тут-Гой… Засыпая, я часто просыпался, взглядывал на окружавшие меня предметы. Как бы забыв, где и с кем я, ощупывал в головах свое оружие… Никогда не забуду я этой ночи! Занесенный в такую даль, в дикий, оторванный от всего известного мира угол, в трущобу живущих разбоем дикарей, не признающих ничьей власти, я веселился, рискуя между тем жизнью или, еще хуже, свободой… А все кипучая молодость да жажда сильных ощущений!

Вертелась у меня там же еще мысль, не попытаться ли пройти по Аргуну до Воздвиженской, где тогда находился с войсками сам главнокомандующий, и озадачить всех такой сумасбродной смелой выходкой, но Джокола на мой вопрос о таком путешествии решительно отказался, не желая рисковать ни своей, ни моей головой; вся Чечня была тогда на ногах по случаю сосредоточения значительных русских отрядов, все дороги были усеяны партиями, караулами и вообще нельзя было думать пройти туда благополучно.

На другой день, распрощавшись с гостеприимными майстинцами, я пустился в обратный путь. До вершины горы провожали меня толпой с песнями и выстрелами, а Джокола и Тешка пошли со мной до Муцо «отдать визит».

В конце июля оставил я Хевсурию, кружил еще долго по ущельям Арагвы и Иоры в Пшавии, где в то время один за другим совершаются их полуязыческие праздники, и в августе возвратился в Тионеты, отправив тотчас же просьбу об увольнении меня от должности. Вскоре получилось и разрешение на поданную просьбу. Испытав затем еще немало неприятностей и придирок при сдаче нескольких бывших у меня, дел и прочего, я, наконец, около половины сентября выехал в Тифлис…

К числу воспоминаний о пребывании в Тушинском округе должен еще прибавить знакомство с академиком Броссе, приезжавшим, кажется, в 1846 или 1847 году в Тионеты для изысканий по части грузинских древностей, что составляет его ученую специальность. Мы совершили с ним несколько поездок по окрестным горам, в которых сохранились развалины древних церквей с

живописью и надписями на стенах, и вообще провели очень приятно несколько дней. Почтенный академик тоже говорил отчасти по-грузински, но книжным языком и при том с таким акцентом, что жители не могли без улыбки слушать его речи[188].

Проводив г-на Броссе в Тифлис, я там через него познакомился с Н. В. Ханыковым, известным нашим ориенталистом, бывшим тогда правителем дипломатической канцелярии князя Воронцова. Ханыков изумлялся моему знанию грузинского языка и оказал мне искреннее расположение, еще более усилившееся впоследствии, когда я опять как-то встретился с ним в Тифлисе и заговорил с ним по-татарски.

XIX.

…Пока перейду к рассказу о дальнейших моих личных похождениях, считаю не лишним сделать краткий очерк племен, населяющих Тионетский округ. Я уверен, читатель не посетует на меня за это. Тушины, пшавы и хевсуры, особенно последние, – нечто чрезвычайно оригинальное. Забившись в свои горные трущобы, оградившись ими, как китайской стеной, они вот уже сколько столетий не меняют ничего в формах своей жизни: костюм, вооружение, верование, обычаи, язык – одним словом, и важнейшие, и самые мелочные стороны их быта, как святыня, хранятся и исполняются педантически, переходя из рода в род. Так было в мое время, и я сомневаюсь, чтобы что-нибудь изменилось и теперь.

Население округа состоит, во-первых, из тушин, занимающих ущелье Андийского Койсу и частью верховья Алазани[189], но зимой большинство спускаются из своих заносимых снегом трущоб на Алванское поле – благодатную долину в Верхней Кахетии, где у них построены отличные дома; во-вторых, из хевсур, населяющих ущелья Хевсурской Арагвы и ее притоков по южному склону Главного хребта, по реке Аргуну с притоками и реке Ассе на северном склоне хребта; в-третьих, из пшавцев, живущих по верховьям рек Иоры и Пшавской Арагвы до самого подножия хребта по его южному склону; наконец, в-четвертых, из части грузин с присоединившимися к ним выходцами из Пшавии,

[188]Марий Броссе (1802-1880), французский и русский востоковед, академик, исследователь грузинского языка и древностей. В 1847-1848 гг. по заданию Императорской Академии совершил путешествие по Грузии (где доехал, как мы видим, до Тионети в Кахетии) и Армении.

[189] Здесь имеется в виду Тушетская Алазани и Пирикательская Алазани протекающие по ущельям Тушетии и сливающиеся воедино недалеко от границ Дагестана образуя р. Андийская Койсу, которая сливается в дагестанских горах с Аварским Койсу, образуя тем самым р. Сулак, что впадаетна равнине к северо-востоку в Каспийское море.

Хевсурии и Кистетии, занимающих прекрасные плодородные долины Тионетскую и Эрцойскую по среднему течению той же реки Иоры[190].

Наблюдая и изучая четыре группы населения округа, я более всего обращал внимание на хевсур, возбуждающих особенное любопытство крайнею оригинальностьюих нравов и обычаев. У них все на свой, особенный лад, от костюма и вооружения, им одним только свойственных, до последних мелочей домашней обстановки. Но изучение их, да впрочем, всех азиатцев, затрудняется их недоверчивостью ко всякому иноземцу; стоит спросить самую простейшую вещь, хоть 6ы, например, на который день принято у них хоронить покойников, чтоб уже возбудилось подозрение, и ответ последует стереотипный: «Тебе на что?» -«Пожалуйста, скажи», - пристанешь, бывало. «Дэхсен, кацо» (отстань, человек), - и отойдет в сторону. Приходилось пускать в ход разные хитрости, косвенные подходы, многое узнавать от их соседей - пшавов и грузин; большую помощь в этом отношении оказал мне один священник в Хевсурии, из имеретинцев, имя коего, к крайнему сожалению, я теперь забыл. Хевсуры говорят вообще древним грузинским языком, но все, живущие по северному склону Главного хребта, употребляют между собой кистинский (чеченский).

Местность Хевсурии представляет картину дикой, грозной природы, изредка разнообразимой хорошими горными пастбищами; ревущие потоки, нависшие скалы вполне гармонируют с закоптелыми каменными башнями и саклями деревень: все сурово, мрачно; и природа, и люди как будто не допускают даже мысли об улыбках, о веселье... Земель, удобных для хлебопашества, весьма мало. Смотря на маленькие клочки пашен, разбросанные между скал, не хочется верить, чтобы человек мог на такую высокую крутизну взобраться с сохой и парой быков для посева нескольких зерен ячменя. Хевсур, отправляясь пахать, гонит пару малорослых бычков и несет на спине бурдюк с водой, чтобы в полдень напоить там скотину…

О времени поселения и происхождении хевсур у них сохранилось странное предание. Первым родоначальником своим они признают некоего Гуданели. Он был крестьянином какого-то кахетинского помещика и, избегая наказания за неизвестное преступление, скрылся в пшавское селение Апшо. Здесь родился у

[190] В целом автор рисует специфическую горную территорию являвшуюся в раннем средневековвье ядром нахского Цанарского государства, охватывавшего нынешнюю Кахетию, часть Картлии вплоть до Мцхеты, Хеви, Мтиулетия и Гудамакари, Хевсуретию, Тушетию, Пшавию, Эрцо-Тианети, Гардабани, Эрети и др. Население указанных горных обществ, исключая предгорно-плоскостные районы Картлии и Кахетии, еще в эпоху царицы Тамары преимущественно говорило на нахском языке Закавказья (близком к чеченскому); еще ранее именовались дзурдзуками и цанарами. - См.: Ахмадов Я.З. Нахский этномассив Закавказья: дзурдзуки/дурдзуки, ваьппи // Вестник Академии наук Чеченской Республики. №2 (31). Грозный, 2016. С. 20-30; и др.

него сын. Молодой Гуданели, любя охоту, в одно время отправился в горы, где убил незнакомое животное, такое жирное, что оно родило в старике Гуданели предположение о плодородности места, в котором обитало это животное* (*Везде почти и не только в Азии, но и в Европе, большинство легенд о первых временах заселения местностей связаны с охотой. – Прим. автора). Чтобы вернее убедиться в этом, он отправил туда со сыном своим для посева горсть пшеницы в маленьком котелке и после собрал целую гуду (кожаная торба). От этого и место названо Гудани, а переселенцы гуданепи. Здесь родились у Гуданели еще два сына: Арабули и Чинчара, от которых произошли 320 домов арабули и 210 домов чинчараули. Все они составляют до 35 селений, из коих главное - Гудани, на берегу Арагвы, известное по большему капищу гуданис-джвари, весьма ими уважаемому. В числе после переселившихся в Хевсурию считают еще кистин, осетин, мтиульцев и даже евреев. Рассказывают, что однажды царица Тамара, посещая Хевсурию, привезла с собой одного еврея, который, заболев, остался здесь, женился, и от него произошла целая деревня *Бисо.*

Мне часто приходило на мысль: эти хевсуры не потомки ли крестоносцев, рассеявшихся по всему азиатскому миру? Разве не могли несколько из них, от ставшие от товарищей, или попавшие с грузинскими царями в походы, или же рассеянные неудачным делом на Дальнем Востоке, зайти в эти неприступные дебри, избрать их местом жительства, жениться на дочерях соседних горцев и основать сильное воинственное общество, защищаемое самой природой, увеличившееся впоследствии беглецами и пришельцами из других мест? Поводом к этому предположению (может, и малоосновательному) послужило мне близкое сходство в одежде и вооружении хевсур с рыцарями Крестовых походов. Шапки их квадратные, нечто вроде конфедератов, узеньким меховым околышком кругом опушенные, обвязанные куском полосатой тряпки, концы которой висят набок, завязанные в узел в виде кокарды; верхнее платье с разрезными полами и сборками на рукавах; узенькие панталоны, вышитые тесьмой; на всем этом, даже на тулупах, во множестве нашиты кресты из желтой тесьмы.

Вооружение их заключается в следующем: прямые палаши, все почти с надписями вроде Genua, Souvenir, Vivat 5tephan Batory, Vivat Hussar, Soiingen с изображениями орлов, корон, всадников в ментиках; на голове носят с сетками шишаки, надевают панцири, налокотники, в левой руке носят железные щиты. Ничего подобного на всем Кавказе у других племен не встречается, за исключением панцирей и шишаков, бывших в употреблениивысших сословий закубанских (черкеских) племен, перенявших это вооружение, конечно, от генуэзских колонистов черноморского берега. В драке между собой хевсуры

придерживаются правил дуэли: противники становятся на одно колено и начинают бой на саблях, прикрываясь щитами.

У женщин серебряные браслеты, серьги и ожерелья, исключительно черные платья с оборками в несколько рядов, широкие внизу, с обручами вроде фижм, пояса шерстяные с двумя большими кистями; на голове повязка в виде тюрбана, длинные чулки вместо шальвар. Все это вместе взятое и еще много других мелочей невольно кидалось в глаза и переносило воспоминание к Средним векам, временам крестовых рыцарей.

Собственно же слово хевсуры означает жителя ущелья: по-грузински хеви значит ущелье, а частицы ури или ели прибавляются при изменении существительного в прилагательное, как, например: житель села Гудани - гуданели или гуданури, то есть гуданский; следовательно, хевури - ущельный, что весьма понятно, ибо все деревни в Хевсурии расположены в ущельях. Хевсурцев считается около 900 семейств в 35 деревнях. Они очень гордятся своей народностью, произносят слово «хевсуры» с полной уверенностью озадачить вас таким громким именем…

Первая и единственная забота хевсура — оружие, об остальном он не думает. Кусок черствого ячменного хлеба, кусок бараньего жиру, копченой оленины или тура — вот его пища. Последние свои средства он употребляет на украшение золотой насечкой ружья или серебром палаша. Пистолет употребляют редкие, зато, собираясь в дело, хевсур весь закован в железо: на голове чачкани (шишак с сеткой, покрывающей шею), панцирь — рубаха, плетенная из железной проволоки, налокотники, рукавицы и наколенники из такой же проволоки; железный щит в руке, и у молодежи изредка лук. Кроме того, хевсуры носят на большом пальце правой руки по несколько больших железных колец с зубцами или просто заостренных, употребляя их для взвода тугих ружейных курков и вытаскивания шомполов, но больше для драки между собой, нанося этими кольцами раны в голову, ничуть не уступающие кинжальным.

По горам они ходят необыкновенно легко. На лошадях редко употребляют седла, только уздечки, которые украшают разными бляхами, солдатскими пуговицами, ракушками и т. п. безделками. И нужно видеть скачки их на неоседланных конях со страшной крутизны по узеньким тропинкам! Когда я первый раз видел скачку на поминках и смотрел, как хевсур с повязанной платочком головой, отбросившись назад, несется на небольшой лошадке по крутому спуску и как лошадка в иных местах по несколько саженей скользит на задних ногах, покрывает кровью мелкий щебень, протирающий ей щиколки до костей, я был убежден, что разве трупы всадников достигнут низу. Но все остались целы, и один выиграл приз - барана!

Хевсуры сами делают порох, впрочем, довольно плохой. Они употребляют для этого уголь тонкого дерева, растущего между соснами, род селитры, добываемой посредством кипячения и процеживания из земли, на которой зимуют овцы, и серу, покупаемую в Тифлисе. Все это они толкут в деревянных ступках. пока масса не сделается плотной, после перетирают ее в решетах, плетеных из конских волос. Можете судить, каково достоинство этого пороха, а впрочем, это не мешает им быть отличными стрелками.

В домашнем быту хевсур поразительная неопрятность. Нижний этаж, где помещаются семейство и скот, имеет одни двери, через которые мужчинам неприлично входить. Они спускаются туда по лестнице в отверстие из верхнего этажа, составляющего род сарая или сенника, в котором стоит кровать хозяина дома. Хевсуры почти никогда не живут несколькими семействами вместе; женившись, каждый заводится особым домом. считая за стыд быть с женой при других. В сношениях с женой хевсур до глубокой старости сохраняет род стыдливости: избегает разговора при посторонних, фамильярного обращения, не употребляет никаких нежных выражений, …

Женщины справляют все домашние и большую часть полевых работ; мужчины только пашут и косят. Зимой же беспрерывно курят, проводят дни в рассказах о старине и геройстве своих предков, плетут обувь, играют на пандуре (род балалайки), напевая гробовым голосом дикие, почти бессмысленные песни…

Отец - глава семейства; дети находятся в полной зависимости от него и подчиняются ему беспрекословно, впрочем, только до совершеннолетия. Когда минет сыну двадцать лет, он женится по воле родителя и получает свою долю из отцовского имения. Тут начинается самостоятельная жизнь его, раздельно с отцом, который не оставляет у себя никакого имущества, разделяя все между сыновьями после их женитьбы, а сам проживает у каждого поочередно. Если из братьев умрет кто-либо бездетный, то имение его должно быть разделено между остальными братьями. Имение хевсур очень ограниченно: богачи имеют 14-15 коров, 4-5 быков, 2-3 лошади, одного катера; главное богатство - в оружии, очень дорого ценимом, и в медной посуде; деньги весьма редки.

Гостеприимство также развито, как и во всей Азии, считаясь чем-то священным. Когда приезжает к хевсуру гость, его встречают у дверей, берут у него лошадь, оружие и приглашают в саклю. Хозяин заученными фразами расспрашивает о здоровье гостя и его семьи, скоте, положении оружия и нет ли несчастий, побудивших его к приезду. В честь гостя сзывают соседей и задают пир на славу: хозяин подносит луди (ячменное пиво), преклоняя в знак почтения колено, причем поет и играет на пандуре. Попойка продолжается весьма долго. Гости не смеют уйти, хотя бы хозяин не отпускал их целую неделю. При входе в

дом чужого все встают, а входящий говорит: «Садитесь, садитесь, вставайте перед врагами!». Если какой-нибудь преступник прибежит к хевсурам, попросит защиты и пожертвует барана в капище, то считается священным долгом приютить беглеца и кормить его общим сбором. Сохрани Бог обидеть его: обидчик навлечет страшную месть всей Хевсурии.

Вообще, как все горцы, хевсуры страстные охотники. Зимой они вдвоем или втроем отправляются на ледяные вершины громадных скал за турами, оставаясь там иногда по несколько суток. Рога убитых животных охотники всегда жертвуют в капище, прибивая их гвоздем к стене. Летом они нередко делают набеги на соседние кистанские аулы, всегда предводимые деканозами (жрецы) и дрошами* (*Дроши – род хоругви или значка; это просто пика с привязанным к ней одним или двумя шелковыми платками и колокольчиком. – Примеч. автора.), следуя в этих случаях пророчеству кадагов (прорицатель).

У убитых неприятелей отрезают кисти правых рук, которые прибивают на стенах своих домов. 0 религии хевсур трудно сказать что-нибудь положительно, трудно даже сказать, какую они веру исповедуют. Это смесь различных исповеданий. Тут вы увидите оттенки христианства, магометанства, талмудизма и более всего язычества. Они уважают Крест и святого Георгия Победоносца, бреют волосы на голове, не едят свиней, допускают многоженство, празднуют пятницы и субботы, почитают каких-то языческих богов: великого и малого Пиркуши, Адгилис-дзда (то есть местная мать), ангелов дубрав и рощ, востока и запада и благоговеют перед дроши (хоругвь). Деканозы заменяют священников и пользуются общим уважением. Капища, построенные всегда в местах, заросших большими деревьями, не имеют вида церквей, вход в них запрещен, а женщины не могут вступать даже за ограду.

В известные дни толпы народа собираются к капищам для жертвоприношений. Деканозы принимают приведенных баранов и быков, произносят над ними несколько таинственных слов и перерезают ножом горло, под которое подставляют чашку для стока крови, затем они делают на лбу приносителей знаки креста кровью, а зарезанное животное тут же обращается в пищу. При капище есть особая пристройка, где до праздника приготовляется большое количество луди (пиво) из материалов, доставляемых всем обществом. Приходящие пьют его до опьянения. Праздники продолжаются целые сутки, иногда и более. Каждая семья садится в особый кружок, разводят огни, варят и жарят свои жертвы, пьют, поют; большей частью сходбища эти кончаются драками, иной раз до того жестокими, что несколько человек умирают от сабельных ран или остаются изувеченными на всю жизнь. Начинается страшное кровомщение, войны обществ с обществами,поджоги домов убийц, вражда непримиримая. Женщины в подобных случаях достойны удивления: они

бросаются между сражающихся, хватают руками острие оружия, прикрывают собой мужей и братьев, перевязывают раненых,иные сами получают раны.

Предмет жертвы не одни животные, дарят также деньги и вещи. При капищах есть сакли в несколько отделений для хранения вещей, помещения деканозов и поклонников храма, то есть людей, посвящающих себя в деканозы при открытии вакансии. Между служителями капищ есть так называемые кадаги (прорицатель). Они объявляют волю невидимого Духа и предвидят состояние усопших; под наитием разгневанного божества кадаги беснуется, кричит и плачет…

Есть еще мкитхави (вопроситель). Если хевсур одержим болезнью, то родственники больного приходят к мкитхави вопросить через него божество, отчего он болен и как вылечить? Мкитхави посредством таинственных вопрошений узнает, что больной страдает через такого-то духа, требующего, чтобы он съездил в его капище помолиться ему и принес бы такую-то жертву…

Вообще капищные служители разделяются на деканозов, мехате (образной), медроше (хоругвеносец), дастури (пивовар), мезандури и хевис-бери (старец ущелья). Каждый имеет свой определенный круг занятия и долю в собираемых приношениях. У хевсур есть Великий пост, но его соблюдают одни старики, женщины же едят масло и сыр. Рождественский двухнедельный пост соблюдают так строго, что не едят ничего, кроме хлеба. Других постов нет. По окончании пяти недель после октября празднуют Пасху. Праздничные дни — пятница, суббота, воскресенье и понедельник, тогда они свободны от работ.

Как контраст с этим безотчетным благоговением перед капищами, дрошами, всякими языческими обрядами и разными деканозами, кадагами и прочими, нельзя не указать на жалкое положение нескольких построенных при нашем управлении церквей и назначенных к ним священников. При Грузино-Имеретинской синодальной конторе в Тифлисе была учреждена особая Осетинская духовная контора, ведавшая всю духовную часть в горских христианских округах. По ее распоряжению строились церкви в Осетии, Хевсурии, Пшавии, Сванетии, Абхазии и других местах Кавказа, населения коих считались христианскими и сохранившими много следов действительной, относительно недавней принадлежности к православию…

Хевсурский народ издавна привык к свободе и своеволию. Он не терпит подчиненности; в возникающих спорах за земли, за неправильно присвоенную вещь, за нанесенную обиду действует обыкновенно право сильного. Впрочем, хевсуры следуют освященным временем обычаям суда и расправы, очень запутанным и весьма странным. Первое основание суда - соблюдение мелочных обрядов…

Мера наказаний, определяемых судом, состоит всегда во взыскании с обвиненного положенной суммы, смотря по роду преступления. По совершенному почти неимению денег плата заменяется количеством скота, имеющего раз и навсегда определенную цену: кобыла - 20 рублей, корова - 5 рублей, баран - 2 рубля, овца - 1 рубль 40 копеек, катер - 40 рублей, так что вещь ценится уже не на деньги; например, ружье стоит 20 коров, то есть 100 рублей; или лошадь стоит 10 коров, 2 барана и 1 овцу, то есть 55 рублей 40 копеек. Таким образом, за украденную вещь назначается удовлетворение коровами, но плательщик может не отдавать собственно коровами или баранами, а другими вещами, как то: оружием, медной посудой, кожами, зерновым хлебом, имеющими свои установленные цены, которые при расчете обращаются в коров; например, присуждено уплатить 25 коров: он дает кобылу - 4 коровы, катера - 8 коров, 37 с половиной стилей (около фунта) меди, по 2 абаза (абаз - грузинская монета в 20 копеек) стиль - 3 коровы, саблю, оцененную в 35 рублей - 7 коров, да настоящих 3 коровы, и так составится 25 коров. При назначении взысканий принимаются в соображение искони определенные цифры. За побои, смотря по силе и орудию, которым они нанесены, от 6 до 20 коров, за увечье глаза - 30, носа - 24, большого пальца - 5, указательного - 4, среднего - 3, четвертого -2, мизинца - 1 корова. Если разбито или ранено лицо, то в длину оставшегося шрама кладут ячменные зерна, одно вдоль, другое поперек, и сколько выйдет зерен, столько виноватый платит коров; за выбитый зуб - 1 корову. Кроме того, во всех подобных случаях обидчик должен удовлетворить лекаря.

Убийство сопровождается страшной местью. На убийцу восстает весь род убитого; виновный должен бежать и скрываться со всеми родственниками, иначе их ждет гибель. Дом его сейчас же сжигается. В течение трех лет преступник должен присылать родным убитого каждомесячно по одной корове, а на четвертый просить примирения; в таком случае мир покупается 60 коровами и 15 баранами…

XIX.[191]

У пшавов большая часть обычаев сходна с хевсурскими. Та же смесь язычества с христианством, те же капища, деканозы и жертвоприношения, те же споры, решаемые посредниками, и удовлетворения, считаемые количеством коров, то же кровомщение, сжигание домов и преследование родственников убийцы. Но, не говоря уже о наружности, костюме, вооружении, они резко отличаются от хевсур образом семейной жизни, характером и некоторыми общественными понятиями. Одежда пшавцев состоит из черной чухи с небольшими откидными рукавами зеленого или синего ахалуха, широких шальвар из черного или бурого сукна собственного изделия, вкладываемых в род

[191] Повтор нумерации раздела допущен в первоисточнике текста.

кожаных ногавиц; на ногах каламаны (лапти) из сыромятной кожи; на голове большей частью тушинские круглые войлочные шапочки; ружья в меховых, большей частью барсучьих чехлах; на поясе большие кинжалы, и у боков персидские сабли; патронташи с медными патронами и рожки, вместо натрусок, висят крест-накрест на ремнях, обыкновенно украшенных серебром. На большом пальце правой руки у них, подобно хевсурам, железные острые кольца. Головы бреют, оставляя на маковке чуб, совершенно как малороссияне; бороды тоже бреют, исключая траурного времени, после смерти близких родных…

Женщины одеваются почти как грузинки: белое (всегда очень грязное) покрывало на голове, красная рубаха и шальвары, на плечи накидывают баранью шубу, редко сбрасываемую, обувь та же, что у мужчин. Между ними встречаются большей частью очень миловидные, с темно-русыми волосами и выразительными карими глазами, но неопрятность развита в сильной степени.

У пшавов дома тоже в два яруса: в нижнем держат скот, а наверху живет вся семья вместе, без хевсурских целомудренных затей. Случается и пшавцы имеют по две жены, но очень редко - тогда они их держат в разных деревнях. Свадьбы обыкновенно сопровождаются происшествиями, имеющими иногда кровавые последствия. По понятиям пшавов, молодой человек должен показать свое удальство, похитив себе жену, а не выпрашивая ее у родных…

При языческих обрядах пшавы, как более близкие соседи грузин, соблюдают, однако, некоторые постановления христианской религии. Иногда приглашают священников для исповеди умирающего, для крещения новорожденного, иногда для венчания; при похоронах тоже бывают священники, но не всегда, в отдаленных местах мертвых погребают сами.

Пшавия, состоящая из 800 семейств, разделена на двенадцать общин, носящих следующие названия: Габидаури, Чичо, Ахади, Уканапшави, Цителаури, Гоголаури, Гогочури, Удзилаури, Кистаури, Матури, Кацалхеви и Кацкараули. В каждой из них имеются особые кладбища, на которых должно быть погребено тело всякого пшавца, где 6ы он ни умер. Впрочем, это общий обычай всех кавказских племен. При перевозке тел в жаркое время, иногда на расстояние 200-300 верст, они употребляют свой способ бальзамировки: внутренности зарывают на месте кончины, а труп посыпают солью, разрезают пополам, укладывают в переметные сумки на лошадь и отвозят домой.

В каждой общине есть капище и известный день для празднества. Главное капище - Лашарис-джвари* (*Название это, говорят, дано капищу в честь сына царицы Тамары, Георгия Лаша, удивительного красавца. Иные же рассказывают, что в древние времена какой-то монах, Лашиниани, сокращенно Лаши (губастый), на этом месте обращал язычников в христианство и в память его учрежден праздник. Не знаю, которое предание вернее; кажется первое. –

Примеч. автора.) и близ него Тамар-дедопали, которые пользуются общим уважением не только пшавцев, но и всех окрестных жителей, даже грузин и кистин. В 1847 году я присутствовал при пшавских празднествах, и вот описание обрядов, какими они сопровождаются. На крутом скате горы стоит низенькое строение, сложенное из камня, осененное большими чинарами; пшавцы с семействами, хевсуры, несколько тушин, кистин, телавских армян с мелочными товарами да несколько грузинских семейств из Кахетии и Карталинии окружали капище, держа в руках баранов в ожидании очереди, пока деканоз подойдет с ножом, произнесет несколько слов вроде благословения и зарежет жертву: голова и ноги ее относятся внутрь капища, в пользу деканоза, остальное же съедается молельщиком…

Я уже говорил, что в каждом обществе есть свое капище. Иные основаны в честь Божьей Матери, иные в честь святого Георгия Победоносца, некоторые в честь каких-то языческих богов Копала и Пиркуши. Каждое капище имеет свое поверье. Кроме хевис-бери при них полагается дастури, род сторожа или старосты. Обязанность эту исполняют поочередно люди из всего общества, сменяясь каждогодно. Признаюсь, странная обязанность дастури и строгость, с которой он ее исполняет, много раз меня удивляли. В продолжение целого года он не может не только войти в деревню, но даже близ нее пройти; не имеет никакого сношения с женским полом, хотя бы с самыми близкими родными; каждое воскресенье утром, несмотря ни на погоду, ни на время года, он должен пройти по тропинке, собственно для него протоптанной, и выкупаться в речке. К капищу пристроена маленькая лачужка, в которой он живет. У него есть запас хлеба; особая, капищная мельница, в которой он намелет, сколько ему нужно муки, и сам печет себе хмияды, плоский круглый хлеб. Там есть у него и другие мучные припасы, из них он беспрестанно варит луди, без которого не может обойтись ни один капищный праздник.

Расположенная по ущельям Иоры и Арагвы Пшавия изобилует превосходными пастбищами. Хлебопахотных земель в ней гораздо более, чем в Хевсурии, потому что занятые ею горы не так скалисты, хотя и не уступают хевсурским в высоте. Труды землевладельца почти одинаковы: он буквально в поте лица добывает свой хлеб. Запашка и покосы производятся большей частью на таких крутых покатостях, что для перевоза сжатого хлеба и сена летом употребляются сани, и в Пшавии, Хевсурии и Тушетии у жителей вовсе нет арб.

Главный промысел их - овцеводство. Многие пшавцы имеют по две, по три, а некоторые от шести до десяти тысяч баранов. На зиму все стада угоняются на Ширахскую степь для пастьбы, она лежит между Иорой и Алазанью и никогда не покрывается снегом. На лето стада возвращаются на свои горы, исключая больших отар, угоняемых в Ахалцыхский уезд и даже в турецкие владения.

Рогатого скота, лошадей и катеров, в сравнении с другими горскими племенами, тоже достаточно.

Вообще о пшавах должно сказать, что они весьма зажиточны, хотя наружность и образ жизни невольно заставляют предполагать в них нищих…

Пшавцы соединяются иногда с хевсурами и тоже под предводительством своих деканозов и дроши делают набеги на соседних кистин. Нельзя у них отнять достоинств воинственного племени: есть и хорошие стрелки, и наездники, и очень храбрые, отважные люди, но они уступают в этом отношении своим соседям, как более занятые хозяйством, и дух удальства в них постоянно ослабевает.

К числу характерных черт пшавцев следует еще прибавить необыкновенную страсть к тяжбам. Все двенадцать общин постоянно ведут между собой споры то за землю, то за убийство, то за невесту. Бесконечные ссоры делают их врагами; чтобы избежать встречи между собой, они объезжают деревни, сжигают друг у друга копны сена, иногда просто начинают открытую войну, никто не хочет уступить, хоть дело началось из-за одной коровы…

XX.

По своему местоположению Тушетия разделяется на две части: на горную, лежащую в глубине Главного Кавказского хребта, при истоках Тушинской Алазани, протекающей по Дагестану под названием Андийского
Койсу, и на Кахетинскую, занимающую плоскость у подножия гор до берегов Большой Алазани, под общим названием Алванского поля.

Природа Тушетии вообще представляет самую разнообразную картину: там есть высокие горы. Покрытые вечным снегом и ледниками, пересекаемые в разных направлениях глубокими, безвыходными ущельями, есть неприступные скалы — притон кавказских орлов и туров, есть значительные леса и живописные долины. Почва земли бесплодна и камениста, и только изредка встречаются небольшие плодородные плоскости, как при селениях Омало, Дикло, Шанако и других. Алванское же поле служит единственно для пастьбы скота. Сообщения горной Тушетии с Кахетией летом весьма неудобны, а зимой и вовсе прекращаются.

Тушины составляют четыре общества: Цовское, или Вадуа. Гомецарское, Чагминское и Пирикительское, или Дамах-край. Они отличаются между собой языком, частью происхождением и некоторыми, едва заметными чертами характера, но в других отношениях совершенно сходны.

Цовцы и пирикительцы кистинского происхождения из общества Галга.

Язык их кистинский, или, что совершенно все равно, чеченский[192].

Вообще лезгинский и чеченский языки следует считать за господствующие между всеми кавказскими горцами восточной части края. Судя по обширности и коренным словам чеченского языка, можно полагать. что он один из древнейших, но по неимению письмен раздроблен на многие наречия и испещрен чужеземными словами. Он не совсем труден для изучения и довольно звучен. Вот для примера несколько стихов из тушинской песни.

Вай ладцино сéна еа, какуа эрцан - ялино;
Вай детцино дáхен дош, дутчиком янтан-далино;
Вай йсэно шóрон-зик, Кéриго махно - ялино;
Ваина де-эно кик-бубук, Аргундкини - далино.
(Зеленое поле наших веселий поблекло и покрылось бледностью;
Длинная нить приятных рассказов прервалась;
Цветы нашей юности разметены ветром Кериго (название горы);
И игрушки наши умчал Аргун в своих быстрых потоках).

Остальные два общества тушин, Гомецарское и Чагминское - образчик предков нынешних грузин. Они говорят древним грузинским языком. которым написано Святое Писание этого народа. Впрочем, многие из них объясняются на кистинском языке.

Число жителей всей Тушетии простирается свыше 900семейств.

Как народ, преимущественно занятый скотоводством, они не могут вести оседлой жизни, тем более для них трудной, что они не свыкаются с летним зноем низменных мест. Мало—помалу они начали сходить с родных гор, не совсем удовлетворявших их потребностям, и основали на Алванском поле, пожалованном им за заслуги грузинскими царями, новое поселение, так что в настоящее время почти половина тушин живет большую часть года на плоскости,

[192] Вопрос об этническом происхождении тушин в принципе закрыт. По языку они относятся к древнему нахскому «закавказскому» кластеру, тогда как те же, собственно, чеченцы и галгайцы к северокавказскому «чеченскому» кластеру. Сегодня уверенно используется определение «бацбийский язык» (некогда считавшийся в науке диалектом чеченского) - носителем которого являются на сегодня туш-бацой, жители двух обществ современной Тушетии Республики Грузия. Некоторую языковую близость бацой (называвшие себя также ваьппи, а свою родину Вабуа) имели с ваьппинцами обществ Джейрах и Мецхал (в современноой Ингушетии) с таким же типом нахского языка, что и бацбийцы-ваьппи. См.:Дешериев Ю. Д. Бацбийский язык. М.: Изд. Академии наук СССР, 1953; Ахмадов Я.З. Нахский этномассив Закавказья:дзурдзуки/ дурдзуки, ваьппи // Вестник Академии наук Чеченской Республики. №2 (31). Грозный, 2016. С. 20-30; и др.

откочевывая только в июне к своим дедовским жилищам, где остается до половины сентября.

Летнее кочевье Цовского общества находится на горе Тбатани, а в Цовата (древнее их поселение) редко кто приходит, кроме обязанных по жребию охранять священные жертвенники и исполнять постановленные обряды. Эти избранники остаются там в течение года безотлучно. В последнее время с согласия хозяев переселились туда несколько бедных кистинских семейств для обработки бесплодных пашен.

Каждое общество не только обязано охранять известный пункт Тушетии, но и из конца в конец подавать другому скорую помощь. От этого тушины бывали редко побеждаемы, и неприятель претерпевал постоянно сильный урон. Часто сами тушины делали набеги на отдаленные горские племена, заставляя некоторых платить себе дань. И действительно, трудно противостоять соединенной силе тушин какому-нибудь враждебному скопищу; всегда верные своим царям, они не раз доказывали свое превосходство мужества над числом.

Тушины исповедуют христианскую веру греко-восточной церкви. Эпоху водворения между ними религии нужно отнести к незапамятным временам царствования первых христианских царей Грузии. Впрочем, судя по множеству развалин церквей в горах, можно полагать, что евангельское учение некогда господствовало между большинством кавказских племен. Один столетний кистин рассказывал, что и они «когда-то молились в церкви, развалины коей до сих пор видны. Когда умножились мусульмане и завладели их горами, тогда по аулам на ослицах разъезжали муллы и, держа их, ребят, за руки, учили исламизму». Уважение к именам некоторых христианских святых, употребление крестов поныне сохранилось между многими горскими мусульманами.

Непрерывная борьба кавказских племен с персиянами и турками имела сильное влияние на судьбу веры в Тушетии. Для поддержания ее тушины при помощи грузинских царей постоянно должны были вести войну с мусульманскими горцами. Множество преданий и древних песен об этих столкновениях до сих пор сохранилось у тушин. Но при всем этом беспрестанный звук оружия заглушал голос проповедников; духовенство, гонимое врагами грузинской церкви, не в состоянии было поддержать падающего христианства в Тушетии. Наконец, там вовсе не стало священников, богослужение прекратилось, церкви ветшали, разрушаясь от времени и рук неприятельских.

Чтобы по возможности удержать в памяти правила религии, тушины сооружали каменные жертвенники взамен церквей и на прежних местах их во имя тех же святых. К новому жертвеннику требовалось принести крест, образ или камень от церкви, находящейся в Грузии, от капища в Пшавии или Хевсурии,

воздвигнутых во имя того же святого. Кроме этого, для каждого жертвенника делались хоругви, такие же, о каких я уже упоминал у хевсур и пшавцев, носящих название дроши. Надзор над этими хоругвями вверяли нарочно избранным деканозам, звание коих впоследствии сделалось наследственным. Совершая религиозные обряды, они держали от себя народ в почтительном отдалении в продолжение известного времени, в особенности перед наступлением жертвоприношения, должны были соблюдать чистоту и целомудрие, не прикасаться к трупам мертвых, к новорожденным, не есть мяса, свинины, кур и соблюдать множество суеверных правил, исполнение которых отчасти возлагается и на прихожан…

Жертвоприношения сопровождаются скачкой, ружейной стрельбой в цель, разными народными увеселениями и оканчиваются церемониальным ходом деканозов вокруг жертвенника и воззванием к народу, привыкшему веровать им, как вдохновенным свыше.

Часто одно слово деканозов решало важнейшие дела в Тушетии. Предсказывая хороший конец, они нередко возбуждали народ к набегам на неприятеля и сами в них участвовали со своими хоругвями. Само собой, для приобретения такого влияния деканозы, люди смышленые, должны были прибегать к разным хитростям: ведя строгую жизнь, уверяли народ, что в них обитает святой дух, не допускающий их прикасаться ни к чему нечистому. В доказательство наития предсказывали многие наперед соображенные происшествия. Во время жертвоприношений при стечении народа выпускали скрытых у себя голубей для убеждения, что божество присутствует с ними в образе голубином. Деканозы не только были прорицателями, но и других мужчин и женщин употребляли к тому орудием. И вообще они поступали в деле предсказаний и обманывания народа точно так же, как я говорил при описании обычаев хевсур.

Важнейшие и богатейшие по сокровищам жертвенники в Тушетии, куда во время праздников стекается весьма много поклонников: Хитано (в Гомецарском обществе, Цадкихла (в Цовском обществе) и Чигое (в Пирикительском). Деканозы запрещают подходить к жертвенникам всем вообще женщинам, исключая только очень старых, и мужчинам, прикасавшимся в продолжение шести недель родильниц…

В древние времена тушины составляли нечто в роде небольшой республики. В числе многих горских племен они часто находились под управлением грузинских царей, особенно в царствование Тамары, Георгия Лаша, Леона II, Ираклия и других , имена которых живо сохранились в памяти народа; но когда власть царей падала под гнетом усобиц , смут и нашествия мусульман, тогда тушины, запершись в глуши неприступных ущелий, сохраняли свою

самостоятельность, защищаясь собственными силами.

Важнейшие общественные дела решались всегда в собраниях почетных старшин, людей известных в обществесвоим умом, опытностью и добросовестностью. Заседания происходили обыкновенно под открытым небом, около жертвенников или на местах освященных воспоминаниями предков, близь могильных курганов, памятников и т. п. Место заседаний называется *сванджелое.* Здесь же судьи *(пелхой)* чинили суд и расправу по древним обычаям ипостановлениям,получившим силузаконов (*кел).* Главными уголовными преступлениями считались у тушин смертоубийство, воровство и прелюбодеяние. Преступления эти почти всегда сопровождались кровавою семейною враждой, доходившей и до дальнего потомства.

Виновный в убийстве, умышленно оно, нет ли, ни в каком случай не мог бытьв безопасностиот кровомщенияродственников убитого. Он должен был оставить свое общество, не употреблять обуви, отрастить волосы, раскаяться в своем преступлении и тогда только общество могло оказать ему какое-нибудь покровительство; по истечении некоторого времени ему дозволялось возвратиться на родину; он должен был вместе со всей своей родней предложить плату за кровь (цейг), в следующем количестве: за убитого мужчину 120 коров (600 руб.), за женщину половину. Повесив на оседланную лошадь лучшую саблю и ружье, семейство убийцы приходило в дом убитого, плакало по усопшему и просило прощения у его родных , а эти, в знак примирения, задавали пирушку и почти никогда не брали платы за кровь, считая это оскорблением души покойника…

Главное и единственное занятие тушин овцеводство. Хлеб и разные продукты они выменивают у кахетинцев идругих близких жителей; только живущие в горах постоянно сами занимаются хлебопашеством. Тушинские бараны известны всей Грузии вкусным мясом; из овечьего молока готовят превосходный сыр — любимая грузинами закуска.

Рукоделья тушинок занимают не последнее место между местными произведениями: они ткут очень тонкие шерстяные материи, разноцветные ковры, переметные сумы, вяжут прекрасные пестрые носки, читы (обувь очень удобная для ходьбы по горам), катают лучшие войлоки, впрочем, больше для домашнего употребления и редко на продажу.

В домашнем бытутушин отец – глава семейства. Он занят овцеводством н военными делами, мало обращая внимания на домашнее хозяйство, исключительное занятие жены. Права женского пола, как и у всех горцев, пренебрежены.…

Тушинки славятся красотой. Они большей частью темно-русы, с правильными чертами лица. Черный цвет одежды резко выказывает белизну

тела; они носят длинное черное платье из тонкой шерстяной ткани, пестрый поясок , черное покрывало, чити, (вязанные из шерсти башмаки), вышитые разными узорами, серебряный браслет, нагрудник, унизанный серебряными пластинками, монетами и бисером различных цветов: в ушах серьги, на трех крайних пальцах серебряный кольца; косы у девиц распущены, а у замужних завиты. Издали, в этом черном костюме, они похожи на монахинь.

Мужчины вообще роста среднего, смугловаты, правильно сложены, ловки и неутомимы в ходьбе по горам. Одежда их делается из шерстяных материй собственного изделия; они носят чуху без закидных рукавов, шальвары, запускаемые в кожаные ногавицы, круглую войлочную шапочку и чити — наряд простой, очень удобный для воинственной, полукочевой жизни…

Тушины издревле слывут воинственнейшим народом между закавказскими племенами. Само местоположение их родины и политические обстоятельства, в постоянной борьбе за веру и независимость, приучили их ко всем родам опасностей…Каждый тушин ощущает в таких опасностях какое-то наслаждение, считая себя царем гор. Песни и предания о геройских делах воспламеняют их на поле битвы.

Не следуя известному римскому правилу, по которому должно было «одного побеждать, на двух нападать, от трех защищаться, а от четырех бежать» тушины почти не имеют привычки узнавать много ли неприятеля; но уверенные, что дело не должно с их стороны обойтись без боя, при первом же виде врагов , бросаются на них, думая как бы побольше убить и отрезать, по обычаю, правых рук, для пригвождения к дому тех из своих родственников , которые, в свою очередь, умерли от пули неприятеля. Даже женщины, при осаде деревни или, что-то же, крепости тушинской, свидетельницы жаркой схватки мужей своих, составляюсь кружок, поют веселым голосом боевые басни и воспламеняют храбрость мужчин, повторяющих прикаждом выстреленараспев перенятый у горских мусульман фанатический возглас: „Я илляхи-иль Алла!“ (Это очень странно: поборники веры Христовой, они, конечно, не понимают смысла этого священного для мусульман изречения и поют его бессознательно).

Между тушинами можно слышать много преданий, рассказов ипесен проих подвиги и военные доблести…. Вот две песни, упоминающие особытиях исторически верных:

ПЕСНЬ I.

В Бахтрионах* (*Бахтрионы - деревня в Верхней Кахетии. – Примеч. автора).

сидят татары, держат опасный совет:

«В Ахметах срубим виноградные сады и оснуем там свое

поселение».

Узнают отом сынытушин и высоко препоясывают мечи.
Еще полночь, а они уже съезжают с Накерала (гора).
Швимхо Шваидзе, ты первый рассек быструю реку в Панкисах (ущелье в верховьях Алазани).
Навыворот подкуем коней и сделаем незаметными следы наши врагам.
К рассветусделаем набег на Бахтрионскую твердыню.
Выходи на двор султан; тушины ждут тебяв воротах.
Если не выйдешь по доброй воле, выведем насильно.
Я, Меги Самри Швили, не судите обо мне по виду,
Перейду, перелечу чрез стены Бахтриона,
Изрублю семерых в куски, не то променяйте меня на девушку татарскую.

Оселком изощренная прангули** (**Т.е. европейский клинок, от Пранги, Франки. – Примеч. автора), как она охотно рассекает платье!

И как сильно в запрудившейся крови скользить нога!

Во всех местах изрубили татар,так что кровью их обагрилась река.
В Алванах строят (тушины) башню из старых костей татар.
Под фундамент кладут самых больших из них, порубленных лезвием прангули.
Отняли Алванское поле, и принадлежит онотушинам.
Ни царь, ниже сам Бог, не захотят заступаться за него.
А кто сам отказываетсяот Алвани, жена да отпоящет от бедра его меч!

Рассказывают будто поводом такого всеобщего озлобления тушин, заставившим их предпринять поход с ничтожными силами на такое дальнее расстояние против татар, которых не могли победить войска грузинских царей, была обида, нанесенная татарами двум тушинским охотникам, попавшимся в их руки в Панкийском ущелье. Охотники эти, освободившись из плена, возвратились на родину. Не рассказывая ничего о случившемся с ними, они оделись в чадры своих жен ив таком виде явились на собрание старейшин. Возвращение их было принято за чудо, а само гнусное происшествие возбудило в целом обществе сильное негодование, следствием которого была жестокая месть.

ПЕСНЬ II.

Чрез вершинугоры Качу-мта переходят многочисленные войска Нунцала (аварский хан).
Они, раскинув стан свой на Гозовской равнине, превратили ее в

запруженную реку.
Цовец, Давдрих Анта, не замедлил явитьсяк Нунцалу.
Этот велел поставитьпред ним золотойподнос с кониной,
Сверху лежал ножик с насечкой и черенком из каменного угля.
Он ел и не насыщался (т. е. не чувствовал отвращения), потому что свыше ждал божеской помощи.
Сведал об этом Итабанул (имя наездника), тотчас подковал своего серого (коня).
К рассветуон ужебыл в Гремах у царя Леона.
«Леон, царь наш! пошли к нам в помощь войско».
Леон собрал войсков числе тысячи всадников.
Зажгли ночные факелы и в темноте проехали далекий путь.
Они проходят ужечрез гору Накавеча. Боже, пошли нам свое благословение!
Итабануры серый конь в Нокавечах пал бездыханен.
Около сидит хозяин иплачет над ним, как девушка.
Кто отважится пожертвовать собой, кто перейдет быструю реку Гиреви?
Вызвался молодец в синей рубашке.
Он должен бытьиз сынов, которого имя Андерах[193] .
Сей перепрыгнул чрез быстрину реки на салгихурской лошади.
И макадауртским мечом порубил палатку Нунцала.
Жена Нунцала взрыдала: что сталось с моим возлюбленным?
Нунцал убит Андерахом , и тело его коршуны унесли в когтях своих.
Заплакали лезгинки: не возвратятся к нам мужья наши!
Что будем делатьс конямиих, которые рвутся на поводьях?
Иные говорят: крепко запрем их в конюшнях.
Другие: пустим в горы.
А третьи: наоборот, и сами сядем на них.
Пойдем в страну Тушетии и там выберем себе мужей!

Для пояснения этой песни может служить следующее предание: Аварский хан Нунцал вторгнулся однажды с многочисленным скопищем в Тушетию, чтобы поработить ее и обратить в магометанскую веру. До прибытия помощи от грузинского царя Леона, которому был послан храбрец Итабунала, старшина тушинский Анта явился в лагерь Нунцала, уверял егов готовноститушин

[193] Анда/Онда, коренное имя известное Чечне и в нахоязычной части Тушетии, означающее - сильный, могучий. В данном случае мы имеем поэтический оборот понятный только местным слушателям и соседям туш-бацой - чеченцам.

исполнить требуемое и для убеждения согласился есть конину. Между тем, войско грузин успело перейти хребет, соединилось с тушинами, и лезгинская орда была разбита. В деревне Парсма хранится до сих пор небольшая пушка, отбитая, как говорят, у Нунцала[194].

В другой подобной битве, рассказывают, число убитых лезгин простиралось до 700, и тушины, отрезав им носы, отправили их к грузинскому царю Ираклию, как трофей.

Представив очерк трех племен, составляющих главное население Тионетского округа, мне остается сказать еще несколько слов ожителях Тионетской и Эрцойской долин[195]. Это большею частью коренные грузины, смешанные с переселенцамииз разных горных обществ. Заселенные ими места, по своей обширности и отличному качеству чернозема, дают им средства исключительно заниматься хлебопашеством…

Текст воспроизведен с нашими сокращениями по изданию:Зиссерман А.Л. Двадцать пять лет на Кавказе (1842-1867). Ч.1: 1842-1851. СПБ.: Б/и. Тип. А.С. Суворина, 1879. С.30-35, 54-60, 163-260.

Приложение.

ЗИССЕРМАН А.Л. ДВАДЦАТЬ ПЯТЬ ЛЕТ НА КАВКАЗЕ.
Ч. 2.1851-1856. [196]

[194] См. о данных событиях: Айтберов Т. М. Нахоязычный район Мосок в XVI – начале XIX в. (Локализация и политические связи) // Вопросы исторической географии Чечено-Ингушетии в дореволюционном прошлом. Грозный, 1984. С. 56–60; Хапизов Ш.Б. Аварский нуцал в Восточной Грузии в 1570 году Опыт историко-географической реконструкции // URL. https://mkala.mk.ru/articles/2017/02/17/avarskiy-nucal-v-vostochnoy-gruzii-v-1570-godu.html (дата посещения 02.05. 2020).

[195] Эрцо или Эрцо -Тианети, небольшая горная область, населенная в раннем средневековье горцами-нахами. Входила в состав Цанарского хорепископства (затем Кахо-Эретинского царства). Вследствие близости к Мцхета и Тбилиси рано подверглась христианизации и соответственно картвелизации. – См.: Мровели Леонтий. Часть вторая. Обращение Картли святой Нино // Картлис цховреба. История Грузии / Ред. Р. Метревели. Тбилиси: Артануджи, 2008.С.64,66-67; Ахмадов Я.З., Гумба Г.Д., Курумов Д.С, Хасмагомадов Э.Х. История нахов Передней Азии, Кавказа и Чечни / Отв. редактор Я.З. Ахмадов. М.: Литера, 2019. С. 406-407, 626-527; и др.

[196]Содержит описание Чечни. См., также сайт «Востлит»: URL: https://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Kavkaz/XIX/1840-1860/Zissermann_A_L_IV/text11.htm (Дата посещения 31.01. 2023).С.394-398.

…LV.

Параллельно северному склону главного Кавказского хребта тянется довольно высокая, покрытая густыми лесами, преимущественно чинарами (бук), цепь гор, известных под именем Черных. (Покрытые лесом, они, в сравнении с высящимися за ними снеговыми, скалистыми громадами, всегда темны, отчего и название черных). От их подножия до другого незначительного безлесного гребня, называемого Сунженским, стелется обширная плодородная долина протяжением более полутораста верст, покрытая густыми лесами и часто трудно проходимым орешником, омываемая от юго-запада на северо-восток рекою Сунжею и прорезанная множеством горных речек и ручьев, впадающих в Сунжу. Вся эта долина до правого берега реки Терека заселена ингушами, назрановцами, галашевцами, карабулаками и чеченцами, принадлежащими по языку и обычаям, с незначительными различиями и оттенками, к одному чеченскому племени (Начхэ). Восточную часть этой долины омывает река Мичик в слиянии с Гумсом; тут чеченцы называют себя мичиковцами. Еще восточнее, в гористой, менее плодородной части, вдаваясь более в уступы черных тор, по речкам Ахташ, Яман-су и Ярык-су живут самые воинственные из чеченцев, называя себя ичкеринцами и ауховцами. Небольшая часть живет на безлесной плоскости, между Сунжей и Тереком. Река Аргун, протекая из главного хребта с юга на север, прорезывает Черные горы и плоскость на две части, впадая в Сунжу. Лежащая по правому берегу Аргуна часть до Ичкерии и Ауха названа Большою, а по левому — Малою Чечней. Таким образом чеченское племя занимает бассейны рек Сунжи и Аргуна и северо-западный склон Андийского хребта до его подножия. Есть еще выше, в ущельях главного хребта, по реке Ассе и малым притокам ее, равно и Аргуна, общества, известные под общим названием кисты или кистины: галгаевцы, цоринцы, митхо, майсти и др., которых следует, однако, причислить тоже к чеченскому племени, ибо язык, одежда и многие обычаи у них тождественны; я полагаю даже, что эти кисты суть собственно родоначальники тех жителей лесистой плоскости, которую мы называли Чечней, по имени одного большого аула *Чечен*, ставшего нам известным еще со времени персидского похода Петра I, когда нашим войскам пришлось в первый раз встретиться здесь в бою с горцами этой части Кавказа.

Все сведения о происхождении и времени поселения чеченцев в этой стране ограничиваются несколькими изустными преданиями. Одни говорят, лет двести тому назад, князь Турло, владетель селения Мехельда в дагестанском обществе Гумбет, отправился на охоту, дошел до Ханкала (Хан-Кале, по-татарски, ханская крепость), близь берега Аргуна на плоскости, и построил себе здесь временный балаган из шкур. Кочевавшие в окрестностях калмыки окружили его и хотели взять, но он со своими людьми не только отразил, но даже прогнал их далеко и решился

поселиться на этом месте. К нему присоединились несколько семейств из аргунских обществ Шубут и Нашахой, значительная фамилия Чермо из Дагестана и Агшпатой из Галгая (на Ассе). Каждой фамилии назначали особый участок земли, на протяжении во все стороны, "куда стрела долетит", и так исподволь образовалось чеченское население, распространившееся по всей лесистой долине.

Другие рассказывают, что несколько жителей из Нашахой, стесненные на прежних местах недостатком земли, а быть может и гонимые кровомщением, двинулись вниз по течению Аргуна и поселились на плоскости, выбрав удобное место. Занятая земля оказалась богатейшим черноземом, не видавшим в течение веков плуга и обеспечившим их неприхотливые потребности, а непроходимые лесные дебри, множество быстрых горных речек и топких ручьев (Шавдон), ограждали их от сильных соседей, лезгин, кумыков, кабардинцев. С течением времени, увеличившееся народонаселение, обращая лесные чащи в пахотные поля, все более распространялось по плоскости и образовало, таким образом, самостоятельное общество, богатое средствами для хлебопашества и скотоводства, ставшее послегрозой своим соседям. Эхо второе предание, полагаю, более вероятно.

В первое время чеченцы составляли без различия один класс вольных людей, подчинявшихся освященным временем обычаям. Каждая фамилия (тохум) избирала старшину, который и ведал общественные дела, разбирал мелкие споры и прочее. Если же случались более важные споры, фамильные, то обращались к старшинам других тохумов. Одно время представители от всех фамилий собрались в Ичкерию близь аула Цонтери, и на урочище Кетишкорт произошло нечто в роде веча, на котором и состоялось положение об адате (обычном праве), которым должно было руководствоваться во всех делах, за исключением дел о браках, наследствах и разделах имений, предоставленных суду шариата (религиозному). Были после попытки совсем уничтожить адат, для чего опять собирались на Кетишкорте, но неудачно; большинство не хотело подчиняться шариату, пока железная рука Шамиля, уже в сороковых годах нынешнего столетия, не подчинила все духовной власти.

Земля не считалась частною собственностью, она принадлежала всякому, кто хотел ею пользоваться. С течением времени только явились некоторые разграничения между аулами, но владение осталось и поныне общинным. Каждый год, когда настает время пахать, все однотохумцы собираются на свои поля и делят их на столько равных дач, сколько в тохуме семей, а затем жребий решает, кому какой участок пахать, и в течение года он уже считался собственностью. Леса же составляли общую народную собственность, каждый пришелец, новый поселенец, имел право вырубить участок леса, поселиться на нем и тем самым становился собственником.

Как сказано, в Чечне все были равны, никаких сословных подразделений не было; не было порабощенных, не было общественных переворотов, не было завоеваний. Ни князей, ни узденей, как в соседних землях кумыков и кабардинцев, у Чечни не было. Мы все уздени, говорили чеченцы, принимая этимологическое значение слова: уз-ден или эзю-дан, от себя, то есть зависящий от себя. Единственный немногочисленный класс рабов были пленные; потомков прежде захваченных называли "лая", вновь захватываемых "иессырь"; последние различались от первых неопределенностью своего положения, потому что на первых порах можно было ожидать еще их выкупа или обмена, а "лай", уже забывший свое происхождение, потерявший связи со своим отечеством, составлял неотъемлемую собственность своего владельца. Положение "лаев" было безусловное рабство, подобно существовавшему в древности. Раб считался вещью своего хозяина, которою он мог распоряжаться по прихоти; его можно было продать увечить, убить; приобретенную им собственность владелец мог отнять для себя; одним словом "лай", вся его жизнь, весь его труд — все было принадлежностью его господина... Иногда случалось рабам откупаться на волю; тогда они обращались к кади, который с согласия владельца составлял бумагу — отпускную, передавал выкупную сумму, и "лай" становился свободным, получал название "азат".

Общего управления у чеченцев, до признания ими власти Шамиля, не было. Каждый тохум ведался выбранным старшиной; но власть их была ничтожна и необязательна; кто не хотел у них судиться, расправлялся сам, а если и обращались к ним, то, при недовольстве решением, не подчинялись ему. Но подобные случаи бывали исключениями; большею же частью суд старейшин уважался, и строптивых не уважали в обществе; некоторое чувство подчиненности так присуще всякому человеческому обществу, что и среди этого дикого, необузданного населения оно не могло не приобрести прав гражданства. Как бы ни был наклонен такой человек к необузданной воле, как бы нестерпима ни была для него всякая узда, все же не может он не покоряться опытности, превосходству ума, авторитету человека, пользующегося общим уважением.

Более важные дела, касавшиеся всей деревни или нескольких тохумов, решались мирскими сходками, для которых не существовало, впрочем, никаких правил. Сбегались стар и млад, крик, шум, споры и толки без конца; часто кончалось это драками, оружием, и побежденная сторона, хотя и правая в споре, должна была бежать и селиться на новых местах...

В первые времена своего поселения, чеченцы жили спокойно, никем не тревожимые. Сильные соседи их, кумыки и кабардинцы, едва ли и знали о новых выходцах, скрывавшихся в своих дремучих лесах; приманки тут не было никакой: ни богатства, ни множества стад, вообще никакой добычи. Сами чеченцы, в свою очередь, чувствовали свою слабость и никого не тревожили;

напротив те, которые очутились ближе к кумыкам или кабардинцам, искали покровительства у тамошних князей,[197].

По преданиям, сохранившимся среди чеченцев, они были некогда христиане, но переселились из гор на плоскость уже мусульманами. Сохранились у них смутные рассказы об отношениях к шамхалу Тарковскому, которому оказывали особый почет, а на случай его приездов и угощения даже держалась особая посуда; еще более к Омер-хану Аварскому, с которым чеченцы хаживали в набеги на Грузию, в Персию (вероятно, в ханства нухинское, шекинское и др.); у одного старика еще в мое время хранился какой-то особенной формы большой медный кувшин, привезенный его отцом из такого набега. Когда Омер-хан умер (кажется, в начале этого столетия), некоторые ходили в Хунзах на похороны и, возвратясь, рассказывали о великолепии, о *семи мерках золота*, оставшихся после него; о странных обычаях плача над мертвым, совершавшихся множеством женщин, особенно из Андии, и т. п.

В числе особых обычаев у чеченцев много сходного со всеми другим кавказскими горцами; то же кровомщение, тот же счет на коров, определенная цена на разные случаи, и т. д. За убийство, например, мужчины 190, женщины 130 коров; если убийца не платил, то бежал навсегда или его убивали; за ружейную рану, не смертельную, 10 коров, холодным оружием 5, если же не рубнет кинжалом, а кольнет, то тоже 10 коров, как за ружейную рану; за увечье глаза 80 коров, (глаз считался главным органом); за нос же только 18; за каждый палец по 3; за воровство, кроме возвращения украденного, взыскивается еще трехлетний жеребчик или бык. За похищение девицы должны были пригнать 10 скотин и сделать угощение, а девицу возвратить, а если прибавляли к этому 10 рублей денег, то похищенная, по согласию, оставлялась уже женою похитителя.

Женитьба сопровождалась тоже своеобразными обычаями. Пришедших за невестой родственников и нескольких молодых людей угощали, а при отправлении с невестой догоняли и мужчины били гостей палками (в шутку), а женщины портили им ножницами платье. Все сопровождалось песнями, пляской, стрельбой. Жених должен прятаться целую неделю и более; приходя после ночью в дом, он на заре исчезал, а товарищи его делали при этом выстрелы...

---

[197] Дальнейший текст опущенный нами содержит легенды о взаимоотношениях чеченцев с кумыкскими и кабардинскими князьями, а также большой рассказ о роли княжеской династии Турловых в укреплении Чечни. Похоже, что в данном очерке о Чечне и чеченцах (опубликованном в 1879 г.) автор с большой долей вероятности пользовался публикациями своих современников, к примеру: Иванов И. Чечня // Москвитянин, учебно-литературный журнал на 1851 год. Ч.V. №19 и 20. Октябрь. Кн.1 и 2. С.172-200.; Иванов И. Чечня // Москвитянин, учебно-литературный журнал на 1851 год. Ч.V. №19 и 20. Октябрь. Кн.1 и 2. С.172-200; Лаудаев У. Чеченское племя // Сборник сведений о кавказских горцах. Вып. VI. Тифлис, 1872. С. 1-62.

В Чечне всегда было несколько известных вожаков, собиравших шайки для набегов. С минуты выступления до возвращения, все обязаны были беспрекословно подчиняться вожаку. За неудачу он не отвечал, а при успехе получал две трети добычи. Возвращались с песнями, выстрелами, возбуждая похвалы своих односельцев, песни женщин...

Текст воспроизведен с нашими сокращениями по изданию: Зиссерман А.Л. Двадцать пять лет на Кавказе. Ч. 2. 1851-1856. СПб.: Б/и. Тип. А.С. Суворина, 1879. С.431-441; имеется также современная републикация издательства «Кучково поле»: Зиссерман Арнольд. Двадцать пять лет на Кавказе (1842-1867). Изд-во «Кучково поле», 1879[198]. С. 394-398.

****

Б/а.

ИЗ ПОХОДНЫХ ЗАПИСОК. КАВКАЗ. [1845-1853 гг.]

Приводимый текст неизвестного автора[199], предположительно офицера русской армии и участника Кавказской войны, датирован нами весьма приблизительно по датам упомянутым в рассказе: от строительства укреплений на Сулаке в 1845-1846 гг. и до января 1853 г. Ценность данных записок заключается на взгляд составителя в том, что здесь приведены сведения о самых крайних укреплениях Левого фланга Кавказской линии к востоку до Каспия, но и короткие данные о разгроме генерала Эмануэля в 1831 г. в ауховских лесах и о свирепом уничтожении многолюдного аула Чир-юрт на Сулаке войсками генерала Вельяминова. Представлен развернутый рассказ о военном быте Чир-юртовской крепости (связанный с налаживанием мирных отношений с близлежащими аулами)и характере действий горцев против царских укреплений.

Записки, впервые опубликованные в 1866 г., были помещены в интернете порталом «Востлит» https://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Kavkaz/XIX/1840-1860/Iz_pochod_zapisok/text.htm (Дата посещения 03.02. 2023) и привлекались в наше время в печати больше избранными цитатами.

[198] Так в тексте.

[199] Б/а. Из походных записок. Кавказ. // Военный сборник, № 7. 1866. С. 127-144.

Б/а. ИЗ ПОХОДНЫХ ЗАПИСОК. КАВКАЗ. [1845-1853 гг.]

Предлагая выдержки из своих походных записок[200], я должен оговориться, что в них нет систематического рассказа об одном каком-нибудь эпизоде столь богатой эпизодами нашей кавказской войны. Это просто беглые заметки, вызванные воспоминаниями прошлого времени. Теперь Кавказ не тот, каким я его оставил, и те случаи, которые, десять лет тому назад, составляли живой интерес настоящего, ныне перешли в предания и могут даже показаться анахронизмом.

I.

Ч И Р - Ю Р Т.

Урочище Чир-Юрт, бывшее долго штаб-квартирою, прославившегося на Кавказе, Нижегородского драгунского полка, лежит на правом берегу Сулака, как раз на границе шамхальства Тарковского с обществами ауховцев и салатавцев.

Сулак самая замечательная река северного Дагестана, как Самур — южного. Он образовывается в земле койсубулинцев из слияния между собою горных речек, носящих общее название" койсу", и, с шумом вырываясь из ущелья, на расстоянии почти 30 верст, стремится к северу до Казиюртовского укрепления, за которым поворачивает на восток и, подобно Тереку, впадает в Каспийское море. На этом пространстве Сулак теряет характер горных речек и течет медленно; но ширина его на плоскости не менее 40 сажен, а в некоторых местах доходит до 100 и даже более.

В полую воду Сулак проходим только по мостам; но в осеннее и летнее время, когда таяние снегов в горах прекращается, в нем открываются довольно удобные броды. Все течение Сулака охранялось несколькими укреплениями и сторожевыми башнями, построенными в разное время и по требованию различных обстоятельств. Самое южное укрепление было Евгениевское, находившееся еще в горах и построенное во время салатавского похода 1841 года. На севере укрепленная линия замыкалась Кази-Юртом. Пространство это разделялось на два участка: горное течение Сулака до Худомбашевской башни состояло в ведении коменданта Евгениевской крепости, а пространство от Худомбаша до Кази-Юрта включительно подчинялось командиру Нижегородского драгунского полка, с званием которого сопряжено было звание и начальника сулакской линии. В его ведении, кроме урочища Чир-Юрта, состояли еще старая Чир-юртовская крепость, Миатлинская башня,

[200] Составленных, или законченных, согласно примечанию автора на стр.144 текста к январю 1853 г.

Казиюртовское укрепление и отчасти мирные аулы, разбросанные по правому берегу.

Вся эта часть линии к стороне Каспийского моря представляет ровную, степную местность, покрытую кое-где довольно густым лесом, изобилующим отличными сенными покосами, которые принадлежали Селим-хану, владетелю аула Султан-Юрта. По левому берегу тянутся густые кустарники, а за ними небольшие поляны, замыкающиеся уже отрогами Андийского хребта, известного здесь под именем Салатавских гор.

До 1845 года сулакская линия, оберегаемая одними уральскими казаками, не имела почти никаких укреплений. Важность этой линии было оценена покойным фельдмаршалом князем Воронцовым только после его даргинской экспедиции, убедившей всех, что покорить горы невозможно, не покорив сперва плоскости и предгория. И вот, пока строилось, для защиты Кумыкской плоскости, укрепление Хасаф-Юрт, генерал Лабинцев заложил тогда же, для защиты шамхальства, новую крепость и назвал ее Чир-Юртом. Название это было не новое, потому что с именем Чир-Юрта соединена одна из самых кровавых легенд нашей кавказской войны.

Давно, когда страшная драма мирюдизма только что начинала разыгрываться в восточной половине Кавказа, на левом берегу Сулака стоял аул Чир-Юрт. Это был большой и хорошо укрепленный аул, принимавший деятельное участие в казавате. В начале 1831 года толпы дагестанцев осадили крепость Внезапную, и гарнизон, доведенный до крайности, был освобожден нашими войсками, подоспевшими с линии. К сожалению, генерал-лейтенант Эмануэль, командовавший отрядом, слишком увлекся своею победою и, начав преследование горцев, неосторожно вдался в дремучие леса ауховцев, где, говоря без обиняков, потерпел такое поражение, что войска его с трудом успели отступить к Внезапной. Сам Эмануэль, в битве при Акташ-чае, был ранен и принужден удалиться в Россию.

По его отъезде, начальство над войсками принял генерал-майор Вельяминов, знаменитый в летописях кавказской войны. Это, по-видимому, совершенно постороннее обстоятельство для горцев отозвалось в скором времени страшною грозою над чир-юртовцами, вовсе неожидавшими своей участи.

Неудача Эмануэля, при всеобщем колебании умов Дагестанских горцев, волнуемых новым учением, могла принести самые печальные плоды, а потому надо было поторопиться загладить след ее таким поражением, от которого горцы не могли бы скоро оправиться. Составлен был план действия противу Кази-муллы, осаждавшего в то время Дербент с двух сторон: со стороны южного Дагестана и с кавказской линии.

В октябре 1831 года, войска чеченского отряда двинулись к Дербенту и с боя овладели переправою через Сулак около Чир-Юрта, наполненного тогда приверженцами мюридизма. В тот же день и самый аул, после упорного и кровопролитного штурма, был взять. Последние минуты Чир-Юрта были ужасны: кавказские старожилы говорят, что не были пощажены ни дети, ни женщины, что самые здания преданы были пламени, и пожар, огненным морем разлившийся по аулу, докончил страшную картину разрушения. Кто не читал известную поэтическую думу Полежаева" Черная коса", вызванную этим кровавым побоищем[201.]

С тех пор Чир-Юрт лежит в развалинах. Роковые события 1843 года мрачно пронеслись над ним; но и они не в силах были поднять его из праха. Так он, заброшенный, стоит до сих пор, и только вечные жильцы кладбища, филины, змеи и скорпионы, гнездятся в нем и одни оживляют эти развалины.

Довольно взглянуть на карту, чтобы убедиться в той очевидной выгоде, которую приобретали мы с занятием сулакской линии. Служа естественною границею Дагестана, Сулак отделял Чечню от покорных нам владений шамкала тарковского, защита которых во все времена составляла живой интерес вашего правительства. Заложение Чир-Юртовской крепости было первым шагом кзагреждению пути партиям, появлявшимся сюда наездами то из-за Сулака, то спускавшимся с гор Дагестана.

Крепость, оказавшая нам такие важные услуги, была расположена на левом берегу против самых развалин старого Чир-Юртовского аула и сообщалась с шамхальством посредством паромной переправы. Гарнизон ее состоял из трех рот кавказского линейного баталиона, четвертая рота которого находилась в постоянной командировке и составляла гарнизон небольшого Казиюртовского укрепления.

Но Чир-Юртовская крепость, со своим трехротным гарнизоном, не могла одна оборонять сулакскую линию: она должна была составить только передовой укрепленный пункт ее, а часть обороны шамхала, с его подданными, должны были принять на себя другие войска, которые, расположившись позади крепости, заняли бы весь правый берег течения.

И вот, когда фортеция приводилась еще только к окончанию, а об урочище Чир-Юрт не было и помину, на Сулак пришел Нижегородский драгунский полк. Перед ним расстилались лесистые дебри Чечни; в тылу у него громоздились снеговые дагестанские горы. Дико и неприветливо смотрели на новых соседей своих воинственные общества ауховцев и салатавцев, земли которых за Сулаком разделает только речка Акташ-чай, пользующаяся между горцами известностию

[201] Черная коса // Полежаев А.И. Стихотворения. М., 1832. С. 196-197. – Здесь и далее примечания сост.

наравне с Даргинским аулом и Ичкеринским лесом. Кроме ауховцев и салатавцев, соседями нижегородцев сделались беднейшие, а следовательно, и самые хищные племена лезгинов, расселенные в каменистых дагестанских ущельях, да еще шамхальцы, уже искавшие у нас защиты и покровительства.

Этот последний народ, кумыкского происхождения, занимавшийся земледелием и скотоводством, никогда не был воинствен и, кажется, охотно отнес бы свое оружие на сатовку* (*Сатовка — меновая торговля.- Здесь и далее примечания автора), страсть к которой развилась в нем еще более с занятием нами сулакской линии. Вследствие частых сношений с русскими, в саклях шамхальцев появились предметы роскоши — первый признак невоинственности.

Прогуливаясь раз по Большим Казанищам — одному из значительнейших аулов шамхальства — мы заметили саклю, обращенную окнами на улицу. Это явление было так непохоже на все, что мы привыкли видеть на Кавказе, так противоречило коренным обычаям горца, у которого наружная сторона дома выводится цельною стеною, с пробитыми только в ней бойницами, что мы поинтересовались узнать имя счастливого владетеля. Оказалось, что он здешний житель, занимавшийся уже несколько лет торговыми оборотами.

— Нам пора перестать воевать — отвечал он на вопрос относительно архитектуры своего дома — нас берегут русские, а потому, не опасаясь мюридов, можно обратить руки на другую работу. Я первый оставляю вековой адат, а ежели молодое поколение последует моему примеру, то шамхальцы забудут, как заряжается винтовка.

Но нельзя было услыхать того же от соседей шамхальцев на противоположном берегу Сулака, где понятое о праве носить оружие сливалось в то время с понятием о личной воле и независимости. Вот почему горец, дорожа своим оружием, никогда не прощал покушения отобрать его, и вот почему на эту тему разыгрывались не раз сцены, полные истинного драматизма...

Возвратимся к Чир-Юрту.

Вот что осталось в моей памяти из рассказов нижегородцев о переселении их на сулакскую линию.

Полк, под начальством известного полковника Крюковского, выступил из Грузии, где он квартировал в Кара-Агаче, весною 1846 года, и на походе переформировался в десятиэскадронный состав, с помощию 4-го и 5-го дивизионов, прибывших из России. Переформирование это произведено было в Екатериноградской станице, откуда, после двухнедельного роздыха, полк двинулся к Чир-Юрту уже по терекской линии.

В Червленной получено было неожиданное известие, что Шамиль, возвратившийся из неудачного набега на Кабарду, обложил крепость Внезапную. Полковник Крюковский, зная, что на открытых равнинах Чечни нужна будет

добрая конница, поспешил туда с четырьмя дивизионами, оставив 7-й и 8-й эскадроны, вместе с обозами, на линии.

Тревога, между тем, распространилась уже по всем станицам, и казачьи резервы, обгоняя драгун, спешили занимать по рекекордоны, опасаясь, чтобы скопище не бросилось на линию. Мост на Тереке сломали и переправу устроили паромную.

Когда нижегородцы приблизились к переправе, то нашли ее уже занятою казачьим полком князя Эристова, который также торопился в Внезапной. Несмотря на энергические усилия гребцов, работавших изо всех сил, паромы ходили медленно, и часто, сбиваемые быстротою Терека, уносились течением. Все это задержало нижегородцев на столько времени, что, переправясь, они получили известие о разбитии чеченцев наголову генералом Фрейтагом. Казаки Эристова еще поспели в конце дела; драгуны же слышали только раскаты пушечных выстрелов, но чем ближе подходили к крепости, тем канонада становилась слабее и наконец умолкла. Скоро они увидели густые облака пыли и узнали, что то возвращается наша пехота из своего преследования…

От Внезапной до Чир-Юрта считается 18 верст, следовательно переход небольшой; но так как моста через Сулак тогда еще не было, а ветхие паромы у крепости внушали к себе весьма малое доверие…

Место, выбранное[нижегородцами] в окрестностях старого Чир-Юрта, не отличалось достоинствами даже и в климатическом отношении. Дневные жары сопровождались обыкновенно ураганами со стороны Каспийского моря, которые поднимали целые тучи песку и мелкого камня. Ураган утихал только перед закатом солнца, и тогда обитатели чир-юртовской степи спешили насладиться короткою прохладою вечера, потому что ночи здесь, как и на всем Кавказе, были сырые и холодные. В степи, куда пришли нижегородцы, во множестве, никем нетревожимые, жили до сих пор фаланги и скорпионы, а в расселинах камней и под обрывами Сулака гнездились ядовитые змеи…

Но и в окрестностях Чир-Юрта жили не все же одни змеи да ядовитые гадины: в прибрежных кустах по Сулаку водилось много фазанов; в степи ходили целыми табунами дрофы, и охота за ними составляла одно из приятнейших развлечений, особенно в первое время. Охота была еще лучше на другом берегу Сулака; но та охота требовала уже полного присутствия духа и ружья, заряженного пулею.

Как развивалась полковая жизнь нижегородцев, когда, подобно мореплавателям, выброшенным на необитаемый остров, очутились они посреди неприветливой степи, не имея при себе даже необходимого количества жизненных продуктов, которые невозможно было достать и у окрестных жителей — все этото послужило предметом интересного рассказа г. Каченовского,

помещенного в одной из книжек ”Военного Сборника"* (*"Былое" (Очерки из кавказской жизни). Я же замечу, что новая штаб-квартира, названная Чир-Юртом, выстроилась собственными руками нижегородцев, которым на этот раз довелось превратиться не только в каменщиков, плотников и печников, но даже и в архитекторов. Выстроилась она не вдруг, а постепенно. Сперва, на месте лагерных палаток, появились землянки такие убогия, что даже дагестанский татарин умолкал в знак полнейшего к ним презрения; но когда и землянки мало по малу стали исчезать, как будто проваливаться сквозь землю, то на их местах показались уже домики, сперва тоже низенькие, но скоро, в свою очередь, уступившие место довольно большим и красивым зданиям, между которыми бросался в глаза дом, занимаемый полковым командиром. Через год Чир-Юрт обстроился так, что стал уже походить на небольшой, но чистенький городок, в кавказском стиле.

Но что особенно было замечательно в нем, так это плашкоутный мост, о котором стоит сказать несколько слов. Прежде существовала через Сулак переправа паромная; но в виду такого проворного неприятеля, как салатавцы, она никуда не годилась, и потому инженерный подполковник Кесслер вызвался устроить мост на плашкоутах. На обеих сторонах Сулака он укрепил толстые, каменные столбы, соединенные между собою корабельным канатом, перекинутым через реку. Так образовался упор, возле которого строитель поставил несколько барок, тоже связанных между собою и настланных досками, и прикрепил их посредством веревочных петель к упорному канату. Вот и все устройство моста, который и поднимался, и опускался вместе с Сулаком. За то сердитый Сулак, не встречая в нем слишком большего сопротивления, оставлял его в покое, тогда как со всяким другим мостом непременно повторилась бы та же самая история, что с каменным мостом, перекинутым через Терек, в Дарьяльском ущельи, т. е. на него затратили бы огромные суммы, несколько времени полюбовались бы его красивыми сводами, но в одно прекрасное утро, проснувшись, увидели бы на его месте безобразный развалины или, еще лучше, не увидели бы ничего. С кавказскими реками, как и с кавказскими горцами, шутить нельзя.

Версте в полутора от Чир-Юрта, внизу, на долине, образуемой течением Сулака, стоить слободка женатых нижних чинов; она обстроена чистенькими домиками, по большей части отдающимися в наймы офицерам, неуспевшим приютиться в самом урочище. Тут же помещается и духан — единственное общественно-увеселительное заведение Чир-Юрта. Что же касается до полкового хозяйства, огородов и проч., то все это раскинуто близь дороги, спускающейся от урочища к самому Сулаку, куда нижегородцы ежедневно водят поить своих лошадей, так как внутри штаб-квартиры водопоев нет.

Слободка женатых солдат, в обеспечение от внезапного нападения горцев, обнесена рвом, невысоким валом и от пробития вечерней до утренней зори имеет постоянное сообщение с штаб-квартирою посредством разъездов; поэтому жизнь в ней была не опасна, но, кажется, гораздо привольнее, чем в самом Чир-Юрте: покрайней мере она напоминала станицу, деревню, село, тогда как урочище пахло обширною военною казармою.

Вверх по течению Сулака, верстах в семи, лежит богатый аул Султан-Юрт, служивший некогда штаб-квартирою Уральского казачьего полка, содержавшего тут кордоны. Теперь, в небольшом укрепленьице, вблизи этого аула, принадлежавшего Селим-хану, поместился конный лазарет нижегородцев, под прикрытием полковой инвалидной роты. Чтобы докончить картину окрестностей урочища, нужно сказать, что к югу от него, неподалеку от старых развалин, приютился татарский аульчик, имеющий всего около 350 человек жителей. Это новый Чир-Юрт; а еще южнее его, к самым горам уже, одиноко стоить сторожевая башня, названная по имени брода Миатлинскою. Она выстроена из камня в два яруса, снабжена орудиями и самым миниатюрным гарнизоном от пехоты, какая стоить поближе. Можно представить себе тоскливую жизнь этого гарнизона, ежели сказать, что сменяется он редко, а между тем, и летом, и зимою, с наступлением сумерек, окна и двери башни запираются, и гарнизон остается в замкнутом положении до белого утра. Подчас только гремят оттуда пушечные выстрелы, обозначающие различные условные сигналы, которыми башня разговаривает с крепостью и урочищем, и нижегородцы хорошо понимают язык ее. По гулу выстрелов они безошибочно определяют, большая ли партия, или мелкая шайка переходит границу, нападают ли, наконец, на самую башню, и, стало быть, надо идти спасать гарнизон, который, по своей малочисленности, находился в вечной опасности.

Но, впрочем, не в подобной же ли замкнутости, быть может только в несколько больших размерах, протекала жизнь и самого Чир-Юрта, откуда сообщения производились во все стороны не иначе, как при посредстве военных оказий, выступавших в определенное время, или с особыми казачьими конвоями, на которые необходимо было доставать открытые предписания? Главные дороги идут отсюда внутрь Дагестана через г. Петровск или Темир-Хан-Шуру, а на терекскую линию через Внезапную и Хасаф-Юрт. В Тифлис ездят по этой же дороге, хотя есть ближайший путь по сунженской линии; но если бы вы захотели непременно взглянуть на Сунжу, то должны были ехать на Грозную, откуда ваш путь шел уже по станицам казачьего полка, прославленного именем Слепцова. Так вы добирались до укрепления Назрановского, которое имело прямое сообщение с Владикавказом. Дорога все время шла по самой передовой линии; вы даже могли увидеть в стороне

синий дымок, поднимающийся над аулами непокорных чеченцев, и, следовательно, ехать надо было не только с оружием, но и с оглядкою...

Мирные так же ловко берут, по крайней мере брали, пленных, как немирные, и в этом искусстве между ними, пожалуй, не было разницы. Вот что случилось раз в окрестностях самого Чир-Юрта. Юнкер Нижегородского полка Г*, возвращавшийся вечером из соседнего аула, почти под самым урочищем повстречался с несколькими горцами, ехавшими, по-видимому, из нашего укрепления. В числе их был один, долго служивший нукером у полкового командира князя Чавчавадзе и, стало быть, знакомый большинству офицеров Нижегородского полка. Он подъехал к юнкеру и, после обычных приветствий, завел с ним незначительный разговор, в продолжение которого изменнический удар, направленный сзади, поразит Г*. В одну минуту он был сброшен с лошади, обезоружен и увезен далеко в Салатавские горы, где долгим и мучительным пленом должен был выкупать свою минутную оплошность. Правда, случай этот был единственный в своем роде, но и его достаточно, чтобы показать, какой опасности подвергались обитатели Чир-Юрта, даже в виду своего укрепления…

Впрочем, горские хищники появлялись и в самом Чир-Юрте; т. е. если хотите, это были не горцы, а беглые, но это все равно, а иногда еще и хуже. Если читатель не поскучает рассказом, то вот что случилось однажды. В одну из темных ночей (в светлые ночи, прошу заметить, подобных происшествий не случалось), когда глаза делаются бесполезными до такой степени, что хоть выколи их, как говорить русская пословица, в чир-юртовской слободке поднялась суматоха: поймали чеченца, оказавшегося беглым русским артиллеристом. Пойманный артиллерист, сознавшись раз, пошел по этому пути далее: начал выдавать товарищей и первым назвал Радомцова, пробравшегося в самое урочище. Кто из живших по сулакской линии не слыхал про Радомцова? Это был драгун, бежавший в горы и надоевший своими наездами до того, что голова его, как говорят, была оценена в мешок золота. Мешок чистого золота! Соблазнительная вещь и не для горца! Горец и за один рубль, только новой, красивой чеканки, готовь на какое угодно преступление — а тут, аллах, аллах! мешок золота! Участь Радомцова была решена, голове его грозила беда неминучая; но Радомцов был не такой человек, чтобы потеряться из пустяков: он продолжал водить наезды на русские границы и в то же время смотрел зорко за своими приятелями, чтобы они не свернули ему шеи, потому что, по этой части, горцы мастера и искусники первого сорта.

Итак, этого-то Радомцова предлагали теперь живого. «Очень хорошо», подумали тогда в Чир-Юрте, «а еще лучше, что и золото не уйдет в горы!» Сейчас же собрали вахмистров, приступили к поискам, усилили в воротах караулы и запретили выпускать одиночных людей из Чир-Юрта.

А Радомцев, забравшись в пустую конюшню одного эскадрона, находившегося тогда в экспедиции, спокойно лежал в сене, слышал разговоры проходивших мимо солдат и соблазнительно поглядывал на тройку упряжных лошадей, стоявших перед его носом. На дворе светало; барабан пробил утреннюю зорю, и обоз, назначенный с вечера на порубку леса, потянулся к площади. Стал собираться в дорогу и Радомцов. Состроив весьма искусно казенную, деньщичью физиономию, в одной рубашке, без шапки, сел он верхом на коренную лошадь и повел всю тройку к водопою. В воротах его было остановили, но, убежденные просьбами позволить напоить лошадей, пропустили. Радомцов осторожно спустился с крутого берега, въехал в Сулак и стал поить лошадей, понемногу подаваясь все вперед и вперед. Когда он достиг до половины реки, то гикнул — кони рванулись и мгновенно вынесли его на противоположный берег. Пока в Чир-Юрте распространилась тревога, Радомцова простыл и след. Но не долго пришлось погулять молодцу. Вскоре, после этого происшествия, в Чир-Юрт приехали какие-то горцы: в тороках у них был мешок. Они явились прямо к начальнику, развязали торбу и выбросили на землю обезображенную, окровавленную голову. Голова была Радомцова!

Подобные случаи, конечно, бывали и прежде и после этой истории, а один раз горцы решились даже открытою силою напасть на нижегородцев, но, жестоко наказанные, с тех пор и близко не подходили к Чир-Юрту…

Нижегородцы были поражены мгновенным появлением неприятеля. «Вон они! вон они!» зашумело в рядах, и по команде Шульца: «сабли вон, марш-марш!» 7-й эскадрон, повернув во фронт, устремился на горцев. Ошеломленные они кинулись к Сулаку; но 8-й эскадрон встретил их уже на переправе.... Тогда все перемешалось, и горцы вместе с драгунами начали бросаться в Сулак прямо с высокой кручи. Кто свалился с коня, тот рубился пешим, по пояс в воде. Свалка была жаркая. Командир 7-го эскадрона, капитан Чавчавадзе, добрался было до самого наиба, но разрубил ему только папаху. Двадцать неприятельских тел остались в наших руках, столько же было унесено быстротою течения, а еще большее число горцев убрались с помеченными плечами и спинами.... Нижегородцы потеряли одного человека убитым и шесть ранеными, все холодным оружием. Лошадей выбыло из фронта 17. Командующей войсками в прикаспийском крае по достоинству оценил это молодецкое дело…

Текст воспроизведен с нашими сокращениями по изданию: Б/а. Из походных записок. Кавказ. // Военный сборник. Т.50. № 7. СПб.: Б/и. Печат. В типогр. Департамента Уделов, 1866. С. 127-144.

***

«К».

ОБЗОР СОБЫТИЙ НА КАВКАЗЕ В 1846 г.; ЛЕВЫЙ ФЛАНГ КАВКАЗСКОЙ ЛИНИИ В 1848г.

В нескольких томах известного издания «Кавказский сборник» выходившем в Тифлисе были опубликованы в 1885-1896 гг. воспоминания о Кавказской войне неизвестного русского офицера, скрывшего свое имя под инициалом «К»[202]**.** Материалы были посвящены главным образом описанию больших и малых боев русских войск с отрядами Имамата на территории Чечни и Северного Дагестана в т.ч. с приведением тактико-стратегических оценок. И хотя мы не ставили целью в данном сборнике представить нарративы по истории Кавказской войны (это отдельная большая тема, заслуживающая долголетнего изучения), но некоторые рассказы приводим. Скажем те, где есть тот или иной материал, собственно, о Чечне и чеченцах заслуживающий внимания.

К сожалению, наши усилия по поиску личности автора не принесли результата – исходя из содержания текстов можно предположить, что ко времени описываемых событий (40-е гг. XIX в.) автор был офицером-адъютантом (отвечавшего в т.ч. за разведку, штабные документы и ведение дневника боевых действий) драгунского дивизиона. Автора отличают неплохой литературный слог, наблюдательность и любознательность.

Мы приводим в данной публикации тексты из двух обзоров за 1846 г. (Кавказский сборник. Т.XVI) и за 1848 г. (Кавказский сборник.Т.X,XI) пользуясь как первоисточниками, так и изданием «Востлита»[203], с известными сокращениями. Отметим для читателя, что в разделах V, VI и VII «Обзора событий за 1846 г.» приводится рассказ о масштабном походе армии Шамиля по территории Малой Чечни и Кабарды весной 1846 г. буквально потрясшем военное командование Кавказской линии.

* * *

[202] К. Левый фланг Кавказской линии в 1848 году // Кавказский сборник. Т. IX. - Тифлис, Б/и. Печ. в тип. А.А. Михельсона, 1885. С.367-475; Т. X. - Тифлис, Б/и. Печ. в тип. А.А. Михельсона, 1886. С. 405-496; Т. XI. - Тифлис, Б/и. Печ. в тип. Окружнаго Штаба, 1887. С. 303-463; К. Зимняя экспедиция 1852 г. в Чечне. (Воспоминания очевидца) // Кавказский сборник.Т. XII. – Тифлис: Б/и. Печ. в тип. Окружнаго Штаба, 1888; К. Обзор событий на Кавказе в 1846 году // Кавказский сборник. Т.XV -Тифлис: Б/и. Тип. Канцелярии Главнонач. гражд. частью на Кавказе, 1894; Т. XVI. - Тифлис: Б/и. Тип. Канцелярии Главнонач. Гражд. частью на Кавказе, 1895; Т. XVII. – Тифлис: Б/и. Тип. Канцелярии Главнонач. гражд. частью на Кавказе, 1896.

[203]URL: https://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Kavkaz/XIX/1840-1860/1846_god/text5.htm; https://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Kavkaz/XIX/18401860/Lev_flang_linii_1848/text5.htm;https://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Kavkaz/XIX/1840-1860/Lev_flang_linii_1848/text6.htm (Датапосещения 06.08. 2023).

«К». ОБЗОР СОБЫТИЙ НА КАВКАЗЕ В 1846 г. (Т. XVI).

IV.

Набеги горцев на терскую линию в феврале 1846 года. Катастрофа в колонне подполковника Кульмана. Нападение чеченцев на укрепление Закан-юрт. Новая беда 17-го марта в гойтинском лесу. Нападение на Воздвиженскую колонну. Общее тревожное состояние на левом фланге. Отвлечение чеченцев к центру. Мелкие происшествия в мае месяце. Подвиг казака Докторова. Нападение на линейный № 11 баталион. Заложение и постройка Ачхоевской крепости. Действия наибов на правом фланге малой Чечни. Письма Шамиля к наибам. Роспуск чеченского отряда на зимние квартиры. Сборы к походу. Истребление алдинских хуторов. Впечатление, произведенное этим на чеченцев.

Войскам левого фланга Кавказской линия никогда долго не приходилось почивать на лаврах: едва успеет кончиться экспедиция, как начинаются тревоги, если не в окрестностях Грозной или Воздвиженского, то на левом берегу Терека, между богатыми станицами Гребенского, Моздокского и Кизлярского линейных казачьих полков. 4-го февраля партия хищников, не менее 70-ти человек, переправившись на наш берег ниже станицы Старогладковской, захватила пасшийся в степи и принадлежавший разным лицам табун лошадей в 500 голов. Ободренная успехом и безнаказанностью вместо того, чтобы укрыться с богатой добычей в лесу или в камышах и там дождаться ночи, партия понеслась открыто, днем, по линии вдоль левого берега Терека к щедринской переправе. Когда она поравнялась с Сухим постом, оттуда сделано было несколько пушечных выстрелов, поднявших тревогу по всем станицам Гребенского казачьего полка. Начальник Щедринской станицы хорунжий Арнаутов поскакал с резервной командой казаков в ближайший лес, откуда ему удобно было высмотреть, какого направления держится партия, а квартировавший в этой станице с 3-м баталионом князя Воронцова полка подполковник Костырко скрытно расположил роты по Тереку, заняв все сколько-нибудь удобопроходимые броды. Хорунжий Хивин с десятью казаками притаился в ближайшем к дороге перелеске, и как только хищники приблизились к нему, дал по ним залп; чеченцы повернули назад, к другой переправе, находившейся в 4-х верстах ниже щедринской, но там, в лесу, их ожидала резервная команда хорунжего Арнаутова, а у самой переправы лежала 8-я егерская рота князя Воронцова полка. Едва партия спустилась к берегу, как егеря открыли по ней сильный ружейный огонь, а казаки из лесу прямо ударили в шашки. Добыча была отбита и хищники опрокинуты в Терек. Несмотря на то, что брод был довольно глубок, а в начале февраля река сохраняет зимнюю температуру, егеря и казаки бросились в воду и

вступили в рукопашный бой. Чеченцы дрались отчаянно, и только некоторые из них, уклонившись от встречи, потянулись по правому берегу. К этому времени подоспели на тревогу резервные команды из ближайших станиц; тогда бой прекратился, партия поспешно начала переправляться через Терек, а казаки, бросившись за нею в погоню, преследовали вплоть до Умахан-юрта. В деле мы потеряли семь человек убитыми (трех егерей и четырех казаков) и одного раненым; лошадей убито шесть, ранено две…

2-го марта, утром, выступили из Грозной четыре роты егерского генерал-адъютанта князя Воронцова полка при двух орудиях, под командой подполковника Кульмана, с транспортом, следовавшим в Воздвиженское. Подполковник Кульман должен был, между прочим, нарубить дров в ханкальском ущелье для войск грозненского гарнизона. Вступив в ущелье, он занял правую его сторону — покатость высокой, покрытой лесом горы, 2-мя ротами — 14-ю и 15-ю егерскими; туда же направлены были и повозки. Роты выслали от себя цепи, под командою прапорщика Гавриловича, причем 5-я рота находилась в левой цепи, а подпоручик Желтухин с 12-й ротой оставлен был прикрывать обоз и артиллерию. День был холодный, густой туман стоял над ущельем. Бывшие в резерве правой цепи люди, в числе 12-ти человек, забыв всякую осторожность, составили ружья и в стороне от них развели огонь, вокруг которого расположились греться. Около полудня рубка дров была окончена. Подполковник Кульман, заметив, что дровяные повозки начинают стягиваться к остальному обозу, отправился в левую цепь, чтобы ударить сбор. Но вдруг, с первым ударом барабана, около 300 человек чеченцев, притаившихся в лесной трущобе, без выстрела бросились прямо в шашки на людей, расположившихся у огня. Прапорщик Гаврилович увидел их, когда они были всего в нескольких шагах от резерва; он только успел крикнуть — „в ружье," но было уже поздно: и сам он, и люди его резерва, прежде чем добежали до своих ружей, были изрублены! От правой цепи чеченцы бросились к обозу, но прикрывавший его и артиллерию подпоручик Желтухин успел развернуть свою роту и, благодаря своему присутствию духа и неустрашимости, не только отстоял орудия и предназначавшийся в Воздвиженское транспорт, но, бросившись в штыки, успел выхватить из-под кинжалов еще 10 человек, которым предстояла участь резерва. Унтер-офицер Лисицкий штыком заколол сына одного из чеченских наибов, Атабая, а горнист Макеев, успевший подобрать ружье одного раненого солдата, заколол другого чеченца. Партия бежала, бросив на месте несколько тел…

В марте месяце неприятель огромными партиями, иногда даже с артиллерией, предпринимал набеги на наши владения…

Через две недели после катастрофы в ханкальском ущелье над егерским князя Воронцова полком разразилась новая беда. 17-го марта в 11 часов утра, по

распоряжению временно командовавшего войсками в крепости Воздвиженской, старого, заслуженного подполковника Триха, выступила за дровами в гойтинский лес колонна, в составе 3-х баталионов 2-го егерского князя Воронцова полка и линейного № 9 баталиона при двух орудиях донской казачьей артиллерии, под общей командой капитана Жабокрицкого. В тот же час и в ту же сторону, к Черной поляне, направилась еще одна колонна, из 2-х рот пехоты, под командой впитана Лулудаки, для выжигания травы и бурьяна на полковых покосах. Гойтинский наиб Дуба, один из самых преданных сподвижников Шамиля в Чечне, не мог спокойно смотреть на слишком частое появление русских колонн в лесах, укрывавших его собственный аул и охранявших доступы к его округу. Давно собирался он сорвать сердце на войсках Воздвиженского укрепления, распоряжавшихся в его владениях, как в завоеванной стране, и доказать барону Меллеру-Закомельскому, что гойтинский лес стоит пока еще на его земле…

Под стук топоров и шум голосов, незаметно подкравшись к колонне канавами и чащами, они разом гикнули на правый передний угол ее. Нападение было так неожиданно, оплошность с нашей стороны так велика, авангардная и правая цепи так слабы, что неприятелю не трудно было добраться до самой середины колонны и до обозов. Офицеры с резервами бросились на помощь к атакованному углу, но чеченцы, захватив с собою 14 лошадей и 5 пар быков, успели скрыться в глубине леса. Офицеры застали в правом углу колонны 35 нижних чинов, убитых холодным оружием, и 32 тела, изрубленные кинжалами и шашками. В то же время другая партия чеченцев, заметив, что в прикрытии нашей артиллерии осталось не более 50-ти человек, бросилась к орудиям донской казачьей артиллерии. Офицера, как видно, не было ни при взводе, ни у его прикрытия. К счастью, в эту критическую минуту между нижними чинами нашелся один, не потерявший присутствия духа. Это был унтер-офицер егерского князя Воронцова полка Ромашкин… Итак, менее нежели в 5 минут в 8-ми ротах выбыло из строя 67 человек.

Успех, увенчавший засады чеченцев 2-го и 17-го марта, сильно воодушевил их, и они становились день ото дня предприимчивее…

Со второй половины марта до конца месяца сборы неприятельские не расходились. Одни лазутчики видели их в ауховском владении, другие в Большой Чечне, около огромного аула Шали, или в Малой — на Сунже. На усиление их прибыли конные партии из Ичкерии. Со всех пунктов левого фланга генерал Фрейтаг получал донесения о вторжении неприятельских скопищ в наши пределы. 10-го марта он должен был прекратить инспекторский смотр на кумыкской плоскости и поспешно возвратиться в Грозную, вследствие слухов о появлении всей неприятельской кавалерии на левом берегу Аргуна. Для того, чтобы оценить всю важность этого нового осложнения, следует припомнить, что

на Аргуне стояло в то время одно только укрепление — Воздвиженское, у самого выхода реки из ущелья, к западу от Воздвиженского простиралась лесистая равнина Малой Чечни, уходившая в самые неприступные дебри карабулах-галашевского округа, верхне-сунженская линия была только в зачатке, а нижняя Сунжа, густо населенная мирными аулами, ничем не была прикрыта с юга…

Вообще апрель прошел здесь без шума; мало того, мы застаем в этом месяце левый фланг, охранявший наши владения со стороны Чечни, почти обнаженным, так как войска его, вместе с начальником своим генерал-лейтенантом Фрейтагом, отвлечены были к центру, которому угрожала одна из величайших опасностей, какая когда-либо могла предвидеться нашим владениям на Кавказе — вторжение Шамиля в Кабарду.

В мае месяце действия на левом фланге снова переносятсяна кумыкскую плоскость, отчего остальные отделы левого фланга — Терек, Аргун и Сунжа — пользуются сравнительным спокойствием до 20-х чисел…

Заветная мысль главнокомандующего — поставить новую крепость в Малой Чечне и тем положить основание чеченской передовой линии — должна была осуществиться в июне месяце. Крепость эту предполагалось возвести на ачхоевской поляне, недалеко от впадения реки Фортанги в Сунжу; на противоположном же левом фланге этой новой линии, на р. Аргуне, уже стояла с 1844 года крепость Воздвиженская. Из войск, назначенных в состав чеченского отряда, 15-го июня прибыли в станицу Сунженскую четыре баталиона Тенгинского пехотного полка, стрелковая и саперная роты, команда с крепостными ружьями, вся артиллерия и вся кавалерия; вечером в станицу прибыл со свитой и сам главнокомандующий. 18-го числа, оставив все тяжести на Сунже, войска двинулись к р. Ассе, где к ним присоединились и остальные части чеченского отряда, находившиеся на работах по устройству новой Сунженской станицы. На Ассе отряд переночевал, а 19-го в 9 часов утра выступил к Фортанге, в составе 9 1/2 баталионов пехоты, 8-ми сотен казаков, 16-ти орудий, 16-ти крепостных ружей, 20-ти парковых ящиков и 2-х транспортов**.** Правый берег Фортанги занят был небольшой партией чеченцев, которая открыла по авангарду ружейный огонь, но быстрым движением кавалерии была отброшена к лесу, причем с нашей стороны ранены 1 урядник и 1 милиционер и убиты две лошади. Рассыпавшись по лесу, чеченцы продолжали стрелять по колонне…

21-го главнокомандующий выбрал место для крепости на правом берегу Фортанги и, после молебствия, сам положил первый камень для угловой башни; затем он оставил отряд и, под прикрытием 3-х баталионов пехоты и 4-х сотен кавалерии при 4-х орудиях, возвратился во Владикавказ. 24-го неприятель сделал по лагерю три выстрела из орудия, а 26-го наибы Саибдулла и Атабай открыли

против левого фаса стрельбу из 3-х орудий. Несмотря на то, что исходящий угол нашей позиции отстоял от леса почти на 650 сажень, неприятельские снаряды, рикошетируя, залетали в лагерь; ими был ранен 1 фельдшер и убиты две лошади. После 12-ти выстрелов наибы увезли свои орудия в глубину леса. 30-го июня в 2 часа пополудни стрельба возобновилась, и мы опять потеряли 1 нижнего чина раненым и 2-х лошадей убитыми. Эти незначительные канонады были единственным протестом со стороны неприятеля против занятия русскими ачхоевской поляны и заложения крепости на Фортанге… 20-го июля предпринималась даже рекогносцировка за 8 верст от лагеря к верховьям Фортанги, где, по словам лазутчиков, находились развалины старых каменных башен, прикрывавших когда-то вход в ущелье. Генерал Лабинцев думал извлечь пользу из материала от этих развалин, но кроме булыжника, слегка обтесанного снаружи и связанного окрепшим от времени цементом, ничего в них не оказалось; поэтому колонна возвратилась назад. Около развалин к отряду вышел русский солдат, томившийся в плену с 1843 года…

Местность для нового укрепления была выбрана главнокомандующим действительно очень удачно. Обширная ачхоевская поляна простиралась к западу и востоку от Фортанги так далеко, как только глаз мог видеть, а к югу и северу усеяна небольшими перелесками на таком расстоянии от лагеря, что неприятель, например 26-го и 30-го июня производя по нашим войскам канонаду, должен был давать своим орудиям чудовищные углы возвышения. Войска чеченского отряда расположены были по обоим берегам реки. 30-го июня, для сообщения одного берега с другим, устроен был мост на козлах; 2-го июля его снесло сильным течением воды, чрезвычайно поднявшейся вследствие проливного дождя, но 4-го июля сообщение было восстановлено устройством висячего моста на канатах, а через месяц, 31-го июля, на Фортанге был готов постоянный мост. Долго не показывался неприятель в окрестностях Ачхоя; наконец в 10 часов утра 11-го августа верстах в 6-ти от лагеря замечена была конная партия, которая тянулась поодиночке вдоль опушки леса, покрывающего берега Нетхоя. 12-го утром над аулом Шаудан-Шари видно было зарево пожара, а в 6 часов пополудни та же партия, также поодиночке, возвращалась к Нетхою. Генерал Лабинцев насчитал 10 значков в зрительную трубу. Вечером лазутчики доставили ему сведение, что наиб Атабай с партией из тысячи доброконных истребил огнем аул Шаудан-Шари, расселив жителей его по разным аулам. Этот эпизод принадлежал к числу немногих развлечений чеченского отряда на скучной ачхоевской поляне.

14-го сентября к отряду прибыл главнокомандующий. Три месяца тому назад он положил первый камень в основание угловой башни правого фаса; теперь же перед ним стояла крепость, вооруженная 13-ю орудиями, обстроенная внутри прочными и красивыми зданиями для помещения гарнизона в полтора и

даже два баталиона. Войска наши работали очень усердно не потому, что работа им особенно нравилась, но для того, чтобы скорее выступить в поле. За все лето 1846 года Шамиль не предоставил им ни одного случая помериться силами: он только собирал и распускал свои партии, точно делал репетиции перед каким-то важным предприятием. После рамазана, в половине сентября, им назначено было повсеместное поголовное вооружение, что заставило быть настороже и войска левого фланга…

В то время как на западе Малой Чечни возводилась новая крепость, открывавшая прямое сообщение левого фланга кавказской линии с владикавказским военным округом, чеченские наибы перенесли свою деятельность на противоположную окраину Малой Чечни, маневрируя, иногда с артиллерией, — на пространстве между Сунжей, Гойтой и Аргуном происходили большею частью мелкие дела, не имевшие особого значения… 22-го августа лазутчики дали знать начальнику левого фланга, что Шамиль сменил наиба гехинского округа Атабая и назначил на его место бежавшего от нас в горы кабардинского князя Магомед-мирзу Анзорова…

В 1846 году, когда суровый декабрь перебросил через Терек свои опасные ледяные мосты, по которым хищники не решались пускаться на свой рискованный промысел, и линия отдыхала, войска левого фланга готовились к походу. Секретным отзывом начальника главного штаба предписывалось генерал-маиору Фрейтагу от имени главнокомандующего приступить к истреблению алдинских хуторов, гнезда хищников, откуда неприятель постоянно устремлялся на наши сообщения и населенные пункты; там собирались наибы для совещаний, туда направлялись партии перед нападениями, оттуда же подвозились орудия к нашим колоннам и укреплениям. К западу от Грозной простиралась широкая поляна, которая носила название алдинской; за нею, у правого берега Сунжи, начинался лес, изобиловавший темными чащами и труднодоступными трущобами. Русские колонны не заходили в него, и он считался как бы заповедным для нас; там-то и скрывались хутора, известные под именем алдинских и заключавшие в себе более 3-х тысяч дымов, рассеянных на протяжении 6-ти верст. Генерал Фрейтаг знал, с какими потерями сопряжено будет движение отряда в этих лесах и при переправе через Гойту, если только чеченцы успеют занять ее прежде нас, не говоря уже о завалах, которыми они несомненно преградят все лесные тропинки…

12-го декабря войска, вытребованные из владикавказского военного округа, прибыли в Грозную, а в ночь с 13-го на 14-е все прикрытые лесом местности правого берега Аргуна заняты были неприятелем. 14-го декабря с рассветом, после напутственного молебствия, отряд, в составе 7-ми баталионов пехоты и 3-х сотен кавалерии при 10-ти орудиях, выступил из Грозной прямо к алдинской

поляне. В Воздвиженское барону Меллеру-Закомельскому послано было приказание идти на соединение с отрядом из 2-х баталионов пехоты и 2-х сотен казаков при 2-х орудиях. Стоявшие на пикетах чеченцы тотчас же поскакали за Аргун дать знать о движении нашего отряда к западу, в сторону противоположную шалинской поляне. Жители правого берега Сунжи до такой степени привыкли считать себя в безопасности в своих темных и труднодоступных дебрях, что не подумали ограждать себя от нечаянных нападений завалами. Когда наши войска показались на алдинской поляне, вместо того, чтобы спасать свои семейства, убрать скот и вывезти имущество, они приготовились провожать колонну опушкой леса до Гойты и далее до Урус-Мартана, полагая, что войска направляются к новой крепости на Фортанге и все время будут двигаться мимо лесов, параллельно большой русской дороге. Когда же отряд миновал поляну и, переправившись через глубокий алдинский овраг, прямо и смело вступил в лес, тогда только чеченцы поняли, что были недостаточно прозорливы и начали поспешно выводить свои семьи…

Не задерживаясь в лесу, где горцы, опомнившись от первого удара, могли собраться и при отступлении горячо преследовать нас, генерал Фрейтаг вышел на большую русскую дорогу и оттуда продолжал движение на запад. Так как вода в некоторых реках Малой Чечни в суровые зимы вымерзает, то он избрал для лагерной стоянки берегабыстрого Урус-Мартана. Около 2-х часов пополудни колонна была обнаружена неприятелем. По тревоге, поднятой его пикетами, из-за Аргуна прискакала чеченская кавалерия, тотчас же завязавшая перестрелку с арриергардом, а Саибдулла сделал несколько выстрелов из орудия. Но это не задержало нас, и перед вечером войска остановились лагерем на правом берегу Урус-Мартана.

В ночь на 15-е декабря в Малую Чечню прибыло неприятельское скопище, поджидавшее наш отряд за Аргуном. По добытым сведениям, в нем находились, кроме местных наибов — Баты, Дубы, Талгика, Магомед-мирзы Анзорова и Саибдуллы, еще бывший элисуйский султан Даниель-бек и Нур-Али-мулла с дагестанскими горцами. Несмотря на это, утром 15-го из лагеря выступила колонна в 4-х баталионном составе с 3-мя сотнями казаков при 6-ти легких орудиях, под начальством полковника барона Вревского. Она должна была пройти по той самой дороге, по которой накануне двигался отряд, занять те же хутора и, забрав с собой фураж и продовольственные запасы, все остальное предать огню… Девять дней продолжались поиски генерал-лейтенанта Фрейтага в лесах Малой Чечни между Гойтой и Урус-Мартаном, причем два раза колоннами в усиленном составе предпринимались экскурсии на левый берег последней реки, к левому притоку ее Рошне. Иногда при истреблении хуторов чеченцы завязывали с нашими войсками перестрелки; иногда же колонны

возвращались назад, не встретив ни одного человека; 22-го декабря было окончено истребление алдинских селений или, лучше сказать, тех из них, которые удалось разыскать среди лабиринта лесных трущоб; взамен не отысканных пострадали некоторые хутора по Урус-Мартану и Рошне. 23-го генерал Фрейтаг предпринял обратное движение в Грозную, но уже не по большой русской дороге, где мог встретить сильное сопротивление, а левым берегом Сунжи. На следующий день баталионы владикавказского округа возвратились за Терек, а 25-го и все остальные войска разошлись по зимним квартирам…

Десятидневным походом чеченского отряда к лесам правого берега Сунжи заканчивается для левого фланга богатый событиями разного рода 1846-й год.

V.

Центр кавказской линии н владикавказский военный округ. Состояние Кабарды в 1846 году. Грандиозный замысел Шамиля. Первые тревожные известия. Предохранительные меры с нашей стороны. Тревога на военно-грузинской дороге. Донесение генерала Нестерова и письмо г.-л. Гурко. Дальнейшие меры обеспечения. Различные донесения о положении края. Уместное вмешательство г.-л. Гурко и его распоряжения. Отступление Нур-Али и его новый план действий. Восстановление спокойствия на военно-грузинской дороге.

Между бассейнами рек Кубани и Терека лежит возвышенная кабардинская плоскость, которую Терек делит на две неравные части — Большую и Малую Кабарду. Обе они вместе имеют около 233-х квадратных географических миль пространства… До 1846 года жители Большой Кабарды никогда не подавали повода сомневаться в их благонамеренности и зависимостью своею от нас нисколько, по-видимому, не тяготились. Нельзя было того же сказать про жителей Малой Кабарды. Открытое нерасположение к нам они пока не имели случая выказать, но преданность их отчасти напоминала преданность некоторых покорных нам обществ южного Дагестана. Может быть, на отношения их к нам имело влияние близкое соседство Малой Чечни, от которой Малая Кабарда отделялась полупокорными и беспокойными обществами — карабулакским и галашевским. Но вот, в 1846 году, кабардинская плоскость, охраняемая и удерживаемая до сих пор в повиновении войсками центра кавказской линии, неожиданно становится театром действий одного из кровопролитных эпизодов кавказской войны. До этого же события, начиная с января месяца, мирное течение жизни ее трудолюбивого населения не было нарушено ни одним происшествием военного характера…

Шамиль, знавший подробно все, что происходило в наших владениях, знал также о выступлении в апреле месяце 5-го пехотного корпуса в Россию. В его голове тотчас же созрел план небывалого по своим грандиозным размерам предприятия. Частные нападения, тревоги на линии, хищнические набеги на кумыкской плоскости — все было на время остановлено. Имам сосредоточил все внимание на гигантском замысле, которого он даже не открывал никому из своих приближенных, давая им понять только, что он задумал нечто необыкновенное и что успех задуманного им всецело будет зависеть от их слепого повиновения. Вот почему колонны проходили, никем не тревожимые, даже через опасное ханкальское ущелье. Такое затишье после беспокойного марта, в самую лучшую для предприятий пору весны, должно было казаться подозрительным. Собиралась буря, все это чувствовали, но где она разразится — никто не знал, и все деятельно готовились встретить ее.

9-го апреля подул первый ветерок. Вечером этого дня начальник левого фланга генерал-лейтенант Фрейтаг получил достоверное сведение от лазутчиков, что Шамиль отдал приказание всем горским народам северного и южного Дагестана быть готовыми к выступлению в поход. Такое же приказание было послано и к чеченским наибам, которые должны были, по прибытии в Чечню самого Шамиля или доверенного от него лица, присоединиться к дагестанскому скопищу. В полночь сведения эти подтвердились. Один из мюридов Шамиля, тайно преданный русским, привез начальнику левого фланга письмо имама к наибам Бате и Талгику следующего содержания:

«От князя всех мусульманских народов и султана тех, кто признает единого Бога, братьям моим Бате и Талгику. Да хранит вас Всемогущий Бог от неверных и их злонамеренных козней! Я приказал всем наибам собрать вверенные им части войск в будущую субботу (13-го апреля) прежде полудня. Тоже самое должны будете исполнить и вы. Шали я назначаю сборным пунктом, куда и сам прибуду с несколькими орудиями в назначенное время. Орудия я хочу поставить возле самой неприятельской дороги. Прошу хранить это втайне от жителей».

Даже таким доверенным лицам, как Бате и Талгику, Шамиль не решался открыть свои настоящие намерения. Генерал Фрейтаг приказал снять копию с письма Шамиля, а подлинник возвратил мюриду для доставления по адресу, и тотчас же приступил к составлению плана обороны вверенного ему края. 10-го апреля получены были новые сведения о неприятеле. Даниель-бек с андалальцами и Лабазан с андийцами прибыли в новую резиденцию имама — Веден; Джелал-Эдин с кавалерией выступил к Шали, а Нур-Али-мулла с пехотою потянулся аргунским ущельем к Шатою. Утром того же числа начальник левого фланга отправил нарочного в Моздок к начальнику 15-й пехотной дивизии

генерал-лейтенанту Гасфорту, которого просил приостановить выступление первых баталионов полков вверенной ему дивизии…

Тревога, охватившая весь обширный район левого фланга, быстро сообщилась и владикавказскому военному округу, откуда она неизбежно должна была перейти на верхнюю военно-грузинскую дорогу, северная оконечность которой, до станции Коби, составляла часть округа. Последняя слабо охранялась в то время от беспокойных, хотя по наружности и покорных нам чеченских обществ, стоявшим в Ларсе наблюдательным отрядом, в котором было всего две роты с двумя горными орудиями, не считая рассеянных по всему тракту команд и пяти военно-рабочих рот, расположенных для производства дорожных работ в Гудамакарском ущелье, около Пасанаура. 14-го апреля плац-маиор владикавказской крепости, за отсутствием коменданта генерал-маиора Нестерова, дал знать наблюдательному отряду, что в акинском обществе собираются неприятельские партии, которые, по всей вероятности, намерены проникнуть через селение Дори (Цори. – Сост.) в галгаевское общество и в Джераховское ущелье. Наблюдательным отрядом в Ларсе, за болезнью настоящего его начальника полковника Золотарева, временно командовал капитан Кременец, который, получив предостережение от владикавказского комендантского управления, немедленно занял двумя ротами и высланною из Владикавказа милициею Джераховское ущелье, о чем 15-го апреля донес рапортом полковнику Золотареву, находившемуся в то время в Анануре. Рапорт получен был в первом часу ночи. В час пополуночи полковник Золотарев отправил нарочного в Тифлис к помощнику начальника главного штаба генерал-маиору Норденстаму с донесением, в котором описывал положение вверенной его охране дистанции и просил об усилении наблюдательного отряда 5-ю ротами инженерного ведомства, расположенными в Гудамакарском ущелье, считая две роты слишком недостаточными для занятия галгаевского общества и удержания в повиновении аулов, населяющих горные проходы и верховья рек северной оконечности военно-грузинской дороги. Генерал Норденстам хотя и отнесся с некоторым недоверием к поднятой в Ларсе тревоге, тем не менее дал предписание командующему 2-м баталионом Эриванского карабинерного полка выступить на другой же день, 18-го, из Тифлиса на военно-грузинскую дорогу с одним вьючным обозом и, не останавливаясь для дневок, 23-го прибыть в Ларс. Если бы слух о намерении неприятеля занять военно-грузинскую дорогу подтвердился, то баталион из Ларса должен был идти на соединение с наблюдательным отрядом в Джераховское ущелье «с возможною поспешностью»; если же партии неприятельские разойдутся или слухи об их намерениях окажутся преувеличенными, то продолжать движение на Сунжу, к сборному пункту чеченского отряда, с дневками, не изнуряя людей и лошадей…

16-го апреля полковник Золотарев, все еще остававшийся по болезни в Ананyре, получил от капитана Кременца копии с двух рапортов его к владикавказскому коменданту генерал-маиору Нестерову. В первом говорилось, что сильная неприятельская пешая партия, под предводительством главных наибов Шамиля, двинулась к селению Цори с намерением поднять против нас галгаевское и кистинское общества и, прорвавшись через Джераховское ущелье, занять военно-грузинскую дорогу. Старшины, явившиеся в Пемат с этим известием и с просьбой о помощи от имени галгаевского общества, добавляли, что никогда прежде в горах не было таких сборов. Во втором рапорте капитан Кременец доносил генералу Нестерову, что девять наибов с огромным скопищем вступили 15-го вечером в селение Гуль, акинского общества, и что цоринцы и галгаевцы просят его поспешить к ним на помощь. В силу этого управление владикавказского коменданта 16-го апреля разослало экстренных нарочных с „открытым известием“, которым предписывалось воинским и постовым начальникам от Владикавказа до Коби принять все меры предосторожности и быть каждую минуту готовыми к отражению неприятеля. Копии с рапортов капитана Кременца и открытого известия полковник Золотарев препроводил к помощнику начальника главного штаба. Генерал-маиор Норденстам, все еще не достаточно убежденный, находил, что все распоряжения его об усилении ларсского отряда будут „несвоевременны": во-первых неприятель не может долго оставаться в сборе, так как акинское общество не имеет средств продовольствовать такую многочисленную партию; во-вторых, если неприятель действительно имеет намерение прорваться на военно-грузинскую дорогу, то он приведет его в исполнение прежде, нежели мы успеем принять какие-нибудь оборонительные меры; наконец дорога в настоящее время непроходима для обозов. Несмотря на все это, он отдал вторичное приказание 2-му баталиону Эриванского карабинерного полка следовать безостановочно в Ларс, а подполковнику Платану — выделить из военно-рабочего баталиона, расположенного в Гудамакарском ущельи, одну и никак не более двух рот, и то на самое короткое время, для занятия всех постов от Кайшаура до Ларса; команды же, рассеянные по этим постам, стянуты к ларсскому отряду. Для окончательного разъяснения своих сомнений генерал Норденстам командировал на военно-грузинскую дорогу генерального штаба штабс-капитана Марка, выехавшего 18-го в Ананур с тем, чтобы отправиться вместе с полковником Золотаревым в Ларс и во Владикавказ и там проверить тревожные слухи. В тот же день из донесения начальника назрановского отряда генерал-маиора Нестерова помощник начальника главного штаба узнал, что вследствие необыкновенных неприятельских сборов в Чечне, г.-м. Нестеров сосредоточил 15-го апреля все вверенные ему войска на передовой линии владикавказского округа в крепости Назран, а генерал Фрейтаг со своим отрядом занял позицию на Сунже у Казах-кичу.

15-го апреля с наступлением ночи Шамиль, под прикрытием конных партий, скрытно переправил через Сунжу сначала пехоту с артиллерией, состоявшей из 10-ти орудий, а затем уже и остальную кавалерию, которая все время шла в арриергарде, чтоб затаптывать следы от пушек. Как только казаки, высланные в разъезд, вернулись с известием о движении неприятеля, генерал Фрейтаг тотчас же усилил свой отряд одним баталионом пехоты, расположенным на Сунже, 4-мя сотнями казаков и 2-мя орудиями и выступил по следам неприятеля; генералу же Нестерову приказано было оставаться на передовой линии для прикрытия Назрана и Сунжи. По последним сведениям, Шамиль направлялся в Большую Кабарду; с 16-го на 17-е он ночевал на р. Курпе, около Ахлова аула, в самом сердце Малой Кабарды.

Движение неприятеля в Кабарду генерал Нестеров считал тем более опасным, что оно предпринято было с ведома и по приглашению самих жителей; с восстанием же Кабарды сообщения могли быть прерваны и подвоз продовольствия для передовых войск мог прекратиться. Таким образом действия Шамиля носили характер стратегической важности.

Кроме сборища, преследуемого генералом Фрейтагом, другая огромная партия пеших горцев угрожала военно-грузинской дороге со стороны галгаевского общества. Генерал-маиор Нестеров просил помощника начальника штаба поспешить отправлением войск для усиления владикавказского гарнизона, так как и его средства, и средства генерала Фрейтага совершенно были истощены и нигде не оставалось ни одного резерва. В заключение он просил также озаботиться относительно направления из Грузии транспорта с провиантом, в количестве от 3-х до 5-ти тысяч четвертей, до восстановления правильных сообщений. Вместе с донесением генерала Нестерова получено было на имя главнокомандующего письмо от генерал-лейтенанта Гурко, только что оставившего свой пост начальника главного штаба войск, расположенных на Кавказе (отдельного кавказского и 5-го пехотных корпусов), и выехавшего 15-го апреля из Тифлиса по военно-грузинской дороге во Владикавказ. Письмо помечено 17-м апреля и из предосторожности написано на французском языке:

По всей дороге большой переполох. Ворота Владикавказа я нашел запертыми, а войска под ружьем. Все были очень удивлены, когда увидели меня прибывшим с конвоем из 5-ти казаков — это было все, чего я мог добиться в Ларсе. Для Владикавказа нет, конечно, никакой опасности — он охраняется гарнизоном в 1300 человек — но опасность велика для селений военно-грузинской дороги. К счастью, 1-й баталион Виленского полка, который успел уже выступить в Россию, был задержан в Николаевской станице и расположен в Александровской. Здесь также известно, что баталион Тенгинского полка три дня тому назад прибыл в Екатериноград, так что с этой стороны линия достаточно

охраняется. Скопище Шамиля с 5-ю орудиями должно было переправиться или переправилось уже сегодня через Терек подле станицы Котляревской, но я надеюсь, что Фрейтаг настигнет его у переправы, и если Кабарда не заодно с неприятелем, то он должен будет оставить свое предприятие. Здесь нет никаких известий о Голицыне. Нестеров усилил джераховский (ларсский) отряд двумя ротами, которые прибудут туда завтра, так что там будут четыре роты и два орудия. Мне кажется, Нестеров держит слишком много войск у себя в Назране. Я надеюсь, что Завадовский приостановит четыре баталиона 5-го корпуса (13-й дивизии), которые возвращаются в Россию. Я не знаю, когда буду иметь возможность выехать отсюда, потому что всякое сообщение прервано. Завадовскому следовало бы находиться в Екатериноградe или, лучше, при каком-нибудь отряде для того, чтобы в действиях отрядов было больше единства. Я ему посоветую это, как только увижусь с ним. Говорят, что Кази-Магомед Дударов перешел на сторону Шамиля. Вообще положение некрасиво (La postion nest pas belle). Все будет зависеть от кабардинцев и от быстроты движения Фрейтага. Войскам, которые следуют из Грузии, не мешало бы идти форсированным маршем. Но нужно остерегаться того, чтоб не слишком обнажать край. Это восстание может распространиться и на мусульманские провинции.“

Только по прочтении донесения Нестерова и письма Гурко, доставленных в Тифлис с курьером, г.-м. Норденстаму стало понятным „настоящее положение дела," как он выражается в донесении своем главнокомандующему, находившемуся в то время с начальником штаба в Шемахе.

Затем последовали дальнейшие меры обеспечения. Командующему 2-м баталионом Эриванского карабинерного полка приказано было поспешнее следовать в Ларс; командиру того же полка полковнику Бельгардту предписано иметь под рукой в совершенной готовности еще один баталион; такое же предписание дано полковнику Грекулову относительно 5-го баталиона Мингрельского егерского полка. Два баталиона Грузинского гренадерского полка, назначенные в состав чеченского отряда для занятия ачхоевской поляны, выступили: 2-й баталион — 19-го на рассвете, а 1-й — на другой день, с 2-мя горными орудиями, вытребованными экстренно из горной 2-й батареи, расположенной в урочищах Мухровани и Гомборах. Кроме того, помощник начальника штаба просил собрать милицию, которая немедленно должна была направиться в Ларс, и сделал распоряжение о пополнении провиантских магазинов владикавказского военного округа.

20-го апреля генерал Норденстам получил письмо от генерал-лейтенанта Гурко, которым бывший начальник главного штаба уведомляет, что Шамиль вступил уже в Большую Кабарду, жители которой передались ему, что во Владикавказе осталось всего 6 рот Навагинского пехотного полка, две линейного

баталиона, 35 худоконных казаков и ни одного подвижного орудия, и что всего этого едва достаточно для обороны крепости, имеющей 8 верст в окружности. „Я надеюсь — писал он — что Завадовский остановил первые баталионы 13-й дивизии и, собрав отряд, будет действовать со стороны Пятигорска.»

Более наглядно обрисовывается положение края в начале второй половины апреля месяца в донесении помощника начальника главного штаба главнокомандующему. Материалом этому донесению послужили сведения, собранные офицером Навагинского полка, привезшим донесение генерала Нестерова, и письма генерала Гурко. Владикавказ спокоен; жители его ожидают развязки, какую будет иметь преследование Шамиля отрядом генерала Фрейтага; из крепости никого не выпускают; скот пасется под сильным прикрытием на самом близком расстоянии от крепостной ограды. Между Владикавказом и Екатериноградом сообщений нет. Казачьи посты выставляются только днем; на ночь снимаются. Осетинские аулы от Владикавказа до минаретского поста брошены; жители их с семействами, имуществом и стадами укрылись в ближайших горах; остались только способные носить оружие. По Камбилеевке и правому берегу Терека селения также покинуты: жители удалились в лесистые горы между Константиновским укреплением и долиной реки Назрани. Про аул Кази-Магомеда Дударова, одного из влиятельнейших и почетнейших лиц Кабарды, нет никаких положительных сведений; одни говорят, что он со всем аулом своим передался Шамилю, другие — что его аул ушел в кабардинские горы. Все жители Малой Кабарды передались Шамилю и, по слухам, уже переселились в Чечню; остались только некоторые, имеющие офицерские чины; последние перекочевали в Большую Кабарду. Жители аула князя Бековича перебрались в Моздок, а самый аул сожжен. О скопище Шамиля ходят преувеличенные слухи: говорят, что численность его простирается до 20-ти и даже до 25-ти тысяч человек пеших и конных. Хаджи-Мурат с 4-мя тысячами стоит против Моздока. Назран охраняется 10-ю ротами пехоты. В распоряжении генералов Фрейтага и Нестерова и полковника Левковича имеется 11 или 12 баталионов пехоты и более 1000 человек кавалерии; но сколько артиллерии — не известно. О том, что делается в джераховском ущелье нет никаких сведений; известно только, что командир 2-го баталиона Эриванского карабинерного полка получил из ларсского отряда записку, в которой полковник Золотарев просил поспешить с баталионом в Ларс. Пробел этот пополнен следующими, полученными в главном штабе обстоятельными сведениями, изложенными в рапорте штабс-капитана Марка к генералу Норденстаму: 1) главный наиб Шамиля Нур-Али-мулла и 9 других наибов с партией около 8-ми тысяч человек до 20-го апреля стояли у верховьев Ассы, между селениями Исмаиловым и

Хайрыхом, около мечети Тхаба-ерды[204]. У галгаевцев Нур-Али взял аманатов и старался произвести восстание в кистинском обществе и в аулах джераховского ущелья. Отсюда он намерен был выступить к Пемату, где стоял на позиции ларсский наблюдательный отряд, и уже из Пемата двинуться на военно-грузинскую дорогу. 2) 20-го апреля Нур-Али снялся с позиции у верховьев Ассы и направился двумя отрядами — к реке Тарку и к джераховскому ущелью. 3) Генерал-лейтенант Гурко, которого не выпускали из Владикавказа, несмотря на его чин и высокое положение, еще так недавно занимаемое им в кавказской армии, не мог оставаться безучастным зрителем разразившейся над краем бури. Как только до него дошло последнее известие, он тотчас же взял в свои руки общее командование и, под своею ответственностью, энергически приступил к обеспечению военно-грузинской дороги. К ларсскому отряду, состоявшему из 4-х рот пехоты, 6-ти горных орудий и 500 всадников милиции, он притянул из селения Казбек находившуюся там на работе 8-ю роту Мингрельского егерского полка; одну военно-рабочую роту приказал расположить по постам между Пасанауром и Казбеком на смену команд Грузинского линейного № 17 баталиона, которые немедленно должны были выступить в Ларс на усиление наблюдательного отряда; другая военно-рабочая рота должна была составить гарнизон Ларсского укрепления и занять Дарьял; полковника Казбека генерал Гурко просил прибыть с милицией к отряду не позже 21-го апреля. Но 20-го Нур-Али совершенно неожиданно изменил свой план. Вместо того, чтобы прорваться через джераховское ущелье на военно-грузинскую дорогу, он снялся с позиции у минарета Тхаба-ерды и 21-го остановился в тарсской долине у верховьев Камбилеевки, имея в виду спуститься с гор около Балты или реданта. Узнав о передвижении неприятеля на новую позицию, полковник Золотарев тотчас же расположился у аула Балты с 3-мя ротами при 4-х орудиях, 60-ю всадниками осетинской милиции и 15-ю казаками, оставив в Ларсе, до прибытия на смену военно-рабочей роты, 8-ю роту Мингрельского егерского полка, которая также должна была войти в состав отряда, стоявшего на позиции у селения Балты. Две роты Навагинского пехотного полка при 2-х горных орудиях и пешая осетинская милиция занимали попрежнему Пемат для наблюдения за Джераховским ущельем. Между тем, покорные нам общества владикавказского округа и у военно-грузинской дороги продолжали волноваться, и слух о намерении их передаться Шамилю со дня на день подтверждался. Понимая, что появление русских войск вблизи позиции Нур-Али могло успокоительно подействовать на

[204]Раннехристианская церковь грузинской постройки Тхаба-ерды в Галгаевском обществе датируемая в пределах VIII-XII вв., широко известна в науке. Несмотря на то, что службы там не велись сотни лет и здание было полуразрушенным, оно считалось святым местом. Не исключено, что первые мусульмане Горной Ингушетии – ислам к которым проникал под воздействием чеченцев, использовали этот объект в качестве мечети.

умы колебавшегося населения и не подозревая, что против самой тарсской долины стоит назрановский отряд, Золотарев просил генерала Нестерова разрешить ему двинуться с своими 4-мя ротами к неприятельскому стану. Но прежде нежели от начальника назрановского отряда получен был ответ, Нур-Али, в полдень 22-го апреля, по неизвестным причинам покинул эту позицию и потянулся горами в Малую Чечню. На Ассе, близ аула Алкун, он остановился, разграбив по дороге несколько селений покорных нам обществ, предав огню Цори-юрт и взяв аманатов от галгаевского племени. Этим исчерпывались сведения о владикавказском округе и военно-грузинской дороге, доставленные преимущественно Штабс-капитаном Марком.

Нур-Али больше не показывался в окрестностях верхней военно-грузинской дороги, и там водворилось полное спокойствие, нарушаемое лишь грохотом беспрестанно падавших завалов, задерживавших спешившие на помощь наблюдательному отряду баталионы. Предписание командирам полков, расположенных в Грузии, иметь в совершенной готовности к выступлению в поход по одному баталиону было отменено; войска, направленные из Тифлиса на усиление ларсского наблюдательного отряда, прошли прямо во Владикавказ; военно-рабочие роты возвратились в гудомакарское ущелье, а команды, стянутые к Ларсу, разошлись по своим постам. Туча, висевшая над этим прелестным уголком Кавказа, пронеслась мимо!

Что же спасло военно-грузинскую дорогу от вторжения и погрома? Письмо генерал-лейтенанта Гурко — клочок бумаги. Без этого клочка помощник начальника штаба генерал Норденстам продолжал бы на донесения о враждебных намерениях неприятеля отвечать кабинетными рассуждениями, построенными частью на догадках, частью на самых элементарных понятиях о характере и обычаях горских народов, а Нур-Али тем временем успел бы занять дарьяльский проход, и тогда генерал Норденстам вовсе перестал бы получать донесения. Но быстрое занятие джераховского ущелья и угрожающее положение двух отрядов против верховьев Камбилеевки, в виду тарсской долины, заставили Нур-Али поспешно отступить в горы и отказаться от намерения прервать сообщения между Тифлисом и северным Кавказом, намерения далеко не безрассудного, если принять во внимание силы неприятеля, измеенический образ действий некоторых из покорных нам обществ и недостаточность обороны края с нашей стороны. Немало содействовало удалению неприятельского скопища последовательное появление на военно-грузинской дороге баталионов кавказской гренадерской бригады: 18-го апреля показался на ней 2-й баталион Эриванского карабинерного полка, 19-го — 2-й Грузинского гренадерского, 20-го — того же полка 1-й баталион с 2-мя горными орудиями. Пылкому воображению горцев, следивших за каждым шагом нашим на военно-грузинской дороге, могло представиться, что

этому периодическому прибытию все новых и новых частей на расстоянии одного дня пути и конца не будет. Нур-Али-мулла, имевший лазутчиков во всех без исключения так называемых покорных нам обществах, не мог не знать о надвигавшихся на него грозных силах и предпочел, с награбленной в мирных аулах добычей, до прибытия их удалиться в более безопасные места.

VI.

Первые слухи на линии о сборах неприятеля. Сосредоточение войск к Грозной. Начало преследования Шамиля генералом Фрейтагом. План Фрейтага. Действия полковника Левковича. Бой у Минарета. Выяснение плана Шамиля; его операционный базис. Движение Нестерова на соединение с Фрейтагом. Отступление Шамиля. Трудное положение наших войск. Письмо Шамиля в Кабарду. Продолжение преследования. Ошибка Меллера-Закомельского. Удаление Шамиля за Сунжу. Временное затишье и новые сборы.

О сборе неприятельских партий прежде всех узнал начальник левого фланга генерал-лейтенант Фрейтаг. 11-го апреля он послал нарочного в г. Моздок к генерал-лейтенанту Гасфорту с просьбою приостановить выступление в новороссийский край первых баталионов вверенной ему дивизии и направить их в Николаевскую станицу, …

13-го вся чеченская кавалерия начала стягиваться к шалинской поляне, а в дальних аулах Большой Чечни и у Мичика уже сосредоточилась неприятельская пехота. Вечером все скопище Шамиля переправилось через Аргун и потянулось к гойтинскому лесу. Узнав об этом, генерал Фрейтаг предписал немедленно направить все войска, расположенные на линии, в Грозную, полковнику же Аминову выступить с моздокскими казаками прямо из Наура к Закан-юрту; затем 14-го, притянув из Воздвиженского 1-й баталион князя Воронцова полка и три роты 3-го баталиона, он оставался в Грозной, ожидая прибытия других войск с линии… в 10 часов вечера выступил из Грозной с 17-ю ротами пехоты и сотней казаков при 8-ми орудиях. 15-го апреля перед рассветом войска подошли к Закан-юрту, присоединив к себе на походе три сотни Гребенского казачьего полка, под командой подполковника Суслова … Из Закан-юрта в 7 часов утра отряд выступил вверх по Сунже к Казах-кичу, куда прибыл в 11 часов. Шамиль стоял в это время на Фортанге, недалеко от ачхоевской поляны. Генерал Фрейтаг, все еще ничего не зная об его намерениях и опасаясь, чтобы он не предпринял нападения на левый фланг, который был теперь совершенно обнажен, не пошел дальше Казах-кичу, а войскам, направлявшимся с линии на соединение с его отрядом, послал предписание остановиться в Закан-юрте. В 2 часа пополудни Шамиль выступил с Фортанги и, повернув на запад, стал подходить к Ассе, т. е. подаваться к владикавказскому округу, где в это время, у северного края военно-грузинской

дороги, маневрировал Нур-Али с девятью наибами. Фрейтаг приготовился уже двинуться по Сунже, в которую впадает Асса, но неприятель неожиданно повернул назад, на прежнюю позицию. Посланный из отряда лазутчик в полночь возвратился в лагерь с известием, что все скопище потянулось вверх по Сунже к одному из ее правых притоков, Индырке. В 2 часа пополуночи отряд выступил из Казах-кичу, оставив в укреплении 170 человек усталых нижних чинов на смену вошедшей в состав отряда роты Кавказского линейного № 11 баталиона, переименованного, как уже сказано, в 5-й баталион Дагестанского пехотного полка. В то же время и войска, прибывшие с линии, выступили из Закан-юрта, а полковнику Аминову послано приказание как можно скорее присоединиться к колонне в станице Сунженской. Между тем пришло известие от начальника назрановского отряда генерала Нестерова, что Шамиль с главными силами остался на правом берегу Сунжи, переправив на левую сторону часть кавалерии, от 3-х до 4-х тысяч человек. Так как неприятель, конечно, не для того выступил в поле с огромным скопищем, чтобы бросить за Сунжу для поисков небольшую часть кавалерии, то Фрейтаг, угадав в этом лишь диверсию, приказал одному из старшин Сунженского аула отправиться вверх по течениюреки на поиски следов…

В 8 часов вечера отряд подошел к реке Ачалуку (к северо-западу от поворота Сунжи с юга на восток). Здесь начальник отряда получил новое сведение от генерала Нестерова, что Шамиль в 5 часов вечера прошел мимо Константиновского укрепления и тем явно обнаружил свое намерение вторгнуться в Малую Кабарду, о чем начальник назрановского отряда написал к генерал-маиору Норденстаму, прося его вместе с тем донести о положении дел главнокомандующему и командующему войсками на кавказской линии и в Черномории генерал-лейтенанту Завадовскому. В виду спешности дела, начальнику левого фланга было не до формальностей; он не мог даже знать сколько дней простоит на месте и куда тронется через час…

В виду получения новых сведений, 17-го апреля в 2 часа пополуночи Фрейтаг снялся с позиции на Ачалуке, двинулся по следам Шамиля мимо Константиновского укрепления и недалеко от него, на реке Малой Псидахе, правом притоке Курпы, остановился на привал. Здесь он узнал, что Шамиль ночевал на р. Курпе, откуда, получив сведения о настойчивом преследовании его сильным отрядом, решился вернуться назад, сюда же пришло известие, что аул князя Бековича взят и что все жители Малой Кабарды выселяются и следуют за неприятелем… Известия, доставленные в отряд бароном Меллером-Закомельским и посланными на разведки чеченцами, были тревожны и далеко не согласовались с успокоительными показаниями жителей: Шамиль не только не думал возвращаться по Тереку назад, но, напротив, двинул с последнего ночлега на Курпе наибов Саибдуллу, Дубу и Атабая выселять жителей Малой Кабарды

из аулов, а сам с главными силами потянулся к Большой Кабарде. Отряд наш немедленно выступил с привала. По приближении войск к р. Курпе, навстречу генералу Фрейтагу выехали старшины и офицеры Малой Кабарды, объявившие что, узнав о приближении русских, они тотчас же возвратили из ущелий и лесов свои арбы с имуществом, и в заключение спрашивавшие, что им теперь делать? — „Оставаться на своих местах," отвечал им лаконически генерал. После ночлега, на другой день, на переходе от реки Курпы к Тереку генерала Фрейтага встретил князь Астемир, аул которого стоял у одного из истоков Курпы. Он также успел до прихода Шамиля укрыть в лесу, в безопасном месте, семейство и все свое имущество. Этот князь подтвердил, что вся Кабарда уже восстала и только ожидает прибытия Шамиля, чтобы присоединиться к его скопищу…

Войска между тем продолжали подвигаться к Тереку. Верстах в 6-ти от аула Эльхотова (против Змейской станицы) начальник отряда заметил необыкновенное движение и суету — по всем направлениям тянулись арбы и скакали всадники — а в 10 часов утра отряд подошел к реке, которая была буквально запружена горским обозом, рогатым скотом и лошадьми. Сам Шамиль стоял на противоположном берегу Терека. Заметив приближение Фрейтага, он тотчас же снялся с позиции и повернул к Минарету[205], бросив кабардинцев со всеми их тяжестями и оставив лишь нескольких мюридов наблюдать за их переправой. В свою очередь, наибы Саибдулла, Дуба и Атабай, высланные с ночлега в Малую Кабарду, догадавшись, что движение их вниз по Тереку нисколько не отвлекло нашего отряда, поспешили назад на соединение с главными своими силами и ровно в 10 часов утра подошли к тому месту, куда только что прибыл с отрядом Фрейтаг. Здесь произошло между нашими войсками и скопищем наибов столкновение. „Опрокинуть его было делом одной минуты", говорит Фрейтаг в своем донесении. Наибы ушли за Терек, но пока переправлялись, их громила с берега 10-ти- орудийная батарея. Так же, как их повелитель, они бросили на произвол судьбы кабардинцев, переселению которых посланы были оказать содействие, и войскам нашим досталась богатая добыча: более 500 ароб, нагруженных разным имуществом, и 2500 голов крупного рогатого скота, не считая 50-ти пленных обоего пола и различного возраста, которых генерал Фрейтаг тотчас же и отпустил, так как все они оказались жителями Малой Кабарды. Это был полууспех; он не мог удовлетворить начальника отряда, который задался мыслью нанести поражение главным силам противника. Шамиль, между тем, переправившись через Терек, расположился лагерем подле Минарета.

Не имея точных сведений о положении края, не зная еще вся ли Кабарда отложилась от нас, приняты ли какие-нибудь меры с нашей стороны против

[205]Имеется в виду Татартупский минарет в Малой Кабарде.

поголовного восстания и стянуты ли войска в Кабарду, генерал Фрейтаг заботился только об одном — не пропустить Шамиля обратно за Терек, и потому, двинувшись вверх по течению реки, остановился с отрядом против неприятельской позиции. В это время к нему прискакал нарочный с известием об отступлении небольшого отряда полковника Левковича после неудачного боя у Минарета…

Потеря, понесенная в этом деле маленьким отрядом полковника Левковича, свидетельствует об упорстве боя и геройском поведении участвовавших в нем: выбыло из строя убитыми 17, ранеными и контуженными 142. Обоза при отряде не было никакого, отчего убитых и раненых пришлось нести на руках, что еще более увеличило убыль в войсках.

Узнав о неудачном деле у Минарета, генерал Фрейтаг выделил туда колонну из 3-х баталионов, 4-х орудий и 5-ти сотен казаков Моздокского полка, под начальством барона Меллера-Закомельского. Движение этой колонны спасло малочисленный отряд Левковича, так как Шамиль, в виду приближения свежих войск, не решился ее преследовать.

Около Минарета, недалеко от змейского поста, к нижней военно-грузинской дороге подходит высокий, покрытый лесом хребет гор. Некоторые покатости у самой подошвы его обнажены и изрезаны глубокими оврагами по всем направлениям. На гребне этого хребта Шамиль расположил свой лагерь. Отсюда ему видна была вся возвышенная кабардинская плоскость, и ни одно движение самых малых частей наших войск не могло укрыться от его глаз; отсюда же он видел и приближение колонны барона Меллера-Закомельского. Узнав о направлении отряда генерала Фрейтага к Ачалуку, он сильно был встревожен и несколько раз повторил: „Только бы мне добраться до Минарета — и я спасен." Когда слова эти переданы были Фрейтагу, тогда только он понял настоящий смысл одного места в письме Шамиля к наибам Талгику и Бате: „орудия я хочу поставить возле самой неприятельской дороги." Следовательно еще до выступления с войсками из Ичкерии Шамиль мечтал о позиции у Минарета, как о стратегическом базисе всех своих боевых операций, откуда он мог влиять на Кабарду, смежную с ней Осетию и действовать на сообщения северного Кавказа с Грузией, едва не прерванные смелым маневром Нур-Али-муллы.

Позиция Шамиля была сильна, почти неприступна. Несмотря на это, генерал Фрейтаг решил атаковать ее, притянув к себе отряд генерала Нестерова. Он наскоро, карандашом, написал ему записку, в которой просил присоединиться к нему с войсками владикавказского округа…

До этого времени генерал Нестеров не трогался с передовой линии, прикрывая Сунжу и назрановские аулы. 17-го апреля его уведомили, что Фрейтаг настигает Шамиля между Тереком и Курпою, а из Ларса он получил спешное донесение, что значительное неприятельское скопище показывается на границе

галгаевского общества. В помощь ларсскому отряду он отделил от назрановского две роты 1-го баталиона Навагинского пехотного полка с 4-мя горными орудиями, под командой маиора князя Лукомского. Перед вечером прибыли на Сунжу вытребованные Фрейтагом с линии 1-й баталион Прагского пехотного полка и маршевый Дагестанского. Такое значительное подкрепление дало возможность Нестерову усилить гарнизон назрановского укрепления маршевым баталионом, а самому выступить из Назрана с 4-м баталионом Навагинского, 1-м Прагского пехотного и 1-м Кубанского егерского полков при 6-ти орудиях и с 5-ю сотнями линейных казаков, чтобы занять на ночь позицию в 20-ти верстах от Назрана, на реке Камбилеевке, откуда можно было следить за неприятелем и его дальнейшим отступлением…

Нестеров поспешил к Тереку, перешел на левый берег, ночью прибыл к Ардону и тотчас же вошел в сношения с Фрейтагом. Получив от него новое сведение, что Шамиль занимает крепкую позицию у минаретского поста и что 19-го на рассвете Фрейтаг намерен предпринять атаку вместе с назрановскими войсками, Нестеров двинулся после кратковременного отдыха на соединение с его отрядом. Дорогою, в селении Николаевском, он узнал, что неприятель с величайшею поспешностью бросил позицию у Минарета и потянулся на запад. Известие это принесено было лазутчиком из лагеря Шамиля в 2 часа пополудни. Сначала думали, что имам двинулся в Чечню, и потому сделаны были распоряжения для преследования его в этом направлении, но посланный на рассвете к Минарету подполковник Слепцов прислал сказать генералу Фрейтагу, что все скопище ушло в глубь Большой Кабарды и он идет по его следам к аулу Магомед-мирзы Анзорова; Шамиль же не просто снялся, а бежал с позиции, так как в лагере его осталось более 1000 чугунных котлов, запасы муки и проса и множество других предметов; даже убитых накануне не успели предать земле. Опасаясь за Назран и Сунжу, оставшихся не прикрытыми вследствие выступления с передовой линии отряда, притом в такое время, когда в горах около верхней военно-грузинской дороги собирались значительные отряды неприятельской пехоты, генерал Фрейтаг сам пошел на встречу Нестерову. У переправы через Терек его нагнали осетины, сообщившие, что Шамиль, спустившись вниз по реке Уруху, перешел обратно Терек. В то же время от командира Владикавказского линейного казачьего полка полковника Ильинского прискакал офицер с известием, что открыты следы огромной неприятельской партии по Тереку, недалеко от станицы Александровской. Как ни невероятно было это новое сведение, тем не менее оно заставило Фрейтага поспешить в Николаевское на соединение с Нестеровым. Оба отряда прибыли туда одновременно — один из окрестностей Минарета, другой из Ардона…

Приняв в соображение, что преследованием неприятеля с какою бы то ни было быстротою трудно достигнуть цели, но легко изнурить войска, Фрейтаг целый день провел в бездействии в селении Николаевском, ожидая положительных сведений о неприятеле. Помощь генерала Нестерова теперь была не нужна, и он получил приказание вернуться обратно в Назран, чтобы принять Шамиля около Индыра на Сунже, если бы последний вздумал вернуться в Чечню по той же дороге, по которой вышел в Кабарду. Целый день прошел в ожидании. Только к 10-ти часам вечера прибыли к генералу Фрейтагу два назрановца, из числа посланных утром за Терек на разведки о неприятеле, и сообщили, что Шамиль направился к верховьям Уруха, где должен ночевать у какого-то эфенди. Имам отправил трех человек в Георгиевск для переговоров с крещеными кабардинцами, которые также имели намерение передаться ему, а за Кубань послал нарочных к черкесским племенам, ожидавшим его прибытия с полною готовностью исполнить все его требования. Положение таким образом становилось довольно серьезным. Грозящую опасность можно было предотвратить только быстрыми и решительными мерами… От князя Голицына скоро получены были сведения: Шамиль находился в ауле князя Казиева, в 6-ти верстах от Черека; за исключением слабых гарнизонов по укреплениям, никаких войск в центре кавказской линии не было, вследствие чего притянут в Нальчик, где находился Голицын, баталион пехоты с 3-мя сотнями казаков, под командой полковника Беклемишева, который должен прибыть 21-го апреля; кроме того, генерал-лейтенант Гасфорт с баталионом пехоты, 3-мя сотнями казаков и 2-мя орудиями, переправившись через Малку у станицы Прохладной, двигался к Нальчику. Далее сообщалось, что продовольствия вообще очень мало, а относительно Кабарды было достоверно известно, что там не только ни одного аула, но даже ни одного человека не осталось на месте …

Начальнику отряда оставалось теперь одно — сохранить то, чем мы владели, и восстановить наши сообщения. Он просил генерал-маиора князя Голицына, по присоединении к нему отряда полковника Беклемишева, наблюдать за дорогой между Нальчиком и Известным бродом и давать ему знать обо всех движениях Шамиля; сам же он намерен был оставаться в Черекском укреплении, как центральном пункте, и там ожидать прибытия войск, направленных из Грузии на усиление его отряда. Для обеспечения нижней военно-грузинской дороги он выслал в 7 часов утра 21-го апреля колонну, под начальством барона Меллера-Закомельского, из 3-х баталионов пехоты и 5-ти сотен казаков при 6-ти орудиях, приказав ему следовать в станицу Урухскую, откуда доставить две экстра-почты в станицу Николаевскую и возвратиться затем в лагерь. Этим движением отчасти прикрывалась Малая Кабарда и нижняя военно-грузинская дорога…

22-го апреля еще не имелось никаких положительных сведений о неприятеле, почему Фрейтаг продолжал занимать позицию на Череке, прикрывая всю низменную полосу Кабарды и сохраняя возможность поспеть к центру, на помощь кн. Голицыну, в случае движения Шамиля к Нальчику, о чем уже носились слухи…

На рассвете 23-го апреля Шамиль снялся с позиции на Урухе, выслав к бывшему Урванскому укреплению свою кавалерию, которая и расположилась здесь лагерем на сообщении Нальчика с Черекским укреплением, точно Шамиль знал о бедственном положении отряда и об ожидавшемся транспорте с продовольствием из Нальчика. Чтобы отвратить этот маневр Фрейтаг выступил из Черекского укрепления в 7 часов утра к Урвани, но неприятель несмотря на то, что был вдвое сильнее, не приняв боя, начал поспешно отступать к ущелью реки Черека. Подполковник Слепцов со своими Сунженскими казаками и сотнею Гребенского полка, поддерживаемый остальною кавалерией, бывшею под начальством подполковника Суслова, бросился по следам неприятеля и настиг его у входа в ущелье. Здесь произошла схватка, после которой неприятель оставил на месте несколько тел; с нашей же стороны ранены Гребенского казачьего полка хорунжий Семенкин и 3 Сунженских казака. Так как позиция при упраздненном Урванском укреплении обеспечивала сообщения с Нальчиком, откуда только и можно было получать в данное время некоторые сведения и продовольствие, то Фрейтаг расположил кавалерию на возвышенности впереди Урвани, а пехоту оставил внизу у самой реки. В полдень новая позиция Шамиля, на высоте между реками Лезгеном и Сукимом, была открыта нашими разъездами, а вечером пришло от полковника барона Меллера-Закомельского донесение о перестрелке, происходившей между моздокскими казаками, высланными осматривать левый берег Терека, и переселявшимися в горы кабардинцами. Казаки отбили скот у кабардинцев, двух из них убили и двух взяли в плен…

Кабарда, призвавшая Шамиля к себе, обещала восстать поголовно и соединиться с ним для действий против русских; на такое же содействие он мог рассчитывать и со стороны закубанских племен, где еще ранней весной приверженцы его собирались для тайных совещаний. Шамиль с своей стороны дал торжественное обещание снести все станицы и укрепления по Тереку и впадающим в него рекам. Однако ни та, ни другая сторона не исполнила пока своих обещаний. Кабардинцы хотя и отстали от русских, но еще не решались открыто поднять оружие против нас; они говорили Шамилю — «сдержи ты свое слово, тогда и мы сдержим свое». На это Шамиль ответил: «дайте мне прежде с каждого дома, но одному всаднику, и тогда увидите — останется ли хоть один русский в целой Кабарде.» Между тем аулы по рекам Чегему, Баксану и Малке, видя, что Шамиль не трогается с места и что наши отряды находятся в

беспрерывных передвижениях между ними и его скопищем, не смели открыто высказаться за ту или другую сторону. Не отрываясь от полевых работ, они ожидали развязки разыгрывающейся драмы…

25-го апреля на неприятельской позиции не было замечено обычного движения и суеты, точно лагерь Шамиля вдруг опустел. Это показалось Фрейтагу подозрительным, и он тотчас же выслал к стороне Суким-су на разведки сильный кавалерийский отряд. Рекогносцирующие вернулись в сумерки с известием, что шалаши и палатки стоят на своих местах, но в них никого нет; все же скопище Шамиля спустилось в глубокую лощину, где и притаилось. 26-го, в седьмом часу утра, со стороны Терека была услышана сильная канонада. Хотя густой туман, нависший над плоскостью, и частый дождь не позволяли различать предметов даже на близком расстоянии, но не подлежало сомнению, что Шамиль скрытно ночью снялся с позиции и потянулся к Тереку… Слышанная накануне в 6 часов утра канонада происходила между колонной барона Меллера-Закомельского и главными силами Шамиля. Ожидая неприятеля у Минарета, барон занял неприступную позицию, с которой 18-го апреля Шамиль нанес поражение отряду полковника Левковича, но вместо того, чтобы держаться на ней и не допустить неприятеля к переправе, он спустился с высот и пошел навстречу имаму. Это была крупнейшая ошибка, которой Шамиль тотчас же и воспользовался. Быстрым движением он занял опрометчиво покинутую нашими войсками позицию и, опираясь на нее, начал переправлять свое скопище. Хотя барон Меллер-Закомельский и атаковал неприятеля при переправе, но было уже поздно, чтобы помешать этой операции и задержать его у реки, поставив между двух огней… Шамиль, узнав, что генерал Нестеров идет ему наперерез к реке Ачалуку, и видя, что Меллер-Закомельский не отстает от него, избрал путь на Самашки — к двум разоренным аулам Малой Чечни на левом берегу Сунжи, отделенным от Терека почти стоверстным безводным пространством Малой Кабарды. Барон Меллер-Закомельский не решился идти туда, имея у себя войска, утомленные форсированными переходами и изнуренные лишениями последних дней. Он повернул на Ачалук и в 7 часов вечера прибыл в Сунженскую станицу.

Генерал Нестеров, согласно полученной им от начальника главного отряда инструкции, направил вдоль Сунжи к Казах-кичу 3 роты Навагинского пехотного полка, роту Кубанского егерского, две сотни линейных казаков Горского и сотню Донского № 26 полков, под командой маиора барона Розена. Войска эти прибыли в Казах-кичу в 3 часа пополудни. Между тем неприятель после изумительного полуторасуточного перехода, нигде не останавливаясь от самой переправы через Терек, утром 27-го апреля показался на гребне Сунженского хребта, в 7-ми верстах от Казах-кичу. На безводном пространстве, куда барон Меллер-Закомельский не отважился идти за ним, он потерял 8 человек умершими от

жажды. Спустившись с Сунженского хребта, Шамиль начал поспешно переправлять свое скопище и прежде всего артиллерию. Гарнизон Казах-кичу состоял в это время из 400 человек пехоты. Воинский начальник укрепления подполковник Костырко не решился бросить его и выступить с ничтожной горстью гарнизона против неприятеля, густыми массами покрывавшего весь берег у переправы… От Сунжи Шамиль потянулся к аулу Гехи и расположился на реке того же имени, в самом центре Малой Чечни. Чеченцы были тотчас же распущены, а прибывшие из Дагестана партии оставались в сборе в ауле Бача-юрте, неподалеку от Гехи. Генерал Фрейтаг прибыл в Казах-кичу в 8 часов вечера, когда все уже было кончено и на левом берегу Сунжи не оставалось ни одного человека из того громадного скопища, которое он так неутомимо и так безуспешно преследовал… 28-го апреля Фрейтаг вернулся с конвоем из 3-х сотен Гребенского и одной сотни Донского № 11 полков в Грозную, где получил сведение, что Шамиль готовится к новому походу. Говорили, что он имеет намерение двинуться к Старому-юрту, жители которого в отсутствие начальника левого фланга приглашали имама к себе. Лазутчики сообщили даже, что он собирается молиться Богу в пятницу в старо-юртовской мечети. Следовало быть наготове, а потому Фрейтаг приказал генералу Нестерову как можно скорее передвинуть к нему в Грозную свой отряд; командирам же Моздокского и Гребенского казачьих полков предписано было подбившихся лошадей по возможности заменить свежими и по первому востребованию быть в полной готовности к выступлению.

Обратной переправой через Сунжу завершилась интересная и поучительная эпопея, известная под именем вторжения Шамиля в Кабарду. Две недели держала она все войска в тревоге, а жителей в возбужденном состоянии. Две недели на всех концах линии, и даже далеко за пределами ее, повторялся один и тот же томительный вопрос: «чем все это кончится?» Долго носились известные значки Шамиля над равнинами Кабарды, возбудив в жителях несбыточные надежды, слишком скоро разбившиеся о горькую действительность, разорив многих из них и подорвав доверие нашего правительства к остальным.

Текст воспроизведен с нашими сокращениями по изданию: [К.] Обзор событий на Кавказе в 1846 году (продолжение) // Кавказский сборник. Т. XVI. – Тифлис: Б/и. Тип. Канцелярии Главнонач. гражд. частью на Кавказе, 1895. С. 279-351.

«К». ЛЕВЫЙ ФЛАНГ КАВКАЗСКОЙ ЛИНИИ В 1848 ГОДУ. (Т. X, XI.).

V[206].

…Выступление из кр. Грозной. Лагерь при кр. Воздвиженской. Наиб Талгик. Первая встреча с будущим героем Ардагана. Затруднительное положение. Ночь при кр. Воздвиженской. Утро 1-го августа. Кавалькада. На Гойте. Первые выстрелы. Вступление на Урус-Мартан. Фуражировка. Недоразумение и его последствия. Очерк театра военных действий чеченского отряда.

Крепость Грозная была административным центром левого фланга Кавказской линии и резиденциею командующего войсками. Сюда поступали донесения о военных происшествиях от всех воинских начальников укреплений, со всех кордонов, отдельных постов и приставств. Из всех этих донесений, даже самых мелочных, как например о неудавшемся покушении или о пропаже одной пары быков, составлялся каждую неделю особый журнал, который, при так называемом семидневном рапорте, представлялся военному министру и главнокомандующему. В Грозной наша маленькая колонна увеличилась еще одним батальоном пехоты, одним орудием и двумя сотнями казаков, так что 30-го июля мы переправились через мост на правый берег Сунжи в составе двух батальонов пехоты, трех полевых орудий, двух сотен иррегулярной и двух эскадронов регулярной кавалерии.

В семи верстах от Грозной, по пути к крепости (нынешней слободе) Воздвиженской находятся две горы, образующие, по имени одной из них, знаменитое Ханкальское ущелье. Горы эти не принадлежат ни к какой системе, стоят одиноко, на безлесной плоскости, а сами покрыты лесом. Между Аргуном – первой рекой большой Чечни с запада, и Гойтой — первой рекой малой Чечни с востока, они составляют как бы триумфальные ворота, через которые въезжаешь в непокорные владения Чечни. В Ханкальском ущелье мы прошли мимо двух аулов с правой стороны, почти совершенно замаскированных лесом: Ильяс-Юрт и Шавдон-Юрт; с той же стороны, на полугоре, мы видели трех всадников, стоявших между деревьями неподвижно, как конные статуи. Это был один из неприятельских пикетов. Мы миновали Ханкальское ущелье, через которое проходили со всеми боевыми предосторожностями, миновали Ермоловский курган, возвышающийся с левой стороны, отдельно, при выходе из ущелья, и вступили на обнаженную равнину. Невысокая травка, которою покрывается эта равнина весной, давно уже выгорела от солнца, и поверхность ее была до того гладка и лишена растительности, что можно было бы за несколько шагов заметить ящерицу или мышонка. Эта невеселая станция была нашим последним переходом; мы быстро приближались к цели. Там, впереди, заслоняя нижнюю

[206]Разделы I-III данной публикации находятся в предыдущем - Т. IX Кавказского сборника, здесь же нами опущен раздел IV.

часть темного Аргунского ущелья, неясно выделялись из дымчатой мглы, точно сохранившие отпечаток утренней зари, розовые строения: то были сложенные из кирпича стены и башни крепости Воздвиженской — сборного пункта чеченского отряда. Далеко направо, завешенные туманами, виднелись синеватые полосы лесов малой Чечни; налево — равнина, вначале такая же гладкая и обнаженная, как и та, по которой мы шли, но что было за нею, за этой равниной — этого пока никто еще не знал. Благодаря отсутствию переправ, спусков и подъемов, обыкновенно затрудняющих движение артиллерии и обоза, мы подошли к Воздвиженской около часа пополудни и направились прямо к отряду, расположившемуся лагерем против левого, восточного фаса крепости; южный, обращенный к ущелью, составлял передний фас. На встречу к нам выехал штаб-офицер генерального штаба, в сопровождении казака…

Наиб большой Чечни, неустрашимый и отчаянный партизан Талгик, каждую ночь артиллерийским огнем беспокоил крепость Воздвиженскую и лагерь с кургана, отстоявшего на пушечный выстрел. Главнокомандующий, присутствовавший в отряде и желавший раз навсегда прекратить эти покушения, приказал подвести мину под курган и, по первому выстрелу неприятельского орудия, взорвать ее; войска же должны были броситься на “ура” и, если можно, завладеть орудием. Работы велись чрезвычайно скрытно, и за два дня до нашего прибытия мина, после двух выстрелов Талгика, была взорвана с треском, сопровождавшимся грохотом орудий и раскатами их в горах. Но саперный офицер тут же доложил, что взрыв не удался, поэтому и распоряжение об атаке кургана было отменено. Ошибка саперного офицера обнаружилась впоследствии: оказалось, что жертвами взрыва были сам наиб и его орудие; первый оставался врытым в землю по самые плечи до рассвета, а орудие, лишившись всех своих деревянных принадлежностей, разлетевшихся во все стороны, всю ночь валялось на кургане и только к утру свезено было на арбе в ближайший аул [3]…

Укрепление Воздвиженское, получившее название крепости с переводом туда штаб-квартиры куринского полка, заложено 22-го августа 1844 года отрядом генерала Гурко. Название свое оно получило в честь большого креста, в три аршина вышины, высеченного из цельной каменной глыбы и найденного на левом берегу Аргуна, на большом возвышении, в нескольких саженях от аула Чахкери. В середине креста находится небольшое углубление, обращенное на восток, вероятно для образа. По показаниям местных жителей, смотревших на него как на святыню, крест этот, принадлежит одной из фамилий шатоевского общества. Соседний с Воздвиженскою аул Чахкери, поступивший под защиту крепости, обращал на себя внимание своею мечетью. По своей прочности, изящной архитектуре и опрятному виду, она могла поспорить со всеми мечетями

большой и малой Чечни. Ее выстроил наместник князь Воронцов на свой счет, в знак особенного благоволения к жителям аула…

1-го августа, с раннего утра, в лагере заметна была та суета, которая обыкновенно предшествует передвижению войск. К восьми часам утра от этого уже лагеря ничего не оставалось, кроме сора, костей, клочков бумаги, окурков, черепков от разбитой посуды и стекол от бутылок. В половине девятого весь отряд, в белой летней чистой форме, выстроился покоем — и начался молебен с коленопреклонением. После молебна войска перестроились в походный боевой порядок на так называемой «большой русской дороге», фронтом к малой Чечне. Со стороны Воздвиженской показалось густое облако пыли, охватывавшее собою пеструю кавалькаду, в нарядных и самых разнообразных костюмах; над нею развивались три значка: голубой и красный с белыми крестами посередине и белый с черным крестом. Впереди кавалькады, на маленькой гнедой лошадке, в сюртуке без эполет, с черным воротником, ехал прямой, высокий, худой старик, без усов, с гладко выбритою нижнею частью лица и с жиденькими, седыми бакенбардами. Глаза его, когда-то голубые, теперь выцвели и казались оловянными; улыбка напоминала дедушку, любующегося на своих резвящихся внучат. Эта улыбка появлялась только перед войсками и туземцами; для остальных смертных у него была другая улыбка, значения которой никто никогда не мог разгадать. На нем была высокая белая фуражка, а через плечо, на узкой черной портупее, азиатская шашка без всяких украшений, кроме серебряного ободка вокруг черной костяной ручки и серебряного наконечника. Это был князь Воронцов или старый сардар, как называли его горские народы и сам Шамиль, как любили называть его и многие русские офицеры. Я не спускал глаз с его шашки и спрашивал себя: та ли это самая шашка, которую ему пришлось обнажить в даргинскую экспедицию, когда чеченцы, пробившись сквозь остатки нашей цепи, неслись на него с обнаженными кинжалами, и он обязан был жизнью одному фельдфебелю кабардинского полка, вовремя заметившему опасность и бросившемуся с ротой прикрывать его? …

Верстах в шести или семи от Воздвиженской, большая русская дорога, названная так чеченцами, пересекается рекою Гойтою, правым берегом которой оканчивается большая, а левым начинается малая Чечня. Верховья этой реки скрываются в неприступных трущобах Черных гор, откуда она по ущелью сбегает на плоскость, вековыми лесами пробирается до просеки, версты две бежит по открытой местности, и затем левым берегом опять уходит в лес, а правый остается обнаженным до впадения в Сунжу. Подобно всем рекам малой Чечни она прорыла для своего русла глубокий овраг с обрывистыми берегами. С именем Гойты связаны воспоминания о самых мрачных эпизодах пребывания наших отрядов в этих местах, а именно: в 1825 году, при движении Ермолова

внутрь страны для подавления восстания, произведенного Бейбулатом Таймазовым и лжепророками, в 1832 году при обратной переправе наших войск, в 1845 году — опять при переправе нашего отряда под начальством генерала Фрейтага, и наконец в 1847 г. Теперь и мы приближались к ней… В помощь саперам назначены были две роты с шанцевым инструментом. Застучали кирки, лопаты, заступы; из глубины оврага доносились энергические восклицания, брань и хохот: бранили реку, зачем она сбивает с ног; бранили чеченцев, зачем они портят переправы; досталось и наибам за то, что допускают у себя такие беспорядки… Через час оба спуска были готовы… После получасового отдыха войска построились в прежний боевой порядок и двинулись далее. Местность, на которую они вступили, называлась Черною поляною; почему черною — неизвестно. В описываемый момент, облитая солнечным светом, покрытая зеленью, она вовсе не оправдывала этого названия. Когда мы прошли от переправы версты две влево от дороги, на спуске леса показался всадник, потом из-за высокого ствола дерева — другой и за ним третий. Несколько времени ехали они один за другим и все как будто присматривались к колонне. Наконец, они съехались, остановились; не трудно было догадаться, что они совещаются. Так прошло несколько минут. Совещание, должно быть, кончилось; они разъехались и по-прежнему лица их обращены были на дорогу, по которой двигался отряд. Вдруг, в одно мгновение, в руках впереди ехавшего всадника сверкнула винтовка, он пригнулся к голове лошади, секунды две целился, выстрелил и скрылся в чаще леса; за ним, подражая во всем его приемам, выстрелил второй всадник, за вторым третий, и все трое скрылись…Выстрелы становились все чаще и чаще; на каждый выстрел из опушки леса отвечали тремя или четырьмя из цепи, и минут через десять по всей левой цепи завязалась перестрелка, частая и непрерывная как град, падающий на железную крышу. Когда перестрелка в левой цепи, так сказать, установилась, из опушки леса, вправо от дороги, также раздались выстрелы; на них ответили залпом; выстрелы с нашей и неприятельской стороны посыпались, как барабанная дробь, и прошло не более четверти часа, как уже правая цепь не отставала от левой. Медленно продолжала подвигаться колонна, провожаемая справа и слева ружейным огнем. Едва успела она отойти версты полторы от того места, где раздались первые выстрелы, как в авангарде также послышались выстрелы, сначала редкие, одиночные, потом залпами из нескольких ружей; наконец, и там загремела перестрелка, такая же частая, неумолкаемая, как и в боковых цепях. К авангарду придвинута была сотня иррегулярной кавалерии, так как неприятельские всадники нарушали благородную дистанцию и слишком близко подъезжали к цепи. В арьергарде было спокойно. Таким образом, как бы опоясанная с трех сторон ружейным огнем, колонна наша подходила к Урус-Мартану, где

предполагалось заложение крепости. Шествие ее, под музыку, с которой не сравнится никакая музыка в мире, можно было назвать триумфальным. Неприятель неохотно уступал нам позицию на реке Мартане: новая крепость должна была значительно стеснить свободу действий чеченцев. Расстояние между двумя крайними пунктами чеченской передовой линии — Воздвиженской и Ачхоем, было слишком велико; Урус-Мартан должен был служить промежуточным звеном между ними, так что вместо одного длинного расстояния получались два коротких…

Войска двигались по правому берегу реки Мартана, в ожидании распоряжения о размещении их на лагерной позиции. Перестрелка прекратилась, цепи сомкнулись и отступили к колонне. Кавалерия, в полном своем составе, с четырьмя орудиями конно-казачьей артиллерии, отделившись от отряда, переправилась через реку Мартан и рысью поскакала по большой русской дороге. В то же самое время и неприятельская кавалерия, двумя большими партиями, вдоль опушки лесов, по обе стороны просеки, понеслась, со значками, вперед, самым бешеным аллюром, по одному направлению с нами, но только в обход. Я ничего не понимал и обратился к дивизионеру за объяснением. Он отвечал мне, что мы идем фуражировать, а чеченцы поскакали вперед предупредить нас. В полуверсте от Урус-Мартана мы свернули с большой русской дороги вправо и выехали на обширную поляну, которую с двух сторон живописными полукружиями обступали леса. На противоположном конце поляны, в шахматном порядке, расставлены были огромные стога сена; некоторые из них объяты были пламенем; при совершенном безветрии черные столбы дыма стояли совершенно вертикально, и только наверху, высоко над землей, медленно расходились и постепенно исчезали в сапфире безоблачного летнего неба. К стогам, еще нетронутым огнем, подъезжали всадники с горящими пучками сена и поджигали их. Между стогами первой линии живописными группами стояли конные чеченцы; вся остальная масса неприятельской кавалерии расположилась за вторыми уступами. Несколько разноцветных значков, беспрестанно переезжавших с места на место, заставляли предполагать, что готовится что-нибудь необыкновенное. Может быть, при них была артиллерия, и они собирались встретить нас картечью, но не решились, видя перед собой какую-то новую кавалерию, в фуражках вместо папах, не в черкесках, как казаки, а в каких-то белых сюртуках, с красными полосами на ногах и с ружьями без чехлов: кавалерию на высоких лошадях, совершенно одинаковых по росту и по масти, молчаливую, угрюмую, маневрирующую стройно, как один человек, и все по сигналам. Мы продолжали подаваться вперед все тем же аллюром, и когда казаки, на довольно близком расстоянии от стогов, рассыпались и понеслись в атаку, их встретили бойким ружейным огнем, не причинившим, впрочем, никому никакого вреда. По мере того, как мы приближались к стогам, неприятель подавался

назад, не переставая отстреливаться, и наконец отступил за вторую линию уступов, но он не продержался и двух минут на этой новой позиции: ее заняли драгуны, вызванные вперед прикрывать фуражиров и отступление всей остальной кавалерии. Фланкеры наши тотчас же завязали с неприятелем перестрелку, не позволяя ему из почтительного расстояния переходить в непочтительное, и казаки могли спокойно и безопасно фуражировать. Они бросились к тем стогам, которых чеченцы не успели зажечь, проворно принялись разбирать их, вязали вьюки, вскидывали их на лошадей, сами садились на них и, по одному, поспешно отъезжали. Не больше часа прошло с тех пор, как мы отделились от колонны; фуражировка кончилась, и мы отступили. Неприятель преследовал нас довольно слабо, и то только до поворота на большую русскую дорогу, а затем отстал. Сено продолжало гореть, чеченцы предавали пламени последние стога, еще уцелевшие от огня и расхищения. Они решились до тла истребить все запасы на таком близком расстоянии от Урус-Мартана, в чем, конечно, успели, так как препятствий со стороны ненавистных гяуров опасаться им было нечего…

К двум часам пополудни мы вернулись на р. Мартан. Лагерь раскинулся по обоим берегам ее; он представлял довольно оживленную картину, знакомую каждому, кто бывал в походах. Везде кипела работа самая разнохарактерная, и везде сопровождалась она говором, громкими восклицаниями, остротами, заунывными и протяжными песнями…

2-е и 3-е августа посвящены были отдыху. Он был необходим: нужно было привести в порядок ротное и частное имущество, осмотреть оружие и боевые припасы, исправить повреждения в обозе. В палатках в эти дни отдыха сколачивались нары, походные кровати из кругляков и хвороста; над ротными кухнями и кладовыми ставили навесы, так как в Чечне, изобилующей лесами, бывают частые и проливные дожди. Что касается до меня лично, то я имел возможность и отдохнуть, и позаняться спокойно делом. Кроме сведений, доставляемых лазутчиками, которые я старательно записывал, сличал и проверял, я пользовался, с некоторыми, впрочем, ограничениями, журналом военных действий чеченского отряда. К сожалению, при штабе не оказалось только карты района действий отряда: она была до конца 1847 года, но исчезла, и в описываемое время находилась, как должно полагать, в руках имама. Нет сомнения, что если ему сумели перевести и объяснить ее, то он посмеивался со своими приближенными над доверчивостью русских генералов. Чтобы судить о достоинстве пропавшей карты, достаточно привести выписку из рапорта исправлявшего должность отрядного обер-квартирмейстера, капитана Колодеева, обер-квартирмейстеру отдельного кавказского корпуса, свиты Его Величества генерал-майору Вульфу, от 1-го января 1848 года за № 1-м:

«23 декабря, во время ночного движения из лагеря на реке Гойте в крепость Грозную, казак донского № 39-го полка, ехавший сзади корпуса топографов прапорщика Савельева, потерял сверток, в котором хранилась большая часть маршрутов, план военных действий в Чечне 1846 года, составленный список аулам большой и малой Чечни и расспросная (т. Е. составленная по расспросам) карта и малой Чечни. Донося об этом несчастном случае вашему превосходительству, имею честь присовокупить, что план военных действий с 17 ноября по 24 декабря составлен частью из оставшихся брульонов и прежних съемок и частью *изображена местность приблизительно на память*. При возобновлении военных действий в Чечне, по мере возможности, будут сняты потерянные маршруты; я же немедленно приступил к составлению другого списка аулам и хуторам Чечни и употреблю все возможные средства, чтобы скорее окончить этот труд».

Не смотря на отсутствие карты, и благодаря обязательной предупредительности начальника штаба и других должностных лиц, мне удалось заручиться кое-какими данными, на основании которых я мог составить себе довольно точное понятие о стратегическом театре действий чеченского отряда в 1848 году. Та небольшая часть малой Чечни, которая служила театром военных действий чеченского отряда в летнюю экспедицию 1848-го года, заключалась между левым берегом реки Гойты на востоке и рекой Фортангой, на которой стоит Ачхоевское укрепление, на западе. На севере Сунжа, до которой мы не доходили, на юге Черные горы, которые мы могли видеть только издали, в ясную погоду… Гойта принимает в себя с правой стороны р. Энгелик. Верстах в восьми от Гойты, параллельно ей, течет река Мартан с двумя левыми притоками: Теньгой и Рошней. С именем Урус-Мартана связано одно довольно свежее историческое воспоминание, не для нас, русских, но для чеченцев: когда из укрепленного замка Ахульго, считавшегося неприступным и взятого в 1839 году русскими, Шамиль перенес свою резиденцию в Ичкерию, то в 1840 году, по приглашению самих чеченцев, он явился в Малую Чечню, после некоторых колебаний решился принять от них присягу на реке Мартане в верности себе и великому делу газавата, т. е. священной войны, и со своей стороны дал им клятву не покидать их, поддерживать в борьбе с гяурами, оказывать им покровительство, творить суд и расправу. Река Мартан впадает в Сунжу между Грозной и Закан-Юртом. Верстах в восьми от нее — река Гехи, без притоков; в шести верстах от Гехи — река Валерик; за Валериком – Шалаж, верстах в трех и даже менее; за Шалажем — Нетхой и наконец Фортанга с Ачхоевским укреплением[207].

[207]Указанная часть Малой Чечни – от Аргуна на востоке до Фортанги на западе относилась к зоне ответственности командования крепости Грозной Левого фланга Кавказской Линии; оставшаяся часть Малой Чечни от Назрановского общества на западе до течения Фортанги на

Все расстояние от Воздвиженской до Ачхоя не более сорока двух или сорока трех верст. Реки малой Чечни имеют параллельное течение с юга на север; почти все они впадают в Сунжу; некоторые, не доходя р. Сунжи, теряются в болотах. Кроме этих и множества других рек, в Чечне есть несколько болотистых ручьев (шавдонов) с глинистым дном и такими же берегами. По вязкости грунта переправа через них затруднительна.

VI.

Фуражировка 4-го августа. Представление, данное драгунами в малой Чечне. Удовольствие главнокомандующего. Парламентеры. Настоящий офицер. Главнокомандующий прощается с нами. Сцена после вечерней зари 5-го августа. Новый начальник кавалерии.

Двухдневный отдых освежил нас. Мы привели в порядок наши мысли и костюмы и ждали, что будет дальше.

4-го августа, в восемь часов утра, колонна, состоявшая из трех батальонов пехоты, четырех сотен иррегулярной кавалерии и дивизиона драгун, при четырех орудиях, под командою навагинского полка подполковника Преображенского, выступила из лагеря на фуражировку. С реки Мартана мы повернули на восток, т.е. назад, на ту самую большую русскую дорогу, по которой 1-го августа следовали из Воздвиженской на Мартан. О времени движения колонн давали знать обыкновенно за полчаса до выступления; о месте, куда выступали, мы узнавали только по прибытии на позицию. Благодаря этой предосторожности, неприятель не знал заранее, куда мы идем, где он должен приготовить нам встречу, устроить завалы, притаиться в засаде и заблаговременно уничтожить весь фураж, или, если он уже снят, то свезти его в безопасное место.

Версты за две до переправы через Гойту, мы взяли вправо, прошли еще версты полторы, наискось от дороги, по направлению к верхнему течению реки, и вдруг остановились. Перед нами открылось, точно сцена после поднятия занавеса, совершенно замаскированное со стороны дороги лесом довольно большое, почти квадратное поле, засеянное кукурузою. Еще недели две — и кукурузу пора было снимать. Колонный начальник приказал расставить цепи вдоль опушки лесов, окружавших поле с трех сторон; за цепями расположились сильные резервы; с четвертой стороны выстроена была в боевой порядок колонна. Орудия с передков не снимали, так как невозможно было заранее предвидеть, куда они могут потребоваться; ездовым и всей кавалерии позволено было спешиться, но отнюдь поводьев из рук не выпускать… Цепи расставлялись без шума, приказания отдавались в полголоса: даже фуражиры вызваны были

востоке относилась к ответственности Владикавказского военного округа Левого фланга Кавказской Линии.

вперед не по команде: колонный начальник указал им рукою на поляну, и они понимали его. В несколько минут по кукурузе рассыпались повозки, числом до тридцати, запряженные тройками и четвериками; сидевшие на них с косами фуражиры ехали все время молча и за работу принялись молча… Мы так же тихо отступили от поляны, как тихо подходили к ней; она и леса, окружавшие ее, остались у нас позади. И лес, прикрывавший ее со стороны просеки, и самую просеку прошли мы, не слыхав ни одного звука человеческого голоса.

Вот, наконец, и большая русская дорога. Мы были уже на половине расстояния от Гойты до Урус-Мартана. Впереди замелькали белые ряды палаток; кое-где над лагерем видны сероватые струйки дыма, и по временам сверкал золоченый крестик над шатром походной церкви. Вдруг, у нас в левой цепи раздалось несколько выстрелов в ответ на два выстрела, сделанных из опушки леса. После короткой паузы загремела такая адская, непрерывная, оглушительная пальба, что нельзя было бы расслышать грома, если бы случайно разразилась гроза над Черной поляной. Левой цепью командовал в этот день молодой князь Воронцов, сын наместника; он придвинул резервы поближе к цепи; колонна, шедшая до этой минуты довольно тихо, еще более замедлила шаг. В правой цепи спокойствие не нарушалось. Через десять минут выстрелы из леса прекратились; цепь продолжала стрелять, но уже с расстановкой. В это время один из резервов, низко пригнувшись к земле, почти ползком подкрался к ближайшим парам, которым не велено было оборачиваться, прилег в интервале между ними, выжидал несколько мгновений, потом вдруг приподнялся и дал залп. Чеченцы гикнули, — значит, собирались броситься в шашки. Колонна остановилась. “Артиллерия в левую цепь"! раздалась команда колонного начальника — но ее не расслышала артиллерия; почти в то же время трубач, стоявший подле дивизионера, подал кавалерийский сигнал, подхваченный всеми остальными трубачами. Эскадроны наши, стоявшие в колоннах справа, в одно мгновение, быстрым заездом повзводно, развернули фронт и очутились лицом к неприятелю; по второму сигналу в руках драгун сверкнули шашки — и они понеслись к лесу…

Чеченцы начали отступать к лесу, медленно, довольно густою цепью; все они были пешие. Многие из них бросили ружья, когда собирались кинуться в шашки, теперь и шашки у всех были в ножнах; они готовились встретить нас с кинжалами в левой и пистолетами в правой руке; они привыкли к фальшивым атакам иррегулярной кавалерии и потому сначала стояли плотной массой между лесом и нашей цепью, но когда увидели, что мы все ближе и ближе подходим к ним и притом в грозном молчании, они поняли, что имеют дело не с казаками, что это не фальшивая, а настоящая атака, с рукопашным боем в перспективе, и потому тотчас же рассыпались и заняли опушку леса. В цепи нас предупредили, что у неприятеля нет кавалерии. Это заставило нас замедлить аллюр, чтобы не

изнурять напрасно лошадей. У горцев нет сомкнутого строя; его заменяют завалы. Они рассеялись, зная, что в противном случае будут смяты и опрокинуты; они готовы были принять бой, но только одиночный. Мы, со своей стороны, также должны были рассыпаться и, без резервов, длинною цепью фланкеров, почти шагом вступили в лес.

Я въехал в опушку; со всех сторон меня окружали высокие, прямые стволы лесных великанов; конский топот прекратился; выстрелов также не было слышно. Наступила тишина. Я посмотрел направо: деревья — и ни одного живого существа, налево — тоже самое; я был один. Странное подозрение мелькнуло у меня в голове: неужели драгуны также сделали фальшивую атаку и тотчас же отступили? Но в таком случае я бы слышал сигнал. Нет, драгуны не могли отступить так. Я продолжал подаваться вперед, обогнул еще два-три дерева и очутился лицом к лицу с человеком высокого роста, с бритой головой, без папахи, с черною бородою, черными глазами, в черной черкеске. Лошадь моя захрапела и начала пятиться назад, а когда чеченец вытянул руку с пистолетом — она бросилась в сторону, и пуля, приготовленная для меня, ударилась о переднюю луку моего седла и расколола ее. С изумительною быстротою, которую приобретает человек в минуту смертельной опасности, чеченец заткнул пистолет за пояс, схватил кинжал, бывший в левой руке, и уже направил его в левый бок моей лошади, но я предупредил его ударом шашки по голове; кровь выступила широким пятном на темени и двумя алыми струйками скатилась по лицу; он зашатался и опустился на землю подле куста, к которому прислонился спиной. Я отвернулся… Не успел я проехать и пятнадцати шагов, как небольшой куст вправо от меня выбросил облачко дыма: в то же мгновение раздался глухой выстрел, и лошадь моя рванулась в сторону. Выстрел, по-видимому, сделан был по мне; я остановился в недоумении, не зная, на что решиться: продолжать ли подвигаться влево, вернуться ли назад, или помчаться мимо предательского куста вперед? Где же наши? подумал я, с тоской оглядываясь во все стороны. Наши были близко; они точно слышали мой вопрос, сделанный про себя: привлеченные выстрелом, три всадника показались из-за деревьев влево и окружили притаившегося за кустом человека. Это были люди 2-го эскадрона: два драгуна и один взводный вахмистр. “Берите в плен, не убивайте" крикнул я им. Но прежде, нежели чеченец взят был в плен, оба драгуна были ранены кинжалом, один в правую ногу выше колена, другой в пальцы правой руки…

Где рысью, где шагом, то делая длинные объезды, то заставляя лошадь переступать через срубленные деревья, я добрался кое-как до того места, где оставил раненого чеченца. Он сидел все у того же куста, прислонившись к нему спиной, и в правой руке держал пистолет, которым угрожал двум драгунам, намеревавшимся взять его в плен. Я подъехал и в свою очередь протянул руку,—

он и в меня прицелился; но зная, что пистолет разряжен, и что запасных пистолетных патронов горцы не носят при себе, я смело схватил его за конец дула. Драгуны вскрикнули. Чеченец взглянул на меня пристально, и, должно быть, узнал, потому что по губам его пробежала полуулыбка; он бросил пистолет и хотел защищаться кинжалом; я лишил его и этого последнего оружия, выбив его ударом шашки из ослабевшей руки. “Это мой пленник", обратился я к драгунам. “Вы мне отвечаете за его жизнь"! …

Мы отступали шагом: этого, во-первых, требовала честь оружия, а во-вторых, у нас были раненые, с которыми скакать рысью было бы не по-христиански. Колонна ожидала нас на прежнем месте, на большой русской дороге. Подполковник Преображенский встретил дивизионера вопросом: “как велика у вас потеря"? — “Мы потеряли четырех человек убитыми, семь человек ранеными; из них один едва ли останется жив. Потеря лошадьми еще незначительнее: две убитых, четыре раненых". “Вы дешево отделались", сказал колонный начальник: “я думал, что из вас половина не вернется; я давно знаю гойтинский лес".

Трофеями нашими в это утро были трое пленных — все раненые, двенадцать неприятельских голов, две лошади и много оружия, которое не было приведено в известность. В числе пленных не было того чеченца, которого я ранил в голову. Я спросил у драгун, на попечении которых оставил его, и которых знал и в лицо, и по фамилиям, что они сделали с моим пленным. Они поклялись мне, что, при отступлении дивизиона, оставили его на том же месте, возле куста, так как он был слишком слаб, чтобы следовать за ними, но что оружие от него отобрали — шашку, кинжал и пистолет; винтовки не могли разыскать. Я им поверил. Я купил оружие моего крестника (так зовет солдат раненого или убитого им неприятеля) за бесценок, так как драгуны и совсем не хотели брать от меня денег, считая этот трофей моею законною добычею…

Возвращаясь с перевязочного пункта мимо нашего дивизиона, наместник вдруг остановился. На лице его выразилось ощущение, похожее на испуг, недоумение, на предчувствие чего-то очень неприятного: он увидел у некоторых драгун привязанные к передним лукам круглые узлы в окровавленных платках. “Что это"? спросил он, зная наперед, что ему ответят. — “Головы, ваше сиятельство”! “Что такое"? — “Головы убитых чеченцев", пояснил ему дивизионер. “О, зачем они берут эти головы"! произнес он с худо скрываемым отвращением и содроганием. И он поспешил прочь от этих непривлекательных трофеев. Он был прав: трудно представить себе то потрясающее действие, которое производит на душу вид отделенной от туловища головы. Для того, чтобы составить себе приблизительное понятие об этом странном впечатлении, стоит взять в руки отрубленную руку человека или даже один палец. Нужно,

действительно, принадлежать к особой породе людей с неуязвимыми нервами, чтобы завязать в платок и приторочить к седлу голову подобного себе разумного существа, которое мыслило несколько минут перед тем, возносилось душой к Творцу и благородно сражалось за неприкосновенность своего очага…

Вечером к моей палатке привели трех лазутчиков. Двое были в белых черкесках и светло-серых ноговицах; третий, довольно почтенных лет, с сильною проседью в бороде, с черными задумчивыми глазами, одет был в черную черкеску, черный бешмет, черные ноговицы. Оружия при них не было; оно отбиралось на аванпостах. С ними был переводчик — природный чеченец, средних лет, маленького роста, рыжий, невзрачный, но умный и веселый, бойко говоривший по-русски. Этот переводчик состоял при куринском полку в качестве волонтера, принимал участие во всех военных действиях отряда, т. е. бывал на позициях, но по своим никогда не стрелял, плясал под выстрелами лезгинку, был любим солдатами за свой добродушный, веселый характер и лично известен главнокомандующему, который часто делал ему подарки. “Чего хотят от меня эти люди"? спросил я переводчика. — “Они хотят узнать, какую цену вы изволите назначить за чеченские головы, которые взяты вашими драгунами”.

Еще сегодня утром, после замечания главнокомандующего, когда мы возвращались в лагерь, между нами, решено было возвратить чеченцам головы без всякого за них вознаграждения. К чести эскадронных командиров и офицеров всего дивизиона, решение это было единодушное. Я просил переводчика передать парламентерам, с напряженным вниманием следившим за выражением моего лица, что драгуны никогда ничего не берут за неприятельские головы, и если возят их с собой, то для того, чтоб показать, что они близко сходились с неприятелем. Переводчик передал мой ответ, но чеченцы не совсем поняли его, так что он должен был повторить мои слова, иллюстрируя их выразительными жестами, как будто имел дело с глухонемыми. Старший из них, тот, который был весь в черном, протянул мне свою смуглую руку и с некоторою торжественностью в голосе и во всей фигуре проговорил: “наши чеченцы сегодня узнали, что казак-солдат храбрый человек, и они его уважают; теперь мы пойдем, скажем, что казак-солдат добрый человек — и они будут любить его". Чеченцы наклонением головы одобрили слова своего старшего товарища. Головы были собраны дежурными по эскадронам и доставлены к моей палатке; чеченцы бережно уложили их в свои глубокие башлыки. Только одну, еще очень молодую, чеченец в черной черкеске рассматривал несколько секунд с волнением, которого никак не мог скрыть. Мне показалось, что его черные глаза несколько помутились. Он глубоко вздохнул и положил голову в свою папаху так осторожно, как будто боялся причинить ей боль.

Вопрос о головах был кончен к великому облегчению моему и моих странных посетителей. Оставался еще один вопрос, интересовавший лично меня. Я вынес из палатки оружие, отобранное драгунами у раненого мной чеченца и, передавая его лазутчикам, спросил — не знают ли они того человека, которому оно принадлежало. Один из них узнал и ответил мне, возвращая оружие, что через две недели он будет совершенно здоров. Я нисколько не удивился заявлению чеченца, так как знал, что в горах очень скоро и без последствий излечивались самые страшные раны. Я видел одного из наибов большой Чечни, молодого Эски, раненого в голову русскою картечью. Сами чеченцы считали положение его безнадежным, но через два месяца он был совершенно здоров и только носил на черепе, на простреленном месте, серебряную, изящно сделанную накладку…

5-го августа главнокомандующий выехал из отряда в Ачхоевское укрепление. Колонна, назначенная сопровождать его, состояла из трех батальонов пехоты, трех сотен иррегулярной кавалерии и дивизиона драгун, при двенадцати орудиях и двух ракетных станках, под начальством временно командовавшего отрядом полковника барона Меллера-Закомельского. На Валерике к ней вышла на встречу и на смену колонна полковника Слепцова. Главнокомандующий простился с нами, просил не забывать его и напоминать о себе новыми отличиями, известия о которых он будет читать с особенным удовольствием. Скоро колонны. разошлись в противоположные стороны.

Все было тихо в Чечне в этот день. Можно было думать, что покорение ее кончилось; что жители, довольные наступившим миром, разошлись по своим садам собирать дозревавшие плоды. Даже коварная, негостеприимная Гехи и грозный Валерик выглядели такими невинными речками, точно текли по цветущим лугам счастливой Малороссии. О крупных военных происшествиях на левом фланге Кавказской линии ничего пока не слышно. Внимание неприятеля сосредоточено было на действиях нашего отряда в малой Чечне; за то, о мелких, иногда через день, через два, иногда несколько дней сряду продолжали поступать донесения…

На другой день я принес из отрядного штаба новость, от которой взыграли все сердца, и в особенности нашего дивизионера, а именно: неприятель день ото дня увеличивает свои сборы; все наибы большой Чечни, даже самых дальних ее округов — мичиковского и ичкеринского, прибыли со своими партиями и артиллерией; начальство над ними Шамиль вверил гумбетовскому наибу Абакар-Дибиру, самому преданному из его сподвижников после Хаджи-Мурата и Кибит-Магомы, и едва ли не самому способному после них. Абакар привел с собой довольно значительное скопище тавлинцев и два орудия в дополнение к имевшимся уже в Чечне; с Абакар-Дибиром прибыл и другой тавлинский наиб, Магомет-Амин, из Харадерекского округа,

расположенного между андийским, и Кара-Кайсу. Этого последнего наиба не следует смешивать с знаменитым Магомет-Амином, военным диктатором закубанских горцев. Присутствие Магомет-Амина мы узнавали всегда по двум белым значкам.

Из арсенала великого имама доставлен был в Чечню большой запас снарядов. В инструкции, данной Шамилем Абакару, строго предписывалось: “не оставлять русского отряда в покое до тех пор, пока он не откажется от позиции на Урус-Мартане; тревожить его день и ночь, затруднять все его движения постоянными нападениями и перестрелками, действовать по лагерю артиллерийским огнем, портить переправы, не допускать подвоза провианта, а в особенности не позволять опустошать поля чеченцев фуражировками". Абакар-Дибир должен был, от имени Шамиля, напомнить наибам воззвание его к ним в начале прошлого 1847-го года, которое оставалось в силе и на нынешний, и на все последующие годы до тех пор, пока в Чечне останется хоть один человек, способный носить оружие. Дословный перевод этого воззвания, следующий:

«От повелителя мусульманских народов Шамиля всем наибам большой и малой Чечни.

Желаю вам вечный мир с Богом Всемогущим и, после этого душевного приветствия, строго повелеваю: не иметь не только намерения, но даже и помышления покоряться русским до тех пор, пока будет существовать небесная твердь. Мы взяли на себя обязанность — с мечем в руках подвизаться против неверных и должны свято исполнять это до конца нашей жизни. Я сам скоро прибуду к вам в Чечню с войсками и моей артиллерией. Я требую от наибов народа точного исполнения моих приказаний, и каждый пусть помнит, что за нарушение моей воли никакое раскаяние не спасет виновного. Ничтожный раб божий Шамиль». …

На военном совете, созванном Абакар-Дибиром, положено было, для начала, испортить все переправы на реках малой Чечни, от Воздвиженской до Ачхоя, в особенности на Гойте, пересекающей путь от продовольственного базиса к операционному, где непременно вскапывать спуски всякий раз после их разработки русскими, отвести воду из реки Мартана и ее притока Рошни, и держать в постоянной готовности в окрестностях Черной поляны не менее трех орудий.

6-го августа, в день Преображения Господня, везде было тихо. В то время, как солдаты, в походной форме, с обнаженными головами, толпились вокруг церковного намета, в котором совершалось богослужение, по опушкам лесов, на безопасном от лагеря расстоянии, мимо переднего, т. е. южного его фаса, тянулись по направлению к Гехи и Валерику большие партии пеших и конных тавлинцев и чеченцев с р. Мичика, из Ауха и Ичкерии — чем подтверждались

известия, сообщенные несколько раз лазутчиками, о постоянном прибытии в малую Чечню все новых неприятельских сборищ…

VII[208].

Мы без воды. Опять на Гойте. Доводы маленького бойкого старичка. Уррра!! Нарочный. Экскурсия за Гехи. Провидение. Появление наиба в нашем лагере. Исчезновение эскадрона. Один из самых страшных дней в жизни автора этих записок. Неприятельский секрет. Тревога в лагере днем. 14-е августа. Вот она! Вечер 14-го августа. Богом хранимое войско.

В ночь на 8-е августа, река, на берегах которой мы расположились лагерем, изменила нам и куда-то скрылась, оставив вместо себя только обрывистые берега, да свое каменистое ложе. Когда лазутчики предупреждали нас, что наибы собираются отвести воду, мы не хотели верить им… Наибы были правы: без воды недолго простоит отряд на позиции. Из ближайшей к нам реки Рошни, левого притока Мартана, также была отведена вода. У нас еще оставалось немного воды в углублениях каменистого ложа реки, но этого количества едва было достаточно на одни сутки. Начинали уже поговаривать в отряде о вероятности перенесения лагеря на другую реку; … А материальные потери? Следовало и их принять во внимание: все сделанное на Мартане пришлось бы потом делать сызнова; все запасы пришлось бы уничтожить, чтобы они не могли достаться неприятелю; бруствер, выведенный до надлежащей высоты, пришлось бы срыть до основания, и наконец, для подъема тяжестей требовать добавочный транспорт из кр. Воздвиженской. Короче, нельзя было оставаться отряду на Мартане, и нельзя было оставлять Урус-Мартан без отряда…

Того же 8-го августа утром мы провожали до реки Гойты транспорт, отправлявшийся в кр. Воздвиженскую; его должна была принять от нас колонна, высланная из Воздвиженской. Мы выступили из лагеря, по обыкновению, в девятом часу. Колонным начальником в этот день был куринского полка подполковник Серебряков… Два раза мы уже были на Гойте, и оба раза нас не тревожили, по крайней мере на самой реке; теперь мы шли туда в третий раз. Мы были еще далеко от Гойты, когда из-за обрыва левого берега стали высовываться головы в папахах, потом туловища и, наконец, во весь рост человеческие фигуры: то были пешие горцы — но тавлинцы или чеченцы? Только вблизи можно было бы разобрать, потому что тавлинцы не носят шашки, без которой чеченцы никуда не выходят. Партия была довольно значительная; она потянулась вверх по реке, прямо к лесу. Программа Абакар-Дибира действовала безостановочно: вода в реке была отведена, спуски на переправах срыты. Колонна из Воздвиженской еще не показывалась, когда мы подошли к Гойте. Рабочие с шанцевым инструментом принялись

[208]Раздел расположен в томе XI Кавказского сборника.

разрабатывать спуски, а мы расположились на берегу отдыхать, но не отдохнули и минуты, как орудийный выстрел из опушки леса, с левой стороны, считая от Воздвиженской, заставил нас быстро вскочить на ноги и сесть на лошадей…

Неприятель открыл огонь из пяти орудий; мы могли отвечать ему только из четырех, так как при колонне больше не было. Некоторые снаряды падали к ногам рабочих или пролегали над их головами, но они были заняты и мало обращали внимания на них. Одним ядром подбит был наш зарядный ящик, одно ядро пролетело между шеренгами нашего дивизиона… Трехчасовое пребывание нашей колонны на Гойте, под выстрелами сначала пяти, а потом трех орудий, дало в результате всего несколько оторванных членов, убитую лошадь, подбитый зарядный ящик — тогда как если бы чеченцы, оставаясь верными традициям своих славных предков, как упоминается о том в одной из прокламации Шамиля, отказались от неверных выстрелов своей неопытной и неисправной артиллерии, подкрались бурьянами к нашей колонне и дали по ней залп из двух тысяч винтовок, бывших в этот день в сборе, мы бы отступили от Гойты с вытянутыми лицами. Вообще замечено, что с тех пор, как Шамиль и его сподвижники стали навязывать своим нестройным скопищам роль благоустроенной армии, потери ваших отрядов значительно уменьшились…

Утром я был разбужен страшным, неистовым, оглушительным криком, какого давно, а может быть, и никогда не слыхали чеченские леса. Кричали, кажется, “ура!" Я потребовал дежурного и спросил у него о причине этого “ура!".- Вода в колодце показалась", объяснил он мне: “солдаты обступили и кричат ура". “Может быть, это дождевая вода"? отнесся я недоверчиво к известию, настроенный разочарованиями минувшего дня. “Никак нет, родник настоящий, так и выбивает сбоку; вода чистая, холодная". Итак, мы не без воды; у нас свой колодец; к вечеру и сруб был готов для него. Днем около колодца стоял часовой; ночью он запирался на замок, и к нему приставлялся караул…

Накануне вечером лазутчики дали знать, что наибы разделились на две партии: одна из них направилась к Сунже, другая собиралась напасть на оказию в ханкальском ущелье. Воздвиженская и Грозная были настороже; Урус-Мартан отдыхал. Пользуясь отсутствием главных скопищ, мы предприняли фуражировку за Гехи. В колонне, под начальством Преображенского, было всего два батальона пехоты, драгуны, две сотни казаков и четыре орудия — из них два горных. Мы выступили из лагеря раньше обыкновенного, в сторону противоположную Гойте… Все расстояние от Урус-Мартана до Гехи мы прошли тихо; так же тихо переправились через нее. Куда мы идем и для чего? Поляны сменялись перелесками и становились все шире. Мы заняли одну из них вправо от большой русской дороги; драгуны рысью рассыпались по опушке леса, впереди кукурузы, а колонна остановилась фуражировать. В правую цепь высланы были две роты

навагинского полка; позади кукурузного поля остальная пехота расположилась в ротных колоннах; за флангами этого боевого порядка стояло по одному пикету, которые должны были наблюдать за тылом колонны; влево местность была открыта до самой дороги и даже далеко за дорогой…

Ночь на 10-е августа и весь этот день прошли спокойно. На этот раз, как и следовало ожидать, лазутчики сказали правду: наибы ушли куда-то из малой Чечни. А так как ни со стороны Грозной, ни со стороны Воздвиженской выстрелов не было, то партии направились, по всей вероятности, к Тереку. Вообще, лазутчики у начальника левого фланга были хорошие; они не уступали тем, которых присылала к князю Аргутинскому-Долгорукому одна богатая влиятельная старуха. В справедливости показаний своих лазутчиков генерал Нестеров до сих пор не имел повода сомневаться, но теперь о настоящем направлении скопищ Абакара они сами ничего не знали…

Перед рассветом 10-го августа, к нам на Урус-Мартан выселился бежавший от Шамиля один из наибов малой Чечни — Атабай. Это был человек средних лета, небольшого роста, плотный, коренастый, широкоплечий, с красивым, но угрюмым лицом. Он ходил всегда в белой черкеске, в белом башлыке и в черной папахе с белою верхушкою. На груди, на серебряной цепочке, висел дорожный компас в серебряной оправе и красовались две треугольные серебряные медали с арабскими надписями. Обе медали, или правильнее, оба знака отличия были совершенно одинаковы; не одинаковы были только надписи на них; на первой значилось: “герой, опытный в боях и, как лев, бросающийся на неприятеля"; надпись второго знака отличия, если только истинный смысл ее не искажен в переводе, вызывает на размышления: “только тот может назваться храбрым, кто не думает о последствиях". Изречение, конечно, мудрое, но не носит ли оно скорее характер порицания, нежели одобрения? Атабай бежал не один; при нем было семейство, состоявшее из двух жен и двух мальчиков. Старшая жена его была природная чеченка, красивая, очень светлая блондинка, с черными, как агат, глазами; вторую далеко нельзя было назвать красивою: она была высока, стройна, но с лицом смуглым, напоминавшим своим вороньим носом благословенную Грузию. Она была, действительно, грузинка, взятая в плен по седьмому году вместе с матерью. Кроме арбы, на которой наиб перевез свое небольшое семейство, и одной пары маленьких, горной породы, бычков, верховой лошади и двух больших дворовых собак, при нем ничего не было. Что сталось с его домашним скотом, с утварью и другим хозяйственным хламом — неизвестно; что заставило его покинуть родной аул и поселиться в русском лагере, под выстрелами своей же, т. е. чеченской, артиллерии — также никто не знал, но предполагали, что или несогласия, возникшие между местными и пришлыми тавлинскими наибами, или опала, которую он навлек на себя своими

притеснениями и поборами. Предположения эти были основаны на том, что Шамиль дорожил своей популярностью в Чечне, выслушивал жалобы простого и бедного народа и не щадил никого, если давлением на сильных мог удовлетворить слабых. В марте месяце 1847 года он сменил трех наибов по жалобам на притеснения: Бату, человека способного, вывезенного некогда с Кавказа, потом возвратившегося обратно и по неудовольствиям с нами передавшегося Шамилю; на его место назначен был Гяхо или Гехи, как его звали у нас, молодой, ученый ичкеринец. Лишен был также звания наиба Гойтемир, преемником которого назначен Идрис, кумык, бежавший в 1843 году из Андреевой деревни. Идрис оказался посредственностью, не оправдавшею доверия имама. Не пощажен был даже и Талгик, один из самых способных и предприимчивых предводителей. Талгик, впрочем, не долго был в опале. Его пост в 1847 году занял Ахмат автуринский, человек, пользовавшийся уважением всей большой Чечни. Шамиль, человек с большим тактом и тонкий политик, не только не относился недоверчиво, как это делают многие повелители, к популярности своих приближенных, но, напротив, старался сближаться с ними, и тем льстил народным симпатиям. Так, во время пребывания своего в большой Чечне он всегда останавливался у Ахмата автуринского, и в самом ауле Автуры принимал просителей, выслушивал жалобы, творил суд и расправу.

К вечеру того дня, в который Атабай явился в наш лагерь, для него была готова землянка, вырытая и устроенная руками милиционеров из мирных чеченцев. Ровно через две недели, 25-го августа, Атабай так же таинственно скрылся из лагеря, как и появился в нем. Четырнадцатидневное пребывание Атабая на Урус-Мартане повергло всех в крайнее недоумение, начиная с командовавшего войсками чеченского отряда барона Меллера-Закомельского. Все, что мы могли узнать относительно его от лазутчиков, заключалось в том, что Атабай перед выселением своим на Урус-Мартан куда-то отлучился; при этом лазутчики прибавляли, что если на Атабая и возложена была Шамилем какая-либо разведочная миссия, то лучшего выбора имам сделать не мог, потому что наиб был человек скрытный и бесстрашный. Если такое предположение и справедливо, то едва ли Атабай мог что-либо узнать, кроме того, что видели его глаза, так как первенствующим правилом наших отрядных властей была таинственность, вместе с осторожностью, и в силу этих двух условий даже мы сами не могли знать заблаговременно того, что нас касалось. Через несколько дней после бегства Атабая, палевый с черным значок его развевался вместе со значками Абакар-Дибира и Магомет-Амина.

Экскурсия наша 11-го августа на Гойту ничем не отличалась от экскурсии в ту же сторону 8-го августа. Тот же колонный начальник подполковник Серебряков, маленький, подвижной, расторопный, тропотил между рядами на

своей понятливой лошадке; так же приходилось разрабатывать спуски на переправе; только тогда мы сдавали транспорт в Воздвиженскую, а теперь принимали его обратно; тогда четыре наших орудия действовали против неприятеля, а теперь только три: четвертое было подбито одним из первых неприятельских выстрелов. Ободренные этой удачей, наибы направили все усилия к тому, чтобы задержать их как можно дольше на переправе; они старались вредить рабочим на спусках; немало снарядов досталось и на долю транспорта. Колонна из Воздвиженской, не смотря на то, что гораздо раньше нас отделалась и могла бы отступить, все время оставалась на позиции и поддерживала нас артиллерийским огнем…

12-го августа мы выступили из лагеря раньше обыкновенного; с нами был Преображенский. Сначала мы думали, что идем на фуражировку, но ошиблись; мы опять провожали транспорт до Гойты: в это время из Воздвиженской подвозились к отряду боевые припасы, провиант и фураж…

Колонна из Воздвиженской давно ожидала нас на Гойте; на этот раз мы опоздали. Спуски со вчерашнего дня оставались нетронутыми, чем подтвердилось предположение подполковника Преображенского, что чеченцы нас не ожидали в этот день. Мы беспрепятственно обменялись транспортами и собирались уже отступать, как о левый берег реки ударилось ядро, сделало рикошет и оторвало ногу одному уряднику. В нашей колонне было четыре орудия, в воздвиженской — два, у неприятеля — три. Загремела жаркая канонада…

Оказав необходимую помощь раненым и наскоро исправив повреждения в двух подбитых транспортных повозках, мы отступили. Неприятель почему-то махнул рукой на нас, т. е. не преследовал ни той, ни другой колонны, но за то ночью открыл канонаду по лагерю против переднего фаса из трех и против правого из двух орудий. В паузы, следовавшие за выстрелами, отчетливо доносились до нас русские командные слова: “вправо, влево, подай вперед, осади немного назад"! и т. д. Это доказывало, что прислуга в артиллерии имама почти вся состояла из русских. В 1847 году (кажется, я не ошибаюсь) один подпоручик крепостной артиллерии, поверяя накануне инспекторского смотра хранившийся у него порох, открыл, к великому ужасу своему, что у него не достает пятидесяти пудов. Несколько раз принимался он поверять, и всякий раз в результате получался тот же роковой дефицит. Как на беду, в то время в одном из соседних укреплений следствием обнаружена систематическая продажа пороху в горы. Опасаясь, чтобы и его не обвинили в таком преступлении, трагические последствия которого ему хорошо были известны, он бежал в горы. Там не смотря на свой скромный чин, он был возведен в звание чего-то в роде начальника артиллерии и принял магометанство. При инспекторском же смотре оказалось, что у него не дефицит, а излишек в пятьдесят пудов…

Из числа вопросов, живо интересовавших меня после умиротворения Кавказа, не последнее место занимал вопрос о дальнейшей судьбе бывшего начальника артиллерии великого имама, но горцы хранили глубокую тайну на этот счет, вероятно потому, что всегда держались правила — не выдавать дезертиров, особенно ренегатов. В 1851 году, после фугасного взрыва неприятельской батареи на шалинском завале, взят был в плен нукер одного наиба, статный, красивый горец. Он высоко взлетел на воздух и при падении получил два излома правой руки и несколько опасных контузий в голову и спину. По показаниям лазутчиков, это был русский, фельдфебель какого-то линейного батальона, за несколько лет перед тем бежавший в горы; но они ничем не могли удостоверить справедливости своих показаний. Пленный препровожден был в грозненский лазарет; смотрителю и старшему врачу послана была секретная инструкция иметь самый бдительный надзор за всеми его поступками, привычками, образом жизни, прислушиваться по ночам к его бреду во сне. Но пациент был настороже и ни одним звуком, ни одним жестом не выдал своего настоящего происхождения. Когда же показания лазутчиков стали уже считать изветом, сделанным из ненависти, корысти или желания отличиться преданностью нашему правительству, в лазарет поступил один рядовой, находившийся несколько лет в плену у горцев. Он сразу разрешил недоумение, посоветовав освидетельствовать больного: если над ним совершен обряд обрезания — значит он природный мусульманин, если же нет — он русский, хотя и принял магометанскую веру. Пленный оказался природным русским, но он бежал опять в горы из того же лазарета, в больничном халате, туфлях и колпаке, зимою, из окна ретирадного места. Его видели со значком у того же наиба, в ту же экспедицию. Доктор говорил, что это первый пример такой удивительной живучести в его долговременной практике…

Комментарии.

…**3**. На Талгике впоследствии два раза оправдалась пословица «смелым Бог владеет»: в 1851 году, на шалинской поляне, он со своими двумя нукерами, слишком близко подъехал к нашей колонне; нукера были взяты в плен, а Талгика казак схватил за бурку; лошадь его от удара нагайкой рванулась, и наиб ускакал, оставив в руках казака великолепную андийскую бурку. В 1852 году, во время удачного зимнего набега барона Меллера-Закомельского, Талгик до такой степени был застигнут врасплох, что едва успел накинуть на себя чей-то изорванный полушубок и выскочить на улицу. Солдаты окружили его, не подозревая, какая ценная добыча досталась им в руки. Этой же партии солдат посчастливилось, рядом с саклей Талгика, открыть длинную подземную темницу, в которой томились наши пленные; они бросились освобождать несчастных,

начали поспешно снимать с них оковы, кутать их в свои шинели и выводить на свежий воздух, а про своего оборванного пленника забыли, да если бы и вспомнили, то было уже поздно: в своей же собственной сакле, рядом с темницей, где наши солдаты ухаживали за пленными, он успел переодеться, сесть на коня, и прежде, нежели пленные, хорошо знавшие его в лицо, могли опомниться, стрелой промчался мимо них и скрылся за первым поворотом. …

Текст воспроизведен с нашими сокращениями по изданию:[К.] Левый фланг Кавказской линии в 1848 году // Кавказский сборник. Т. X. - Тифлис, Б/и. Печ. в тип. А.А. Михельсона, 1886. С. 405-496; [К.] Левый фланг Кавказской линии в 1848 году // Кавказский сборник. Т. XI. - Тифлис, Б/и. Печ. в тип. Окружнаго штаба. 1887. С. 303-464.

* * *

И.А. КЛИНГЕР.ДВА С ПОЛОВИНОЮ ГОДА В ПЛЕНУ У ЧЕЧЕНЦЕВ. 1847-1850.

Клингер Иван Андреевич (1818-1897) российский военачальник, генерал-майор, участник Кавказской войны. Родился в семье австрийских имигрантов, получил хорошее образование, в т.ч. музыкальное, служил с юности в армейских полках. С 1844 г. на службе в Кавказской армии, к 1846 г. в чине штабс-капитана был прикомандирован к командующему войсками Кавказской линии офицером «по особым поручениям», что говорит о высоких военных и административных качествах И.А. Клингера.

Был взят в плен «непокорными» чеченцами 24 июля 1847 г. и освобожден в ходе обменавоеннопленными 1 января 1850 г., проведя таким образом в тяжелых условиях заключения два с половиной года. При этом он не только овладел чеченским языком, но и будучи прекрасным музыкантом составил нотные записи шести чеченских песен (которые были изданы в конце XIX в.). Его наблюдения, сделанные в плену, были полны этнографических материалов из жизни и быта чеченцев[209]. По понятным причинам И.А. Клингер отводил место в своих наблюдениях вопросам военно-статистического характера. Недаром польский офицер К.Калиновский служивший при имаме Шамиле и навестивший И.

[209] См.: Ибрагимова З.Х. Царское прошлое чеченцев. Наука и культура. – М.: Изд. Пробел-2000, 2009. С. 110; Генералъ-композиторъ. Клингер Иван Андреевич / Сост. Муслим Мурдалов. – М.: Издательские решения, 2017.

Клингера в плену называет его, предположительно офицером генерального штаба[210].

Основательные воспоминания о Чечне с массой этнографических подробностей, были впервые изданы подполковником И.А. Клингером в 1856 г. в газете «Кавказ»[211] в Тифлисе, там же было размещено отдельное приложение материалов о Чечне разведывательного характера[212].

В 1869 г. уже генерал-майор И.А. Клингер переиздал свои воспоминания в журнале «Русский архив»[213] (данный текст мы и используем), которые были тепло встречены российским читателем. На сегодня текст И.А. Клингера представлен также в журнале «Родина»[214]и порталом «Востлит» (Восточная литература); опубликован и в упомянутой выше книге посвященной И.А. Клингеру историком М.М. Мурдаловым в 2017 г.

* * *

КЛИНГЕР И.А.
ДВА С ПОЛОВИНОЮ ГОДА В ПЛЕНУ У ЧЕЧЕНЦЕВ.
1847-1850.

Во время распространившейся в 1847 году сильной холеры, командующий войсками на Кавказской линии и в Черномории[215], 12-го июля командировал меня до г. Кизляра и обратно в Ставрополь с целию — убедиться лично: исполняются ли в станицах, городах и селениях предварительно сообщенные предохранительные меры, долженствовавшие способствовать к возможному ослаблению и прекращению развития болезней и собрать сведения о заболевших, умерших и выздоровевших. Исполняя возложенное на меня поручение, на пути я сам заболел; но получил с помощью медика в ст. Щедринской облегчение в течении 4-х дней и следовал далее до Кизляра.

---

[210] Поляки в Дагестане / Сост. Булач Гаджиев. - Махачкала: Изд.Эпоха, 2005. С. 35.

[211] Клингер И. Рассказ офицера, бывшего в плену у чеченцев с 24 июля 1847 г. по 1 января 1850 г. включительно // Кавказ, тифлисская политическая и литературная газета. 1856. - №№ 86, 88, 90, 91, 92.

[212] Клингер И. Нечто о Чечне. Заметки о виденном, слышанном и узнанном во время плена у чеченцев с 24-го июня 1847 по 1 января 1850 // Кавказ, тифлисская политическая и литературная газета. 1856. - № 99, 101 .

[213] Клингер И. Два с половиною года в плену у чеченцов. 1847-1850 // Русский архив. М., 1869. №6. С. 964-1006.

[214] Клингер Иван. Кавказский пленник // «Родина». № 3-4. М., 1994. С.86-90.

[215] Командующим в 1844-1852 гг. войсками Кавказской линии между Черным и Каспийским морями и управляющим гражданской частью в Ставропольской губернии являлся генерал-лейтенант Н.С. Завадовский. – Здесь и далее примеч. сост.

На обратном пути, по выезде из Староглазовской[216] почтовой станции 24-го июля, на полдороге к Альбецкому посту, сначала лопнула шина на правом переднем колесе, потом отломился кусок железа, далее отпала вся шина, и чрез полверсты отлетела половина обода со спицами. Повозка остановилась.

Был 2-й час дня, неимоверно знойного. Сильный, порывистый, еще с утра дувший, западный ветер, от которого близ Кизляра полноводный Терек прорвал плотину, нёс тучи пыли и песку.

Ямщик, сбросив возжи и отстегнув одну от правой пристяжной лошади, начал увязывать остальную половину колеса, чтобы как нибудь дотащиться до бывшей недалеко на Альбецком посту станции. Я невольно обратил на это внимание, нисколько не подозревая присутствия неприятеля в близком от дороги лесу, коим покрыто левое притеречное пространство, тем более что кроме постов по тракту, расположены еще станицы и посты по Тереку, а за ним укрепления на Кумыкской плоскости.

Заметив, что ямщик увязывает колесо несообразно с целью, я приказал ему продернуть ремень иначе.

Взвившаяся порывом ветра пыль заставила его невольно поднять голову: он вскрикнул.

Оглянувшись, увидел я в двух шагах от себя — неприятеля. Я не успел вынуть шашки и соскочить с телеги, как на самом скачке был схвачен. Ямщик тоже.

Связав нас по рукам и за шеи, увлекли в лес с лошадьми, телегой и вещами. Там Чеченцы разобрали по рукам вещи, 3-х лошадей, сломали и спрятали телегу, закусывали и отдыхали всего не более получаса, имея часовых на высокой груше, которых там растет достаточно.

Я ничего не ел, хотя мне предлагали кусок черствой, пшеничной лепешки. Я был спокоен как никогда, или редко в жизни, и в момент, когда меня схватили, и когда я сидел в лесу уже связанный.

Окинув взором, я насчитал 17-ть чеченцов (но ошибся одним — их было 18) оборванных, босых, с ружьями, кинжалами и в тулупах.

Тут вспомнил я виденный мною месяц назад тому сон: «дорога, налево лес, направо зеленеющая поляна; себя, ехавшего по дороге в карете, на которую напали разбойники — и увлекли меня».

Это сновидение подтвердилось на яву, кроме кареты, во всех мельчайших подробностях: лица, костюмы, местность — всё как в натуре. Карета, как

[216] Вероятно, имеется в виду станица Старогладковская (ныне Старогладовская в Шелковском районе Чеченской Республики) расположенная примерно в 35-40 верстах на запад от Кизляра по Тереку.

закрытый экипаж, по моему объяснению, означала такое положение мое в момент внимания на увязку колеса, которое не позволяло мне ничего видеть в стороне.

С воспоминанием сна меня тронула серьезность моего положения; но думать было некогда: — все поднялись и густыми чащами леса, рысцой, пробирались в различных направлениях. Причины последнего: незначительное лесное пространство до Терека и вдоль оного, много остававшегося времени до вечера и погоня козаков, которых чуть слышные крики раза два доносило к нам ветром. Перебегая в лесу поляны, чеченцы нагинались и меня заставляли гнуться, отдавая приказание прикладами. Расправляли руками след на траве и зигзаги бега всегда направляли в сторону, противную от преследования козаков, за наблюдением движений которых некоторые из чеченцов на бегу лазили на деревья.

На одной из полян, сумерками, встретились нам два конных козака. На вопрос их: кто идет? Чеченцы отвечали залпом из нескольких ружей; но козаки ускакали. — Беготня по лесу продолжалась часов до 9-и вечера. Под конец я устал: пот капал сквозь суконное плате мое, отдышка и бессилие одолели — я упал. Приклады не помогли, и версты полторы до реки меня тащили под руки насильно. Было уже совсем темно; ветер выл, лес шумел; полноводный, с версту ширины, Терек ревел в полном смысле слова.

Разделись, платье уложили в тулуки (Или бурдюк; это есть цельная шнура, преимущественно снятая с козла; все отверстия крепко завязываются, кроме одного, чрез которое его надувают и завязывают. Шерсть остается в середине), подвязали их на спину и бросились в бешеную реку. Меня взяли под руки, потому что я не умел плавать. Половину шли, доставая *дна,* половину плыли: течением хотя снесло далеко, но добрались до обрывистого берега и вкарабкались, хватаясь за сучья дерев. Тут меня схватил страшный пароксизм лихорадки: одновременно явилась неодолимая жажда, за ней утоление, рвота и как ни в чем не бывало: я выздоровел. Прошло около часу, покуда все собрались и оделись и затем отправились далее по направлению к аулу Илисхан-Юрту, шибко и всю ночь. Подойдя на рассвете к подошве хребта Качкалыковского остановились, отдыхали часа 1,5 и следовали далее по дороге чрез лесистый хребет. Часов в 8-мь утра прошли Илисхан-Юрт, а в 11-м прибыли в аул *Оспан-Юрт*[217], местопребывание *Тарама,* пятисотенного начальника, и вожатого партии (25 июля 1847).

[217] Оспан-Юрт, небольшой аул, расположенный в нескольких верстах от большого селения Гелдыган. В 1842 - начале 1843 г. в том же Оспан-Юрте пребывал в плену русский солдат С.Беляев, оставивший замечательные записки, что частично приведены в нашем сборнике. Оспан-Юрт был уничтожен в ходе Кавказской войны.

Путь от Качкалыка до Оспан-Юрта оглашался выстрелами из ружей и обычною, единственною во всех случаях песнию: «ля-иль-ляга-иль алла», выражением радости о приобретении, дарованной Небом добычи.

Толпа старых и малых, мужчин и женщин с любопытством смотрела на нас и завидовала счастию своих товарищей, которые оценивали вещи и лошадей и делили их между собою. На лицо не оказалось денег и эполет: я видел, кто их взял в момент поимки, но не обнаружил, и этим незначительным обстоятельством приобрел себе расположение тех двух человек.

После дележа, непродолжительного отдыха и подкрепления сил пищею, ямщик (из кумыков) отправлен был в другой аул. Меня отвели в саклю, куда с народом пришел Тарам и, объявив, что он человек, пользующийся некоторым значением, что я офицер, что поэтому торговаться нам не приходится, спросил: что я дам за свободу? Услышав от меня повторение слов его о неприличности торговли и согласие: принять на себя впоследствии уплату 600 р. серебр.; если только они могут быть выданы ему в настоящее время, Тарам сказал мне цену выкупа сначала 1000 р., спустя несколько минут 2000, потом 5000 р. Изумленный его фальшивостью и корыстолюбием, я замолчал. Он вышел с народом, и в след затем мне были набиты на ноги полновесные железные кандалы.

Повторив в течении следующих дней свои требования и не получив от меня ответа, он велел набить еще другия такие же кандалы. На шею надели железную цепь (арш. 12 длины) которой конец пропускался на ночь сквозь дыру в стене из моей в его саклю, где заматывался за кол.

Ночью у дверей, запертых замком, ложились два чеченца, и иногда на крыше у трубы один.

Кусок пшеничной или кукурузной лепешки, немного посоленного, кислого или пресного молока для обмакивания, заменяемого иногда соленым сыром и лапшою, во время лихорадки изредка — калмыцким чаем и несколько раз в году мясом, составляли пищу; сакля, войлок и железы с цепью пудового веса — помещение, постель и новую сверх необходимой одежду.

В отведенной мне сакле я застал пленных: солдата и мальчика.

Неприятель, объясняя себе из бумаг моих, чрез грамотных людей, что я адютант младшего сардаря (Ставропольского, старший у них Тифлисский)[218], убежден был, что за меня можно приобресть богатый выкуп; что рано или поздно выкуп этот должен будет состояться и что, следовательно, нужно только вооружиться терпением и твердостию: ибо русские, как говаривали мне

[218] Сардар, в понятиях горцев - наместник, командующий. В данном случае И.Клингер, как уже упоминалось являлся офицером по особым поручениям командующего войсками Кавказской линии генерал-лейтенанта Н.С. Завадовского.

некоторые в виде утешения, слабы словом и сердцем, из сострадания соберут сумму и согласятся. О деньгах же дело не станет, потому что в России их много. Утешая себя и народ этою мыслию, Тарам кроме увещаний словом оставлял меня в покое, а сам продолжал по-прежнему делать набеги в наши пределы.

Неизвестность положения моего тяготила меня в первые три недели плена: но потом я был совершенно покоен, в следствие двух виденных мною снов, резко запечатавшихся в памяти. В первом *с 12-го на 13 Августа я* видел: «Два невысокие возвышения, разделенные небольшим оврагом, по которому протекал грязный ручей. На нем с одного берега до другого росли три большие зеленые, ветвистые дерева. Я с двумя товарищами стоял на одном возвышении и, по какому-то непреложному определению, нам следовало *непременно* перейти на другое возвышение. Два товарища пошли прямо, перешли, но запачкали ноги. Я подумал, влез на одно дерево, с него по ветвям на другое, потом на третье и, соскочив на землю, вышел на курган чистым».

Второй сон, на следующую ночь, с *13-го на 14-е августа:*

«Стою я на средине роскошной, зеленой, но безлесной поляны, терявшейся ровно во все стороны далью необозримою. Небо будто тёмное. Вдруг разверзлось оно над моей головою, и в светлом полукруге я увидел простертую из тучи руку Провидения и слышал внятно неземной голос, проливший в мою душу высокое слово утешения».

По окончании каждого сна я просыпался тотчас, не смыкал глаз до утра, разбирал сон, и душе моей было невыразимо сладко, легко и покойно.

Первый сон требовал несколько большего соображения, и мне казалось, что ручей означал границу между Россией и Чечней, переход — предстоящее освобождение, деревья — значительные лица, которые могли вывести меня из моего положения; силу я открывал во втором сне. В этом благодатном спокойствии прошло время до половины октября 1847 года.

В этом промежутке времени судьба послала мне старшего брата Тарама — *Заура,* который принимал во мне особенное участие.

Заур был человек пожилой, серьезный, но очень доброй души и уважаемый в ауле. Заур не пользовался особенным значением, потому что не имел ни достатка, ни военных способностей своего брата, но был любим за честность, доброту и спокойную рассудительность.

Заур, уважая в брате достоинства военные, не любил его за надменность, непомерное честолюбие и корыстолюбие, которые в Тараме господствовали над всеми страстями. Будучи более покойного характера, при здравом смысле, Заур понимал стеснительное положение своих соотечественников и постигая, что немного времени остается независимо существовать этой части Чечни, снисходительно смотрел на русских и на слабости чеченцов.

Не таков был брат его *Тарам,* корыстолюбивый в высшей степени, честолюбивый, личный враг Русских, фанатически преданный идеям Шамиля, его учению, и его ревностный поклонник; человек с здравым смыслом и с сильной волей, смелый, решительный и строгий мусульманин. Он имел жену, 5-х детей (старшему сыну 14 лет); одевался сам опрятно и даже щеголевато. Деньги, красный товар, соль и пленные у него не переводились. Он считался богатым человеком.

Смелость и удача в набегах, строгое соблюдение требований религии, твердый характер, достаток и, не взирая вообще на скупость, охотно раздаваемая милостыня приобретали ему значение, уважение и свою партию приверженцов.

Заур мне дал понять, что, если я действительно не в состоянии обещать более 600 р. сер., то он употребит все средства склонить народ и брата — согласиться на эту цену. Приложенный им к сомкнутому рту палец доказывал, какую тайну следовало в этом соблюдать, чтобы избежать подозрений. Заур обещал заходить ко мне изредка, называть меня то Иваном (Иваном называли меня чеченцы), то Ендреем, то Митрии и, достигнув цели, будет считать достаточною для себя наградою, если его отрекомендуют русскому начальству с хорошей стороны; он желал этого потому, что хотел перейти на житьё к русским: тревожная жизнь ему надоела.

Действительно он успел сделать многое; дело убеждения на 600 р. сер. вел очень искусно и, будучи сам в стороне, достиг того, что народ и Тарам сами согласились наконец отдать меня русским за 600 р. — 8-го октября решено: в ночь на 10-е число отправить по этому записку к начальнику левого фланга, в Грозную.

О происходившем Тарам мне ничего не говорил, да я бы ему и не поверил. Но что дела мои шли хорошо, я знал от Заура, который сам радовался предстоящему моему освобождению и исполнению своих **[973]** предположений: прежде всего он хотел жениться (Заур был лет 46 и вдов); он имел невесту, которая по уговору должна была приехать к нему на свадьбу к 9-му октябрю; потом — выйти к русским для более покойной и достаточной жизни.

В полдень 9-го числа приехала невеста к Зауру (он жил по соседству); по этому случаю прислали мне мяса, хлеба и сыру.

К вечеру того же дня была приготовлена муллою записка. Стемнело. После вечернего намаза (молитвы) хотели ее отправить в Грозную.

Вдруг на двор взъехало несколько всадников. Вызвали Тарама, перешептались, потом зашли в саклю, закусили. Хозяину оседлали коня и — Тарам, гости, а с ними и Заур, исчезли.

Записка осталась неотправленною. Двое суток никто не знал, куда и зачем поехали. На третьи рано утром приехал на двор беглый казак (Моздок.

полка) *Дмитрий Алпатов,* зашел ко мне и рассказал: «Вы, может быть, скоро теперь освободитесь по размену. Чеченцы попались; я был с ними и только что возвратился едва живой: так нам досталось. Тарам будет домой дня чрез два; после таких неудач стыдно скоро домой являться. Дело вот как было: — С выездом нашим на 10-е число из аула, собрали дорогой партию до 80 человек, в ту же ночь прискакали к Тереку, переправились у дер. Парбочевой и, выехав уже поздно ночью на большую дорогу, встретили с арбой ногайца.

«Ударив его плетью, Тарам велел ему сесть на коня сзади другого седока и вести к конским табунам; но как Ногаец не знал, где они пасутся и мог указать только на ближайшее кочевье, то и отправились к кочевью. Обычай наш не допускает наказания мусульманина-неприятеля, если он выполнил требование; по этому, отпустив первого ногайца, взяли другого, приказав ему вести в табуны.

Второй ногаец, по неведению, или с умыслом, водил нас почти до самого света и даром. Отпустив и его, мы шибко поехали к Тереку. Солнце уже взошло, когда мы приближались к лесу. Заметив там казаков, мы поняли ошибку свою с 1-м ногайцем — но поздно. Вмиг предложили: рассыпаться по лесу и ждать вечера для ухода. «Этак мы погибнем, — закричал Тарам, — потому что русские соберутся и всех нас переловят. «За мной, кто хочет!» и выхватив шашку, быстро поскакал в лес. Всё бросилось за ним. До самого берега проскакали мы лес, полный казаками и, разумеется, не без урона; бросились в Терек, казаки били нас на реке и, к великому несчастию нашему, на эту тревогу прискакали мирные чеченцы из Акбулат-Юрта.

Спасаясь, кто как мог, мы лишились 14-и человек взятыми в плен, нескольких раненных и убитых и более 50-и своих лошадей.

Тарам виноват в этой неудаче: зачем он напрасно ударил плетью первого ногайца! Зачем мы его скоро отпустили?!...

До сих пор не собрались еще люди из этой партии. Заур взят в плен, Тарам сильно сконфужен.

В войне это дело обыкновенное, и участь наша общая; теперь вы надейтесь на размен. Прощайте».

Я видел Алпатова прежде несколько раз; верил и не верил его словам, и какое-то тяжелое чувство овладело мною.

Тарам действительно приехал чрез два дня, один, тихонько, не поздоровался с семейством, и на следующий день, явившись ко мне с народом, объявил: «С нами случилась неудача, это судьба. Одни умирают, другие в плену у русских; ты, Иван, у меня»!

Народ прибавил: «Теперь не нужны милионы; отдай нам наших пленных и получишь свободу»!

На ответ мой, что об этом нужно обратиться к русскому начальству, в руках которого находятся пленные чеченцы и что мне несообразно вести об этом переговоры, — народ значительно между собою переглянулся и после криков, угроз, ругательств и толчков разошелся, предоставив, как кажется, убеждать меня Тараму, в доме которого по согласию их я жил постоянно.

Случилось до этого времени, что, по ложным просьбам Тарама от имени моего, некоторые воинские начальники из соболезнования присылали ко мне белье, табак, материи на бешмет и калмыцкий чай.

Для жадности чеченца достаточно видеть один раз исполнение своих целей, чтобы надеяться того же во второй третий и десятый раз, по очень натуральному суждению: дали раз — дадут и другой и еще вернее, когда я сам попрошу.

Мне показывали с удовольствием эти вещи: давали табак, иногда ковш калмыцкого чаю; требовали, чтобы я писал и просил, — но я отказывался под разными предлогами. Боясь однакоже возбудить к себе негодование со стороны нашего начальства за средства, хотя бы и ложные, к обогащению неприятеля, я отправил от себя записки с лазутчиками в укр. Там-Кизу, Воздвиженское и Грозную к воинским начальникам, которых просил: не только не присылать мне что-либо в будущее время, но ничего не писать и никому ни в чем не верить.

Жадность Тарама не позволяла медлить, тем более что по дошедшим в короткое время слухам из 14-ти пленных чеченцов 3-х отдали жителям Акбулат-Юрта, 2-х расстреляли и 2-х повесили, так как 4-е последние оказались бежавшими из мирных и многократно виновными. В числе *семи*— оставался Заур и другие родственники его и прочих. Оспан-Юртовские жители просили Тарама особенно о скорейшем освобождении Заура; другие всех остальных; а Тарам, для корысти которого смерть 4-х чел. давала надежду получить при размене и деньги, — рад был случаю.

В угождение народу он явно соболезновал о пленном брате и о прочих и требовал от меня записку к русскому начальству о выдаче за меня всех пленных; как корыстолюбец и приверженец Шамиля — хотел денег: ибо из большей суммы большая доля досталась бы Шамилю, а на этом угождении основывал он прочность настоящего своего положения и виды на лучшее будущее.

Почти каждый день, наедине, требовал он записки, говоря: «многие из наших гибнут — это судьба; пусть пропадает брат мой и мусульмане! А мне подай денег, денег и денег! Не дашь — тут и погибнешь! Разве я попадусь, тогда обменяемся!»

А как только кто либо являлся, тогда речь снова заводилась о записке к кому бы то ни было, вообще об освобождении, но почувствительнее содержанием, и чем более будут в ней выражены: — тягость и неудобства жизни, болезнь и проч., хотя бы и ложно, — тем результат ее успешнее и выгоднее (декабрь 1847).

Чтобы скорее достичь желаемого, Тарам принялся за меня иначе. Вечером явилось ко мне несколько Чеченцов, с бумагою и карандашом, и требовали, чтобы я написал записку о выдаче пленных. Я долго не соглашался; мне совали бумагу и карандаш в руки, я молчал, не брал, и они падали на землю. Чеченцы сердились, выходили из себя, толкали и били меня, где и чем ни попало. Тарам был у себя на половине, отделявшейся от моей — стеною. Вошедшие вновь два человека начали ласково убеждать меня снова о записке. Я молчал. Терпение их лопнуло: но я терпел и не дал в ответ ни пол-звука. Тогда, заметив мне, что ведь русские вешают чеченцов, связали руки, вздернули меня к верху ногами веревкой за кандалы к матице, — и я повис на воздухе. Вошел Тарам. Я налился кровию, на ногах чуть кости не треснули; но к счастию еще кто-то вошел, крикнул, и меня сняли. Тарам, выхватив кинжал, бросился на меня, но его удержали и вывели на его половину. Этим не кончилось: дымящейся головней подкуривали нос и глаза, тыкая в лицо головешку и держа за усы. Как ни несносно было подобное обращение, но чтобы во первых избавиться его, во вторых — испытать что будет, если напишу записку, которая не составляла в глазах моих особенной важности, я предположил себе написать ее, если того потребуют.

Развязав руки, снова дали мне бумагу и карандаш, с криком: «пиши»! Молча написал я и бросил её подле (в записке я просил о возврате пленных). Люди вышли довольны; но из другой половины, я услышал голос Тарама: «дурак, дурак!»

Это меня озадачило: по тому ли я дурак, что не выдержал характера, или потому, что допустил себя бить, когда, казалось, можно было избегнуть этого?

Но я понял Тарама: он не хотел вообще моей записки о размене пленных; ему нужны были деньги, и из них, секретно, особенная часть на его долю. В этих видах посредничество мое вредно, потому что не могло быть скрыто от людей.

Послали ли мою записку, или нет, не знаю; но затем меня не беспокоили в течении нескольких недель.

Но за то отняли войлок и тулуп, данные мне прежде; не приказывали разводить огня; насекомые меня одолели; платье превратилось в грязные лохмотья: я и пленные мерзли. На дворе был исход декабря и суровая зима.

Солдат и мальчик почтительно изумлялись моему терпению и старались на перерыв услужить мне чем-либо по возможности.

Днем я был покоен и молчал; ночью иногда плакал и всегда молился, часто не смыкая очей до утра. Иначе и быть не могло: кругом меня неприятель, а надо мною Бог, и молитва к Нему и воспоминание о двух снах были единственным моим утешением: они скрепляли слабые силы духа и тела верою и надеждою в лучшее, если не в этом, так в другом мире.

Надзор за мною был усилен; кандалы тщательно осматривались каждый день два раза; конец цепи на ночь пропускали между ног солдата и потом в хозяйскую половину. Подсылали людей склонять меня к побегу, с целью выведать мое намерение. Я был осторожен; о побеге думать было безрассудно. Посягать на свою жизнь я считал тяжким грехом и низким малодушием.

В исходе 1847 года, чрез лазутчика получил я записку от генерала Фрейтага: «уведомьте меня, как поступить насчет размена за вас чеченцев и сколько их можно дать? Я употреблю все средства в пользу вашу. Молчите, ничего не предпринимайте и никому ни в чем не верьте».

Отправив на другой день с тем же лазутчиком ответ: «в числе пленных находятся старший брат Тарама Заур, достойный человек, и его племянник Долтухо. Я думаю, что согласятся отдать меня за 2-х, 3-х челов. Совет ваш постараюсь исполнить» — я сжег подлинную записку генерала Фрейтага. Настал 1848-й год.

Тарам, дав мне некоторый отдых и желая избежать вероятно каких либо подозрений со стороны народа (равно как в следствие слуха, что пленных чеченцов отправляют в Сибирь), изыскивал нарочно случаи, при народе же, добиваться от меня снова записки, вследствие чего по прежнему принимался меня бить несколько раз, разновременно, — чем под руки попало, привязывал в особой сакле к столбу на несколько часов, угрожая кинжалом; однажды слегка надрезал мне три пальца. Разумеется, я молчал как могила, и кончалось тем, что записки от меня не получали никогда и никакой.

Народ, опасаясь за меня, ради свободы своих, отнимал его и удалял от меня, а на меня плевал; и расходился, пожимая плечами.

А Тарам, после каждого побоища, по уходе народа, собственноручно приносил мне мясо и калмыцкий чай, выражая взглядом особенное удовольствие за мое терпение, значение которого понимала его жена; но вместе с тем надзор за мною усиливался из опасения со стороны моей самоубийства, со стороны людей подкупленных и могших по мнению его меня выкрасть; со стороны же родственников пленных чеченцов — также, чтобы меня не украли с целью избавить от Тарама, так как мало надеялись на искренность его желания к освобождению чеченцев, которых, может, скорее бы выручили по одиночке, если бы я прежде был свободен. Тарам понимал это, ибо знал себя и людей хорошо.

Так прошла первая половина 1848 г., в течении которой убыл солдат по размену, а чрез несколько дней приведен другой с двумя шашечными ранами в руку и в ногу, (без повреждения костей).

По недостатку надзора я его перевязывал; он пробыл недолго, выздоровел и также убыл (Подобные раны излечиваются скоро и таким образом: на первый раз присыпают рану мелкой солью, потом ветошь или корпию обмакивают в свежее

коровье масло и прикладывают. Корпию и масло переменяют раз или два в день).

Потом приведены: в мае месяце из Амир-Аджи-Юрта — солдат карантинной стражи *Ткачев,* староватый, глухой и осиплый; а в конце июня — брагунский житель *Ильяс,* сильный, плечистый, здоровый и толковый.

Оба они страшно горевали: первый потому, что, будучи лет за 40, не любил работать, не имел табаку, водки, порядочной одежды, хотя сносной постели и достаточного отдыха; второй — за *своим семейством.* Каждый день брали их в поле на работы, и усталые, голодные, опаленые солнечным зноем, возвращались к вечеру в саклю. Забывая горе свое в усердной молитве и крепком сне, они однакоже изыскивали все средства к свободе.

У них на ногах были конские, железные путы, легкие и не совсем прочные; поднявши повыше к коленям, в них можно бегать или ходить довольно свободно.

У Ткачева были надетыми холщовая рубашка и так же дрянные штаны и затем ничего; кроме любви к своему, еще более ненависти к неприятелю. Первая выражалась приятным воспоминанием об удобствах Амир-Аджи-Юртской жизни, вторая — ворчаньем и постоянною бранью.

Слухи об отправлении 7 чеченцев на линию и в Сибирь подтверждались. Сколько я мог понять, это основано было вероятно на том, что когда неприятель не соглашался на размен меня за 2-х, 3-х или 4-х челов. и замолчал, то чтобы заставить его прежде просить нас — сделано было такое распоряжение.

По слухам, пленных останавливали на некоторое время, в выжидании просьб неприятеля, в Червленной, Моздоке, Екатериноград и Ставрополе.

Чеченцы узнали, поняли смысл этого распоряжения и не думали просить, объясняя напротив между собою, что Иван стало-быть нужный человек, когда так осторожно и медленно ссылают наших в Сибирь. (А на этих пересылках прошло более полгода).

Но неприятель ошибался, если думал, что с ним шутят; ибо из Ставрополя пленных отправили далее в Россию и в Сибирь, как говорили.

Едва эта весть достигла Чечни, как вдруг исчезла гордость, разрушились рассчеты, потеряно терпение. Родные пленных неотступно приставали к Тараму — спасти единоверцев; старики и другие укоряли иногда Тарама за равнодушие к брату и прочим; а слово Сибирь пуще всею возмущало их воображение, которое представляло её где-то на конце мира и каким-то чудовищным местом, где только плачь, вечная скорбь и вечно тяжкие работы (половина 1848).

Повидимому, не слишком трогался этим Тарам; впрочем, он был постоянно суров и холоден; но делать оставалось нечего: уговорились, выбрали почетных стариков и отправили депутацию к главнокомандующему князю Воронцову в кр. Воздвиженскую с просьбою — возвратить 7-м пленных за мою свободу.

Тарам однакоже не пропустил объявить мне, что он не мог не согласиться на отправление депутации, ибо против народа идти не хотел; но если ему денег не дадут, — то размену не состояться. «Мне подай денег, а без них пропадай брат и прочие»!

Надо полагать, что депутация возвратилась с удовлетворительным сведением, потому что меня уже более не трогали, под войлок подослали солому, улучшили пищу, дали одеяло.

Но не облегчалось положение Ильяса и Ткачева, которые, как я уже сказал, изыскивали средства к побегу.

Однажды Ткачев, будучи в поле на работе и желая бежать, спрятался тут же в кукурузу; его нашли, но бить — не били.

Другой раз он выкинул такую же штуку посмелее, отошедши и спрятавшись в кукурузе за1/2версты от места работы. Его нашли, немного побили, но Ткачев с бранью кричал им: «Разумеется я хотел бежать, но не к русским, а с жалобою к Шамилю на вас подлецов, которые мучат работою, и не кормят и аммуниции не дают! Бей, а я в другой раз пойду с жалобой к Шамилю!»

Ильяс и я невольно смеялись этой выходки, и она была не бесполезна. Народ стал стыдить Тарама за дурное содержание Ткачева, и к утру другого дня ему дали папах, новые холщевые штаны и рубашку и поршни (мачишь) из сыромятой кожи. Он был очень доволен своей выдумкой и часто ворчал про себя: «надул подлецов!»

Ильяс не отставал от Ткачева: принесши с собою с вечера топор со двора, он ночью, когда кроме меня все спали, стал ковырять глину около дверей, которые думал вынуть и бежать. Но неудачно. К утру же заснул, оставя топор в углу за дверьми, вне которых спал часовой. На рассвете я припрятал топор, и когда отворили дверь, выбросил его потихоньку. При осмотре было замечено что глину ковыряли; но особенного внимания на это не обратили, потому что там ставились рубленные дрова стоймя и могли концами попортить сырую несколько глину и землю около порога. Однако после этого случая цепь с моей шеи на ночь продевалась между ног Ильяса и Ткачева и потом уже конец ее посылали в хозяйскую половину для увязки за кол.

Они призадумались, потому что к побегу прибавилось одним затруднением более.

Обстоятельство это заняло и меня. Я бы мог в случае нужды пролезть между ног Ильяса и Ткачева, но можно ли ручаться, что при случае они меня не обнаружат? Я спросил себя: каким образом, не проходя между ног напр. Ильяса, можно освободить его от цепи? «Нужно продернуть цепь между наножником железным и ногою спереди, обнести цепью ступню, так, чтобы обе стороны цепи

обошли ногу, и вынуть цепь сзади; человек от нея освобождается». Но я об этом открытии молчал.

На другую ночь Ильяс мне сказал: «Иван, сил нет оставаться, хочу уйти. Можно ли выйти в трубу и как избавиться твоей цепи?»

«Иди, я тебе мешать не буду, отвечал я; чтобы уйти в трубу, полезь днем зачем-нибудь на крышу и измерь трубу на крест от одного угла до другого. Если по плечам прийдется — выйдешь; нет — так оставайся. А об цепи подумай; я знаю наверное, что ее можешь снять сам, если бы даже я не трогался с места. Подумай!».

Сметливый Ильяс отыскал этот способ и три ночи сряду делал репетиции.

Случилось, что Тарам с вечера куда-то уехал. Нас давно уже заперли. Слышу — Ткачев храпит, а Ильяс подымается, освобождается от цепи и, подставив полено в печь, лезет в нее. Но каково его положение: провозившись без успеха целый час в печи, вымазавшись в сажу самым чернейшим образом, он должен был спуститься обратно на свое место. Красив, он был на рассвете; нельзя было не пожалеть, но и трудно не засмеяться.

Ильяс, однако, не сконфузился. Едва утром взошел сын Тарама (лет 14), Ильяс объявил ему, что его во сне одолел нечистый; что ему необходимо выкупаться, иначе и Богу молиться нельзя. Мальчик передал матери, и Ильяса отпустили на канаву проточной воды.

Он обмылся, несколько успокоился за случай, и кажется, отчаявшись в изобретении новых средств, стал покойнее проводить ночи. Казалось, Ткачев также ничего не придумал; он постоянно храпел богатырским сном после усталости дневной.

А между тем, к величайшему удивлению моему, спустя недели две после путешествия в трубу Ильяса — слышу ночью: Ильяс спит крепко, а Ткачев — осиплый, глухой — творить довольно громко усердную молитву, призывая на помощь к себе всех святых, потом он же, с неимоверным шумом, роет землю под стенку к улице.

Я молчал и за него молился. Менее нежели чрез час обдало меня сырым холодом — подкоп был готов. Слышу — Ткачев будит Ильяса и предлагает ему лезть прежде и убедиться: достаточно ли просторно? Ошеломевший со сна и никогда ничего подобного не ожидавший от Ткачева, широкоплечий Ильяс вмиг освободился от цепи, полез, вышел назад, и проговорив: «мало, мало, работай», подобрал войлок и подушку, освободил от цепи Ткачева, и один за другим исчезли. (Август 1848).

Сон бежал от меня; я думал о спасении бежавших и призывал сон, как дар Неба и непременно к утру, когда могли заметить бегство. Мне казалось лучше, — если меня застанут спящим.

Действительно к утру я заснул и проснулся в следствие крика и шума людей. Всходило солнце, когда нечаянно проходивший по улице заметил подкоп.

Пешие и конные отправились в погоню: одни по следу от сакли, другие вдоль на пограничные места.

Тарам и народ между тем собрались ко мне с угрозами за содействие к побегу и за спуск с цепи. Осмотрев последнюю, нашли её совершенно целою и один конец у меня на шее, другой в хозяйской половине; удивлялись, покричали, погрозили только и разошлись.

Не знаю за что, но в тот день жена Тарама, Сата накормила меня хорошо.

Я радовался роскошному чеченскому обеду, видя в нем награду судьбы за мое доброе желание.

Но представьте себе и мое удивление, когда с закатом солнца предстал передо мною один пойманный Ткачев!? Я чуть не лопнул с досады.

Тарам, накричав на него, спросил меня: «как поступить за это с Ткачевым?»

«Не трогать, теперь он хуже наказан», отвечал я.

Тарам его побранил, но не приказал бить; народ и мальчишки смеялись на Ткачева; в вырытое место вбили обрубок дерева невысокого, но аршина 1 1/2 в диаметре, и засыпали землею.

Ткачева поймали потому, что он от усталости прилёг и заснул в лесу, к стороне Умахан-Юрта.

Ильяса след простыл, и с ним исчезли кандалы, войлок и подушка.

Ткачев после этого пробыл весьма короткое время; его разменяли, я остался с мальчиком. Об нем ничего не говорю, потому что он был молод, мало понимал, за кусок мяса и пшеничной лепёшки пересказывал мне всё, что видел или слышал, а по робости — всегда был у меня в зависимости. (В начале сентября 1848).

Но какой результат приобрела чеченская депутация? Где Заур, его невеста и товарищи по плену? Предстояла ли скорая и утешительная развязка для тех из нас, у которых мысль и сердце заинтересованы положением собственным?

Со времени плена Заура проходило около года. Невеста его ждала, ждала, поплакала и уехала в дом отцовский.

О чеченской депутации и ее последствиях расказывали: генерал-адъютант князь Воронцов, сожалея, что чеченцы не просили о своих ранее, покуда они были в районе Кавказского корпуса (чем дело размена могло бы ускориться) изъявил согласие ходатайствовать у Государя Императора о возвращении 7-ми пленных из России на размен Ивана, что князь обещал им наверное, но предложил иметь терпение, ибо чеченцы далеко, в разных местах и спешное возвращение их не предвидится.

Я этому верил, потому что такое дело не могло быть скрыто; известие об нём подтверждалось рассказами мальчика, свободно везде бывавшего в ауле, людей, моих лазутчиков; и еще более — оставлением меня в покое и лучшим содержанием.

Недолго я оставался один. Незадолго до убыли Ткачева привели двух малолетков казачьих Шелковой станицы, братьев Ивановых (и с ними еще 3-х человек, отданных другим хозяевам). Старшему было 17 лет; младший — годом моложе, мальчики несколько грамотные, умные и чрезвычайно нравственные. Они очень грустили о своей матери (отца лишились прежде) и маленькой сестре. Со слезами на глазах вспоминали домашнюю жизнь свою, ласки матери и каждое малейшее обстоятельство ее внимания и любви, и были очень набожны.

Мне было жаль их, но и отрадно их присутствие.

Они мне услуживали охотно и с любовью; вечера и ночи расказывали о своей жизни в доме, о всем виденном и слышанном в ауле, потому что днем пользовались свободою и употреблялись на работу, а по смышленности и постоянному обращению с мальчиками чеченскими очень скоро научились местному языку.

Их взяли перед вечером, на сенокосе, бывшем на одной из полян в лесу, близ ст. Шелковой.

При нападении чеченцов (с Тарамом) казаки защищались, одного убили, нескольких ранили, но отдали пленных, потому что были малочисленны.

Случилось это, кажется, в июне 1848 г. До темной ночи чеченцы бегали по лесу, держа направление вверх левого берега Терека к ст. Щедринской; ночью прошли мимо поста, потом чрез Терек, мимо дер. Брагун и недалеко нынешнего укр. Тепли-Кичу перешли р. Сунжу.

В этих ночных расказах открылось, что мальчики Ивановы почти год назад сидели вечером с казаками у ворот станицы, когда прискакали два казака (один раненный в руку, другой с лошадью раненною) при встречи с нашей чеченской партией и дали знать о тревоге; что мальчики первые взбежали на колокольню и ударили в набат; что в туже ночь также дали знать о взятом днем в плен проезжавшем офицере; о найденных в лесу — телеге, пустом погребце и чемодане и каких-то бумажках с цифрами больных, умерших и выздоровевших от холеры; словом, что это был я, как оказалось по справке на Староглазовской почтовой станции и что возвращавшиеся два гонца, наткнувшиеся на партию, разводили секреты.

Я от души любил этих мальчиков: присутствие их и обоюдные расказы облегчали тягость нашего положения; жизнь казалась нам сносною, может быть, и потому, что при воспоминании о лучшем забывалось настоящее худшее; а если оно и поражало наше внимание, то надежда в Промысел, вера и теплая молитва

сглаживали дурную сторону жизни и, примиряя со всеми окружающими неприятностями, возбуждали в нас голос о прощении и вразумлении врагов наших. Мы даже оправдывали поступки неприятеля войною, ненавистью к русским, всеобщею бедностию и жаждою к корысти, так как она вместе с тем составляла для них важный способ к поддержанию существования, способ, при котором и враги наши, если не приносят в жертву жизнь свою со всеми тягостными ее последствиями, то всегда рискуют ею из-за добычи по разным побуждениям; потому что им хорошо известно, что в неудаче набега выигрывает убитый и спасшийся, а других ожидает или смертная казнь, или ссылка внутрь России и в Сибирь, или вообще несвободная жизнь вдали от родины и отличная от той, в которой провели лета от рождения.

Мы утешали себя еще и тем, что не могли знать и не знали прежде, что попадемся в плен. Это было будущее, скрытое от нас, но оно случилось, сделалось прошедшим; стало, тому так следовало быть, и покоряться обстоятельствам с смирением поставляли себе в обязанность. Словом, для нас не было такого горя, с которым бы мы не могли примириться.

Счастливое и это время! По крайней мере в воспоминании и оно приносит какую-то невыразимую, душевную сладость!

Так проходило время до половины 1849 года, т. е. до возвращения мальчиков на родину; а между тем в конце 1848 года слухи о пленных чеченцах были такие, что действительно о возвращении их получено разрешение, что их велено выслать на подводах в кр. Грозную и хотя после каждых подобных слухов содержание мое улучшивалось, т. е. подстилали солому под войлок, подметали избу, дали новые штаны и рубашку, для обрития бороды предлагали услугу, в зиму постоянно отапливали камин татарский и были вообще ласковые, как хозяева, так и посторонние, — но всё это далеко не могло совершенно заглушить тоски по родной жизни, где утешительны: средства лучшие, законы, обеспечиваюшие положение и будущность каждого, обычаи и привычки, которых свежая прелесть понятна в их отсутствии.

Тот выразился верно, кто сказал, что — «дым отечества нам сладок и приятен!» Я сам ощущал в этом дыме величайшую сладость и аромат и почти в тоже время прятал голову, чтобы не задохнуться в сакле от дыма чеченского, когда порывы ветра не давали ему исхода в трубу.

В начале 1849 года распространилась весть о прибытии в Грозную двух чеченцов и чрез короткое время еще одного из числа назначенных в размен за меня. В ауле радость была общая: родственники пленных угощались каким-нибудь лакомым кушаньем, дети плясали под удары в медный таз, женщины занялись приготовлением одежды для будущих пришлецов.

Вскоре потом мне мальчики сказали, что жители очень сожалели о каком-то, в России умершем из нашего аула, чеченце, которого ожидали в Грозную, в добавок к 3-м, уже прибывшим; что женщины ходили в дом оплакивать его смерть, а мужчины были очень грустны; что родственники пленных и народ учащают к Тараму с просьбами о скорейшем размене и уговорились скрывать от меня смерть чеченца, чтобы не лишить меня надежды на освобождение, и не расстроить меня тем более, что я был тогда сильно нездоров и очень слаб.

В это время (в марте или апреле 1849), меня во первых томила страшная лихорадка (чеченцы от лихорадки принимают горсть мелкой соли, распущенной в воде: потом ходят до изнурения) в жару которой я пил постоянно воду (до рвоты и вылечился); во вторых — неимоверная боль под ложечкой и чрезвычайное стеснение в груди: едва мог дышать. Опасались за мою жизнь.

Но главная, периодическая болезнь моя в Чечне обыкновенно начиналась с половины осени и продолжалась до половины весны с 847 на 848 и с 848 на 849 годы, обнаруживаясь тем, что кровь, выступая на теле от поясницы до пят, образовала в ладонь иные струпья. Они не были зловонны, не производили боли, но, при малейшем движении тела, отдирались от грязного белья моего, к которому присыхали и тогда были крайне неприятны. Цвет их — медно-красный, и с весны до новой осени почти не сходил, или очень мало. В период с 848 на 849 год я совершенно лишился всякой способности двигать ногами; они были безжизненны до того, что если мне предстояла необходимость сделать шага три в сакле, то я обыкновенно полз на руках, волоча брюхо и ноги по земле. Укрепляясь к весне постепенно в силах, я должен был сначала устаиваться на ногах, придерживаясь за что-нибудь, потом в сакле делал по нескольку шагов с помощию палки или костылей. На это время снимали с меня только одни кандалы; другие оставались на мне.

Одно обстоятельство странно: эти раны не открывались с осени 1849 на 1850 год, т. е. в последнее полугодие моего пребывания.

Вообще в два периода, с осени до весны, кровь моя принимала неприятный бурый цвет и была водяниста. Тогда мне было тяжело: в груди я чувствовал стеснение, дыхание частое и неровное; а между тем милионы насекомых беспокоили неимоверно.

Это были периоды замирающего состояния тела, и нет сомнения, что к тому способствовали полновесные кандалы и цепь, препятствовавшие циркуляции крови, время года, пища, нечистота и тоска.

К весне же я постепенно оживал: с высыхающих струпьев сама собою отделялась их поверхность, оставляя знаки; кровь постепенно принимала розовый цвет; стеснение в груди проходило; дыхание становилось свободным и

ровным. Словом, я возрождался к жизни вместе с оживающею весеннею природою.

В май 1849 г. пронеслась молва, что из числа чеченцов, назначенных в размен за меня, еще прибыл в Грозную один и еще один умер, и что неприятель стал сомневаться в справедливости известий о смерти их.

Тарам, кажется, пользовался этими случаями, смущая умы для корыстных видов своих внушением недоверия к Русским, будто ложно распускающим слухи о смерти, тогда как, по его убеждению, умершие живы, сосланы в Сибирь, и их просто не хотят возвратить.

Чеченцы зашевелились. Они не трогали меня, не верили вполне Тараму и русским, стали наблюдать за первым, поверять слова вторых, боялись и за меня потому, что со смертию моею теряли надежду на возвращение своих соотечественников. И в уме Тарама опять зашевелилась мысль — сгрести побольше денег, всё равно, от русских или от своих.

Внушения его могли продлить размен на неопределенное время, и чем упорство его было сильнее, тем просьбы чеченцов усиливались более: они набавляли ему плату за свободу своих, Тарам думал получить деньги и от русских, а чем более денег, тем для него лучше. — «Не отдам Ивана, говорил он, — русские лгут! Наши живы: они в Сибири! Чем можно доказать, что чеченцы пленные действительно умерли?»

А месяц спустя расказывалось, что Ивановы вот-вот на днях будут освобождены.

С год пробыл я до прибытия этих мальчиков; год еще просидел с ними. В течении двух лет пленные прибывали и убывали, а я всё оставался. Предстоит ли мне возвращение когда-либо?!.. Я задумался.

С неприятелем я всегда избегал лишних разговоров; остававшийся до сих пор первый мальчик был глуп и не заслуживал доверия. Какая же смертная тоска с уходом Ивановых предстояла мне одному? Справедлив ли предполагаемый размен? Не может ли встретиться случаев, к тому препятствующих? Не думают ли меня далее передать куда-либо в горы?

Выйду ли я, если пленные будут умирать? Следует ли уходить и как, или оставаться и ждать конца? А если чеченцы прийдут со мною разговаривать, или требовать чего бы то ни было, — что делать и как себя вести во всех случаях?..

Глубокое раздумье владело мною? Я не чувствовал потребности жажды, пищи, отдыха или сна. Во мне будто не было тела; я жил духом; мыслию пробегал прошедшее от начала до этого момента своего существования и, стараясь разрешать вопросы, в забытьи улетал в пространства надземные, туда, где нет ни печалей, ни болезней, ни воздыханий, но жизнь безконечная! Душа облегчалась...

Я просиживал целые дни с утра до вечера почти неподвижно, проводил иногда ночи на пролёт без сна и вдохновлялся какою-то особенною силою; углубляясь мыслию во все случайности, которые мне могли предстоять и которые я мог придумать.

Результат мышления решил мне, что делать; его я поставил себе в обет священный и дал клятву исполнить невзирая ни на какие препятствия в настоящем, ради лучшей, будущей жизни, в которую сознательно и твердо верил.

Я помнил известную фразу: «Жить вечно невозможно, и смерти не избегнешь». Это правда, но в частности, для понимания нашего видимого различия жизни от смерти; вообще же в природе смерти не существует: жизнь духа и тела — безконечна, только в разных видах, и как бы она ни выразилась, отчета за неё не избегнешь. Я почти отрешился от всего земного, — меня увлекала прелесть будущей жизни. Путь в неё и утешение в настоящем указывал мне результат моего мышления; он заключался в том, чтобы: «не служить неприятелю ни словом, ни делом, ни орудием; исполнять законы и приличия своего общества — и молчать».

Тяжелое время для меня настало. Помню, как-то перед вечером, в июле 1849 г. мальчиков Ивановых внезапно пришли уводить.

Когда с них снимали кандалы у них слезы брызнули из очей. Они молчали и, глядя на меня, качали головой!

В этих слезах я прочитал радость великую и скорбь глубокую и внутренно благословлял их в пути предстоящем. Они ушли.

Но вместе с тем сжалось сильно мое сердце, как будто схватило его железными щипцами. Дух мой и воля закалились какою-то нечеловеческою твердостию и несмотря на ослабевшее тело, я чувствовал в себе присутствие особенной силы, какое-то высшее вдохновение. Я объявил неприятелю духовную войну, без слов начал ее с вечера же по уходе мальчиков и выражал её только одними немыми действиями, или неподвижностию.

Что же давало мне повод к этой войне?

Вечное обращение чеченцов с вопросами, большею частию пустыми, вообще — плохое содержание, нескончаемое заточение в оковах и частая болезнь, уверенность в знании средств и добродушия русских, что 7-ро пленных Чеченцов живут, сравнительно со мною, гораздо лучше; желание — довести неприятеля до того, покуда всё это не улучшится на столько, на сколько средства им дозволяют, с целию убедиться положительно в справедливости размена; ибо если он состоится, сделают возможное, если нет — угождать не будут. И потому я положил:

Не говорить ни слова ни днём, ни ночью даже с самим собою; ничего не писать; не двинуться с места ни на-волос по воле неприятеля, покуда на ногах

кандалы, а если их когда либо снимут — не выйти из сакли, покуда не дадут приличной одежды; ибо, если 7 пленных чеченцов снабжаются у русских бельем, одеждою, обувью и пищею, хотя бы и плохою, то для меня одного могут найти всё это лучшее, потому что оно составит расход в 7-мь раз менее. Если дадут одежду или белье чужие — не брать: оно милостыня, разве насильно наденут; если даст хозяин и новое, и из своих рук — взять; если старое, хотя бы и починенное — не брать. Если в пищу дадут один хлеб — не есть, хотя бы умер; а если к нему будет приличная прибавка: мясо, чай, сыр, яйца — то есть, но не всё, ибо азиятское приличие требует оставлять что-либо. Словом: во всем, что от меня потребуют, или мне предложат — действовать согласно своему положения, т. е. отвечать до известного времени — молчанием и неподвижностью.

Война началась.

В вечер, по уходе Ивановых и по осмотре кандалов, сказано мне было — продеть конец цепи в хозяйскую половину (на день один только конец ее с кола отвязывался), я молчал и не пошевелился. Это им показалось немного странным. Тарам спросил: «что это такое с тобою, нездоров ты?», — посмотрел на меня, молча продел конец цепи в дыру, вышел и запер двери, оставив меня с первым мальчиком, которого молчание мое начало пугать.

На другой день утром кричат, что цепь отвязали, и чтобы я ее выдернул; опять молчание и неподвижность. Вечером и в последующее дни те же проделки.

Мальчик испугался и, вследствие его просьбы, ему дозволили спать в комнате хозяйской.

За мною стали наблюдать днем и ночью, открыто и тайно, в двери, в щели, прислушивались из трубы — и видели только, что я обыкновенно утром и вечером встаю, умоюсь, если есть вода, помолюсь Богу, потом сяду и сижу неподвижно, поем, когда принесут что-либо порядочное, и молчу.

Эта необыкновенная перемена удивила всех, быстро разнеслась, несмотря что ее скрывали, и породила подозрение на Тарама. Одни думали, что я притворяюсь, другие, что я сильно тоскую, или болен, или онемел, или одурел.

Тарам, не веря сам вполне, приписывал, кажется, перемену тоске и отчаянию, ибо заходил ко мне чаще, утешал скорым освобождением, приказывал иногда улучшать пищу, упрекнул однажды за мои к воинским начальникам записки, запрещавшие года два назад писать и присылать ко мне что-либо в Чечню; наблюдал крепко и еще более усиливал надзор.

Тарам стал сам бояться за меня, потому, что теряя меня даром, лишался надежды удовлетворить своему корыстолюбию; но затем начал испытывать: подсылал мальчишек, сестер жены, людей заводить разговоры и утешать, с целью — услышать хотя слово от меня; доставил табак, старые газеты и одну книгу Отечественных Записок; приводил людей, будто приезжавших с известием о

скором размене; иногда приказывал давать один хлеб, который я не ел по двое суток, так что он и жена, подумав вероятно, что я хочу заморить себя голодом, давали наконец лучшее; в осень и зиму исхода 1849 года, разложив в камине огонь и принесши лишние дрова, предлагали подкладывать самому для поддержания огня, — я мерз и не шевелил рукою. Мне дан был тулуп, но с короткими рукавами (такой носят женщины), — я одевал его в накидку, шерстью на верх; принесут в избу стул — я сажусь и остаюсь на нем неподвижно по целым дням; нет его — лежу на подосланном на земле войлоке по целым суткам и все молчу.

Подобное поведение мне было и тяжело, и легко; тяжело — в выполнении; легко — когда исполнением достигал желаемого.

Я был в здравом уме. Воображением и мыслию то облетал вселенную, то спускался на землю, и случалось, что представлявшаяся мне какая-нибудь забавная сцена, из частной или общественной жизни, возбуждала смех, от которого я иногда не имел силы воздержаться, но молчал.

О побеге я не хотел думать, потому что считал неуместным нарушать общее доверие обеих сторон в то время, когда условия размена определены; а если бы освобождение не состоялось почему либо, то во всяком случае я предоставлял себя Божиему Произволу, хотя не затруднился в отыскании способа — самому снять с себя цепь и кандалы. От первой легко освободиться, разломав слабый замок на шее и одну петлю; от вторых — необходимо было только связать наружные концы наножников с концами кандальной палки, потом связать между собою внутренние концы наножников, продеть в средину палочку и вертеть: наножники должны расшириться, и ноге предстоит свободный выход (другой возможности при моем телесном бессилии, не представлялось) а сыромятные ремешки висели у меня в сакле; времени же на это много не требуется.

Между неприятелем, кажется, предполагалось с конца осени 1849 г. ожидания пленных в Грозную из России; ибо, сколько я мог знать, в народе рассказывалось о затруднении скорого размена, по случаю смерти нескольких и замене их другими, равно по возвращении из России тел и костей умерших.

А между тем, в одну из осенних ночей, помню очень хорошо, что я проснулся. В сакле одна темнота. Лежа на спине, я как-то поворотил голову на лево и вижу ясно: рядом со мною с левой стороны лежит голое, мертвое тело Заура. Я был совершенно спокоен; три раза отворачивал и поворачивал к нему свою голову, смотрел на него, видел его одного только ясно от головы до ног и чтобы удостовериться, что это не сон, левою рукою своею гладил его по телу, которого кожа казалась мне чрезвычайно нежною. Поворачивая на лево свою голову в 4-й раз, я ничего не встретил, кроме темноты; видение исчезло; я был

покоен; не спал до утра и, душевно скорбя об его судьбе, молился о спасении его души.

Заур пользовался в ауле славою отличного человека, и нет сомнения, что весть об его кончине была горестна для многих. Само требование тел и костей умерших было или в следствие недоверия к слухам, или из видов Тарама, но, сколько я замечал, последний был грустен и усердно молился. Смерть Заура скрывали от меня в величайшей тайне и сказали об ней только на кануне моего отбытия; но это для меня была не новость. Скрыты были также от меня и дальнейшие условия Тарама.

В конце ноября месяца, или в начале декабря, в один день, прилетал ко мне три раза очень красивый мотылек. Каждый раз он направлял полет свой к моим ногам, рукам, голове и постели и потом улетал. После 3-го разу более не являлся; но я в высшей степени рад был этому милому гостю, который мне казался вестником освобождения.

Прошло около 6 месяцев со времени освобождения Ивановых и почти два с половиною года плена. Зима была в половине, суровая, с снегом и морозами.

В один день, рано утром, вошли ко мне несколько чеченцов; сняв с шеи цепь и, сказав, что сегодня должны меня везти на размен в Грозную, просили встать, выйти из сакли и сесть на сани, которые стояли у дома, чтобы свезти меня в Гельдиген (аул в 3-х верстах от Оспан-Юрта), в кузницу снять кандалы.

Я не пошевелился.

На ногах у меня было двое тяжелых кандалов; наготу мою прикрывала одна изорванная рубашка, да сверху в накидку наброшенный тулуп и — ни шапки, ни штанов, ни обуви; а на дворе мороз градусов 10 (по Реомюру).

Просили, убеждали ласково, кричали, наконец подняли меня на руки, завернули в бурку, вынесли и положили на сани. На дворе я видел много верховых лошадей, спешенных людей и наиба Талгика. Тарам оставался в избе.

Когда меня несли до саней, кто-то надел мне старый, гадкий папах; я швырнул его о земь; еще раз надели, — еще он полетел; сделали тоже в третий раз — я опять бросил, и вышедший в это время Тарам с яростию бросился на меня с кинжалом. Народ его отхватил, ввел в избу, и более я его не видал; его не пускали. Так и следовало: он не мог быть при народе равнодушным зрителем моих дерзостей, его поступки могли еще отсрочить размен, а при умерщвлении меня он бы сам погиб, если только освобождение мое — дело решеное: резня бы завязалась общая, родные пленных не стерпели бы потери семи правоверных Мусульман за одного неверного Христианина.

Но какой-то сметливый чеченец решил дело: показав, он надел мне на голову новый папах; быков погнали, и сани остановились у кузницы в Гельдигене. Я лежал неподвижен.

Просьбы не помогли, и меня снесли на руках в кузницу, сняли кандалы, совали в руки штаны, тщательно зачиненные, — я стоял как истукан.

Штаны на меня надели Чеченцы и подвязали веревочкой.

Потом надели мне на ноги войлочные, обшитые козлом, сапоги азиятские и бурку.

Я молча повернулся, вышел и сел на сани. Между людьми поднялся крик: одни бранили, другие смеялись, третьи удивлялись.

Приехали к сакле. Я сам сошел с саней, вошел в свою избу и стал против камина; в нем горел большой огонь, а сакля была чисто подметена.

Люди вошли с предложением мне выходить, ибо пора ехать.

На это молча я снял с себя рубашку, показал изорванные места и бросил ее между людей. Мигом отнесли ее к Сате и чрез несколько минут принесли зашитою — я надел.

«Пойдем Иван, не дурачься!» Я взял тулуп за короткие рукава, показал их людям и бросил тулуп.

Какой-то чеченец подошел ко мне, снял свой полушелковый бешмет и подал мне.

Я не взял. Бешмет мне надели.

«Пойдем же, а то к вечеру не доедем в Грозную, далеко!»

Приблизившись к огню, я крякнул, показав вид, что холодно. На меня надели бурку и завязали. Не дожидаясь напоминаний, я тотчас повернулся и, выйдя из сакли, стал на крыльце; на мне было все лучшее: новая папаха, зашитая рубашка, чистые целые штаны, полушелковый бешмет, сапоги и бурка.

Не совсем еще потухший блеск впалых очей моих, их неподвижный взор, длинная черная борода, холодная и ровная серьезность, могильное молчание и то неподвижность, то произвольное движение, и непонятная смелость поступков — как будто озадачили чеченцов, а их было на дворе до сотни.

«Иван! Иди, вот недалеко лошадь, садись!»

Я остаюсь неподвижен.

К крыльцу подвели коня.

Я подошел к нему и стал у стремени.

«Садись!»

Ни слова, ни движения (но думал про себя: с телеги сняли, так на коня сажайте.) Меня посадили.

Кто-то, забросив повод, давал мне его в руки.

Я отбросил его обратно. (В Чечню привели, ведите же назад сами).

На дворе образовались партии: снисходительных, озлобленных и зрителей; первые, однако взяли верх и не допускали до меня вторых.

Все сели верхом. Талгик меня конвоировал. Тараму не доверили совершить размен, а задержали дома. И он, и люди, кажется, поняли мое умышленное поведение, но было поздно. Он выходил из себя, но по пустому.

Меня окружили; лошадь, на которой я сидел, вели в поводу. Ехали довольно шибко. От Оспан-Юрта до Ханкальской горы чеченцы молились два раза, в полдень и перед вечером, оставляя меня спешенного, в центре круга, составленного из партии.

Начало смеркаться, когда у Ханкальской горы, в лощине, оставив меня с двумя Чеченцами; партия с Талгиком отправилась вперед. Чрез полчаса присланный чеченец приказал нам шибче ехать.

Два чеченца по обе стороны схватили почти под устцы мою лошадь и помчались во всю прыть.

«Тише! закричал один, — убьется!» — «Небойсь! Отвечал другой, сих пор не околел, и теперь не пропадет!» Мы мчались по необозримой равнине и похожи были на перекати-поле, несомое сильным порывом ветра.

На встречу к нам подскакали несколько чеченцов и с ними азиатский офицер* (*Арцу Чермоев), по знаку которого мы осадили коней.

Офицер обратился ко мне с вопросом: «Кто вы такой и что с вами?» Я понял, что нужно вероятно знать начальнику Левого фланга, нем ли я; тот ли я кого ожидают, или кто другой, потому что в Грозной знакомых у меня не было; и я отвечал ему громко:

«Я армии штабс-капитан Клингер; больше знать вам ненужно, убирайтесь!» Он принял в сторону. Чеченцы вскричали от удивления, услышав мой голос; мы снова помчались и врезались в кружок русских.

Меня встретил воинский начальник крепости Грозной (Ф. Кульман) с маленьким отрядом.

Я соскочил с коня; мы обнялись, поцеловались; я не мог говорить, на глазах навертывались слезы: в них была радость и молитва; в них было многое, многое, чего язык человеческий не в силах выразить!!!...

Это случилось 1-го Января 1850 г.

Мы поскакали с казаками в Грозную. Темно было на дворе, но светло и отрадно у меня на душе!.. Она озарялась вдохновенно-высокой молитвой...

Иван Клингер.

Текст воспроизведен с некоторыми сокращениями по изданию: Два с половиною года в плену у чеченцов. 1847-1850 // Русский архив, № 6. М.: Б/и. Типография Грачева и К. 1869. С. 964-1006.

Приложение. [219]

НЕЧТО О ЧЕЧНЕ. ЗАМЕТКИ О ВИДЕННОМ, СЛЫШАННОМ И УЗНАННОМ ВО ВРЕМЯ ПЛЕНА У ЧЕЧЕНЦЕВ С 24-го ИЮЛЯ 1847 по 1-е ЯНВАРЯ 1850 *

(*Статья эта составляет приложение к рассказу подполковника И.А. Клингера о плене его у горцев. – Примечания в тексте, обозначенные звездочкой, принадлежат либо автору, либо издателю)

Простым» глазом» из аула*Оспан-Юрта* (до 70 дворов, на р. Холхол), по направленно к укр. Куринскому[220] н Майортупу, видна широкая поляна: севернее ее мелкий орешник; южнее, по высотам от Майортупа до Воздвиженскаго[221], густой, дремучий лес. Лесистый Качкалыковский хребет имеет местами, со стороны Чечни, обширные поляны, переходящия от подошвы за перевал. Они, по смежности с» вышеупомянутою, соединясь с *поляною Шалинской*(Здесь и далее курсив принадлежит автору. – Сост.), которая пересекается изредка лесом, растущим по берегам текущих по ней речек, представляют удобный путь для движения войск, чему еще более способствует» вырубленная в прошедшую зимнюю экспедицию (1850), в которой и я имел честь участвовать, так называемая Шалинская просека.

*Внутренний распорядок в Чечне; ее быт, общественный и частный*** (**Все описываемое здесь относится к Чечне, граничащей: к северу рр. Аргуном и Сунжею; к востоку Качкалыковскимъ хребтом; к югу хребтом от Майортупа до Воздвиженскаго, и к западу р. Аргуном).

Наибы и наибства. Внутреннее управление Чечниразделяется на наибства; они состоят из нескольких аулов и управляются наибами, которые назначаются и сменяются, по воле Шамиля.Наиб приводит в исполнение распоряжения имама; относится во всем к нему; бережет границысвоего участка; следит за поведением людей; разбирает и решает жалобы о воровстве, порубке чужими лесных дач,

[219]Данное Приложение было опубликовано в 1856 г. и в полном виде более не переиздавалось: Клингер И. Нечто о Чечне. Заметки о виденном, слышанном и узнанном во время плена у чеченцев с 24-го июня 1847 по 1 января 1850 // Кавказ, тифлисская политическая и литературная газета. 1856. - № № 99, 101. Уже после подготовки текста к изданию мы обнаружили вариант данного текста в интересном издании: Чеченцы: быт, культура, нравы, обычаи, религия. Кавказская война. XIX век / Ред.-сост. М.М. Мурдалов. Изд-во: Издательские решения, 2018. С. 304-311.

[220] Куринское укрепление было основано на северном скате Качкалыковского хребта на месте разоренного аула Ойсхар-Юрт (Ойсангур) в 1842 г. и просуществовало до конца 1859 г.

[221] Крепость Воздвиженская была построена в 1844-1845 гг. на левом берегу р. Аргуна при выходе ее из гор на месте уничтоженного пред этим большого чеченского аула Чахкар-Юрт. Его жители позже переместились на южную окраину ближайшего сел. Старые Атаги, сохранив за собой лишь часть дедовских земель.

потраве пахатных мест, о курящих, о тайных отлучках, и другие предметы, власти его предоставленные, кроме лишения жизни; последнее зависитот воли Шамиля. При наибе, кроме чеченцев, находятся так называемые шамилевские мюриды, наблюдающие или приводящие в исполнение всякое приказание имама. В каждом наибстве имеются постоянные, усиленные посты, служащие для охранения своих границ и для собирания иногда военных сведений; они называются *воротами* (гапа) и расположены на пунктах вблизи мест, доступных движению русскаго отряда. Так ворота мнчиковскаго наиба *Геха* находятся у *Гордера-Юрта* (от него поляна чрез Качкалык к Куринскому); в участке *Тарами — Гертмеле* (для наблюдения над Гордалинскою поляной от Тепли-Кичу и над пространством к Умахан-Юрту); в участке наиба *Талхига* — какой-то хуторок близ Шалинской поляны.—Наибы почти безотлучно находятся па своих местах. Сверх наибов имеются еще пятисотенные начальники, которые в отношении внутреннего управления не пользуются никакою властию. Как те, так и другие содержания по званию своему никакого не получают; им, равно как и *муллам,* народ обязан безвомездно вспахивать и засеивать поля, убирать с них хлеб, косить сено, доставлять дрова, и т.п.

Примечание. На вышеуказанном пространстве Чечни сосредоточено довольно значительное население из разоренных прежде аулов: Большаго Чеченя, Большой и Малой Атаги, Шали, Зурнай и других, жители которых разселились то по аулам: Оспан-Юрт, Гельдиген, Аутери (Автуры/Эвтар. – Сост.), Майортуп и проч., то хуторами по лесам. Вследствие ощутительнаго недостатка земли, каждый засевает (пшеницу только немногие, более кукурузу и просо) большею частию столько, сколько достаточно па годовое пропитание. Сена едва накашивают в количестве, необходимом для прокормления на одну зиму скотины, которою горцы вообще бедны. Крайность же в средствах жизни повсеместная.

Аульные начальники. Аулы управляются народом; старики около мечетей судят и рядят обо всех своих потребностях и случайностях. Но для приведения в исполиение распоряжений относящихся до дел военных, имеются или *старшины* или *пятисотенные* и *сотенные* начальники. —Уже во время владычества Шамиля почти по всем аулам Чечни разселены семейства горцев (тавлинцев); верные своему назначению, последние ко всему прислушиваются, наблюдают и секретно передают сведения. Строгость взыскания, обоюдный присмотр, недоверчивость, скрытность и подозрительность сковывают всех молчаливою покорностью обстоятельствам.

Примечание. Так называемые шамилевские мюриды (числом до 500), в виде постоянного войска и охранительной стражи, находятся при Шамиле (в Веденях),

состоят из людей испытанной преданности, слепо повинующихся его воле, и содержатся на его иждивении. Они все из горцев (тавлинцев).

Сбор в отряды и набеги. По получении известия словесно или на бумаге о сборе в отряды, глашатай всходит на крышу сакли и громогласно, несколько раз, произносит: «говорят (но не приказывают), завтра утром собраться и выступить всем конным (или пешим») в поход! Кто не пойдет, с того 3 или 5 руб. сереб. штрафу!» Но это никогда почти не исполняется всеми в точности, под разными предлогами, вследствие чего у некоторых» отнимают, в виде штрафа, на известную сумму, или медную посуду (кувшины, тазы), или оружие. Нередко случалось, что у ослушников сожигали сакли. В быстрые набеги собираются незначительными партиями, тайно, скрывая цель сбора даже от своих, остающихся в ауле *. (*Сведения, по которым неприятель разсчитывает удачу своих набегов, суть: знание времени наших праздников церковных, годовых и полковых; базаров, движения оказий, сельских, полевых и садовых работ, прибытия переселенцев, и местности. О движении этих партий см.,*приложение в* конце).

Во время сбора партий горцев для отрядов на плоскостях Чечни, жители последней обязаны их продовольствовать. Это стесняет бедных чеченцев, которые вообще неохотно принимают» подобных гостей, будучи не расположены к горцам за их неловкость и нахальство, что они нередко выражают гласно. Стеснение это еще ощутительнее зимою от недостатка корма лошадям.

Добыча и ее раздел. От всякой добычи $^{1}/_{5}$часть поступает к Шамилю в особую сумму, под названием: «в пользу бедных». Нет сомнения, что на нее содержатся мюриды; часть, однако-же, достается и бедным. Раздел производится следующим образом: по оценке всей добычи, $^{1}/_{5}$ доля из нее отделяется Шамилю, потом 10 руб. сер. дается тому, кто водил партию в набег; за каждые кандалы на пленном и за цепь отдается также по 1 руб. сер., за содержание пленнаго сумма по расчету; остальное количество делится по-ровну,и желающие из партии, участвовавшей в приобретении добычи, получают но стоимости натурою, или деньгами.

Средства к приобретению значения и уважения внароде. При существующем в пароде равенстве, уважение и почетное звание приобретаются богатством, ловкостью и заслугами (удачами в набегах); они поддерживаются и обусловливаются исполнением главных правил религии: постом, молитвою и раздачею милостыни, — в особенности же последней. Чувство благодарности врождено человеку, на какой-бы степени нравственнаго развития он ни стоял; получая в нужде пособие, он еще более проникается этим чувством; из облагодетельствованных и из связей родственных составляется кружок и опора. Таким образом человек выдвигается из толпы при благоприятствующих

обстоятельствах, из коих всеобщая, крайняя бедность всей Чечни представляет к тому наилучшую возможность.

Награды. К ним относятся: возведение в звание наиба, пятисотеннаго и сотеннаго начальников; знак отличия наподобие трехугольной медали, с прописанием на нем подвигов и имени жалуемаго.

Наказания. Изгнание из аула, заключение в яму, штрафы, лишение почетнаго звания, смертная казнь.

Кровомщение. Обычай кровомщения ныне получил другое направление: родственники убитаго сами не вправе лишать жизни убийцу, а схватнв его, должны представить наибу, который, по разборе дела и решенин его Шамилем, или мирит противников, или казнит убийцу. В первом случае дело оканчивается полюбовною сделкой: в последнем — убийцу разстреливают иногда из орудия. Часто чеченец выражает свое негодование побранкой: «чтоб тебя пушкой убило!»

Меры к увеличению населения. Война, неминуемо истребляющая народонаселение, и тягостныя условия прежнего обычая вступления в брак, понудили Шамиля, а последние годы прибегнуть к новой мере; она состоит в том, что назначается в году известный период, в который совершеннолетния девушки непременно должны выйти замуж; не вышедших сажают в ямы и спрашивают «кого любишь?» Девушка должна поневоле высказать, и тогда делу конец. Если мужчина согласен — свадьба если нет, то девушку отпускают, а мужчина, в знак признательности, обязывается что-нибудь подарить ей и ея матери. Для вступления в брак назначен за невесту *калым* (выкуп») из двух коров (цена одной на месте 10—15 руб. сереб.). В последнее время свадеб было множество. Увеличение народонаселенияя результат этой меры, которою в особенности молодежь весьма довольна, если взять в соображение общую нужду, дешевое приобретение жены и строгую чистоту нравов времен первобытных.

Мера к поддержанию нравственности и религии. Песни, игра на балалайке *(пандур),* пляски, табак, водка, буза, сношения с мирными, как подозрительныя по настоящему положению народа, ведущаго священную войну *(газават),* строго запрещены. Это, при всеобщей нужде, способствует суровости нравов и к религиозному настроению. Однако, многие из чеченцев играют, курят тайком и посещают мирных, скрытно один от другого. —В году назначаются особенные дни для общаго приношенин к мечети подаяния в пользу бедных, которое состоит из пищи.

Мера к предупреждению воровства. Из аула никто не имеет» права ночью выезжать по-одиночке, без предварительнаго извещения, кроме объявленных, громко или по секрету сборов в поход, или маленьких пеших партий (от» 5 до 25 человек)* (*Смотри в конце приложение.), отправляющихся на грабеж,

обыкновенно на Терек, на пространстве от ст. Щедринской до Курдюковской, с июня но сентябрь месяц. В случае какого-либо воровства в ауле — наводится справка у родных и соседей: кто не был дома ночью?.. По отзывам подозреваемаго, где он был и у кого, с кем встречался на дороге, в какое время и в каком месте, —делается поверка; если показание подтвердится, то он нрав; в противном же случае — виноват и отвечает имуществом по стоимости пропажи; из пени отделяется подарок разбирающему дело. Подозреваемого бросают еще предварительно в яму. Смотря по важности преступления, взыскание производится в размерах, более или менее обширных.

Кавказ, Тифлисская политическая и литературная газета. 1856. №101.*(Окончание.)*

Характер и нравы чеченцев. Чеченцы очень бедны, но за милостыней никогда не ходят, просить не любят, и в этом состоит, их моральное превосходство пред горцами. Чеченец, в отношении к своим, никогда не приказывает, а говорит: «мне бы нужно это; я хотел бы поесть; сделаю, пойду, узнаю, если Бог даст». Ругательных слов на здешнем языке почти не существует. Браня детей-мальчиков, ограничиваются словами: «*гей солдат, салдат, газке!* Чтоб тебе русские голову сняли, *джалий корне*» (собачий-сын—это самая тяжкая брань). А если женщина разсердит, ей говорят только: «гей метушка». Когда зайдет речь о мирных, приговаривают: они не татары, а казаки! — Если чеченец имеет к соседу надобность, то не всегда обращается к нему прямо с просьбою; сначала подошлет людей сторонних (по соображению связей, знакомства, дружбы), которые бы исподволь завели желаемый разговор и выведали у соседа что нужно; потом, соображаясь с этим, он отправляется сам и также не прямо заводить речь о нужном предмете, а начинает издалека, как бы о вещах посторонних, и под конец уже выразит свое желание. Отказ вообще оскорбляет их скрытное самолюбие; за успех дела дают иногда подарок, состоящий в оружии, баране, и т.п. Желая приобресть покупкою лошадь, которых у другаго несколько, чеченец приезжает к хозяину с его знакомыми, и привозит с собою барана. Все уговариваются ради дружбы приобрести коня. Отказать в таком случае стыдно. Отдается условленная цена; затем режут барана, хозяйка варит, люди едят и разъезжаются, взяв с собою купленное.

Когда хозяин дома собирается в поход, жена вечером готовит лепешки, или варит пшеничную кашу на молоке с маслом, сзывает ближайших родственников и угощает. При этом случае девушки, от 8 до 14-летняго возраста, собираются в особую саклю и, расположившись на полу, поют заунывным тоном: *«ля-иль-ляга-иль алла»,* сначала протяжно, потом чаще. Не понимая иногда смысла этой фразы, но в полном убеждении, что просят Бога о счастливом возвращении родных из

похода, они до того увлекаются, что в общем, непрерывном, громком пении погружаются в совершенное самозабвение; подпрыгивают всем телом, ударяют себя руками в грудь и осиплым голосом, со слезами на глазах, в изнеможении, вскрикивают: «Аллахъ, Аллахъ!». Увлечение доходит до того, что они теряют власть над собою; тогда мужчины разводят их, обливают водою и приводят в чувство. В этом обыкновенно подают пример мюриды и некоторые старики, таким образом оканчивающие свой *намаз* (молитву), с целью выставить себя вдохновенными свыше. Люди эти пользуются в народе уважением, как истинные мусульмане. Но гнетущая всех нужда, в соединении с другими страстями, побуждает многих изменять долгу истаго мюрида: от этого частыя воровства между ближними, следствием чего бывает взаимная недоверчивость, так что сын не верит отцу и наоборот, брат брату, и т. д. Чеченцы, увлекаясь внушениями современнаго религиознаго учения, хотя и жертвуют собою за дело мусульман, в надежде воздаяния на том свете; но многие, понимая общее безотрадное положение, откровенно, в виде шутки, выражают, что у них, кроме скуднаго хлеба, воды и леса, ничего нет . Сознание это вкоренено в большую часть населения, сильно понимающего свою слабость и силу России; но связанные родством и обстоятельствами, при недоверчивости, скрытности, подозрительности, вероломстве и заносчивости характера, боясь сильных приверженцев Шамиля и мусульманства, они живут, предоставляя участь свою на произвол судьбы.

Полевые и домашние работы. Когда настанет рабочее время, народ, по недостатку быков и плугов, уговаривается вспахать поля артелями из нескольких хозяев, имеющих плуги и по две или по одной скотине, и таким образом общими силами вспахивают друг другу пашни. Тот, в пользу кого работают, кормит всех два раза в день. Затем мужчины косят сено, и жатву перевозят на гумно. Остальное время года чеченец проводит у мечети, дома, у соседа, стругает палочку, чистит оружие, или мнет и шьет поршни * (* Обувь из сыромятней кожи.) или в гостях или в походе. *Женщина* должна содержать в чистоте двор и дом, шить платье, кормить семью, гостей и скотину; нарубить дров, ходить за водою, смотреть за домашнею птицей, за огородом; молотить хлеб, смолоть его, и т. д.

Праздники, посты и некоторые обряды. Еженедельный праздник (пятница — *перскинде)* начинается с заката солнца, в четверг. Под пятницу раздается обыкновенно милостыня бедным (немного молока, муки, соли, или у кого что найдется). Пост *(мархх)* продолжается месяц, в июле или августе, от самого начала до конца новолуния; он бывает не всякий год в одно время. С утра до заката солнца ничего не едят и не пьют; а ночью можно есть два и три раза. Многие нарушают пост, разумеется, украдкой. — *Молятся* ежедневно утром, в полдень,

раз до заката солнца и два раза после; если пост, то и в полночь один раз, после предварительнаго каждый раз намаза, или омовения членов. За месячным постом следует праздник *байрам*, в первый день котораго, по-утру, жена приносит к отцу семейства мешок с хлебным зерном и деревянную чашку. Тот поочередно подзывает детей и ближайших родственников и, взяв полную чашку зерна, поздравляет каждого с окончанием поста и спрашивает: «жертвуешь ли для бедных?» На это обыкновенно отвечают согласием, после чего хлеб высыпается в другую | посуду; все накопившееся таким образом, с прибавкою, отдается бедным. Накануне байрама у мечети режут быка или корову *для раздачи бедным;* часть уделяется и пленным. Обреченную на это жертву ведут к мечети с песнею. В первый день байрама мужчины ходят, или ездят с поздравлением друг к другу, а женщины, оставаясь дома для угощения посетителей, отправляются до полудня на кладбище для поминок, взяв с собою пищу; туда же приходят мужчины и дети. Здесь одни едят, вспоминая умерших; а другие составляют скачку (не всякий год и не везде), на которой отличившийся получает какую-нибудь ничтожную награду от доброхотнаго деятеля, или от наиба, если он присутствует. В этот же день наибы и вообще люди по-значительнее отправляются с поздравлением к Шамилю и его приближенным. Бывает еще осенью праздник *курбан,* который в иной год совсем не справляется. В этот день режут баранов, по прочтении муллою над каждым молитвы. Христианам этого мяса не дают; для них режут иногда барана без молитвы. Скотину и курей могут резать только мужчины, обращая голову жертвы на восток.

Гости, их прием и проводы. Человеке, приезжающий или приходящий к кому-либо во двор, останавливается и вызывает хозяина; последний выходит к нему на встречу, здоровается, иногда пожимает руку, принимает коня и, привязав его к столбу, берет у гостя ружье, и оба идут в саклю. Хозяйка непременно должна приготовить угощение, обыкновенно состоящее из пшеничной или кукурузной лепешки и сыру, — редко что нибудь больше. Перед отъездом гостя восвояси хозяин выносит ружье, подает сначала лошадь, придерживая ее за узду н стремя, тот садится, принимает ружье и прощается. Женщины не принимают никакого участия в обществе гостя; если нет особой сакли, оне должны оставаться на дворе. Покрывал не носят, а слегка накидывают на лице платок, и всегда отворачиваются от незнакомых; исключение делается только в присутствии близких знакомых и родных. Если к хозяйке дома приходит молодая замужняя соседка и хозяин дома желает с нею познакомиться, то начинает с того, что просит подать воды напиться. При этом он обязан чем нибудь отдарить ее.

Сватьбаи нечто о семейной жизни. Чеченец весьма редко женится на девушке одного с ним аула. Когда сватьба улажена, молодая, в назначенный день привозится в закрытой арбе в дом жениха, который в это время должен быть

непременно в отсутствии. Свадебный поезд сопровождают мужчины, верхом они скачут вокруг скрипучей арбы взад и вперед стреляя иногда и затягивая песню: «ля-иль-ляга-иль-алла». По приезде к сакле молодой подстилают что нибудь под ноги. Ловкий мужчина на этот случай бросает ей под ноги вмиг снятую черкеску и получает от невесты в награду кошель ея работы. Молодая, войдя в саклю, садится, если нет мужчин, но не снимает покрывала. Целый день мужчины и женщины пляшут лезгинку (пляску эту Шамиль несмотря на все свое желание, не может искоренить), под удары меднаго таза, с прихлопыванием в ладоши, или палкой о дерево. Пляска продолжается три дня (у бедных ея не бывает); все это время молодой ходит по лесу, или где нибудь по знакомым, и приходит к жене лишь поздно вечером. Спустя три дня молодая должна идти в первый раз с кувшпном за водою после чего она вступает в исполнение своих обязанностей по хозяйству. Она идет к реке в сопровождении мужчин, женщин и ребятишек. Когда она зачерпывает воду и устанавливает на себе кувшин - стреляют. При этом близкия знакомыя раздают принесенные блины присутствующим, и все возвращаются домой со стрельбою. Соседки, желающия познакомиться с молодою, посылают ей пшеничную кашу на второй или третий день ее замужества. Редко кто имеет двух жен. Когда дело доходит до развода, муж обязан отдать жене стоимость перваго *калыма*, и взять другую, если желает: — а если жена сама оставляете мvжа, то ничего не получает. Впрочем, разводы редки, народ не одобряет этого обычая. Супруги проводят жизнь в согласии и редко нарушают его какой-нибудь семейною размолвкой. Причиной тому: незначительный круг обязанностей каждаго, суровость характера мужчин и безукоризненная чистота нравов женщин, которых удерживает еще тяжесть наказания за нарушение целомудрия.

Примечание. Если женатый вынужден жить, по обязнности службы, вдали от своего дома, то он считает неприлнчным перевозить к себе жену, чтоб не потерять уважения в народе. Когда женщине приблизится время родов, муж уезжает куда-нибудь из дому. Родственницы, или знакомыя ухаживают за родильницей. Спустя несколько дней, по разрешении от бремени, отец семейства возвращается, храня упорное молчание относительно жены, или новорожденнаго. Сына предпочитают дочери; в первом случае режут барана или корову, в последнем никакого пира не бывает. Младенцу дают имя, какое вздумается (мусульманское). Часто отец зовет одним, а мать другим именем одного и того же ребенка.

Родство молочное. Если женщина хоть раз накормит чужое дитя грудью, то уже составляется родство, по которому дитя навсегда признает ее матерью, а детей ея — братьями и сестрами *молочными.*

Примечание. Иногда даже взрослые, из пленных мусульман, благодаря этого обычая, получают свободу; стонт только пленному мусульманину, в присутствии

одного или двух свидетелей, прикосиуться губами к груди хозяйки, в чем последняя не должна и никогда не отказывает. Вследствие этого пленный становится родственником дома; с него снимают кандалы, угощают, меняются платьями и отпускают иногда с подарком. Новый родственник должен и с своей стороны отдарить хозяев.

Обращсние с детьми и их воспитание. Родители никогда не бьют и почти не бранят своих детей, считая их даром Божиим и предоставляя развитие характера и способностей их самой природе. Если дети иногда слишком надоедают и огорчают, мать слегка журит их, сама плачет, но не бьет. Отец в обращении с детьми всегда ровен, — суров и молчалив. Заметив в мальчике какия либо капризныя желания, он старается поддержать в нем столько упрямой настойчивости, чтобы ребенок достиг цели. Если ребенку удалось получить желаемое, — отец похвалит его, а в противпом случае трунит над ним называет его дрянью и девчонкой. В этом развитии настойчивости видят твердость будущаго характера. Лета своих детей родители считают только до 15-ти, а далее не ведут им счету. Мальчики обучаются грамоте по добровольному желанию, — или дома, под надзором муллы, или в особенных школах, которыя существуют лишь в немногих аулах. Находящиеся в последних, имеют для помещения особую саклю; книги и одежду — от себя; содержание получают от народа, для чего от времени до времени ходят по аулам. Пищу приготовляют сами, по очереди. Все они читают Куран, но весьма редкие достигают, возможности понимать его и писать по-арабски. Девушки сами приучаются шить и кроить, а по достижении возраста, ткуг сукна, изготовляют шелковыя нитки, тесьмы, войлоки и помогают в полевых и домашних работах.

Пища. Ежедневную пищу беднаго класса составляет просяная, кукурузная и редко пшеничная лепешка, с разведенною в воде солью и примесью молока *(берымв).* У зажиточных бываетъ: пшеничная лепешка и каша, калмыцкий чай, яичница, лапша, вареная и сушеная баранина и говядина, бульон мясной *(чорпа),* блины, вареная кукуруза и пшеница; в день байрама, в добавок к этому, приготовляется нечто в роде пряников, из кукурузной муки с маслом и медом. Летом водятся здесь арбузы, дыни, яблоки, сливы, дикий виноград, из котораго выжимают для питья сок (чапа). едят в день раза два или три, и вообще мало. Прилнчие требует, по окончании еды, оставлять всегда что-нибудь на блюде. До и после еды умывают руки и полощут рот.

Похороны и оплакивание. Получив известие о смерти чеченца, все его родственницы и знакомыя женщины из местнаго и ближайших аулов, отправляются в дом покойника для его оплакивания, что продолжается несколько дней. Мужчины в это время расхаживают по двору, надвинув шапки на глаза, и как бы велико ни было сожаление их, редко кто выроиг слезу. Посетителей

встречает мужчина, сложа руки на груди, с известною фразой в роде молитвы, оканчивающеюся словом: «аминь», при чем гости проводят рукою по бороде. Они все хранят молчание и также расходятся. Покойника хоронят в день самой смерти, т. е. в продолжение суток, обмыв сперва тело; гроб кладут на арбу и отвозят на кладбище; после погребения бывает тут же маленькое угощение. На могилах убитых в бою с неприятелем ставят разноцветные значки.

Промышленность. Грубое сукно, из которого шьются черкески; сыромятная кожа, овчины, войлоки, бурки; разведение шелковичных червей, сколько нужно для домашнего потребления, и изредка конопли. Огородные овощи: огурцы, лук, чеснок и тыквы. Арбузы и дыни — редки. Фруктовых дерев очень мало; виноград дикий. Пчеловодство, овцеводство, скотоводство, конские табуны —все это очень скудно. Курей водится множество, гуси очень редки. Порох и медная посуда получаются от горцев (тавлинцев). Есть оружейники, кузнецы, горшечники. Оружие и лошади не у всякаго.

Мера, вес и счет деньгам. Высшая мера сыпучих тел у чеченцев равняется нашей мере в 8 гарнцев[222]; две меры составляют *мозол;* в одной мере пять *сага,* или чашек. —Локоть, пуд *(пунт),* фунт *(герке)* посредством безмена. *Тюмен* —10 руб. сер.; *сом* — 1 р., *эпиз* 20 коп., *шаи* — 5 к. сер.

Цена продуктов. Одна сага[223] соли стоит 20 коп. сер. Часто за это же количество дают кукурузой 12 саг, пшеницей—6 саг. Фунт сыру стоит 5 коп., масла—10 коп., пороху—15 коп. сер.

Торговля: Горцы продают чеченцам свой порох, медную посуду, яблоки, груши, орехи, виноград — редко за деньги; более выменивают на холст, крашенину и зерновой хлеб.

Нищие. Чрез аул *Оспан-Юрт*, ежегодно от сентября до апреля и позже, в мое время проходило до 400 нищих горцев, из стариков, молодых, мужчин, женщин и детей, в рубищах, партиями от 2 до 10 человек; они испрашивали подаяние ударами в бубны, с припевом текстов из Курана. Некоторые нанимались работать за дневное лишь пропитание, без платы, и трудились по целым осенним ночам, порою развлекая себя звуками унылой песни. А сколько нищих проходило по другим аулам? В особенности люди эти жалки зимою, в сильный холод, почти без всякой одежды.

Поезд Шамили и его угощение. Весной 1849 года я видел Шамиля; при объезде Чечни он заехал в аул Оспан-Юрт, будучи окружен слишком 200 мюридами. Угощение падало на того, кто удостоится его посещения; в 0спан-Юрте пришлось

---

[222] Гарнец – русская мера для зерновых, была равна к середине XIX в. - 3,276 литра. Следовательно, одна чеченская мера составляла 8х3,276 = 26, 208 л. Однако надо доверять данным, согласно которым чеченская классическая мера – гирд, равнялась 12 литрам, маза (мозол) двум гирдам, а сахь (сага) около 2 литров сыпучих тел. – Здесь и далее примечания сост.

[223] Саг – «сахь», мера сыпучих продуктов в Чечне равная 8 «кана» (пригоршня сыпучих тел захватываемый двумя ладонями) или около 2 кг.

это на долю Тарама. Народ целовал Шамилю руки, но никто не хотел жертвовать даром на пир в честь имама ни одним яйцом. —Шамиль въехал во двор моего хозяина верхом, при шашке; на азиятском седле висела пара пистолетов в отличных кобурах; имам был в черкеске тонкаго русскаго сукна и держали руках зонтик.— Шамиль росту средняго, довольно полный; выражение лица, с редкими веснушками, приятное, серьезное и умное; борода окрашена в темнокрасный цвет; он несколько сутуловат, но во всех, его движениях заметны подобающия его сану важность и достоинство; он постоянно задумчив, и глаза устремлены долу. Он ехал шагом, в сопровождении ближайшаго телохранителя, окруженный со всех сторон мюридами, певшими протяжно, хором: «ля-«иль-дяга-иль-алла! Я саттар, я гаппар». Не успел, имам слезть с коня и войти в саклю, как мюриды были уже на часах: у дверей, у окна, за саклей, на ея крыше, кругом целаго двора, и не допускали близко никого, без особаго дозволения. Шамиля угощали калмыцким чаем, вареною бараниной с медом, сыром, яичницей, орехами и пшеничными сдобными лепешками.

О беглых солдатах. Перебежавшим от нас предоставляют совершенную свободу в выборе места жительства и в занятиях, лишь бы последния были не во вред чеченцам; но не имеют, к беглым почти никакого доверия, по врожденной своей подозрительности, и строго наблюдают за ними. Некоторые из них, плотники и сапожники по ремеслу, не получают никакого вознаграждения за свой труд. Многие доходят до жалкого нищенства, раскаиваются, что бежали, и часто уходят, обратно с повинною, или уводят с собою пленнаго, в надежде на помилование.

Народная песня и напев ея[224]. С распространеиием учения о мюридизме, из Чечни изгнаны почти все песни, кроме священной из Курана: «ля-иль-ляга-иль - алла»; она поется тоном заунывным, но неприятным, с некоторыми изменениями в модуляции. Содержание и мотив этой песни характеризуют положение народа, как-бы внушая ему слепое исполнение религиозных правил (посты, молитвы, милостыни), преданность интересам своего общества, жертвование собою для блага и свободы мусульман, с уверенностью, что только этим путем народ может снискать милосердие Божие за грехи, повергшие его в настоящее бедственное положение. Народ говорит: «мы теперь бедствуем, русские счастливы; но на томе свете нас ожидает вечное блаженство, а русских вечное мученье». Упомянутая песня, обличающая сильное развитие религиознаго направления и фанатическое

[224] Клингер И.А., был не только способным офицером и наблюдательным человеком, но и музыкантом (он один из первых кто переложил чеченские мелодии на ноты), а также талантливым исполнителем на гитаре. Один из русских музыкальных деятелей того времени - С.Н. Галин, свидетельствует с его слов, что И.А. Клингер не расставался с гитарою и в плену, горцы «подолгу заставляли его играть, восхищаясь мастерскою игрою пленника. Это значительно улучшало его положение…». – Галин С.И. Встречи, думы и наброски // Журнал «Гитарист». №3, 1904. С. 6.

настроение, поется: во время прохода партий чрез аулы и при возвращении их с добычею без потерь; в свадебном поезде, после намаза, когда народ отправляется к мечети с жертвою (накануне байрама), и дома, почти каждый день, в спокойном состоянии духа, в радости и в печали.

П Р И Л О Ж Е Н И Е

Какие партии чеченцев, вкакое время года, в каком числе, в какие именно проникают места, на протяжении рр. Сунжи, Терека и Кумыкской плоскости, и что именно привлекает неприятеля?

Пешия в числе, 5 -25 человек, с половины мая до половины сентября, в темныя ночи, имея с собою *тулуки,* для переплывания реки в полноводие; исключительно ходят в леса по левому берегу Терека от ст. Щедринской вниз до Кизляра. Их привлекают: очистка виноградных садов, рубка леса на дрова; дровосеки, проезжающие по дороге, гулевая скотина, сенокос и уборка сена с полян лесных.

Конныя в числе 20—60 чел., с начала весны до половины сентября; имея в виду краткость ночей и большую растительность, на которой остается след, — они исключительно выходят на поля деревень Врагуны,Старо и Ново Юртовской и других ближайших между Сунжею, Тереком и по Кумыкской плоскости. В этот период времени бывает запашка полей, очистка кукурузных посевов, уборка хлеба, сенокос, перевоз того и другаго с поля; торговцы отправляются к базарным дням в Таш-Кичу[225] и возвращаются оттуда; сверх того, на этом пространстве пасется всякаго рода скот.

Конныя в числе 20—120 чел., с половины сентября до начала постоянной зимы, т. е. до 1 декабря; тут принимается в разсчет продолжительность и темнота ночей. Неприятель преимущественно выходит на левый берег Терека, в степи ногайския, заезжая по пути и на Астраханский тракт. В это время ногайцы переносят свои кочевья к р. Куме, к Астраханскому тракту и Тереку, и табуны их служат приманкою чеченцев.

С декабря до ранней весны партии никуда не выходят, исключая дней, в продолжении которых на р. Тереке стоит лед. В эти дни, которых чеченцы ждут с нетерпением, собирается иногда конная партия в 1000 человек, для нападения в расплох на станицу (наприм. Парбочевскую 1-го января 1847 г.), или на другие слабые пункты; а потому — время стояния льда на реке, очень опасное для жителей леваго берега Терека. Сверх того, нужно быть осторожным в дни

[225] Таш-Кичу – броды через р. Аксай, где располагалось большое кумыкско-чеченское селение Аксай – центр Аксаевского владения-княжества и русское укрепление Таш-Кичу. Здесь в XVIII-XIX вв. происходили крупные базары регионального масштаба.

Рождества Христова, Новаго Года, Крещения, Масляницы и Пасхи. Самое *безопасное время* для жителей леваго берега Терека, —когда по реке идет лед.

Ив. Клингер.

Текст воспроизведен по изданию: Клингер И. Нечто о Чечне. Заметки о виденном, слышанном и узнанном во время плена у чеченцев с 24-го июня 1847 по 1 января 1850 // Кавказ, тифлисская политическая и литературная газета. 1856. - №№ 99, 101.

***

С. БЕЛЯЕВ.
ДНЕВНИК РУССКАГО СОЛДАТА, БЫВШЕГО ДЕСЯТЬ МЕСЯЦЕВ В ПЛЕНУ У ЧЕЧЕНЦЕВ (1848)

В ходе Кавказской войны русский солдат С. Беляев, участник экспедиции генерала П.Л.Граббе на резиденцию Шамиля — аул Дарго в Ичкерии летом 1842 г., разделил ее неудачу; молодой солдат был сбит ударом и попал в плен.

Будучи по происхождению из городских мещан, достаточно грамотным, если не сказать образованным человеком, С. Беляев не растерялся и не отчаялся, овладел чеченским языком и быстро вошел в новую для него среду.

Через 9 месяцев, весной 1843 г. он был обменен на пленного горца и по возвращению в Россию составил настоящий «дневник» (воспоминания), который делится тематически на две части: сведения военно-политического характера и сугубо житейские, этнографические, что были изданы 1848 г.[226]

В наше время данный источник с сокращением первого раздела был переиздан отдельной брошюрой в 1991 г.[227].Тексты «Дневника…» на сегодня относительно широко представлены и в широкой печати, в портале «Востлит» и в других сайтах интернета (к примеру: https://libking.ru/books/nonf-/nonf-biography/430769-s-belyaev-dnevnik-russkogo-soldata-byvshego-desyat-mesyatsev-v-plenu-u-chechentsev.html).

[226]Беляев С. Дневник русского солдата, бывшего десять месяцев в плену у чеченцев // Библиотека для чтения. Т. 88. Отд.III. СПб., Б/и., 1848. С. 71-102; Т.89., Б/и. 1848. Отд. III. С. 21-48.

[227] Беляев С. Десять месяцев в плену у чеченцев. Грозный: Б/и., 1991. – 31 с.

Куда более реже приводится раздел первый из «Дневника...» содержащий общие сведения о Чечне и имаматском государстве. Данный текст и приведен нами (с сокращениями).

БЕЛЯЕВ С. ДНЕВНИК РУССКАГО СОЛДАТА, БЫВШЕГО ДЕСЯТЬ МЕСЯЦЕВ В ПЛЕНУ У ЧЕЧЕНЦЕВ (1848)

Статья первая.

I.

Шамиль. — Племена. — Войско. — Распоряжения. — Гостеприимство. — Наказания за преступления. — Обязанность женщин. — Свадьбы. — Красота женщин. — Жизнь горца вообще.

Я буду говорить о левой части гор кавказских между Дарьялом и Каспийским морем.

Все это протяжении было тогда в руках Шамиля. Темна история его жизни, но горцы говорят об нем вот что.

До предшественника своего, Кази-Муллы, он был аульным муллою; но, по своему уму, познаниям в жизни, снискал доверенность народа и вступил, в управление им. В 1839 году, при отдаче замка Ахульго, 22 августа, показал, он горцам и свою распорядительность и неустрашимость, и подчинил их себе совершенно. Они называют его Падчша, что значит падишах, недовольны его распоряжениями, но повинуются непрекословно. Называют его хитрой лисицей, но сознаются, что не всегда же ему самому должно быть в действиях, чтобы беречь себя для сохранения народа. В личном мужестве преимущество отдают Кази-Мулле, говоря, что он никогда не показывал неприятелю своего затылка.

Во владениях Шамиля три главных племени, различных по языку, одежде и сходных несколько по обрядам: **1.** Нохчи, называемые нами чеченцами, которые чеченцы существовали разве когда-либо, теперь же это имя туземцам вовсе незнакомо. Сказывают, что был аул, называемый *Чечен*, вблизи к нашим. Не мудрено, что наши, судя по его огромности, называли жителей вообще чеченцами; впоследствии это имя распространилось и на других, как и теперь простонародье называет *чеченцами* вообще всех обитающих на левом Фланге Кавказской линии, и *черкесами*, живущих на правом, хотя между горцами есть премножество племен, совершенно между собою различных. **2.** Энди, наши андейцы, или лезгины. Костюм их персидский, или лучше древний армянский; выговор — картавый. И: **3.** Сюли, наши тавлинцы, живущие вблизи снежных гор и потому, вероятно, получившие название от тау — гора, таули — горный; совершенные турки, не только по одеянию, но и наречию, и первые принявшие от турок мухаммеданство. По своей

оседлости, как вдали от наших и редко бывавшие в набегах, народ рослый, неповоротливый, но довольно здорового сложения.

Из этого племени происходит Шамиль, как уверяют тамошние; жил же в земле чеченской, в ауле Дарги, как центре своих владений; телохранителей имеет из своих соотечественников; знает будто бы только два языка — сюлинский и кумыкский.

Энди — народ малорослый, но по своему удальству друзья чеченцам; сюлинцы же, по своей неповоротливости и трусости носят от Чеченцев поносное название лэгэ, что значит раб, змея. Большею частью Чеченцы имеют у себя рабов из этого племени[228]; сами же Чеченцы называют себя узденями — дворянами, и стараются оправдать это название честностью и твердостью в слове. Чеченец считает неприличным торговать чем-нибудь, и если продает, то без уступки. Но нынче чеченцы становятся теми же сюлинцами.

Одеяние чеченцев вовсе без затей, все по мере, все к месту, ничего лишнего: в обтяжку чекмень — чуа, шаровары узкие книзу, тугая обувь — чивеки или мачи, короткая рубашка, бешмет, и по климату шапка. Бурка и башлык общи всем племенам.

———

Войско горцев, или вообще горцы разделены на десятки, сотни, пятисотни, тысячи и наместничества*. (*Туземцы говорят, что при Шамиле была поверка или перепись народная и оказалось, что всех, готовых поднять оружие, во владениях Шамиля, слишком шестьдесят пять тысяч человек. О женщинах неизвестно; общее число мужского пола тоже неизвестно. О правом фланге ничего не знаю. –Здесь и далее примеч.автора). Наиб или наместник, зависимый от общего правителя Падчши, приказания передает в свои аулы через мюрадов, своих помощников, назначаемых из каждого аула, которые и живут у него в карауле понедельно. Такие мюрады, люди отличившиеся своим удальством и поведением, богобоязненностью, большею частью, в отличие от других, имеют награды, состоящие из различных значков: разноугольных звезд, полулуний и треугольников, серебрянных, своего изделия, с надписью из Корана какого-нибудь стиха, или со словами «такому-то за храбрость», или «храброму из храбрых».

---

[228] Утверждение совершенно сомнительно, т.к. нагорные аварцы (которых чаще всего и называли «сюли», что скорее является древним этнонимом забытым в самом Дагестане) приняли ислам ранее чеченцев на 1-2 века, а горцы-мусульмане не подлежали захвату и удержанию в рабстве. Более того, пленные русские и христиане вообще, практически немедленно освобождались в Чечне от какой-либо зависимости если принимали ислам.

В указанное время, в 40-50-е гг. XIX в., горцы Нагорного Дагестана в основном аварцы и, Чечня (чеченцы, от Аксай-Акташа до левобережья Ассы), входили в единое военно-теократическое государство – Имамат Шамиля.

Эти медали, или знаки, они чеканят и из своего серебра, добываемого в самых горах преступниками. Такие места, называемые у них Сибирью, скрываются и от своих, чтобы не было дано знать об них русским.Получив приказание от наиба, мюрад передает его своим десятникам, из которых каждый, с крыши своего дома, повещает свой десяток: когда и куда сбираться в набег, на сколько дней; или: прорыть канаву, или очистить ее, для пропуска воды; починить мост, или не рубить лес, как единственную защиту, и прочее.

Во многих местах чудесно устроены водопроводы для оплодотворения земли, и труды вознаграждаются избытком хлеба.

За вырубку леса налагается на первый раз пеня 30 или 40 копеек; в другой раз виновный заключается в яму.

Содержание мастеровым и караульным производится из суммы, сбираемой с виновных, или из пожертвований. Имение умершего безродного поступает тоже в этот запас.

При отправлении в дальний набег лошадь каждого осматривается, и если не может выдержать большого пути, оставляется со своим всадником дома. Потому всякий старается иметь свою, или берет напрокат, за что не платит ничего и тогда, если возвращается с добычей, как например с скотом, как главным промыслом.

На этом фланге, по неудобству места, лошадей очень мало, и они не так красивы, как черкесские, где много лугов и не редкий имеет табун.

Скот они перегоняют искусно вплавь, привязывая себе на спину надутые кожаные мешки. Набеги делают в свободное от занятий домашних время, весной и по уборке хлеба осенью. Тогда в самом Тереке делаются броды. Вообще все ручейки, не только реки, разливаются весной, от таяния горного снегу.

Без позволения наиба, не имея от него записки, никто не смел отлучиться к мирным; пешие кое-как прокрадываются, но редко удается конному. На посту его пропустят сначала, но на возвратном пути отбирают у него и лошадь и оружие. Нередко бывает, что многие ездят без позволения, в необходимых случаях, когда угоняют скотину. Тогда не мешкая, следят похитителя по разным приметам: по измятой траве или бурьяну, в лесу по сломанным сучьям; отобранное на посту возвращается по записке наиба.

Цидулы эти пишутся больше слогом арабским — ученым, понятным не всякому, и скрепляются именною печатью наиба.

Простолюдины хотя не знают арабского языка, но необходимые молитвы понимают, по переводу на свой язык. Даже некоторые выражения из Корана богобоязненный горец должен понимать. Мулла необходимо должен знать арабский язык чтоб толковать Коран. Ученые муллы большею частью из сюлинцев; они-то и обучают мальчиков грамоте, школ же особенных нет.

До Шамиля не было этих наибов; в аулах были старшины и не имели большой власти; воровство было повсеместно. Часто один другого обирал всего, даже брал в плен и одноаульца, и продавал его в дальний аул.

И теперь еще, редко кто отойдет от своей сакли на несколько шагов без оружия. Чем кто больше имеет его, тот, значит, лучше умеет владеть им — вполне воин. Неимеющий оружия называется бабой: сте-сенна. Женщины не носят его, но в Гильдагане, где я жил, была одна, постоянно носившая мужское платье; она даже исполняла мужские работы — пашню и покос. Случается, что вооружаются и оне: это при нападении наших на аулы.

Гостеприимство считается у них первым долгом, — и отказать в чем-либо просящему грешно и стыдно; но лицемерие, вероломство и сребролюбие — отличительные их черты. Гости со двора — начинают их судить и рядить. Чтоб не подать подозрений о склонности к воровству, как они выражаются сами, лично они ласковы. На слова их положиться нельзя. Он вас любит как брата, но шапка серебра — вы всё-таки гяур — и он отдаст вас в адские руки. Как прежде они делили с вами вашу тоску, сам плакал, смотря на вас, считал вас выше себя, целовал даже ваши руки, — так после засмеется на ваши слезы и захохочет как над ребенком, при вашем грустном взгляде при прощании с ним. Серебро тогда изменяет в нем все. Как красив он и строен, так точно и гнусен порой. Склонность ко всему прекрасному и скорый переход ко всему дурному — поразительны.

Добрая нравственность поддерживается или прежним преданием старины, когда еще их понятия были девственны, или строгостью законов. Преступление наказывается или смертною казнью, или заточением в яму.

Это их тюрьма, где отверстие сверху. Туда заключают всех воров, если их отыскивают. Похитить что-либо тайно, или, как говорят, уметь схоронить концы, еще и теперь считается удальством; но открытый преступник наказывается жестоко. Укравший уходит в другое владение и живет там или у своих родственников или знакомых. У воров для того знакомых много в разных аулах. Пройдет время иска, вор возвращается благополучно; иск ограничивается тогда взятием чего-нибудь из дому укравшего.

В ту же яму сажают и ослушников, кто не пойдет в караул, или в набег, или в работу для начальника, и держат там три или четыре дня. Туда же сажают и тех, кто не был в мечети в праздничный или недельный день, пятницу, «пересман», если не хочет дать что-нибудь из своих пожитков: мюрад приходит в дом его и берет одну или две меры, смотря по вине, кукурузы, или пшеницы, или проса, или берет серп, «марс», или «цэль» (скребок для чищения кукурузы), вилы или

косу, «мангыль». Также старшего из семейства или из близких родственников бежавшего к русским. Сакля бежавшего сжигается, а его брат, или отец, или сын, заключается на несколько дней, пока не передаст о себе бежавшему. Но возвращаются редко — и невиновный через некоторое время освобождается.

Многоженство, как по закону Магомета, позволительно; но редко кто имеет двух жен.

Вся домашняя ответственность лежит на женщине, как на рабе, и потому, чтоб не ослабить хозяйства и предупредить разврат, Шамиль хочет, чтобы не было ни вдов молодых, ни дев пожилых — монахинь. Девушке определено одиночествовать до пятнадцати, мальчику до семнадцати лет. Пять или шесть мюрадов, от наиба, ходят по аулам своего владения и ищут таких. Находят жениха, найдут ему и невесту, и, если кто из них не согласен, того в яму; противника продержат до смерти. При согласии, мюрады и домашние сговоренных начинают стрелять, чем подают сигнал к свадьбе. После делают приготовления к торжеству: богатый жених закалывает корову или быка и несколько овец; бедный — одного, много двух баранов. Невесте шьется рубашка, готовится платок или два. Дней через пять или через неделю, старшие, мужчины и женщины, приводят невесту в дом жениха, и тогда молодежь начинает веселиться. Во все стороны сыплются пули из ружей и пистолетов, и чем более останется знаков на стенах, тем, значит, более приверженцев у молодого и тем краше его невеста. Повеселясь начинают угощаться: в мирных аулах варят брагу (по-чеченски «нэхэ», по-кумыкски «буза»); у немирных ничего этого нет, кроме одного съестного.

Прежде жених платил за невесту более десяти тюменей, что составляет сто целковых, разумеется, не все деньгами, а скотом и пожитками; нынче Шамиль ограничил и самых красавиц только тремя тюменями. В бедных местах, особливо близких к нашим, в разоренной Чечне, жених отдает отцу или матери невесты только три рубля серебром, остальное обещает уплатить впоследствии. Обещает иметь всегда на имя жены или лошадь, или пару волов и корову, или несколько мелкого скота, и если захочет продать что из этого или обменять, то без согласия жены не может; грех общий, если скотина эта падет, или будет украдена.

Если, жена не хочет жить с мужем, то лишается всего имения; разве муж даст ей для ее прокормления дочь, сына же только до его возраста; если же муж сгоняет жену, то отдаст ей все принадлежащее; иногда мир присудит дать ей сына, если есть, разумеется.

Вообще женский пол не так красив, как мужчины. Напрасно многие прельщаются красотой этих дикарок: очаровательного я не нашел в этих куклах. Правда, они красивы как картинки, но дикий взгляд, бездушие в чертах, с одной чувственностью и коварство в улыбке — не могут назваться идеалом. Нет того взгляду как в лице скромной европеянки, хотя не красавицы. Рожденные от рабынь, как весь женский пол по закону Магомета — рабыни, лишенные прав, дарованных мужчине, как бы посредницы исполнений всех прихотей мужа, несчастные ищут уловки подышать свободой, стараясь угодить чем-либо своим властителям, — и вот с детства закрадывается в них лисья хитрость. Никогда муж не подарит свою жену веселой улыбкой; редкий разделяет с ней трапезу; как раба, она покорна его взгляду, и как виноватая, во всяком взгляде его ищет себе приказания и ловит его малейшее движение. Никогда он не разделит с ней радости, и если рассказывает ей о своем наездничестве, удальстве и удаче, то не для того, чтоб удвоить свою радость, но, чтобы более породить в ней к себе покорности. Этим фанатикам каждая нежность считается неприличною, и любовь к детям свойственна только матери. Никогда он не возьмет полелеять своего ребенка, никогда не полюбуется на него. Нет помощи от него и больной жене: это дело женское. Конь, ружье и шашка — вот его тоска душевная; пашня, посев и покос — забота житейская. Спросите его, каков его малютка, хорош ли, на кого похож, или здоров ли, — не узнаете ничего: он сошлется на мать.

Первый вопрос пленному они делают: «Есть ли мать?» О братьях и сестрах спросят редко, об отце еще реже. Если мать есть, то говорят, что не будет жить.

Такая рабская жизнь кладет на лицо их и отпечатки рабские. Никогда вы не увидите на нем сердечной тоски; если какая взглянет на вас мило, то это — взгляд только природы, или мимолетное чувство, намек на совершенство. Любовь ее вероломна, слова — огонь. Подойдете — не останется в вас праху; покоритесь — она адски засмеется над вами. Нет в жизни ничего отвратительнее как лицо старухи горянки.

Эти-то качества женщин поселяют к себе отвращение в мужчинах, которые, не расширяя своего ума далее пределов обыкновенных, представляют себе женщин созданными рабынями.

Если бы с молодых лет в этого прекрасного ребенка гор, где восприимчивость как бы трепещет, вдыхать всю жизнь европейца, то это точно был бы идеал совершенства.

Поучительным примером может служить безусловное почтение горца к старшим. Разительно чтут они память умерших. Хоронят так: в могиле сбоку делается углубление, куда и кладется покойник; наискось

заставляется досками, и потом уже могилу засыпают. Мертвеца обвертывают в халат, концы которого завязываются на голове и ногах; когда опускают в могилу, держат над ней одеяло и под ним снимают этот холст духовные люди. По зарытии, мулла берет с могилы горсть земли и садится с нею читать молитвы из Корана; по жалобном прочтении, рассыпает эту горсть по всей могиле. Ему подают кувшин с водой и лоскуток холста вместо полотенца: омыв и оттерев руки, он берет холст себе. После того на кладбище начинается тризна. Если в это время кто проходит мимо, то или зазовут его, или же непременно вынесут ему порцию. К этому времен они пекут блины, делают беники[229]и сладкое тесто из кукурузной муки, перемешанной с маслом и медом и обжаренной на огне; мясо — необходимая принадлежность, все это режется на куски, хлебное треугольниками, и раздается посетителям смертного места.

На могилах ставят памятники или деревянные, с шаром наверху, на подобие человека, или каменные. На последних вырезывается вся принадлежность: женские ножницы, очки, иглы и тому подобное; мужчине — все его одеяние и оружие, а богомольцу — кувшинчик и подстилку, на которую становятся во время молитвы, и четки. Над убитым против неприятеля становится длинное, конически обделанное бревно, с разноцветным наверху полотном, подобным байраму.

Когда идут на работу, заходят на кладбище поклониться праху родственника; с работы же, если с покосу, кладут клочок травы; а по уборке хлеба, или при посеве, сыплют на могилы зерна. Накануне пятницы или недельного дня, они пекут блины, или делают сладкое тесто, или варят кукурузу и разносят это частями по родным и знакомым, прося помянуть покойного. Также в положенное время поминок закалывается корова или бык и разделяется между всеми, хотя и незнакомыми, если селение невелико...

Текст воспроизведен по изданию: Беляев С. Дневник русского солдата, бывшего десять месяцев в плену у чеченцев [Статья первая] // Библиотека для чтения. Том 88. Отд. III. СПб.: Б.и., 1848. С. 71-79.

***

[Ф.Х. ДЕ-САЖЕ].
ПОКОРЕНИЕ ГАЛАШЕК (1849)

Де-Саже Федор Христофорович, возможно являлся выходцем из обрусевшей французской семьи; в офицерском чине с 1831 г., капитан

[229] В русском языке XIX в. род пельменей или вареников.

артиллерии на момент карательного похода на общество Галашки в ноябре-декабре 1849 г. В последнее время его службы на Кавказе с 1856 по 1859 г. командовал лейб-гренадерским Эриванским полком. В отставку вышел генерал-майором артиллерии.

Его записки о покорении Галашевского общества Малой Чечни, на то время западного форпоста Имамата Шамиля[230], составлены в ура-патриотическом стиле, тем не менее материал позволяет извлечь немало объективного материала для понимания истории бассейна Ассы и горестных народных судеб середины XIX в.

Вероятно, его записки были подготовлены к печати неким сотрудником «Военного сборника» оставившим свои инициалы «П.К.» В наше время материал был представлен в интернете порталом vostlit.info**.**

ПОКОРЕНИЕ ГАЛАШЕК

Из истории кавказской войны[231].

Галашевское общество прикасалось к восточным пределам бывшего Владикавказского военного округа, но еще в конце сороковых годов не было исследовано, и наше военное начальство имело о нем смутное представление. Одни глазомерные съемки не могли дать точных карт края, а сведения о его народонаселении, несмотря на близкое соседство, сводились к тому, что галашевцы — народ бедный, но воинственный. Власть русскую галашевцы не признавали, движения генерал-адъютанта Граббе в 1841 г. по Галашевскому хребту последствий не имели, и соседние сношения с ними выражались лишь в том, что, терпя от недостатка соли, они, для покупки её, являлись, иногда, на Владикавказском базаре, предлагая к продаже мед, масло, яйца, кур и, особенно, дрова. Но и эти сношения прекратились в 1842 г., когда Шамиль, пытаясь отложить назреновские[232] народы, успел привлечь галашевцев на свою сторону. С тех пор начались их враждебные против нас действия. До 1849 г. владикавказским комендантом полковником Нестеровым было сделано несколько попыток их смирить, но эти попытки ограничивались удачными набегами со стороны Владикавказа и Ассинского ущелья. Нестеров считал почти невозможным упрочить нашу власть в этой неприступной стране.

Между тем, в мере нашей нерешительности, утверждалась среди галашевцев уверенность в их собственной силе. Они стали скрывать у себя абреков мирных

[230]Покорение Галашек. Из истории Кавказской войны // Военный сборник, № 2. СПб.: Б/и., СПб.: Тип. Гл. департамента Уделов,1902. С.47-54.

[231]Здесь приведено примечание: «По запискам участника, артиллерийского капитана Де-Саже» из которого мы узнаем имя автора текста.

[232]Видимо ингуши-назрановцы.

карабулаков, ингушей и кабардинцев. Имея сношения с родственниками в назрановских аулах, они почти безнаказанно стали появляться на дороге между Владикавказом, Назраном и Сунженскими станицами и даже на Военно-грузинской дороге, предаваясь с успехом хищничеству. Часто, ночью, раздавались их выстрелы в форштатах Владикавказа. Шамиль их поддерживал, усиливая партии их присылкой чеченцев. В первые годы основания Троицкой и Сунженской станиц, т. е. в 1845—1847 гг., они старались тревожить казаков на покосах и подстерегали косарей, возвращавшихся ночью домой. Но, с другой стороны, успехи нашего оружия в Малой Чечне и бдительность сунженских казаков приводили их к сознанию, что войною они выгод не приобретут и что покорность, приведя их к мирным с нами сношениям, даст скорее возможность упрочить их благосостояние. При таких условиях, фанатическая пропаганда мюридизма, не могла, при всех стараниях шамилевых эмиссаров, пустить корни в этом народе, привыкшем издревле к своеволию дикой свободы. Диктатура наибов Шамиля не могла им нравиться, также, как и дань, которую они вынуждены были платить в казну имама. Особенно на них подействовало предложение Шамиля выдавать дочерей замуж в горные общества без калыма. Этой новой политике они воспротивились всею силою старого обычая. Недовольные своим наибом Магомет-Анзоровым они более страшились Шамиля, нежели покорялись ему по религиозному убеждению.

В таком виде представлялось положение дел в Галашках когда, по назначению главнокомандующего, отряд, под командою генерал-майора Ильинского, вступил в край.

В состав этого отряда вошли два батальона и три роты Тенгинского пехотного полка, три батальона и одна рота Навагинского и одна рота 3-го резервного саперного батальона; две сотни Владикавказского линейного казачьего полка, две сотни Сунженского полка, две пеших и две конных сотни милиций осетинской, назрановской и карабулакской; два орудия легкой № 4 батареи 20-й артиллерийской бригады, два орудия подвижной гарниз. № 8 роты и четыре орудия горной № 3 батареи 19-й артиллерийской бригады. Всего 6 1/4 батальонов пехоты, 6 сотен кавалерии и 8 орудий.

18-го ноября 1849 г. отряд начал сосредоточиваться: пехота и артиллерия на Сунженской линии, кавалерия — в укреплении Назрань, милиция на р. Конгу. 20-го ноября, в день празднованиявосшествия на престол императора Николая Павловича в местах расположения войск был отслужен молебен. Часть отряда из 3 1/2 батальонов пехоты, 3-х орудий и сотни сунженских казаков выступила, под личным начальством генерала Ильинского, через укрепление Нестеровское. К вечеру колонна прибыла на ночлег на р. Алхазку. Ильинский имел в виду сделать наступательное движение в ущелье р. Пфутана (Футана) с двух сторон, а потому

оставил на Сунженской линии батальоны Тенгинского полка. Переночевав на Алхазке, колонна с рассветом двинулась по дороге, обходящей Шебатухинский лес. Рота сапер и команда от пехоты разработали дорогу и подъем на хребет Матхалды. В 4 час. пополудни колонна заняла лагерь на р. Алгуз-Али. Неприятель, показавшийся на лесистом правом берегу Алгуз-Али, был сбит сунженцами и берег этот был занят пешими милиционерами, после чего был разработан спуск к воде и устроено сообщение с правым берегом. Все тяжести были отправлены на Сунженскую линию и 22-го ноября сделаны все распоряжения для движения внутрь Галашек. На другой день, оставив для прикрытия лагеря две роты, три легких орудия и сотню пешей милиции, генерал-майор Ильинский с частью остальных войск, выступил в 2 часа ночи, спустился чрез Алгуз-Али и, пройдя Ассу, направился на хребет, в аул Берешки. Все аулы, лежавшие на пути, обращены были в пепел. В это же время, полковник Слепцов, сосредоточив другую колонну в ст. Ассинской, направил ее через Бумутское ущелье на Чурчи-Аршты. Пройдя с 2 ½ бат. пехоты, бывшей под командою полковника Веревкина, 6 ½ сотнями казаков и двумя орудиями по глухим лесам и неимоверно трудной местности, он, утром 23-го ноября, напал на аул Аршты и сжег его, захватив часть имущества. Соседние аулы были истреблены вслед затем пехотою Веревкина. Уничтожая всё на пути, отряд двинулся тогда, по центру Галашек, навстречу генералу Ильинскому. При этом отряд Слепцова сделал изумительное движение: более 60-ти верст в сутки, в непрерывном бою, по неприступной местности. Население, ошеломленное внезапностью натиска, в панике бежало в леса, бросая скот и имущество. К вечеру того же 23-го ноября обе колонны, близ деревни Берешки, соединились и ночью возвратились в лагерь на Алгуз-Али. Потери наши были ничтожны. Впечатление экспедиции на население поразительное: одним ударом была уничтожена вся цепь аулов Чурчи-Аршты и все хутора по берегам р. Пфутана разнесены по щепам.

Следствием этих смелых движений от Бумута и Алгуз-Али на Пфутан было то, что многие из жителей просили пощады, а некоторые предлагали свою безусловную покорность, но партия Шамиля не допустила замирения Галашевского общества и до сложения ими оружия было еще далеко. Чтобы закрепить успех первых действий, генерал Ильинский должен был сделать еще несколько поисков в упорствовавших аулах, обеспечив отряд фуражным довольствием. Таким образом, 27-го ноября, колонна из трех батальонов пехоты, одной роты сапер, четырех орудий ракетной команды, двух сотен Владикавказского полка и двух сотен милиции, под командою полковника барона Вревского, двинулась вверх по левой стороне р. Ассы, чтобы сжечь там аул и запасы. Жители этих аулов, с приближением отряда, изъявили покорность и выдали барону Вревскому аманатов. Поэтому и их жилища, и имущество

оставлены нетронутыми и действия отряда в эту сторону прекратились. На правом берегу было менее благополучно. Колонна, под командою полковника Преображенского, встретила сопротивление. Пришлось уничтожить аулы Темуркой и Гот-Юрт, но без потерь: из строя выбыл всего один казак раненым.

2-го декабря, колонна, под начальством барона Вревского, направилась по правому же берегу Ассы, чтобы сжечь аулы Верхний и Нижний Мархи и Хаджи-Бери, лежавшие на правой стороне Пфутана, что и было исполнено с потерею ранеными одного обер-офицера и трех казаков. Эти последовательные движения и появление летучего отряда полковника Слепцова перед аулом Бумутом потрясли упорство горцев. Явились депутаты от нескольких селений и изъявили покорность государю Императору, представив четырех аманатов; вместе с тем, они просили защиты от будущих вторжений Шамиля. Не покорившимся еще аулам был дан срок одуматься, и объявлено, что, по истечении этого срока, они будут истреблены до основания. Отряд воспользовался этим временем, чтобы проложить просеки для прямого сообщения от Алгуз-Али на укрепление Нестеровское, для чего ежедневно высылалось на работы от 1,000 до 1,200 человек. Дорога эта должна была привести войска в несколько часов с Сунженской линии в центр Галашек. Работа требовала чрезвычайного напряжения приходилось рубить густой лес из векового чинара и дуба и прокладывать дорогу над крутыми обрывами.

Между тем, данный горцам на размышление срок истек и так как жители непокорных аулов с повинною не явились, то, 4-го декабря, пехота, под командою полковника Преображенского, была послана к разрушенному аулу Темуркой для истребления запасов сена. Неприятель, показавшийся на хребте Сармис-Бекки-Дух, был прогнан за овраг Пфутан, причем с нашей стороны оказались ранеными 1 рядовой и 1 милиционер и контужено 3 рядовых.

6-го декабря, в день тезоименитства государя Императора, войска слушали молебствие, во время которого явились с покорностью и аманатами жители аула Ларгебеки. С этого дня, казалось, мирные отношения к нам галашевцев установились: они опять появились со своими продуктами на наших базарах, а наши вьюки и обозы стали беспрепятственно совершать движение по новой дороге. Но это мирное положение длилось не долго. В то время как влияние нашего оружия все более и более склоняло к покорности благоразумную часть наделения, Шамиль не оставался спокойными зрителем наших успехов. Его эмиссары не переставали возбуждать фанатизм горячих голов и распространять слухи о скором появлении, на выручку Галашек, его сильных скопищ. Последствием этой пропаганды была посылка к Шамилю депутатов от противной нам партии, с просьбой о скорейшей помощи. Шамиль, только и ожидавший призыва, как свидетельства благоприятного для него настроения населения,

приказали нескольким наибами вторгнуться в Галашки и не только прикрыть аулы, оставшиеся ему верными, но и остановить соединенными усилиями дальнейшее победоносное шествие наших войск.

Сведения об этом движении были получаемые полковником Слепцовым с достоверною точностью и его летучий отряд на Сунженской линии зорко сторожил вторжение неприятеля из Малой нагорной Чечни в пределы Галашек, но осторожные наибы прокрались горами и предупредить их появление не удалось. Приходилось выбивать. 12-го декабря Слепцов, со всею кавалерией, двинулся ночью от Ассинской станицы на соединение с отрядами генерала Ильинского. Тем временем, наибы Акинского и Шатоевского обществ заняли аул Алкун и, приблизившись к аулу Цаки-Юрт (мирному), требовали от него аманатов, грозя в противном случае разорением. Видя опасность, угрожавшуюаулам, уже замиренным, Ильинский поручил Слепцову рассеять неприятеля. С этою целью, под начальством Слепцова образован был отряд из трех батальонов пехоты, семи сотен кавалерии, двух горных орудий и пешей ракетной команды. 13-го декабря, в 4 часа утра, колонна выступила из лагеря и еще на рассвете пришла к аулу Цаки-Юрт. Неприятель в эту же ночь стянулся на позицию выше аула на правом берегу Ассы.

Слепцов приказал полковнику Веревкину занять скрытно глубокую балку в расстоянии 1 1/2 верст от Цаки-Юрта; сам же с кавалерией, в числе которой находились четыре сотни Сунженских казаков, и с ракетной командой подошел к аулу. Неприятель, не видя пехоты и артиллерии, смело ожидал атаки нашей малочисленной кавалерии с фронта. Слепцов быстро сообразил план действий. Верность победы лежала в ударе с фланга. Немедленно спустился он в русло р. Ассы, под батальным огнем, который, с высоты, был безвреден для войск внизу; прошел с передовыми сотнями мимо неприятельского фронта, обогнул его и ударил во фланг изумленным горцам. Движение это было так смело рассчитано и так удачно исполнено, что неприятель поспешно бросился на соединение со своим резервом, уходя по хребту. Сунженцы и часть осетинской милиции, несмотря на чрезвычайно трудный подъем и обрыв, безостановочно стягивались на хребет; едва две лишь сотни успели соединиться, как Слепцов повел своих отважных наездников в новую атаку, сбил горцев и стремительно стал преследовать их по узким, обрывистым тронам вверх по хребту. В то же время остальные сотни быстро поспевали на победный крик своих передовых товарищей. Наибы, усиливаясь остановить бегство своих всадников» успели воспользоваться крепкою позицией близ аула Корсай-юрт, между двумя лесистыми хребтами; ободрили людей и выстроили их, воткнув перед фронтом восемь значков. Казалось, неприятель понял всю опасность беспорядочного бегства по неимоверно трудной местности, под шашками бесстрашных

сунженцев и твердо решил выдержать натиск. Но решимость эта продолжалась не долго. После первых залпов неприятельских, сверкнули сунженские клинки и под их смертельными ударами разорвались ряды горцев, бросившихся в панике в бегство. Проследование обратилось в истребление. Горцы бросят и коней, и оружие, прося пощады или, думая спастись, кидались в кручи. На пространстве 6-ти верст продолжалось это преследование и только совершенноизнеможение лошадей остановило его, в виду аула Датиха. Два значка более 400 винтовок, 300 лошадей, 30 пленных и до 300 изрубленных тел остались в наших руках. Делом этим Сунженский казачий полк покрыл себя славой и новопокоренные галашевцы преклонились перед его силой и отвагой. Сотня № 19-го Донского полка и Осетинская милиция, в благородном соревновании с сунженцами, в свою очередь, принесли свою дань победе. Потери наши заключались всего в трех раненых. Это достаточно говорит о впечатлении, произведенном на горцев нашею кавалерией.

Между тем, полковник Веревкин, услышав первые выстрелы, поспешно тронулся вслед за кавалерией, достиг главного перевала от Арсан-юрта к Датыху, но встретил полковника Слепцова с конницею уже на обратном пути, близ аула Карчай-юрт. Пропустив кавалерию, Веревкин начал обратное движение. При спуске у Арсан-юрта толпа непокорных галашевцев, засевших в лесистых кручах, завязала перестрелку, но была выбита повсюду и прогнана, причем от неприятеля отбит один аманат, взятый им накануне из мирного аула Мушич.

В этот же день, наиб Малой Чечни Шуаип-Гази и галашевский — Магомет Анзоров, с партией чеченцев намеревались соединиться с главным скопищем, но, узнав о его поражении, отступили в Самолгучь.

После всех этих ударов, не только племена карабулаков и галашевцев, но и все соседнее нагорное население отправили к генералу Ильинскому депутатов с изъявлением верности нашему Государю. Сообщение между Сунженской линией и Галашками, через Ассинское ущелье, окончательно устроено, дальнейшие действия прекращены и 18-го декабря войска распущены на квартиры. Генерал Ильинский возложил на полковника Слепцова устройство управления для вновь покоренных обществу, а у главнокомандующего просил разрешения прислать в Тифлис от них почетных старшин. Люди эти явились к Слепцову с изъявлением безусловной покорности, но при этом представили ходатайства: 1) о прощении абреков, которые нашли у них приют; 2) о сохранении за покоренными обществами владения землями, им принадлежавшими, и 3) о защите их, в случае нападения на них партий Шамиля; со своей стороны, генерал Ильинский, по сообщении ему этих ходатайству потребовал от старшин немедленного изгнания из аулов абреков и выдачи от всех аулов аманатов.Условия эти были приняты, аманаты доставлены, и в Тифлис отправлены старшины: от карабулаков —

Керим Фергиев, Чадо Чаплаев, Димбрали Велхиев; от галашевцев — Ходашук Цагиев, Мутан Цакалов, Ахрут Исламов.

Мир был установлен, но попытки взбунтовать край против русской власти возобновлялись несколько раз. В 1850 г., когда скопища Шамиля усиливались дать отпор нашим войскам, занятым вырубкой просек от крепости Воздвиженской до Шалинской поляны, Хаджи-Мурат, 22-го января, воспользовался болезнью полковника Слепцова и с партией в несколько сот конных прорвался через Бумутское ущелье в Галашки, разграбил несколько покорных нам аулов и взял аманатов, которых, впрочем, Шамиль возвратил, видя невозможность удержать край за собою. После того бывали еще набеги, не имевшие, однако, серьезных последствий, но окончательное замирение Галашевского общества состоялось лишь с пленением Шамиля.

П. К.

Приложение... (Относится к описанию личных заслуг полковника Н.П. Слепцова в данном «покорении», что опущено нами. – Сост.)

Текст воспроизведен по изданию: Покорение Галашек. Из истории Кавказской войны // Военный сборник, № 2. СПб.: Б/и. Тип. Гл. департамента уделов,1902. С.47-54.

***

И. ИВАНОВ.
ЧЕЧНЯ (1851)

Автор, обозначивший себя как Иван Иванов и закончивший написание данного очерка в г. Ставрополе 2 сентября 1851 г. остается для нас фигурой во всех отношениях неизвестной. Возможно, это псевдоним, так современный исследователь Т.А. Колосовская отмечает, что данное произведение представляет собой почти дословное извлечение из записки о Чечне и чеченцах подготовленной группой офицеров по заданию генерала Р.К. Фрейтага (основной автор - офицер Генерального штаба князь В.И. Голенищев-Кутузов)[233].

Правда вместо конкретики составители служебной записки увлеклись более общим «духом» истории складывания чеченского народа и его общественных институтов включая обычное право. Все высказанное ими по Чечне носило

[233] Колосовская Т.А. Чечня в описаниях российских офицеров-исследователей 1830–1850-х гг. // Вестник Академии наук Чеченской республики. 2018. № 5 (42). С.62.

зачастую умозрительный характер, разительно расходящийся с реальной историей на уровне знаний того же XIX в.

Вместе с тем, данный нарратив опубликованный в октябре 1851 г. в журнале «Москвитянин» под фамилией Иванов (одновременно часть его вышла в декабре того же года в газете «Кавказ»)[234] имеет еще и историографический интерес – отчетливое влияние приведенных в источнике априорных, наивно-исторических и обще-этнографических представлений о Чечне и чеченцах наблюдается в работе чеченского автора Умалата Лаудаева опубликованной в 1872 г. (вплоть до использования этнотермина «чеченское племя»)[235].

Материал И.Иванова был приведен в наше время в портале интернета. Наша публикация сверена с первоисточником и приводится в сокращении.

* * *

ИВАНОВ И. ЧЕЧНЯ *

(*Статья эта составлена мною из верных сведений, сообщенных мне К. Ф-н. – Так в тексте)

Если есть в мире страна, которая может в настоящее время похвалиться разнородностью племен, разъединенных между собою нравами, обычаями, языком и т. п., то это, без всякого сомнения, один только Кавказ. Но край этот, приобретший себе громкую известность еще в самые отдаленные времена древности и постоянно обращавший на себя внимание любознательные людей, старавшихся изучить его разнообразие, остается мало исследованным, а в некоторых местах почти совершенно неизвестным, особенно в тех, где обитают беспокойные горские племена, между которыми племя чеченское, по своему фанатизму и беспредельному своеволию, играет важную роль. Это племя, славившееся издавна своими набегами и разбоями и щеголяющее теперь удальством, скрывается в неприступных местах, защищенных самою природою. Земли, которые оно населяло назад тому несколько лет и в настоящее время, известны под именем Чечни.

Пределами Чечни, взятой вместе с принадлежащими к ней обществами, служат: на Севере река Терек от Липовского поста вниз по течению до впадения в него Сунжи и немного далее к Амир-Аджи-юртовскому укреплению; на востоке владения кумыков, до крепости Внезапной, потом река Акташа или Камбулат, отделяющая ее от лезгинского племени Салатау; на кряж Дагестанских гор,

[234] Иванов И. Чечня // Москвитянин, учебно-литературный журнал на 1851 год. Ч.V. №19 и 20. Октябрь. С.172-200; Б/а. Чечня // Кавказ. №№95, 96, 97, декабрь 1851.
[235] Лаудаев У. Чеченское племя // Сборник сведений о кавказских горцах. Вып. VI. - Владикавказ, 1872. С.1-62.

известных под названиями Нахчилам, Тансутадаг и другими, разъединяющими Чечню от лезгинских обществ Гумбет, Анди, Чарбили, Чамалал и Анкратль — и земля хевсуров; на западе земли ннгушских племен Цори, Галгай, Галаш и Карабулак,[236] — естественного же предела между Чечнею в этими последними двумя племенами не определено: одни считают границею реку Ассу, а другие Фортангу, — далее река Сунжа от аула Самишки до Плиева, а от сего последнего идет почти прямая линия до Липовского поста[237].

Чечня, заключенная в этих пределах, усеянная почти совершенно вся, кроме только северной своей части, высокими горами, покрытыми густым, вековым лесом, взрытая пропастями и оврагами, представляет глазам наблюдателя величественную картину, — дикую местность, особенно, как говорить, в южной стороне, близ гор Сулой-Лама, Нахчи-лама и Тансута-Дага, замечательных по своей возвышенности в неприступности…[238]

Чечня с принадлежащими к ней обществами Ахо, Пшехой, Кисты, Шаро, Шатой, Дженибутр, Шабузы, Ичкери, Аух, Мичик и Качколы разделяется в настоящее время на две части: на Большую и Малую Чечню, пределом между которыми служат р. Гонта (Гойта.- Сост.) и Сунжа от деревни Бутун-юрт (Буган-Юрт, также Алда. – Сост.) до своего впадения в Терек. Племена и общества, живущие в Большой и Малой Чечне, кроме того, подразделяются еще между собою на несколько других мелких обществ, нередко враждебных одно другому. Сверх того, чеченские племена в отношении к русским носят следующая названия: мирных, непокорных, горных, и живущих на плоскости.

Чеченцы, поселенные на Тереке, живя вблизи русских, начинают привыкать к гражданственности и составляют образованнейшую часть всей Чечни. Они управляются своими князьями, волю которых во всем и всегда готовы исполнять. Они содержат теперь кордоны на правом берегу Терека и безусловно отдают требуемые от них повинности; с единоплеменниками своими нередко вступают в бой, особенно когда пожелают следовать за русскими войсками; вообще они отвыкли почти от удальства и готовы совершенно развить мирную, общественную

[236]Относительно «Галаш и Карабулак» самоочевидная ошибка – это западночеченские общества в границах Малой Чечни и подконтрольные на то время Имамату. Впрочем и сам автор здесь же признается, что описанные им западные границы Чечни неточны. – Здесь и далее, примечания под цифрами принадлежат составителю.

[237] Уже во второй половине XVIII – начале XIX в., административно-политические границы Чечни на западе доказательно проходят по правому берегу небольшой речки Курп (приток Терека, затем поднимаются к югу по истокам Сунжи на Владикавказской (Камбилеевской) долине до подошвы Лесных гор; следуя далее по левому берегу р. Ассы до границы высокогорного общества Галгай. – См.: История Чечни в 4-х т. Т.2: История Чечни. XVI-XVIII вв./Отв. ред. Я.З. Ахмадов. – Грозный: АО» Изд.-полигр. комплекс «Грозненский рабочий», 2016. С. 31, 118, 165-169.

[238] Мы опускаем данные о географии и гидрографии Чечни, которые более полно освещенные в работе К. Самойлова в настоящем сборнике.

жизньв своих деревнях, если бы не опасались набегов со стороны враждебных им племен.

Другой род мирных чеченцев заселяет плоскости по обеим сторонам реки Сунжи и многих других речек, текущих с гор и впадающих в Сунжу или в Терек. Чеченцы эти состоят из племен Качкалых, Аух, частию Карабулак и собствено Чеченцев. Из деревень их более известны Аласхан-юрт, Уман-юрт, Шавдон, Аласхан, Наиб-верды, Кошкельды, Бахтой вблизи укрепления Герзель-аула, Тирасу, Карасу, Мискит, Алты-мурза-юрт, Ярыксу-аух, Акташ-аух, Кишен-аух, Юрт-аух и другие. Жители этих деревень, хотя также разделены в управлении между княжескими их родами, но слабо повинуются правительству, потому что живут вблизи своих непокорных соотечественников; при малейшем удобном случае всегда стараются помогать в грабежах своим мятежным товарищам и очень часто занимаются разбоями и сами.

Из непокорных чеченских племен, живущих большею частию в местах гористых, покрытых дремучим лесом, между скалами и глубокими оврагами, и отличающихся от прочих обществ своею ненавистию, жестокостию, грабежами, разбоями и убийствами, славятся более Мичик (мичиковцы или мичигизы) и Ичкери; остальные же роды Шаро, Кисты, Пшехой, Ахо, вообще, судя по рассказам, начинают против прежних лет ослабевать в своем безумном геройстве.

Все эти общества, имея один язык, не различествуя в характерах, господствующих наклонностях, нравах, обычаях, законах и вере, без сомнения должны принадлежать к одному племени, известному под именем чеченцев, на которых мы преимущественно обратим теперь свое внимание, и посмотрим, как они рассказывают о своем происхождении, о состоянии у них общества до появления Шамиля, о адатном суде и проч., и наконец о новом управлении и преобразованиях, сделанных Шамилем, в Чечне и о том, к чему именно клонятся фантастические замыслы этого человека, — предводителя разбойнических шаек.

По рассказам чеченцев, богатая плоскость, простирающаяся от северного склона Дагестанских гор до Сунжи, представляла прежде вид дремучего и непроходимого леса, в котором рыскали одни только дикие звери, не встречая нигде человеческого следа. На эту-то самую плоскость, назад тому не более двух столетий, спустилось с гор Ичкерии несколько горских семей из племени Нашхой[239], стесненных на своих прежних местахжительства, и следуя по течению вод, поселились в теперешней Чечне на плодородных полянах, выходящих местами во Аргуну, Шавдону и другим притокам Сунжи.

Земля, которую заняли чеченцы, представляла все удобства, потребные для жизни, и полная девственных сил, всегда вознаграждала легкий труд человека.

[239] Нашхой – Нашха/Нашах одно из обществ западной части Горной Чечни относящееся к наиболее известным в традиционной истории.

Юное общество, отделенное от прилегавших к нему владений вековыми лесами и быстрыми реками, неприметно росло и плодилось, не тревожимое ни кабардинцами; ни кумыками, ни лезгинами, едва знавшими об его существовании. Одним словом, чеченцы, первые обитатели этой пространной в плодородной земли, удовлетворявшей вполне требованиям их, пользовались и кормились ею, как Божьим даром, не имея совершенно никакого понятия о личной поземельной собственности. Земля у них, как вода и воздух, принадлежала всякому, в тот владел ею, кто хотел только ее обрабатывать...

Предки теперешних чеченцев, спускаясь с гор, селилась не единовременно и не на одних местах. Каждый новый пришлец выбирал себе место отдельно от прочих, и, поселясь с своею семьею, обработывал прилежавшую к нему землю. Семьи, увеличиваясь, занимали более места, т. е. обработывали больший округ, наконец дошло до того, что две различные семьи, размножившиеся до несколько сот домов одного родства, съезжались с своими плугами на пашнях и должны были таким образом по необходимости положить границы между своими владениями: в одну сторону земля принадлежала одному родству, в другую — соседнему. Но земля, разделенная между этими маленькими племенами, или, как называют их в Чечне, тохумами[240], не раздробилась на участки между членами их, а оставалась по прежнему общею нераздельною собственностью целого родства. Каждый год, когда настает время пахать, все родственники собираются на свои поля и делят их на столько равных дач, сколько домов считается в тохуме, потом уже жребий распределяет эти участки между ними. Получивший таким образом свой годовой участок делаетсяполным его хозяином на целый год, обработывает его сам или отдает другому на известных условиях, или наконец оставляет необработанным, смотря по своему желанию.

Относительно мест, занятых лесами, у чеченцев существует особое право, и они не разделяются между ними, потому что лес не считается народным богатством. Вообще лес, которому в Чечне не знают цены, так как его слишком много, и никто не ощущал в нем недостатка, составляет общую нераздельную собственность. Каждый пришлец или туземец имеете полное право вырубить себе участок леса и поселиться на расчищенной им земле, и тогда приготовленное и возделанное его трудом место становится уже частною неотъемлемою собственностию. Таким точно образом сделали чеченцы, из сунженских и теречных деревень бежавшие за Сунжу во время возмущения в 1840 году. Они, не нашедши порожних мест, вырубили для себя поляны в лесах и поселились на них.

[240] «Тохум» - тукхам, термин порой употреблявшийся в Чечне как синоним понятия «тайп» (родственное или соседственно-поземельное объединение) или «гаар» (конкретно-родственное объединение).

Посмотрим теперь, какое имеют понятие чеченцы о разделении народа на классы и об отношениях их между собою. Все принадлежавшие к чеченскому племени выселенцы из Ичкерии, с верховьев Аргуна составляют один общий класс вольных людей, без подразделений на князей, дворян и т. п. «Мы все узденя»,— говорят чеченцы. Принимая слово, уздень (езюдан — от себя) в собственном смысле, будет значить, что чеченцы — люди, зависящие от самих себя. Но в массе народонаселения находится в Чечне немногочисленный класс личных рабов, образовавшийся из военнопленных. Класс этот ежедневно увеличивается вновь захваченными в набегах, и хотя состояние и тех и других рабов почти одинаково, но их различают: первых зовут *лаями*, вторых — *иессирами*; потому что судьба их еще не совсем определена: *иессир* может быть выкуплен и воротиться на родину; тогда как *лай*, забывший свое происхождение, без связей с отечеством своих предков, составляет неотъемлемую собственность своего господина. Положение *лаев* в Чечне есть то безусловное рабство, которое существовало в древнем мире. Раб считается не членом общества, а вещью своего господина, имеющего над ним неограниченную власть. *Лай* может быть продан, наказан, лишен жизни по воле своего владетеля; приобретенною собственностью пользуется до тех пор, пока господину не вздумается ее присвоить себе, потому что раб, труды его и вся жизнь принадлежать владельцу. Каковы бы ни были притеснения последнего, он не имеет права его покинуть и переселиться к другому. Случается, впрочем, иногда, что раб, страшась жестокого наказания, бежит от своего хозяина и просит защиты у какого-либо сильного или уважаемого человека. Этот принимает его в свой дом и делается заступником у господина, уговаривает последнего смягчить наказание или вперед поступать милостивее, и, получивши в том обещание, отпускает *лая* обратно к нему. Но защитник *лая* не может удерживать его при себе против воли хозяина, под опасением преследования за воровство.

Не смотря на унижение, в котором находятся лаи, рабское происхождение не почитается постыдным. Дети отпущенника пользуются всеми правами вольных коренных Чеченцев. Сам отпущенник, со дня своей свободы, вступает тотчас в класс вольных и равен всем, но он, как человек одинокий, которого легко всегда обидеть, не может иметь ни веса, ни значения, потому что то и другое основано, как в Чечне, так и в Дагестане, на многочисленности родства, от того отпущенники, по большой части, воспользовавшись свободою, не покидают бывшего своего владельца, а берут в замужество одну из дочерей или родственниц его и населяются при нем, как члены его семейства. Чтобы отпустить раба на волю, надобно дать ему письменную отпускную, составленную кадием, скрепленную им и двумя свидетелями. Когда же раб откупается, —

должен быть сохранен тот же обряд. При чем откупные деньги вручаются Кадию, который передает их владельцу. Отпущенник зовется *азатом*.

Что же касается до общественного управления, то у чеченцев, до Шамиля, — почти никакого не было. Если же до того замечено было в их действиях единство, то оно происходило естественно и случайно от одинаковых выгод, месте жительства и обычаев, но не было следствием какого-либо устроенного порядка. Каждый тохум, каждая деревня управлялись отдельно, не вмешиваясь в дела соседей. Старший в роде выбирался обыкновенно в посредники или судьи в ссорах между родственниками. В больших деревнях, где жило несколько тохумов, каждый выбирал своего старика, и ссоры уже разбирались всеми стариками вместе. Впрочем, круг их действий был очень ограничен и власть почти ничтожна. Кто желал — приходил к ним судиться, но кто хотел отыскивать лично свое право, преследовал сам врага и делал с ним расправу, минуя стариков; наконец решения их были не обязательны, в большой части случаев исполнения их зависели от воли тяжущихся. Суд стариков, лишенный всяких понудительных средств, не менее того однакоже был постоянно уважаем чеченцами и сохранился до самого водворения Шамиля. Врожденное чувство некоторой подчиненности, как необходимое условие всякого общества, было оплотом, ограждавшим эту слабую гражданскую власть от разрушительных порывов духа необузданной вольницы полудикого народа. Чеченец, убегая всякого ограничения своей воли, как нестерпимой узды, невольно покорялся превосходству ума и опытности и часто исполнял добровольно приговор стариков, осудивших его.

Важные дела, касавшиеся до целой деревни, решались на мирских сходках, на которые сбегались все жители. Правил же для этих народных собраний совершенно никаких не существовало. Приходил всякий, кто хотел, говорил, что знал: толкам, крику и шуму не было конца. Случалось часто, что спор кончался жестокой дракой; деревня вся делилась на две враждующие партии, и одержавшие верхе выгоняли безжалостно побежденных, которые шли селиться на новых местах. Вот еще как беспорядочно сзывался народ на эти чеченские вечи: кто-нибудь из жителей, задумавши потолковать о важном деле, влезал на кровлю мечети в оттуда сзывал народ, как муэззины призывают правоверных на молитву. Праздные сбегались на его голос, за ними поспешало все мужское народонаселение деревни, и таким образом на площади перед мечетью составлялась мирская сходка. Когда предложение, делаемое виновником собрания, не было достойно внимания, — толпа скоро расходилась, без негодования на нарушителя общественного покоя, потому что для чеченца всякая новость, всякий шум занимательны, а сходить на площадь из пустяков для людей, проводящих целый день без дела, — ничего не значит. Суд по адату, о котором мы будем говорить после, и мирские сходки составляли долгое время в Чечне

единственную основу всего общественного благоустройства. Впрочем, по преданиям стариков, однажды начал было вводиться новый порядок вещей, более сообразный с правилами устроенного общества, но как подчиненность высшей власти весьма ненавистна для чеченца, то порядок этот не мог долго продолжаться. Причина же возникшего было благосостояния заключалась в следующем.

Горские выходцы, составившие теперь чеченское племя, в первые времена своего поселения, спокойно обработывали свою землю, не тревожимые сильными соседями кумыками и кабардинцами, которые, если даже и знали об их существовании, то мало обращали внимания на горсть этих выходцев, рассеянных полесам, не успевших еще ни обжиться, ни разбогатеть, — и не представлявших, следовательно, для хищнических набегов богатой приманки. Сами чеченцы, чувствуя свою слабость, жили в то время смирно, не обижая никого, и как бы скрываясь в своих лесах. Те из них, которые выселились ближе к кабардинцам, как напр. урус-мартанцы, или к кумыкам, как наприм. качкалыковцы и мичиковцы добровольно даже отдавались под покровительство тамошних князей, чтобы обезопасить себя от притеснений; они платили им ежегодную легкую дань и считались их приверженцами, клиентами, по кумыкскому выражению: «*смотрящим народом*». Князья не вмешивались в их управление, а только заступались иногда за них, когда они прибегали к защите[241].

Когда чеченцы были бедны, пока народонаселение их, разбросанное по небольшим хуторам, не составляло еще порядочных общин, они были покойны и нетревожимы; но когда стали возникать богатые деревни, когда на тучных лугах стали ходить многочисленные стада, — мирные дотоле соседи их превратились в неукротимых хищников. Набег в Чечню был пир для удалых наездников: добыча богатая и почти всегда верная, опасности — мало, потому что в Чечне народ, еще немногочисленный, жил, не зная ни единства, ни порядка. Когда отгоняли скот одной деревни, — жители соседних деревень редко подавали помощь первым, потому что каждая из них составляла совершенно отдельное общество, без родства и почти без связей с другими.

Долго страдали чеченцы, не умея принять мер для своей защиты: богатство их привлекало хищников, слабость и беспорядок не давали им возможности успешно отражать нападения. Наконец они положила призвать к себе сильного и храброго князя и поручить ему восстановить порядок и защитить их от врагов. Таким образом

[241] Идиллическая картина не подтверждаемая, однако документальным материалом и реальным соотношением сил тех же мичиговцев (не говоря уже о всей плоскостной Чечне) и эндиреевских, кумыкских князей в XVII-XVIIIвв. – См.: Глава V. Складывание плоскостной Чечни в XVI-XVIII вв.: расселение, освоение, становление // История Чечни с древнейших времен до наших дней: В 4-х т. Т. II: История Чечни. XVI–XVIII вв. / Отв. редактор Я.З. Ахмадов. – Грозный: АО «ИПК «Грозненский рабочий», 2016. С.165-210.

поселилась в Чечне славная семья князей Турловых, призванных из Гумбета. Турловы пришли с гор с многочисленною дружиною, всегда готовою идти за ними в битву и, по, первому приказанию, затушить семена бунта в неповиновения, могущие возникать в самой Чечне. Власть Турловых, основанная на выгодах самого народа, скоро окрепнула и принесла свои благодетельные плоды. Чеченцы, все равно подчиненные одному княжескому дому, получили впервые понятие о своем народном единстве; подлежа все одинакой службе, нося одинакия обязанности, они перестала чуждаться друг друга и начали составлять нечто целое, одноплеменное. Выезжал ли князь натревогу, жители окрестных деревень должны были следовать за ним, не ограничиваясь, как было прежде, одною защитою своей частной собственности. Чечня разбогатела и отдохнула под управлением своих князей. Удалые наездники кумыкские и кабардинские, встречая в своих набегах сильный отпор, перестали гнаться за трудной и неверной добычей. Чеченцы, дотоле всегда ограбленные и притесненные, стали, в свою очередь, страшилищем своих соседей; воинственный дух их развился вместе с сознанием своей силы, и толпы смельчаков их для грабежа начали спускаться на Кумыкскую плоскость и за Терек[242].

Имя Турловых пользовалось общим уважением в Чечне; влияние их много способствовало к учреждению внутреннего порядка, но вся власть их основывалась лишь на добровольною согласии и на уважении к ним народа; она не имела законного основания, упроченного силою. Чеченцы призвали Турловых в эпоху бедствий и слабости, поэтому трудно было полагать, чтобы, по прошествии стеснений, шаткая, власть князей могла сохраниться навсегда в Чечне, чтобы чувство признательности к оказанным заслугам могло побороть в полудиком народе врожденное отвращение к подчиненности и любовь к необузданной личной свободе. Так и сбылось: народонаселение в Чечне быстро возрастало, благосостояние жителей увеличивалось ежедневно, дух воинственный достигал своего полного развития. В то самое время соседние племена быстро ослабевали и падали постепенно. Распри между сильными княжескими семьями, успехи русского оружие на Кавказе, изнеженность и порча нравов низводили первенствовавшие племена кумыков и кабардинцев на второстепенные места.

Лучшие наездники их, более уважаемые старики оставались или на поле битвы, или, покидая народное дело, переходили к русским. Чеченцы перестали их бояться, время слабости для них прошло, наступила эпоха могущества и с нею вместе возник

[242] См., о реальной истории княжеской фамилии Турловых выходцев из Гумбета: Айтберов Т.М. Аваро-чеченские правители из династии Турловых и их правовые памятники XVII в. (гумбетовцы в средневековой и новой истории Северо-восточного Кавказа). Махачкала: Б/и., 2006; Ахмадов Я.З. Очерк исторической географии и этнополитического развития Чечни в XVI-XVIII веках. – М.: «Благотворительный фонд поддержки чеченской литературы, 2009. С.178-181, 218-230.

дух необузданной вольницы, временно укрощенный перенесенными бедствиями. Княжеская власть, которой они сами добровольно подчинились несколько десятилетий тому назад, показалась им тяжелым ярмом, когда они почувствовали себя в силах с успехом противиться своим врагам. Нужда миновалась, вместе с нею исчезли подчиненность и повиновение, оказываемый князьям, и Турловы, не находя более в Чечне ни уважения, ни послушания, к которому привыкли, покинули неблагодарных и переселились в надсунжинские и теречные чеченские деревни, где долгое время еще пользовались правами, принадлежащими их роду...

Изображая общие черты гражданского устройства в Чечне, необходимо здесь сказать несколько слове о чеченских надсунжинских и теречных деревнях, во многом несходствующих с описанным нами выше. Левый берег Сунжи и правый Терека, по которым до возмущения 1840 г. были расположен богатые чеченские деревни, населенные чеченцами, как полагают, после образования Большой и Малой Чечни, эти земли, заключенные между Тереком и Сунжею составляли издревле собственность кабардинских князей, имевших там своя покосы. Выходцы чеченские, селившись на земле, имевшей уже своих хозяев, должны были, по необходимости, заключать с ними условия и подчиняться известным правилам в отношении вознаграждений за землю, которою они пользовались. Кабардинские князья, в первые времена поселения их, довольствовались наложением легкой подати, — по мерке пшеницы с каждого дома, потому что сами жили слишком далеко оттуда в своих кабардинских аулах. Но впоследствии, когда надсуженские и надтеречные деревни размножились и разбогатели, многие из кабардинских князей, покинув свои отцовские жилища, перешли туда на постоянное жительство и ввели в то время все разнообразные формы феодального устройства, существовавшего в Кабарде, в простой и односложный элемент чеченского общества[243].

Мы не будем входить здесь в рассмотрение их гражданского быта, который почти во всем одинаков с порядком общественным, существующим у кумыков, но скажем только, что власть князей в трех чеченских деревнях, не бежавших за Сунжу в возмущение 1840 года (Старом-Юрте, Новом-Юрте и Брагунах), в

[243] Мы сталкиваемся вновь с неким умозрительным построением истории взаимоотношений «княжеской Кабарды» и «демократической» Чечни не имеющий с реальностью никаких связей. Название междуречья Терека и Сунжи от их слияния на северо-востоке до Малгобекских высот Сунженского хребта на юго-западе, на картах нового времени действительно обозначалось как «Малая Кабарда», что являлось, однако, исключительно географическим названием. Какое-то время междуречье являлось ничейной землей на которую, самое позднее с начала XVIII в., распространяется чеченский суверенитет. Единственно в отношении самых западных чеченских аулов и обществ (Аршты-Карабулак, отчасти Гехи), да и то только в XVIII столетии отмечены факты непродолжительного союзничества, а то и найма кабардинских князей для охраны дальних посевов. – См.: Ахмадов Я.З. Очерк исторической географии и этнополитического развития Чечни в XVI-XVIII веках. – М.: «Благотворительный фонд поддержки чеченской литературы, 2009. С. 42-43, 181-182, 194-195; и др.

настоящее время постоянно клонится к упадку, частию от влияния русских, частию от того, что народ, разбогатевши и размножившись, начинает тяготиться податью, платимой князьям, которые ни в каком случае не могут оказать ему ни покровительства, ни защиты.

Замечательно еще, что в Чечне на управление не имело влияния магометанское духовенство, которому, по смыслу самого Корана, не только предоставлено высокое значение и почетное место в обществе, но даже и власть гражданская, дающая ему большое участие в управлении общественном: так как, по завещанию пророка, суд и расправа между правоверными должны быть всегда деланы по шариату, т. е. согласно правилам суда, изложенным в Коране на всевозможные случаи преступлений. Кому же, кроме мулл и ученых алимов, трудившихся всю жизнь над истолкованием часто темных и неопределенных изречений священной книги, должна принадлежать власть судная? Вот главная причина того величия и той важности, который постоянно имело духовенство во всех благоустроенных магометанских государствах. Стоя, по образованию, выше всех классов народа, к тому же держа в руках всю судную власть, оно управляло произвольно умами легкомысленных мусульман, привыкших во всех делах своей жизни покоряться его превосходству. Так было везде, в Турции, Персии, в наших закавказских ханствах, и даже в Дагестане; но в Чечне, одной, может быть, из всех мусульманских земель, духовенство не пользовалось принадлежащим ему уважением до самого водворения Шамиля. Чеченцы всегда были плохими мусульманами, суд по шариату, слишком строгий по их правам, в редких случаях находил место, — обычай и самоуправство решали почти все дела, потому что в Чечне, как было сказано выше, не существовало никакого единства, никакого порядка. В подобном обществе власть духовенства, основанная на уважении к религии и на некотором гражданском порядке, не могла найти способной почвы, чтобы укорениться. Не поддержанное чувством своего достоинства, духовенство пришло в упадок и до водворения Шамиля было бедно и невежественно; во всей Чечне не было ни одного ученого алима; молодые люди, посвятившие себя изучению арабского языка (металимы), ходили воспитываться в Чиркей, в Акушу или Кази-Кумык. Знание грамоты было единственное преимущество, которое чеченские муллы имели над своими прихожанами: оно доставляло нм некоторое уважение в народе, потому что, как грамотные люди, они были необходимы при описи имения, при составлении духовных завещаний и других письменных документов. Вообще духовенство в Чечне не пользовалось никакими особыми правами и находилось в совершенной зависимости у мирян. Посвящения в духовное звание не существовало, каждая деревня выбирала себе какого-либо грамотея, знающего по-арабски, и назначала его своим муллою, так как церковнослужение в магометанской религии не требует особого приготовления, а

состоит в одних только молитвах, известных каждому. Решение по шариату некоторых тяжб в составление письменных актов, суть главные обязанности в круг деятельности приходского муллы. В остальном, он по образу жизни ничем не отличался от мирян. При ежегодном дележе земель он получал участок наравне с прочими жителями, и, как все прочие, занимался хлебопашеством и торговлею. Особых доходов, предоставленных магометанскому духовенству, чеченские муллы не получали до водворения власти Шамиля, хотя, по Корану, каждой мусульманин обязан вносить ежегодно в свою мечеть десятину годового жалованья и сотую часть своего стада. Сбор этот, называемый *зекатом*, обыкновенно делится муллою на три пая: один он берет себе, а остальные два должен раздать бедным, вдовам и сиротам. Кроме того, торговцы должны жертвовать ежегодно в мечеть десятый процент с годичного приращения их капитала, состоит ли он в деньгах или товаре. Сбор этот, подобно зекату, делится муллою на несколько долей: одна из них принадлежит ему, а остальные должны быть розданы бедным. Но до настоящего времени обычай этих ежегодных приношений, подобно многим другим обрядам мухаммеданской религии, был слабо исполняем в Чечне, по общей холодности к вере; а если немногие из набожных стариков уделяли часть своих доходов, для вспомоществования бедным, то редко вручали зекат свой муллам, во большею частию сами раздавали его нуждающимся.

В некоторых больших деревнях было несколько мечетей и несколько мулл; в таком случае один из них обыкновенно выбирался в кадии; достоинство его не составляло какой-либо высшей степени в духовном звании и не давало ему никакой власти над прочими муллами. Кадий был ничто более, как доверенное духовное лицо, которому предоставлялось пред прочими муллами исключительное право разбирательства по шариату случающихся в его околотке тяжб, составление письменных актов и вообще все гражданские дела, в которых допущено было вмешательство духовенства. Муллы, жившие в округе, где находился кадий, должны была ограничиться одним церковнослужением. Сборзеката с денежных капиталов делался кадием, который, отделивши часть, следующую бедным, мог все остальное взять себе, не уделяя ничего муллам. Впрочем, кадиев в Чечне было немного, потому что избрание их требовало от жителей единства, которое трудно было установить.

Перейдем теперь к рассмотрению в Чечне суда, основанного на адате, и бросим предварительно взгляд на происхождение самого адата.

Адат есть суд, основанный на некоторых принятых правилах или законах, установленных обычаем и освященных давностию. Вот как ичкиринские старики толкуют происхождение адатного суда. В прежние времена, говорят они, когда народ чеченский был еще малочислен и жил в горах Ичкерии и по верховью

Аргуна, все ссоры судились стариками; старики в то время были умные, жили долго, знали многое и всегда решали справедливо по своему уму, не руководствуясь никаким законом. Впоследствии, народ чеченский размножился, в горах стало тесно и многие племена выселились па плоскость к Сунже и Тереку. Новые племена сохраняли сперва обычаи предков и по-прежнему слушались стариков; но вскоре сделались буйными, неповинными, и перестали почитать старшин. Наконец народу наскучил беспорядок, никто не мог решить дело по уму предков, старики были не разумнее молодых, потому что сами, пока держались на коне, проводили время в разбоях и не знали ничего, что было в старину. Все общим голосом положили отправить посольство в Нашхой, колыбель чеченского народа, и спросить, как делалось прежде, какой был порядок у дедов, чтобы опять ввести его у себя. Нашхойские старики долго думали об этом, их затрудняла просьба чеченцев не от того, чтобы они не знали преданий, но с тех пор, как выселились чеченцы, многое переменилось и у них самих. До того времени нашхоевцы не имели настоящей религии, не знали Божьего правосудия, а старики их всегда судили справедливо, по обычаям народа: но теперь они стали мусульманами; многое, что приказывает религия, несогласно с их обычаями; многое, что допущено обычаем, запрещается Кораном. Что делать? Старики думали, советывались и наконец решились согласовать народные обычаи с догматами Корана, в тех случаях, где это оказывалось возможно, не отнимая совершенно от народа его любимой, разгульной вольницы. От этого составились теперешние законы адата, для тех случаев, когда народ, по своему праву, по своим обычаям, не мог судитьсятак, как изложено в Коране; относительно наследственных дел, духовных завещаний и опек, нашхойские старики определили разбираться по шариату, так как повелено Богом. С тех пор правила эти сохранились в преданиях и живут постоянно в народной памяти.

Таким образом у чеченцев введено было смешанное законодательство, составленное из двух противуположных начал: шариата, основанного на общих правилах нравственности и религии, и адата — на обычаях народа ребяческого и полудикого, у которого первый закон, единственный, краеугольный его гражданского устройства — есть право сильного. Отсюда произошло, что адат распространялся и усиливался всякий раз, когда шариат приходил в забвение, и наоборот, адат падал и был отменяем каждый раз, когда шариат находил себе ревностных проповедников и последователей.

В последнее время адат много потерпел от влияния русской власти; с другой стороны, вновь возникшее учение в Дагестане о мюридизме, совершенно изменившее прежнее условие общественной жизни, перешло и утвердилось в Чечне. В настоящее время прежний адат остался между чеченцами только в

одних надтеречных деревнях, Новом и Старом Юрте и Брагунах и чеченских деревнях, расположенных на Кумыкской плоскости, но и здесь он изменен влиянием русских законов.

Приступая к описанию законодательства у чеченцев, чтобы составить об нем ясное понятие, надобно рассмотреть тот порядок в условиях общественной жизни, который существовал в Чечне еще до завоевания этого края русскими и до утверждения там Шамилем новой организации. Поэтому мы примем здесь за основание положение общества в Ичкерии, в последнее время, до прибытия туда Шамиля, так как оно менее имело сношений с русскими и, следовательно, сохранило вполне свои древние обычаи…

Бывают, впрочем, случаи, в которых канла[244] прекращается. Для этого лицо, желающее примириться, против которого имеют канлы, отпущает себе волосы, и чрез знакомых просит противника о прощении. Если последние согласятся дать его, тогда желающего примириться приводят к нему в дом, в, в знак примирения, тот должен обрить ему голову. Примирившиеся почитаются после кровными братьями и клянутся на Коране быть верными друг другу. Впрочем, иногда бывают примеры, что простивший несмотря на примирение, убивает своего кровного брата. За кровь можно также откупаться, то есть лицо, на котором состоит канла, платит противнику известную сумму, за что тот при свидетелях должен дать клятву, что проследовать его не будет. В случае, если бы после того согласившийся простить за деньги убил откупившегося, то родственники могут заставить первого возвратить деньги или и иметь на него канлу.

Воровские дела у горцев подчинены также разбирательству адата. Ответчик, не опасаясь строгости закона, идет без сопротивления на суде, в надежде оправдаться, ибо в случае даже обвинения наказание заключается в одном лишь возвращении истцу украденного у него и небольшого штрафа, например, за воровство лошади, ответчик платит только шесть рублей, за воровство коровы — три рубли серебром. За похищение же, сделанное в доме, то есть в сакле, вор обязан заплатить истцу вдвое против того, что стоит пропажа.

Вообще обряд суда по адату весьма прост. Противники, желая кончить дело, по адату выбирают, обыкновенно, в посредники или судьи для себя, одного или двух старшин. Старшины, для избежания лицеприятия, выбираться должны не из того колена или тохума, к которому принадлежат тяжущиеся, а непременно из другого. Старики выслушивают отдельно каждого из разбирающихся, и, выслушав, произносят приговор. Старикам за суд ничего не платится…

[244] «Канла» - обычай кровной мести, термин возможно тюркского происхождения, имел распространение на всем Северном Кавказе. В Чечне ему соответствовало понятие «чIир» - месть.

При решении адатом необходимое условие, чтобы судьи единогласно положили приговор; в случае же разногласия между стариками, тяжущиеся стороны выбирают других судей. Если из тяжущихся кто-либо остается недовольным приговором и не хочет выполнить возложенных на него условий, то тогда он имеет дело не только с противником, но и с свидетелями и стариками, находившимися на суде, и те обязаны уже принудить его к исполнению. Впрочем, обвиненному предоставлено также право и в этом случае выбирать других судей. Иногда бывает, — так как в адате исполнительной власти не существует, — что обиженный не в состоянии принудить своего противника разбираться с ним. В этом отношении, по адату, предоставляется обиженному во всякое время украсть у своего врага лошадь или какую-либо вещь, и таким образом, заставив противника разбираться с собою, он представляет украденные им вещи старикам, которые, оценив их, отдают обиженному ту часть, на которую он имел право, а остальные возвращают хозяину…

В Чечне не существует ни одного закона, определяющего или ограждающего власть отца над детьми. Пока дети малолетны, пока не могут сопротивляться насилию, они в беспредельной зависимости у отца; но как скоро подросли и начали владеть оружием, право сильного становится их законом. Все они считаются членами одного семейства и перед судом адата пользуются одними правами наравне с отцом. Канла также может быть между отцом и детьми, и не редко случались примеры, что если отец убивал одного из своих сыновей, то остальные мстили отцу…

За сыновнее неповиновение отец вознагражден беспредельною покорностию дочерей, пока они находятся в его доме. Он содержит их, как знает, и выдает замуж за кого хочет. Дочерям не предоставлено адатом никакого права в дележе отцовского имения, потому что дочь и дети ее не отвечают за совершенное отцем или братьями убийство. Если по смерти отца остаются незамужние дочери, то старший брат или ближайший родственник обязан содержать их и выдать замуж. Вообще адат не предоставляет женщине никакой собственности, кроме только одного калыма или *кебина*, получаемого от мужа, и женихового подарка, делаемого обыкновенно во время сговора или сватовства следующим образом:

Когда отец согласится засватать дочь свою, — жених подносит девушке подарок, состоящий из шелкового головного платка и десяти рублей серебром. После этого жених получаете право видеться се своей невестой втайне, но, если они встретятся в гостях или вообще при людях, приличие требует, чтобы они не говорили друг с другом, и невеста должна отвернуться от своего жениха, так, чтобы он не мог видеть ее лица. Жениху предоставляется также право оставить невесту, или, как говорится, отпустить ее, …

Отец невесты, по получении от жениха калыма, обязан его передать вполне своей дочери, в то время, когда она выходит замуж. Калым и подарок жениха составляют неприкосновенную собственность замужней женщины. Муж, без согласия жены, не имеете никакого права распоряжаться ими, а если бы вздумал силою вынудить у своей супруги калым или подарок, то она может прибегнуть к родственникам и просить у них защиты. Во всем остальном жена подчинена мужу, как лай своему господину… Жена может во всякое время развестись с мужем, но в таком случае, при выходе из дому, она должна оставить ему свой калым и все находящееся у ней имущество. Если же, напротив, муж первый требует развода, то он должен отпустить жену с калымом и со всем ей принадлежащим.

Мать над детьми не имеете никакой власти и едва только пользуется тем уважением, которое сама природа вложила в человека к виновнице его существования.

Относительно порядка и взаимных прав родственников, в Чечне определено руководствоваться одними законами шариата, но и здесь древний чеченский обычай очень часто заменяет поведения Корана, и адате действует вместе с шариатом, отвергая частию определения последнего. От того в Чечне происходит смешанное законодательство, которое, смотря по воле тяжущихся, опирается то на адате, то на шариат… Если отец, умирая, не оставил после себе сыновей, имение делится на две равные части; одна половина отдается дочери, другая — ближайшему родственнику; когда несколько дочерей, — имение делится на три доли: две принадлежат дочерям, а третья отходит к родственнику.

Закон о порядке наследства в одной нисходящей линии у чеченцев не соблюдается. По неимению прямых наследников, имущество сына переходит к отцу, предпочтительнее пред братьями и племянниками; точно также дядя во многом предпочитается двоюродным братьям. По неимению прямых наследников, к которым, по чеченскому обычаю, должно причислить отца, имение покойного переходит в боковые линии, к родным братьям предпочтительно племянников, к племянникам, предпочтительно дядей и к дядям, предпочтительно двоюродных братьев…

Долги, оставшиеся после умершего, должны быть уплочены из имения его, прежде раздела между наследниками, если между ими и заимодавцами не существуете особой сделки. В случае,если бы заимодавец объявил претензию, когда имение уже разделено, тогда долг разделяется поровну между всеми наследниками мужеского пола. Но для того, чтобы претензия была действительна, они обязаны представить письменный документ, засвидетельствованный и скрепленный кадием. Кадий по этому же документу обязан удовлетворить заимодавца из имения должника.

Когда умирающий человек — одинокий, без родства, ему представляется право завещать свое имение, кому он пожелаете. Это единственный случай, в котором духовное завещание покойника имеет полную силу. Когда же у него есть родственники, он не может, ни под каким предлогом, устранить их от законного наследства. Пожертвование в мечеть и на богоугодные дела дозволяется, но в таком только случае, если они не превышают третьей части имения…

Изображая чеченское общество до появления Шамиля, мы упомянули прежде, что возникшее в Дагестане новое учение о мюридизме имело сильное влияние на общественную жизнь чеченца. Теперь мы рассмотрим, в чем именно заключаются перемены, произведенные в Чечне мюридизмом и мюридами, главою которых считается Шамиль.

В начале 1840 года Чеченцы взбунтовались и призвали к себе Шамиля. Постигая хорошо народ, с которым он имел дело, зная дух непостоянства и своеволия — отличительные черты в характере чеченца, Шамиль не вдруг решился приехать к ним. Он, после продолжительных переговоров, прибыл в Урус-Мартан и наконец согласился принять управление над Чечнею, но только с условием, чтобы чеченцы дали ему прежде присягу в строгости исполнять все издаваемые им законы и постановления.

Из обстоятельств, более всего споспешествовавших Шамилю к утверждению власти в Чечне, было возмущение надтеречных и сунжинских деревень против русских. Возмутители, страшась наказания, искали спасения в лесах и по необходимости должны были покориться власти одного человека, а человеком этим у Чеченцев был Шамиль. В след за этим последовало движение наших войск и разорение некоторых аулов. Чеченцы, гонимые содного места на другое, боясь наказания за непокорность, начали уже искать спасения в благоразумии и воле человека, которого избрали своим начальником. Шамиль пользовался случаем, он утешал их сладкою надеждою в будущем, представлял разорение аулов их нашими войсками бедствием временным, скоропроходящим, и возбуждал в них религиозный фанатизм, который всегда легко возбудить в невежественном народе, особенно когда он находится в критическом положении. Таким образом власть Шамиля принимала формы более правильные и положительные. Заметим еще здесь, что Шамиль, приобретя однажды силу, не терял ее уже после, но напротив каждый случай, всякое ничтожное обстоятельство служили ему предлогом к утверждению владычества, и он так искусно наложил на чеченцев оковы, что им освободиться после сделалось уже невозможно.

Первым действием Шамиля, по прибытии в Урус-Мартан, было потребовать аманатов из тех семейств, которые имели наиболее влияния в народе. После он начал вербовать в мюриды к себе и своим сообщникам лучшее юношество…

Шамиль, приобретя посредством мюридов влияние в Чечне, начал помышлять об упрочении там своей власти. Чтобы обуздать вольницу дикого народа, он нашел нужным уничтожить адат, потворствующий слабостию своих постановлений буйным страстям чеченцев, и вместо адата предписал судить все преступления по шариату. Духовенство получило с этого времени значительную силу и вес. Шамиль поручил ему также воспитание юношества, учредив в разных местах при мечетях школы для того, чтобы наставники, выбираемые всегда из преданных ему людей, внушали молодому Чеченскому племени привязанность и любовь к своему начальнику.

Шамиль в непродолжительном времени ввел в Чечне новую администрацию, положил основание правильному образованию войска и издал свод новых постановлений, незнакомых до того времени чеченцам.

В настоящее время Чечня разделяется на три участка: Мичиковский, Большую и Малую Чечню. Каждый из этих участков имеет своего особого начальника, который соединяет в своем лице военную и гражданскую власть. Начальник этот называется наибом. При наибе, для разбирательства гражданских дел, постоянно находится кадий.

Наибство делится на округи, которые управляются мазунами; при мазуне, для разбирательства дел, находится мулла. Кроме того, мулла находится в каждой деревне для разбирательства словесных тяжб. Муллы эти составляют первую инстанцию судебной власти. Рассмотренные ими дела поступают потом на решение к мазуну, а в важных случаях мазун представляете их на рассмотрение и решение наибу.

Для решения же деле, касающихся общественного управления и верховного суда, Шамиль, по предложению Джелал-Эддина, учредил в 1841 году совет Диван-Хан, в котором присутствуют люди духовного звания, известные своею ученостию и преданностию к мюридизму. Учреждение этого совета происходило в прежде бывшем главном местопребывании Шамиля, *Даргах*, изятых в 1845 году князем М. С. Воронцовым.

Для приведения в исполнение приказаний и распоряжений наибов, при каждом из них находится постоянная стража, составленная из мюридов; число людей в этой страже бывает не одинаково и простирается от ста до двухсот и даже трехсот человеке.

При мазуне вместо мюридов находятся мартазски (мартазеки, муртазагеты/муртазеки. – Сост.), которые набираются из десяти семейств по одному. Марстазскисоставляют отборную конницу, действующую всегда отдельно от прочих войск, под командою своего мазуна.

Наибы обязаны давать войска по первому востребованию Шамиля. Каждое семейство должно выставить одного вооруженного пешим или конным, по

назначению, сделанному наибом, и снабдить их нужным провиантом. Над этими людьми назначены десятники, сотенные и пятисотенные начальники.

Сбор больших партий производится обыкновенно следующим образом: Наиб отправляет мюридов к мазунам с приказанием о сборе войска и о заготовлении на известное число дней провианта. Мазуны с своей стороны рассылают мартазсков к сотенным начальникам, а сотенные обязаны уже, собрав свою сотню, являться с нею на сборный пункт, где над собравшеюся партиею принимает командование наиб. О заготовлении же провианта мартазск обращается к бегсулам (бегаул. – Сост.) или десятникам, на обязанности которых лежит наблюдение за исправным отбыванием повинностей. После того мазун собирает своих мартазсков, и явившись с ними к наибу, командует ими в продолжении похода, по усмотрению наиба. В отсутствии мазуна место его занимает один из мартазсков. Иногда наибы не довольствуются сбором с каждого семейства по одному человеку, но приказывают выходить всем, кто только в состоянии носить оружие, под опасением, за неисполнение, строгого наказания.

Преступившие военные законы предаются суду, по усмотрению мазунов. Если преступление не столь важно и виновный не заслуживает смертной казни, то приговор произносит сам мазун, исполняя свое решение — чрез мартазсков. Важное же преступление, по рассмотрении мазуном, поступает на решение к наибу, который, при разбирательстве вообще военных преступлений, обязан руководствоваться особыми законами, изданными на этот предмет Шамилем. По этим законам, за побег к неприятелю и измену определена смертная казнь, но кроме виновника, который заочно присуждается к казни, за него отвечают еще десять поручителей, обязанных заплатить пени 50 руб. сер. Для чего в Чечне все мужеское народонаселение совершеннолетних людей разделено на десятки; зачисленные в них составляют круговую поруку и обязаны наблюдать за поступками один другого. За изменническое сношение, как-то шпионство, полагается также смертная казнь. Всякое сношение с, племенами, покорными русскому правительству, хотя бы и торговое, строго воспрещается; провинившегося в этом сажают в яму, подвергая телесному наказанию. За ослушание и неповиновение к старшему мера наказания зависит от важности обстоятельств и времени, в которое оно было оказано, так например: во время похода или битвы ослушание очень часто наказывалось смертию; в других же менее важных случаях преступник подвергается обыкновенно телесному наказанию. За неявку на службу наказание состоит в посажении виновного в яму на несколько дней, или в палочных ударах.

За храбрость и общественные заслуги Шамилем установлены особые ордена, заключающиеся в медалях. Наибы Шуаиб-Мулла и Улубей за подвиги свои в 1842 году получили знак в виде звезды, с надписью: «*нет силы, нет крепости,*

кроме единого Бога». Сверх того, Шамилем учреждены еще денежные награды и подарки.

На содержание мартазсков, духовенства, мечетей, бедных, вдов и сирот Шамилем указаны особые доходы, заключающиеся в следующем: a) *зекат* или десятая часть с доходов имения; b) *хомус*, пятая часть со всей добычи, сюда принадлежат и пленные, и c) *бойтну-мом* — штрафных деньгах, взыскиваемых за разные преступления, и имуществе, оставшемся по смерти казненного преступника. Шамиль, как глава духовенства и правления и предводитель военных сил, все эти доходы, которые составляют так называемую шариатскую казну, берет в свое распоряжение.

Из этого обзора нового управления, введенного Шамилем в Чечне и других подвластных ему дагестанских обществах, видно стремление его к основанию государства. Но государство это может существовать только в одном воображении Шамиля, а не на самом деле, вблизи такой могущественной державы, как Россия, с которою все разнородные обитатели Кавказских гор, по своему географическому положению, непременно должны слиться в одно целое.

Иван Иванов.

Ставрополь.

2 Сентября 1851 года.

Текст воспроизведен с нашими сокращениями по изданию: Иванов И. Чечня // Москвитянин, учебно-литературный журнал на 1851 год. №19 и 20. Октябрь. Кн.1 и 2. - С.172-200.

****

К. САМОЙЛОВ.
ЗАМЕТКИ О ЧЕЧНЕ [1855].

К сожалению, мы практически не имеем сведений об авторе, кроме как тех, что сообщил он сам. Похоже, что он состоял в военной службе на Кавказе с конца 40-х гг. XIX в., выполняя при этом и какие-то административные функции в той же Чечне; где, по его словам, он провел четыре года близко общаясь с горцами. Собранные К. Самойловым различные сведения о Чечне нашли свое отражение в приводимом нами нарративе, опубликованном в 1855 г.[245] Возможно предположить, что К. Самойлов был знаком с работой о Чечне другого автора – И. Иванова, опубликованной в 1851 г.[246] И там и здесь немало априорных

[245] Капитан К. Самойлов. Заметки о Чечне // Пантеон. Журнал литературно-художественный. Т.23. Кн.9. С.43-86; Кн. 10. - СПб., 1855. С.29-64.

[246]Иванов И. Чечня // Москвитянин, учебно-литературный журнал на 1851 год. Ч.V. №19 и 20. Октябрь. - С. 172-200.

соображений о Чечне опровергаемых кстати данными тех же современников. Также можно высказать предположение, что по крайней мере с одной из этих работ был знаком, как уже указывалось, первый чеченский исследователь, писавший в духе народной, фольклорной истории - Умалат Лаудаев[247].

К. Самойловым приводятся развернутые географические и этнографические подробности о Чечне, и, как сказано в единственном переиздании его труда: «живо и образно описаны особенности национального характера, основные черты социальной организации современного чеченского общества. Много внимания уделено повседневному быту, хозяйственной деятельности, обычаям и религиозным верованиям...»[248].

Мы приводим текст по первоисточнику в современной орфографии с некоторыми сокращениями.

***

ЗАМЕТКИ О ЧЕЧНЕ
капитана К. Самойлова

Еще очень недалеко то время, когда так часто повторялась старая, но тем не менее справедливая истина, что мы, русские, очень мало знаем свое отечество. Но теперь этого уже сказать нельзя: в последние годы изучение России стало быстро распространяться в нашем обществе, и этим счастливым обстоятельством, или, как говорили в старину, отрадным явлением, мы прежде всего, безспорно, обязаны учреждению русскаго Географическаго Общества, издания котораго главным образом содействовали и содействуют развитию в русском обществе любви к землеведению вообще и к изучению России…

Я уверен, что большая часть моих читателей, взглянув на заголовок статьи, с удивлением спросят: Что-же это за Чечня? … до-сих пор еще не только нет полнаго описания этой страны, но даже о ней вовсе почти ничего не писано. В продолжение моего четырехлетнего пребывания в Чечне я исходил вдоль и поперег почти всю Чеченскую плоскость, и потому имел случай лично видеть большую часть ея местности; потом, находясь, по должности моей, в непосредственно близких сношениях с мирными (т. е. покорными) чеченцами, я довольно хорошо ознакомился с самым народом. Из этих сведений, собранных мною на самом месте, составлена эта статья, в чем, может быть, и заключается единственное ея достоинство; …

---

[247] Лаудаев У. Чеченское племя // Сборник сведений о кавказских горцах. Вып. VI. - Владикавказ, 1872. С.1-62.

[248] Заметки о Чечне / К. Самойлов. - М. : Academia, 2002. - 84, [1] с.

I.

Границы— Неточность их.—Горы.—Реки.—Ущелья.—Озера.—Климат.—Качество почвы.—Растения.— Животные.— Ископаемые.— Минеральные источники.— Разделение Чечни.— Укрепления.— Аулы.— Просеки и пути сообщения.

Чеченцы, подобно многим другим кавказским горцам, о земле, ими обитаемой, не имеют понятия в смысле государственном, как об отечестве, и не придают большого значения точному определению границ своим землям; оттого обозначить точно пределы пространства, занимаемого чеченским племенем, решительно невозможно… Более же определенные границы Чечни, принятые и на подробных картах Кавказа, следующие: северную границу ее составляет правый берег Терека, от станицы Галюгай до укрепления Амир-Аджи-Юрт . На восток она граничит с землями кумыков; потом река Акташ и Снеговой-Андйский хребет, имеющий северо-восточное направление, отделяют Чечню от лезгинских обществ Дагестана. Северные склоны Главного хребта и земля хевсуров образуют южную границу. На западе Чечня граничит с землями ингушей[249], от которыхв северной части отделяется рекой Фортангой, до впадения в Сунжу; далее идет по Сунже, и наконец, по границе Малой Кабарды, до Липовского поста, близ станицы Галюгай на Тереке.

Но и эти границы, несмотря на их подробность, вовсе нельзя назвать совершенно точными. Впрочем, более определительных означить и невозможно, потому что к краям страны чеченцы мало-помалу перемещаются, а иногда и совершенно сливаются с соседними племенами… Особенно не определена западная граница, где чеченцы живут в соседстве с ингушами; там, по словам самих жителей, пограничные земли обоих племен так перемешаны, что в иных местах составляют, так сказать, чрезполосные владения. Наконец, по недостатку точных сведений об этой части Чечни и по сходству, существующему между соседними обществами этих племен, до сих пор нельзя еще сказать положительно: какая из них имеет чеченское происхождение и какая - ингушское… [250].

[249]Что совершенно неточно, о чем автор далее и сам указывает.

[250] К. Самойлов один из немногих авторов XIX в., который «зауживает» границы Чечни несмотря на объективные данные географии региона принадлежащих его же времени – так, граница «Чеченской области» Имамата на западе в тот период проходила по левобережью Ассы и верхней Сунжи, где захватывая и левовобережье Ассы располагались имаматские «вилайеты Калай (Галай/Галашки) и Арштхой (Карабулак)». Да и сам автор далее показывает Ассинское ущелье состоящим в Чечне – См. также: Иванов И. Чечня // Москвитянин, учебно-литературный журнал на 1851 год. №19 и 20. Октябрь. - С. 172-174; Арабские письма из архива Б.А.Дорна (пер. Р.Ш. Шарафутдиновой) //Письменные памятники Востока : Ежегодник / АН СССР, Ин-т востоковедения. - М. : Наука, 1974. С. 204-225; История Чечни в 4-х т. Т.2:

Чечня, простираясь от Главного хребта до степей, лежащих за Тереком, естественно заключает в себя чрезвычайно большое разнообразие в характере местности: северная ее часть, ближайшая к Тереку, хотя и перерезана в иных местах невысокими горами, имеет характер плоскости, и резко отличается от южного пространства, представляющего в полном смысле страну горную. Об этой последней части Чечни не имеется положительных сведений, и потому в настоящее время можно представить описание только общего характера ее местности, основываясь почти исключительно на одних рассказах горцев.

Главный хребет, составляющий часть южной границы Чечни, отделяет от себя, по всему своему протяжению, множество отраслей, идущих или параллельными ему грядами, или в виде контрфорсов. В Тушетии, к северуот горы Барбало, отделяется от Главного хребта, в северо-восточном направлении, громадная ветвь, вершины которой, не уступающие в высоте вершинам Главного хребта, покрыты вечным, никогда не тающим снегом. Хребет этот, имея множество частных имен, называется вообще Снеговым и, преимущественно в северной своей части, Андийским. От северо-западного склона его, принадлежащего Чечне, отделяется также много более или менее высоких отрогов, имеющих вообще северо-западное направление, которые, в некотором отдалении, пересекаются с отраслями станового хребта. От этого пересечения многих горных кряжей внутренность горной Чечни представляет страну дикую, перерезанную по всем направлениям горами, усеянную отдельными скалами и изрытую глубокими ущельями, оврагами и пропастями. Это какое-то беспорядочное скопление громоздящихся одна над другою гор, поражающих своим мрачным величием. Ближайшие к Главному и Снеговому хребтам горы вообще каменисты; вершины некоторых из них покрыты большую часть года снегом, другие голы, и наконец, иные покрыты редким сосновым лесом.

По мере удаления к северу, горы начинают понижаться, и покрываются постепенно все более и более растительностью; вместе с тем и долины между ними расширяются. Наконец, одетая от вершины до подошвы огромным лесом, горы выходят на равнину, более или менее крутыми уступами. Эти горы называются Лесными, и последние уступы их оканчиваются верстах в сорока к югу от Терека. Отсюда местность принимает ужехарактер плоскости, не представляя нигде, почти до самого Терека, угрюмых горных видов инеприступных мест. Лесные горы

История Чечни. XVI-XVIII вв./Отв. ред. Я.З. Ахмадов. – Грозный: АО» Изд.-полигр. комплекс «Грозненский рабочий», 2016. С. 31, 118, 165-169.

Надо также учитывать, что царские власти в ходе Кавказской войны старались включать - по мере завоевания, аулы западных чеченцев-карабулаков и чеченцев-галашевцев в границы т.н. «Ингушевского» административного участка (куда входили не только равнинные ингуши) состоявшего в свою очередь в Военно-Осетинском округе Левого фланга Кавказскской линии.

тянутся длинною, волнистою грядою, составляя как-бы неразрывную стену, отделяющую горную часть от равнин. Северный и южный склоны этого, хребта, несмотря на малую ширину его, совершенно непохожи один на другой: первый сплошь покрыть густым и высоким лесом, почти не имеющим прогалин, и представляющим издали одну сплошную массу зелени, так, что неопытному глазу даже с небольшого отдаления горы эти кажутся покрытыми густым мелким кустарником. Южный склон, сколько могу судить по тому небольшому участку, который мне удалось видеть вовремя одного из наших набегов внутрь гор, беден лесом, мрачен, каменист, и крутые бока его изрыты глубокими расщелинами. Вообще должно заметить, что преимущественная крутизна южных склонов перед северными, составляющая отличительную особенность главного Кавказского хребта, сохраняется всеми его побочными отраслями, и даже отдельными высотами.

Чеченская плоскость перерезана тремя невысокими кряжами: Два из них, идущие почти параллельно, имея восточное направление, называются вообще Кабардинскими горами. Южный хребет, отделяясь от Чорных гор Дигории, тянется по левому берегу реки Сунжи, и разделяет почти пополам Чеченскую плоскость. Он невысок и везде почти удобопроходим. Не доходя до Сунжи, от него отделяются в обе стороны небольшие отроги; потом южный склон его составляет левый берег реки, а северный продолжает разветвляться на значительное протяжение, образуя иногда довольно широкие плоскогорья. Разрезанный поворотом Сунжи на север, хребет этот упираетсяв реку Аргун двумя отдельными высотами, образующими ущелье Хан-Кале, и наконец, за Аргуном, составляя как-бы окончание надсунженской гряды, стоит отдельная гора Гойт-Корт.

Верстах в двадцати к северу от описанного хребта проходит, почти параллельно ему, северный, или надтеречный, Кабардинский кряж, поднимающийся в Малой Кабарде, почти против Моздока. Он несколько выше первого, но менее его ветвист. По мере удаления на восток, хребет этот, приближается более и более к Тереку, и наконец, оканчивается при самом устье Сунжи.

Третий хребет, проходящий по Чеченской плоскости, называется Качкалыковским. Он отделяетсяв Ичкерии от Андийского хребта, составляя самую северную отрасль его. В начале он имеет почти прямое направление на север; потом поворачивает па северо-запад, отделяя в обе стороны несколько пологих ветвей, и наконец, оканчивается близ устья Сунжи, почти против склона надтеречного Кабардинского хребта.

Качкалыковский хребет выше и неприступнее двух первых, и склоны его, изрытые крутыми оврагами, покрыты густым лесом.

Надсунженский кряж совершенно безлесен, и только по южному его склону, вдоль по Сунже, тянется неширокая полоса не очень высокого леса; северная же пологость его имеет небольшие перелески лишь в глубине оврагов. Но зато он весь покрыт густой, хотя и невысокой травой. Надтеречный хребет имеет множество балок или оврагов , поросших мелким кустарником, а бока его во многих местах, преимущественно северной стороны, каменисты, отчего вид его вообще несколько суров и дик.

Между Кабардинскими хребтами и берегом Терека, от самого западного склона Качкалыковского хребта, тянутся широкие, покрытые роскошной травой, продольные долины или, лучше сказать, равнины, составляющие площадь Чеченской плоскости, и сливающиеся потом с затеречными степями Большой Кабарды.

В горной части Чечни замечательны своей высотой и неприступностью горы — Сулой-Лама, Нахчи-Лама и Тансут-Даг, находящиеся в углу, образуемом пересечением Главного и Снегового хребтов, где представляется самая дикая и недоступная местность Чечни. На плоскости же нет ни одной высоты, заслуживающей какого-нибудь внимания.

Снега Главного и Андийского хребтов и ближайших их отраслей дают начало множеству потоков, спускающихся по различным направлениям в ущелья и долины, где, соединяясь в более обширные потоки, и приняв, по общему склону местности, более или менее северное направление, они извиваются между пересекающимися ветвями гор, прорываются потом через ущелья Лесных гор , и выходят на плоскость. Как горная Чечня, так и плоскость, чрезвычайно богаты водой; но о реках первой части ничего нельзя сказать положительного, и нам известны только северные части тех из них, которые выходят на плоскость.

Плоскость на всем своем протяжении перерезана множеством рек, речек и ручьев. Одни из них, как уже сказано, образуются в южных частях Чечни, из тающих снегов, другие берут начало в ближайших к плоскости горных отраслях , называемых Черными горами; и наконец сырая и влажная почва лесистых предгорий дает начало множеству незначительных ручьев , большей частью пересыхающих во время летних жаров.

Главная река Чечни — Терек, правый берег которого на протяжении около ста верст (от Липовского поста до укрепления Амир-Аджи-Юрт), принадлежит Чечне. Течение Терека вообще очень быстро; от половины мая до конца июня, когда, от таянияг орных снегов, вода прибывает, он обращается в мутный, яростный поток; даже огромные камни не могут устоять против силы напора воды. В то время река не представляет никакой возможности для переправы; обыкновенно же переправа производится по бродам, существующим в

определенных местах, впрочем, изменяющихся ежегодно. Зимой Терек на короткое время покрывается нетолстым слоем льда, по которому, однако ж, могут безопасно переправляться и пешие, и конные. Через Терек, от станицы Николаевской, устроен превосходный деревянный мост, прикрытый на чеченской стороне небольшим предмостным укреплением. Левый берег Терека низмен, правый же, чеченский, значительно возвышен, неровен и волнист. Идущему по линии он представляетсяв виде невысокого хребта, прорезанного множеством лощин и ущелий, вероятно следов прежних потоков дождевой и снеговой воды. На покатостях берега и в лощинах живописно разбросаны небольшие аулы мирных надтеречных Чеченцев.

После Терека значительная река — Сунжа, течение которой от аула Плиева принадлежит Чечне. Задержанная в своем северном направлении южным Кабардинским хребтом, она поворачивает на восток, вдоль южной подошвы этого хребта, и прорвав его близь ущелья Хан -Кале, извивается в северо-восточном направлении, и впадает в Терек около аула Брагуны (между станицей Щедрин и укреплением Амир-Аджи-Юрт), разорвав связь Качкалыковского хребта с Кабардинским надтеречным. Берега Сунжи на всем протяжении, и преимущественно с правой стороны, покрыты густым лесом, который в иных местах соединяется с подгорным. Хотя Сунжа не очень глубока, но не везде удобопроходима в брод, чему причиной неровное, изрытое течением и загроможденное в иных местах огромными, вырванными с корнем деревьями дно ее; зато крутые и обрывистые берега ее представляют большое удобство для устройства мостов. Сунжа очень быстра и почти никогда не замерзает.

Асса только низовьем своим, при впадении в Сунжу принадлежит Чечне*(*Некоторые считают Ассу границей между Чечней и Ингушами, но это предположение не согласно с мнением чеченцев. – [Здесь и далее примечания в тексте принадлежат автору. – Сост.]).По выходу из ущелья Гуро, в земле хевсуров, она течет чрез общества галгаев, цори, галашев и карабулаков, и близ укрепления

Закан-Юрт впадает в Сунжу. Асса не уступает ни в ширине, ни в глубине Сунже; она значительно быстрее этой последней, и до слияния с нею протекает большое пространство; потому, кажется, справедливее было бы сказать наоборот, что Сунжа впадает в Ассу. Асса во время разливов наносит значительный вред своим прибрежным жителям. Далее, идя на восток, следуют: Фортанга с Наттыхой; Шаладж, соединяющийся с известным всем, по прекрасным стихам Лермонтова, Валериком; Гехи, Рошня, Мартан или Урус-Мартан, Гойта и Аргун. Все эти реки, за исключением Аргуна, незначительны, и там, где позволяют берега, везде удобно переходимы. Они текут в недальнем расстоянии одна от другой, орошая едва ли не самую плодороднейшую долину Кавказа, и все впадают в Сунжу.

Аргун самая значительная река горной Чечни. Он составляется из двух больших рек : Шари-Аргун и Шотой-Аргун , из которых первая берет начало с северной стороны горы Барбало, а вторая образуется из потоков в северной части Хевсурии; обе реки по мере удаления к северу сближаются, увеличиваясь втекающими в них со всех сторон ручьями и потоками, и близ аула Дачу-Барзой, соединяясь вместе, принимают название Аргуна. От места соединения река течет прямо на север, и пройдя глубокое Аргунское ущелье, продолжает свое течение по плоскости, в том же направлении. Около ущелья Хан Кале Аргун поворачивает несколько на северо-восток, и впадает в Сунжу, близ укрепления. Тепли-Кичу. Лощина Аргуна, ограниченная высокими и крутыми берегами, в иных местах простирается в ширину более чем на версту; по ней Аргун течет, дробясь на несколько мелких рукавов… Главный рукав Аргуна иногда меняет свое ложе, и направляясь в крутой берег, нередко отмывает огромные массы земли и камней. Аргун замерзает только около берегов.

К востоку от Аргуна, между ним и Качкалыковским кряжем, текут следующие реки: Шавдон, Бас, Хулхулу с притоками своими—Мичиком и Гумсом; из них замечательна только Хулхулу. Река эта выходит из северной части Андийского хребта, прорезывает Ичкерию - восточное общество Чечни, и потом, имея северо-западное направление, течет по плоскости, и близ укрепления Умахан -Юрт впадает в Сунжу. Хулхулу немногим уступает Аргуну в ширине и быстроте течения.

В Ичкерии протекает река Аксай, образующаяся в горах Нахчи-Лама; близ укрепления Герзель-Аул она входит в Кумыкские владения. Верховья Яман-Су и Ярык-Су также принадлежат Чечни; и наконец часть реки Акташ составляет границу Чечни с Салатау - обществом Лезгинского племени.

За исключением Терека, Ассы, Сунжи, Аргуна и Хулхулу, остальные реки Чечни, когда нет прибыли воды, очень незначительны и мелководны; вовремя же прибыли они вдруг вздымаются и обращаются в глубокие и быстрые потоки. Даже самые маленькие речки, как, например Гойта, носят на себе огромные, вырванные с корнем деревья… Кроме упомянутых рек, в лесистых предгорьях Чечни образуется множество незначительных ручейков, редко имеющих особые имена, и называемых вообще шавдонами - источник или родник.

Ущелья горной Чечни, за исключением тех, которые прорезаны в лесных горах, нам очень малоизвестны. Мы знаем только, что их там чрезвычайное множество; можно сказать, не преувеличивая, что вся южная Чечня состоит только из одних гор и ущельев, потому-то долины, проходящая между ее многочисленными хребтами, так узки, что едва ли их можно назвать долинами; это скорее длинные ущелья, и притом ущелья дикие и мрачные; и только с приближением к лесистому хребту промежутки между горами становятся

настолько широки, что могут назваться долинами. Каждое ущелье лесных гор носит имя реки, чрез него протекающей, потому-то чрез каждоеиз нихтекут реки. Ущелья эти редко бывают длинны; но закрытые с севера огромными, густыми лесами, покрывающими почти всегда и внутренность их, все они более или менее труднодоступны.

Особенно замечательно Аргунское ущелье, славящееся своею дикостью и непроходимостью. Высокие горы разделены руслом Аргуна менее чем на полружейный выстрел; бока их, покрытые густым чинаровым лесом, почти отвесно спускаются к реке, представляя проход только чрез утлый плетневый мостик, прислоненный к боку западной горы. За мостом ущелье начинает расширяться; но там каменистые, крутые откосы загораживают его почти во всю ширину. Чеченцы еще более увеличили неприступность этого ущелья, обрыв отвесно бока гор, и устроив по вершинам и склонам ихв несколькоярусов завалы. Несмотря на еще недавнее посещение Аргунского ущелья войсками нашими* (*В ночь на 15 августа 1852 года полковник (теперь свиты Его Величества генерал-майор) князь Воронцов с небольшим отрядом внезапно прошел Аргунское ущелье, разорил Чишкинские хутора, лежавщие за ущельем)[251].

Чеченцы считают его одним из надежнейшихсвоих оплотов, и до сих пор еще оно служить местом сборасамых отчаянных разбойников. Замечательны также ущелья: лесистое Хулхулинское, за южным выходом которого, около аула Веден, расположен укрепленный замок Шамиля; длинное Гехинское, населенное самым злым чеченским племенем; Басское, Гойтенское, Урус-Мартанское и Галашевское или ущелье Ассы.

В хребтах, прорезывающих плоскость, нет замечательных ущелий; только находящееся на восточной оконечности над-сунженокого хребта ущелье Хан-Кале, пока не был вырублен покрывавший его лес, представляло некоторое затруднение для прохода войск. На восточной горе ущелья, покрытой густым лесом и изрезанной глубокими балками, гнездился непокорный аул Чечен даже до конца 1852 года. Укрытые недоступностью местности, жители его считали себя в совершенной безопасности от русских, и не оставили своей горы даже и тогда, как вся Чеченская плоскость была завоевана нами. Кстати замечу; что аул этот населен выходцами из бывшего в недальнем расстоянии от ущелья, на берегу Аргуна, аула Чечен, правильнее Чачан, именем которого названа вся Чечня.

Озер на Чеченской плоскости немного, и они незначительны. В верховьях реки Гехи есть два соляные озера, соль которых отличается особенно приятным

[251]Имеется в виду, что Воронцов не «прошел Аргунское ущелье», а на несколько верст углубился в него. Указанные Чишки находились в начале ущелья.

вкусом, так что за нею приезжают туда даже из отдаленных мест горной Чечни. Недалеко от ущелья Хан-Кале, близ правого берега Сунжи, есть тоже небольшое озеро, в котором водится много, раков. Говорят, что в горной Чечне, к югу от Аргунского ущелья, находятся три озера, в которых водится много большой рыбы; озера эти отделены от Аргуна искусственной плотиной; но случается, что вовремя разлива воды Аргун прорывает плотины, и уносит огромное количество рыбы. Это действительно случилось несколько лет тому назад. Рассказывают еще, что недалеко от этих озер есть неизмеримой глубины озеро Тумсой, замечательное своими пиявками, находящимися в нем в чрезвычайно большом количестве. Тамошние прибрежные жители употребляют очень простой способ, пользования этими пиявками: для этого больной садится в воду по шею, и пиявки тотчас осыпают его; посидев сколько нужно, он отрывает пиявки и выходит. Таким же образом лечат и домашних животных.

Климат Чечни чрезвычайно разнообразен, особенно в южной ее части; там на протяжении какой-нибудь версты, много двух, можно испытать все климаты нашей планеты, от вечных морозов полюсов до вечных жаров экватора. Чрез Аргунское ущелье часть внутренности горной Чечни видна, как в панораме. …

Климат на высотах, ближайших к вечным снегам, холодный, в ущельях и долинах - жаркий, на северных отраслях—умеренный. Вообще с удалением от снеговых гор климат становится теплее и постояннее. В горах и предгорьях, составляющих южный край плоскости, он умерен, или по крайней мере умерен относительно притеречной части. Частые прохладные ветры, дующие из ущелий, ослабляют жары, и они редко достигают свыше 25-ти градусов Реомюра; с удалением же от предгорий температура возвышается, и между кабардинскими хребтами - летом редко бывает ниже 25-ти градусов, достигая часто до 30 и даже более; с приближением же к затеречным степям жары еще более усиливаются, и могут кажется, дать некоторое понятие о температуре тропиков. Надсунженскй хребет резко делит Чеченскую плоскость в климатическом отношении: к северу от него жары бывают сильнее, позже начинается зима, раньше лето, и оно бывает не так дождливо, как в местах, лежащих к югу, где снег не сходит еще иногда даже и тогда, когда на другой стороне начинает уже зеленеть трава.

Зима на Чеченской плоскости непродолжительна и, редко холодная. В горах снег начинает выпадать в начале ноября, на плоскости же редко ранее половины декабря; и замечено, что если декабрь холоден, то в январь бывают частые оттепели, и весна начинается ране; противное тому бывает, когда декабрь тепел: тогда почти до самого января держатся морозы. Зимой морозы редко достигают до 10°, и то только ночью; днем же почти всегда бывает оттепель. В половине февраля снег исчезает, и тотчас начинает появляться зелень.

Весна очень кратковременна: еще не везде сойдет снег, как уже на обнаженных от него местах зеленеет трава, и в половину Февраля иногда можно встретить цветение подснежника. Жары наступают быстро, почти вдруг. Лето зависит от ветров; каспийский приносит непогоду; этот же ветер зимою сопровождается снегом; западный — кратковременные дожди и грозы, но чаще ясную погоду; юго-восточный — жары и засуху. В иных местах летом дуют постоянные перемещающиеся ветры, почти в определенные часы; например, в окрестностях укрепления Горячеводска от 10 часов утра до 5 по полудни в продолжение всего лета дует очень сильный теплый, восточный ветер, поднимающий облака пыли с голых, в иных местах, боков горы.

Деревья начинают цвести в конце марта, и в это время чеченские леса наполняются благоуханием, особенно сильным, при восходе солнца. Трава цветет в половине июня; в конце этого месяца можно уже ее косить; а к концу сентября скошенные места снова покрываются большой травой, которая, впрочем, дает уже не очень хорошее сено.

Осень в Чечне самое приятное время года, и вполне вознаграждает за кратковременность весенней прохлады. К концу августа жары становятся сноснее, и до восьми часов утра, и после шести вечера можно быть на воздухе. Дожди начинают редко идти ранее конца октября, а часто и позже, и то непостоянные.

Вообще климат Чеченской плоскости очень здоров; только весною, от быстрого перехода от холода к жару, появляется нередко цинга и очень опасная глазная болезнь, оканчивающаяся иногда, при небрежном лечении, слепотою. Впрочем, очень редки примеры, чтобы этим болезням подвергались природные жители Чечни, что, вероятно, происходит от привычки их к быстрой перемене температуры. В укреплениях. Тепли-Кичу и Закан-Юрт болеют в продолжение всего лета лихорадкою, но не очень сильною, однако ж.

Качество почвы Чечни также очень различно в разных местах, и заключают в себя, можно сказать, все степени — от бесплодного, каменистого грунта, в южной части гор, до тучного чернозема, которым покрыта во многих местах плоскость.

Самый бесплодный грунт находится в юго-восточной части гор Чечни, где он или глинисто-песчаный, или же каменистый; по мере удаления к северу, этот грунт начинает, более и более перемешиваться с черноземом, и последние отрасли Черных гор — Лесные горы — покрыты уже довольно толстым слоем его.

Почва плоскости состоит большей частью из чернозема, под которым лежит глинисто-песчаный слой, а еще ниже известковый. С приближением к Кабардинским горам, пересекающим плоскость, нижние два слоя более

выказываются на поверхность и вытесняют чернозем, который преобладает на равнинах и в особенности в местах, прилегающих к лесным горам. Почва гор, проходящих по плоскости, известковая, в различной степени перемешанная с глиной и черноземом; она суха и горяча. …

Вообще почва плоскости чрезвычайно плодородна и при самом небольшом уходе щедро вознаграждает труд землевладельца. Едва ли Чеченская плоскость не есть самая плодородная часть северной стороны Кавказа, и она вполне заслуживает, данное ей горцами название «житницы Дагестана».

Разнообразие климата и почвы Чечни естественно условливает и большое разнообразие растительных произведений земли; действительно, в Чечне можно встретить растения, свойственные различным широтам. Неплодородная почва южных ее частей, соседственных со снеговыми горами, и в особенности мест возвышенных, очень бедна растительностью; леса там почти нет; встречаются только небольшие перелески тощих сосен; посев жителей ограничивается пшеницей и ячменем, сбор которых редко бывает достаточен для собственного даже продовольствия. В местах низменных и далее к северу растительность постепенно становится обильнее; балки и ущелья покрываются густым лесом, где сосна мало-помалу заменяется деревьями теплых климатов, а горы одеваются травою. Жители этой полосы сеют кукурузу, пшеницу, ячмень, овес; сажают лук тыквы, дыни, а иногда, в небольшом количестве, морковь и бобы.

Плоскость чрезвычайно богата растительностью, и отличительный характер ее составляют огромные, вековые леса, покрывающие горы и пригорья последних отраслей Черных гор, и во многих местах простирающейся на значительное пространство внутрь равнин. Самые огромные и непроходимые леса находятся в северо-восточной части Чечни — в Ичкерии, откуда они продолжают тянуться по Качкалыковскому хребту, почти до самого Терека. Берега возле рек и речек плоскости покрыты более или менее широкими полосами лесу, соединяющими лесистые пригорья с лесом, тянущимся по правому берегу Сунжи, - до самого ее впадения в Терек. Оттого вся часть плоскости к югу от Сунжи еще недавно представляла, можно сказать, один огромный лес, и безлесные пространства находились лишь в немногих местах, где реки отстояли одна от другой на значительное расстояние. Теперь же значительная часть лесов уничтожена, или для военных целей, или же самими жителями, расчищавшими поляны для посевов. Левый берег Сунжи менее лесист, а в некотором отдалении от него встречаются только небольшие перелески в оврагах и лощинах, проходящих по плоскости, гор.

Леса Чеченской плоскости преимущественно состоят из чинара, карагача (кара - черное, агач дерево), дуба; реже встречаются клен, ясень, липа; береза считается большою редкостью. По Тереку и Сунже иногда попадается

хлопчатобумажный кустарник; в лесах много белой ароматной акации. Вероятно, в горах растет красное дерево; об этом можно догадываться потому, что некоторые памятники на кладбищах, находящихся на плоскости, сделаны из красного дерева. Из плодовых деревьев в диком состоянии растут: яблони, груши, черешня, сливы, орехи, кизил, тутовник и черный виноградник. Эти же деревья разводятся и в садах, где, кроме того, растут: айва, алыча и персики.

Виноград преимущественно встречается по Сунже. В садах крепости Грозной и станицы Сунженского полка разведен превосходный белый виноград из лоз, присланных в 1848 году князем Воронцовым из Крыма.

Лес чрезвычайно росток. Просеки, вырубаемые нашими войсками, через два года покрываются кустарником в рост человека вышиной. Эта быстрота роста, может быть, составляет главную причину того, что чеченский лес, чрезвычайно сочный на корни, при отделке коробится и трескается; даже со здешними дубом и ясенем нужно обращаться очень осторожно, и долго сушить, чтобы сделать их годными к выделке. Впрочем, и дуб то в Чечне вовсе не напоминает тех, огромных дубов, которые встречаются в лесах России: он невысок и крив. Чинар же вовсе не годится для изделий и даже для постройки, хотя это и есть главный строительный материал в Чечне; только чинаровый наплав употребляют для наклейки на разные мелкие вещи, что очень красиво.

Поля плоскости покрыты высокой и густой травой, перемешанной со множеством цветов, между которыми особенно много высокой разноцветной рожи и полевого горошка. В иных местах растет в диком состоянии люцерна; бурьян, покрывающий запустелые аулы и заглохшие пахати, иногда закрывает конного человека. Поляна между реками Фортангой и Гехою особенно славится своей травой: там растет почти только один чистый и густой пырей. По берегам реки попадается много дикого льна, из которого можно выделывать порядочную пряжу. В лесах много черемши (Alliumursinum), почитающейся хорошим средством от цинговой болезни. Из полевых ягод в диком состоянии растут только клубника, ежевика и терн.

На плоскости могут произрастать все роды хлеба. Из огородных овощей жители разводят только лук, тыквы, дыни и огурцы; но на огородах, принадлежащих Русским, родятся в изобилии и все другие овощи, кроме картофеля, который редко дает хороший сбор.

В лесах Чеченской плоскости водятся во множестве волки и дикие свиньи; эти последние ходят целыми стадами, штук по тридцати, и наносят часто большое опустошение полям кукурузы, до которой они очень лакомы. Много диких кошек; иногда попадаются медведи и куницы; медведи - серые; в горах же, хотя очень редко, но встречаются и черные. В балках гор, проходящих по плоскости, очень много лисиц, оленей и диких коз. В полях водятся зайцы и

много других мелких животных. Говорят, что в лесной части горной Чечни попадаются иногда туры и даже барсы. В бурьянах и кустарниках очень много фазанов; в горах есть небольшие орлы, залетающие иногда и на плоскость, и соколы. Кроме того, в Чечне много разной мелкой дичи: уток, куропаток, перепелов и т. д. Голуби летают многочисленными стадами.

В Тереке водятся почти все рыбы Каспийского моря. В реках, протекающих по плоскости, чаше всего встречаются усачи; много также шамаи; иногда ловятся лососи, сомы и форель…

На северном склоне Кабардинского надтеречного хребта, в особенности около укрепления Горячеводск, водятся во множестве скорпионы, тарантулы и фаланги* (*Из породы клешнечелюстных, семейства бихорховых (Solpugida). Укушение фаланги смертельно, если не прибегнуть тотчас же к извлечению яда из раны; для этого чеченцы кладут на укушенное место кусок горящего трута, и держат его до тех пор, пока он весь не испепелится. Это средство очень мучительно, но всегда помогает, если только укус произошел не в живот, грудь, голову и шею; тогда нет спасения. Тарантулы водятся также недалеко от крепости Грозной, при впадении Нефтянки в Сунжу**(**Там же водятся небольшие речные черепахи, которые живут в нефтяной воде речки Нефтянки). Впрочем, укус тарантула и скорпиона редко бывает опасен.

Небольшие змеи находятся, но всей Чеченской плоскости и больше к северу от Сунжи; в горах близ Терека попадаются довольно большие желтобрюшки, достигающие иногда двух и трех-аршинной длины. По рассказам, в камышах и болотах низовьев Сунжи несколько раз появлялись огромные змеи, длиною в несколько сажень и толщиною в обхват большого дерева…

В горной Чечне находится много горшечного и жернового камня, мела, алебастра, шифера, сланца, песчаника, оселков и разноцветной глины.Гранит и плитовой дикий камень встречаются очень редко. В горах же плоскости встречаются только разные глины, известковый камень и разных цветов песчаник. Около крепости Грозной и укрепления Горячеводска этот последний камень добывается для построек.

Вероятно, в горах южной Чечни находятся металлические руды, но до сих пор о существовании их не имеется никаких точных сведений. В 1834 году в песках Терека, выше Моздока, найдено было небольшое количество золотого песка, и это обстоятельство заставляет предполагать о нахождении этого металла или в главном хребте, или в северных его отраслях. Но истинное богатство гор Чеченской плоскости заключается в минеральных источниках. Между ними первое место, как по обилию вод, так и по целебным свойствам, принадлежит Старо-юртовскому источнику, или, лучше сказать, источникам, вытекающим из северного склона над-теречного хребта, близ укрепления Горячеводск. Здесь

находятся три источника: горячий, серный и железный — и холодный щелочной. Вытекая с полу горы, не в дальнем расстоянии: один от другого, источники эти текут тремя ручьями, и у подошвы горы сливаются в один большой ручей, который протекает через аул Старый-юрт и впадает в Терек. Серный источник имеет температуру 72° по Реомюру; железный несколько менее. Кроме этих трех главных много и других, небольших, еще неисследованных источников.

Горцы давно знали целебные свойства этих вод, и с пользой употребляли их для лечения ран и других, преимущественно наружных, болезней, купаясь под открытым небом, в том месте, где три источника соединяются, и где температура воды уже не так высока. Мы же, стали пользоваться ими правильным образом, под надзором врачей, только с 1850 года. Теперь при источниках устроен небольшой укрепленный лагерь, в котором помещаются: госпиталь, ванны, лагерь приходящего на лето гарнизона и землянки, в которых живут приезжающие лечиться. Этот небольшой лагерь находится под покровительством башни, которая, как орлиное гнездо, одиноко торчит на самом возвышенном месте хребта…

Около самого начала серного источника устроена паровая баня, оказавшаяся чрезвычайно полезной в лечении ревматизма, наружных застарелых болезней и сведении членов. К выгодам этих вод нужно прибавить еще и то, что по близости не находится пресной воды, и потому больные волей-неволей должны пить одну минеральную, если не имеют средств платить довольно дорого за привоз воды из Терека, находящегося в восьми верстах оттуда…

Из южного склона Кабардинского над-сунженского хребта, близ станицы Михайловской, вытекает горячий серный источник, — Михайловск, уже давно известный горцам, но нами открытый только недавно, потому - что чеченцы, когда вынуждены были оставить левый берег Сунжи, заколотили отверстие его войлоками и завалили каменьями. При этом источнике устроены две ванны; помещение можно иметь только в станице, отстоящей от него около двух верст. На правом берегу Терека, близ аула Новый-юрт, находится горячий серный источник, воды которого почитаются очень полезными в ломотах. При этих водах нет ванн, и больные купаются в самом источнике.

Наконец из Качкалыковского хребта, недалеко от укрепления Куринского, вытекает серный источник, при котором устроено несколько ванн*(* В горной Чечне, говорят тоже есть несколько целебных источников, но о них нет никаких положительных известий). Кроме того, между Кабардинскими хребтами, близ урочища Мамакай-юрт, находятся нефтяные колодцы: нефть также значительно примешана к воде протекающей около колодцев речки Нефтянки.

Чечня, как уже было сказано, состоит из двух естественно отличающихся одна от другой частей: горной Чечни и Чеченской плоскости. Чеченская плоскость в военном отношении принадлежит частично Владикавказскому округу, часто же к

левому Флангу Кавказской линии, и разделяется нами на Большую и Малую. Первая занимает восточную часть плоскости, ограничиваясь с северной стороны рекою Сунжей, а с западной рекою Гойтой**(** Река Гойта принята границей между Большой и Малой Чечней только на картах; Русские же, живущие в Чечне, привыкли называть Большой Чечней только часть плоскости к востоку от Аргуна. И надобно заметить, что второе определение имеет больше основательности).

Это разделение основано, как увидим после, на различии родов, населяющих ту и другую часть плоскости.

Чеченская плоскость перерезана двумя рядами наших укреплений, составляющих две линии: передовую и чеченскую. Первая расположена по левому берегу реки Сунжи, и состоит из укрепленных станиц Сунженского полка, укреплений: Волынской, Каза-Кичу и Закан-Юрта, крепости Грозной и укреплений, Тепли-Кичу и Умахан-Юрта. На сообщении этой линии с внутренней, расположенной по левому берегу Терека, находится небольшое укрепление Горячеводское. Передовая линия называется также Сунженской; по ней предположено поселить казачьи станицы, из которых составятся два полка; в настоящее же время существует только первый Сунженский полк, занимающий низовья Ассы и верхнюю часть Сунжи, до крепости Грозной. Чеченская линия состоит из укреплений: Ачхоя и Урус-Мартана и крепости Воздвиженской. На границе Кумыкской плоскости с Чечней находятся укрепления Куринское и Герзень-Аул, которые по своему положению могут быть также включены в эту линию.

Из укреплений, находящихся на Чеченской плоскости, заслуживают особенного внимания следующие: крепость Грозная, построенная в 1819 году, генералом Ермоловым, на левом берегу Сунжи, на северном склоне над-сунженского хребта, близь ущелья Хан-Кале. Это главная крепость Чечни и левого фланга Кавказской линии, управление которого в ней и помещается.

Крепость окружена прекрасными садами* (*Между ними находится казенный сад, в котором разводятся разныя полезныя растения, для снабжения окрестных станиц) в которых разведен довольно хороший виноград. В ней находится несколько довольно красивых зданий, из которых замечательны: прекрасной архитектуры каменная церковь, дом начальника левого фланга и военный госпиталь. В Грозной есть род небольшого гостиного двора, где торгуют преимущественно армяне и евреи. Лавки этих последних занимают сверх того большой особый квартал, напоминающий своей нечистотой и запахом жидовские кварталы наших западных городков. Между купцами есть также несколько русских мещан и купцов 3-й гильдии, Бог какими переворотами судьбы заброшенных туда с дальнего севера едва ли не с самого основания крепости. Крепость Грозная по своему положению почти в центре плоскости, очень важна в

военном отношении, как выгоднейший пункт для сбора отрядов, назначаемых для действий в Чечне.

Крепость Воздвиженская заложена в конце 1844 года, отрядом, бывшим под командою Генерала Гурко, на левом берегу Аргуна, верстах в четырех от выхода его из Аргунского ущелья. При крепости находится деревянный длинный мост через Аргун. Оборона крепости еще усилена построенной в 1848 году отдельной каменной башней на правом берегу реки. Здания крепости, за небольшим исключением, состоят только из казарм и казенных офицерских домиков; отчего она имеет однообразный, правильный, военный вид. Воздвиженская получила имя от Воздвижения креста; найденного при заложении ее. Крест этот высечен из огромного цельного желтоватого известкового камня; высота его три аршина, ширина — 7 вершков, длина горизонтальной перекладины — 2 аршина, толщина — 4 вершка. Посреди креста сделано небольшое квадратное углубление, подобно тому, как и теперь делают на могильных крестах, для вкладывания образков. Крест этот был в большом уважении у окрестных жителей, и считался собственностью Шотоевского общества; Он теперь поставлен на том же месте, где был найден - в цитадели; и окружен небольшой решеткой.

Построением Воздвиженской, закрывающей собою выход из Аргунского ущелья, а потом Ачхоя (в 1846 году) и Урус-Мартана (в 1848 году), отнята у горцев значительная и плодороднейшая часть плоскости, и вместе с тем неприятель лишился возможности производить значительные набеги на терекскую и даже на сунженскую линии; потому - что для него стало опасно удаляться от своих ущелий, оставляя в тылу сильные гарнизоны, которые всегда могут отрезать ему отступление. Под прикрытием описанных двух линий расположены по Тереку и Сунже аулы покорных, или так называемых мирных чеченцев; из них замечательнейшие по своей обширности: Старый Юрт, близ укрепления Горячеводского, и Брагуны, на правом берегу Терека. Кроме того, при каждой крепости, при каждом укреплении и при некоторых сунженских станицах находятся более или мене значительные аулы, население которых с каждым днем, можно сказать, заметно увеличивается горскими чеченцами, бегущими от деспотизма Шамиля.

Окончательное очищение Чеченской плоскости от непокорных нам чеченцев совершенно еще недавно, именно в конце 1852 года, когда было разрушено последнее убежище хищников на плоскости - аул Чечен на Аргуне; и теперь только остались небольшие рассеянные хуторки или кутаны, не признающие нашей власти, в самых лесистых предгорьях и по западному склону Качкалыковского хребта. Знакомому только по карте или по слухам с местностью Чечни может показаться странным, что нужно было употребить около десяти лет для покорения такого небольшого клочка земли; тем более, что часть Чечни, к северу от Сунжи, с 1817 года

уже была занята нами. Но для того, кто видел Чечню в натуре, и кто сам побывал в чеченских походах, эта кажущаяся медленность очень понятна. Вспомним только, что Чечня перерезана множеством рек, речек и ручьев, и что берега их сплошь были покрыты густыми полосами леса, иногда в несколько верст шириною. Непроходимые эти леса всегда представляли большие препятствия движению наших войск, и составляли надежнейший оплот и верное убежище хищников…

Но самую большую трудность представляли, и даже в настоящее время представляют, прорубки просек в сырых, чрезвычайно ростких лесах Чечни. Для этой цели каждую зиму, с 1845 года, в Чечне собираются больше отряды войск, которые ежедневно занимаются работой, в продолжение месяца, а часто и двух…

Первая просека в Чечне была проложена генералом Ермоловым, вскоре по основании Грозной, через ущелье Хан-Кале. После этого до 1845 года просек прорубаемо не было; в этом же году прорублен лес, тянущийся по берегам реки Гойты; потом в 1846 году проложена дорога через Гехинский лес, тянущийся по берегам Гехи и Валерика. Через гойтенскую и гехинскую просеки идет теперь так называемая Русская дорога: от Воздвиженской, через Урус-Мартан и Ачхой, до Владикавказа. До прорубки просек переход через гойтенскй и гехинский леса всегда был очень кровопролитен и стоил значительных потерь; эти переходы, верно, останутся надолго в памяти кавказцев, рядом с самыми трудными подвигами.

Гехинская просека в последнее время получила еще особенную знаменитость: это дело, которое имели там, 26 октября 1850 года, войска, сопровождавшие Его Высочество Государя Наследника, и в котором Его Высочество лично принимал участие; другое событие, горестное для всего Кавказа - смерть грозы чеченцев, храброго генерала Слепцова, убитого 10 декабря 1851 г. при взятии войсками нашими завалов близ Гехинского ущелья.

В 1847 и 1848 годах прорублены просеки через береговой сунженский лес для того, чтобы иметь больше путей сообщения с чеченской линией. В 1849 году сделана просека в Ассинском ущелье. С этого же года начали прорубать просеки к востоку от Аргуна для сообщения чеченских крепостей с Кумыкской плоскостью; работы продолжались ежегодно, до 1853 года, в начале которого проложена просека чрез Качкалыковский хребет. Таким образом по всей Чеченской плоскости образовалась сеть сообщений. Чеченцы увидели, что леса сделались доступны и не могут уже более служить препятствием нашему оружию, и потому они оставили плоскость: часть переселилась в горы, другие же покорившись нам, вышли в аулы, построенные под нашими пушками.

II

Чеченское племя. —Чеченские общества. —Чеченская плоскость. —Предание о заселении ее нынешними обитателями. —Исторический очерк

заселения плоскости. — Влияние на нее русских с XVI века по настоящее время. —Покорение плоскости.

Чеченцы не составляют одного народа, с одним общим именем, а разделяются на несколько более или мене многочисленных и имеющих каждое свое наименование племен, которые, в свою очередь, дробятся на мельчайшие общества, а эти последние на роды. Гражданской связи между племенами нет; считая себя как бы отдельными одно от другого, они часто даже находятся между собою во враждебных отношениях[252]…

…Эти маленькие роды, составляющие нечто целое, называются тохум. Каждое отдельное общество имеет свое название; но ни одно из них не называется именем чеченцев; только жители участка Чечен придают себе иногда это имя, но единственно в смысле жителя земли Чечен: они говорят чечен-хо —чеченский человек, или чечен-хой — чеченские люди* (*Чеченцы разделяют плоскость на три части: пространство между реками Натыхо и Урус-Мартаном называют Гехи; от Урус-Мартана до Аргуна - Чечен, и от Аргуна до Качкалыковского хребта — Герзели-хон или просто Герзели).

В самой глубине отраслей главного хребта, в верховьях западного рукава Аргуна, обитают Кисты, племя многочисленное и сильное, занимающее недоступную местность, перерезанную по всем направлениям горами и усеянную отдельными каменистыми скалами. В верховьях восточного рукава Аргуна живет общество Шаро или Киолал. На северо-востоке от этих обществ обитают Тот-Бутри, Джан-Бутри, Шабузы, Шотой, - и на север: Ахо и Галаши. Последние три общества занимают северные отрасли Черных гор и пригорья их. Чарбили и Ичкери живут по северо-западным склонам Андийского хребта. Ичкери, кроме-того, распространяются далеко на север, до Кумыкских владений, занимая местность гористую и покрытую огромными, почти непроходимыми лесами. Рядом о ними живет общество Аух.

По западному и восточному склонам Качкалыковского хребта обитают Мичики и Качкалыки или Качалыки: земли их распространяются на север почти до самого Терека.

Кроме-того, на западе горной Чечни обитают племена Цори; Галгай, Кистины, Джерахи, происхождение которых не определено. Одни считают их обществами чеченскими, друге ингушскими; наконец иные и самих ингушей полагают обществом чеченского племени. Разногласие это происходит от недоступности

[252] После столь оригинального тезиса в отношении народа, достигшего национальной консолидации еще в XVI-XVIII вв., а в условиях Кавказской войны втиснутого в жесткую государственную систему Имамата Шамиля, К. Самойлов продолжает следовать исключительно умозрительным теоретическим рассуждениям по поводу общественно-политического состояния Чечни не имеющим отношения к реальной картине и потому опущенные нами.

горной Чечни для более точных исследований; потому в этом случае, кажется, безошибочнее будет держаться мнения самих чечен, которые общества Цори и, Галгай не считают одноплеменными с собою[253]; видимое-же сходство быта их и языка с бытом и языком чеченцев, можно полагать, происходит оттого, что, живя долгое время в соседствуя с обществами чеченскими, и не отделяясь от них никакими естественными границами, они смешивались с ними, и заняли от них многие обычаи и слова.

Вот все, что можно сказать достоверного об обитателях горной Чечни. Когда и откуда произошел этот народ, значительно отличающийся от других горских племен языком и даже физиономией, —неизвестно. Может быть, со временем, когда горная Чечня, где живут чистые, коренные чеченцы, будет доступна, этот любопытный во многих отношениях народ сделается для нас боле известным…

Перейдем к обитателям Чеченской плоскости…существование чеченских племен на плоскости не может относиться к… отдаленным временам; можно с достоверностью сказать, что чеченцы заняли плоскость не далее, как лет 250 тому назад.

История занятия плоскости и утверждения их на ней сохраняется в предании, которое я привожу здесь, как любопытный и едва ли не единственный чеченский исторический памятник.

В прежнее время плоскость Чеченская была заселена каким-то другим народом; но неизвестно от каких причин народ этот исчез, так что земля осталась незаселенной. Долго спустя после того, за ущельем реки Ассы, на Алкунайской поляне, жили два брата; старшего звали Чармо, а младшего — Шото. Братья были охотники и часто посещали незаселенные леса и ущелья нынешних предгорий Чечни, которые до того понравились им богатством растительности и обилием дичи, что они решились переселиться туда, и только затруднялись выбором удобнейшего мота. Случай помог младшему брату: раз он быль застигнут темной ночью, во время охоты, в Аргунском ущелье; выбрав удобное место для ночлега, Шото лег спать, воткнув около себя свое копье. Проснувшись утром, Шото с удивлением заметил, что как-то насекомые проточили древко копья его, и завели там свои гнезда[254]. Это обстоятельство он счел как-бы указанием свыше на выгоду этого места для переселения. Возвратившись домой, Шото забрал свое

[253]См., для сравнения первые страницы работы того же К. Самойлова. Мы видим также, что вопрос о карабулаках как некоего этноса здесь и не ставится. Они безусловные чеченцы, в отличие от несколько «сомнительных» в этом отношении галгаев и цоринцев. Мы обращаем внимание на эти не столь важные обстоятельства, в связи с встречающимся недопониманием сложных вопросов этногенеза кавказских народов в части современной горской историографии.

[254] Это классический фольклорный сюжет десятки раз повторяющийся в чеченских сказаниях об основании тех или иных селений, заселении ущелий и равнин.

семейство и перешел на левый берег Аргуна (Шотой - Аргун), и построил там себе жилище.

Вскоре после того и брат его Чармо перешел на реку Хулхулу, и положил основание аулу, который и поныне зовется именем основателя -Чармой.

Произошедшие от братьев потомки составили два племени, сохранившие имена своих родоначальников: одни зовутся Шотой, другие—Чармой. Много лет спустя, когда братья умерли, а потомки их, размножились, в восточных частях гор произошла война, вследствии которой какой-то мелардойский[255] князь Алхан, сын Турлоу, со своими родственниками н приверженцами, оставил родину и бежал к шотоевцам. Он поселился на правом берегу Аргуна, у самого выхода его из ущелья, где и построили аул Узек-Юрт, развалины которого до сих пор существуют* (*Развалины эти окружены валом, поросшим огромными чинаровыми деревьями, что доказывает древность этих построек).

Вскоре после того кумыкские князья, считая землю, занятую Алханом своею, пришли с войском, чтобы выгнать его оттуда: но Алхан, призвав на помощь Хотоевцев[256] и чармоевцев, разбил и прогнал кумыков. Молва о победе князя привлекла к нему много народа, как из его родины, так и шотоевцов и чармоевцев, живших в горах, которые стали переселяться в Узек-Юрт, подчиняясь с тем вместе власти Алхана. От этих выходцев скоро стало тесно в Узек-Юрте, и князь перевел часть жителей ниже по Аргуну, против ущелья Хан-Кале, где и построил аул Чачан. Имя это дано было в следствие следующего обстоятельства: Алхан под пеплом своего костра нашел камень, на котором он разобрал слово Чачан или Чечен. - Потому, как самый аул, так и окрестную землю назвали — Чечен… [257].

---

[255]Мелардо, одно из названий Гумбетовского авароязычного обшества в северо-западной части Нагорного Дагестана.

[256] Видимо надо полагать шотой /шатоевцы, обитатели Шатоевского плоскогорья Аргунского региона.

[257] Интересно отметить, что в архивном документе от 1756 г. - письме князей братьев Айдемировых, потомков Турловых переселившихся в середине XVII в. в Чечню, приводится этот же фольклорный сюжет но, честь первопоселенца на Аргуне приписывается не Алхану а Алибеку Турлову: «…в тогдашнее время дед наш Албек выехал с узденями своими для гульбы и наехал на Чеченскую паляну, где неподалеку имеетца текущая из-под гор речка, именуемая Аркун и на вершине оной нашел камень по подобию, что над умершими телами кладутца, который и слесши с лошади имевшую на том камне надпись читал и объявил узденям своим, что де в сем камне написано, яко сия поляна именуется Чеченская и оттоль приехав в домы свои послал по братьев своих Загаштыка и Алхана и объявил им, что он нашел поляну, на которой желает жить, притом их к житью с собою звал, которые ево братья не послушали, почему он только с своими подвластными переселился». – См.: Чечено-русские отношения в XVIII веке. Исследование и материалы. Т. 1. / Авт.-сост.: Я.З. Ахмадов. – Грозный: АО «Изд.-полиграф. комплекс «Грозненский рабочий», 2019. С.262.

Остается добавить, что изгнанная из Гумбета в сер. XVII в. княжеская фамилия Турловых поселилась на Аргуне в Чечне, скорее всего, по приглашению местного населения.

Вот как говорят чеченцы о заселении ими плоскости; должно прибавить, что предание это сохраняется в длинной песне, в которой князь Алхан величается столбом, подпирающим небо. Жители аулов между Сунжей и Тереком действительно и теперь несравненно миролюбивее своих земляков, живущих к югу от Сунжи; у них и теперь более порядка, подчиненности и,так сказать, гражданственности.

Засунженцы-же до самого избрания Шамиля в имамы не признавали никакой власти и считали себя народом совершенно вольным; да и теперь, чеченцы, подчинившись Шамилю, несмотря на тягость этой подчиненности, только себя считают народом свободным, называя всех остальных горцев — холопами. Племя Чармой, неизвестно по каким причинам, в последствии получило название Нахчой; оно считается главным, и даже лет пятьдесят тому назад ни один нахчоевец, не унизив себя, не мог вступить в родство с шотоевцем. Теперь-же это само собою уничтожилось.

Нахчоевцы живут преимущественно в восточной части Чеченской плоскости, отделяясь на западе рекою Аргуном от земель шотоевцев, которые занимают часть плоскости, называемую нами Малой Чечней. Исключив из приведенного предания некоторые сомнительные факты, начиная с братьев, и основываясь на других местных рассказах и преданиях соседних народов, а потом на сохранившихся памятниках отношений чеченцев к русским, — можно составить довольно достоверную историю Чеченской плоскости. Постараюсь кратко изложить ее, с возможной точностью, на сколько позволяет недостаточность сведений об этой стране.

Чеченская плоскость, до занятия ее нынешними обитателями, принадлежала двум бывшим некогда могущественными на Кавказе народам: восточною частью ее владели кумыки, а западной — кабардинцы; эти народы владели землей, но не занимали ее однако ж.[258] Настоящее население составилось первоначально из горских выходцев, выселявшихся частно из глубины ущелий западных склонов Андийского хребта, где ныне Ичкерия,—это нахчоевцы, имя которых напоминает одну из отраслей Андийского хребта — Нахчи-Лама; друге выходили из западных частей горной Чечни—это шотоевцы. Вероятно, как те, так и другие, принадлежали к одному племени; но положительно этого утверждать пока еще

[258] Кабардинцы появились на Центральном Кавказе из Приазовья не ранее XV в., а к границам современной Чечни вышли только к концу XVI в. При этом приписываемая им на многочисленных картах т.н. «Малая Кабарда» собственно в части междуречья Терека и Сунжи являлась географическим термином, не более. Появление же этнических кумыков севернее Сулака и их расселение в Терско-Сулакском междуречье между Аксаем и Каспием отмечается не ранее первой четверти XVII в. Однако мы не можем требовать от К. Самойлова, опиравшегося на разноречивые рассказы и легенды позапрошлого века совершенного научного уровня.Хотя, ранее, в отношении тех же Турловых он приводит интересные данные, коррелирующие с подлинными документами.

нельзя. Сперва выселилось несколько семейств, основавшихся по берегам рек Аргун и Хулхулу; потом постепенно к ним стали присоединяться новые выходцы, селившиеся по течению других рек Чечни. Каждая семья, выходившая на плоскость, выбирала для себя удобную поляну, и слилась на ней отдельно, не смешиваясь с другими семьями. Слух о богатстве земли, занятой выходцами, привлекали на плоскость новых переселенцев даже из отдалённых частей гор и частно из Дагестана, и поселения раздвигались все более и более, пока наконец не пришли в соприкосновение с соседственными кабардинскими и кумыкскими землями… земля их сделалась постоянною целью набегов жадных соседей, ….

Выгодным переворотом в своей судьб Чечня несомненно и единственно была обязана соединению своему под властию князей Турловых; и пока Чечня не стала сильна и могущественна , пока она нуждалась еще в одной сильной рук, которая руководила-бы ею, во вражде с соседями, до-тех-пор власть князей уважалась; но как скоро чеченцы увидели, что опасность миновала, привычка к прежней неразумной свободе взяла верхь над долгом благодарности своим избавителям, и власть князей стала казаться им невыносимо-тяжелым игом…

…В настоящее время княжеская власть существует только в трёх аулах: Старом-Юрте, Новом-Юрте и Брагунах, которые, не увлекшись восстановлением[259] всей Чечни в 1840 году, оставались нам верными, и не покинули своих местах.

Скажу теперь несколько слов о влиянии, какое имели мы на судьбу Чеченской плоскости. Еще с самого почти основания Русского государства князья наши имели сильное влияние на всю северную часть Кавказа, а в том числе, конечно, и на обитателей Чеченской плоскости; …

…Кучук-Кайнарджийский мир [1774 г.] окончательно утвердил все горския племена Кавказа за нами.

С тех пор Кавказскую линию стали постепенно усиливать переселенцами с Дону и других мест Южной России, а в 1784 году от Моздока в Грузию проложена была дорога, прикрытая в опасных местах небольшими укреплениями. Это обстоятельство было причиной новаго сильнаго возстания чеченцев, которые, между прочим, опасались, чтобы новое сообщение не послужило во вред торговому пути, ведшему по их землям из Грузии в Эндери (или Андреев — большой аул на Кумыкской плоскости, при котором построена крепость Внезапная)…

[259] Так в тексте. Вероятно, имеется в виду присоединение надтеречных чеченцев (за исключением трех сел) к всеобщему восстанию в Чечне в 1840 г.

После взятия Анапы, в 1790 году[260], где был схвачен и Шейх-Мансур, горцы несколько поутихли, лишенные влияния и поддержки со стороны турок; однакоже выгодная для нас грузинская дорога не могла быть открыта до самаго 1800 года, когда снова начали строить придорожныя укрепления, и в особенности до возобновления, в 1803 году, Владикавказа. До 1847 года дела наши на севере Кавказа находились в неопределенном положении; с этаго-же года перевес явно переходит на нашу сторону…

Обстоятельства ускорили переворот, и в 1840 году Чечня возмутилась. Первые восстали жители верховий реки Урус-Мартана, к которым тотчас же прибыл Шамиль; отсюда мятеж начал распространяться по всей Чеченской плоскости с необыкновенной быстротой, и в половине 1840 года уже вся плоскость возмутилась. Это было уже не такое возмущение, которое можно было прекратить наказанием нескольких аулов, как бывало не раз прежде; все население взялось за оружие и объявило казават—священную войну против неверных. С тех пор снова в Чечне запылала война кровопролитная и нередко беспощадная война, продолжающаяся и в настоящее время.

…В следующие за теми года в Чечне продолжались рубки просек, и построены укрепления Ачхой и Урус-Мартан, на чеченской линии, и Тепли-Кичу — на сунженской. В тоже время войска производили частые набеги, для разорения аулов, для угнания неприятельского скота и уничтожения хлеба и сена. Все эти меры в совокупности произвели самые благоприятные следствия, и в начале 1850 годов в Малой Чечне не осталось ни одного непокорного аула, за исключением полосы леса, тянущейся по подошве лесных гор, где еще гнездятся небольшие кутаны, но население их так малочисленно, что они почти совершенно безвредны для нас*(*12-го декабря 1849 года Слепцов нанес сильное поражение Шамилю, вследствие чего смирились и выдали аманатов галаши, на земле которых произошло сражение).

В 1850 году начали прорубать просеки в Большой Чечне, леса и вообще местность которой несравненно доступнее; нежели в Малой, потому покорение этой части совершенно без постройки укреплений. Одних просек было достаточно для того, чтобы жители ее или удалились в горы, или вышли к нашим укреплениям. С 1853 года и Большая Чечня таким образом может считаться принадлежащей вполне нам. Осталась еще почти непочатая горная Чечня, наведавшая вовсе русского оружия.

Краткий обзор этот может дать только самое поверхностное понятие о действиях наших войск на Чеченской плоскости, Война в Чечне, замечательная

[260] Осада и штурм Анапы относятся к 23 июня -7 июля 1791 г., когда в плен попал и имам Мансур, доставленный вскоре в Петербург и помещенный «навечно» в Шлиссельбургскую крепость. Умер 14 апреля 1794 г. в возрасте примерно 34-35 лет.

своими трудностями и ознаменованная удивительной стойкостью наших войск, заслуживает вполне известности; но пределы этой статьи не допускают более подробного изложения этого предмета, введенного мной только как необходимое добавление, для того, чтобы читатель мог получить возможно полное понятие о Чеченской плоскости.

[Продолжение: Самойлов К. Заметки о Чечне // Пантеон. Журнал литературно-художественный. Т.23. Кн. 10. СПб., 1855. С.29-64].

III.

Религия. —Язык. —Разделение на сословия: духовенство, свободные люди, рабы. —Управление. —Суд по адату. -Право канлы: за убийство, за оскорбление жены, за оскорбление родственницы девушки.-Семейные отношения.-Права наследства.

Не подвержено никакому сомнению, что чеченское племя в древности исповедовало христианскую веру, приняв ее в начале от самих Св. Апостолов, из которых, как известно, Андрей Первозванный проповедовал скифам, *аланам* и воспорянам [боспорянам]**(**Статья г. Хицунова «Кавказ» 1846 года № 15).; и в V веке на севере Кавказа, по свидетельству Кирилла Иерусалимского, были уже христианские иерархии. Древность христианской религии в Чечне доказывается также находящимися в ней памятниками, из которых в настоящее время нам известны следующие: крест, найденный при заложении крепости Воздвиженской; храм Задцах-Эрды (святого Эрды), находящийся в Кистинской деревне Хула и построенный, как полагают, более четырех столетий тому назад; крест, стоящий на холме недалеко от ала Цори зеленый из серого цвета его показывает глубокую древность, а предание говорит, что крест этот поставлен их предками, христианами, в воспоминание победы, одержанной ими над магометанами.**(**См. статью «Воспоминание о кистах» помещенную в газете «Кавказ»). Кроме того рассказывают, что в горнойЧечне, в местах, не подвергшихся влиянию мюридизма, можно и теперь встретить много медных маленьких крестиков, очень уважаемых их владетелями, и что такие же кресты попадаются иногда в полях. Наконец сами предания чеченцев, сохраняют нередко какое-то смутное воспоминание о христианстве...

В начале XVII века исламизм берет уже явный перевес над христианством и, оставленные проповедниками, горцы начали забывать истинную религию: одни из них, по своему положению подвергавшиеся влиянию Турок, приняли магометанство, другие же, обитавшие в местах неприступных, обратились к язычеству, составив какую-то смешанную религию из понятий христианских, языческих и даже магометанских. Таким образом Чеченцы, населявшие

плоскость и ближайшие к ней горы, сделались магометанами; живущие же в самой глубине гор—язычниками.

Но как ни слабо было в половине XVIII века христианство в Чечне, однако же все-таки не было совершенно истреблено до самого 1785 года, времени появления магометанского проповедника Шейх-Мансура. Он, полагают, был родом из Оренбургских степей, и получил свое воспитание от выходцев из Бухары, издавна известной своим мусульманским фанатизмом. Неизвестно каким образом Шейх-Мансур проник в Чечню и поселился на правом берегу Сунжи, близ Хан-Кольского ущелья, в ауле Алды[261]. Отсюда уже он является проповедником мусульманства, объявив себя пророком, и провозглашая непримиримую войну против неверных. С этого времени последние следы христианства в Чечне исчезают. И в настоящее время большая часть чеченцев исповедует магометанскую веру секты Сионии[262]. Общества же Кистов, Галгаев и Цори — идолопоклонники, поклоняющиеся духу *Галлерд.*

В 1823 году, в горах появилась новая секта—мюридизм, бывшая причиною всех волнений на Кавказе, продолжающихся с того времени и поныне.

…Чеченцы говорят особым языком, несхожим ни с одним из языков других Кавказских племен. Чеченский язык чрезвычайно беден и может выражать только понятия, не выходящие из тесного круга обыкновенной жизни. Произношение его гортанное, однакож не в такой степени, как у дагестанских племен; и потому он довольно сносен даже для непривычнаго уха. Все чеченские общества говорят одним языком, но язык горных чеченцев несколько отличается от живущих на плоскости, и разница становится тем заметнее, чем далее углубляешься в горы.

На плоскости почти все жители знают кумыкский язык, который они употребляют в сношениях с соседними обитателями равнин.

Арабский язык, на котором написаны их священный книги, известен очень немногим духовным лицам: большая же часть мулл умеют только читать буквы корана, не понимая почти смысла его. Молитвы, которые непременно должен знать каждый магометанин, известны некоторым и мирянам; но они, произнося слова, совершенно не понимают значения их.

---

[261] Все вышесказанное о распространении ислама и чеченском шейхе Мансуре сугубо авторские представления на уровне распространенных версий своего времени. – См.: Ахмадов Ш.Б. Имам Мансур: народно-освободительное движение в Чечне и на Северном Кавказе под руководством имама Мансура в 1785–1791 гг. 2-е изд., перераб. и доп. Грозный, 2010; Беннигсен А. «Священная война» Шейха Мансура (1785–1791 гг.). Малоизвестный период и соперничество в русско-турецких отношениях / Пер. с фр./ Вступ. статья и редакт. В.Г. Гаджиев. - Махачкала: Б/и., [1994]; Гроза над Кавказом: имам Мансур / Авт.-сост.: Я.З. Ахмадов. – Грозный: Б/и. Академия наук Чеченской Республики, 2022; и др.

[262] Так в тексте. Нам не удалось найти значение.

Чеченский язык не имеет собственных букв, и во всех письменных сношениях употребляются буквы арабские.

В разговоре чеченцы любят, подобно всем восточным народам, выражения цветистые н часто, следуя моде, к каждой фразе прибавляют какое-нибудь вовсе не идущее к речи слово, иногда даже не имеющее никакого значения.

Жители Чечни разделяются на три сословия: духовенство, свободных людей[263] и рабов.

Права духовенства в магометанских обществах определены кораном, который передает в их руки не только наблюдение за совестью магометан, но и предоставляет им важное значение в гражданском управлении и в особенности в отношении суда. По закону духовенство обязано проповедовать учение, решать споры и тяжбы, стараться примирять врагов, судить преступления и определять наказания и степень мщения; кроме того, никто не может без предварительного совещания с муллами и кадиями казнить мусульманина и даже объявлять войну.

Но в Чечне духовенство прежде пользовалось только теми правами, какие представлял ему сам народ, и обширность его зависела от личных качеств духовного лица. Со введением мюридизма, нрава их стали обширнее, хотя однакож не достигли степени, предоставленной им законом, и чеченцы вообще неохотно покоряются владычеству мулл и кадиев.

За исключением судной части н участия в гражданском управлении, права духовенства во всем совершенно равны с правами прочих вольных граждан. Муллы, точно также, как и все, сами обрабатывают свои участки земли и бывают, наравне со всеми, в набегах. Мулла, не отличающийся молодечеством, служит иногда предметом насмешек и общего презрения.

Смотря по обширности, в каждом ауле находится один или несколько мулл; кадии бывают только в аулах многолюдных, и им подчиняются окружные деревни. Муллы избираются самим народом, при чем необходимыми условиями почитаются знание арабского языка и умение толковать коран; но первое условие не всегда строго рассматривается: достаточно только, чтоб избираемый понимал коран. Из мулл выбираются кадии.

Магометанское духовенство в Чечне пользуется определенным законом содержанием, которое состоит из неопределенных подарков за решение тяжб,

[263] Обращает внимание то обстоятельство, что К. Самойлов проведший ряд лет на Кавказе и видимо знакомившийся с кое-какими публикациями своего времени, неглубоко вникал в вопросы состояния чеченского общества. В Чечне были не просто «свободные люди»: в Чечне все члены коренных тайпов («фамилий») независимо от имущественного положения относились к узденям, т.е. к благородному сословию. Это обстоятельство признавалось и российскими властями. Впрочем, далее и сам автор говорит о чеченском узденстве как благородном сословии.

раздела имений н совершения обрядов; кроме того, каждый вносите в свою мечеть — закат — десятую часть своих ежедневных доходов. Третья часть этого сбора принадлежит духовенству, а остальные две раздаются бедным.

Права духовенства в языческих обществах Чечни очень огромны и ничем не отличаются от прав всех свободных людей. Содержание его ограничивается добровольными приношениями за службу.

Свободные чеченцы составляют один класс людей независимых и во всем равных. Чеченцы очень дорожат и гордятся этой независимостью н равенством, считая себя равными узденям соседних кабардинцев* (*Уздень – человек свободный, в роде дворянина. Чеченцы производят это слово от эзюдон – от себя, и потому считают себя узденями, т.е. зависимыми только от себя).

Впрочем, это равенство, только кажущееся в Чечне, как и везде, где по видимому нет состояний, пользующихся законными преимуществами; люди, имеющие обширное родство, пользуются большим влиянием.

В прежнее время каждый свободный человек имел право голоса в народных собраниях и даже мог сзывать эти собрания; теперь же это право осталось только в обществах независимым от власти имама.

Право поземельной собственности принадлежит только людям свободным, но в Чечне, кроме того, это право имеет свою замечательную особенность. Земля здесь не составляет личной собственности каждого лица, а принадлежит целому роду - тохуму. Ежегодно она делится на части по числу жителей, и участки раздаются по жребию; оттого в Чечне большое семейство не составляет тягости, а напротив, служит средством к более удобной жизни. После сбора посевов земля опять поступает в общую собственность. Обычай этот, конечно, есть следствие необыкновенного плодородия земли в Чечне, не требующей до сих пор еще решительно никакого удобрения. Исключение составляет - когда кто сам расчистит в лесу поляну, или удобрит бесплодную скалу, тогда возделанный участок составляет неотъемлемую собственность хозяина[264].

[264]Имеющиеся в распоряжении исследователей материалы говорят о том, что общественными в Чечне считались исключительно пустоши, леса, выгоны, пастбища и покосы (но часть покосов в горах, облагороженных очисткой от камней и кустарников, признавались частными). Безусловно частными являлись горные земледельческие террасы. На плоскости чеченцы могли делить на паи пахотные земли, находившиеся в аульной собственности. Но опять-таки подобная практика сходила с течением времени на нет. Участки земли освобожденных трудом семьи от леса и кустарников также были безусловной частной собственностью и здесь. – См.:Исаев С.А. Из истории социальных отношений и классовой борьбы в Чечено-Ингушетии в последней четверти XIX века // Социальные отношения и классовая борьба в Чечено-Ингушетии в дореволюционный период (XIX начале XX в.). Грозный, 1979. С.102-116; и др.

Есть еще в Чечне малочисленное сословие личных рабов, приобретенных покупкою или пленом. Рабы разделяются на два класса, положение которых не одинаково. Те, которых рабство считается с незапамятных времен, и которые потому не могут помнить своего прежнего состояния и родства, называются *Лая.* Они составляют род вещи, вполне о безусловно принадлежащей своему хозяину, который имеет неограниченную, и безответную власть над их имуществом и жизнью. Другие, поступившие в рабство еще недавно, в надежде быть выкупленными, —называются *Иессиры.* Положение их несколько сноснее потому, что хозяин, рассчитывая на хороший выкуп, обращается с ними человеколюбивее.

Вообще как тот, так и другой класс, не пользуется никакими личными правами, которые бы ограничивали произвол хозяина. Потому рабское состояние в Чечне чрезвычайно унизительно; несмотря на то, однако же, раб, отпущенный или выкупившийся, тотчас же поступает в сословие людей свободных и пользуется всеми их правами. Нередко случается, что освобожденный раб вступает в семейство своего прежнего хозяина. Для него не закрыта даже возможность поступить в духовное сословие. —Отпущенники зовутся *Азатами.*

До 1843 года, в чеченских обществах не было никакого общего управления: каждый аул составлял как-бы отдельное целое, и управлялся независимо от других, одноплеменных, старшинами, избираемыми, но одному от всех семей, живших в ауле. Законов не было, и управление основывалось на одних обычаях, сохраняемых преданиями. Власть старшин была самая ничтожная, и исполнение постановлений их всегда зависело от согласия каждого жителя аула; подчинялся им только тот, кто хотел.

Дела особенной важности решались на сходках, на которых каждый свободный чеченец имел право голоса, и далее право сзывать народ на эти сходки. Для этого достаточно было, кому угодно, залезть на кровлю мечети и провозгласить оттуда свое желание поговорить с народом. Но и здесь никаких правил не существовало: общее решение признавалось и исполнялось только теми, кто соглашался с ним; несогласных же или принуждали повиноваться силою, или же оставляли в покое, в случае невозможности употребить силу.

После покорения плоскости русскими, управление Чечни не изменилось, и зависимость жителей ограничилась только наложенною на них небольшою податью и легкими повинностями. С того времени, как в Чечню проникло учение мюридов, имамы, и в особенности Шамиль, получили некоторое влияние на

горные общества Чечни, а в 1840 году и на плоскость. Но, зная, как дорожатчеченцы своею вольностью, Шамиль первое время ограничивался однимрелигиозным влиянием, и до 1843 года не касался их внутреннего управления. С того же года, когда власть его установилась в горах прочнее, он начал мало-помалу вмешиваться в гражданское управление Чечни, и, заменяя исподволь обычаи шариатом, успел наконец совершенно подчинить себе все магометанские общества Чечни; с тех пор в Чечне осталась только тень прежней вольности, н то более в названии, но не в действительности.

В настоящее время управление в разных частях Чечни различно.

В языческих обществах оно не изменилось, и чеченцы, но прежнему управляются старшинами. Так называемые мирные Чеченцы, то есть подчинившиеся нашей власти, управляются старшинами, избираемыми самим народом и приставами, особо назначаемыми — русскими офицерами, или подчиняются местному воинскому начальнику там, где нет приставов. Высшее управление сосредоточено в лице одного русского начальника, подчиненного непосредственно Начальнику левого Фланга Кавказской линии.

Чеченские общества, признающие власть Шамиля, находятся в самой деспотической от него зависимости. Присланные от него *наибы*[*](* Наиб — значит наместник мюридов)управляют каждый своим округом, завися только от имама. Они очень редко выбираются из местных жителей; большей же частью Шамиль назначает в эту должность людей испытанной к нему верности и преимущественно из своей родины — Тавлии[**](**Тавлией чеченцы называют Дагестан, а тавлинцами его жителей. Это слово равнозначаще с словом Дагестан и означаете страну горную. Шамиль родился в Гимрах селении Койсубулинскаго общества).

Народ должен беспрекословно повиноваться наибу, имея, впрочем, право жаловаться на него и просить о смене; но это только тень права, которой Шамиль ласкает вольность чеченцев. В подобных случаях, как и во всем, онруководствуется единственно собственными выгодами, и скорее сменит наиба любимого народом, потому что получает от него в следствие этого меньше подарков.*** (***Если Шамиль не уверен в ком-либо из наибов, то берет из семейства его аманата, и тем заставляст людей, самых добросовестных, в управлении своем руководиться единственно выгодами имама. В противном случаи жизнь аманата будет в большой опасности).

Наибы очень хорошо понимают это, и конечно же не упускают случая угодить Шамилю, грабя народ и делясь награбленным с имамом. В таком случае наиб может быть уверен, что если сильное неудовольствие народа и заставит Шамиля отнять у него наибство, то он получит другое.

Наиб управляет самовластно, имея даже право казнить, и только в очень важных случаях обращается за разрешением к имаму. При наибе находится большое число мюридов, приводимых им большею частию с собою, и только немногие из них набираются из местных важных семейств. Мюриды не имеют определенных назначений, а употребляются для исследования дела, для надзора за приведшим в исполнение распоряжения и тому подобные.

Прибыв на место, наиб избирает себе помощника, который называется *Мазум,* и назначает на каждые сто дворов сотника — *Бендар*; этот последний выбирает на десять дворов десятника — *Итдар.* Кроме того, при наибе существует нечто в роде тайной полиции, набираемой, по желанию, из людей бедных, бездомных, обесчещенных и презираемых народом. Люди эти называются *Мартузак*[265]. Обязанность их состоит в тайном наблюдении не только за поступками, но и словами; обо всем замеченном они прямо доносят наибу, и виновный, часто без всякого оправдания и суда, наказывается, смотря по важности вины или подозрения; а как при всяком наказании полагается и денежная пеня, часть которой дается доносчику, то само собою разумеется, мартузаки не пропустят случая поживиться, и, нередко из пустых слов, сказанных кем-нибудь без всякой цели, выводят преступные намерения.

Из этого видно в какой тяжкой зависимости находится чеченский народ. Не смотря на то, они не смеют обвинять Шамиля, видя в нем как бы лицо священное: так этот человек умел поставить себя по мнению чеченцев, народа легкомысленного и фантастического. Вся вина всегда сваливается на наиба, которым Шамиль, в случае нужды, не задумается пожертвовать, сам остается часто в стороне. Этому много способствует, что чеченцы слепо верят в слова корана, который очень не многие из них умеют читать; и для Шамиля потому очень легко в каждом сомнительном обстоятельстве сослаться на коран. Со стороны духовенства ему нечего опасаться улики в неправильном толковании корана: выгоды духовенства неразрывны с выгодами имама — главы его.

---

[265] Муртазеки/мартузак/муртазагеты – представляли собой не тайную полицию, а отборное войско подчинявшиеся лично имаму Шамилю. Их обеспечение брала на себя община. В той же Чечне 8-10 дворов выставляли одного конного, экипированного всадника-гвардейца. Но в имамате существовал институт мухтасибов, то есть особых надзирателей, следивших за исполнением заповедей ислама, выявлявших нарушителей этих заповедей и наказывавших их. Они ездили по всей стране инкогнито и доносили прямо имаму о деятельности его назначенцев. Это и была «тайная полиция», а по-существу секретная служба с функциями разведки и контрразведки. – См.: Гаммер М. Шамиль. Мусульманское сопротивление царизму. Завоевание Чечни и Дагестана- М.: Крон-Пресс, 1998. С. 306-310; Дадаев Ю. У. Государство Шамиля: социально-экономическое положение, политико-правовая и военно-административная система управления. - Махачкала: Изд-во Ихлас, 2006. С.252, 269, 333-336; и др.

На границе чеченской плоскости с горной частью в настоящее время находится пять наибов: 1) от укрепления Ачхоя до реки Урус-Мартана, 2) отсюда до речки Энгелик, впадающей с нрава в Гойту, 3) до Аргуна, 4) до Хулхулу и 5) до Качкалыковского хребта.

Общества, сохранившие еще прежний патриархальный образ правления, именно общества языческого, судятся на основании одних только обычаев.

В магометанских обществах Чечни в прежнее время были два рода суда: по *адату* или обычаям, и по *шариату,* то есть на основании закона. Суд, но адату принадлежал избираемым посредникам; по шариату же могли судить только муллы и кадии. Каждый имел право избирать род суда по произволу; теперь же это право осталось только у чеченцев, подчиненных нашему управлению. Шамиль, увидя, что суд но адату отстраняет некоторым образом его судебное влияние, и кроме того не приносит ему никакой выгоды, запретил его в своих владениях, как суд противный постановлениям Магомета, который повелел, чтоб каждый мусульманин судился не иначе, как на основами шариата. Вместе с уничтожением суда по адату, вся судебная власть перешла в руки муллов и кадиев, которые разбирают дела на основании изречений Корана…

Я ограничусь только описанием прежнего суда по адату и суда в мирных аулах, так как суд по шариату есть общий для всех магометан н ие составляете исключительной принадлежности Чечни…

Яма, в которую заключают виновиых, есть в буквальном смысле яма, вырываемая обыкновенно около мечети. Верх ея прикрывается прочным бревепчатым потолком, усыпанным плотно землею. В потолке оставляется небольшое, четвероугольное отверзтие, закладываемое на ночь толстою крышкой с железными засовами.

Мирные чеченцы, как уже было сказано, подчиняются ближайшему надзору старшин, выбираемых от каждаго семейства, рода. Иногда, кроме их, местным воинским иачальством назначается в каждом ауле, старшина, аульный…

Дело, не решеное и кадием, переносится в главный суд, учрежденный в крепости Грозной, при начальнике леваго Фланга Кавказской Линии. Суд этот состоит из нескольких мулл и кадиев, избранных жителями чеченских ц кумыкских аулов, и находящихся под председательством русскаго штаб-офицера. В нем окончательно решаются споры чеченцев и кумыков. Чеченцы могут также просить суда по нашим законам. Споры русских с чеченцами решаются не иначе как судом нашим, которым также судятся и все уголовныя преступления.

Решения судов, смотря по важности преступлений, приводятся в исполнение или русскими, или же самими старшинами.

Всякая месть, соединенная с пролитием крови, в мирных аулах строго запрещена.

Нынче право мщения, — канлы, во всей своей силе распространено только в языческих обществах…

…Если умирающий пожелает объявить свою последнюю волю, то призывает муллу или кадия с двумя, по крайней мере, свидетелями. Мулла пишет завещание и скрепляет его вместе с свидетелями, которые если неграмотные, прикладывают свои печати. Составленное таким образом завещание тогда только имеет силу, когда не противоречит закону или обычаям, т. е. не заключает в себе распоряжений насчет имущества…

Отец наследует сыну, если у этого последнего нет детей; но ни в каком случае не получает ничего из жениного имущества, которое делится поровну между детьми, а за не имением их, переходит к ее кровным родственникам.

Молочные братья и дети участвуют в наследстве наравне с кровными родными. В некоторых случаях и кунаки— друзья, наследуют один после другого, например, если один из них умрет, находясь в гостях у другого; тогда хозяин пользуется всем имуществом, находившимся в то время при умершем…

Совершеннолетним возрастом полагается пятнадцать лет.

IV.

Промыслы чеченцев. —Хлебопашество. —Скотоводство—Садоводство. —Пчеловодство. —Охота. —Изделия чеченцев. —Торговля. Ярмарка 1850-го года.

Жители чеченской плоскости, по самому свойству местности обитаемой земли, должны быть народом земледельческим; и действительно, до возмущения 1840 года земледелие составляло главный их промысел, и Чечня справедливо называлась житницею Дагестана: Обширные поляны ее и до сих пор еще носят следы плуга. Но с тех пор, как с отнятием плоскости, мы загнали их в горы и в глубь лесов, окоймляющих пригорья, земледелие, как промысел, не существует, и чеченец съест хлеб только в таком количестве, сколько нужно бывает для собственного хозяйства, продавая лишь избыток. Но таково плодородие здешней почвы, что и при настоящем стесненном положении, жители, в особенности северных отраслей черных гор, имеют возможность продавать восемь своих мер (3/4 нашей четверти) кукурузы[266] за один рубль серебром. Чеченцы считают количество посева днями пахатьбы, и один день работы бывает достаточен для прокормления довольно большого семейства в течение года.

В настоящее время довольно большие поля, засеваемые хлебом, находятся только по Тереку. Казаки, живущие по левому берегу Сунжи, имеют тоже значительные поля. Остальные же чеченцы—мирные, не рискуют распространять

[266]Чеченская мерка, называвшаяся «гирд» равнялась примерно по объему 12 литрам. Четверть – русская мера объема сыпучих тел, примерно 209,9 литров.

своих посевов за круг крепостных выстрелов; а непокорные, живущие на плоскости, сеют в лесах, для чего с осени расчищают небольшие поляны, срубая и сжигая деревья.

Главный посев составляет кукуруза, сеют также немного пшеницы, ячменя; в городах арбузы, дыни, тыква, огурцы и лук, рассаживая иногда эти овощи между кукурузой. В городах, кроме того, некоторые сеют овес, бобы и морковь. Лучшая кукуруза родится в Гехах и Герзели, а пшеница— в Чечне и Герзели.

Затем следует скотоводство, которое, тоже могло бы быть источником значительного богатства, но известно, что успех этой промышленности неразрывно связан с успехом земледелия, и потому только некоторые чеченцы, живущие по Тереку, разводят домашних животных для продажи. Большая же часть имеет только необходимое: одну или две лошади, пару, редко более, быков, корову и несколько мелких животных. Буйволов имеют очень немногие. Вообще скот в Чечне не отличается крупностью.

Молоко употребляют сами в разных видах, продавая только или излишек, или от нужды. Из овечьего молока некоторые делают сыр (нехчу), очень, впрочем, невкусный.

Садоводство прежде процветало, чему очевидным доказательством служит множество садов, которыми окружены развалины аулов, Лучшие сады были в Гехах и Герзели. В садах растут груши, яблоки, сливы, вишни, айва, алыча, персики, кизил, тутовник и виноград. Лет пятнадцать еще тому назад сады приносили хороший доход своим хозяевам, возившим множество свежих п сушенных плодов в Кизляр и Моздок на продажу; теперь же сады эти глохнут, и иные переносятся частию в соседственные укрепления и станицы.

Виноград, растущий во многих местах Чечни в диком состоянии, разводится в небольшом количестве по Тереку и Сунже; часть его продают, едят, а из остального чеченцы делают вареное вино (джапа). Казаки делают из винограда жидкое и слабое вино—чихирь.

Немногие также занимаются пчеловодством, хотя ароматные леса Чечни могли бы много способствовать этой промышлености. Несмотря на превосходные качества здешнего меду, он от неопрятности и от бурдюков скоро портитца.

Охоты несмотря на обилие зверей и птиц в лесах, как промысла, в Чечне не существует: бьют зверя или дичь, которые попадутся навстречу; мясо едят или продают вместе со шкурою.

Изделия чеченцев не имеют никаких достоинств и употребляются большею частию ими самими. Во многих семействах женщины выделывают бурки и сукна самого низкого достоинства из верблюжьей шерсти. В каждом почти ауле есть оружейники и серебряки; первые занимаются изготовлением пистолетов и

холодного оружия*(*Ружей в Чечне вовсе не делают), но эти изделия не уважаются, за исключением шашек, выделываемых в ауле Атаги, при крепости Воздвиженской: шашки эти отличаются легкостью, гибкостью и ценятся довольно дорого—не менее 10 рублей серебром за клинок. Серебряки делают наборы на оружие и на конскую сбрую из серебряных блях, покрываемых грубого рисунка чернью.

В горах, там, где есть самородная селитра, делают очень плохой порох.

Вообще все изделия чеченцев, по несовершенству их, не заслуживают почти никакого внимания, и ими пользуются только люди недостаточные[267].

Главный торг в прежнее время чеченцы производили хлебом, который сбывали преимущественно в Дагестан; но теперь, как уже было замечено, с отнятием у них плоскости, сбыт этот прекратился. В настоящее время торговлю чеченцев можно назвать мелочной; всякий продает собственные свои изделия или же избыток продуктов, доставляемых его хозяйством.

В мирных аулах есть люди, занимающиеся торговлей красных товаров, для покупки которых они ездят па ярмарки, бывающие в разное время в станицах Терекской линии, а иные даже в Тифлис. Привозят, разумеется, только товары, могущие иметь сбыт, т. е. грубые хлопчатобумажные материи, платки, канаус, мовь и пр. Торгуют или на наличные деньги, или меняя на сырые продукты: шкуры, воск, мед, орехи и тому подобное. Мена преимущественно производится с горскими чеченцами, которые вообще очень не богаты деньгами. И купцы находят, что меновой торг для них выгоднее продажи на деньги, потому что сырые продукты имеют в горах очень низкие цены, и, взятые купцами по этой цене, перепродаются потом русским с большим барышом. В непокорных аулах есть тоже купцы, которые имеют сношения с мирными купцами и производят с ними мену.

Кажется, чеченцы особенно склонны по природе к торговле, как средству без большего труда добывать деньги. Любя страстно деньги, каждый чеченец старается приобретать их: сначала он продает дрова, сено, разные мелкие

[267]Естественно, все эти утверждения автора неприменимы для страны с поголовно вооруженным населением и богатыми ремесленными традициями. К примеру ружья, точнее дульнозарядные кремневые винтовки, в Чечне делали и на Кавказе знали оригинальную марку «нохчи-топ» - чеченское ружье. Кроме того, лучшим видам кремневых винтовок давались личные имена наиболее известных чеченских оружейников. Холодное оружие, производимое в Чечне, считалось в той же русской армии превосходным. Также в стране широко были представлены все виды ремесел и хозяйственных промыслов того времени на Кавказе,причем с известной специализацией по селам и фамилиям. - См.:Хасиев С.-М.А. Из истории развития кустарных промыслов у чеченцев и ингушей в дореволюционном прошлом (обработка металла и камня) // Хозяйство и хозяйственный быт народов Чечено-Ингушетии. Грозный, 1983. С. 14-27; Асхабов Иса.Чеченское оружие = Chechen Arms. М. : Изд. Клуб "Кавказ", 2001; Ибрагимова З.Х. Чеченские кустарные промыслы // Чеченская республика и чеченцы: история и современность. М.: Изд. Наука, 2006. С. 234-245; и др.

домашние изделия и хозяйственные продукты; потом, скопив небольшой капитал, отдает его купцам за проценты; другие же предпочитают отдавать деньги под залоги взаймы; за охотниками занять остановки не бывает, и потому чеченцы берут более чем жидовские проценты; а как проценты магометанским законом запрещены, то их они называют добровольным подарком должника за оказанную ему услугу. Подобного рода приобретение денег не считается предосудительным, между тем как именем купца чеченец обижается. Может быть, это происходит от того, что в Чечне большая часть купцов—жиды, которые и здесь, как и везде, презираемы народом.

Вот общие цены главных произведений в Чечне. Пистолет—около шести р. сер.; шашка—около десяти р.; бурка—до пяти р.; аршин верблюжьего сукна, шириною несколько менее пол-аршина — двадцать коп; восемь мер кукурузы (три четверти нашей четверти)—от одного до двух р.; пуд сена — десять коп. летом, и от пятнадцати до двадцати пяти зимой; кубическая сажень дров—от трех до четырех р.; десяток яиц—десять к.; курица—двадцать к.; гусь—семьдесят пять к.; фунт говядины—три коп.; фунт баранины—три с половиной, большой арбуз или дыня —десять коп.; фунт винограда три коп.

В 1850 году главнокомандующий, желая сблизить непокорных горцев с русскими, разрешил открыть около крепости Грозной ярмарку, на которую дозволено было привозить товары и горцам, подвластным Шамилю. После размена аманатов, 15-го мая, заключено было перемирие на три дня, и горцы начали сбираться к Грозной.

Главный привоз из гор составляли хозяйственные продукты: яйца, сыр, масло, мед; привезли также много шкур, обделанных и не обделанных; кожаные изделия, сукна, ковры и тому подобное. Горцам было запрещено продавать хлеб во всех видах, железные и деревянные изделия. С нашей стороны не дозволена была продажа оружия и железа. Но торг этот для обеих сторон оказался невыгодным; горцы продали только выгодно привезенные ими шкуры; множество же местных припасов осталось непроданным, по причине недостатка потребителей и негодности к сохранению в прок этих продуктов в наступившие уже сильные жары. Наши купцы имели тоже очень небольшой сбыт, состоявший преимущественно из шелковых и бумажных материй и калмыцкого чая.

После этого опыта ярмарка уже не собиралась, может быть потому, что Шамиль опасался невыгодных для своей власти последствий от сближения с русскими ему подвластных, которые могли сравнить на деле удобства жизни покорных нам горцев с своею тяжелой зависимостью от произвола имама.

К чести горцев, прибавлю, что во все время торга они вели себя чрезвычайно скромно: не было ни одной ссоры, ни одной покражи. Правда, немудрено, что этому много способствовал строгий надзор за ними, для чего был прислан

Шамилем один из приближенных к нему людей - мюрид Магома, и ногайка его не уставала гулять по спинам горцев при малейшем подозрении.

У чеченцев нет собственных денег, и они употребляют наши, преимущественно серебряные, предпочитая их золотым. Меди, называемой ими черными деньгами, не любят и берут неохотно. Вот чеченские названия денег; пять копеек - цашей, гривенник—шишей, пятиалтынный - кошей, двугривенный эпис или абаз (слово грузинское) четвертак - пхишей, полтинник— ах-сом; рубль серебра—монет…

Наиболее разработанная часть Чечни была плоскость, но и она в настоящее время, за исключением узких полос по Сунже и Тереку, представляет дикую, заброшенную пустыню, по которой свободно ходят только стада кабанов, волков и оленей, не боясь охотника, потому что неосторожный охотник нередко сам обращается в зверя, которого преследуют с гораздо большим усердием, чем самую вкусную дичь. По этой безмолвной пустыне, как, оазисы, разбросаны наши укрепления с окружающими их небольшими полями.

Теперь, для дополнения моего очерка, я считаю, не лишним бросить краткий взгляд на нравы и быт чеченцев, и в заключение познакомить читателя с обычаями и обрядами, которыми сопровождаются в Чечне три главные эпохи человеческой жизни—рождение, брак и смерть.

V.

Наружный вид Чеченцев. —Одежда. —Жилища. —Пища. —Характер. —Чеченцы в деле. —Лечение ран.—Зантия. —Забавы и увеселения. —Гостеприимство. —Обычаи при рождении; воспитание детей. —Свадебные обычаи. —Похороны и поминки.

Большая часть чеченцев статны, высоки и красивы; они смуглы, худощавы, хорошо сложены, и все движения их чрезвычайно грациозны. Женщины далеко не так красивы, как мужчины; между девушками совершенно нет красавиц; есть, правда, немало очень миловидных, но красота сохраняется не долго и вскоре после замужества женщина начинает быстро терять ее. Старость для них наступает очень скоро, и я не видел ничего безобразнее старухи чеченки, между тем как старики имеют чрезвычайно почтенную и даже красивую наружность.

Одежда мужчин состоит из бешмета, род узкого п короткого казакина, сверх которого надевается черкеска (чаха)— костюм всем, я думаю, известный, и потому не требующий описания. На голове носят высокие бараньи шапки мехом внутрь и с загнутым наружу меховым же околышем. На ногах узкие, большей частью из бумажной материи, штаны, сверх которых надевают еще наговицы, род суконных чехлов, закрывающих ногу снизу до колена. Черкеска, туго перетянутая ременным поясом, украшенным металлическими под чернью

бляхами. Зимою под черкеску надевается бараний полушубок; кроме того, носят бурки и башлыки (большие суконные колпаки с кисточкой на верху, надеваемые на голову и служащие превосходной защитой для лица от дождя и снега). Обувь состоит из разноцветных, козловых башмаков-чевяк, сверх которых в дороге надевают еще толстые, кожаные поршни; в некоторых местах горной Чечни, подошва обуви делается из переплетенных ремешков. Каждый вооружен длинною винтовкой, шашкой, коротким кинжалом и одним или двумя пистолетами. В южной части горной Чечни шашки имеют только люди богатые, прочие же носят вместо их длинные кинжалы. Даже и в своей сакле чеченец никогда не снимает пистолета и кинжала, который ночью кладет около изголовья; выходя же из дому, непременно берет полное вооружение.

Женщины носят длинные хлопчатобумажные или шелковые рубахи, надеваемые прямо на тело и составляющие часто полный костюм чеченки. На спине рубахи вставляется большой прямоугольный лоскут материи, почти всегда неодинаковая цвета с рубашкой. Это делается для того, чтоб удобнее было менять спинку, часть одежды, чаще других рвущуюся от разных тяжестей, носимых на спине. На ногах носят широкие шаровары, собираемые у щиколотки и чевяки, обуваемые на босую ногу. Сверх рубахи надевают яркого цвета бешмет с металлическими бляхами на груди и вокруг пол, заменяемыми у богатых четвертаками и полтинниками. Голову обертывают платком, под который собирают все волосы, кроме висков, обрезываемых и приглаживаемых, но щекам. Сверх платка накидывается еще другой большой, почти всегда черный, который закрывает плечи и всю спину.

Все мужчины бреют голову*(*У чеченцев нет бритв, и операцию эту они производят небольшим ножичком, который находится у каждого, засунутый в особое местечко на кинжальных ножнах. Иногда же бреются просто кинжалом)., женщины же очень немногие, и то не всю, а только верх, оставляя по окружности ее очень узкую полосу волос.

Вообще чеченцы очень неопрятны в одежде, и в особенности мужчины; очень немногие из них меняют рубахи, большая же часть не скидает до тех пор, пока она совершенно не износится, и сама не свалится с плеч.

Чеченцы живут в избах, длинных и низких, называемых саклями. На плоскости—сакли строятся почти всегда одноэтажные, из бревен или из плетня; в горах же нередко в два этажа, и там, где мало лесу, из местного камня или саманного кирпича. Каждый дом состоит из двух отделений: в одном живет хозяин и там же принимает гостей, а в другом жены его и дети; эти отделения не имеют между собою сообщения, и дверь из каждого ведет под общий навес; каждая сакля имеет одно окно прорубаемое у самого пола: это просточетырехугольное отверстие, закрываемое на ночь внутреннею ставней.

Печей нет, а есть что-то в роде камина: труба, плетневая, плотно вымазанная глиной, спускающаяся в избу до расстояния немного менее аршина от пола; под этой трубою на полу, вымазанном глиною, почти постоянно тлеется огонь, как зимой так и летом - для приготовления же пищи поперек трубы сделана железная полоса, с середины которой висит цепь с крюком внизу на крючек этот вешается котелок. На внутреннем столбе, подпирающем потолок, вешается оружие; по стенам несколько рядов полок, на которых укладываются в большом порядке матрацы, толстые одеяла, войлоки, ковры, и устанавливаются разноцветные, пестрые сундуки, большие неглубокие медные тазы, медные и глиняные кувшины, высокие, с очень узкими шейками, и проч.

Крыша сакли делается из плетня, с обеих сторон вымазанная глиной; на плетень насыпается довольно толстый слой земли, плотно утаптывается и опять вымазывается глиной. Крыши плоские, несколько наклоненные наперед.

Двор огораживается реденьким плетнем, в котором оставляется отверстие, запираемое на ночь плетневыми же воротами, а еще чаще загораживаемое арбою, двухколесной повозкой. На дворе находятся: конюшня, навес для домашних животных, несколько высоких столбов с длинными сучьями кукурузы, и сучковатый столб для привязи лошадей. Единственный экипаж их состоит из двухколесной высокой повозки—арбы. Колеса ее не менее двух аршин в диаметре к оси, около колес, прикрепляются плотно две короткие жерди, к которым привязывается слабо сплетенный плетень, на концах жердей вделываются вертикальные стойки и между ними с боков вставляются плетни, так что арба открыта сзади и спереди, чрез средину же проходит дышло. Езда производится исключительно на быках.

Чеченцы любят жить обществами, и аулы их часто заключают в себе до пятисот сакель. Сакли располагаются без всякого порядка: каждый строится там, где захочет; оттого чеченские аулы представляют не более, как неправильную кучу домов, с кривыми и узкими переулками между ними, по которым едва может проехать одна арба; оставляется только небольшая площадка посреди аула, около мечети. Сакли редко белятся, и потому Чеченские деревни имеют неприятный грязный вид. Старые аулы окружены часто очень большими садами.

Аулы, бывшие на плоскости, почти всегда укреплялись земляными валами или бревенчатыми завалами; в горах же они окружаются каменными стенами, с башнями по углам.

Пища чеченцев состоит из тонких кукурузовых или пшеничных лепешек (чурек), молока и огородных овощей; в особенности они употребляют много луку и черемши. Мясо едят очень редко, только на праздниках, или когда хотят угостить какого нибудь важного гостя. Водку очень любят; в горах она запрещена; и часто чеченец подвергается большой опасности, чтоб пробраться в

мирный аул и купить водки. До табаку также большие охотники, курят его из крошечных трубочек, часто выдолбленных из камня.

Очень незамысловат чеченский способ молотить кукурузу: на решетчатое дно арбы насыпают высушенные на столбах, початки и разбивают их палками; зерна собирают на подостланный под арбою войлок. В Чечне нет ветряных мельниц, устройство же водяных, по большей части, самое простое: колесо горизонтальное передает движение жернову, находящемуся на одной с ним оси, прямо, без пособия шестерни. Там, где нельзя построить мельницы около самой реки, вода проводится к одному боку колеса канавками. Быстрота рек делает излишними всякие искусственные запруды.

Характер чеченца вспыльчив; при обиде он легко приходит в бешенство и оттого часто между ими происходят ссоры. Редко, впрочем, дело доходит до оружия; правда, они очень скоро его обнажают, но не часто употребляют в дело. Чеченец никогда не забывает, что за кровь мстят, и потому разве только при сильном оскорблении решится ранить кого-нибудь, в особенности если это человек важный, что, по их понятиям, означает человека, имеющего большую родню. Большею же частию обиженный чеченец затаивает злобу; для отклонения подозрений мирится с врагом, старается ему услуживать и потом, когда увидите, что его уже не остерегаются и что подозревать его не будут, он, выждав удобный случай, мстит, и часто много лет спустя после обиды. Они не разборчивы на средства: поджигают сено, хлеб; режут лошадей, подкладывают под саклю порох и т. п. …

Чеченец как легко воспламеняется, точно так же легко и остывает, если не поддерживать постоянными толчками возбужденного в нем настроения.

Чеченцы, живущие на плоскости, почти все имеют лошадей, и страстные охотники ездить верхом; но несмотря на то, они плохие наездники. В горах лошади считаются редкостью и их имеют только люди богатые. Пешие чеченцы в деле гораздо опаснее конных, которые более делают шуму, чем вреда: они скачут из стороны в сторону, кричат, стреляют, почти не останавливая лошадь, и вообще более заботятся о том, чтоб выказать свою храбрость и ловкость, чем о нанесении вреда. Пешие, другое дело: с необыкновенным искусством они пользуются всяким изменением местности, чтобы скрытно и безопасно пробраться ближе к нашей цепи; не любят тратить пороху, которого всегда у них бывает очень мало, и стреляют только после тщательного прицеливания. Впрочем, только горские чеченцы метко стреляют (в особенности в этом отношении славятся жители Аргунского ущелья); чеченцы же, живущие на плоскости, вообще плохие стрелки.

Чеченцы очень хладнокровно выдерживают ружейный огонь, артиллерийского, и в особенности картечи, очень боятся; а удар в штыки или

шашки всегда наводит на них панический страх. Вообще они очень нестойки и хорошо дерутся только при нашем отступлении: тогда они окружают невидимою, как бы эластическою цепью наш арриергард и боковые цепи; толпы их останавливаются, когда мы останавливаемся, бегут при малейшем нашем движении на них, и снова преследуют при нашем отступлении. Действия их почти единственно ограничиваются только перестрелкой; аттаки, правда, производят часто, и причем поют молитвы и страшно, пронзительно гичат, но тем дело почти всегда и оканчивается. Храбрость их не есть, настоящая, а только так сказать, храбрость отчаяния. Чеченец, славно умирает, если не видит возможности избежать смерти, в противном же случае он не стыдится искать спасения в бегстве.

Здесь кстати упомяну о лечении ран чеченскими лекарями. Чеченцы превосходно лечат раны, и в особенности, нанесенные холодным оружием. Лечение начинается тем, что рану расширяют, всовывая в нее палец, потом кладут на нее крепко насоленного коровьего масла, стараясь, чтоб оно выполнило рану, и перевязывают. Этим средством они производят скорое и сильное нагноение. Для заживления ран употребляют мазь, состав которой держится в строгом секрете и передается от отца к сыну; действие этой мази чрезвычайно быстр. С раненым чеченские лекаря обращаются без всякого человеколюбия: я сам видел, как одному раненому пулей в грудь навылет, засовывали в раны пальцы, потом подымали за ноги и сильно встряхивали для того, чтоб выгнать материю, накопившуюся в груди. Лекаря очень уважаются народом, который видит в них почти ежедневную надобность; искусство это держится в тайне и не выпускается из семейства. Особенно еще недавно славились лекаря аула Нурки, в Гехинском ущелье (аул этот разрушен генералом Слепцовым осенью 1851 года, и жители его разбрелись в разные стороны); там почти каждое семейство имело свои медицинские секреты. Внутренние болезни чеченцы лечат очень дурно и, в таких недугах они охотнее прибегают к помощи наших медиков. Часто даже непокорные горцы, пользуясь великодушием русских, являются в наши лазареты. Их лечат, и потом отпускают. Кажется, нечего и прибавлять, что, спасенный нами горец не считает делом противным чести оставаться нашим врагом.

Содержание в исправности оружия и уход за лошадью составляют главные предметы заботливости мужчин; кроме того, на нем лежит обязанность вспахать поле, привезти дров, накосить сена и другие редкие работы, требующие силы. Остальные полевые и все домашние работы исполняются женщинами: с раннего утра она начинает трудиться и кончает только вечером. Она должна встать ранее мужа и принести воды, чтоб хозяин мог тотчас же по пробуждении совершить намаз—омовение; потом убирает в сакле, приготовляет пищу, запрягает и распрягает волов, оседлывает и расседлывает лошадь, если муж куда нибудь

едет; смотрит за детьми, гоняет скотину в поле и на водопой, и пр. и пр. Словом женщина едва ли когда успевает отдохнуть, и работает чуть ли не более скотины; и, не смотря на это, не пользуется ни малейшим уважением, права на которое ей не дают даже обычай и закон: мужчина стыдится даже говорить с нею при посторонних. Мужчина же, когда нет полевых работ, большую часть времени проводит в праздности: ездит в гости, а когда и это лень сделать, сидит, зимою у огонька, а летом под навесом сакли, и—стружет палочки! По вечерам собираются у мечети, где старики вспоминают старину, рассказывают разные случаи из своей жизни, или толкуют о местной политике.

Иногда чеченцы развлекаются музыкой, до которой они все страстные охотники. В горах как музыка, так и песни строго запрещены; в мирных же аулах почти каждый вечер можно слышать раздирающие звуки мирц-пандера единственного чеченского музыкального инструмента, состоящего из пустой тыквы, к которой при делана деревянная ручка; струны из конского волоса. Весь музыкальный репертуар их ограничивается, кажется, одною лезгинкою.— Песни чеченские заунывны и поются протяжно; между ими есть несколько старинных, сложенных в воспоминание какого нибудь важного события или в честь прославившегося удальством и хищничеством удальца-джигита. Большею же частию певец импровизирует на каждый случай особую песню.

Мирные чеченские аулы посещаются часто канатными плясунами, которые приходят сюда преимущественно из Дагестана* (*Говорят, что в молодости на этом поприще с успехом подвизался и нынешний Имам Кавказа Шамиль).

На площади или на выгоне за аулом, на высоких козлах канат, на котором плясун выделывает чрезвычайно трудные штуки; в тоже время товарищ его, одетый в вывороченную шубу, представляет черта, и до упада смешит публику, которая на подобные зрелища является в лучших своих одеждах. Фокусника каждый дарит, по желанию деньгами, платками или сукном, и т. п. Если в ауле есть люди важные или богатые, то, окончив общее представление, фигляр объявляет, что он будет плясать теперь в честь такого-то, за что получает от лица, им названного, часто очень богатые подарки.

Все чеченцы очень любят играть в карты и в особенности пристрастны к азартным играм, которые часто оканчиваются несколькими сотнями рублей, считая тут лошадей, оружие, быков, и пр. Эта страсть, в соединении с их превратными понятиями о чести, произвела между ими несколько очень искусных шулеров, составляющих себе значительное состояние. При этом кстати замечу, что чеченцы как-то особенно скоро перенимают от нас пороки, в тоже время как-бы считая за грех следовать хорошему.

Гостеприимство считается одною из главнейших добродетелей и исполняется в строгости всеми, если не от души, то по крайней мере, наружно. Гостя, кто-бы он

ни был, хозяин встречает на дворе, рассыпается перед ним в самых отборных, витиеватых выражениях, помогает ему слезть с лошади; передав лошадь жене, вводит гостя в саклю и сажает на подушки; тут еще раз повторяются разные восторженные приветствия с обеих сторон. Затем следует угощение, которое бывает более или менее пышно, смотря по важности посетителя. Наевшись, гость, для изъявления полного своего удовольствия, рыгает, обращаясь к хозяину, показывая, как бы тем, что он сыт до нельзя** (**Знакомым с Кавказом только по одним романам, может показаться неправдоподобной подобная неделикатность в людях, которых они привыкли считать какими-то рыцарями. Но это действительно так: при мне известный Наиб Гаджи-Мурат, точно таким же образом изъявлял свое удовольствие после обеда у одного из наших начальников, а такому человеку, как Гаджи-Мурат, не могли быть неизвестны все тонкости горской галантерейности).

Если приезжий кунак (друг, за которого, в случае нужды должно жертвовать даже жизнью—почти тоже, что наш крестовый брат), то на прощании хозяин дает ему разные подарки; при этом берется в соображение, что со своей стороны гость будет в состоянии подарить хозяину, когда он заплатит визит. Хозяин, кроме того, обязан подарить гостю каждую вещь, понравившуюся ему; и в этом случае уже не разбирается важность лица.

Есть между чеченцами такие рыцари гостеприимства, которые всю жизнь проводят в разъездах по гостям и в принимании их у себя. Такое полезное препровождение времени нередко доводит до совершенной нищеты под старость. Эти по большей части люди отчаянные и страстные, охотники покутить, и которые потому рады всякому случаю, доставляющему им как бы законное право кутить.

Когда чеченка начинает чувствовать муки, предшествующие родам, то к ней призывают какую-нибудь старуху-акушерку, опытную в этом деле: она принимает новорожденного и лечит родительницу, если это понадобится. Ежели мать слаба и не может дать младенцу грудь, то его кормит бабка, или другая женщина, при неимении бабкой молока. Женщина, накормившая три раза ребенка, называется его молочного матерью. Родство это считается равным кровному, и между двумя семействами, вступившими в молочное родство, не может быть браков; молочная мать участвует даже в наследстве, наравне с родною матерью.

На осьмой день, после родов режут барана, приготовляют угощение и зовут муллу и гостей. Мулла дает ребенку имя, но выбору родителей; имя это пишется на бумажке, которая зашивается в мешочек и вешается на шею ребенка; иногда же имя вырезывается на вальках люльки…

До семи лет ребенок, мальчик или девочка, остается совершенно свободным; по достижении-же им этого возраста его отдают в науку мулле. Мулла обязан выучить ребенка молитвам и чтению корана. Учение начинается азбукой, за выучение которой дают мулле пятьдесят коп. серебром; после этого учат читать, так называемые «десять листов» (амий— джус), за что платят один рубль серебром; за обучение чтению корана дают пять руб. серебром… Учение девочек ограничивается только молитвами.

Мужчины могут жениться, но достижении пятнадцати лет, а женщины выходить замуж—двенадцати лет. Главное условие—способность к браку.

Когда чеченец захочет жениться, то объяснившись заранее с избранной девушкой, посылает своих родственников к отцу ее или к братьям, ежели нет отца. Если отец согласен, то тут же условливаются в калыме и назначают день свадьбы. Калым неопределенный: величина его зависит от красоты девушки и от большей или меньшей важности семейства ее. Впрочем, в местах, подведомых Шамилю, в недавнее время он ограничен двадцатью четырьмя рублями серебром…

Чеченец, почувствовав приближение смерти, призывает кадия или муллу с двумя почетными стариками, с ними он должен сделать распоряжения об уплате долгов и определить сумму на похороны. Заметив, что больной кончается, мулла приступает к чтению отходных молитв и посылает работников копать могилу. Между тем собираются родственники умершего, моют его и приготовляют к погребению, обвернув тело в какую нибудь белую ткань, которая перевязывается в трех местах: над головой, на поясе и под ногами. Потом покойника кладут на арбу и везут на кладбище*(*Тело, таким образом обернутое прямо, и зарывается; гробов не употребляют).

Во время погребения мулла читает молитвы. По возвращении домой, провожавших угощают бараниной, причем родственники ничего не едят; мужчины вспоминают подвиги покойника, а женщины воют, бьют себя кулаками в грудь, рвут волосы, царапают лицо и в исступлении иногда ударяются головою о стену. Убитого в сражении не моют, а хоронят в той же окровавленной одежде.

На третий день после похорон режут быка, и мясо разделяют между соседями; потом зовут муллу с прежними свидетелями и приступают к разделу имения, при этом прежде всего уплачивают долги покойника и удовлетворяют работников, рывших могилу.На могильной насыпи, над головою ставят каменный или деревянный болван, верх которого обделывается в виде чалмы. На плоских сторонах памятника выбивают выпуклыми буквами разные изречения из корана, имя покойника, также вырезывают разные принадлежности, соответственно званию изанятиям умершего. Над убитыми в деле с невернымикроме болвана занятиям умершего. Над убитыми в деле с неверными кроме болвана ставится

еще длинный шест с деревянным копьем на верху, около которого привешивается большой цветной флюгер.

….Все чеченцы убеждены, что по всеобщем воскресении, все члены каждого семейства будут жить вместе, и потому для облегчения этого соединения они стараются по возможности хоронить всех родственников на одном кладбище, где бы кто ни умер, и часто везут тела из очень отдаленных мест.

Вдова по смерти мужа может жить где хочет, но тело ее всегда требуется родственниками покойного мужа ее для погребения на одном с ним кладбище, чтобы, таким образом, он тотчас же по воскресении нашел под рукой хозяйку, знакомую со всеми прежними его привычками.

Текст воспроизведен с нашими сокращениями по изданию: Капитан К. Самойлов. Заметки о Чечне // Пантеон. Журнал литературно-художественный. Т.23. Кн.9. СПб., 1855. С.43-86; Кн. 10. СПб., 1855. С.29-64.

***

К. ДИДИМОВ
ЭКСПЕДИЦИЯ В АРГУНСКОЕ УЩЕЛЬЕ... [1858]

К сожалению, мы практически ничего не знаем об авторе настоящих записок. Можем только предполагать, что К. Дидимов, отнюдь не юный офицер, непосредственный участник Кавказской войны по крайней мере на заключительном этапе[268], свидетель завоевания стратегически важного и крупнейшего в Чечне по протяженности,неприступного Аргунского ущелья.

Крупные военные действия русских войск в 1858 г., накануне окончания Кавказской войны на Северо-Восточном Кавказе, прошли как известно по Аргунскому ущелью - река Аргун имела две ветви образованные течением Чанты-Аргуна и Шаро-Аргуна, которые сливались недалеко от выхода из гор в районе Дачу-Борзоя; далее поток единой реки выйдя на равнину устремлялся на северо-восток и впадал в р. Сунжу (впадающей в свою очередь в р.Терек в районе сел. Брагуны).

В первой части своего нарратива автор описал подготовительные действия русских войск в начале Аргунского (Чанты-Аргунского) ущелья связанные с

[268] В одном месте своих воспоминаний он упоминает, что исполнял обязанность дежурного по полку в начале экспедиции в Аргунское ущелье. Как правило эти обязанности возлагались на достаточно образованных штаб-офицеров (старшие офицеры).

рубкой леса и строительством базовых пунктов для войск в начале 1858 г. (зимой)[269].

Во второй части нарратива К.Дидимова подробно показаны масштабные действия русских войск летом 1858 г. в Чанты-Аргунском ущелье в сложнейших условиях[270].

Интерес для нас представляют не только собственно военные подробности экспедиций царских войск в чеченские горы, где Дидимов отмечает широкое применение армией горной артиллерии и нарезных дальнобойных штуцеров, которыми вооружались целые роты. Есть и достаточно редкие для российских наблюдателей XIX в. характеристики горцев как неспособныхк человеческим чувствам, в которых якобы присутствуют «какая-то зверская ненависть к Русским, безотчетная страсть к войне и хищничеству». Здесь, конечно,присутствовала и своеобразная «деромантизации» горцев и понятия горскойсвободы[271], замешанная на страхе и ненависти колонизаторов перед колонизуемыми, когда сопротивляющихся царским войскам и властям априори зачисляли в категорию отъявленных злодеев и разбойников.

Еще более интересны для современного читателя свидетельства К. Дидимова о громадной усталости чеченцев от бесконечной войны, что приводило общество к отказу от нее в психологическом плане и к желанию пойти на примирение с русской властью. Важны и характеристики отрицательных нравственных перемен в горском обществе, которые если и имели место быть (взгляд автора пристрастен) были вызваны именно бесчеловечной тягостной войной.

* * *

ДИДИМОВ К. ЭКСПЕДИЦИЯ В АРГУНСКОЕ УЩЕЛЬЕ С 15-ГО ЯНВАРЯ ПО 18-Е АПРЕЛЯ 1858 ГОДА

Вероятно каждому, следящему за военными действиями на Кавказе, известно Аргунское ущелье, славящееся своею неприступностью. Известны также неоднократные попытки наших войск овладеть этими кавказскими

[269]Дидимов К. Экспедиция в Аргунское ущелье с 15-го января по 18-е апреля 1858 года // Военный сборник, № 7. - СПб., 1859. С. 90-112.

[270]Дидимов К. Экспедиция в Чанты-Аргунское ущелье с 1-го июля по 19-е августа 1858 года // Военный сборник, № 8. - СПб., 1859. С.255-284; Данные материалы также размещены на сайте «Вослит» в интернете.

[271] Пономарева А.А. Деромантизация Кавказа в «кавказских» травелогах XIX века // Русский травелог XVIII–XX веков: маршруты, топосы, жанры и нарративы : коллективная монография / под ред. Т.И. Печерской, Н.В. Константиновой. - Новосибирск: Изд-во НГПУ, 2016.С. 77.

Фермопилами, — и без сомнения каждому любопытно знать, что бы это была за твердыня, в которую до сих пор никто не мог проникнуть.

Как устроено от природы и укреплено искусством Аргунское ущелье, нам, жителям Кавказа, известно было только по словам лазутчиков, которым не всегда можно верить. В прошлом 1858 году, нам удалось сделать туда экспедицию, и поразведать, что это за такие ворота, к которым прежде не было доступа, между тем как чрез них так близко сообщение плоскостей с сердцем Большой и Малой Чечни, и, как говорят, легкое сообщение с столицею Грузии Тифлисом, тех же плоскостей, а вместе с ними укрепленных наших линий: Сунжинской, Терекской и целой России.

Конечно, для нас важно покорение Малой Чечни в военном отношении, но это последнее обстоятельство придало бы ему еще более важности.

Прежние войны на Кавказе были блистательны и громки; но существенная польза их была не так велика, как при ведении нынешнего образа войны. Там, где прежде для сообщения от одного города до другого, от укрепления до укрепления, по видимому, в местах безопасных, назначались оказии, даже при орудиях, — теперь один солдат с ружьем, линейный козак и даже одна козачка на повозке, свободно проходят и проезжают от места до места. Места, занимаемые Чеченцами, будучи защищаемы многочисленными их партиями, скрывавшимися в густоте лесов, прежде, при проходе наших войск, представляли большие затруднения, и стоили нам значительных потерь; в настоящее время они свободны для прохода какого угодно рода войск, без всякой опасности.

Причинами возникших удобств есть именно образ войны, веденный на Кавказе в настоящее время.

Не углубляясь во внутрь гор, по дебрям и непроходимым дорогам, чрез высокие горы и узкие ущелья, с целью, так сказать, разгромить сердце воинственного и хищного народа, и тем потрясти воинственный его дух, нынче в действиях принята совершенно противоположная система — система постепенная, основательная и прочная. Ныне, там, где прежде были опасны сообщения между нашими укреплениями, постепенно, построены постоянные и временные земляные укрепления и козачьи посты. Вдаваясь вглубь жилищ чеченских, по всевозможным направлениям, чрез леса, служащие для них крепкою защитою, теперь сделаны огромные просеки, по которым отряды могут проходить без всякой потери. Просеки, великая выдумка для войны с горцами, кроме того, что обеспечивают войска наши в их движениях, чрезвычайно сокращают путь самых движений. Так, например, отряд из кр. Воздвиженской, в случай надобности, по сделанным просекам в Большой Чечне, может прибыть на

Хаби-Шавдонские высоты[272], без всяких неудобств, свободным движением, не более как в два дня; в то время, как по прежним дорогам, тот же самый отряд не мог сделать подобного перехода менее как в 4 дня, потому что расстояние это по дорогам более 105 верст. Попадающиеся на пути, поблизости просек, аулы, гнезда хищников, разоряются нами дотла, — что и принуждает Чеченцев или удаляться за Черные горы, или переходить к нам.

На местах, занимаемых нами, если где оказываются пункты важные в военном отношении, то на таковых строятся земляные укрепления, занимаются гарнизоном и наполняются запасами провианта и другими потребностями, так, что если бы нам, по каким-нибудь причинам, пришлось углубиться во внутрь гор, то тыл наш всегда обеспечен близким заготовлением военных запасов, провианта и всем, что потребно для отрядов. Устроенные нами в 1856 и 1857 годах укрепления: Шалинское и Хоби-Шавдонское, вместе с сказанными удобствами, открывая кратчайший путь в Дагестан, удерживают за нами всю огромную плоскость Большой Чечни; а укрепление Кишень — племя Ауховцев. Эти укрепления, охраняя мирные аулы, держат в страхе непокорных.

Такими мерами, отрезав плоскость Большой Чечни от Хоби-Шавдонских высот до Аргунского ущелья, и оградив ее прочными укреплениями так, что Чеченцам приходится забыть навсегда свои привольные равнины, мы, не спеша, решились попытать счастья и в Аргунском ущелье. Бог помог нам — мы заняли его и утвердились там, построив свои укрепления.

Осторожность, благоразумные меры и распорядительность в военных действиях начальника войск левого крыла Кавказа, генерал-лейтенанта Евдокимова, со дня вступления нашего в главный Чеченский отряд, на каждом шагу его действий венчался славными подвигами и удачами. Известные своею неприступностью аулы Дубы, в которых до настоящего времени не была еще русская нога, в 1857 году, хотя с большими трудами, но с блестящим успехом взяты и совершенно уничтожены.

Чеченцы, зная почти каждый шаг наших движений, встречают нас всегда огромными партиями; делают атаки с флангов, или с тылу; особенно при отступлениях, они, как говорится, просто наседают на хвосты колонн. Но все их гики, сильные натиски и пальба из орудий, не разу не заставили генерал-лейтенанта Евдокимова[273] отступить хотя на один шаг от его предприятий. Он,

[272] Хаби-Шавдон – местность в восточной части Чечни, в районе течения р. Мичиг.

[273] Евдокимов Н.И. (1804-1873), из солдатской семьи, генерал–адьютант, генерал от инфантерии. Видный военачальник Кавказской войны, в особенности на последнем ее этапе, когда в 1859 г. он вынудил Шамиля покинуть Чечню, а к 1864 г. разгромил огромную по горским масштабам Черкесию. В современной историографии торжественно именуется «солдатом империи» хотя объективно он проводил линию уничтожения, разграбления и изгнания горских исламских народов с Кавказа, в т.ч. за границу (при этом отстающих

кроме глубоко обдуманных его предначертаний, своими маневрами держит Чеченцев в постоянном заблуждении относительно плана действий. Так он маневрировал пред занятием Аргунского ущелья.

Желая отвлечь неприятельские силы из Малой Чечни и будучи уверен, что чеченские лазутчики и пикеты следят за малейшим сбором наших отрядов, генерал-лейтенант Евдокимов сначала распустил слух, что он имеет намерение идти для занятия укрепленного аула Ахтуры (в Большой Чечне). Потом, чтобы более уверить в этом горных Чеченцев, он подрядил у мирных несколько сот арб, как бы для доставки к идущему в Ахтуры нашему отряду провианта, спирта, инженерного инструмента и других потребностей.

А как горные Чеченцы имеют постоянное сношение с мирными, то молва об этом скоро разнеслась по Большой и Малой Чечне и убедила их в действительности намерения генерал-лейтенанта Евдокимова. Чтобы еще более уверить Чеченцев в своем предприятии, он собрал большой отряд при укреплении Бердикель, на правом берегу реки Аргуна, в недальнем расстоянии от аула Ахтуры. Это окончательно убедило Чеченцев, что аул Ахтуры подвержен опасности; а поэтому и сделали при нем огромные сборы партий, в ожидании нашего нападения.

Здесь Чеченцы были жестоко обмануты, и спохватились уже поздно. Отряд наш, собравшийся при укреплении Бердикель к вечеру 15-го января, около 9-ти часов ночи, того же числа, под командою генерал-майора Рудановского, снялся с позиции и двумя колоннами, повернув на право от укрепления Бердикель, двинулся по правому берегу реки Аргуна; между тем, как дорога аула Ахтуры пролегала влево от оного.

В тишине и безмолвии, мы быстро шли по правой стороне реки Аргуна, без всякой дороги, и как при жестоком морозе глубокий снег до чрезвычайности затруднял движение пехоты, то, для облегчения такового, впереди колонн была выслана кавалерия, растоптавшая твердый снег. Перед светом, мы добрались до башни, устроенной на правой стороне реки Аргуна, против крепости Воздвиженской, где, сделав непродолжительный привал, тронулись дальше, по направлению к Аргунскому ущелью. Здесь только мы узнали цель нашего движения. По левой стороне реки Аргуна, вместе с нами, и по тому же направлению, из крепости Воздвиженской, тронулась третья колонна, под личным начальством генерал-лейтенанта Евдокимова.

Подходя к самым воротам ущелья, по огромному чинарному лесу, изнуренные бессонницею, а более всего снеговой дорогой, которая лесом

подгоняли батальонами), что находило благодарную поддержку в лице правящего класса России начиная с императорского двора. Отрицательные последствия геноцидной политики Н.И. Евдокимова сказываются по сегодняшний день.

становилась еще труднее, мы пришли почти в изнеможение. Вдруг в колонне генерал-лейтенанта Евдокимовараздался выстрел, другой, третий и завязалась жаркая перестрелка, сопровождаемая страшными гиками Чеченцев. Далее открылась пальба из орудий и продолжалась более часу. Это как бы пробудило нас от сна, и мы, позабыв усталость, шли бодро вперед, ожидая такой же встречи от неприятеля. На левой стороне, в самом узком проходе ущелья, за огромным природным земляным валом, засели огромные толпы Чеченцев, и открыли столь жестокий огонь, что даже действие нашей артиллерии не мало не поколебало их упорства: они держались долго и отчаянно. Но когда заметили, что с противоположной стороны реки Аргуна начали показываться из лесу наши войска, то, пораженные неожиданностью этого появления, обратились в бегство, будучи жестоко преследуемы.

16-го января, в 7 часов утра, обе колонны торжественно вступили в Аргунское ущелье, в неприступный проход, к которому до настоящего времени еще никто из Русских не подходил даже близко.

Несмотря на то, что все мы были утомлены тяжелым переходом (более 35 верст) и двумя ночами без отдыха, впечатление от столь неожиданного подвига заставило нас забыть все. Когда мы прошли самые ворота и вступили в расширяющееся ущелье, то, несмотря на глубокую зиму, были очарованы прелестью и великолепием природы, которая, не щадя своих даров, так щедро наградила ими это обширное вместилище жилищ дикого народа.

Правая сторона самого прохода в Аргунское ущелье, довольно широкая, защищена густым лесом и крепкими завалами; левая же, чрезвычайно узкая, защищена громадным, природным, земляным валом, получившим начало с высокой и крутой горы, обход которой невозможен, валом, который тянется почти до самого обрыва, составляющего берег реки Чанты-Аргуна, имеющего высоты более 35 сажен. Вал этот был сплошь установлен турами, наполненными землею, и кроме находящегося в нем прохода, шириною в 2 аршина, не было возможности пройти где-либо в другом месте.

Нужно признаться, что если бы маневр генерал-лейтенанта Евдокимова не имел при этом случае ожидаемой удачи, то взятие ущелья стоило бы много и много крови, и может быть осталось бы безуспешным.

По мере углубления в ущелье, оно разделяется на две части: одна, тотчас же после узкого прохода, поворачивает направо, а другая немного влево. Два эти ущелья, соединяющиеся почти при самых воротах в одно, образуются высоким хребтом, идущим от снеговых гор и имеющим при подошве своей огромную равнину. На равнине этой расположен богатейший из аулов Малой Чечни, аул Дачу-Борзой, обсаженный густыми садами. Широкие ущелья, имеющие при подошвах гор, между которыми они заключены, богатые равнины, вдоль по их

направлению, перерезываются реками: правое Чанты-Аргуном (Белая река), левое Шары-Аргуном (Черная река). Из рек этих, Чанты-Аргун принимает в себя в разных местах много сернистых источников и постоянно имеет серный запах. Обе реки, вытекая из мрачных лесистых ущелий, шумно извиваясь в крутых берегах своих и широко разрезывая средины равнин обоих ущелий, быстро катят свои волны по направлению к Аргунскому ущелью. Обогнув же выдающуюся возвышенность Дачу-Борзоя, почти под прямым углом, соединяются вместе под общим названием Аргуна, который, рассекая самый узкий проход в обрывистых, лесистых и высоких берегах, протекает дальше по плоскости Большой Чечни. Аргунское ущелье в обоих его направлениях заселено было множеством богатых аулов, которые впоследствии времени уничтожены нами.

Пройдя версты две, вовнутрь ущелья, по густому чинарному лесу, мы, в 8 1/2 часов утра, на небольшой поляне по правой стороне реки Шары-Аргуна, остановились и расположились бивуаками. Генерал-лейтенант Евдокимов, с своею колонною выйдя, так сказать, чрез узкую калитку укрепленного вала, расположился также бивуаками на левой стороне реки Чанты-Аргуна. А генерал-майор Кемферд, перешед от нас чрез реку Шары-Аргун, занял особенною колонною аул Дачу-Борзой.

Расположившись таким образом внутри Аргунского ущелья в трех пунктах, мы в первый день нашего прихода, не имея ничего при себе, довольные удачным нашим делом, при трескучем морозе, на глубоком снегу и под открытым небом, позабыв все неудобства, весело грелись вокруг бивуачных костров.

На другой день, войска наши начали рубку леса с тем, чтобы очистить ущелье, которое до настоящего времени, издали, своею дикостью и мрачностью, наводило какое-то грустное впечатление. Рубка столетних чинар, хотя и была сопряжена с большими трудностями и опасностями, но производилась успешно, несмотря даже на то, что неприятель каждый день вывозил одно свое орудие от аула Измаил-Юрт к стороне позиции, занятой отрядом генерал-майора Рудановского, и стрелял по нашей колонне, но не получая от нас ответа, он обратил огонь свой на колонну генерал-майора Кемферда. Несколько выстрелов из наших орудий заставили замолчать неприятельское орудие и сняться с позиции.

Сборы неприятеля, дня через три после занятия нами ущелья, хотя и были многочисленны, но он не осмеливался предпринять что-нибудь решительное, а только огромными толпами, вне выстрелов, в виду нашем, переходил из одной лощины в другую, с горы на гору и тем оканчивал свои маневры. Раз только небольшая партия показала свое удальство. Лагерь наш стоял уже на расчищенном месте близ высокой горы, с лесистою вершиной, с которой чеченская пуля никак не могла достигнуть до расположения нашего. На

масленицу, во время обеда, бывшего у начальника колонны и подходившего уже к концу, вдруг раздался выстрел, и пуля стремительно ударилась в землю, не более как в четверти аршина расстояния от двери палатки начальника колонны. Быв в то время дежурным по полку, и вместе с прочими на обеде, я выскочил из палатки, чтобы принять меры осторожности. Пули как град летели с вершины горы и не только били по лагерю, но даже перелетали чрез него. В одной из палаток ранен солдат и, как оказалось, нашею штуцерною пулею; другая пуля, пробившая насквозь манерку и ранец, была из нарезного ружья. Выслали роту стрелков, которые, рассыпавшись, сбили с горы Чеченцев, и одного из них взяли в плен. От него мы узнали, что эту тревогу произвели чеченские стрелки с штуцерами и нарезными ружьями, которые отбиты у наших в Дагестане.

Окончив очистку леса в узком проходе ущелья и уничтожив в нем все преграды, генерал-лейтенант Евдокимов, оставя свою колонну на левой стороне Чанты-Аргуна, для дальнейших работ, с колоннами: генерал-майора Рудановского, по правой стороне реки Шары-Аргуна, и генерал-майора Кемферда, от аула Дачу-Борзой, 5-го февраля, двинулся вперед к аулу Измаил-Юрту.

Наша колонна, тронувшись с места, тотчас же срыла находящийся впереди нас огромный земляной завал, который, впрочем, не был защищаем неприятелем. Далее дорога шла по обрывистой полугоре узкою тропинкой, так, что наши горные орудия едва двигались справа в одно. Пройдя версты две такой дорогой, мы вступили на широкую равнину, на возвышающейся части которой красовался огромный аул Измаил-Юрт, окруженный густыми садами и обстроенный очень красивыми и большими саклями. Равнина эта была покрыта столь глубоким снегом, что только верхушки наших горных орудий виднелись во время следования, а остальное все погружалось в снег. Жители аула, выбравшиеся из него заранее, засев за пустыми саклями и за скалами прилежащей горы, защищали его упорно. Но усилия их были напрасны: рассыпанные стрелки выбили их скоро из аула, а несколько картечных выстрелов по горе заставили подняться неприятеля, и очистив покатости, подняться на вершину. Аул занят и предан огню.

Одновременно действиям колонны генерал-майора Рудановского, генерал-лейтенант Евдокимов, с колонною генерал-майора Кемферда, переправившись от Дачу-Борзой, чрез Шары-Аргун, устремился на лежащий впереди Измаил-Юрта аул Дуютени. Жители аула, надеясь на защиту собранных здесь огромных партий, не выбирались из оного. Когда же они увидели, что Измаил-Юрт горит, колонна генерал-лейтенанта Евдокимова подвигается к ним, а защитники отступили, то бросились не защищать аул, а спасать свое имущество. Но уже было поздно: наши войска быстро выбили неприятеля из аула и, забрав

оставшиеся там лучшие вещи, пошли прямо на небольшой скалистый хребет, за которым засели огромные толпы Чеченцев и стреляли по нашим. Медлить было нечего, барабаны забили в атаку, и колонны, имея по флангам своим рассыпанных стрелков, быстро поднялись на хребет. Горные орудия открыли пальбу и не более, как чрез полчаса, неприятель выбит из-за скал и совершенно опрокинут. После этого, наша колонна спустилась вниз и окончательно заняла аул Дуютен, а генерал-лейтенант Евдокимов, обойдя хребет, с которого сбил неприятеля, и перейдя чрез крутой овраг и речку, занял лежащий на берегу ее, еще огромнее прочих, аул Улус-Керти. Аул этот, хотя и сильно был защищаем Чеченцами, но они были скоро из него выбиты нашими, которые, предав его огню, возвратились в аул Дуютен и вместе с нашей колонною, под командою полковника Алтухова, расположились здесь лагерем.

На следующий день, войска наши принялись за истребление богатейших садов Дуютенских и самого аула; в ауле Улус-Керти производилось то же. Там, когда наши уничтожили все дотла и начали отступать обратно, Чеченцы, из небольшого ущелья с левой стороны, сделали отчаянный натиск; но безуспешно: мы потеряли только одного раненого.

В дни уничтожения аулов, в Аргунском ущелье успешно производились саперные и инженерные работы. На самом проходе, по левой стороне ущелья, начата оборонительная башня, от нее огромный спуск к Чанты-Аргуну, чрез который приступлено к устройству постоянного деревянного моста, который обеспечивался от нападения неприятеля с одной стороны земляным укреплением, а с другой оборонительной башнею. Далее делался другой огромный подъем от моста на высоту Дачу-Борзой, где было заложено сильное земляное укрепление, названное Аргунским. Для сообщения между отрядами через реки по всему ущелью поделаны временные мосты.

Вскоре в самом ущелье, несмотря на зиму и трескучие морозы, явилась чрезвычайная деятельность: тысячи ароб мирных Чеченцев ехали сюда забирать лес; жители крепости Воздвиженской спешили в Аргунское ущелье, за лесом и для сбыта продуктов и всего нужного для отряда. В ущелье открылись лавки, появились разных родов харчевни, пирожницы, сбитеньщики, прянишники и всевозможные мелочные торгаши. Словом, это грозное, дикое и недоступное ущелье, в самое короткое время, приняло на себя живой и веселый вид большего разнохарактерного рынка: всюду видно движение народа, везде толпы торгующих и покупающих, и со всех сторон тянущиеся вереницами обозы с различными грузами.

Занятие Аргунского ущелья так заинтересовало жителей соседних крепостей, что даже дамы из крепостей Воздвиженской и Грозной, презирая

опасностями и несмотря на жестокуюзиму, ездили туда, чтобы посмотреть то место, которое прежде было так страшно для всех.

Для безопасного же сообщения, по дороге от крепости Воздвиженской до ущелья, восстановлен козачий пост, который и доставляет возможность сообщения без всяких оказий и конвоев.

В то время, как наши войска занимались истреблением аулов и разработкою дорог по всему ущелью, силы неприятельские, под начальством Кази-Магома и еще других 12 наибов, день от дня увеличивались.

Утром 11-го февраля, мы начали сниматься с Дуютенской позиции с тем, чтобы идти обратно к Аргунскому ущелью. Неприятель, заметив наше движение и, вероятно, приняв таковое за совершенное отступление из ущелья, начал показываться в рассыпную и сильно нападал на наших стрелков, бывших в арьергарде. По мере нашего движения, он усиливал свой натиск, и вскоре, прилежащие к дороге, снеговые горы сделались черными от покрывших их страшных масс Чеченцев, которые, подобно муравьям в муравейнике, давя друг друга, спешили на вершины, как бы для обхода или нападения на правый фланг нашего отступления. Из быстрого их преследования можно было предполагать, что они имели решительное намерение подавить нас в самом ущелье и не выпустить ни одного живого на плоскость.

Когда мы подходили уже близко к возвышенной позиции Измаил-Юрта, то неприятель, зная, что дорога нашего отступления с этого места начинается узкая, под самыми горами и частью лесистая, начал огромными массами быстро спускаться с вершин гор, несмотря на глубокий снег. Он так отчаянно нападал, что несколько раз бросался в шашки; но стройное и хладнокровное отступление наших стрелков лишало врага всякой надежды на успех. Не видя тут удачи, Чеченцы, опередя наших, с правой стороны, открыли сильный огонь с лесистых гор. Но энтузиазм их скоро охладел, они разочаровались в своем предположении. Как видно, готовые поглотить нас, они изумились, когда увидели, что полковник Алтухов, вместо того, чтобы ускорить отступление отряда, против их ожиданий, поворотил войска налево, снова занял позицию у Измаил-Юрта, и с высоты ее открыл по огромным чеченским партиям сильный орудийный огонь. Гики ихвдруг замолкли; беготня остановилась; главные массы, двигавшиеся по хребтам гор вперед, тоже остановились, и как бы в недоумении смотрели, что мы делаем и что хотим делать. Когда же увидели, что по обеим сторонам наших орудий начали разбиваться палатки, то, по обыкновению своему, с ругательством на нас, спокойно спустились с гор и больше мы их не видали. При славном этом отступлении у нас легко ранено 14 человек нижних чинов.

Шамиль ценил потерю Аргунского ущелья; по словам лазутчиков, когда дали ему знать, что оно занято Русскими, он прослезился. Чеченцы, жившие в

ущелье, вероятно не без соболезнования смотрели на занятие его нами; и действительно, в нем почти нет ни одного шага земли, на равнинах и пригорках, на которых бы не была засеяна или кукуруза или пшеница. Мы были там хотя и во время глубокого снега, но все-таки везде видели следы их земледелия; и можно наверное предполагать, что засевами этими, судя по их огромности, пользовались не одни жители ущелья, но даже и соседи их, живущие в горах. Следовательно, чрез потерю этих мест, несколько тысяч семейств остались без всякого продовольствия на нынешний год; да и на будущий, вероятно, не позволят хозяйничать им на прежних местах. Это обстоятельство, гибельное для Чеченцев, как увидим впоследствии, было чрезвычайно важно для пользы нашей.

Что Чеченцы желали скорого отступления нашего из ущелья, это неоспоримо. Когда мы стали на позиции около уничтоженного аула Измаил-Юрта, по возвращении из аула Дуютен, то они, чтобы не давать нам покою, каждую ночь лазили по прилежащим к нашему лагерю лесистым горам, и, сделав по нему залпы, гикали и ругались. Но немогши нас ничем донять, так как мы даже не отвечали на их выстрелы, и, зная, что у нас в то время был великий пост, по временам, каким-то голосом отчаяния, кричали к нам: «Иван! Иван! ступай скорее домой... твоя Мулла кричит».

Нанеся Шамилю сильный удар занятием Аргунского ущелья и тем же поколебав силы и существование Малой Чечни, генерал-лейтенант Евдокимов вознамерился приготовить еще путь для будущих своих действий.

Подвигая успешно работы, с самого входа в ущелье до аула Дуютен, и сделав по всему этому протяжению, несмотря на пересеченную местность, удобные пути сообщения, генерал-лейтенант Евдокимов, распустивши по окрестностям большую часть кавалерии и оставя несколько батальонов пехоты, для продолжения работ, 28-го февраля, с остальными войсками, двинулся ущельем против течения реки Шары-Аргун. Перейдя разоренный аул Улус-Керти, мы шли вперед, сами не зная куда; мы недоумевали о пути нашего следования тем более потому, что равнина, по которой мы шли, ограничивалась с правой стороны — рекою Шары-Аргуном; с левой — довольно высокими горами, а перед самым фронтом движения возвышался высокий лесистый хребет гор, служащий обрывом правой стороны ущелья реки Шары-Аргуна, и постоянно имевший свою вершину в облаках. Идти налево — не было никакой цели; повернуть вправо — не пустит река Шары-Аргун; двигаясь прямо — предстояло остановиться у подошвы впереди лежащего хребта; потому что, принимая в соображение тогдашний снег и мороз, крутизну и высоту горы, покрытой страшным лесом, всякое движение по ней было невозможно. Но не тут-то было;

только что главная наша колонна опустилась в кручь Гимеринского гинда[274], под выстрелы Чеченцев, действовавших без успеха с противоположной лесистой стороны реки Шары-Аргуна, то авангард наш, под командою генерал-майора Кемферда, начал уже подыматься к подошве самого хребта. Дороги здесь почти что не было; а поэтому, подымаясь еще к горе, мы в движении нашем встретили большое затруднение. Когда же подошли к подошве главной горы, то не верили сами себе, чтобы когда-нибудь можно было взобраться на ее вершину. Но рассуждать было некогда: начальство идет впереди, за ним двигается все.

Дороги не было; ехать верхом нет возможности, лошади, навьюченные горными орудиями, с великим трудом подымались по круче; отряд, подпираясь кто палкой, кто ружьем, делая зигзаги по глубокому снегу, взбирался нога за ногу, останавливаясь почти чрез каждые 15 шагов. Местами были такиекрутизны, что с них обрывались вниз вьючные лошади. Отряд тянулся на гору поодиночке, один за другим — следовать иначе было невозможно...

Но как скоро перед вечером взобрались мы на вершину горы и остановились на позиции, то минутный отдых, на мягком снеговом ложе, скоро заставил нас забыть все. У каждого в глазах было видно что-то веселое и самодовольное; каждый смеялся и удивлялся тому — как пособило ему взобраться на такую высокую кручь; всякий желал, чтобы скорее очистилась позиция, дабы с высоты горы можно было полюбоваться местностью.

Но как этого скоро невозможно было сделать, то все принялись за приготовление к ночлегу: расчистили снег, запасли на целую ночь для костров лесу, и, поужинав, благодаря помощи Всевышнего и беспримерному терпению к перенесению трудов Кавказца, — главная наша колонна спокойно отошла к сладкому сну...

С утра следующего дня начались работы по всему занятому нами пространству. Прежде всего приступили к рубке и уничтожению чинар. Солдаты, в отношении к чинарам, то же, что и муха к слону; рассыпавшись по лесу, человек по восьми, окружив громадные деревья, стоя выше колен в снегу, как черви точили их своими топорами под самый корень... Раз, два, три — дерево трещит и клонится к падению. Тогда снова крики: «идет!.. берегись!» и смотришь, этот исполин лесов, имеющий до 40 сажен и более вышины и более 5-ти сажен[275] в объеме, сопровождаемый гиком, криком и смехом солдат, сначала

[274]Г1амамаран-1ин (в данном случае глубокий овраг), «Гимеринский гинд» располагался у подошвы хребта Дарген-дук. - Головлев А.А. Генерал Николай Иванович Евдокимов и Чечня. Часть 2. Взятие Аргунского ущелья (зимняя экспедиция 1858 г.) // Вестник Армавирского государственного педагогического университета. 2021. № 2. С.57.

[275]Сложно себе представить т. к. русская сажень того времени (2,13 м) умноженная на 40 дает цифру более 80 м., соответственно свыше 10 м в обхвате. Хотя справочники говорят, что

тихо, а потом стремительно, с страшным шумом и треском рушится на землю, которая от его падения приходит в сильное сотрясение. Трудно свалить чинар с корня, но труднее того, как тогда это требовалось, уничтожать его совсем. С ним почти невозможно ничего сделать руками, по причине его величины; а поэтому они рвались на части порохом и уничтожались на кострах.

Подобные картины повторялись каждодневно, с утра до вечера; а потом началась и разработка дороги от самой вершины горы вниз до Гимеринского гинда, и далее до разоренного аула Дуютен.

Вскоре мы узнали, что гора, которую мы заняли, имеющая 6,000 футов вышины над уровнем моря, называется Дарган-Дук, и что чрез вершину ее близок путь в Дарго и Ведень. А вместе с этим, конечно, узнали и о цели нашего движения и производимых здесь работах...

Шамиль держал Чеченцев в сборе; но ни к каким действиям приступить не решился, А как бывшие тогда сильные морозы крепко пробирали оборванных его воинов, то они, рассудив, что лучше сидеть в теплой сакле, чем зябнуть и голодать, начали разбегаться из своего отряда, так, что при отступлении нашем, их не было уже ни одной души. Да если бы и были, то всякое для них предприятие было бы уже напрасно. Они как-то раз, за все время нахождения нашего на высотах, ночью подползли к авангарду и завязали с его цепью перестрелку, которая кончилась тем, что несколько наших орудийных выстрелов заставили их отступить.

Работы шли с великим успехом: просека день от дня заметно расширялась; на ней хотя не было заметно людей, но по краям ее, с утра до вечера, со всех сторон, с грохотом и гулом, валились чинары, увлекая за собою в кручь десятками другие деревья....

Работы приходили к концу; просека доведена до известной широты; дорога с многочисленными зигзагами проводилась уже при самой подошве горы, и мы мечтали встретить праздник, если не на квартирах, то, по крайней мере, близ крепости Воздвиженской. Но и тут предположения наши не осуществились; получен приказ: заготовить немедленно все для встречи высокоторжественного праздника и доставить в расположение отряда на гору...

Наконец, восток начал обливаться ярким заревом, и все зашевелилось; войска, одевшись чисто и опрятно, выстроились на линейках, каждый перед своею частью, для разговенья...

Приступили к разговенью, взаимным поздравлениям, и магометанская земля озарилась радостным пиршеством и торжеством христиан! На лицах каждого, после перенесения столь несказанных трудов, было видно какое-то

кавказская чинара (платан) - «вечное дерево» может вырастать до 50-60 м. Кстати более распространенный в Чечне бук доживающий до 500 лет также достигал 50 м.

особенное выражение восторга. В продолжение первых трех дней, в которые даны всем отдых и свобода, пляски, игры, песни, барабаны и бубны не умолкали день и ночь...

На четвертый день праздника, снова приступили к работам, которые почти уже оканчивались и были не так тягостны. Просека была совершенно окончена, дорога тоже, и мы занимались только поправкой последней и скатыванием с террас ее зигзагов, оставшихся срубленных чинар и вырванных порохом пней. Это было необходимо сделать потому, что ежели бы оставили их без внимания, то неприятель, при вторичном подъеме нашем на эту гору, спуская их вниз, мог нанесть нам жестокий вред.

К 27 марта работы совершенно окончены; а 28 числа назначено отступление отряда за берег Гимеринского гинда. Мы хотя и знали, что скопища Шамиля все разбрелись, но во всяком случае, для развлечения неприятеля во время нашего отступления, генерал-лейтенант Евдокимов послал несколько батальонов, под командою полковника Бажанова, по левому ущелью от разоренного аула Улус-Керти, для разорения находящихся там аулов того же имени. Когда колонна эта подступила к аулам и открыла по них канонаду, то жители ближайших аулов, услыхав это, бросились на помощь своим соседям. А мы, оставя исполинские высоты Дарган-Дука, с широкою просекой и по оной отлично сделанной дорогой, преспокойно спустились с них и, переправясь чрез Гимеринский гинд, остановились на позиции близ разоренного аула Улус-Керти, куда к вечеру прибыл и полковник Бажанов.

На другой день утром, мы начали отступление к самым воротам Аргунского ущелья. Множество джигитов выехали провожать нас; но проводы их были без всякого успеха для них и без малейшей потери и затруднений для нас. На обратном движении, мы уже не встречали тех препятствий в следовании, которые видели при движении вперед. Несмотря на страшные обрывы, крутости и вообще на сильную пересеченность местность, везде были устроены нами прекрасные широкие и отлогие дороги, а чрез речки мосты. Подойдя к аулу Дачу-Борзой, к воздвигавшемуся здесь Аргунскому укреплению, мы нашли таковое уже совершенно оконченным и вооруженным. Далее, нашли также почти оконченными предмостную башню и самый мост через реку Чанты-Аргун, перейдя который, остановились лагерем близ предмостного его земляного укрепления.

31-го марта, с этой позиции мы в колонне полковника Алтухова, под личным начальством генерал-лейтенанта Евдокимова, сделали набег по Чанты-Аргунскому ущелью. Несмотря на обрывистые и большие овраги, чрез которые нам предстояло проходить, мы быстро достигли до самой глубины этого ущелья, будучи провожаемы с прилежащих гор сильным огнем Чеченцев. Отдохнув здесь

немного, мы начали отступление, и вместе с тем, с самого угла ущелья, уничтожение бывших там богатых аулов и садов и предавали все огню. Озлобленные Чеченцы, как саранча, со всех сторон ползли на наше отступление, гикая и осыпая градом пуль; но выстрелы наших орудий укрощали их ярость, а распорядительность и хладнокровное отступление полковника Алтухова отняли у них всякую возможность нанести нам какой-либо вред, и мы того же числа, без всякой потери, вернулись на позицию, сопровождаемые лишь ругательствами и проклятиями Чеченцев.

Таким образом, с 16-го января по 31-е марта, сделав все нужное в Аргунском ущелье и очистив его по всем ближайшим направлениям от лесу и аулов, 1-го апреля, оставив там гарнизон и часть войск для окончания работ, мы вышли из него, и, пройдя крепость Воздвиженскую, остановились всем отрядом при реке Энгелике.

Переночевав на позиции при реке Энгелике, 2-го числа утром, мы, не зная цели нашего движения, тронулись к Черным горам, вблизи от крепости Воздвиженской и вправо от Аргунского ущелья. Знавши же эти места, близ которых находились и разоренные нами аулы Дубы, где уже испытали прием жителей, мы по обыкновению приготовились к встрече неприятеля. Но в то же время были удивлены тем, что, когда подходили близко к огромным аулам, разбросанным в различных направлениях по горам, лощинам и ущельям, не только не встретили никакого сопротивления, но ни в одном из них не заметили даже малейшего движения. Подойдя к первому аулу, весь отряд наш остановился и разделился на несколько небольших колонн, из которых каждая была назначена по аулам на отдельных позициях. Здесь мы только узнали, что пришли сюда не воевать с Чеченцами, а напротив того защищать их и аулы, от их же земляков. И действительно, как скоро мы заняли позиции, то тотчас же со всех ущелий и с вершин гор, потянулись сотнями чеченские арбы, нагруженные их имуществом. За ними шли старики, старухи, молодые мужчины и женщины и различных возрастов дети, таща на себе то, что каждый в состоянии был нести. Далее, по тем же дорогам гнали множество рогатого скота и баранты. Все это привозилось и пригонялось к нашим позициям, и оставалось до времени под нашим прикрытием. Зажиточные Чеченцы, сбрасывая привезенные ими вещи, и с пустыми арбами, отправлялись опять в горы, по нескольку раз возвращаясь оттуда с новым грузом.

Племена эти, бывшие до настоящего времени непримиримыми нашими врагами, теперь очутились между нас, как бы старые кунаки. Переселение их из гор к нам, как можно было заметить из веселого расположения их духа, не только не наводило на них какое-либо уныние или сожаление о родине, но напротив того

в них, даже в женщинах, была видна радость, подобная радости узника, освободившегося из заключения на всегдашнюю свободу.

И действительно, в это время они уподоблялись заключенным узникам. С занятием нами Аргунского ущелья, лишившись сообщения с Большою Чечней, и вопреки обещаний Шамиля не получивши от него никакой помощи, и имея в тылу у себя Русских, многие из них, не видя более возможности своего отдельного существования, решились оставить горы и просить покровительства Русских. Бывшие же между ними бродяги, занимавшиеся разбоями и грабежами между своими и мирными Чеченцами, из страха получить наказание, бросив эти места, удалились дальше в горы и сделались приверженцами наиба Малой Чечни Сабдулы, а вместе с ним и самого Шамиля. Сабдула, собрав шайки этих разбойников, рассылал их по всем аулам, чтобы они препятствовали жителям переходить к нам. Шайки этих бродяг, пользуясь удобным случаем, вместе с выполнением данного им поручения, начали повсеместный грабеж перебежчиков, которых и вынудили, оставя их аулы, для своего спасения с имуществом, скрыться от них в горы и ожидать прихода наших войск. Для облегчения перевозки имущества перебежчиков, высылались на помощь по нескольку сот ароб из наших мирных аулов. Когда переселенцы оканчивали совершенно перевозку своих имуществ и уходили на назначенные им новые места жительства, то мы, налегке, ходили по всем оставленным аулам и истребляли дотла их и все, что в них находилось. Случалось углубляться даже в аулы, находящиеся и за Черными горами, но и они без выстрела были подвергаемы той же участи. Подобными движениями, мы коснулись отлогостей Черных гор и ходили по ущельям, в направлении к Владикавказу. Переменяя каждый день свои позиции, а в другой день и два раза, на каждой из них мы принимали тысячи переселенцев и уничтожали бесчисленное множество сплошных аулов.

Шамиль, узнав о горькой участи Малой Чечни, послал на помощь ей Тавлинцев; но уже было поздно; даже прибытие сюда его самого ничего не могло облегчить ее судьбы. Жители, будучи томимы долгими его обманами, не только не искали защиты Тавлинцев, но прятались и убегали от них к нам, по ночам. Были случаи, что перебежчики, поддерживаемые нашими, часто заводили с ними сильные перестрелки и выгоняли вон из аулов. В скором времени, места: на Гойте, в Дубах, в Гехах, Шаложах, на Валерике и далее до крепости Владикавказа, на которых прежде так много было пролито крови Русских, и которые, чрез воинственных и храбрых своих жителей, считались недоступными, теперь пали пред русским оружием и покорились навсегда нашему правительству, без прекословия и без всякого кровопролития.

Столь важному успеху и совершенному потрясению Малой Чечни, мы обязаны действиям генерал-лейтенанта Евдокимова, столь быстро и удачно занявшего Аргунское ущелье.

Бедствия Малой Чечни сильно взволновали и Большую, так, что Шамиль, с огромными своими партиями и орудиями, выдвинулся из Черных гор Большой Чечни, и по направлению от Аргунского ущелья и за аул Ахтуры, оцепив все аулы, загонял жителей их в горы.

Можно предположить, что и сам Шамиль упал уже духом. Чеченцы перестали ему верить в обещаниях сражаться с Русскими и покорить их; и, несмотря на все его строгости, по настоящее время, по нескольку семейств, почти каждодневно перебираются к нам. Слабость его, кроме всех виденных нами действий за все экспедиции, показалась и в это время. Имея под ружьем, как передавали лазутчики, более 10,000 человек, с 5-ю орудиями, он не осмелился не только штурмовать, но даже подойти близко к слабому нашему укреплению Шалинскому, отстоящему от нашей линии более 15 верст и бывшему окруженному со всех сторон его партиями. Несмотря на многочисленные свои сборища, он ни разу не рискнул напасть на наши незначительные оказии, проходящие под носом его партий из крепости Воздвиженской в укрепление Шалинское.

Когда мы оканчивали действия наши в Малой Чечне, стоя на позиции при реке Валерике, то получили известие о движении Шамиля в Большую Чечню. Генерал-лейтенант Евдокимов, оставя несколько батальонов для прикрытия перебежчиков, с остальным отрядом, 18-го апреля, двинулся с Валерика на реку Аргун и, прибыв туда, в соответственном направлении, расположения партий Шамиля, остановился лагерем на левом берегу реки Аргуна. Этим кончилась экспедиция в Аргунское ущелье.

На обратном нашем следовании с реки Валерика, проходя мимо Аргунского ущелья, мы уже не видели в нем той мрачной картины и той дикости, которою оно отличалось при проходе до занятия его нами. Оно было чисто и видно на далекое пространство. Лишь одна громадная просека, пролегающая в соответственном направлении с самым ущельем, тянувшаяся широкою желтою полосою, казалось, заслоняла собою вход в ущелье.

Взглянув на страшную гору Дарган-Дука и сделанную просеку, трудно верить, чтобы произведенные на ней исполинские работы были произведение рук человеческих.

ДИДИМОВ К. ЭКСПЕДИЦИЯ В ЧАНТЫ-АРГУНСКОЕ УЩЕЛЬЕ,

С 1-ГО ИЮЛЯ ПО 19-е АВГУСТА 1858 ГОДА[276]

Отложение большой части Малой Чечни (около 3,000 семейств) убедило Шамиля в непрочном его владычестве над нею; а поэтому он, дабы восстановить в ней опять свои права и ее прежние силы, пустился на происки.

С помощью наиба Сабдулы и других агентов, он, распуская всюду нелепые слухи про Русских, решился во что бы ни стало взволновать мирные с нами Чеченские общества. Сначала Сабдула явился в огромном и мирном обществе Галашовцев, живущих в плодоносном и изобильном ущелье. Здесь он хотя и произвел сильное волнение на умы жителей, но это продолжалось только до прихода сюда наших войск. Лучший же успех имел Шамиль в преданном нам обществе Назрановских Чеченцев[277].

Общество это, состоящее более чем из 30,000 душ, за преданность и усердие Русскому правительству, оказанные им в прежние времена, имеет георгиевское знамя. Но в это время явились в нем недоброжелатели Русским и, пользуясь смутами народа, неизвестно из каких видов, составили заговор, послали воззвание к Шамилю о подании им помощи, и вместе с тем предложили ему свои услуги.

В скором времени, около кр. Назрани, обнаружилось явное восстание Назрановских Чеченцев, сопровожденное даже убийством нескольких человек Русских. Этот дерзкий поступок бунтовщиков, угрожавший всем окрестностям опасностью, мог иметь дурные последствия; но он, благодаря распорядительности и мерам, принятым в это время генерал-лейтенантом Евдокимовым, был тотчас же уничтожен: главные виновники, числом 42, немедленно выданы правительству и снова водворены тишина и спокойствие. Из числа этих бунтовщиков, четыре, а именно: знаменщик, юнкер и два муллы, как главные зачинщики, повешены близ кр. Назрани, в виду почти всех назрановских аулов, на том самом высоком холме, на котором были постоянные сборы Чеченцев во время их бунта, и который, по всегдашним совещаниям на нем, и после чего удачным предприятиям, назывался у них святым. Остальные же, по мере их вины, получили достойные наказания.

Между тем Шамиль, узнав о восстании Назрановцев, собрал огромные партии из Тавлии, Андии и Аварии и двинулся к ним для подания помощи. Он,

---

[276]Дидимов К. Экспедиция в Чанты-Аргунское ущелье с 1-го июля по 19-е августа 1858 года // Военный сборник, № 8. - СПб., 1859. С.255-284

[277] Правильнее «назрановские ингуши», однако к середине XIX в. становится общим местом определение нахоязычных обществ от Акташа-Сулака и до верхней Сунжи и Камбилеевки – чеченцами. Довольно активная исламизация назрановских ингушей также вводила их в общее русло чеченской этнизации.

быв в полной уверенности, что по присоединении Назрановцев достигнет желаемой цели, простер до того свою дерзость, что для скорейшего соединения с ними, против ожидания всех, предводительствуя сам своими конными партиями, решился выступить из гор и ущелий на чистые равнины Малой Чечни, покоренные уже нами. Так, 9-го июня, в три часа пополудни, он выдвинул огромный отряд свой на равнину в виду нашего отряда, расположенного на реке Натхо, и, вытянув толпы свои на протяжении более двух верст, двинулся по направлению к Назрану.

Отряд наш, стоящий на р. Натхое, под командою командира Виленского пехотного полка полковника Алтухова, был незначителен в сравнении с партиями Шамиля (до 7,000 человек). Он состоял: из 2-х батальонов пехоты, того же полка, при 6-ти пеших орудиях; из двух дивизионов драгун Нижегородского и Северского полков, при двух конных орудиях, и из дивизиона козаков Моздокского линейного полка. Но как он мал не был, а нам должно было защищать два большие мирные аула: Очхой и Кази-Юрт, лежащие на самом пути следования Шамиля. А поэтому полковник Алтухов, снявшись с своей позиции, двинулся, в параллельном направлении с Шамилем и в виду его, к означенным аулам.

Как скоро передовые колонны Шамиля начали подходить близко к аулу Кази-Юрт, полковник Алтухов, дабы воспрепятствовать переправе их чрез р. Фортангу, выслал наперерез два дивизиона драгун и сотню козаков при двух конных орудиях. Пехоту же, 1 1/2 батальона при 4-х пеших орудиях, направил в правый фланг партиям Чеченцев.

Неприятель, видя перед собою нашу кавалерию, заграждавшую ему движение вперед, тотчас сгустил свои партии в одну массу и, с целью раздавить ее одним натиском, смело бросился вперед. Конные наши орудия, подпустив Чеченцев на близкий картечный выстрел, сделали по ним убийственный залп, что заставило всю массу их невольно приостановиться. А вслед за этим, отважные и известные своею храбростью, наши Нижегородцы и Северцы стремительно ринулись на ошеломленных Чеченцев в шашки и вступили в рукопашный бой. Резня продолжалась недолго; атака драгун была столь дружна и удачна, что Чеченцы, не могшие ее выдержать, скоро были смяты и разбиты на две части. Между тем пехота, а с нею пешие орудия, действуя во фланг неприятеля меткими выстрелами, окончательно смешали Чеченцев и принудили к отступлению. Через два с половиной часа, огромные полчища Шамиля, преследуемые нашими, рассыпались по всем направлениям и, подбирая своих убитых и раненых, спешили в близь лежащий лес; а потом отправились назад по той же дороге, по которой так смело двигались к Назрановцам.

Кроме унесенных Чеченцами их убитых, оставлено на месте 50 трупов. Сверх того, пехотою взято в плен 2 Андийца, драгунами отбито 2 значка. Потеря с нашей стороны заключалась: в 2-х раненых офицерах и в 29 человеках убитых и раненых нижних чинов.

По словам лазутчиков, вся потеря Шамиля в этом деле простиралась более 200 человек, что и принудило его остановиться ночлегом на р. Натхое, с которой он выступил на равнины. Этому можно было поверить потому, что, кроме мужественного и отчаянного удара драгун, отличное действие наших орудий должно было нанести неприятелю значительный вред.

Шамиль, грозно встреченный отрядом нашим в поле, снова углубился в горы и чрез них, не оставляя своих замыслов, на третий день явился к Галашевцам и забрал от них аманатов. А как за ним по всем направлениям следили отряды, то наш, как ближайший, прибыл туда в этот же день и расположился близ поста Августали. На другой день Шамиль двинулся отсюда ближе к Назрановцам и недалеко от аула Маякон остановился на позиции. Но и тут ему не было удачи; потому что кроме нашего отряда пришло туда еще несколько других; Шамиль, видя себя почти окруженным Русскими, должен был отказаться от всякой надежды достигнуть своей цели, т. е. вступить в общество Назрановцев. В полночь того же дня он снялся с позиции, отправился вовнутрь гор и выдал обратно всех забранных им аманатов. Наши отряды не переставали следить за ним до тех пор, покуда он не удалился совсем из Малой Чечни.

Усмирив волнение Чеченцев в нашей Малой Чечне, водворив в ней, по-прежнему, тишину и спокойствие и выпроводив докучливого гостя, генерал-лейтенант Евдокимов, 30-го июня, сдвинул большой отряд к крепости Воздвиженской и ночью того же числа выступил в Аргунское ущелье.

С рассветом 1-го июля, отряд наш последовательными колоннами, пройдя главное ущелье, повернул направо и двинулся по Чанты-Аргунскому. Большая часть войск, перейдя по устроенному нами мосту чрез р. Чанты-Аргун, к Аргунскому укреплению, направилась по правой, а часть прямо по левой стороне р. Чанты-Аргуна.

Дойдя до глубины широкого Чанты-Аргунского ущелья, т. е. до того места, где мы в прошлой экспедиции уничтожили последние неприятельские аулы, и где уже начинается обрывистая и лесистая Чанты-Аргунская теснина, выпускающая быструю речку такого же имени, отряд наш, с бою, занял эти места и остановился на позиции по обеим сторонам реки.

Настоящее движение чрез главный Аргунский проход и по Чанты-Аргунскому ущелью, до аула Соси-Ирзау, на протяжении более 3-х верст, нисколько не уподоблялось движению по тем же местам в прошлой экспедиции. Все бывшие здесь препятствия и преграды от природы и искусства теперь не

составляли нам ни малейшего затруднения в движении. От самой Воздвиженской крепости, мы двигались к ущелью по ровному месту, почти не имевшему на себе признаков леса, бывшего здесь прошлою зимою. Дорога, широкая, ровная и битая, уподоблялась старой дороге, проложенной внутри глубокой России, так, что солдаты, с видом самодовольствия говорили: «мы идем по Саратовскому трахту». При вступлении в самое главное ущелье по такой же дороге, вместо мрачных видов природы, наводивших прежде уныние, мы теперь встретили его в полной красоте лета, как бы в стране, давно обитаемой оседлым и мирным народом. Утесистые и местами лесистые вершины высоких хребтов гор, оцепившие со всех сторон обширное ущелье, хотя и носили на себе признаки дикости, но вместе с тем придавали ему еще более величия. Скромные лощины, лишенные всех бывших на них буйных аулов, покрытые богатыми тучными пастбищами на большое пространство, теперь покоятся мирно под защитою окружающих их гор. И только рев и клокотанье быстро вьющихся в крутых берегах р. Чанты и Шаро-Аргуна и зоревая пушка Аргунского укрепления временем нарушают их спокойствие.

За соблюдением же тишины и спокойствия, водворенных нами на этом пространстве, которые легко могут нарушаться появлением неприятеля из глубины узких ущелий, строго смотрят: Аргунское укрепление и башни с своим гарнизоном и грозно сторожат все выходы из ущелий, стоящие по стенам укреплений орудия. Удобно устроенные дороги, с множеством мостиков чрез ручейки и овраги, и красиво переброшенный чрез реку большой постоянный мост, придают еще более виду благоустройства и красоты этому богатому для Русских приобретению.

Плодородие земли в ущельях не подлежит сомнению. Это подтверждается тем, что здесь, кроме сильной растительности, принадлежащей месту от природы, мы нашли около Аргунского укрепления богатые огороды, засеянные гарнизоном всевозможными овощами.

Полагать можно, что с отбытием нашим из Аргунского ущелья в прошлой экспедиции, места эти не посещались неприятелем. Только на сделанной нами исполинской просеке чрез Даргинские высоты, видны следы его пребывания. Здесь он, найдя сделанные нами дороги, и предполагая, что весною или летом, мы снова будем иметь по ним движение на высоты, перерыл их в нескольких местах. Мало этого, на 3-й части высоты, от подошвы горы, перекопал всю просеку широким и глубоким дугообразным валом и по флангам его поставил две деревянные башни.

Действительно, если бы нам пришлось теперь идти прямо на высоты, по сделанной нами дороге, то, при таких обстоятельствах, это стоило бы больших трудов и потерь, и расчет неприятеля в этом случае был бы очень верен. Но при

этом он не рассчитал того, что дорогу эту мы имеем не для того, чтобы по ней подниматься на высоты, а прежде спуститься по ней и потом, обезопасив ее, если потребуется надобность, то снова подняться. Или просто сказать, что мы, наверное, зайдем в тыл этим высотам, к чему уже близки и теперь, а потом, заняв без боя там батарею неприятеля, по сделанным же нами просеке и дороге, как хозяева их, спустимся прямо к Аргунскому укреплению.

Шамиль не ожидал последнего; тем более не ожидал, что видел перед собою движение только части наших войск, под командою полковника Зотова, высланного для маскирования движения главного отряда, и, считая это дело невозможным, когда узнал о вступлении нашего отряда в Аргунское ущелье, двумя наибами усилил гарнизон в устроенном им на Даргинских высотах укреплении. Несмотря даже на то, что мы вместо Шары-Аргунского ущелья, чрез которое пролегает дорога к этим высотам, поворотили в Чанты-Аргунское, он зная проход чрез его теснину, был вполне убежден и никогда не допускал мысли, чтобы мы осмелились идти по ней, и, пройдя ее, вторгнуться в воинственное и многолюдное племя Шатоевцев. Невозможность эта, как мы узнали впоследствии, была действительна и неоспорима.

Узкое продолжение Чанты-Аргунского ущелья, от аула Соси-Ирзау до вступления в обширную равнину Шатоевцев, до аула Гаку, тянется страшною тесниной, на протяжении более 15 верст. Оно заключается между двумя чрезвычайно высокими горными хребтами, лежащими в параллельном, почти непрерывном направлении. С вершины до полугоры и местами менее этого, обе внутренности ущелья так круты и лесисты, что только пеший человек с трудом может по ним спуститься; а остальные их части до самого дна ущелья утесисты и отвесно обрывисты. Местами, в особенности правая сторона ущелья, прорезана от вершины гор до отвесных их обрывов, простирающимися к реке более, нежели на 250 сажен, узкими и высокими скалистыми гребнями, вниз до реки; местами же таковая, от самой вершины до дна, перерезана глубокими оврагами. В некоторых местах этой стороны ущелья, образовались невозможные для перехода, почти отвесные песчаные насыпи.

На этой-то стороне и на этой самой полугоре, чрез все сказанные места, пролегает по всему ущелью единственная тропинка, служащая сообщением Шатоевцев с широким Чанты-Аргунским ущельем. Но и эта тропинка способна для прохода лишь только Чеченцу, который, как в лесу, так и в горах, легок и цепок, как кошка. Узкая и местами совершенно перерывающаяся тропинка почти по всему протяжению проходит над страшными и обрывистыми пропастями, на дне которых с ужасным ревом и гулом пенится буйный Чанты-Аргун, — это нижняя ее ограда. Другая же ограничена крутыми и лесистыми горами, нависшими огромными скалами и страшными песчаными насыпями, которые на

каждом шагу грозят опасностью. Иногда тропинка проходит чрез такие места, что на самом пути, под ногами, открывается почти бездонная отвесная пропасть, чрез которую нужно сделать несколько шагов, по наложенным там деревянным кладкам; а сверху, в этом же месте, угрожает рушиться и увлечь за собою на дно пропасти в несколько тысяч пудов нависшая скала.

Только в трех местах, по этой стороне ущелья, есть равнины, простирающиеся на чрезвычайно малое пространство; и на большей из них, почти что посредине пути по ущелью, до прихода нашего находился небольшой аул.

Каждый, ознакомившийся теперь с узким Чанты-Аргунским проходом, может судить о том, чтобы могло постичь всякийотряд, решившийся идти по этому пути, и еще в таком случае, когда бы таковой был мало-мальски защищаем неприятелем.

Конечно, генерал-лейтенант Евдокимов имел обо всем этом верные и подробные сведения, но вместе с тем, заняв позицию у входа в теснину, чтобы уверить неприятеля в своем предприятии, т. е. в движении отряда по ущелью, в продолжение 3-х дней производил здесь рубку леса и устроил временной мост чрез реку Чанты-Аргун, которая в то время, как и все горные реки, имела чрезвычайно огромную и быструю воду.

В продолжение нашей здесь стоянки, Чеченцы, выползая из узкого ущелья и с вершин гор, так сильно беспокоили нас день и ночь, что иногда заставляли действовать по них картечью. А лазутчики каждый день давали знать, что описанная здесь тропинка по ущелью укрепляется чеченскими завалами и залогами, и что, кроме того, заготовляются ими в верхней полугоре огромные камни, которые они намерены спускать с высот во время движения нашего отряда. Но все труды их и усилия были напрасны.

Как скоро был окончен мост через реку Чанты-Аргун, то 3-го числа, в два часа ночи, весь отряд наш начал переправляться по нему на левый берег реки. Только с рассветом неприятель узнал о нашем неожиданном для него движении.

Быв в полной уверенности, что отряд наш не минует узкого Чанты-Аргунского ущелья, которое Чеченцы так усердно укрепляли, они были в недоумении, когда утром, взглянув на нашу позицию, не видели на ней ни одной палатки. Узнав же о направлении движения отряда потому, что часть его арьергарда еще была видна на поляне левой стороны реки, они бросились к нему навстречу.

С солнечным восходом передовые колонны нашего отряда, под командою полковника Зотова, поднялись уже на значительную высоту хребта Мискен-Дук, составлявшего левую сторону Чанты-Аргунского ущелья. Крутизна горы, овраги, обрывы и местами топи, страшный и густой чинарный лес, чрезвычайно

затрудняли движение отряда по едва заметной пешей тропинке. К этому еще, часа через полтора, раздались, уже с горы выстрелы Чеченцев, постепенно усиливающиеся и давшие нам знать, что они и там готовы для нашей встречи. Наконец, когда передовые колонны достигли дальше половины высоты горы, то были встречены сильными ружейными залпами. Здесь завязалась упорная перестрелка; Чеченцы с гиком со всех сторон открыли частый огонь и бросились в шашки, стараясь воспрепятствовать нашему движению. Наши стрелки, ускорив шаг и встречая Чеченцев, отбрасывали их назад, и преследуя не давали времени занимать удобные для засад места; но они также были неутомимы и, отступая в рассыпную, метко и упорно отстреливались из-за каждого дерева и бугорка. Местами, они успевали укрываться за завалами и, делая из-за таковых сильные залпы, держались так упорно, что наши должны были выбивать их оттуда штыками. Таким образом, подымаясь далее на высоты, наши передовые колонны, переменяя и усиливая стрелков, более 2 1/2 часов были в непрерывной и жаркой перестрелке. Когда же достигли самой вершины, на которой лес был несколько реже и где были многочисленные партии Чеченцев, силившихся дать отпор нашим, усиленные цепи стрелков быстрым и решительным натиском, овладев площадкою, рассеяли Чеченцев, принудили удалиться и прекратить перестрелку. Вслед за передовыми колоннами достигли до перевала чрез гору и прочие колонны.

С вершины горы этой, открылась перед нами глубокая и обширная котловина, окруженная с правой стороны полукруглым протяжением этого же хребта, покрытого огромным лесом, а с левой немного понижающимися безлесистыми высотами, за которыми протекает река Чанты-Аргун по ее ущелью. Безлесное дно котловины занято аулами Малые Варанды, жители которых, со вступлением нашим, частью ушли в горы, а большая часть изъявили покорность. Подъем на гору был слишком затруднителен; но каменистый спуск с них в котловину так крут, что почти невозможен. И если мы спустились с него благополучно с горными орудиями и вьюками, то этому дивились сами Чеченцы, говоря: «один черт ходит по этой дороге».

Когда спустился весь отряд в котловину, то Чеченцы еще раз вздумали попробовать счастья, и засевши в лесу, при проходе остальной части арьергарда, открыли по ней сильный огонь. Но получивши на это равносильный ответ, скоро замолчали; а мы, расположившись лагерем по всей маловарандинской котловине, переночевали покойно.

Таким образом, сделав чрезвычайно трудный и важный переход чрез Мескен-Дук, с незначительною потерею, весь отряд наш в этот день очутился почти внутри Чанты-Аргунского ущелья и в тылу сделанных против нас чеченских завалов. На другой же день, т. е. 5 июля, главный отряд поднялся со

дна котловины на безлесистые высоты к самому ущелью; а часть его, под командою полковника фон-Кауфмана, двинулась в самое ущелье, с тем, чтобы перейдя здесь чрез реку Чанты-Аргун на противоположную сторону, занять позицию по правой его стороне, именно на той поляне, где находился аул Зонах, расположенный против спуска из аула Малые Варанды. Крутой и узкий спуск к реке Чанты-Аргуну пролегал хотя чрез мелкий, но такой густой лес, что вся колонна тянулась в одного человека и пробиралась по нему с великим трудом до берега, поросшего до самой воды таким же лесом. А поэтому, как только передовые войска достигали берега, то тотчас же рубили лес на находящейся тут береговой равнине и расчищали таковую на довольно большое пространство. С одной стороны, лес служил и защитою, потому что он совершенно скрывал наше движение по спуску, и Чеченцы не могли наносить никакого вреда колонне с противоположного обрывистого берега.

Как не был затруднителен здесь спуск к реке Чанты-Аргуну, но в сравнении с переправой через нее ничего не значит. Моста чрез реку никакого не было; река, при значительной глубине воды и ширине, яростно и с необыкновенною быстротою рвалась в берегах своих; конный, и то только по течению реки и в одном месте, едва мог перебираться на другую сторону. Дожидаться же устройства моста, для чего и пришли с колонною саперы, было невозможно, потому что неприятель мог собраться в значительных силах на противоположной стороне и с высот обрыва совершенно воспрепятствовать переправе и всякой работе. Следовательно, время было дорого и во что бы ни стало, а хотя небольшой части войск необходимо было переправиться вброд для занятия поляны противоположного берега.

Переправа угрожала явною гибелью каждому переправляющемуся, но делать было нечего. Первые вброд пошли стрелки, схватившись друг за друга, человек по пяти и более, но при страшной быстроте реки и при глубокой воде (выше пояса) случалось, что всех пять человек сбивало сразу и они, спасая друг друга, вертелись колесом в воде. В одиночку переходить не было никакой возможности, и верно много бы переправляющихся сделалось добычею яростного Чанты-Аргуна, если бы внизу от переправы не было поставлено более 30 человек плавальщиков, спасавших несчастных, сбитых водою.

Наконец с великим трудом переправились: взвод горных орудий и рота стрелков, которые, быстро взобравшись по крутому обрыву на поляну противоположного берега, заняли позицию и обезопасили переправу. Остальная часть войск перевозилась офицерскими лошадьми и вскоре пришедшею кавалериею.

Один батальон пехоты и саперы остались на левой стороне реки для устройства моста, а остальные, переправившись чрез таковую, остановились лагерем на поляне близь аула Зонах, жители которого изъявили покорность.

Занятие позиции в самой глубине непроходимого узкого Чанты-Аргунского ущелья, вместе с тем служило занятием и всего этого ущелья, потому что, став здесь твердою ногою, мы отрезали половину прохода и, обезопасив путь к Аргунскому укреплению, прекратили всякое сообщение Шатоевцам, до равнин которых осталось немного более половины расстояния. Главный же отряд, расположившись на позиции близь аулов Малые Варанды, также прекратил всякое сообщение неприятелю чрез высоты. А как эти две позиции были очень важны для дальнейших наших действий, то генерал-лейтенант Евдокимов оставался на них до 30-го июля с тем, чтобы упрочить их навсегда.

На другой день, по занятии позиции при ауле Зонах, приступлено, во-первых, к рубке леса и к исправлению дороги по тропинке, ведущей отсюда к Аргунскому укреплению; во-вторых, как на важном пункте, начато здесь устройство земляного укрепления.

Несмотря на все трудности и препятствия, поставленные здесь самою природою, разработка дороги, преодолевая все, шла успешно, так, что чрез две с половиною недели, вместо прежней почти непроходимой тропинки чрез леса, скалы и овраги —очутилась, с огромною просекою, безопасная и хорошая колесная дорога, которую при входе в теснину от Аргунского укрепления охраняет деревянная башня с одним орудием. Самая поляна Зонах расширена на довольно большое пространство расчисткою леса, и в средине ее, задним фасом к крутому и высокому обрыву берега, строилось, с таким же успехом, земляное укрепление, названное впоследствии укрепление Зонах. От укрепления проводилась новая дорога по обрывистому берегу к переправе через Чанты-Аргун, где уже был устроен временной мост. От моста этого, к позиции главного отряда, по крутому высокому и лесистому спуску, вместо прежней узкой тропинки, по широкой просеке, пролагалась удобная и безопасная дорога.

Главный отряд, в свою очередь, не был в бездействии. Он приготовлял для нас всех путь к предстоящим важным действиям через высоты, от аулов Малой Варанды до аулов Большие Варанды, для чего и производил рубку леса и исправлял дороги.

Шамиль, убедившись, что ожидания его нас на Даргинские высоты были напрасны, в продолжение времени работ, производимых нами на занятых позициях, начал сбор своих партий на равнинах Шатоевцев. Там, собравши более 10,000 кавалерии и пехоты, он приступил к укреплению различных мест своей позиции, которые, как нашли мы в впоследствии, были чрезвычайно сильны и действительно почти неприступно охраняли самые важные пункты.

Он устроил батарею для своих орудий, поделал множество ретрашементов; из туров, насыпанных землею, наделал во многих местах засеки и огромные завалы. Кроме этих искусственных защит, сама природа, почти на каждом шагу, приуготовила неприятелю непреодолимую защиту к обороне.

Наконец, как давали нам знать верные лазутчики, Шамиль каждодневно сбирал своих наибов и всех старшин и заставлял их давать и подтверждать данные клятвы: «лучше погибнуть всем на этих равнинах, нежели уступить их Русским». Следовательно, занятие аулов Большие Варанды и Шатоевских равнин предвещало нам страшную борьбу как с большими силами неприятеля, так и с самою природою. А чтобыпоказать свою решительность в защите, Шамиль уже неоднократно высылал свои партии, чтобы, противостав силам главного нашего отряда, не позволять ему делать просеку и дорогу к аулам Большие Варанды. Несколько раз партии неприятеля натыкались на наших стрелков и заводили с ними перестрелку, но всегда были опрокидываемы нашими. Только 8 числа удалось им сделать сильную засаду.

Перед рассветом, колонна из главного отряда, под командою полковника Баженова, выступила по направлению к аулам Большие Варанды для рубки леса по начатой просеке. Колонна, имея впереди себя рассыпанную роту штуцерных, шла спокойно. Когда штуцерные прошли небольшую и узкую поляну и вступили на расширяющуюся местность, окруженную с трех сторон густым чинарным лесом, где должна была начаться рубка леса, то в лесу раздался сначала один неприятельский выстрел. Вскоре послышались голоса всполошенных Чеченцев, которые, вероятно засевши здесь с вечера, в ожидании наших, к свету заснули, и очнулись только тогда, когда услыхали выстрел нашей цепи.

Когда же цепь и колонна, приняв осторожности, подходили ближе к опушке леса и к оврагу, то в то время раздался по ним из-за последнего страшный залп Чеченцев. Они так близко подпустили наших к засаде, что у нас было ранено несколько человек. Опушка леса немедленно была обдана картечью, и вслед за тем неприятель выбит из оврага. Но невзирая на это, неприятель не прекращал своего огня и вскоре с ужасным гиком бросился из лесу в шашки и завязал рукопашный бой с цепью. Наши штуцерные приняли упорно удар неприятеля, и произошла жаркая стычка. Немедленно высланные из колонны резерва цепи бодро поддержали штуцерных и опрокинули неприятеля с большим со стороны его уроном. Чеченцы, укрывшись в лес и не хотев отступать дальше, открыли из него усиленный огонь.

Наши с своей стороны продолжали также усиленный натиск и открыли беглый огонь; а потом отважно бросились на вновь занятую ими опушку, выбили Чеченцев, и, заняв ее, чрез короткое время заставили неприятеля углубиться в лес. Но несмотря на это, неприятель не прекращал перестрелки до самого вечера.

Перестрелка эта хотя и стоила нам небольшой потери, но зато дала возможность занять столь выгодный для нас пункт, что неприятель, после неоднократных попыток, не мог ничего сделать оставшейся на оном колонне полковника Баженова.

Делая частые засады и завалы, по пути рубки леса, неприятель как бы хотел убедить нас, что он приготовился к самой упорной защите; но генерал-лейтенант Евдокимов, невзирая на препятствие, приводил в исполнение начатое. Воздвигаемое укрепление Зонах приводилось к окончанию, и для вооружения такового привезено было из Аргунского укрепления по вновь устроенной дороге 4 крепостных и два батарейных орудия; кроме этого, привезены также туда артиллерийский и инженерный парки, и заготовлено большое количество провианта.

Дорога от укрепления Зонах к главному отряду окончена; приводилась также к окончанию просека от отряда до аулов Большие Варанды.

Дней за пять до нашего движения на аулы Большие Варанды и далее в равнины Шатоевцев, сделалось известно в отряде, что Шамиль, оставив для защиты своей позиции сына своего Кази-Магома, сам, с 4,000 кавалерии, отправился к Назрановцам. Слух этот был вероятен; но цель движения Шамиля подлежала различным мнениям.

Шамиль уверил свои войска, что он идет покорить Назрановцев и привести их для усиления своего отряда; между тем, как полагают, цель его маневра была та, чтобы развлечь силы нашего отряда. Но вернее всего о цели Шамиля можно сказать следующее: видя настойчивое приготовление нашего отряда к дальнейшим действиям, и вместе с тем, будучи убежден в невозможности устоять против Русских, он, храня это в тайне, чтобы не нарушить данной им клятвы пред народом в решительной защите этих мест, и чтобы уклониться от дела в обороне своей позиции, ушел к Назрановцам. По совершении событий, ему легко было оправдать себя перед всеми, стоило сказать: «Если бы я был здесь, то никогда Русские не осмелились сюда придти». Для Чеченцев же, верующих в Шамиля, как в пророка, достаточно и этих пустых слов его.

Но, как увидим впоследствии дела Шамиля теперь уже не те, что были когда-то. Теперь мы не видим в войсках его той стойкости, того удальства и той решительности в делах, которыми они были прославлены прежде; не заметно в них того джигитства, о котором прежде так громко писали и рассказывали; ни разу не случалась нам ни видеть, ни слышать о подвигах абреков и мюридов, о которых рассказывали чудеса. А между тем резко заметно, что народ его, в сравнении с прежними об нем рассказами, упадает духом; что и служит верным ручательством и за скорое падение самого Шамиля, которому нужно удивляться и отдать должную справедливость в умении, при всех неблагоприятных для него

обстоятельствах, привязать так сильно к себе свой народ и держать его в страхе и должном повиновении.

Все планы и хитрые предприятия Шамиля, выдуманные им в настоящих его делах, были разрушены и совершенно уничтожены. В каком он после этого мнении у своего народа, трудно решить.

Генерал-лейтенант Евдокимов, уведомленный о действиях Шамиля, сделав должные распоряжения против него в Назрановском обществе Чеченцев, не ослабляя сил своего отряда, не трогаясь с места и невзирая ни на что, оканчивал на прежних его позициях работы. Когда же окончилась постройка укрепления Зонах, то он, введя в оное гарнизон и вооружив укрепление 6-ю привезенными орудиями, 30-го числа июля назначил движение всего отряда, к которому присоединилась и колонна полковника фон-Кауфмана, поднявшегося из самого ущелья по вновь устроенной дороге.

Утром того числа, при ясной погоде, главный отряд двинулся чрез высоты к аулам Большие Варанды, по вновь сделанной просеке и разработанной дороге, и без всякого затруднения дошед до колонны полковника Бажанова, расположенной верстах в четырех впереди от главного отряда, ожидал, покуда стянутся сюда вся артиллерия и обоз.

Так, как позиция нашей авангардной колонны занимала самую возвышенную часть проходимых нами высот, и как расстояние ее от аулов Большие Варанды и от равнин Шатоевских было не более 3-х верст, то с нее открылась нам большая часть этих равнин, унизанных множеством аулов.

Несколько впереди аулов, мы ясно увидели огромный отряд Шамиля, разбросанный шалашами в разных местах, на отдельных позициях, из которых каждая имела по нескольку белых палаток. Судя по пространству, которое занимал отряд, можно было заключить, что сбор его войск был очень значителен; и каждый из нас видел, что тут дело пахнет не простой перестрелкой, с которыми мы так уже свыклись, а что должно ожидать более решительного дела. Тем более, что нам предстоял трудный путь: тронувшись с площадки, нам сначала должно было спуститься в глубокий овраг и выбить неприятеля из находящихся там огромных аулов Большие Варанды; а дальше штурмовать крутые высокие и лесистые Варандинские высоты, отделяющие аулы Большой Варанды от Шатоевских равнин.

Как скоро стянулась артиллерия и обоз, то оставя последний на этой позиции под небольшим прикрытием, генерал-лейтенант Евдокимов повел передовые колонны к аулам Большие Варанды двумя дорогами. Неприятель, заметив движение наших войск, высыпал в огромных силах на Варандинские высоты, занял весь их хребет и сделанные на нем завалы. Часть же его спустилась с самой вершины, по стороне, прилежащей аулам Верхней Варанды, и

рассыпалась по находящемуся на ней густому лесу, продолжавшемуся почти до самого дна оврага.

Две тропинки и одна битая дорога чрез высоты были перекопаны неприятелем в нескольких местах и заграждены завалами, за которыми партиями засели Чеченцы. Больше проходов чрез высоты нигде не было. Конные и пешие партии, покрывшие вершины самого хребта, были в сильном движении, что заметно было по их значкам, которые быстро переходили с одного места на другое, и вообще в войске неприятеля было видно деятельное приготовление для нашей встречи, а нам наступал час поработать и пулями, и штыками. Когда же мы подходили ближе, то хорошо слышали крики мулл, громко взывавших правоверных на защиту. Те же Чеченцы, которые рассыпались по лесу и завалам, чтобы не показать нам виду своего там присутствия, сидели тихо и скрытно, выжидая нашего к ним приближения. Все это предвещало нам встретить отчаянный отпор неприятеля. Но мы, постоянно бравши верх в делах, как над самим Шамилем, так и над его партиями, нисколько не сомневались в победе и в этот день. В особенности были убеждены в ней тогда, когда увидели, что как скоро наши передовые колонны двинулись к аулам Большие Варанды, то на позициях Шамиля начали постепенно исчезать, а вскоре и совсем исчезли его белые палатки. Это породило в нас еще большую уверенность в победе и сомнение в отчаянной обороне неприятеля, который в то же время более и более усиливался и суетился.

Невзирая ни на какие предположения о трудности сбить неприятеля с высот Варандинских и овладеть этим чрезвычайно важным пунктом, как для нас, так и для него, наши колонны, выслав стрелков, быстро и стройно спускались с безлесных высот к аулам Большие Варанды. Жители этих аулов хотя и выбрались из них заранее, но все-таки они и спустившиеся к ним с высот Чеченцы, засев за сакли, открыли сильную пальбу по подходившим стрелкам.

Несмотря на жестокий огонь неприятеля, стрелки выбили его и, овладев аулами, засели сами в сакли и завязали оттуда сильную перестрелку с Чеченцами, оставившими аулы и занявшими опушку леса на противоположной стороне, почти при самой подошве высот. Продолжать далее движение цепи к колоннам, то есть перейдя в самом овраге речку, подыматься по высотам тотчас же, было невозможно, ибо неприятель, засевший в огромном числе по всему лесистому подъему на высоты, мог засыпать нас пулями и остановить всякое наступление. А потому стрелки, ведя перестрелку с неприятелем из-за сакль, в свою очередь, препятствовали его движению против нас. Между тем, по распоряжению начальника авангарда, генерал-майора Кемферта, на крышах сакль аулов, как бы на приготовленных платформах, бывших почти в горизонтальной плоскости с вершиной Варандинских высот, а местами выше и ниже, было выставлено: две

мортиры, 2 легких и 8 горных орудий. Встав на означенных позициях, артиллерия наша, дабы выбить неприятеля из лесистого подъема на высоты, из сделанных им там завалов и сбить его с самой вершины высот, открыла по всем направлениям убийственный частый огонь. Картечь жестоко осыпала ближайший лесистый подъем; бомбы и гранаты, ложившиеся в густоту леса, удачно лопались в один момент в нескольких местах; ядра, носясь по самой вершине высот, заставляли неприятеля стремительно скрываться за таковую. Гранаты, лопавшие на чистом месте, над головами партий неприятеля и в середине их, быстро рассеивали скопища. Но несмотря на удачное действие нашей артиллерии, неприятель, казалось, не хотел уступить ее силе, и рассеянные партии тотчас же сбирались в новые толпы после каждого выстрела: конные скакали, пешие перебегали с места на место. Наконец, часа через полтора, Чеченцы, не находя места от разрыва гранат, пришли в явное смятение и, как зайцы, со всех сторон начали перепрыгивать из-за одного куста за другой, и выбираться из леса в правую и левую сторону на вершину высот; а некоторые из них от осколков гранат оставались там на веки.

Как скоро артиллерия очистила лес от неприятеля, то пехота, под ее выстрелами, тремя колоннами двинулась на штурм высот. День был слишком жаркий, а поэтому, чтобы облегчить движение людей по крутому подъему, им было приказано снять ранцы и полукафтаны, и в одних рубахах, при боевой амуниции, двигаться вперед. Все офицеры были в той же одежде. В то время, как пехота подымалась на первую половину подъема, где и была встречена залпами Чеченцев, державшихся еще в опушке леса, артиллерия с правой стороны, действовавшая только по самой вершине возвышенностей, усилила свой огонь против высот, за которыми укрывались Чеченцы и казалось не хотели ни за что уступить сделанного ими там огромного завала. Не обращая внимания на фланговый огонь неприятеля, Куринцы, шедшие в правой колонне, первые, отдохнув на полугоре, и построившись в штурмовой порядок, бодро двинулись вперед, открыв сильный огонь своею цепью. Далее во всех батальонах барабаны ударили наступление, с боем которого, артиллерия прекратила свое действие, и колонны, взяв ружья на руку, несмотря на крутизну высот, стройно и быстро подымались к завалам. Озлобленные Чеченцы, с страшными гиками, высыпали из-за вершины высот, открывали сильный огонь и бросались в шашки; а засевшие за завалами делали оттуда непрерывные залпы. Но все было тщетно. Стеною шли Куринцы; и подойдя уже на близкое расстояние к главному завалу, с громким криком «ура!» бросились на него и в минуту им овладели. Пройдя завал, и выбивая везде встречающегося неприятеля, Куринцы быстро взобрались на вершины, рассыпавшись по которым открыли убийственный батальный огонь по неприятелю, сначала медленно спускавшемуся по другой стороне, а после

рассыпавшемуся по лесу. Молодцами, подобно Куринцам, завладели высотами и левые колонны.

Сердце билось от восторга, при виде столь мужественного, быстрого и стройного движения наших войск, подымающихся по крутому и высокому подъему. Не менее того радовалась душа каждого, по занятии нами, можно сказать, почти неприступных Варандинских высот, ибо, завладев этим самым важным пунктом, мы утвердительно могли сказать, что и все Шатоевские равнины принадлежат уже нам.

Вслед за передовыми колоннами, к которым вывезены были уже наши орудия, начал подыматься на высоты и остальной отряд, где большая часть такового расположилась лагерем. Передовые же колонны, перевалившись чрез высоты и вытесняя постепенно на каждом шагу неприятеля, засевшего в лесу и оврагах, спустились почти к самой подошве высот и заняв удобные позиции, остались на таковых также на ночлег. Обоюдная пальба из орудий и ружейная перестрелка прекратилась только с наступлением глубокой ночи.

С вершины Варандинских высот нам открылись уже во всем объеме равнины Шатоевские, образуемые двумя обширными ущельями и простирающиеся на огромное расстояние. Средина ровного дна их рассекалась реками — бурным Чанты-Аргуном, пенящимся в крутых, но не высоких берегах своих, и Аxx-Верды с такими же крутыми берегами, но с малою водой. Две реки эти, при слиянии своем, с правой стороны р. Чанты-Аргуна, образовали довольно большой ровный остроугольный полуостров, обращенный оконечностью своею вниз по течению р. Чанты-Аргуна.

Берега полуострова довольно возвышенны и так обрывисты, что совершенно неприступны; только в одном месте на конце его находится крутой подъем для пешеходов. На самой оконечности этого полуострова, в густоте леса, была устроена Шамилем батарея, за которой и стояли его орудия, без умолка действовавшие по нашей первой позиции. Чрез небольшие поляны от устроенной здесь батареи, на постепенно возвышающейся местности, красовался огромный аул наиба Батаки, непримиримого врага Русских, служивший пребыванием Шамиля во время прохода его чрез эти места. Левая сторона полуострова, или правый берег р. Чанты-Аргуна, от батареи неприятеля, вверх по течению реки до моста, устроенного Чеченцами при входе во вновь начинающуюся Чанты-Аргунскую теснину, была уставлена почти сплошными турами, наполненными землею. Пересеченная местность, по которой проходила дорога от поста на эту сторону равнин ущелья, была также прикрыта множеством ретраншементов из туров. Сторона, противолежащая правому боку полуострова, или правый берег р. Аxx-Верды, образующей и здесь вместе с р. Чанты-Аргуном почти прямой угол, простираясь обширною с уступами равниной, на огромное

расстояние, вверх по р. Аxx-Верды и широко до подошвы гор, служит входом по Чанты-Аргунскому ущелью в тыл устроенного нами укрепления Зонах.

Для сообщения этой части равнин Шатоевских с левою стороною р. Чанты-Аргуна, и с местом, где была наша первая позиция, был также устроен чеченский мост. Левая сторона равнин этих, по течению р. Чанты-Аргуна, от ее берегов и от подошв Варандинских высот, заключается в сплошной, постепенно повышающейся полукруглой местности. Все это пространство было покрыто множеством аулов и испещрено богатыми посевами.

Как скоро Варандинские высоты были заняты нами, то весь отряд неприятеля перебрался по верхнему мосту на правую сторону р. Чанты-Аргуна и занял безопасную позицию на возвышающейся местности, по опушке леса, за аулом наиба Батаки; а мост, через который он перешел, сжег. Нижний мост так же был разорен им, но еще возможен для пешеходов.

К вечеру этого дня, неприятель начал страшное истребление пожаром всех своих аулов, бывших по близости его позиции, чем, при тихой и темной ночи, представил взору нашему великолепное зрелище. Первою жертвой пожара, разлившегося вскоре рекою, сделался огромный аул наиба Батаки; а за ним и остальные. Для придания же большого эффекта начатой им картины, он, забравшись в совершенно безопасное от нас место и быв с нами глаз на глаз, вслед за нашим зоревым выстрелом, сделал таковой же и с своей позиции.

На другой день приступлено было нами, под выстрелами неприятельского орудия, к поправке нижнего его моста, ведущего чрез р. Чанты-Аргун на нижнюю часть равнин. К вечеру того же числа мост был исправлен; а с полуночи, на 1-е августа, двинулся и с рассветом перешел чрез него авангард генерал-майора Кемферта, который, расположившись там лагерем при ауле Гаку, для обозрения дороги, ведущей отсюда к укр. Зонах, тотчас же послал батальон пехоты.

Неприятель не предпринимал против нас ничего. Когда же авангард наш, перешедший здесь на правую сторону реки Чанты-Аргуна, очутился на одной стороне с позициею отряда неприятеля, на орудийный выстрел от батареи его, построенной на конце полуострова, то он вывез оттуда орудие и поставил его на общей своей позиции. А наши, перейдя чрез овраг реки Аxx-Верды, немедленно заняли его батарею, и, вырубив там лес, разорив таковую, сделали свободное сообщение с дальнейшими равнинами.

Живя некоторое время в близком соседстве, два враждующие отряда не предпринимали ничего друг против друга, а каждый занимался своим. У нас строили мосты, подвозили снаряды, провиант и инженерный инструмент; а у неприятеля, по всем направлениям, были видны скачки конных, беготня пеших партий и усердное уничтожение пожарами аулов и посевов. Вдруг среди таких

скромных их занятий, 1-го августа, часов в девять утра, отряд неприятеля поднял страшную пальбу из орудий и из ружей. Все были удивлены и в недоумении. Но как нам известно, что подобные церемонии в отрядах неприятеля происходят при приезде в него какого-нибудь важного лица, то мы и положили, что вероятно вернулся и прибыл в отряд из Назрановской экспедиции сам Шамиль. Но более того были мы поражены, когда чрез полчаса после пальбы неприятеля, равнины Шатоевские огласились громким троекратным салютом, из всех орудий и ружей главного нашего отряда, стоявшего еще по левой стороне реки Чанты-Аргуна, на Варандинских высотах, а потом, таким же салютом и громким «ура!» и нашего авангарда. Что было причиною салютации двух отрядов и почти в одно и то же время, никто не знал. Наконец, скоро все разъяснилось. В отряде неприятеля был салют, вследствие полученного там известия о разбитии Шамилем Русских, около крепости Назрана; в нашем отряде был таковой, тоже вследствие полученного известия о разбитии генерал-майором Мищенкою Шамиля, в тот же день и на тех же Назрановских равнинах. Кому же теперь верить, и как узнать, чей дым пороха и эхо громких выстрелов исчезли в воздухе напрасно и ложно? Конечно, мы, как не бывшие в том деле, для уверения своего, должны потребовать от обоих победителей трофеи их побед. Генерал-майор Мищенко в донесении своем представляет нам таковые, говоря, что после поражения, нанесенного им Шамилю, 30-го августа, под крепостью Назраном, осталось на ее равнинах: 370 неприятельских трупов, 84 лошади, около 1500 разного оружия, и, «в числе 14 палаток, палатка самого Шамиля с походною его кроватью и кухонною посудою». Этих трофеев для того, чтобы мы могли торжествовать победу над Шамилем, достаточно. Где же трофеи Шамиля? Его трофеи заключаются в том, что он, разбитый наголову около Назрана, едва спасшись сам плена, в страхе бежал оттуда, и в продолжение двух дней сбирал по горам и лесам разбежавшиеся остатки его войска, и только что на третий день прибыл без всякой салютации, в отряд, расположенный против нас.

Итак, великий наш тактик Шамиль, приводя в исполнение свои хитрые действия и планы, клонившиеся к уничтожению нашего отряда, кончил тем, что в один день, в двух важнейших пунктах, претерпел жестокое поражение, повлекшее за собою вредные для него последствия. Шамиль, по прибытии в свой главный отряд простояв еще один день на той же позиции и видя невозможность предпринять что-либо против нас, на другой день отступил верст на 7 в глубину ущелья, по реке Аxx-Верды; а чрез несколько дней еще далее, и остановился позициею на реке Шары-Аргун. Отряд наш, оставленный неприятелем и перешедший уже весь на правую сторону реки Чанты-Аргуна, к аулу Гаку, по обыкновению своему, начал хозяйничать во вновь приобретенной им земле. Первым делом, чтобы прекратить сообщение чрез Варандинские высоты, была

начата разработка дороги, ведущей отсюда по ущелью в укрепление Зонах, и вскоре окончена. По ней начались постоянно подвозиться из Аргунского укрепления, чрез укрепление Зонах, снаряды, провиант и все потребности, необходимые для отряда. Потом устроена дорога на высоты, в соседстве аула Гаку, на вершине которых находятся богатые пастбищные места. Наконец, близь аула Гаку, выбрана местность для возведения предполагаемой здесь каменной крепости; а 9-го августа, после совершения на том месте Божественной литургии, приступлено к самому заложению таковой.

Таким образом, с 4-го и по 31-е июля, приобретя более 15-ти верст пространства по непроходимому Чанты-Аргунскому ущелью, мы открыли себе свободные пути на огромное расстояние вовнутрь гор, и совершенно отрезали этим ущельем, на таковое же огромное расстояние, горы с их жителями, по всему направлению к нашей линии.

Покорение диких племен по ущельям, в которых до настоящего времени не была еще вооруженная русская рука, хотя стоит нам несказанных трудов и лишений, но, несмотря на это, все-таки и лестно и весело шли экспедиции; тем более, что мы здесь, не только после важных военных дел и вообще трудов, но даже после незначительных передвижений наших войск с места на место, имели везде перевес на нашей стороне, предвещающий далее великие успехи.

Контраст военных дел наших чрезвычайно разителен, при сравнении прошлых, не только лет, но даже месяцев, с духом войны настоящей экспедиции. До настоящего времени, мы, переступая за известный предел один шаг к неприятелю, живущему в соседних с нами местах, предпринимали всевозможные меры предосторожности, а потом немедленно открывали с ним перестрелку. Сосед-неприятель, которому известны наш образ жизни, богатство и приволье народа, наш дух и наши силы вместо того, чтобы сродниться со всем этим и тем умягчить свой фанатизм и дикий нрав, напротив того чрезвычайно упорен и зверски жесток к нам. Он вполне убежден в лучшей жизни тех Чеченцев, которые живут у нас; знает хорошо все права и преимущества, которыми они пользуются; знает наши военные силы, средства и вполне убежден в их непобедимости; наконец, убежден в том, что рано или поздно, а все-таки они будут покорены нашими. Но какая-то необузданная воля, какая-то зверская ненависть к Русским, безотчетная страсть к войне и хищничеству, овладевшие их чувствами, не могут примирить его ни с чем. Чтобы Чеченец, подобно всем горным народам, обладал воинственным духом, то этого нельзя сказать, потому что истинно военный дух народа носит на себе, вместе с тем, отпечаток высокого благородства, и, при воинственности своей, всегда сопровождается резкими поступками великодушия. Он чужд всего этого и напитан лишь алчностью к убийству, грабежу и сребролюбию, а сребролюбивый человек никогда не может

назваться истинным воином. Чеченец действительно храбр и готов решиться на все опасности его жизни; готов броситься в шашки и кинжалы, не щадя ни себя, ни своего семейства, но только не с теми благородными чувствами, которыми владеет истинный воин, а с чувствами хищника, жаждущего разбоя и грабежа. Нет примера, на который Чеченец мог бы указать и упереться с тем, чтобы никто не смел укорить его в неблагородных поступках. Были случаи, что Чеченцы прославили себя, некоторым образом, в их гостеприимстве и охранении от всякой опасности какого-нибудь своего кунака, в собственной своей сакле и даже ауле. Но и это подлежит сомнению. Можно ручаться, что действительно Чеченец, которого я называюсь кунаком, не позволит никогда меня убить или обидеть в своей сакле, или, если он имеет силу, то и в целом ауле. Но можно тут же утвердительно сказать, что это бывает решительно не от правил гостеприимства, которыми славились когда-то наши Славяне, а непременно от обстоятельств, на которые верно рассчитывает Чеченец. Имея меня у себя в доме, как кунака, он, в душе своей, считает меня верною и, если я богат, то богатою добычею: уничтожить меня и приобрести себе все бывшее на мне и со мною, для него ничего не значит; но он боится сделать это потому, что почти все знают, что я его кунак и у него часто бываю, И потому, чтобы не выказать себя в этом поступке, за который он может быть наказан нашими, выжидает удобного случая. А между тем оберегает меня на каждом шагу от своих же земляков, и для спасения моего готов идти с нами на кинжалы; но и тут можно сказать, что он делает это никак не из куначества, т. е. дружбы, а прямо из-за того, чтобы убив меня кто-нибудь другой, не воспользовался моею собственностью, на которую он так верно и давно уже рассчитывал.

Чтобы Чеченец был патриот, любил свою родину и сражался за нее подобно какому-нибудь Швейцарцу, то и этого тоже нельзя сказать. Мы видим примеры, что для Чеченца решительно все равно где бы он не жил; если он что-нибудь напроказничал на своей родине в горах, или ему оказались какие-нибудь там неудобства и опасность, то он преспокойно, бросив свое жилище и всю родню, переходит к нам. Если же и здесь встретят его обстоятельства подобного рода, то он идет в другое место, или снова удаляется в горы. И спросите любого Чеченца, зачем и для чего он воюет с Русскими, то он не даст вам должного отчета, а только скажет: «это так надобно, моя джегит!» Вот вам весь патриотизм Чеченцев!

Следовательно, можно, верно, заключить, что жизнь Чеченца уподобляется жизни зверя, который везде и во всем действует по влечению лишь одного инстинкта. Зверь рыщет по лесу для отыскания себе добычи; необузданный Чеченец делает тоже самое. Он, или вообще все Чеченцы, как кровожадные звери, при нападении на аулы их Русских, мало думают о защите такового, а

устремляют все усилия, чтобы непременно пролить кровь русскую. Чеченец для того, чтобы достичь, или удовлетворить эту зверскую страсть свою, готов решиться пожертвовать своим семейством и всем достоянием. Он готов три дня сидеть на одном месте, где-нибудь в овраге и, не выходя оттуда, выжидать случая подкараулить и убить Русского тогда, как этот не виноват перед ним ни телом, ни душой. И сделает это без всякой цели и сознания, а просто для того, чтобы удовлетворять только свою страсть к убийству. Словом, если Чеченец и имеет какие-нибудь в голове своей мысли, то все они никак не сосредоточены к цели защищать себя, но к единственной и святой для них цели, к уничтожению Русского и грабежу. Неукротимость этой зверской и безотчетной страсти так велика, что не в силах противостать им никакие меры благоразумия. Разве обезоружение и, сначала, в высшей степени справедливая строгость, могут удержать и привести к патриархальной покорности этот необузданный народ.

Это — характер и нрав непокорных Чеченцев, живущих вблизи от наших пределов и имеющих более или менее частое сообщение с мирными и даже с самими Русскими. Чего же должны мы были ожидать от тех горных племен и народов, которые, живя в непроходимых лесах, дебрях и за под облачными горами, знают Русских лишь по одним рассказам, и, разумеется, с самой черной стороны. Конечно, судя по первым, мы формальным образом должны были встретить в них или зверей, или людей, уподобляющихся диким островитянам. Но предположения наши были ошибочны.

Вступая во вновь покоренные нами места, мы в жителях их встретили резкую противоположность во всем тому, что находим в соседних с нами Чеченцах. При занятии нами каждого из здешних мест, во всяком мы встречали то же упорное сопротивление; но за то, когда наши брали верх, то жители аулов изъявляли покорность, и не имея уже того зверства, как в других местах, скоро знакомились с нами. Так, при занятии аулов Малой Варанды, большая часть жителей преспокойно осталась в своих саклях, и без всякой боязни приветливо смотрели на проходившие мимо их наши войска, и вскоре приступили к торговле. Жители аула Зонах, изъявившие также покорность, много способствовали нам даже при переправе 5-го июля чрез реку Чанты-Аргун; а на другой день усердно разыскивали в реке Чанты-Аргун утерянные нашими солдатами оружие и другие вещи и приносили их к нам в лагерь. По занятии Варандинских высот, можно было ожидать тоже много покорности; но Шамиль, зная намерение жителей, чтобы уклонить их от этого, принял свои меры. Он начал силою выгонять их из аулов со всем имуществом, и заставлял следовать дальше в глубь гор; потом, чтобы не желающие этого не могли украдкой уйти обратно в свои аулы, он приказал таковые жечь, а посевы потоптать. У жителей, находящихся в подозрении в бегстве к нам, отбирал силою скот и все имущество, чему много и

усердно содействовали Тавлинцы и другие племена, состоявшие в его отряде. Но, несмотря на все усилия Шамиля уничтожить эти намерения своих подданных, большая часть Чеченцев, живших на Шатоевских равнинах, со всем своим имуществом и стадами удалились в леса и там от него скрывались. Когда же наш отряд занял на равнинах несколько пунктов, то со всех сторон гор, ущелий и лесов потянулись в него Чеченцы, и просили защиты для безопасного возвращения их на прежние свои места, превращенные Шамилем в пепельные кучи. Вследствие этого неоднократно высылались от нас батальоны, под прикрытием которых перебирались к нам передающиеся Чеченцы, и частью бивуаками, а частью в остатках сгоревших своих аулов, селились поблизости от мест, занимаемых нашими войсками. Шамиль, отступя даже назад с своей позиции, с помощью Тавлинцев, не переставал следить за отлагавшимися Чеченцами и жестоко их преследовал; но, несмотря ни на что, все труды его были напрасны, и перебежчики не переставали являться в наш отряд.

Переселенцы здешние не носили на себе решительно никаких отпечатков зверства и ненависти к Русским, и смотрели на нас уже не как на врагов, а на защитников. Они были смелы, веселы, свободно ходили и деятельно производили торговлю между нашими войсками тем, что имели под рукой. Чеченки не менее их были смелы и свободно, даже без мужчин, ходили по лагерям и продавали орехи, масло, яйца и другое жизненные припасы. Узнав, что мы едим находящиеся здесь ягоды, они охотно отправлялись за таковыми в горы, и принося продавали по сходным ценам. Пошло везде куначество, шутки солдат с веселыми Чеченцами, и, даже в присутствии их, с молодыми Чеченками, из которых большая часть очень привлекательной и красивой наружности. У кого не было денег для покупок, то производилась меновая торговля. Каждый день беспрерывные вереницы Чеченцев и Чеченок тянулись в лагерь и из оного. Офицеры наши делали им различные подарки, не скупились платить за покупаемые вещи серебром, которое они очень любят, и в короткое время, эти вечные жители лесов и гор так свыклись с Русскими, что показали себя как бы старинными мирными и кунаками. Между прочими же их рассказами, мы всюду слышали ругательства и проклятия, посылаемые ими Шамилю, и в особенности Тавлинцам, к которым они высказывали явную ненависть.

Вероятно, рассказы Шатоевских Чеченцев о такой, можно сказать, дружбе с Русскими, пришедшими для покорения их мест, пронеслась далеко и в глубину самых гор отдаленных. Это можно заключить из того, что недели чрез полторы по занятии нами Шатоевских равнин, начали являться в главный наш отряд, с изъявлением покорности, старшины и жители аулов, находившихся в дальнем от нас расстоянии. А поэтому, чтобы обезопасить все сдающиеся аулы от партий Тавлинцев, не прекращавших, по окрестностям, своего грабежа, по просьбе

жителей, 16 числа, под командою полковника Бажанова, была послана небольшая колонна вверх по реке Чанты-Аргуну. Колонна эта, по переходе через чрезвычайно высокие горы, скоро спустилась снова в расширяющееся Чанты-Аргунское ущелье, и отрезала этим, еще на протяжении 14 верст, продолжение, подобно первой Чанты-Аргунской теснины, начинающейся вверх от Шатоевских равнин до аула Чшенжихой. Все аулы, попадавшиеся по пути следования колонны, изъявляли покорность и выдавали аманатов. А из аула Итум-Кале, находящегося выше по реке Чанты-Аргуну, от аула Чшенжихоя, в 8 верстах, и под самым снеговым хребтом Кавказских гор, прибыли в колонну полковника Бажанова жители, и настоятельно от него требовали, хотя немного, с собою в аул нашего войска. Причина этому была та, что жители аула Итум-Кале взбунтовались против жившего в нем Акинского наиба, Гамзата (из Тавлинцев); убили его брата и, оцепив кругом башню, в которой находился Гамзат, с бывшим при нем горным орудием, хотели выдать его нам. Но как наши не успели туда в этот же день, то Гамзат ночью убежал, оставя все свое имущество и орудие, со всеми принадлежностями. На другой же день посланные туда две роты пехоты и две сотни козаков, при двух орудиях, были торжественно встречены жителями. Громкий троекратный салют из орудия Шамиля и из ружей всех бывших там Чеченцев, были приветом приходу наших войск; а после того орудие Шамиля передано нам. Этот неслыханный поступок Чеченцев аула Итум-Кале, служащий сомнительным ручательством за безопасность Шамиля в Малой Чечне, вместе с тем, торжественно довершил овладение наше Чанты-Аргунским ущельем, упирающимся здесь в подошву снеговых гор и разделяющимся на две ровные новые части.

Кроме жителей, живущих по самому ущелью и поблизости его, изъявивших нам покорность, стекалось и стекаются по настоящее время, с тем же, наибы и старшины из мест отдаленных. Следовательно, с приобретением Чанты-Аргунского ущелья, простирающегося от башни Яраш-Марды, против аула Соси-Ирзау, и вверх до аула Итум-Кале, или до снеговых гор, на протяжении, почти по прямому направлению, более 60 верст, изъявили покорность еще на огромное пространство все Чеченцы в окрестностях этого ущелья. Наконец, самый непримиримый враг Русских и, так сказать, правая рука Шамиля, Шатоевский наиб, Батака, сильно раненый, при одной из засад, деланных им в июле месяце против колонны полковника Бажанова, оставя своего чтимого владыку и воителя Шамиля, с отрядом, расположенным на реке Шары-Аргуне, с многими своими мюридами, со всем семейством и имуществом, изъявя покорность, передался к нам, и поселился близ развалин сожженного огромного своего аула. Так как он на этом месте не имел готового для себя приюта, то, чтобы заменить его чем-

нибудь, от нас дано ему две палатки, в которых он, поселившись, оградился крепкою засекою; но только уже не от нас, а от Шамиля.

Таковый поступок Батаки, как главного наиба всей Малой Чечни, еще более подействовал на дух народа, населяющего этот край. Сбор изъявляющих покорность наибов, старшин и простого народа так велик, что и по настоящее время от палатки начальника войск левого крыла, генерал-лейтенанта Евдокимова, от Чеченцев решительно нет отбою. К такому важному ходу военных дел наших, присоединилось еще столько же, даже более того, важное обстоятельство то, что Чеченцы, изъявляя нам покорность, в то же время являются заклятыми врагами Тавлинцев, самых главных приверженцев Шамиля, и следят за малейшими их движениями. При столь благоприятных для нас обстоятельствах, эта междоусобная распря горцев может служить вернейшим средством для уничтожения власти Шамиля в здешних местах.

В заключение можно сказать, что экспедиция по Чанты-Аргунскому ущелью, прославившая главный отряд войск левого крыла, преодолением несказанных трудов и блестящими военными подвигами, сильно потрясшая самое сердце всей Малой Чечни и заключившаяся неожиданным славным результатом, обещает многое, в будущих военных предприятиях наших против Шамиля.

Встав твердою ногою при ауле Гако, как на главном пункте, возводимая близь него крепость уже назначена полковою штаб-квартирою Навагинского пехотного полка, которая, если не вся, то половина, перенесется сюда на нынешнюю зиму.

К. Дидимов.

15-го октября 1858 года, Укр. Итум-Кале.

Текст воспроизведен с нашими сокращениями по изданию: Дидимов К. Экспедиция в Аргунское ущелье с 15-го января по 18-е апреля 1858 года // Военный сборник, № 7. 1859. - СПб.: Б/и., 1859. С. 90-112; Дидимов К.Экспедиция в Чанты-Аргунское ущелье с 1-го июля по 19-е августа 1858 года // Военный сборник, № 8. - СПб.: Б/и., 1859. С.255-284.

***

А. А. АНОЕВ. ВОСПОМИНАНИЕ О БОЕВОЙ СЛУЖБЕ НА КАВКАЗЕ [1858-1859].

Если считать автором приводимых здесь (также других многочисленных печатных воспоминаний) о своей боевой жизни, московского дворянина Аркадия

Александровича Аноева (1841-1917), то получается, что он вступил на военную службу на Кавказе в 1858 г. юношей 17-18 лет. Судя по собственным публикациям, он служил в боевых частях Левого фланга Кавказской армии до конца Кавказской войны, а затем участвовал и в русско-турецкой войне 1877-1878 гг.

Настоящие воспоминания[278] были обработаны или написаны нашим автором в 1877 г. когда он служил в Перновском гренадерском полку в чине штабс-ротмистра. Для нас представляет интерес раздел, касающийся чеченских аулов Ауховского общества Терско-Сулакского междуречья (ныне Республика Дагестан) и, восточной части Ичкерии (Чеченская Республика) на заключительном этапе Кавказской войны. Весьма интересны приводимые им как непосредственным участником Кавказской войны факты о реалиях службы русских солдат и офицеров в истребительных боях против горцев в 1858-1859 гг., когда Имамат терпел поражение.

Данные тексты были воспроизведены в наше время в vostlit.info (https://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Kavkaz/XIX/1840-1860/Anoev_A_A/text6.htm;http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Kavkaz/XIX/1840-1860/Anoev_A_A/text6.htm) русского интернета. Публикуются нами с некоторыми сокращениями.

АНОЕВ А.А. ВОСПОМИНАНИЕ О БОЕВОЙ СЛУЖБЕ НА КАВКАЗЕ.

Настоящие записки, составленные спустя более полутора десятка лет, не имеют характера исторического описания кавказской войны, а заключают в себе простой рассказ о совершившемся на моих глазах. В памяти моей до мельчайших подробностей живо рисуются все события, свидетелем которых я был сам, и потому рассказ свой я основываю единственно на моих отрывочных записках и своих воспоминаниях. Начиная его с того именно времени, когда я, к 1858 году, явился на Кавказ и поступил на службу в Д-ский пехотный полк, я останавливаюсь на периоде времени с августа 1858 года по август 1859 года включительно.

Автор.

Движение в Ауховское общество в 1858 году.

Прибытие на Кавказ.

[278] Аноев А.А. Воспоминание о боевой службе на Кавказе // Военный сборник. Т.115. № 4. - СПб.,1877. С.398-412; Военный сборник. Т.115. № 5. СПб., 1877. С. 188-204; Военный сборник. Т.115. №6. - СПБ., 1877. С.393-414.

В конце июня 1858 года подъехали мы к предгориям главного Кавказского хребта. В станице Шелкозаводской, расположенной на реке Тереке, тогдашней границе безопасного места на кавказской линии, нам пришлось остановиться, так как далее ехать без оказии было уже нельзя. Почты тогда еще не существовало, а все посылки и письма перевозились при той же оказии. Сами путешественники должны были нанимать возчиков по условной плате, а те, пользуясь такими случаями, брали за провоз большие деньги.

Дорога идет сначала у подножия гор, а с последней станции, при Кунт-Кале, сворачивает в горы и до самой почти Темир-Хан-Шуры идет по руслу речки Шуринки. Небольшая эта река в жаркое время года до того ничтожна, что пешему человеку легко перешагнуть ее, не замочив даже своих ног; но надобно видеть эту реку во время сильного дождя в горах, откуда она и берет свое начало: не более трех, четырех часов спустя после дождя в ней, прибывает такое громадное количество воды и притом течение становится столь быстрым, что нужно иметь очень большую смелость чтобы отважиться на переправу.

В Кунт-Кале вся оказия наша, по неимении в ауле никаких ночлегов для приезжающих, расположилась ночевать на небольшой площадке близ садов аула, и так как вечер едва только начинался, то к нам набежало из аула множество мальчишек и праздного народа.

Обруселые мальчики уже не дичились нас, русских, и предлагали показать за шаур (Шаур — пять копеек серебром.) свое искусство стрельбы из лука. Действительно, на расстоянии 20 или 25 шагов, мальчик лет восьми попадал совершенно, верно, в намеченную точку на камне.

Чуть свет мы тронулись в дорогу. Укрепление Темир-хан-Шура в 1858 году было далеко непривлекательное местечко: несколько казенных зданий некрасивой архитектуры (Один только дом командующего войсками в Прикаспийском крае — довольно красивое здание — резко отличался от всех остальных.), немощеные и грязные улицы, одноэтажные, маленькие солдатские домики в два, три окна, да несколько домиков покрупнее — офицерских, — вот и все...

Пробыв три дня в Шуре, мы дождались конной оказии, и на простой повозке, по довольно сносной дороге, направились в Евгениевское укрепление.

Дорога от Шуры до Евгениевского шла сначала по широкой и ровной долине вплоть до, так называемых, «Волчьих ворот». Проехав две близко сошедшиеся небольшие горки, составляющие «Волчьи ворота», мы далее следовали до самого Евгениевского укрепления по холмистой местности.

От Шуры до Евгениевского почва совершенно глинистая и растительность на ней очень жалкая: редкий бурьян и бедные пастбища дают летом и зимой пищу для невзыскательных горских баранов.

Не доезжая версты полторы до укрепления Евгениевского, среди голых и каменистых скал, путник замечает маленькие каменные башенки с красными железными крышами. Это небольшое, на один батальон, укрепление, построено еще генералом Головиным после взятия Хубарских высот и аула Черкея в 1841 году, для обеспечения укрепленного моста через реку Сулак от набегов горцев из Салатавии в Шамхальство Тарковское...

С окончанием войны на Восточном Кавказе, укрепление Евгениевское было упразднено, и остались только лишь две маленькие башенки по обеим сторонам каменного моста, где и до сего времени помещается наш небольшой караул.

Укрепление Буртунай.

В Евгениевском мы лишь переночевали, и на другой день с оказиею, состоявшею уже из целого батальона пехоты и двух орудий, отправились в Буртунай.

Погода была пасмурная. По горам ходили тучами густые облака.

Переправившись по мосту через Сулак, оказия тотчас же начала круто подниматься в гору. В то время дорога в Буртунай была еще плохо разработана русскими, и по ней можно было ехать лишь верхом или пешком...

Приходилось сделать двенадцать верст крутого подъема, чтобы податься к перевалу, т. е. к горе Ибрагим-Даде, плато которой возвышается на 7,000 футов над уровнем моря. «Проклятая эта Ибрагим-Дада!» называли ее солдаты. И действительно, скольких жертв она стоила! Не проходило ни одного года, чтобы не замерз на ней кто-нибудь. Выйдут, бывало, солдатики из Евгениевского в хорошую погоду, а смотришь, на Даде этой бушует метель...

После значительного привала под самою горою мы благополучно перешли ее и спустились к Теренгулу. Здесь следует сказать несколько слов об этом замечательном Теренгульском овраге.

До 1857 года, т.е. до взятия аула Новый-Буртунай, который лежит верстах в четырех ниже Теренгульского оврага и Старого-Буртуная (Аул Старый-Буртунай хотя и был взят русскими в 1845 году, но войска наши тогда здесь не утвердились и ограничились только разорением его.), овраг этот был сплошь покрыт громадным заповедным лесом. Шамилем запрещено было, под смертною казнью, рубить хотя бы сучья этого леса, и пройти овраг, не зная всех тропинок его, было положительно невозможно. Обеспеченный с этой стороны от вторжения русских в Салатавию, Шамиль ограничился постановкою одной сторожевой башни на буртунаевской высоте, в которой для наблюдения всегда находились несколько человек мюридов. В 1857 году, когда предположено было занять Буртунай, как важный для нас пункт в стратегическом отношении, собран был в мае месяце значительный отряд, который и двинулся от укрепления Евгениевского. Пользуясь густым туманом, отряд, по совершенно открытой впереди оврага

местности, пробрался незамеченный горцами к самому Теренгулу и, имея при себе хорошего проводника-горца, перешел по незнакомым тропинкам на другую сторону, но так тихо и скрытно, что из сторожевой башни мюриды заметили движение русских только тогда, когда часть отряда была уже на горе. Как водится, башню разорили, мюридов-сторожей перекололи и отряд занял высоты...

Буртунаевские высоты с огромными лугами и великолепною на них травою были весьма важны для скотоводства Аварии, Андии и Салатавии. Жителям окружных аулов пришлось много потерять, допустив русских на эти высоты: стада их, за недостатком пастбищных мест, должны были значительно уменьшиться, а самим им пришлось бросить свои жилища и углубиться дальше в Большую Чечню и за Андийский хребет.

Буртунаевская возвышенность лежит по скату горы, плоскость которой имеет от 15 до 20? наклона к западу. По склону этой площади расположено амфитеатром самое укрепление с форштатом. С южной стороны, где стоит кавальер-батарея, в небольшом овраге протекает маленькая горная речка, снабжающая весь штаб превосходною водою...

Движение в Дылым.

Для постройки нового укрепления Буртунай еще с весны был собран отряд из нескольких батальонов 21-й пехотной дивизии, под начальством генерал-адъютанта барона Врангеля. Барон Врангель в половине августа, как слышно было, намерен был предпринять движение в непокорное нам Ауховское общество, жители которого, населявшие все пространство от Буртуная и до плоскости, издавна отличались особенною неприязнью к русским и, находясь теперь в близком соседстве могли беспрестанно вредить войскам, занимавшим Буртунай. Целью такого движения было уничтожить неприятельские хлебные посевы на полях, которые были уже готовы к сбору, и расчистить просеки, начатые еще в прошлом году.

В начале августа нашему батальону (я состоял в 4-м батальоне) пришлось отправиться на покос.

Хозяйственная часть войск на Кавказе велась тогда своеобразным путем. Заготовление сена, например, производилось самими войсками следующим образом: отправляются бывало батальона два (смотря по назначение) в полном составе, куда-нибудь на хорошую поляну; накосят сена и перевезут его в свой штаб; а не достанет накошенного на зиму — идут опять эти два батальона в горы, навьючат лошадей неприятельским сеном, которое запасено у горцев в скирдах на полянах на всю зиму, и возвратятся себе домой с хорошим запасом на долгое время.

Бывали, конечно, случаи, когда такого рода приобретения стоили нескольких человек убитых и раненых, да ведь на Кавказе почти каждый шаг стоил тогда жертв.

Мы стояли еще на покосе, когда 19-го августа 4-му батальону было приказано возвратиться в штаб-квартиру и, запасясь провиантом, 20-го числа выступить в составе целого отряда в урочище Дылым.

Походные наши сборы были очень недолги, и рано утром 20-го августа все было уже готово к выступлению: палатки сняты и уложены на вьюки, провиант роздан солдатам и патронные сумы пополнены. После напутственного молебна, начальник отряда, барон Врангель, проехал по нашим рядам, поздравил нас с походом и отряд, с песенниками впереди, двинулся по дороге к аулу Новому Буртунаю. Старая татарская дорога, по которой мы шли, была до того узка, что весь отряд должен был растянуться на большое расстояние: вскоре белый, живой змейкой заколыхался он по зигзагам гор и оврагов...

К полудню того же дня без выстрела мы легко добрались до урочища Дылыма и расположились лагерем на огромной и ровной поляне, сплошь засеянной неприятельскою кукурузою. Приказано было тотчас же вытоптать и скосить всю кукурузу и в какие-нибудь полчаса времени, все поле было уничтожено. По лагерю везде закурились небольшие костры и солдатские котелки — непременные спутники кавказских солдат — со спелыми наготками кукурузных головок усеяли собою окраины костров. Два дня простояли мы лагерем, почти не видя неприятеля. Показывались, правда, где-нибудь вдали от нас по несколько человек конных горцев на опушке леса; но, обыкновенно, постоят, потолкуют между собою, да и скроются опять.

Наконец, вечером 22-го августа, отдано было приказание выступить завтра с рассветом на рекогносцировку. Движение предполагалось сделать быстрое, без палаток и налегке. Провианта брали с собою лишь на два дня...

—«Справо по отделениям, марш!» — командовали по-очередно ротные командиры и роты, одна за другою, вытягивались вперед.

Мы не прошли еще и трех верст, как уже показалась заря, а затем и солнышко.

Наш 4-й батальон, составляя авангард колонны, шел впереди, имея справа и слева густо рассыпанную по лесу цепь стрелков, в которой находился и я.

Быть в цепи, при движении в лесу, крайне неприятно; дороги нет никакой, да вдобавок и сучья хлещут по лицу, угрожая выколоть глаз. Ко всему этому надобно быть до крайности осторожным относительно неприятельских засад. Нередко, как рассказывали мне, бывали случаи, что горцы, делая такие засады, нападали врасплох на цепь и рубили по несколько звеньев разом. При

неожиданности и той быстроте, с какою они всегда производили такие внезапные нападения, помощь редко достигала своей цели.

Мы прошли без выстрела до укрепления Кишеня и на реке Ярык-су расположились биваком. Живо разложили солдаты большие костры и заварили свое походное кушанье — мамалыгу (Мелкие сухари, сваренные в воде с салом.). Логовище, конечно, приходилось устраивать себе на открытом, воздухе, но это еще небольшое неудобство на Кавказе, где у всякого офицера найдется черкесская бурка. Завернувшись в такую бурку, спать превосходно, а главное, совершенно безопасно от скорпионов и фаланг, которые во множестве водятся в иных местах Кавказа, но, как известно, очень боятся бараньей шерсти и потому бегут от всякой бурки.

Дойдя до Кишеня и обозрев всю местность от Дылыма, мы на другой день с рассветом тронулась назад. Теперь приходилось следовать в обратном порядке и потому, составляя арьергард, мы замыкали движение отряда.

По опыту ли или уже по какому-то присущему кавказцам чутью, все говорили о неминуемой стычке с горцами; и, действительно, собравшаяся сильная партия горцев ожидала нашего возвращения в очень удобном для них месте. Но барон Врангель через лазутчиков уже знал о другой незанятой неприятелем дороге для нашего отступления, а потому, пройдя от Ауха верст шесть, двинул авангард вправо по новой дороге. Заметив наш маневр, горцы толпами бросились по лесу к нам наперерез и, прикрываясь лесом, завязали сначала с авангардною цепью незначительную перестрелку. Неприятельские выстрелы с громовым раскатом раздавались по лесу и издали резко отличались от наших. Продолжая свое движение, арьергард наш вышел, наконец, на небольшую поляну, окруженную густым чинаровым лесом. Здесь-то и посыпался на нашу цепь град пуль из-за деревьев леса. Надобно сказать, что горцы имели обыкновение при отступлении русских наседать более всего на хвост колонны, и потому, как и всегда, открыли теперь по нас сильный огонь. Находясь в правой цепи, я слышал свист сотни неприятельских пуль, и не скрою, на первый раз, испытывал довольно сильное, тревожное ощущение: мне казалось тогда, что живым из перестрелки я, наверное, не выйду.

В ответ на неприятельские выстрелы цепь наша, с своей стороны, открыла довольно частый и беглый огонь, который, впрочем, едва ли был действителен так как горцы были хорошо прикрыты. Движение продолжалось, но время от времени по цепи слышались крики, требовавшие носилки для раненых. Как теперь помню, невдалеке от меня в цепи ранили в шею молодого стрелка Сушкова. Пуля прошла ему навылет и согнула шею его так, что и выздоровев потом, он долго не мог прямо держать головы. Раненый, Сушков ни за что не хотел отдать своего ружья и идти на перевязочный пункт, и на все доводы

отвечал, что дойдет до лагеря сам. Его взяли, наконец, под руки и вывели из цепи...

Стоя на пригорке, наш батальонный командир подполковник К-ев заметил несколько человек верховых горцев, которые, вероятно, следили за нашим отрядом. Он приказал командиру 4-й стрелковой роты вызвать лучшего стрелка к себе.

—Филипчук! — крикнул ротный командир, обращаясь к своим людям, бывшим в цепи.

—Послать Филипчука к командиру! — раздалось по цепи и молодой, красивый солдатик явился на арену.

—Сколько свалил татарвы? — спросил, шутя, батальонный командир, обратившись к Филипчуку.

—Не могу знать, ваше высокоблагородие. В лесу не угадаешь: убит или нет.

—Ну, так вот, отличись. Покажи вон тем кавалерам, которые под лесом, что, мол, видим их.

—Попытать можно, ваше высокоблагородие, да только далеко. Тут, пожалуй, будет более тысячи шагов, говорил солдатик, расставляя свои сошки для стрельбы[279].

Поставив ружье в сошки и припав к земле, Филипчук приложился, выжидая удобную минуту, когда горцы несколько сгруппируются. Наконец, выстрел раздался и видно было, как горцы засуетились, подхватили одного и быстро скрылись в лесу. Было ясно, что пуля Филипучка сразила наповал или сильно ранила одного из джигитов. Приз был выбит. Филипчук получил от подполковника К-ева три рубля серебром, а за поход военный орден.

На следующей день, барон Врангель посетил наших раненых, которые лежали в общей палатке и каждого из них обласкав, приказал принести им от себя чаю и булок.

После дневки мы, 26-го августа, снялись с позиции и по старой дороге потянулись обратно в свою штаб-квартиру, Буртунай. Горцы, как видно, не хотели на этот раз пропустить нас спокойно и, собравшись в небольшие партии, в лесу с правой стороны дороги, выжидали нашего обратного движения.

Мы едва поднялись на небольшой, узкий хребет, который тянулся от нашей дылымской позиции до аула Новый-Буртунай и по которому лежал наш путь, как из леса с правой стороны опять засвистали пули над нашими головами...

---

[279] Речь идет о нарезном ружье – русском штуцере, только поступавшем в некоторые части Кавказской армии с 1856 г. с дальностью стрельбы до 850 м (около 1100 шагов). Солдатское гладкоствольное ружье редко било до 600 шагов (прицельно до 400, но в реальности до 100-200), в отличие от горских винтовок позволявших вести прицельную стрельбу в пределах до 800-900 шагов.

До самого Нового-Буртуная горцы преследовали нас выстрелами, но за аулом дорога сворачивала влево и шла по открытым, полянам, где неприятель не рискнул нас преследовать и перестрелка, наконец, совсем прекратилась.

Перед Буртунаем (штаб-квартирою) мы перестроились. Песенники хором затянули свои удалые песни, и мы, довольные своим возвращением, вошли в штаб, приветствуемые полковыми дамами, которые собрались для встречи нас на угловой батарее крепости.

В Буртунае весь отряд скоро был распущен на время по домам; нам же, по недостатку помещения в казармах, пришлось захватить снек в палатках.

Размен пленных.

В буртунаевском крепостном каземате содержалось несколько человек пленных горцев, захваченных нами в разное время и при разных случаях. О размене этих пленных давно уже велись переговоры с Шамилем и, когда все дело уладилось, мы с своей стороны, по условию, должны были отдать 20 человек горцев, взамен восьми русских, находившихся в плену у Шамиля. И вот, в ноябре того же 1858 года, в один из пасмурных и холодных дней, 4-й батальон нашего полка, при двух орудиях, под командою подполковника К-ева должен был отправиться для этого размена. Местом для размена пленных назначена была маленькая речка, протекавшая под разоренным аулом Новый Буртунай.

Мы выступили из крепости с полными боевыми силами, взяв с собою и пленных горцев, которых преобразили в каких-то солдат, дав им новые шинели и папахи.

Не дойдя полуверсты до назначенной речки, мы стали на позицию, направив свои орудия в сторону неприятеля. На неприятельской стороне, за речкою, никого еще не было видно и долго пришлось нам ждать, проклиная холод и «проклятую татарву», как называли солдаты горцев, когда показался, наконец, верховой татарин, во всю прыть скакавший от горы Мичика. Махая нам своею косматою тавлинскою папахою, чтобы по нем не стреляли, он начал спускаться по дороге к речке. Мы думали сначала, что это передовой, который едет сообщить нам о прибытии пленных, но скоро пришлось разочароваться. Подъехавший к нам горец, посланный от Шамиля, через переводчика объявил начальнику колонны, что пленные утомились дорогою и остановились ночевать в небольшом ауле, верстах в 15 от нас, и что лишь только завтра в это время пленные могут быть здесь. Общая досада, что пришлось совершенно даром зябнуть, ожидая благоприятного конца дела, выразилась у всех; но делать было нечего и нам приходилось ни с чем возвращаться домой...

К девяти часам утра следующего дня, на том же месте, мы расположились в прежнем порядке. Но на этот раз ожидать долго нам не пришлось, и в скором времени от Мичикского ущелья, по хребту Буртунаевской горы, показались со

значками толпы конных мюридов, оглашая воздух пением своей национальной песни: «Ля-иллахи-алла!»

Вся масса конных горцев остановилась на горе против нас, и вскоре к нам спустился вчерашний парламентере для заключения условий, которые состояли в том, что как мы, так и они должны сопровождать пленных с двадцатью человеками до речки; остальным не трогаться с места. Условие это хотя и было принято нами, но опытный в делах с горцами подполковник К-ев отдал приказание батальону и артиллерии быть готовыми ко всякого рода случайностям и, по первому его знаку, тотчас же открыть огонь по горцам. Нечего и добавлять, что как пехота, так и артиллерия никогда не выходили из укрепления без зарядов в дуле.

Сойдясь вместе с нашими на самой речке, пленные были сосчитаны и переданы. Освобожденные пленники, как будто боясь попасть опять к горцам, едва вступили на нашу сторону, как, не дожидаясь даже конвоя, бегом бросились к нам на гору.

Пленников было восемь человек, большею частью солдат, из которых некоторые были в горах уже очень давно; в числе пленных был также грузинский священник, взятый в плен в 1854 году при вторжении Шамиля в Кахетию. Все они до того изменили свой внешний вид, что с трудом можно было признать в них русских. Страшно истомленные и едва прикрытые каким-то рубищем, они имели жалкий вид и невольно вселяли глубокое сострадание к себе. Радость их освобождения из плена была так сильна, что, добежав до нас, они бросились целовать землю и со слезами на глазах не переставали благодарить за свое возвращение, хотя, конечно, благодарность эта не принадлежала нам; мы в этом деле были лишь только исполнителями высшей власти.

Во все время размена никакого беспорядка не произошло, и нам хорошо видно было, как горцы с участием занимались своими освобожденными.

По окончании размена, мы возвратились в крепость, а горцы опять затянули свое обычное «Ля-иллахи-алла» и потянулись к Мичикскому ущелью.

Движение в урочище Касталы.

Роспуском салатавского отряда, после движения в Ауховское общество, не окончились наши экспедиции в 1858 году, и в декабре месяце отряд, под командою барона Врангеля, снова был собран в урочище Касталы, куда нашим трем батальонам пришлось выступить из Буртуная в первых числах декабря.

Цель сбора состояла теперь в том, чтобы отвлечь неприятельские силы от главного чеченского отряда, действовавшего в Большой Чечне; и, вместе с тем, сжечь неприятельские запасы сена. Кроме того, расчистить просеку от урочища Касталы до Кишень-ауха.

Походные движения зимою на Кавказе хотя и имеют ту выгоду, что дают возможность отрядам более беспрепятственно проходить по лесам, которые без листвы делаются прозрачными, но зато двигаться по снегам и страшным, в иных местах, сугробам весьма нелегко.

День выступления наших батальонов из Буртуная был, к счастью, довольно теплый, и мы с утра тронулись вдоль теренгульского оврага, через Хубарские высоты, на аул Большой Зубут, брошенный и разоренный самим неприятелем. Без выстрела и всяких препятствий со стороны горцев, без дороги и почти ощупью добрались мы к вечеру до небольшой ореховой рощицы в Касталах, где и стали лагерем. Расчистив снег, насколько это было возможно, для разбивки палаток, мы так и расположились на мерзлой земле.

Нельзя не сделать здесь небольшого замечания по поводу того обстоятельства, что сколько не приходилось нам и впоследствии делать зимних экспедиций в Чечне и за Кубанью при таких же условиях, у нас больных простудою почти никогда не бывало.

По обыкновению, тотчас по устройстве нашего лагеря, все принялись за костры. Солдаты на Кавказе не имели особенной склонности оценивать прекрасных произведений природы: жаль было глядеть, как толстые, превосходные ореховые деревья нашей рощицы валились под их топорами. Впрочем, барон Врангель, в высшей степени добрый и гуманный человек, был крайне недоволен истреблением ореха, когда под рукой был чинар, и по прибытии своем к отряду тотчас же строго запретил рубку ореховых деревьев.

С следующего же дня отряд наш принялся за рубку леса, который, как я сказал уже, начинался от самой нашей позиции, и ежедневно по четыре батальона отправлялись на расчистку новой просеки.

Переходя целым отрядом с позиции на позицию в продолжение десяти дней, мы, почти нетревожимые неприятелем, расчистили новый путь к Кишень-ауху. Наконец, назначена была войскам нашим рекогносцировка, причем отдано было приказание сжечь неприятельские запасы сена.

Целый день, по колено в снегу, при довольно ощутительном холоде, мы быстрым маршем переходили по разным направлениям, следуя указанию наших лазутчиков, причем путь наш обозначался огромными столбами дыма, застилавшими почти всю окрестность.

Снежная зима, обнаженные леса и действие отряда в Чечне, куда, главным образом, отвлечены были неприятельские силы, дали нам возможность почти безнаказанно исполнить поручение, причем вся наша потеря в людях ограничивалась, кажется, одним или двумя ранеными в небольшой перестрелке, да несколькими ушибленными от падения деревьев при рубке леса.

Таким образом, в продолжение десяти дней неприятельское сено, остававшееся еще на полянах, было нами уничтожено; просека расчищена и 18-го декабря мы были уже на пути к Буртунаю.

Этою последнею экспедициею в 1858 году кончились действия салатавского отряда, который сам понес сравнительно небольшие потери; но наступил 1859 год, год замечательный в летописях войны на восточном Кавказе.

Перновского полка штабс-капитан Аноев.

(Продолжение будет)

Текст воспроизведен с нашими сокращениями по изданию: Воспоминание о боевой службе на Кавказе // Военный сборник. Т.115. № 4. СПб.: Б.и. Тип. В.А. Полетики, 1877. С. 398-412.

ВОСПОМИНАНИЕ О БОЕВОЙ СЛУЖБЕ НА КАВКАЗЕ II*(*См. «Воен. Сборн.» 1877 г. № 4. – Примеч. автора)

Ичкеринский поход в 1859 году.

Сборы и движение Дагестанского отряда в Ичкерию.

Весело и шумно проводили мы в своем штабе масленицу в 1859 году. Все знали уже на первой неделе поста, что выступят наши три батальона в поход в Ичкерию, столь памятную русским по событиям 1845 года…

Днем выступления наших батальонов из штаба было назначено 25-е февраля. В природе замечалась уже большая перемена, и наша суровая буртунаевская зима, исчезавшая с каждым днем, давала нам надежду освободиться скоро и от снега, и от шуб.

Предстоящий поход в Ичкерию должен был, как ожидали, затянуться надолго, и потому шли большие приготовления: роты сушили сухари, запасались обувью; офицеры снаряжали себе вьюки и подкармливали лошадей.

В назначенный для выступления день, еще до зари, солдаты в боевом снаряжении начали шнырять по улицам форштата, кто по служебным, а кто, просто, по своим, преимущественно, сердечным делам.

Отслужив напутственный молебен, мы тронулись по дороге к Евгениевскому укреплению, имея на этот раз при себе, кроме вьючного, и колесный обоз. После полудня мы спустились к Евгениевскому и расположились лагерем на большой площадке в новом ауле Чиркей подле самых крепостных стен. Толпычиркеевцев окружили нас и выведывали, куда мы идем, но получили в объяснение немного, потому что и сами-то мы не совсем верно знали о главной цели нашего движения.

Переночевав в Евгениевском, мы потянулись к Чир-юрту. Сорокаверстный переход, по страшной грязи, утомил нас до крайности, и выступив до рассвета из Евгениевского, мы едва лишь только к ночи могли добраться до Чир-юрта, где в то время расположены были штабы двух драгунских полков…

Теплая, ясная погода на другой день распустила окончательно землю, так что переход приходилось совершать по жирной черноземной грязи, где ноги при движении скользили назад и укорачивали наш шаг. Тяжело и медленно тащились мы к Хасав-юрту и лишь далеко за полдень добрались до крепости, где и расположились лагерем на ночлег.

Во время пребывания нашего в лагере при Хасав-юрте к нам присоединились: 21-й стрелковый батальон, батальоны Апшеронского полка, драгуны, милиция и артиллерия. Составившийся таким образом отряд должен был выступить в горы и, пройдя Ауховское общество, вторгнуться в Ичкерию.

1-го марта весь отряд выступил на Кишень-Аух и, повернув от Кишеня по дороге вправо, к двум часам пополудни уже расположился лагерем на небольших высотах. Наш 4-й батальон, еще не дойдя до места позиции, получил приказание занять поротно пикеты кругом лагеря, куда мы и направились.

На долю нашу теперь выпало поголодать и притом провесть остаток дня и ночь, не раздеваясь, конечно, на открытом месте, потому что ни палаток, ни даже вьюков нам не дали; ...

Я расположился, не раздеваясь, конечно, на припеке костра, лежать около которого было превосходно, и тепло, и светло. Но этим бивачным комфортом мы пользовались не долго, потому что к нам вскоре явился из большого лагеря милиционер, с приказанием от начальника отряда барона Врангеля потушить на пикете огонь, из предосторожности не привлечь на себя ночью горцев, которые очень искусно умеют подползать к пикетам и метя прямо на огонь подчас подстреливать людей.

На другой день рано утром нас сменили ротою Апшеронского полка, и мы присоединились к отряду.

Дождливый и холодный следующий за тем день заставил нас почти не выходить из палаток.

Набег.

Однажды, вечером, в палатке моего дяди собралось несколько человек офицеров и уместившись кто на постели, а кто на барабане, вели оживленную беседу о своем прошлом.

Уже было за полночь, как вдруг поспешно вошел к нам в палатку адъютант моего дяди, подпоручик Лаворко, по лицу которого можно было сейчас же отгадать, что он намерен сообщить нам что-то интересное.

—Сергей Александрович, — обратился он к моему дяде, — получено сейчас приказание от начальника отряда: завтра в пять часов утра нам выступить в набег.

Хорошая весть. Офицеры от удовольствия хлопнули в ладоши и, наскоро распрощавшись, поспешили разойтись, чтобы сделать необходимые распоряжения на завтрашний день, так как было уже довольно поздно.

Описывая набег наш, надобно при этом сказать, что на Кавказе движения эти делались всегда невзначай и большею частью небольшими и легкими отрядами. Обыкновенная цель набега заключалась преимущественно в том, чтобы напасть на неприятельский аул, что называется врасплох, разорить, сжечь его, или отогнать скот, о количестве и месте нахождения которого предварительно собирались вернейшие сведения от лазутчиков.

Не всякий, конечно, такой набег обходился нам дешево, и войскам подчас приходилось платить дань за свои иногда очень смелые предприятия, отчего со словом «в набег» ожидалась у нас всегда какая-нибудь стычка с горцами.

Для набега обыкновенно выбирались люди здоровые, сильные и выносливые. Перед выступлением ротные командиры предупреждали своих людей, что всякий отставший или даже заболевший дорогою будет оставлен на произвол судьбы и потому слабые люди оставляются в лагере…

В пять часов утра роты стояли уже около своих палаток и вслед за авангардом, который составлял 21-й стрелковый батальон, быстро начали спускаться в лесистую балку.

Аул Гасан-Бек-Кент, на который барон Врангель предпринял набег с целью сжечь его и таким образом оттеснить горцев дальше, находился на правом берегу реки Ярык-су. Селение расположено было на небольшой, покрытой лесом, террасе, которая, выдаваясь мысом к реке, примыкала с западной стороны к лесистым горам, а с двух боковых сторон имела глубокие балки с крутыми обрывистыми скатами. От аула к самой реке шел довольно пологий спуск, по которому зигзагами пролегала узкая дорога.

Безостановочно и бегом мы прошли около восьми верст и спустились, наконец, к речке Ярык-су…

Не снимая обуви, солдаты целыми шеренгами, взявшись за руки, начали переправу. Хотя быстрый напор воды и тут сдвигал нас со взятого направления, однако мы переправились благополучно, и вся наша потеря при переправе заключалась в нескольких ружьях, которые были упущены.

Перейдя Ярык-су, нам оставалось только подняться на гору, чтобы достигнуть до аула. Авангард, взобравшись быстро наверх и встретив там толпу горцев, засевших в саклях за деревьями, открыл перестрелку. Три роты нашего батальона и взвод горной артиллерии в то же время получили приказание занять

левую сторону оврага, чтобы действием нарезных ружей и гранатами обстреливать неприятеля во фланг.

Заняв гребень вдоль оврага, наша 4-я стрелковая рота рассыпалась сейчас же в цепь, ожидая только того момента, когда ей нужно будет пустить свинцовый град в аул.

Однако, надобно заметить, что как ни поспешно и как ни неожиданно наступали мы к аулу Гасан-Беку, а неприятель успел-таки до нашего еще прихода угнать из аула весь свой скот и уже вывезти кое-что из своего имущества, отчего, недолго удерживаясь, он в скором времени отступил в лес.

Преследование продолжалось и по лесу, а аул между тем уже вспыхнул.

С добрый час мы лежали на своей горке без всякого дела, наблюдая, как погибал аул Гасан-Бек. Наконец, по звуку выстрелов, которые начали раздаваться все ближе и ближе, можно было определить, что началось отступление колонны. Действительно, в ауле вскоре показались солдаты, гнавшие отбитый в лесу скот, а вслед затем и отступавшие роты, отстреливаясь от преследовавших горцев.

С нашей позиции, которая несколько командовала аулом, хорошо видно было все, что происходило в нем. Нам было видно, как милиция и драгуны, отступавшие в хвосте колонны, очень ловко пользовались всякими местными закрытиями, а рассыпавшиеся по аулу солдатики шарили по горевшим саклям в надежде захватить что придется. Деревянные сакельки аула, пожираемые пламенем, трещали и быстро падали на землю; оставленные горцами собаки с воем и лаем бегали по аулу; к тому еще крики солдат, ругательства горцев, как тени мелькавших за саклями, гром выстрелов, стоны раненых — все это мешалось в один какой-то неясный своеобразный гул[280].

Захватив пленными часть горцев и порядочное количество скота, колонна отступила, а мы все еще оставались на своем месте. Командовавший нашею

---

[280] В 1914 г. А.А. Аноев, будучи уже давно в отставке издал в журнале «Русский архив» еще одну версию своих воспоминаний, где с сожалением коснулся деталей уничтожения Гасан-Бек-Аула: «Много лет прошло с того времени, а мне и теперь с полною ясностию представляется картина того страшного погрома, который происходил тогда перед моими глазами.

Там, в отдалении гремели выстрелы, гулко раздававшиеся по лесу; здесь из селения неслись отчаянные вопли женщин и детей охваченных страхом, под влиянием которого они метались по аулу отыскивая безопасное место, где можно было бы укрыться от пуль и огня; треск горевших сакель, с грохотом валившихся одна за другою; неистовый лай собак, переходивший в дикие завывания и, в довершение к этому, самый необузданный грабеж нашими милиционерами последнего достояния бедных жителей этого аула.

Я видел как эти мародеры, шныряя в дыму по саклям, тащили оттуда кто каймак, кто кубышку с медом, ловили кур и тут же, свернув им головы обвешивали себя этими трофеями: видел как те же милиционеры стаскивали с обезумевших женщин чадры, срывали с них ожерелья украшенныя серебряными монетами и, забрав все это, бежали искать другой добычи». - Аноев А. Из кавказской старины // Русский архив. №1. М.: Б/и. Синодальная типография, 1914. С. 113-114.

левою колонною, подполковник К-ев, ждал совершенного отступления наших войск, чтобы дать преследующему неприятелю войти в аул, и как только он показался там в массах он приказал открыть огонь. Горцы остановились, не рискуя преследовать русских дальше.

Под прикрытием нашей колонны отряд начал переправляться на другую сторону реки, но неприятель уже более не тревожил нас и даже не показывался из леса. Прежним порядком перебрались мы опять на свою сторону и, соединясь все вместе, тронулись в обратный путь.

Пока отряд наш еще стягивался, я увидел несколько в стороне от нас кучку горцев с женщинами и детьми, окруженных конвоем солдат, — это были пленные из аула. Бедняки эти, надобно полагать, не имели возможности уйти заблаговременно от русских и должны были отдаться в наши руки.

Около одного небольшого подъема, где дорога значительно суживалась, нам пришлось остановиться, чтобы дать проехать вперед драгунам, которые, отставши сзади, теперь обгоняли нас. У многих к седлам были привязаны мешочки с разною добычею из аула, а у одного молодца мы заметили, что на коленях сидела маленькая девочка-чеченка, вся закутанная в какие-то лохмотья. Капитан К. поинтересовался узнать от драгуна, куда везет он малютку.

—Да вот, ваше благородие, отца этой девочки, — говорил драгун, — остановив своего коня перед ним, — наши молодцы убили в сакле, а девочку эту я взял себе. Детьми Господь Бог не благословил нас со старухою моею, так хочу воспитать сиротку, добавил добряк-солдат и, примостив поудобнее свою маленькую пленницу на седле, тронул лошадь рысью, чтобы догнать эскадрон.

Как водилось у нас тогда, войска, бывшие в набеге, получили по быку на роту, а за труды по лишней чарке спирту. Костры скоро запрудились котелками с разными похлебками, и кое-где за офицерскими палатками уже кипели на угольях шашлыки — блюдо, весьма уважаемое на Кавказе.

На утро, 8-го марта, мы продолжали наше движение вдоль левого берега вверх по Яман-су. День настал опять такой же ясный, но на этот раз мы не прошли еще, кажется, пяти верст, как впереди уже послышались выстрелы. Это начинали апшеронцы[281], которые, составляя авангард нашего отряда, заняли позицию на Яман-су, как раз против большого чеченского аула Баши-юрта и завязали перестрелку с засевшими в нем чеченцами.

Наш батальон следовал в арьергарде и двигался по дурной и узкой дороге с большими остановками, так что, собственно, нам попасть в дело было трудно.

Однако, чем ближе подвигались мы к аулу, тем все более и более разгоралась перестрелка у апшеронцев, и когда мы, наконец, вышли на площадку,

[281] Солдаты Апшеронского пехотного полка.

аул Баши-юрт был уже взят нашими и огромные столбы дыма высоко взвивались над селением.

По разорении войсками аула Баши-юрт неприятель отступил и отряд наш занял лагерем противоположную сторону реки, где и расположились апшеронские батальоны.

При ауле Баши-юрте мы устроились в несколько дней прочным, укрепленным лагерем, в котором при дальнейшем движении отряда предположено было оставить вагенбург для склада провианта и фуража, и потому с следующего же дня у нас приступлено было к расчистке местности кругом лагеря, по обе стороны реки Яман-су...

Через три четыре дня нашей позиции нельзя было уже узнать: кругом было все вырублено и только лишь обгорелые пни, да валявшиеся в беспорядке огромные чинары свидетельствовали о существовавшем здесь дремучем лесе.

Дело 14-го марта.

Всю неделю отряд наш стоял на той же позиции при Яман-су. Из лагеря, который укрепили в это время валом и обнесли по рву колючкою, батальоны ежедневно ходили на рубку леса, о которой не лишнем считаю сказать здесь несколько слов.

Работа эта обыкновенно совершается так: по приходе на место занимают сперва известный район для рубки, который и окружают пехотною цепью, а в местах более опасных ставят орудия с прикрытием. Кончилась расстановка цепи, — подается от начальника колонны сигнал начинать работу; по лесу раздается стук солдатских топоров, а вскоре затем со страшным шумом и треском начинают валиться гиганты...

14-го марта предположено было, оставив в нашем укрепленном лагере вагенбург и часть отряда для гарнизона, остальными силами двинуться далее вверх по Яман-су.

Переход до новой позиции должны были мы сделать небольшой, но переход этот надолго останется в моей памяти, так как вместе с ним связано воспоминание о первом серьезном деле, в котором, мне пришлось участвовать...

Но вот в пять часов утра авангард нашего отряда по узкой дороге потянулся из лагеря и стал подыматься к нашему редуту; за авангардом следовали орудия и ящики, а за ними наш четвертый батальон, составлявший арьергард.

Поднявшись к редуту, откуда дорога, извиваясь, беспрестанно то вправо, то влево шла по косогору, мы пошли лесом и вскоре достигли маленького пустого аула, расположенного в самом лесу. За аулом мы бегом спустились на только что вспаханную жителями поляну, на которой авангардная цепь наша уже завязала перестрелку с горцами. Здесь приказано было двум ротам нашего батальона рассыпаться в левую цепь, и пока весь отряд, подвигавшийся вперед очень

медленно по лесной дороге, продолжал еще движение по поляне, мы залегли за бугорками перед лесом, завязав, в свою очередь, перестрелку с чеченцами, которые по одиночке показывались за деревьями. С особенным любопытством наблюдал я за ловкостью и замечательным проворством горцев, которые очень искусно умели пользоваться всякого рода закрытиями: пенек, дерево, небольшой бугорок — все служило горцу хорошею защитою от наших пуль, и часто приходилось видеть, что, сделав из своей засады выстрел, он в тот же миг исчезал оттуда. Наши солдаты, в особенности молодые, имеют обыкновение стрелять по лесу, не видя неприятеля — на один показавшийся от выстрела дымок, но уловить в таком случае горца бывает трудно, и надобно сознаться, что в этом отношении они всегда имели перед нами неоспоримое превосходство…

Еще с поляны, на которой мы перестреливались с горцами, слышны были в нашем авангарде выстрелы из орудий и частая ружейная стрельба, которые громким, тяжелым эхом раздавались по горам и лесу. Обстоятельство это заставляло предполагать, что впереди предстоит еще нам более или менее серьезная стычка с горцами.

Поднимаясь по горе, батальон наш тянулся в одиночку по узкой лесной дороге, так что цепь едва даже могла его прикрывать, почему не доходя еще вершины мы были на минуту приостановлены, чтобы сомкнуть ряды плотнее, и дать вместе с тем солдатам несколько оправиться…

Поднявшись совсем на гору, мы вышли из лесу на довольно обширную поляну, на которой наш 1-й батальон, рассыпав цепь, вел огонь против неприятеля, скрывшегося в лесу. Тут же на небольшом возвышении стояла артиллерия и громила своими выстрелами опушку. Из лесу в ответ на наши выстрелы, время от времени, показывались маленькие дымки, но неприятеля скрывавшегося там видно не было, так что и определить хотя приблизительно его числа — было нельзя.

Отряду предстояло идти по этой обширной поляне, окруженной со всех сторон частым лесом, и вступить в лес, в котором собралась, как говорили, сильная партия чеченцев, решившихся, по-видимому, если не пересечь нам дальнейший путь, то во всяком случае порядком пощипать русских. Почему начальник отряда, стянув все войска к поляне, намерен был попробовать оттеснить горцев, а если бы этого не удалось, то и дать бой, пользуясь относительно выгоднейшею позициею, которую мы могли тут занять. Вследствие такого решения войска были остановлены, выйдя из леса на верх горы, и поставлены фронтом к опушке его.

Спустя короткое время неприятельские выстрелы начали учащаться. Из глубины леса слышны были крики женщин и визг детей; очевидно, что чеченские семейства из брошенных аулов находились тут под прикрытием мюридов.

Горцы, боясь за свои семейства, о присутствии в лесу которых нам было известно через лазутчиков, и не желая отдавать их русским в плен, начали действовать решительно. К тому же огонь нашей батареи, действовавшей так сильно на первых порах, начал значительно ослабевать, что дозволило горцам показаться из лесу и поддерживать сильный ружейный огонь против нашей цепи, которую, впрочем, начальник отряда тотчас велел усилить двумя ротами от 4-го батальона; наши 13-я и 14-я роты были посланы туда в подкрепление.

Следуя в арьергарде колонны и повернутые фронтом к лесу, мы составляли правый фланг нашей боевой линии. Чеченцы наступали на фланг наш с особенною силою и отвагою. Конные и пешие с криком и бранью являлись кучками из лесу и не обращая внимания на выстрелы не раз пытались броситься в шашки на цепь, но всегда были отражаемы нашими штыками. Об отступлении из леса, который мы заняли цепью, в виду скопившейся массы горцев нам уже нельзя было и думать, не рискуя понести тут значительный урон в людях, и потому надобно было оттеснить горцев далее в лес и тем хотя до некоторой степени обеспечить дальнейшее наше наступление.

Второй наш полубатальон, составляя резерв цепи, стоял в сомкнутых ротных колоннах, и находился не далеко от нее прямо под выстрелами горцев. Неприятельские пули как рой пчел жужжали над нашими ушами и с пронзительным свистом проносились мимо, задевая, впрочем, иногда кого-нибудь и в наших рядах. Находиться в таком положении было очень неприятно и даже досадно; каждому хотелось поскорее броситься в дело и лучше умереть там чем здесь при совершенном бездействии. Впрочем, вскоре приказано было, в избежание лишней потери в людях, ротам нашим ложиться.

Сбор горцев в лесу ежеминутно увеличивался и дело наше становилось все серьезнее, а в цепи оказался между тем недостаток в патронах. Солдаты, чтобы пополнить свои пустые сумы, начади бегать из цепи к нашим ротам, забирали от нас патроны и возвращаясь потом обратно к своим делились ими в цепи.

Однако, понеся значительную потерю убитыми, ранеными и выбывшими для сопровождения их на перевязочный пункт, цепь наша спустя некоторое время начала нерешительно колебаться. Пользуясь этим, горцы в один миг дружно высыпали из лесу и с обычным своим гиком бросились опять в шашки на цепь.

Роты наши находились хотя и невдалеке от цепи, но по густоте опушки, которая скрывала ее от нас, мы слышали только частую перестрелку и крики горцев, не совсем ясно понимая, что происходило там, как вдруг подбежал запыхавшись к нашим ротам один солдатик из цепи.

—Братцы! — кричал он солдатам, — цепь нашу рубят... ура!

Встрепенулись тут и мы. Быстро поднявшись, по знаку своего батальонного командира, мы готовились к отчаянной схватке. Сердце запрыгало и застучало

так сильно, что, несмотря на гром выстрелов и страшный свист неприятельских пуль, я казалось слышал даже биение его. Впрочем, такое сильное волнение я испытывал лишь только в первую минуту, но затем, при общем одушевлении и громком крике «ура», я уже менее сознавал свою опасность и в общей массе бросился к цепи.

Под градом неприятельских пуль мы бежали к лесу, но у опушки были остановлены, потому что чеченцы при нашей атаке быстро отступили и скрылись в лесу, а преследовать их дальше было не безопасно в виду возможности натолкнуться на неприятельскую засаду.

Как теперь помню: я видел тут одного горца-джигита, который в нескольких шагах от нашей цепи показался между деревьями, в белой папахе, на прекрасном сером коне. Выехав вперед довольно медленно и гордо, горец просто изумил нас своею отчаянною храбростью, когда чуть не в упор начал стрелять из своей винтовки в наших солдат. Храбрец как будто бы нарочно искал пули, которая ссадила бы его с коня, и он действительно дождался этого: несколько выстрелов из цепи положили его на месте.

Не могу забыть я и теперь еще мелькавшего по цепи между кустами и деревьями нашего офицера П-ва 2-го, который резко отличался от всех своею синею шинелью. Горячий по природе, П-в становился невозмутимо холодным в деле и являл собою пример замечательной стойкости и хладнокровия. Я с особенным уважением, бывало, смотрел на этого человека в перестрелках и, правду сказать немало дивился тогда его невозмутимому спокойствию.

После нашей атаки чеченцы значительно стихли; но нам нужно еще было отступать от леса, а это в кавказской войне считалось всегда немаловажным делом.

Прежде чем говорить о нашем отступлении, я хочу сказать несколько слов вообще об отступлениях наших в кавказских лесах, потому что опаснее и труднее этого не было ничего.

Надобно заметить, что продолжительная война на Кавказе и частые столкновения горцев с русскими давно уже ознакомили и приучили первых ко многим нашим военным порядкам. Горцы, например, очень хорошо знали назначение некоторых наших сигналов, и умели пользоваться этим иногда очень удачно для себя. В густых лесах Чечни бывали такие случаи, что присутствие горцев совсем не обнаруживалось во все время движения русских вперед, но едва подавался сигнал «все и назад», как горцы точно из земли вырастали; и горе той цепи, которая отступала без соблюдения обычной осторожности. Горцы стремительно нападали на отступавших и иногда рубили цепь целыми звеньями.

Рассказывали мне старые кавказцы, что бывали даже и такие случаи, что во время отчаянной схватки с русскими, когда роты в лесу разбросаны иногда по разным направлениям, горцы сами вдруг подавали сигнал отступления на

русском рожке (У горцев, во время войны их с русскими, всегда были наши беглые солдаты. Между этими беглыми, конечно, попадались и наши горнисты.). Роты принимали сигнал за свой и отступление совершалось. Горцы пользовались происходившем при этом беспорядком и страшно преследовали отступавших. Во избежание этого у нас принято было почти за правило в известных случаях отступление производить без сигнала, а по одному лишь приказанию начальника или заранее условленному какому-нибудь знаку — падению большего дерева, пушечному выстрелу в определенном месте, свистку и т.д. Наметка в таких случаях у кавказских солдат была так велика, что иногда отступление по знаку производилось в такой степени тихо и скрытно, что горцы замечали его тогда уже, когда цепь бывала вне преследования их.

Итак, после атаки получено было от начальника отряда приказание отступать. Подполковник К-ев, командовавший правым флангом цепи, знал хорошо обычай горцев преследовать русских более всего при отступлении, и потому сам лично направился к цепи, чтобы предупредить солдат об отступлении без сигнала, отдав при этом приказание остальным нашим двум ротам встретить неприятеля, когда он покажется из леса, сильным батальным огнем.

Получив это приказание, цепь тотчас же начала отходить. Однако, на этот раз горцы скоро заметили перебегающих назад солдат и кинулись гурьбою за цепью, но наткнувшись в опушке на роты, стоявшие в резерве и открывшие по ним жесточайший огонь рядами, они несколько смешались и быстро скрылись в лес, потеряв при этом несколько человек ранеными, которых, впрочем, им удалось унести с собою.

Тем дело это и было кончено. Мы отступили на поляну, восстановили сейчас же у себя порядок и, захватив с перевязочного пункта своих убитых и раненых на носилки, тронулись по дороге через лес.

До новой позиции было недалеко, и вскоре на той же речке Яман-су мы разбили свои палатки…

На этой позиции мы простояли всего один день и потом перешли всем отрядом на высоты верстах в четырех от Яман-су; оттуда в продолжение двух недель ходили на рубку леса и разоряли окружающие нас аулы, но неприятеля уже нигде не встречали более, хотя и были встревожены однажды ночью появлением партии горцев, невдалеке от нашего лагеря...

Направляясь в один из следующих затем дней из лагеря на рекогносцировку, мы проходили тот Ичкеринский лес, где погиб в 1845 году, во время так называемой Сухарной экспедиции, генерал Пассек, застигнутый в этом лесу многочисленнейшею партиею горцев, но и тут по нас не сделано было ни одного выстрела. Отсюда слышны были орудийные выстрелы в отряде генерала Евдокимова, который в то время с главным чеченским отрядом блокировал аул

Ведень — резиденцию Шамиля. Выстрелы эти мы слышали несколько дней (Аул Ведень взят русскими войсками штурмом 1-го апреля, в 10 часов вечера.), и вскоре получено было известие о взятии нашими войсками Веденя. С падением этого аула все чеченские общества, выдав аманатов, окончательно покорились русскому правительству. Сам Шамиль, лишившись главного оплота в Чечне, бежал в Дагестан.

9-го апреля отряд наш приказано было распустить по квартирам. На обратном пути, в крепости Внезапной, застал нас праздник св. Пасхи. Отпраздновав по-походному, мы 14-го апреля, приветствуемые всеми жителями нашего Буртуная, встретившими полк у Теренгульского оврага, входили уже в свой штаб.

Перновского полка штабс-капитан Аноев.

(Окончание будет[282])

Текст воспроизведен с нашими сокращениями по изданию: Воспоминание о боевой службе на Кавказе // Военный сборник. Т.115. № 5. СПб.: Б.и. Тип. В.А. Полетики, 1877. С. 188-204.

***

[И.Г. АМИЛАХВАРИ].
ИЗ ЗАПИСОК КНЯЗЯ АМИЛАХВАРИ [1858-1861].

Амилахвари (Амилохори) Иван Гивич (1829-1905), выходец из грузинской аристократической семьи, генерал от кавалерии с 1896 г. и генерал-адъютант с 1901 г. Участник (с 1856 г.) Кавказской войны в драгунских частях, а впоследствии и русско-турецких войн.

Отличался природным умом, военными дарованиями и храбростью; закончил Тифлисскую гимназию и поступил вольноопределяющимся в армию. Всю жизнь вел развернутые записи на грузинском языке, не лишенные литературного дарования.

Мы привлекли две главы из его записок переведенных на русский язык и изданных в томах «Военного сборника» в начале XX в., содержащие интересные подробности ведения военных действий регулярной армией в горских районах и некоторые свидетельства связанные с последними днями пребывания плененного

[282]Окончание записок А.А. Аноева (Военный сборник. №6. 1877. С.393-414) относится к походу русских войск в «Средний Дагестан» закончившемся взятием Гуниба и пленением Шамиля.

имама Шамиля на Кавказе[283]. Немало в воспоминаниях Амилахвари таких специфических подробностей долгой Кавказской войны, которые сложно встретить еще где-либо.

«Записки» И.Г. Амилахвари не переиздавались и приводились только отдельными главами в интернете.

* * *

[АМИЛАХВАРИ И.Г.]. ИЗ ЗАПИСОК КНЯЗЯ АМИЛАХВАРИ

…Глава XI.

Ачхоевский бой. — Выговор вместо награды. - Поход к Аки-юрту и его окончание. Награды за ачхоевское дело. Князь Иван Чавчавадзе. — Как отразилось ачхоевское дело на внутренней жизни полка. — Полковник Паргсовский. — История его с Евдокимовым. — Вмешательство в это дело князя Дондукова и главнокомандующего. — Отъезд князя Дондукова с Кавказа. - Новый полковой командир граф Ностиц.

Через два дня по уходе первого дивизиона, 8-го июня (1858 г. – Сост.), мы получили достоверное сведение, что Шамиль прошел уже Шатоевское общество, и что его отделяет от нас только один перевал. Где он выйдет на плоскость — этого никто не знал, а потому Алтухов со всем отрядом подвинулся вперед и 9-го июня стал на речке Нетхой, где был когда-то большой аул, развалины которого и тогда еще были видны на высоком берегу реки. За болезнию князя Захария Чавчавадзе, я командовал в то время дивизионом, а 3-й эскадрон поручил князю Вахвахову. Едва мы успели отобедать, как в лагерь прискакал Алико, старшина Кази-Юртовского аула. Он еще издали махал рукам и ломанным русским языком кричал: «Шамиль сейчас идет»! Алтухов приказал сделать два пушечные выстрела, чтобы известить соседние отряды, стоявшие на Сунже и в Урус-Мартане, а между тем приказал ударить подъем. Пока пехота становилась в ружье, кавалерия пошла вперед, чтобы захватить переправу через Фортангу Был первый час дня. Мы оставили в стороне большую Ассинскую дорогу и направились кратчайшим путем к Кази-Юрту. Впереди — моздокская сотня, за нею мой дивизион, потом два конные орудия и, наконец, северцы[284], В то самое время, когда колона наша выступила из лагеря, у темного входа в скалистое ущелье речки Нетхоя, показалась кавалерия Шамиля. Растянувшись по трущобам и обрывистым тропам Черных гор, всадники вскачь проносились через лес по

[283]Из записок князя Амилахвари // Кавказский сборник. Т. 27. - Тифлис: Б/и., Тип. Штаба Кавк. воен. округа,1908.
[284]Северский драгунский полк.

одному, по два, по три, потом смыкалась и выходили на равнину. Между деревьями мелькали красивые значки — белые, огненные, оранжевые. Число неприятеля росло в ужасающей прогрессии, и скоро вся грозная сила Шамиля, перед которой русская кавалерия казалась ничтожною горстью, выдвинулась на плоскость. Она направлялась также к Кази-Юрту, где встреча противников становилась неизбежною. «Бога ради — говорил мне Алико — иди скорее; если Шамиль займет аул прежде нас — жители примут его сторону», Я доложил об этом Никорице. «Ну, что ж, — ответил он, — возьмите казаков и свой дивизион и ступайте вперед; я останусь при северцах и буду сообразоваться с вами». Мы тронулись рысью. Проходя мимо Ачхоя, драгуны видели во дворах множество оседланных лошадей, а жители стояли на крышах в полном вооружении и провожали нас весьма недружелюбными взглядами. Для наблюдения за ними остался северский дивизион с двумя орудиями, а я с казаками поскакал в Кази-Юрт. Неприятель был уже у нас на виду. На однообразном фоне коричневых, черных и желтых черкесок живописно выделялись белые чалмы мюридов, и над ними веял большой зеленый значок, показывавший присутствие самого Шамиля. Передовая партия, человек четыреста, отделилась от главного скопища и, вскачь перерезав нашу дорогу, начала огибать нас с фланга. — «Есаул Усачев, — кричу я на ходу, — не давайте им заскакать нам в тыл». Сотня переменила фронт, а я развернул эскадроны и стал под углом к Кази-Юрту Скоро в тылу загремела перестрелка. Это моздокские казаки, не надеясь устоять в конном строю, спешились и отбивались ружейными залпами. В эту минуту вся неприятельская конница с места ринулась на горсть нашей кавалерии. Впереди неслись значки; земля гудела от топота тысячей копыт, и пронзительное гиканье слышно было даже идущей далеко позади пехоте. Я скомандовал: “марш-марш!", — и нижегородцы, выхватив шашки, понеслись на встречу. Мы врезались в самую середину скопища и буквально в нем затонули. Наши белые кителя только кое-где мелькали в темной обступившей нас массе. Счастие однако нам благоприятствовало. Ударом рослых массивных лошадей драгуны сбивали маленьких дагестанских коней и прокладывали себе дорогу направо и налево. Скоро боевые клики смолкли. Слышно было только, как шашки, звеня, ударялись о шашки, как прогремит кое-где одинокий пистолетный выстрел, или пронесется в воздухе слабый стон умирающего... Вот упал командир 3-го эскадрона, поручик Вахвахов, в упор раненый пистолетною пулей в плечо; упал Порожниченко — младший вахмистр моего эскадрона, сраженный пулею в сердце; убит рядовой Пантелеев, буквально перерубленный пополам каким-то богатырем-чеченцем; один за другим падают драгуны; раненых много, но они держатся в седлах и не хотят покинуть боя.

С четверть часа длилась общая свалка. Но вот, к общему удивлению, горцы начинают подаваться назад и, отскочив шагов на двести, останавливаются и открывают огонь с лошадей. Нравственная сила одержала верх над грубою стихийною силою. Но ведь и нравственной мощи есть же граница, есть предел, за который она переходить не может. Мы стояли друг против друга, разделенные лишь небольшим промежутком. Поле, между нами, недавно такое красивое и зеленое, теперь залито было кровью, усеяно людскими и конскими трупами. «Вон лежит Порожниченко,» — слышу я шепот в рядах, и драгуны порываются взять его тело. — «Оставить, поднимите после»! кричу я, и, пользуясь минутным перерывом боя, спешу собрать и устроить свои эскадроны. Мне помогает Мирошников; но вдруг он пошатнулся в седле, и на белом кителе его показалась маленькое, едва-едва заметное кровавое пятнышко. Я уже знал, что это значит. — Это рана в грудь, и безусловно смертельная. Я поддержал его и крикнул людей, чтобы отвести за фронт. — «Я сам отъеду, — ответил раненый, — теперь каждый человек дорог». С этими словами он сошел с коня, тихо опустился на землю и, не выпуская повода из рук, тут же скончался. В эту минуту горцы стали подвигаться вперед. Вот-вот начнется новая атака. Мы не спускали с них глаз. Нанести поражение им, конечно, мы не могли, но умереть, защищая свою позицию, было нашим правом. В этот то роковой момент, где-то позади фронта, резко, отрывисто кавалерийская труба прозвучала сигнал отступления. Все невольно вздрогнули. Между тем сигнал подхвачен был трубачом 4-го эскадрона — и в строю произошло замешательство: одни, инстинктивно, сознавая опасность отступления, продолжали стоять, другие, повинуясь сигналу, стали заворачивать лошадей. Если бы ударь неприятеля пришелся в эту минуту — она была бы последнею в нашей жизни. Не помня себя, я дал шпоры коню, налетел на трубача, вырвал из рук его злосчастную трубу и, далеко отшвырнув ее в сторону, крикнул: «Кто смеет трубить отступление? Вперед!» И не видя эскадронного командира, прибавил: “прапорщикЧавчавадзе, командуйте 4-м эскадроном!» Не успел я сказать этих слов, как рухнул на землю вместе с конем, у которого нога оказалась перебитой пулею. Унтер-офицер Свиридов тотчас соскочил с седла и подвел свою лошадь. — «Людей и так мало, садись!» — крикнул я ему и приказал подать чью-то заводную офицерскую лошадь. Все это, разумеется, было делом одного мгновения. Но горцы подметили падение «русского наиба» и, считая меня убитым, ринулись вперед всею массою. Драгуны понеслись на встречу.

Как раз в это время подоспела конная артиллерия, находившаяся при северцах. Она прискакала сюда без всякого прикрытия, вскочила на первый курган и обдала неприятеля картечью. Драгуны и моздокская сотня врезались с фронта. Младший вахмистр Шилов, здоровый, рослый солдат, дорубился до

самого знаменщика и одним взмахом шашки перерубил и руку горца, и древко значка. Падавшее полотнище он подхватил налету и высоко поднял над головой, как символ победы. И победа действительно была наша. Горцы повернули назад. Драгуны и казаки насели на бегущих. Я слышал сам, как драгуны кричали казакам не заскакивать вперед, опасаясь в горячке преследования полоснуть по ошибке казака вместо горца.

Отбитый неприятель частью отшатнулся к лесу, но частью засел на кази-юртовском кладбище, и из-за тех надгробных камней, под которыми почивали горские витязи, прежде их отстаивавшие свою родную землю от русского вторжения, — открыли огонь.

Еще сомнителен был исход этого неравного боя. Горцы, опрокинутые два раза, были расстроены, но до окончательного поражения их было далеко. У них еще было много свежих, непочатых сил, тогда как драгуны уже изнемогали от усталости. Вот когда можно было сказать: “Дух бодр, а плоть немощна." Но в эту минуту, наконец, нам подали помощь. Пехота еще была далеко, но отделившаяся от нее артиллерия прискакала к вам без прикрытия. Четыре девятифунтовые пушки, под командою капитана Григорьева, принялись громить кази-юртовское кладбище, и их страшный огонь имел решающее значение. Шамиль приказал отступать, и сам уехал с ачхоевской поляны, которую он видел в последний раз. Через полчаса к нам подбежало несколько рот егерей, и подошли северские драгуны. В то время как мы рубились с неприятелем, товарищи наши по оружию не оставались без дела. Еще при самом начале боя, Шамиль отправил сильную партию для занятия Ачхоя, которая как раз и встретилась с северцами. Здесь также. произошел жестокий кавалерийский бой, и северцы захватили один неприятельский значок.

К четырем часам пополудни последние неприятельские всадники скрылись за деревьями дальнего леса, и на обнаженной местности между Натхоем и Фортангой водворилась полная тишина. Егеря, опираясь на ружья, вытирали ладонями крупный пот, катившийся с их лиц; драгуны, спешившись, молча оправляли лошадей и сбрую. Мирные чеченцы смотрели на эту картину изумленными, широко раскрытыми глазами и жителям Ачхой-Мартана и Кази-Юрта пришлось расседлать своих лошадей, разрядить винтовки и навсегда расстаться со своими несбыточными мечтами. Вечером оба дивизиона возвратились в лагерь, разбитый ближе к Фортанге, и прошли мимо пехоты, встречавшей нас громким и дружным «ура!» Впереди эскадронов развевались отбитые значки, из красной материи с желтыми каймами, а позади везли убитых и раненых, которых в одном моем эскадроне было до 30-ти человек. До поздней ночи веселились драгуны на своих биваках, пели песни, кричали «ура» и выпили всю водку у маркитантов, так что пехоте ничего не осталось.

Начальник колонны Алтухов, оценивая важные последствия ачхоевского боя, как говорили, представил меня к георгиевскому кресту. Князь Дондуков с своей стороны поздравил меня с тем же, считая этот вопрос решенным. На деле, однако же вышло не то, и прежде, чем получить какую-либо награду, мне пришлось предварительно пройти еще через одно испытание. Получена была бумага, в которой Евдокимов выразился резко, что результаты ачхоевского дела могли бы быть полнее, если бы у драгун было исправное оружие. Замечание это он основал на показании лазутчиков, которые видели сами более двухсот чеченцев, вернувшихся из ачхоевского боя с шашечными ранами. Евдокимов поставил это в вину дивизиону, полагая, что эти люди могли быть не только ранены, но изрублены на смерть, — точно в самом деле сотня или две сотни лишних мертвецов могли бы придать более блеска и без того хорошему ачхоевскому делу. Самый факт, что число раненых горцев вдвое превышало число участвовавших в битве драгун, казалось, уже должен бы был сам по себе служить только к увеличению их славы, а между тем мне сделан был выговор, и Евдокимов угрожал даже прислать особого офицера для проверки в полку оружия.

Оружие оставили в том самом виде, в каком оно было в ачхоевском деле и, разумеется, никакого офицера прислано не было. Это предписание являлось просто прямым результатом тех столкновений, которые давно уже происходили между Евдокимовым и князем Дондуковым. Вот уже истинно, что паны дерутся, а у хлопцев чубы болят.

После ачхоевского дела мы еще сходили в Назрановское общество, где подавили начавшийся было мятеж[285], а оттуда, 30-го июля, перенеслись к Аки-Юрту, где снова разбили Шамиля. В деле участвовали только казаки и милиция; драгуны шли на рысях и только их поддерживали. Через два часа все было окончено. Выстрелы смолкли, и только трупы, разбросанные по полю, напоминали о побоище. Шамиль, застигнутый врасплох, едва успел спастись, но его палатка с походною постелью и кухней была захвачена казаками[286].

---

[285]Назрановское восстание нескольких тысяч мусульман-ингушей, обратившихся за помощью к имаму, происходило в мае-июне 1858 г.; к ним то и пытался дважды прорваться Шамиль в июне-июле, со всей армией; в случае успеха он получал ощутимый стратегический перевес в войне.

[286]В 1865 г. некий участник данных боев 1858 г. в Западной Чечне, поставивший под своими воспоминаниями инициалы «К.Д.», отметил: «Партии Шамиля, после такой страшной передряги, заданной им в особенности пешею артиллериею, дойдя обратно до реки Натхоя, не могли дальше следовать и в лесу сделали ночлег, в довольно близком расстоянии от нашей позиции. На другой день, избрав другой путь, чеченцы двинулись в общество галашевцев. Но мы все-таки не теряли Шамиля из вида и, тотчас снявшись с позиции, прибыли в укрепление Августали, откуда следили за каждым его движением до тех пор, покуда он не попался в ловушку полковника (ныне генерал-маиора) Мищенко, под Назраном. – К.Д. Дело под Ачхоем и Акиюртом // Военный сборник, № 1. СПб.: Б/и. Тип. Гл. упр. уделов,1865. С.128.

Так закончилась ачхоевская экспедиция. Награды за нее были не особенно щедрые: раненый Вахвахов получил Анну с бантом, Щедрин — произведен в поручики, а я и прапорщик князь Иван Сулханович Чавчавадзе, командовавший 4-м эскадроном, награждены золотыми шашками…

Ачхоевская экспедиция, внесшая одну из светлых страниц в историю полка, вместе с тем послужила косвенным образом к некоторым переменам во внутренней домашней жизни его, как явления неизбежного при каждой перемене полкового командира. Вернувшись на Аргун и расположившись у Бердыкеля, мы получили известие, что князь Александр Михайлович Дондуков покидает полк, и что причиной этому явилось одно обстоятельство, близко касавшееся самых дорогих интересов полка. Случай этот настолько характерен для нравов тогдашнего времени, что я не могу обойти его молчанием в своих воспоминаниях. Надо сказать, что по возвращении из Турции в Чир-Юрт, новая жизнь наша на старом пепелище сложилась на первых же порах не совсем удачно. Я уже говорил, что мы очутились в двойственной зависимости и что князь Дондуков никак не мог приладиться к суровому режиму начальника левого крыла — Евдокимова…

Пока мы стояли в Бердыкеле, Кавказ посетили великие князья Николай и Михаил Николаевичи, которых мы встретили в Умахан-Юрте и затем сопровождали через Воздвиженскую крепость в Ассинскую станицу. На возвратном пути в Чир-Юрт нас обогнал полковник граф Иван Григорьевич Ностиц, ехавший принимать Нижегородский полк от князя Дондукова-Корсакова. Ностиц был сын известного кавалерийского генерала, израненного в боях, которого император Николай Павлович называл не иначе, как «храбрый Ностиц». Новый наш полковой командир прослужил 16 лет в конной гвардии, а в 1857 году, в чине полковника, назначен был в распоряжение князя Барятинского, с переводом в Нижегородский полк. Многие и тогда уже видели в нем преемника князя Дондукова. Он осмотрел на походе наши эскадроны, остался доволен их содержанием и обратил особенное внимание на то, что в эскадронах, пробывших в походе круглый год, не имелось ни одной побитой или садненной лошади.

16-го октября он прибыл в Чир-Юрт, а 17-го — мы читали последний прощальный приказ старого своего командира.

Глава XII

Первые дни командования графа Ностица. Летучий отряд по его начальству. — Поражение наиба Османа – 3-й эскадрон берет неприятельскую пушку. - Возвращение в Чир-Юрт и окончание войны на Восточном Кавказе. — Шамиль является гостем Чир-Юрта. - Первый фотографический портрет его.

Проводы Шамиля до Таш-Кичу. - Мирная обстановка Чир-Юрта. — Переход полка на правый фланг.

Граф Ностиц вступил в командование полком в то горячее время, когда наступала пора нанести уже последний удар мюридизму, и Евдокимов сосредоточивал свои войска у входа в Басское ущелье, через которое лежал кратчайший путь к резиденции Шамиля. Угрюмо и мрачно смотрит эта теснина, обставленная высокими горами, покрытыми сплошь вековым лесом и сильно укрепленная Шамилем. Ее защищал наследник имама Кази-Магома с значительными силами, и войскам приходилось подвигаться вперед медленно, шаг за шагом, пока не дошли, наконец, до знаменитой Таузенской поляны, имевшей для обеих сторон важное стратегическое значение. Это был узел, откуда дороги расходились в Ведень, в Андию, в Шатой и к чаберлоевцам. По которой из этих дорог пойдет отряд, Шамиль не знал, а потому должен был разбросать свои силы, и Евдокимов искусно воспользовался таким выгодным для нас оборотом дела. С этих пор на главном театре военных действий начинаются крупные исторические события. Таузен был взят[16 января 1859 г.], войска шли вперед, и последним словом в этом маршруте стояло Ведено. Тридцатилетняя война с мюридизмом близилась очевидно к своему окончанию. Шамиль покинул свою резиденцию и выехал в ичкеринские леса, взяв с собою всю кавалерию и два орудия. Слух о его намерении действовать на наших сообщениях заставил Евдокимова сформировать для охраны коммуникационной линии особый летучий отряд, в состав которого вошли два дивизиона нашего полка (2-й и 3-й), одна сотня линейных казаков и два баталиона пехоты с конною батареею.

Отряд этот поручен был графу Ностицу, который сразу сумел приобрести доверие и расположение Евдокимова. Опала, наложенная на полк, о которой писал Дондуков, была снята, и нижегородцы снова заняли подобающее им место.

Пока Евдокимов вел гигантскую сапу по девственным лесам, пуская в ход разом тысячи топоров, мы с графом Ностицем двигались вдоль подошвы Черных гор, прорубаясь сквозь густой орешник, делали набеги в глубину ущелий, жгли аулы, а жителей выселяли на плоскость; мы отнимали этим у горцев последние боевые силы, и Шамиль, стремившийся удержать свое владычество, выслал сильные кавалерийские партии, под начальством известного наиба Османа, приказав ему всеми мерами препятствовать выселению. Осман принялся за дело энергически, и перестрелки в нашем отряде происходили почти ежедневно. Со стороны неприятеля особенно отличалась сотня, составлявшая личный конвой Кази-Магомы и выезжавшая на одномастных серых лошадях. Она лихо подскакивала к самому лагерю, джигитовала под нашими выстрелами, и, хотя каждый раз, как только выдвигались драгуны или казаки, уносилась назад, но не прекращала своих назойливых выходок ни днем, ни ночью. В то же время два

орудия, выставленные Османом на горах, действовали по самому лагерю, и были случаи, когда ядра попадали в коновязи и убивали лошадей. В одну из таких перестрелок и сам граф Ностиц был сильно контужен в ногу, но остался в отряде. Между тем Ведень, где сосредоточивалась вся духовно-религиозная жизнь края, где были все административные учреждения и боевые средства Шамиля, был взят Евдокимовым, и нам предписано было идти за р. Хулхулау, в самое наибство Османа, чтобы вырвать из-под его владычества и последние чеченские деревни. Эти деревни сами просили о выселении, но боялись Османа, которого Шамиль, после падения Ведено, усилил еще тавлинскою пехотою. Очевидно, что прежде, чем думать о переселении горцев, нам надо было разбить Османа. Он жил тогда на хуторе Дольце, в ущелье речки Джиги, верстах в трех от большого аула Назыр, в котором, собственно, и расположены были тавлинцы. И вот, 10-го апреля в 3 часа утра, когда еще было темно, и густой туман окутывал окрестности, граф Ностиц выступил из лагеря с конным отрядом и двинулся прямо к ущелью Джиги. Впереди — три сотни гребенских казаков, за ними чеченская милиция Арцу Чермоева и, наконец, наши четыре эскадрона с тремя конными орудиями. Два первые попутные аула, Айтемир и Гайдархан, пропустили нас беспрепятственно, но жители их стояли на кровлях сакель и были вооружены с головы до ног. «Идите, идите, — говорили они, — но если вы не разобьете Османа, мы вынуждены будет драться вместе с тавлинцами, и тогда никто из вас не вернется назад». От этих аулов до Назыра расстояние было небольшое, и мы пустились карьером. Пикеты, стоявшие перед деревней, были сняты гребенскими казаками так быстро, что ни один из них не успел дать сигнального выстрела. Тавлинцы, погруженные в предрассветный сон, захвачены были врасплох, и те, которые выскакивали из сакель, попадали прямо под шашки драгун или казаков. Аул пылал, зажженный со всех сторон. Женщины с раздирающим воплем метались по улицам, разыскивая детей, а дети, потерявшие своих матерей, сновали под нашими ногами, рискуя ежеминутно быть раздавленными конскими копытами. Ужас и паника царили повсюду. Оставив полковника Кишинского с тремя эскадронами водворить хотя какой-нибудь порядок и собрать безоружных мужчин, женщин и детей, граф Ностиц схватил мой эскадрон и, не теряя ни минуты, пустился на хутор Дольце, опасаясь, что Осман, разбуженный тревогой, уйдет прежде, чем мы доскачем. За нами понеслась сотня гребенцев и сотня Чермоева. Мы лётом достигли хутора, но горцы бежали уже в разные стороны. Пушку, которая стояла у сакли Османа и наведена была на дорогу, горцы собирались увести, но в это время на них налетел мой эскадрон, который изрубил прислугу и захватил орудие; тут же отбиты были и три значка, принадлежавшие партии Османа. Сам Осман ушел, но его жена и дети захвачены были в плен. Дело этим, однако еще не окончилось. Осман успел

остановить чеченцев, к которым скоро примкнули тавлинцы, бежавшие из Назыра, и вся эта толпа бросилась на хутор отбивать обратно орудие и пленных. Я быстро спешил свой эскадрон и, пользуясь срубленными деревьями, открыл из-за них ружейный огонь. Я держался около получаса. Но силы неприятеля все увеличивались и положение мое становились опасным. К счастью, в это время подоспел баталион пехоты, — и отбитое мною орудие осталось в руках эскадрона. Это был русский единорог, взятый при разгроме одного из наших укреплений в Дагестане и находившийся у Шамиля с 1843 года.

Дело это внесено в мой формулярный список, согласно приказу главнокомандующего, следующим образом: «10-го апреля отрядом графа Ностица взяты хутора Назыр и Дольце, а 3-й эскадрон Нижегородского полка, под личною командою князя Амилахвари с боя овладел неприятельским орудием». Таким образом по статуту мне следовал георгиевский крест, но его получил командир полка, как старший, находившийся при эскадроне, а я представлен был к Владимиру, но и этот крест получил только спустя 14 лет, за отличие по службе.

На другой день после разгрома Османа, мы возвратились в лагерь. Была страстная неделя, и мы рассчитывали спокойно провести Пасху, как вдруг в великую субботу на самом рассвете поднялась тревога. Дали знать, что разбитые нами тавлинцы грабят мирные аулы и препятствуют их выселению на плоскость. Несколько чеченских старшин, приехавших ночью с просьбой о помощи, толпились возле палатки отрядного начальника. «Ты разбил грозного Османа, — говорили они графу Ностицу, — так протяни же и нам свою могущественную руку». Положение было крайне затруднительное. В распоряжении Ностица находилась в то время одна кавалерия, с которой пускаться в дремучие леса было рискованно, а между тем отказать старшинам в их просьбе, — значило бы сразу подорвать к нам доверие народа. После короткого раздумья граф Ностиц решил идти с тем, что было у него под рукою. Мы уже сидели на конях, когда неожиданно появился баталион кабардинцев, следовавший к нам из колонны генерала Кемпферта. Но кабардинцы шли всю ночь, сделали 50 верст без отдыха, и были крайне утомлены. «Братцы! — обратился к ним граф Ностиц, — нам нужно идти вперед. Достанет ли у вас сил двигаться?» — «На край света пойдем — грянул дружный ответ,- веди, куда нужно; пойдем припеваючи". Кабардинцы сделали короткий привал, подкрепились пищей, и через час весь наш отряд втянулся уже в дремучий лес, памятный походами гр. Граббе и Воронцова. Неприятельская конница, встретившая нас на поляне, была моментально рассеяна, и кабардинцы заняли все выходы из леса. Только тогда длинными вереницами, на арбах и вьюках, вышли мирные чеченцы из своих трущоб, и вся

толпа их, около двух тысяч семей, двинулась к родным местам, за долго до того покинутых ими по воле Шамиля.

С окончательным утверждением в Черных горах русского владычества, наступило время для движения наших войск в Андию и Аварию, т. е. в последние земли, еще оставшиеся верными своему имаму. Войска готовились двинуться туда из Чечни, Дагестана и с Лезгинской кордонной линии. Ожидали только приезда главнокомандующего. Но нам не пришлось быть свидетелями и участниками последнего эпилога войны на Восточном Кавказе. Все наши эскадроны отправлены были обратно в Чир-Юрт, и там, в стенах своей штаб-квартиры, прочли мы известный своим лаконизмом приказ главнокомандующего: «Шамиль взят, поздравляю Кавказскую армию».

Прошло после того несколько дней, — и Шамиль, повелитель гор, владыка Чечни и Дагестана, явился мирным гостем Чир-Юрта. Он прибыл в сопровождении Северского дивизиона и должен был пробыть у нас три дня, что бы прилично одеться, так как все имущество его было разграблено его же бывшими подвластными.

Все славившиеся портные Дербента, Шуры и Кафир-Кумыка тотчас собраны были в Чир-Юрт, и пока в швальнях кипела работа, граф Ностиц, как любезный хозяин, старался всячески доставлять развлечение своемуименитому гостю. Заметив, что Шамиль любит музыку, он всякий день заставлял играть трубачей, а в промежутках между завтраками, обедами и ужинами, приготовляемыми лучшими туземными поварами, занимал его беседами о том, что ему придется увидеть на севере, показывал ему богатую коллекцию своих фотографических снимков и пояснял их рассказами. Живописные местности Дагестана, Чечни и Закавказья мало интересовали Шамиля, но зато вид европейского города, церкви, какого-нибудь многоэтажного дома, в особенности железной дороги, с их паровозами, вагонами и дебаркадерами, заставляли его серьезно задумываться и внимательно, подолгу рассматривать эти картины. Он точно старался усвоить их, чтобы потом ничему уже не удивляться. Известен ответ его, данный одному любопытному господину, спросившему его при переезде из Москвы в Петербург: «Шамиль, я думаю вас удивляет эта дорога?» — «Настолько же, — ответил он: — насколько она должна удивлять и вас, потому что она в России единственная». Большой любитель светописи, граф Ностиц решил во что бы то ни стало добиться позволения Шамиля снять с него фотографическую карточку. Шамиль сначала отказывался, но потом, желая сделать угодное своему новому кунаку, который угощал его три дня, согласился и вышел в садик, где была лаборатория. С ним были только Кази-Магома и переводчик. Нам всем строго было запрещено присутствовать при этом и показываться на глаза Шамилю. Граф усадил его в кресло, но снимки не

удавались, так как Шамиль сидел беспокойно и тревожно оглядывался по сторонам. Граф долго не мог понять в чем дело, но, обернувшись случайно назад, и сам был смущен не менее Шамиля: за кустами и каменной оградой его мизерного садика стояли драгуны с ружьями на изготовке, — и эта картина, вместе с наведенной на него камер-обскурой, которая в своей медной оправе блестела на солнце, как маленькое орудие, очевидно не могла внушать Шамилю особого доверия. Оказалось потом, что полковой адъютант из предосторожности вызвал из казарм штуцерных и, разместив их за оградой, приказал не высовываться, но быть в готовности, чтобы в случае чего поспеть на помощь к Ностицу, который оставался с глазу на глаз с тремя вооруженными мюридами. Драгуны были все старослуживые; многие из них провели по десятку и более лет на Кавказе, но никогда не видели Шамиля, а теперь представлялся случай такой удобный, что они мало-помалу начали выползать из своей засады, но ружья держали наготове. Граф тотчас удалил непрошенных защитников и извинился перед Шамилем, который, поняв, что вышло какое-то недоразумение, сел смирно, и первый портрет Шамиля, снятый с имама, вышел превосходный. Затем Ностиц ввел его в лабораторию и проявил перед ним пластинку; это очень поразило Шамиля, но он постарался скрыть свое удивление; за то сын его не выдержал и начал в маленькой лаборатории плясать нечто в роде лезгинки, высоко поднимая руки. «Я, — рассказывал потом Ностиц, — пришел в ужас; мне казалось при каждом движении Кази-Магомы, что он длинными рукавами своей черкески, непременно свалит на голову своего отца какую-нибудь азотную или серную кислоту, и что Шамиль, взятый невредимым на высотах Гуниба, будет попорчен в моей лаборатории. В темноте я искал двери, чтобы вытолкнуть Кази-Магому, но, как всегда, бывает, второпях не находил и выломил дверь. Тогда Шамиль, оставшись со мной наедине, взял меня за руку и сказал: «У меня к тебе большая просьба. Сделай такой же портрет моей любимой жены Шуанеты. Я чувствую, что ее задержат родные в Моздоке, и я больше ее не увижу.» — «Семья твоя, — ответил Ностиц, — едет вслед за тобойи, конечно, остановятся в моем доме. Но как же я сниму портрет Шуанеты, когда она будет в чадре, и лица ее я не увижу». — «Это ничего, — ответил Шамиль, — я ей дам письмо». Этот автограф и поныне хранится у графа Ностица.

Портрет Шамиля, снятый в Чир-Юрте, впоследствии был отпечатан на большом листе и украшен виньетками знаменитого Горшельда. На правой стороне портрета изображен двуглавый орел, осеняющий своими крыльями оружие кавказских горцев и их поверженные знамена; на левой — штандарт Нижегородского полка, значки, отбитые драгунами, и пушка, взятая на хуторе Дольце. Лафет пушки поломан и возле него изображена характерная фигура нижегородского драгуна. Внизу портрета вид Гуниба и автограф Имама.

Накануне отъезда Шамиля, наш 2-й дивизион, под моею командой, выступил в Хассав-Юрт, где должен был встретить поезд, и затем сопровождать его до Таш-Кичу. По всей дороге, как нам рассказывали потом, горцы стекались толпами, и при виде кареты, из которой виднелось им знакомое лицо имама, бросались на колени и, поднимая руки, просили его благословения. Было очевидно, что падший имам не утратил своего обаяния и возбуждал к судьбе своей участие всех. Мне было предписано удвоить бдительность, так как холили тревожные слухи, что в Таш-Кичу готовится мятеж, с целью или отбить Шамиля, или лишить его жизни. Самый мотив объяснялся при этом различно: одни говорили, что, среди многочисленной собравшейся туда толпы, скрываются кровники Шамиля; другие ссылались на известный фанатизм жителей, которые хотели видеть своего имама лучше мертвым, нежели в руках неверных. Предписание было секретное, но я не имел привычки делать секретов из того, что должно было бытьизвестным моим подчиненным, а потому, собрав эскадроны, объявил прямо о том, что может нас ожидать. «Будьте спокойны, ваше благородие, отстоим Шамиля и доставим его в целости,» — в голос отвечали драгуны. Я был уверен, что, в случае открытого нападения, двух эскадронов слишком достаточно, чтобы рассеять безумную толпу; но как предохранить Шамиля от какого-нибудь кровника? «Братцы, сказал я драгунам, помните, что ружья у вас заряжены, но Боже сохрани если кто из вас выстрелит без моей команды. Это может нас вовлечь в страшную резню. Что из того, что мы победим, но в общей сумятице не убережем Шамиля? С какими глазами мы тогда возвратимся в полк? Г. г. офицерам и вахмистрам строго следить за порядком».

Раньше мне никогда не доводилось быть в Таш-Кичу, но я слышал, что население этого многолюдного аула исполнено было религиозного фанатизма. Между его мечетями одна считалась священною, и к ней сходились паломники из самых далеких мест мусульманского кавказского мира; даже горцы непокорных нам обществ, рискуя головами, пробирались сюда для поклонения тайком в темные ночи. Одна из школ этого аула пользовалась также особым уважением между правоверными, как рассадник ученых и проповедников. Одним словом, Таш-Кичу для восточного Кавказа был тем же, чем Самарканд для мусульман Средней Азии. По дорогам народу встречалось мало, но за то, подъезжая к аулу, мы увидели улицы, переполненные тысячами вооруженного люда. Драгуны плотно окружили карету. С нашим появлением поднялись вопли и стоны, но настроение толпы видимо было миролюбивое; порядок не нарушался. В это время подошли гребенские казаки, которым я сдал Шамиля, и поезд, окруженный линейцами, тотчас же помчался дальше. Народ устремился вслед за имамом и целовал след, оставленный на земле колесами его экипажа. Это были последние, уже замиравшие звуки грозного некогда мюридизма. Последняя песня его была

спета; всюду возрождался мир, и мы, возвратившись домой, не узнали нашего боевого Чир-Юрта. Злейшие враги наши ауховцы и салатавцы являлись к нам мирными гостями, и там, где по их землям еще недавно ходили оказии с пушками, теперь безопасно мчалась лихая русская тройка, с колокольцами под дугой и с ухарским ямщиком на облучке. В замиренном крае нам нечего было делать, и главнокомандующий решил перенести нашу деятельность на правый фланг, где еще кипела война и даже более упорная, кровавая и беспощадная, чем у нас на левом крыле. В виду этого все четыре драгунские полка были отчислены от своих пехотных дивизий и составили сводную драгунскую дивизию, под начальством старого нашего товарища Ивана Егоровича Тихоцкого.

Приготовления к походу (на Северо-Западный Кавказ. – Сост.) начались еще с осени, а так как мы выступали в составе только шести действующих эскадронов, а все полковые хозяйственные учреждения, запасный эскадрон и инвалидная рота, оставались на месте, то забот и хлопот эскадронным командирам было немало…

В Моздоке мы узнали, что Шуанета, любимая жена Шамиля, которую мы с таким радушием принимали у себя в Чир-Юрте, живет еще здесь у родственников. Это всех нас удивило. Неужели же предчувствие Шамиля, что он больше не увидит своей Шуанеты, сбылось, и родственники задержали ее у себя? Надо сказать, что Шуанета была моздокская армянка, воспитывалась в Ставропольском девичьем институте, и, возвращаясь домой после окончания курса, была захвачена в плен, вместе с сестрою. Это было в 1841 году, во время известного набега Ахверды-Магомы на Моздок. Сестра ее вскоре была выкуплена, но Шуанета полюбила Шамиля, добровольно приняла ислам и сделалась женою имама. Граф Ностиц тотчас отправился навестить ее и узнать в чем дело. Шуанету он застал в слезах. — «Вот уже четвертый месяц, жаловалась она, как мои родные не дают мне покоя; они желают, окрестить меня снова, чтобы навсегда разлучить с моим мужем. Я не могу переносить более этой нравственной пытки. Я мужа моего никогда не оставлю, когда он был в славе и величии, я была верною его женою; теперь же, когда он в несчастии, когда его пленного повезли далеко на север, покинуть его было бы бесчестно. Как в радости, так и в горе я хочу разделить его судьбу».

Граф потребовал к себе ее старшого родственника. «Завтра, сказал он ему категорически, я в 10 часов утра буду с полком на половине пути к следующей станции, и, если Шуанета не обгонит меня к этому времени, я возвращусь в Моздок и прикажу жандармам отвести вас в Тифлис с письмом моим к князю Барятинскому». Эта угроза привела в смятение весь дом, но за то на другой день кибитка, в которой сидела Шуанета, на второй версте уже обогнала полк. Ностиц остановил поезд, и убедившись, что ребенок и вся прислуга ее находится при ней,

пожелал ей доброго пути. Когда кибитка тронулась, он скомандовал полку «смирно», — и Нижегородский полк отдал честь достойной жене своего полувекового врага…

13-го марта полк прибыл, наконец, на место, и эскадроны разошлись по квартирам. Моему дивизиону пришлось расположиться в станице Новорождественской. Здесь нам дали отдохнуть и ровно через месяц, 18-го апреля, потребовали в главный Шапсугский отряд[287], собранный с тем,чтобы проникнуть в землю воинственных шапсугов и там основать опорный пункт, из которого можно бы было двигаться во все стороны враждебного края…

Возвратившись в лагерь, я прежде всего должен был выслушать суровую нотацию от Рудановского. Дело заключалось в том, что моему дивизиону, как я сказал, удалось захватитьнесколько тел, и драгуны привезли с собою в лагерь шапсугские головы. В Чечне и Дагестане эти головы обыкновенно служили доказательством, что стычка была рукопашная и по количеству голов судилось даже о важности самого дела. Выступая на правый фланг, нижегородцы принесли с собою свои обычаи, и теперь привезенные головы поставили по ранжиру перед ставкой начальника отряда. Но к величайшему их удивлению, Рудановский не только не принял голов, а ругательски разругал драгун и, послав за мною, объявил, что так поступать на правом фланге совсем не годиться. Если бы он указал нам на варварство подобного обычая, он был бы прав, и выговор его я считал бы вполне заслуженным; но речь Рудановского окончилась совершенно неожиданным образом. «Извольте, сказал он, доставлять тела в полной сохранности, с головами, так как за каждое из них горцы дают по две пары быков». Подивились мы такой меркантильной расчетливости начальства, но так как в чужой монастырь с своим уставом не ходят, то и мы стали сдавать отбиваемые тела в особый склад, помещавшийся в лагере под охраной казачьих пикетов. О каждой новой паре быков, пригоняемой для мены, пикет обыкновенно извещал отряд трубным звуком, и части, которым принадлежали тела, высылали приемщиков. Мне несколько раз приводилось присутствовать при этих обрядах, совершаемых всегда с мрачною торжественностью. Искомый мертвец бережно завертывался горцами в бурку, как кукла, перетягивался ремнями и взваливался поперек седла на колени к ближайшему родственнику, сидевшему уже на лошади. Затем, не проронив ни слова, горцы удалялись шагом, чинно и спокойно, так как у всех кавказских племен, а у черкесов в особенности, показывать наружу волнующие человека ощущения считалось недостойным мужчины. Что касается до меня лично, то эта меновая торговля мертвецами производила на меня еще более тяжелое впечатление, чем отрубленные головы…

[287] Был предназначен для ведения военных действий в Черкесии в землях племени шапсугов и действовал в 1860-1861 гг.

На Шебше мы заложили новое укрепление Григорьевское, и с этих пор все пройденное нами пространство от Иля до Шебша и предгорий Кавказского хребта, неприятель терял уже безвозвратно. Долина Шебша, в которой мы теперь утвердились, считалась житницей Шапсугии, и, действительно, чтобы выразить богатство этого края, довольно сказать, что вся долина состоит из засеянных полей, покрытых или хлебами, поражавшими своим урожаем, или белым клевером в таком изобилии, какое, по словам людей, бывавших за границей, можно встретить только на лучших полях Бельгии и Шотландии. Население не могло существовать без этой долины и ему оставалось или безусловно предаться на волю победителя, или волей-неволей покинуть эту роскошную полосу земли и удалиться в глубь суровых ущелий, где ему нечем было питаться и кормить стада. Некоторые и пытались поэтому, несмотря ни на что, укрываться на плоскости; но трудно себе представить более бедственное существование, чем то, которое им приходилось испытывать под угрозою вечной опасности быть застигнутыми нашими войсками. Те, которые бежали в горы, лишились своего имущества, но те, которые оставались, рисковали не только имуществом, но и самою жизнью…

Затем мы оставались в Григорьевском до наступления поздней осени, и в этот промежуток времени истреблены были нами все остальные аулы, остававшиеся еще на притоках Шебша, Афипса, Убина и Иля. Теперь оставалась еще одна долина р. Хабль, лежавшая за Ильским укреплением, к стороне Черного моря и доселе нами не тронутая. Населения на ней уже не было, но там были богатые поля, засеянные пшеницей, просом и кукурузою; аулы окружены были фруктовыми садами, а в покинутых саклях замечались следы не только довольства, но даже богатства и прихотей. Кроме огромных запасов хлеба, в соседних рощах хранились целые склады воска, меда и тысячи улей. И вот, туда-то, в начале ноября месяца, в самую суровую осень, я вызван был с своим дивизионом из Григорьевского укрепления и поступил в отряд генерала Карцева. Две недели, без отдыхов и промежутков, длилась наша беспрерывная атака, и все цветущее пространство, начиная от Хабля до небольшой поляны, за которой начинались уже кубанские плавни, предано было огню и истреблению. Во всей стране теперь не оставалось более ни одного жилища…

Текст воспроизведен с нашими сокращениями по изданию: Из записок князя Амилахвари // Кавказский сборник, Том 27. Тифлис: Б.и.Тип. Штаба Кавк. воен. округа, 1908. С. 240-284.

***

ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКИЙ СЛОВАРЬ

Абас, аббаза – персидская и грузинская серебряная монета равная 20 коп. серебром российского чекана.

Адат – обычай, неписаное горское право на Кавказе.

Аджи – см. также хаджи, почетное звание мусульманина, совершившего паломничество в Мекку.

Аманат – заложник, в практике российско-горских отношений мальчик, юноша, выдававшийся горцами в залог царским властям как гарант выполнения мирных обязательств.

Аршин – русская мера длины, равная 0,71 м.

Баранта (барамта) – обычай захвата скота или другого имущества в целях принуждения к возвращению долга, или возмещения убытков.

Бегаул (бегавул) – сельский староста, выборный (или назначаемый), управитель общины.

Бей (бек, бег) – восточный феодальный титул.

Вагенбург — временное укрепление, составленное из повозок воинского обоза.

Вера – обязательство, присяга.

Верста – русская мера равная 500 саженям или 1500 аршинам, в метрической системе 1066,8 метра.

Вор (воры) – нарушитель порядка, мятежник. В официальных документах России XVIII-XIX вв. как правило, – участники антиправительственных выступлений.

Владелец, князь – эла (чеч.), феодал высокого класса, имеющий узденей-дворян, зависимых крестьян и подвластную территорию.

Газават - то же, что джихад (араб.) — священная войн в защиту веры и мусульманского мира.

Единорог — артиллерийское орудие типа гаубицы уменьшенной длины и веса,широко применявшееся в Кавказской войне.

Емчек (эмчек) – на Северном Кавказе молочный брат (с тюркского языка).

Имам (араб.) – предводитель в коллективной молитве. В некоторых исламских странах религиозный и государственный руководитель – например имам Шамиль.

Имамат — институт верховного руководства мусульманской религиозной общины, в которой сливается светская и духовная власть. Объединенное государство горцев Чечни и Дагестана во главе с Шамилем.

Кабак – постоянное селение (на Северном Кавказе).

Кадий (араб. кади) – судья. Духовное лицо у мусульман, разбирающее гражданские и уголовные дела и выносящее решения на основе шариата.

Каюк – речная одно-двухвесельная лодка (на Тереке).
Конак/кунак – друг, побратим.
Конец – отрез сукна.
Кошма – войлочное изделие-половик, либо для покрытия чего-либо.
Кутан – стоянка пастухов на зимнем пастбище, временное поселение.
Линия – на Северном Кавказе в XVIII- XIX вв. – единая система крепостей, форпостов, редутов и станиц вдоль российских границ с горцами между Каспием и Черным морем (Кавказская линия, Моздокская линия, Сунженская линия, и т.д.)
Мерка (горская) – гирда (чеч.), мера сыпучих тел около 12 л.
Мудир (араб.) — управляющий, глава провинции, губернатор. При Шамиле высший чин, стоящий над наибами области, провинции.
Мурза (мирза) – восточный феодальный титул. Звание члена владетельной семьи (на Кавказе, в Крыму, у ногайцев).
Муртазикат/муртазек (араб.) — в армии Шамиля составляли своеобразную гвардию. Выделялись по одному человеку от восьми-десяти дворов, которые обеспечивали его самого и семью.
Наиб (араб.) — в Имамате Шамиля управляющий горским обществом, районом, военным соединением; в Южном Дагестане староста сельской общины.
Орда – крупное подразделение тюркских кочевых народов, большое собрание воинских людей.
Паша – почетный высокий титул гражданских и военных сановников в Турции.
Помета — запись решения начальствующего лица по докладу, донесению или рапорту.
Редут – чаще земляное, круговое (сомкнутое) квадратное или многоугольное военное укрепление с рвом.
Сакля – каменное или турлучное строение на одну семью, как правило с плоской крышей и земляным полом.
Салтан (султан) – восточный феодальный титул (на Кавказе и в Крыму). В Турции и ряде стран того времени – глава государства.
Сажень – старая русская мера длины, равная трём аршинам 2,13 м.
Тавлинцы — от *may* (гора), горцы. Как правило в XIX в. тавлинцами называли аварцев Нагорного Дагестана.
Толмач – переводчик.
Турлук – плетень из гибких ветвей, обмазанный глиной.
Улус – феодальное владение (подразделение) у кочевых народов.
Уздень (чеч. оьзда) вассал владетельного князя – дворянин; б) благородный; в) лично свободный крестьянин.

Форт –долговременное оборонительное сооружение полевого или закрытого крепостного типа.
Форпост – небольщое военное укрепление, выдвинутое вперед от основной крепости или оборонительной линии.
Холоп – раб, крепостной (на Кавказе).
Чадра — верхняя одежда мусульманок, состоящая из легкого покрывала, которое закрывает также голову и лицо.
Четверть – мера веса сыпучих тел (ок. 209,91 л.).
Шамхал (шовхал) – глава Тарковского феодального владения в Дагестане.
Шариат (араб.) — совокупность религиозных и юридических норм фиксированного мусульманского права
Шейх – почетное звание представителей высшего слоя мусульманского духовенства, глава суфийской общины.
Штуцер – в период Кавказской войны дульнозарядное нарезное ружье в русской армии.
Юрт – феодальное владение, селение (на Кавказе).
Ясак (есак) – дань, подать, плата, налог.
Ясырь (йовсар/йисар) – пленный, невольник, добыча.

КАРТА

(Фрагмент иллюстративной карты Кавказского края 1870 г. с местоположением Чечни и горских народов в 1800-1859 гг.)

Подписано в печать: _____г.
Выход в свет _____г. Формат 70х108 1/16.
Усл. печ. л. 61.08. Офсетная бумага. Тираж ___ экз.
Размножено в Типографии «СПЕКТР»,
ЧР, г. Грозный, ул. Грибоедова, 110
Тел.: 8 (938) 910-48-09, e-mail: spectrum095@mail.ru
Inst.: spectrum095